

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2022. 17(1)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ (г. СЫКТЫВКАР, РОССИЯ)
гл. редактор – д-р ист. наук

С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. СУМЫ, УКРАИНА)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

А. Ю. ПЕРЕТЯТКО (г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
РОССИЯ)

Т. А. МАГСУМОВ (г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ,
РОССИЯ) канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Редакционный совет:

Д. ДАРОВЕЦ (г. ВЕНЕЦИЯ, ИТАЛИЯ)

П. ДЖОЗЕФСОН (г. ВОТЕРВИЛЬ, США)

Е. Ф. КРИНКО (г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОССИЯ)

Р. МАРВИК (г. НЬЮКАСЛ, АВСТРАЛИЯ)

Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. ТБИЛИСИ, ГРУЗИЯ)

Б. Н. МИРОНОВ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

Дж. САНБОРН (ПЕНСИЛЬВАНИЯ, США)

В. САНДЕРЛЭНД (г. ЦИНЦИННАТИ, США)

С. Г. СУЛЯК (г. ТИРАСПОЛЬ, МОЛДАВИЯ)

Г. ЧЖАН (г. ЧАНЧУНЬ, КИТАЙ)

Ф. Б. ШЕНК (г. БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ)

М. ШМИГЕЛЬ (г. БАНСКА БЫСТРИЦА, СЛОВАКИЯ)

Учредитель и издатель – Cherkas Global University, США

Адрес для писем:

1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Подписано в печать 01.03.2022 г.

Заказ № 69.

Тел.: +1 202 8437792 (США)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2022. 17(1)
HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

I. L. ZHEREBTSOV (SYKTYVKAR, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE) Deputy
Editor in Chief – Dr. (History)

A. Yu. PERETYATKO (ROSTOV-ON-DON,
RUSSIA) PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA) PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Publisher – Cherkas Global University, USA

Postal Address:

1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Approved for printing 1.03.2022

Order № 69.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo «The views of the Russian Empire»

CONTENTS

ARTICLES

Expenses of Local Institutions of Prikamye in the 17th century A.A. Kosmovskaya	6
The Development of the Medical Police System in the 18th – the first half of the 19th centuries A. Bakulina, I. Bakulin, T. Krishtaleva	17
Border Battle: Fighting on the Ukrainian-Moscow Border in 1660–1661 S.I. Degtyarev, E.M. Osadchij, J. Gut	25
Historical and Geographical Information about the Exploration of the Caspian Sea in Cartographic Materials B.B. Baishov, G.K. Zhapekova, N.Çetin, G.S. Abdrakhmanova	37
The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries O.A. Plotskaya, G.F. Ruchkina, D.G. Alekseeva, V.V. Naumkina	49
The Role of the Kazakhs in the History of the Siberian Khanate: Russian Pre-Revolutionary Historiography Y.A. Abil, A. Kuzembayuly, Z.Ye. Kabuldinov	57
History of the Formation and Development of Epidemiology in the Russian Empire A.E. Lebid, A.V. Honcharenko	67
On the Issue of Land Ownership among Kazakhs Nomads in the 18th – first half of the 19th centuries and its Reflection in the Legislation of the Russian Empire S.Z. Razdykov, B.N. Abdrakhmanov, A.E. Karimova, G.E. Otepova	82
“To Judge by the Letter of the Law”: Cases Filed to Peasant Crown Courts in the Central Urals, 1780s-90s A. Plate	93
On the Problem of Periodization of the end of the Middle Ages – Modern Times in the North Caucasus S.L. Dudarev	100
Parliamentary Activity and Political Views of the British Minister of War S. Herbert during the Crimean War M.V. Mikhailov, E.K. Sklyarova, R.M. Akhmedov, F.M. Mustafayev	117
Travels of Alexander the First in Russia as a Way of Representing the Imperial Power I.V. Maslova	126
Methods of Missionary Activity of Orthodox Preachers among Kazakhs in the XIX century Z.T. Sadvokassova, Z.Ye. Kabuldinov, A.S. Margulan, R.E. Orazov	135
Pre-Revolutionary Historiography of the System of Public Education of Kazakh in the 19th – beginning of the 20th centuries O.Kh. Mukhatova, Z.Y. Kabuldinov, A.T. Kaipbayeva, M.M. Kozybayeva	145
Russia and Jigetiya: on the Issue of Relations in 1829–1837 K.V. Taran, A.A. Korolev, S.D. Ludwig, N.M. Pestereva	157
On the Issue of the Specifics of Cossack Education in the Russian Empire (on the Example of the Don Army) V.A. Ageeva, M.E. Kolesnikova, A.Y. Nechushkin, E.L. Shchukina	168

The Imperial Odessa Archaeological Society and its role in the Development of Scythian Archaeology Yu.G. Kokorina, M.M. Vagabov, O.E. Chekhovskaya	180
To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2 O.V. Natolochnaya, R.M. Allalyev, A.V. Dyuzhov, S.V. Petrova	189
To the Question of History of the Opera Art in the Russian Empire in the XIX century O.V. Babenko, P.V. Nikitin	199
The Theme of Military Propaganda during the First World War on the Pages of the “Propaganda in the World and Local Conflicts” Journal B.A. Bulgarova, V.V. Barabash, N.V. Poplavskaya, M.Y. Lavrentyeva	209
The Infant Mortality in the Russian Empire (1850–1910): A Historical and Statistical Study A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, L.G. Zimovets, L.A. Koroleva	215
A Little-Known Plan of the City of Turkestan in 1854 from the Archive of the Russian Geographical Society A.Sh. Bimendiev, M.B. Kozha, K.Z. Uskenbay	225
B.P. Mansurov's Second Report and the Beginning of the Construction of Russian Palestine Yu.E. Kondakov, D.S. Fedotev	237
Initiatives of the Professional Physicians’ Community in the Development of Higher Medical Education for Women in Russia in the second half of the XIX century E.L. Panova, M.A. Ponomareva	248
The Social and Historical Role of the Palatial Estates and hotels of the Southern Coast of Crimea in Formation of Experience Economy in the South of Russia (XIX – early XX c.) S.P. Shendrikova, E.A. Polishchuk, I.G. Pavlenko, A.A. Yudina	258
Abuses in Mutual Credit Societies in the Context of the Law Enforcement Practice of Pre-Revolutionary Russia O.G. Alekseev, I.Y. Makarchuk, V.Y. Panchenko, M.A. Petrov	267
Social Policy of the Zemstvos of the Central Provinces of Russia for the Charity of Children in the second half of the XIX – early XX centuries E.N. Selyutina, O.V. Leonova, P.A. Merkulov	277
Traditional Hunting of Kazakhs in the Works of Russian Researchers (19th – early 20th centuries) G.I. Ishkalova, A.B. Kalysk	287
The Great Pilgrimage of Muslims of the Turkestan Region: the Attitude Tsarist Administration to Religion K.A. Rakhymzhan, S.I. Akhmetov, L.S. Dinasheva, G.S. Abdrakhmanova	298
The First Project of Creating Cities on the Territory of the Don Host (1867–1871) A.Yu. Peretyatko	309
Description of the Estates of the Kharkov Province as a Manifestation of the Modernization Process (end of the 19th – beginning of the 20th centuries) M.S. Lysenko	320
Features of Rational Nature Management in Agriculture of Large Estates in the Tambov Province at the end of the XIX century R.M. Zhitin, A.G. Topilsky, M.A. Oblitsov	330
Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism B.S. Tokmurzayev, M.K. Churkin, S.N. Apasheva	338

The Network Organization of the Russian Revolutionary Movement in the second half of the 19 th – early 20 th centuries R.V. Parma	349
State Policy Towards Ethno-Confessional Minorities during the Reign of Alexander III and Nicholas II: Background and Systemic Limitations V.V. Titov	359
Structure and Activities of the Second Department of the Senate as the Highest Judicial Institution in Peasant Affairs L.N. Shchankina, I.A. Fedorova	368
Content of Secondary Education in the Russian Empire in the second half of the 19 th century (the Example of Ust-Medveditsky Women's Secondary School of the Don Cossack Host) A.A. Solovyev, A.V. Zakharov, N.L. Vinogradova, L.S. Solovyeva	378
The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2 A.M. Mamadaliev, V.V. Bogdan, N.V. Svechnikova, N.V. Miku	386
«Where Are You From? »: Staffing of the Public Service in the Irkutsk and Yenisei Provinces from XIX to early XX centuries T.G. Karchaeva, M.D. Severyanov, A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina	403
Russians in the North Caucasus in the 19 th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes A.M. Erokhin, E.A. Avdeev, S.M. Vorobev	412
The Image of the Siberian Territories of the Russian Empire in Regional Periodicals at the turn of the 19 th –20 th Centuries N.P. Koptseva, K.A. Degtyarenko, D.S. Pchelkina	422
The Role of Japanese Financial Groups (Zaibatsu) in Russo-Japanese War 1904–1905 A.V. Popova, A.I. Alekseev, S.S. Gorokhova, M.G. Abramova	432
Wooden Shipbuilding of the Votkinsk Plant at the beginning of the 20 th century N.W. Mitiukov	440
The Modernization of Russian Statehood: National Outskirts in the Modernization Model of Russia at the beginning of the 20 th century (on the Example of Kalmykia) K.N. Maximov	454
The Journal “Sotrudnik Zakavkazskoi missii” as a Historical and Philological Source G. Rajović, I.V. Tyurin, L.G. Berezovskaya, L.A. Posokhova	463
"Persian Arabesques" by I.J. Korostovetz about the Anglo-Russian Confrontation in Persia, 1913–1917 N.K. Ter-Oganov	472
To the Issue of the Sukhumi Diocese's Activities of the Russian Orthodox Church during the First World War T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	494
The Daily Routine of Prisoners of War of the World War I in the Conditions of Asian Russia E.B. Sydykov, D.R. Aitmagambetov, Al'bina S. Zhanbosinova, E.E. Sailaubay	504
To the Issue of the State of the Petrozavodsk Women's Teacher's Seminary in 1915–1917 I.A. Ermachkov, A.A. Baibarin, E.K. Mineeva, L.L. Balanyuk	515
People's Representation of the Oryol Province in Parliamentary Structures of the early XX century A.P. Chervinskaya, O.V. Leonova, A.V. Isaev, A.V. Merkulov	524

Literacy of the Rural Population of the Altai District in the Pre-Revolutionary Period
(based on the materials of the All-Russian Agricultural Census of 1917)

V.N. Razgon, D.N. Belyanin, A.V. Razgon 523

In Memory of Vladimir Gavrilovich Ivantsov (1947–2022)

V.S. Molchanova 547

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 6-16
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.6

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Expenses of Local Institutions of Prikamye in the 17th century

Anna A. Kosmovskaya ^{a, *}

^a Perm State Institute of Culture, Russian Federation

Abstract

The tax policy of the Russian state in the 17th century has repeatedly attracted the attention of researchers. The main categories of receipts to the state treasury, tax reforms, emergency fees (mainly on the basis of all-Russian material) have been studied. The expenditures of local institutions of the Kama region are first investigated on the materials of the Cherdyn and Solikamsk districts in this article. The author, on the basis of the available data, examines what needs were met by the money entering the provincial huts. Funds were usually sent to central offices with several messengers throughout the year. In the estimated and counting lists, the amounts and types of taxes that were in the parcel were recorded. A separate accounting of expenses for all sorts of local needs was kept. Part of the funds were spent locally for the needs of the office (usually no more than 1-2%) and other local tasks: the construction of taverns, buildings, assistance in organizing the salt industry (here the amounts could be larger, the provision of the Zyryansk salt enterprises in certain periods amounted to several thousand annually). The main sums went to the central orders and were already spent there for specific needs (streltsy money). At the same time, the bulk of the funds received on the territory of the Cherdyn and Solikamsk districts in the form of taxes and fees were still sent to central institutions. The expenses of local institutions (clerk's salary, candles, firewood, office expenses) were carried out from unreported fees.

Keywords: local institutions, Prikamye, 17th century, tax revenues, expenses, financial documentation.

1. Введение

Финансовая система является основополагающим элементом любого государства. Налоговые инструменты позволяют государству регулировать финансово-экономические процессы распределения денежных потоков. Проблема расходования собранных налогов – одна из актуальных повесток в современном мире. В XVII в. те средства, которые собирались с жителей Прикамья, имели разное предназначение. Изучение расходной части приказных изб позволяет по-новому посмотреть на эффективность работы местных органов власти. Финансы местных учреждений можно рассматривать не только с позиции недоимочности по налогам и сборам (если она существенная, то местная власть не справляется с поставленными перед ней задачами), но и с точки зрения самоокупаемости. Потраченные деньги на обеспечение работы местного органа власти можно сопоставлять с объемами собранных средств. Как представляется автору, данный подход может пролить свет на текущую работу приказных (съезжих) изб, охарактеризовать эффективность

* Corresponding author

E-mail addresses: akosmovskaya@list.ru (A.A. Kosmovskaya)

финансовой политики Российского государства в Прикамье, дать более подробное представление о функционировании местных органов власти.

2. Материалы и методы

Для характеристики расходов местных канцелярий использовались в основном несколько видов материалов:

- сметные списки (общая смета местных доходов воеводских изб);
- счетные списки воевод (составлялись при передаче полномочий одного воеводы другому, заступавшему на службу, данные в них представлены примерно за 2 года);
- приходные книги канцелярий, росписи.

Все эти материалы сосредоточены в фонде 137 Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). Автором были осуществлены сплошной просмотр и выписки из всех имеющих отношение к теме исследования материалов. Отдельные приходные книги Новгородского приказа, которые также имеются в распоряжении автора статьи, не информативны при характеристике расходной части. К сожалению, на основе полученных данных пока невозможна характеристика расходов третьей воеводской канцелярии в составе Прикамья – Кунгурской (помимо Чердынской и Соликамской). По Кунгуру определенную степень сохранности имеют только приходные книги, в основном конца XVII в. В рамках заданной темы обращаться к этому источнику смысла не имело.

Методологию составили общие и специальные методы исторического исследования (сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, типологический, аналитический). С документацией Чердынской и Соликамской воеводских изб осуществлялась следующая работа: все имеющиеся финансовые данные (в основном это вторая половина XVII в.) были учтены, произведена реконструкция окладов. С помощью формулярного анализа сравнивались документы по дате и месту происхождения (приказная изба), был составлен формуляр финансового документа, выделены основные части. Дополнительно автор обращался к приходным книгам, которые находились в Новгородском приказе, для сравнения указанных в сметных и счетных списках финансовых поступлений. Последнее было необходимо для верификации имеющихся данных, поскольку приходные книги являются одним из самых корректных источников ([Данилевский и др., 2015: 191](#)).

Необходимо учитывать при работе с финансовой отчетностью XVII в. следующий аспект: наличие недоимки в каком-либо сметном или счетном списке обязательно свидетельствует о неспособности местной администрации собрать налог или неплатежеспособности населения. Предварительный анализ имеющихся данных позволяет делать вывод о собираемости налогов. В большинстве случаев недоимка активно собирается в последующие годы и сходит на нет. В идеале, конечно, хотелось бы иметь подробную отчетность за все годы работы воеводских канцелярий XVII в., но сохранность источников не абсолютна. Поэтому выводы будут делаться на основе имеющихся в распоряжении автора данных.

3. Обсуждение

Финансовые реформы и формирование бюджета Российского государства исследовались П.Н. Милюковым ([Милюков, 1905](#)), С.М. Троицким ([Троицкий, 1966](#)) и другими авторами ([Козлов, Дмитриева, 1999](#)). Региональный аспект экономического развития Прикамья изучался в работах советских ученых ([Преображенский, 1972](#)). Налоговые проблемы XVII в. становились предметом исследования в ряде общих ([Марискин, 2008](#)) и специальных работ. В монографии, посвященной налоговой политике Российского государства, представлена детальная картина налоговых реформ в XVI–XVIII вв. ([Дмитриева, Козлов, 2020](#)). Финансовая политика воеводских администраций в Прикамье исследуется А.А. Космовской ([Космовская, 2019](#)). Сотрудникам приказных изб (подьячим) платилось жалованье из текущих денежных поступлений. Проблеме воеводского управления посвящен ряд работ ([Енин, 2000](#)), но вопрос расходования собранных средств на местах в XVII в. не столько подробно исследован в историографии. Применительно к Прикамью очевидно, что деньги отправлялись в ряд центральных приказов (Новгородская четверть, приказ Большой казны). Но сколько средств использовалось на содержание административного аппарата и прочие местные нужды, относительно общего числа собранных налогов, специальной проблемой исследования не становилось.

4. Результаты

Понятие «расходы воеводских изб» применительно к XVII в. следует уточнить. Работа уездных учреждений была далека от современных институтов, основной смысл существования местных органов власти был в сборе налогов и отправке их в центральные приказы. Доходная часть воеводских канцелярий также упомянута, поскольку учреждение не могло отправить в приказы и потратить на месте больше средств, чем получило. Но это опять же не касалось тех случаев, когда средства поступали в течение следующего «налогового периода», если несколько модернизировать терминологию.

В XVII в. четкую границу между налогами и сборами провести не всегда возможно. Если остановиться на основных отличиях налогов и сборов, то они обычно следующие: налог как платеж выражается в денежном эквиваленте, а сбор может осуществляться не только деньгами. Налоги собираются с определенной периодичностью, а сбор, как правило, является единоразовым обязательством. Налог может быть нефиксированным, в отличие от сбора. Но реалии XVII в. отличались от современных. Чрезвычайные сборы были неоднократными, а помимо фиксированных налогов в денежном эквиваленте, существовал ясак, который собирался «мяжкой рухлядью». Довольно типичным явлением, особенно для первой половины XVII в., были оброки и «с оброков пошрины» (денежный эквивалент). Оброк как рента за полученный в пользование ресурс (к примеру, река для рыбной ловли) и «новая наддача» тоже были распространенным явлением в Прикамье. Параллельно существовали и нефиксированные неокладные сборы (пошрины с судебных дел и т.п.), чрезвычайные сборы. Для оценки объемов поступлений денежных средств в приказную избу автором были объединены все суммы по окладным и неокладным поступлениям, указанным в документации. Формуляр, которому в основном соответствуют сметные списки последней четверти XVII в., можно кратко представить следующим образом: традиционная формула «по указу царя...», далее перечислены остаток средств на текущую дату и недоимка, обозначен приход по всем видам сборов (окладные в начале документа, неокладные в конце), следом идут данные о посылках в центральные учреждения и расходы местной приказной избы. Остаток в данном контексте – это то, что приказная изба не успела отдать к отправке в Москву. Прибылью этот показатель, конечно, считаться не может. Эти деньги отправятся потом или будут частично израсходованы на месте, но всегда строго учтены. Иногда остаток составлял несколько тысяч, а иногда – несколько десятков рублей.

Наиболее удобным способом анализа представляется расположение данных о доходах и расходах в хронологическом порядке. Документация приказных изб позволяет извлечь неполные данные за имеющиеся периоды. Но главное – в большинстве документов все расходы расписаны детально, что дает возможность их охарактеризовать. Объемы статьи не позволяют подробно расписывать окладные и неокладные сборы, чрезвычайные поступления, оброк и ясак. Последний вообще был выключен из анализа расходов – ясак отправлялся в центральные учреждения, недобор соболя увеличивается ближе к концу XVII в. Автор также не имеет возможности специально останавливаться на недоимке. Детальные данные имеются и будут опубликованы в дальнейшем.

Сначала рассмотрим данные по соликамской избе, а потом по чердынской.

Таблица 1. Приход и расход в Соликамском уезде

Год / Документ	Приход	Расход
1614/15 г. Приходная книга	Запланировано 2 257 руб. 21 алтын 0,5 деньга.	Не указан.
1619/20 г. Приходная книга	2 903 руб. 12 алтын 5 денег.	Не указан.
1620/21 г. Приходная книга	3 030 руб. 14 алтын 2,5 деньга.	Не указан.
1627/28 г. Сметный список	3 064 руб. 17 алтын 1,5 деньга.	2 567 руб. 11 алтын 1 деньга.
1628/29 г. Окладная роспись	346 руб. 14 алтын.	Не указан.
1633/34 г. Сметный список	6 456 руб. 20 алтын 3,5 деньга.	278 руб. 15 алтын 5 денег.
1644/45 г. Сметный список	2 823 руб. 15 алтын 4 деньга.	1 495 руб. 11 алтын 4 деньга. Остаток 153 руб. 21 алтын 4 деньга.
1679/80 г. Счетный список. На 1676/77 г. (неполный)	7 683 руб. 25 алтын.	7 598 руб. 3 алтына.
1677/78 г. Он же (полный)	2 876 руб. 16 алтын 0,5 деньга.	2 812 руб. 3 алтына 4,5 деньга.
1678/79 г. Он же (полный)	2 811 руб. 8 алтын 4 деньга.	2 808 руб. 10 алтын с 0,5 деньга.
20 ноября 1676 – 8 декабря 1678 г. Он же (неполный)	13 394 руб. 27 алтын 1,5 деньга.	13 288 руб. 15 алтын 1 деньга.
1678/79 г. Сметный список	10 630 руб. 31 алтын 5 денег.	Расход 7 452 руб. 9 алтын 1,5 деньга. Остаток 11 524 руб. 24 алтына 0,5 деньга.

1679/80 г. Пометной список	12 022 руб. 28 алтын 1 деньга.	Планируется расход 78 руб. 14 алтын 1 деньга. Остаток 23 469 руб. 4 алтына 4,5 деньга.
1680/81 г. Сметный список	22 299 руб. 21 алтын 3 деньга.	17 593 руб. 15 алтын 1,5 деньга. Остаток 4 706 руб. 6 алтын 1,5 деньга.
1681/82 г. Пометной список	Запланировано 8 987 руб. 30 алтын 3 деньга.	Планируется расход 107 руб. 21 алтын 5 денег.
8 декабря 1679 г. – 1 сентября 1680 г. Счетный список	С остатком в приходе 24 387 руб. 3 алтына 0,5 деньга.	10 676 руб. 22 алтына 1,5 деньга.
1680/81 г. Он же (полный)	11 478 руб. 3 алтына 3 деньга.	21 910 руб. 4 алтына 0,5 деньга.
8 декабря 1679 г. – 24 января 1682 г. Счетный список	38 528 руб. 3 алтына 3 деньга.	36 216 руб. 11 алтын 3 деньга. Остаток 2 311 руб. 25 алтын 2 деньга.
1682/83 г. Сметный список	14 491 руб. 29 алтын 2,5 деньга.	Расход 6 788 руб. 18 алтын 1,5 деньга. Остаток 11 954 руб. 13 алтын 0,5 деньга.
1683/84 г. Пометной список	14 532 руб. 12 алтын 4 деньга.	Планируется расход 194 руб. 30 алтын 2,5 деньга.
1683/84 г. Сметный список	16 416 руб. 10 алтын 4 деньга.	
1684/85 г. Пометной список	16 501 руб. 33 алтына 0,5 деньга.	
1684/85 г. Сметный список	599 руб. 27 алтын.	514 рублей 26 алтын 4 деньга.
1685/86 г. Пометной список	582 руб. 18 алтын 1 деньга.	Планируется расход 66 руб. 13 алтын.
25 января 1684 г. – 16 февраля 1686 г. Счетный список	35 953 руб. 13 алтын 5 денег.	34 322 руб. 14 алтын 3 деньга. Остаток 1 630 руб. 32 алтына 4 деньга.
1683/84 г. Он же (неполный)	18 232 руб. 25 алтын 0,5 деньга.	С 25 января 1683/84 г. расход 10 190 руб. 24 алтына 3,5 деньга.
1684/85 г. Он же (полный)	16 069 руб. 15 алтын 1 деньга.	19 078 руб. 22 алтына 3 деньга.
С 17 января 1688 г. – 15 января 1690 г. Счетный список	6 769 руб. 13 алтын 4 деньга.	6 418 рублей 2 алтына 4 деньга.
1688/89 г. Он же (неполный)	2 942 руб. 21 алтын 5,5 деньга.	2 995 рублей 17 алтын 4 деньга.
21 февраля 1695 г. по 16 февраля 1697 г. Счетный список	9 150 руб. 5 алтын 5,5 деньга.	8 726 руб. 32 алтына 5 денег.

Примечание: [Таблицы 1 и 2](#) составлены по материалам фонда 137 РГАДА и опубликованным документам, номера дел приведены в библиографическом списке.

По периоду конца 1610-х и начала 1620-х гг. у автора имеются приходные книги Новгородского приказа, но данные о расходах приказных (съезжие избы) в них не зафиксированы. В сметном списке Соликамска 1627/28 г. расходы уже можно проследить. На таможенные мелкие расходы потратили 31 руб. 30 алтын 5 денег, на кабацкие – 52 руб. 19 алтын 4 деньга. Оклад подьячему, «которой сидит у судных дел», на 1627/28 г. составил 7 руб.; на бумагу, свечи и прочие мелкие расходы приказной избы вышло 2 руб. 30 алтын 4 деньга (РГАДА. Ф. 137. Новгород. Д. 16. Ч. 2. Л. 342об.-343).

В 1628/29 г. в канцелярии часть таможенных денег (63 руб. 12 алтын 2 деньга) была потрачена на покупку 3 301 белки (РГАДА. Ф. 137. Новгород. Д. 18. Ч. 2. Л. 995). После всех расходов в приказной избе осталось 2 605 руб. 32 алтына 1 деньга. Собранные средства были посланы в Новгородский приказ в 1629/30 г. Вообще основная часть денег отправляется в несколько этапов в центральные учреждения (сначала это Новгородский приказ, а с 1680 г. появляется и приказ Большой казны для таможенных и кабацких сборов).

В 1644/45 г. в Соликамском уезде были взяты окладные и неокладные сборы с доимкой на сумму 1 845 руб. 27 алтын 1,5 деньга. В расходных статьях появляются новые реалии: «на государево рудное дело на расход Юрию Телепневу дано 500 руб.». Приказная изба функционировала за счет неокладных доходов. На бумагу, свечи и жалование, а также священнослужителям за господские праздники выдавались неокладные деньга. В документации фигурирует финансирование «по 2 деньга на день» опальной бабки Манки Козлихи, которая была сослана в Соликамск после расследования дел о колдовстве. Всего в приказной избе потратили 23 руб. 3 алтына 2 деньга на всякие мелкие нужды (РГАДА. Ф. 137. Новгород. Д. 31. Л. 758-826).

Счетные списки воевод требуют особого подхода, когда дело касается финансовой отчетности. Автору представляется логичным разделять доходы и расходы по конкретным годам, иначе сложно проследить пополнение казны и определиться с суммами налогов и сборов. Счетные списки составлялись воеводами не за отдельный налоговый период – с 1 сентября по 1 сентября каждого года (как сметные), а на время управления городом и уездом (обычно с момента приезда воеводы и вступления в дела до его отбытия из Прикамья).

Всего за неполный 1676/77 г. вместе с прошлым остатком в приходе отмечено 7 683 руб. 25 алтын. В приказной избе израсходовали до 1 сентября 1677 г. 7 598 руб. 3 алтына. В 1677/78 г. на местные мелкие расходы приказной избы вышло 25 руб. 32 алтына 2 деньга традиционно из неокладных доходов. Таможенный и кабацкий сборы исключаются из счетного списка, но в конечных данных они фигурируют (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 26. Л. 36).

Довольно типичной является ситуация, когда деньга собираются после передачи дел или составления сметного списка. В таком случае они могли быть записаны в доимку на следующий год, которая оперативно восполнялась, или, что тоже могло быть, их собирали немного заранее и засчитывали в текущем году (такое случалось с неокладными сборами). Эти средства включались в остаток в приказной избе и обычно вписывались в самом начале сметных списков.

В приказной избе по сметному списку 1678/79 г. планировалось собрать окладных сборов 14 644 руб. 2 алтына 4,5 деньга, но поступило 11 864 руб. 11 алтын 0,5 деньга. Было недобрано по сравнению с прошлым годом 2 779 руб. 25 алтын (выбыла из оклада часть таможенных пошлин и кабацких питейных прибылей). В окладе прибавилось 44 руб. 32 алтына 0,5 деньга.

Следует отметить, что выбытие из оклада нельзя считать недоимкой. Это может ввести в заблуждение, но суммы оклада по кабацким и таможенным сборам в этот период менялись. В одном году могло быть собрано до нескольких тысяч сверх оклада, а в другом – сопоставимые суммы не добирались. Это фиксировалось в сметном списке, а на следующий год оклад корректировался, исходя из собранной в предыдущий год суммы (такая закономерность зафиксирована для кабацких, таможенных и неокладных сборов).

Теперь имеет смысл упомянуть о новых статьях расходов на местах (помимо жалования подьячим, денег на текущие нужды приказной избы – свечи, бумагу, дрова). Крупные суммы отправляются к Зырянскому соляному промыслу для обеспечения работы солеварен. Было выдано «промышленному гостю Микифору Веневитову соликамской таможенного пошлинного збору 956 руб. 27 алтын, кабацкие питейные прибыли 468 руб. 6 алтын 2 деньга, да нынешняго 1678/79 г. таможенного пошлинного збору 450 руб., кабацкие питейные прибыли 600 руб.» (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 2. Л. 220б.-34).

Недобранные в 1678/79 г. таможенные и кабацкие окладные сборы не указаны в доимке (на следующий год в пометном списке был уменьшен оклад). Запланированный расход приказной избы на месте составлял 78 руб. 14 алтын 1 деньга. С учетом расхода канцелярия рассчитывала получить в 1679/80 г. 23 469 руб. 4 алтына 4,5 деньга.

Согласно сметному списку 1680/81 г., в остатке от 1679/80 г. числилось 13 723 руб. 1 алтын 1 деньга. Деньга снова расходовались на Зырянские промыслы – 100 руб., на жалование подьячим потратили из неокладных доходов 28 руб., а в приказной избе – 21 руб. 7 алтын 2 деньга. Всего было отправлено в Москву и потрачено на месте 17 593 руб. 15 алтын 1,5 деньга, а осталось 4 706 руб. 6 алтын 1,5 деньга.

Пометной список к 1681/82 г. был составлен уже с учетом убыли, там отмечен тот же остаток, что и в смете 1680/81 г. – 4 706 руб. 6 алтын 1,5 деньга. Всего по окладу предполагалось взять 8 787 руб. 24 алтына 2 деньга, вместе с неокладными 8 987 руб. 30 алтынами 3 деньгами, а потратить на месте – 107 руб. 21 алтын 5 денег (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 3. Л. 46).

Для полноты картины можно обратиться к опубликованным материалам. Счетный список Соликамска 1681/82 г. позволяет проследить расход за несколько лет. Традиционные расходы дополняются и новыми («дано из неокладных же доходов колоднику Ивашку Щербинину от Соли Камской на корм и на платье 20 алтын»). Всего в 1680/81 г. соликамских денежных доходов в приходе числилось 11 478 руб. 3 алтына 3 деньга, а в расходе 21 910 руб. 4 алтына 0,5 деньга. С 8 декабря 1679 г. по 24 января 1682 г. воевода Семен Кондырев вместе с остатком прошлого года зафиксировал в приходе 38 528 руб. 3 алтына 3 деньга, потратил 36 216 руб. 11 алтын 3 деньга, а отдал преемнику (Федору Барятинскому) – 2 311 руб. 25 алтын 2 деньга (ДАИ, 1875: 191-199).

По сметному списку Соликамска 1682/83 г. убыль оклада сменилась прибылью. Деньги тратились на строение кабацкой избы, жалование местным работникам, традиционно на разные мелочи в приказной избе и отправлялись в Москву (всего 6 788 руб. 18 алтын 1,5 деньги). В документе после реформы Федора Алексеевича отдельно учитывались стрелецкие деньги, собранные в приказной избе («московским стрельцом на жалование 3 889 руб. 26 алтын 4 деньги») (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 6. Л. 280б.). Это целевое назначение присутствует на протяжении всего XVII в., меняется лишь название и содержание. В первой четверти столетия в материалах встречаются казачьи хлебные запасы, потом «стрелецкие запасные деньги», после реформы Федора Алексеевича – деньги московским стрельцам на жалование.

В 1683/84 г. в Соликамске планировалось истратить на местные нужды 194 руб. 30 алтын 2,5 деньги, а с учетом расхода ожидали 26 768 руб. 18 алтын 1,5 деньги. На 1684/85 г. планировалось взять по окладу 16 371 рубль 23 алтына 0,5 деньги, а вместе с неокладными доходами – 16 501 руб. 33 алтына 0,5 деньги (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 10. Л. 90б.).

По сметному списку 1684/85 г. в Соликамске осталось 189 руб. 6 алтын 4 деньги (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 8. Л. 1-14). Окладных и неокладных денежных доходов в приходе в 1684/85 г. вместе с доимочными было 599 руб. 27 алтын, а с остатком – 695 рублей 18 алтын 4 деньги. В этом списке совсем нет сборов по кабаку и таможене, они не просто выключены из оклада, как в некоторых других, но даже не упоминаются. В расходе фиксировалось 514 руб. 26 алтын 4 деньги. В 1684/85 г. от 1683/84 г. в остатке числилось 8 030 руб. 30 алтын 3 деньги. Деньги опять выдавались в Зырянские Усолья соляному варничному промыслу промышленнику Владимиру Черкасову суммами 4 522 руб. 26 алтын 4 деньги, 314 руб. 20 алтын 3 деньги, 1 587 руб. 3 алтына 2 деньги, 500 руб., 16 руб. 25 алтын из разных кабаков и местных таможен (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 9. Л. 130б.-14).

В соликамской приказной избе священнослужителям на господские праздники, на прогоны и на всякие мелкие расходы потратили 37 руб. 13 алтын. Всего в расходе 1684/85 г. было 8 689 руб. 32 алтына 3 деньги, а в остатке – 263 руб. 6 алтын 3 деньги. Последняя сумма совпадает с указанным остатком в пометном списке к 1685/86 г. В этом списке не фигурировали таможенные и кабацкие сборы, перешедшие в другую юрисдикцию. В расходе ожидалось 66 руб. 13 алтын, а итоговый остаток предполагался в размере 1 006 руб. 22 алтына 1,5 деньги.

Посмотрим, как расходы за тот же период отражались в сметном списке воевод 1685/86 г. (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 11. Л. 1-36). В Зырянских Усольях Владимир Черкасов получил 7 665 руб. в 1683/84 г. В приказной избе издержали за неполный период 18 руб. 29 алтын. Всего в 1683/84 г. было потрачено 10 190 руб. 24 алтына 3,5 деньги. Цифры в сметном списке 1685/86 г. пересекаются со сметой 1684/85 г. (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 9. Л. 130б.-14). Выше уже упоминалось, что в Зырянские Усолья в 1684/85 г. были посланы крупные суммы (5 750 руб.). Здесь эта информация пересказана дословно (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 11. Л. 250б.-260б.).

В приказной избе за весь год израсходовали 37 руб. 13 алтын. В эту сумму не входила заработная плата приказных служащих. Подьячему приказной избы Степану Елисееву заплатили жалование на 1684/85 г. 15 руб., Михаилу Ксенифонтову, Михаилу Поселского, Алексею Жданову – 9 руб., а последнему к прежнему его окладу (2 руб.) добавили еще 5 руб. из неокладных доходов 1684/85 г. Всего за отчетный год израсходовали 19 078 руб. 22 алтына 3 деньги..

Всего за весь период отчета – с 25 января 1684 г. по 16 февраля 1686 г. – в канцелярию поступило вместе с прежней распиской 35 953 руб. 13 алтын 5 денег, в расходе всяких денежных доходов было 34 322 руб. 14 алтын 3 деньги.

В 1687/88 г. было в остатке с окладными доходами 1685/86 г. (которые были «собраны после росписки») 141 руб. 0,5 деньги. Всего в 1687/88 г. было израсходовано 3 343 руб. 1 алтын 4 деньги. В следующем году в приходе было учтено 2 942 руб. 21 алтын 5,5 деньги, а в расходе – 2 995 руб. 17 алтын 4 деньги (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 12. Л. 1-19).

Откуда такие суммы, если оставались незначительные сборы оброчных денег и неокладные сборы? Канцелярия собирала и стрелецкие деньги за прошлые годы. Например, за 1686/87–1688/89 гг. было собрано с Соликамского уезда 1 741 руб. 30 алтын 4 деньги (РГАДА. Ф. 137. Соликамск. Д. 12. Л. 6). За весь период было израсходовано 6 418 руб. 2 алтына 4 деньги.

В 1694/95 г. было израсходовано 1 874 руб. 12 алтын 2 деньги, а в 1695/96 г. – 3 818 руб. 17 алтын 1,5 деньги. В неполном в 1696/97 г. усольских денежных доходов местные власти истратили 3 034 руб. 3 алтына 1,5 деньги (Ф. 137. Соликамск. Д. 13. Л. 129).

Можно немного детализировать расходы приказной палаты на жалование. Штат сотрудников значительно вырос на протяжении исследуемого периода (Демидова, 198: 31). Подьячим приказной палаты было выдано жалование на 1695/96–1696/97 г.: Михаил Поселского на 1695/96–1696/97 г. – 20 руб., Кузьма Жданов за те же два года – 20 руб., Иван Иконников – 12 руб. Отдельно на 1696/97 г. Степан Елисеев получил 15 руб., Иван Поселского – 5 руб., Михаил Елисеев – 5 руб., Яков Пельымцов – 4 руб.

Всего в период воеводства Юрия Яковлевича Хилкова – с 21 февраля 1694/95 г. по 16 февраля 1696/97 г. – окладных и неокладных денег было в приходе с остатком 9 150 руб. 5 алтын 5,5 деньги, а потрачено 8 726 руб. 32 алтына 5 денег.

Соликамские расходы, как видно из приведенной выше информации, могут быть разделены на несколько категорий:

- сборы, которые отправляются в центральные приказы. Обычно это более 90 % собранных на месте денег;

- деньги, которые расходуются на месте в самой канцелярии (жалование служащим, мелкие расходы приказной избы). Если брать наиболее объективную картину совокупных сборов с таможенными, кабацкими и стрелецкими (суммы доходили до 25 тыс. ежегодно), то местные расходы крайне незначительны (менее 1 %);

- эпизодические траты во время смены способа кабацких сборов на закуп вина, строение изб, обновление обветшалых строений, обеспечение казенных Зырянских промыслов и т.п. Тут могли быть потрачены существенные деньги, но это явление редко носило систематический характер.

Теперь рассмотрим расходы в чердынской приказной (сьезжей) избе. В этот период Чердынский уезд отставал от Соликамского в экономическом развитии.

Таблица 2. Приход и расход в Чердынском уезде

Год / Документ	Приход	Расход
1614/15 г. Приходная книга	Запланировано 1 817 руб. 25 алтын 5,5 деньги.	Не указан.
1619/20 г. Приходная книга	2 265 руб. 24 алтын 1 деньга.	Не указан.
1620/21 г. Приходная книга	2 443 руб. 19 алтын 1,5 деньги.	Не указан.
1627/28 г. Сметный список	2 252 рубля 11 алтын 4 деньги.	Расход 2 042 руб. 18 алтын 1 деньга.
1628/29 г. Окладная роспись	2 218 руб. 8 алтын.	Не указан.
1628/29 г. Сметный список	2 191 руб. 6,5 деньги.	Расход 3 374 руб. 5 алтын. Остаток 508 руб. 30 алтын 0,5 деньги.
1629/30 г. Окладная роспись	2 191 руб. 6,5 деньги.	Не указан.
1633/34 г. Сметный список	2 029 руб. 9 алтын 2 деньги.	471 руб. 13 алтын 2 деньги.
1676/77 г. Счетный список		С 1 февраля 1676/77 г. до 1 сентября 1676/77 г. 4 686 руб. 30 алтын 4 деньги.
10 декабря 1679 г. – 26 января 1682 г. Счетный список (весь период)	13 434 руб. 27 алтын 3 деньги.	13 418 руб. 27 алтын 3 деньги. Остаток 16 руб.
1679/80 г. (неполный)	6 699 руб. 20 алтын 2 деньги.	5 177 руб. 27 алтын 4,5 деньги.
1680/81 г. (полный)	5 374 руб. 11 алтын.	5 425 руб. 12 алтын 4,5 деньги.
1682/83 г. Сметный список	1 638 руб. 13 алтын 2 деньги.	Расход 1 241 руб. 19 алтын 3 деньги. Остаток 1 541 руб. 7 алтын 3 деньги.
1683/84 г. Окладная роспись	Запланировано 1 638 руб. 30 алтын.	Запланирован расход 67 руб. 25 алтын 2 деньги.
1683/84 г. Сметный список	247 руб. 18 алтын 2 деньги.	Расход 1 594 руб. 16 алтын 3 деньги.
1684/85 г. Окладная роспись	247 руб. 18 алтын 2 деньги.	
16 февраля 1684 г. по 16 февраля 1686 г. Счетный список (весь период)	7 581 руб. 9 алтын 2,5 деньги.	7 502 руб. 23 алтына 2 деньги. Остаток 77 руб. 19 алтын 2,5 деньги.
1683/84 г. (неполный)	1 165 руб. 4 алтына 3 деньги.	970 руб. 24 алтына 3 деньги.
1684/85 г. (полный)	4 777 руб. 28 алтын 5 денег.	3 118 руб. 7 алтын 5 денег.
1685/86 г. (неполный)	1 638 руб. 9 алтын 2,5 деньги.	3 414 руб. 24 алтына 2 деньги.
1685/86 г. Сметный список	238 руб.	Расход 238 руб. 23 алтына 4 деньги. Остаток 165 руб. 32 алтына 3,5 деньги.

1686/87 г. Окладная роспись	238 руб. 7 алтын 5,5 деньги.	
1686/87 г. Сметный список	177 руб. 4 алтына 5 денег.	Расход 67 руб. 26 алтын. Остаток 275 руб. 11 алтын 2,5 деньга.
1687/88 г. Окладная роспись	177 руб. 4 алтын 5 денег.	
16 февраля 1686 г. – 17 января 1688 г. Счетный список	6 560 руб. 2 алтына 2 деньга.	6 238 руб. 2 алтына 2 деньга.
1685/86 г. (неполный)	Вместе с остатком 3 687 руб. 23 алтына 0,5 деньга.	
1686/87 г. (полный)	2 820 руб. 29 алтын.	
1687/88 г. Сметный список	235 руб. 23 алтына 4,5 деньга. Из Соликамска прислано 69 руб. 27 алтын 1 деньга.	Расход 352 руб. 11,5 деньга. Остаток 158 руб. 33 алтына 1,5 деньга.
1688/89 г. Окладная роспись	235 руб. 23 алтына 4,5 деньга	
1688/89 г. Сметный список		Расход 271 руб. 21 алтын 3 деньга.
1689/90 г. Окладная роспись	233 руб. 25 алтын 5 денег.	Запланирован расход 237 руб. 21 алтын.
1690/91 г. Сметный список	249 руб. 31 алтын.	35 руб. 9 алтын. 4 деньга.
1692/93 г. Сметный список	120 руб. 30 алтын 5 денег.	Расход 633 руб. 21 алтын 1,5 деньга. Остаток 50 руб. 16 алтын 2,5 деньга.

К началу 1627/28 г. в остатке оказалось 3587 руб. 7 алтын 1,5 деньга. Расходы в Чердыни были самые разные – денежные средства выдавались послу Адаму Дорну с людьми из кабацких сборов («дано 129 руб. 9 алтын 3 деньга»). Жалованье платили причту Ныробской церкви: по 18 руб. в год всем служителям, судных дел дьяку Калинке Еремееву – по 14 руб. в год. Всего в 1627/28 г. было израсходовано 2 042 руб. 18 алтын 1 деньга. В окладной росписи 1628/29 г. в окладе состояло около 2 218 руб. 8 алтын (РГАДА. Ф. 137. Новгород. Д. 16. Ч. 2. Л. 323-331). В 1628/29 г. в Чердыни были куплены для нужд центрального правительства 4 300 беличьих шкур, за которые заплатили из кабацких денег 53 руб. 9 алтын 2 деньга. «Немчин» Адам Дорн с людьми получили на год «поденного корму за питье и за хлеб и за колачи 308 руб. 14 алтын 3 деньгою» (РГАДА. Ф. 137. Новгород. Д. 18. Ч. 2. Л. 971). Князь Василий Урмаметев, содержащийся в Чердынской тюрьме (Беляков, 2019: 14), также получил поденный корм с 1 ноября 1628 г. по 1 сентября 1629 г. – 9 руб. 4 алтына (по половине алтына на день). Сотруднику приказной избы Калине Еремееву заплатили оклад в размере 14 руб.

Всего в 1628/29 г. на всякие московские посылки и прочие расходы вышло 3 374 руб. 5 алтын, а осталось 508 руб. 30 алтын 0,5 деньга. Далее чердынские доходы и расходы детализированы только для последней четверти XVII в. Согласно счетному списку 1676/77 г., с 1 февраля 1676 г. до 1 сентября 1676 г. было израсходовано 4 686 руб. 30 алтын 4 деньга (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 2. Л. 31). С 10 декабря 1679 г. по 26 января 1682 г. в приходе было 13 434 руб. 27 алтын 3 деньга. Деньги тратились на жалованье подьячим, на всякие традиционные нужды приказной избы. Всего за этот срок было израсходовано 13 418 руб. 27 алтын 3 деньга, а воевода Семен Кондырев отдал преемнику остаточных 16 руб. (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 4а. Л. 350б.).

За 1682/83 г. израсходовали 1 241 руб. 19 алтын 3 деньга. Окладная роспись 1683/84 г. показывает, что в приказной избе местные сотрудники планировали издержать 67 руб. 25 алтын 2 деньга (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 6а. Л. 80б.).

В остатке на 1683/84 г. было таможенных пошлин и кабацкой питейной прибыли 1 347 руб. 17 алтын 2 деньга, неокладных доходов – 193 руб. 27 алтын 3 деньга. На текущие расходы приказной избы было потрачено 13 руб. 11 алтын 5 денег, а на жалованье из неокладных доходов чердынской приказной избы – подьячим Титу Колотилу и Федору Задорину 10 руб. (по пять руб. человеку). Всего в расходе вместе с московскими посылками до 1 сентября 1684 г. учтено 1 594 руб. 16 алтын 3 деньга, на 1684/85 г. неокладных денег планировалось собрать 217 руб. 25 алтын с 1 деньгою, а вместе с окладными – 247 руб. 18 алтын 2 деньга (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 6. Л. 90б.).

В 1683/84 г. местная изба истратила 970 руб. 24 алтына 3 деньга, в 1684/85 г. – 3 118 руб. 7 алтын 5 денег. Среди значительных расходов на местах были отданные в Зырянские Усоля промышленнику гостиной Владимиру Черкасову 800 руб. (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 8. Л. 81).

По сметному списку 1686/87 г. в приказной избе традиционно на всякие мелкие расходы вышло «неокладных доходов 14 руб. 25 алтын 4 деньга» (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 11. Л. 10). Всего с

1 сентября 1685 г. по 1 сентября 1686 г. было истрачено и послано в Москву 238 руб. 23 алтына 4 деньги, а осталось 165 руб. 32 алтына 3,5 деньги.

В 1686/87 г. чердынских окладных и неокладных денежных доходов в сборе зафиксировано 177 руб. 4 алтына 5 денег, а вместе с остаточными – 343 руб. 4 алтына 0,5 деньги. Послали в Москву и израсходовали в местной приказной избе в этот раз совсем немного – 67 руб. 26 алтын, поэтому осталась большая часть – 275 руб. 11 алтын 2,5 деньги. Доотправленные и собранные в 1685/86 г. стрелецкие деньги (соответственно 922 руб. 30 алтын и 2 562 руб. 30 алтын) были посланы в Новгородский приказ с чердынскими посыльщиками в несколько приемов (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 9. Л. 16).

Какие же расходы были в конце 1680-х гг. в чердынской приказной избе? За подрядное вино было отдано 783 руб. 26 алтын 1 деньга, в Зырянские Усолья послали в 1685/86–1686/87 гг. 1 758 руб. 32 алтына 4 деньги. На 1685/86 г. вместе с прошлым остатком было в приходе 3 687 руб. 23 алтына 0,5 деньги, на 1686/87 г. – 2 820 руб. 29 алтын, на 1687/88 г. – 51 руб. 16 алтын 5,5 деньги. В приказной избе на 1685/86 г. на всякие мелкие расходы было потрачено 2 руб. 15 алтын 2 деньги, а на жалованье приказным подьячим – от 5 до 7 руб., всего 24 руб. Из доходов 1686/87 г. в приказной избе «на бумагу писчую и на свечи сальные, и на дрова, и на всякие мелкие расходы» вышло неокладных доходов 6 руб. 19 алтын 2 деньги, а жалованье осталось прежним. Новый сотрудник – Андрей Засухин – получил за полгода 3,5 руб. (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 10. Л. 610б.-630б.).

В 1687/88 г. в приказной избе истратили на местные нужды 11 руб. 23 алтына 2 деньги (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 12. Л. 13). Из неокладных доходов заплатили жалованье подьячим чердынской приказной избы Василию Колотилову, Афанасию Углецкому, Андрею Засухину (по 7 руб. в год), Федоту Колотилову, Матвею Верещагину (по 5 руб. в год). Всего в расход вышло с 1 сентября 1687/88 г. по 1 сентября 1688/89 г. 352 руб. 11,5 денег, а в остатке числилось 158 руб. 33 алтына 1,5 деньги. На строение новой чердынской приказной избы потратили 210 руб. 31 алтын 4 деньги (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 12. Л. 37). Всего за 1688/89 г. вышло в расход 271 руб. 21 алтын 3 деньги.

Согласно окладной росписи к 1689/90 г., в остатке было 190 руб. 20 алтын 5,5 денег и «новоприбылово оброку» 10 алтын 3 деньги. Неокладных денег предполагали собрать 199 руб. 14 алтын 5 денег, а вместе с окладными «с посаду и с уезду» 233 руб. 25 алтын 5 денег. Интересно, что расходов запланировано больше – «из неокладных доходов толко будет против 197 г. 237 руб. 21 алтын» (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 12. Л. 410б.-42).

В конце XVII в. почти все основные сборы не учитываются в сметных списках (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 13). В июле 1692/93 г. воевода Семен Нарышкин взял на воеводское чердынское и усольское дворовые строения неокладных доходов (которые планировались к посылке в Москву) 527 руб. 31 алтын. В Чердыни потратили на текущее материальное обеспечение канцелярской работы 15 руб. 33 алтына, а на жалованье – 26 руб. Всего за год израсходовали до 1 сентября 1692 г. 633 руб. 21 алтын 1,5 деньги (РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 14. Л. 150б.-17).

В чердынской приказной избе статьи расходов примерно такие же, как в Соликамске. На обеспечение работы местных сотрудников тратятся незначительные суммы, большая часть денег по мере сбора отправляется в Москву. Иногда возникает необходимость починить местные постройки или обеспечить финансово соляные промыслы. Тогда структура расходов несколько изменяется.

5. Заключение

Несколько слов теперь об особенностях анализа доходной и расходной части местных бюджетов. Теоретически можно выстроить график поступления и расходования средств в местной казне и обозначить окладные и неокладные доходы, а также затраты на разные нужды. Но эта информация не будет слишком полезной по разным причинам. Во-первых, логично, что в начале исследуемого периода – в 1620-е гг. – денег собирали меньше. Здесь важно учитывать и экономическое развитие уездов, и инфляционные процессы, и изменение разных сборов. Во-вторых, часть сборов вследствие реформ была выложена из оклада и отдана в другие учреждения (кабацкие, таможенные, стрелецкие). Местные чиновники перестали их фиксировать в сметных списках. Если не знать этих нюансов и ориентироваться на конечные цифры, то может показаться, что к концу XVII в. денег в Соликамском и Чердынском уездах стало на порядок меньше, чем в предшествующие годы (и расходов, соответственно, тоже). Автор считает важным другой показатель: периодичность поступления окладных и неокладных сборов в местный бюджет и своевременную отправку полученных денег в центр. С этим в Соликамском и Чердынском уездах на протяжении всего исследуемого периода дела обстоят благоприятно (если брать срез имеющейся в распоряжении автора финансовой документации).

Налоговые реформы, проводимые в течение исследуемого периода, несколько изменяли структуру взимаемых налогов и их назначение. При этом основная часть средств, получаемых на территории Прикамья в виде налогов и сборов, все равно отправлялась в центральные приказы (Новгородская четверть и приказ Большой казны). Для работы приказной избы расходовалось незначительное число денежных средств. Они шли на содержание штата, закупку необходимых материалов (свечи, дрова и т.п.), оплату труда священнослужителей. Денежные средства могли быть

эпизодически израсходованы на месте: например, на постройку казенных строений, выдачу денег ссыльным и послам. Налоговый взаимозачет применялся при поставке казачьих хлебных запасов. В случае затруднений воеводы писали в центр и просили разъяснить ситуацию. Неокладные сборы (до 250 руб., чаще – меньше) и окладные (только кабацкие и таможенные могли составлять более 10 тыс. руб.) очень отличались, и даже целевое назначение у них было разное. Все расходы местных изб осуществлялись из неокладных сборов. Оставшиеся отправлялись в Москву.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60007.

The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-60007.

Литература

[Беляков, 2019](#) – Беляков А.В. «Особые» тюрьмы для знати в России XVII века? // *Вестник Московского государственного областного университета. Юриспруденция*. 2019. № 4. С. 9-17.

[Данилевский и др., 2015](#) – Источниковедение: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская. Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2015. 685 с.

[Демидова, 1987](#) – Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. М., 1987. 225 с.

[Дмитриева, Козлов, 2020](#) – Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация. 2020. 568 с.

[ДАИ, 1875](#) – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 9. СПб., 1875. С. 191-199.

[Енин, 2000](#) – Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII в. (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб.: Изд-во Рос. нац. библиотеки. 2000. 351 с.

[Козлов, Дмитриева, 1999](#) – Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. СПб.: Историческая иллюстрация. 1999. 288 с.

[Космовская, 2019](#) – Космовская А.А. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв. Пермь: ПГИК. 2019. 243 с.

[Марискин, 2008](#) – Марискин О.И. Налоги в России. История и современность: Учебное пособие. Саранск: ИСИ. 2008. 335 с.

[Милоков, 1905](#) – Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1905. 678 с.

[Преображенский, 1972](#) – Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука. 1972. 392 с.

[РГАДА](#) – Российский государственный архив древних актов.

References

[Belyakov, 2019](#) – Belyakov, A.V. (2019). «Osobyе» tyur'my dlya znati v Rossii XVII veka? [«Special» prisons for nobility in 17th century Russia?]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Yurisprudentsiya*. 4: 9-17. [in Russian]

[Danilevskii i dr., 2015](#) – Danilevskii I.N. (2015). Istochnikovedenie: Uchebnoe posobie [Source study: tutorial]. I.N. Danilevskii, D.A. Dobrovolskii, R.B. Kazakov, S.I. Malovichko, M.F. Rumyantseva, O.I. Khoruzhenko, E.N. Shveikovskaya. Otв. red. M.F. Rumyantseva. M.: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki. 685 p. [in Russian]

[Demidova, 1987](#) – Demidova, N.F. (1987). Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. [Serving bureaucracy in Russia XVII century. and its role in the formation of absolutism]. Moscow, Nauka, 225 p. [in Russian]

[Dmitrieva, Kozlov, 2020](#) – Dmitrieva, Z.V., Kozlov, S.A. (2020). Nalogi i voiny v Rossii XVI–XVIII vv. [Taxes and wars in Russia in the 16th – 18th centuries]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 568 p. [in Russian]

[DAI](#) – DAI. Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoi komissiei [Additions to historical acts, collected and published by the archaeographic commission]. 1875. T. 9. St. Petersburg, pp. 191–199. [in Russian]

[Enin, 2000](#) – Enin, G.P. (2000). Voevodskoe kormlenie v Rossii v XVII v. (Soderzhanie naseleniem uezda gosudarstvennogo organa vlasti) [Provincial feeding in Russia in the 17th century (The population of the county government body)]. St. Petersburg, Izd-vo Ros. nats. Biblioteki, 351 p. [in Russian]

[Kozlov, Dmitrieva, 1999](#) – Kozlov, S.A., Dmitrieva, Z.V. (1999). Nalogi v Rossii do XIX v. [Taxes in Russia before the 19th century]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 288 p. [in Russian]

[Kosmovskaya, 2019](#) – Kosmovskaya, A.A. (2019). Voevodskoe upravlenie v Permskom Prikam'e v kontse XVI–XVII vv. [Voivodship administration in Prikam'e at the end of the 16th–17th centuries]. Perm', PGIK, 243 p. [in Russian]

Mariskin, 2008 – *Mariskin, O.I.* (2008). *Nalogi v Rossii. Istoriya i sovremennost': uchebnoe posobie* [Taxes in Russia. History and modernity: textbook]. Saransk, ISI, 335 p. [in Russian]

Milyukov, 1905 – *Milyukov, P.N.* (1905). *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [State economy of Russia in the first quarter of the 18th century and the reform of Peter the Great]. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevich, 678 p. [in Russian]

Preobrazhenskii, 1972 – *Preobrazhenskii, A.A.* (1972). *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka* [Ural and Western Siberia at the end of the XVI – beginning of the XVIII century]. Moscow, Nauka, 392 p. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Chicherin, 1856 – *Chicherin, B.N.* (1856). *Oblastnye uchrezhdeniya v Rossii v XVII v.* [Regional institutions in Russia in the XVII century]. Moscow, tip. Aleksandra Semena, 594 p. [in Russian]

Расходы местных учреждений Прикамья в XVII в.

Анна Алексеевна Космовская ^{a, *}

^a Пермский государственный институт культуры, Российская Федерация

Аннотация. Налоговая политика Российского государства в XVII в. неоднократно привлекала внимание исследователей. Изучены основные категории поступлений в государственную казну, налоговые реформы, чрезвычайные сборы (в основном на общероссийском материале). Расходы приказных изб Прикамья впервые исследуются на материалах Чердынского и Соликамского уездов в данной статье. Автор на основе имеющихся данных рассматривает, какие потребности обеспечивались поступающими в воеводские избы деньгами. В центральные приказы денежные средства обычно отправлялись с несколькими посыльщиками в течение года. В сметных и счетных списках фиксировались суммы и виды налогов, которые были в посылке. Отдельно велся учет расходов на всякие местные нужды. Часть средств расходовалась на местах на нужды канцелярии (обычно не более 1–2 %) и прочие локальные задачи: строительство кабаков, изб, помощь в организации соляного промысла (здесь суммы могли быть значительно больше, обеспечение местных соляных Зырянских промыслов в отдельные периоды составляло несколько тысяч ежегодно). Основные суммы уходили в центральные приказы и расходовались уже там на конкретные нужды (например, деньги стрельцам на жалованье). При этом основная часть средств, получаемых на территории Чердынского и Соликамского уездов в виде налогов и сборов, все равно отправлялась в центральные приказы. Расходы местных изб (жалованье подьячим, свечи, дрова, канцелярские траты) осуществлялись из неокладных сборов.

Ключевые слова: приказные избы, Прикамье, XVII век, налоговые поступления, расходы, финансовая документация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akosmovskaya@list.ru (А.А. Космовская)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 17-24
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.17

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of the Medical Police System in the 18th – the first half of the 19th centuries

Anna Bakulina ^{a,*}, Ilya Bakulin ^b, Taisia Krishtaleva ^b

^a MGIMO University, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Within the framework of this study, the history of the origin and evolution of the medical police in Russia in the period of the 18th – the first half of the 19th centuries is subjected to. The aim of the work is to assess the quality of the impact of the work of the medical police on the situation within the empire. The research methodology is built through a combination of elements of comparative, systemic and functional analysis. The source base of the work includes previously unpublished office documents from archival funds and a body of legislative acts. The author comes to the conclusion that for most of its existence in the pre-reform period, the military police system covered mainly cities, while its presence was most intensively felt in district and provincial centers. Direct and indirect methods of influencing the situation in rural areas, available to the medical police, were quite limited. The breadth of functionality, combined with a shortage of personnel and a general lack of resources, a priori leveled the effectiveness of the work of the medical police. Gaps in the legislation also played their role: while attributing certain functions to the police, the drafters of legal acts did not give it the appropriate powers. The situation was aggravated by the presence of an alternative “decision-making center” in the form of territorial communities of landowners, which had a significant impact on the political system and were capable of sabotaging many initiatives of the authorities. At the same time, it should be noted that for most of the period under study, a full-fledged state administration apparatus of the modern type was in a state of formation. It acquired a relatively complete form only during the reign of Nicholas I, when the system of executive power was finally saturated to an acceptable level with qualified personnel, and the management process itself began to be built on the basis of project and strategic approaches. Given these circumstances, it can be argued that during the period under study, the foundations were laid for the organization of a new type of medical police, corresponding to the realities of an agrarian-industrial society. Significant experience was gained in carrying out sanitary and epidemiological measures, and the mistakes and miscalculations made earlier in most cases were subjected to reflection and taken into account when developing new methods to counteract the spread of dangerous diseases. At the same time, there was a clear need to increase the funding and powers of the medical police, improve staffing, and create specialized structures to which the police apparatus could delegate redundant functions (for example, veterinary control).

Keywords: medical police, pre-reform period, cholera, smallpox, vaccinations, sanitary control, quarantine measures.

1. Введение

Обеспечение санитарно-эпидемиологической безопасности относится к числу базовых функций государства, обеспечивающих социально-экономическую стабильность (по крайней мере, в реалиях Нового времени). Эффективность соответствующего направления внутренней политики обуславливает динамику демографической ситуации, а следовательно, и состояние налоговой базы,

* Corresponding author

E-mail addresses: anbakdoc@mail.ru (A. Bakulina)

источников трудовых ресурсов и рекрутирования кадров для армии, интенсивность торговых связей между регионами. От нее зависят как общий уровень благосостояния населения, так и положение отдельных социальных групп. Высокая смертность среди крепостных приводила к разорению помещиков, а сокращение численности ремесленников или высококвалифицированных рабочих автоматически повышало стоимость их услуг. За счет этого состояние системы медицинской полиции приобретало роль фактора, определявшего динамику потенциала развития государства. При этом наличие детализированных представлений о ее состоянии позволяет понять логику развития социально-экономических и политических процессов, на которые санитарно-эпидемиологическая обстановка оказывала прямое и косвенное воздействие.

Целью данной работы является оценка качества влияния работы медицинской полиции на ситуацию внутри империи в период XVIII – первой половины XIX вв.

Нижняя временная планка соответствует времени официального закрепления за полицией функций обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности в конце правления Петра I. Верхняя граница соответствует завершению дореформенного периода. Последнее обусловлено тем, что с началом эпохи Великих реформ принципиальные изменения претерпела как сама система здравоохранения в России (а вместе с ней – и медицинская полиция), так и сама модель социально-экономического развития империи. Внутри обозначенных хронологических рамок мы можем наблюдать развитие аппарата медицинской полиции в рамках относительно устойчивой социально-политической системы в отсутствие принципиальных изменений материально-технической культуры (за исключением конца указанного периода). За счет этого мы можем оценить влияние работы медицинской полиции на ситуацию внутри империи до возникновения иных макрофакторов, существенным образом повлиявших на положение дел в стране (в первую очередь имеются в виду Крымская война и ее социально-экономические последствия).

2. Материалы и методы

В ходе работы над исследованием были привлечены не опубликованные ранее и не введенные в научный оборот материалы Российского государственного исторического архива (далее – РГИА) из фондов Медицинского совета Министерства внутренних дел, Медицинского департамента МВД и 1-го департамента Министерства государственных имуществ. Также при написании работы использовались опубликованные нормативно-правовые акты, напрямую или косвенно регулировавшие работу медицинской полиции.

Методология исследования выстраивается за счет сочетания элементов сравнительного, системного и функционального анализа. Применение сравнительного анализа позволило сопоставить между собой уровень эффективности и функционал медицинской полиции за различные периоды ее развития. Системный анализ дал возможность изучить работу различных элементов медицинской полиции в рамках взаимодействия между отдельными ее подразделениями и иными государственными учреждениями. Использование функционального анализа позволило оценить релевантность задач медицинской полиции ее ресурсной базе, нормативно-правовой регламентации и общепринятым социальным практикам.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии тема изучалась либо в контексте смежных тем, таких как борьба с эпидемиями (Губерт, 1896; Френкель, 1909), либо в рамках освещения истории здравоохранения в целом (Куприянов, 1873; Мушинский, 1862; Никитин, 1855; Перфильев, 1889; Португалов, 1873). В свет вышло лишь одно исследование, в рамках которого медицинская полиция выступала в качестве самостоятельного предмета изучения, – работа Я.В. Ханькова (Ханьков, 1851).

В публикациях советского периода заявленная тема также не исследовалась напрямую. Ее изучали как составную часть истории организации здравоохранения, борьбы с эпидемиями и санитарного законодательства. Советские авторы ввели в научный оборот широкий пласт нового эмпирического материала и начали активно внедрять передовые исследовательские практики, но в то же время для них характерно жесткое следование идеологическим установкам, предписанным правящей партией (Бенюмов, 1952; Васильев, Сегал, 1960; Гуткина, 1927; Зархин, 1956).

В постсоветский период появилась основа для ревизии историографических концепций прошлого на основе принципа объективности. Однако в отношении интересующей нас темы потенциал этого направления работы не был реализован полностью: проблематика, касающаяся работы медицинской полиции, исследовалась по остаточному принципу в общем контексте истории системы управления здравоохранением и борьбы с эпидемиями (Егорышева, 2003; Егорышева, Данилишина, 2001; Мирский, 2005; Пристанскова, 2007).

Как следствие, степень научной разработанности заявленной темы характеризуют такие качества, как лакунарность и фрагментарность.

4. Результаты

Еще в период 1654–1665 гг. повторяющиеся эпизоды вспышек чумы подтолкнули российское правительство к проведению противоэпидемических мероприятий ограничительного характера.

Всего было выпущено более 10 специальных царских указов, предписывавших местным властям жестко регламентировать повседневную жизнь населения во избежание появления новых очагов «морового поветрия». Однако первые регулярные противоэпидемические мероприятия государство начало проводить значительно позже, уже в конце правления Петра Великого. Соответствующие нормы были впервые закреплены в «Регламенте или Уставе Главного Магистрата» 1721 г. Данный нормативно-правовой акт возлагал на полицейские подразделения функцию извещения и предупреждения жителей о распространении болезней, а также обеспечение чистоты городских улиц в приемлемом с санитарной точки зрения состоянии. В данном случае необходимо подчеркнуть, что поле юрисдикции медицинской полиции на тот период не охватывало сельское население, т.е. подавляющее большинство жителей России ([Собрание Российских законов о Медицинском управлении, 1828: 17; Сегал, 1950: 81](#)).

В дальнейшем функционал медицинской полиции был конкретизирован лично Екатериной II в «Дополнении к Большому Наказу» в ст. 554. Императрица обозначила обеспечение противоэпидемической безопасности в качестве третьего по значимости приоритета в рамках деятельности полиции и очертила круг конкретных мероприятий в его рамках (обеспечение «безвредности воздуха», чистоты улиц, рек, колодцев и иных источников питьевой воды, качества продуктов питания и напитков, борьба с распространением заразных болезней). В дальнейшем этот перечень обязанностей уточнили: к сфере ответственности медицинской полиции также были отнесены организация карантинных мероприятий, проведение и популяризация прививок от оспы, борьба с оказанием незаконных медицинских услуг, ветеринарно-полицейская работа, распространение медицинских знаний и т.д. ([Никитин, 1855: 32; ПСЗРИ: 1884, Т. XVIII. № 13075; Соколов, 2006: 312-313](#)).

При этом на практике наблюдалось акцентирование внимания властей на решении трех задач:

- распространение прививок от оспы;
- борьба с практикой захоронения умерших внутри городской черты;
- создание специализированных учреждений (только в крупных городах) для борьбы с распространением венерических заболеваний.

При Павле I административные реформы правительства привели к фактическому дублированию ответственности медицинской полиции: создание в 1797 г. врачебных управ привело к тому, что за вновь формируемыми структурами закрепили задачи по предотвращению эпидемий и борьбе с ними, а также контролю за соблюдением санитарно-гигиенических норм. Однако, как и прежде, ресурсная база государственных ведомств позволяла решать возложенные на них задачи только в пределах городов ([Собрание Российских законов о Медицинском управлении, 1828: 41](#)).

В рамках идеальной модели полиция тесным образом координировала свои действия с врачебной управой, городской администрацией и сословными учреждениями. При этом длительное время необходимость синергии их усилий признавалась неформально. Официально тесная координация профильных ведомств была закреплена лишь в 1857 г. – в уставе медицинской полиции (в разделе врачебного устава). Однако на практике (в первую очередь – на низовом административном уровне) зачастую имела место несогласованность действий профильных органов: их сотрудники старались при возможности переложить выполнение обязанностей на коллег из другого ведомства ([Пристанскова, 2007: 51](#)).

Вместе с представителями врачебной управы либо уездными лекарями представители медицинской полиции проверяли качество продовольствия и алкоголя в торговых и питейных заведениях, осуществляли контроль за распространением продажи ядовитых и сильнодействующих веществ, пресекали случаи незаконного оказания медицинских услуг или нелегальной торговли лекарственными препаратами, организовывали ветеринарный осмотр скота на рынках, реагировали на сообщения о массовом падеже животных в сельской местности ([РГИА. Ф. 1294. Оп. 1 \(св. 9\). Д. 39. Л. 2](#)).

Появление врачебных управ при этом расширило функционал медицинской полиции: ее сотрудники начали оказывать содействие уездным врачам в рамках сбора материалов об условиях жизни населения и общем уровне заболеваемости на подведомственной территории для составления в последующем медико-топографических описаний конкретных губерний. На практике это зачастую приводило к тому, что медицинская полиция начинала заниматься разработкой правонарушений и преступлений, не имеющих прямого отношения к санитарно-эпидемиологической безопасности (составление описания территории предполагало также уточнение множества экономических и социальных индикаторов, таких как, например, урожайность зерновых) ([Ханьков, 1851: 44](#)).

Отдельно необходимо отметить, что в делопроизводственных материалах архивов отложилось большое количество жалоб уездных врачей на отсутствие помощи со стороны полиции. В рамках сформированного по принципу случайной выборки пулла из 200 жалоб за период 1861–1871 гг. 28 % содержат упоминания об отказе полиции выполнять свои обязанности по пресечению торговли некачественными продуктами питания. В 33 % документов отображены эпизоды, когда представители

полиции игнорировали указания лекарей относительно борьбы с загрязнением окружающей среды (перенос боен для скота, привлечение к ответственности недобросовестных фабрикантов и т.д.) (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 166. Л. 18-24, 42-45, 56-58, 71-74; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 169. Л. 26-27, 31-36, 39-41, 67-68, 91-93, 112; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 175. Л. 12, 14, 23, 27, 47-51; 55-58, 62-64; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 177. Л. 78-79, 85-88; 103; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 182. Л. 45-46, 48-52, 56; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 188. Л. 26, 29-34, 40-41, 58-65, 71, 74-77, 79; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 193. Л. 53-55, 57, 59, 70-72, 77; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 198. Л. 34, 37, 39, 42, 45, 47-48; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 202. Л. 46, 50, 53, 71-78; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 220. Л. 91, 94, 101-105).

Массовое неисполнение предписаний уездных лекарей фиксировалось и в случае ветеринарных норм (в первую очередь – требований к дезинфекции), следствием чего являлись регулярные вспышки ящура, чумы и сибирской язвы (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 166. Л. 11; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 221. Л. 40б.).

Чаще всего врачбным управам приходилось сталкиваться с такими вызовами, как распространение сезонных простудных заболеваний, ветряная оспа, корь, скарлатина, краснуха, различные острые лихорадочные инфекции (грипп, тиф, дизентерия). Однако наибольшую угрозу для жизни и здоровья обывателей (в рамках рассматриваемого периода) представляли эпидемии натуральной оспы и холеры (Покровский, 1882: 106-107; Португалов, 1873: 25; Френкель, 1909: 8).

По данным, поступавшим руководству Министерства внутренних дел за период 1802–1807 гг., от оспы умирал почти каждый десятый ребенок на охваченных учетом территориях (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 155. Л. 12).

Во многом именно это обстоятельство подтолкнуло власти к решительным действиям в плане продвижения прививок против оспы. В 1802 г. стартовал эксперимент по массовому внедрению вакцинации от оспы по методу Э. Дженнера. Была осуществлена рассылка оспенной материи в ближайшие к Санкт-Петербургу врачбные управы. Прививки делали детям крепостных с согласия их помещиков и сиротам в приютах. Перед началом массовой вакцинации оспопрививатели зачастую вакцинировали сами себя, чтобы подтвердить безвредность процедуры. При этом из-за отсутствия полноценных антисептиков существовала опасность побочного заражения (чесоткой, рожей, сифилисом и т.д.). Эксперимент длился вплоть до 1810 г. Полиция формально привлекалась к решению сопутствующих задач, однако на практике чиновники на местах выделяли ресурсы на соответствующие нужды по остаточному принципу. По многочисленным отзывам уездных врачей, полицейские зачастую манкировали выполнением своих обязанностей, отчасти по объективным причинам, в силу отсутствия кадров. По официальным данным, за период 1805–1810 гг. было привито около 1 млн человек, т.е. менее 10 % родившихся за это время детей (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 166. Л. 3-4; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 646. Л. 19-210б.; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 659. Л. 6).

Эксперимент в целом был признан удачным, и в 1811 г. было подписано положение Комитета Министров «О распространении прививания коровьей оспы в губерниях», в соответствии с которым в административных центрах уездов и губерний были созданы оспенные комитеты. В сферу их ответственности входили популяризация вакцинации, обучение оспопрививателей, снабжение их инструментами и оспенной материей, контроль за ходом вакцинации и сбор данных о привившихся (Полное собрание законов Российской империи, 1884. Т. XXXI. № 24622). При этом для решения сопутствующих задач привлекалась медицинская полиция: ее представители участвовали в рекрутировании оспопрививателей, набираемых из числа непригодных для службы в армии казенных и помещичьих крестьян и представителей иных сословий в пропорции 1 специалист по вакцинации на 1 тыс. жителей. Полиция также должна была принимать участие в контроле качества подготовки оспопрививателей. Помимо того, сотрудники полиции привлекались к ведению агитационно-пропагандистской работы (Канель, 1910: 175).

На практике эффективность работы властей в данном направлении была невысокой: у них отсутствовали, с одной стороны, необходимые ресурсы для материального стимулирования к вакцинации, с другой – полномочия для принуждения к участию в ней. В результате достаточно малочисленный персонал оспенных комитетов и приданные им полицейские чиновники были вынуждены тратить значительное количество времени на убеждение «лиц, принимающих решения»: помещиков, их управляющих, старост казенных поселений и приходских священников, чиновников из местных администраций и т.д. Помещики, как правило, негативно реагировали на призывы к вакцинации: прививка требовала от их крепостных временного прекращения работ на период отлучки. Отдельно следует отметить, что ставшие оспопрививателями крепостные не освобождались от барщины. Казенные крестьяне выражали недовольство тем, что за прививку от оспы не положено материальное вознаграждение (РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5132. Л. 4, 7-9).

Зачастую это заканчивалось тем, что комитеты поручали исправникам принуждать жителей к вакцинации. Но последнее не только выходило за пределы полномочий полиции, но и грозило ее руководству конфликтами с представителями местных элит, в первую очередь – помещиками (Мушинский, 1862: 35).

Первые шаги к изменению ситуации были предприняты уже в царствование Николая I. В 1832 г. была внедрена система премирования для государственных крестьян, прививающихся от оспы,

включавшая в себя освобождение от ряда повинностей. Однако общий объем финансирования мероприятий оставался символическим: на 1843 г. на одну губернию выделялось 285 р., из которых 190 р. были предназначены на содержание и оплату дорожных расходов ревизора (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 646. Л. 28; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 59. Л. 32; РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 78. Л. 70об.-71, 76).

При этом медицинская полиция, по данным врачебных управ, почти повсеместно игнорировала включение в процесс вакцинации лекарских учеников, цирюльников и не имевших право заниматься оспопрививанием лиц (Губерт, 1896: 19).

Участие медицинской полиции в борьбе с эпидемиями холеры имело достаточно сложную, но более успешную историю.

Первые вспышки этого заболевания в Европе были зафиксированы в 1817 г. Власти России начали бороться с его распространением в августе 1830 г., учредив центральную комиссию по борьбе с холерой в ответ на начало полномасштабной эпидемии. В охваченных ею губерниях по решению Медицинского совета МВД было введено чрезвычайное положение. Для борьбы с распространением болезни на региональном и локальном уровнях были сформированы губернские и уездные холерные комитеты (Егорышева, Данилишина, 2001: 54).

В рамках противоэпидемической кампании было организовано распространение информации о мерах предосторожности для обывателей. Города разделялись на участки с целью своевременного выявления больных и назначения попечителей. На последних налагалось обязательство доносить в полицию обо всех случаях заболевания. Кроме того, полиции вменялись в обязанность обеспечение круглосуточного дежурства врачей и лекарских учеников, а также пресечение попыток со стороны отставных и вольнопрактикующих врачей покинуть город без разрешения властей (Правила о принятии мер к прекращению холеры и чумы, 1903: 12-13).

Острая нехватка медицинских кадров вынуждала власти к широкому использованию карантинных линий. Линии оцепления устанавливались в том числе между губерниями. Их протяженность зачастую составляла 50 и более верст. Впрочем, по сообщениям врачебных управ, зачастую соответствующие меры носили условный характер, поскольку карантинные мероприятия не сопровождались выделением адекватного количества людей для организации оцепления (Мирский, 2005: 47).

Силы полиции также привлекали к продаже населению по твердым ценам хлорной извести – средства для обеззараживания помещений. Однако на тот период сам процесс дезинфекции не был организован централизованным образом (Перфильев, 1889: 12, 14).

В то же время следует отметить, что негативный опыт первой эпидемии холеры 1830–1831 гг. в России был должным образом учтен властями. К 1848 г. границ империи достигла эпидемическая волна, порожденная третьей холерной пандемией. К этому моменту в стране уже действовали заранее созданные губернские и уездные холерные комитеты, в больницах были зарезервированы места для жертв эпидемии, уезды и города разделили на участки, также в плановом порядке были учреждены временные холерные больницы. Врачам были направлены инструкции по профилактике заболевания и оказанию помощи инфицированным. Среди обывателей распространялись рекомендации по профилактике холеры, оказанию первой помощи больным и наставления, разоблачавшие слухи и суеверия относительно эпидемии (в частности, информацию о якобы имевшем место отравлении колодцев) (РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5132. Л. 7-12; Оп. 11. Д. 10464. Л. 32-38; РГИА. Ф. 1297 Оп. 1029. Д. 79. Л. 41-44, 72-73).

В 1852 г. полицию подключили к работе открытых в губерниях и уездах комитетов общественного здоровья, осуществлявших надзор за работой холерных комитетов. В частности, полицмейстер в обязательном порядке включался в состав губернского комитета общественного здоровья. На время эпидемии усиливался полицейский надзор за продовольствием и санитарным состоянием городов. Полицейские также отслеживали выполнение владельцами промышленных предприятий обязанностей в сфере проведения профилактических мер на производстве (Френкель, 1909: 37-38).

Среди недостатков в работе медицинской полиции в данный период следует отметить в первую очередь избыточную бюрократизацию процессов обмена информацией и принятия решений. Согласно действовавшему регламенту, при появлении сведений о вспышке болезни сельский староста должен был обратиться в волостное правление, и лишь потом сведения передавались становому, который перенаправлял данные исправнику, и только после этого информация доходила до комитета общественного здоровья. В рамках этой схемы обратная связь в виде распоряжений губернских властей достигала местное руководство в некоторых случаях лишь через несколько месяцев (Френкель, 1909: 41).

5. Заключение

В целом мы считаем правомерным признать, что на протяжении большей части исследуемого периода система медицинской полиции полноценно работала преимущественно в городах, в первую очередь – в уездных и губернских центрах. Ее присутствие в сельской местности было достаточно ограниченным, что являлось естественным следствием сочетания широкого функционала с

дефицитом ресурсов (в том числе – людских). Наряду с пробелами в законодательстве (задачи полиции зачастую не обеспечивались релевантными полномочиями) и наличием альтернативного «центра принятия решений» в виде территориальных сообществ дворян, все это существенным образом нивелировало эффективность работы медицинской полиции и степень ее влияния на общественно-политическую и экономическую ситуацию. В то же время необходимо отметить, что на протяжении большей части исследуемого периода полноценный аппарат государственного управления современного типа находился в состоянии становления. С учетом данных обстоятельств можно утверждать, что в исследуемый период были заложены основы для организации медицинской полиции нового типа, соответствующей реалиям аграрно-индустриального общества. Был накоплен значительный опыт проведения санитарно-эпидемиологических мероприятий, а допущенные ранее ошибки и просчеты в большинстве случаев подвергались осмыслению и учитывались при разработке новых методик противодействия распространению опасных заболеваний. В то же время четко обозначилась необходимость в увеличении финансирования и полномочий медицинской полиции, улучшении кадрового обеспечения, а также создании специализированных структур, которым полицейский аппарат мог бы делегировать избыточные функции (например, ветеринарный контроль).

Литература

- Бенюмов, 1952** – Бенюмов Р.Я. К истории медико-санитарного законодательства в России // *Врачебное дело*. 1952. № 8. С. 749-751.
- Васильев, Сегал, 1960** – Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960. 397 с.
- Губерт, 1896** – Губерт В.О. Оспа и оспопрививание (Юбилейное издание Русского Общества Охранения Народного Здравия). Т. 1. СПб., 1896. 535 с.
- Гуткина, 1927** – Гуткина А.Я. Организация здравоохранения в России от Аптекарского приказа до наших дней // *Врачебное дело*. 1927. № 20. С. 1455-1460.
- Егорышева, 2003** – Егорышева И.В. Управление здравоохранением в России в первой половине XIX века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2003. № 6. С. 46-49.
- Егорышева, Данилишина, 2001** – Егорышева И.В., Данилишина Е.И. Губернские и уездные правительственные органы охраны народного здоровья в России (XIX – начало XX в.) // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2001. № 1. С. 53-55.
- Зархин, 1956** – Зархин И.Б. Очерки из истории отечественной фармации XVIII и первой половины XIX века. М., 1956. 127 с.
- Канель, 1910** – Канель В.Я. Общественная медицина в связи с условиями жизни народа // *История России в XIX веке*. В 12 т. СПб., 1910. Т. VIII. С. 156-262.
- Куприянов, 1873** – Куприянов Н.Г. Исторический очерк состояния медицины в царствование Екатерины II. СПб., 1873. 28 с.
- Мирский, 2005** – Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков: Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2005. 631 с.
- Мушинский, 1862** – Мушинский К.А. Устройство общественного призрения в России. СПб., 1862. 64 с.
- Никитин, 1855** – Никитин А. Краткий обзор медицины в России в царствование императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. Опекунского совета, 1855. 82 с.
- О состоянии общественного здоровья и деятельности больниц, 1856** – О состоянии общественного здоровья и деятельности больниц гражданского ведомства в империи в 1855 году. СПб., 1856. 271 с.
- Перфильев, 1889** – Перфильев М.О. О положении медицинского дела в России (Материалы к данному вопросу). СПб., 1889. 187 с.
- Покровский, 1882** – Покровский М.М. Здоровье русского народа в связи с условиями его быта // *Русская мысль*. 1882. № 2. С. 105-149.
- ПСЗРИ, 1884** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). СПб., 1830–1884.
- Португалов, 1873** – Португалов В.О. Вопросы общественной гигиены. СПб., 1873. 623 с.
- Правила о принятии мер к прекращению холеры и чумы, 1903** – Правила о принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их в империи / Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1903. СПб., 1903.
- Пристанскова, 2007** – Пристанскова Н.И. Правовое регулирование врачебно-санитарной деятельности в Российской империи (XIX – начало XX вв.). СПб. Б. и., 2007. 171 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сегал, 1950** – Сегал А.Е. Гриппозные заболевания и борьба с ними в России XVIII и начала XIX веков // *Клиническая медицина*. 1950. Т. 28. № 10. С. 80-82.
- Собрание Российских законов о Медицинском управлении, 1828** – Собрание Российских законов о Медицинском управлении с присовокуплением постановлений Правительства по предмету наук: Медицинской, Фармацевтической, Ветеринарной и принадлежащих к ним Судной Медицины и Полиции Медицинской. С 1640 по 1826 г. включительно. Ч. 3. СПб., 1828.

Френкель, 1909 – Френкель З.Г. Холера и наши города. М., 1909. 36 с.

Ханыков, 1851 – Ханыков Я.В. Очерк истории медицинской полиции в России. СПб., 1851. 114 с.

References

- Benyumov, 1952 – Benyumov, R.Ya. (1952). K istorii mediko-sanitarnogo zakonodatel'stva v Rossii [On the history of health legislation in Russia]. *Vrachebnoe delo*. 8: 749-751. [in Russian]
- Egorysheva, 2003 – Egorysheva, I.V. (2003). Upravlenie zdravookhraneniem v Rossii v pervoi polovine XIX veka. [Health care management in Russia in the first half of the 19th century]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 6: 46-49. [in Russian]
- Egorysheva, Danilishina, 2001 – Egorysheva, I.V., Danilishina, E.I. (2001). Gubernskie i uездnye pravitel'stvennyye organy okhraneniya narodnogo zdравиya v Rossii (XIX – nachalo XX v.) [Provincial and county government bodies for the protection of public health in Russia (XIX - early XX century)]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 1: 53-55. [in Russian]
- Frenkel', 1909 – Frenkel', Z.G. (1909). Kholera i nashi goroda [Cholera and our cities]. М. 36 p. [in Russian]
- Gubert, 1896 – Gubert, V.O. (1896). Ospa i ospoprivivanie (Yubileinoe izdanie Russkogo Obshchestva Okhraneniya Narodnogo Zdравиya) [Smallpox and smallpox vaccination (Anniversary edition of the Russian Society for the Protection of People's Health)]. Vol. 1. SPb. 535 p. [in Russian]
- Gutkina, 1927 – Gutkina, A.Ya. (1927). Organizatsiya zdravookhraneniya v Rossii ot Aptekarskogo prikaza do nashikh dnei [Organization of health care in Russia from the Pharmaceutical order to the present day]. *Vrachebnoe delo*. 20: 1455-1460. [in Russian]
- Kanel', 1910 – Kanel', V.Ya. (1910). Obshchestvennaya meditsina v svyazi s usloviyami zhizni naroda [Public medicine in connection with the living conditions of the people]. *Istoriya Rossii v XIX veke*. V 12 t. Spb. Vol. VIII. Pp. 156-262. [in Russian]
- Khanykov, 1851 – Khanykov, Ya.V. (1851) Oчерk istorii meditsinskoй politzii v Rossii [Essay on the history of the medical police in Russia]. SPb. 114 p. [in Russian]
- Kupriyanov, 1873 – Kupriyanov, N.G. (1873). Istoricheskii очерk sostoyaniya meditsiny v tsarstvovanie Ekateriny II [Historical sketch of the state of medicine in the reign of Catherine II]. SPb. 28 p. [in Russian]
- Mirskii, 2005 – Mirskii, M.B. (2005). Meditsina Rossii X–XX vekov: Oчерki istorii [Medicine of Russia X–XX centuries: Essays on history]. М. 631 p. [in Russian]
- Mushinskiy, 1862 – Mushinskiy, K.A. (1862). Ustroistvo obshchestvennogo prizreniya v Rossii [The device of public charity in Russia]. SPb. 64 p. [in Russian]
- Nikitin, 1855 – Nikitin, A. (1855). Kratkii obzor meditsiny v Rossii v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II [Brief review of medicine in Russia during the reign of Empress Catherine II]. SPb.: Tip. Opekunskogo soveta. 82 p. [in Russian]
- O sostoyanii obshchestvennogo zdравиya i deyatel'nosti bol'nits, 1856 – O sostoyanii obshchestvennogo zdравиya i deyatel'nosti bol'nits grazhdanskogo vedomstva v imperii v 1855 godu (1855) [On the state of public health and the activity of the hospitals of the civil department in the empire in 1855]. SPb. 271 p. [in Russian]
- Perfil'ev, 1889 – Perfil'ev, M.O. (1889). O polozhenii meditsinskogo dela v Rossii (Materialy k dannomu voprosu) [On the state of medical affairs in Russia (Materials for this issue)]. SPb. 187 p. [in Russian]
- Pokrovskii, 1882 – Pokrovskii, M.M. (1882). Zdorov'e russkogo naroda v svyazi s usloviyami ego byta [The health of the Russian people in connection with the conditions of their life]. *Russkaya mysl'*. 2: 105-149. [in Russian]
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1884 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroе (1825–1881) (1884) [Complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection (1825–1881)]. SPb. [in Russian]
- Portugalov, 1873 – Portugalov, V.O. (1873). Voprosy obshchestvennoi gigieny [Issues of public hygiene]. SPb. 623 p. [in Russian]
- Pravila o prinyatii mer k prekrashcheniyu kholery i chumy, 1903 – Pravila o prinyatii mer k prekrashcheniyu kholery i chumy pri poyavlenii ikh v imperii (1903) [Rules on taking measures to stop cholera and plague when they appear in the empire]. Sobranie uzakoneniі i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate. SPb. [in Russian]
- Pristanskova, 2007 – Pristanskova, N.I. (2007). Pravovoe regulirovanie vrachebno-sanitarnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi imperii (XIX – nachalo XX vv.) [Legal regulation of medical and sanitary activities in the Russian Empire (XIX – early XX centuries)]. SPb. 171 p. [in Russian]
- RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Segal, 1950 – Segal, A.E. (1950). Grippozyne zabollevaniya i bor'ba s nimi v Rossii XVIII i nachala XIX vekov [Influenza diseases and their control in Russia in the 18th and early 19th centuries]. *Klinicheskaya meditsina*. 28(10): 80-82. [in Russian]

Sobranie Rossiiskikh zakonov o Meditsinskom upravlenii, 1828 – Sobranie Rossiiskikh zakonov o Meditsinskom upravlenii s prisovokupleniem postanovlenii Pravitel'stva po predmetu nauk: Meditsinskoi, Farmatsevticheskoi, Veterinarnoi i prinaldlezhashchikh k nim Sudnoi Meditsiny i Politsii Meditsinskoi. S 1640 po 1826 g. vklyuchitel'no (1828) [Collection of Russian Laws on Medical Administration with the addition of Government Decrees on the subject of sciences: Medical, Pharmaceutical, Veterinary and related Judicial Medicine and the Medical Police. From 1640 to 1826 inclusive]. P. 3. SPb. [in Russian]

Vasil'ev, Segal, 1960 – Vasil'ev, K.G., Segal, A.E. (1960). Istoriya epidemii v Rossii [History of epidemics in Russia]. M. 397 p. [in Russian]

Zarkhin, 1956 – Zarkhin, I.B. (1956). Ocherki iz istorii otechestvennoi farmatsii XVIII i pervoi poloviny XIX veka [Essays on the history of national pharmacy in the 18th and first half of the 19th century]. M. 127 p. [in Russian]

Развитие системы медицинской полиции в XVIII – первой половине XIX вв.

Анна Бакулина ^{a,*}, Илья Бакулин ^b, Таисия Кришталева ^b

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В рамках данного исследования рассмотрена история зарождения и эволюции медицинской полиции в России в период XVIII – первой половины XIX вв. Целью статьи является оценка качества влияния работы медицинской полиции на ситуацию внутри империи. Методология исследования выстраивается за счет сочетания элементов сравнительного, системного и функционального анализа. Источниковая база работы включает не опубликованные ранее делопроизводственные документы из архивных фондов и корпус законодательных актов. Авторы приходят к выводу, что на протяжении большей части своего существования в дореформенный период система военной полиции охватывала преимущественно города, при этом наиболее интенсивно ее присутствие ощущалось в уездных и губернских центрах. Прямые и косвенные методы воздействия на ситуацию в сельской местности, доступные медицинской полиции, были достаточно ограниченными. Широка функционала в сочетании с нехваткой кадров и общим дефицитом ресурсов априори нивелировали эффективность работы медицинской полиции. Свою роль также играли пробелы в законодательстве: приписывая полиции определенные функции, разработчики нормативно-правовых актов не наделяли ее соответствующими полномочиями. Ситуацию усугубляло наличие альтернативного «центра принятия решений» в лице территориальных сообществ помещиков, оказывавших значительное влияние на политическую систему и способных саботировать многие инициативы властей. В то же время необходимо отметить, что на протяжении большей части исследуемого периода полноценный аппарат государственного управления современного типа находился в состоянии становления. Относительно законченный вид он приобрел лишь в правление Николая I, когда система исполнительной власти наконец была насыщена до приемлемого уровня квалифицированными кадрами, а сам процесс управления начал выстраиваться на основе проектного и стратегического подходов. С учетом данных обстоятельств можно утверждать, что в исследуемый период были заложены основы для организации медицинской полиции нового типа, соответствующей реалиям аграрно-индустриального общества. Был накоплен значительный опыт проведения санитарно-эпидемиологических мероприятий, а допущенные ранее ошибки и просчеты в большинстве случаев подвергались осмыслению и учитывались при разработке новых методик противодействия распространению опасных заболеваний. В то же время четко обозначилась необходимость в увеличении финансирования и полномочий медицинской полиции, улучшении кадрового обеспечения, а также создании специализированных структур, которым полицейский аппарат мог бы делегировать избыточные функции (например, ветеринарный контроль).

Ключевые слова: медицинская полиция, дореформенный период, холера, оспа, прививки, санитарный контроль, карантинные мероприятия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anbakdoc@mail.ru (А. Бакулина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 25-36
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.25

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Border Battle: Fighting on the Ukrainian-Moscow Border in 1660–1661

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Evgenij M. Osadchij ^c, Jasmin Gut ^d

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Institute of Applied Physics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Sumy, Ukraine

^d University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article is devoted to the events that took place on the border between the Muscovy and the Zaporizhzhya Army in the autumn of 1660 – in the spring of 1661. In the autumn of 1660, an expeditionary corps under the command of the boyar Vasily Sheremetyev was surrounded and defeated on the Right-Bank Ukraine. At the same time, Hetman Yuri Khmelnitsky entered into an alliance with the Commonwealth against the Muscovy. This was the reason for the open action of several left-bank Cossack regiments. The most active anti-Moscow speeches were in the Poltava and Gadyach regiments. In the winter of 1660–1661, the Cossack detachments of these regiments undertook several campaigns in order to attack the Moscow border fortresses. The cities of Kamenny, Aleshnya and Volny were taken under siege. The Moscow garrisons were able to repulse these attacks, however, their fortifications were badly damaged and their supplies depleted. Heavy losses led to the fact that the garrisons of the border fortresses went on the defensive and could not actively oppose the Cossack detachments.

In the autumn of 1660, on the orders of the tsar, the Belgorod governor sent several detachments to "pacify" the Cossack cities. Under the cities of Gadyach and Zinkov, Moscow troops entered into battle with the Cossacks, but they could not take these fortresses. In the winter of 1660, hetman Petr Doroshenko arrives in Zinkov. At the disposal of the Moscow governor was no more than 3,000 infantry and cavalry, and the Ukrainian hetman had 6,000 Cossacks. In the spring of 1661, a detachment of Cossacks near the town of Grun in a decisive battle were defeated and fled. Shortly thereafter, the Poltava and Gadyach regiments stopped the fight against the Muscovite kingdom and confirmed the oath to the tsar.

As a result of the analysis of published sources and their own research, the authors found that in the confrontation between the two armies – the Moscow and the Cossack at the first stage of the battle, the advantage was on the side of the latter. Flexible tactics and numerical superiority made the positions of the Cossacks stronger in defense and successful in attack. Subsequently, the change in command of the Cossack troops led to the fact that less numerous, but more organized detachments of the Moscow regular troops were able not only to repulse the attack, but also inflict a decisive defeat on the enemy.

Keywords: Petro Doroshenko, Grigory Romodanovsky, Ukraine, Muscovy, armed conflict, war, the siege of the fortress, 1660–1661.

1. Введение

После смерти Богдана Хмельницкого казацкое государство Войско Запорожское переживало политический кризис. Переяславский договор 1654 года не устраивал казаков, и прежде всего часть казацкой старшины. Выразителем антимосковских настроений был новый гетман Иван Выговский, выступивший открыто против присутствия гарнизонов ратных людей и воевод в крупных украинских

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

городах. Военная кампания, сначала удачная, не принесла ожидаемых результатов. Большинство левобережных украинских городов признали власть гетмана, но слободские полки и московские пограничные крепости оказали ему упорное сопротивление. Победа под Конотопом летом 1659 года стала последней удачей Ивана Выговского, а вскоре на казацкой раде (совет) под Белой Церковью он был лишен гетманства и на его место избран сын Богдана Хмельницкого Юрий. В это время на украинских землях продолжалась борьба между Московским царством и Речью Посполитой. Их союзниками в этой войне выступали Крымское ханство и украинские казацкие полки. Часто союзники меняли лагерь, исходя из собственной выгоды и военно-политической ситуации. Поражение одной стороны вызывало бегство из его лагеря прежних союзников. Такая ситуация сложилась в конце 1660 года на Правобережной Украине как результат окружения и капитуляции московского экспедиционного корпуса под командованием боярина Василия Шереметьева. На сторону Речи Посполитой перешел Юрий Хмельницкий, а в октябре 1660 года он подписал Слободищенский трактат, по которому Войско Запорожское разрывало союзные отношения с Московским царством. По этому договору левобережные казацкие полки должны были освободить города от московских гарнизонов. Как следствие, на границе с Московским царством началась пограничная война. Эта кампания отличалась от действий на Правобережье отсутствием прямых столкновений в поле, зато изобиловала осадами крепостей и стычками небольших отрядов. События, рассматриваемые в статье, происходили в промежутке с осени 1660 г. до лета 1661 г., когда отряды казаков Полтавского и Гадячского полков атаковали пограничные крепости Московского царства. Кульминацией этого противостояния стал бой под местечком Грунь, где сошлись отряд казаков под руководством Сацка Пушкелы и ертаульная сотня стряпчего Григория Косагова.

2. Материалы и методы

Изучение хода боевых действий в эпоху Средневековья имеет давние традиции. В основном исследования полей битв происходит путем сбора артефактов и их тщательного картографирования. Нанесение на карту находок позволяет с определенной точностью выявить нахождение противоборствующих сторон, а также их маневры. Установление места битвы часто происходит благодаря случайным находкам. К таковым можно отнести обнаружение массового захоронения погибших в битвах при Таутоне (Великобритания), при Висбю (о. Готланд), под Берестечком (Украина). Эти раскопки позволили изучить антропологический и археологический материал, а также установить место, где происходили исторические события. Наиболее информативными были раскопки около села Берестечко. Здесь болотный грунт сохранил не только металлические изделия, но и органические. В результате получены уникальные материалы, позволяющие датировать аналогичные предметы, найденные в других регионах (Свешников, 1992).

Часто боевые действия связаны с конкретными археологическими памятниками. Одна из битв между коронными войсками и восставшими казаками под командованием Якова Острянина произошла на территории древнего городища летописного города Голтва. В археологических исследованиях этого памятника принимал участие и один из авторов. Создание общего топографического плана местности в урочище Шар-гора позволило зафиксировать укрепления, возведенные казаками, а археологические исследования выявили предметы вооружения и быта середины XVII века (Шерстюк, Яремченко, 2016: 38-42).

Одним из грандиозных сражений на территории Левобережной Украины является битва под Конотопом. Она считается центральной в противостоянии между войсками гетмана Ивана Выговского и союзных ему татар с корпусом воеводы Алексея Трубецкого весной–летом 1659 года. Изучению этого сражения посвящены несколько научных трудов, среди которых можно выделить работу А. Сокирка, построенную на сочетании тщательного анализа письменных источников и воссоздания рельефа местности, где происходили исторические события. В результате была построена цифровая модель рельефа местности с указанием расположения и маневров противостоящих сторон (Сокирко, 2008а). Аналогичные методы были использованы и авторами при изучении боевых действий 1658–1659 годов на территории Слобожанщины. Это осада города Каменный 1658 года, битва под селом Казацкое и около Выгорева-городища весной–летом 1659 года. К работе были привлечены письменные источники, описывающие ход сражения и укрепления, подробные крупномасштабные планы местности, а также археологические коллекции краеведческих музеев области (Дегтярев, Осадчий, 2020: 35-36; Осадчий, 2014: 234-243; Osadchiy, 2021: 1-11; Берест, Осадчий, 2018: 253-255).

Боевые действия эпохи Средневековья и Нового времени можно разделить на штурмы и осады крепостей, фронтальные сражения и маневренную войну. К последней категории можно отнести и рассматриваемое приграничное сражение 1660–1661 годов. Специфика ведения маневренной войны предусматривает быстрые перемещения войск на значительные расстояния и отсутствие длительных осад. Это несколько усложняет исследования материальных свидетельств, так как войска долго не задерживались на одном месте.

Здесь на первый план выходят историко-географические и топографические исследования, позволяющие реконструировать пути перемещения войск. Для реконструкции перемещения

значительных боевых подразделений использовались методы реконструкции палеорельефа. Современная мелиорация и создание сети плотин на реках в значительной мере изменили характер местности. Места переправ, а также дороги восстанавливались путем наложения данных письменных источников на карты XVIII–XIX веков. Результатом этого исследования стала реконструкция одного из маршрутов, а именно Сагайдачного шляха (Осадчий, Дегтярьов, 2021: 5–20)

В ходе исследования приграничного сражения 1660–1661 годов были обследованы места сосредоточения противоборствующих армий и места, где происходили боевые столкновения. Это крепости Ахтырка, Вольный, Каменное и Алешня. Именно эти города занимали московские войска, а их расположение на границе определило характер сражения. Менее изученными оказались города, где сосредотачивались казацкие войска. Это прежде всего Зиньков и Гадяч. Именно эти города были объектами нападений московских войск зимой и весной 1661 года. Авторами было обследовано городище в городе Гадяч, являющееся остатками замка казацкого города. Именно под его стенами произошел бой между казаками Павла Животовского и московскими ратными людьми под командованием Григория Косагова. Исследование укреплений казацкого времени в Опощне и ее окрестностях дало материал не только для изучения данного сражения, но и эпизодов Северной войны.

Таким образом, благодаря комплексному изучению археологических источников с привлечением данных картографии были получены материалы, позволяющие реконструировать события, изложенные в письменных источниках середины XVII века.

Источники, освещающие события конца 1660 – начала 1661 годов изложены в третьем томе сборника документов «Акты Московского государства». Это переписка между Разрядным приказом и воеводой Белгородского полка князем Григорием Ромодановским. Документы отражают состояние и количество войск на границе, а также изобилуют данными московской разведки о намерениях противника. В переписке прослеживается эмоциональное состояние руководства. Зимой 1660–1661 гг. его можно охарактеризовать как растерянность и легкую панику (АМГ. Т. 3: 88–372).

Дополнительные данные получены при обследовании московских пограничных крепостей и казацких городков, расположенных в среднем течении Ворсклы и Псла. Здесь проходила граница между Речью Посполитой и Московским царством, а также здесь сходились сферы влияния Крымского ханства и Войска Запорожского. Археологические разведки, проводившиеся одним из авторов в 1990-х – начале 2000-х годов, позволили выявить и картографировать большинство из известных по письменным источникам укреплений. Это крепости Вольный, Алешня, Каменный, а также казацкие городки Ахтырка, Недригайлов, Боромля, находившиеся в непосредственной близости от границы. Были обследованы два небольших казацких городка – Куземин и Грунь. Остатки Куземинской крепости в большинстве своем сохранились, имеются также и изображения ее на картах (Гречко и др., 2015: 67–72; Osadchiy, 2016: 224–227). Вопрос об укреплениях у Груни пока остается открытым. Городок был основан в низком месте, на левом берегу р. Грунь. На сегодня остатков укреплений на поверхности не зафиксировано. Единственное упоминание в письменных источниках о них содержится в челобитной грунского сотника Левка Мишкина о разорении городка казаками гетмана Ивана Выговского и татарами. В тексте есть интересное упоминание о том, что был прорыт ров, разделяющий городок, а в качестве деревянных укреплений использовались бревна из разобранный церкви (АЮЗР. Т. 7: 285). Отдельные предметы вооружения и защитного доспеха, используемые в середине XVII века противоборствующими сторонами, опубликованы научным сотрудником Ахтырского городского краеведческого музея Ю. Берестом (Берест, 2017: 122–123).

3. Обсуждение

Историография вопросов, связанных с противостоянием казацких и московских армий насчитывает уже более 150 лет. В середине XIX века Археографической комиссией было обработано множество архивных материалов, хранящихся в архивах Российской империи. Также были введены в научный оборот казацкие летописи и работы иностранных авторов – современников событий. Эти материалы в большинстве своем стали основой для написания исторических исследований. Теме украинско-московских конфликтов и войн середины – второй половины XVII века посвящены отдельные разделы нескольких томов фундаментальной работы М. Грушевского «История Украины – Руси» (Грушевський, 1913; Грушевський, 1931а; Грушевський, 1931б). Истории запорожских казаков и конфликтов, в которых они принимали участие, посвящена «История запорожского казачества» (Яворницький, 1990).

Советская историография отношений между Речью Посполитой, украинскими казаками и Московским царством строилась прежде всего на идеологической основе, а именно – классовом подходе. Здесь доминировала проблематика крестьянских восстаний, а основным противником был представлен власть имущий класс обоих государств. Основой такого рода работ был анализ положения беднейших классов, а изложение материала и источниковая база подавалась исходя из необходимости иллюстрации классовой борьбы. Например, работа Е. Апанович, посвященная борьбе Запорожской Сечи с крымско-турецкими нападениями, является ярким примером такого подхода (Апанович, 1961).

К 300-летию подписания Переяславского договора 1654 года было выпущено множество работ, посвященных этому событию, в том числе трехтомное издание «Воссоединение Украины с Россией»

(Воссоединение. Т. 1; Воссоединение. Т. 2; Воссоединение. Т. 3). Следует отметить, что до обретения Украиной независимости в 1991 году тема военного противостояния не поднималась. Таким конфликтом была война, начатая украинским гетманом Иваном Выговским в 1658 году и продолженная Петром Дорошенко. Современная историография этого вопроса представлена несколькими обобщающими работами. Среди прочих следует выделить монографию А. Бульвинского, проанализировавшего причины конфликта и рассмотревшего ход военных действий с привлечением не только источников российского, но и зарубежного происхождения (Бульвинский, 2008). Серия работ А. Сокирко посвящена анализу вооружения, подготовки и тактики противоборствующих сторон и представляет хороший образец военно-исторического исследования (Сокирко, 2006; Сокирко, 2008b). Эти работы посвящены первой фазе конфликта, когда войсками казаков и татар руководил гетман Иван Выговский, и Конотопской битве 1659 года, как событию наивысшего накала боевых действий.

Дальнейшие события часто оказываются в тени знаменитого поражения под Чудновым 1660 года, когда московские войска были вынуждены капитулировать, а на Левобережье началось восстание нескольких казацких полков. Этому вопросу посвящена одна из работ Т. Яковлевой (Яковлева, 2003: 139-224). В ней на основе архивных материалов изложены события, имевшие влияние и на положение приграничных территорий Московского царства и Речи Посполитой. Из краеведческих трудов следует отметить работы исследователя О. Сирого, где опубликованы данные о численности грункой сотни во второй половине XVII века, но военные действия 1660–1661 годов в ней не рассматриваются (Сірий, 2012: 7-8; Сірий, 2014: 319-320).

В последние годы большое внимание ученых обращает на себя проблематика, связанная с изучением биографий участников различных казацких военных кампаний или даже целых казацких родов. В таких исследованиях также иногда упоминаются (часто очень поверхностно) события, связанные с казацко-татарскими, казацко-московскими или казацко-польскими конфликтами (Мицик, 2009: 511-531; Мицик, 2021: 56-69; Degtyarev, Kryvosheia, 2016; Degtyarev et al., 2021).

Однако в целом на сегодняшний день военные действия, происходившие на юго-западной границе Московского царства в 1660–1661 годах, остаются недостаточно изученной проблемой, несмотря на наличие опубликованных архивных материалов. Данные, собранные и проанализированные авторами, в некоторой степени дополняют этот пробел, хотя некоторые события, к примеру решающее сражение под Грунью, требуют отдельного, более детального исследования.

4. Результаты

Осенью 1660 года экспедиционный корпус под командованием боярина Василия Шереметьева был окружен союзными польско-татарскими войсками. Вначале удачное отступление привело московскую армию к окружению и капитуляции. На юго-западной границе Московского царства об этом узнали спустя месяц. В октябре 1660 года в царской грамоте боярину Григорию Ромодановскому сообщалось о поражении корпуса Василия Шереметьева и заключении договора между гетманом Юрием Хмельницким и Речью Посполитой. Ему предписывалось срочно выступить на Переяслав, и ставилась задача помочь московским войскам в районе Киева, а в дальнейшем действовать сообразно обстановке. Также предписывалось закупить в Белгороде 2 тыс. лошадей для отправки их в Киев (АМГ. Т. 3: 181, 186-187). Такие распоряжения свидетельствуют о том, что в Разрядном приказе не совсем точно владели информацией о положении дел как на украинских землях, так и в Белгороде. В дальнейшем подобные приказы будут регулярно поступать из Москвы, что значительно дезориентирует Григория Ромодановского.

Одновременно с получением данных о поражении Василия Шереметьева в Белгород приходят вести о возможности перехода Полтавского казацкого полка на сторону Юрия Хмельницкого. Это угрожало изменением соотношения сил на границе Московского царства. Преимущественное большинство военных сил на Левобережной Украине составляли казацкие полки. В случае необходимости к ним присоединялись отряды московского войска. По такому принципу формировались боевые группы, задачей которых было противодействие полякам и татарам.

Летом 1660 года была сформирована боевая группа под командованием стряпчего Григория Косагова. В нее вошли 250 рейтар и детей боярских, 200 донских и орешковских казаков, 837 солдат из 4 полков «нового строя», 2 100 казаков полковой службы Ахтырского полка и 596 харьковских и цареворисовских казаков (АМГ. Т. 3: 88). Таким образом, боевая группа была сформирована сбалансированно, имея в своем составе пехоту из казаков, рейтар и драгун. Особенностью таких мобильных групп было отсутствие полевой артиллерии и тяжелого обоза.

По мере поступления новой информации в Москву оттуда выходят новые указания для белгородского воеводы. Уже в ноябре 1660 года Григорию Ромодановскому приказано отменить выступление на Переяслав и немедленно выступить из Белгорода на юго-западную границу, взяв все имеющиеся в наличии подразделения, не дожидаясь тех, кто отсутствовал. Поспешность этого распоряжения была вызвана сомнением в лояльности левобережных казацких полков. Конечным пунктом прибытия в приказе указаны Вольный или Хотмышск. Ромодановский в ответном донесении

указывал на немногочисленность имеющихся сил в Белгороде и постоянное дезертирство. В ноябре он продолжал готовиться к походу и получал все новые донесения о поражении московского корпуса. В это же время слух о поражении московских войск под Чудновым достиг и слободских полков. Ахтырский полковник Иван Гладкой писал в Белгород о том, что из Ахтырки, Боромли и Недригайлова 200 казаков ушли за Днепр, бросив свои семьи (АМГ. Т. 3: 186-187, 199).

В ноябре 1660 года Москва продолжала вносить хаос в управление войсками Белгородского полка. Григорий Ромодановский получил приказ отправляться в Ахтырку и оттуда вести разведку в Нежинском и Полтавском полках. Такое положение дел поставило в тупик опытного военачальника. Он с недоумением спрашивал царскую администрацию, куда именно ему двигаться и какое из полученных предписаний необходимо выполнять? (АМГ. Т. 3: 203, 246).

В ноябре 1660 года Григорий Ромодановский, собрав имеющиеся под его началом силы, выступил на границу и расположился лагерем около Хотмышска. Приход Григория Ромодановского на Ворсклу должен был повлиять на лояльность казаков Ахтырского полка. В это время гетман Юрий Хмельницкий через своих сторонников призывал к выступлению против царя московского. Письмо с таким призывом было передано ахтырским полковником Иваном Гладким в Хотмышск. Григорию Ромодановскому приходили донесения о том, что в приграничные украинские города готовятся идти отряды украинских казаков и татары (АМГ. Т. 3: 220, 223).

В конце ноября наспех сформированный отряд из различных подразделений белгородского полка под командованием Григория Ромодановского отправляется в Карпов. Здесь он пополнил запасы пороха и продовольствия. После его ухода карповский воевода писал в Москву, что пороха у него на случай осады нет, почти все забрал белгородский воевода. Григорий Ромодановский решает двигаться на Сумы. Там он получил царский приказ снова отправляться в Хотмышск для предотвращения «шатости» Ахтырского полка. В это же время он также получает письмо и от нежинского полковника Василия Золотаренко с просьбой срочно прибыть в Нежин для «обнадеживания и устрашения» местных казаков (АМГ. Т. 3: 253, 321).

В такой ситуации для обозначения военного присутствия московских войск в Ахтырский полк отправляется ертаульная сотня во главе со стряпчим Григорием Косаговым и Иваном Черниговцем. А в декабре 1660 года из Разрядного приказа поступило еще несколько грамот с указаниями, куда именно двигаться отряду Григория Ромодановского, но в результате он остался в Сумской крепости. В одном из документов даже предписывалось вести дезинформацию о приходе в Белгород новых военных подразделений и выступлении туда самого воеводы (АМГ. Т. 3: 223, 253).

В декабре 1660 года по приказу наказного гетмана Якимом Сомка Иван Гладкой во главе полка в 4 тыс. казаков был послан в Прилуки против полковника Тереха, а Федор Жученко должен был действовать против войск Юрия Хмельницкого и поляков. Действия полтавского полковника были скорее демонстративными, нежели реальными. В письме к Григорию Ромодановскому он писал о том, что в помощи московского войска не нуждается. Тогда же приходят известия о переходе Гадяцкого, Лубенского и Полтавского полков на сторону гетмана Юрия Хмельницкого (АМГ. Т. 3: 246-247, 249-250, 254).

Это сразу же изменяет равновесие сил на Левобережной Украине. На стороне Юрия Хмельницкого оказываются практически все полки, кроме Нежинского, возглавляемого Якимом Сомком. С этого момента начинаются открытые боевые действия между украинскими казацкими полками и гарнизонами московских порубежных крепостей.

Соотношение сил в регионе было не в пользу Москвы. Опорой московской обороны в регионе были казацкие полки, имеющие многочисленную пехоту. Для ее усиления использовались рейтарские и солдатские полки «нового строя». Но эти подразделения были немногочисленными. С переходом левобережных полков на сторону Юрия Хмельницкого единственной поддержкой московских войск оставались слободские полки.

Численность подразделений, доступных Григорию Ромодановскому в начале 1661 года, составляла 3 019 человек, из которых 1 799 были рейтары, 52 – драгуны, 855 – солдаты, 313 – донские казаки (АМГ. Т. 3: 317). Этот отряд не имел артиллерии и припасов. Его предполагалось использовать с опорой на гарнизоны крепостей. Положение в пограничных крепостях было очень тяжелое. После боевых действий 1658–1659 годов там практически не осталось запасов продовольствия и пороха, а укрепления нуждались в ремонте. Гарнизоны пограничных крепостей состояли преимущественно из детей боярских. Они переселялись на границу из внутренних районов Московского царства. За десять лет дворяне и дети боярские успели обзавестись хозяйством и представляли уже скорее вооруженных жителей, нежели профессиональных военных. Они неплохо показали себя в обороне крепости, но для активного противодействия нападающим вне укреплений не годились.

Казацкие левобережные полки почти не пострадали в ходе кампаний 1648–1657 годов. Их численность составляла около 4–5 тысяч человек, усиленных полевой артиллерией. Казацкие полки были достаточно мобильными. В походе большинство пехоты передвигалось на конях, а в обозе перевозилась артиллерия и припасы. Казаки активно использовали реки для перевозки тяжелых грузов. Зимой 1660–1661 годов на Левобережье начинают прибывать новые казацкие подразделения. Местом их

сбора были Ромны, Гадяч, Сенча и Миргород (АМГ. Т. 3: 258). Возглавлял и координировал действия казаков чигиринский полковник Петр Дорошенко, назначенный наказным гетманом.

В декабре 1660 года казацкие войска, имея численное преимущество, начали нападать на приграничные крепости Московского царства и разорять села к югу от Ахтырки. Для противодействия казакам Григорий Ромодановский выслал рейтар из полка Вормзера, отряд Григория Косагова, драгун, донских, яицких и харьковских казаков. Этот отряд именем царя «промышлял» население левобережных полков. Под городом Гадяч московские ратные люди вступили в бой со значительным казацким отрядом под командованием полковника Павла Животовского. После боя казаки отступили в крепость, однако взять штурмом укрепления Гадяча не удалось. Узнав, что в городе находятся около 6000 казаков, московские войска вынуждены были спешно отступить к Ахтырке (АМГ. Т. 3: 257-258).

К Зинькову был отправлен стольник Петр Скуратов со своим полком из Путивля. Внезапное нападение на город также не привело к успеху. Казаки совершили вылазку и сорвали московскую атаку. Во время боя, проходившего в предместье, были захвачены несколько казацких знамен, но крепость взять не удалось. В своем донесении московский военачальник пишет о своей победе, но добавляет, что около Зинькова располагаются значительные силы наказного гетмана Петра Дорошенко. Несмотря на данные о переходе этих полков на сторону Юрия Хмельницкого, реакция из Москвы на эти походы была негативной (АМГ. Т. 3: 258-259).

Одновременно с этими событиями казацкие отряды начали постепенно окружать пограничные крепости. Тактика казаков заключалась в том, чтобы перекрыть пути сообщения между крепостями и слободскими полками. Не вступая в открытый бой, они занимали окрестные села, вынуждая защитников крепости находиться в осаде. Так поступили с Вольным и Алешней. Вольный – достаточно мощная крепость, имевшая на вооружении артиллерию, была заблокирована казацкими отрядами. Для того чтобы снять осаду с крепости, отряд Григория Ромодановского вынужден был идти скорым маршем из Сум. При приближении основных сил московского войска полтавские казаки отступили без боя в Грунь. Положение с припасами в Вольном было очень тяжелым, чрезмерно высокой была стоимость хлеба (АМГ. Т. 3: 304-305) (Рисунок 1).

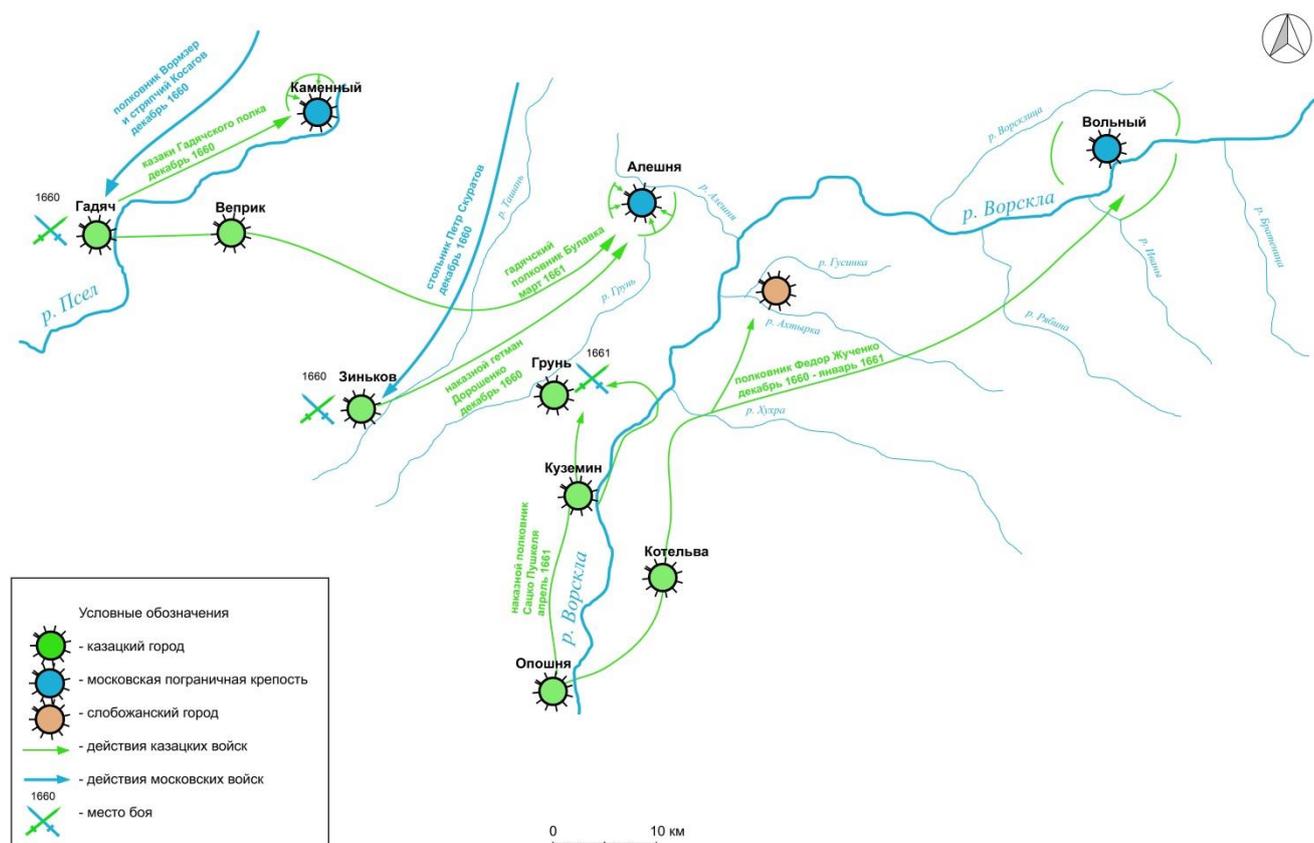

Рис. 1. Карта боевых действий московских и казацких войск осенью 1660 – весной 1661 годов

Городки Каменный и Алешня подверглись прямым нападениям. К Алешне подошел отряд казаков Петра Дорошенко. Окольные слободы были сожжены, а крепость взята в осаду. После нескольких неудачных штурмов казаки отступили. В помощь гарнизону Алешни Григорий Ромодановский смог послать только сотню казаков из Ахтырки. В марте 1661 года большой отряд

казаков гадячского наказного полковника Булавки, вооруженный, в том числе и пушками, осадил Алешню и несколько раз пытался взять город штурмом (АМГ. Т. 3: 254, 288). Несколько попыток штурма города не привели к успеху, и казаки, спалив предместья, отступили.

Город Каменный сильно пострадал в 1658–1659 годах, когда крепость несколько раз осаждали войска гетмана Ивана Выговского. Осенью 1660 года из-за нехватки продовольствия часть каменского гарнизона была распущена по домам. Однако гадячские и веприцкие казаки их не пропустили и они вынуждены были вернуться в Каменный. В крепости осталось мало пороха и свинца, а пушки, прибывшие в крепость, не имели железных оков и были непригодны к стрельбе. В декабре 1660 года гадячские казаки выступили против Каменного и взяли его в осаду (АМГ. Т. 3: 215-216, 254).

В январе 1661 года большой отряд казаков во главе с Петром Дорошенко занял Грунь. Сюда же подошли союзные казакам татары. Здесь произошел конфликт между Петром Дорошенко и сыном крымского хана. Татары рассчитывали взять большой ясырь в округе Зинькова и Груни, но против выступил наказной гетман. В отместку татары ушли, попутно спалив Грунь и взяв в полон местных жителей (АМГ. Т. 3: 310).

Зимой 1661 года Григорий Ромодановский пытался пополнить свое войско за счет рекрутов и присылки ратных людей из различных городов Белгородского полка. Мобилизация предполагалась за счет даточных людей, бывших в собственности бояр и дворян. Реальность оказалась для московского военачальника весьма неблагоприятной. Воеводы пограничных городов письма игнорировали. А если в город приезжали представители Григория Ромодановского, то их били и сажали под арест. В такой ситуации значительно пополнить ряды войска не удалось. Из детей боярских и крестьян было набрано около 2000 человек. Новоприбывшие рекруты были объединены в два рейтарских полка. Но это были необученные и плохо вооруженные подразделения. Дефицит вооружения в Белгородском полку составлял около 1000 карабинов и 1000 пар пистолетов. Требуемое вооружение в Белгород пришло только в феврале 1661 года (АМГ. Т. 3: 176, 325).

Для заинтересованности в службе из Разрядного приказа выделялась значительная сумма из расчета единовременной выплаты 25 рублей на человека. Предполагалось, что они пополнят ряды кавалерии. Для реализации этих мероприятий из казны было выделено 137 500 рублей медной монетой. Эта сумма была доставлена в Калугу, Мценск, а затем в Курск. От Курска к Белгороду казна ехала практически без охраны. Зная о возможности нападения казаков или татар, проводимые разбежались (АМГ. Т. 3: 296, 362).

Активные действия левобережных казацких полков негативно влияли на настроения слободских казаков. О возможности их перехода на сторону Юрия Хмельницкого было известно еще с осени 1660 года. В случае такого перехода Харьковского, Ахтырского и Сумского полков граница боевых действий вплотную подошла бы к Белгороду, Путивлю и Рьльску. В памяти пограничных воевод было свежо воспоминание о том, как после поражения под Конотопом татарские отряды разоряли округи Путивля, Новгород-Северского и Рьльска. К тому же в этом случае были бы потеряны крепости по линии старой границы.

В связи с этим было принято решение о переводе ставки из Карпова в Путивль. Выбор Путивля как места расположения основных московских сил официально объяснялся разорением пограничных крепостей, но в реальности такое решение принималось с учетом возможных волнений в слободских полках. Ахтырский и сумской полковники регулярно получали «прелестные листы» от полтавского полковника Федора Жученко и наказного гетмана Петра Дорошенко (АМГ. Т. 3: 316-317).

В целом действия казацких отрядов осенью–зимой 1660–1661 годов следует признать удачными. Под руководством наказного гетмана Петра Дорошенко были сконцентрированы значительные силы казацкой пехоты. Особенностью боевых действий на Левобережье было отсутствие татарской конницы. Татары появились в Груни зимой и вели себя скорее как завоеватели, нежели союзники, а после конфликта с Петром Дорошенко и вовсе ушли. В конце осени–зимы все пограничные крепости Московского царства были близки к капитуляции. Небольшие гарнизоны, состоявшие преимущественно из детей боярских, не пытались противодействовать казакам, предпочитая сидеть под защитой укреплений и артиллерии. В свою очередь действия московских войск были ориентированы на оборону. Походы, предпринятые на Гадяч и Зиньков, не принесли успеха, а противодействие казакам сводилось к метаниям отряда Григория Ромодановского по юго-западному фасу засечной черты. Рассчитывать на существенное пополнение Белгородский полк не мог, а рекруты, прибывшие в Белгород, не имели ни вооружения, ни боевого опыта. В это же время все внимание было приковано к северному театру боевых действий. Успешные действия князя Хованского в районе Смоленск–Брест–Остров были куда важнее для московского царя, чем юго-западное направление. Туда отсылались полки «нового строя» и припасы, так необходимые воеводе Григорию Ромодановскому (Малов, 2006: 31).

При рассмотрении соотношения сил войск Григория Ромодановского и Петра Дорошенко следует остановиться на возможностях Ахтырского слободского полка. Он был сформирован незадолго до рассматриваемых событий. В документах сохранились данные о численности отрядов, которые выделялись из состава полка для выполнения боевых заданий. Летом 1660 года 2000 казаков в составе отряда Григория Косагова отправились в Цареборисов для борьбы с татарами, а в декабре того же года

Ахтырский полк выделил уже 4000 казаков для похода на Прилуки (АМГ. Т. 3: 88, 247). Кроме того, в состав городского гарнизона входили, кроме казаков, дети боярские во главе с воеводой Андреем Арсеньевым. Под видом усиления гарнизона Ахтырки зимой 1661 года Григорием Ромодановским были переведены часть казаков Острогжского полка во главе с Иваном Дзинковским, а также 500 солдат и 500 рейтар. Численность казаков Острогжского полка не указана, но в отписке О. Селиховского, датированной январем 1661 года, указывается, что в городе осталось менее 1000 казаков (АМГ. Т. 3: 297, 305). Таким образом, в Ахтырке к весне 1661 года были сконцентрированы около 8500 пехоты и кавалерии, которые количественно превосходили силы казаков Полтавского и Гадячского полков. Но они были исключены из боевых действий, так как московские военачальники использовали части усиления для того, чтобы следить за настроениями ахтырских казаков.

Единственным боеспособным подразделением московской армии на линии старой границы была ертаульная сотня под командованием Григория Косагова. После боя под Гадячем он получает распоряжение следовать в Сумы на соединение с основными силами Григория Ромодановского. Но сам белгородский воевода в это время уже двигался к Карпову, а затем в Путивль. На сегодня неизвестен маршрут отряда Григория Косагова от Гадяча, но к весне 1661 года он оказался около городка Грунь.

Грунь – небольшой городок, возникший на границе владений князя Иеремии Вишневецкого в конце 40-х годов XVII века. Он находится на низком левом берегу р. Грунь. Несмотря на то, что во всех документах до середины XIX века населенный пункт именуется городом/городком, данные о его укреплениях практически отсутствуют. Единственное упоминание о них связано с событиями февраля 1659 года, когда для защиты от нападения татар жители Груни и небольшой отряд московских ратных людей вынуждены были разобрать деревянную церковь и выкопать ров в городе (АЮЗР. Т. 7: 285). Судя по описанию, эти укрепления были временной мерой и могли защитить жителей от нападения небольшого отряда легкой кавалерии. Были ли построены стационарные укрепления, доподлинно неизвестно.

К весне 1661 года расстановка сил была такова, что инициативой владели казацкие отряды, а московское войско вынуждено было занять оборону. Наказной гетман Петр Дорошенко имел более 6000 казацкой пехоты и ждал прибытия татар. Общее число войск, имевшееся в распоряжении Григория Ромодановского, не превышало 3000 без учета гарнизонов Путивля и крепостей на старой границе. Зимой 1661 года он вынужден был уменьшить свой отряд почти на две тысячи человек для усиления пограничных гарнизонов (АМГ. Т. 3: 305).

Тактика наказного гетмана Петра Дорошенко заключалась в изматывании противника, не вступая с ним в генеральное сражение. Он владел инициативой, мог сконцентрировать свои силы и ударить там, где было необходимо. Преимущество такого вида боевых действий заключается в том, что противник вынужден расплывать свои силы и ресурсы по очень широкому фронту. Однако у этой тактики был один недостаток, а именно растянутость во времени. В январе 1661 года гетман Юрий Хмельницкий, не видя очевидных успехов, отзывает Петра Дорошенко из-под Зинькова и поручает ему заняться переправой артиллерии с Левобережья к Чигирину. Вместо него наказным гетманом на Левобережье назначается Григорий Гуляницкий (Степанков, 2007: 347). Это один из ближайших соратников Ивана Выговского, руководивший обороной Конотопа весной–летом 1659 года. Новый наказной гетман получает в свое распоряжение 4 казацких полка и приказ активизировать военные действия. Учитывая неудачи с осадами крепостей, Григорий Гуляницкий решил выступить против одного из отрядов московского войска с целью достижения решающей победы.

В мае 1661 года в Куземин прибывает отряд под командованием чигиринского наказного полковника Сацка Пушкели. Его численность составляла около 2000 пеших и конных казаков. К ним присоединились и казаки куземинской сотни. Можно предположить, что появление большого отряда казаков около Ахтырки должно было повлиять на настроения слобожан и способствовать их переходу на сторону Юрия Хмельницкого. В частности, было известно о таких настроениях в Ахтырском полку.

В апреле 1661 года ертаульная сотня Григория Косагова располагалась на границе Гетманщины и Слобожанщины около местечка Грунь. Эта местность была ключевой для контроля дороги, которая вела от Опошны и Куземина к Ахтырке. Грунь располагалась в месте, где с востока протекала р. Ворскла, а с запада – Грунь. Это узкое дефиле могло контролироваться небольшим отрядом, перекрывая, таким образом, путь на север. Численность ертаульной сотни в документах не указана. Можно предположить, что основа этого отряда была сформирована летом 1660 года из солдат и рейтар. Без учета казацких подразделений их численность составляла около 1200 человек. После года, проведенного в походах и боях, этот отряд мог насчитывать не более 1000 человек.

Атаковать в лоб боеспособное подразделение казаки не решились. Они применили тактику, типичную для казацких атак на укрепленного противника, – одновременную атаку с фронта и с тыла. Отряд в 1500 казаков на лодках отправился вверх по течению Ворсклы. Он высадился в районе Журавной поляны (ныне с. Журавное). Здесь дорога от Ахтырки, после переправы через реку, поднимается на коренной берег Ворсклы, и контролировать ее можно небольшим отрядом. Высадившись в этом месте, казаки взяли в окружение ертаульную сотню Григория Косагова и отрезали ее от Ахтырки. Таким образом, московский отряд оказался в тактическом окружении, а отсутствие укреплений в Груни вынуждало московского военачальника принять бой в поле.

На сегодня неизвестно, где именно произошло это сражение. По донесению грунского сотника, это было под местечком Грунь. Левый берег реки Грунь в основном равнинный и пригоден для действий кавалерии. Это ровное плато в нескольких местах пересекают мокрые балки, впадающие в реку Грунь. Одна балка пересекает дорогу, ведущую из Груни в Куземин. Представляется сомнительным, чтобы казаки решились вступить в бой, имея за спиной препятствие для отступления. Наиболее вероятным, на наш взгляд, является плато к востоку от Груни. Учитывая то, что большинство казаков отряда Сацка Пушкели действовали от Журавной поляны, они должны были подойти к местечку с северо-востока. Это место с востока ограничено большим лесным массивом, с юга – мокрой балкой, а севера и запада – долиной реки Грунь.

Исходя из описания боя в докладе грунского сотника, бой начали казаки Сацка Пушкели, вероятно, с двух направлений – от Куземина и Журавной поляны. Основой их войска была пехота. Известно, что в составе ертаульной сотни Григория Косагова были казаки Грунской сотни и рейтары из белгородского полка полуполковника Ивана Шепелева. Совместной атакой пехоты и кавалерии казачий отряд был обращен в бегство. В результате казаки потеряли три четверти от своего войска, литавры и знамена. После этого Григорий Косагов атаковал Куземин. Сацко Пушкеля не стал оборонять город, а с остатками своего войска бежал (Таирова, 2003: 190, АМГ. Т. 3: 371-372). Уже 19 мая 1661 года в Грунь прибывает новый полтавский полковник Демьян Гуджул с предложениями мира, а 25 мая присягу московскому царю принес и Федор Жученко (АЮЗР. Т. 5: 65).

5. Заключение

Таким образом, боевые действия, длившиеся с осени 1660 года, неожиданно закончились тем, что левобережные казачьи полки вынуждены были подтвердить свою присягу московскому царю. Это сражение происходило на границе, установленной между Речью Посполитой и Московским царством в 1647 году. Именно на границе и развернулись основные действия этого сражения, которое можно назвать приграничным. Основными противоборствующими силами в нем были гарнизоны московских крепостей и казачьи отряды из левобережных полков. Казаки имели тактическое преимущество, превосходили количеством мобильной пехоты и артиллерии. С московской стороны незначительные силы Григория Ромодановского вынуждены были метаться по Белгородской черте, уменьшая запасы продовольствия и пороха. Дезертирство в рядах московских полков, а также срыв мобилизационных мероприятий поставили их на грань поражения. Переход Полтавского и Гадячского казачьих полков на сторону гетмана Юрия Хмельницкого и появление в Зинькове Петра Дорошенко привели к открытому противостоянию между двумя армиями. В течение зимы 1660–1661 годов в осаду были взяты многие крепости на границе. Ни одна из них не была взята, но их гарнизоны были истощены и понесли значительные потери. Они уже не могли быть опорой в обороне границы, а сами нуждались в помощи. В этой ситуации многое зависело от позиции слободских полков, а они вынужденно остались нейтральными, что было выгодно московскому царю.

Наказной гетман Петр Дорошенко, успешно проводивший кампанию осенью–зимой 1660–1661 годов, был отозван Юрием Хмельницким в Чигирин. Вместо него прибыл Григорий Гуляницкий, изменивший тактику ведения боевых действий. Вместо осад и блокирования московских гарнизонов он решился на открытое сражение. Кульминацией этого противостояния стал бой под местечком Грунь, где столкнулись два отряда – московский под командованием Григория Косагова и казачий Сацка Пушкели. В этом бою казачий отряд был разбит, после чего казачьи левобережные полки подтвердили крестное целование московскому царю. Смена командования и тактики ведения боевых действий привели к поражению казачьих войск и прекращению боевых действий на Левобережье.

Литература

АМГ. Т. 3 – Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1901. 674 с.

Апанович, 1961 – Апанович О.М. Запорозька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії: 50–70-ті роки XVII ст. Київ: вид-во АН УРСР, 1961. 299 с.

АЮЗР. Т. 5 – Акты, относящиеся к истории Южной и западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1659–1665. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1867. 666 с.

АЮЗР. Т. 7 – Акты, относящиеся к истории Южной и западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1657–1663. 1668–1669. СПб.: Тип. В.В. Пратц, 1872. Т. 7. 398 с.

Берест, 2017 – Берест Ю. Бердиш з колекції Охтирського краєзнавчого музею // *Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні*. К., 2017. Вип. 26. С. 122-123.

Берест, Осадчий, 2018 – Берест Ю.М., Осадчий Є.М. Сталевий нагрудник з колекції Охтирського краєзнавчого музею // *Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні*. К., 2018. Вип. 27. С. 253-255.

Бульвінський, 2008 – Бульвінський А.Г. Українсько-російські взаємини 1657-1659 рр. в умовах цивілізаційного розмежування на сході Європи. Київ, 2008. 680 с.

- Воссоединение. Т. 1** – Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. 1620–1647 годы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 588 с.
- Воссоединение. Т. 2** – Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. Т. 2. 1648–1651 годы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 557 с.
- Воссоединение. Т. 3** – Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. 1651–1654 годы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 649 с.
- Гречко и др., 2015** – *Гречко Д.С., Кравченко О.М., Осадчий Є.М., Приймак В.В.* Матеріали козацького часу з посаду сотенного містечка Куземин // *Козацькі старожитності Лівобережжя Дніпра XV – XVIII ст.* Суми: Сумський державний університет, 2015. С. 67-72.
- Грушевський, 1913** – *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Роки 1626-1650. Т. 8. Ч. I. Київ: 1913.
- Грушевський, 1931a** – *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Роки 1650-1657. Київ:, 1931. Т. 9. Ч. 1: Перша половина. Хмельниччини. Роки 1650-1653. 602 с.
- Грушевський, 1931b** – *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Роки 1650-1657. Київ:, 1931 Т. 9. Ч. 2: Друга половина Хмельниччини. Роки 1654-1657. 631 с.
- Дегтярьов, Осадчий, 2020** – *Дегтярьов С.І., Осадчий Є.М.* Копія «Строенной книги» острогу Кам'яного 1651 р. Київ-Суми: ЦП і УТОПІК, 2020. 119 с.
- Малов, 2006** – *Малов А.В.* Русско-польская война 1654–1677 гг. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.
- Мицик, 2009** – *Мицик Ю.* З листування Івана Виговського // *Український археографічний щорічник.* Київ, 2009. Вип. 13/14. С. 511-531.
- Мицик, 2021** – *Мицик Ю.* Стародубський полковник Тимофій Олексійович // *Сіверянський літопис.* 2021. № 6 (162). С. 56-69.
- Осадчий, 2014** – *Осадчий Є.М.* Битва під Козацькою Дібровою як фінал протистояння під Конотопом 1659 р. // *Праці Центру пам'яткознавства.* Збірник наукових праць. К.: ЦП НАНУ і УТОПІК, 2014. Вип. 25. С. 234 – 243.
- Осадчий, Дегтярьов, 2021** – *Осадчий Є.М., Дегтярьов С.І.* Сагайдачний шлях: від верхов'я Псла до кордонів Речі Посполитої // *Сумська старовина.* 2021. № LIX. С. 5 – 20.
- Свешніков, 1992** – *Свешніков І.К.* Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992. 304 с.
- Сірий, 2012** – Грунська сотня Гадяцького полку: Збірник архівних документів XVII – XVIII ст. / упор. Сірий О.В. Полтава, 2012. 392 с.
- Сірий, 2014** – *Сірий О.В.* Моя Грунщина. Полтава, 2014.
- Сокирко, 2006** – *Сокирко О.* Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669-1726 рр. Київ: Темпора, 2006. 279 с.
- Сокирко, 2008b** – *Сокирко О.* Тріумф в час Руїни. Конотопська битва 1659 р. Київ: Темпора, 2008. 72 с.
- Сокирко, 2008a** – *Сокирко О.* Конотопська битва 1659 року: Тріумф у час Руїни. К.: Темпора, 2008. 72 с.
- Степанков, 2007** – *Степанков В.* Велич і трагедія гетьмана Петра Дорошенка // *Україна – козацька держава.* К.: Емма, 2007. С. 346-349.
- Шерстюк, Яремченко, 2016** – *Шерстюк В., Яремченко В.* Говтвянська битва 1638 р.: історико-археологічна реконструкція // *Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Збірник наукових статей.* Присвячується світлій пам'яті Д.Я. Телегіна. Випуск 25. Київ, ЦП НАН України і УТОПІК, 2016. С. 38-42.
- Яворницький, 1990** – *Яворницький Д.І.* Історія запорізьких козаків. Львів: «Світ». 1990. Т. 1. 319 с.
- Яковлева, 2003** – *Яковлева Т.* Руїна Гетьманщини: Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659-1667 рр.). К.: Основи, 2003. 644 с.
- Degtyarev, Kryvosheia, 2016** – *Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I.* The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody.* 2016. Vol. 42, Is. 4. Pp. 1118-1126.
- Degtyarev et al., 2021** – *Degtyarev S.I., Ziakun A.I., Gut J., Polyakova L.G.* Ukrainian Cossack and Noble Family Kostenetsky: the Historiographic and Source Analysis // *Bylye Gody.* 2021. 16(4). Pp. 1650-1660.
- Osadchiy, 2016** – *Osadchiy Ye.N.* Kuzemin Fortress in the X-XVIII centuries // *Gardarika.* 2016. 9(4). Pp. 214-235.
- Osadchiy, 2021** – *Osadchiy Ye.M.* Battle of Putivl in the Summer of 1659 // *Gardarika.* 2021. 8(1): 3-11.

References

- AMG. T.3** – Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu Akademiyey nauk. Tom 3. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1660-1664 [Acts of the Moscow State issued by the Imperial Academy of Sciences]. SPb: tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1901. 674 p. [in Russian]
- Apanovych, 1961** – *Apanovych, O.M.* (1961). Zaporoz'ka Sich u borot'bi proty turets'ko-tatars'koyi ahresiyi: 50–70-ti roky XVII st. [Zaporozhian Sich in the struggle against Turkish-Tatar aggression: 50-70s of the XVII century]. Kyiv: vyd-vo AN URSSR, 299 p. [in Ukrainian]
- AYUZR. T.5** – Akty, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu. 1659–1665 [Acts relating to the history of South and West Russia, Arkheograficheskoyu komissiyeyu. 1659–1665]

collected and published by the Archaeographic Commission.]. SPb.: v tipografii Eduarda Pratsa, 1867. 666 p. [in Russian]

AYUZR. T.7 – Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu. 1657–1663. 1668–1669. [Acts relating to the history of South and West Russia, collected and published by the Archaeographic Commission.]. SPb: tip. V.V. Pratts, 1872. T.7. 398 p. [in Russian]

Berest, 2017 – *Berest, Yu.* (2017). Berdysh z kolektsiyi Okhtyrs'koho krayeznavchoho muzeyu [Berdysh from the collection of the Akhtyrka Museum of Local Lore]. *Novi doslidzhennya pam'yatok kozats'koyi doby v Ukrayini*. K. Vyp. 26. Pp. 122–123. [in Ukrainian]

Berest, Osadchyy, 2018 – *Berest, Yu.M., Osadchyy, Ye.M.* (2018). Stalevyi nahrudnyk z kolektsiyi Okhtyrs'koho krayeznavchoho muzeyu [Steel bib from the collection of the Akhtyrka Museum of Local Lore]. *Novi doslidzhennya pam'yatok kozats'koyi doby v Ukrayini*. K. Vyp. 27. Pp. 253–255. [in Ukrainian]

Bulvinskyy, 2008 – *Bulvinskyy, A.H.* (2008). Ukrayins'ko-rosiys'ki vzayemyny 1657–1659 rr. v umovakh tsyvilizatsynoho rozmezhuvannya na skhodi Yevropy [Ukrainian-Russian relations in 1657–1659 in the conditions of civilizational demarcation in Eastern Europe]. Kyiv, 680 p. [in Ukrainian]

Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – *Degtyarev, S.I., Kryvosheia, I.I.* (2016). The Incorporation of Bunchukovo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody*. 42(4): 1118–1126.

Degtyarev et al., 2021 – *Degtyarev, S.I., Ziakun, A.I., Gut, J., Polyakova, L.G.* (2021). Ukrainian Cossack and Noble Family Kostenetsky: the Historiographic and Source Analysis. *Bylye Gody*. 16(4): 1650–1660.

Degtyarev, Osadchyy, 2020 – *Degtyarev, S.I., Osadchyy, Ye.M.* (2020). Kopiya «Stroennoy knyhy» ostrohu Kam'yanoho 1651 r. [Copy of the "Building Book" of the Stone Jail in 1651]. Kyiv-Sumy: TSP i UTOPIK, 119 p. [in Ukrainian]

Grechko et al., 2015 – *Grechko, D.S., Kravchenko, O.M., Osadchyy, E.M., Priymak, V.V.* (2015). Materiali kozats'kogo chasu z posadu sotennogo mistechka Kuzemin [Materials of the Cossack time from the posad of the centennial city of Kuzemin]. *Kozats'ki starozhitnosti Livoberezhzhya Dnipro XV – XVIII st.* Sumy: Sums'kiy derzhavnyi univrsitet. Pp. 67–72. [in Ukrainian]

Hrushevs'kyy, 1913 – *Hrushevs'kyy, M.S.* (1913). Istoriya Ukrayiny-Rusy. Roky 1626–1650 [History of Ukraine-Russia. Years 1626–1650]. T. 8.Ch. I. Kyiv. [in Ukrainian]

Hrushevs'kyy, 1931a – *Hrushevs'kyy, M.S.* (1931). Istoriya Ukrayiny-Rusy. Roky 1650–1657. T. 9. Ch. 1: Persha polovyna. Khmel'nychchyny. Roky 1650–1653 [History of Ukraine-Russia. Years 1650–1657. Vol. 9. Part 1: The first half. Khmelnytsky region. Years 1650–1653]. Kyiv. 602 p. [in Ukrainian]

Hrushevs'kyy, 1931b – *Hrushevs'kyy, M.S.* (1931). Istoriya Ukrayiny-Rusy. Roky 1650–1657. T. 9. Ch. 2: Druha polovyna Khmel'nychchyny. Roky 1654–1657 [History of Ukraine-Russia. Years 1650–1657. Vol. 9. Part 2: The second half of Khmelnytsky region. Years 1654–1657]. Kyiv. 631 p. [in Ukrainian]

Malov, 2006 – *Malov, A.V.* (2006). Russko-pol'skaya voyna 1654–1677 gg. [Russian-Polish war 1654–1677]. M.: Tseykhgauz, 48 p. [in Russian]

Mytsyk, 2009 – *Mytsyk, Yu.* (2009). Z lystuvannya Ivana Vyhovs'koho [From the correspondence of Ivan Vyhovsky]. *Ukrayins'kyy arkheohrafichnyy shchorichnyk*. Kyiv. Vyp. 13/14. Pp. 511–531. [in Ukrainian]

Mytsyk, 2021 – *Mytsyk, Yu.* (2021). Starodubs'kyy polkovnyk Tymofiy Oleksiyovych [Starodub Colonel Tymofiy Oleksiyovych]. *Siveryans'kyy litopys*. 6(162): 56–69. [in Ukrainian]

Osadchyy, 2014 – *Osadchyy, Ye.M.* (2014). Bytva pid Kozats'koyu Dibrovoyu yak final protystoyannya pid Konotopom 1659 r. [The Battle of Kozatska Dibrova as the finale of the confrontation near Konotop in 1659]. *Pratsi Tsentru pam'yatkoznavstva. Zbirnyk naukovykh prats'*. Kyiv. 25: 234–243. [in Ukrainian]

Osadchyy, 2016 – *Osadchyy, Ye.N.* (2016). Kuzemin Fortress in the X-XVIII centuries. *Gardarika*. 9(4): 214–235.

Osadchyy, 2021 – *Osadchyy, Ye.M.* B(2021). Battle of Putivl in the Summer of 1659. *Gardarika*. 8(1): 3–11.

Osadchyy, Degtyarev, 2021 – *Osadchyy, Ye.M., Degtyarev, S.I.* (2021). Sahaydachnyy shlyakh: vid verkhov'ya Psla do kordoniv Rechi Pospolytoyi [Sagaydachny road: from the top of the Psel river to the border of the Polish-Lithuanian commonwealth]. *Sumska starovyna*. LIX: 5–20. [in Ukrainian]

Sherstyuk, Yaremchenko, 2016 – *Sherstyuk, V., Yaremchenko, V.* (2016). Hovtvyans'ka bytva 1638 r.: istoryko-arkheolohichna rekonstruktsiya [The Battle of Govtvyan in 1638: historical and archaeological reconstruction]. *Novi doslidzhennya pam'yatok kozats'koyi doby v Ukrayini. Zbirnyk naukovykh statey*. Prysvyachuyet'sya svitliyi pam'yati D.Ya. Telehina. Vypusk 25. Kyiv. Pp. 38–42. [in Ukrainian]

Siriy, 2012 – Gruns'ka sotnya Gadyats'kogo polku: Zbirnik arkhivnikh dokumentiv XVII–XVIII st. Upor. Siriy O.V. Poltava, 2012. 392 p. [in Ukrainian]

Siriy, 2014 – *Siriy, O.V.* (2014). Moya Grunshchina [Grunskaya hundred of the Gadyach regiment: Collection of archival documents of the 17th – 18th centuries.]. Poltava. [in Ukrainian]

Sokyrko, 2006 – *Sokyrko, O.* (2006). Lytsari druhoho sortu. Naymane viys'ko Livoberezhnoyi Het'manshchyny 1669–1726 rr. [Knights of the second class. Mercenary Army of the Left Bank Hetmanate 1669–1726]. Kyiv: Tempora, 279 p. [in Ukrainian]

Sokyrko, 2008a – *Sokyrko, O.* (2008). Konotops'ka bytva 1659 roku: Triumf u chas Ruyiny [The Battle of Konotop in 1659: Triumph during the Ruin]. K.: Tempora, 72 p. [in Ukrainian]

- Sokyrko, 2008b** – *Sokyrko, O.* (2008). Triumf v chas Ruyiny. Konotops'ka bytva 1659 r. [Triumph during the Ruin. The Battle of Konotop in 1659]. Kyiv: Tempora, 72 p. [in Ukrainian]
- Stepankov, 2007** – *Stepankov, V.* (2007). Velych i trahediya het'mana Petra Doroshenka [The greatness and tragedy of Hetman Petro Doroshenko]. *Ukrayina – kozats'ka derzhava*. K.: Emma. Pp. 346–349. [in Ukrainian]
- Svyeshnikov, 1992** – *Svyeshnikov, I.K.* (1992). Bytva pid Berestechkom [Battle of Berestechko]. Lviv: Slovo, 304 p. [in Ukrainian]
- Vossoyedineniye. T. 1** – Vossoyedineniye Ukrainy s Rossiyey. Dokumenty i materialy. V 3 t. T. 1. 1620–1647 gody [Reunification of Ukraine with Russia. Documents and materials. In 3 volumes. Vol. 1. 1620–1647]. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953. 588 p. [in Russian]
- Vossoyedineniye. T. 2** – Vossoyedineniye Ukrainy s Rossiyey. Dokumenty i materialy. V 3 t. T. 2. 1648–1651 gody [Reunification of Ukraine with Russia. Documents and materials. In 3 volumes. Vol. 2. 1648–1651]. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953. 557 p. [in Russian]
- Vossoyedineniye. T. 3** – Vossoyedineniye Ukrainy s Rossiyey. Dokumenty i materialy. V 3 t. T. 3. 1651–1654 gody [Reunification of Ukraine with Russia. Documents and materials. In 3 volumes. Vol. 3. 1651–1654]. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953. 649 p. [in Russian]
- Yakovleva, 2004** – *Yakovleva, T.* (2004). Ruina Get'manshchini: Vid Pereyaslavs'koi radi – 2 do Andrusivs'koi ugodi (1659–1667 rr.) [Ruin of the Hetmanate: From Pereyaslavskaya Rada-2 to the Andrusov Agreement (1659–1667)]. Kyiv. 644 p. [in Ukrainian]
- Yavornyts'ky, 1990** – *Yavornyts'ky, D.I.* (1990). Istoriya zaporiz'kykh kozakiv [History of the Zaporozhian Cossacks]. Lviv, T. 1. 319 p. [in Ukrainian]

Приграничное сражение: боевые действия на украинско-московском пограничье в 1660–1661 годах

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Евгений Николаевич Осадчий ^c, Ясмин Гут ^d

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Институт прикладной физики Национальной академии наук Украины, Сумы, Украина

^d Университет г. Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. Статья посвящена событиям, происходившим на границе между Московским царством и Войском Запорожским осенью 1660 – весной 1661 годов. Осенью 1660 года на Правобережной Украине был окружен и разбит экспедиционный корпус под командованием боярина Василия Шереметьева. В это же время гетман Юрий Хмельницкий вступает в союз с Речью Посполитой против Московского царства. Это стало причиной открытого выступления нескольких левобережных казацких полков. Наиболее активные антимосковские выступления были в Полтавском и Гадячском полках. Зимой 1660–1661 годов казацкие отряды этих полков предприняли несколько походов с целью нападения на пограничные московские крепости. В осаду были взяты города Каменный, Алешня и Вольный. Московские гарнизоны смогли отбить эти нападения, однако их укрепления были сильно повреждены, а запасы истощены. Большие потери привели к тому, что гарнизоны пограничных крепостей перешли к обороне и не могли активно противодействовать казацким отрядам.

Осенью 1660 года по приказу царя белгородский воевода отправляет несколько отрядов для «усмирения» казацких городов. Под городами Гадяч и Зиньков московские войска вступили в бой с казаками, но взять эти крепости не смогли. Зимой 1660 года в Зиньков прибывает наказной гетман Петр Дорошенко. В распоряжении московского воеводы было не более 3000 пехоты и кавалерии, а украинский гетман располагал 6000 казаков. Весной 1661 года отряд казаков под городком Грунь в решающем бою был разбит и бежал. Вскоре после этого Полтавский и Гадячский полки прекратили борьбу против Московского царства и подтвердили присягу царю.

В результате анализа опубликованных источников и собственных исследований авторами было установлено, что в противостоянии двух армий – московской и казацкой – на первом этапе сражения перевес был на стороне последней. Гибкая тактика и численное превосходство делали позиции казаков более прочными в обороне и успешными в нападении. В дальнейшем смена командования казацкими войсками привела к тому, что уступающие в количестве, но более организованные отряды московского регулярного войска смогли не только отбить нападение, но и нанести решающее поражение противнику.

Ключевые слова: Петр Дорошенко, Григорий Ромодановский, Украина, Московское царство, вооруженный конфликт, война, осада крепости, 1660–1661 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 37-48
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.37

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Historical and Geographical Information about the Exploration of the Caspian Sea in Cartographic Materials

Bakyt B. Baishov ^{a,*}, Gulfairus K. Zhapekova ^a, Nur Çetin ^b, Gaukhar S. Abdrakhmanova ^a

^a Eurasian National University L.N. Gumilev, Nur-Sultan, Kazakhstan

^b Kirsehir Ahi Evran University, Kirsehir, Republic of Turkey

Abstract

The article provides a brief overview of the historical and geographical data on the Caspian Sea and traces the change in the name of the sea at different stages of history. The study is based on the work of scientists from Russia, Azerbaijan and Kazakhstan. The purpose of the work was to reveal the reasons for the change of sea names and the history of the formation of the marine scientific map in connection with the expeditions organized by Peter the Great in the early 18th century. The authors analyzed historical research and made an attempt to systematize cartographic materials and data from antiquity, the Middle Ages and modern times. The history of the Caspian and its adjacent territories has been a subject of debate since the time of Greek logographers in the ancient world, and historical research of the Caspian Sea continues to the present day. Since ancient times, the Caspian coast has been inhabited by many peoples, becoming a crossroads for the interaction of various cultures; in the late Middle Ages, the Caspian Sea played an important role, being located along the world trade transit known as the Great Silk Road. In the new era, competition for control over the Caspian Sea between states intensified, but as a result of the military-political actions of Peter I, the sea became a de facto geographical object of the Russian Empire, and then the Soviet Union. However, after the collapse of the USSR at the end of the 20th century, the Caspian Sea, which has a geographically convenient location and rich resources, reappeared on the historical arena as one of the most important geopolitical issues.

Keywords: Map of the Caspian Sea, Caspian Sea, historical geography, historical map, expeditions of Peter I.

1. Введение

Историко-географические сведения о Каспийском море являются весьма актуальными в свете международных междисциплинарных исследований. Каспий, омывая берега пяти прибрежных государств (Россия – на западе и северо-западе; Казахстан – на севере, северо-востоке и востоке; Азербайджан – на юго-западе; Иран – на юге; Туркмения – на юго-востоке), привлекает исследователей в сфере геополитики, истории, экологии, гидрологии, географии, биологии. Так, к числу значимых вопросов данной тематики относятся история создания морских карт, а также название моря, которое претерпело множество изменений на протяжении всей своей истории, кроме этого важным для исследования представляется понимание роли экспедиций, организованных в XVII–XVIII веках.

Каспийское море, как водоем, является бессточным, с солоновато-водными характеристиками и испокон веков считается морем, благодаря своим размерам и солености. Этот доисторический гигантский водный бассейн образовался 600–650 миллионов лет назад и объединял воедино Южный океан с Аральским, Черным и Средиземным морями. На севере этот древний средиземный океан,

* Corresponding author

E-mail addresses: dil_123@mail.ru (B.B. Baishov), gulfairusk@mail.ru (G.K. Zhapekova)

получивший название Тетис, достигал широты Казани. Примерно 50 миллионов лет назад был период, когда океан Тетис через широкий Тургайский пролив соединялся с обширным Западносибирским морем и Северным океаном. Именно этой связью обязан современный Каспий появлением таких экзотических животных, как тюлени (Бухарицин, 1983: 3). Впоследствии Каспий соединялся с Черным морем, и известно, что «по Узбою в него вливались воды Средней Азии» (Касымов, 1987: 4).

Границы Каспийского моря на севере простирались до рек «Северная Двина и Печора, на северо-востоке с Уралом, востоке – Аральское море, на юго-западе с реками Черноморского склона, на западе – с бассейном р. Дона и с бассейном р. Днепра, на северо-западе – с бассейном р. Невы» (Гюль, 1987: 6).

Освоение новых земель европейцами, начавшееся в конце XV века с открытия Христофором Колумбом американского континента, проходило и в Российском государстве, которое постепенно обрело черты имперской структуры. Для осуществления собственной имперской политики Россия не следовала по пути приобретения колоний, как европейские талассократические державы, которые применяли методы жестокого истребления местных народов и захвата материальных ресурсов. Крупный политик своего времени, превративший Россию в империю, Петр I наметил новые направления продвижения на Восток, учитывая специфику региона. Как отмечает Г.Г. Корноухова, «свою активную политику в Каспийском регионе Россия начала вести со времен Петра I, предполагавшего, что в будущем он будет служить доходным для российской казны, транзитным путем для обмена товарами между Индией и Европой. Как известно, Россия не смогла удержать за собой после смерти Петра I завоеванные им земли персидского побережья Каспийского моря, но в следующие десятилетия XVIII столетия она продолжила свое проникновение в Закавказье, закрепившись там в первой трети XIX в.» (Корноухова, 2019: 670).

Исследования, которые начали активно проводиться в XVII–XVIII веках, стали для России событием, вызванным жизненными потребностями с точки зрения российского государства. По мнению А. Кукетовой, Н.У. Шаяхметова, Российская империя, направляя военные экспедиции в этот регион, преследовала несколько целей: «во-первых, удовлетворение потребностей в природных ресурсах. Во-вторых, необходимость выявления наиболее богатых сырьевых товаров в провинциях в качестве основного источника капитала и их транспортировки. Исходя из этого, в степь были направлены первые специальные военные экспедиции для проведения разведки и дальнейшей колонизации» (Kuketova et al., 2021).

Необходимо отметить, что активизация деятельности российского правительства была также вызвана стремлением Персидского государства, имевшего собственные державные амбиции по установлению контроля над Каспием и примыкавшими к морю землями, что требовало разрешения данной ситуации.

2. Материалы и методы

Существенной особенностью данного исследования является наличие сведений об экспедициях, изучавших Каспийское море, среди которых важной составляющей является материал экспедиционных работ, организованных при императоре Петре I.

Одной из фундаментальных работ для исследования является статья азербайджанских ученых З.М. Буниятова и Н.М. Велихановой «Каспийское море в арабских источниках», которая вышла еще в советский период и до сих пор не утратила своей исторической ценности, в частности ее данные «о впадении в Каспий через Узбой реки Амударья» (Буниятов, Велиханова, 1988: 129). Кроме того, необходимые сведения предоставил военно-морской специалист М.И. Ципоруха, который рассмотрел в своем исследовании создание морской карты (Ципоруха, 2001: 88-93). Необходимо отметить также работы российского историка И.В. Курукина (Курукин, 2010: 381), ученого М.А. Мирзоева (Мирзоев, 1992: 183), казахского краеведа историка А. Едилхана (Едилхан, 2007: 4), чьи работы составили основную базу данных нашего исследования.

Также большое значение в данной работе имеют мемуарные записи из фондов Государственного архива Астраханской области, Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской (Российская Федерация) и Мангистауского облгосархива (Республика Казахстан). В этих архивах сохранены труды А.Ф. Мюллера, которые были опубликованы в 1892 году в г. Астрахани, где автор обращает внимание на этимологическое значение названия «Каспий» (Мюллер, 1892: 62).

Кроме того, в 5-м томе «Военно-исторического обозрения Российской империи», изданном в 1852 году, в главе «Описание частей северных, западных, восточных берегов Каспийского моря; местоположение Гурьева, Новопетровского укрепления, о Мангышлакском или Тюк-Караганском заливе, связи (сообщении) с Астраханью, навигации, судоходстве, таможенных заставах» имеются ценные сведения о границах Каспийского моря.

История создания морских карт освещается в 34-м выпуске сборника «Записки по гидрографии», изданного в Санкт-Петербурге в 1912 году, в разделе «Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря» (МОГА. Ф. 546. Оп. 1(6). Д. 1).

Для полного раскрытия темы также привлечены печатные издания, монографические исследовательские работы.

В ходе изучения темы особое внимание было уделено рассмотрению проблем, связанных с историческими событиями и сбором данных по Каспийскому морю в их взаимосвязи и взаимозависимости. Так, в обсуждении вопросов об актуальности работ по составлению карты Каспийского моря необходимо было провести систематический анализ данных картографии. Нами также был использован хронологический метод с целью поэтапного описания рассматриваемой научной темы, ее выводов и различных точек зрения.

В результате применения историко-сравнительного метода удалось оптимально использовать и сравнить необходимые для нашей темы труды исследователей Каспийского моря в период античности, средневековья и новейшей истории. Метод проблемного анализа способствовал осмыслению представленного материала в масштабах исследуемой научной работы.

При изучении архивных материалов применялся метод системного анализа, благодаря которому особое внимание было уделено историческому контексту архивных документов и мемуарных коллекций, систематическому отбору из них необходимых исторических данных. С помощью данного метода удалось получить достоверную информацию из мемуарных записей и архивных документов о приграничной территории Каспийского моря, ходе истории формирования морских карт и др.

Анализ дневниковых записей, архивных материалов требует применения прагматического, или архивного метода. Техника контент-анализа как одного из разновидностей «архивного метода» в области гуманитарных наук был использован для понимания содержания текстового массива.

3. Обсуждение

Сведения о Каспийском море встречаются в трудах многих путешественников и исследователей с древних времен, но в каждом из них есть различные интерпретации названия моря, истоков, сведений о народах, населяющих эту территорию. Проблема названия моря рассматривалась лишь частично, и в постсоветской исторической науке до сих пор не стала специальным объектом исследования. К основным причинам этого можно отнести неполную систематизацию источников и историографии трудов, относящихся к наименованию Каспийского моря, противоречивость сведений, передаваемых в исторических источниках, отсутствие научно обоснованной карты о водной территории до первой четверти XVIII века и др.

Этимологию слова «Каспий» связывают с названием древних племен «каспиев», которые проживали с I века до н.э. на правом берегу реки Куры. В античных источниках, в частности у Геродота, Страбона и др., есть упоминания о племени каспиев, свидетельствующие об их активном участии в различных экономических, политических и социокультурных процессах древнего мира. Сведения о каспиях также обнаружены в древневосточных текстах ахеменидского времени (Меликов, 2013: 217-229).

А.Ф. Мюллер в своем труде указывает, что Каспийское море получило название от народа, живущего на его юго-западных берегах «еще за несколько столетий до Р.Х., и поэтому можно сказать, что современное название, употребляемое Русскими, может быть, с конца XVII или, наверно, с начала XVIII столетия, не есть русского происхождения, оно к нам занесено из чужих стран» (Мюллер, 1892: 62).

Об этимологии названия народа «каспи» имеется заметка у Шопена (Шопен. Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. Петерб., 1866. Стр. 178): «Каспи или Касби, вместо *Га-аспъ* – персидский перевод Тюркского *Ат – или* – место или страна коней, отчего и название Каспийского моря», и в другом месте (стр. 380): «На силлабическом *го* значит великое скопление воды, река и иносказательно, море; а *а'си, ас'ва, а'сп* – конь, – Конское море; это выходит, таким образом, буквальный перевод Китайского названия Каспийского моря *Си-гай*; – но если читать не *Го*, а *Га-аспйя*, то выходит значение то же что *Ат-илла, Ат-иль* – место, страна Коней». Шопен после разбора и объяснения слова «Кавказ» (стр. 4) пишет, что народ позаимствовал свое название от конного скотоводства и что, по свидетельству Ератосфена, приводимому Страбоном, «туземцы в древние времена называли хребет Кавказский «*Каспиус*», должно быть *Га-асп* место коней; в таком случае, это выходит лишь другая форма названия *Кауэ-ас*» (Мюллер, 1892: 62).

Все карты Каспийского моря были разделены на следующие группы:

- 1) средневековые, легендарные карты;
- 2) карты Птолемея;
- 3) арабские карты;
- 4) генуэзские карты эпохи великих открытий;
- 5) карты путешественников-очевидцев XVII века;
- 6) карты начала инструментальной съемки;
- 7) и, наконец, точные карты.

Положение и береговые очертания Каспийского моря по древним, античным и средневековым источникам весьма схематичны. На протяжении столетий до нашей эры и вплоть до эпохи Возрождения представления о форме нашей планеты были весьма смутными и приближенными.

Поэтому по ряду карт не представляется возможным судить о правильности форм очертаний и других характеристик Каспийского моря. Действительные очертания берегов Каспийского моря, даже существование Каспия как отдельного моря, для исследователей прошлых столетий было не совсем ясным. Так, иногда Каспий показывали круглым (у арабов), чаще продолговатым по параллели и лишь с конца XVII в. Каспий изображается вытянутым с севера на юг. Одни ученые считали Каспий закрытым морем (озером), другие – представляли его заливом океана, некоторые же географы не могли найти ни его начала, ни конца. Встречаются идеи о существовании двух Каспийских морей: одного – замкнутого, а другого – сообщавшегося с Северным океаном. О существовании Аральского моря упоминаний практически не имеется.

По мере того как в географии постепенно шло пополнение знаний рядом новых проверенных и прочно установленных положений, копились и данные о Каспийском море, что позволило составить более точные, хотя все еще далекие от совершенства карты. С накоплением этого географического материала Каспийское море начинает изображаться на картах в виде отдельного бассейна. Это произошло под влиянием Геродота и Птолемея, которые привнесли сведения о море как о замкнутом бассейне, тем не менее в своей работе Н.М. Книпович (1915) пишет: «Лишь в XIII веке на европейских картах окончательно исчезла связь изучаемого водоема с океаном» (Алиев, 2007: 17-18).

Одно из первых сведений о Каспийском море было дано в древнеиранской священной книге «Авеста», в которой три тысячи лет назад Каспийское море называлось Ворукаш, что означало «широко изрезанное», «имеющие широкие вырезы», «заливы» (Авеста, 1993: 200). Близость Каспийского моря к Ирану и наличие на его берегах крупных полуостровов, таких как Карабугаз и Мангистау, свидетельствуют о том, что название Ворукаш непосредственно связано с Каспийским морем. По некоторым предположениям, название Ворукаш может быть названием Аральского моря или озера Балхаш.

О Каспийском море писали и античные авторы. Так, Гомер (между XII и VII вв. до н.э.) в описании очертаний Земли представлял ее круглым щитом, который по краям омывается «тихо текущей, глубокой всемирной рекой – Океаном». На западе располагались «Геркулесовы столбы, на востоке – Колхида, а еще далее значился Пруд Солнца», который, скорее всего, мог быть только Каспием. После героического эпоса Гомера появилось «Землеописание» Гекатея Милетского – современника персидского царя Дария I. По Гекатею, мир уподоблялся диску, на котором обитаемая земля, разделенная морями, представлялась двойным островом. На Востоке от Черного моря взамен «Пруда Солнца» (Каспийского моря) Гекатей помещает новое море, названное «Гирканским» по области Гиркания (Мирзоев, 1992: 5-6).

Описание Каспийского моря дается и в трудах Геродота (V в. до н.э.). Он в своем труде «История» повествует об административном делении Персии и, когда говорит о древних народах, населявших западный берег моря, то пишет о Каспии так: «Каспийское же море – это замкнутый водоем, не связанный ни с каким другим морем... Каспийское море – это море совершенно особого рода. Длина его – пятнадцать дней (1 600 км – Авт.) на гребном судне, а ширина в самом широком месте – восемь дней. На западе оно граничит с Кавказским хребтом – самой обширной и высокой из всех горных цепей» (Геродот, 1972: 75-76). Таким образом, Геродот обратил внимание, что Каспий изолирован от океанов.

На карте Клавдия Птолемея, жившего во II в. до н.э., Каспию присваивается название Гиркан (на Рисунке 1), которое обозначается как замкнутый водный массив, не соединяющийся ни с каким океаном.

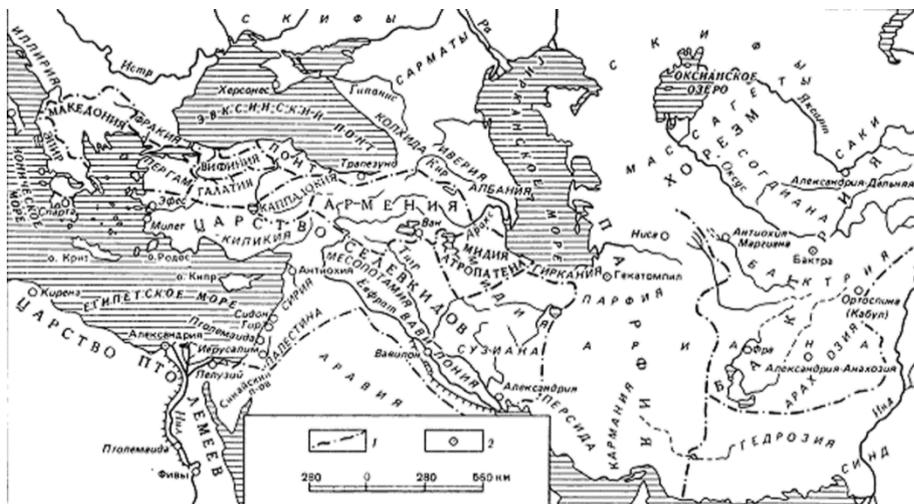

Рис. 1. Географическая карта Птолемея о древнем мире (Бронштэн, 1988: 148)

В античности Каспийское море также называли Гирканское, по реке и области Гюрген на юго-восточном побережье (у арабов – Джурджанское); у средневековых арабских географов – Хорасанское море, по названию иранской провинции.

Турки называли Ак-Дениз – «Белое море», туркмены – Кёккюз – «зеленое (голубое) озеро» («кюз» буквально «глаз»), в Средней Азии также существовало наименование «Айдархан дениз», в переводе «Айдархан» означает «лев». В.В. Радлов привел в своих записях еще одно название – «Кузгын-дениз» («кузгын» ассоциируется со словом «ворон») (В. Радлов. Словарь, II, 1224 и 1504–1505)... (Никонов, 1966: 182). Известный востоковед В.В. Бартольд этимологизировал из иранского «варкани» – «волчья» (страна).

В книге «Работы по исторической географии» В.В. Бартольда есть следующее упоминание о Каспийском море: «Бахр ал-хазар «Море хазар» (перс. Дарйâ-и-хазарân) – так большинство арабских географов называют Каспийское море, по народу хазар, которому в лучший период арабской географической литературы – в IV/X вв. – принадлежала область на северном берегу этого моря с важным торговым городом Итилем (неподалеку от устья Волги). Реже этим названием обозначается Черное море с Меотидой (Ибн Хордадбех, следующий ему Кудама и Мас'уди) – вероятно, потому, что власть хазар распространялась на часть Крымского полуострова. За пределами мусульманского мира это выражение как будто не употреблялось.

В сообщениях арабских и персидских историков IX–X веков имеются сведения, что русские по Каспийскому морю доплывали до берегов Ирана. Древнерусское название Каспийского моря – «Хвалымское (варианты: Хвалиское, Хвалынское) море» – безусловно, восходит к названию страны Хорезм, хотя «озером (или «морем») Хорезма» арабы и персы всегда именуют только Аральское море» (Бартольд, 2002: 367). Интересно также название Хопужьское море (в «Житии Александра Невского»).

В написанной в XV веке известным русским путешественником Афанасием Никитиным книге «Хождение за три моря» одним из трех морей является Каспийское. А. Никитин дал морю название «Дербент». М. Фасмер раскрыл это название как кальку того же «Дербентское» с этимологией названия города: иранское «ворота», древнетюркское – капуг «ворота», чагатайское «дверь» (Никонов, 1966: 182). Во время своего путешествия А. Никитин посетил Дербент, Шемаху и Баку. Отсюда он добрался до Ирана, а оттуда – в Индию. А. Никитиным были собраны ценные материалы о природе Каспийского моря и о народах, живущих на его берегах.

В мусульманской литературе Каспийское море, кроме вышеказанного, называется по другим, расположенным на его побережье областям: «Море Джурджана» (соответствует «Гирканскому морю» древних), «Море Абескуна» (по портовому городу в устье Гюргена), «Море Табаристана» (или «Мазендерана»), «Море Дейлема», «Море Гиляна», позднее (со времени монгольского владычества) также «Море Ширвана» и «Море Баку» (это последнее обозначение, а сверх того и «Море Сарая», в средние века встречается и в европейских источниках); название Бахр ал-Кульзум, относящееся, собственно, к Красному морю, также часто переносится на Каспийское море. В турецкой литературе, помимо того, как сообщают, встречаются выражения «Бахр-и гузз» (по имени известного кочевого народа, предка туркмен и османцев) и «Ак-Дениз» (чаще употребляемое для Средиземного моря) (Бартольд, 2002: 367).

А Мухаммед Хайдар Дулати (XVI век) в своих работах пишет о море как о «Кулзумском море» (Дулати, 2003: 558). Арабский путешественник Абу-Исхак-Ибрагим-ибн Мухаммед аль-Фариси аль-Истахри в своей книге «Китабу месалик-ил-мемалик» (Книга путей и государств), опубликованной в 951 году, описал и сделал карту земель «Хазарского моря (Каспийского – Авт.)». Им же описаны окружающие Каспийское море реки Кура, Расу (Яик, Йем), провинции Табаристан, Журжан (провинции Хорасан), Сияхкух (Каратау-Мангыстау) (Көмеков, Ильясова, 2011: 182-183).

Карта Каспийского моря была составлена в 1367 году и другими известными путешественниками – братьями Франциском и Домиником Пиццигани (венцианские картографы). Репродукция карты находится в книге «Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия, Ф. Бруна». На карте обозначены западно-грузинские провинции Zequa (Джикети), Auogaxia (Абхазия) и Suania (Сванети), локализованные в горах. Вдоль Черного моря зафиксированы почти те же топонимы, что и на карте Весконте (Брун, 1872: 44). Затем, в 1459 году, подробную карту полуострова Мангышлак дал и венецианский монах Fra Mauro.

В 1558 году знакомство с Прикаспийским побережьем описал исследователь-мореплаватель Э. Дженкинсон: «21 августа мы прошли мимо бухты в 6 лиг шириной и поравнялись с косой, на юго-восточной стороне которой было два острова, очень заметные с моря. За этой косой берег уклонялся к северо-востоку, образуя другую бухту, в которую впадает большая река Эмба (Yem)» (Едилхан, 2007: 4).

С середины XVI века начинается изучение и целенаправленное освоение северного побережья Каспия Московским государством. После завоевания Казанского и Астраханского ханств Иваном Грозным русские послы стали посещать Иран, Хиву и Бухару через Каспийское море. Активную торговлю наладили также русские купцы на восточном берегу Каспия. В те времена главным центром торговли был порт Тюб-Караган на полуострове Мангышлак. Таким образом, изучение Россией Каспийского моря началось еще в Средние века (Алиев, 2007: 43).

По указу царя в 1627 г. на основе ранее собранных чертежных материалов была составлена «Книга Большого Чертежа», которая является достаточно информативной в плане исторической географии Евразии. В ней обозначены Хвалынское (Каспийское – Авт.) море, Синее (Аральское) море, приведены сведения о расстояниях между географическими объектами, о реке Яик (Урал – Авт.), которая «пала в Хвалимское (Каспийское – Авт.) море» (Shayakhmetov et al., 2019: 1439-1450).

На протяжении XVII и XIX вв. Каспийское море было активно исследовано российскими исследователями, и следует обратить внимание, что при описании авторы сохраняли более ранние названия местности: «от устья реки Урала к юго-востоку образуется обширный мелководный залив – Мертвый Култук, в юго-западном конце которого, между низменным полуостровом Бузачи и обрывом Усть-Урта, расположен обширный залив Кайдак. При устье этого залива, на восточном его берегу, некогда стояло русское укрепление – Александровское, устроенное для защиты русских тюленщиков от нападения Киргизов, но затем, по мелководью залива и нездоровому местоположению, было перенесено впоследствии на полуостров Тюк-Караган. Укрепление это было первым русским оседлым пунктом на восточном берегу Каспийского моря. Полуостров Тюк-Караган, оканчивающийся высоким мысом того же имени, составляет продолжение Усть-Урта и крайнюю западную оконечность. С восточной стороны Тюк-Караганского мыса расположен небольшой, но хорошо закрытый залив того же имени, образуемый песчаной косой, отделяющейся от материка. На берегу залива расположены Александровское укрепление и Николаевский поселок» (МОГА. Ф. 546. Оп. 1. Д. 4. Л. 7).

«Военно-историческое обозрение Российской империи» в 1852 опубликовало следующие сведения о Каспийском море: «Северные, западные и часть восточных берегов Каспийского моря с разных времен принадлежат России, именно от мыса Тюк-Караганского до устья Урала кочуют Киргизы, принявшие подданство в настоящем столетии, а некоторые только в последнее десятилетие. Тут, для наблюдения за ними, содержатся три военные поста: морской, у мыса Тюк-Карагана, и два сухопутные в Ново-Петровском укреплении и на Прорвинских островах. От устья Урала к западу, на 165 верст, берег принадлежит владению Уральских казаков, составляя южную границу Оренбургской губернии; еще далее к западу до р. Кумы идет часть берега Астраханской губернии; между р. Кумою и Тереком-Ставропольской, а от Терека до устья Астары-Дербенской и Шамахинской губерний. Весь южный берег от Астры или Остары до Астрабада принадлежит Персии, побережье это занимают плодородный области: Гилян, Мазандеран и Астрабад» (МОГА. Ф. 546. Оп. 1. Д. 7. Л. 26).

В материалах «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» 1885 года находим следующее описание Закаспийской области: «В настоящее время при бухте Муравьевской находится городок Красноводск, главный некогда город Закаспийской области и торговый ее центр, откуда отправляются караваны в Хиву. В юго-восточный угол Балханского залива впадала когда-то Аму-Дарья (древний Узбой). Русло этой реки, на протяжении с лишком 28 верст, наполнено соленой водой. Южный берег Балханского залива составляет низменный полуостров Дарджа, который к западу вдаётся в море несколькими мысами» (МОГА. Ф. 546. Оп. 1. Д. 4. Л. 6).

Экспедиции, организованные Российским государством в связи с освоением восточных земель, введение в научный оборот данных о Каспийском море на основе исследований профессиональных картографов предоставили возможность поэтапного изучения данной территории.

4. Результаты

Российские морские экспедиции к восточному берегу Каспия начались еще в первой четверти XVIII века и были связаны с активизацией политики Петра I в Прикаспийском регионе в целом (Pochekaev, 2020: 44). В частности, это связано со следующими причинами:

- превращение России в империю требовало новых земель и ресурсов;
- наиболее перспективные направления и возможности расширения территории российского государства открывались в Центральной Азии и на Кавказе.

Для достижения этих целей Петр I заключил договор с Персией, еще одним «сильным» государством на тот период, которое также намеревалось править в Каспийском регионе. Хотя в XVIII–XIX веках между двумя странами был подписан ряд договоров и трактатов (Санкт-Петербург, 1723 г.; Решт, 1729 г.; Гулистан, 1813 г.; Туркменчай, 1828 г.), ни один из них не закреплял статуса «озера» или «моря» Каспия, и море считалось «общей водой» без разграничения. Согласно принятым русско-персидским договорам, Российская империя получила право «навечно» содержать флот в Каспийском море, а Персии разрешалось только право на содержание торговых судов на море (Байшов, 2018: 247). В связи с изложенными обстоятельствами Российская империя решила осуществить свои первые шаги в укреплении своих позиций в Каспийском регионе.

Так Петр I, объясняя значимость Каспийского моря, сказал: «Наши интересы отнюдь не допускают, чтобы какая другая держава, чья бы ни была, на Каспийском море утвердилась» (Брикнер, 1996: 186). Петр I понимал, что в военно-техническом отношении стремительно развивающиеся государства Западной Европы активно завоевывали и колонизировали страны, расположенные за тысячи миль от метрополий. Было очевидно, что Британская империя, начавшая колонизацию

Индии в Азии в XVII веке (1607 г.), постепенно стала более целенаправленно ориентироваться в своем продвижении на Центральную Азию и Кавказ.

В ноябре 1722 года по указу царя в Астрахани был построен военный порт, который позволил расширить возможности судоходства по Волге и Каспию. Петр I, осознавая политическое и экономическое значение Каспия, именно здесь «видел истинное средоточие или узел всего Востока» (Гасанов, 2018: 62).

В 1722–1723 годах в результате Персидского похода Петра I Каспийское море перешло в юрисдикцию Российского государства.

12 сентября 1723 года Персия была вынуждена передать «города Дербент, Баку, а также Гилянскую, Мазендеранскую и Астрабадскую провинции, тем самым признавая господствующее положение России в вопросе о праве военного судоходства на Каспийском море» (Mamedov, 2006: 17–18). Таким образом, союзнический договор между Ираном и Россией от 1723 года определил вопрос территориального суверенитета Ирана на Каспии. В дальнейшем этот вопрос был укреплён ирано-советским меморандумом, подписанным в 1962 г. иранским министром иностранных дел Аббасом Арамом и советским послом в Тегеране Николаем Пеговым. В первом документе Иран сделал уступки России по длине моря. Договоры, согласно которым в 1725, 1732, 1813, 1828, 1881, 1893, 1921, 1954 и 1957 годах были установлены ирано-российские и впоследствии ирано-советские сухопутные границы, касаются Каспия лишь в смысле обозначения точек на берегах моря, на которых начинаются восточные сухопутные границы двух стран и заканчиваются западные. Ни один из договоров не обуславливал предоставления Ирану какой-либо части моря, пока не был подписан в 1762 г. меморандум Арама–Пегова (ПА РК. Ф. 75-Н. Оп. 1. Д. 5326. Л. 92).

В 1699 году Петр I отправил экспедицию во главе с капитаном Е. Мейером для составления общей карты Каспийского моря. В 1703 году он завершил работу над картой, но она не была опубликована. Тем не менее описание Каспийского моря стало известно в Европе и оказало влияние на европейскую картографию. Так, по мнению академика Л.С. Берга, «очертание Каспийского моря приобретает значительно более правильные формы, притом – до знакомства со съемками 1715 и 1719–1720 гг.» (Берг, 2011: 99).

Еще один занимательный факт отмечает И.В. Курукин: так, еще на европейских картах XVI–XVII веков Амударья впадала в Каспийское море. В 1714 году Ходжа Нефис с полуострова Мангышлак, прибыв в Петербург, просил царя повернуть Амударью, рассказывая, что ранее эта река впадала в Каспийское море и что якобы хивинцы перегородили реку плотиной. Эта история вызвала интерес Петра I, который полагал, что «предложение вернуть течение великой среднеазиатской реки означало в первую очередь возможность установить беспрепятственную «коммуникацию» с далекой Индией» (Курукин, 2010: 25).

Более полные, точные карты исследуемого нами Каспийского моря появились после исследовательских работ экспедиций А. Бековича-Черкасского (1715 г.), К. Вердена и Ф. Саймонова (1720 г.).

В мае 1714 г. Петр I приказал капитан-поручику гвардейского Преображенского полка А. Бековичу-Черкасскому (по происхождению кабардинец) составить новую карту восточного берега Каспийского моря и точно обозначить на ней местонахождение устья Амударьи (по предположению большинства географов той эпохи, она впадала в Каспий). И уже 1 сентября 1714 г. А. Бекович-Черкасский доложил из Астрахани, что он «... осведомился через жителей астраханских о реке Дарье – откуда течет, где падает устьем. Сыскал таких людей, которые знают оную реку, называют Амударья, сказывают, что немалая река, берется вершиной от Индии, течет Бухарскою землею и Хивинскою, падает в озеро названием Аральское море, которое имеет расстояние от Каспийского моря 14 дней ходу; иные сказывают, будто малый проток есть из озера в море Каспийское, только такого человека нет, который видел» (Ципоруха, 2001: 89).

В описаниях «Живописная Россия...», в частности в очерках о Закаспийской области за 1885 год, упоминается, что экспедиция оставила свой след как в закреплении названия «Александр-бай», который «не удобен для стоянки судов. В нем есть подводные камни; он открыт для юго-западных ветров; наконец, здесь нет ни дров, ни воды, годной для питья. Название свое он получил от известного князя Александра Бековича-Черкасского, построившего на берегу его укрепление, при начале своего несчастного похода на Хиву, в 1716 г.», так и в материальных источниках в виде следов русского укрепления: «На юг от Карабугазского залива лежит Балханский залив, разделяющийся на две части: западную, или Красноводский залив, и восточную, или собственно Балханский залив. Вход в него удобен и безопасен; берега возвышены и песчаные; вода очень соленая. Красноводский залив отделяется от Каспийского моря длинною (до 28 верст) косою и, в свою очередь, разделяется мысом на две бухты: Муравьевскую и Соймоновскую. Близ оконечности косы в старые годы находилось русское укрепление, выстроенное князем Бековичем-Черкасским в 1716 году, от которого остались теперь одни только следы; ров укрепления зарос камышом и осокою» (МОГА. Ф. 546. Оп. 1. Д. 4. Л. 6).

Экспедиция Бековича-Черкасского в 1714–1715 гг. внесла существенный вклад в описание северного и восточного побережья Каспийского моря. Она также выяснила, что Амударья впадает в Аральское море, а не в Каспийское.

17 июня 1717 г., во время пребывания Петра I во Франции, он встретился с королевским географом Г. Делилем, которому показал рукописные карты, составленные на основе результатов русских исследований. Г. Делиль отметил важность информации, так как никогда не было точных карт по площади и очертаниям Каспийского моря. Кроме этого, европейцы получили, как отмечает М.И. Ципоруха, «сведения и о заливе Кара-Богаз-Гол, и о древнем русле Амударьи» (Ципоруха, 2001: 90).

Петр I не отказался от дальнейшего изучения Каспийского моря. В 1719 году была организована еще одна научная экспедиция по составлению генеральной карты Каспийского моря и уточнения ее западной части. Возглавил экспедицию капитан-лейтенант Карл ван Верден, в состав также входили морские офицеры лейтенант Ф. Соймонов, младшие лейтенанты П. Дорошенко, Г. Золотарев и др. Карлу Вердену было поручено внести на карту западную часть Каспийского моря от устья Волги до Астрабада, далее до реки Кура и составить генеральную карту Каспийского моря путем повторной проверки описания ранее исследованного восточного побережья. Об экспедиции упомянуто в работе академика Г.Ф. Миллера, изданной в 1765 году: «1719 году 8 января определены были всю комиссию капитан-лейтенант Федор Соймонов, кои оба несколько лет служили под собственным императорским смотрением на военном корабле. Ингермоланд называемом, на котором Его Величество обыкновенно ездить изволил, и через то получили случай снискать себе особливую от Государя похвалу, за верность свою и искусство... Еще им преданы унтер-лейтенанты Дорошенко и Золотарев с довольным числом унтер-офицеров и рядовых..., которыми оное описание западного берега Каспийского моря продолжался ...719 (1719 – Авт.) году лета до Куры реки, а на другое лето, то есть до Астрабадского залива, и возвратно в Астрахань того ж лета...» (Миллер, 1765: 50-51).

В 1720 г. чертеж карты был нанесен на медную пластину и известен как «Карта ван Вердена» (Рисунок 2).

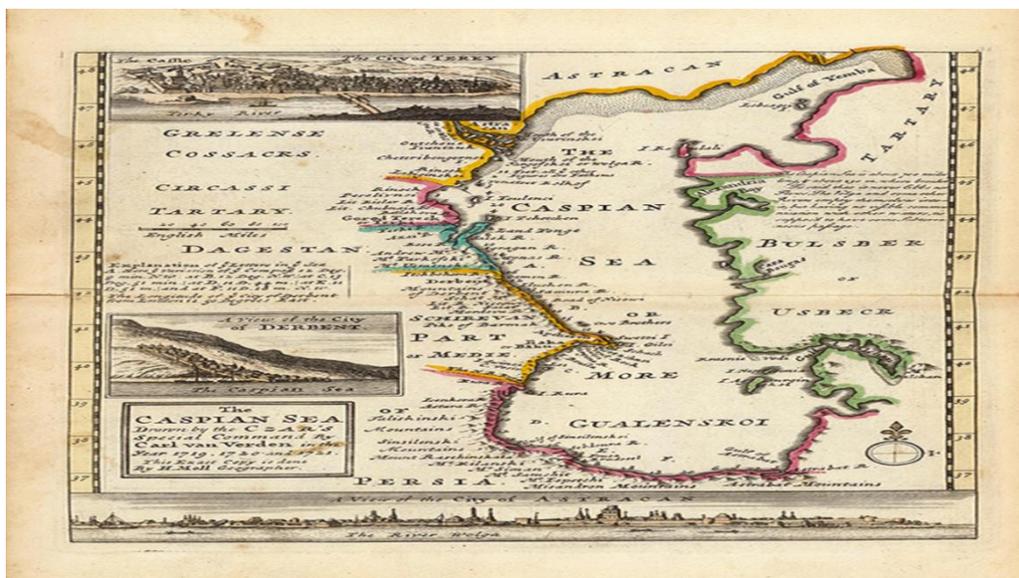

Рис. 2. «Картина плоская моря Каспийского» – Генеральная карта Каспийского моря, Карла ван Вердена в 1719–1721 годах по личному поручению император Петра Великого (Соболев, 2018: 99)

Также в 1721 году по поручению Петра I библиотекарь И.Д. Шумахер передал Академии наук в Париже новую карту Каспийского моря, которая произвела большое впечатление на французских ученых: «Все были поражены, поскольку на карте, в противовес мнениям всех географов, Каспийское море имело совсем другую форму» (Соболев, 2018: 100).

Царь Петр I еще на начальном этапе своего правления (последнее десятилетие XVII в.) стремился осуществить идею своего отца, царя Алексея Михайловича, «по ведению судов и навигационных путей по Каспийскому морю». Петр I, продолжая его политику, с уверенностью заявил, что таким образом будет открыт путь в Среднюю Азию и Иран. В конце XVII – начале XVIII веков Россия значительно окрепла как в социально-экономическом, так и в политическом отношении, возрос ее международный авторитет. Российское государство, следуя по пути трансформации в развитую европейскую империю, начало уделять особое внимание изучению Каспийского моря.

5. Заключение

Хотя интерес к Каспийскому морю обнаруживается в трудах античных авторов, средневековых ученых арабского, иранского, тюркского происхождения, история Каспия вплоть до XVIII века не

подвергалась систематическому изучению. На основе представленных данных по исследованию Каспийского моря следует выделить основные положения и выводы:

1. Античные историки (Геродот, Птолемей, Эратосфен, Страбон и др.) собирали сведения на основе воспоминаний путешественников, торговцев и др., то есть из уст третьих лиц, которые рассказывали истории о Каспийском море, и античные авторы составляли примерные морские карты. Несомненно, получение данных о Каспии как о единственном в те времена международном морском торговом транзите оказалось благодаря влиянию Великого Шелкового пути, охватывающего территорию от Древнего Китая до Италии. Хотя, в большой степени, попытка изучения истории моря, жизни и быта населяющих его народов берет свое начало в исследованиях греческих логографов древнего мира, тем не менее накопление основных ценных сведений о море восходит к Средневековью. Картографическим проблемам, связанным с Каспийским морем и представлениями о его побережье, в исторической географии были посвящены научные труды арабских, персидских, тюркских авторов, европейских и русских путешественников.

2. На многообразии названий моря повлияло в первую очередь присутствие на побережье Каспийского моря народов, исповедующих разные религии и говорящих на различных языках. Море «унаследовало» названия государств, княжеств, ханств и городов, расположенных на побережье Каспия. Иногда из-за неправильного произношения или неправильного написания прежних имен возникало множество истолкований, которые в исторических источниках встречаются в самых противоречивых сведениях. Тем не менее этимология названия Каспийского моря закрепилось от народа «каспиев» в значении «страна коней».

3. Начиная с Нового времени (середины XVII в.), изучение Каспия приобрело научно-исследовательский характер. Формирование русского государства как имперского требовало интенсивного освоения территорий окружающих его стран. Как следствие проведенных действий в этом направлении стало составление карт Каспийского моря при Петре Великом в первой четверти XVIII века и в последующем установление российским государством своего влияния на Каспии.

4. В результате реформ Петра I в различных областях, направленных на развитие страны в европейском стиле, Российское государство начало проводить ту же активную колониальную политику во внешней политике, что и европейские державы. Средневековые, слабые в военном отношении государства Кавказа, и среднеазиатские ханства, примыкавшие к фронтиру России, не могли дать отпор внешним угрозам. А поскольку большинство государств Кавказа и Центральной Азии расположены вокруг Каспийского моря, было ясно, что и Каспийское море попадет под сферу влияния того или иного сильного государства. Экспедиции российских ученых и путешественников предоставили возможность определить и утвердить статус Каспийского моря.

Таким образом, исследование Каспийского моря, его названий, попытки фиксирования его очертаний прослеживаются в картографических работах древности и средневековья, но начало его научного исследования и государственной поддержки по реализации составления карт приходится на XVII–XVIII века в результате плановых и комплексных исследований Каспийского моря российскими экспедициями.

Литература

Авеста, 1993 – *Авеста*. Избранные гимны; Из Видевдата. Пер. с Авест., предисл., примеч. и словарь И.М. Стеблин-Каменского. М., 1993. 208 с.

Алиев, 2007 – *Алиев Ш.* Исторический обзор и анализ карт Каспийского моря до начала XIX в. Административные карты территории Азербайджана и их изменения за период 1813–1970 гг. Статьи. Баку, 2007. 224 с.

Байшов, 2018 – *Байшов Б.Б.* Отандық жер мәселесін шешу тарихы Каспий теңізі мәртебесін айқындау мысалында // *Стратегия Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Н.А. Назарбаева – драйвер регионального развития: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции*. Актобе, 2018. Т. 1. С. 246-251.

Бартольд, 2002 – *Бартольд В.В.* Работы по исторической географии. М., 2002. 711 с.

Берг, 2011 – *Берг Л.С.* История великих русских географических открытий. М., 2011. 640 с.

Брикнер, 1996 – *Брикнер А.Г.* История Петра Великого: В 2 т. Т. 2. М., 1996. 368 с.

Бронштэн, 1988 – *Бронштэн В.А.* Клавдий Птолемей: II век н.э. М., 1988. 240 с.

Брун, 1872 – *Брун Ф.К.* Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. Одесса, 1872. 44 с.

Бунятов, Велиханова, 1988 – *Бунятов З.М., Велиханова Н.М.* Каспийское море в арабских источниках // *Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права*. 1988. № 2. С. 128-138.

Бухарицин, 1983 – *Бухарицин П.* Этот древний загадочный Каспий // *Волга*. 23.11.1983. С. 3.

Гасанов, 2018 – *Гасанов М.Р.* Каспийский поход Петра I 1722–1724 гг. – важный этап в развитии российско-дагестанских взаимоотношений // *Вопросы истории*. 2018. № 8. С. 62-69.

Геродот, 1972 – *Геродот*. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л., 1972. 600 с.

Гюль, 1956 – *Гюль К.К.* Каспийское море. Баку, 1956. 327 с.

- Дулати, 2003 – Дулати М.Х. Тарих-и Рашиди. Алматы, 2003. 616 с.
- Едилхан, 2007 – Едилхан А. Историческая география Мангистау // Огни Мангистау. 2007. Апрель. С. 4.
- Касымов, 1987 – Касымов А.Г. Каспийское море. Л., 1987. 152 с.
- Корноухова, 2019 – Корноухова Г.Г. Роль российского правительства в развитии каспийской торговли с Персией во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2019. Т. 18. № 3. С. 661-682. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682>
- Көмеков, Ильясова, 2011 – Көмеков Б.Е., Ильясова З.С. Иақұттың «Му'джамэл-булдан» (XIII ғ.) жағрафиялық жинағы – Қазақстанның орта ғасырлар тарихының дерегі. Алматы, 2011. 245 б.
- Курукин, 2010 – Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого: низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. 381 с.
- Меликов, 2013 – Меликов Р. Племя каспиев по античным и древневосточным источникам // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, ФГБОУВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», 2013. № 13. С. 217-229.
- Миллер, 1765 – Миллер Г.Ф. О торгах за Каспийское море древних, средних и новейших времен; выписано из журнала Его Превосходительства господина тайного советника сенатора и ордена Святого Александра кавалера Федора Ивановича Соймонова, и из внесенных в оной дополнений. М.: Московский правительствующий Сенат Департаментов, 1765 года. 82 с.
- Мирзоев, 1992 – Мирзоев М.А. Имена на картах Каспия (из истории изучения и освоения). СПб., 1992. 183 с.
- МОГА – Мангистауский областной государственный архив (г. Актау, Республика Казахстан).
- Мюллер, 1892 – Мюллер А.Ф. О названиях и географических картах Каспийского моря. Астрахань, 1892. 62 л.
- Никонов, 1966 – Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. 509 с.
- ПА РК – Президентский архив Республики Казахстан (г. Алматы).
- Соболев, 2018 – Соболев В. Петр I: «Зело приятно, что вы нас членом в свою компанию избрали»: 300 лет назад российский царь стал французским академиком // Родина. 2018. № 1. С. 98-101.
- Ципоруха, 2001 – Ципоруха М.И. Первая печатная карта Каспийского моря // Наука в России. 2001. № 2. С. 88-93.
- Kuketova et al., 2021 – Kuketova A., Shayakhmetov N.U., Shashaev A.K., Musabalina G.T., Kushenova G.I. The Reports of the Russian Empire Officials on the Semirechye Region: A Historiographic Analysis // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. № 9. Pp. 3213-3224.
- Mamedov, 2006 – Mamedov (Mammadov) R.F. International Legal Status of the Caspian Sea: yesterday, today, tomorrow. Baku, 2006. 456 p.
- Pochekaev, 2020 – Pochekaev R.Yu. Participants of Russian Naval Expeditions on the Political and Legal and Socio-Economic Situation of the Turkmen of the East Caspian Region (Mid-18th - Mid-19th c.) // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. 2020. Vol. 25. № 5. Pp. 42-51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.4>
- Shayakhmetov et al., 2019 – Shayakhmetov N.U., Mominova G.T., Omirbekova J.M. Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century // Bylye Gody. 2019. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1439-1450.

References

- Avesta, 1993 – Avesta. Izbrannyye gimny. Avesta [Selected Hymns]; Iz Videvdata. Moscow. 208 p. [in Russian]
- Aliev, 2007 – Aliev, Sh. (2007). Istoricheskij obzor i analiz kart Kaspijskogo morya do nachala XIX v. Administrativnye karty territorii Azerbajdzhana i ix izmeneniya za period 1813-1970 gg. [Historical review and analysis of the Caspian Sea maps before the beginning of the 19th century]. Baku. 224 p. [in Russian]
- Baishov, 2018 – Baishov, B.B. (2018). Otandyq zher mäsesin sheshu tarihy Kaspij tengizi mäртеbesin ajqyndau mysalynda [History of solving the domestic land problem on the example of determining the status of the Caspian Sea]. Strategiya Pervogo Prezidenta Respubliki Kazahstan – Elbasy N.A. Nazarbaeva – drajver regionalnogo razvitiya: Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Aktobe. Pp. 246-251. [in Kazakh]
- Bartold, 2002 – Bartold, V.V. (2002). Raboty po istoricheskoy geografii [Works on historical geography]. Moscow. 711 p. [in Russian]
- Brikner, 1996 – Brikner, A. G. (1996). Istoriya Petra Velikogo: v 2 t. T. 2. [History of Peter the Great]. Moscow. 368 p. [in Russian]
- Berg, 2011 – Berg, L.S. (2011). Berg L.S. Istoriya velikih russkih geograficheskikh otkrytij [The history of the great Russian geographical discoveries]. Moscow. 640 p. [in Russian]
- Bronshthen, 1988 – Bronshthen, V.A. (1988). Klavdij Ptolemej: II vek n.e. [Claudius Ptolemy: 2nd century]. Moscow. 240 p. [in Russian]

- Brun, 1872** – *Brun, F.* (1872). Peripl Kaspijskogo morya po kartam XIV stoletiya [The periple of the Caspian Sea according to the maps of the XIV century]. Odessa, 44 p. [in Russian]
- Buniyatov, Velixanova, 1988** – *Buniyatov, Z.M., Velixanova, N.M.* (1988). Kaspijskoe more v arabskih istochnikah [The Caspian Sea in Arab Sources]. *Izvestiya Akademii nauk Azerbaidzhanskoj SSR. Seriya istorii, filosofii i prava.* 2: 128-138. [in Russian]
- Buxaricin, 1983** – *Buxaricin, P.* (1983). Etot drevnii zagadochnyi Kaspij [This ancient mysterious Caspian]. *Volga.* P. 3. [in Russian]
- Gasanov, 2018** – *Gasanov, M.R.* (2018). Kaspijskij pohod Petra I 1722-1724 gg. – vazhnyj etap v razvitii rossijsko-dagestanskih vzaimo otnosheni [The Caspian trip of Peter 1722-1724 gg. – an important stage in the developed Rossio-Dagestan stone]. *Voprosy istorii.* 8: 62-69. [in Russian]
- Gerodot, 1972** – *Gerodot.* Istorija v devyati knigax [History in nine books]. Perevod i primechaniya G.A. Stratanovskogo. Leningrad. 600 p. [in Russian]
- Gyul, 1956** – *Gyul, K.K.* (1956). Kaspijskoe more [Caspian Sea]. Baku. 327 p. [in Russian]
- Dulati, 2003** – *Dulati, M.X.* (2003). Tarix-i Rashidi [History of Rashidi]. Almaty. 616 p. [in Kazakh]
- Edilxan, 2007** – *Edilxan, A.* (2007). İstoricheskaya geografiya Mangistau [Historical geography of Mangystau]. *Ogni Mangistau.* P. 4. [in Russian]
- Kasymov, 1987** – *Kasymov, A.G.* (1987). Kaspijskoe more [Caspian Sea]. Leningrad. 152 p. [in Russian]
- Kornouhova, 2019** – *Kornouhova, G.G.* (2019). Rol' rossijskogo pravitel'stva v razvitii kaspijskoj trgovli s Persiej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The role of the Russian government in the development of Caspian trade with Persia in the second half of the XIX – early XX]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii.* 18(3): 661-682. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682>
- Kömekov, 2011** – *Kömekov, B.E., İlyasova, Z.S.* (2011). İaquattyng «Mu'dzham äl-buldan» (XIII gh.) zhaghrافیalyq zhinaghy – Qazaqstannyng orta ghasyrlar tarixynyng deregi [The geographical collection of Yakut "Mujam al-buldan" (XIII century) is a record of medieval history of Kazakhstan]. Almaty. 245 p. [in Kazakh]
- Kuketova et al., 2021** – *Kuketova, A., Shayakhmetov, N.U., Shashaev, A.K., Musabalina, G.T., Kushenova, G.I.* (2021). The Reports of the Russian Empire Officials on the Semirechye Region: A Historiographic Analysis. *International Journal of Criminology and Sociology.* 9: 3213-3224.
- Kurukin, 2010** – *Kurukin, I.V.* (2010). Persidskij poxod Petra Velikogo: nizovoj korpus na beregax Kaspiya (1722-1735) [The Persian campaign of Peter the Great: the grassroots corps on the shores of the Caspian Sea (1722-1735)]. Moscow. 381 p. [in Russian]
- Mamedov, 2006** – *Mamedov (Mammadov), R.F.* (2006). International Legal Status of the Caspian Sea: yesterday, today, tomorrow. Baku. 456 p. [in Russian]
- Melikov, 2013** – *Melikov, R.* (2013). Plemya kaspiev po antichnym i drevne vostochnym istochnikam [The Caspian tribe according to ancient and ancient Eastern sources]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury.* Magnitogorsk, FGBOUVO «Magnitogorskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet im. G.I. Nosova». 13: 217-229. [in Russian]
- Miller, 1765** – *Miller, G.F.* (1765). O torgah za Kaspijskoe more drevnih, srednih i novejsih vremen; vypisano iz zhurnala Ego Prevoskhoditel'stva gospodina tajnogo sovetnika senatora i ordena Svyatogo Aleksandra kavallera Fedora Ivanovicha Sojmonova, i iz vnesennyh v onoj dopolnenij [About the auctions for the Caspian Sea of ancient, middle and modern times; excerpted from the journal of His Excellency Mr. Privy Advisor to the Senator and the Order of St. Alexander Knight Fyodor Ivanovich Soymonov, and from the additions made to it]. M.: Moskovskij pravitel'stvuyushchij Senat Departamentov, 1765 goda. 82 p. [in Russian]
- Mirzoev, 1992** – *Mirzoev, M.A.* (1992). Imena na kartax Kaspiya (iz istorii izucheniya i osvoeniya) [Names on the maps of the Caspian (from the history of study and development)]. SPb. 183 p. [in Russian]
- MOGA** – Mangistauskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv [Mangystau regional state archive]. (g. Aktau, Republic of Kazakhstan)
- Myuller, 1892** – *Myuller, A.F.* (1892). O nazvaniyah i geograficheskix kartax Kaspijskogo morya [About the names and geographical maps of the Caspian Sea]. Astrahan'. 62 p. [in Russian]
- Nikonov, 1966** – *Nikonov, V.A.* (1966). Kratkij toponimicheskij slovar [Concise toponymic dictionary]. Moscow. 509 p. [in Russian]
- PA RK** – Prezidentskij arhiv Respubliki Kazahstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. (g. Almaty).
- Pochekaev, 2020** – *Pochekaev, R.Yu.* (2020). Participants of Russian Naval Expeditions on the Political and Legal and Socio-Economic Situation of the Turkmen of the East Caspian Region (Mid-18th – Mid-19th c.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 25(5): 42-51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.4>
- Sobolev, 2018** – *Sobolev, V.* (2018). Petr I : «Zelo priyatno, chto vy nas clenom v svoyu kompaniyu izbrali»: 300 let nazad rossijskij car' stal francuzskim akademikom [Peter I: «It is great that you have elected us a member of your company»]. *Rodina.* 1: 98-101. [in Russian]

Tsiporukha, 2001 – *Tsiporukha, M.I.* (2001). Pervaya pechatnaya karta Kaspijskogo morya [The first printed map of the Caspian Sea]. *Nauka v Rossii*. 2: 88-93. [in Russian]

Shayakhmetov et al., 2019 – *Shayakhmetov, N.U., Mominova, G.T., Omirbekova, J.M.* (2019). Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century. *Bylye Gody*. 54(4): 1439-1450.

Историко-географические сведения об освоении Каспийского моря в картографических материалах

Бакыт Батырбекович Байшов^{a, *}, Гульфайрус Кабдуловна Жапекова^a,
Нур Четин^b, Гаухар Сатыбалдиновна Абдрахманова^a

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

^b Кыршехирский университет имени Ахи Эврана, Кыршехир, Республика Турция

Аннотация. В статье представлен краткий обзор историко-географических данных о Каспийском море и прослеживается изменение наименования моря на разных этапах истории. Исследование опирается на труды ученых из России, Азербайджана и Казахстана. Целью работы было раскрыть выявление причин смены названий морей и истории формирования морской научной карты в связи с экспедициями, организованными Петром Великим в начале XVIII века. Авторами проведен анализ исторических исследований и предпринята попытка систематизации картографических материалов и данных с древности, средневековья и нового времени. История Каспия и его прилегающих территорий стала предметом дискуссии со времен греческих логографов в древнем мире, и исторические исследования Каспийского моря продолжают по настоящее время. С древнейших времен побережье Каспия было заселено многими народами, став перекрестком взаимодействия различных культур, в позднем Средневековье Каспийское море играло важную роль, располагаясь вдоль всемирного торгового транзита, известного как Великий Шелковый путь. В новую эпоху конкуренция по контролю над Каспийским морем между государствами усилилась, но в результате военно-политических действий Петра I море стало де-факто географическим объектом Российской империи, а затем Советского Союза. Однако после распада СССР в конце XX века Каспийское море, которое имеет географически удобное расположение и обладает богатыми ресурсами, снова появилось на исторической арене как один из важнейших геополитических вопросов.

Ключевые слова: карта Каспия, Каспийское море, историческая география, историческая карта, экспедиции Петра I.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dil_123@mail.ru (Б.Б. Байшов), gulfairusk@mail.ru (Г.К. Жапекова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2022. 17(1): 49-56
DOI: 10.13187/bg.2022.1.49

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries

Olga A. Plotskaya ^{a,*}, Gulnara F. Ruchkina ^a, Diana G. Alekseeva ^{a,b}, Valentina V. Naumkina ^c

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^b Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russian Federation

^c Khakas State University after N.F. Katanov, Russian Federation

Abstract

The study of the features of the hereditary legal status of women among the Perm Finno-Ugric peoples (Komi, Udmurts), as well as the mechanism of its consolidation in customary and positive law within the framework of historical events of the 18th - 19th centuries, is quite relevant today.

The purpose of this work is to study through the historical and legal analysis of the hereditary and legal status of women among the Permian peoples, enshrined in the norms of customary and positive law in the 18th – 19th centuries.

As a result of the analysis, the authors come to the conclusion that the hereditary legal status of women among the Permian peoples, enshrined not only in customary law, but also in the norms of positive law in the 18th – 19th centuries, had its own specifics. According to custom, when getting married, the daughter received a dowry, after which she was considered separated from the family, and was deprived of her inheritance rights to a part of the family-wide hereditary mass. However, in cases when a primak husband who married the daughter of the head of the family was accepted into the family, she continued to use the common family property, acquiring equal inheritance rights with the brothers.

A woman in widow status was not always deprived of her property rights. The custom allowed the widow to stay with her married son, to whom most of the family property was transferred. If the widow did not remarry, then she was the rightful heiress of all property jointly acquired with her spouse, especially in the case when the children were already separated from their parents.

The customary law of the Permian peoples, supplementing the positive law, protected the inherited common family property from transferring to non-blood relatives, therefore the widow lost her rights to the property of her deceased first spouse in the event of her remarriage. This was also facilitated by of sororate and levirate that existed and were widely used in the customary law of the Permian peoples.

The authors examined various historical and historical-legal sources, including archival documents, publications in periodicals, as well as legislative acts of the Russian state, consolidated in the PSZ.

Keywords: Komi, Udmurts, positive law, customary law, hereditary legal status, woman.

1. Введение

Исследование особенностей наследственно-правового статуса женщины у пермских финно-угорских народов коми (устаревшее название – зыряне) и удмуртов (название, использовавшееся в дореволюционной литературе – вотяки), а также анализ механизма его закрепления в обычном праве и законодательного регулирования позитивным правом в рамках исторических событий XVIII–

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), gumer@bk.ru (G.F. Ruchkina), alekseeva.dg@yandex.ru (D.G. Alekseeva), naumkinav@mail.ru (V.V. Naumkina)

XIX веков сегодня способствует детальному переосмыслению актуальнейших проблем правового положения женщин в Российской Федерации.

Настоящее историко-правовое исследование позволит выявить не только общие закономерности обычно-правовых наследственных отношений у коми и удмуртов, но и специфику развития наследственно-правового статуса женщины у народов, являющихся ярчайшими представителями восточной финно-угорской языковой группы, сохранившими и продолжительный исторический период применявшими не только собственное этно-национальное право (широко распространенное в дореволюционный период), но и нормы позитивного права.

Учитывая преемственность важнейших фундаментальных историко-правовых явлений, существовавших в дореволюционной России, тема нашего исследования, направленная на обращение к истории развития наследственных прав женщины у зырян и вотяков в XVIII–XIX веках, приобретает особую научную значимость. Актуальность исследования обусловлена также и незначительным объемом трудов, касающихся отдельных аспектов гражданско-правового положения женщины в историческом прошлом у различных российских народов, включая финно-угорские.

2. Материалы и методы

Источниковой основой исследования являются эмпирические материалы в виде архивных данных, содержащихся в фондах Российского государственного архива древних актов – РГАДА (г. Москва, Российская Федерация), Центрального государственного архива Удмуртской Республики (Ижевск, Российская Федерация), Национального архива Республики Коми (Сыктывкар, Российская Федерация), включающих в себя информацию о наследственных обычно-правовых отношениях, применявшихся у пермских народов в XVIII–XIX веках. Данные исторические документы, находящиеся на постоянном хранении в названных архивах, являются свидетельством ведения официального общинного делопроизводства и представляют собой ценные источники не только историко-этнографической, но и обычно-правовой информации. Также важным историческим источником в процессе изучения наследственного статуса женщины у пермских народов, закрепленного не только нормами обычного, но и позитивного права, являются сборники научных работ, авторы которых рассматривали историко-этнографические аспекты и параллельно упоминали о существовании правовых обычаев, применявшихся в крестьянском мире (например, «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее» (Богаевский, 1888).

Значимые выводы в данной работе были получены на основе исследования источников (форм) права Российского государства, удачно систематизированных в «Полном собрании законов Российской империи» (далее – ПСЗ).

Некоторые этнографические материалы, касающиеся институтов брака, семьи, наследства в обычном праве у пермских народов, раскрывающие правовые воззрения зырян и вотяков, представлены в изданиях исторической периодической печати. В данной работе привлекаются подобные публикации в таких журналах, как «Вятские губернские ведомости» (Осокин, 1857), «Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (Попов, 1877).

Методологической основой настоящего исследования является комплекс научных подходов, принципов и методов. Использование в работе методов анализа и синтеза позволяет исследовать исторические и историко-правовые источники, выделяя закономерности в регулировании наследственных отношений нормами позитивного права и пермскими правовыми обычаями. Применение историко-правового метода предоставил возможность рассмотреть объект нашего исследования с учетом исторических событий и фактов, имевших место в XVIII–XIX веках у пермских народов. Системный метод позволяет систематизировать полученные результаты и выводы, выделяя общие тенденции в развитии наследственно-правовых отношений. Широко используемый юридической наукой герменевтический метод позволил осуществить толкование нормативно-правовых актов и исторических источников, анализируемых в работе.

3. Обсуждение

Среди дореволюционных ученых, рассматривавших некоторые аспекты наследственных прав женщины у пермских народов в контексте брачно-семейных отношений, необходимо назвать К.А. Попова, П.М. Богаевского, С. Осокина, В.П. Тихонова и др. (Попов, 1877; Богаевский, 1888; Осокин, 1857; Тихонов, 1891).

В современной российской доктрине обычно-правовой мир, крестьянское этническое право, особенности правовой культуры и правосознания у различных этносов рассматриваются в рамках гуманитарных исследований. В этой связи важно выделить имена М.Б. Аверина, Н.С. Авдониной, Д.Г. Алексеева, С.В. Березницкого, И.И. Галечко, К.С. Зайкова, Е.Н. Калиакперова, Е.А. Науменко, П.В. Никитина, О.А. Плоцкой, А.В. Попова, С.А. Правкина, П.В. Примака, Л.В. Сокольской, В.В. Смирнова, В.В. Титова, Р.В. Шагиева, М.А. Хватова, А.Б. Храмцова и др. (Аверин и др., 2020; Березницкий, 2020; Зайков, Авдонина, 2019; Науменко, 2020; Плоцкая и др., 2021; Правкин и др., 2021; Титов, 2021; Храмцов, 2021 и др.).

Среди ученых, внесших значимый вклад в исследование обозначенной проблемы, необходимо назвать следующих: Ю.В. Александрова, В.Н. Белицера, В.Е. Владыкина, Г.И. Обухову, Л.С. Христолюбову (Александров, 1998; Белицер, 1958; Владыкин, Христолюбова, 1984; Обухова, 1985) и др.

Однако сведения о наследственно-правовом статусе женщины у коми и удмуртов как в обычном праве, так и в позитивном на протяжении XVIII–XIX веков не систематизированы.

Кроме того, практически отсутствуют комплексные историко-правовые исследования наследственного статуса женщины у пермских финно-угорских народов в рассматриваемый период, осуществленных с использованием современной методологической основы, применяющейся в историко-правовой доктрине. Поэтому данная работа восполняет пробелы в современной российской историографии.

Настоящее исследование осуществлялось на основе комплексного анализа эмпирических данных, включающих нормы общероссийского и обычного права, как комплекс самобытных, уникальных обычно-правовых регуляторов.

Целью нашей работы является исследование посредством историко-правового анализа наследственно-правового статуса женщины у пермских народов, регулируемого нормами обычного и позитивного права в XVIII–XIX веках.

4. Результаты

Наследственные права женщины у пермских народов, закрепленные, прежде всего, национальными правовыми обычаями, имея высокую социальную значимость, отражают многообразие возникавших правоотношений, выходящих за рамки институтов наследственного права в этно-локальном обществе. Так, сквозь призму наследственных обычно-правовых норм можно проследить положение женщины в семье, ее место в иерархии семейных отношений, особенности взаимоотношения с детьми, ее положение в браке и изменения, появляющиеся у вдовы, а также процедуру передачи наследуемого имущества.

В 1714 году законодатель регламентировал вопросы, касающиеся определения очереди призвания наследников к наследству, а также детали наследования, особенно недвижимого имущества (О порядке...).

Однако важно отметить, что для обычно-правовой практики, сложившейся в наследственных отношениях у пермских народов, были характерны свои особенности. В архивных документах фиксируется два обычно-правовых способа передачи наследства. В первом – речь идет о передаче наследства по обычаю, во втором – по «духовному завещанию» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 810. Л. 30б.).

Наследование по обычаю предполагало передачу каждому мужчине в семье части (доли) общесемейного имущества при осуществлении раздела (Александров, 2014: 152), после которого созданные молодые семьи селились рядом, по соседству, образуя «патронимические гнезда» (Владыкин, Христолюбова, 1984: 29).

Всем семейным имуществом могли пользоваться все члены семьи, включая дочерей, но до «выхода в замужество...» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 45. Л. 10). Такой принцип срабатывал при наличии в «семье братьев» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 89. Л. 10-10об.).

Выходя замуж, девушка обычно получала приданое. Его состав согласовывался, как правило, родственниками брачующихся и нередко оформлялся «в сговорных росписях» (Обухова, 1985: 29). В таких документах крестьяне чаще всего оформляли порядок передачи имущества в качестве приданого: «...взамен оговором... девять пожень...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 12457. Л. 10).

В 1764 г. и 1789 г. законодательно были закреплены не только порядок выделения приданого, но и статус дочери, получившей его (О неучаствовании..., О почитании...). В соответствии с обозначенными законами именно после получения приданого дочерью, вступившей в брак, она считалась отделенной от семьи и, соответственно, лишалась наследственных прав в отношении общесемейного имущества после «смерти отца» (О почитании...). Обычно-правовые нормы, регламентируя данный вопрос, не вступали в противоречие с действовавшими российскими актами.

В случаях, когда в семью принимали мужа-примака, женившегося на дочери главы семьи, то она продолжала пользоваться общесемейным имуществом, приобретая равные наследственные права с братьями (Александров, 2014: 160).

Обычно-правовой статус вдовы у пермских народов включал ряд характерных черт и особенностей: она не всегда лишалась прав в отношении имущества. К примеру, если у крестьянки-вдовы были на иждивении дети мужского пола, то в будущем они «могли возглавить хозяйство» (Обухова, 1985: 25), как не отделившиеся сыновья. Этот принцип работал в случае, если в будущем они будут «пропитывать вдову» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 23).

Даже после раздела имущества семьи обычай позволял вдове остаться жить с женившимся сыном, как правило, «младшим» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 33), которому передавалась большая доля «движимого имущества» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 23). Вдова также могла наследовать свое приданое (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 29об.).

Если вдова не выходила повторно замуж, то она полностью наследовала семейное имущество (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 290б.). В случае, когда дети уже были отделены от родителей, вдова после смерти супруга могла наследовать имущество, переходящее в «ея пользу» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 23).

Обычное право, несмотря на то, что объявляло женщин правоспособными, однако не признавало за ними право владения лесными родовыми охотничьими тропами (путиками), если в доме был мужчина. Только став вдовой, она могла представлять семейные интересы, исполняя роль посредника при процедуре передачи права пользования родовой охотничьей тропой – путиком (собственником которой ранее был ее умерший супруг) другому мужчине, имевшему желание в будущем жениться на ней (Попов, 1877: 101). Таким образом, путики не передавались по наследству супруге умершего мужчины, но могли быть переданы ей в качестве приданого в том случае, если «не было наследников мужского пола» (Попов, 1877: 101).

Также правовой обычай защищал имущественные права малолетних детей, как потенциальных наследников, в случае смерти их биологического отца. Даже вдове этническое обычное право не предоставляло возможности получения права собственности на недвижимое имущество при наличии наследников по «мужской линии» (Обухова, 1985: 26). В том случае, если у вдовы оставались на иждивении малолетние дети, то для их пропитания ей позволялось «продать что-либо из имущества» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 230б.).

Обычай позволял вдовам выходить замуж за брата умершего супруга, так как ей необходимо было сохранить свой статус и совместно нажитое имущество с первым супругом «в семье» (Обухова, 1985: 25). Практиковавшийся левират также позволял помочь вырастить малолетних детей в семье, в которой второй супруг являлся кровным родственником отца детей. Кроме левирата у коми и удмуртов применялся сорорат. Этот правовой обычай позволял вдовцу жениться на младшей родной сестре своей «умершей супруги» (Белицер, 1958: 393; Удмурты..., 1993: 190).

Российский законодатель еще в 1676 г. защитил наследуемое общесемейное имущество от перехода к родственникам, не имевшим кровной связи (О разделе...). Обычное право у пермских народов содержало аналогичные принципы (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 290б.).

Вступая в брак с посторонним для данной семьи мужчиной, вдова теряла наследственные права в отношении имущества «первого своего мужа» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 45. Л. 10). Однако их совместные дети имели право остаться жить в доме умершего биологического отца и претендовать на «часть наследства...» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 290б.-30).

Часто приговоры сельских сходов подробно прописывали имущественные права вдовы, повторно выходящей замуж (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 89. Л. 10-100б.). В случае смерти молодой жены «наследниками... считается не муж, а родные жены» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 63. Л. 40б.), а приданое возвращалось ее родственникам «только в том случае, если будет возвращен заплаченный калым» (Богаевский, 1888: 56) родственниками супруга.

Женщина, находясь в любом статусе (замужняя, не вступавшая в брак, вдова) имела право передавать по наследству имущество, заработанное ею, а также собственные ювелирные украшения (Осокин, 1857: 61).

Наследственные права малолетних детей, рожденных вне брака, были неравны. Так, по обычаю девочки не увеличивали наследственных прав «своей матери» (Тихонов, 1891: 140), живущей с сожителем. Мальчики, рожденные в результате сожителства, имели ряд наследственных прав, так как могли претендовать на часть «отцовского наследства...» (Тихонов, 1891: 140). Причем, если сожителство родителей, у которых были дети мужского пола, продолжалось не менее десяти лет, то по обычаю эти дети с матерью «делаются полными наследниками» (Тихонов, 1891: 140).

В архивных источниках фиксируется такой обычно-правовой способ передачи наследства, как по «духовному завещанию» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 810. Л. 30б.). Причем обычай наделял главу семьи широкими полномочиями, так как он мог предоставить наследственные права иным лицам, не предусмотренным по обычаю, включая уже отделившихся детей (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 63. Л. 40б.; ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 89. Л. 10).

По «духовному завещанию» имущество не всегда передавалось кровным родственникам, так как крестьяне оставляли свое имущество «людям, проживавшим с ними» (Александров, 2014: 218; НА РК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 480. Л. 4). Но подобное волеизъявление завещателя нужно было согласовать с общиной, которая могла придать юридическую силу его воле либо «отвергнуть» (Тихонов, 1891: 118).

Имущество по духовному завещанию могло быть передано наследодателем церкви, «вдовым, бездетным...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 331. Л. 10-100б.) Духовные завещания составлялись в пользу не только родственников (Тихонов, 1891: 118), но и сожителей (сожительниц) (Тихонов, 1891: 138).

Объекты земельной собственности достаточно редко переходили в распоряжение женщины, только в случае, если земля не являлась общинной, а была приобретена или доставалась ей на основании завещания (Александров, 2014: 170).

Однако важно отметить, что детальное регулирование особенностей процесса разработки и оформления завещаний, основания признания «духовных завещаний» недействительными (Об отдаче..., О духовных завещаниях..., По проекту..., Об уничтожении...), а также порядок

определения лиц по нисходящей (восходящей) и боковой линиям в системе родства, способы выделения долей в наследственной массе (О наследстве..., Грамота на права..., О порядке наследства..., О разделе...), закрепленных в нормах позитивного права, не применялось в обычном праве удмуртов и коми ввиду слабого развития товарно-денежных и имущественно-правовых отношений на протяжении рассматриваемого исторического периода, вплоть до II половины XIX века. Именно в пореформенный период XIX века появляется возможность развивать товарно-денежные отношения, что, в свою очередь, способствовало детализации и разработке наследования по «духовному завещанию» как обычно-правового способа наследования.

5. Заключение

Таким образом, наследственно-правовой статус женщины у пермских народов, закрепленный не только в обычном праве, но и в нормах позитивного права в XVIII–XIX веках имел свою специфику.

В обычном праве существовало наследование по обычаю и по «духовному завещанию». По обычаям предполагалась передача каждому мужчине в семье части общесемейного родового имущества, которым могли пользоваться все члены семьи, включая дочерей до их выхода замуж. Они имели право на приданое. После его получения дочери, вступившие в брак, считались отделенными от семьи и лишались наследственных прав на часть общесемейной наследственной массы. Однако в случаях, когда в семью принимали мужа-примака, женившегося на дочери главы семьи, она продолжала пользоваться общесемейным имуществом, приобретая равные наследственные права с братьями.

Женщина в статусе вдовы не всегда лишалась прав в отношении имущества. Обычай позволял ей остаться жить с женившимся сыном, которому передавалась большая часть общесемейного имущества. Если вдова не выходила повторно замуж, то она являлась полноправной наследницей всего совместно нажитого с супругом имущества, особенно в случае, когда дети уже были отделены от родителей.

Обычное национальное пермское право, также как и позитивное право, охраняло наследуемое общеродовое имущество от перехода к родственникам, не имевшим кровной связи, поэтому вдова теряла права на имущество умершего первого супруга в случае вступления ее в повторный брак. Этому также способствовали существовавшие и широко распространенные сорорат и левират. Нормы обычного права пермских народов, регулируя наследственно-правовой статус женщины в рассматриваемый период, не только не противоречили действовавшим в XVIII–XIX веках нормативно-правовым актам, но и дополняли их.

Литература

- Александров, 2014 – Александров Ю.В. Обычное право удмуртов: (XIX – начало XX вв.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 270 с.
- Белицер, 1958 – Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. М.: Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР, 1958. 391 с.
- Богаевский, 1888 – Богаевский П.М. Очерк быта сарапульских вотяков / П.М. Богаевский // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. III. С. 13-64.
- Владыкин, Христолюбова, 1984 – Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Очерк этнографии удмуртов. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 1984. 54 с.
- НА РК – Национальный архив Республики Коми.
- Обухова, 1985 – Обухова Г.И. Семейно-имущественные отношения по обычному праву у крестьянства Удмуртии в XVIII в. (по актам крепостных контор) // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.: Сб. статей / Отв. ред. В.Е. Майер. Устинов, 1985. С. 18-34.
- Осокин, 1857 – Осокин С. Народный быт в Северо-Восточной России. Глава II: Вотяки и Черемисы. (Продолжение) // Вятские губернские ведомости. 1857. № 11. С. 61.
- Попов, 1877 – Попов К.А. Охотничье право собственности у зырян // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1877. Т. 28. Кн. 4. С. 96-102.
- ПСЗ РИ – II – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. II. СПб., 1830. № 634. С. 26-31.
- ПСЗ РИ – II – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. II. СПб., 1830. № 764. С. 208-209.
- ПСЗ РИ – II – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. II. СПб., 1830. № 1250. С. 861-862.
- ПСЗ РИ – V – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. СПб., 1830. № 2789. С. 91-94.
- ПСЗ РИ – XVI – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVI. СПб., 1830. № 11783. С. 200-203.
- ПСЗ РИ – XVI – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVI. СПб., 1830. № 12031. С. 510-511.

- ПСЗ РИ – XIX** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XIX. СПб., 1830. № 13428. С. 25-30.
- ПСЗ РИ – XXII** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXII. СПб., 1830. № 16187. С. 344.
- ПСЗ РИ – XXIII** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXIII. СПб., 1830. № 16769. С. 31-32.
- ПСЗ РИ – XXXVIII** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXVIII. СПб., 1830. № 29373. С. 356-357.
- ПСЗ РИ – VI** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. VI. СПб., 1830–1885. № 4844. С. 98-102.
- ПСЗ РИ – XLIV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLIV. СПб., 1830–1885. № 46935. С. 297-299.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Тихонов, 1891** – Тихонов В.П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Вып. 3. С. 75-136.
- Удмурты..., 1993** – Удмурты: историко-этнографические очерки // Науч. ред. В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ, 1993. 388 с.
- ЦГА УР** – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
- Averin et al., 2020** – Averin M.B., Nikitin P.V., Popova A.V. The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914) // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 162-172.
- Bereznitsky et al., 2020** – Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V. Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.
- Khramtsov, 2021** – Khramtsov A.B. Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 74-84.
- Naumenko, 2020** – Naumenko E.A. Psychological Factors in Suicides Among the Indigenous People of the Arctic Zone of Western Siberia in the XVII – XIX centuries (Based on Materials from the Regional Archives) // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 944-951.
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
- Pravkin et al., 2020** – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Khvatova M.A. Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 620-628.
- Titov, 2021** – Titov V.V. Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.
- Zaikov, Avdonina, 2019** – Zaikov K.S., Avdonina N.S. Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 29-40.

References

- Aleksandrov, 2014** – Aleksandrov, Yu.V. (2014). Obychnoe pravo udmurtov: (XIX – nachalo XX vv.) [Common law of the Udmurts: (XIX – early XX centuries)]. Izhevsk. [in Russian]
- Averin et al., 2020** – Averin, M.B., Nikitin, P.V., Popova, A.V. (2020). The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914) // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 162-172.
- Belicer, 1958** – Belicer, V.N. (1958). Oчерки po etnografii narodov komi: XIX – nachalo XX v. [Essays on the ethnography of the Komi peoples: XIX – early XX centuries]. M. [in Russian]
- Bereznitsky et al., 2020** – Bereznitsky, S.V., Galechko, I.I., Primak, P.V. (2020). Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.
- Bogaevskij, 1888** – Bogaevskij, P.M. (1888). Oчерk byta sarapul'skih votyakov [Essay on the life of the Sarapul Votyaks] Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyj pri Dashkovskom etnograficheskom muzee. M. [in Russian]
- CGA UR** – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic].
- Khramtsov, 2021** – Khramtsov, A.B. (2021). Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 74-84.
- NARK** – Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi [The National Archive of the Komi Republic].

[Naumenko, 2020](#) – *Naumenko, E.A.* (2020). Psychological Factors in Suicides Among the Indigenous People of the Arctic Zone of Western Siberia in the XVII – XIX centuries (Based on Materials from the Regional Archives). *Bylye Gody*. 57(3): 944-951.

[Obuhova, 1985](#) – *Obuhova, G.I.* (1985). Semejno-imushchestvennyye otnosheniya po obychnomu pravu u krest'yanstva Udmurtii v XVIII v. (po aktam krepostnyh kontor) [Family and property relations according to customary law among the peasantry of Udmurtia in the 18th century. (according to acts of serfs)]. Semejnyj i obshchestvennyj byt udmurtov v XVIII–XX vv.: sb. statej. Otv. red. V. E. Majer. Ustinov: 18-34. [in Russian]

[Osokin, 1857](#) – *Osokin, S.* (1857). Narodnyj byt v Severo-vostochnoj Rossii. Glava II: Votyaki i CHERemisy. (Prodolzhenie) [People's life in North-Eastern Russia. Chapter II: Votyaks and Cheremis. (Continuation)]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 11: 61. [in Russian]

[Plotskaya et al., 2021](#) – *Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G.* (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. II., SPb. Pp. 26-31. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. II., SPb. Pp. 208-209. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. II., SPb. Pp. 861-862. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. V., SPb. Pp. 91-94. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XVI., SPb. Pp. 200-203. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XVI., SPb. Pp. 510-511. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XIX., SPb. Pp. 25-30. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXII., SPb. Pp. 344. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXIII., SPb. Pp. 31-32. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXXVIII., SPb. Pp. 356-357. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. VI., SPb. Pp. 98-102. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XLIV., SPb. Pp. 297-299. [in Russian]

[Popov, 1877](#) – *Popov, K.A.* (1877). Ohotnich'e pravo sobstvennosti u zyryan [Zyryan's hunting ownership]. *Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. 28: 96-102. [in Russian]

[Pravkin et al., 2020](#) – *Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Khvatova, M.A.* (2020). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.

[RGADA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

[Tihonov, 1891](#) – *Tihonov, V.P.* (1891). Materialy dlya izucheniya obychnogo prava sredi krest'yan Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii [Materials for the study of customary law among the peasants of the Sarapul district of the Vyatka province] Sbornik svedenij dlya izucheniya byta krest'yanskogo naseleniya Rossii. 3: 75-136. [in Russian]

[Titov, 2021](#) – *Titov, V.V.* (2021). Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.

[Udmurty..., 1993](#) – Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki. Nauch. red. V. V. Pimenov. [Udmurts: Historical and Ethnographic Essays] Izhevsk. [in Russian]

[Vladykin, Hristolyubova, 1984](#) – *Vladykin, V.E., Hristolyubova, L.S.* (1984). Oчерк этнографии udmurtov [Essay on the ethnography of the Udmurts]. Izhevsk. [in Russian]

[Zaikov, Avdonina, 2019](#) – *Zaikov, K.S., Avdonina, N.S.* (2019). Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century. *Bylye Gody*. 51(1): 29-40.

Наследственно-правовой статус женщины у пермских народов в обычном и позитивном праве в XVIII–XIX веках

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, *}, Гульнара Флюоровна Ручкина ^a, Диана Геннадьевна Алексеева ^{a, b},
Валентина Владимировна Наумкина ^c

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^b Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация

^c Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Российская Федерация

Аннотация. Изучение особенностей наследственно-правового статуса женщины у пермских финно-угорских народов (коми, удмурты), а также механизма его закрепления в обычном и позитивном праве в рамках исторических событий XVIII–XIX веков сегодня достаточно актуально.

Целью настоящей работы является исследование посредством историко-правового анализа наследственно-правового статуса женщины у пермских народов, закрепленного нормами обычного и позитивного права в XVIII–XIX веках.

В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу о том, что наследственно-правовой статус женщины у пермских народов, закрепленный не только в обычном праве, но и в нормах позитивного права в XVIII–XIX веках имел свою специфику. По обычаю, выходя замуж, дочь получала приданое, после этого она считалась отделенной от семьи и лишалась наследственных прав на часть общесемейной наследственной массы. Однако в случаях, когда в семью принимали мужа-примака, женившегося на дочери главы семьи, она продолжала пользоваться общесемейным имуществом, приобретая равные наследственные права с братьями.

Женщина в статусе вдовы не всегда лишалась прав в отношении имущества. Обычай позволял ей остаться жить с женившимся сыном, которому передавалась большая часть общесемейного имущества. Если вдова не выходила повторно замуж, то она являлась полноправной наследницей всего совместно нажитого с супругом имущества, особенно в случае, когда дети уже были отделены от родителей.

Обычное право пермских народов, дополняя позитивное право, защищало наследуемое общесемейное имущество от перехода к некровным родственникам, поэтому вдова теряла права на имущество умершего первого супруга в случае вступления в повторный брак. Этому также способствовали существовавшие и широко применявшиеся в обычном праве пермских народов сорорат и левират.

Авторы исследовали различные исторические и историко-правовые источники, включая архивные документы, публикации в периодической печати, а также законодательные акты Российского государства, консолидированные в ПСЗ.

Ключевые слова: коми, удмурты, позитивное право, обычное право, наследственно-правовой статус, женщина.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая), gumer@bk.ru (Г.Ф. Ручкина), alekseeva.dg@yandex.ru (Д.Г. Алексеева), naumkinav@mail.ru (В.В. Наумкина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 57-66
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.57

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of the Kazakhs in the History of the Siberian Khanate: Russian Pre-Revolutionary Historiography

Yerkin A. Abil ^{a,*}, Amanzhol Kuzembayuly ^b, Ziyabek Ye. Kabuldinov ^c

^a Institute of State History, Republic of Kazakhstan

^b A. Baitursynov Kostanay Regional University, Republic of Kazakhstan

^c Ch.Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

Abstract

The study analyzes the representation of the place of the Kazakhs in the history of the Siberian Khanate in the Russian pre-revolutionary historical science. One of the most interesting and discussed problems of pre-colonial history of Western Siberia is the problem of the place of the Kazakhs in the history of the Siberian Khanate. Different, at times diametrically opposite points of view are expressed on this issue. The main concepts have developed in the Russian pre-revolutionary science.

In historiography of a problem it is possible to allocate two basic directions on a question of a place of Kazakhs in history of the Siberian khanate. The first, laid down by the works of G. Miller and his followers, refers to the Kazakhs as the autochthons of Western Siberia and active participants of the processes associated with the history of the Siberian Khanate. This point of view was based on the reports of the Siberian annals, and through them the historical memory of the Siberian Tatars. The similar point of view was held by the authors who studied the historical memory of the Kazakhs (N. Krasovsky, G. Spassky).

The second direction began to develop from the middle of the XIX century together with the development of Russian ethnographic and oriental studies. According to it, the Kazakhs appeared on the borders of Western Siberia only at the end of the 17th – beginning of the 18th century and did not play a significant role in the history of the Siberian Khanate (A. Oksenov, G. Katanaev, V. Ogorodnikov).

At the same time, under the influence of European scientific traditions, a national historiography, which combined the traditional historical memory of the Kazakh and Tatar people on the one hand, and the achievements of Russian Oriental science on the other hand (Sh. Kudaiberdyuly, K. Khalid, H. Atlasi).

Keywords: Western Siberia, Siberian Khanate, Kazakhs, Siberian Tatars, Kuchum, Taibuga, history representation, historiography.

1. Введение

Россия и Казахстан имеют самую протяженную в мире границу, и значительная часть ее проходит по такому историко-географическому региону, как лесостепи и степи от Урала до Алтая. Эта территория сегодня входит в состав Северного Казахстана и Западной Сибири, этнические границы здесь довольно размыты, а историческая память и исторические судьбы казахов, русских, сибирских татар и представителей других этносов тесно переплетены. Учитывая, что становление независимой Республики Казахстан сопровождается закономерным ростом интереса к историческому прошлому и активным попыткам конструирования и реконструирования исторической памяти, периодически в социальных сетях и средствах массовой информации возникают дискуссии о месте и времени появления казахов в истории региона.

* Corresponding author

E-mail addresses: yerkinabil@gmail.com (Y.A. Abil), topai240345@mail.ru (A. Kuzembayuly), Kabulzia@rambler.ru (Z.Ye. Kabuldinov)

В связи с этим особо актуальным является анализ истории постордынских государственных образований в контексте их связи с этнической историей казахов и других тюркоязычных этносов региона. Особое место в истории Северного Казахстана и Западной Сибири занимает Сибирское ханство и роль казахов в истории этого государства.

Проблема места казахов в истории Сибирского ханства была поднята в российской исторической науке с момента систематического изучения во второй половине XVIII века. Российские авторы XVIII – первой половины XIX веков, связывая таких персонажей сибирской истории, как Тайбуга и Кучум, с казахами, следовали за сообщениями сибирских летописей, т.е. исторической памятью сибирских тюрков. Кроме того, слабое развитие этнографической науки вело к тому, что все выходы из степной зоны ассоциировались у авторов с казахами, занимавшими эти степи в XVIII–XIX веках.

В середине XIX века с развитием этнографии и критики источников стала получать распространение иная точка зрения, согласно которой казахи появились на границах Сибири в конце XVII или даже начале XVIII вв. Причиной стало скептическое отношение к исторической памяти как «баснословным» сведениям» и представлениям о тождественности политического феномена «Казахское ханство/Казачья Орда» XVI–XVII веков и этнического феномена XVIII–XIX веков «qazaq/казах».

В современной репрезентации национальной истории в Казахстане преобладает точка зрения о тождестве казахов, части сибирских татар, узбеков и ногайцев в XV–XVI веках и, соответственно, активном участии казахского этноса в истории постордынских государств, в частности Сибирского ханства. При этом для аргументации привлекаются работы российских авторов XVIII – первой половины XIX веков, придерживавшихся схожей точки зрения. В то же время до сих пор нет анализа причин возникновения иных моделей репрезентации, причин появления теории позднего появления казахов в регионе.

2. Материалы и методы

1.1. Объектом изучения являются модели репрезентации места и роли казахов в истории Сибирского ханства, сложившиеся в российской дореволюционной исторической науке. Прежде всего отметим, что эмпирическую базу исследования составили научно-исторические факты – положения, концепции и суждения ученых, ставшие основой их моделей репрезентации изучаемого исторического явления. Источниками данного исследования стали труды российских авторов по проблемам взаимоотношений Сибирского ханства и казахов, увидевшие свет с момента зарождения российского сибиреведения в XVIII веке до 1917 года.

1.2. Специфика объекта диктует и специфику применяемых в работе методов и исследовательских приемов. При историографическом анализе данных моделей мы основывались на принципе историзма, учитывая контекст эпохи с постепенным накоплением собственно источниковой базы и развитием методологии исторической науки и приемов изучения и интерпретации источников. Следующий важный принцип – принцип методологического плюрализма. Выбор методологии и исследовательских стратегий зависит только от целей и задач исследователя и принципиально равнозначны. Поэтому и оценивать их можно только в той мере, насколько они соответствуют данным задачам.

Мы рассматриваем историческое исследование как моделирование исторического процесса. Познавательные возможности модели обуславливаются тем, что модель отображает (воспроизводит, имитирует) какие-либо существенные черты объекта-оригинала ценой отказа от исследования других сторон. Поэтому любая модель замещает оригинал лишь в строго ограниченном смысле.

Учитывая, что объектом исследования являются модели репрезентации исторических явлений, оформленные как научно-исторический нарратив, основными будут сравнительный метод и метод типологизации. Применение первого – обусловлено необходимостью проведения сравнения различных моделей, основанных на различных исследовательских принципах и подходах, второго – на необходимости выявления общих черт в данных моделях, позволяющих сводить их в определенные группы по определенным критериям.

3. Обсуждение

В современной казахстанской исторической науке вопрос российской репрезентации места казахов в истории Сибирского ханства чаще всего ограничивается ссылками на работы Г. Миллера и И. Фишера о казахском происхождении хана Кучума. Так, в 1991 году М. Козыбаев обратил внимание исследователей на проблемы объективности сложившейся в советской исторической науке концепции истории Сибири, особенно сюжетов, связанных с походом Ермака (Козыбаев, 1991: 136). Приведя аргументы в пользу прямой этнической связи тюркоязычного кочевого и полукочевого населения Сибири и казахов, а также связи Кучума и его потомков с казахскими землями, он впервые в отечественной науке обосновал тезис о том, что «история Сибирского ханства и его завоевания есть составная часть истории казахского народа» (Козыбаев, 1991: 139). Данный тезис определил общую

направленность исследований большинства казахстанских историков, хотя полный историографический обзор российских работ по этой теме не был сделан.

В 1996 году свет увидела монография Н. Абдирова, посвященная истории Сибирского ханства и его противостояния с Московским государством (Абдиров, 1996). В 2000 году им было издано еще одно монографическое исследование, посвященное проблемам формирования казачества и его роли в колонизации Казахстана. Автор рассматривает Западную Сибирь как этническую территорию казахов, утверждая, что основу Сибирского ханства «составляли земли казахских племен аргын, жалаир, карлык, канглы, керей, кыпчак, найман, табын и др.» (Абдиров, 2000: 52). Н. Абдиров приводит анализ ряда работ российских авторов по проблеме происхождения Кучума, акцентируя внимание на трудах П. Небольсина, А. Левшина и Ч. Валиханова. При этом исследователь не затрагивает весь спектр вопросов, связанных с местом казахов в истории Сибирского ханства, ограничиваясь отражением происхождения Кучума в литературе.

В 2016 году был опубликован обобщающий труд К. Абуева, однако он посвящен только позднему этапу существования Сибирского улуса – XV–XVI вв. (Абуев, 2016). В данном исследовании выделен отдельный раздел по историографии проблемы, анализируются положения Г. Миллера, И. Фишера, В. Вельяминова-Зернова, Ч. Валиханова, А. Левшина. Однако его анализ касается проблем истории завоевания Сибири и личности Ермака, Кучума и казахского султана Ораз-Мухаммеда (Абуев, 2016: 8-10). Вопросом репрезентации в исторической науке места казахов в истории Сибирского ханства, по существу, еще никто не занимался.

4. Результаты

Пионером в деле научного изучения истории Сибири и ее взаимосвязей с тюркскими народами в целом, и казахами в частности, является Герхард Фридрих Миллер. В ходе путешествия по Сибири в 1733–1743 гг. ему удалось собрать обширный архив (так называемые «Портфели Миллера»), включавший в себя, кроме личных документов, материалы из архивов сибирских воеводских канцелярий, городских и монастырских архивов, ответы на разработанную самим Г. Миллером анкету, другие документы, ставшие эмпирической базой для написанной, но так до сих пор полностью не опубликованной «Истории Сибири» (Миллер, 1937; Миллер, 1941; Миллер, 2005).

Для Г. Миллера «главнейшим народом Сибири являются татары», причем под эти этнонимом он подразумевает все тюркоязычное население, кроме якутов, что видно из описания мест их расселения: «в южных местностях по рекам Тоболу, Иртышу, Оби, Томи, Енисею и лежащих между ними степях» (Миллер, 1937: 169). И если в целом Г. Миллер считает историю «татар» очень древней, то достоверными он считает сведения только со времени Чингисхана, прямо заявляя о преемственности ордынской и сибирской истории: «История Чингис-хана и некоторых его преемников имеет ближайшее отношение к истории Сибири, ...хотя названные местности не являлись главной территорией царства, но все же составляли немалую часть его, и что тут жили многие принадлежащие к нему могущественные поколения» (Миллер, 1937: 170).

Рассматривая летописные версии происхождения Тайбуги, Г. Миллер привел легенду о нем как сыне казахского (киргиз-кайсакского) хана Мамыка (Миллер, 1937: 190-191). Он оставил открытым вопрос о принадлежности отца Тайбуги к казахам, однако не исключал возможного ногайского происхождения Он-хана (Миллер, 1937: 191). Следующее упоминание казахов связано у Г. Миллера с приходом к власти Кучума. Ссылаясь на сибирские летописи, он называет Кучума ханом Казакской Орды, который, по одной версии, захватил город Сибирь и убил потомков Тайбуги – князей Едигера и Бекбулата, по другой – пришел из казахских степей и сверг Сейдяка, сына Бекбулата, правившего Сибирью после смерти своего отца и дяди (Миллер, 1937: 197). Тем не менее Г. Миллер был уверен в том, что Кучум, его родственники и ближайшее окружение прибыли именно из Бухары, к бухарцам он относил и тестя Ахмет-Керея казахского хана Шигая, которого называет «бухарским князем» (Миллер, 1937: 199-200).

В целом работа Г. Миллера – история завоевания Сибирского ханства и последовательного присоединения сибирских земель к Российской империи. Она заложила основы научного изучения истории данного региона, ввела в научный оборот сибирские летописи и исторические предания тюрков Сибири об Он-хане и его потомках, известия о Тайбуге и династии тайбугидов.

В 1759 году Г. Миллер передал все свои наработки по Сибири коллеге Иоганну Фишеру, чтобы он завершил работу по сбору материалов и обобщению исторических сведений. В 1768 году увидело свет сочинение Иоганна Фишера, посвященное истории Сибири, переведенное на русский язык в 1774 году (Фишер, 1774). И хотя, излагая исторические сведения о ранней истории, И. Фишер по сути компилирует данные исследования Г. Миллера, большой интерес вызывают его размышления о происхождении казахов и их отношении к истории Сибири. Казахам он называет «Казачья Орда», «киргизские казаки», «магометанские киргизы» (Фишер, 1774: 58-59, 63). Безусловно, различая сибирских (енисейских) киргизов, алатауских кыргызов (буруты) и казахов, И. Фишер тем не менее считал, что «все поколения, которые именуется киргизами, одного происхождения, особливо... бурутские киргизы с соседями своими киргизскими казаками составляют безспорно один народ, и оба принадлежали к наследному уделу Шейбана-хана» (Фишер, 1774: 59). Именно из «Казачьей

Орды», по И. Фишеру, приходит в Сибирь «Кучум, сын Муртазин, породы славного Шибан-хана» (Фишер, 1774: 95). Далее, полемизируя с Г. Миллером, считавшим Кучума бухарцем, И. Фишер настаивает на степном, казахском его происхождении: «Кучум был не бухар, а степный казак между реками Яиком и Сиртом» (Фишер, 1774: 98).

К числу автохтонов Сибири, «старобытных жителей», автор относит, кроме бурят, телеутов, якутов, тунгусов, самоедь, вогуличей, остяков и татар, кара-китаев и киргиз. Учитывая указанное выше мнение о едином происхождении енисейских киргизов и казахов, мы можем предположить, что И. Фишер относил и казахов к автохтонам Сибири. Касательно кара-китаев в данной работе приводится популярная среди сибирских тюрков легенда об их проживании в древности в Сибири и откочевке в связи с прорастанием дремучих лесов (Фишер, 1774: 8-9).

В XIX веке выходят работы как обобщающего характера, так и посвященные отдельным аспектам региональной истории. В вопросе роли казахов в сибирской истории большая часть авторов, не вдаваясь в подробный анализ, повторяет тезисы, содержащиеся в работах Г. Миллера и И. Фишера. Автор «Статистического описания Сибири» 1810 года М. Баккаревич относил время появления тюркоязычных народов в Сибири к XIII веку, хотя признавал, что сибирские татары, по крайней мере часть их, считали себя автохтонами края, «от глубокой древности там поселившиеся» (Баккаревич, 1810: 113). Сведения М. Баккаревича о казахах довольно туманны, он только отмечает генетическую связь казахов с ногайцами и сходство казахского и татарского языков (Баккаревич, 1810: 130).

Изучению истории Сибири посвятил свое творчество сибирский краевед, историк и поэт П. Словцев. В «Историческом обозрении Сибири», изданном в 1838 году, он относит казахов к «малозависимым» или независимым союзникам хана Кучума (Словцев, 1838: 24), при этом не различая енисейских киргизов и казахов (Словцев, 1838: 23).

Рассмотрению происхождения Кучума и отношению казахов к сибирской истории была посвящена статья П. Словцева «Кто был Кучум?», опубликованная в 1882 году в одном из номеров «Восточного обозрения» – еженедельной газеты, издаваемой в Петербурге сибирскими областниками (Словцев, 1882). Основным сюжетом статьи стала критика сведений сибирских летописей о казахском (киргиз-кайсацком) происхождении сибирского хана. Разбирая родословные Тайбути и Кучума на основании отождествления легендарного Он-хана сибирских летописей с Шибаном, П. Словцев приходит к выводу о том, что история ханства есть постоянная борьба между двумя династиями – шибанидами и чингизидами. Последние были представлены тайбугидами, т.к. автор считал Тайбуту сыном Чингиса. В ходе данной междоусобной борьбы потерпевшая поражение сторона постоянно уходила на юг, в Бухару или казахские степи, набирала там «шайки кочевников и подобно буре врывались в Сибирь отвоевывать свои поработанные права» (Словцев, 1882: 14). Таким образом, будучи шибанидом, Кучум является представителем местной, сибирской династии и, по мнению П. Словцева, не может быть казахом.

Следует отметить, что в большинстве случаев авторы XVIII – первой половины XIX веков были ограничены в доступных источниках, опирались преимущественно на сибирские летописи, основой которых применительно к дорусскому периоду стали исторические предания сибирских татар. В середине XIX века ситуация меняется. Во-первых, развитие российской этнографии, выделение ее в особую научную отрасль и начало теоретического обоснования проблемы этноса значительно изменили взгляды исследователей на этническую историю региона. Во-вторых, развитие российской востоковедческой школы расширило источниковую базу исследователей Сибири. В то же время набирающий силу позитивистский подход в исторических исследованиях привел к снижению доверия к такому виду источников, как историческая память, зафиксированная в исторических преданиях.

В работе П. Небольсина, посвященной завоеванию Сибири, вообще отрицается автохтонность тюрков в регионе. Автор называет татар, ногаев, бухарцев, киргизов, в состав которых включает и енисейских киргизов и казахов, выходцами из Средней Азии, «пришлыми», продвигавшимися в регион двумя потоками – «по Амударье на Яик и по Иртышу» (Небольсин, 1849: 32). О происхождении Кучума П. Небольсин придерживался довольно противоречивых взглядов. Цитируя сибирские летописи о приходе Кучума в Сибирь из казахских степей, он называет его выходцем из Алтыульского улуса ногайцев (Небольсин, 1849: 36-37). В то же время, давая личные характеристики Кучуму и его действиям, автор неоднократно называет его «степным киргизом», т.е. казахом. Так, анализируя письмо (грамоту) Кучума Ивану Грозному 1569 года, он отмечает, что стиль его «резко очерчивает (характеризует – Авт.) степного киргиза, превратившегося в сибирского царя» (Небольсин, 1849: 39). Далее он называет данную грамоту «дикой», исходя из современных (середины XIX века – Авт.) представлений, но «достаточно убедительной по понятиям киргиза», подразумевая под последним Кучума (Небольсин, 1849: 40).

Определенный вклад в разработку проблем региональной истории, в частности истории Западной Сибири, внес русский краевед, этнограф Н. Абрамов. Основные его труды были посвящены истории православной церкви и русского завоевания. Вместе с тем, описывая историю похода Ермака, Н. Абрамов, вслед за другими исследователями, называет Кучума «сыном хана Казачьей Орды», т.е. казахом (Абрамов, 1998: 50).

В хронологическом справочнике, составленном И. Щегловым, Кучум считается ногайцем из Алтыульского улуса либо «простым узбеком» (Щеглов, 1883: 20). В целом составитель справочника не ставил целью выяснять этническую принадлежность населения сибирских земель и известных исторических персонажей до прихода русских, поэтому в примечаниях он просто привел все сведения, содержащиеся в работах Г. Миллера и И. Фишера. Автор очередного обобщающего труда по истории Сибири, В. Андриевич, считает Муртазу и его сына Кучума киргиз-кайсацкими, т.е. казахскими правителями (Андриевич, 1889: 6), четко различая при этом енисейских киргизов и казахов.

В 1888 году увидел свет труд А. Оксенова «Сибирское ханство до эпохи Ермака» – специальное исследование, посвященное истории Западной Сибири до прихода в регион русских. Подробно разбирая по доступным на тот момент письменным источникам родословные ханов-шибанидов и тайбугидов, А.Оксенов, основываясь на трудах Вельяминова-Зернова, приходит к мнению, что Он-хан сибирских летописей может быть отождествлен с Бекконды-огланом из династии шибанидов, а Тайбуга не имеет отношения к династии Он-хана, так как тайбугиды были князьями, т.е. не входили в число представителей ханских династий (Оксенов, 1888: 5-6).

Говоря о хане Кучуме, А. Оксенов полностью отрицает казахское его происхождение, отмечая, что «если сибирские летописи и говорят, что Кучум-хан пришел в Сибирь из «Казачьей Орды» или «из степи, с поля», то этим, как кажется, они указывают только на страну, на землю, из пределов которой мог явиться Кучум, а не на родовое происхождение его» (Оксенов, 1888: 18). Единственным аргументом выступает то, что Кучум является представителем династии шибанидов. Каким образом это связано с его этнической принадлежностью, автор не объясняет, ограничиваясь доказательством «шибанского», а не «киргиз-кайсацкого» происхождения хана (Оксенов, 1888: 18-22).

Кроме того, А. Оксенов одним из первых делает попытку анализа этнического состава Сибирского ханства при Кучуме. Он выделяет в населении ханства три группы «татар» – туралинских (тюменских), собственно сибирских (тобольских) и барабинских (Оксенов, 1888: 26), а также ханты и манси (Оксенов, 1888: 28). Отметим, что определяя этнический состав ханства, автор основывается, прежде всего, на современной ему ситуации, игнорируя упоминаемые в источниках полукочевые объединения башкир и ногайцев. Вместе с тем в обширном обзоре европейских источников по истории Сибири, изданном в 1889 году, А. Оксенов приводит сведения о ногаях, «шибанских» татарах и казахам по соседству с Пермью, почерпнутые у С. Герберштейна (Оксенов, 1889: 29).

С. Олферьев в изданном в 1899 году труде «Сибирь: очерк завоевания и заселения» считает тюркоязычные народы пришельцами в Сибирь, относя их влияние в регионе к 15 веку: «когда Сибирь лет 400 тому назад завоевали татары, то многих дикарей (т.е. народы, жившие охотой и собирательством – Авт.) избили, а другим пришлось переселяться севернее» (Олферьев, 1899: 18). Казахам автор, наряду с татарами, ногайцами и бухарцами, называет в числе «выходцев из средней Азии», которые «целыми полчищами ворвались в Сибирь» и «поработили туземцев» (Олферьев, 1899: 20). Кучум у Олферьева, следовавшего в этом вопросе традиции, – выходец из казахских степей (Олферьев, 1899: 22).

В целом для российских авторов XVIII – начала XX веков история Сибири была интересна лишь с точки зрения присоединения к России, сюжеты, связанные с этногенезом местного населения и историей Сибирского ханства, лишь предвзято сюжеты, связанные с походом Ермака и последующими процессами колонизации.

Отдельно следует отметить российских исследователей, изучавших собственно казахов и оставивших весьма интересные замечания об их связи с Сибирью. Прежде всего отметим Г. Спасского, издававшего с 1818 по 1824 годы «Сибирский вестник». В 1820 году в 9 выпуске «Вестника» был опубликован очерк «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды». Именно здесь Г. Спасский, первым в российской историографии, обращает внимание на казахские исторические предания, выводящие казахов из сибирских татар. «Долго составляли они с алатами (сибирскими татарами, возможно, «алаш» – Авт.) один народ, наконец по внутренним несогласиям отделились от них и были управляемы султанами, один из которых, по имени Алача, получил верховную власть над ними...» (Спасский, 1820: 74-75).

Эта легенда была в сокращенном виде воспроизведена в книге А. Левшина (Левшин, 1996: 147-148). Считая казахов народом, сложившимся еще до монгольских завоеваний, А. Левшин не сомневается в активном участии их в политических событиях в период распада Золотой Орды, в том числе и на территории Сибирского региона. «Кучум, последний хан сибирский, был киргиз-казак (казак – Авт.). Завладев Искером силою оружия и убиением царствовавших в нем князей Ядигяра и Бекбулата, он необходимо должен был иметь около себя и войско, составленное из прежних соотечественников своих. Следовательно, Ермак и сподвижники его, без всякого сомнения, сражались с казаками, или нынешними киргиз-казаками», отмечает А. Левшин (Левшин, 1996: 156).

М. Красовский, основываясь на исторических преданиях казахов, считал население северных волостей Области сибирских казахов потомками сибирских татар. В частности, он отмечает, что в Кокчетавском округе и «вообще в северных местностях области сибирских киргизов, в число которых вошло немало число сибирских татар, ...сказка о происхождении киргиз-кайсаков ...изменяется: Алача-ханом здесь называют одного из султанов сибирских татар, ...сибирский

Алача-хан ходил против казанских татар, усилившись которыми завоевал степь, где и поселился, взяв с подвластных народов, носивших название казак-ногай, ...дань» (Красовский, 1868: 332).

В целом в российской историографии сложилось представление о позднем (не раньше конца XVII века) появлении казахов не только в Сибири, но и в Северном Казахстане. Еще А. Левшин указывал, что во время составления «Книги большому чертежу» (вторая половина XVI века – Авт.) «киргиз-казаки занимали только средину нынешних земель своих. Восточная часть оных принадлежала зюнгарам и другим племенам монгольским. Северную владели разные отрасли татар сибирских. В западной жили ногаи и выше их башкиры; а потом место ногаев заняли нынешние волжские калмыки». Правда, проникновение казахов на север, вплоть до русских крепостей, в частности Тары, А. Левшин относит к концу XVI века, а продвижение на запад – до Урала и Эмбы – к началу XVIII века (Левшин, 1996: 160).

Более резкую позицию занимал Г. Катанаев, который писал: «Не подлежащими никакому сомнению историческими данными теперь точно выяснено, что земли, занимаемые ныне сибирскими казаками по Иртышской, Горькой и Пресногорьковской линиям ко времени прихода сюда русских в начале XVII и даже первой половины XVIII столетия еще не были заняты киргизами. Вся северная часть нынешних Тургайской и Акмолинской областей и вся без исключения Семипалатинская область представляли собой в то время или совершенную пустыню, или только частью были заняты... джунгарскими калмыками» (Катанаев, 1904: 1).

Итогом русской дореволюционной историографии истории Сибири можно считать работу В.И. Огородникова. Она была написана еще осенью 1919 года, когда Иркутск находился под властью белых, вторая ее часть издана уже в 1925 году. Говоря о специфике сибирской истории, автор подчеркивает, что приходу русских в регион «предшествовала многовековая история туземной Сибири» (Огородников, 1920: 2). Работу характеризует обстоятельное изучение на доступном для того времени уровне всего комплекса климатических, географических, социально-экономических причин формирования населения Сибири.

Он выделяет следующие этапы тюркизации региона: первый – до XIII века, в ходе которого в Восточной Сибири закрепились якуты, в юго-западной и южной Сибири – хакасы (кыркызы) и ряд более мелких тюркских и тюркизированных групп, а на юге Западной Сибири, в степных ее частях, – «турко-татары» (Огородников, 1920: 184-185). Второй этап был связан с походами Чингисхана, в результате которого угро-финское население Западной Сибири было сдвинуто на север, а на его месте закрепились сибирские татары – население Сибирского ханства, улуса, сформировавшегося в результате распада Кипчакского ханства (Золотой Орды) (Огородников, 1920: 218). Эту часть сибирских татар В. Огородников называет туринскими татарами или туралинцами, первой волной тюрков Западной Сибири, «туземной» (Огородников, 1920: 219). Ко второй волне, «пришлым» тюркам, он относит ногайцев и бухарцев, проникших в регион в XIV–XV веках, в результате их смешения с местными тюркскими и угорскими группами формируются тобольско-иртышские и барабинские татары (Огородников, 1920: 219-220).

Политическая история сибирских татар, в изложении В. Огородникова, заключается в постоянной борьбе местной династии тайбугидов с шибанидами за власть в регионе, что и привело к гибели Сибирского ханства, несмотря на «выдающуюся личность Кучума» (Огородников, 1920: 282). Казахов (кыргыз-казаков) В. Огородников относит к сибирским народам, формирование их связывает с походами Чингисхана, когда «многочисленные турецкие племена», кочевавшие до этого в Монголии, были вытеснены в арало-иртышские степи (Огородников, 1920: 249). Здесь в XV веке в результате объединения кыргызов, канглы, кыпчаков и дулатов формируется Кыргыз-казачий союз (Казахское ханство – Авт.) (Огородников, 1920: 250). К XVII веку относится продвижение казахов под давлением калмыков в верхнее и среднее течение Иртыша и Ишима, а в XVIII веке – «к русским границам на Ишиме, Тоболе и Урале» (Огородников, 1920: 252). Очень интересным является замечание автора о том, что миграция найманов и кереев на восток, верхнее течение Иртыша в результате ликвидации Джунгарского ханства является «возвращением на свои прежние места» (Огородников, 1920: 252).

В результате перемещений казахов из Семиречья в ишимские и иртышские степи формируются три казахских жуза – союз дулатов и канглы образует Большую, или Старшую Орду, кипчаки и «позднее присоединившиеся к ним роды других турецких племен (аргынов, найманов и кераитов)» составили Среднюю Орду, а «отделившиеся от них роды в соединении с родом алчин» образовали Малую Орду (Огородников, 1920: 251-252). Таким образом, В. Огородников не видит этногенетической связи между сибирскими татарами и казахами, придерживается концепции позднего появления казахов на территории лесостепной зоны Западной Сибири.

Большой интерес вызывает зарождавшаяся в конце XIX – начале XX веков национальная историография, впитавшая в себя как традиции устной степной историологии, так и достижения российской и мировой ориенталистики того времени. В частности, в 1910 году в Казани был опубликован труд «Таварих-и хамса-йи шарки» (История пяти восточных народов) Курбангали Халида, казанского татарина по происхождению, родившегося в Аягозе и прожившего большую часть жизни в Синьцзяне (Халид, 1992).

Сибирское ханство отнесено К. Халидом к седьмой из четырнадцати династий чингизидов, правивших в Золотой Орде, и ее наследников. Он начинает эту династию с 1380 года правлением Мухаммад-хана и завершает 1600 годом, правлением Ишм (Есим) хана (Халид, 1992: 98-99). В «Истории» Халида приведен обширный фольклорный сюжет, пересказанный автором со слов неких стариков, с которыми он общался лично. Согласно ему, некий разбойник по имени Ярмак (Ермак) захватил ханство Кучума, но смог его удержать и продал русским. Этот Ярмак был убит Сатбек-батыром. Разбойник с шайкой в 9 человек захватил кыстау Сатбека и убил его старшую жену, пытался увезти дочь или сестру батыра Каншайым. Сатбек, который был в отъезде, вернулся и, застав разбойников, убил их по одному, а Ермака затравил собакой (Халид, 1992: 151).

В разделе «История монгольских ханов после падения Татарского ханства» Халид указывает, что казахи считают себя потомками населения Золотой Орды: «Нас Озбек хан сделал мусульманами, наши предки – озбеки, мы из потомства Озбека». Именно кочевые мусульмане улуса Узбек-хана разделились позже, при хане Жанибеке, на три жуза и стали называться казахами, причем в состав «узбеков» Халид включает, кроме казахов, также ногайцев и башкир, а в состав казахов – киргизов, ферганских кыпчаков и каракалпаков (Халид, 1992: 233-235). Данные сведения, по словам самого К. Халида, он получил от казахских насабчи (знатоков родословных) (Халид, 1992: 91).

В 1911 году был опубликован труд Ш. Кудайбердиулы «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» (Кудайбердиулы, 1990). Данная работа ценна тем, что в ней отражены представления самих казахов о собственной истории. В частности, автор, приводя традиционную для правоверного мусульманина версию о происхождении казахов от Яфета, сына Ноя, говорит об общем происхождении всех предков казахов от древних тюрков, называя их «ветвь Уйгура», переводя это слово как «объединившийся, присоединившийся». Затем, при правлении золотоордынского хана Озбека, принявшего ислам, «все, кто был в улусе его и предки наши стали называться озбеками, а когда Аз-Жанибек отделился от хана Ногай (возможно, при разделении Ногайского улуса – Авт.) и народ наш последовал за ним, мы стали называться кыргызами и казахами» (Кудайбердиулы, 1990: 41).

Сибирские татары, в представлении Ш. Кудайбердиулы, являются потомками ногайцев и казахов, пришедших сюда в XV–XVII вв., а также болгар (казанских татар – Авт.) и сартов (среднеазиатских тюрков – Авт.). Последних он также относит к выходцам из казахов, называя «наши озбеки-сарты». Об их происхождении в книге достаточно последовательно проводится мысль о том, что озбеки – «из тех казахов, которые когда-то последовали за Аз-Жанибеком..., а затем осели в Мавераннахре, ... по сути это самые настоящие казахи» (Кудайбердиулы, 1990: 108, 110).

Работы К. Халида и Ш. Кудайбердиулы ценны тем, что в письменной форме зафиксировали историческую память казахов на рубеже XX века, с одной стороны, сохранявшую степную историологическую традицию, с другой – уже начавшую подвергаться влиянию европейской исторической науки и западной традиции историописания. Для этих работ было характерно представление о тождественности казахов и тюркоязычного кочевого населения Золотой Орды.

В том же 1911 году в Казани был опубликован труд Хади Атласи (Мухаммед-Хади Атласов), посвященный национальному взгляду на историю Сибири (Атласов, 2005). Сам автор так формулирует свою исследовательскую задачу: «Как бескрайние просторы, принадлежавшие нашим предкам, захваченные чуждыми народами, потеряли со временем свой первоначальный вид, так и события нашего прошлого, смешавшись с иной историей, получили совершенно иное, искаженное, освещение. Вот почему мы долго бились над тем, чтобы освободить нашу историю от последующих наслоений и вернуть ей изначальную чистоту» (Атласов, 2005: 11-12).

Атласи считает, что Сибирь была тюркизирована еще в скифское время, скифы, сарматы, гунны, аланы также включаются им в состав тюрков (Атласов, 2005: 14). Чингис-хана он считает одним из основателей тюркской государственности, а историю собственно Сибирского ханства начинает с Тайбути, сына Мамыка, киргизского (казахского – Авт.) хана, который после взятия Чингис-ханом Бухары в 1220 году попросил у последнего «себе в правление земли по Иртышу, Тоболу и Торе». Все остальные версии сибирских летописей о происхождении Тайбути и возникновении Сибирского ханства автор счел недостоверными (Атласов, 2005: 24-25). Потомков Тайбути Атласи, очевидно следуя за фольклорной традицией, именует ханами.

Рассматривая родословную Кучума, Атласи отдельно останавливается на дискуссии о бухарском или казахском его происхождении. Анализируя сибирские летописи и данные письменных источников, автор подчеркивает, что родиной будущего сибирского хана, как и его предков из династии шибанидов, «была Казахская орда в казахских степях» (Атласов, 2005: 46-47). Излагая сведения о дипломатической переписке Кучума с московским царем, автор вновь называет сибирского хана казахом (Атласов, 2005: 46-51).

Российский исследователь В. Менщиков считает, что монография Атласи в соответствии с господствующими формами историописания заложила основы национального татарского исторического нарратива и данной публикацией было положено начало формированию национального татаро-сибирского мифа (История, 2018: 18).

5. Заключение

Таким образом, в дореволюционной российской историографии можно выделить три основных направления по вопросу этнических связей населения Сибири и Казахстана. Первое направление, заложенное трудами Г. Миллера и основанное на сибирских летописях, включает работы историков, считающих казахов неотъемлемой частью истории Сибири как минимум со времен Кучума. Многие авторы отрицали собственно казахское происхождение Тайбути и Кучума (П. Словцев, А. Оксенов), но не отрицали влияния казахов и степных объединений (ногайцев, узбеков) на исторические процессы в Западной Сибири. Второе направление дореволюционной российской историографии отрицает влияние казахов на историю Сибири до XVIII века, наиболее ярким представителем этого направления является Г. Катанаев. Третье направление – формирующаяся национальная историография, представленная казахскими и татарскими авторами. Она характеризуется введением в научный оборот традиционной исторической памяти казахов и татар.

6. Благодарности

Данное исследование реализуется в рамках проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан «Разработка краткой истории Казахстана для иностранной аудитории».

Литература

- Абдиров, 1996 – Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы: Жалын, 1996. 176 с.
- Абдиров, 2000 – Абдиров М. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казахской колонизации края в конце XVI – начале XX вв.). Астана: Елорда, 2000. 304 с.
- Абрамов, 1998 – Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень: Софт Дизайн. 1998. 576 с.
- Абуев, 2016 – Абуев К. Сибирское ханство в контексте казахско-русских отношений. Кокшетау: КГУ им. Ш. Уалиханова, 2016. 184 с.
- Андреевич, 1889 – Андреевич В. История Сибири. Ч. 1. СПб., 1889. 220 с.
- Атласов, 2005 – Атласов Х.М. История Сибири / Пер. с татар. яз. А.И. Бадюгиной. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 96 с.
- История, 2018 – Тюменское и Сибирское ханства / Под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.
- Катанаев, 1904 – Катанаев Г. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. 201 с.
- Козыбаев, 1991 – Козыбаев М.К. История и современность. Алма-Ата: Гылым, 1991. 254 с.
- Красовский, 1868 – Красовский Н. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Часть 1. СПб., 1868. 428 с.
- Кудайбердиулы, 1990 – Кудайбердиулы Ш. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов. Алма-Ата: СП Дастан, 1990. 120 с.
- Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Миллер, 1937 – Миллер Г. История Сибири. Т. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937. 607 с.
- Миллер, 1941 – Миллер Г. История Сибири. Т. 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. 638 с.
- Миллер, 2005 – Миллер Г. История Сибири. Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. 598 с.
- Небольсин, 1849 – Небольсин П. Покорение Сибири. СПб., 1849. 112 с.
- Огородников, 1920 – Огородников В. Очерк истории Сибири до XIX столетия. Ч. 1. История до-русской Сибири. Иркутск, 1920. 289 с.
- Оксенов, 1888 – Оксенов А. Сибирское ханство до эпохи Ермака. Томск, 1888. 39 с.
- Оксенов, 1889 – Оксенов А. Сибирь до эпохи Ермака, по сведениям западно-европейских писателей и путешественников (1245–1578). Томск, 1889. 43 с.
- Словцев, 1838 – Словцев П. Историческое обозрение Сибири. М., 1838. 590 с.
- Словцев, 1882 – Словцев П. Кто был Кучум? // Восточное обозрение, 1882. № 39–40. С. 12–14.
- Спасский, 1820 – Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сибирский вестник. Часть IX. 1820. С. 71–140.
- Олферьев, 1899 – Олферьев С. Очерк завоевания и заселения Сибири. М., 1899. 104 с.
- Фишер, 1774 – Фишер И. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Императорская академия наук, 1774. 631 с.
- Халид, 1992 – Халид К. Тауарих хамса: (Бес тарих). Алматы: Қазақстан, 1992. 304 б.
- Щеглов, 1883 – Щеглов И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Иркутск: Издание Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1883. 778 с.

References

- Abdirov, 1996** – *Abdirov, M.* (1996). Khan Kuchum: izvestnyi i neizvestnyi [Khan Kuchum: the Known and the Unknown]. Almaty: Zhalyln. 176 p. [in Russian]
- Abdirov, 2000** – *Abdirov, M.* (2000). Zavoevanie Kazakhstana tsarskoi Rossiei t bor'ba kazakhskogo naroda za nezavisimost' (iz istorii voeno-kazach'ei kolonizatsii kraia v kontse XVI – nachale XX vv.) [The conquest of Kazakhstan by Tsarist Russia and the struggle of the Kazakh people for independence (from the history of military and Cossack colonization of the region in the late 16th – early 20th centuries)]. Astana: Elorda. 304 p. [in Russian]
- Abramov, 1998** – *Abramov, N.A.* (1998). Gorod Tyumen': Iz istorii Tobol'skoi eparkhii [The City of Tyumen: From the History of the Tobolsk Diocese]. Tyumen': Soft Dizain. 576 p. [in Russian]
- Abuev, 2016** – *Abuev, K.* (2016). Sibirskoe khanstvo v kontekste kazakhsko-russkikh otnoshenii [The Siberian Khanate in the context of Kazakh-Russian relations]. Kokshetau: KGU im. Sh. Ualikhanova. 184 p. [in Russian]
- Andrievich, 1889** – *Andrievich, V.* (1889). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Ch. 1. SPb. 220 p. [in Russian]
- Atlasov, 2005** – *Atlasov, Kh.M.* (2005). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Per. s tatar, yaz. A.I.Badyuginoi. Kazan': Tatar, kn. izd-vo. 96 p. [in Russian]
- Istoriya, 2018** – *Maslyuzhenko, D.N. (Eds.)* (2018). Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva [Tyumen and Siberian Khanates]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 560 p. [in Russian]
- Katanaev, 1904** – *Katanaev, G.* (1904). Kirgizskii vopros v Sibirskom kazach'em voiske [The Kyrgyz question in the Siberian Cossack Troops]. Omsk, 201 p. [in Russian]
- Kozybaev, 1991** – *Kozybaev, M.K.* (1991). Istoriya i sovremennost' [History and Modernity]. Alma-Ata: Gylym, 254 p. [in Russian]
- Krasovskii, 1868** – *Krasovskii, N.* (1868). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov [Materials for the Geography and Statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. The Region of the Kirghiz of Siberia]. Chast' 1. SPb, 428 p. [in Russian]
- Kudaiberdiuly, 1990** – *Kudaiberdiuly, Sh.* (1990). Rodoslovnaya tyurkov, kazakhov, kirgizov. Dinastii khanov [Genealogy of the Turks, Kazakhs, and Kirghiz. Dynasties of the Khans]. Alma-Ata: SP Dastan, 120 p. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kirghiz-Kaisat hordes and steppes]. Almaty: Sanat, 656 p. [in Russian]
- Miller, 1937** – *Miller, G.* (1937). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. T. 1. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 607 p. [in Russian]
- Miller, 1941** – *Miller, G.* (1941). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. T. 2. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 638 p. [in Russian]
- Miller, 2005** – *Miller, G.* (2005). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. T. 3. M.: Vost. lit., 598 p. [in Russian]
- Nebol'sin, 1849** – *Nebol'sin, P.* (1849). Pokorenie Sibiri [Conquering Siberia]. SPb. 112 p. [in Russian]
- Ogorodnikov, 1920** – *Ogorodnikov, V.* (1920). Ocherk istorii Sibiri do XIX stoletiya. Ch. 1. Istoriya dorusskoi Sibiri [An Essay on the History of Siberia up to the 19th Century. Part 1: The History of Pre-Russian Siberia]. Irkutsk. 289 p. [in Russian]
- Oksenov, 1888** – *Oksenov, A.* (1888). Sibirskoe khanstvo do epokhi Ermaka [The Siberian Khanate before the era of Ermak]. Tomsk, 39 p. [in Russian]
- Oksenov, 1889** – *Oksenov, A.* (1889). Sibir' do epokhi Ermaka, po svedeniyam zapadno-evropeiskikh pisatelei i puteshestvennikov (1245–1578) [Siberia before the era of Ermak, according to Western European writers and travelers. (1245–1578)]. Tomsk, 43 p. [in Russian]
- Slotsev, 1838** – *Slotsev, P.* (1838). Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical Review of Siberia]. M., 590 p. [in Russian]
- Slotsev, 1882** – *Slotsev, P.* (1882). Kto byl Kuchum? [Who was Kuchum?]. *Vostochnoe obozrenie*, 39-40: 12-14. [in Russian]
- Spasskii, 1820** – *Spasskii, G.* (1820). Kirgiz-kaisaki Bol'shoi, Srednei i Maloi ordy [The Kirghiz-Kaisaks of the Great, Middle, and Small Horde]. *Sibirskii vestnik*. Chast' IX. Pp. 71-140. [in Russian]
- Olfer'ev, 1899** – *Olfer'ev, S.* (1899). Ocherk zavoevaniya i zaseleniya Sibiri [An Essay on the Conquest and Settlement of Siberia]. M., 104 p. [in Russian]
- Fisher, 1774** – *Fisher, I.* (1774). Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sei zemli rossiiskim oruzhiem [Siberian history from the discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian arms]. Sankt-Peterburg, Imperatorskaya akademiya nauk, 631 p. [in Russian]
- Khalid, 1992** – *Khalid, K.* (1992). Tauarikh khamsa: (Bes tarikh) [Five Histories]. Almaty: Kazakstan, 304 b. [in Kazakh]
- Shcheglov, 1883** – *Shcheglov, I.V.* (1883). Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannykh iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg. [A chronological list of the most important data from the history of Siberia: 1032–

1882]. Irkutsk: Izdanie Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 778 p. [in Russian]

Место казахов в истории Сибирского ханства: российская дореволюционная историография

Еркин Аманжолулы Абиль ^{a, *}, Кузембайулы Аманжол ^b, Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^c

^a Институт истории государства, Республика Казахстан

^b Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Республика Казахстан

^c Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова, Республика Казахстан

Аннотация. В исследовании анализируется репрезентация места казахов в истории Сибирского ханства в российской дореволюционной исторической науке. Одной из наиболее интересных и обсуждаемых проблем доколониальной истории Западной Сибири является проблема места казахов в истории Сибирского ханства. По этому вопросу высказываются различные, порой диаметрально противоположные точки зрения. Основные концепции сложились еще в российской дореволюционной науке.

В историографии проблемы можно выделить два основных направления по вопросу места казахов в истории Сибирского ханства. Первое, заложенное трудами Г. Миллера и его последователей, относит казахов к числу автохтонов Западной Сибири и активных участников процессов, связанных с историей Сибирского ханства. Эта точка зрения была основана на сообщениях сибирских летописей, а через них – исторической памяти сибирских татар. Аналогичной точки зрения придерживались авторы, исследовавшие историческую память казахов (Н. Красовский, Г. Спасский).

Второе направление стало развиваться с середины XIX века вместе с развитием российской этнографической и востоковедческой науки. Согласно ему, казахи появились на границах Западной Сибири только в конце XVII – начале XVIII веков и не играли значительной роли в истории Сибирского ханства (А. Оксенов, Г. Катанаев, В. Огородников).

В то же время под влиянием европейских научных традиций возникает национальная историография, объединившая традиционную историческую память казахского и татарского народов, с одной стороны, и достижений российской востоковедческой науки – с другой (Ш. Кудайбердыулы, К. Халид, Х. Атласи).

Ключевые слова: Западная Сибирь, Сибирское ханство, казахи, сибирские татары, Кучум, Тайбуга, репрезентация истории, историография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yerkinabil@gmail.com (Е.А. Абиль), topai240345@mail.ru (К. Аманжол), Kabulzia@rambler.ru (З.Е. Кабульдинов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 67-81
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.67

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

History of the Formation and Development of Epidemiology in the Russian Empire

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Anatolii V. Honcharenko ^a

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

The article considers the main stages of formation and development of epidemiology in the Russian Empire, associated with the activity of its founder, a native of Ukraine - Danila Samoylovich Samoylovich. Life and creative way of the founder of national epidemiology as a science, his role in theory and practice of epidemics control is analyzed. The value and influence of scientific works of D. Samoilovich on the national and foreign medicine of the 18th c. for further development of epidemiology in the Russian empire are determined.

We analyze the main scientific publications of D. Samoilovich, in which he develops ideas on combating epidemics of infectious diseases and offers an original doctrine of plague and a system of measures to combat it.

D. Samoilovich's role in the fight against the Moscow plague as well as in the south of Ukraine is shown. Thanks to innovative solutions, such as disinfection of things and dwellings of plague patients, vaccination, etc., D. Samoilovich was able not only to extinguish plague outbreaks, but also to essentially reduce the risks of its occurrence in the future.

The conflict between D. Samoilovich and the official authorities, connected with the sympathies of the great scientist to the ideals of the French Revolution, membership in the Masonic order and anti-monarchic aspirations, is described.

The article claims about the significant influence of D. Samoilovich's ideas and discoveries on the development of European medicine. This was expressed in the fact that he was elected a member of 12 European Academies of Sciences, and his works were published in French and German, and later republished. The appearance of the first medical manuals in Russian is connected with the name of D. Samoilovich.

In addition to his medical and scientific activities, D. Samoilovich was active in social and educational activities, because he was convinced that an effective fight against epidemics is possible only with the use of systemic measures at the level of not only state control and management, but also with broad public representation.

The main scientific innovations of D. Samoilovich's innovations in the fight against epidemics are analyzed.

Keywords: plague, disinfection, vaccination, infectious diseases, health policy, health care system, social determinants of health, public health, history of medicine in Ukraine, history of medicine in the Russian Empire.

1. Введение

Эпидемия COVID-19 напомнила всем, что болезни остаются главным врагом человечества. Сегодня нам трудно уяснить масштабы эпидемий прошлого, а такие понятия, как «чума» или

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A.E. Lebid)

«холера», воспринимаются нами подчас как далекие абстракции. На самом же деле эпидемии этих болезней не раз меняли историю. Вспомним, к примеру, «чуму Юстиниана» или же «черную смерть», выкосившие значительную часть населения Европы, которое восстановилось в своей численности спустя 400 лет.

Земли Российской империи также ощутили на себе влияние чумы, не раз распространявшейся по ее территории, опустошая целые селения. Но вот в 1744 г., а по иным сведениям – в 1742 г. (Бородий, 1985), на Черниговщине родился тот, кому суждено было победить чуму, – речь идет о сыне местного священника Даниле Самойловиче Самойловиче (Сущинском), который после окончания Киево-Могилянской академии решил переквалифицироваться на медика, вступив в Санкт-Петербургскую адмиралтейскую госпитальную школу, закончив которую, стал военным врачом.

Рис. 1. Данило Самойлович (Сущковский) (1783 г.)

На то время не было никаких сведений, как передается чума: то ли через воздух, то ли через еду, то ли через воду. Не говоря уже о лекарстве против чумы. Больных просто-напросто отселяли в чумные бараки и наблюдали, сколько он протянет. Единственной защитой была маска в виде птичьего клюва, куда закладывали лекарственные травы.

Принимая активное участие в карантинных мероприятиях, Д. Самойлович взялся исследовать саму болезнь и скорости установил, что она не передается воздушным путем, а лишь при физическом контакте с больным. Д. Самойлович для борьбы с чумой предложил метод дезинфекции и создал действенную систему противочумных мер. Он был первым в мире, кто предложил вакцинацию против чумы и апробировал этот метод на себе: для этого он взял кровь выздоравливавшего больного и ввел ее себе. Тем самым он доказал, что ослабленные бактерии болезни приводят к более мягкому ее протеканию. Позднее свои методы борьбы с чумой как главного карантинного доктора юга Украины он использовал на юге Украины, где на то время вспыхнула эпидемия чумы.

Результаты и достижения Д. Самойловича были настолько выдающимися, что французский доктор и философ Пьер Кабанис назвал его «величайшим благодетелем человечества», а 12 европейских академий наук избрали его своим членом – это единственный отечественный ученый, который снискал такое признание на международном уровне.

Парадоксально, но даже на родине Д. Самойловича – Черниговщине – нет улицы, носящей его имя, не говоря уже о Кременчуге, Одессе, Херсоне и других спасенных им городах. Лишь в селе Ивановка (ранее – Яновка), где родился Д. Самойлович, и в г. Николаеве, где он умер, есть улицы, названные в его честь, а на месте его захоронения поставлен скромный бюст.

Д.С. Самойлович (1744–1805) – доктор медицины, основатель эпидемиологии в Российской империи, член Комиссии для предохранения и врачевания моровой язвы и др. Опыт Д. Самойловича, как одного из наиболее эрудированных докторов Российской империи XVIII ст., был непосредственно использован в борьбе с чумной болезнью во многих городах и населенных пунктах. За всю свою жизнь Д. Самойлович участвовал в ликвидации девяти величайших эпидемий чумы в Российской империи: в Москве, Киеве, Молдове, Кременчуге, Херсоне, Тамани, Одессе, Дубоссарах, Крыму; трижды сам болел чумой.

Научные и врачебные достижения Д.С. Самойловича были широко признаны за пределами Российской империи: его труды печатались в признанных центрах медицинского образования и практики: Париже, Страсбурге, Лейдене и др.

Данной статьей мы продолжаем серию публикаций о представителях украинской «просвещенной бюрократии», внесших значительный вклад в историю российской имперской науки и образования. Поводом к подготовке данной рукописи был тот факт, что лица, о которых идет в ней речь, незаслуженно забыты.

В частности, нами и другими исследователями ранее уже были подготовлены и опубликованы материалы о различных представителях украинской «просвещенной бюрократии»: докторе права и философии, меценате и просветителе Н.В. Варадинове, П.Г. Редкине – первом профессоре права в

Российской империи и др. (Degtyarev et al., 2018; Degtyarev, 2014; Lebid et al., 2021; Lebid, Shevchenko, 2021), в которых проанализированы результаты научно-педагогической, общественной и государственной деятельности украинской «просвещенной бюрократии» и ее роль в формировании российской имперской системы гуманитарных, социальных, медицинских наук, а также системы высшего образования.

2. Материалы и методы

При подготовке данного исследования были использованы биобиблиографические материалы, а также документы и материалы из фондов Национальной научной медицинской библиотеки Украины, Национальной исторической библиотеки Украины, репозитариев Парижского университета, Bibliotheque Genealogique и др., раскрывающие особенности становления и развития эпидемиологии как науки, а также системы медицинского образования Российской империи и связанной с ней научной, педагогической и общественно-просветительской деятельностью выдающегося ученого, доктора-чумолога Данила Самойловича Самойловича (Самойлович, 1949; Самойлович, 1952; Samoilowitz, 1781; Samoilowitz, 1782; Samoilowitz, 1783a; Samoilowitz, 1783b; Samoilowitz, 1783c; Samoilowitz, 1787a; Samoilowitz, 1787b).

В основу данной работы был положен системный метод научного исследования, использование которого дало возможность комплексного рассмотрения и анализа деятельности Д. Самойловича как ученого-чумолога, доктора медицины, педагога, общественного и государственного деятеля.

Кроме того, при подготовке работы нами был использован биографический метод, позволивший упорядочить факты биографии Д. Самойловича с конкретными результатами его научного творчества. Этот метод также был полезен для понимания основных принципов и подходов при подготовке ученым фундаментальных исследований по борьбе с эпидемиями, признанными не только на территории России, но и за ее пределами и заложившими фундамент для противодействия эпидемиям в будущем.

Данный метод, наряду с использованием исторического метода научного исследования, сделал возможным проследить становление личности Д. Самойловича по должностной вертикали в сфере науки и медицинской практики, высшим проявлением которого стало признание его заслуг и, как следствие, членство в 12 иностранных академиях наук.

3. Обсуждение

Научные труды Д. Самойловича начали издаваться в России с 1803 г., но жизненный и трудовой подвиг выдающегося врача XVIII в. был описан гораздо позже – в 1949 году. Профессор С. Громбах впервые составил и подготовил к изданию подробными комментариями произведения Данила Самойловича Самойловича (Громбах, 1951; Самойлович, 1949; Самойлович, 1952).

Такие выдающиеся доктора, как Г.А. Захарьин, А.А. Остроумов, И.В. Буяльский, В.В. Пашутин, Н.Ф. Гамалея, Д.К. Заболотный и другие, были недостаточно знакомы массовой публике, а такие ученые, как Д.С. Самойлович, Н.М. Максимович-Амбодик, Г.Н. Минх, О.О. Могутковский, и вовсе не знакомы ей.

Исследователи истории медицины С.М. Громбах (Громбах, 1951), И.Д. Страшун (Страшун, 1964), П.Ю. Заблудовский (Заблудовский и др., 1981; Заблудовский, 1960), Б.Д. Петров (Петров, 1954; Петров, 1962), Е.А. Грандо (Грандо, 1995) и другие, работая над историей общественной медицины, поставили перед собой цель – уяснить общее наследие мировой медицины и, наряду с этим, выявить и проследить связь научной мысли в отечественной и мировой медицине.

Эту работу во второй половине XX в. возглавил И.Д. Страшун, который с этой целью создал Всесоюзное научное общество историков медицины, а С.М. Громбах приступил к составлению Большой медицинской энциклопедии.

Следует отметить, что научный интерес к личности и творчеству выдающегося ученого Д. Самойловича в большей степени проявился как раз в середине XX в., когда была издана часть из его работ (Самойлович, 1949; Самойлович, 1952), а также были опубликованы специализированные научные работы по ключевым вопросам его деятельности как медика (Корнеев, 1952; Куприянов, 1957; Мурзакевич, 1883; Сигал, 1955). В основной своей массе научная литература по этому вопросу представлена достаточно скудно. Основной ее массив представляют работы научно-популярного характера, посвященные, как правило, московскому периоду деятельности Д. Самойловича и его борьбе с чумой в Москве.

Отдельно следует упомянуть научные работы, посвященные истории медицины и эпидемий в Российской империи, в которых в том или ином контексте упоминаются имя Д. Самойловича или же его достижения на поприще борьбы с чумой (Бодров, 2020; Васильев, Сегал, 1960; Замура, 2011; Крайня, 2015; Маслійчук, 2021; Палкин, 1959; Токарев, 2008; Rivera Foland, 2014).

Более или менее подробные изложения жизненного пути Д. Самойловича представлены в немногих исследованиях биографического характера, определяющих основные вехи жизни и деятельности великого ученого (Бородий, 1985; Бородий, 1984; Бородий, 1987; Кисельов, Клочко, 2004; Кухар-Онышко, 2010; Мар'енко, 1965).

Примечательно, что первые два издания научно-справочного издания «Большая медицинская энциклопедия» вовсе не содержат статьи о Д. Самойловиче (БМЭ, 1928–1936; БМЭ, 1956–1964). Лишь в 22 томе третьего издания БМЭ появилась небольшая статья Б.Н. Палкина о Самойловиче (БМЭ, 1974–1989).

Максимально популяризовать несправедливо забытое имя Д. Самойловича стремились украинские ученые. Помимо указанных выше работ Н.К. Бородия, А.Ф. Киселева, Н.А. Кухар-Онышко и др., были подготовлены биобиблиографический список книг и периодических изданий из фондов Херсонской областной научной медицинской библиотеки (Самойлович, 2014), библиографический список из баз данных Национальной исторической библиотеки Украины (Епідемії в Україні, 2020), в которых отобран документальный массив источников, освещающих тему эпидемий на территории Украины, карантинные мероприятия и организацию борьбы с ними; повседневную гигиену и потери среди населения вследствие эпидемий.

4. Результаты

Борьба с разного рода эпидемиями в Российской империи XVIII в. входила в круг обязанностей государственных органов: Императорского совета и Сената, а также Медицинской коллегии, которой полагалось проведение специальных мероприятий по борьбе с эпидемиями. Уже на начало XVIII ст. в российском государстве был опыт организации карантинной службы. Имело место быстрое реагирование на информацию о распространении эпидемий в соседних государствах: в этих случаях на государственных границах выставлялись карантинные заставы, чтобы воспрепятствовать распространению болезней внутрь территории государства. При этом производились необходимые меры дезинфекции личных вещей, денег и проч. всех проезжих, используя можжевельник, полынь, уксус и др. средства. Карантин в таком случае мог быть продолжен до 1,5–2 месяцев. В саму карантинную зону направлялись воинские части – для обеспечения общественного порядка на местах, а также врачи – для выявления и последующего лечения заболевших.

В эпоху Петра I на границах государства была увеличена численность застав в портах, а уже при Екатерине II произошла их замена на укрепленные форпосты, дислоцировавшиеся не только по границе империи, но и на всех крупных путях сообщений. Обязательным для каждого форпоста был кадровый состав: доктор и два лекаря. В условиях распространения эпидемии им в помощь направлялись врачи из окрестных гарнизонов и соседних губерний. Бывали случаи, когда в такой ситуации на подмогу направлялись самые именитые доктора и лекари, но таковое имело место только в случае крайней необходимости. Например, подобное мы видим и в случае откомандирования Д. Самойловича – на тот момент уже ученого и доктора с мировым именем – на юг Украины, где в конце XVIII ст. вспыхнула эпидемия чумы.

Человечество в своей истории не раз проходило через испытания эпидемиями и пандемиями и всякий раз превозмогало их не только силой человеческого духа и формированием иммунитета, но и усилиями выдающихся ученых и докторов, направлявших свои силы, знания и опыт на борьбу с заразными болезнями (Васильев, Сегал, 1960: 9, 64–86). Одним из таких выдающихся «титанов», стоявших на страже общественного здоровья, был представитель украинской «просвещенной бюрократии» Российской империи Данило Самойлович Суцковский (Самойлович).

Родился будущий основатель эпидемиологии Российской империи Данило Самойлович в середине декабря 1744 г. на Черниговщине в семье священника. Окончил Черниговский коллегиум. В 1756 г. поступил в Киево-Могилянскую академию, а с 1761 г. находился в школе при Санкт-Петербургском адмиралтейском госпитале, где успешно изучал медицинские науки.

Своим медицинским будущим Данило Самойлович обязан известному российскому врачу, доктору медицины, профессору Ивану Полетике, бывшему на тот момент старшим врачом в Санкт-Петербургском военно-сухопутном генеральном госпитале. Как бывший выпускник Киево-Могилянской академии, именно он в 1761 г., будучи откомандированным в Украину для набора одаренных учеников для госпитальных школ, среди 55 учащихся Киево-Могилянской академии обратил внимание на молодого студента по классу риторики – Данилу Самойловича.

Выбор И. Полетикой кандидатуры Самойловича не был случаен: Данилу учеба давалась достаточно легко, он обладал отменными знаниями латинского, польского и французского языков, что впоследствии сыграло роль в его научно-исследовательской и педагогической деятельности.

Таким образом, медицинское образование Д. Самойлович получил в Санкт-Петербургской адмиралтейской госпитальной школе, после окончания которой работал при Санкт-Петербургском адмиралтейском госпитале в чине подлекаря (1765 г.), а затем и лекаря (1767 г.). Некоторое время Д. Самойлович возглавлял первую в Российской империи «секретную больницу» – специализированную венерологическую больницу для больных «франц-венерией» на 60 мест, открытую в Санкт-Петербурге в 1763 г.

Но уже с 1768 г. он пребывает на военной службе (по причине начала русско-турецкой войны) в должности полкового лекаря, где впервые и столкнулся с чумой – объектом своих будущих научных изысканий и врачебной практики.

Уже тогда Д. Самойлович снискал себе славу опытного врача, впервые установив способы передачи чумы, а также заложил основы собственной системы противочумных мер, которые он неоднократно успешно применял в последующем.

Но мировой славы он пока еще не обрел: ей предшествовали события 1771 г. в Москве, где на то время полыхала эпидемия чумы. По причине болезни был признан негодным к воинской службе и откомандирован в г. Оренбург. Д. Самойлович, проезжая через Москву, как раз застал там вспышку чумной болезни и в качестве добровольца взялся за борьбу с ней, работая в чумном госпитале наравне со своим земляком и выпускником Киево-Могилянской академии, еще одним представителем украинской «просвещенной бюрократии» Петром Погорецким – доктором медицины, соратником Д. Самойловича. Заслуга П. Погорецкого, в частности, и в том, что он заложил фундамент развития медицинской терминологии в Российской империи, переведя значительный комплекс статей по медицине из «Энциклопедии» Дени Дидро.

Будучи в Москве, Д. Самойлович чудом остался жив во время «чумного бунта», солгав на вопрос повстречавшей его беснующейся толпы: «Не ты ли главный лекарь?» – ответив, что всего лишь подлекарь, «его сильно избили, но оставили в живых» (Бодров, 2020: 109), ибо никто в лицо не знал будущего мирового светила.

В Москве Д. Самойлович был членом противочумной комиссии и заведующим чумными госпиталями. В результате врачебной практики в то время он приходит к выводу о том, что «дважды чумой не болеют». Именно в этот период Д. Самойловичем впервые были апробированы инновационные решения по лечению чумных больных, что позволило существенно снизить смертность. Вместе с тем им была доказана контагиозность (заразность) чумы, а в качестве ее лечения впервые в мировой практике предложена процедура прививания ослабленной вакциной – такой эксперимент он проделал на самом себе. Д. Самойлович был убежден в том, что чума является инфекционной болезнью, предложив средства дезинфекции вещей больных.

Ввиду эффективности мер, предпринятых Д. Самойловичем для борьбы с чумой, по правительственному постановлению он получает чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство, серебряную медаль и денежную награду (Кухар-Онышко, 2010: 5), звание штаб-врача, принимается на службу в Московский департамент Сената, параллельно возглавив комиссию по координации деятельности по борьбе с чумой во всей империи.

Опыт борьбы с чумой в Москве нашел свое выражение в подготовленной Д. Самойловичем вместе с другими докторами (А. Шафонский, Х. Граве, Л. Долгов, А. Левшин, П. Макулов, Г. Орреус и др.) фундаментальной работе «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве в 1770–1772 гг.», через год переведенной и изданной на немецком языке (Шафонский и др., 1775).

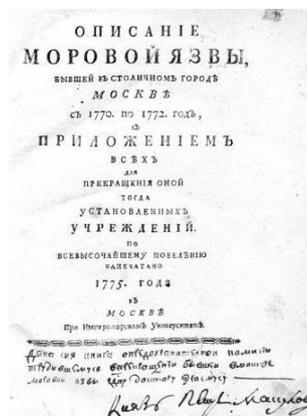

Рис. 2. Титул работы Д. Самойловича о чуме 1771 г. в Москве

Во время эпидемии чумы Д. Самойлович накопил исследовательский материал, написал свои первые научные соображения для получения диплома доктора медицины, но иностранцы, которые имели ключевые позиции в Государственной медицинской коллегии Российской империи, не допустили Д. его к защите своей научной работы.

По данным Я. Чистовича, который составил «алфавитный список докторов медицины, практиковавших в России в XVIII столетии», на то время действовало 523 медика, среди которых – 42 украинца, в том числе и Д. Самойлович (Чистович, 1883: CCLXXXIX). Как было указано при подсчете, «громадное большинство докторов» приходилось на долю иностранцев – 82 %, с иностранными фамилиями – 6 %, великороссов – 4 %, малороссов – 8 % (Список, 1896: 102). Если исходить из того, что большинство докторов украинского происхождения происходили из духовного и податного сословия, то можно сделать заключение, что «стремление к просвещению в Малороссии было очень значительно... Учились медицине сначала в России, затем ехали за границу и получали там докторские дипломы» (Список, 1896: 102-103).

Именно так случилось и с Д. Самойловичем: получив первоначально образование на родине, он по совету хотел продолжить обучение за рубежом, но, пока эпидемия не пошла на спад, Д. Самойлович не решался покинуть свой «пост». К этому времени у него вызрел еще один научный интерес – вопросы акушерства: связано это было с высокой детской и материнской смертностью в Российской империи, и на решение этого вопроса был направлен гений Самойловича.

В 1776 г. Д. Самойловичу на собственные сбережения удалось выехать в Страсбургский университет, где он скрупулезно изучал акушерское дело, испытывая при этом значительные финансовые трудности. Лишь спустя два года после «обоснованного ходатайства» о материальной помощи на имя императрицы Екатерины II Д. Самойлович получил ее. Это было первое проявление неблагодарности родины перед Самойловичем. В университете он изучает акушерское дело, ход нормальных родов, патологию во время родов, участвует в вскрытиях умерших во время родов женщин.

В матрикулах Страсбургского университета было записано «19.11.1776, Даниил Самойлович Самойлович, Росс., М.», что означало, что он прибыл из Российской империи и обучался на медицинском факультете университета (Андреев, 2005: 384). Опыт работы в Страсбургском университете был отражен Д. Самойловичем в подготовленной редакции и переводе исследования «великого Бодлока» – французского профессора и одного из самых известных акушеров XVIII в. Жана-Луи Бодлока «Городская и деревенская повивальная бабка» (Бодлок, 1780).

Впоследствии Д. Самойлович переезжает в Лейден (1779 г.), в местный университет, в матрикулах которого записано: «15.09.1779, Даниил Самойлович Самойлович, Росс., 35 лет, М.» (Андреев, 2005: 378). Именно в Лейденском университете в 1780 г. он защищает докторскую диссертацию «Tractatus de sectione symphyseos ossium pulis et sectionem Caesaream», написанную на французском и латинском языках, и в последующие 3 года посещает Австрию, Англию, Германию, Голландию и др. Здесь он изучает организацию медицинского и врачебного дела, а также вопросы высшего медицинского образования с намерением впоследствии полученный опыт и знания воплотить на родине.

Д. Самойлович подготовил для Екатерины II основательную докладную в отношении организации акушерской помощи в России, предлагая реорганизовать помощь роженицам, организовать в России акушерские школы. Высочайшего повеления Д. Самойлович так и не дождался, хотя Сенат утвердил научную и практическую ценность его работ. Д. Самойлович был первым из врачей в Российской империи, кто опубликовал за границей не только свою докторскую диссертацию, но и другие свои научные труды.

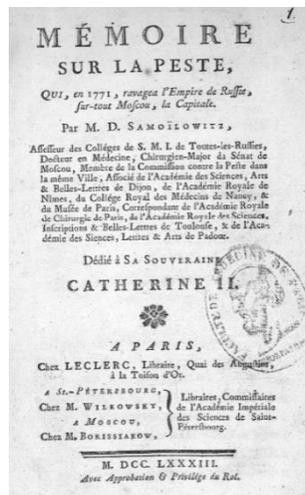

Рис. 3. Титул работы Д. Самойловича о чуме 1771 г. в Москве, изданной в Париже

В 1783 г. на имя императрицы Екатерины II им представлены записки, в которых он предлагал прививание болезни (Samoilowitz, 1782), употребление курительных порошков и обтирание льдом (Samoilowitz, 1781: 33-40).

Написанная Д. Самойловичем книга «Рассуждение о чуме» раскрывает историю эпидемии чумы в Москве, подробно описывая все мероприятия, проводимые Противочумной комиссией при борьбе с опасной болезнью; показывает клиническую картину чумы с описанием ее признаков, протекания болезни и взглядов на средства распространения и передачи чумы. Здесь же Д. Самойлович предлагает разработанные им средства борьбы с болезнью. Третья часть книги посвящена мероприятиям по борьбе с эпидемиями чумы вообще, системе противоэпидемических мер.

Свои научные труды Д. Самойлович разослал для обсуждения ученым и научным сообществам Европы и России. Вся Европа заговорила о Д. Самойловиче как выдающемся ученом; 12 европейских академий наук избирают его Почетным членом: Дижонская академия наук (1782 г.), Марсельская

академия наук (1782 г.), Немская академия наук (1782 г.), Нансинская медицинская коллегия (1783 г.), Тулузская академия наук (1783 г.), Парижская хирургическая академия (1783 г.), Парижское вольное королевское ученое собрание (1783 г.), Падуанская академия наук (1784 г.), Лионская академия наук (1786 г.), Маянсийская академия наук (1786 г.), Туринская академия наук (1786 г.), Мангеймская академия наук (1787 г.). И только Россия не признала его как ученого-новатора, несмотря на то, что Д. Самойлович прислал на родину свои научные труды. Российская академия наук никак не хотела признавать его научных заслуг. Лишь в 1792 г. Д. Самойлович было избран почетным членом Санкт-Петербургской государственной медицинской коллегии (КМА, 2001: 474).

Государственная медицинская коллегия, рассмотрев научные труды и предложения Д. Самойловича, рекомендовала Екатерине II разрешить перевести их на русский язык и напечатать для ознакомления всеми врачами Российской империи. Екатерина II не разрешила ни перевода, ни издательства его трудов. Остались без ответа и просьбы Д. Самойловича в Академию наук Российской империи, где он просил принять его в почетные члены Академии, ссылаясь на избрание его членом академий европейских стран.

После семилетнего пребывания за границей и защиты докторской диссертации в 1783 году Д. Самойлович возвращается на родину. Но Екатерине II стали известны его критические высказывания в адрес монархического правительства, а посему она отдала распоряжение о лишении его каких-либо привилегий и велела установить тайный надзор за Д. Самойловичем ввиду его «неблагонадежности».

Таким образом, Д. Самойловичу было отказано не только во внедрении его проекта по организации медицинского образования в империи, но и отказано во врачебной вакансии. Несколько лет Д. Самойлович и его семья находились в бедности ввиду отсутствия официальной практики или же пенсионного обеспечения за предыдущее служение России – еще одно проявление неблагодарности перед Самойловичем.

Вспомнили о Д. Самойловиче, когда юг Украины был охвачен чумой. В 80-е годы XVIII ст. началось заселение Причерноморского края под руководством князя Потемкина. Вспышки чумы, угрожавшие русской армии и строительству Черноморского флота, заставили царское правительство в лице наместника Новороссийского края пригласить Д. Самойловича для ликвидации чумы в Херсоне, назначив его главным врачом Екатеринославского наместничества и Таврической области. Князь Потемкин высоко ценил деятельность Д. Самойловича, называя его «герой чумной или истинный Эскулапий, или, если хотите, Гиппократ».

До конца жизни его деятельность была связана непосредственно с Украиной, в частности с ее южными регионами и морскими границами. На это время приходится и расцвет его научного творчества.

Кроме того, значительный вклад Д. Самойловичем был внесен и в развитие военно-полевой хирургии. Кроме медицинской помощи и врачебного дела, Д. Самойлович проводил широкую организационную работу, в частности создал и возглавил трехлетнюю медико-хирургическую школу. Д. Самойлович проводил большую просветительскую работу, считая необходимым распространение элементарных знаний среди населения по предотвращению чумы (Пасько, 2002: 73-78). Более того, им было организовано «Собрание медицинское в Херсоне», которое фактически стало первым собранием врачей не только в Украине, но и во всей Российской империи и которое стало образцом для медицинских научных сообществ в Российской империи в дальнейшем (Кухар-Онышко, 2010: 12).

За заслуги перед мировым сообществом в деле борьбы с чумой в 1786 г. Д. Самойлович был награжден большой золотой медалью императором Священной Римской империи Иосифом II.

В 1790 г. из-за несогласия с окружением Потемкина Д. Самойлович вынужден был покинуть свой пост. Несмотря на мировую славу, он так и не смог получить никакой работы ни в Петербурге, ни в Москве. Почти два года прожил на малой родине, на Черниговщине. И лишь в 1792 г. его пригласили на скромную, учитывая его заслуги, должность ординатора столичного генерального сухопутного госпиталя. Указом Екатерины II в 1793 г. Д. Самойлович вновь был назначен главным врачом всех карантинных заведений Украины.

В 1795 г. после подробного обследования состояния карантинной службы в Украине и Крыму в специальном докладе Петербургской медицинской коллегии им был предложен ряд мер по улучшению карантинной службы, а в 1797 г. издан труд «Начертания о карантинах». При участии Д. Самойловича были созданы карантинные учреждения в Екатеринославской и Таврической губерниях, на побережье Черного моря. Именно им было положено начало системы карантинных учреждений на юге Украины, продолженной в XIX ст. Он также внес существенные дополнения к общероссийскому «Карантинному уставу» (Устав, 1830: 198-225).

В 1800 г. была проведена реорганизация карантинной службы Российской империи, в результате чего должность главного карантинного врача была упразднена, после чего Д. Самойлович занял должность инспектора Черноморской медицинской управы в Николаеве, возглавляя ее вплоть до своей смерти в 1805 г.

В этот период Д. Самойлович заканчивает свой очередной фундаментальный научный труд о чуме в 4 частях – «Плоды опытности трудов и размышлений», которые он публикует на свои средства, не имея поддержки со стороны Государственной медицинской коллегии.

Таким образом, личность Д. Самойловича всецело можно рассматривать как полиматическую: он как представитель украинской «просвещенной бюрократии» вошел в историю украинской, российской и мировой науки не только как доктор, победивший чуму, но и как выдающийся ученый, изменивший научную медицинскую парадигму лечения и профилактики чумной болезни.

Он также предстает как реформатор медицинского образования в Российской империи, популяризатор знаний об эпидемиях, профилактике и борьбе с ними и многом-многом другом. В частности, когда в конце XVIII в. было ликвидировано звание подлекаря, возникли определенные трудности в работе врачей. Д. Самойловичем при организации подготовки фельдшеров было предложено готовить их в местных госпиталях с возведением их в чин капрала или сержанта (Бородий, 1987а: 131).

В этом контексте необходимым видится также рассмотрение основных научных достижений и инноваций Д. Самойловича, которые принесли ему мировую славу и которые не столь благосклонно были приняты в России. Его слава на родине была запоздалым отражением того почтения его заслуг, которых он удостоился в Европе.

Какие же инновации были предложены Д. Самойловичем в вопросах профилактики и противодействия эпидемиям, в частности чумы?

Во-первых, это изоляция контактных лиц. До сих пор практиковался более чем 40-дневный карантин, подрывавший экономическую активность всех сопричастных с заболевшим людей (в первую очередь это сказалось на членах его семьи). Принудительная «самоизоляция» и изоляция в таком случае подчас чревата была крайними лишениями, вплоть до голодной смерти лишенных средств и пропитания людей. Д. Самойлович же доказал, что если в течение двух недель не установлен факт заболевания, то и в дальнейшем вероятность такового была чрезвычайно низкой. Это способствовало сокращению карантина с 42 до 16 дней, что спасло многие жизни вполне здоровых, незараженных людей.

Во-вторых, Д. Самойлович выступил апологетом так называемой «контактной теории» распространения чумы в противовес господствовавшей тогда как в России, так и за ее пределами, «миазмической теории», согласно которой, борьба с чумой велась путем выжигания местности (деревьев, кустов и проч.) вокруг ячеики заражения (населенного пункта), дабы воспрепятствовать распространению зараженного воздуха. В населенных пунктах создавались курильща из соломы, дров и навоза для обеззараживания воздуха.

Господствующим в медицинской среде на то время было мнение, что заражение чумой происходит воздушным путем, что принципиально отрицал Д. Самойлович, утверждая, что, для того чтобы не допустить заражения чумой, следует избегать прикосновения к вещам больного.

Параллельно в зараженных чумой местностях уничтожались все личные вещи больных, а также и само жилье вместе с мебелью и утварью. Это также лишало всяческих средств к существованию зараженных. Д. Самойлович предложил не уничтожать вещи и жилища инфицированных, а, во-первых, изолировать больных и, во-вторых, дезинфицировать их. Это было инновационное решение, предложенное нашим соотечественником.

Для подтверждения своей мысли Д. Самойлович провел эксперимент, используя выделенных для этой цели заключенных, которых поместили в «чумной дом», окуренный специальным дымом, где они прожили более двух недель, так и не заболев. Сам Д. Самойлович носил пропитанную «чумным навозом» одежду и также остался здоров. После этого эксперимента дома и вещи зараженных чумой больше не уничтожали. В связи с этим Д. Самойлович подготовил инструкцию для проведения окуривания.

Впервые о контагиозности заразных болезней заявил в 1546 г. итальянский ученый Джироламо Фракасторо в своем научном труде «О контагии, контагиозных болезнях и их лечении», в котором он доказал, что контакт здорового человека с больным является причиной распространения заразной болезни (Фракасторо, 1954: 85). Этот научный труд был тогда неизвестен Д. Самойловичу. Спустя 200 лет он в своих исследованиях пошел гораздо дальше Д. Фракасторо, соединив гипотезу с экспериментом, который был проведен прежде всего на себе, а потом уже на других людях.

В-третьих, опыты Д. Самойловича способствовали смягчению «жесткого локдауна», сопровождавшегося запретом на массовые скопления, закрытием ремесленных мастерских и мануфактур. В результате вся активность в зараженных локациях переводилась в «дистанционный» формат, когда была разрешена «неконтактная» работа.

В-четвертых, сменилась политика в отношении зараженных территорий, которые до этого изолировались и где перекрывались все пути снабжения. Идеи Д. Самойловича способствовали возобновлению привоза продуктов в зараженные города, осуществлявшегося специальными государственными органами.

В-пятых, задолго до системы лечения инфекционных больных Н. Пироговым Д. Самойлович ввел практику сортировки больных, которую стали применять во всех больницах, где содержались зараженные чумой.

В-шестых, Д. Самойлович раскритиковал и доказал абсурдность представлений о возникновении эпидемий, а именно звездных, небесных причинах их появления. Он подошел к поиску причин эпидемий исключительно с научной точки зрения.

В-седьмых, Д. Самойловичу принадлежит концепция изучения рецидивов чумы. В среде врачей в то время господствовала мысль о том, что перенесшие заболевание чумой и выздоровевшие люди могут заразиться ею повторно во время одной эпидемии. Д. Самойлович же доказал обратное, но рецидива при новой эпидемии не исключал.

Таким же выдающимся и спасительным для человечества была догадка Д. Самойловича относительно вакцинации как средства борьбы с чумой. И вполне возможно, что ему удалось бы открыть чумную палочку, если бы технологии тех дней позволили это сделать (осенью 1784 г. Д. Самойлович работает в больнице г. Кременчуга, стараясь найти возбудителя чумы с помощью микроскопа Деллебара. Однако ему так и не суждено было этого сделать по причине несовершенства методики и микроскопической техники). Но данный факт нисколько не умаляет заслуг ученого-чумолога, который впервые в мире пытался с помощью микроскопа найти возбудителя чумы (Кухар-Онышко, 2010: 11).

Помимо врачебной, Д. Самойлович активно вел и общественно-просветительскую деятельность. Он был убежденным сторонником идеи, что исключительно силами государства и медицинских работников инфекционные болезни и эпидемии победить невозможно. Значительную роль в этом выдающийся доктор отводил элементарному образованию населения о причинах эпидемий, азам первой медицинской помощи и самопомощи и другим вопросам. С этой целью Д. Самойловичем были подготовлены справочные пособия, где он в доступной форме прояснял основы противоэпидемических действий и профилактики, рассчитанные также на тех, кто вовсе не умел читать (Самойлович, 1783; Самойлович, 1795).

Еще одним аспектом жизни и творческого гения Д. Самойловича была его педагогическая деятельность. Помимо просветительской работы и реформирования системы медицинского образования в Российской империи, мечтой ученого была работа в качестве преподавателя. Эта мечта могла бы реализоваться, открыл князь Потемкин Екатеринославский университет, в котором мыслилось открыть и медицинский факультет, работать на котором планировал Д. Самойлович. Но очередная русско-турецкая война эти планы перечеркнула – университет открыть не удалось.

Тем не менее Д. Самойловичу все-таки удалось реализовать свой педагогический потенциал, когда в конце 1787 г. в г. Кременчуг прибыла группа студентов, которые изъявили желание обучаться медицине. Д. Самойлович предложил основать в городе медицинскую школу, в которой бы готовили будущих врачей, особенно в ситуации военных действий против турок. Параллельно с этим в Елисаветграде была учреждена медико-хирургическая школа.

Величайшей заслугой Д. Самойловича является тот факт, что он на примере чумы показал, как можно изучать заразные болезни и способы борьбы с ними, положив тем самым начало не только отечественной, но и мировой эпидемиологии. Дольше предложенные им меры борьбы с эпидемиями составляют основу борьбы с заразными болезнями.

Парадоксально, но при жизни Д. Самойловича его идеи не нашли должного признания: отчасти ввиду его радикализма и революционности, отчасти ввиду политической конъюнктуры относительно персоны самого доктора-чумолога. Касательно последнего существует предположение, что Д. Самойлович, будучи за рубежом, вступил в ряды масонов, чем и вызвал неприязнь Екатерины II, преследовавшей их (Кухар-Онышко, 2010: 13).

Помимо прочего, причиной предвзятого отношения к личности Д. Самойловича называлось его пребывание за границей в канун революции во Франции 1789 г. и «активное» в ней участие, а также антимоноархические и вольнодумные мысли, которые он излагал в частных беседах и которые стали известны властям.

Но все же, невзирая на всяческие преграды и благодаря выдающейся работоспособности и харизме Д. Самойловича, его достижения и результаты научной, врачебной, общественно-просветительской и педагогической деятельности все-таки нашли выражение на уровне государственного признания: он получил чин коллежского асессора, орден Св. Владимира IV степени (1796 г.), чин статского советника (1797 г.), чин действительного статского советника (1799 г.) – среди медиков такие высокие чины встречались довольно редко. Но Д. Самойлович по праву заслужил все из них.

5. Заключение

Из вышесказанного можно сделать вывод, что личность Даниила Самойловича действительно незаурядна в том отношении, что совмещала в себе пылкую страсть к открытиям на благо человечества и холодный рассудок в исследовании первопричин эпидемий. Казалось бы, судьба не

раз испытывала выдающегося ученого, трижды болевшего чумой. Находясь в опале у власть предержащих, он тем не менее своим гением и призванием служить человечеству одержал верх.

Результаты его научной деятельности были поистине впечатляющими: идея изоляции, дезинфекции и вакцинации как эффективных средств борьбы с эпидемиями; контактность и контагиозность чумы и многие другие открытия свидетельствуют о высочайшем научном гении Д. Самойловича. Более того, его гений был признан на уровне европейской передовой науки: недаром ведь он был избран членом более десяти европейских академий наук.

Помимо всего прочего, Д. Самойлович занимался совершенствованием системы медицинского образования в Российской империи, формированием медицинской терминологии, развитием акушерского дела, работой над основами санитарно-карантинного законодательства, развитием военной медицины.

Методы борьбы с чумой, разработанные Д. Самойловичем, минимизировали новые проявления вспышек чумы и послужили основанием борьбы с другими эпидемиями. Кроме того, среди других докторов украинского происхождения, в действительности спасших мир от чумы, холеры и др. заболеваний, можно назвать одессита Владимира (Маркус-Вольф) Ароновича Хавкина, винничанина Данилу Кирилловича Заболотного и др.

И весьма печалит факт, что о таких ученых, как Д. Самойлович, В. Хавкин, О. Могутковский и др., все еще можно сказать как о «самом неизвестном человеке». Надеемся, что рассмотренные в данной статье вопросы сделают более публичной, известной личность «неизвестного человека» – основателя отечественной эпидемиологии, доктора медицины Данилы Самойловича Самойловича.

Литература

- Андреев, 2005** – Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половине XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с.
- Бодлок, 1780** – Бодлок Ж.Л. Городская и деревенская повивальная бабка / С французского языка перевел Данило Самойлович, коллежский асессор и штаб-лекарь. М.: Университетская типография Н. Новикова, 1780. 142 с.
- Бодров, 2020** – Бодров А.В. История эпидемий. От черной чумы до COVID-19. М.: Центрполиграф, 2020. 181 с.
- БМЭ, 1928–1936** – Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Н.А. Семашко. М., 1928–1936.
- БМЭ, 1956–1964** – Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. А.Н. Бакулев. 2-е изд. М.: Медгиз, 1956–1964.
- БМЭ, 1974–1989** – Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б.В. Петровский. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1974–1989.
- Бородій, 1987a** – Бородій М.К. Данило Самійлович Самойлович. Київ: Наукова думка, 1987. 152 с.
- Бородій, 1984** – Бородій М.К. До історії боротьби з чумою на Україні в XVIII ст. *Український історичний журнал*. 1984, 5: 82-90.
- Бородій, 1987b** – Бородій М.К. Зародження медичної освіти на Україні: (До 200-річчя). *Український історичний журнал*. 1987, 10: 141-144.
- Васильев, Сегал, 1960** – Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 398 с.
- Горелова, 2002** – Горелова Л.Е. Чума в Москве (1771–1773). *Русский медицинский журнал*. 2002. 16: 738-739.
- Грандо, 1995** – Грандо А.А. Путешествие в прошлое медицины. Киев: РИА «Триумф», 1995. 176 с.
- Громбах, 1951** – Громбах С.М. Данило Самойлович. М.: Минздрав СССР, 1951. 51 с.
- Епідемії в Україні, 2020** – Епідемії в Україні: сторінки історії. Бібліографічний список: Історія України. Спецвипуск. Київ, 2020
- Заблудовский и др., 1981** – Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. М.: Медицина, 1981. 352 с.
- Заблудовский, 1960** – Заблудовский П.Е. История отечественной медицины. Ч. 1: Период до 1917 г. М., 1960. 400 с.
- Замура, 2011** – Замура О.Ю. Православне населення Переяславсько-Бориспільської єпархії в умовах поширення епідемії чуми 1770-1771 рр. *Краєзнавство*. 2011. 1: 144-150.
- Кісельов, Ключко, 2004** – Кісельов А.Ф., Ключко В.І. Життя і діяльність першого лікаря Миколаївщини – сина Вітчизни Д.С. Самойловича (1744–1805 рр.). Миколаїв: Миколаївський державний університет, 2004. 64 с.
- КМА, 2001** – Києво-Могилянська академія в іменах: XVII-XVIII ст. Київ: Видавничий дім «КМ Академія», 2001. С. 473-474
- Корнеев, 1952** – Корнеев В.М. Данило Самойлович Самойлович. *Советская медицина*. 1952, 3.
- Крайня, 2015** – Крайня О.О. Протиєпідемічні заходи в маєтностях Києво-Печерської лаври під час чуми 1770–1771 рр. *Церква-наука-суспільство: питання взаємодії: матеріали Тринадцятої Міжнародної наукової конференції*. Київ, 2015. С. 168-170.

- Куприянов, 1957** – Куприянов В.В. Мысли Д.С. Самойловича об улучшении медико-хирургической науки. *Вестник хирургии*. 1957. 78(3).
- Кухар-Онышко, 2010** – Кухар-Онышко Н.А. Легендарные имена. Данило Самойлович и развитие здравоохранения в Николаеве. Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2010. 48 с.
- Маслійчук, 2021** – Розчаклування недуги. Локальна традиція, «старі» хвороби та «нова» медицина в Україні XVIII-XIX ст. / Колективна монографія за ред. В. Маслійчука та І. Сердюка. Харків: Видавець Олександр Савчук, 2021. 352 с.
- Мар'єнко, 1965** – Мар'єнко Ф.С. Данило Самойлович. Одесса: Маяк, 1965. 192 с.
- Мурзакевич, 1883** – Мурзакевич Н.Н. Доктор медицины Данило Самойлович. *Записки Одесского общества истории и древностей*. 1883. 13: 246-254.
- Палкин, 1959** – Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М.: Медгиз, 1959. 272 с.
- Пасько, 2002** – Пасько І.В. Витоки військово-медичної освіти в Україні: архівні студії. *Військова медицина України*. 2002, 2(4): 73-78.
- Петров, 1954** – Петров Б.Д. История медицины. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1954. 284 с.
- Петров, 1962** – Петров Б.Д. Очерки истории отечественной медицины. М.: Медгиз, 1962. 149 с.
- Самойлович, 2014** – Самойлович Данило Самійлович в історії Херсонщини. Біобібліографічний покажчик. Херсон, 2014.
- Самойлович, 1783** – Самойлович Д. Нынешний способ лечения: с наставлением, как можно простому народу лечиться от угрызания бешеной собаки и от уязвления змеи, с показанием на таблице гридировальными фигурами, чем, когда и как змея уязвляет, где яд у нее бывает и проч.: Справочник. М.: Университетская типография Н. Новикова, 1783. 116 с.
- Самойлович, 1795** – Самойлович Д. Начертание для изображения в живописи, пресеченной в Москве 1771 года моровой язвы, которое предлагает художникам Данило Самойлович. СПб., 1795. 17 с.
- Самойлович, 1949** – Самойлович Д.С. Избранные произведения. Выпуск 1. М.: Академия медицинских наук СССР, 1949. 316 с.
- Самойлович, 1952** – Самойлович Д.С. Избранные произведения. Выпуск 2. М.: Академия медицинских наук СССР, 1952. 492 с.
- Сигал, 1955** – Сигал Б.С. Данило Самойлович – основоположник отечественной эпидемиологии. *Врачебное дело*. 1955. 4.
- Список, 1896** – Список докторов медицины из малороссов, практиковавших в России в XVIII в. *Киевская старина*, 1896. 3: 98-103.
- Страшун, 1964** – Страшун И.Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907–1917. М.: Медицина, 1964. 206 с.
- Токарев, 2008** – Токарев С. Боротьба з епідемією чуми у Конотопській сотні Ніжинського полку у 70-х рр. XVIII ст. *Сіверщина в історії України*. 2008. 1: 116-119.
- Устав, 1830** – Устав пограничных и портовых карантин. *Полное собрание законов Российской империи*. Т. 26. СПб.: Типография II Отделения собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 198-225.
- Фракасторо, 1954** – Фракасторо Дж. О контагии, контагиозных болезнях и лечении в трех книгах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 323 с.
- Хижняк, Маньківський, 2008** – Хижняк З.І., Маньківський В.К. Історія Києво-Могилянської академії. Київ: ВД «Києво-Могилянська академія». 2008. 203 с.
- Чистович, 1883** – Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб.: Типография Якова Трея, 1883. 1040 с.
- Шафонский и др., 1775** – Шафонский А., Граве Х., Самойлович Д., Долгов Л., Левшин А., Макулов П., Орреус Г. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год. М.: Типография Императорского университета, 1775. 652 с.
- Шкварець и др., 2000** – Шкварець В.П., Шитюк М.М., Гузенко Ю.І., Давиденко В.М., Кіщак І.Т., Кириленко Т.В., Паліюк В.П., Рагулін В.Я., Семко Л.І., Соболев П.І. Корифеї української науки. Нариси про видатних діячів науки і техніки. Миколаїв: Видавництво «Тетра». 2000. С. 79-81
- Degtyarev, 2014** – Degtyarev S.I. (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century // *Bylye Gody*. 2014. 34(4): 554-558.
- Degtyarev et al., 2018** – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1530-1537.
- Lebid et al., 2021** – Lebid A., Kostenko A., Shevchenko N. (2021). N.V. Varadinov's research papers and publications as a source on the history of the russian empire of the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 118-125.
- Lebid, Shevchenko, 2021** – Lebid A., Shevchenko N. (2021). Ukrainian «Enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the XIX century // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 629-640.

Rivera Foland, 2014 – *Rivera Foland, J.* (2014). *The Body through the Lens: Anatomy and Medical Microscopy during the Enlightenment*. University of Oxford, 2014. 343 p.

Samoilowitz, 1781 – *Samoilowitz D.* Lettre sur les Expériences des frictions glaciales pour la guérison de la peste. Paris, 1781.

Samoilowitz, 1782 – *Samoilowitz D.* Memoires sur l'inoculation de la peste avec la description de trois poudres fumigatives antipestielles. Strasbourg, 1782.

Samoilowitz, 1783a – *Samoilowitz D.* Description de trois poudres fumigatives antipestielles, inventées à Moscou par la commission contre la peste. Paris, 1783.

Samoilowitz, 1783b – *Samoilowitz D.* Lettre à l'Académie de Dijon avec réponse à ce qui a paru douteux dans le Mémoire sur l'inoculation de la peste. Paris, 1783.

Samoilowitz, 1783c – *Samoilowitz D.* Mémoire sur la peste qui en 1771 ravagea l'Empire de Russie, surtout Moscou, la Capitale Paris: Le Clerc, 1783.

Samoilowitz, 1787a – *Samoilowitz D.* Lettre au sujet des recherches microscopiques sur le venin pestilentiel. Paris, 1787.

Samoilowitz, 1787b – *Samoilowitz D.* Opuscules sur la peste qui, en 1771, ravagea Moscou; avec un discours aux élèves des hôpitaux de l'empire de Russie. Paris, 1787.

References

Andreev, 2005 – *Andreev, A.Yu.* (2005). *Russkie studenty v nemetskih universitetakh XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Russian Students at German Universities in the Eighteenth and First Half of the Nineteenth Centuries]. Moskva: Znack, 432 p. [in Russian]

Bodlok, 1780 – *Bodlok, Zh.L.* (1780). *Gorodskaya i derevenskaya povivalnaya babka. S frantsuzskago yazyka perevYol Danilo Samoylovich, kollezhskiy assessor i shtab-lekar* [Town and village midwife, translated from French by Danilo Samoilovich, collegiate assessor and staff physician]. M.: Universitetskaya tipografiya N. Novikova, 142 p. [in Russian]

Bodrov, 2020 – *Bodrov, A.V.* (2020). *Istoriya epidemiy. Ot chyornoy chumy do COVID-19* [History of epidemics. From the Black Plague to COVID-19]. Moskva: Tsentrpoligraf, 181 p. [in Russian]

BME, 1928-1936 – *Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya*. Gl. red. N.A. Semashko [The Great Medical Encyclopedia]. Moskva, 1928–1936. [in Russian]

BME, 1956-1964 – *Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya*. Gl. red. A.N. Bakulev. 2-e izd. [The Great Medical Encyclopedia]. Moskva: Medgiz, 1956–1964. [in Russian]

BME, 1974-1989 – *Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya*. Gl. red. B. V. Petrovskiy. 3-e izd. [The Great Medical Encyclopedia], M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1974–1989. [in Russian]

Borodii, 1987a – *Borodii, M.K.* (1987). *Danylo Samoilovych Samoilovych* [Danylo Samoilovych Samoilovych]. Kyiv: Naukova dumka, 152 p.

Borodii, 1984 – *Borodii, M.K.* (1984). *Do istorii borotby z chumoiu na Ukraini v 18 st.* [To the history of the fight against plague in Ukraine in the 18th century]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. 5: 82-90. [in Ukrainian]

Borodii, 1987b – *Borodii, M.K.* *Zarozhennia medychnoi osvity na Ukraini: (Do 200-richchia)* [Origin of medical education in Ukraine: (To the 200th anniversary)]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. 10: 141-144. [in Ukrainian]

Vasilev, Segal, 1960 – *Vasilev, K.G., Segal, A.E.* (1960). *Istoriya epidemiy v Rossii* [History of epidemics in Russia]. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo meditsinskoy literatury, 398 p. [in Russian]

Gorelova, 2002 – *Gorelova, L.E.* (2002). *Chuma v Moskve (1771-1773)* [The Plague in Moscow (1771-1773)]. *Russkiy meditsinskiy zhurnal*. 16: 738-739. [in Russian]

Grando, 1995 – *Grando, A.A.* (1995). *Puteshestvie v proshloe meditsiny* [A Journey into the Past of Medicine]. Kiev: RIA «Triumf», 176 p. [in Russian]

Grombah, 1951 – *Grombah, S.M.* (1951). *Danilo Samoylovich* [Danilo Samoilovich]. M.: Minzdrav SSSR, 51 p. [in Russian]

Epidemii v Ukraini, 2020 – *Epidemii v Ukraini: storinky istorii. Bibliografichni spysok: Istoriia Ukrainy. Spetsvypusk* [Epidemics in Ukraine: Histories. Bibliographical list: Historia Ukraina. Special edition]. Kyiv, 2020. [in Ukrainian]

Zabludovskiy i dr., 1981 – *Zabludovskiy, P.E., Kryuchok, G.R., Kuzmin, M.K., Levit, M.M.* (1981). *Istoriya meditsiny* [The History of Medicine]. M.: Meditsina, 352 p. [in Russian]

Zabludovskiy, 1960 – *Zabludovskiy, P.E.* (1960). *Istoriya otechestvennoy meditsiny*. Ch. 1: Period do 1917 g. [History of National Medicine. Ch. 1: Period to 1917]. M., 400 p. [in Russian]

Zamura, 2011 – *Zamura, O.Iu.* (2011). *Pravoslavne naseleattia Pereiaslavsko-Boryspilskoi yeparkhii v umovakh poshyrennia epidemii chumy 1770-1771 rr.* [The Orthodox population of the Pereiaslavlak-Boryspilivka diocese under the conditions of the plague epidemic of 1770-1771]. *Kraieznavstvo*. 1: 144-150. [in Ukrainian]

Kiselov, Klochko, 2004 – *Kiselov, A.F., Klochko, V.I.* (2004). *Zhyttia i diialnist pershoho likaria Mykolaivshchyny – syna Vitshychny D.S. Samoilovycha (1744-1805 rr.)* [Life and Activity of the First

- Physician of Mykolayiv Region – the Son of the Fatherland D.S. Samoilovich (1744-1805)]. Mykolaiv: Mykolaivskiy derzhavnyi universytet, 64 p. [in Ukrainian]
- KMA, 2001** – Kyievo-Mohylianska akademiia v imenakh: XVII-XVIII st. [Kyiv-Mohyla Academy in Names: XVII-XVIII centuries]. Kyiv: Vydavnychiy dim «KM Akademiia», 2001. S. 473-474. [in Ukrainian]
- Korneev, 1952** – *Korneev, V.M.* (1952). Danilo Samoylovich Samoylovich [Danilo Samoilovich Samoilovich]. *Sovetskaya meditsina*. 1952, 3. [in Russian]
- Krainia, 2015** – *Krainia, O.O.* (2015). Protiepidemichni zakhody v maietnostiakh Kyievo-Pecherskoi lavry pid chas chumy 1770-1771 rr. [Protepidemic measures in the possessions of the Kiev-Pechersk Lavra during the plague of 1770-1771]. *Tserkva-nauka-suspilstvo: pytannia vzaiemodii: materialy Trynadsiatoi Mizhnarodnoi naukovoï konferentsii*. Kyiv. Pp. 168-170. [in Ukrainian]
- Kupriyanov, 1957** – *Kupriyanov, V.V.* (1957). Myisli D.S. Samoylovicha ob uluchshenii mediko-hirurgicheskoy nauki [D.S. Samoilovich's Thoughts on the Improvement of Medical-Surgical Science]. *Vestnik hirurgii*. 78(3). [in Russian]
- Kuhar-Onyishko, 2010** – *Kuhar-Onyishko, N.A.* (2010). Legendarnyie imena. Danilo Samoylovich i razvitie zdorovohraneniya v Nikolaeve [Legendary names. Danilo Samoilovich and the development of health care in Nikolaev]. Nikolaev: Izdatelstvo Irinyi Gudyim, 48 p. [in Russian]
- Masliichuk, 2021** – Rozchakluvannia neduhy. Lokalna tradytsiia, «stari» khvoroby ta «nova» medytsyna v Ukraini 18-19 st. Kolektyvna monohrafiia za red. V. Masliichuka ta I. Serdiuka [Disease treatment. Local tradition, "old" diseases and "new" medicine in Ukraine of XVII-XIX centuries]. Kharkiv: Vydavets Oleksandr Savchuk, 2021. 352 p. [in Ukrainian]
- Marienko, 1965** – *Marienko, F.S.* (1965). Danylo Samoilovych [Danilo Samoilovich]. Odesa: Maiak, 192 p. [in Ukrainian]
- Murzakevich, 1883** – *Murzakevich, N.N.* (1883). Doktor medicyny Danilo Samojlovich [Danilo Samojlovic, MD]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*. 13: 246-254. [in Russian]
- Palkin, 1959** – *Palkin B.N.* (1959). Russkie gospiitalnyie shkoly XVIII veka i ih vospitanniki [Russian hospital schools of the 18th century and their students]. Moskva: Medgiz, 272 p. [in Russian]
- Pasko, 2002** – *Pasko, I.V.* (2002). Vytoky viiskovo-medychnoi osvity v Ukraini: arkhivni studii [The Dynamics of Military and Medical Education in Ukraine: Archivist Studios]. *Viiskova medytsyna Ukrainy*. 2(4): 73-78. [in Ukrainian]
- Petrov, 1954** – *Petrov, B.D.* (1954). Istoriya meditsiny [The History of Medicine]. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo meditsinskoy literatury, 284 p. [in Russian]
- Petrov, 1962** – *Petrov, B.D.* (1962). Ocherki istorii otechestvennoy meditsiny [Essays on the History of National Medicine]. M.: Medgiz, 149 p. [in Russian]
- Samoilovych, 2014** – Samoilovych Danylo Samoilovych v istorii Khersonshchyny. Biobibliografichni pokazhchyk [Samoilovich Danilo Samoilovich in the history of Kherson region. Biobibliographical guide]. Kherson, 2014. [in Ukrainian]
- Samoylovich, 1783** – *Samoylovich, D.* (1783). Nyineshniy sposob lecheniya: s nastavleniem, kak možhno prostomu narodu lechitsya ot ugrayzeniya beshenoy sobaki i ot uyazvleniya zmei, s pokazaniem na tablitse gridirovalnyimi figurami, chem, kogda i kak zmeya uyazvlyayet, gde yad u neYo byivaet i proch.: spravochnik [The current way of treating: with instruction on how ordinary people can be treated...]. Moskva: Universitetskaya tipografiya N. Novikova, 116 p. [in Russian]
- Samoylovich, 1795** – *Samoylovich, D.* (1795). Nachertanie dlya izobrazheniya v zhivopisi, presechyonnoy v Moskve 1771 goda morovoy yazvyi, kotoroe predlagaet hudozhnikam Danilo Samoylovich [An outline for the depiction in painting of the pestilence suppressed in Moscow in 1771...]. Sankt-Peterburg, 17 p. [in Russian]
- Samoylovich, 1949** – *Samoylovich, D.S.* (1949). Izbrannyye proizvedeniya. Vyipusk 1 [Selected Works, 1]. Moskva: Akademiya meditsinskih nauk SSSR, 316 p. [in Russian]
- Samoylovich, 1952** – *Samoylovich, D.S.* (1952). Izbrannyye proizvedeniya. Vyipusk 2 [Selected Works, 2]. Moskva: Akademiya meditsinskih nauk SSSR, 492 p. [in Russian]
- Sigal, 1955** – *Sigal, B.S.* (1955). Danilo Samoylovich – osnovopolozhnik otechestvennoy epidemiologii [Danilo Samoilovich – the founder of national epidemiology]. *Vrachebnoe delo*. 4. [in Russian]
- Spisok, 1896** – Spisok doktorov meditsiny iz malorossov, praktikovavshih v Rossii v XVIII v. [List of doctors of medicine from the Ukrainians, practicing in Russia in the XVIII century]. *Kievskaya starina*, 1896. 3: 98-103. [in Russian]
- Strashun, 1964** – *Strashun, I.D.* (1964). Russkaya obschestvennaya meditsina v period mezhdvu dvumya revolyutsiyami 1907-1917 [Russian public medicine in the period between the two revolutions of 1907-1917]. M.: Meditsina, 206 p. [in Russian]
- Tokariev, 2008** – *Tokariev, S.* (2008). Borotba z epidemiieiu chumy u Konotopskii sotni Nizhynskoho polku u 70-kh rr. XVIII st. [Fighting the plague in the Konotop hundred of the Nizhyn regiment in the 70s of the XVIII century]. *Sivershchyna v istorii Ukrainy*. 1: 116-119. [in Ukrainian]
- Ustav, 1830** – Ustav pogranychnyh i portovyih karantinov [Statute of border and port quarantines]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. T. 26 SPb.: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830. Pp. 198-225. [in Russian]

Frakastoro, 1954 – *Frakastoro, Dzh.* (1954). O kontagii, kontagioznych boleznyah i lechenii v trekh knigah [On Contagion, Contagious Diseases, and Treatment in Three Books]. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 323 p. [in Russian]

Khyzhniak, Mankivskiy, 2008 – *Khyzhniak, Z.I., Mankivskiy, V.K.* (2008). Istoriia Kyievo-Mohylianskoi akademii [History of the Kyiv-Mohyla Academy]. Kyiv: VD «Kyievo-Mohylianska akademiia». 203 p. [in Ukrainian]

Chistovich, 1883 – *Chistovich, Ya.* (1883). Istoriya pervykh meditsinskih shkol v Rossii [History of the first medical schools in Russia]. SPb.: Tipografiya Yakova Treya, 1040 p. [in Russian]

Shafonskiy i dr., 1775 – *Shafonskiy, A., Grave, H., Samoylovich, D., Dolgov, L., Levshin, A., Makulov, P., Orreus, G.* (1775). Opisanie morovoy yazvyi, byivshy v stolichnom gorode Moskve s 1770 po 1772 god [Description of the pestilence that occurred in the capital city of Moscow from 1770 to 1772]. Moskva: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 652 p. [in Russian]

Shkvarets y dr., 2000 – *Shkvarets, V.P., Shytiuk, M.M., Huzenko, Yu.I., Davydenko, V.M., Kishchak, I.T., Kyrylenko, T.V., Paliuk, V.P., Rahulin, V.Ia., Semko, L.I., Sobol, P.I.* (2000). Koryfei ukrainskoi nauky. Narysy pro vydatnykh diiachiv nauky i tekhniki [The Corifes of Ukrainian Science. Essays on prominent figures of science and technology]. Mykolaiv: Vydavnytstvo «Tetra». Pp. 79-81. [in Ukrainian]

Degtyarev, 2014 – *Degtyarev, S.I.* (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody*. 34(4): 554-558.

Degtyarev et al., 2018 – *Degtyarev, S.I., Zavorodnia, V.M., Polyakova, L.G.* (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 2018, 50(4): 1530-1537.

Lebid et al., 2021 – *Lebid, A., Kostenko, A., Shevchenko, N.* (2021). N.V. Varadinov's Research Papers and Publications as a Source on the History of the Russian Empire of the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 118-125.

Lebid, Shevchenko, 2021 – *Lebid A., Shevchenko N.* (2021). Ukrainian «Enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the XIX century. *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 629-640.

Rivera Foland, 2014 – *Rivera Foland, J.* (2014). The Body through the Lens: Anatomy and Medical Microscopy during the Enlightenment. University of Oxford, 343 p.

Samoilowitz, 1781 – *Samoilowitz, D.* (1781). Lettre sur les Expériences des frictions glaciales pour la guérison de la peste. Paris, 43 p.

Samoilowitz, 1782 – *Samoilowitz, D.* (1782). Memoires sur l'inoculation de la peste avec la description de trois poudres fumigatives antipestielles. Strasbourg.

Samoilowitz, 1783a – *Samoilowitz, D.* (1783). Description de trois poudres fumigatives antipestilentiellees, inventées à Moscou par la commission conte le peste. Paris.

Samoilowitz, 1783b – *Samoilowitz, D.* (1783). Lettre a l'Académie de Dijon avec réponse a ce qui a paru douteux dans le Mémoire sur l'inoculation de la peste. Paris.

Samoilowitz, 1783c – *Samoilowitz, D.* (1783). Mémoire sur la peste qui en 1771 ravagea l'Empire de Russie, surtout Moscou, la Capitale Paris: Le Clerc.

Samoilowitz, 1787a – *Samoilowitz, D.* (1787). Lettre au sujet des reserches microscopiques sur le venin pestilentiel. Paris.

Samoilowitz, 1787b – *Samoilowitz, D.* (1787). Opuscules sur la peste qui, en 1771, ravagea Moscou; avec un discours aux élèves des hôpitaux de l'empire de Russie. Paris.

История становления и развития эпидемиологии в Российской империи

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Анатолий Владимирович Гончаренко ^a

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы становления и развития эпидемиологии в Российской империи, связанные с деятельностью ее основателя, выходца из Украины – Данилы Самойловича Самойловича. Проанализирован жизненный и творческий путь основателя отечественной эпидемиологии как науки, его роль в теории и практике борьбы с эпидемиями. Определено значение и влияние научных трудов Д. Самойловича на отечественную и зарубежную медицину XVIII в. для дальнейшего развития эпидемиологии в Российской империи.

Проанализированы главнейшие научные публикации Д. Самойловича, в которых он развивает идеи по борьбе с эпидемиями заразных заболеваний и предлагает оригинальное учение о чуме и системе мер борьбы с ней.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А.Е. Лебедь)

Показана роль Д. Самойловича в борьбе с московской чумой, а также на юге Украины. Благодаря инновационным решениям: дезинфекции вещей и жилищ чумных больных, вакцинации и др., Д. Самойловичу удалось не только погасить очаги эпидемии чумы, но и существенно снизить риски ее появления в будущем.

Обозначен имевший место конфликт между Д. Самойловичем и официальными властями, связанный с симпатиями великого ученого идеалам французской революции, членством в масонском ордене, антимонархическими устремлениями.

В статье утверждается значительное влияние идей и открытий Д. Самойловича на развитие европейской медицины, что нашло свое выражение в том, что он был избран членом 12 европейских академий наук, а его труды печатались на французском и немецком языках, а позднее и переиздавались. С именем Д. Самойловича связано и появление первых медицинских руководств на русском языке.

Помимо врачебной и научной, Д. Самойлович активно вел и общественно-просветительскую деятельность, поскольку был уверен в том, что эффективная борьба с эпидемиями возможна только с использованием системных мер на уровне не только государственного контроля и управления, но и с широким представительством общественности.

Проанализированы основные научные инновации Д. Самойловича в вопросах борьбы с эпидемиями.

Ключевые слова: чума, дезинфекция, вакцинация, инфекционные заболевания, политика в области здравоохранения, система здравоохранения, социальные детерминанты здоровья, общественное здоровье, история медицины в Украине, история медицины в Российской империи.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 82-92
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.82

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of Land Ownership among Kazakhs Nomads in the 18th – first half of the 19th centuries and its Reflection in the Legislation of the Russian Empire

Saken Z. Razdykov^{a,*}, Baurzhan N. Abdrakhmanov^b, Anara E. Karimova^b, Gulmira E. Otepova^b

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

^b Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Abstract

In this article the authors explore the origins, reasons and determine the chronological framework of the emergence of private ownership of pastures among the nomadic Kazakhs. Having studied archival sources, the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, testimonies of contemporaries and research of scientists, the authors conclude that these processes refer to the end of the 18th – beginning of the 19th centuries.

The issues of land use and land ownership among the Kazakhs who were engaged in nomadic cattle-breeding were and remain topical, since this problem is caused by the special role of land in nomadic society. Despite the polemics which have started in the 30's of the last century, up to the middle 50's of the XX century there was no unified opinion among scientists on the question of the nature, forms and the right of feudal property in Kazakhstan. The Soviet historiography was dominated by two opposite opinions: the first – since the times of the Karakhanid state (XI century) in Kazakhstan existed the right of feudal land ownership (S.V. Yushkov, S.Z. Zimanov, A.E. Erenov and others). The second point of view – in conditions of nomadic cattle breeding the basic means of manufacture was and remained the cattle, instead of land..., not possession of the land, but possession of cattle was a defining factor of exploitation (V.F. Shakhmatov, S.E. Tolybekov and others). One or the other position dominated at different periods in history, but scientists did not come to a consensus and the question remained unresolved in the historical literature.

Communal land use existed in Russia until the beginning of capitalism, but this does not mean that there was no private land ownership. In some Asian countries, communal land tenure coexisted in parallel with state ownership. There is no doubt that in the Steppe the main form of land use was communal land use (aul or clan), but the presence of communal land use does not negate the existence of private feudal property.

Keywords: Steppe, Kazakhs, nomads, nomadic way of life, parcel economy, land use, land tenure, private land ownership, feudalism, ownership of wells, permanent dwellings.

1. Введение

Исследование практики развития земледелия и землепользования у казахов в XVIII – первой половине XIX в. требует обращения к его историческому наследию. В экономическом отношении кочевые районы никогда не были самодостаточны, вследствие чего были плотно завязаны с оседло-земледельческими районами. Бичурин нашел сведения о тесных контактах кочевого скотоводства и земледелия в древнекитайских хрониках и летописях (Бичурин, 1953). «Элементы оседлости и земледелия, – писал С.П. Толстов, – всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство» (Толстов, 1934: 171). Взаимосвязь кочевничества и оседлости в разных регионах доказана в ходе

* Corresponding author

E-mail addresses: rasdikov@mail.ru (S.Z. Razdykov), abdrakhmanov_bayr@mail.ru (B.N. Abdrakhmanov), ake073@mail.ru (A.E. Karimova), g.oteпова.hist@mail.ru (G.E. Otepova)

археологических открытий А.Н. Бернштамом, С.П. Толстовым, А.Х. Маргуланом (Маргулан, 1950), подтверждена исследованиями современных археологов и этнографов.

Но изучение землевладения, появления частной собственности на землю при сохранении кочевого образа жизни как основного средства производства до сегодняшнего дня является научной проблемой, требующей своего разрешения.

2. Материалы и методы

Следуя логике нашего исследования можно выделить три группы источников: архивные, сборники опубликованных документов и источники личного происхождения.

1. Архивные материалы представлены документами Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Омской области (Омск, Российская Федерация), Центра хранения архивного фонда Алтайского края (Барнаул, Российская Федерация). Казахстанские архивы представлены материалами Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан).

2. Сборники опубликованных документов представлены «Материалами по казахскому обычному праву» (Материалы по казахскому обычному праву, 1948), статьями из «Полного собрания законов Российской Империи» (ПСЗ РИ), «Сборника узаконений о киргизах степных областей», составленного старшим советником Тургайского областного правления И.И. Крафтом (Крафт, 1898), изданного в конце XIX в., сборником законов и распоряжений «Переселение и землеустройство в Азиатской России», составленным В.П. Воцининым (Переселение и землеустройство, 1915); а также «Материалами по киргизскому землепользованию» (МКЗ), собранными в ходе экспедиций 80–90-х гг. XIX в.

3. К источникам личного происхождения относятся воспоминания, дневники, отчеты чиновников, путешественников и труды исследователей казахского традиционного общества XIX – начала XX вв. Среди них можно назвать работы «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.» (Путешествие через Сибирь, 1882), А.И. Левшина «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей», являющуюся энциклопедическим собранием сведений по истории и этнографии казахского народа (Левшин, 1832), Л.Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства» (Мейер, 1865), А.А. Кауфмана «Отчет старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации» (Кауфман, 1897), П. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», Л. Чермака «Формы киргизского землепользования» (Чермак, 1908). Среди этих работ можно выделить и труды казахских исследователей Ч.Ч. Валиханова «Аблай» (Валиханов, 1904), А. Букейханова «Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи» (Букейханов, 1903).

Методологической базой исследования послужили современные концепции и подходы к изучению кочевой культуры, которые предполагают отказ от господствовавших ранее постулатов и отношение кномадам как к равным в своем развитии, признание их прав на собственное целеполагание и контроль за своей эволюцией. Методы исследования: историко-этнографический, с помощью которого мы попытались воссоздать ретроспективную реконструкцию развития кочевого землепользования; тенденции развития собственности у кочевников позволил определить сравнительно-исторический метод; историко-ареальный – вывел нас на внутри- и межрегиональные явления, помог установить степень их интенсивности.

3. Обсуждение

Проблема возникновения собственности и ее разновидностей в кочевых обществах является до сих пор не решенной. Зарубежные аналитики, сравнивая кочевников Африки нового и новейшего периодов с оседлыми обществами, считали, что у них (кочевников) частная собственность является значительно менее полной и развитой, чем у оседлого населения (Dahl, Hjort, 1979). Но в то же время исследователи отмечают, что большинству кочевых обществ была присуща общинная собственность на пастбища, для которой характерно большее разнообразие, чем частносемейная либо частноиндивидуальная собственность на скот. В качестве примера они приводят номадов Восточной Африки (Culliver, 1955; Spencer, 1965; Dyson-Hudson, 1969), некоторые кочевые общества Судана (Cunnison, 1966; Asad, 1970), Сомали (Lewis, 1955: 331-332) или аль мурра (Cole, 1975). Это и понятно, так как исследователи считали основным средством производства скот, а земля рассматривалась как средство для содержания скота.

В XVIII в. кочевые казахи продолжают кочевать аулами по стабильным маршрутам, имея постоянные зимовки. Характерной особенностью аульной общины казахов была дуалистичность родовой (общинной) и частной собственности на средства производства. Производство было индивидуальным. Каждый самостоятельно обеспечивал свое существование. Главным распорядителем земель был хан, но распоряжались ею представители феодальной верхушки. Так, П. Рычков в своей «Топографии Оренбургской губернии», изданной в 1762 г., писал: «Что до Средней орды принадлежит, то она всегда особливых своих владельцев имела» (Рычков, 1762: 106). Под

«особливыми владельцами» П. Рычков, возможно, имел в виду султанов, управлявших этими землями и фактически являвшихся их собственниками. Каждый из влиятельных султанов имел свои зимовки, летовки, и большая часть этих угодий носила личные имена владельцев.

Относительно казахского землепользования XIX – начала XX вв. российские авторы опирались на точку зрения А. Левшина, утверждавшего, что казахи, занимавшиеся кочевым скотоводством, перекочевывая на длительные расстояния, не могут иметь постоянных жилищ и владеть землями (Левшин, 1832: 15). Большинство дореволюционных исследователей казахского общества в лице Т. Седельникова, А. Кауфмана, В. Остафьева, П. Хворостанского и др. придерживались концепции А. Левшина (Седельников, 1907).

К середине XX в. ученые выявили противоречия в понятиях «земельная собственность» и «землепользование» у кочевых народов. В 1954 г. в Ташкенте была проведена специальная научная сессия, на которой одним из основных вопросов было рассмотрение проблемы экономических основ кочевых обществ. По результатам научной дискуссии была принята резолюция сессии, где большинство ученых поддержали доктрину о существовании в кочевом казахском обществе феодализма, основой которого является частная собственность на землю (Материалы, 1955: 590).

Но в работах последующих советских авторов возобладал общий постулат об отсутствии земельной собственности. В основе такой точки зрения лежала аксиома ученых, утверждавших, что в условиях кочевого скотоводства пастбища находились в собственности рода. Ключевым становится положение о том, что кочевое скотоводство может сохраняться только при наличии больших «необитаемых пространств», используемых общинами для сезонных перекочевок (Шахматов, 1964; Марков, 1976; Толыбеков, 1971; Першиц, 1976). И данный постулат стал господствующим в исторической науке. Хотя еще в середине прошлого столетия С. Зиманов писал, что «методологически неправильно искусственное расчленение единого объекта отношений производства на две произвольно оторванные части – на скот и на пастбище» (Материалы, 1955: 133).

Что же касается современных российских и казахстанских этнографов, то в силу объективных и субъективных причин они практически не занимались вопросами земельной собственности и землевладения в кочевом обществе. Можно отметить, что проблемы нomaдизма продолжены в работах А.М. Хазанова, Ж.О. Артыкбаева и др., но освещаемые в данной статье проблемы исследователями глубоко не затронуты (Хазанов, 2000). В данном направлении интересные находки найдены казахстанскими археологами (Бейсенов, 2020; Koshman, 2020), но они еще не получили достойной интерпретации.

XXI век отмечен тем, что сегодня прошлое не является отдаленными от нас анналами. Древность становится активным, полноправным участником культурных и политических процессов современного общества, и проведение интегральных исследований истории, культуры, этнологии кочевых обществ приводит к формированию метапредметных навыков. Наступило время, когда нomaдология (кочевниковедение) должна объективно рассматривать все стороны хозяйственно-культурной системы казахов, систему землепользования, землевладения, земельной собственности.

4. Результаты

Изучение казахско-русских хозяйственных и других контактов не может проводиться вне контекста истории хозяйственно-культурных систем внутренней Евразии. Здесь параллельно развивались кочевническо-скотоводческие и оседло-земледельческие хозяйственно-культурные комплексы, внутри которых присутствовало множество подтипов и локальных вариантов. Появление кочевого скотоводства было прогрессивным явлением, которое привело к росту производительности труда на ранних ступенях развития человеческого общества, позволило человеку покорить новые пространства для обитания и хозяйственной деятельности.

Хозяйственные комплексы евразийской степи (скотоводческие и земледельческие) порой не совпадают с природными или политическими границами. Мы можем отмечать лишь свойство повышенной адаптивности кочевников-скотоводов, на которую оказывали воздействие экономические потребности, социальные аспекты, политические устремления представителей отдельных слоев и групп. Результатом влияния внешнего мира становится относительно быстрая модификация либо трансформация хозяйства. И, как подчеркивает один из классиков кочевничества, «этот внешний мир по отношению к кочевому обществу проявляется не просто созерцательной средой, а активной силой взаимодействия» (Хазанов, 2000: 323).

Для казахов, кочевавших на территории Степи, такой активной силой взаимодействия явилась Российская империя, приступившая к освоению Сибири, построившая к исследуемому периоду города и заинтересованная в укреплении и расширении торговых связей с Казахской степью. Уже в XVII в. русские торговые люди на стругах поднимались вверх по Иртышу за солью до Ямышевского озера, торговали на ярмарках. Так, посланник России в Китай Н.Г. Спафарий в 1675 г. пишет о Ямышевской ярмарке, на которую «приходят многие тысячи людей, калмыки (джунгары – Авт.) и бухарцы и татары торгуют с русскими людьми» (Путешествие через Сибирь, 1882: 43).

Укрепляются и политические связи. С XVII в. казахские ханы обратили более пристальное внимание на могущественного соседа – Российскую империю. Прагматичность ханов, вызванная

экономическими потребностями и давлением со стороны Джунгарии, склонила отдельных казахских правителей в XVIII в. принять подданство России.

В 50-е гг. XVIII в., после разгрома ее Цинской империей, Джунгария прекратила свое существование. Ш. Валиханов дал весьма точную формулировку случившимся событиям: «падение сильной Джунгарии навели на всю Азию панический ужас» (Валиханов, 1904: 114). И появление вместо Джунгарии Китая как еще более мощного конкурента в межгосударственном соперничестве за сферы влияния в Казахской степи сильно встревожило российских чиновников. Единственной кочевой цивилизацией в Центральной Азии остался казахский этнос. Государственные мужи пришли к единому мнению о необходимости форсировать свою наступательную политику в Центральной Азии. С этой целью стали укрепляться военные линии, строились крепости. Только на территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства протяженность укрепленной линии составляла почти 2 тыс. верст.

Для полнокровного существования парцеллярного кочевого хозяйства всегда были необходимы обширная естественно-природная территория и свободное, т.е. незаселенное, пространство. Основным средством производства кочевников являлась земля, к которой относятся пастбища и кочевья, пахотные земли, охотничьи территории и т.п. Казахи, сохранявшие кочевой образ жизни до 30-х годов XX века, вынуждены были кочевать в течение года на огромные расстояния. Беспрерывное кочевое передвижение было вызвано экономической необходимостью, обусловленной климатическими условиями и спецификой основного средства производства – скотоводства.

С XVIII в., после указа Анны Иоановны о протекторате, начинается изъятие пастбищных земель кочевников. Под изъятие попадали пастбищные земли, расположенные по берегам рек и озер, места зимовок, никем и никогда не оформленные де-юре, но де-факто закрепленные на основе традиционного права казахов. Неизвестный автор заметок о Казахской степи, написанных к началу 50-х годов XIX в., писал, что «...с глубины веков, по установившимся традициям, а это значит, что по понятиям казахов и фактическому владению, места зимовок принадлежат лицу, ...а также и скотопромышленникам...» (Материалы по казахскому обычному праву, 1948: 350).

По всей видимости, неизвестный автор был хорошо знаком с образом жизни и обустройством кочевого общества, когда пишет с «глубины веков». Действительно, согласно китайским летописям, относящимся к III–II вв. до н.э., у гуннов «у каждого есть отдельный участок земли» или «каждый имел отдельную полосу земли и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде». Эти сведения исследователи цитируют из трудов Бичурина (Материалы, 1955: 30). Они же приводят свидетельства более позднего времени о том, что «глава усуней Цылыми, носивший титул гуньмо, объявил, что «никто не смел пасти скот на его пастбищах» (Материалы, 1955: 30), т.е. все пастбища, все земли были закреплены за отдельными представителями родоплеменной верхушки, так как появление частной собственности на скот неминуемо приводит к возникновению частных владений на пастбища, считавшиеся ранее общинными.

В империи Чингиз-хана, с государством которого связывают расцвет кочевничества, особенно четко выступают феодальные отношения, что проявляется в установлении монополии племенной верхушки на право распоряжения землей. В. Рубрук в своем «Путешествии в восточные страны» отмечал: «Всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весной и осенью» (Рубрук, 1955: 69). И эти отношения неминуемо продолжают сохраняться и развиваться в казахском кочевом социуме.

Но, несмотря на такое закрепление, внутри русского общества с XVIII века культивируется мысль, что если бы в Степи появились частные владения, то кочевание на огромные расстояния было бы практически невозможно. В рамках господствующей позиции в 1870 г. были опубликованы «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой орде силу закона», собранные по распоряжению Л. Баллюзека, начальника Оренбургского областного управления. В материалах красной нитью проходит точка зрения, что у казахов «по условиям их кочевого образа жизни и при ежедневной почти перемене мест кочевания, согласно потребностям их скотоводства, не могло быть и нет поземельной собственности» (Баллюзек, 1871: 45-167). Такое категоричное утверждение дореволюционных исследователей было сформулировано под влиянием имперской политики русского государства.

Тем более что со второй четверти XVIII в. после принятия российского протектората господствующее положение в казахском обществе переходит к полуфеодалу-баю, а традиционная аристократия в лице султанов отходит на задний план. Именно среди родовой верхушки усиливается тенденция обособить в свое личное пользование наиболее благоприятные пастбища, которые, на фоне господства в степи захватного способа, могли быть заняты другими в любое время (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2342. Л. 1). Данный процесс ускорил развитие социальной дифференциации внутри казахских родов, стратификацию традиционной казахской общины.

Современная казахстанская историческая наука заявляет о том, что при изучении истории казахов она отошла от формационного подхода. Конечно, отказ от догм имперского и советского тоталитарного прошлого дал нам возможность исследовать определенные проблемы более открыто. В казахстанской историографии все еще сохраняет определенные позиции положение о том, что

казахский народ миновал стадию феодализма. Но отказ от формационного подхода не означает отказа от способа производства. Теоретики кочевого социума (Владимирцов, 1934; Потапов, 1954; Златкин, 1973; Krader, 1979) пришли к мнению, что в период расцвета кочевого общества владение пастбищами фактически принимает частнособственнический характер. На основе взглядов этих ученых и была принята Ташкентская резолюция специальной научной сессии о господстве феодализма в кочевом обществе казахов и существовании частной собственности на землю.

Земля, как субстанциональная основа жизнедеятельности человеческого сообщества, определяет основные контуры социальной и этнической организации, служит жизнеобеспечивающей силой. Те понятия, которые сформировались на европейском материале по вопросу отношения к земле, не совсем подходят к кочевому обществу, так как оно представляет другой тип культуры. Особенностью земельной собственности у казахов-кочевников было то, что она была замаскирована общинным землепользованием, так как кочевали они общинами и юридически земля не была закреплена за феодалами. Мы считаем, что нельзя отождествлять общинное землепользование и общинную собственность: общинное землепользование есть форма землепользования, а не собственность. Землей же фактически распоряжалась и владела родовая верхушка, в чьих руках находилась основная масса скота. Бийско-байской родовой верхушке при процессах формирования феодальной земельной собственности было удобно сохранение формального признания общинного землепользования на эти земли.

При исследовании хозяйственно-культурного комплекса кочевого казахского общества выясняется интересный момент: экономическая сторона вопроса о собственности отличается от собственности юридической. Понятие «собственность» составляют три полноценных компонента: право владения, право пользования и право распоряжения, причем «право распоряжения» представляется нам ключевым. Проработав законы Российской империи, мы отмечаем, что правительство постоянно держало под контролем вопросы землепользования казахов, о чем свидетельствуют законы и подзаконные акты того периода: «О состоянии дел в Оренбургской губернии» (1770 г.); «О не- продаже пустопорожних земель в Оренбургской губернии» (1770 г.); «О переселении киргиз-кайсаков из дальних степей во внутренность России» (1788 г.); «О переходе киргиз на внутреннюю сторону Урала» (1808 г.) (ПСЗ РИ) и т.д. То есть все эти нормативно-правовые акты касались пользования кочевниками-казахами тех или иных земель империи, но в основной своей массе, как пишут современники, «...неопределенность права по земельной собственности в казахском обществе представляет бездну недоразумений и замешательства» (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 404. Л. 25). И среди множества документов мы не нашли даже упоминания о наличии собственности на землю у казахов. Законотворцы предпочитали обойти вопросы собственности и, следуя позиции правящей верхушки, констатировать: земли, не отведенные казахам, «считать свободными». Также они подчеркивали, что экономическая категория собственности у кочевников продолжает оставаться явлением неопределенным. Но отсутствие законодательных актов, на наш взгляд, не означает, что частной собственности на пастбище как таковой не было.

Нам видится, что представителям царской администрации, как и дореволюционным российским исследователям, находившимся у нее на службе, было выгодно показывать неустойчивый характер поземельных отношений у казахов. Поэтому в «Материалах» экспедиции Щербины относительно Павлодарского уезда и отмечается, что процесс обособления еще не завершился: «здесь или совершенно нет границ между пастбищами, принадлежащими различным аулам, или эти границы настолько неопределенны, «нобай», как говорят киргизы, что выяснение их не представляется возможным» (МКЗ. Т. IV. 1903: 695).

В начале XX в. А. Кауфман отмечал существование захватного права, которое отождествляет с частной собственностью, но при этом данное право он признавал только за русскими крестьянами (Кауфман, 1897: 147). Его современник Л. Чермак, признавая наличие собственности на пастбища у кочевников, подчеркивает, что в некоторых случаях имеет место право захвата, а в других ситуациях закреплением пастбища может являться труд, приложенный к данному пастбищу. В большинстве случаев такое закрепление осуществлялось за счет строительства колодцев, то есть, соорудив такой колодец, кочевник фактически получал право на владение данной стоянкой, именуемой в казахском обычном праве «жүрт». Полученное таким образом право на стоянку распространялось и на пастбище – «өріс». Л. Чермак констатирует: «что одни и те же лица из года в год останавливаются на одних и тех же местах» (Чермак, 1908: 33).

Как долго казахи пользовались одними и теми же пастбищами, являясь фактически их владельцами? В «Материалах по казахскому обычному праву» написано: «Неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной устроены повторные приюты для своего скота», т.е. достаточно хотя бы два раза перекочевывать на это стойбище (Материалы по казахскому обычному праву, 1948: 85).

Регулярное пользование зимовками родовой аристократией является подтверждением процессов закрепления их в собственности знати, т.е. если представители родовой знати в течение определенного времени пользовались одними и теми же зимовками, то такое кыстау становилось фактически его собственностью. При подобном обособлении на зимних и летних пастбищах стали

устанавливать «оба» – вкопанные в землю каменные метки, на которых порой выбивали тамги (родовой или личный знак) (Koshman, 2020: 1104). «Оба» либо другая его форма – «бәлік тас» – оберегались адатом и шариатом, за нарушение которого налагалось большое взыскание.

Захватное право землепользования было крайне выгодно аульной верхушке, т.к. это позволяло ей захватывать в свои руки общинные земли и распоряжаться ими. Исследователи дореволюционного кочевого хозяйства приходят к мнению, что «потребность в таком регулировании землепользования явилась только тогда, когда значительно сократились зимние кочевки и многие хозяйства начали ежегодно приходить на одно и то же место и проводить на нем несколько зимних месяцев» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 159. Л. 45-450б.).

Прерогатива распоряжения кочевьями относилась к сфере феодального права и расширялась в зависимости от того, какое количество кибиток (семей), составлявших общину, состояло под властью бия или батыра. Права же рядовых скотоводов в пользовании зимовками были весьма условны, т.к. они были зависимы от родоправителей, и бийско-байская верхушка, сконцентрировавшая в своих владениях скот, всемерно пользовалась захватным правом на лучшие пастбища (Razdykov et al., 2019: 127).

Можно отметить, что уже с середины XVIII в. знать усиливает попытки обособить наиболее благоприятные пастбища. Исследователи казахского общества вводят понятие «қоуін» как одно из доказательств принадлежности пастбища тому или иному аулу. Қоуін – это стоптанный за время стоянки помет, и если кочевники оставили на этом пастбище қоуін, то теперь они могли считать данную стоянку своей, имели право устроить здесь кош на следующую зиму. «По величине қоуіна можно судить о количестве на нем пасшегося скота, следовательно, можно приблизительно определить и пространство окружающих пастбищ, которые используются этим скотом (орыс), что в свою очередь определяет местности, где могут быть основаны новые стоянки без стеснения скота первого зимовщика и последующих» (Чермак, 1908: 35).

Свидетельство Л. Чермака относится к началу XX в. Но более поздние исследователи отмечают, что уже «во второй половине XVIII в. интенсивно шло освоение лучших зимовок феодалами» (Материалы, 1955: 123).

Основываясь на документах Российского государственного исторического архива, академик Л.П. Потапов в 50-е гг. XX в. приводит материалы о том, что за период с 1830 г. по 1845 г. ханом Джангиром «было выдано 1 517 документов на владение земельными участками. В результате из 7 млн десятин земли 4 570 тыс. перешло в исключительное распоряжение 20 привилегированных семей Букеевской орды» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 8. Л. 3, 5). В других регионах Казахской степи отмечаются факты, когда наиболее влиятельные бии и батыры, стоявшие во главе казахских общин, могли контролировать большие кочевые маршруты, что расширяло их возможности присвоения обширных и лучших пастбищ. Как крупные скотовладельцы, они были заинтересованы прежде всего в личных обширных пастбищах, чтобы обеспечить скот хорошими кормами на зиму.

При выявлении проблемы собственности нельзя обойти стороной и собственности на колодцы – кудуки. В безводной степи колодцы имели первостепенное значение. При строительстве кудуков выбиралось наиболее подходящее место, на которое указывали обычно знающие аксакалы. Глубина колодца зависела от того, насколько глубоко протекала вода. Яму выкапывали со скошенными краями, в большинстве случаев без боковых срубов, т.к. дерево в степи – вещь довольно редкая. Поэтому такое примитивное устройство кудука требовало ежегодного ухода, т.к. края обваливались, и колодец засорялся. Большинство колодцев в степи использовалось только для водопоя скота, вода в них чаще всего была соленой. Встречались также кудуки, стенки которых выкладывались камышом, закрепленным вбитыми в дно колодца кольями. Никто не имел права стать на чужой вопопой. Устройство любого колодца – это труд не одного человека. Поэтому факт строительства колодца, потраченный на него труд, создавал право на определенную территорию. Участники экспедиции по исследованию казахского землепользования констатируют, что «такое значение колодцев объясняется именно тем, что воду можно достать далеко не везде, почему наличие воды и создает право на землю. Право это довольно прочное и охраняется ревниво: не говоря уже о том, что посторонние не допускаются к водопоям данной группы» (МКЗ. Т. 4, 1903: 203).

В приведенном здесь материале о колодцах мы видим еще общественную собственность, т.е. собственность рода. Но не следует забывать установку правительства на отсутствие собственности у кочевников. Исследователь кочевого общества Н. Масанов, выделяя особое значение природно-климатических условий для развития скотоводства, приходит к выводу, что определяющим фактором в кочевом обществе является не скот и не земля, а наличие водных ресурсов. Ученый выделяет два типа кочевого скотоводческого хозяйства: естественное водопользование и искусственное водопользование. При этом исследователь считает первичным фактор водопользования, а частной собственности на скот он отводит второстепенную роль (Масанов, 1995: 385).

На наш взгляд, вода (либо колодец) относится к земле, и строительство колодца – это труд, приложенный к земле. Строительство колодцев требовало затрат большого количества человеческого труда, который бедняк осилить никак не мог. Формально каждый скотовод имел право на рытье колодца. Но для маломощного хозяйства с его мизерными доходами было практически невозможно

изыскать средства для устройства колодца. За право пользоваться колодцем беднота батрачила на баев-феодалов. Собственность на колодцы фактически делала баев владельцами пастбищ.

О жилищах казахов. Среди исследователей казахского традиционного общества утвердилось мнение о том, что казахи начинают строить постоянные дома только к середине XIX в. Надо отметить, что данная точка зрения имеет своих сторонников и в наше время. Но современные этнографические, и особенно археологические, материалы опровергают это утверждение. Так казахстанским археологом А. Бейсеновым проведена разведка кыстау (зимовки) Акпокы выдающегося мыслителя Абая Кунанбаева в Восточно-Казахстанской области. Исследователь считает, что зимовка-кыстак Абая была построена в 60-е гг. XIX в. на месте старого кузека (осенняя стоянка) его отца Кунанбая. И эта территория выделена Кунанбаем своему сыну, т.к. он владел территорией от местности Баканаса Байкошкара до Аркааяика индивидуально, т.е. на правах частной собственности (Бейсенов, 2020: 255-266). Появление таких кыстау и кузеу уже связано с частной собственностью, ибо они являлись очагами собственности на землю, о чем свидетельствуют вещественные знаки собственности в виде «оба» или «белік тас». Здесь же, на зимовках, казахи хоронили своих сородичей, что является еще одним фактом наличия собственности на землю.

Современники, описывая состояние казахского общества в середине XIX в., отмечали, что положение кочевников ухудшилось вследствие бесконтрольного и бессистемного изъятия земли под строительство крепостей и казачьих станиц, а казахи были «должны довольствоваться тем, что дается им из милости казаками» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 29. Л. 2-20б.; РГИА. Ф. 338. Оп. 2. Д. 639. Л. 321). Мотивировка столь «справедливого» решения была простой: «войско казачье ...приобретает важное пособие для службы» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2294. Л. 45-450б.). В связи с таким положением кочевников даже предлагалось принять определенные решения: «При разрешении поземельного вопроса правительству необходимо принять такую меру, которая, с одной стороны, удовлетворяла бы современным требованиям народа, не нарушая его быта, а с другой – соответствовала бы выгодам России» (Мейер, 1865: 137).

Нерешенность земельного вопроса вынуждала казахов откочевывать за пределы традиционных мест кочевания, искать более приемлемые условия для содержания скота либо менять кочевой образ жизни (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9378. Л. 11-12).

В первой четверти XIX в. с так называемой «неопределенностью» казахских земель практически было покончено. М.М. Сперанским был подготовлен «Устав о сибирских киргизах» от 22 июня 1822 года, который практически означал полное присоединение Среднего жуза к царской России и ознаменовал окончание периода политики правовой неопределенности его подданства (ПСЗ РИ-1. Т. 38. № 29127: 417-433). Устав, внося кардинальные изменения в политическое обустройство казахского общества, не решал экономических проблем. Что же касалось земли, то в нем только указано, что земельные участки «выделялись», «отводились». Казахам предоставлялось право «иметь недвижимую собственность», но данным правом наделялась лишь та часть казахского населения, которая изъявила желание заниматься земледелием. Эти земли и постройки на них «переходят в наследство как недвижимая собственность» (Крафт, 1898: 26).

Анализируя законодательство Российской империи, мы видим, что до середины XIX в. государственные органы не приняли ни законов, ни подзаконных актов, полностью регулировавших земельные отношения в Степи. Эта прерогатива находилась в руках местной колониальной администрации. Мы полностью согласны с академиком С. Зимановым, который пишет: «Не сразу были выработаны правительством основные направления политики в земельном вопросе в Казахстане. Решение его вначале было почти всецело предоставлено на усмотрение местных пограничных властей. Неудивительно, что вплоть до середины XIX века в различных частях степи проводилась различная, порою противоречивая политика в отношении земли» (Зиманов, 1960: 248).

В конце 60-х гг. XIX в. вся территория Казахской степи вошла в состав Российской империи. В 1867–1868 гг. принято «Временное положение», которое практически разрушило традиционную модель казахской политической системы. Под новую систему управления теперь нужно было подвести экономическую составляющую, о чем было декларировано в статье 210 «Положения»: «Земли, занимаемые киргизскими кочевьями, признаются государственными и предоставляются в общественное пользование киргизов» (ПСЗ РИ-2. Т. 43. № 46581: 545-548). Таким образом, вместо традиционного верховного собственника в лице хана у казахов появился другой – абсолютистское русское государство, которому также нужно было платить налог.

Принятие новых законодательных документов юридически лишало казахов собственной земли. Об этом писал лидер партии «Алаш» А. Букейханов: «Считая землю своей собственностью, приобретенной кровью отцов, киргизы, при вступлении в русское подданство, не подумали, что государство позволит себе посягнуть на частную собственность; между тем, русское правительство создало законы, по которым без всякой мотивировки, просто по праву сильного, все киргизские степи признаются государственной собственностью...» (Букейханов, 1903: 156).

Законодатель никоим образом не хотел признавать за кочевниками право частной собственности на землю, о чем свидетельствует «Степное положение», поставившее точку в данном вопросе. Оно гласит: «Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном

пользовании кочевников, на основании обычаев и правил сего положения» (ПСЗ РИ. Т. 11. № 7574: 133-147). Тем самым царское правительство вновь пыталось возродить и сохранить уже изжитое у казахов родоплеменное деление, приспособив его к административным целям. Земли предоставлялись казахам только на основе общинного пользования.

Основываясь на анализе законов Российской империи, мы пришли к выводу, что вплоть до начала XX в. царская администрация не рассматривала вопрос о собственности на землю у казахов. И только в 1907 г. на правительственном совещании о землеустройстве казахов подняли проблему введения частной собственности на казахские земли. Но все же официальные лица обошли понятие собственности, предложив понятие «пользование окончательное, т.е. не подвергаемое новым изъятиям». И то это касалось только той части земель казахов, которые переходили в категорию «оседлых». Причем законодатель сам себе противоречит, признавая, что «...отвод земли в собственность был бы во всех отношениях более желательным» (Совещание о землеустройстве, 1907: 145).

Поворотным в решении данной проблемы становится 1909 г., благодаря Столыпинскому «новому» курсу в переселенческой политике. Участники Совещания, в свете событий 1905 г., были вынуждены пересмотреть взгляды относительно частной собственности на землю. Время показало, что нельзя уже относиться к народам окраин как к «инородцам», вследствие чего законодатель согласился с необходимостью введения частной собственности для казахов, но опять-таки, переходящих к оседлости, на равных основаниях с переселенцами. Данное положение было закреплено Инструкцией, имевшей силу закона (Переселение и землеустройство, 1915: 6-8).

5. Заключение

Проанализировав законодательство Российской империи, мы можем констатировать тот факт, что вплоть до начала XX в. российское самодержавие занималось только регулированием землепользования казахов, изъявивших желание перейти к оседлому образу жизни, что, по мнению распространенного в русском обществе европейского просвещения, считалось прогрессом. А относительно земельной собственности у кочевых казахов правительство придерживалось политики невмешательства, признавая лишь общинно-родовое землевладение, что в исследуемый нами период было лишь фикцией.

Уже с середины XVIII в. родовая знать наращивает попытки обособить наиболее благоприятные угодья. Доказательством принадлежности пастбища является «қоуін», свидетельством монопольного владения богатого скотовода на пастбище является наличие «оба», «бөлік тасов» и других видов маркировки. Все эти факты подтверждают процессы разрушения общинного землепользования и появление частного землепользования через его переходные формы. Но установкой самодержавия было непризнание частной собственности у кочевников, и только в начале XX в. царское правительство вынуждено было де-юре закрепить процессы приватизации пастбищ под личное пользование, которые сохранялись и продолжались практически на всем протяжении истории казахского традиционного общества.

Литература

Баллюзек, 1871 – Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона // ЗООРГО. Вып. 2. Оренбург, 1871. С. 45-167.

Бейсенов, 2020 – Бейсенов А.З. Чингистау. Размышления у старой зимовки Абая / Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Сборник научных статей. Барнаул, 2020. 342 с.

Букейханов, 1903 – Букейханов А. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. С. 138-175.

Валиханов, 1904 – Валиханов Ч.Ч. Аблай. Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. Том XXIX. СПб., 1904. С. 114.

ГАОО – Государственный архив Омской области.

Записки ИРГО – Записки Императорского русского географического общества. Вып. 2. Оренбург, 1872. 95 с.

Зиманов, 1960 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII – первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960. 296 с.

Кауфман, 1897 – Кауфман А.А. Отчет старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации // Департамент гос. земель. имуществ. СПб., 1896–1897. 140 с.

Крафт, 1898 – Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей / Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт. Оренбург, 1898. 884 с.

Левшин, 1832 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. 338 с.

Масанов, 1995 – Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; М., 1995. 735 с.

Материалы, 1955 – Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период / Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1955. 590 с.

- Материалы по казахскому обычному праву, 1948** – Материалы по казахскому обычному праву: Сб. 1 / Акад. наук Казах. ССР. Алма-Ата, 1948. 350 с.
- Мейер, 1865** – Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Ген. штаба подполк. Л. Мейер. СПб., 1865. 386 с.
- МКЗ** – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Экспедицией по исследованию степных областей: МЗ и ГИ. Департамент государственных земельных имуществ. Т. 4: Семипалатинская область. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903. 695 с.
- Переселение и землеустройство, 1915** – Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений // Сост. В.П. Воцинин / Под ред. Г.Ф. Чиркина. Петроград, 1915. 950 с.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской Империи. ПСЗ РИ-2. Т. 43. № 46581. Собрание 3-е: В 33 т. Т. 11. № 7574. СПб., 1891. С. 133-147.
- Путешествие через Сибирь, 1882** – Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // *Записки ИРГО по отделению этнографии*. Т. X. Вып. I. СПб., 1882. С. 43.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рубрук, 1955** – Рубрук В., Карпини И. История Монголов / Путешествие в восточные страны. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. 232 с.
- Рычков, 1762** – Рычков П. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 406 с.
- Совещание о землеустройстве киргиз, 1907** – Совещание о землеустройстве киргиз // Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. 145 с.
- Толстов, 1934** – Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // *Известия Государственного академического института материальной культуры*. Вып. 103. М.; Л., 1934. 171 с.
- Хазанов, 2000** – Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир = Nomads and the outside world. 3-изд., доп. Алматы, 2000. 603 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦХАФ АК** – Центр хранения архивного фонда Алтайского края.
- Чермак, 1908** – Чермак Л. Формы киргизского землепользования // *Сибирские Вопросы*. СПб., 1908. № 23–24. С. 21–43.
- Koshman, 2020** – Koshman T.V., Khabdulina M.K. Antiquinities of the Kazakh steppes in trafel notes of the Russian researcher I.P. Shangin // *Bylye Gody*. 2020. 57 (3): 1101-1112.
- Razdykov et al., 2019** – Razdykov S., Abdrakhmanov B., Aitkenov Z., Battalov K., Shabambaeva A. The Appearance of Agrarian Property in the Nomadic Society in Central Asia in the 18th and the First Half of the 19th Centuries // *Space and Culture India*. 2019. 6 (5): 124-135.

References

- Ballyuzek, 1871** – Ballyuzek, L. (1871). Narodnye obychai, imevshie, a otchasti i nyne imeyushchie, v Maloi Kirgizskoi orde silu zakona [Folk customs that had, and partly still have, the force of law in the Small Kyrgyz Horde]. *ZOORGO*. Вып. 2. Orenburg. Pp. 45-167. [in Russian]
- Beisenov, 2020** – Beisenov, A.Z. (2020). Chingistau. Razmyshleniya u staroi zimovki Abaya [Chingistau. Reflections at the old winter quarters of Abai]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraja: Sbornik nauchnykh statei*. Barnaul, 342 p. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1903** – Bukeikhanov, A. (1903). Istoricheskie sud'by kirgizskogo kraja i kul'turnye ego uspekhi [Historical destinies of the Kyrgyz region and its cultural successes]. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. SPb. Pp. 138-175. [in Russian]
- Chermak, 1908** – Chermak, L. (1908). Formy kirgizskogo zemlepol'zovaniya [Forms of Kyrgyz land use]. *Sibirskie Voprosy*. SPb., 23–24: 21-43. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State Archive of the Omsk Region].
- Kaufman, 1897** – Kaufman, A.A. (1897). Otchet starshego proizvoditelya rabot Kaufmana po komandirovke v Turgaiskuyu oblast' dlya vyyasneniya voprosa o vozmozhnosti ee kolonizatsii [The report of the senior producer of Kaufman's works on a business trip to the Turgai region to clarify the question of the possibility of its colonization] Departament gos. zemel. imushchestv. SPb., 1896–1897. 140 p. [in Russian]
- Koshman, 2020** – Koshman, T.V., Khabdulina, M.K. (2020). Antiquinities of the Kazakh Steppes in Trafel Notes of the Russian Researcher I.P. Shangin. *Bylye Gody*. 57(3): 1101-1112.
- Kraft, 1898** – Kraft, I.I. (1898). Sbornik uzakoneni i kirgizakh stepnykh oblastei [Collection of laws on Kyrgyz steppe regions]. Sost. st. sovetnik Turg. obl. pravl. I.I. Kraft. Orenburg. 884 p. [in Russian]
- Levshin, 1832** – Levshin, A.I. (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak hordes and steppes]. SPb., 338 p. [in Russian]
- Masanov, 1995** – Masanov, N.E. (1995). Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva [Nomadic civilization of Kazakhs: fundamentals of nomadic society]. Алматы; М., 735 p. [in Russian]

[Materialy 1955](#) – Materialy Ob"edinennoi nauchnoi sessii, posvyashchennoi istorii Srednei Azii i Kazakhstana v dooktyabr'skii period [Materials of the Joint scientific session devoted to the history of Central Asia and Kazakhstan in the pre-October period]. Tashkent: Izd-vo Akad. nauk UzSSR, 1955. 590 p. [in Russian]

[Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu, 1948](#) – Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh customary law: Sat. 1]: Sb. 1. Akad. nauk Kazakh. SSR. Alma-Ata, 1948. 350 p. [in Russian]

[Meier, 1865](#) – *Meier, L.L.* (1865). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Kirghiz Steppe of the Orenburg Department]. Sost. Gen. shtaba podpolk. L. Meier. SPb., 386 p. [in Russian]

[MKZ](#) – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye Ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the Expedition for the Study of Steppe Regions]: MZ i GI. Departament gosudarstvennykh zemel'nykh imushchestv. T. 4: Semipalatinskaya oblast'. Pavlodarskii uезд. Voronezh, 1903. 695 p. [in Russian]

[Pereselenie i zemleustroistvo, 1915](#) – Pereselenie i zemleustroistvo v Aziatskoi Rossii. Sbornik zakonov i rasporyazhenii [Resettlement and land management in Asian Russia. Collection of laws and regulations]. Sost. V.P. Voshchinin. Pod red. G.F. Chirkina. Petrograd, 1915. 950 p. [in Russian]

[PSZ RI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. PSZ RI-2 T. 43. № 46581. Sobranie 3-e: V 33 t. T. 11 [The complete collection of laws of the Russian Empire. PSZ RI-2. Vol.43. No. 46581. Meeting 3rd: in 33 vol. t. 11]. № 7574. SPb., 1891. Pp. 133-147. [in Russian]

[Puteshestvie cherez Sibir', 1882](#) – Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 g. [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675]. *Zapiski IRGO po otdeleniyu etnografii*. T. Kh. Vyp. I. SPb., 1882. P. 43. [in Russian]

[Razdykov et al., 2019](#) – *Razdykov, S., Abdrakhmanov, B., Aitkenov, Z., Battalov, K., Shabambaeva, A.* (2019). The Appearance of Agrarian Property in the Nomadic Society in Central Asia in the 18th and the First Half of the 19th Centuries. *Space and Culture India*. 6 (5): 124-135.

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

[Rubruk, 1955](#) – *Rubruk, V., Karpini, I.* (1955). Istoriya Mongolov. Puteshestvie v vostochnye strany [History of the Mongols. Journey to the Eastern countries]. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 232 p. [in Russian]

[Rychkov, 1762](#) – *Rychkov, P.* (1762). Topografiya Orenburgskoi gubernii [Topography of Orenburg province]. Orenburg, 1887. 406 p. [in Russian]

[Soveshhanie o zemleustrojstve kirgiz, 1907](#) – Soveshhanie o zemleustrojstve kirgiz (1907) [Meeting on land management Kirghiz]. Zhurnal Soveshhaniya o zemleustrojstve kirgiz. SPb [in Russian]

[Tolstov, 1934](#) – *Tolstov, S.P.* (1934). Genezis feodalizma v kochevy`x skotovodcheskikh obshchestvax [The genesis of feudalism in nomadic pastoral societies]. *Izvestiya Gosudarstvennogo akademicheskogo instituta material'noi kul'tury*. 103: 171. Moscow-Leningrad. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[TsKhAF AK](#) – Tsentr khraneniya arkhivnogo fonda Altaiskogo kraja [Center for the storage of the archival fund of the Altai Krai].

[Valikhanov, 1904](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1904). Ablai. Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Ablay. Collected works in 5 volumes]. Tom XXIX. SPb. P. 114. [in Russian]

[Xazanov, 2000](#) – *Xazanov A.M.* (2000). Kochevniki i vneshnij mir [Nomads and the outside world]. Almaty. [in Kazakh]

[Zapiski IRGO](#) – Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva (1872) [Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vyp. 2. Orenburg. [in Russian]

[Zimanov, 1960](#) – *Zimanov, S.Z.* (1960). Politicheskii stroi Kazakhstana kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v. [The political system of Kazakhstan at the end of the 18th – the first half of the 19th centuries]. Alma-Ata, 296 p. [in Russian]

К вопросу о земельной собственности у кочевников-казахов в XVIII – первой половине XIX вв. и ее отражение в законодательстве Российской империи

Сакен Зейнуллович Раздыков ^{a, *}, Бауржан Нариманович Абдрахманов ^b, Анара Еркеновна Каримова ^b, Гульфира Елюбаевна Отепова ^b

^a Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

^b Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rasdikov@mail.ru (С.З. Раздыков), abdrakhmanov_bayr@mail.ru (Б.Н. Абдрахманов), akeo73@mail.ru (А.Е. Каримова), g.otepova.hist@mail.ru (Г.Е. Отепова)

Аннотация. В данной статье авторы исследовали истоки, причины и хронологические рамки зарождения частной собственности на пастбища у кочевых казахов. Проработав архивные источники, Полное собрание законов Российской империи, свидетельства современников и исследования ученых, авторы приходят к выводу, что эти процессы относятся к концу XVIII – началу XIX веков.

Вопросы землепользования и земельной собственности у казахов, занимавшихся кочевым скотоводством, были и остаются актуальными, т.к. эта проблема обусловлена особой ролью земли в кочевом обществе. Несмотря на полемику, начатую в 30-х гг. прошлого столетия, до середины 50-х гг. XX в. среди ученых не выработалось единого мнения по вопросу о характере, формах и праве феодальной собственности в Казахстане. В советской историографии господствовали два противоположных мнения: первое – еще со времен Караханидского государства (XI в.) в Казахстане существовало право феодальной поземельной собственности (С.В. Юшков, С.З. Зиманов, А.Е. Еренов и др). Вторая точка зрения – в условиях кочевого скотоводства основным средством производства был и оставался скот, а не земля..., не владение землей, а владение скотом являлось определяющим фактором эксплуатации (В.Ф. Шахматов, С.Е. Толыбеков и др.). Та либо иная позиция доминировала в различные периоды в истории, но ученые не пришли к единому мнению и вопрос остался не решенным в исторической литературе.

Общинное землепользование просуществовало в России вплоть до начала капитализма, но это не означает, что не было частного помещичьего землевладения. В некоторых азиатских странах общинное землепользование параллельно сосуществовало с государственной собственностью. Без сомнения, в Степи главной формой землепользования выступало общинное землепользование (аульное либо родовое), но наличие общинного землепользования не отрицает существования частной феодальной собственности на пастбища.

Ключевые слова: Степь, казахи, кочевники, кочевой образ жизни, землепользование, землевладение, частная собственность на землю, феодализм, собственность на колодцы, постоянные жилища.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 93-99
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.93

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“To Judge by the Letter of the Law”: Cases Filed to Peasant Crown Courts in the Central Urals, 1780s-90s

Alice Plate ^{a, *}

^a Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the question of Justiznutzung or uses of justice at Russian provincial courts during the 1780-1790-ies. Catherine II`s judicial reform (1775–1785) introduced an estate-based court system. For the first time in Russian history, positive law was extended to part of the peasantry. In districts with a high percentage (at least 30 %) of personally free rural dwellers, courts of first instance, so called nizhnye raspravy were opened, thus giving this population group the possibility to seek justice in a crown court. In the Perm vicegerency (1781–97), however, this opportunity was seldom exploited: criminal and civil cases constituted less than a fifth of court business per year. This contribution will not focus the “classic” question of whether peasant courts were frequented or ignored. Its aim is to concentrate on those situations and constellations when customary law failed to satisfy the plaintiff`s needs, leading to them appealing to the norms positive law and its institutions to receive a just decision. Most of the time, proceedings at a crown court opened ex officio. But this was not exclusively the case: court records kept in the state archive of the Sverdlovsk region show that the peasant commune regarded a conflict within its social context and only then decided whether to turn to the norms of positive law to restore justice. Given this, the low court activity at the nizhnye raspravy cannot be explained by the dualism of law and legal nihilism among the peasantry. It is more appropriate to speak of legal pluralism, the juxtaposition of several valid legal forms to whose norms people were free to turn.

Keywords: Justiznutzung, history of the 18th century Urals, legal reform of Catherine II, customary law, Perm vicegerency, volost courts.

1. Introduction

This article begins with a story, a case that happened in Alapayevsk uezd, a mining district about a hundred kilometers northeast from Yekaterinburg in the Central Urals in the early 1790s.

In February 1792, the Alapayevsk police were called to Glinskaya volost to carry out an investigation in a case of theft. Avrosy Prichinin, a peasant of the village of Sokolova, had stolen a rifle from Ivan Rasputin, a peasant from the village of Pershina. Sounds like an ordinary case, and it would have been one among many others if the incident had not happened more than a decade ago. In the summer of 1781, 17-year-old Prichinin was at the hay harvest, and next to him worked peasants from the neighboring village of Pershina. From their conversation, he learned that one of them, the aforementioned Ivan Rasputin, kept a rifle in his shed. On one of the following nights he went to Pershina and stole it. But Prichinin didn`t much enjoy the rifle – he only went to the forest a few times to shoot, the rest of the time hiding it in his house. He was haunted by remorse; a year later he took the rifle to the mirskaya isba, repented and paid a fine. The rifle was returned to its owner, and Prichinin was forgiven. Then the matter was forgotten. Prichinin matured, acquired a house and started a family. He regularly attended confession and never came into conflict again

* Corresponding author

E-mail addresses: aliceplate@mail.ru (A. Plate)

with the law. Nevertheless, the case was reopened: this time the trial was not held at the volost court, as Prichinin was reported to the police (GASO. F. 771. Op. 1. D. 106. L. 2–16).

One of the innovations of Catherine II's judicial reform (1775-1785) was the introduction of an estate-based court system. Implementing the principle of *vnutrisoslovnnoe ravenstvo*¹, which was already propagated in the *nakaz* of 1766, positive law was extended to part of the peasantry (Efremova, 2011: 8). In districts with at least 30% of personally free rural dwellers, courts of first instance (so-called *nizhnye raspravy*) were opened, thus giving this population group the opportunity to seek justice in a crown court² (PSZRI-1. T. 20. № 14392).

By the standards of the 18th century, extending positive law to part of the peasantry can be considered a fairly bold decision. In its realization of this project, the government showed great caution; the peasants, in turn, were no less reserved about their newly acquired rights. In the Central Urals³ this opportunity was seldom exploited. Though state peasants, mineworkers, coachmen, and representatives of indigenous peoples made up 95 % of the total population in the Perm vicegerency (1781-97), court activity at the *nizhnye raspravy* was low. Criminal and civil cases constituted no more than 17.5 % of court business per year (Balbashevskii, 189: 24-47; GAPK. F. 53. Op. 1. D. 5. L. 2 ob. 18. D. 9. L. 33, 36 47; GASO. F. 491. Op. 1. D. 46. L. 112, 121ob., 130. D. 98. L. 46, 53, 62. D. 296. L. 9, 18, 26 ob. D. 299. L. 37, 51, 60ob.).

In this article I will not focus on the “classic” question of whether peasant courts were frequented or ignored. Instead, I will try to gain an understanding of when and under what circumstances people did appeal to the norms of positive law and its institutions. In order to answer this question I suggest to take a closer look at the lower courts that ranged below the crown court system and subsequently concentrate on those situations and constellations when customary law failed to satisfy the plaintiff's needs.

Studying this issue in the Central Urals seems to be promising for at least two reasons. As already mentioned, in the Perm vicegerency, the vast majority of the population belonged to the category of “free rural dwellers”. In addition, here (as well as in the other non-European regions of Russia), the “Statute for the Administration of the Provinces”, the initiating document of Catherine's judicial reforms, was implemented almost simultaneously with the “small reform” of the Perm and Tobolsk Governor-General E.P. Kashkin, which was aimed at the “governmentalisation” of the peasant commune and the volost courts.

2. Materials and methods

The present research is based mainly on unpublished sources. In order to find out for what reason, in which cases and under what circumstances the free rural population of the Perm vicegerency turned to a crown court for settling legal conflicts, we analysed quite a large number of court records that are kept in three fonds of the State Archive of the Sverdlovsk Region (GASO): Alapaveskaya nizhaya rasprava (F. 771), Verkhoturskaya nizhnaya rasprava (F. 491) and Yekaterinburgskaya nizhnaya raspava (F. 591).

These court records contain valuable quantitative and qualitative data. From them we learn about the number and types of crimes (property offences, crimes against the state, crimes against the person) mostly committed in the region and period under consideration. In addition, which is of no less significance in our case, these documents include information about the place and time of the crime, the course of events and about the court's decision. The excerpts of the witness transcripts give an idea about the litigants and other persons involved in the case. Information on age, marital and educational status, their financial situation and social affiliation help to shed light on the motives for filing a complaint to court, and maybe even on the story that hides behind it.

A useful method to answer the questions formulated above is the concept of *Justiznutzung* or uses of justice, which was introduced by the German historian Martin Dinges at the beginning of the century (Dinges, 2004: 159-175; Dinges, 2000: 503-544). The aim of this notion is to shift the attention of researchers from the top-down approach of social control preferred in older studies on crime and deviance in early modern period to a more nuanced bottom-up perspective.

According to Dinges early modern courts occurred to be not merely an instrument in the hands of state authorities to impose social discipline on their subjects by means of implementing norms and laws. Rather, he argued the population of this period made active use of the state's juridical infrastructure in an instrumental way. Following this line of argumentation the filing of an official complaint to local court was one in a multitude of options available to ordinary people for settling a conflict that started out of court.

3. Discussion

In Russia, the discussion about the preparedness of the peasants to seek the assistance of courts for the resolution of their legal problems was not new. Two camps predominate the Russian and western scholarly literature. From one camp's point of view, legal dualism was an unsurpassable obstacle to any cooperation between the village and the state. According to this view, the Russian peasantry was characterised by a legal nihilism based on their social position and the legal and religious context. In order to resolve conflicts, they frequently resorted to extrajudicial methods, such as lynching or arson (Baberowski, 1996; Engelstein, 2003: 338 353; Kucherov, 1953; Pipes, 1974: 187 197; Wortman, 1976).

The representatives of the other camp regard these elemental “just retaliations” as isolated acts that derived from hopeless and were the exception rather than the rule. They attribute to the peasantry a rather high level of

legal consciousness. The rural population was not only well versed in the legal framework, but also demonstrated the ability to apply this knowledge before the court in order to defend their interests and receive satisfaction. The legal institutions created by the government were adapted to the needs of the peasants, who turned to them willingly (Burbank, 2004; Czap, 1967: 149-178; Farnsworth, Popkins, 2000: 90-114).

Regarding the Ural region during the reign of Catherine the Great, the question of rural court activity has been discussed in the works of V.A. Voropanov. This historian maintains the position that the policy aimed at 'governmentalizing' the court system was entirely successful. They protected normative and institutional pluralism, allowing the population access to alternative procedures for minor offences: they thus satisfied the requirements of villagers. The nizhnye razpravy and the lower courts outside the crown judicial system fulfilled the function assigned to them by the legislator (Voropanov, 2015: 104-120; Voropanov, 2002: 137-160).

While I do not desire to entirely reject this optimistic view, it is nonetheless worth mentioning that the author seems to be entirely dependent on a bird's-eye view of the issue. An analysis of legal documentation and the cases tried in the nizhnye razpravy of the Central Urals reveals a less one-dimensional picture. Equally, in order to evaluate the judicial activity in peasant courts, I believe it is advisable to expand the research base by trying to account for the norms of customary law.

4. Results

In order to find out why the nizhnye raspravy were rarely frequented, I would suggest taking a closer look at the lower courts below the crown court system.

Catherine II's legal reform did not stop at district level: a logical consequence of the introduction of an estate-based court system was the "governmentalisation" of traditional justice. As for the rural estates, the legislator sought to systematically incorporate peasant communities into the mechanism of public authority. Subsequently, during the last third of the 18th century the government launched a number of decrees aimed at the regulation of the peasant mir and the formalization of its judicial status. Approval was given to such local regulatory enactments as the "Instruction for the establishment of parish courts" by the Perm and Tobolsk Governor-General E.P. Kashkin (1782) and the "Establishment of a rural order in state-owned villages in Yekaterinoslav gubernia" (1787). Three years later these local regulatory acts, which confirmed for rural communities the status of a collective legal subject, were extended to other regions of the Russian Empire (Apkarimova i dr., 2003: 23; Dunaeva, 2010: 15-16).

In the Central Urals, the Statute for the Administration of the Provinces and the so-called "small reform" of General Governor Kashkin were implemented almost simultaneously. The latter focused on the establishment of *volost* courts. The document enclosed instructions for staffing the judiciary apparatus of these courts, specified the requirements that candidates applying for the position of judge had to meet and also gave a detailed description of their responsibilities and duties.

The "reformed" *volost* courts were supposed to fulfill two government intentions: firstly, they should "release" the crown courts and, secondly, they were meant to provide peasants with "their own" less bureaucratic courts. In order to make them more attractive to peasants, justice was exercised according to the norms of customary law. The courts had conciliative functions, and the proceedings were heard orally.

Their judicial and procedural competencies, however, were formulated less clearly. The jurisdiction of the *volost* courts was limited to deciding on "minor disputes". But what exactly was meant by this was not specified. There was no definition or list of cognizable cases, this is of those crimes that fell under jurisdiction of the *volost* justice. A judgment of the *volost* court was not binding. When the litigant did not agree with the decision or when it failed to meet his expectations, he was entitled to appeal to the competent crown court of first instance (Akishin, 2003: 73-83; Suvorova, 2008: 100-104).

Among the criminal law cases which were heard at the nizhnye raspravy of Alapaevsk, Verkhoture and Yekaterinburg in the last decades of the 18th century, property offences ranked first (45 %) (GASO. F. 491. Op. 1; F. 591. Op. 1; F. 771. Op. 1). Almost half of the committed crimes cases of petty theft (the theft of movables whose total value did not exceed 20 rubles) (PSZRI-1. T. 21. № 15147; № 15483; № 15657). Usually the delinquents were men of all age groups. Concerning their social state, most persons having committed such a crime belonged to the middle strata of rural society. Almost all of them regularly performed their religious duties. They were married, had children and were wealthy enough to have a "home of their own". As for their level of education, none of them could read and write (GASO. F. 491. Op. 1. D. 233. L. 12; d. 321. L. 7; d. 384. L. 4; F. 771. Op. 1. D. 14. L. 3).

People were prone to steal anything that was "badly placed": boots, clothes, tools, food supplies and money. They stole producer goods like iron, iron ore or copper. Thieves and their victims used to know each other. They were neighbours whose paths crossed in the market, at the tavern, and during fieldwork. Sometimes their contact was job-related or the thief abused the confidence of a person who had offered him a place to sleep at his house (GASO. F. 491. D. 40. L. 1 9; F. 591. Op. 1. D. 12. L. 1 4; F. 771. Op. 1. D. 106. L. 5). These crimes were committed spontaneously and left the thief facing the problem of where to keep the stolen goods. Typical hiding places were the *seni* (entrance hall), root cellars or just a pit in the yard. Things were hastily buried somewhere in the snow or in a nearby forest. Thieves sought to sell these items in the market or bartered them for something more suitable (GASO. F. 491. Op. 1. D. 196. L. 40b. 7; F. 771. Op. 1. D. 55. L. 5).

This category is followed by crimes against the state. In the Central Urals, this category mainly consisted of cases of flight or attempts to flee from the mining and metallurgical plants. One reason for such high rates might have been the broad corpus delicti. Under this article fell all violations of the passport regime (PSZRI-1. T. 14. № 10233). In addition, not only were the fugitives themselves persecuted by government organs, but also anyone who either offered help or knew the delinquent's whereabouts (PSZRI-1. T. 15. № 10987; t. 16. № 11750; t. 17. № 12352; t. 22. № 16078).

This kind of crime was mainly committed by mineworkers. According to interrogation records, most of them had fled because of a threatening or recent transfer from one plant to another and the fear of being separated from parents, wives and children (GASO. F. 491. Op. 1. D. 306. L. 1 6. See also: GASO. F. 491. Op. 1. D. 227, 229, 281, 288. F. 771. Op. 1. D. 19, 107). Others preferred a life in the underground to criminal process. Old Believers could live for years in the forests near the Nevyansk and Nizhny Tagil plants (GASO. F. 491. Op. 1. D. 314, 332, 362. F. 771. Op. 1. D. 179).

Runaways were considered to be so-called *otkhodniki*. Provided with an *otkhodnichiy bilet*, a real or a fake one, or even "without any written document", they left their homes and signed up for work in trade caravans. With enviable regularity, they changed location, employer and identity. On the quays along the Volga and Kama, few people showed an interest in the origin of their documents. The number of printing houses was low, literacy was poorly spread, and workers who offered their skills on the free labor market were sought after (GASO. F. 771. Op. 1. D. 81, 85).

Fights and verbal confrontations such as insults, threats, harassment and slander were part of village life and therefore were not considered a reason to launch a lawsuit. Despite this, most cases heard at the *volost* courts fell into this category, which might be one of the reasons why crimes against personality were comparatively seldom brought before the *nizhnye raspravly*.

According to archival records, violent crime made up quite a low percentage (13 % of the total). Most were cases of domestic violence. The victims of these family dramas were illegitimate children, daughters and, above all, wives (GASO. F. 591. Op. 1. D. 12. L. 1 260b.). Outside the family, violence usually followed drawn-out tension. The scene of crime was usually the local tavern or a private house. Alcohol played a key role and often gave the necessary boost to smoldering conflicts and personal animosity (GASO. F. 491. Op. 1. D. 218. L. 1-8; F. 771. Op. 1. D. 104. L. 1-29).

Re-establishing justice was the main goal both in positive law and in common law. However, opinions differed on how to reach this state. According to the ideas of customary law, the main function of justice was to reconcile the parties before the court. An important step in settling conflicts was the culprit's willingness to repent. But in those cases where such a conciliative approach occurred to be ineffective, peasant communities sought justice by turning to other sources of law, such as, for example, the verdict of a crown judge. Positive law held different views on justice, based on the coordinates of crime and punishment. According to this conception, the main aim of criminal law was not compensation, but to fine and sentence lawbreakers.

Therefore, the question is: in which situations did the peasant courts fail to fulfil the claim for justice? In this context, the focus should not be laid on crimes regarded as serious according to both positive and customary law. These were (on this both sides unanimously agreed) some types of crime against the person, for instance public insult of a representative of authority, grievous bodily harm, arson, crimes against morality and certain types of property crime. These types of crime, without question, aroused public anger, horror or disgust, and sometimes it was simply impossible to hide them from the local authorities' eyes. In such cases, legal proceedings opened *ex officio* or due to a complaint from a private person.

In my opinion, this will make more sense if we focus on property offences, as on those crimes positive and customary law held different views. While in positive law any violation of another person's property rights was sanctioned, in customary law theft was considered merely a personal offense. Because of this in village jurisdiction thieves were sentenced only lightly – trespassers usually got away with a short-term arrest or by paying compensation. When the parties reached an amicable settlement at the *volost* court, the thief would be released without any punishment at all.

In my analysis I draw on the studies of Vladimir Borisovich Bezgin, which are based on ethnographic sources (Bezgin, 2013b: 1373-1380; Bezgin, 2012). Though these materials on customary law and *volost* justice refer to the European part of Russia and reflect the situation in the 19th century, I consider it is possible to project the conclusions that Bezgin made to the Central Urals in the late 18th century. Most inhabitants of the Perm vicegereny descended from peasants who, during the previous centuries, had migrated from European Russia to its eastern provinces; due to the closed nature of the rural world, the norms of customary law did not undergo fundamental changes.

These works deliver an explanation of why in customary law some forms of theft were not considered a crime. For example, the theft of small amounts of food and small household items, especially when taken to secure survival, was not regarded as immoral and subsequently was not prosecutable. In contrast to positive law, customary law took into consideration the personhood of both the delinquent and his victim. Moreover, because of the closed nature of rural communities peasant mentality strictly divided people into friend and stranger. As part of the latter they viewed any representative of the authorities as well as persons from other population groups.

When deciding legal matters, volost judges would take into account personal criteria such as the social and financial situation of the persons involved into the case. Culprits were judged according to their reputation as a neighbour, head of a family and taxpayer, as well as with regard to their behaviour during the trial. Recognition and repentance were essential mitigating factors. In addition, rural courts ascribed importance to the circumstances of the crime: burglary or stealing things from closed rooms or vessels were seen as an aggravating factor (Bezgin, 2013a: 302-305).

Given this, the theft cases dealt with at the nizhnye raspravy appear in another light. According to positive law, most fell into the category of minor property offences. But when we look at them from the point of view of a person thinking in terms of customary law, things are quite different.

In the files of the nizhnye raspravy, the overwhelming majority of thieves appeared as first offenders - as representatives of the rural middle class who had previously not come into conflict with the law. However, this did not necessarily mean that their reputation within the peasant community was equally immaculate.

For the volost justices, as the following example shows, some of them did not exactly possess what one would call a blank slate. In the fall of 1788, the nizhnaya rasprava at the district town of Alapaevsk heard the case of the state peasant Grigory Shibayev from the Glinskaya volost. The 39-year-old family head was in need of money. In spring he had borrowed seeds from other peasants, and now in August, as the harvest was being brought in, he was touring the villages to return his debt. On his way home to his native Kamenka, he passed the village of Lenevka late in the evening, where his friend Isaak Zharableev lived. In his house a window was open, and, probably wishing to improve his modest family budget, Shibayev broke in and stole two coats made from lambskin, a caftan, shirts, four bales of wool and a couple of other things. He hid the stolen goods not far away from his place in the forest, planning to sell them later. To the volost judge Shibayev was a known quantity: he had already fined him several times for having stolen small amounts of grain and clothes (GASO. F. 771. Op. 1. D. 55).

Cases like this show that volost courts probably only decided to hand over a matter to crown justice when a critical mass of aggravating circumstances was exceeded. The reason for this might be the way crime was defined in customary law. In contrast to positive law, the peasants' notion of crime was broad and meant more than just breaking the law. As the origin of crime was seen in the sinful nature of man, to them a person who had committed a crime was a victim of unfortunate circumstances rather than a culprit. Given this, in peasant society the attitude towards first-time offenders was tolerant: about a person who had never come into conflict with the law before, one used to say that "the devil had confused him" (Bezgin, 2013a: 307).

Forbearance, however, did not last forever. Closely connected with the concept of justice was that of usefulness. If this balance was disturbed, that is, when a person was no longer able to contribute to the community's well-being because of his behavior, protection was denied. Peasant communities strove to exclude exploiters and criminal elements: virtually forever by sending them to the army or temporarily by transferring the matter to a crown court.

When a person had the reputation of being prone to stealing, mere suspicion could be sufficient grounds to report him to the police. In December 1789 at the Baranchinsky plant in the district of Verkhoture three horses were stolen from the brothers Savva and Yefim Fedotov. At practically the same time, a second crime was committed in this settlement: Clothes worth about 16 rubles belonging to a serf named Yakim Shlyapnikov went missing. In both cases, suspicion fell on Danilo Bepalov, one of the residents of the Baranchinsky plant. When it became clear that there would not be sufficient evidence to arrest Bepalov for having stolen the horses, investigation focused on the theft. The mineworker Ivan Doronin, a pub acquaintance of Bepalov, was a willing witness (GASO. F. 491. Op. 1. D. 233. L. 1-29).

It should be noted that, in most cases, legal action was the last act in a conflict scenario with a long history, and filing an official complaint with the police was just one of many options. As the incident about the stolen rifle mentioned in the introduction to this paper shows, the plaintiffs did not act on a whim. Stepping out of the sub-system of the lower courts was a well-considered decision made to pursue a concrete goal.

I am almost certain that the prosecutors knew about the consequences of their actions when they reported Prichinin to the police. Property offences were a widespread phenomenon, and the law "on three types of theft" (о трех родах воровства) (PSZRI-1. T. 21. № 15147) had been launched more than a decade prior. The court assessed the value of the rifle at two rubles, which even in those times was a negligible amount of money. Prichinin could have completed his sentence within a short time. Everyone involved in this case probably knew about the triviality of this matter. But that was not the point. Having paid the fine, Prichinin would be a different person, a criminal who had broken the norms of positive law. This did not happen. The police handed the case over to the nizhnaya rasprava, which stopped the proceedings due to their insignificance. Prichinin signed a warranty "that further he would not commit any crime and stay away from the company of criminals" and then he was released (GASO. F. 771. Op. 1. D. 106. L. 50b.-6).

It is unlikely that these events started from nothing without any history or preceding conflicts. Prichinin had probably undermined someone's interests: his behaviour might have aroused the envy and resentment of more influential people, who used their authority to lobby against Prichinin at the volost administration. The complaint to the police was merely a pretext. Their real aim was to exclude Prichinin from the community.

Half a year later, tragedy struck Prichinin. We learn about this from another lawsuit, the case “of the peasant maiden Avdotia Prichinina, who had hanged herself”, filed at the *verkhnyaya rasprava*, a court of appeal in Yekaterinburg (GASO. F. 771. Op. 1. D. 114. L. 1-34ob.). In July 1792, Prichinin became a father. But happiness did not last long: His wife suffered, as we would put it today, from a postnatal depression, and a few days after giving birth she was found hanged in the bathhouse. Initially Prichinin was suspected of having killed his wife. However, witness statements did not confirm this. His criminal record in the *volost* court, though mentioned, did not have any consequences. None of the villagers believed he could have committed a murder and the case was qualified as suicide (GASO. F. 771. Op. 1. D. 114. L. 32–32ob.).

The family tragedy did not have anything to do with the theft case. At least at first sight. I presume that both cases are somehow interrelated. The conflict had reached its peak in the winter of 1792 when the report was filed to the Alapaevsk police. But it had already been simmering for some time: rumors, suspicions and threats finally culminated in denunciation. The child was born in the first half of July of 1792; sometime in the previous summer or early autumn, the Prichinins had celebrated their wedding. It cannot be excluded that the conflict had started at this point: the marriage might have been made without the family’s consent or maybe Prichinin had been more successful in his courtship than one of his more influential competitors.

Notes

¹ By the term *vnutrisoslovnoe ravenstvo* is meant equality before the law within one certain estate.

² When referring to courts where justice is administered according to positive law this article uses the term “crown court” instead of “state court”. This is done in order to avoid confusion with institutions belonging to the lower court system that the author considers also part of the state.

³ For a geographical definition of the term Central Urals see the description given by T.V. Solovyova (2013: 139; 147–148).

5. Conclusion

Until recently, legal dualism seems to have been the universal reasoning favoured in historical research to explain the low level of activity in peasant courts. Enlightened positive law and peasant customary law (dismissed *de facto* as backwards) were regarded as irreconcilable. However, the idea inherent in the concept of a legal dualism between two hierarchically arranged and therefore mutual exclusive spheres of law is not particularly applicable to practice: in the Central Urals of the late 18th century, the local crown bureaucracy and courts were not a “foreign body [facing] the reality of a pre-modern surrounding society” (Baberowski, 2008: 23). The norms of positive law were well known in the village; if they were willing, people were able to use them for their own advantage.

Given this, it would be more appropriate to speak of legal pluralism, the juxtaposition of several valid legal forms to whose norms people were free to turn. Therefore, a court ought to be understood as a non-obligatory offer made by the legislator, the use of which is not necessarily enforced.

The *nizhye raspravy* must be understood precisely as such an offer. Low court activity should not be interpreted as an indicator of poor legal consciousness or as a sign of mistrust in the local authorities. For the people belonging to the free rural population of the Perm vicegerency, a lawsuit before the *nizhnaya rasprava* was just one of many possible ways in which one could choose to restore justice.

6. Acknowledgements

This article was prepared within the framework of the state project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation „Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies” (Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University) No. FEUZ-2020-0056.

References

Akishin, 2003 – Akishin, M.O. (2003). «Nastavleniia dlia ustanovleniia poriadka v sel'skoy zhizni». Istochniki i sostav pamiatnika [“Instructions for Establishing Order in Rural Life”. Sources and Composition of the Legal Act]. *Novosibirskii arkhivnyi vestnik*. 12: 73–83. [in Russian]

Apkarimova i dr., 2003 – Apkarimova, E.Yu., Golikova, S.V., Minenko, N.A. i dr. (2003). Sel'skoe i gorodskoe samoupravlenie na Urale v XVIII -- nachale XX veka [The local administration in the countryside and the towns of the Urals in the 18th until the beginning of the 20th centuries]. M.: izdatel'stvo «Nauka», 383 p. [in Russian]

Baberowski, 2008 – Baberowski, J. (2008). Vertrauen durch Anwesenheit. Vormoderne Herrschaft im späten Zarenreich [Trust Through Presence. Premodern Rule in the Late Czarist Empire]. *Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich* [Imperial Rule in the Province. Representations of Political Power in the Late Empire]. J. Baberowski, D. Feest, Ch. Gumb (eds.). Frankfurt am Main, New York: Campus. Pp. 17–37. [in German]

Baberowski, 1996 – Baberowski, J. (1996). Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914 [Autocracy and Justice: On the relationship between the rule of law and backwardness in the late czarist empire]. *Studien zur europäischen*

- Rechtsgeschichte [Studies on European history of law]. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 846 p. [in German]
- Balbashevskii, 1891** – *Balbashevskii, G.I.* (1891). Istoricheskii ocherk grazhdanskogo ustroistva Permskogo kraia [Historical Outline of the Civil Structure of Perm Krai]. Pamyatnaia knizhka i adres-kalendar' Permskoi gubernii na 1891 god. Perm': Tipografiya P.F. Kamenskogo. Pp. 24-47. [in Russian]
- Bezgin, 2013a** – *Bezgin, V.B.* (2013). Krazhi v rossiiskom sele vtoroi poloviny XIX - nachala XX v. [Thefts in the Russian village in the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Yuridicheskie issledovaniia*. 6: 285-319. [in Russian]
- Bezgin, 2013b** – *Bezgin, V.B.* (2013). Pravovye obychai v obydennom sosnanii i posednevnoi zhizni rossiiskogo krest'ianstva vtoroi poloviny XIX - nachala XX vv. [Legal customs in the everyday consciousness and everyday life of the Russian peasantry of the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Pravo i politika*. 10: 1373-1380. [in Russian]
- Bezgin, 2012** – *Bezgin, V.B.* (2012). Pravovaia kul'tura russkogo sela (vtoraia polovina XIX - nachalo XX vv.) [Legal culture in the Russian village (second half of the XIX beginning of the XX centuries)]. Tambov: izdatel'stvo FGBOU VPO "TGTU", 80 p. [in Russian]
- Burbank, 2004** – *Burbank, J.* (2004). Russian Peasants Go to Court. Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 374 p.
- Czap, 1967** – *Czap, P.* (1967). Peasant-class Courts and Peasant Customary Justice in Russia, 1861-1912. *Journal of Social History*. 1(2). (Winter, 1967): 149-178.
- Dinges, 2004** – *Dinges, M.* (2004). "The uses of justice as a form of social control in early modern Europe". *Social Control in Europe. 1500-1800. (Vol. 1)*. H. Roodenburg and P. Spierenburg (eds.). Columbus OH: Ohio State University Press, pp. 159-175.
- Dinges, 2000** – *Dinges, M.* (2000). „Justiznutzung als soziale Kontrolle in der Frühen Neuzeit“. *Kriminalitätsgeschichte. Beiträge zur Sozial- und Kulturgeschichte der Vormoderne* [History of crime. Essays on social and cultural history of the premodern period]. A. Blauert und G. Schwerhoff (Hgs.) [The uses of justice as a form of social control in early modern period]. Konstanz: UVK-Verlag. Pp. 503-544. [in German]
- Dunaeva, 2010** – *Dunaeva, N.V.* (2010). Mezhdú soslovnoi i grazhdanskoi svobody: Evolyuciia pravosubektivnosti svobodnykh sel'skikh obyvatelei Rossiiskoi imperii v XIX v. [Between estate-based and civil freedom: The evolution of the legal subjectivity of free rural inhabitants of the Russian empire in the 19th century]. Sankt-Peterburg: izdatel'stvo SZAGS, 472 p. [in Russian]
- Engelstein, 2003** – *Engelstein, L.* (2003). Combined Underdevelopment: Discipline and the law in Imperial and Soviet Russia. *American Historical Review*. 98(2003): 338-353.
- Farnsworth i dr., 2000** – *Farnsworth, B., Popkins, G.* (2000). Peasant Experiences of the Late Tsarist State: District Congresses of Land Captains, provincial Boards and Legal Appeals Process, 1891-1917. *Slavonic and East European Review*. 78. 1 (January, 2000): 90-114.
- GAPK** – Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia [State Archive of the Perm Region].
- GASO** – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State Archive of the Sverdlovsk Region].
- Kucherov, 1953** – *Kucherov, S.* (1953). Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. New York, Frederick A. Praeger 399 p.
- Pipes, 1974** – *Pipes, R.* (1974). Russia Under the Old Regime. New York, Charles Scribner's Sons, 361 p.
- PSZRI-1** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoy imperii. Sobr. 1-e. (PSZRI-1) [Complete collection of the laws of the Russian empire. 1st collection]. SPb.: Tipogr. II Otdeleniya e. i. v. kancelarii, 1830. (PSZRI-1). T. 14; t. 15; t. 16; t. 17; t. 20; t. 21; t. 22.
- Solov'eva, 2013** – *Solov'eva, T.V.* (2013). Administrativno-territorial'noe delenie Sverdlovskoi oblasti v istoricheskoi retrospektive [Administrative-territorial division of the Sverdlovsk region in historical retrospective]. Dokument. Arkhiv. Istoria. Sovremennost': Sb. nauch. trudov. Otv. red. A.V. Chernoukhov. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo un-ta. Vyp. 13. Pp. 137-170. [in Russian]
- Suvorova, 2008** – *Suvorova, N.G.* (2008). Normativnaia baza krest'ianskogo suda v Sibiri v konce XVIII - pervoi polovine XIX v. [The regulatory framework of a peasant court in Siberia at the end of the XVIII - first half of the XIX century]. *Vestnik TomGU*. 3: 100-104. [in Russian]
- Voropanov, 2015** – *Voropanov, V.A.* (2015). O deiatel'nosti sudebnykh predstavitelei sel'skikh soslovii v uezdakh Russkogo Severa v konce XVIII veka [On the activities of the court representatives of rural estates in the districts of the Russian North at the end of the 18th Century]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2: 104-120. [in Russian]
- Voropanov, 2002** – *Voropanov, V.A.* (2002). Praktika mestnogo pravosudiia: gosudarstvennye sudy dlia sel'skikh obyvatelei Orenburgskoi gubernii v poslednei chetverti XVIII - nachale XIX v. [Practices of local justice: State courts for the rural inhabitants of the Orenburg province in the last quarter of the XVIII - beginning of the XIX century]. *Ab imperio*. 3: 137-160. [in Russian]
- Wortman, 1976** – *Wortman, R.S.* (1976). The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 345 p.
- Yefremova, 2011** – *Yefremova, N.N.* (2011). Publichno-pravovoe obshchenie: russkoe pravosudie [Communication in public law: Russian justice]. *ParaGraf*. 1: 1-26. [in Russian]

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 100-116
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.100

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Problem of Periodization of the end of the Middle Ages – Modern Times in the North Caucasus

Sergey L. Dudarev ^{a, *}

^aArmavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The transition from the Middle Ages to modern times in the North Caucasus is one of the least developed topics in regional history. Started by archaeologists in the mid-1970s the discussion of the problem of the end of the local late Middle Ages and the beginning of a new history did not receive further continuation. The presented analysis allows us to outline the criteria of the new era in the North Caucasus region, including not only economic and political, but also socio-mental parameters. These include, respectively: taking into account the degree of dynamics of commodity-money relations, overcoming political disunity, inclusion in Russian state structures, subordination to the imperial state orders (or the creation of their own state structures and institutions), the dominance of patriarchal liberties, values and a religious view of the world, the emergence among the mountaineers of the intelligentsia of the European type, etc. The author suggests the following chronological framework of the late Middle Ages – modern times in the North Caucasus: late 18th – early 19th centuries. – the end of the medieval era in the North Caucasus; end of the first third of the 19th century – 1860-1870s – the transition period from the Middle Ages to modern times in the history of the North Caucasian peoples: the turn of the 1860-1870s. – 1917 – a period of actually new history among the mountain peoples of the North Caucasus.

Keywords: the problem of periodization of the end of the Middle Ages - modern times in the North Caucasus, the integration of the mountaineers into Russia, the imamate "modernization", the Russian modernization project, russianness.

1. Введение

Актуальность данной работы заключается в том, что на современном этапе исторических исследований отсутствуют изыскания, в которых разрабатывается проблема перехода от Средних веков к Новому времени на Северном Кавказе и периодизация конца Средневековья и собственно Нового времени в регионе. Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении особенностей данного перехода в горских социумах Северного Кавказа, который сопровождался важными и серьезными подвижками в социально-экономическом, политическом и духовном развитии народов региона, а также фиксации временных рамок завершения Средних веков и перехода к собственно эпохе Нового времени для автохтонов региона. Задачи же включают в себя установление критериальных пороговых признаков переходной эпохи от Средних веков к Новому времени и Нового времени как такового с точки зрения социальных, экономических, политических, культурных, ментальных составляющих данного процесса, а также хронологии рассматриваемого отрезка времени. Представленный ниже анализ позволит лучше уяснить суть тех судьбоносных перемен, которые происходили в горских обществах, играя роль важных эпохальных вех, особенно в связи с происходившей в тот период интеграцией в состав Российского государства, определить степень влияния последней на исторические

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

трансформации у горских народов при переходе от одной исторической стадии к другой и знаменовавшие наступление нового этапа в истории Северного Кавказа.

2. Материалы и методы

При написании статьи использовались документы российской внешней и внутренней политики (Кавказский вектор..., 2014; Записка князя Г.Р. Эристова..., 2015: 207-215), наблюдения, оставленные европейскими визитерами, посещавшими Кавказ в XVIII–XIX вв. (Кавказ: европейские дневники..., 2011: 75-301; Лапинский, 1995; Белл Дж., 2007), произведения российских авторов, военных и гражданских, близко знакомых с кавказской действительностью (Буш, 1905; Фадеев, 2003: 33-111; Отношение командующего войсками..., 2005: 350-354; Сталь, 2011: 81-144; Стреллок, 2011; Вердеревский, 2013: 155-339; Кавказский офицер, 2011: 24-45), мемуары горцев, получивших российское образование (Амиров Г.-М., 1873), материалы российской прессы (газета «Кавказ») (Кавказ, 1848а; Кавказ, 1848б), документы, связанные с деятельностью и личностью имама Шамиля (Дневник полковника Руновского..., 1904: 1395-1527), нумизматические материалы указанного периода (Виноградов, 2008: 95-102) и др.

Общенаучные принципы, применяемые при написании статьи, – историзм и объективность. С опорой на принцип историзма переход от Средних веков к Новому времени и наступление данной эпохи исследуются через призму тех или иных социально-экономических, политических и ментальных реалий Северного Кавказа конца XVIII – начала XX вв. Исходя из принципа научной объективности выполняется анализ источников, используемых автором и содержащих указания на маркерные изменения в социо-политической, экономической и духовной действительности у населения региона.

Методы, примененные в процессе написания статьи, – анализ источников, историко-сравнительный, историко-генетический, метод периодизации. Метод анализа источников дает возможность предоставить характеристику ведущих черт социо-экономического быта и культуры северокавказцев. Историко-сравнительный и историко-генетический методы позволяют проследить конкретные и в то же время эпохальные изменения, указывающие на серьезные сдвиги в эволюции общества, хозяйства, духовной сферы у разных народов северокавказского региона. Метод периодизации способствует установлению последовательности, этапности, смены историко-культурной и социально-экономической обстановки в северокавказских обществах на обозначенном выше временном отрезке.

3. Обсуждение

Как ни парадоксально, но в теоретическом отношении проблему, указанную в заголовке данной работы, поставили не собственно историки, а археологи. Еще в середине 1970-х гг. В.И. Марковин поднял вопрос о необходимости выработки более четких терминологических подходов к средневековой хронологии Северного Кавказа и употреблению самого этого термина применительно к местной истории, осознавая, что «окончание фазы позднего Средневековья для разных частей Кавказа (с разным населением и различной их социально-экономической характеристикой) будет приходиться на разное время...» (Марковин, 1976: 15). При этом ученый, в частности, сослался на интересный опыт В.Х. Тменова, который, стремясь определиться с гранью, завершающей Средние века, писал о том, что обрушение вековых устоев горского общества и приобщение его к новому социально-экономическому устройству совершалось в ходе ожесточенной борьбы против реакционной сущности политики царизма и утверждения самодержавно-крепостнических порядков. Поэтому представляется справедливым заключить северокавказскую позднесредневековую эпоху началом Кавказской войны под руководством Шамиля, т.е. *концом первой трети XIX в.* (курсив наш – Авт.)» (Марковин, 1976: 14).

В.И. Марковин не согласился с той хронологической гранью, которую предложил В.Х. Тменов в качестве завершения средневековой эпохи на Северном Кавказе, посчитав ее явно спорной. Он указал, что борьба горцев с «русской военной машиной резко переломила вековые устои горского быта (кстати, менее всего это коснулось осетин)», но одновременно указал на то, что такой надлом начался еще при первых имамах. В.И. Марковин не без оснований посчитал, что в основу отделения Средних веков от Нового времени должны быть положены более определенные основания социально-экономического характера. В то же время ученый сам допустил две неточности. Начало имамата Шамиля – 1834 г., время деятельности первых имамов – Гази-Магомеда и Гамзат-Бека – 1828/29 гг. – 1834 г. (Северный Кавказ в составе..., 2007: 119-121). Иными словами, имелся в виду очень короткий исторический промежуток, который, по существу, входит в те же самые границы конца первой трети XIX в. Что же касается борьбы горцев «с русской военной машиной», то традиционно начало «Кавказской войны» относится к 1817 г. (Северный Кавказ в составе..., 2007: 113), хотя есть и более ранние даты такового, связанные с походом Петра I в Дагестан, основанием крепости Моздок, присоединением Грузии к России.

По следам указанной статьи В.И. Марковина некоторое время спустя была опубликована работа В.Б. Виноградова. В ней ученый, во-первых, предложил иные общие хронологические рамки

позднего Средневековья (середина XIII – рубеж XVIII–XIX вв.). Внутри указанного отрезка ученый выделил хронологическую веку 50–90-е гг. XVI в., т.е. начала процесса интеграции народов Северного Кавказа в состав России. Во-вторых, кавказовед выступил с утверждением, что завершающим этапом позднего Средневековья на всем Северном Кавказе можно считать *последнюю треть XVIII – первую треть XIX вв.* (Виноградов, 1977: 65-66). Методически важно то, какие черты указанного отрезка времени приводит исследователь: завершение процесса вхождения в состав России основных контингентов населения Кавказа, в том числе Северного (при этом сопутствующая активизация национально-освободительной борьбы не меняла, по его мнению, сути факта), начало перестройки всей социально-экономической структуры региона, в т.ч. девальвация феодальной иерархии местного общества, насаждение российских феодальных и капиталистических отношений, стабилизация этнической карты, существенные изменения в хозяйственных занятиях, идеологии и культуре. Признавая определенную обоснованность данных суждений В.Б. Виноградова, которые в то время поставили на новый научный уровень указанную проблему, сегодня следует ставить вопрос о том, в какой степени те серьезные трансформации в горской среде, на которые указывали В.Б. Виноградов и его предшественники как на важные критериальные признаки конца Средневековья имели место уже в конце XVIII – начале XIX вв. Примечательно, что еще один специалист-археолог не так давно предложил свое хронологическое членение истории региона (Савенко, 2011: 58-69), в котором период Нового времени укладывается в рамки середины XVIII – XIX вв., но без детального обоснования. Весьма важно отметить то, что сегодня проблему периодизации конца Средневековья и Нового времени на Северном Кавказе невозможно уже решать без учета не только социально-экономических и политических ее сторон, но и социокультурной, а также ментальной составляющей.

4. Результаты

Начнем с политических факторов как во многом определяющих, на наш взгляд, течение исторических процессов в регионе. Конец XVIII – начало XIX вв. ознаменовались оформлением пророссийской ориентации у ряда горских народов региона. Даже сторонники преимущественно силового характера присоединения горских народов к России вынуждены признать, что во второй половине XVIII в. на верность Российскому государству присягнули многие чеченские общества и дагестанские владетели (*Северный Кавказ в составе...*, 2007: 52). Другое дело, что некоторые чеченские историки в качестве определяющего события в процессе интеграции Чечни в российскую структуру ставят 1807 г., поскольку переговоры XVIII в. велись-де с отдельными офицерами, в лучшем случае – с кизлярским комендантом, а в указанном году шли на уровне кавказского наместника, а сами российско-чеченские политические акты были отсланы на хранение в архив Министерства иностранных дел (Гапуров и др., 2008: 224-227). Кроме того, официальное вхождение чеченцев в состав Российской империи в 1807 г. признают и специалисты-правоведы (*Российская газета*, 2011: 19). Со своей стороны, историки-дагестановеды констатируют: «к осени 1812 г. практически все феодальные владения Дагестана и союзы сельских обществ присягнули на верность России» (*История многовековых отношений...*, 2009: 146).

Сложнее дело обстоит в центральной части Северного Кавказа. Здесь кабардинская элита проявляла недовольство позицией России, что выразилось в непризнании ее верховенства (Виноградов, Приймак, 2016: 128). Но российские власти и далее последовательно вели политику демонтажа сложившейся системы межэтнической иерархии на Центральном Кавказе во главе с Кабардой (Виноградов, Приймак, 2016: 149-150).

Если же говорить о российской политике в отношении Западной Черкесии, то следует вновь подчеркнуть осторожность, осмотрительность и реализм политики Екатерины II на северокавказском направлении, выразившейся, например, в отказе от подданства «закубанцев». Главная причина этого – империя не имела реальных возможностей в то время удержать и освоить все северокавказское пространство (Виноградов, Приймак, 2016: 111-113). В списке геополитических приоритетов того времени Северо-Западное Причерноморье стояло выше Северо-Западного Кавказа (Дегоев, 2013: 236-237). В указах и рескриптах Екатерины II 1792 и 1796 гг. делался акцент на мирные, а не силовые способы решения проблем с горскими народами.

Анализируя политические факторы, невозможно не указать на суть политики Павла I на Северном Кавказе, которая, как известно, была весьма сдержанной и осторожной, а также содержала в себе элементы т.н. «ласканий». Исследователи уже уделяли внимание и Павловскому проекту создания пророссийской «федерации» горских владетелей как предложению «новой интегрирующей модели взаимоотношений России с народами и владетелями Восточного Кавказа, а также некоторых областей Закавказья» (Виноградов, 2005: 81). Эта и другие инициативы были проявлением политики лавирования, характерной для столичных верхов как в исследуемый период, так и позднее. В то же время показательна утопичность Георгиевского договора 1802 г., который не снял имевшихся противоречий. Все же поиски российской государственностью переходных форм в процессе замены этнолокального типа интеграции горских обществ на государственно-имперский были налицо. Показателен факт передачи управления Коллегии иностранных дел народами Северного Кавказа из

ведения начальника Кавказской линии в руки коллежского советника Макарова. При этом в русле деятельности Макарова очень важно то, что правительство стремилось в его лице ввести элементы гражданского управления «как в рамках собственно российских границ, так и среди «внешних» подданных Империи (Виноградов, 2005: 86-87). «Внешнее подданство» показывает еще одну ступень *постепенной* интеграции народов Северного Кавказа в состав России. Важно, что мероприятия Павловского правительства были в определенной мере восприняты и Александровской администрацией.

Исследователи немало внимания уделяют действиям тех представителей российских властей на Северном Кавказе (например, И.В. Гудовича), которые использовали элементы политики «ласканий». Они приходят к выводу о том, что эта политика часто заходила в тупик, поскольку расценивалась горской стороной в качестве проявления слабости, что ставило перед необходимостью и «репрессалий» (поход ген. Булгакова в 1807 г. в Чечню). «Ласкания» выражались как в попытках экспериментов (как показало будущее, неудачных) в управленческой области (введение в предгорной Чечне системы приставского правления на местной кадровой основе), наряду со старым приемом в виде приглашения на княжение сторонних «арбитров» в лице кумыкских и кабардинских владельцев-«варягов» (Гапуров и др., 2008: 226), так и в задабривании горцев подарками и деньгами (при Тормасове и особенно Ртищеве). Однако такая система отношений (по Б.В. Виноградову, «права без обязанностей») была неудачной и оказалась не в состоянии предотвратить силового решения кризисных явлений. Весьма показательны исследования некоторых чеченских историков, например Л.А. Бадаевой (Дударев, 2011: 422-425). Она полагает, что политика России в конце XVIII – начале XIX вв., даже несмотря на военные конфликты, вызванные реализацией российских захватнических планов, была основана прежде всего на методах «ласкания» и усиливала тяготение к российскому государству со стороны основной массы горцев, способствуя успеху внешнеполитических планов России.

Не можем не согласиться с теми специалистами, которые указывают на то, что политика «ласканий» не могла осуществляться перманентно. Показательно, что по Л.А. Бадаевой, у российского государства в конце XVIII – начале XIX вв. не было рычагов для бесконфликтного управления горскими обществами, которые представляли собой рыхлый конгломерат социумов, живших по законам в лучшем случае раннефеодального строя, но чаще всего военной демократии, с присущими им чертами (война «всех против всех», менталитет, основанный на уважении к силе). В восприятии горцами совершавшихся перемен в их общественной жизни «государственная протекция обернулась бременем, безопасность оказалась сопряжена с навязанным порядком» (Русские и кавказцы..., 2009). Ни к тому, ни к другому они оказались не готовы.

Другими словами, в начале XIX в., перед прибытием на Кавказ А.П. Ермолова в качестве главноуправляющего и командующего Отдельным Кавказским (Грузинским) корпусом, положившим начало отказу от «ласканий» и переходу к «репрессалиям», российские власти, пытаясь минимизировать конфликтогенный потенциал российско-горских отношений, стремились оказывать известное влияние на политические и иные структуры местного населения, и его социальную и т.п. жизнь в целом. То, в чем оно выражалось конкретно, дают нам определенное представление тексты присяг, приносимых теми или иными горскими и отдельными «владельцами». Не имея возможности давать в рамках статьи их детальный анализ, укажем на наиболее общие условия, выдвигаемые российскими властями, ориентируясь на тексты указанных документов начала XIX в. (Кавказский вектор..., 2014: 398-430).

Фундаментальным требованием российской стороны во всех случаях было безоговорочное признание суверенитета Российской империи. Среди иных основных условий присутствовали такие, которые касались вопросов обеспечения безопасности российских границ и подданных государства: получение аманатов; взятие обязательств по отказу от набегов; требования сообщать о готовящихся набегах немирных горцев; недопущение их через «мирные» территории; выдача виновных в нанесении потерь российской стороне и т.п.; поимка агентов враждебных сил; обмен пленными; возвращение захваченной «баранты» и др.

Российская администрация, предлагая эти и иные кондиции, учитывала разницу уровней в развитии, потенциале и реальных возможностях тех или иных обществ, конкретные обстоятельства и т.д. (Кавказский вектор..., 2014: 405). В то же время требования администрации могли быть нелегким, а главное, непривычным бременем для местных обществ (Кавказский вектор..., 2014: 398). Тем не менее с помощью тех или иных повинностей российское правительство постепенно приучало население вновь присоединяемых территорий к необходимости вносить свой вклад в «общий котел».

Одновременно для горской стороны предусматривались и некоторые преференции в виде беспошлинной торговли и отпуска соли, в которой та весьма нуждалась, подтверждались традиционные права на пользование угодьями и др., обеспечивалось силовое прикрытие от могущественных соседей. Администрация гарантировала невмешательство во внутренние дела. Она подтверждала права как владельцев, так и местной патриархально-родовой верхушки на земли и подвластных людей. При этом верховный суверенитет высшей власти вовсе не исключал в тот момент и прежнего соподчинения тем или иным соседним традиционным «феодальным» структурам. Кроме

того, те или иные «владельцы» получали жалование от властей, соответствующее их статусу (доходившее, как в случае с шамхалом Тарковским, до 6 000 р. в год) ([Кавказский вектор...](#), 2014: 404), что, на наш взгляд, было своеобразной ответной «данью» – платой за лояльность (подробнее наш анализ указанных горских присяг см.: [Дударев, 2021: 139-148](#)).

Таким образом, в социально-политическом устройстве горцев с началом их интеграции в состав России стали совершаться определенные подвижки, которые *начинали нарушать, постепенно деформировать традиционные правила и порядки*, однако еще, по нашему мнению, не знаменовали собой *коренной ломки таковых*.

Наступивший с 1817 г. длительный период военных столкновений, известный как «Кавказская война», привел к важной эволюции политического развития тех северокавказских обществ, которые вступили на путь вооруженного сопротивления попыткам российской администрации подчинить их военно-административным методам управления. Но вернемся к этому несколько позднее.

Перейдем теперь к характеристике экономических основ жизни северокавказских социумов в конце XVIII – первой половине XIX вв. Необходимо кратко рассмотреть состояние производительных сил горцев для того, чтобы определиться с характером и масштабами тех социально-экономических подвижек, которые могут дать (или нет) основания для утверждений о конце Средних веков и наступлении Нового времени.

Знакомство с таким показательным источником, как свидетельства европейских авторов XVIII в. ([Кавказ: европейские дневники...](#), 2010: 75-301), в том числе находившихся на российской службе, дает разнообразную картину хозяйственной деятельности населения Северного Кавказа. Оно располагало различными отраслями экономики, среди которых основными были земледелие и скотоводство. В то же время в целом они имели экстенсивный характер и не могли удовлетворять все жизненные потребности северокавказцев, которые оказывалось сложно восполнить даже с помощью торговли. Она долго являлась меновой, хотя в процессе расширения внешних связей, особенно с Россией, приобретала уже и денежный характер (см. ниже). Недостаток ресурсов восполнялся набеговой практикой и широко развитой работоторговлей, которую еще именуют пленопродавством или пленовладельчеством. Это был своего рода побочный промысел, игравший порой роль одной из главных сфер экономики ([Дударев, 2018: 84-93](#)). И эта картина была характерна для местных социумов вплоть до середины XIX в. ([Дударев Д., Дударев С., 2017](#)).

Массовое знакомство горского населения Северного Кавказа с продукцией мануфактурного и промышленного производства Нового времени, которая в принципе могла вызвать определенные социально-экономические подвижки в горской среде, как показывает изучение таможенных книг и росписей Русского государства в XVII в., документальных источников по русско-персидской, русско-кавказской, а также причерноморско-северокавказской торговле XVI–XVIII вв., могло состояться лишь во второй половине XVII в., но более всего – начиная с рубежа XVII–XVIII вв. ([Виноградов, 1977: 67](#)). Такое знакомство шло как через торговые связи, так и набеговую деятельность горских удальцов. Еще одним источником знакомства горцев с мануфактурными изделиями с середины XVIII – первых десятилетий XIX вв. была миссионерская деятельность русского православия среди кавказцев, когда новообращенным дарили единовременные подарки в виде тех или иных предметов быта (см. ниже) ([Виноградов, 1977: 68](#)). Появление серий предметов промышленного изготовления, под которыми имеются в виду, например, медные наперстки, стальные иглы, замки, зеркальца и т.п., обнаруженные при расчистке позднесредневековых склепов Центрального Предкавказья, могло влиять на изменение вкусов и потребностей горцев. Однако насколько такое влияние преобразующе влияло на горское общество, каковы были его реальные масштабы и последствия, остается вопросом дискуссионным.

Если говорить об уровне товарно-денежных отношений в конце XVIII – первой трети XIX вв., то в это время, да и позднее, вплоть до середины XIX столетия, горская экономика в целом имела полунатуральный характер. Присутствовали лишь элементы товарно-денежных отношений. Хотя еще в XVIII в. российские денежные единицы, как полагают некоторые исследователи, завоевали полное господство в денежном обращении Северного Кавказа ([Виноградов, 2008: 102](#)), в конце правления Екатерины II российские власти учредили меновую торговлю с горцами, которая, пережив два этапа в своем развитии (1800–1845; 1846 – до конца 1850-х гг.) ([История народов Северного Кавказа, 1988: 70](#)), вплоть до середины XIX в. по различным причинам так и не сделала значительных успехов («Кавказ», 1848а: 91). Иностранцы также указывали на меновой характер торговли в середине XIX в., отмечая, что золотая и серебряная монета употребляется, например, адыгами на украшение своего оружия (Т. Лапинский) ([Лапинский, 1995: 66](#)). В то же время, являясь своего рода переходной стадией от отсутствия всяких отношений к обычной торговле, меновые отношения содействовали тому, что горцы были вовлечены в систему экономических связей Российской империи, что «немало способствовало «замирению Кавказа» ([Герман, 2015: 113](#); [Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия, 2010: 192](#)). К середине XIX в. меновая торговля теряет свое значение и уступает место ярмарочной. Так, в 1861 г. в Кубанской области действовало 53 ярмарки, в Терской в 1880-х гг. – 24 ([Северный Кавказ в составе..., 2007: 232](#)). Одновременно немаловажно привести такое заключение Т.М. Барретта о том, что Россия не смогла превратить Северный Кавказ в

торговую колонию, в которой местное население занималось бы поставками сырья для обогащения купцов из России (Барретт, 2000).

Торговлю среди горцев вели лица иноэтничного происхождения – армяне, евреи, персы, русские и др. Сами горцы, особенно представители социальных верхов, считали торговлю делом, недостойным мужчины-джигита. Горцам были знакомы российские и иные денежные системы, с функциональной стороной которых, а именно с употреблением денежных единиц, они были знакомы, посещая российские ярмарки и рынки (представители т.н. мирных обществ) и ведя там торговые операции с помощью российских монет и т.п. Получая наглядные уроки ценности денег, о которой они часто не имели представления («Кавказ», 1848б: 78), горцы затем стремились добыть их при грабеже купеческих караванов, а также, что было еще более регулярной практикой, при получении выкупа за российских пленников, как военных, так и гражданских. Впрочем, горская сторона получала деньги от российских властей или их представителей и в качестве своеобразных «премий», например, при таком администраторе, как Ртищев (Виноградов, 2009: 126), или в виде жалования «владельцам» (см. выше). При этом известны яркие факты того, что целый ряд горцев, осознавая ценность денег и даже ценных бумаг (векселя), далеко не до конца представлял себе многие особенности денежного обращения и не имел глубоких знаний об экономической сфере бытия россиян в целом (об этом красноречиво свидетельствует, например, история с выкупом плененных княгинь Орбелиани и Чавчавадзе) (Вердеревский, 2013: 155-339; Дударев, Дударев, 2017: 327-339). Характерно, что источником получения сведений о назначении и ценности денег для горцев служили, в частности, и российские пленники (Кавказский офицер..., 2011: 35).

Совершенно прав был Т.Х. Кумыков, который, выделяя несколько этапов русско-кавказских торговых отношений, отмечал, что на третьем этапе (1846–1850 гг.) фиксируется постепенный рост денежной торговли, которая, однако, не стала еще господствующей (Кумыков, 1962: 178).

Возвращаясь же к судьбоносным переменам в горских обществах, вступивших на путь борьбы с российской военно-бюрократической системой, следует подчеркнуть, что выдающийся горский лидер имам Шамиль и команда его сподвижников сумели создать достаточно сильный государственный аппарат – организационную основу сопротивления установлению российских имперских административно-бюрократических порядков. Руководство имамата смогло создать и «предприятия», которые изготавливали порох и пушки для армии имамата, а также регулировало и иную кустарную «промышленность», производившую холодное и огнестрельное оружие для горских формирований (Кругов, Нечитайлов, 2016: 46-55). Некоторые ученые Дагестана еще в конце 1980-х гг. пытались доказать, что к началу XIX в. в Дагестане в горной местности формировались буржуазия (торговая и промышленная), а также наемные работники (Милованов, 1989: 52-55). Но уровень горской «индустриализации» невозможно завышать. Те же ружья, которые производились горскими мастерами для армии имама, по его собственному признанию, взрывались после третьего выстрела, что указывает на их очень низкое качество (Дневник полковника Руновского..., 1904: 1399). Весьма показательным в сравнительном плане то, что командующий войсками на Кавказской линии г.-л. А.А. Вельяминов в «Отношении» на имя министра финансов Е.Ф. Канкрин в 1835 г. констатировал, что «в Кавказской области мануфактурная промышленность, можно сказать, не существует», указав на причины такого положения (Отношение командующего войсками..., 2005: 350). Даже те немногие лица, которые еще позднее, в 1840-х гг., были направлены кавказской администрацией из Тифлиса для обучения в Санкт-Петербург (в Технологический институт), по возвращении в родной город не нашли здесь заводов и фабрик, управлению которыми они обучались (Урушадзе, 2015: 146). Что уже говорить о горцах, даже объединенных в имамат, уровень развития хозяйства которых объективно уступал в тот период Закавказью, несмотря на все усилия имамской администрации.

Преобразования имама и его сподвижников были надстроены над горскими общественными структурами и далеко не всегда имели в них глубокие корни, что особенно хорошо показывает судьба нововведений наиба Мухаммеда Эмина у адыгов (Лопинский (Тэффик-бей), 1995: 231), которые оказались недолговечными (Кажаров, 2014: 615). В то же время усилия Шамиля не пропали даром (хотя не будем забывать его широко известное высказывание о том, что скорее горец забудет об исламе, нежели о своем обычае, хотя бы это был обычай ходить без рубахи). Барон К.Ф. Сталь (Сталь, 2011: 83) и генерал Р.А. Фадеев (Фадеев, 2003: 33-111) писали о большой роли мюридизма в подготовке горцев к восприятию будущих российских порядков, введившихся после завершения «Кавказской войны». Иными словами, мюридизм сыграл роль важной «социальной прививки» горским обществам, особенно Дагестана и Чечни, нарушив их прежнюю родо-патриархальную гомогенность, что крайне важно для оценки изменений в общественном быту, соответствовавших «новым временам».

Отдельные российские ученые некоторое время назад расценивали преобразования, предпринятые по инициативе имама Шамиля как модернизационные. Одни из них считают, что это был своеобразный «ответ на вызов» российскому модернизационному проекту (Клычников, 2013: 8-9; Норченко, Айларова, 2013: 131-170), другие, в частности, сравнивают усилия Шамиля с политикой Танзимата в Османской империи (Урушадзе, 2010: 12). А.Т. Урушадзе цитирует высказывание самого имама, которое весьма репрезентативно в части фиксации средневековой

узости мышления этого незаурядного деятеля. Уже находясь в ссылке и пытаясь определить причины отставания и поражений горцев-мусульман, бывший имам говорил, что «русские делают то, что правоверным и на мысль не может прийти... надо иметь...слишком большие знания, которые, не знаю почему, отвергаются учением нашей религии» (Урушадзе, 2018: 306). Эта мысль напоминает заключение Г.Э. фон Грюнебаума о непроницаемости мусульманской цивилизации для определенных областей научного поиска. Недаром, по убеждению С. Кутба, ислам, как самодостаточная система, никогда не нуждался в дополнительных философских идеях (Лекции по истории..., 2017: 68). Видимо, в конце концов, осознав эти моменты, А.Т. Урушадзе фактически отказался от своего тезиса о шамилевской модернизации, зато объявил мифом и российскую модернизацию Кавказа. Однако успехи в пореформенном развитии Кавказского региона говорят об обратном, хотя невозможно и забывать обо всей его неравномерности и противоречивости.

Настоящая же трансформация в горской среде, на которую повлияло близкое знакомство с технологиями российского промышленного производства, подвижки в производительных силах, структуре потребления, началась уже после окончательного включения региона в состав России в результате завершения событий «Кавказской войны» (Ананьев и др., 2017: 35-45), в пореформенный период.

Огромную роль в ней сыграло развитие средств сообщения, прежде всего дорог, особенно железных. О той роли, которые они должны были сыграть, писал в 1869 г. кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич, не без оснований полагая, что только железная дорога может навсегда прикрепить Кавказский край и Закавказье к России (Северный Кавказ в составе..., 2007: 234). И впоследствии компетентные эксперты видели в дорогах важный инструмент для преобразования Кавказа. Об этом в конце 1880-х гг. ярко и образно писал Г.Е. Марков. В удобных дорогах он видел средство «смирить дикого горца и обратить его в дружелюбного соседа своего...» (Ткаченко, 2017: 130). Наиболее выдающееся значение для развития региона сыграла Владикавказская железная дорога, первая часть которой была построена в 1872–1875 гг. Недаром современные специалисты видят в вовлечении региона в сеть российских транспортных коммуникаций важнейший результат экономического развития Северного Кавказа в XIX в. (Северный Кавказ в составе..., 2007: 248). О некоторых результатах преобразований, произошедших в результате подобной деятельности Российского государства, весьма выразительно говорил А.Г. Ардасенов в известной работе «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» (Айларова, 1990: 95-109; Айларова, 2018). Он полагал, что тем поворотным пунктом, начиная с которого горцы-осетины развернулись лицом к России, был конец 1860-х гг. По А.Г. Ардасенову, «шатания» горца начинаются с 1870 г., до которого он всячески сторонился, чуждался влияния современной цивилизации. Он указывал, что горская культура, по сути, проиграла борьбу с европейской торгово-промышленной культурой, уступая ей шаг за шагом (Айларова, 1990: 107). Эти данные позволяют более конкретно оценивать время начала реального социально-экономического *перелома* в быту горцев.

С начала 1880-х на Северном Кавказе появляется крупная буржуазия, но пока в большинстве своем это были русские (редко встречавшиеся в первой половине XIX в.) и иностранные предприниматели. Однако это дело не стояло на месте. Уже в начале XX в. во Владикавказе и Грозном происходит рост кадров буржуазии, и большинство новых промышленных заведений уже находилось в руках выходцев из числа горских народов (Северный Кавказ в составе..., 2007: 246).

В преобразовании горских обществ огромную роль играли и социокультурные факторы, к которым следует отнести деятельность учреждений, готовивших образованных горцев, служивших своей новой Родине и составивших слой интеллигенции, сыгравшей важную роль в процессе интеграции кавказцев в российские структуры. К числу таких учреждений относятся кадетские корпуса, гимназии, аманатские школы.

Первые высокообразованные горцы появились еще в XVIII в. прежде всего среди кабардинцев. Таковыми стали в первую очередь кадры военной интеллигенции (Казаков, 2006). Именно через них, таких, например, как А.-Г. Атажукин, среди части кабардинских пши-уорков пробуждался интерес к идеям Французской революции (Кажаров, 2014: 601). Дело шагнуло дальше в XIX в., когда среди северокавказцев появилась блестящая плеяда просветителей (по-другому – деятелей люмьеризма) (Блейх, Кидырниязов, 2020), которые были озабочены судьбами своих народов, выдвигали интересные планы их социально-экономического и культурного развития (Норченко, Айларова, 2013: 171-257). Трудно переоценить значение этих деятелей для будущего развития своих соплеменников. Некоторые авторы оценивают просветительские тенденции как «важнейший механизм государственной политики по комплектованию унитарной культурной архитектуры на отдельно взятой удаленной от центра территории» (Блейх, Кидырниязов, 2020: 35). Однако влияние просветителей даже на круг своих сородичей было долгое время крайне ограниченным. Они, образно выражаясь, были «чужими среди своих», поскольку считались частью мира «неверных», о чем говорит судьба, например, А.-Г. Кешева (Ктиторова, 2015). Потребовалось как минимум несколько десятилетий, чтобы основная масса народов, из среди которых вышли просветители, «доросла» до своих незаурядных представителей и оценила их выдающийся вклад в дело своего социокультурного и т.д. развития, интеграции в состав Российского государства, как транслятора мировых достижений.

Социокультурный срез крайне важен с точки зрения характеристики ментальных составляющих шедших многосторонних по своим последствиям процессов. Весьма интересны воспоминания некоторых северокавказских современников А.Г. Ардасенова, например Г.-А. Амирова, написанные в 1870-е гг. Они красноречиво свидетельствуют о том, что мировосприятие основной массы горцев в это время являлось еще сугубо средневековым. Для них любые новации, шедшие из мира «неверных», были наделены отрицательными смыслами, в том числе последовательным апокалиптизмом, в связи с отсутствием ритуальной чистоты и опоры на ислам как истинную религию (Дударев, 2017: 28-31). Для земляков Амирова были предпочтительны бедность, аскетизм, чистота веры, устраненность от соблазнов мира «гяуров». Это лучше, чем все их искушительные блага, вредные для души и являющиеся результатом изощренного коварства иноверцев (Амиров, 1873: 45). Показательны и представления о мироздании и географии такого высокообразованного горца, как сам имам Шамиль, которые были близки средневековым (Дневник полковника Руновского..., 1904: 1519). Полагаем, что в таком контексте есть все основания вспомнить о концепции Ж. Ле Гоффа об «очень долгом средневековье» (Ле Гофф, 2011: 31-38), которая позволяет заострить внимание на специфических особенностях менталитета горцев и учесть их в определении наступления Нового времени у горцев Северного Кавказа. Реальное разложение патриархального уклада происходит в 1880–1990-е гг., когда, по давнему, но справедливому заключению Т.Х. Кумыкова, начали подвергаться коренным изменениям все стороны жизни кабардинцев, балкарцев, осетин и чеченцев (Кумыков, 1962: 182).

На наш взгляд, время от начала создания имама Шамиля до его падения можно считать *переходным периодом* от Средневековья к Новому времени на Северном Кавказе, когда преобразовательская деятельность Шамиля и его сподвижников привела горцев к необходимости соблюдать ранее несвойственные для них требования – жесткой (и жестокой) дисциплины, санкционированной в форме строгих религиозных обрядов, следования собственным государственным порядкам.

Разумеется, в этом отношении «не отставала» и российская военно-бюрократическая система. Одним из репрезентативных примеров внедрения ее норм среди мирных горцев является записка «По управлению мирными горцами», составленная предположительно в 1848 г. начальником Центра Кавказской линии полковником князем Г.Р. Эрстовым (Записка князя Г.Р. Эрстова..., 2015: 207-215). Из анализа ее содержания видно, что в середине XIX в. на территории проживания «мирных» горцев вводилась система всеобъемлющего и неусыпного контроля (с применением доносительства) над их жизнью, который сближал «мирных» с остальными россиянами, для которых жизнь под контролем околоточного надзирателя была нормой. Такое положение дел было беспрецедентным для горцев и являлось новым этапом в их взаимоотношениях с Большой Россией. Такая система прививалась далеко не сразу и отнюдь не безболезненно и отозвалась в недалеком будущем в явлении абречества (Дударев, Дударев, 2017: 72).

Однако ни горский, ни российский варианты «дисциплинизации» северокавказцев не затронули тогда еще глубинных основ экономического, бытового и ментального уклада горских народов. Мировоззрение горцев не вышло еще за рамки средневекового, хотя события своеобразной «Реформации», как еще понимают движение горцев под руководством дагестанских имамов, вело их к более зрелым формам отправления религиозного исламского культа, нежели ранее. Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как этническая мобилизация под знаменами газавата, которая была для горцев новой страницей в их этнополитической истории (Виноградов и др., 2019: 204). Тем не менее все это еще не выходило за рамки средневековой организации общества и его идеологии. Представители России были для горцев «неверными», «гяурами», против которых следовало бороться, как против врагов Аллаха. То, что, например, некоторая часть российских перебежчиков и военнопленных воевала в рядах противника против правительственных войск, отнюдь не делало ее в глазах горцев «своими». Сама возможность этих людей участвовать в войне против бывших соотечественников является исключительной заслугой имама Шамиля, который хорошо понимал важность использования «диссидентов» из лагеря противника в борьбе с ним (Кругов, Нечитайлов, 2016: 77-83).

Напротив, западные адыги нередко были чужды пониманию таких вещей и чаще всего превращали дезертиров в обыкновенных невольников (Белл, 2007: 47, 60; Лапинский, 1995: 144). В Дагестане и Чечне рядовые горцы при первой же возможности расправлялись с перебежчиками (Стреллок, 2011: 48).

Наступление же Нового времени как такового необходимо связывать с рамками пореформенного периода – 60-90-е гг. XIX в., когда, причем далеко не сразу, начались трансформационные процессы социально-экономического и культурного характера, кардинально нарушившие прежнюю родо-патриархальную замкнутость и приведшие к изменению ментальных структур, непроницаемых ранее для русской и европейской культур. Мы имеем в виду более широкое изучение русского языка, включение в экономические процессы России и участие в ее национальном рынке, приобретение научных знаний на европейской и мировой научной основе через обучение в российских учебных заведениях частью горцев, приведшее к изменению представлений о внешнем

мире, в том числе и о России, его географическом устройстве и т.п. в местных обществах, возникновение растущего феномена национальной интеллигенции, которая все больше становилась генератором новых идей и т.д., интеграцию в социально-политические процессы в стране (например, движение народников, а затем и пролетарское революционное движение) и т.д.

У разных народов Северного Кавказа перемены, менявшие социокультурное лицо местных обществ, происходили в известной степени асинхронно. К числу наиболее продвинувшихся на указанной стезе принадлежали осетины. Так, еще в начале 1860-х гг. представители осетинского народа стали вливаться в народнические кружки (А. Ардасенов), участвуя, таким образом, в разночинском этапе освободительного движения в России (В.И. Ленин). В целом, шел рост осетинской интеллигенции, о чем писал К.Л. Хетагуров, называя осетин врачей, юристов, инженеров, ученых и др. (*История Северо-Осетинской АССР, 1987: 317*). Выходцы из горских народов активно вливались в российскую армию. Например, накануне Первой мировой войны Северная Осетия располагала мощным корпусом военной интеллигенции – 150 генералов и 3000 офицеров (устная информация М.М. Блиева 1989 г.).

Серьезные изменения происходили под влиянием инноваций в кабардинской социокультурной среде. Традиционные «рыцарские» ценности адыгов, выраженные в «Уэрк хабзе» (*Мирзоев, 2015: 58*), трансформировались под влиянием российской воинской культуры. Специалисты приходят к выводу, что «культура черкесского рыцарства в допустимых формах органично интегрируется с убеждениями русского офицерства» (*Прасолов, 2015: 226*). Наиболее ярко синтез российских воинских традиций, горского «рыцарства» и исламских установок проявился в начале XX в., знаменуя собой феномен «русскости» (*Великая, 2007: 88-101*). Репрезентативна фигура полковника кабардинца М. Анзорова, одного из командиров Кабардинского полка, воевавшего в период Гражданской войны в России на стороне белых. Перед производством в офицеры он положил в Коран, с которым никогда не расставался, Георгиевскую ленточку и поклялся: «Валлаги Азим – Георгий или смерть!» (*Зинеева, 2015: 175*).

Несколько более замедленными темпами двигались в этом отношении Чечня и Дагестан. Как отмечают дагестанские историки, в 1904 г. из 600-тысячного населения Дагестана получивших высшее образование было 17 человек и несколько десятков строевых офицеров (*История многовековых отношений..., 2009: 309*). Можно назвать чеченские и ингушские фамилии, давшие России немало известных людей. Например, члены фамилии Чермоевых были военными, купцами, нефтепромышленниками. Среди чеченцев и ингушей были люди, получившие дворянство за свои заслуги (Чуликовы, Цутиевы, Базоркины). Одним из путей интеграции в российское общество для некоторых из них было принятие православия. В то же время эти представители вайнахов были весьма немногочисленны (*Головлев, 2021: 182-196*).

Причина данной ситуации, на наш взгляд, была вполне очевидной. Те народы, которые не участвовали в «Кавказской войне», сумели продвинуться дальше в процессе интеграции в российские структуры. Те же этносы или общества, которые приняли активное участие в военных действиях, были тем самым объективно определенным образом отодвинуты назад в процессе освоения всего того нового, что шло из внешнего мира через посредство России. На Северо-Восточном Кавказе, по меньшей мере до конца 1870-х гг., активно функционировала идеология мюридизма, на что указывает известное восстание 1877–1878 гг. в Чечне и Дагестане. Тем не менее историки-кавказоведы фиксируют в Дагестане интереснейшее явление, которое нужно позиционировать особо. Академические экспедиции, направлявшиеся в «страну гор» в начале XX в., выявили отсутствие употребления русского языка в среде мусульманского населения. Однако значительная часть местных горцев воспринимала Россию в качестве родины (*Матвеев, 2018: 14*). Можно приводить и другие факты, указывающие на изменение сознания горцев, в котором средневековые неуклонно сдавало свои позиции. Так, если в 1870-е гг. фотографии у них вызывали суеверных страх (*Амиров, 1873: 56-57*), то в самом начале XX в. горцы охотно позировали перед объективом, а тех, кто слишком активно пытался помещать этому, они сами же могли и взять под стражу (*Буш, 1905*). Это дополнительные подтверждения наступления новой истории в среде горских народов Северного Кавказа.

Хотим еще раз подчеркнуть, что мы связываем новую историю у горцев с кардинальными изменениями не только в социально-экономической сфере, но и в плане восприятия северокавказскими обществами идей, чуждых им ранее, и появления национальной элиты нового типа, интегрированной в общероссийское социально-экономическое, культурное и политическое пространство (*Головлев, 2021: 193*). Общение с русскими и другими народами, расселявшимися в Предкавказье, меняло культурные, мировоззренческие и иные предпочтения и установки горцев, присущие еще средневековью, и открывало для них действительный период новой истории.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. стали рубежными для народов региона, когда в их истории наступило новейшее время, ставшее качественно новым этапом интеграции в российское общество, связанным с совершенно иными социально-классовыми установками, экономической и политической реальностью, революцией в области культуры и мировосприятия. При всем том сегодняшний день, с его обвальным ростом архаики на Северном Кавказе, показывает, что перемены, произошедшие здесь в XIX–XX вв., не преодолели глубокой «иммунности» горских социумов,

оставив шансы на «ренессанс» традиционных черт северокавказцев в эпоху постмодерна, что, собственно, мы и наблюдаем сегодня (Клычников, 2018).

5. Заключение

Таким образом, можно предложить следующие хронологические рамки позднего Средневековья – Нового времени на Северном Кавказе:

1. *Конец XVIII – начало XIX вв. – завершение средневековой эпохи на Северном Кавказе.* Оно связывается нами с кульминацией процесса интеграции горских обществ в состав российских структур, происходившего в значительной степени на основе взаимной заинтересованности сторон друг в друге. Присоединение (вхождение) горцев в состав России было рубежным событием, которое в перспективе радикально изменило ход их истории. В ходе этого процесса горской стороне постепенно предлагались все более жесткие «правила игры», основой которых было безоговорочное признание российского суверенитета. Внедрение этой идеи сопровождалось ростом условий, предъявляемых к горцам, все более расходящихся с их традиционным устройством. Российская власть шла по пути «дисциплинизации» горских социумов, которая, основываясь на признании горцев такими же подданными, что и прочие жители государства, становилась все более жесткой и соответствующей общеимперским условиям (прекращение набегов и иных «противоправных» действий догосударственной эпохи, контроль за перемещением населения и ограничение такового и т.п.). Северокавказцы должны были нести те или иные обязанности и повинности (предоставление воинских контингентов, извоз, дань и др.), что было не только проявлением элементов государственной эксплуатации, но и адаптацией к необходимости вносить свою лепту в общегосударственный «котел», без чего невозможно функционирование ни одного государства. Введение указанных тягот не осуществлялось «под одну гребенку» и учитывало уровень развития тех или иных обществ горцев. Внутреннее устройство горских народов еще в течение десятилетий не претерпевало существенных изменений в сторону преобразований. Вводимые новые порядки еще не знаменовали коренную перестройку и тем более ломку всего социально-экономического устройства, в том числе ментального уклада горских социумов.

2. *Начиная с конца первой трети XIX в. и до 1860–1870-х гг.* горские общества подвергаются гораздо более динамичной трансформации, связанной как с имаматской «модернизацией» на исламской основе («немирные» горцы), так и дальнейшей «дисциплинизацией» в имперском духе («мирные» горские общества). Влияние этих процессов на горцев Северного Кавказа было противоречивым. С одной стороны, внедрение новых порядков приучало население гор к жизни в условиях жестких государственных порядков, постепенному расставанию с родо-патриархальными вольностями и ценностями (набеги, кровная месть, горское «рыцарство» и т.п.), а в перспективе – к встраиванию в общеимперские структуры. С другой – смогло далеко не полностью преодолеть многовековые привычки и ментальные установки. Горская экономика оставалась во многом натуральной, основанной на обмене и относительно слабо знакомой с денежным хозяйством. Очень узкая прослойка горской интеллигенции (просветители, революционеры-народники, и др.) еще не стала «властителями дум» своих народов, воспринимавших ее как «гяуров». Полагаем, что указанное время было *переходным периодом* от Средних веков к Новому времени в истории северокавказских народов.

3. Принципиально другой была эпоха, совпадающая с пореформенным периодом, и тем более начало XX в. Горские общества начинают интенсивно втягиваться в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь России. Они интегрируются в многоукладный российский социальный организм, в рыночные отношения, размывается их родо-патриархальная замкнутость, формируются отряды горской интеллигенции, превращающиеся в проводников передовых идей, все с большим интересом воспринимаемых рядовыми горцами. Ценности горцев-«воюющих» конвертируются в российскую воинскую культуру. Россия становится для детей и внуков тех, кто участвовал в «Кавказской войне» на стороне ее противника, Родиной, которую они идут защищать на полях Великой войны. Меняются представления о внешнем мире, который все меньше ассоциируется со средневековой идеей сакральной нечистоты иноверцев, но становится все более привлекательным и желательным для освоения. Иными словами, *с рубежа 1860–1870-х гг. и до 1917 г.* можно говорить о *периоде собственно новой истории* у горских народов Северного Кавказа.

Разумеется, автор понимает всю дискуссионность и мозаичность высказанных мыслей, что связано с форматом работы, и выражает надежду на широкий обмен мнениями.

Литература

Ананьев и др., 2017 – Ананьев В.А., Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Промышленное развитие и торговля на Северо-Восточном Кавказе и их влияние на социально-экономический облик автохтонного населения региона (вторая половина XIX в.) // *История и обществознание. Научный и учебно-методический ежегодник*. Вып. XIV. Армавир: АГПУ, 2017. С. 35-45.

Айларова, 1990 – Айларова С.А. Особенности социально-экономического развития горских народов в конце XIX в. и работа А.Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» // *Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства)*. Грозный, 1990. С. 95-109.

Айларова, 2018 – Айларова С.А. Революция возрастающих потребностей в горском селе [Электронный ресурс]. URL: http://www.darial-online.ru/2002_3/aularov.shtml (дата обращения: 25.03.18).

Амиров, 1873 – Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // ССКГ. Вып. VII. Тифлис, 1873. С. 1-57.

Барретт, 2000 – Барретт Томас М. Линии неопределенности: северокавказский фронт России // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет*: Антология. Самара, 2000. Т. 2. Императорский период. С. 163-194. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> (дата обращения: 02.09.2021).

Белл, 2007 – Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В 2-х т. Т. 1. Нальчик, 2007. 407 с.

Блейх, Кидырниязов, 2020 – Блейх Н.О., Кидырниязов Д.С. Феномен северокавказского люмьеризма второй половины XVIII – начала XX в. (ретроспективный обзор) // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. № 2 (49). Грозный. С. 29-37.

Буш, 1905 – Буш Н.А. По скалам Андийского Дагестана // *Известия Русского императорского географического общества*. Т. XLI. Вып. III. 48 с.+7 л. ил.

Великая, 2007 – Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // *Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение*. 2007. № 45. Ростов-на-Дону. С. 88-101.

Вердеревский, 2013 – Вердеревский Е. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (1854–1855) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показании лиц, участвовавших в событии. В трех частях // *Кавказ: В плену у горцев*. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. Вып. 13. Т. 2. С. 155-348.

Виноградов, 1977 – Виноградов В.Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки* (далее – *ИСКНЦ ВШ*). 1977. № 1. С. 64-69.

Виноградов, 2008 – Виноградов В.Б. Нумизматические материалы в проблеме хронологии и периодизации позднесредневековой истории Северного Кавказа // *Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова* (к 70-летию со дня рождения). Армавир, 2008. С. 95-102.

Виноградов, Приймак, 2016 – Виноградов Б.В., Приймак Ю.В. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.). Армавир, 2016. 186 с.

Виноградов, 2005 – Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Монография. Славянск-на-Кубани, 2005. 384 с.

Виноградов, 2009 – Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Монография. Славянск-на-Кубани, 2009. 138 с.

Виноградов и др., 2019 – Виноградов Б.В., Дударев С.Л., Приймак Ю.В. Очерки истории формирования северокавказской и причерноморской окраины России в конце XVII – 1783 г. Армавир, 2019. 210 с.

Гапуров и др., 2008 – Гапуров Ш.А., Испиев И.М., Товсултанов Р.А. Политика России в период наместничества И.В. Гудовича // *Чеченцы в сообществе народов России*: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18–20 декабря 2008 г.). Т. 1. Назрань, 2008. С. 224-227.

Герман, 2015 – Герман Р.Э. Меновая торговля в Центральном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX в. в системе мер по «замирению Кавказа» // *Кавказский сборник*. Т. 9 (41) / Под ред. В.В. Дегоева. М., 2015. С. 102-113.

Головлев, 2021 – Головлев А.А. Православные чеченцы и ингуши и чечено-ингушские дворяне // *Проблемы археологии и истории Кавказа и Европы*. К 70-летию С.Л. Дударева: Международный сборник научных статей. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. С. 182-196.

Дегоев, 2013 – Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх Мансур и его время (XVIII век). М., 2013. 256 с.

Дневник полковника Руновского..., 1904 – Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге, с 1850 по 1862 год // *АКАК*. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1395-1527.

Дударев Д., Дударев С., 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь, 2017. 402 с.

Дударев, 2011 – Дударев С.Л. О некоторых новых диссертационных исследованиях по истории Чечни // *Сборник научных работ С.Л. Дударева*. М.: Илекса, 2011. С. 422-428.

Дударев, 2017 – Дударев С.Л. «Чужой среди своих»: страницы из дневника гимназиста 1870-х глазами современного историка // *Гуманитарные и юридические исследования*. Научно-теоретический журнал. 2017. Вып. 3. С. 28-31.

Дударев, 2018 – Дударев С.Л. Экономическое состояние горцев Северного Кавказа в XVIII в. // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. № 2. 2018. Т. 1. С. 84-93.

Дударев, 2021 – Дударев С.Л. Некоторые особенности управления народами Кавказа в процессе их интеграции в состав Российского государства и горские присяги начала XIX в. // *Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура*. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. В 2 ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. С. 139-148.

Записка князя Эристова..., 2015 – Записка князя Г.Р. Эристова «по управлению мирными горцами» (1848 г.) (Публикация и комментарии Л.И. Цвижба) // *Кавказский сборник*. Т. 9 (41). М., 2015. С. 207-215.

Зинева, 2015 – Зинева З.З. Военная интеллигенция Северного Кавказа в событиях гражданской войны // *Виноградовские чтения*. Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПА, 11 апреля 2015 г.). Армавир, 2015. С. 157-161.

История Северо-Осетинской АССР, 1987 – История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е., перераб. и доп. Орджоникидзе: Ир, т. I, 1987. 529 с.

История народов Северного Кавказа..., 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). Т. 2. М.: Наука, 1988. 659 с.

История многовековых отношений..., 2009 – История многовековых отношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. 752 с.

Кавказский вектор..., 2014 – Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. / Сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2014. 696 с.

Кавказ, 1848a – Газета «Кавказ». 1848. № 3. С. 91.

Кавказ, 1848b – Газета «Кавказ». 1848. № 20. С. 78.

Кавказ: европейские дневники..., 2010 – Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. Вып. III. 304 с.

Кавказский офицер..., 2011 – *Кавказский офицер*. В плену у шапсугов // В плену у горцев. Вып. 2. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т.»), 2011. С. 24-45.

Кажаров, 2014 – Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: Печатный двор, 2014. 904 с.

Казаков, 2006 – Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006. 406 с.

Кумыков, 1962 – Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. 199 с.

Кругов, Нечитайлов, 2016 – Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Вооруженные силы имамата горцев Северного Кавказа 1829–1859. М., 2016. 176 с.

Клычников, 2013 – Клычников Ю.Ю. О некоторых дискуссионных проблемах северокавказской истории глазами исследователей научно-педагогической Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова // *Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора*. Материалы 18-го семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Армавир, 2013. С. 5-9.

Клычников, 2018 – Клычников Ю.Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений. Пятигорск: ПГУ, 2018. 108 с.

Ктиторова, 2015 – Ктиторова О.В. Феномен северокавказского просветительства в преломлении судьбы и творчества Адиль-Гирея Кешева. Армавир; Ставрополь, 2015. 232 с.

Лапинский, 1995 – Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бей), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. Нальчик, 1995. 455 с.

Ле Гофф, 2001 – Ле Гофф Ж. В поддержку долгого средневековья // Жак Ле Гофф. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 31-38. [Электронный ресурс]. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/goff-v-podderzhku-dolgogo-srednevekovya.htm> (дата обращения: 26.03.18).

Лекции по истории..., 2017 – Лекции по истории средневекового Востока / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир, 2017. 152 с.

Марковин, 1976 – Марковин В.И. К изучению средневековой истории народов Северного Кавказа // *ИСКНЦ ВШ*. 1976. № 4. С. 12-16.

Матвеев, 2018 – Матвеев В.А. Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX в. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2018. 240 с.

Милованов, 1989 – Милованов Г.И. Социально-экономические аспекты движения горцев под руководством Шамиля // *Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.* Всесоюзная научная конференция 20–22 июня 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989. С. 55-57.

- Мирзоев, 2015** – Мирзоев А.С. «Право войны» в свете традиционной военной культуры черкесов (адыгов) – социокультурный аспект // *Кавказский сборник*. Т. 9 (41). М., 2015. С. 47-66.
- Норченко, Айларова, 2013** – Норченко Е.А., Айларова С.А. Модернизация Северного Кавказа в 20–50-е годы XIX века. Владикавказ, 2013. 284 с.
- Отношение командующего войсками..., 2005** – Отношение командующего войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова к министру финансов графу Е.Ф. Канкрину, 1835 г. // *Кавказ и Российская империя: проекты, иллюзии и реальность. Начало XIX – начала XX вв.* / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисцина, Б.П. Миловидов. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 350-354.
- Прасолов, 2015** – Прасолов Д.Н. Проблемы трансформации этнокультурной идентичности кабардинцев в XIX – первой трети XX в. // *Кавказский сборник*. Т. 9 (41). М., 2015. С. 218-233.
- Российская газета, 2011** – *Российская газета*. 20.01.2011. № 10 (5386). С. 19.
- Русские и кавказцы, 2009** – Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов / Артур Цуциев [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.sportedu.ru/BiblCard.idc?DocID=126265&DocQuerID=NULL&DocTypID=NULL> (дата обращения: 15.07.2009).
- Савенко, 2011** – Савенко С.Н. Краткий очерк истории Северо-Кавказского федерального округа (с древнейших времен до середины XV в.) // *Из истории и культуры Северного Кавказа: Сборник научных статей*. Вып. 3. Ставрополь, 2011. С. 58-69.
- Северный Кавказ в составе..., 2007** – Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Северный Кавказ с древних времен..., 2010** – Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010. 318 с.
- Сталь, 2011** – Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // *Кавказ: племена, язык, нравы*. Нальчик. 2011. Вып. VIII. С. 81-144.
- Стреллок, 2011** – Стреллок Н.Н. Из дневника старого кавказца. Нальчик, 2011. 60 с.
- Ткаченко, 2017** – Ткаченко Д.С. Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Ставрополь, 2017. 336 с.
- Урушадзе, 2015** – Урушадзе А.Т. Развитие образовательной политики Российской империи и формирование «национальных кадров» на Кавказе (1845–1854 гг.) // *Кавказский сборник*. Т. 9 (41). М., 2015. С. 137-149.
- Урушадзе, 2010** – Урушадзе А.Т. Имамат Шамиля и Танзимат Османской империи – два типа модернизации // *Былые годы*. 2010. № 4 (18). С. 10-12.
- Урушадзе, 2018** – Урушадзе А. Кавказская война. Семь историй. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 336 с.
- Фадеев, 2003** – Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны / Кавказская война. М., 2003. С. 33-111.

References

- Ajlarova, 1990** – Ajlarova, S.A. (1990). Osobennosti social'no-ekonomicheskogo razvitiya gorskih narodov v konce XIX v. i rabota A.G. Ardasenova «Perekhodnoe sostoyanie gorcev Severnogo Kavkaza» [Features of the socio-economic development of mountain peoples at the end of the 19th century. and the A.G. Ardasenov's work «The transitional state of the highlanders of the North Caucasus»]. *Rossiya i Severnyj Kavkaz (problemy istoriko-kul'turnogo edinstva)*. Groznyj: 95-109. [in Russian]
- Ajlarova, 2018** – Ajlarova, S.A. (2018). Revolyuciya vozrastayushchih potrebnoej v gorskom sele [The revolution of increasing needs in the mountain village]. [Electronic resource]. URL: http://www.darial-online.ru/2002_3/aularov.shtml (date of access: 25.03.18) [in Russian]
- Amirov, 1873** – Amirov, G.-M. (1873). Sredi gorcev Severnogo Dagestana (iz dnevnika gimnazista) [Among the mountaineers of Northern Dagestan (from the diary of a grammar school student)]. *SSKG*. VII: 1-57. [in Russian]
- Anan'ev i dr., 2017** – Anan'ev, V.A., Dudarev, S.L., Klychnikov, Yu.Yu. (2017). Promyshlennoe razvitie i trgovlya na Severo-Vostochnom Kavkaze i ih vliyanie na social'no-ekonomicheskij oblik avtohtonogo naseleniya regiona (vtoraya polovina XIX v.) [Industrial development and trade in the North-Eastern Caucasus and their impact on the socio-economic appearance of the autochthonous population of the region (second half of the 19th century)]. *Istoriya i obshchestvoznaniye*. Nauchnyj i uchebno-metodicheskij ezhegodnik. Vyp. XIV. Armavir: AGPU: 35-45. [in Russian]
- Barrett, 2000** – Barrett, T.M. (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij frontir Rossii [Lines of uncertainty: Russia's North Caucasian frontier]. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednih let: Antologiya*. Samara. T. 2. Imperatorskij period. Pp.1 63-194. [Electronic resource]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> [Data obrashcheniya: 2.09.2021] [in Russian]
- Bell, 2007** – Bell, Dzh. (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837-1839 godov [Diary of his stay in Circassia during 1837-1839]. V dvuh tomah. T. 1. Nal'chik. 407 p. [in Russian]
- Blejh, Kidyrynyazov, 2020** – Blejh, N.O., Kidyrynyazov, D.S. (2020). Fenomen severokavkazskogo lyum'erizma vtoroj poloviny XVIII – nachala XX v. (retrospektivnyj obzor) [The phenomenon of North

- Caucasian lumiereism in the second half of the 18th – early 20th centuries (retrospective review)]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 2(49): 29-37. [in Russian]
- Bush, 1905** – *Bush, N.A.* (1905). Po skalam Andijskogo Dagestana [On the rocks of Andean Dagestan]. *Izvestiya Russkogo imperatorskogo geograficheskogo obshchestva*. T. XLI, Vyp. III. 48 p.+7 l. il. [in Russian]
- Degoev, 2013** – *Degoev, V.V.* (2013). Nepostizhimaya Chechnya: Shejh Mansur i ego vremena (XVIII vek) [Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and His Time (XVIII century)]. M., 256 p. [in Russian]
- Dnevnik polkovnika Runovskogo..., 1904** – Dnevnik polkovnika Runovskogo, sostoyavshego pristavom pri Shamile vo vremena prebyvaniya ego v gor. Kaluge, s 1850 po 1862 god [Diary of Colonel Runovsky, who was a bailiff under Shamil during his stay in the mountains. Kaluga, from 1850 to 1862] (1904). *AKAK*. T. XII. Tiflis: 1395-1527. [in Russian]
- Dudarev, 2011** – *Dudarev, S.L.* (2011). O nekotoryh novyh dissertacionnyh issledovaniyah po istorii Chechni [Some new dissertation research on the history of Chechnya]. *Sbornik nauchnyh rabot S.L. Dudareva*. M.: Ileksa: 422-428. [in Russian]
- Dudarev, 2017** – *Dudarev, S.L.* (2017). «Chuzhoj sredi svoih»: stranicy iz dnevnika gimnazista 1870-h glazami sovremennogo istorika ["Stranger Among Friends": Pages from the Diary of a Schoolboy of the 1870s Through the Eyes of a Modern Historian]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. Nauchno-teoreticheskij zhurnal. 3: 28-31. [in Russian]
- Dudarev, 2018** – *Dudarev, S.L.* (2018). Ekonomicheskoe sostoyanie gorcev Severnogo Kavkaza v XVIII v. [The economic state of the mountaineers of the North Caucasus in the 18th century]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(2): 84-93. [in Russian]
- Dudarev, 2021** – *Dudarev, S.L.* (2021). Nekotorye osobennosti upravleniya narodami Kavkaza v processe ih integracii v sostav Rossijskogo gosudarstva i gorskie prisyagi nachala XIX v. *Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kultura*. Materialy VIII Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Pyatigorsk, 14–15 oktyabrya 2021 g.). Otv. red. akad. G.G. Matishov]. V 2 ch. Ch. 1. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNC RAN, 139-148. [in Russian]
- Dudarev, Dudarev, 2017** – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2017). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – sere diny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol', 402 p. [in Russian]
- Fadeev, 2003** – *Fadeev, R.A.* (2003). Shest'desyat let Kavkazskoj vojny. Kavkazskaya vojna. M.: 33-111. [in Russian]
- Gapurov i dr., 2008** – *Gapurov, Sh.A., Ispiev, I.M., Tovsultanov, R.A.* (2008). Politika Rossii v period namestnichestva I.V. Gudovicha [The policy of Russia during the governorship of I.V. Gudovich]. *Chechency v soobshchestve narodov Rossii: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 420-letiyu ustanovleniya dobrososedskih otnoshenij mezhdu narodami Rossii i Chechni* (g. Groznyj, 18-20 dekabrya 2008 g.). T. 1. Nazran': 224-227. [in Russian]
- German, 2015** – *German, R.E.* (2015). Menovaya trgovlya v Central'nom Predkavkaz'e v konce XVIII – pervoj poloviny XIX v. v sisteme mer po «zamireniyu Kavkaza» [Exchange trade in the Central Ciscaucasia at the end of the 18th - the first half of the 19th century. in the system of measures to "pacify the Caucasus"]. *Kavkazskij sbornik*. 9(41): 102-113. [in Russian]
- Golovlev, 2021** – *Golovlev, A.A.* (2021). Pravoslavnye chechency i ingushi i checheno-ingushskie dvoryane [Orthodox Chechens and Ingush and Chechen-Ingush nobles]. *Problemy arheologii i istorii Kavkaza i Evropy*. K 70-letiyu S.L. Dudareva: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh statej. Armavir: AGPU; Stavropol': Dizajn-studiya B, 2021. Pp. 182-196. [in Russian]
- Istoriya mnogovekovykh otnoshenij..., 2009** – Istoriya mnogovekovykh otnoshenij i edineniya narodov Dagestana s Rossiej. K 150-letiyu okonchatel'nogo vhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii [The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia. On the occasion of the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia]. Mahachkala, 2009. 752 p. [in Russian]
- Istoriya narodov Severnogo Kavkaza..., 1988** – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (end of XVIII – 1917)]. T. 2. M.: Nauka, 1988. 659 p. [in Russian]
- Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR, 1987** – Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR: S drevnejshih vremyon do nashih dne j [History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic: From Ancient Times to the Present]. V 2-h t. Izd. 2-e., pererab. i dop. Ordzhonikidze: Ir, t. I, 1987. 529 p. [in Russian]
- Kavkaz, 1848a** – *Gazeta «Kavkaz»*. 1848. 3: 91. [in Russian]
- Kavkaz, 1848b** – *Gazeta «Kavkaz»*. 1848. 20: 78. [in Russian]
- Kavkaz: evropejskie dnevniki..., 2010** – Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vekov [Caucasus: European Diaries of the XIII-XVIII Centuries]. Sost. V. Atalikov. Nal'chik, 2010. Vyp. III. 304 p. [in Russian]
- Kavkazskij oficer..., 2011** – Kavkazskij oficer (2011). V plenu u shapsugov (2011) [Caucasian officer. Captured by the Shapsugs]. *V plenu u gorcev*. Vyp. 2. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (OOO «Poligrafservis i T»), 2011: 24-45. [in Russian]

Kavkazskij vektor..., 2014 – Kavkazskij vektor rossijskoj politiki. Sbornik dokumentov [Caucasian vector of Russian politics. Collection of documents]. T. II. Kn. 2. 1796–1864 gg. Sost. M.A. Volhonskij, V.M. Muhanov. M., 2014. 696 p. [in Russian]

Kazakov, 2006 – *Kazakov, A.V.* (2006). Adygi (cherkesy) na rossijskoj voennoj sluzhbe. Voevody i oficery. Seredina XVI – nachalo XX v. Biograficheskij spravocnik [Adygs (Circassians) in the Russian military service. Governors and officers. Mid-16th – early 20th century Biographical reference book]. Nal'chik, 406 p. [in Russian]

Kazharov, 2014 – *Kazharov, V.H.* (2014). Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov [Selected works on the history and ethnography of the Circassians]. Nal'chik: Pechatnyj dvor, 904 p. [in Russian]

Klychnikov, 2013 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2013). O nekotoryh diskussionnyh problemah severokavkazskoj istorii glazami issledovatelej nauchno-pedagogicheskoi Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova [On some controversial problems of the North Caucasian history through the eyes of researchers of the scientific and pedagogical V.B. Vinogradov's Caucasology School]. *Rossiiskij Severnyj Kavkaz: problemy social'no-politicheskogo razvitiya i istoricheskogo vybora*. Materialy 18-go seminarja Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova. Armavir, 5-9. [in Russian]

Klychnikov, 2018 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2018). Sovmestnichestvo: retrospektivnyj analiz specifiky russko-severokavkazskih otnoshenij [Collaboration: a retrospective analysis of the specifics of Russian-North Caucasian relations]. Pyatigorsk: PGU, 108 p. [in Russian]

Krugov, Nechitajlov, 2016 – *Krugov, A.I., Nechitajlov, M.V.* (2016). Vooruzhennye sily imamata gorcev Severnogo Kavkaza 1829–1859 [Armed Forces of the Imamate of the Highlanders of the North Caucasus 1829–1859]. M., 176 p. [in Russian]

Ktitorova, 2015 – *Ktitorova, O.V.* (2015). Fenomen severokavkazskogo prosvetitel'stva v prelomlenii sud'by i tvorcestva Adil'-Gireya Kesheva [The phenomenon of North Caucasian enlightenment in the refraction of the fate and creativity of Adil-Girey Keshev]. Armavir-Stavropol', 232 p. [in Russian]

Kumykov, 1962 – *Kumykov, T.H.* (1962). Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vserosijskij rynek [Involvement of the North Caucasus in the all-Russian market]. Nal'chik, 199 p. [in Russian]

Lapinskij, 1995 – *Lapinskij, T. (Teffik-bej)* (1995). Gorey Severnogo Kavkaza i ih osvoboditel'naya bor'ba protiv russkih. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beya), polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyh kavkazcev [Mountaineers of the North Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Description of the eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik-Bey), colonel and commander of a Polish detachment in the country of independent Caucasians]. Nal'chik, 455 p. [in Russian]

Le Goff, 2001 – *Le Goff, Zh.* (2001). V podderzhku dolgogo srednevekov'ya [In support of the long Middle Ages]. Zhak Le Goff. Srednevekovyj mir voobrazhaemogo. M.: 31-38. [Electronic resource]. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/goff-v-podderzhku-dolgogo-srednevekovyia.htm> (date of access: 26.03.18) [in Russian]

Lekcii po istorii..., 2017 – Lekcii po istorii srednevekovogo Vostoka [Lectures on the history of the medieval East. Ed. S.L. Dudarev]. Pod red. S.L. Dudareva. Armavir, 2017. 152 p. [in Russian]

Markovin, 1976 – *Markovin, V.I.* (1976). K izucheniyu srednevekovoj istorii narodov Severnogo Kavkaza [To the study of the medieval history of the peoples of the North Caucasus]. *ISKNC VSh*. 4: 12-16. [in Russian]

Matveev, 2018 – *Matveev, V.A.* (2018). Russkaya osedlost' na Kavkaze: osobennosti formirovaniya vo vtoroj polovine XVIII – nachale XX v. [Russian Settlement in the Caucasus: Peculiarities of Formation in the Second Half of the 18th - Early 20th Centuries]. Rostov-na-Donu; Taganrog, 240 p. [in Russian]

Milovanov, 1989 – *Milovanov, G.I.* (1989). Social'no-ekonomicheskie aspekty dvizheniya gorcev pod rukovodstvom Shamilya [Socio-economic aspects of the movement of mountaineers under the leadership of Shamil]. *Narodno-osvoboditel'noe dvizhenie gorcev Dagestana i Chechni v 20-50-h godah XIX v.* Vsesoyuznaya nauchnaya konferenciya 20-22 iyunya 1989 g. Tezisy dokladov i soobshchenij. Mahachkala: 55-57. [in Russian]

Mirzoev, 2015 – *Mirzoev, A.S.* (2015). «Pravo vojny» v svete tradicionnoj voennoj kul'tury cherkesov (adygov) – sociokul'turnyj aspekt («The right of war" in the light of the traditional military culture of the Circassians (Adygs) – the socio-cultural aspect). *Kavkazskij sbornik*. 9(41): 47-66. [in Russian]

Norchenko, Ajlarova, 2013 – *Norchenko, E.A., Ajlarova, S.A.* (2013). Modernizaciya Severnogo Kavkaza v 20-50-e gody XIX veka (Modernization of the North Caucasus in the 20-50s of the nineteenth century). Vladikavkaz, 284 p. [in Russian]

Otnoshenie komanduyushchego vojskami..., 2005 – Otnoshenie komanduyushchego vojskami na Kavkazskoj linii general-lejtenanta A.A. Vel'yaminova k ministru finansov grafu E.F. Kankrinu, 1835 g. [The attitude of the commander of the troops on the Caucasian line, Lieutenant General A.A. Velyaminov to the Minister of Finance, Count E.F. Cancrin, 1835]. *Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, illuzii i real'nost'*. Nachalo XIX – nachala XX vv. Sost. Ya.A. Gordin, V.V. Lapin, G.G. Liscina, B.P. Milovidov. SPb: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005: 350-354. [in Russian]

Prasolov, 2015 – *Prasolov, D.N.* (2015). Problemy transformacii etnokul'turnoj identichnosti kabardincev v XIX – pervoj tretej XX v. [Problems of the transformation of the ethnocultural identity of the Kabardians in the 19th – first third of the 20th centuries]. *Kavkazskij sbornik*. 9(41): 218-233. [in Russian]

- Rossijskaya gazeta, 2011 – *Rossijskaya gazeta*. 20.01.2011. 10 (5386): 19. [in Russian]
- Russkie i kavkazcy..., 2009 – Russkie i kavkazcy: po tu storonu druzhby narodov [Russians and Caucasians: Beyond the Friendship of Peoples]. Artur Cuciev [Electronic resource]. URL: <http://lib.sportedu.ru/BiblCard.idc?DocID=126265&DocQuerID=NULL&DocTypeID=NULL> (date of access: 15.07.2009) [in Russian]
- Savenko, 2011 – *Savenko, S.N.* (2011). Kratkij ocherk istorii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga (s drevnejshih vremen do serediny XV v.) [A brief outline of the history of the North Caucasian Federal District (from ancient times to the middle of the 15th century)]. *Iz istorii i kul'tury Severnogo Kavkaza: Sbornik nauchnyh statej*. 3. Stavropol': 58-69. [in Russian]
- Severnyj Kavkaz s drevnih vremyon..., 2010 – Severnyj Kavkaz s drevnih vremyon do nachala XX stoletiya (istoriko-etnograficheskie ocherki) [North Caucasus from ancient times to the beginning of the 20th century (historical and ethnographic essays)]. Pyatigorsk, 2010. 318 p. [in Russian]
- Severnyj Kavkaz v sostave..., 2007 – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [North Caucasus as part of the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p. [in Russian]
- Stal', 2011 – *Stal', K.F.* (2011). Etnograficheskij ocherk cherkesskogo naroda [Ethnographic sketch of the Circassian people]. *Kavkaz: plemena, yazyk, nruvy*. Nal'chik. Vyp. VIII: 81-144. [in Russian]
- Strellok, 2011 – *Strellok, N.N.* (2011). Iz dnevnika starogo kavkazca [From the diary of an old Caucasia]. Nal'chik. 60 p. [in Russian]
- Tkachenko, 2017 – *Tkachenko, D.S.* (2017). Rossijskie istoriko-kul'turnye pamyatniki na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX vv. [Russian historical and cultural monuments in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries. Stavropol']. 336 p. [in Russian]
- Urushadze, 2010 – *Urushadze, A.T.* (2010). Imamat Shamilya i Tanzimat Osmanskoj imperii – dva tipa modernizacii [Imamat of Shamil and Tanzimat of the Ottoman Empire – two types of modernization]. *Bylye gody*. 4(18): 10-12. [in Russian]
- Urushadze, 2015 – *Urushadze, A.T.* (2015). Razvitie obrazovatel'noj politiki Rossijskoj imperii i formirovanie «nacional'nyh kadrov» na Kavkaza (1845-1854 gg.) [Development of the educational policy of the Russian Empire and the formation of "national cadres" in the Caucasus (1845-1854)]. *Kavkazskij sbornik*. 9(41): 137-149. [in Russian]
- Urushadze, 2018 – *Urushadze, A.* (2018). Kavkazskaya vojna. Sem' istorij [Caucasian War. Seven stories]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p. [in Russian]
- Velikaya, 2007 – *Velikaya, N.N.* (2007). Rossijskost' kak paradigma izucheniya rossijsko-kavkazskogo edinstva [Russian statehood as a paradigm for studying Russian-Caucasian unity]. Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza. *Yuzhnorossijskoe obozrenie*. 45: 88-101. [in Russian]
- Verderevskij, 2013 – *Verderevskij, E.* (2013). Plen u Shamilya. Pravdivaya povest' o vos'mimesyachnom i shestidnevnom (1854–1855) prebyvanii v plenu u Shamilya semejstv pokojnogo general-majora knyazya Orbeliani i podpolkovnika knyazya Chavchavadze, osnovannaya na pokazanii lic, uchastvovavshih v sobytii. V trekh chastyah [Captured by Shamil. A true story about the eight-month and six-day (1854–1855) stay of the families of the deceased Major General Prince Orbeliani and Lieutenant Colonel Prince Chavchavadze in captivity with Shamil, based on the testimony of those who participated in the event. In three parts]. *Kavkaz: V plenu u gorcev*. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh (OOO «Poligrafservis i T»). 13. T. 2: 155-348. [in Russian]
- Vinogradov i dr., 2019 – *Vinogradov, B.V., Dudarev, S.L., Prijmak, Yu.V.* (2019). Ocherki istorii formirovaniya severokavkazskoj i prichernomorskoj okrainy Rossii v konce XVII – 1783 g. [Essays on the history of the formation of the North Caucasian and Black Sea outskirts of Russia at the end of XVII – 1783]. Armavir, 210 p. [in Russian]
- Vinogradov, 1977 – *Vinogradov, V.B.* (1977). O nekotoryh kriteriyah datirovki pozdnesrednevekovyh pogrebal'nyh kompleksov Severnogo Kavkaza [Some Criteria for Dating Late Medieval Burial Complexes in the North Caucasus]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo centra vysshej shkoly. Obshchestvennye nauki (ISKNCVSh)*. 1: 64-69. [in Russian]
- Vinogradov, 2005 – *Vinogradov, B.V.* (2005). Specifika rossijskoj politiki na Severnom Kavkaze v 1783-1816 gg. [The specifics of Russian policy in the North Caucasus in 1783-1816]. Monografiya. Slavyansk-na-Kubani, 384 p. [in Russian]
- Vinogradov, 2008 – *Vinogradov, V.B.* (2008). Numizmaticheskie materialy v probleme hronologii i periodizacii pozdnesrednevekovoj istorii Severnogo Kavkaza [Numismatic materials in the problem of chronology and periodization of the late medieval history of the North Caucasus]. *Sbornik izbrannyh statej Vitaliya Borisovicha Vinogradova (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya)*. Armavir: 95-102. [in Russian]
- Vinogradov, 2009 – *Vinogradov, B.V.* (2009). Integrativnye proekty i dezintegriruyushchie faktory v rossijsko-severokavkazskih vzaimootnosheniyah konca XVIII – nachala XIX v. [Integrative projects and disintegrating factors in the Russian-North Caucasian relations of the late 18th – early 19th centuries]. Monografiya. Slavyansk-na-Kubani, 138 p. [in Russian]
- Vinogradov, Prijmak, 2016 – *Vinogradov, B.V., Prijmak, Yu.V.* (2016). Etnopoliticheskaya situaciya na Severnom Kavkaze v kontekste faktora prisoeдинeniya k Rossii Krymskogo hanstva (1772-1829 gg.)

[Ethnopolitical situation in the North Caucasus in the context of the factor of the annexation of the Crimean Khanate to Russia (1772-1829)]. Armavir, 186 p. [in Russian]

Zapiska knyazya G.R. Eristova..., 2015 – Zapiska knyazya G.R. Eristova «po upravleniyu mirnymi gorcami» (1848 g.) [Note by Prince G.R. Eristov "on the management of peaceful mountaineers" (1848)] (Publikaciya i kommentarii L.I. Cvizhba). *Kavkazskij sbornik*. 2015. 9(41): 207-215. [in Russian]

Zineeva, 2015 – Zineeva, Z.Z. (2015). Voennaya intelligenciya Severnogo Kavkaza v sobytiyah grazhdanskoj vojny [Military intelligentsia of the North Caucasus in the events of the civil war]. *Vinogradovskie chteniya*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Armavir, AGPA, 11 aprelya 2015 g.). Armavir: 157-161. [in Russian]

К проблеме периодизации конца Средневековья – Нового времени на Северном Кавказе

Сергей Леонидович Дударев ^{a, *}

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Переход от Средневековья к Новому времени на Северном Кавказе является одной из наименее разработанных тем в региональной истории. Начатое археологами-кавказоведами в середине 1970-х гг. обсуждение проблемы времени завершения местного позднего Средневековья и начала новой истории дальнейшего продолжения не получило. Представленный в данной статье анализ позволяет наметить критерии наступления Нового времени в Северокавказском регионе, включающие не только экономические и политические, но и социально-ментальные параметры. К ним относятся соответственно: учет степени динамики товарно-денежных отношений, преодоления политической разобщенности, состояние включенности в российские государственные структуры, подчиненности имперским общегосударственным порядкам, с другой стороны – попытки создания собственных госструктур и институтов; эволюция доминирования родо-патриархальных ценностей и религиозного взгляда на мир, появления среди горцев интеллигенции европейского типа, в том числе такого феномена, как просветители и др. В статье автором предложены следующие хронологические рамки позднего Средневековья – Нового времени на Северном Кавказе: конец XVIII – начало XIX вв. – завершение средневековой эпохи на Северном Кавказе; конец первой трети XIX в. – 1860–1870-е гг. – переходный период от Средних веков к Новому времени в истории северокавказских народов; рубеж 1860–1870-х гг. – 1917 г. – период собственно новой истории у горских народов Северного Кавказа. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. стали рубежными для народов региона, когда в их истории наступило новейшее время, ставшее качественно новым этапом интеграции в российское общество.

Ключевые слова: проблема периодизации конца Средневековья – Нового времени на Северном Кавказе, интеграция горцев в состав России, имаматская «модернизация», российский модернизационный проект, российскость.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 117-125
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.117

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Parliamentary Activity and Political Views of the British Minister of War S. Herbert during the Crimean War

Maxim V. Mikhailov ^{a,*}, Elena K. Sklyarova ^b, Ruslan M. Akhmedov ^a, Farid M. Mustafayev ^a

^aNon-governmental educational institution of higher education «Moscow Financial and Industrial University "Synergy"», Russian Federation

^bSouth Federal University, Russian Federation

Abstract

The article examines the activities of the British Minister of War, Sidney Herbert, as a representative of the Russian Vorontsov dynasty, as well as a member of the British Parliament, a reformer of the army health care during the Crimean War. His life and work were connected with the history of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, the Russian Empire, China, Crimea, Turkey. A graduate of the University of Oxford, a member of the British Parliament opposed the slave trade, for solving the problems of crime and disease in Ireland, the need for friendly relations with China. During the Crimean War, he, as the Minister of War of the United Kingdom, promoted reforms aimed at reorganizing and health care of the army, offering to share the responsibilities of the minister responsible for managing the colonies of Great Britain and conducting the war. In parliament, he was blamed for the lack of supplies and organization of the British army in the Crimea, which led to the fall of the Aberdeen government. Supporting the alliance of France, England and Turkey, Herbert, as a Minister of War, believed that the British military expedition to the Crimea was undertaken using funds insufficient to carry out military operations.

Keywords: Sidney Herbert, S. Vorontsov, Crimean war, army health care, Great Britain, Russian Empire.

1. Введение

Деятельность лорда и военного министра Великобритании Сидни Герберта (1810–1861 гг.) в последние годы привлекает внимание российских и зарубежных учёных. Это обусловлено тем, что он являлся военным министром Великобритании в годы Крымской войны. Примечательно, что по своей родословной он был представителем одновременно русской и британской аристократии, будучи сыном английского графа Пэмбрука и внуком посла Российской империи в Великобритании – Семёна Романовича Воронцова. С. Герберт всегда отстаивал репутацию Англии, а в Лондоне ему стоит памятник, как герою Крымской войны. Улица в Лондоне, на которой жил его дед и посол России в Великобритании, была названа в честь русской династии Воронцовых. Однако до сих пор в отечественной историографии политическая и парламентская деятельность военного министра Великобритании С. Герберта недостаточно изучена. Подобные аристократические биографии мало привлекали внимание советских исследователей, поскольку в центре внимания историков были, в основном, деятели революции и пролетариата. Политическая деятельность С. Герберта была связана с историей Крымской войны, которую Российская империя проиграла, и после которой правительство Британии ушло в отставку. Комплекс этих проблем приобрёл особую актуальность в

* Corresponding author

E-mail addresses: affina18@mail.ru (E.K. Sklyarova), MMikhaylov@synergy.ru (M.V. Mikhailov), ahmedov@list.ru (R. M. Akhmedov), f89288003160@mail.ru (F.M. Mustafayev)

контексте изучения особенностей и последствий Крымской войны, деятельности представителей европейской элиты, международных отношений России и Великобритании.

Возможности биографических исследований, использования парламентских документов, междисциплинарного подхода определяют перспективы дальнейших исследований в контексте политической, военной, парламентской и медико-социальной деятельности С. Герберта. Актуальность исследования определяется также необходимостью изучения деятельности выдающихся деятелей России и Британии, особенностей и последствий Крымской войны.

Цель исследования: комплексный анализ деятельности Сидни Герберта, как представителя русской династии Воронцовых и военного министра Великобритании, а также члена британского парламента и реформатора здравоохранения армии в период Крымской войны.

2. Материалы и методы

Для анализа особенностей государственной, политической, военной, медико-социальной и парламентской деятельности Сидни Герберта, а также международных отношений Великобритании и России в годы Крымской войны впервые использовались документы британского парламента и периодической печати. С. Герберт неизменно являлся депутатом британского парламента в 1832–1861 гг., поэтому его политические взгляды, роль в международной политике и в годы Крымской войны широко представлены в парламентских дебатах. Анализ ряда исторических документов британского парламента, работ современников и периодической печати позволил выявить малоизвестные грани международных отношений Великобритании и Российской империи, политические взгляды и деятельность выдающихся политиков. Многогранная деятельность С. Герберта заслуживает особого внимания, поскольку памятник этому английскому министру из русской династии Воронцовых, сооружённый после Крымской войны, занимает почётное место в центре Лондона.

Историко-генетический метод исследования и междисциплинарный подход позволили по новому взглянуть на деятельность британских политиков, особенности и последствия Крымской войны, реформирование армии и здравоохранения, а также малоизученные стороны международных отношений Великобритании и Российской империи.

3. Обсуждение

Многогранная деятельность военного министра Сиднея Герберта занимает особое место в истории многих стран мира, не получив должного освещения в российской и зарубежной историографии. В Российской империи его краткая биография впервые была представлена в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», где указано, что он «в 1841 году занял в министерстве Пиля пост секретаря адмиралтейства, а в 1845 году – военного секретаря... Когда в 1852 году во главе министерства стал лорд Абердин, Герберт вновь сделался военным секретарём. Хотя, он нисколько не был виноват в злоупотреблениях и недостатках организации, обнаружившихся во время нахождения английской армии в Крыму и приведших к падению министерства Абердина» (Герберт, 1892: 454).

Исследователи XXI века отмечали, что: «В годы Крымской войны британскую армию возглавлял военный министр лорд Сидней Герберт. Его родословная представляет особый интерес, поскольку он был сыном английского лорда Дж. Герберта и русской графини Екатерины Воронцовой, дочери посла Российской империи в Великобритании генерала, графа Семена Романовича Воронцова» (Sklyarova et al., 2019: 1626).

В Великобритании жизнь и деятельность С. Герберта была представлена впервые в начале XX века в воспоминаниях лорда Станмура, где отмечалось, что «Екатерина Воронцова, графиня Пэмбрук и Монтгомери, была необычной женщиной. К обладанию женственными качествами, остроумия, юмора и практического здравого смысла она добавила мужскую широту взглядов и силу воли... Её справедливо боготворили все её дети, которые находили в ней не только самую любящую из матерей, но и самого проникательного и практического советчика. Хотя она родилась, как русская и проживала в Санкт-Петербурге в её ранние годы, она так долго жила в Англии, сопровождая до своего замужества своего отца в эту страну, что практически, стала англичанкой. Но она никогда не забывала о своём русском происхождении, и последние годы её жизни были омрачены войной, разразившейся между страной её рождения и страной, которая её приняла» (Stanmore, 1906: 34).

«Одесский альманах» в Украине, отражая историю Крыма, подчеркнул, что «В европейской и американской историографии интерес к представителям рода Воронцовых, сыгравшим без преувеличения выдающуюся роль в истории Европы XVIII – первой половины XIX века, не случаен. Имена Михаила Илларионовича Воронцова – канцлера правительства Елизаветы Петровны, княгини Екатерины Романовны Дашковой, урождённой Воронцовой, возглавлявшей Академию наук, Александра Романовича – президента Коммерц-коллегии, а затем канцлера России, Семена Романовича Воронцова – полномочного министра России в Лондоне, как и его сына, Михаила Семёновича, полковнца и новороссийского генерал-губернатора, сами по себе вызывают пристальное внимание» (Третьяк, 2008: 60).

В центре Лондона на площади Ватерлоо был сооружён мемориал Флоренс Найтингейл и лорду Герберту, как героям Крымской войны. Мать этого военного министра Великобритании, русская графиня Екатерина Воронцова в возрасте 24-х лет благодаря своему отцу удачно вышла замуж за представителя британской аристократии и вдовца – Дж. Герберта (11 графа Пэмбрук, 8 графа Монтгомери), который был почти в два раза её старше. После чего в семье российских и британских аристократов появился будущий военный министр Великобритании – Сидни Герберт. Его дед – граф Семён Романович Воронцов «был послом» Российской империи в Лондоне. «Он жил здесь много лет и не знал ни слова на английском. Его сын Михаил был одним из выдающихся офицеров русской армии и губернатором Одессы»» (Greville, 1874: 250).

На протяжении полувека посол России в Великобритании – Семён Воронцов жил в Лондоне, где и был похоронен в семейном склепе, а улица в столице Великобритании, на которой он жил, названа в его честь. Внук этого российского дипломата – «Сидни Герберт был военным министром» Великобритании в годы Крымской войны (Sklyarova, 2017: 26).

Жизнь и деятельность С. Герберта была связана с историей Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, Российской империи, Китая, Турции и Крыма. Выпускник университета Оксфорда, член парламента и правительства Британии – военный министр, участник Крымской войны, реформатор здравоохранения армии. Однако, комплексных исследований, отражающих все сферы его деятельности и родословную пока недостаточно.

Таким образом, анализ политических взглядов, деятельности члена парламента и военного министра Великобритании, а также представителя русской династии Воронцовых и участника Крымской войны представляется актуальным.

4. Результаты

Яркий представитель российской и британской аристократии – Сидни Герберт в возрасте 22-х лет был избран от Уилтшира в парламента Великобритании, где его отец до этого был лорд-лейтенантом. С этого времени внук российского посла, молодой Сидни стал депутатом британского парламента, принимая активное участие в дебатах по актуальным проблемам международных отношений Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, Китая, Турции и России, а также колониальной политики и Крымской войны. При обсуждении «Ирландского вопроса» он настаивал на необходимости решения проблем преступности и болезней в Ирландии, поддерживая поиск «правильного средства, которое следует применить», соотнося его с «расследованиями палаты лордов», которая «вправе расследовать состояние Ирландии». Сидни Герберт призвал депутатов «сделать паузу, прежде чем позволить себе в партийных или эгоистических целях принять решение по ещё не увиденным доказательствам и, высказать мнение, от которого они впоследствии могут быть вынуждены отказаться» (Hansard's, 1839: 142-144).

Выступая в парламенте по вопросу войны с Китаем, С. Герберт отмечал «стычки англичан с китайцами», «торговлю опиумом», «необходимость «поддержки дружественных отношений с Китаем». Он указывал, что «народ Китая с ужасом взирал на прогресс, достигнутый оружием и дипломатией Англии на азиатском континенте...сожалея, что Британия вступила в войну сомнительной справедливости, тратя 6000000 фунтов стелингов для извлечения 2000000». С. Герберт акцентировал внимание депутатов, что они «ослеплены фракционными или партийными чувствами», а Великобритания «вступила в войну без уважительной причины, пытаясь поддерживать торговлю, основанную на необоснованных принципах, оправдывая действия, которые были позором для британского флага» (Hansard's, 1840: 745-748).

Обсуждая принципы свободной торговли, С. Герберт отмечал, что они «провозглашены много лет назад Кабинетом министров, видным членом которого был Роберт Пиль». По вопросу рабства и сахара, выращенного на Кубе, и в Бразилии, он отметил что, «если бы мы разрешили ввоз сахара, выращенного рабами, мы должны были свести на нет все усилия, которые мы предприняли для подавления работорговли... следует вспомнить изменения в отношении колоний с 1833 г.– освобождение негров, отмена изъятия, выравнивание пошлин на сахар Восточной и Вест-Индии». Обсуждая враждебность по отношению к вест-индскому рабству, он считал, что, «оставил бы на усмотрение парламента вопрос, в котором была глубоко затронута репутация страны» (Hansard's, 1841: 297-301).

Карьера внука Российского посла в Великобритании – С. Герберта шла стремительно вверх. В 1841 году он уже стал заместителем военно-морского министра. Обсуждая проблемы образования в госпитальных школах Гринвича, он подчеркнул, что «выдвинуты обвинения в неэффективности принятой там системы образования. По этому вопросу он должен заявить, что нынешняя коллегия Адмиралтейства провела экспертизу. В школу направлены два профессора, один из Королевского колледжа, другой из Лондонского университета, сообщив, что применяемый метод преподавания был в высшей степени удовлетворительным... принимаются меры для всестороннего обучения мальчиков... Что касается вопроса о жестоком обращении, он должен утверждать, что жалоб не поступало. Ни одному учителю не разрешалось подвергать мальчиков телесным наказаниям» (Hansard's, 1842: 835-836).

В 1845 году С. Герберт стал Государственным секретарём по вопросам войны. При обсуждении билля о призыве на военную службу, он сказал, что «неограниченный призыв нежелателен... до тех пор, пока мужчины не отслужат определённый срок, они не имели права на пенсию... он против коротких сроков призыва, хотя срок службы в континентальных армиях был более коротким... В Англии беспорядки могли быть подавлены несколькими полицейскими; но в континентальных штатах беспорядки, поначалу кажущиеся тривиальными, приобрели угрожающий характер. Когда лондонская полиция была создана впервые, она была сформирована в значительной степени из расформированных солдат.. В Индии большое количество солдат заключали там браки, имели семьи, вели роскошную жизнь... родители, принадлежащие к более скромным классам с тревогой смотрели на прибытие вербовочной партии, опасаясь, что их сыновей похитят, разлучат с ними навсегда... Одним из результатов десятилетней службы было бы то, что многие мужчины покинули бы армию в конце срока, не требуя никакой пенсии» ([Hansard's, 1847: 659-663](#)).

Проблема снабжения и медицинского обеспечения британской армии в период Крымской войны приобрела социально-политическое значение. На страницах журнала «Ланцет» регулярно публиковались сравнительные статьи, анализирующие состояние и здравоохранение британской армии накануне и в период Крымской войны ([Health of the army, 1855: 498](#)).

В начале военных действий в Крыму, отвечая на критику действий правительства, С. Герберт, как военный министр указывал, что «войска снабжаются пайками четырьмя способами. За границей их снабжали провизией за счёт фиксированной суммы в размере 3,5 доллара в день, удерживаемой из их жалованья... В Ирландии войска распределены по полковому контракту, и оплата за провизию из их жалованья варьировалась в зависимости от рыночной цены на продовольствие... В Англии войска снабжались по государственному контракту... сумма, удерживаемая из их жалованья, установлена максимум шесть фунтов стерлингов. Правительство взяло на себя обязательство оплатить разницу стоимости пайков... но из-за высокой цены на провизию стоимость пайка достигла максимума. В прежние годы о комфорте солдата заботились меньше, который не привык есть, как сейчас, три раза в день. В результате солдату стало почти невозможно обеспечить трёхразовое питание за счёт его жалования... правительство страны ни при каких обстоятельствах не должно получать прибыль от солдата... по государственному контракту будут приняты меры, чтобы в мясе не было чрезмерной доли костей... предусмотрено, что должны вестись отчёты о государственных контрактах на поставку провизии» ([Hansard's, 1854: 489-491](#)).

Оценивая силы противоборствующих сторон, С. Герберт заявил, что «Россия добивалась или ожидала свержения Турции русским оружием... Вплоть до того периода, когда лорд Стратфорд отправился в Константинополь, мы держались в стороне от переговоров... французская нация совершила большую дипломатическую ошибку, когда изначально вступила в эту дискуссию, но она проявила большое достоинство, заключив союз с Англией, позволив Турции противостоять узурпации, которая возникла со стороны России... Сейчас у нас численное превосходство над флотом России... Он видит опасность вовлечения Турции в борьбу, к которой она не подготовилась, в то время как армия России была грозной численно» ([Hansard's, 1854: 989-1041](#)).

Проблема антисанитарного состояния английской армии в годы Крымской войны постоянно обсуждалась в печати. Журнал «Ланцет» в 1855 году опубликовал отчёт о подготовке и санитарных условиях британской армии в Севастополе ([Surgery of the war, 1855: 471](#)). «Выводы комиссий, опубликованные в печати, отражали медико-социальные проблемы, дополняя друг друга, и требуя вмешательства парламента... Пресса приобретала роль фактора интеллектуального развития и здравоохранения, формирования социальной политики» ([Сидоренко и др., 2018: 113](#)).

Недостатки «Медицинского обеспечения британской армии в Крыму», «рост смертности от антисанитарии и эпидемий» ставились в вину правительству и военному руководству Великобритании ([The Medical Service, 1856: 717](#)). Журнал «Ланцет» систематически анализировал меры «по предотвращению эпидемий, которые стали медико-социальной проблемой» в русской, турецкой и британской армии ([Zhukovets et al., 2021: 1704](#)).

В ходе Крымской войны предлагалось провести полную реконструкцию военного и медицинского ведомства. С. Герберт поддерживал идею создания подписки для помощи солдатам. «Жёнам солдат, оставленных в населённых пунктах, были выданы пайки.. это был более дешёвый и удобный способ для государственной службы, чтобы жены и семьи солдат были распределены в казармах, из которых были выведены полки, чем ненужные расходы на отправку их обратно в приходы...он должен опасаться установления правила, что солдатские жены всегда должны содержаться за государственный счёт... лучше было бы сохранить правило отправки 6 женщин на 100 мужчин, поскольку они были полезны войскам в стирке и других делах» ([Hansard's, 1854: 69-71](#)). Военный министр Герберт отметил, что «занимал свой нынешний пост в правительстве, уделяя много внимания недостаткам существующей системы... главнокомандующий не обладает теми знаниями в области системы вооружения, которая должна существовать...большое зло иметь отдельные действия двух департаментов, не контролируемых одним руководящим органом...департаменту казначейства, который является контрольным департаментом не следует поручать такого рода обязанности». Он предложил «руководство комиссариатом передать из казначейства военным

ведомствам... Военную часть Департамента боеприпасов передать Главнокомандующему, в то время как гражданская часть должна остаться под контролем Совета по вооружениям... Обязанности министра, отвечающего за управление колониями, настолько велики, что несовместимы с обязанностями ведения войны» (Hansard's, 1854: 334-341).

Обсуждая медицинские и религиозные проблемы госпиталя в Скутари было решено направить туда женщин-медсестёр. С. Герберт поставил вопрос о правилах приёма сестёр милосердия и членов религиозных организаций к раненым военнослужащим в госпитале... Устанавливались правила, согласно которым они должны быть приняты без ссылки на религиозные убеждения, но в то же время должны подчиняться приказам одного человека, который должен быть протестантом. Соответственно, часть медсестёр была отобрана из разных учебных заведений, которые были протестантскими... в то же время мы не могли сделать разницы между ними и лицами любой другой религиозной конфессии в отношении правил». В ходе дебатов он зачитал выдержку из инструкций, адресованных мисс Найтингейл – «в целях выполнения трудной задачи, которую вы взяли на себя, вы внушите тем, кто действует по вашим приказам, необходимость строжайшего внимания к правилам госпиталя, сохранению субординации, которая необходима в каждом военном учреждении; и я полагаюсь на ваше благоразумие и бдительность, чтобы тщательно охранять от любых попыток тех, кто находится под вашим руководством, отобранных с учётом их пригодности и без какой-либо ссылки на вероисповедание, использовать своё положение в больницах для вмешательства или нарушения религиозных убеждений пациентов любой конфессии». При этом он отметил, что «сестры милосердия согласились с правилами, взяв на себя обязательство, не вступать в религиозные споры с ранеными» (Hansard's, 1854: 376-378).

В парламенте Британии обсуждался вопрос о медицинской службе в Крыму. Депутат Беннет поставил вопрос, «не предлагал ли Дж. Поллок, помощник хирурга больницы Святого Георгия, свои безвозмездные услуги армии в Крыму, и если да, то почему его предложение не принято?». С. Герберт ответил, что, «предложение безвозмездной услуги сделал Поллок, а также Макферсон. Но в случае последнего предложение ограничено сроком службы в течение трёх месяцев, считаясь нецелесообразным принимать предложения о службе в течение столь ограниченного времени. В то время правилом армейской службы было то, что гражданские лица должны быть допущены к работе в ранге ассистентов хирургов. Впоследствии это правило было изменено, а гражданским хирургам было решено не присваивать воинские звания» (Hansard's, 1855: 1405).

По поводу создания больницы в Смирне, С. Герберт сказал, «в Смирне была основана гражданская больница, но были высказаны сомнения в целебности здешнего климата... ощущалась нехватка помещений, и турецкое правительство предложило правительству барак для больницы. Были приняты меры, чтобы немедленно завладеть баракком, использовать больницы, построенные из дерева, чтобы дать возможность всему учреждению до наступления жары переместиться в более благоприятное место. Он понимал, что в этой больнице из-за лихорадки и необходимости предоставления 1000 кубических футов каждому пациенту следует сократить число пациентов с 800 (число, которое больница должна вместить) до – 480... у них был дорогостоящий штат гражданских хирургов, и под их присмотром находилось меньшее число пациентов, чем предполагалось. Поэтому он просил спросить, были ли отправлены деревянные бараки для госпиталей или нет?... было ли изменено намерение перенести больницу из Смирны в другой населённый пункт, который будет более целебным, когда наступит жаркая погода». При этом депутат Фредерик Пиль сказал, что «видел письмо от доктора Мейера, главы гражданской больницы в Смирне, в котором он заявил, что сократил число пациентов, размещённых в больничных зданиях, до 480 или 490, добавив, что подчинённый ему медицинский персонал способен вылечить вдвое большее число больных, и поэтому заявил, что правительству следует увеличить число больных до 1000 или 1200, и что это следует сделать не путём отказа от использования здания больницы, а путём возведения деревянных барakov на открытом пространстве» (Hansard's, 1855: 1625-1627).

Обсуждая решения Венского конгресса, член Палаты общин М. Гибсон поставил на голосование вопрос, который, как отметил С. Герберт «может привести к поспешному решению и повлечь важные последствия для страны и всей Европы». Герберт указал, что на странице 73 протокола от 21 апреля Венских конференций, где присутствовал лорд Джон Рассел, есть абзац: «граф Буол не считает различные способы решения исчерпанными и считает, что задача Австрии заключается в поиске средств урегулирования. Поэтому он надеется, что конференция соберётся снова, как только у кого-либо из членов появится новое предложение». Лорд Пальмерстон ответил, что «Правительство Её Величества, безусловно, не считает все способы решения рассматриваемого вопроса исчерпанными. Мы считаем, что на Австрию, по-прежнему, возложена, по её собственному добровольному предположению и согласию союзников, задача найти средства достижения соглашения между противоборствующими сторонами; и конференция, хотя в настоящее время приостановлена, окончательно не закрыта». Б. Дизраэли, указал, что Палата общин и страна имеют право потребовать от главы правительства более чёткого заявления относительно того, в каком положении сейчас находится страна в отношении недавних переговоров... "Пока есть жизнь, есть надежда" – такова, по-видимому, политика правительства Её Величества» (Hansard's, 1855: 836-842).

Анализируя в парламенте проблемы Крымской войны и неудачи в Севастополе, лорд Рассел отметил, что убеждён, что каждый член кабинета Абердина нес ответственность за эту экспедицию». Депутат Мюнц сказал, что «с самого начала задавал вопрос – кто виноват? он был уверен, что в этом случае, когда было так много бесхозяйственности, кто-то был виноват... война велась недостаточно энергично... виноваты все члены покойного правительства». Он обвинил администрацию лорда Абердина «в недостатке дальновидности, искренности, решимости, подготовки, осторожности и знаний». Мюнц поддерживал принцип оборонительной войны для защиты Турции, но никогда не мечтал о наступательной войне, и был удивлён, когда услышал о намерении послать туда экспедицию... он предостерегал Палату общин и народ Англии не пренебрегать русскими». По его мнению, было «неразумным решением осадить Севастополь без предварительного изучения прочности укреплений, объёма сил, которые потребуются, ресурсов страны и возможности инвестирования в это место. Это была худшая политика... теперь, перед Севастополем, мы были скорее осаждёнными, чем осаждающими». Он придерживался мнения, что уход Англии и Франции из Крыма побудит Россию продолжить свои посягательства на свободы Европы ещё дальше, чем она делала до сих пор, и сделает её более могущественной и более агрессивной, чем раньше». При этом С. Герберт отметил, что «Палата общин будет склонна предоставить ему своё снисхождение по этому вопросу... мы уклонились от выполнения вердикта Палаты общин на основании, представленных доказательств,...но мы оправданы, после всех обвинений, которые выдвинуты против нас... экспедиция в Крым была предпринята с использованием средств, недостаточных для выполнения военных операций». Дж. Грей, ссылаясь на речи лорда Рассела и члена парламента от Южного Уилтшира С. Герберта, отметил, что «Нельзя возложить на коллег, которые были членами правительства лорда Абердина, личную ответственность за все действия правительства Абердина... есть те, кто оспаривал политику экспедиции в Крым... Правительство подчинилось порицанию, которое было вынесено им, и в целом они подали в отставку» (*Hansard's, 1855: 1051-1086*).

Военный министр С. Герберт способствовал отправке Ф. Найтингейл вместе с медицинскими сёстрами в Крым, проводя реформы, направленные на снижение уровня смертности в армии от ранений и заболеваний, здравоохранение армии. Королевский госпиталь для раненых солдат и ветеранов Крымской войны был построен по его распоряжению родственником Флоренс Найтингейл – архитектором Д. Гальтоном. «Ф. Найтингейл добилась оснащения военных госпиталей и больниц новыми системами вентиляции, водоснабжения, введения медицинской статистики с помощью военного министра лорда Герберта» (*Склярова и др., 2017: 165*). Медаль имени Ф. Найтингейл «присуждается медицинским сёстрам за исключительную преданность своему делу и храбрость при оказании помощи раненым и больным, как в военное, так и в мирное время...была учреждена в 1912 году Лигой Международного Красного Креста в честь английской медицинской сестры Ф. Найтингейл» (*Харламов и др., 2017: 108*).

В 1856 году – в год окончания Крымской войны, Екатерина Воронцова умерла в Лондоне, когда её сын С. Герберт руководил военными действиями Великобритании против России. Военный министр Великобритании отправил письмо в Российскую империю, сообщив о смерти своей «дорогой матери» её брату генерал-губернатору графу М. Воронцову (*Stanmore, 1906: 35-36*).

После Крымской войны в Великобритании шли парламентские расследования, связанные с недостатками подготовки к Крымской войне. Будучи военным министром и членом правительства, С. Герберт, несомненно, нес ответственность за ряд проблем в британской армии. Расследования, носившие отчасти предвыборный характер, вынудили его уйти в отставку. После войны он стал попечителем Национальной портретной галереи в Лондоне. Однако в новом правительстве лорда Пальмерстона, С. Герберт продолжил свою государственную деятельность и был назначен Министром колоний, а в 1859–1860 гг. вновь стал военным министром Великобритании.

5. Заключение

Таким образом, деятельность С. Герберта – внука посла России в Великобритании, представителя династии Воронцовых, а также члена парламента, реформатора здравоохранения и военного министра связана с историей Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, Российской империи, Китая, Турции и Крыма. Улица в Лондоне, на которой жил его дед – посол России в Британии, названа в честь русской династии. Выпускник университета Оксфорда, член парламента Великобритании выступал против преступности и болезней в Ирландии, колониальной работоторговли, за дружественные отношения с Китаем. В годы Крымской войны он, как военный министр Великобритании, способствовал проведению реформ, направленных на здравоохранение армии. Поддерживая союз Англии, Франции и Турции, С. Герберт считал действия Российской империи в годы Крымской войны узурпацией, а её армию грозной по численности. Министр считал, что военная экспедиция в Крым была предпринята Великобританией с использованием средств, недостаточных для выполнения военных операций. Его обвиняли в недостатках снабжения и организации английской армии в Крыму, приведших к отставке правительства Абердина. С. Герберт предлагал разделить обязанности министра, отвечающего за управление колониями Соединённого Королевства и ведения войны. Будучи внуком российского дипломата и военным министром

Великобритании С. Герберт всегда отстаивал репутацию Соединённого Королевства, а в Лондоне ему стоит памятник, как герою Крымской войны.

Литература

[Герберт, 1892](#) – Герберт Сидней // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1892. Т. 8. С.454.

[Сидоренко и др., 2018](#) – Сидоренко Ю.А., Склярова Е.К., Бутова Е.Н. Формирование социогигиенических идей в эпоху урбанизации Великобритании // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2018. № 2 (99). С. 109-114.

[Склярова и др., 2017](#) – Склярова Е.К., Переверзева Д.О., Камалова О.Н. Флоренс Нантингейл и лорд Герберт в годы Крымской войны / *Медики – герои войн и локальных конфликтов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. 2017. С. 163-167.

[Третьяк, 2008](#) – Третьяк А.И. Семейная тайна Воронцовых // *Одесский альманах*. 2008. № 32. С. 6-10.

[Харламов и др., 2017](#) – Харламов Е.В., Склярова Е.К., Киселёва О.Ф. Милосердие как признание. Ростов н/Д: Мини Тайп, 2016. 200 с.

[Greville, 1874](#) – *Greville C.A Journal of the Reign of King George and King William IV*. Vol. 1. London: Longman's Green & Co, 1874. 425 p.

[Hansard's, 1839](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1839. Vol. 47. Pp. 142-144.

[Hansard's, 1840](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1840. Vol. 53. Pp. 745-748.

[Hansard's, 1841](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1841. Vol. 58. Pp. 297-301.

[Hansard's, 1842](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1842. Vol. 64. Pp. 835-836.

[Hansard's, 1847](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1847. Vol. 91. Pp. 659-663.

[Hansard's, 1854, Vol. 130](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1854. Vol. 130. Pp. 989-1255.

[Hansard's, 1854, Vol. 132](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1854. Vol. 132. Pp. 69-71.

[Hansard's, 1854, Vol. 135](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1854. Vol. 135. Pp. 334-341.

[Hansard's, 1854, Vol. 136](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1854. Vol. 136. Pp. 376-378.

[Hansard's, 1855, Vol. 137](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1855. Vol. 137. Pp. 1405-1627.

[Hansard's, 1855, Vol. 138](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1855. Vol. 138. Pp. 836-842.

[Hansard's, 1855, Vol. 139](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1855. Vol. 139. Pp. 1051-1086.

[Health of the army, 1855](#) – Health of the army before the Sebastopol // *The Lancet*. 1855. Vol. 65. Is. 1654. P. 498.

[Sklyarova et al., 2019](#) – Sklyarova E.K., Gutieva M. A., Kamalova O.N., Zaseeva L.T. The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of the XX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3. Pp. 1106-1114.

[Sklyarova et al., 2019](#) – Sklyarova E.K., Gutieva M. A., Kamalova O. N., Zaseeva L.T. The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of the XX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3. Pp. 1106-1114.

[Sklyarova et al., 2019](#) – Sklyarova E.K., Sidorenko Y.A., Safronenko A.V., Butova E.N. The Evolution of Public Health during the Crimean War // *Bylye Gody*. 2019. № 54 (4). Pp. 1623-1631.

[Stanmore, 1906](#) – Stanmore A. Sidney Herbert, Lord Herbert of Lea. London: J. Murray, 1906. Vol. II. 504 p.

[Surgery of the war, 1855](#) – Surgery of the war: analyses of medical evidence before the Sebastopol Committee // *The Lancet*. 1855. Vol. 65. Is. 1653. Pp. 471-472.

[The Medical Service, 1856](#) – The Medical Service of the British army in the Crimea // *The Lancet*. 1856. Vol. 67. Is. 1713. P. 717.

[Zhukovets et al., 2021](#) – Zhukovets O.Y, Sklyarova E. K., Sidorenko Y. A., Butova E.N. Socio-Political Aspects of the Evolution of Scientific Medical Societies of Great Britain And Russia // *Bylye Gody*. 16(4): 1701-1709.

References

[Greville, 1874](#) – *Greville, C.A (1874). Journal of the Reign of King George and King William IV*. Vol. 1. London: Longman's Green & Co, 425 p.

[Hansard's, 1839](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1839. Vol. 47. Pp. 142-144.

[Hansard's, 1840](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1840. Vol. 53. Pp. 745-748.

[Hansard's, 1841](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1841. Vol. 58. Pp. 297-301.

[Hansard's, 1842](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1842. Vol. 64. Pp. 835-836.

[Hansard's, 1847](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1847. Vol. 91. Pp. 659-663.

[Hansard's, 1854](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1854. Vol. 130. Pp. 989-1255.

[Hansard's, 1854](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1854. Vol. 132. Pp. 69-71.

[Hansard's, 1854](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1854. Vol. 135. Pp. 334-341.

[Hansard's, 1854](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1854. Vol. 136. Pp. 376-378.

[Hansard's, 1855](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1855. Vol. 137. Pp. 1405-1627.

- [Hansard's, 1855](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1855. Vol. 138. Pp. 836-842.
- [Hansard's, 1855](#) – Hansard's Parliamentary Debates. 1855. Vol. 139. Pp. 1051-1086.
- [Harlamov et al., 2017](#) – *Harlamov, E.V., Sklyarova, E.K., Kiseleva, O.F.* (2017). Miloseredie kak prizvanie [Charity as a vocation]. Rostov-na-Donu: Min Tayp, 2017. 200 p. [in Russian]
- [Health of the army, 1855](#) – Health of the army before the Sebastopol. *The Lancet*. 1855. Vol. 65. Is. 1654. P. 498.
- [Herbert, 1892](#) – *Herbert Sidni* [Herbert Sidney]. Enciclopedicheski slovar Brokgauza i Efrona: v 86 t. Spb.: Tipo-Litografiya I.A. Efrona, 1892. T. 8. P. 454. [in Russian]
- [Sidorenko et al., 2018](#) – *Sidorenko, Y.A., Sklyarova, E.K., Butova, E.N.* (2018). Formirovanie sociogigienicheskikh idey v epohu urbanizatsii Velikobritanii [The formation of the sociogygienic ideas during the epoch of urbanization of Great Britain]. *Humanitarnye i socialno-ekonomicheskie nauki*. 2(99): 109-114. [in Russian]
- [Sklyarova et al., 2017](#) – *Sklyarova, E.K., Pereverzeva, D.O., Kamalova, O.N.* (2017). Florens Naitingeil i lord Herbert v godi Krymskoi voiny [Florens Naitingeil and Lord Herbert during Crimean War]. *Mediki-geroi vojn i localnyh konfliktov. Materiali Vserossiiskoi konferencii s mezhdunarodnim ucastiem*. Pp. 163-167. [in Russian]
- [Sklyarova et al., 2019](#) – *Sklyarova, E. K., Gutieva, M. A., Kamalova, O. N., Zaseeva, L.T.* (2019). Stanovlenie sistemi zdavoohranenia Rossii i Velikobritanii v XIX – nachale XX vekov [The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of XX century]. *Bylye Gody*. 3(53): 1106-1114.
- [Sklyarova et al., 2019](#) – *Sklyarova, E.K., Gutieva, M.A., Kamalova, O.N., Zaseeva, L.T.* (2019). The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of the XX century. *Bylye Gody*. 53(3): 1106-1114.
- [Sklyarova et al., 2019](#) – *Sklyarova, E.K., Sidorenko, Y.A., Safronenko, A.V., Butova, E.N.* The Evolution of Public Health during the Crimean War. *Bylye Gody*. 54(4): 1623-1631.
- [Sklyarova, 2017](#) – *Sklyarova, E.K.* (2017). Florens Naitingeil i lord Gerbert v gody Krymskoi voiny [Crimean war and establishment of Public health system in Great Britain]. *Nauchnyi al'manakh stran Prichernomor'ya*. 1(9): 24-29.
- [Stanmore, 1906](#) – *Stanmore, A.* (1906). Sidney Herbert, Lord Herbert of Lea. London: J. Murray, Vol. II. 504 p.
- [Surgery of the war, 1855](#) – Surgery of the war: analyses of medical evidence before the Sebastopol Committee. *The Lancet*. 659(1653): 471-472.
- [The Medical Service, 1856](#) – The Medical Service of the British army in the Crimea // *The Lancet*. 67(1713): 717.
- [Tretiak, 2008](#) – *Tretiak, A.I.* (2008). Semeynaya Voroncovich [The Vorontsov family secret]. *Odeskii almanah*. 32: 6-10. [in Russian].
- [Zhukovets et al., 2021](#) – *Zhukovets, O.Y., Sklyarova, E. K., Sidorenko, Y. A., Butova, E.N.* (2021). Socio-political aspects of the evolution of scientific medical societies of Great Britain and Russia // *Bylye Gody*. 16(4): 1701-1709.

Парламентская деятельность и политические взгляды военного министра Великобритании С. Герберта в годы Крымской войны

Максим Владимирович Михайлов ^{a, *}, Елена Константиновна Склярова ^b,
 Руслан Маратович Ахмедов ^a, Фарид Мустафаевич Мустафаев ^a

^a Негосударственное образовательное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Российская Федерация

^b Южный Федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается деятельность военного министра Великобритании – Сидни Герберта, как представителя русской династии Воронцовых, а также члена британского парламента, реформатора здравоохранения армии в период Крымской войны. Его жизнь и деятельность были связаны с историей Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, Российской империи, Китая, Новой Зеландии, Крыма, Турции. Выпускник университета Оксфорда, член парламента Великобритании выступал против работорговли, за решение проблем преступности и болезней в Ирландии, необходимость дружественных отношений с Китаем. В период Крымской войны он, как военный министр Соединённого Королевства, способствовал проведению реформ, направленных на

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: affina18@mail.ru (Е.К. Склярова), MMikhailov@synergy.ru (М.В. Михайлов), ahmedov@list.ru (Р.М. Ахмедов), f89288003160@mail.ru (Ф.М. Мустафаев)

реорганизацию и здравоохранение армии, предлагая разделить обязанности министра, отвечающего за управление колониями Великобритании и ведения войны. В парламенте его справедливо обвиняли в недостатках снабжения и организации английской армии в Крыму, приведших к отставке и падению правительства Абердина. Поддерживая союз Франции, Англии и Турции, С. Герберт, как военный министр, считал, что военная экспедиция Великобритании в Крым была предпринята с использованием средств, недостаточных для выполнения военных операций.

Ключевые слова: Сидни Герберт, С. Воронцов, Крымская война, здравоохранение армии, Великобритания, Российская империя.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 126-134
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.126

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Travels of Alexander the First in Russia as a Way of Representing the Imperial Power

Inga V. Maslova ^{a,*}

^a Kazan Federal University, Russian Federation

Abstract

The article examines the travels of Alexander I in the Russian Empire, which had the character of working trips that were aimed at the implementation of a number of functions of power and were a way of its representation. One of the most important tasks of such trips was the unity of the government and the people, who was expressed in the visible presence of the sovereign among the subjects gathered along the roads, in the villages and cities through which the imperial motorcade passed. The symbolic image of the anointed of God was realized primarily in the fact that the first to meet the sovereign were representatives of the clergy and the first event at the entrance to the city was a solemn prayer service in the cathedral.

In the minds of his subjects, the emperor personified the image of a regulator of balanced coexistence of all classes. Therefore, a visit to each city that was on the way was accompanied by the reception of deputations from various estates and ranks. During the trips, the emperor carried out control functions, inspecting city institutions and censuring those officials and services where violations were detected. The grace of the sovereign was an integral part of the imperial travels and was expressed in the presentation of state awards, monetary and material gifts, and the personal participation of the autocrat in the destinies of specific people.

Imperial travels were accompanied by commemorative practices, which include the installation of commemorative plaques and monuments in honor of the visit of the sovereign, the issue of commemorative medals and badges. The notes accompanying this event, written in the literary and historical genre of travelogue, in which the monarch became not only the subject of description, but also reflection played an important role in the formation of the collective memory of the monarch's visit.

Keywords: The Romanov's dynasty, Alexander the First, travels of the emperor, commemoration, travelogue, representations of imperial power.

1. Введение

Реалиями современной политической жизни в Российской Федерации стало недоверие к власти со стороны граждан и снижение ее авторитета. Важное значение в решении указанных проблем имеют рабочие визиты президента и главы правительства в регионы Российской Федерации. Рабочие поездки президента являются одним из способов выражения государственного властвования. Целями подобных поездок могут быть встречи с губернаторами и общественными организациями, участие в экономических форумах, торжествах и празднованиях памятных дат и многое другое. Организация подобных визитов требует большой подготовки и подчиняется строгому протоколу. В этой связи возрастает актуальность изучения исторического опыта приемов организации визитов главы государства в российские губернии. Актуальность нашей работы связана и с тем, что в последние десятилетия в фокус исторических исследований все чаще попадают ранее недостаточно изученные сюжеты, среди которых концепт путешествий. При этом путешествия рассматриваются и как поведенческая практика, и как жанр (travelog) в исторической и художественной литературе.

* Corresponding author

E-mail addresses: Saveliz@yandex.ru (I.V. Maslova)

Популярность путешествий в Российской империи в первой половине XIX в. была вызвана изменением мировоззренческой модели реальности и желанием получить новые знания и новые впечатления, в основном за счет зарубежных поездок. Стимулом к развитию путешествий служили поездки представителей царствующей династии Романовых, и в первую очередь императора. Подчеркнем, что именно поездки императора по России стали импульсом интереса россиян к путешествиям по родной стране. Исследования императорских поездок по стране вызвали живой интерес современных историков в связи с тем, что они открывают новое направление, связанное с изучением имперской России с точки зрения реализации сложного процесса коммуникаций государства и общества, способов репрезентации власти.

2. Материалы и методы

Основным источником по изучению истории путешествий Александра I по губерниям Российской империи стали воспоминания и путевые записки современников императора, написанные в литературно-историческом жанре травелога. Автор одного из таких источников – офицер из свиты Александра I А.И. Михайловский-Данилевский, который сопровождал императора и в военных походах 1812 г., и в послевоенное время (Михайловский-Данилевский, 1890). Записки лейб-хирурга Дмитрия Климентьевича Тарасова, который сопровождал императора почти во всех его «путешествиях внутрь империи», изобилуют необычными эпизодами, происходившими в дороге и во время посещения тех или иных мест. При этом Д.К. Тарасов сочетает стиль путевого дневника с рефлексией по поводу отдельных событий и поступков императора и его окружения (Тарасов, 1915). Особый интерес представляют записки и воспоминания о поездках венценосного путешественника, составленные провинциальными жителями, ставшими свидетелями столь знаменательного события. Воспоминания М.С. Косарева о посещении государем Вятки написаны в форме репортажа для «Вятских губернских ведомостей», в котором в хронологическом порядке, детально описывались все места пребывания и встречи императора во время этого турне (Воспоминания о посещении Вятки, 1913). Нередко издавались отдельные брошюры с описанием визита императора в ту или иную губернию. Примером могут служить изданные в 1823 г. в губернской типографии записки о путешествии его величества государя императора через Орловскую губернию. Особенностью описаний провинциальных авторов было сочетание общепринятой композиции повествования о высочайшем визите с определенным литературным стилем. Подобные визуальные и вербальные репрезентации становились главным информативным источником, содержащим официальные и неофициальные материалы об императоре в среде провинциального общества.

Исследование основано на принципах микроисторического анализа с применением междисциплинарного подхода, когда в качестве предмета анализа избраны не столько политические и социальные структуры, сколько повседневный опыт и поведенческие установки людей в процессе коммуникации с представителями государственной власти.

3. Обсуждение

История царствования дома Романовых нашла широкое отражение в новейшей российской историографии в связи с празднованием 400-летия дома Романовых (Великий князь, 2010; Курбанов, 2013; Курукин, 2020). Подробное исследование истории императорской династии с конца XVII в. до наших дней провел Е.В. Пчелов (Пчелов, 2013). В центре внимания труда А.С. Трубецкого жизнь и гибель императора Александра I (Трубецкой, 2003). Узкий аспект царствования Александра I (и в первую очередь проблемы взаимоотношения власти с тайными обществами) стал предметом исследования В.В. Улыбина (Улыбин, 2004). Способы репрезентации императорской власти, ее символические и мифологические функции проанализированы в труде исследователя из США Ричарда Уортмана (Уортман, 2002). Новые источники по истории путешествий цесаревича Александра II по территориям Южного Урала вошли в сборник документов архивистов Челябинской области (Император Александр II, 2019), который получил положительный отзыв в среде российских исследователей (Любичанковский, 2020).

Визит императора нередко становился поводом для организации благотворительных инициатив, которые в начале XIX в. приобретают все большую популярность (Ульянова, 2021). Живой интерес исследователей вызывало восприятие императорской власти в различных социальных слоях общества (Банникова, 2014; Komleva, 2020).

Инструментом научного анализа для нас послужили научные статьи российских историков, опубликованные в сборнике «Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу», приуроченном к 400-летию юбилею династии Романовых (Романовы в дороге, 2016). В сборник включены исследования о дипломатических, рабочих, образовательных и туристических поездках представителей царствующей династии в XVII – начале XX вв. При этом за рамками исследования остались вопросы о поездках императоров в российские губернии. Вместе с тем подобные турне императоров, особенно в провинциальные губернии, носили характер рабочих поездок и являлись составной частью процесса осуществления властных полномочий.

4. Результаты

Активные путешествия по стране Александр I стал предпринимать с 1816 г. «Государь как бы хотел заглушить овладевшее им мрачное настроение духа беспрестанной переменой мест и впечатлений» (Шильдер, 1905: 47). В циркулярной ноте к резидентам иностранных дворов в Петербурге была четко определена цель поездок: «обозрение» губерний, наиболее пострадавших от войны 1812 г. В 1820-е гг. в план путешествий императора были включены более удаленные губернии Российской империи: Орловская, Вятская, Оренбургская и др. Эти поездки ставили целью ознакомиться с жизнью российской провинции.

Целью исследования является анализ путешествий как концепта истории в сочетании с изучением способов репрезентации императорской власти посредством изучения поездок императора Александра I по России с рабочими визитами. Подготовка к приему высочайшего гостя велась заранее и, как правило, начиналась с ремонта дорог и мостов, по которым предстояло проехать императорскому кортежу. В Записках лейб-хирурга Дмитрия Климентьевича Тарасова, который сопровождал императора в путешествиях, сообщалось, что в Смоленской губернии кортеж ехал лесными и болотистыми дорогами, «по коим была сделана, как казалось, вновь дорога для проезда императора» (Тарасов, 1915: 120). В Вятской губернии за излишнее усердие по ремонту дорог накануне визита государя губернатор получили порицание и грозный приказ, подписанный графом Аракчеевым, разъяснить: «Производимое вами ныне исправление в губернии, вам вверенной, дорог есть ли обыкновенное ежегодное исправление или предпринято особенно по случаю сведений, полученных вами о высочайшем путешествии?» (Бакин, 2018: 18). С определением маршрута императорского путешествия в соответствующие губернские канцелярии поступали циркуляры с разъяснением, как следует его организовать. Кортеж государя состоял из экипажей самого императора и экипажей его свиты, которые распределялись на три отделения. В первом отделении ехали коляски метрдотеля, начальника Главного штаба. Во втором отделении ехал сам император в сопровождении колясок лейб-медика и нескольких сановников из свиты. Замыкали кортеж генерал-адъютант Его Императорского Величества и службы, отвечавшие за смену лошадей. По всей протяженности путешествия на расстоянии 25 верст друг от друга должны быть устроены подставы, т.е. специальные станции, на которых держали лошадей для смены. В императорский экипаж следовало впрягать самых лучших почтовых лошадей, но при этом смиренных, хорошо объезженных и не боящихся огня, т.к. ночью движение продолжалось с факелами.

Во время поездки в сентябре 1823 г. император Александр I посетил города Орловской губернии. Маршрут путешествия был известен заранее, и поэтому к городам, которые должен посетить государь, да и просто к обочинам дорог стекались массы народа, «ожидая того дня, в который надеялись узреть Виновника их благоденствия» (Путешествие, 1823: 4). Ехали целыми семьями, молодые и старые, дворяне и крестьяне. Радостное оживление чувствовалось и в разговорах, и в праздничной одежде народа. «Знакомство» императора с народом и «опознание» высочайшей особы подданными являлось важнейшей задачей подобных путешествий. Поэтому к визиту высочайшего гостя готовились заранее, объезжая окрестные города и села на пути следования кортежа и разъясняя простому люду, что нужно приветствовать государя возгласами «Ура!», подбрасывая вверх шапки.

Курьезный случай произошел во время поездки императора в Вятскую губернию. Александр I любил иногда совершать «не протокольные» остановки, чтобы познакомиться с жизнью простого народа. Так, выйдя из коляски в небольшом селении на сибирском тракте, государь зашел в довольно опрятную избу, в светлице которой сидела старушка за пряжей, и попросил попить. Гостеприимная хозяйка, не узнав государя, подала ему ковш кваса. Александр спросил старушку, знает ли она о приезде царя, на что она ответила, что его ожидают, да ей старой не пробиться сквозь толпу, чтобы посмотреть на него. В это время в избу вошел сановник из свиты государя со словами: «Экипажи готовы, Ваше Величество». Поняв, кто стал ее гостем, старушка сняла с головы платок и, взметнув его к потолку, громко закричала: «Караул!» Изумленный государь спросил, почему она вдруг закричала. «Да, Батюшка-Царь, прости меня грешную! Нам велено, как завидим Тебя, кричать!» Государь рассмеялся, оставив на столе красненькую ассигнацию, отправился в дальнейший путь» (Воспоминания о посещении Вятки, 1913: 36).

Встреча с императором повергала население в восторг и вызывала неожиданные поступки со стороны отдельных людей. Так, во время визита в Калугу государь заехал выпить чаю в имение помещика Зыкова. Восемнадцатилетняя дочь помещика пришла в такой восторг от Александра I, что, когда он уехал, она поцеловала то место на полу, где стоял император (Михайловский-Данилевский, 1890: 80).

Улицы города, по которым проезжал императорский кортеж, оглашались колокольным звоном, громкими возгласами «Ура!» и иллюминировались фонарями, а на окнах каждого дома зажигали по 2–4 свечи. Нередко к приезду императора городской ландшафт оживляли специально выстроенными памятниками. Например, в Орле напротив дома, в котором разместились Александр I и его свита, была выстроена колоннада длиной около 150 метров, «посередине коей видно было вензелевое имя

Монарха в лучезарном сиянии над земным глобусом: по сторонам между колонн поставлены были в большом виде гербы всех губерний» ([Путешествие, 1823: 18](#)).

Церемониальный протокол посещения городов императором предусматривал торжественный въезд в город по центральной улице, ведущей к главному собору, где высокопоставленного гостя встречало городское духовенство и представители городских властей, чиновники, богатое купечество. Преосвященный приветствовал императора речью, исполненной верноподданническими чувствами. Например, в Вятке преосвященный Павел начал свою речь словами: «Всемиловитейший Государь! Богоспасаемый град сей, облекшись ныне в одежду радости и веселья, в духе, исполненном благоговения, спешит повернуться пред священными стопами Твоими...» ([Воспоминания о посещении Вятки, 1913: 37-38](#)). Затем государь присутствовал на торжественной службе, а далее визит проходил по заранее предусмотренной программе, индивидуальной для каждого посещаемого города.

В небольших городках ввиду отсутствия богатых дворянских усадеб государя принимали в доме самого состоятельного купца. Так, 3 сентября 1823 г., во время посещения Мценска, честь принимать в своем доме государя выпала городскому голове, купцу Жегалкину. Александр принял из рук местного купечества хлеб и соль, принял участие в чаепитии, устроенном в его честь, и отправился далее в Орел. По дороге венценосный путешественник вышел из коляски и посетил станционный дом, состоянием которого остался вполне доволен. Подобные непродолжительные визиты и мелкие остановки имели цель формирования идеального образа единения власти (олицетворением которой был монарх) и народа. Общаясь с представителями различных социальных групп, самодержец являл образ регулятора сбалансированных отношений всех сословий.

При посещении губернского города император делал остановку на несколько дней. Государя размещали в наиболее богатом и комфортабельном доме, расположенном в центре. Это мог быть дом губернатора, городского головы, знатного дворянина, преуспевающего купца и даже священника. Во время визита государя в Вятку 9 октября 1824 г. Александр I в течение четырех дней жил в доме губернатора. Именно здесь он принимал депутации городских сословий. Первым аудиенции удостоивалось духовенство города, затем визит императору наносили именитые горожане, в числе которых были чиновники, купцы. Прием депутатий был церемониальным мероприятием, и без него не обходился ни один визит. В путешествии император должен был встретиться с как можно большим количеством людей, что показывало единение государства и граждан. Чаще всего честь попасть на подобные приемы оказывалась далеко не всем желающим. Но случались и курьезные исключения: во время визита в Чернигов императора встретила весьма малочисленная группа дворян. «Они извинялись за малочисленность тем, что не все были оповещены о приезде монарха, и объясняли отсутствие некоторых недостатком шелковых чулок, которых ни в городе, ни в окрестностях, по их словам, будто бы нельзя купить» ([Михайловский-Данилевский, 1890: 81](#)).

В Калуге представители царствующей династии чаще всего останавливались в доме купца Золотарева. Этот дом стал своего рода путевым дворцом. Только за первую половину XIX в. в нем в разные годы останавливались во время путешествий 8 представителей династии Романовых. Объяснение этому кроется не только в удобстве здания, но и в радушном приеме хозяина. Калужский купец, готовясь к визиту императора, выписал из столицы не только разнообразные продукты, но и повара и прислугу, а все лица, сопровождавшие императора в этой поездке, получили в подарок от хлебосольного хозяина чай и сукно, которым он торговал ([Михайловский-Данилевский, 1890: 80](#)).

В каждом городе императора старались удивить необычным приемом. Так, в Вятке, помимо хлеба и соли, купец Колошин преподнес императору на отдельном подносе ананас, выращенный в собственном саду. Императору не раз преподносили подарки, которые вызвали его живой интерес. Жители Симбирска, например, преподнесли государю двух живых осетров и несколько стерлядей необычной величины. Рыбы были помещены в огромные ванны с водой. Александр I долго их рассматривал и остался весьма доволен таким подарком ([Тарасов, 1915: 122](#)). Во время посещения Златоустовских заводов по производству холодного оружия на Урале шестидесятилетний мастер преподнес императору шпагу превосходной отделки, за что был пожалован 500 рублями ([Тарасов, 1915: 129](#)).

Императорское путешествие по отдельным губерниям имело черты, присущие инспекционным поездкам, так как государь проводил осмотры не только достопримечательностей, но и посещал городские учреждения, учебные заведения, производил осмотр войск. Последнее мероприятие было обязательным церемониальным элементом высочайшего путешествия, так как, принимая парад, император олицетворял собой образ Отечества, поднимал патриотический дух солдат и офицеров. В Вятке «Его Величество изволил смотреть развод Вятского гарнизонного батальона. Он остался им очень доволен и говорил проходившему мимо Его церемониальным маршем батальону: «Хорошо, ребята, хорошо!» – «Рады стараться, Ваше Императорское Величество! Ура» ([Воспоминания о посещении Вятки, 1913: 41](#)). Во время орловского вояжа Александр I присутствовал на войсковых маневрах недалеко от деревни Александровское, после окончания которых состоялся благотворительный прием в честь императора. Специально с этой целью недалеко от деревни была выстроена галерея, украшенная воинскими знаками отличия и доспехами, а вся армия, принимавшая

участие в маневрах (более 43 тыс. человек), «была угощаема депутациями от граждан всех городов Орловской губернии завтраком» ([Путешествие, 1823: 14-15](#)).

Уникальная в своем роде благотворительная акция состоялась во время визита Александра I в Калугу в 1816 г. Учитывая, что основная цель путешествия заключалась в выявлении проблем на территории губерний, наиболее пострадавших от Отечественной войны 1812 г., император старался обращать внимание на материальный ущерб, вызванный войной, и выработку мер по его преодолению. В годы Отечественной войны калужские дворяне собрали на нужды армии 4 152 344 руб. 6 коп., выставляли кордоны, снабжали войска продовольствием и обмундированием «под квитанции», т.е. в долг. После войны эти квитанции, которых по губернии было выписано на сумму 200 тыс. руб., должны были быть погашены из казны ([Бессонов, 2010: 118](#)). В честь высочайшего визита Александра I калужское дворянство приняло решение не требовать от государства возвращения этих денег.

Продуманный до малейших деталей план визита императора в редких случаях давал сбой. Например, в Чернигове император в 6 часов утра должен был производить осмотр войск 24 дивизии генерала Ратта, но ко всеобщему изумлению, когда император прибыл на место, солдаты еще не построились для осмотра. Раздосадованный этим происшествием, император сказал Ратту, что «в военное время лучшие распоряжения останутся безуспешны, ежели войска будут опаздывать, и велел на место его назначить другого дивизионного начальника» ([Михайловский-Данилевский, 1890: 81](#)).

Если в губернии располагались крупные заводы и производства, они чаще всего включались в маршрут венценосного путешественника. В 1816 г. во время визита в Тулу Александр I посетил оружейный завод, где собственноручно ковал вместе с несколькими оружейниками, за что пожаловал им 400 руб. ([Шильдер, 1905: 56](#)).

Уральское путешествие Александра I позволило ему примерить на себя роль копателя золотых приисков близ Златоуста. Подойдя к тому месту, где вынимается золотоносный песок, император попросил дать ему лопату и обратился к свите со словами: «Господа, милости просим испытать этот труд, и кто что найдет, то будет принадлежать ему» ([Тарасов, 1915: 130](#)). Но на этот раз повезло самому императору, т.к. один из рабочих, работавший рядом с ним, закричал: «Самородка!» Найденный императором при участии рабочего прииска самородок оказался весом 8 ф. 17 золотников. «После эту самородку золота химически очистили, она получила блестящий вид и постоянно находилась в кабинете у императора в Зимнем дворце. Он всегда клал ее на бумаги на рабочем столе вместо пресс-папье» ([Тарасов, 1915: 130](#)).

Традиционно во время путешествий по России Александр I посещал гимназии и приходские училища, при этом государь интересовался количеством и составом учащихся, осматривал классные комнаты, библиотеку, знакомился с рисунками и выпускными работами одаренных учащихся. В Орле император осмотрел пожарную команду, тюремный замок и заведения Приказа общественного призрения. В последних император не только встретился с призреваемыми, но и лично «отведал на кухне приготовленную для больных пищу» ([Путешествие, 1823: 16](#)).

Не обходил вниманием Александр I и пенитенциарные заведения. Д.К. Тарасов, отмечая это, писал: «Замечательно, что государь, при осмотре тюремных замков, всегда останавливал внимание на важных преступниках и вникал в их физиономию» ([Тарасов, 1915: 122](#)). В данном контексте под физиономией понимался внутренний мир человека, характерные черты личности преступника. В Симбирском тюремном замке государю показали двух разбойников и убийц – дядю и племянника. Старший был главарем банды, вины своей не признавал и разговаривал с императором дерзко. Его племянник – молодой человек 22 лет – при виде Александра I залился слезами и утверждал, что это его дядя принудил к преступным действиям.

Чаще всего посещение государем того или иного учреждения завершалось похвалой с его стороны, но случалось, что Александр делал замечания. Так, во время осмотра Успенского Трифоновского монастыря в Вятке император высказал неудовольствие по поводу того, что приходские священники епархии строят слишком большие дома и рекомендовал строить дома поменьше 5 сажень, но, чтобы внутри они были чистыми и опрятными. «Причиной первого приказа Государя был огромный деревянный дом священника в селе Поломском, где Его Величеству назначен был ночлег. Этот дом был внутри не штукатурен, не опрятен и обилен насекомыми, а между тем на владельца его были поданы жалобы от прихожан» ([Воспоминания о посещении Вятки, 1913: 43](#)). Таким образом, император указал на финансовые злоупотребления со стороны отдельных духовных лиц.

В первой четверти XIX в. визуальное представление власти посредством изображений императора не было еще широко распространено, поэтому одним из важнейших способов репрезентации императорской власти и формирования образа идеального правителя была возможность лично увидеть государя. И если в столице балы, торжественные приемы, парадные выезды императора были явлением распространенным, то для провинциального общества единственной возможностью почувствовать близкую сопричастность к государю, а значит и к государственной власти, являлись балы, устраиваемые в честь государева визита. Во время посещения Вятки бал в честь венценосного гостя проходил в доме городского головы, купца

И.С. Машковцева. Император открывал бал танцем с супругой губернатора, далее следовал танец с супругой хозяина дома и еще две-три дамы удостоивались чести танцевать с государем. Как правило, Александр присутствовал на балу не более полутора часов, после чего вместе со свитой покидал бальный зал, а восторженные от встречи с государем гости продолжали веселиться до утра.

Вербальная репрезентация власти во время высочайших визитов находила выражение в символических названиях мест, связанных с визитом монарха, в появлении памятных знаков. Например, дом губернатора на время проживания в нем императора назывался «дворец». При посещении учебного заведения в память о столь знаменательном событии в здании устанавливали памятную доску. После посещения императором горных заводов на Урале были подготовлены специальные памятные медали (*Эскизы медалей*). Каждый вояж государя оставлял историко-литературный след в виде публикаций в газетах и изданий отдельных брошюр. К XIX столетию сформировался язык описания императорских травелогов, представлявший собой политкорректные приемы описания высочайших визитов в российские губернии. Литературно-публицистическое сопровождение императорских путешествий также преследовало цель формирования образа единения государя и народа, поэтому в них присутствовали царственные деяния, обстоятельства личной жизни Романовых, забавные происшествия, т.е. сюжеты, рассчитанные на простых людей.

Император реализовывал и свои сакральные функции, в том числе посредством одаривания вещественными подарками и деньгами, а также через «милости» – участие в решении судьбы конкретных людей. В период подготовки высочайшего путешествия по Российской империи составлялись специальные списки ювелирных украшений и других сувениров, которые предназначались для высочайших пожалований. Среди подарков были перстни, табакерки, булавки, часы из драгоценных металлов. Подобные подарки выдавались из специальной кладовой № 2 Камерального отделения Кабинета Его Императорского Величества. Нередко государь жаловал денежные награды, которые могли выдаваться индивидуально, либо премировалась группа лиц.

Существовали определенные правила награждения подарками из рук государя. Награждали по чину или по заслугам, при этом учитывался и род занятия награждаемого. Например, преосвященный Павел в ходе вятского визита императора был пожалован панагией (небольшой образ округлой формы на цепочке), украшенной бриллиантами (*Воспоминания о посещении Вятки, 1913: 46*). В том случае, когда император жаловал подарок частному лицу – мужчине – это могла быть табакерка, дама же получала, например, перстень или брошь.

Награды по чину получали за усердие, проявленное на государственной службе. Чиновникам и служащим, проявившим себя в обеспечении высочайшего путешествия, жаловались государственные награды. Вятский городничий Гриценко получил орден Св. Анны 2-й степени «за быстроту в исполнении поручений» при обеспечении высочайшего визита (*Воспоминания о посещении Вятки, 1913: 46*). Заметим, что законодательство Российской империи закрепляло четкий порядок награждения орденами и предусматривало следующую «постепенность» их получения: Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава той же степени с императорской короной, Св. Анны той же степени с императорской короной, Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Анны той же степени с императорской короной (*ПСЗРИ*). Так что получить очередной орден можно было не только за десятилетия беспорочной службы, но и за служебную расторопность во время трехдневного визита императора.

К числу заслуг при организации путешествия относились предоставление государю ночлега, организация торжественного приема, оказание помощи при починке экипажа и многое другое. Оздворец Надеждин Покровской слободы Орловской губернии, в доме которого император остановился на ночь, был пожалован бриллиантовым перстнем, а его семья получила в награду 1000 руб. (*Путешествие, 1823: 6*). Денежные вознаграждения жаловались начальникам жандармских подразделений, которые обеспечивали охрану императора и его свиты в путешествии, командирам войск, смотр которых производил император, а иногда и рядовым солдатам. Так, прибыв в город Карачев Орловской губернии, государь пожаловал нижним чинам 21 Егерского полка, бывшим на карауле, по рублю. Штаб-лекарь военного лазарета Цветков был пожалован суммой в 1000 руб. (*Путешествие, 1823: 20*).

Во время вятского визита произошел интересный случай, который показал, что император внимателен к своему окружению, и не только к высшим чинам, и готов проявить личное участие в судьбе конкретного человека. «Заметив в числе полицейских чиновников бывшего гвардейца Филиппова и, подзвав его к себе, Государь сказал: «Здорово, Филиппов! Зачем ты здесь?» Тот отвечал: «Ваше Величество! Я получил отставку, приехал на родину и теперь, для прокормления себя, служу в полиции». Выслушав ответ, Александр I пожаловал бывшему гвардейцу 100 руб. ассигнациями (*Воспоминания о посещении Вятки, 1913: 41*).

5. Заключение

Таким образом, путешествия Александра I по Российской империи носили характер рабочих поездок с различными целями, но были направлены на реализацию целого ряда функций власти и являлись способом ее репрезентации.

Императорские визиты были подчинены строгому церемониальному протоколу, во-первых, с тем чтобы обеспечить безопасность монарха; во-вторых, с целью демонстрации мифологических и символических державных функций.

Одной из важнейших задач подобных поездок было единение власти и народа, которое выражалось в его зримом присутствии среди подданных. Огромное стечение народа на пути следования императорского кортежа являлось реальным воплощением этой идеологической установки.

Символический образ помазанника Божьего реализовывался прежде всего в том, что первыми встречали государя представители духовенства и первым мероприятием при въезде в тот или иной город был торжественный молебен в соборе. Монарх являлся проводником в жизнь воли Божьей, следуя символической формуле «Царь повелевает, а Бог на истинный путь наставляет».

В сознании подданных император олицетворял образ третейского судьи, регулятора сбалансированного сосуществования всех сословий. Поэтому визит в каждый город, который лежал на пути, сопровождался приемом депутатов от различных сословий и чинов. Учитывая, что в состав делегаций, принимаемых монархом, попадали исключительно высшие слои общества, император расширял коммуникативный круг общения, совершая мелкие остановки в процессе путешествия и встречаясь с людьми из народа.

Свидетельством справедливости воли монаршей являлись сочетание государева гнева и милости. Несмотря на то, что поездки не ставили цели инспектирования подвластных территорий, император нередко реализовывал и контрольные функции, вынося порицания тем чиновникам и службам, где были замечены нарушения. Милость государя являлась заранее планируемой, неотъемлемой частью императорских путешествий. С этой целью из специальной кладовой № 2 Камерального отделения Кабинета Его Императорского Величества определялся набор ценных подарков и формировался специальный премиальный фонд для денежных одариваний. Явлением монаршей милости был также процесс принятия прошений и участие в судьбах конкретных людей.

Императорские путешествия всегда сопровождались практиками коммеморации, к которым можно отнести установку памятных досок о визите государя, выпуск памятных медалей и знаков, установку памятников. Важную роль в формировании коллективной памяти о монаршем визите играли сопровождавшие это событие заметки, написанные в литературно-историческом жанре травелога, в которых монарх становился не только предметом описания, но и рефлексии.

Обязательным итогом венценосного путешествия по Российской империи было формирование идеального образа императора как символа Отечества и Власти в сочетании с идеей их гармоничного сосуществования с народом.

Литература

Бакин, 2018 – Бакин В.С. Собор святого Александра, обретенный храм земли вятской. Вятка, 2018. 320 с.

Банникова, 2014 – Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода): Монография. СПб., 2014. 440 с.

Бессонов, 2010 – Бессонов В. Калужская губерния и династия Романовых / У истоков российской государственности. Роль женщин в истории династии Романовых: II Международная научно-практическая конференция (22–23 мая 2009 г., г. Калуга и г. Мещовск): исследования, материалы. СПб., 2010. С. 116–124.

Великий князь, 2010 – Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I: биография. М., 2010. 320 с.

Воспоминания о посещении Вятки, 1913 – Воспоминания о посещении Вятки Государем Императором Александром Благоденным в 1824 году. (Статья М.С. Косарева из «Вят. губ. вед. 1864 г. № 45») // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 2/3. С. 33–46.

Император Александр II, 2019 – Император Александр II и Южный Урал: Сборник документов и материалов / Сост., науч. ред. Н.А. Антипин. Челябинск, 2019. 538 с.

Курбанов, 2013 – Курбанов С.У. Русские цари. Династия дома Романовых: к 400-летию династии дома Романовых. Ростов-на-Дону, 2013. 187 с.

Курукин, 2020 – Курукин И.В. Романовы. М., 2020. 509 с.

Любичанковский, 2020 – Любичанковский С.В. Император Александр II и Южный Урал: издан новый сборник документов архивистов Челябинской области // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 306–311.

Михайловский-Данилевский, 1890 – Михайловский-Данилевский А.И. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // Русский вестник. 1890. № 210. С. 77–104.

ПСЗРИ – ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 34. № 34781. § 34. С. 575.

Путешествие, 1823 – Путешествие его величества государя императора чрез Орловскую губернию в 1823. Орел, 1823. 29 с.

Пчелов, 2013 – Пчелов Е.В. Романовы. История великой династии. М., 2013. 400 с.

Романовы в дороге, 2016 – Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей / Отв. ред. М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. М.; СПб., 2016. 320 с.

- Тарасов, 1915** – *Тарасов Д.К.* Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение. Пг., 1915. 226 с.
- Трубецкой, 2003** – *Трубецкой А.С.* Александр I / Пер. с англ. С. Головой и А. Голова. М., 2003. 415 с.
- Улыбин, 2004** – *Улыбин В.В.* Александр I: обратная сторона царствования. Власть и тайные общества в 1801–1825 годах. СПб., 2004. 240 с.
- Ульянова, 2021** – *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в России в первой половине XIX в.: итоги и перспективы изучения законодательства и статистики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 2 (100) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840014110-0-1/> (дата обращения: 12.10.2021). DOI: 10.18254/S207987840014110-0.
- Уртман, 2002** – *Уртман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. 607 с.
- Шильдер, 1905** – *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., Т. 4: (1816–1826). 1905. 651 с.
- Эскизы медалей** – Эскизы медалей в память посещения императором Александром I Уральских горных заводов 23 сентября 1824 г. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 37. Оп. 2. Д. 28. Л. 11.
- Komleva, 2020** – *Komleva E.V.* The Dynasty of the Yeniseysk Merchants Kobychyevs: Formation, Entrepreneurship, Participation in Public Life // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. № 13 (7). Pp. 1144-1152.

References

- Bakin, 2018** – *Bakin, V.S.* (2018). Sobor svyatogo Aleksandra, obretennyi khram zemli vyatskoi [Cathedral of St. Alexander, the found temple of the land of Vyatka]. Vyatka. 320 p. [in Russian]
- Bannikova, 2014** – *Bannikova, E.V.* (2014). Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo kupechestva (na materialakh gubernii Urala doreformennogo perioda): monografiya [Everyday life of the provincial merchants (based on the materials of the Ural provinces of the pre-reform period): monograph]. SPb. 440 p. [in Russian]
- Bessonov, 2010** – *Bessonov, V.* (2010). Kaluzhskaya guberniya i dinastiya Romanovykh. U istokov rossiiskoi gosudarstvennosti [Kaluga province and the Romanov dynasty. At the origins of Russian statehood]. *Rol' zhenshchin v istorii dinastii Romanovykh: II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. SPb. Pp. 116-124. [in Russian]
- Velikii knyaz', 2010** – *Velikii knyaz' Nikolai Mikhailovich.* Imperator Aleksandr I: biografiya [Grand Duke Nikolai Mikhailovich. Emperor Alexander I: biography]. M. 320 p. [in Russian]
- Vospominaniya o poseshchenii Vyatki, 1913** – *Vospominaniya o poseshchenii Vyatki Gosudarem Imperatorom Aleksandrom Blagoslovennym v 1824 godu.* (Stat'ya M. S. Kosareva iz «Vyat. tub. Ved. 1864 g. №45») [Memories of the visit to Vyatka by the Sovereign Emperor Alexander the Blessed in 1824. (Article by M. S. Kosarev from "Vyat. Tub. Vedas. 1864, No. 45"). *Trudy Vyatskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 2/3: 33-46. [in Russian]
- Imperator Aleksandr II, 2019** – *Imperator Aleksandr II i Yuzhnyi Ural: sbornik dokumentov i materialov* [Emperor Alexander II and the Southern Urals: a collection of documents and materials]. Sost., nauch. red. N.A. Antipin. Chelyabinsk. 538 p. [in Russian]
- Kurbanov, 2013** – *Kurbanov, S.U.* (2013). Russkie tsari. Dinastiya doma Romanovykh: k 400-letiyu dinastii doma Romanovykh [Russian tsars. Dynasty of the House of Romanov: to the 400th anniversary of the dynasty of the House of Romanov]. Rostov-na-Donu. 187 p. [in Russian]
- Kurukin, 2020** – *Kurukin, I.V.* (2020). Romanovy [Romanovs]. M. 509 p. [in Russian]
- Lyubichankovskii, 2020** – *Lyubichankovskii, S.V.* (2020). Imperator Aleksandr II i Yuzhnyi Ural: izdan novyi sbornik dokumentov arkhivistov Chelyabinskoi oblasti [Emperor Alexander II and the South Urals: a new collection of documents of archivists of the Chelyabinsk region has been published]. *Vestnik arkhivista*. 1: 306-311. [in Russian]
- Mikhailovskii-Danilevskii, 1890** – *Mikhailovskii-Danilevskii, A.I.* (1890). Iz vospominanii Mikhailovskogo-Danilevskogo [From the memoirs of Mikhailovsky-Danilevsky]. *Russkii vestnik*. 210: 77-104. [in Russian]
- PSZRI** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Т. 34. №34781. § 34. P. 575. [in Russian]
- Puteshestvie, 1823** – *Puteshestvie ego velichestva gosudarya imperatora chrez Orlovskuyu guberniyu v 1823 g* [The journey of his majesty the emperor through the Oryol province in 1823]. Orel, 29 p. [in Russian]
- Pchelov, 2013** – *Pchelov, E.V.* (2013). Romanovy. Istoriya velikoi dinastii [The Romanovs. History of a great dynasty]. M., 400 p. [in Russian]
- Romanovy v doroge, 2016** – *Romanovy v doroge. Puteshestviya i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu: Sb. statei* [The Romanovs are on the road. Travels and trips of members of the royal family in Russia and abroad: Sat. articles]. Otv. red. M.V. Leskinen, O.V. Khavanova. M. SPb. 320 p. [in Russian]

Tarasov, 1915 – *Tarasov, D.K.* (1915). Imperator Aleksandr I. Poslednie gody tsarstvovaniya, bolezni, konina i pogrebenie [Emperor Alexander I. The last years of his reign, illness, horse meat and burial]. Pg., 226 p. [in Russian]

Trubetskoi, 2003 – *Trubetskoi, A.S.* (2003). Aleksandr I [Alexander I]. Per. s angl. S. Golovoi i A. Golova. M. 415 p. [in Russian]

Ulybin, 2004 – *Ulybin, V.V.* (2004). Aleksandr I: obratnaya storona tsarstvovaniya. Vlast' i tainye obshchestva v 1801–1825 godakh [Alexander I: the reverse side of the reign. Power and secret societies in 1801–1825]. SPb. 240 p. [in Russian]

Ul'yanova, 2021 – *Ul'yanova, G.N.* (2021). Blagotvoritel'nost' v Rossii v pervoi polovine XIX v.: itogi i perspektivy izucheniya zakonodatel'stva i statistiki [Charity in Russia in the first half of the 19th century: results and prospects of studying legislation and statistics]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. T. 12. 2(100). [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840014110-0-1/> (date of access: 12.10.2021). DOI: 10.18254/S207987840014110-0 [in Russian]

Uortman, 2002 – *Uortman, R.S.* (2002). Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii. T. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I [Power scenarios. Myths and ceremonies of the Russian monarchy. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I]. M., 607 p. [in Russian]

Shil'der, 1905 – *Shil'der, N.K.* (1905). Imperator Aleksandr Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Alexander the First. His life and reign]. SPb., T. 4: (1816–1826). 651 p. [in Russian]

Eskizy medalei – Eskizy medalei v pamyat' poseshcheniya imperatorom Aleksandrom I Ural'skikh gornykh zavodov 23 sentyabrya 1824 g. RGIA (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv) [Sketches of medals in memory of the visit by Emperor Alexander I of the Ural mining plants on September 23, 1824 RGIA (Russian State Historical Archive)]. F. 37. Op. 2. D. 28. L. 11. [in Russian]

Komleva, 2020 – *Komleva, E.V.* (2020). The Dynasty of the Yeniseysk Merchants Kobychyevs: Formation, Entrepreneurship, Participation in Public Life. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(7): 1144-1152.

Путешествия Александра I по России как способ репрезентации императорской власти

Инга Владимировна Маслова ^{a, *}

^a Казанский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются путешествия Александра I по Российской империи, имевшие характер рабочих поездок, направленных на реализацию целого ряда функций власти и являвшихся способом ее репрезентации. Одной из важнейших задач подобных поездок было единение власти и народа, которое выражалось в зримом присутствии государя среди подданных, собиравшихся вдоль дорог, в селениях и городах, по которым проезжал императорских кортеж. Символический образ помазанника Божьего реализовывался прежде всего в том, что первым встречали государя представители духовенства и первым мероприятием при въезде в город был торжественный молебен в кафедральном соборе.

В сознании подданных император олицетворял образ регулятора сбалансированного сосуществования всех сословий. Поэтому визит в каждый город, который лежал на пути, сопровождался приемом депутатов от различных сословий и чинов. В ходе поездок император реализовывал контрольные функции, проводя осмотр городских учреждений и вынося порицания тем чиновникам и службам, где были выявлены нарушения. Милость государя являлась неотъемлемой частью императорских путешествий и выражалась во вручении государственных наград, денежных и вещественных подарков, в личном участии самодержца в судьбах конкретных людей.

Императорские путешествия сопровождалась практиками коммеморации, к которым можно отнести установку памятных досок и памятников в честь визита государя, выпуск памятных медалей и знаков. Важную роль в формировании коллективной памяти о монаршем визите играли сопровождавшие это событие заметки, написанные в литературно-историческом жанре травелога.

Ключевые слова: династия Романовых, Александр I, путешествия императора, коммеморация, травелог, репрезентации императорской власти.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Saveliz@yandex.ru (И.В. Маслова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 135-144
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.135

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Methods of Missionary Activity of Orthodox Preachers among Kazakhs in the XIX century

Zakish T. Sadvokassova^{a,*}, Ziyabek Ye. Kabuldinov^a, Aida S. Margulan^a, Rashid E. Orazov^a

^a Ch. Valikhanov Institute of history and ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The problems of the activity of Orthodox missionaries and ministers of the Church in the XIX century among Kazakhs have been insufficiently studied. The article highlights some aspects of the process of baptism of Kazakhs, based on the sources introduced into scientific circulation for the first time – archival documents and periodical materials.

The authors draw attention to the fact that the baptism of Kazakhs at the initial stage took place without the participation of missionaries and was sporadic, situational in nature. Since the first Orthodox Kazakh steppe were tsarist officials and Cossacks, the first baptized include children who were bought and workers, who served with Russian residents of the border territories.

The huge distances between settlements created objective difficulties in the spread of Orthodoxy. The activities of church servants at first focused on Russian immigrants. Attempts to attract Kazakhs to the bosom of the Church did not give the desired results, due to their nomadic lifestyle. It was more expedient to use mobile forces in the person of missionaries. Having founded their camp, they could carry out their work for a long time, moving together with nomads, moving from one village to another. The activity of the missionaries was organized, they used various methods of influencing the consciousness and feelings of the Kazakhs. The missionaries conducted propaganda among the most diverse categories of the indigenous population: men and women, adults and children, people in difficult life situations – prisoners, the sick – fell into their sphere of influence. Of particular interest is the work of Orthodox preachers among Kazakh women, who, even after Islamization, were characterized by a certain openness and freedom, unlike Muslim women in Central Asia.

Keywords: nomads, Kazakhs, Islam, Russian Church, Orthodox missionaries, baptism, neophytes.

1. Введение

Религиозная ситуация в Республике Казахстан с первых дней обретения независимости складывается непросто. Свободную нишу в духовной сфере после распада страны Советов пытаются заполнить представители мировых религий. Хлынувший поток разных мастей миссионеров, используя опыт своих предшественников, модернизируют методы и способы привлечения в ряды неофитов молодых людей, нуждающихся, неуверенных в завтрашнем дне. Они вербуют их для увеличения количества сторонников и нетрадиционных религий, нарушают спокойствие в стране. Поэтому проблема изучения деятельности православных миссионеров в XIX столетии тесно связана с пропагандой вероучений современных проповедников.

В течение XIX века в жизни казахского народа происходили существенные изменения в управлении, образе жизни, экономике, образовании, религии. Перемены в политико-административной сфере были вызваны реформами царского правительства в 20-х годах XIX века, в ходе которых были приняты «Устав о сибирских киргизах» (1822 г.), «Устав об оренбургских киргизах» (1824 г.). Закрепили позиции российской системы управления «Временное положение об

* Corresponding author

E-mail addresses: tungatar_k@mail.ru (Z.T. Sadvokassova)

управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями» (1867 г.), «Временное положение об управлении Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областями» (1868 г.). На протяжении столетия вводились и другие законодательные акты царского правительства. В результате этих реформ была осуществлена смена системы власти в Казахской степи: не стало ханов, более того, в рамках новой административной структуры представители прежней властной элиты – султаны-чингизиды – постепенно заменялись разбогатевшими казахами, не имевшими никакого отношения к «белой кости». Создание новых территориально-административных единиц – сначала округов, приказов, дистанций, позднее генерал-губернаторств, областей, уездов, волостей – коренным образом нарушило привычное ведение хозяйства. Следствием переселенческой политики стали изменения в экономической жизни. Новые соотношения пастбищных угодий и пахотных земель вызвали не только изменение кочевых маршрутов и столкновение интересов различных родов, но и трансформацию состава и долевого структуры продукции земледелия и животноводства. Появление во второй половине XIX века добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности привело к еще большему расслоению казахского общества. Мектебы, функционировавшие при мечетях, стали все чаще заменяться русско-туземными школами. По инициативе царского правительства в начале рассматриваемого периода в степь направлялись татарские муллы, дабы укрепить позиции ислама среди казахов. Бытовало мнение, что казахи не являются в полной мере добросовестными мусульманами, поскольку в их религиозном сознании ислам сочетался с шаманизмом (баксы), почитанием духов предков – аруахов, другими элементами язычества.

С течением времени религиозная политика самодержавия в отношении кочевников поменялась в направлении поддержки Русской православной церкви в Казахской степи и распространения христианства среди коренного населения. Особое место в утверждении православия отводилось миссионерам, которые могли долгое время находиться в разъездах в целях привлечения в христианскую веру новых адептов. Применяя различные методы, миссионеры шли к главной цели – христианизации казахов с тем, чтобы включить их в число верных подданных Российской империи.

Цель статьи заключается в освещении на основе документальных источников деятельности православных миссионеров в XIX веке, выявлении и описании различных методов, применяемых ими в деле привлечения казахов в новую веру.

2. Материалы и методы

Среди использованных при написании статьи методов основным является конкретно-исторический, или идеографический (нарративный) метод. Использование документальных сведений, выявленных в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), в редких фондах научных библиотек, позволило осветить в целом религиозную жизнь казахского населения и раскрыть методы, применявшиеся православными миссионерами.

Исторический метод исследования раскрывает логику деятельности миссионеров по распространению православия. Политика исламизации «равнодушных» к религии казахов, проводившаяся по инициативе имперской власти, была заменена христианизацией, поскольку была признана более перспективной для будущего российских подданных. В статье соблюдается хронологическая последовательность, благодаря которой видны последствия миссионерской деятельности.

Компаративный анализ ситуаций, при которых казахи принимали крещение, позволяет выделить различные способы привлечения адептов к православию – от агитации в пользу христианской веры до использования перехода в православие как возможности преодоления трудных жизненных обстоятельств, в которых оказались эти люди.

Объединение частей объекта в одно целое на основе метода синтеза позволяет получить целостную картину миссионерской деятельности Русской православной церкви на территории современного Казахстана, в отражении хода и результатов которой принимали участие не только служители русской православной церкви и миссионеры, но и гражданские лица. В частности, в отчетных документах чиновников колониального аппарата, помимо разделов о климате, населении, просвещении, происшествиях, имелся пункт «Крещение казахов», где приводились данные о количестве казахов, принявших православие.

На основе метода классификации по различным признакам выделены группы методов привлечения в православие.

3. Обсуждение

К изучению проблемы, связанной с распространением православия в национальных регионах Российской империи, исследователи стали обращаться в годы перестройки, особенно в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси. Еще одним толчком актуализации проблемы явился распад СССР. В публикациях и научных трудах историков освещалась религиозная жизнь нерусских народов, раскрывались некоторые аспекты работы духовных миссий в контексте культурно-

просветительского развития инородцев в процессе освоения земель (Храпова, 2019: 105-118), рассматривались этапы утверждения христианства среди крещеных инородцев некоторых национальных регионов в условиях буржуазной модернизации (Таймасов, 2002: 524). Исследователи занимались изучением жизни и деятельности обер-прокурора Святейшего синода (Жировов, 1998: 137-157). Объектом исследования историков являлась миссионерская деятельность Русской православной церкви в различных регионах Российской империи: в Сибири (Батури́н, Батурина, 2015: 13-21), на северо-востоке России (Лифантьева, 2001: 70-75) и др.

В статье хакасских ученых «Миссионерская деятельность как фактор освоения Сибири в XVII–XIX вв.» дается анализ деятельности миссионеров, задачей которых было первичное знакомство народов, проживающих в Сибири, с православной верой, с переходом в дальнейшем к их русификации. Как подчеркивают авторы, реформы М.М. Сперанского 1822 года позволили законодательно включить миссионерскую деятельность в круг государственных интересов. В основе реформы лежала идея склонять туземные народы к восприятию русской культуры, способов ведения хозяйства, организации быта и т.п. Предполагалось, что этим и должны заниматься миссионеры, которых необходимо направить в самые отдаленные уголки империи для ведения там не только религиозной, но и просветительской деятельности (Асочакова, Чистанова, 2018: 124-130).

При этом следует отметить, что религиозная деятельность миссионеров была главенствующей, просветительская работа была подчинена целям привлечения инородческого населения к православию. По этой причине получили распространение миссионерские, церковно-приходские школы, учениками которых были и дети коренных жителей.

Проповедниками новой веры среди жителей земель, вошедших в состав Российской империи, являлись служители церкви, миссионеры, гражданские лица. Но для привлечения инородцев в лоно православия главная роль отводилась священнослужителям и миссионерам, более подготовленным и заинтересованным в увеличении своей паствы. В современных исторических изысканиях определенное место отведено личностям, внесшим заметный вклад в дело распространения православия. Первому священнику острова Сахалин Симеону Никаноровичу Казанскому посвящена статья С.С. Пряшниковой, где дается описание его жизни и деятельности, сочетавшей, помимо служения в качестве приходского батюшки, также и труды священника-миссионера. Подробно описывая пройденный путь священнослужителя, исследователь подчеркивает его неустанную работу: «не тяготился длительными путешествиями до стойбищ коренных жителей Сахалина, помогая аборигенам находить путь ко Христу» (Пряшников, 2018: 271-276). На основе использованных источников охарактеризованы деяния духовного служителя на своем поприще. К сожалению, в публикации не приводятся сведения о методах и результатах деятельности среди жителей материка, количестве крещеных, методах работы.

Близким к казахам народом по языку, обычаям, традициям являются татары, что учитывали в своей работе миссионеры. Опыт, приобретенный при крещении татар, использовали в ходе христианизации казахов. Так, в статье «Переводческая практика и просветительская деятельность христианского миссионера Н.И. Ильминского» (Nurieva, Kadirova, 2016: 113-121) рассматривается программа обучения инородцев. Ею руководствовались и при обучении казахских детей, решая государственные задачи по интеграции татар и других нерусских народов в социокультурное пространство Российской империи.

Группа авторов в статье, раскрывающей влияние религии и традиций коренного населения на изменения, происходившие в Казахской степи в период самодержавия, рассматривают исторический опыт взаимодействия традиционного казахского общества с соседними странами в XVIII–XIX веках (Zhapekova, Dzhangujiev, 2020: 115-125). В заключении они указывают, что сосуществование разных народов в этом регионе показывает возможность гармоничного взаимодействия христианства и ислама.

Помимо влияния на религиозное сознание инородцев, миссионеры обращали внимание на их быт и хозяйство, справедливо полагая недостаточным ограничиться только духовной стороной. Миссионеры добивались от местного начальства вознаграждений для принявших христианство. В статье Ю.А. Крейдун и Л.И. Нехвядович (Kreydun, Nekhvyadovich, 2018: 171-181), посвященной деятельности миссионеров среди алтайцев, описывается деятельность архимандрита, не ограничивавшаяся лишь рамками крещения и обучения христианским истинам. Он старался по возможности подарить новокрещеному дом или скот, сельскохозяйственные орудия с учетом средств миссии. Указанные методы применялись и среди казахов. Последствия крещения чаще имели для неопитов негативный характер, о чем пишут и авторы статьи. Они указывают, что моральное давление на отрекшихся от «отцовской веры» (язычества) могло быть настолько велико, что дальнейшее совместное проживание среди соплеменников было просто невозможно.

При раскрытии изученности проблемы особого внимания заслуживают труды Ю.А. Лысенко, чьи научные интересы непосредственно связаны с деятельностью Русской православной церкви в Казахстане (Лысенко, 2010: 194; Лысенко, Ефименко, 2020: 793-808). В монографии (Лысенко, 2010: 194) освещаются направления религиозной политики России, деятельность православных миссий, дается классификация старообрядчества и сектантства, их локализация и этапы формирования. Начальный период крещения казахов не входит в хронологические рамки исследования. В статье,

посвященной работе Киргизской антиисламской миссии Оренбургской епархии, раскрывается причина ее организации. Она заключается в необходимости «исключения казахов из процессов всероссийской мусульманской консолидации» (Лысенко, Ефименко, 2020: 793). Вывод авторов относительно низкой эффективности работы православных миссионерских структур среди казахов, проживавших на территории Оренбургской епархии, согласуется с оценкой в целом деятельности православных проповедников в рассматриваемый период.

Историографический обзор и анализ современных научных публикаций, освещающих миссионерскую деятельность православных проповедников, показывает, что методы их работы недостаточно изучены. Отдельные стороны пропаганды православия имеют общие черты, особенно касающиеся трудностей, с которыми приходилось сталкиваться миссионерам. Проповедники Слова Божия учитывали среду, где оно должно найти своих приверженцев, и использовали различные подходы в деле христианизации.

4. Результаты

Начало крещения казахов, по некоторым источникам, относится ко второй половине XIX века (Миссионерский отдел..., 1885). Такая датировка связана, прежде всего, с активизацией деятельности православных миссионеров. Крестили же казахов намного раньше. Одним из факторов увеличения количества крещеных из числа кочевников была продажа детей. Высочайший Указ императора от 23 мая 1808 года давал право на продажу детей казаками – бедняками (Крафт, 1898: 531). Родители вынуждены были идти на такой шаг в силу сложившихся обстоятельств – джун, голод, болезни и т.д. – во имя спасения своих детей и семьи. В 1825 году вышеупомянутый закон о покупке «киргиз, калмыков и прочих азиатцев» был отменен, но с оговоркой: для пополнения недостатка женщин в Западной Сибири было разрешено выменивать у кочевников с сопредельных земель детей женского пола (Кузнецов, 1913: 84). Естественно, что девочки проходили обряд крещения и, воспитываясь в русской среде, перенимали язык, обычаи и традиции русского народа. Тем не менее детей, как мальчиков, так и девочек, продолжали брать под другой формулировкой еще на протяжении многих лет. В 1838 году жителями, проживавшими у Оренбургской линии, было «взято на воспитание мужского полу – 4, женского – 3» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 337. Л. 39). По истечении времени эти дети забывали свои корни. Если юношей, достигших 25-летнего возраста, причисляли к казачьему войску, то повзрослевшая девушка, выйдя замуж за православного, принимала веру супруга и также была потеряна для казахского общества. Мальчики также проходили обряд крещения. И нередко в рассматриваемое время можно было увидеть среди молящихся людей в церкви казахские лица.

На первоначальном этапе, до появления миссионеров, работа проводилась в основном гражданскими лицами – русскими чиновниками, казаками, пытавшимися доступными для них средствами влиять на религиозные взгляды инородцев. Так, одними из первых казахов, кого удалось привлечь в новую веру, были работники, служившие у жителей приграничных территорий. В 1839 году добровольно отказались от прежнего вероисповедания – мусульманства – 25 человек: «мужского полу – 23, женского – 2» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 337. Л. 38). Не исключено, что причиной принятия православия послужило недоброжелательное отношение переселенцев к иноверцам. Чиновниками и служителями церкви было замечено пренебрежительное, высокомерное, а порой даже жестокое обращение русских крестьян с коренными жителями. Некоторые представители местной власти и священнослужители искренне удивлялись резким метаморфозам своих подопечных: добрые, понимающие, сердечные на родной стороне, они принимали другой облик, оказавшись в чужом краю. Тесное соседство с ними, возможно, и влияло на решение казахов стать неопитом в надежде, что к своему единоверцу отношение станет теплее.

Следует отметить, что меры поощрения были далеко не безграничны и не все корыстные помыслы прошедших обряд крещения находили поддержку со стороны чиновников. Так, заявления с просьбой причислить их к дворянству на основании отказа от ислама и принятия христианства получали аргументированный отказ. В 1839 году в Оренбургскую пограничную комиссию обращается новокрещеный казах Павел Александров с просьбой «об усвоении ему прав дворянства на основании родопроисхождения его от старшины и бия Джабагайлинского рода Тутульбая Худайбергенова» (ГАОРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 341. Л. 1). В ответе Оренбургской пограничной комиссии было дано разъяснение, что дети указанной категории казахского общества преимуществ не имеют и по этой причине просьба «не заслуживает уважения» (ГАОРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 341. Л. 3). Заметим, что даже чингизиды не могли получить этот статус, если не проявляли усердия в службе и не отвечали требованиям для вхождения в дворянское сословие.

С продвижением Российской империи на казахские земли шло дальнейшее распространение православной веры. Вместе с казаками, царскими чиновниками и крестьянами в общем потоке переселявшихся заняли свое место служители Русской православной церкви. Не оставляя без призора свою паству, духовенство стремилось привлекать в лоно православной церкви и казахов. Решению задач по увеличению численности крещеных силами церковных служителей препятствовали объективные трудности. Церковные обряды и богослужения совершались в специально построенных зданиях. Служители храмов не могли покидать их на длительное время. Учитывая кочевой образ

жизни казахов, для пропаганды православия необходимо было создать мобильные силы. Непростой работой по привлечению кочевников в православие занялись миссионеры.

В отчетах генерал-губернаторов и других российских чиновников, проповедников Слова Божия, служителей русской православной церкви и иных документальных материалах имеются немало свидетельств, раскрывающих различные подходы в деле крещения казахов. Методы обращения в православную веру учитывали особенности образа жизни казахов, их обычаи и традиции с целью найти и использовать выгодные моменты для проповеди.

Одной из целевых аудиторий проповедников православия являлись женщины, что было обусловлено их положением в казахском обществе. Казашке позволялось во многих случаях присутствовать на собраниях, наряду с мужчинами, высказывать свое мнение. Казахские женщины не надевали паранджу или чадру, головные уборы соответствовали их возрасту и статусу. Относительная свобода казахских девушек и женщин позволяла проповедникам проводить среди них свою работу. Если одни искренне принимали новую веру, то другие искали поддержку у миссионера, когда семья хотела насильственно выдать замуж за нелюбимого, а третьи надеялись на помощь при разводе. Большим успехом было не только крещение, но и включение неопитов в активную проповедническую работу. Именно поэтому деятельность крещеной казашки из Уральска – Марии Кабановой – в силу своей неординарности нашла отражение на страницах печатного органа Православного миссионерского общества: «Благочинный Уральских единоверческих церквей, протоирей Савва Назаров от 5 августа 1875 года сообщил Совету Православного Миссионерского Общества, что с 7 марта 1874 г. по настоящее время при содействии крещеной киргизки Марии Косминичны Кабановой просвещено святым крещением в единоверческих Уральских церквях 10 киргиз, из коих 5 мужского и 5 женского пола» (*Разные вести...*, 1875: 15). По сравнению с русскими миссионерами, ей было легче проводить беседы среди своих соотечественников. Зная язык, обычаи народа, умея определить слабые и сильные стороны собеседника, она могла подобрать нужные слова, убедить в необходимости изменить веру. Не останавливаясь на достигнутых результатах, она обращается в Православное миссионерское общество с просьбой покупки в Уральске дома, «с целью освободить ее от неприятности бродить с приготовленными ею к крещению киргизками по переменным квартирам без удобств, какие может дать собственная усадьба» (*Записка...*, 1877: 224).

После долгих обсуждений, связанных с невозможностью общества приобретать на свое имя недвижимую собственность, «а покупать на имя частного лица и на средства Общества было бы тоже незаконно» (*Записка...*, 1877: 224), вопрос получил неожиданное разрешение. Нашелся благотворитель, предложивший купить дом на свои деньги, что было принято с большой благодарностью. Дальнейшие действия крещеной киргизки связаны с просьбой о выдаче ей свидетельства, подтверждавшего, что она «с разрешения Духовного начальства занимается обращением киргиз из магометанства в православную веру» (*ЦГА РК. Ф. 707. Оп. 1. Д. 16. Л. 21*), венчанием крещеных киргизок с православными, не ожидая согласия оставляемых ими прежних мужей-магометан. Просимый документ был выдан и впоследствии к запросам крещеной казашки относились с исключительной ответственностью, так как М. Кабанова, не ограничиваясь обращениями к местному начальству, отправила прошение императрице Марии Александровне – супруге царя Александра II. Реакция на прошение как церковных служителей, так и гражданских чиновников, при поддержке столь высокой особы была незамедлительной.

При этом необходимо учитывать, что в традиционном казахском обществе разводы не практиковались. Даже в случае преждевременной смерти мужа женщина и ее дети не покидали род мужа. По обычаю аменгерства она становилась женой брата или другого родственника мужа.

Довольно часто миссионеры отмечали, что принимавшие христианство казахи представляли собой беднейшую часть общества. Это обстоятельство отмечалось и чиновниками колониальной администрации. Они указывали на постоянный рост численности людей, у которых не было ни скота, ни даже нормального жилья. О них в отчете за 1889 год генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский писал: «Эти несчастливцы живут заработками на местных заводах и рудниках, а главным образом – наймом на земледельческие работы у казаков. Положение этих несчастливцев печальное, ибо заработная плата в степных областях ничтожна; уже таких бедняков насчитывается многие тысячи, они трезвы и трудолюбивы. Вот та среда, которая, несомненно, примет учение Христово, вот та почва, на которой это божественное учение принесет наверно бодрый плод; нужно только чтобы новокрещенные не были лишены постоянного духовного попечения священников-миссионеров, для чего надлежит образовать из этих неопитов особые селения» (*ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 43. Л. 25об.*). Губернатор не просто констатировал сложившуюся непростую ситуацию, но и «оказал миссионеру всякое содействие, какое было только в моей власти: выдал всем киргизам, принявшим православие, денежное пособие и подарки, затем приказал отвести вблизи поселка Буконьского участок земли в 600 десятин, дабы новокрещенные могли там поселиться и заняться хлебопашеством, и, наконец, представил в распоряжение миссионера несколько земледельческих орудий для распределения между новокрещенными» (*ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 43. Л. 26*). Распоряжения губернатора могли рассматриваться новокрещеными казаками как забота, проявляемая к своим единоверцам. Но исполнение указаний вышестоящего начальства на местах могло поменять такую оценку на прямо противоположную:

выделенная новокрещеным земля оказалась непригодной для хозяйственного использования. «Что действительно указанная уездным начальником земля свободная, это не подлежит никакому сомнению: ибо эта земля – каменная гора, ни для хлебопашества, ни для сенокосения совершенно не годная» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 312. Л. 11).

Для нейтрализации негативного эффекта от действий уездного начальника генерал-губернатор обещал новокрещеным выписать из Москвы усовершенствованные земледельческие орудия и «выдал каждому новокрещенному по 5 рублей и так как в то время в поселке их было 12 человек, то выдано им 60 рублей» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 312. Л. 12).

Принятие православия обеспеченным, образованным, интеллигентным представителем мусульманского населения расценивалось как крупный успех миссии. К одному из них относится крещение штабс-офицера, подполковника Мустафа-Мухамет Гиреевича Диваева, происходившего из татар города Оренбурга. «Событие это важно для нашей миссии потому, что крещен человек образованный и состоятельный, что пока случается довольно редко. Когда крестится бедняк, киргизы говорят, что он состоялся не по убеждению в превосходстве христианства над магометанством, а из материальных выгод» (Елисеев, 1900: 84). Подобного рода речи миссионерам приходилось слышать довольно часто. Описанный случай крещения являлся свидетельством того, что «Божия благодать и истина действуют одинаково как на богатых, так и на бедных, как на ученых, так и на простецов» (Елисеев, 1900: 84). Самым знаменательным данного обращения было то, что окрестили Диваева – татарина и это событие должно было произвести на казахов особое впечатление. Ведь татарские муллы были активными проводниками ислама и, соответственно, казахи смотрели на них как на своих учителей и руководителей, не подозревая о том, что и среди татар под влиянием миссионеров появлялись сотни крещеных татар. Как отметил миссионер в своих записках, «побольше таких обращений и, – мне думается, – простодушный и не всегда сознательно мусульманствующий киргиз, потеряв своих руководителей, которым слепо верит, скоро отстанет от мусульманства» (Елисеев, 1900: 84).

Порой в поисках путей преодоления затруднений в христианизации казахов предлагались приемы, идущие вразрез с установками православной церкви. К примеру, отмечалось, что распространению православия среди казахов, ежегодно совершающих со своими стадами дальние перекочевки на сотни верст и питающихся преимущественно продуктами животноводства, будет препятствовать распорядок их обыденной жизни. В качестве выхода из затруднений «должно было бы сопровождаться учреждением кочевого православного духовенства с походными церквями, а также дозволением не соблюдать посты» (Кузнецов, 1913: 3).

А в 50-х годах XIX века губернатор Западной Сибири Г. Гасфорд и вовсе ушел далеко в своих фантазиях, вылившихся в сочинение о создании особой мусульманско-протестантской веры, позволявшей есть конину, пить кумыс и даже разрешавшей многоженство (Балкашин, 1887: 3). Ознакомившись с проектом «ученого-губернатора», император Николай I начертил: «Религии не сочиняются, как статьи свода законов» (Семенов-Тянь-Шанский, 1856–1857).

Оказание помощи больному человеку – один из действенных методов, используемых миссионерами. В документальных источниках случаи оказания помощи встречаются довольно часто. В условиях кочевой жизни вовремя оказанная помощь давала миссионеру показать великую силу православной религии по сравнению с исламом. Так, по информации одного из миссионеров, его участие помогло беременной женщине при тяжелых родах, «когда она долго не разрешалась от бремени, налагали святой крест» (Сотников, 1872: 787).

Отец Е. Елисеев, долгое время занимавшийся распространением православия среди казахов, приводит ряд случаев, касающихся работы с больными. Его беседа на тему исцеления, сопровождаемая чтением евангельских рассказов, впечатлила больную казашку. Внимательно слушавшая женщина по окончании чтения обратилась с вопросом о возможности ее выздоровления «по Вашему Евангелию». Е. Елисеев стал убеждать, что исцеление наступит от господ Бога, если она будет верить в Него и Евангелие: «Из прочитанного мною ты не могла не видеть, что больные получили исцеление лишь только по вере во Христа, а потому и тебе необходимо веровать в Него» (Елисеев, 1900: 18). Бедная женщина ради облегчения своих страданий приняла новую веру, так как заверения миссионера в исцелении были довольно убедительны. Выздоровевшая казашка была «наглядным» примером всемогущности русского бога для своих соплеменников.

Однако неумелое и некорректное применение этого метода могло приводить и к негативным последствиям. Одна из казашек была «крещена в период обострения болезни, то есть страдала истерико-эпилепсией, вызвавшей припадки умаизступления и совершенно безпамятства и в настоящее время страдает припадками той же болезни» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 28. Л. 1). Когда кризис миновал, больная категорически отказалась от православия и обратилась с требованием вернуть ее в магометанство. Изучив обстоятельства дела об отступлении принятой веры, начальство постановило «дело прекратить» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 28. Л. 3). Иногда в погоне за количеством миссионеры прибегали к совершенно неблагоприятным приемам, что вызывало недовольство гражданского начальства и неодобрение церковного руководства. Одну из казашек в течение трех дней подготовили к обряду крещения. Но через полгода слушалось дело, представленное прокурором

Семиреченского областного суда о дознании по вопросу возвращения женщины, принявшей святое крещение, в прежнюю религию – мусульманство. В документе указывалось, что накануне обряда она была в состоянии опьянения несколько дней. Расследование показало безнравственное поведение священника, который, воспользовавшись сложившейся ситуацией, привел иноверку в православие. Можно предположить, что игнорирование положений Указа Святого синода, где прописано о необходимости предварительного наставления «желающего креститься истинами православной веры в течение 40 дней» (ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 129. Л. 18), стало причиной неудачи.

Не случайно отмечалось, что «весьма часто неумелые и неспособные проповедники христианства только вооружают и озлобляют инородческие племена своими приемами: создав несколько обращенных, они предпринимая гонения на остальную массу язычников» (Мироппев, 1900: 60). Порой миссионеры при первом своем появлении среди инородцев скрывали истинное предназначение, так как последние видели в них людей, покушавшихся не только на религию предков, но и в целом на их жизненные устои. Следовало вначале ближе познакомиться с людьми, их взглядами, мыслями, вызвать тем или иным способом благожелательное отношение к себе, после чего осторожно переходить к выполнению поставленной задачи.

«Посещая тот или иной аул в первый раз, миссионер не всегда может открыто рекомендоваться веропрповедником во избежание всяких заподозрений и разных неприятных следствий, которых всегда можно ожидать от фанатичного мусульманина, должен маскировать цель своего посещения и уверять киргиз, что он очутился в их ауле только случайно, проездом» (Елисеев, 1900: 62). При повторных посещениях аулов проповедник уже понимал, с кем и как развивать дальнейшие отношения, поскольку имел представление о них. И лишь убедившись, что проповедь имеет шансы на успех, миссионер мог проводить беседы на темы, показывающие преимущества христианства над мусульманством.

Одним из препятствий на пути христианизации могла стать активная деятельность мусульманских проповедников по исламизации казахов, выражавшаяся в строительстве мечетей, открытии мусульманских учебных заведений, подготовке духовных служителей. В результате изучения данного вопроса чиновники пришли к выводу, что «к счастью, оно (мусульманство – Авт.) не успело еще пустить своих глубоких корней между этими простодушными сынами степей и не развило в них того духа нетерпимости и фанатизма, коим отличаются другие поклонники ислама. Поэтому опасаться волнений или сильного противодействия при появлении христианских проповедников между ними решительно нет никаких оснований» (Миссионерский отдел..., 1885). Тем не менее в документах все чаще появляются указания на необходимость пресекать появление служителей ислама среди казахов. В ходе идеологической борьбы против ислама следовало не игнорировать те доли истины, имевшиеся в мусульманстве и одновременно делать все возможное, чтобы обличать «ложь, обман, нелепости... А в конце концов: главное условие развития и успеха у нас противомусульманской истины, главный залог и основа надлежащего разрешения мусульманского вопроса в России лежит в серьезном, глубоком, энергичном и деятельном сочувствии делу торжества св. Евангелия над Кораном со стороны православного русского общества» (Миссионерский отдел..., 1885).

5. Заключение

Проведенное исследование документальных источников показывает разноплановый и противоречивый характер распространения христианства и миссионерской деятельности Русской православной церкви на территории Казахстана. Сравнительный анализ ситуаций, описанных в документальных материалах, позволяет выявить основания (признаки) для выделения групп методов привлечения в православие.

Первым признаком служит субъект миссионерской деятельности. Выделенный на основании данного признака метод можно определить как расширение категорий проповедников христианства путем вовлечения в миссионерскую деятельность самих новокрещенных казахов (пример Марии Кабановой).

В качестве следующего признака для классификации методов рассматриваются приемы воздействия на сферу потребностей человека. На основании указанного признака можно выделить две большие группы методов:

- агитация в пользу истинной веры во имя спасения души;
- улучшение условий жизни в брнном мире.

При этом в качестве основного пути для привлечения в лоно православия рассматривается удовлетворение духовных потребностей. Именно на реализацию данного способа увеличения числа крещенных были направлены идеологическая борьба с исламом и утверждение истинности христианской веры (в частности, издание миссионерских противомусульманских сборников), одной из основных целей которых являлось вооружение убедительной аргументацией проповедников православия.

Удовлетворение материальных потребностей должно было служить дополнительным стимулом к принятию православия. Анализ содержания документальных источников позволяет выделить в данной группе две подгруппы:

- крещение как способ разрешения затруднительных жизненных обстоятельств (болезнь, тюремное заключение и т.п.);

- крещение как возможность получения дополнительных выгод и материальных благ (изменение социального статуса и улучшение материального положения).

Таким образом, предложенная классификация охватывает описанные в рассмотренных документальных источниках методы и приемы распространения христианства среди иноверцев, применявшиеся в XIX веке православными миссионерами.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта по грантовому финансированию КН МОН РК АРО8855385 по теме: «Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX – начало XX веков)».

Литература

Асочакова, Чистанова, 2018 – Асочакова В.Н., Чистанова С.С. Миссионерская деятельность как фактор освоения Сибири в XVII–XIX вв. / *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 12. С. 124-130.

Балкашин, 1887 – Балкашин Н.Н. О миссионерстве в Алтайском крае и в киргизских степях. СПб., 1887. 49 с.

Батуринов, Батурина, 2015 – Батуринов С.П., Батурина Т.В. Русская православная церковь и крестьянские переселенцы в Сибири конца XIX – начала XX веков // *Социогуманитарный вестник Кемеровского института (филиала) РГТЭУ*. 2015. № 1 (14). С. 13-21.

ГАОР – Государственный архив Оренбургской области.

Елисеев, 1900 – Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. СПб., 1900. 224 с.

Жировов, 1998 – Жировов В.И. К.П. Победоносцев – идеолог российского самодержавия рубежа XIX–XX вв. // *Российская монархия: вопросы истории и теории*. Воронеж, 1998. С. 137-157.

Записка..., 1877 – Записка, читанная в Общем Собрании членов Православного Миссионерского общества 8 мая 1877 г. Миссионер. Еженедельное издание Православного Миссионерского общества. № 30. 24 июля 1877 г. С. 244-245.

Крафт, 1898 – Крафт И.И. Сборник узаконений об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Свод законов. Оренбург, 1898. Т. II. 531 с.

Кузнецов, 1913 – Кузнецов Л.А. Краткий исторический очерк города Петропавловска Акмолинской области. Петропавловск. 1913. 87 с.

Лифантьева, 2001 – Лифантьева Н. Распространение православия на северо-востоке России // *Отечественные архивы*. 2001. № 4. С. 70-75.

Лысенко, 2010 – Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2010. 194 с.

Лысенко, Ефименко, 2020 – Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н. Киргизская антиисламская миссия Оренбургской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в.) // *Вестник РУДН. Серия «История»*. 2020. № 4. С. 793-809.

Мироппиев, 1901 – Мироппиев М.А. О положении инородцев. СПб., 1901. 515 с.

Миссионерский отдел..., 1885 – Миссионерский отдел. Киргизы и начало их обращения в христианство / *Московские церковные ведомости*. 1885 г. 25 июня. № 26.

Пряшников, 2018 – Пряшников С.С. История православия на Сахалине. Первый священник острова Симеон Никанорович Казанский // *Молодой ученый*. 2018. № 13 (199). С. 271-276.

Разные вести..., 1875 – Разные вести. Миссионерская деятельность крещеной киргизки / Миссионер. Еженедельное издание Православного Миссионерского общества. 7 сентября 1875 г. № 36. С. 15-16.

Семенов-Тянь-Шанский, 1856–1857 – Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань. 1856–1857. Т. 2. С. 256.

Сотников, 1872 – Сотников И. Несколько слов о возможности учреждения миссии между киргизами Средней Орды // *Православное обозрение*. 1872. Май. С. 772-790.

Таймасов, 2004 – Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары. 2004. 524 с.

Храпова, 2019 – Храпова Н.Ю. Некоторые аспекты деятельности алтайской духовной миссии в Горном Алтае (1828–1914 гг.) // *Культурное наследие Сибири*. 2019. Т. 2. № 17. С. 105-118.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Kreydun, Nekhvyadovich, 2018 – Kreydun Y.A., Nekhvyadovich L.I. Culture-forming role of the missionary activities of the orthodox church in Altai in the 19th – early 20th centuries // *European Journal of Science and Theology*. 2018. 14(6): 171-181.

Nurieva et al., 2016 – Nurieva F.S., Kadirova E.K., Kuzmina K.K., Khadieva G.K. Translation practice and educational activities of the christian missionary N.I. Ilminsky // *European Journal of Science and Theology*. 2016. № 12(6). Pp. 113-121.

Zhapekova et al., 2020 – Zhapekova G.K., Dzhangujiev M.S., Mukhangalieva Zh.K., Tastayeva Zh.K., Dzhumagalieva K.V. The impact of religion and traditions widespread among the population of Kazakhstan on the changes that took place in society in the 18th-19th centuries in the context of the foreign policy of Russia // *European Journal of Science and Theology*. 2020. 16(4): 115-125.

References

- Asochakova, Chistanova, 2018 – Asochakova V.N., Chistanova S.S. (2018). Missionerskaja dejatel'nost' kak faktor osvoenija Sibiri v XVII–XIX vv. [Missionary activity as a factor in the development of Siberia in the XVII-XIX centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovanija*. 12: 124-130. [in Russian]
- Balkashin, 1887 – Balkashin, N.N. (1887). O missionerstve v Altajskom krae i v kirgizskih stepjah [On missionary work in the Altai Territory and in the Kyrgyz steppes]. SPb. 49 p. [in Russian]
- Baturin, Baturina, 2015 – Baturin, S.P., Baturina, T.V. (2015). Russkaya pravoslavnaya cerkov' i krest'yanskie pereselency v Sibiri konca XIX – nachala XX vekov [The Russian Orthodox Church and peasant settlers in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Sociogumanitarnyj vestnik Kemerovskogo instituta (filiala) RGTEU*. 1(14): 13-21. [in Russian]
- CGA RK – Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archives of the Republik of Kazakstan].
- Eliseev, 1900 – Eliseev E. (1900). Zapiski missionera Bukonskogo stana Kirgizskoj missii za 1892–1899 gg. [Notes of the missionary of the Bukon camp of the Kyrgyz mission for 1892–1899]. S-Peterburg. 224 p. [in Russian]
- GAOrO – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State Archives of the Orenburg Region].
- Hrapova, 2019 – Hrapova, N.Yu. (2019). Nekotorye aspekty deyatelnosti altajskoj duhovnoj missii v Gornom Altae (1828-1914 gg.) [Some aspects of the activities of the Altai spiritual mission in Gorny Altai (1828-1914)]. *Kul'turnoe nasledie Sibiri*. 2(17): 105-118. [in Russian]
- Kraft, 1898 – Kraft, I.I. (1898). Sbornik zakonov ob upravlenii oblastjami Akmolinskoj, Semipalatinskoj, Semirechenskoj, Ural'skoj i Turgajskoj [Collection of legalizations on the management of the regions of Akmolinsk, Semipalatinsk, Semirechensk, Ural and Turgai]. Svod zakonov. Orenburg. T.II. 531 p. [in Russian]
- Kreydun, Nekhvyadovich, 2018 – Kreydun, Y.A., Nekhvyadovich, L.I. (2018). Culture-forming role of the missionary activities of the orthodox church in Altai in the 19th – early 20th centuries. *European Journal of Science and Theology*. 14(6): 171-181.
- Kuznecov, 1913 – Kuznecov, L.A. (1913). Kratkij istoricheskij ocherk goroda Petropavlovskaja Akmolinskoj oblasti [A brief historical sketch of the city of Petropavlovsk, Akmolinsk region. Petropavlovsk]. Petropavlovsk. 87 p. [in Russian]
- Lifant'eva, 2001 – Lifant'eva, N. (2001). Rasprostranenie pravoslavija na severo-vostoke Rossii [The spread of Orthodoxy in northeastern Russia]. *Otechestvennye arhivy*. 4: 70-75. [in Russian]
- Lysenko, 2010 – Lysenko, Yu.A. (2010). Missionerstvo Russkoj pravoslavnoj cerkvi v Kazahstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Barnaul. 194 p. [in Russian]
- Lysenko, Efimenko, 2020 – Lysenko, Ju.A., Efimenko, M.N. (2020). Kirgizskaja antiislamskaja missija Orenburgskoj eparhii (90-e gg. XIX – nachalo XX vv.) [Kyrgyz anti-Islamic mission of the Orenburg diocese (90s of the XIX – beginning of the XX century)]. *Vestnik RUDN. Serija Istorija*. 4: 793-809. [in Russian]
- Miropiev, 1901 – Miropiev, M.A. (1901). O polozhenii inorodcev [On the situation of foreigners]. SPb. 515 p. [in Russian]
- Missionerskij otdel..., 1885 – Missionerskij otdel. Kirgizy i nachalo ih obrashhenija v hristianstvo. [Kyrgyz and the beginning of their conversion to Christianity]. *Moskovskie cerkovnye vedomosti*. 1885 g. 25 ijunja. №26. [in Russian]
- Nurieva et al., 2016 – Nurieva, F.S., Kadirova, E.K., Kuzmina, K.K., Khadieva, G.K. (2016). Translation practice and educational activities of the christian missionary N.I. Ilminsky. *European Journal of Science and Theology*. 12(6): 113-121.
- Prjashnikov, 2018 – Prjashnikov, S.S. (2018). Istorija pravoslavija na Sahaline. Pervyj svjashhennik ostrova Simeon Nikanorovich Kazanskij [History of Orthodoxy on Sakhalin. The first priest of the island Simeon Nikanorovich Kazansky]. *Molodoj uchenyj*. 13(199): 271-276. [in Russian]
- Raznye vesti..., 1875 – Raznye vesti. Missionerskaja dejatel'nost' kreshhenoj kirgizki Missioner. [Missionary activity of the baptized Kyrgyz woman]. *Missioner. Ezhenedel'noe izdanie Pravoslavnogo Missionerskogo obshhestva*. 7 sentjabrja 1875 g. 36: 15-16. [in Russian]
- Semenov-Tyan-Shanskij, 1856–1857 – Semenov-Tyan-Shanskij, P.P. (1856–1857). Memuary. T. 2. Puteshestvie v Tyan'-Shan' [Memoirs. Travel to Tien Shah]. P. 256. [in Russian]
- Sotnikov, 1872 – Sotnikov, I. (1872). Neskol'ko slov o vozmozhnosti uchrezhdenija missii mezhdru kirgizami Srednej Ordy [A few words about the possibility of establishing a mission between the Kyrgyz of the Middle Horde]. *Pravoslavnoe obozrenie*. Maj. Pp. 772-790. [in Russian]
- Tajmasov, 2004 – Tajmasov, L.A. (2004). Pravoslavnaya cerkov' i hristianskoe prosveshchenie narodov Srednego Povolzh'ya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [The Orthodox Church and Christian

Enlightenment of the Peoples of the Middle Volga Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Cheboksary. 524 p. [in Russian]

Zapiska..., 1877 – Zapiska chitannaja v Obshhem Sobranii chlenov Pravoslavnogo Missionerskogo obshhestva 8 maja 1877 g. [Note read in the General Meeting of the members of the Orthodox Missionary Society on May 8, 1877]. *Missioner. Ezhenedel'noe izdanie Pravoslavnogo Missionerskogo obshhestva*. №30. 24 ijulja 1877 g. Pp. 244-245. [in Russian]

Zhapekova et al., 2020 – Zhapekova, G.K., Dzhangujiev, M.S., Mukhangalieva, Zh.K., Tastayeva, Zh.K., Dzhumagalieva, K.V. (2020). The impact of religion and traditions widespread among the population of Kazakhstan on the changes that took place in society in the 18th-19th centuries in the context of the foreign policy of Russia. *European Journal of Science and Theology*. 16(4): 115-125.

Zhirovov, 1998 – Zhirovov, V.I. (1998). K.P. Pobedonoscev – ideolog rossijskogo samodержaviya rubezha XIX-XX vv. [Pobedonostsev – the ideologist of the Russian autocracy at the turn of the XIX-XX centuries]. *Rossijskaya monarhiya: voprosy istorii i teorii*. Voronezh. Pp. 137-157. [in Russian]

Методы миссионерской деятельности православных проповедников среди казахов в XIX веке

Закиш Тулехановна Садвокасова^{a, *}, Зиябек Ермуханович Кабульдинов^a, Аида Сериковна Маргулан^a, Рашид Ешенович Оразов^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Проблемы деятельности православных миссионеров и служителей церкви в XIX веке среди казахов изучены в недостаточной мере. В статье освещаются отдельные аспекты процесса крещения казахов на основе впервые вводимых в научный оборот источников: архивных документов и материалов периодической печати.

Авторы обращают внимание на то, что крещение казахов на первоначальном этапе происходило без участия миссионеров и носило спорадический, ситуативный характер. Поскольку первыми православными в Казахской степи были царские чиновники и казаки, то к числу первых крещеных относятся купленные дети и работники, служившие у русских жителей приграничных территорий.

Огромные расстояния между населенными пунктами создавали объективные трудности в деле распространения православия. Попытки привлечь казахов в лоно Церкви не давали желаемых результатов ввиду кочевого образа их жизни. Более целесообразным было использование мобильных сил в лице миссионеров. Основав свой стан, они могли вести свою работу продолжительное время, перемещаясь вместе с кочевниками. Деятельность миссионеров имела организованный характер, ими использовались различные методы влияния на сознание и чувства казахов. Миссионеры вели пропаганду среди самых различных категорий коренного населения: в сферу их воздействия попадали мужчины и женщины, взрослые и дети, люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию – заключенные, больные. Интерес представляет работа проповедников среди казашек, которым даже после исламизации были присущи определенная открытость и свобода, в отличие от женщин-мусульманок Средней Азии.

Ключевые слова: кочевники, казахи, ислам, русская церковь, православные миссионеры, крещение, неопиты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tungatar_k@mail.ru (З.Т. Садвокасова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 145-156
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.145

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Pre-Revolutionary Historiography of the System of Public Education of Kazakh in the 19th – beginning of the 20th centuries

Orazgul Kh. Mukhatova ^a, Ziyabek Y. Kabuldinov ^a, Ainagul T. Kaipbayeva ^a, Makhabbat M. Kozybayeva ^{a, *}

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, the Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the Russian pre-revolutionary historiography of the system of public education among the Kazakhs in the 19th – early 20th centuries, therefore, in this article, the authors mainly relied on the works of pre-revolutionary Russian researchers devoted to the issues of education in Kazakhstan as a historiographic source. The article applied the basic principles of historical science: historicism and objectivity, as well as research methods of the science of historiography, such as analysis, synthesis, historical-comparative, retrospective, problem-chronological, actualization. They served as a key in highlighting the significant aspects of the pre-revolutionary Russian historiography of the enlightenment of the Kazakhs.

Pre-revolutionary authors studied various aspects of the system of public education among the Kazakhs. The article deals with the Orenburg Nepluyev Cadet Corps, the Orenburg paramedical school, the School for Kazakh children under the Orenburg Border Commission, the Russian-Kazakh primary, second rural and Kazakh teachers' schools in the Orenburg, Ural and Troitsk steppe fortifications. The works cited in the article contain detailed information about the location of educational institutions, funding, number of students, age, social composition, classification, religious beliefs. Russian officials covered with particular interest the opening day of the Kazakh school at the Orenburg Border Commission, the funds allocated for it, the premises, children's clothing, food, etc. A significant part of the information about the education of Kazakh children in the Ural, Turgai and Orenburg regions was reflected in articles published in periodicals.

Officials and researchers who studied the system of education among the Kazakhs in Tsarist Russia left behind a lot of valuable materials. These works are now a valuable historical source for researchers of the Kazakh education of this period. From this point of view, the works of pre-revolutionary authors do not lose their relevance and significance.

Keywords: Kazakh enlightenment, historiography, pre-revolutionary Russian researchers, Russian-Kazakh schools, military schools, progymnasium, Orenburg, Uralsk, Turgai, Troitsk.

1. Введение

Индустриально-инновационное развитие Казахстана требует нового развития всех сфер жизни общества. В частности, приоритетное внимание будет уделено современным требованиям и инновационным подходам к образованию и обучению, подготовке специалистов. Использование новых подходов и методов обучения в соответствии с современными требованиями является одним из важнейших условий качественного воспитания старшего поколения, подготовки конкурентоспособных, образованных и квалифицированных специалистов. В связи с этим изучение историографии системы народного образования казахов начала XIX–XX вв. важно не только для определения уровня исследований, но и для выявления сильных сторон прошлого опыта в этой

* Corresponding author

E-mail addresses: koz.mahabbat_85@mail.ru (M.M. Kozybayeva), orazgul7@rambler.ru (O.Kh. Mukhatova), kabulzia@rambler.ru (Z.Y. Kabuldinov), aina__78@mail.ru (A.T. Kaipbayeva)

области. Для этого прежде всего необходимо проанализировать изучение истории образования. Ряд работ о воспитании в казахских степях и состоянии образованности казахов был издан в России в XIX – начале XX вв. Историография истории образования в Казахстане в XIX – начале XX вв. стала предметом специальных исследований в отечественной исторической науке и является одной из неисследованных тем, так как фундаментальных историографических работ по данной тематике нет. В связи с этим историография казахского образования является одним из важнейших объектов исследования историков. Учитывая тот факт, что в этот период в России было опубликовано много работ, становится ясно, что анализ дореволюционной российской историографии актуален. У дореволюционных исследователей были свои цели и задачи, принципы и методы изучения проблемы. Труды того времени позволяют определить не только состояние просвещения в казахских степях в XIX – начале XX вв., но и особенности написания истории.

2. Материалы и методы

Поскольку исследование посвящено дореволюционной российской историографии, в качестве историографических источников авторы опираются на работы дореволюционных российских ученых, опубликованные в периодических изданиях. В целях более глубокого и всестороннего изучения проблемы использовались труды советских и постсоветских историков по изучаемой теме. В историографической статье авторы использовали принцип историзма, позволяющий изучать историческую мысль прошлых периодов во взаимосвязи временного отрезка дореволюционной историографической эпохи. В исследовании использовались такие методы историографии, как анализ, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный, релевантный. Также работа базируется на теоретико-методологических основах историографии в трудах отечественных и зарубежных ученых, так как они способствуют анализу и оценке историографических данных и фактов.

3. Обсуждение

Казахская и российская историография включает исследования по истории образования в казахских степях в XIX – начале XX вв., в том числе и по истории образования в Оренбургской области. Одним из них является небольшое исследование Т.Т. Тажибаева «Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850–1869)» (Тажибаев, 1961), посвященное краткому описанию истории второго учебного заведения в Казахской степи. Ученый в своем труде описал открытые казахской школы при Оренбургской пограничной комиссии, правила обучения, порядок приема в школу, требования к учителям, устав школы, преподаваемые предметы, учебные планы, количество и состав учащихся, их успеваемость и выявленные причины закрытия школы. Он сделал выводы о значении школы в образовании. Однако они не выходили за рамки идеологии советского периода. В другой работе Т.Т. Тажибаева «Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века» описывается просвещение и школы в Казахстане второй половины XIX в. (Тажибаев, 1962). Школы Казахстана начала XX в. получили место в исследованиях Л.П. Сембаева (Сембаев, 1972) и Г.М. Храпченкова (Храпченков, 1998). В научной статье Б.Б. Алимбаевой кратко рассмотрены вопросы образования и просвещения казахов Оренбургского края (Алимбаева, 2006). В совместной статье Б.Т. Тулеуовой, Л.К. Шотбаковой и Г.М. Смагуловой описывается становление образования в школах Центрального Казахстана (Tuleuova et al., 2018).

В монографии российского исследователя В.С. Болодурина (Болодурин, 2001) анализируются архивные документы, материалы периодических изданий о первых образовательных учреждениях Оренбургской губернии, развитии системы образования XIX века, первых средних учебных заведениях, истории системы образования в первые десятилетия советской власти в крае. Г.П. Матвиевская специально изучала историю Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса (Матвиевская, 2016). Однако она не ставила цель показать образование казахских детей. Т.А. Камскова сосредоточила внимание на истории просвещения казахов Оренбурга в XIX в. (Камскова, 1996). Как и другие исследователи, она проанализировала проект открытия первых школ для казахских детей в соответствии с Положением об управлении оренбургскими казахами, принятым Сенатом 14 июня 1844 г.

4. Результаты

Образование казахов в дореволюционный период нашло отражение в трудах А. Алекторова, изданных в конце XIX – начале XX вв. В ежегоднике автора «Очерк народного образования в Тургайской области» (Алекторов, 1900) четко прослеживается деятельность учреждения – Оренбургский учебный округ, который издавал приказы и директивы, давал рекомендации. Название ежегодника было обозначено по отдельным годам обучения в Тургайской степи. Например, 15 сентября 1887 г. было открыто казахское женское училище, в которое было принято 18 девушек (Алекторов, 1900: 83). Ежегодно на деятельность учебного заведения из казны выделялось 950 руб. (Алекторов, 1900: 82). 6 октября этого года в крепостях Бурте, Карабутак Илекского уезда Убаганской волости Ирگزского уезда, Жетыкаринской волости Николаевского (Кустанайского) уезда были

открыты одноклассные школы-интернаты на 25 мальчиков. На заработную плату учителей, питание учащихся, подсобных рабочих, приобретение учебных пособий, медикаментов, аренду жилья было выделено 2000 руб. в год из государственной казны. В этих школах учитель получал оклад 360 руб. На питание детей в течение восьми месяцев выделено 800 руб. (Алекторов, 1900: 83). Из содержания ежегодника видно, что работала также Орская киргизская (казахская) учительская школа. Из этой школы в Уфимское училище были направлены Елжан Оразов, Асыл-Кожа Курманбаев, Уали Измайлов, Болебай Сарыбатыров для получения теоретических знаний и усовершенствования опыта в земледелии (Алекторов, 1900: 81). Кроме того, работала также двухклассная русско-казахская школа. Автор обратил внимание на вопрос школьных помещений, условий и средств, выделяемых на их содержание. В русско-казахских школах имелись некоторые трудности в образовании, по мнению И. Алтынсарина, который писал: «При совместном обучении русских и киргизов невозможно успешно вести преподавание с теми и другими, особенно в первых порах, так как с русскими детьми, знающими по природе свой язык приходится вести преподавание в одном, а с киргизскими, не знающими при поступлении в школу ни одного русского слова, в другом порядке» (Алекторов, 1900: 89). Департамент по делам религий МВД России 23 октября 1888 г. направил письмо военному губернатору Тургайской области о принятии распоряжения № 5341 Министерства народного просвещения по согласованию с Министерством внутренних дел, в котором говорилось, что обучение казахских детей в школах должно вестись на казахском, а не на татарском языке. Это свидетельствует о том, что правительство запретило использование татарского языка в воспитании казахских детей.

Автор обратил внимание на то, что казахские девушки не привлекались к образованию. Тем не менее он написал об открытии пансионата для девочек в Иргизе и привел сведения о том, что там обучались дочери и сестры 15 султанов (Алекторов, 1900: 94). Действительно, до революции и даже в 1920–1930-е гг. количество казашек в средних и средних специальных учебных заведениях было очень небольшим. Главной причиной этого было то, что в сознании народа прочно закрепился национальный принцип «кыз – жат жұрттык» («девичьего отчуждения»). В доказательство сказанного можно отметить, что во время первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. казахи скрывали своих дочерей для возможности получить большой калым. В том же году советское правительство приняло декрет об упразднении калыма.

Кроме того, А. Алекторов опубликовал статью «Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей» (Алекторов, 1905). Как следует из названия, автор показывает развитие образования среди казахов Акмолинской и Семипалатинской областей. В другой статье А. Алекторов писал о традиционных мусульманских школах и медресе в Казахской степи (Алекторов, 1909).

В работе А.В. Васильева «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние» (Васильев, 1896а) история русского образования в Тургайской области с 1824 по 1895 гг. была разделена на три этапа. На первом этапе, охватывающем 1824–1868 гг., речь идет об Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, Оренбургской фельдшерской школе, школе для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии, русско-казахских начальных школах в Оренбургском, Уральском, Троицком степных укреплениях. По мнению автора, в этот период казахские дети случайно попадали в русские школы. Второй этап охватывал период с 1869 по 1891 гг. В этот период в Тургайской области существовали начальная русско-казахская и русская, казахская учительские школы. Особенностью этого периода является то, что у казахов Тургайской области сформировалась система начального образования. В области были созданы не только школы, но и казахские дети получили возможность продолжить свое образование в сельскохозяйственных школах, гимназиях и даже университетах. Был дан обзор одно- и двухклассных сельских казахских учительских школ, начальных русских школ края, относящихся к третьему периоду, датированному 1892–1895 гг. Третий этап – расширение начальных школ области, открытие двухклассной городской общеобразовательной школы высшей ступени и женской прогимназии. В работе также упоминаются стипендии для казахских детей. Положения, инструкции, уставы, проекты, необходимые для образовательного процесса в Тургайской области, представлены в виде приложений. Внимательное прочтение этих документов дает четкое представление о цели русского образования. После административно-политической реформы области в 1867–1868 гг. в 1874 г. для Оренбургского края был создан особый учебный округ. В соответствии с планом учреждения, предусматривавшим формирование системы образования, с 1879 г. он постепенно вводился в эксплуатацию. Сначала открылось двухклассное русско-казахское училище, затем в 1883 г. – Ординская казахская учительская школа и ремесленное училище в Тургае. Автор, стремясь популяризировать русское образование, уделил особое внимание объему средств, затрачиваемых на образование. Например, в 1891 г. на деятельность школ области правительством было выделено 49 651 руб. (Васильев, 1896: 8). По мнению автора, доступ казахских детей к образованию был связан с открытием Оренбургского Неплюевского военного училища. А.В. Васильев называл его золотой колыбелью русского образования для казахов (Васильев, 1896а: 11). Училище открыло свои двери 2 января 1825 г. Его целью было «сблизить азиатов с русскими, внушить им любовь и доверие русского правительства, привести в край образованных людей» (Васильев, 1896а: 13). Открытие учебного заведения было

вызвано необходимостью образования представителей местного населения и обучения их восточным языкам: «При возбуждении ходатайства об учреждении такого училища бывшие главные начальники края – князь Волконский и Эссен желали поставить его в тесную связь с существующей с 1818 г. татарской школой, отчего и заявили о необходимости изучения и в том училище восточных татарских языков и даже более широких размерах, чем ранее – в школе, а равно и необходимости разрешения доступа в это училище инородцев: башкиров, киргизов, тептярей, татар и проч.» (Васильев, 1896а: 2). Кроме того, второй целью открытия училища была необходимость передачи двух должностей одному лицу. Это можно заметить по следующему высказыванию автора: «Заявление это не только не осталось напрасным, но и из лучшего его осуществления признано даже было полезно соединить в одном лице должности директора Неплюевского военного училища и председателя Оренбургской Пограничной комиссии. Первым таким лицом и был полковник, вследствие генерал-майор Григорий Федорович Генс» (Васильев, 1896а: 2). Было принято постановление об открытии военного училища, в котором говорилось, что оно предназначалось для обучения детей лиц, состоявших на службе, либо служащих в иррегулярных войсках Оренбургского корпуса, а также казахов, пока не принявших «прочное» подданство, и других свободных людей (Матвиевская, 2016: 12). При этом, по свидетельству А.В. Васильева, «из числа 100 казенно-коштных вакансий во втором эскадроне корпуса 30 вакансий было предоставлено детям киргизских султанов, старшин и биев». При этом «стипендиаты из казахов находились в одинаковых условиях со остальными стипендиатами 2-го эскадрона: русскими, башкирами и татарами» (Васильев, 1896а: 6-8). Училище преимущественно занималось подготовкой гражданских и военных чиновников, а также переводчиков с восточных языков для службы в Оренбургском крае (Матвиевская, 2016: 12).

Открытие военного училища было не простым событием, «которое способствовало сближению русских и азиатов, повышению уважения и доверия к русскому правительству, привлечению в край просвещенных людей» (Васильев, 1896: 3) – оно стало логичным окончанием ликвидации Казахского ханства и принятия в 1824 г. «Устава об Оренбургских киргизах», разделения территории Младшего жуза на западную, центральную и восточную части. Согласно новым правилам управления, этими территориями управляли султаны (султаны-правители). Должность хана сохранилась только в Букеевской Орде. Однако ханская власть была сильно ограничена, так как зависела от оренбургского губернатора и Пограничной комиссии. Во время открытия военного училища в Букеевской Орде правил Жангир-хан. Получив русское образование, Жангир уделял внимание распространению русского образования и культуры в Орде. По этой причине в учебное заведение он привлек сначала своих родственников, близких, представителей Букеевской Орды, а затем западной части Младшего жуза и других мест. Этот процесс нашел отражение в работах А.В. Васильева. Он отмечал, что первые восемь выпускников-стипендиатов училища были родственниками Жангир-хана. В списке первых учеников училища были Мухамедкали Таукеулы, Кошек Шыгаев, Кобланды Караулов, Досмухамед Шукеев, Нуржан Габдулгалимов, Д. Айшуаков, Д. Таубаев. В военном училище преподавались Закон божий, нравственность, всеобщая и русская история, география, начало естествознания, физика, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, русский, арабский, татарский, персидский, немецкий, французский языки и военные дисциплины: основы артиллерии, полевая фортификация, черчение и рисование проектов, гимнастика. Обучение делилось на три класса: низший, средний и высший и длилось шесть лет. Число учеников было установлено в 40 для казенных и 40 для приезжающих (Васильев, 1896а: 4).

В 1844 г. после преобразования училища в кадетский корпус число учащихся увеличилось. Теперь 30 из 100 предоставленных мест принадлежали детям казахских султанов, биев, старшин. Как и прежде, большинство учащихся были выходцами из Букеевской Орды. Казахские дети были менее мотивированы к учебе. Для этого были некоторые причины. Другими словами, знатные ордынцы сами не знали и не понимали, что такое кадетский корпус. Более того, среди казахов ходили слухи, что «русские требуют казахских детей не для учебы, а для крещения, а потом брать в солдаты». Поэтому казахи не хотели добровольно отдавать своих детей русским «в плен» (Васильев, 1896: 6).

В докладе А.В. Васильева об Оренбургской фельдшерской школе описывается деятельность учебного заведения. За время существования школы ее окончили пять казахов (Васильев, 1896а: 34) – Камза Каржасов, Турмухамед Избасканов, Казиев, Мусабай Тутаев, Исмагил Битауов. Особенность работ А.В. Васильева состоит в том, что автор всячески популяризировал каждое учебное заведение и подробно описывал их открытие.

«Положение об управлении оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 г. предусматривало учреждение школы для детей казахов зауральской степи. В нем отмечалось, что в создаваемую школу должны приниматься «...дети вообще киргизов и преимущественно оказавших услугу правительству и известных по своей преданности» (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1306. Л. 78). Это означало, что, наряду с детьми султанов, старшин и биев, предполагалось обучение детей рядовых кочевников. Согласно «Проекту устава школы», представленного в апреле 1847 г. оренбургскому генерал-лейтенанту Обручеву В.А., цель школы заключалась в том, чтобы выпускники «могли ...не только занимать места письмоводителей при султанах-правителях или дистаночных начальниках, но и быть ...допускаемы

сами к должностям начальников дистанций в степи, а в случае необходимости – помощников правителей» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3107. Л. 69-71).

Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии была открыта 22 августа 1850 г. с расчетом на 30 воспитанников, принятых на полное казенное иждивение. Кроме того, как упоминалось выше, согласно «Положению», в школу могли быть зачислены также дети казахов на родительском иждивении. Годовое содержание школы в сумме 3 940 руб. относилось за счет кибиточного сбора с казахского населения. День открытия казахской школы, выделенные на нее средства, здание, одежда, питание детей нашли отражение в вышеназванном труде А.В. Васильева. В его работе особо уделяется внимание деятельности школьных наблюдателей. Он указал список первых 20 выпускников 1857 г. Четвертым среди выпускников, окончивших с отличием, был Ибрай Алтынсарин (Васильев, 1896а: 50). Автор также обратил внимание на роль данного учебного заведения в подготовке переводчиков. Он подробно описывает открытие русско-казахских школ и их место в образовании.

Царская администрация не была заинтересована в том, чтобы воспитанникам школы давать определенный круг общеобразовательных, и прежде всего естественно-научных, знаний. В постановлении областного правления оренбургскими казахами от 4 января 1863 г. так прямо и говорилось, что «не высшему умственному развитию должно быть направлено обучение в киргизской школе». Поэтому не удивительно, что генерал Обручев выступил против обучения детей казахской школы географии, геометрии и другим естественно-научным дисциплинам (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3107. Л. 273-274).

Министр иностранных дел Д.М. Толстой 18 января 1859 г. сообщил оренбургскому военному генералу об удовлетворении ходатайства об увеличении числа учащихся и других предложений о казахской школе. В 1859 году Комитет министров принял постановление: увеличить число воспитанников казахской школы до 40, несколько расширить программу учебного курса и допустить к бесплатному слушанию учебного курса 10 русских мальчиков «с целью дать киргизским детям больше средств к упражнению в разговорном русском языке» (Тажибаев, 1961: 16). В связи с этим в школе учащиеся изучали следующие дисциплины: русский язык, казахско-татарский язык, чистописание, рисование и черчение, арифметику, геометрию и межевание, географию, историю, делопроизводство и следственный процесс, закон божий, магометанское вероучение.

Следует подчеркнуть, что царская администрация следила за работой школы. Организация при пограничной комиссии казахской школы являлась своего рода экспериментом, успешный результат которого, очевидно, должен был послужить примером для организации подобных школ. Однако вскоре школа была закрыта. Ее закрытие вызвало неодобрительную реакцию в среде педагогической общественности. Одним из видных деятелей народного образования «туземцев», в том числе казахов, Н.И. Ильминский выступил против упразднения казахской школы при областном правлении.

А.В. Васильев отмечал, что образование основывалось на Степном положении от 25 марта 1891 г., согласно которому должны регулярно выделяться средства на образование как казахов, так и русских; приниматься меры по сдерживанию татаро-мусульманского образования; учебные программы утверждаться Министерством просвещения; русский язык должен стать важной частью вступительного экзамена (Васильев, 1896а: 107-108). С этой точки зрения большое значение имеет сообщение А.В. Васильева о школе для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии.

Следует отметить, что в работе А.В. Васильева «Оренбургский Неплюевский кадетский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов» (Васильев, 1896b) подробно рассказывается об открытии этого учреждения, обучении в нем, штатном расписании, преподаваемых дисциплинах. Содержание работы созвучно с первой работой автора.

Состояние образования в регионе в конце XIX в. нашло отражение и на страницах «Вестника Оренбургского отделения Императорского Русского географического общества». В третьем номере «Вестника» за 1894 г. опубликовано продолжение работы А.Е. Алекторова «Очерки Внутренней киргизской орды» (Алекторов, 1894). В разделе «Распространение в орде просвещения», он упоминает, что Жангир-хан рассказал о своем желании иметь своих чиновников и 6 декабря 1841 г. открыл в Орде училище. Первым учителем школы был Константин Ольдекон, обучавший детей русскому языку, а также преподававший письменность и грамматику, арифметику и географию. Хаким Аминев был первым муллой, преподававшим богословие и восточные языки. Всего в школе обучалось 25 детей, из них 13 – в первом классе и 12 – во втором. 7 человек проживало в школе, 18 – приезжали из дома. Самому старшему ученику было 22 года, младшему – 9 лет (Алекторов, 1894: 11). Жангир-хан построил комнату для 8 детей бедняков в Неплюевском военном училище и агитировал жителей Орды отдать своих детей на учебу. При жизни Жангир-хан содержал школу за свой счет. После его смерти школа начала приходить в упадок. Автор стремился максимально полно отразить эту ситуацию. Школа, некоторое время находившаяся в упадке, была возрождена в 1867 г. с помощью жителей Орды. По данным автора, в 1874 г. был назначен инспектор для надзора за казахскими начальными школами в Орде, которые подчинялись Оренбургскому учебному округу. Школы Орды работали при поддержке и финансировании состоятельных людей.

Как известно из истории, зависимый от империи и ее правителей Жангир старался максимально урегулировать ситуацию и проблемы внутри ханства. Сумев создать единую систему управления ханством, Жангир, наряду с элементами традиционной ханской государственности, внес новшества. Ему удалось вписать национальные традиции в рамки колониальной политики. Царские чиновники были поражены тем, что Жангир признал дворец и создал эффективную систему управления. Они думали, «как изгладить (из памяти) совершенно вредные (для России) следствия ханского управления» (Касымбаев, 2001: 38). А граф В.А. Перовский писал: «Но и это устройство не может почитаться заслугой перед русским правительством. Соответствовавшие цели понятиями азиатца Джангера не удовлетворительны для наших выгод» (Касымбаев, 2001: 38).

На страницах Оренбургской архивной комиссии также публиковались статьи об образовании казахов, об учебном заведении по подготовке учителей. Одна из них называется «Киргизская школа и ее роль». В ней говорилось: «Киргизская учительская школа, существующая у нас с 1883 г., имела по мысли ее основателей задачу привлечь сюда киргиз, расположить их к науке и послать в степи к своим же родичам. Так оно и вышло. Через бывших же воспитанников этой школы на службе и судя мы говорим и сносимся с миллионами киргиз и других инородцев степного положения» (Киргизская школа..., 1917: 74).

Со второй половины XIX в. до 1917 г. в журналах Министерства народного просвещения публиковались статьи об образовании и учебных заведениях. Просвещение казахского народа и его отдельные проблемы нашли отражение на страницах журнала «Вестник Оренбургского учебного округа», регулярно выходившего во второй половине XIX – начале XX вв. Например, во всех выпусках «Вестника» в официальном разделе регулярно публиковались приказы, смены, распоряжения, правила, инструкции, статистика, изданные книги, статьи, учебники, обзоры, новости. В постоянном разделе «Школьная хроника» освещались актуальные вопросы образования региона. Например, в № 4 за 1912 г. поднимался вопрос о методике преподавания истории и географии в начальных школах (Ефремов, 1912). В статье о прибытии переселенцев в Тургайскую область в научном разделе говорилось о развитии образования в Кустанайском уезде. В 1911 г. в уезде было 3 двуклассных русско-казахских, 1 двуклассная русская, 71 одноклассная русская, 15 сельских (указаны как инородные) школ (Зорин, 1912: 124). Автор И. Зорин писал: «Если 12–15 лет тому назад мы не видели и не слышали ни одного русского звука, русского образа, то теперь русские поселки множатся, растет русская культура в бескрайнем регионе, не тронутом человеком» (Зорин, 1912: 124-125). В дополнение к этому журналу выпускалось периодическое издание «Циркуляр по Оренбургскому учебному округу». В номере за 1891 г. имеется запись о том, что 27 сентября инспектор казахских школ Тургайской области сообщил об открытии в Николаевском уезде Аулиекольской русско-казахской волостной школы на 25 учащихся (Циркуляр..., 1892: 341). В № 1 за 1896 г. этого издания опубликован приказ министра № 25492 от 28 ноября 1895 г., согласно которому учащимся Троицкой казахской детской гимназии были присуждены стипендии имени императора Александра III (Учебные заведения, 1896: 10). В документе говорилось: «От 28 ноября 1895 г., за №25492. – об утверждении положения о стипендиях Имени в Боз почившего Государя Императора Александра III при Троицкой гимназии для детей киргизов»: «Вследствие представления от 10 ноября 1895 г. за № 4569 и в дополнение к предложению Министерства народного просвещения от 4 минувшего октября за № 21186, г. Министр народного просвещения препроводил при сем утвержденное им на основании Высочайшего повеления 30 сентября 1895 г., положение о стипендиях имени в Боз почившего Государя Императора Александра III-го при Троицкой гимназии для детей киргизов» (Учебные заведения..., 1896: 10). Также были указаны правила получения стипендии. В пункте 4 Правил говорилось: «Правом на стипендии пользуются только дети киргизов Тургайской области, преимущественно Тургайского, Иргизского и Николаевского уездов» (Учебные заведения..., 1896: 11).

Кроме того, в этом номере представлена перепись всех учебных заведений Оренбургского учебного округа от 31 декабря 1894 г. (Учебные заведения..., 1896). Тургайская и Уральская области относились к Оренбургскому учебному округу. Данные переписи были переданы в общеобразовательные средние учебные заведения и классифицированы на мужские и женские; специальные учебные заведения и низшие учебные заведения. В полном объеме приведены сведения о территории расположения учебных заведений, населении, учебных заведениях, финансировании, расходах, численности учащихся, возрасте, социальном составе, распределении по классам, религиозных убеждениях. Согласно приведенным данным, в Оренбургской губернии во всех мужских гимназиях обучалось 32 мусульманина, в Уральске – 7, в Тургае – 3. Однако их национальность не уточняется. В школу поступали на учебу с 9 лет, в кадетский корпус – с 21 года (Учебные заведения, 1896: 34). Были определенные причины пойти в школу с девяти или десяти лет. Казахские семьи, в том числе представители состоятельных групп (потому что чаще всего дети богатых людей имели возможность учиться), отдавали с девяти лет, так как считали, что их дети не справятся с учебной в более раннем возрасте.

В 1903 г. был опубликован труд К. Белавина «К истории просвещения в Оренбургском крае» (Белавин, 1903). В исследовании подробно описывается история женских гимназий и прогимназий Оренбургского края: их открытие, финансирование со стороны правительства, корпуса, стоимость

обучения, возраст учащихся, пансионаты, состав. По данным автора, в 1891 г. был открыт первый, в 1892 г. – второй, в 1893 г. – третий, в 1898 г. – четвертый классы Александрьевской русско-казахской гимназии в городе Кустанае (Белавин, 1903: 49). Автор писал о поддержке местным населением открытия женской гимназии в Кустанае: «Мысль об учреждении в Кустанае женской прогимназии была встречена очень чувственно как русскими, так и киргизским населением. Уже к концу ноября того же года, по свидетельству военного губернатора Тургайской области, от отдельных лиц поступило пожертвований 2350 руб., а общество киргиз Николаевского (Кустанайского) уезда, пожертвовав 12000 руб., возбудило вместе с тем и ходатайство о наименовании будущей прогимназии «Александрьевской» в честь Государыни Императрицы Александры Федоровны» (Белавин, 1903: 18). Жители Кустаная испытывали финансовые трудности в обучении своих дочерей. В связи с этим местные власти пытались оказать всяческую помощь. В труде написано: «В бытность Тургайского губернатора генерал-лейтенанта Барабаша в г. Кустанай, в мае 1894 г. жители этого города заявили ему о трудности для них отправлять своих дочерей в Троицкую прогимназию. Генерал-лейтенант Барабаш тогда же учредил в Кустанае комитет для изыскания средств на учреждение русско-киргизской прогимназии» (Белавин, 1903: 12-13). Хотя К. Белавин пытается дать полную информацию о прогимназии, он не приводит никаких данных о национальном составе учеников. Получение образования в прогимназии казахскими девушками было под большим вопросом, потому что, с одной стороны, казахи не желали давать образование своим дочерям, да и мысли такой не возникало, с другой – бедняки не могли найти 30 рублей на годовое обучение. По словам К. Белавина, плата за обучение для казахов была очень высокой. Например, «в Оренбургской гимназии до 1884 г. плата за обучение взималась в семи нормальных классах до 30 руб., в VIII, педагогическом по 50 руб. В 1884 г. плата за учение в нормальных классах была повышена до 36 руб.» (Белавин, 1903: 95). В Троицкой прогимназии плата в 1875 г. взималась в размере 5 руб. во всех классах; с 1879 г. в нормальных классах она была повышена до 10 руб., с не принадлежащих к городским сословиям г. Троицка –15 руб., притом с «иногородних» взимается до 25 руб. (Белавин, 1903: 97).

Кроме того, в труде К. Белавина, посвященном второму Оренбургскому кадетскому корпусу, говорилось об образовании представителей казахского народа (Белавин, 1894). Другая его работа была посвящена истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса (Белавин, 1891).

В начале XX в. издавалось периодическое издание «Доклады Оренбургской губернской земской управы 4-ой очередной сессии Оренбургскому губернскому земскому собранию (Подотдел образования инородцев. Отдел народного образования)». Первый из докладов Оренбургского губернского земского управления был опубликован в 1915 г. (Доклады..., 1915). В нем подчеркивалось, что из-за отсутствия статистических данных и других материалов первого отчета, публикуемого в докладе, не все выполненные работы были охвачены из-за ограниченного доступа к отражению полного и фактического состояния образования среди инородцев. Главное, чтобы земское управление не оставляло инородцев без внимания, ведь они составляли половину населения губернии. Земство приняло постановление по вопросам составления программ для начальных и двухклассных школ, финансирования выпуска необходимых учебных пособий, переподготовки учителей, обеспечения библиотек книгами на родном языке с перечнем мероприятий и дел, подлежащих реализации в образовании для инородцев. Земство подчеркивало, что внешкольное образование должно осуществляться в соответствии с местными требованиями инородцев. Отдел образования инородцев начал работу в 1915 г. с изучения состояния начальных школ, подготовки специальной анкеты, состоящей из 30 вопросов, для выяснения положения в них и распространения ее по всем мужским школам. Однако ни в одном из докладов не содержалось никаких сведений об образовании казахов. Несомненно, что казахи были среди народов, называемых инородцами. По словам редакции, у них не было данных, чтобы разделить инородцев на представителей отдельных народов. Второй из докладов был опубликован в 1917 г. (Доклады..., 1917). Материалы издания разделены на разделы: общий, школьное образование, внешкольное образование, подготовка специалистов по образованию. Так, в общей части в издании представлен доклад отдела по образованию губернского управления о деятельности за 1916 г. Рассмотрены вопросы созыва съезда работников образования, издания новых журналов и др. По повышению заработной платы учителям начальных школ, отношению земства к средней школе, организации народных чтений, выставок, развитию библиотек, летних курсов, дошкольного образования, стипендий и пособий можно проследить работу губернского управления образования и стремление повысить его уровень. Однако ничего не говорилось об образовании инородцев, в том числе казахов. Основное внимание было уделено русскому образованию, русским библиотекам, интересам русского населения. Только в случае открытия университета в Оренбурге описывался регион и обсуждалась ситуация с животноводством. Для освоения богатств скотоводческого края в вузе было предложено открыть ветеринарное и зоотехническое отделения и объединить их с биологическим факультетом. Кроме того, была отмечена необходимость открытия отделений: мукомольного, заморозки, сборки сельскохозяйственных машин. Хотя следующее отделение планировалось назвать сельскохозяйственным, то есть агрономическим, но учитывалось возражение со стороны

правительства и нехватки специалистов. Также с учетом природных условий края планировалось открытие инженерно-мелиоративного отделения. Земско-городской и архитектурный отделения решили открыть как дополнительные. С учетом крайней необходимости строительства железной дороги с целью связать Оренбургский край с русскими землями и Центральной Азией управление предложило открыть железнодорожный вуз. Считалось целесообразным объединение биологического, сельскохозяйственного и железнодорожностроительного отделения в политехнический институт ([Доклады, 1917: 150](#)).

В крае в сфере образования выходило периодическое издание «Учительский вестник». Об открытии Оренбургского учительского института сообщалось в его № 7-8 за 1915 г. В сообщении приводится выдержка из выступления руководителя института Н.И. Тихомирова: «14 сентября 1915 г. был открыт Учительский институт, простой, но очень важный для края» ([Тихомиров, 1915: 47](#)).

В первом номере 1916 г. о возможности, предоставленной выпускникам русско-казахской учительской школы, писалось: «Министерством народного просвещения признано возможным допускать к сокращенным испытаниям на звание учителя высшего начального училища лиц, окончивших курс в Оренбургской русско-киргизской учительской школе. До сих пор этим правом пользовались только лица, окончившие курс гимназий, реальных училищ и духовные семинарий» ([Русско-киргизская..., 1916: 57](#)). Это означает, что представителям казахского народа, окончившим данное училище, также были созданы условия для работы в высших начальных школах.

Просветительская деятельность в крае была отражена на страницах «Вестника Европы», «Тургайской газеты», «Оренбургского листка», «Трудов Оренбургской Ученой архивной комиссии». Например, в первом издании опубликована заметка о казахской гимназии ([Киргизская гимназия..., 1913](#)), в Тургайской газете – об Орской казахской учительской школе ([Орская киргизская..., 1896](#)), в последнем издании – об истории развития школьного дела Букеевской Орды ([К истории развития..., 1890](#)). Следует отметить, что вопросы образования часто публиковались в газете «Оренбургский листок». В номерах за 1889 г. отражены учебные заведения, их юбилеи, основатели и др. Например, в 7-м номере 1889 г. приводится справка о 100-летнем юбилее Оренбургского городского училища, а в следующем номере – хроника ([Новая справка..., 1889](#)). В 30-м номере 1889 г. был дан материал, связанный с кончиной Ибрая Алтынсарина, который, хотя и ограничился открытием русско-казахской начальной школы, однако, как сообщалось, внес большой вклад в русское дело как области, так и казахской степи. Его признавали известным деятелем. В 1871 г. он был принят министром народного просвещения графом Д.А. Толстым, где открыто высказал свое мнение о казахском алфавите. В результате был издан казахский алфавит. В 1879 г. И. Алтынсарин был назначен инспектором русско-казахского училища. В связи с этим деятельность просветителя в открытии школы показана в полной мере. Были высоко оценены его моральные, профессиональные и педагогические качества. Говорилось, что имя Ибрая Алтынсарина останется в вечной памяти.

В номере № 41 того же года напечатана работа А.Е. Алекторова о пребывании Харузина в ханской орде, о положении русско-казахских школ во Внутренней Орде в 1888 г.

5. Заключение

Таким образом, было проанализировано отражение в русской историографии проблем образования казахов XIX – начала XX вв. Не так много трудов, связанных с просвещением. Их авторами были в основном чиновники в сфере образования, которые особое внимание сосредоточили на просвещении казахов в связи с их деятельностью.

При изучении истории просвещения казахского народа труды и материалы периодических изданий, опубликованные в конце XIX – начале XX вв., являются историческим источником, с одной стороны, и историографическим – с другой. Такие данные имеют свои особенности в описании событий, в описании ситуации. Поскольку труды не являются научными исследованиями, в них все большее место занимают характерные черты летописей, обзоров. Тем не менее опубликованные работы, статьи в периодических изданиях, краткие описания имеют большое научное значение, потому что авторы, будучи свидетелями исторических событий, рассказали то, что видели своими глазами. Они опирались на указы царского правительства, делопроизводственные документы, что позволяет выявить достижения, недостатки и пробелы в образовании казахов и в целом способствует комплексному изучению истории и историографии образования в казахском обществе.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта АР08856779 «Система светского образования и просвещения в политике модернизации традиционного казахского общества в 20-30-е гг. XX в.» при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Литература

[Алекторов, 1900](#) – Алекторов А.Е. Очерк народного образования в Тургайской области: летопись 1744–1898 гг. Оренбург, 1900. Вып. 2. 160 с.

- Алекторов, 1905** – *Алекторов А.Е.* Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1905. № 12. С. 154-191.
- Алекторов, 1909** – *Алекторов А.Е.* Новые течения в жизни магометанских школ // *Журнал Министерства народного просвещения.* Нов. сер. Ч. 20. СПб., 1909. С. 187-202.
- Алекторов, 1894** – *Алекторов А.Е.* Очерки Внутренней киргизской орды // *Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества.* 1894. Вып. 3. 32 с.
- Алимбаева, 2006** – *Алимбаева Б.Б.* Из истории образования и просвещения Оренбургских казахов // *Вместе на одной земле. Этническая история и культура казахов Оренбуржья.* Оренбург, 2006. С. 149-155.
- Белавин, 1903** – *Белавин К.* К истории просвещения в Оренбургском крае. Женские гимназии и прогимназии. 1875–1899 гг. Оренбург, 1903. 250 с.
- Белавин, 1891** – *Белавин К.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус // *Оренбург: географо-статистический очерк.* Оренбург, 1891. 126 с.
- Белавин, 1894** – *Белавин К.* Второй Оренбургский кадетский корпус (1887–1894) в ряду других военных учебных заведений. СПб., 1894. 80 с.
- Болодурич, 2001** – *Болодурич В.С.* Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735–1940). Оренбург, 2001. 315 с.
- Васильев, 1896** – *Васильев А.В.* Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. 226 с.
- Васильев, 1896** – *Васильев А.В.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург, 1896. 14 с.
- Доклады..., 1915** – Доклады Оренбургской губернской земской управы 4-ой очередной сессии Оренбургскому губернскому земскому собранию (Подотдел образования инородцев. Отдел народного образования). Оренбург, 1915. № 61–73. 73 с.
- Доклады..., 1917** – Доклады Оренбургской губернской земской управы 4-ой очередной сессии Оренбургскому губернскому земскому собранию (Подотдел образования инородцев. Отдел народного образования). Оренбург, 1917. № 35–60. С. 121-122.
- Ефремов, 1912** – *Ефремов В.* К вопросу о преподавании истории и географии в начальной школе // *Вестник Оренбургского учебного округа.* 1912. № 4. С. 228-235.
- Зорин, 1912** – *Зорин И.* К вопросу о переселении в Тургайскую область // *Вестник Оренбургского учебного округа.* 1912. № 4. С. 115-131.
- Камскова, 1996** – *Камскова Т.А.* Из истории просвещения казахов Оренбургской губернии в XIX в. // *Казахи Южного Урала: история и современность. Сборник материалов областной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Абая Кунанбаева.* Оренбург: Печ. дом «Димур», 1996. С. 31-35.
- Касымбаев, 2001** – *Касымбаев Ж.* Государственные деятели казахских ханств XVIII – первой половины XIX вв. Жангир Хан (1801–1845 гг.). Т. 4. Алматы, 2001. 352 с.
- Киргизская гимназия, 1913** – Киргизская гимназия // *Вестник Европы.* 1913. Кн. 5. С. 336-347.
- Киргизская школа..., 1917** – Киргизская школа и ее роль // *Историческая правда Оренбурга. Труды Оренбургской архивной комиссии.* Оренбург, 1917. Вып. XXXIV. С. 73-77.
- К истории развития..., 1890** – К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде // *Оренбургский листок.* 1890. № 49. 50 с.
- Матвиевская, 2016** – *Матвиевская Г.П.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории: Монография. М., 2016. 174 с.
- Новая справка..., 1889** – Новая справка о 100-летнем юбилее Оренбургского городского училища // *Оренбургский листок.* 1889. № 7.
- Орская киргизская..., 1896** – Орская киргизская учительская школа // *Тургайская газета.* 1896. № 84.
- Русско-киргизская..., 1916** – Русско-киргизская учительская школа // *Учительский вестник.* 1916. № 1.
- Сембаев, Храпченков, 1972** – *Сембаев А.И., Храпченков Г.М.* Очерки по истории школ Казахстана (1901–1917 гг.). Алма-Ата, 1972. 148 с.
- Тажимаев, 1961** – *Тажимаев Т.Т.* Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850–1869). Алма-Ата, 1961. 39 с.
- Тажимаев, 1962** – *Тажимаев Т.Т.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1962. 506 с.
- Учебные заведения..., 1896** – Учебные заведения всех ведомств и наименований, находящиеся на территории Оренбургского учебного округа по переписи 31 декабря 1894 г. Оренбург, 1896 // *Циркуляр по Оренбургскому учебному корпусу.* 1896. № 1. С. 3-40.
- Тихомиров, 1915** – *Тихомиров Н.И.* Открытие Оренбургского учительского института // *Учительский вестник.* 1915. № 7–8. С. 47.

- [Храпченков, 1998](#) – Храпченков Г.М., Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана: Учебное пособие. Алматы, 1998. 168 с.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- [Циркуляр, 1892](#) – Циркуляр по Оренбургскому учебному округу за 1891 г. Оренбург, 1892. С. 341.
- [Tuleuova et al., 2018](#) – Tuleuova et al. Formation of the System of School Education of the Kazakh Society of Central Kazakhstan in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4. Pp. 1612-1624.

References

- [Alektorov, 1900](#) – Alektorov, A.E. (1900). Oчерk narodnogo obrazovaniya v Turgaiskoi oblasti. Letopis' 1744-1898 [Essay on public education in the Turgai region: annals of 1744–1898]. Orenburg, Is. 2. 160 p. [in Russian]
- [Alektorov, 1894](#) – Alektorov, A. (1894). Oчерki Vnutrennei kirgizskoi ordy [Essays on the Inner Kyrgyz Horde]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 3: 32 p. [in Russian]
- [Alektorov, 1905](#) – Alektorov, A. (1905). Iz istorii razvitiya obrazovaniya sredi kirgizov Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblastei [From the history of the development of education among the Kyrgyz of Akmola and Semipalatinsk regions]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 12: 154-191. [in Russian]
- [Alektorov, 1909](#) – Alektorov, A.Ye. (1909). Novyye techeniya v zhizni magometanskikh shkol [New trends in the life of Mohammedan schools]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 20: 187-202. [in Russian]
- [Alimbaeva, 2006](#) – Alimbaeva, B.B. (2006). Iz istorii obrazovaniya i prosveshcheniya Orenburgskikh kazakhov [From the history of education and enlightenment of the Orenburg Kazakhs]. *Vmeste na odnoi zemle. Etnicheskaya istoriya i kul'tura kazakhov Orenburzh'ya*. Orenburg, pp. 149-155. [in Russian]
- [Belavin, 1903](#) – Belavin, K. (1903). K istorii prosveshcheniya v Orenburgskom krae. Zhenskije gimnazii i progimnazii. 1875–1899 gg. [On the history of education in the Orenburg region. Women's gymnasiums and progymnasiums. 1875–1899]. Orenburg, 250 p. [in Russian]
- [Belavin, 1891](#) – Belavin, K. (1891). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus. Orenburg: geografo-statisticheskii oчерk [Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps. Orenburg: geographical and statistical essay]. Orenburg, 126 p. [in Russian]
- [Belavin, 1894](#) – Belavin, K. (1894). Vtoroi Orenburgskii kadetskii korpus (1887-1894) v ryadu drugikh voennykh uchebnykh zavedenii [Second Orenburg Cadet Corps (1887–1894) among other military educational institutions]. SPb., 80 p. [in Russian]
- [Bolodurin, 2001](#) – Bolodurin, V.S. (2001). Obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' v Orenburzh'e. Stranitsy istorii (1735–1940) [Education and pedagogical thought in the Orenburg region. Pages of History (1735–1940)]. Orenburg. 320 p. [in Russian]
- [CSA RK](#) – Central State Archive of the Republic of Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Doklady..., 1915](#) – Doklady Orenburgskoi gubernskoi zemskoi upravy 4-oi ocherednoi sessii Orenburgskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu (Podotdel obrazovaniya inorodtsev. Otdel narodnogo obrazovaniya). [Reports of the Orenburg provincial zemstvo council of the 4th regular session to the Orenburg provincial zemstvo assembly (Subdepartment of education of foreigners. Department of public education)]. Orenburg, 1915. № 61-73. 73 p. (In Russian)
- [Doklady..., 1917](#) – Doklady Orenburgskoi gubernskoi zemskoi upravy 4-oi ocherednoi sessii Orenburgskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu (Podotdel obrazovaniya inorodtsev. Otdel narodnogo obrazovaniya) [Reports of the Orenburg provincial zemstvo council of the 4th regular session to the Orenburg provincial zemstvo assembly (Subdepartment of education of foreigners. Department of public education)]. Orenburg, 1917. № 35-60. pp. 121-122. [in Russian]
- [Efremov, 1912](#) – Efremov, V. (1912). K voprosu o prepodavanii istorii i geografii v nachal'noi shkole. [On the issue of teaching history and geography in elementary school]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. 4: 228-235. [in Russian]
- [Kamskova, 1996](#) – Kamskova, T.A. (1996). Iz istorii prosveshcheniya kazakhov Orenburgskoi gubernii v XIX v. [From the history of enlightenment of the Kazakhs of the Orenburg province in the 19th century]. *Kazakhi Yuzhnogo Urala: istoriya i sovremennost'. Sbornik materialov oblastnoi nauchnoi konferentsii posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya Abaya Kunanbaeva*. Orenburg, pp. 31–36. [in Russian]
- [Kassymbaev, 2001](#) – Kassymbaev, Zh. (2001). Gosudarstvennye deyateli kazakhskikh khanstv XVIII – pervoi poloviny XIX vv. Zhangir Khan. [Statesmen of the Kazakh khanates of the 18th – the first half of the 19th centuries. Zhangir Khan (1801–1845)]. V.4. Алматы, 352 p. [in Russian]
- [Khrapchenkov, 1998](#) – Khrapchenkov, G.M., Khrapchenkov, V.G. (1998). Istoriya shkoly i pedagogicheskoy mysli Kazakhstana: Uchebnoye posobiye [The history of the school and pedagogical thought of Kazakhstan: Textbook]. Алматы, 168 p. [in Russian]

- [Kirgizskaya gimnaziya, 1913](#) – Kirgizskaya gimnaziya [Kyrgyz gymnasium]. *Vestnik Evropy*. 1913. Book 5. Pp. 336-347. [in Russian]
- [Kirgizskaya shkola..., 1917](#) – Kirgizskaya shkola i ee rol' // Istoricheskaya pravda Orenburga. Trudy Orenburgskoi arkhivnoi komissii. Orenburg, 1917. Vol. XXXIV. Pp. 73-77. [in Russian]
- [K istorii razvitiya, 1890](#) – K istorii razvitiya shkol'nogo dela v kirgizskoy Bukeyevskoy orde. [On the history of the development of schooling in the Kirghiz Bukey Horde]. *Orenburgskiy listok*. 1890. №49. 50 p. [in Russian]
- [Matvievskaya, 2016](#) – *Matvievskaya, G.P.* (2016). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus. Ocherk istorii: monografiya [Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps. Outline of history: monograph]. M., 174 p. [in Russian]
- [Novaya spravka, 1889](#) – Novaya spravka o 100-letnem yubileye Orenburgskogo gorodskogo uchilishcha [New information about the 100th anniversary of the Orenburg city school]. *Orenburgskiy listok*. 1889. № 7. [in Russian]
- [Orskaya kirgizskaya, 1896](#) – Orskaya kirgizskaya učitel'skaya škola [Orskaya kyrgyzskaya uchitel'skaya shkola]. *Turgayskaya gazeta*. 1896. № 84. [in Russian]
- [Russko-kirgizskaya..., 1916](#) – Russko-kirgizskaya uchitel'skaya shkola [Russian-Kyrgyz Teachers' School]. *Uchitel'skiy vestnik*. 1916. № 1. [in Russian]
- [Sembayev, Khrapchenkov, 1972](#) – *Sembayev, A.I., Khrapchenkov, G.M.* (1972). Ocherki po istorii shkol Kazakhstana (1901–1917 gg.) [Essays on the history of schools in Kazakhstan (1901–1917)]. Alma-Ata, 148 p. [in Russian]
- [Tazhibayev, 1961](#) – *Tazhibayev, T.T.* (1961). Kazakhskaya shkola pri Orenburgskoy pograničnoy komissii (1850–1869) [Kazakh school under the Orenburg border commission (1850–1869)]. Ata-Ata, 39 p. [in Russian]
- [Tazhibayev, 1962](#) – *Tazhibayev, T.T.* (1962). Prosveshcheniye i shkoly Kazakhstana vo vtoroy polovine XIX veka. [Enlightenment and schools of Kazakhstan in the second half of the XIX century]. Alma-Ata, 506 p. [in Russian]
- [Tikhomirov, 1915](#) – *Tikhomirov, N.I.* (1915). Otkrytiye Orenburgskogo uchitel'skogo instituta. [Opening of the Orenburg Teachers' Institute]. *Uchitel'skiy vestnik*. 7-8: 47. [in Russian]
- [Tsirkulyar..., 1892](#) – Tsirkulyar po Orenburgskomu uchebnomu okrugu za 1891 g. [Circular for the Orenburg educational district for 1891]. Orenburg, 1892. 341 p. [in Russian]
- [Tuleuova et al., 2018](#) – Tuleuova et al. (2018). Formation of the System of School Education of the Kazakh Society of Central Kazakhstan in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1612-1624. [in Russian]
- [Uchebnyye zavedeniya, 1896](#) – Uchebnyye zavedeniya vsekh vedomstv i naimenovaniy, nakhodyashchiesya na territorii Orenburgskogo uchebnogo okruga po perepisi 31 dekabrya 1894 g. Orenburg, 1896. [Educational institutions of all departments and names located on the territory of the Orenburg educational district according to the census on December 31, 1894 Orenburg, 1896]. Tsirkulyar po Orenburgskomu uchebnomu korpusu. 1896. №1. pp. 3-40. [in Russian]
- [Vasil'ev, 1896](#) – *Vasil'ev, A.V.* (1896). Istoricheskii ocherk russkogo obrazovaniya v Turgaiskoi oblasti i sovremennoe ego sostoyanie. [Historical outline of Russian education in the Turgai region and its current state]. Orenburg, 72 p. [in Russian]
- [Vasil'ev, 1896](#) – *Vasil'ev, A.V.* (1896). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus kak pervoe uchebnoe zavedenie v istorii russkogo obrazovaniya kirgizov. [Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps as the first educational institution in the history of Russian education of the Kyrgyz]. Orenburg, 14 p. [in Russian]
- [Zorin, 1912](#) – *Zorin, I.* (1912). K vorposu o pereselenii v Turgaiskuyu oblast' [On the issue of resettlement in the Turgai region]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. 4: 115-131.

Дореволюционная историография системы народного просвещения казахов в XIX – начале XX веков

Оразгуль Хасеновна Мухатова ^а, Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^а,
Айнагуль Толганбаевна Каипбаева ^а, Махаббат Маликовна Козыбаева ^{а, *}

^а Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: koz.mahabbat_85@mail.ru (М.М. Козыбаева),
orazgul7@rambler.ru (О.Х. Мухатова), kabulzia@rambler.ru (З.Е. Кабульдинов),
aina__78@mail.ru (А.Т. Каипбаева)

Аннотация. Статья посвящена российской дореволюционной историографии системы народного просвещения у казахов в XIX – начале XX вв., поэтому в ней авторы в качестве историографического источника в основном опирались на труды дореволюционных российских исследователей, посвященные вопросам просвещения в Казахстане. В работе применялись основные принципы исторической науки: историзма и объективности, а также методы исследования науки историографии, такие как анализ, синтез, историко-сравнительный, ретроспективный, проблемно-хронологический, актуализации. Они служили ключом к освещению значимых аспектов дореволюционной российской историографии просвещения казахов.

Дореволюционные авторы изучали различные аспекты системы народного просвещения среди казахов. В статье рассмотрены Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Оренбургская фельдшерская школа, Школа для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии, русско-казахская начальная, вторая сельская и казахская учительские школы в Оренбургском, Уральском и Троицком степных укреплениях. Приведенные в статье работы содержат подробные сведения о местонахождении учебных заведений, финансировании, количестве учащихся, возрасте, социальном составе, классификации, религиозных убеждениях. Российские официальные лица с особым интересом освещали день открытия казахской школы при Оренбургской пограничной комиссии, выделяемые на нее средства, помещение, детскую одежду, питание и т.д. Значительная часть информации об обучении казахских детей в Уральской, Тургайской и Оренбургской областях нашла отражение в статьях, опубликованных в периодических изданиях.

Чиновники и исследователи, изучавшие систему просвещения казахов в царской России, оставили после себя много важных материалов. Эти работы в настоящее время являются ценным историческим источником для исследователей казахского просвещения данного периода. С этой точки зрения работы дореволюционных авторов не теряют своей актуальности и значимости.

Ключевые слова: просвещение казахов, историография, дореволюционные российские исследователи, русско-казахские школы, военные училище, прогимназия, Оренбург, Уральск, Тургай, Троицк.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 157-167
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.157

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russia and Jigetiya: on the Issue of Relations in 1829–1837

Konstantin V. Taran ^{a, b, *}, Aleksey A. Korolev ^c, Sergey D. Ludwig ^d, Nina M. Pestereva ^e

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article examines the relationships between the Russian Empire and Jigetiya, an attempt by Russia to establish peaceful relations with one of the Caucasian tribes, taking into account the requirements of the Russian government.

A whole complex of various sources was used as materials, such as published collections of documents, sources of personal origin (memoirs and diaries), as well as materials of the periodical press. Among the published collections of documents, the “Acts of the Caucasian Archeographic Commission”, as well as a collection of documents on the history of Jigetiya and other collections of documents stand out. From sources of personal origin, the notes and diaries of travelers, scouts and emissaries were used.

The methodological basis of the research is the principle of historicism, which made it possible to make a comprehensive analysis of collections of archival documents and materials, sources of personal origin and historiography related to the history of relations between Russia and Jigetiya.

In conclusion, the authors state that the dialogue between Russia and Jigetiya in 1829–1837 was established immediately after the signing of the Treaty of Adrianople, namely in 1830 when Russian troops built three fortifications in western Abkhazia. Russian-Jigetiya relations were continued in the future until the landing of the Russian troops at Cape Adler and during the construction of the fortification of the Holy Spirit.

Keywords: Russian Empire, Jigetiya, Abkhazia, North Caucasus, Jigets, Medoveevs, Ubykhs, dialogue of cultures, 1829–1837.

1. Введение

В начале XIX в. Российская империя осваивала территории Северного Кавказа, приобретая также малознакомое население, традиции и внутреннее устройство которого необходимо было исследовать. В соответствии с Адрианопольским мирным договором земли Закубанья и Черноморского побережья Северного Кавказа в 1829 г. вошли в состав России, среди которых была и территория Джигетии. На вновь приобретенных территориях проживали кавказские племена, не имевшие государственности, письменности и не желавшие принимать над собой власть русского царя.

После постройки в 1830 г. трех укреплений в западной Абхазии, где русский протекторат постепенно утверждался, княжеские фамилии племени джигетов, проживавших севернее укрепления Гагры, стали искать сближения с русскими военными. В соответствии с наставлениями императора Николая I командир отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью в

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran)

Грузии генерал-адъютант барон Г.В. Розен перед высадкой войск на мысе Адлер ведет безуспешные переговоры с джигетскими князьями о принятии присяги русскому царю.

2. Материалы и методы

В качестве материалов применялся целый комплекс разнообразных источников, таких как опубликованные сборники документов, источники личного происхождения (воспоминания и дневники), а также материалы периодической печати. Среди опубликованных сборников документов особо выделяются «Акты Кавказской археографической комиссии» (АКАК, 1878, 1881), а также сборник документов по истории Джигетии (Документы..., 2016). Кроме того, использовался архив Раевских (Архив Раевских, 1910) и другие коллекции документов (М.П. Лазарев, 1955; Джигетский сборник, 2012; Материалы..., 2011; Cherkasov, 2020).

Среди источников личного происхождения были исследованы записки и дневники путешественников, разведчиков и эмиссаров (Белл, 2007; Нордман, 1838; Рукевич, 1914; Сафонов, 1837; Спенсер, 1993, 2008; Торнау, 1864, 2008). Помимо этого, использовалась периодическая печать – газета «Кавказ», а также справочная литература (Военный энциклопедический..., 1853).

Методологической основой исследования является принцип историзма, который позволил сделать комплексный анализ сборников архивных документов и материалов, источников личного происхождения и историографии, относящихся к истории взаимоотношений России и Джигетии. Кроме этого, применялись также и другие методы в их совокупности и взаимосвязи, т.е. проблемно-хронологические, сравнительно-исторические и системно-структурные.

3. Обсуждение

Историографию по теме исследования следует разделить на три хронологических периода: дореволюционный, советский и современный.

Среди дореволюционных трудов необходимо отметить исследование барона Ф.Ф. Торнау (Торнау, 1864), который дал подробное описание Джигетии и соседних с ней кавказских племен и обществ. Непосредственно материалы о взаимоотношениях Джигетии и России были опубликованы в журнале «Кавказский сборник» (Утверждение наше в Абхазии, 1889). Также из исследователей дореволюционного периода следует выделить авторов военных и военно-статистических обзоров (Карлгоф, 1855; Карлгоф, 1860; Анучин, 1860; Федоров, 1879; Рукевич, 1914), а также исследователей Черноморского побережья Северного Кавказа, которые описали племена и занимаемые ими территории (Сафонов, 1837; Нордман, 1838).

Советская историография была подвержена идеологии, что предполагало участие практически всех племен Кавказа в освободительном движении против русского царизма (Фадеев, 1935; Дзидзария, 1940; Дзидзария, 1958). Тем не менее в это время были изданы подробные отчеты и материалы барона Торнау (Дзидзария, 1976).

В современный период были опубликованы исследования, освещающие становление российского присутствия на восточном берегу Черного моря и повседневную деятельность укрепления Святого Духа в Джигетии (Каратаев, Черкасов, 2007; Каратаев, Черкасов, 2009). В 2016 г. была опубликована работа Т.А. Магсумова «Джигеты: большая история маленького народа» (Магсумов, 2016). Авторским коллективом совместно с А.А. Черкасовым неоднократно рассматривалась территория, на которой проживали джигеты; так, в том же 2016 г. предпринимались попытки охарактеризовать демографическую ситуацию на побережье Черного моря (Cherkasov et al., 2016) и на территории Абхазского княжества (Cherkasov et al., 2016a), а в 2015 г. группа предпринимала попытку рассмотреть самих джигетов в их полярном состоянии (в состоянии войны и мира) (Cherkasov et al., 2015). Примерно в это же время была издана работа Ш.Д. Инал-Ипа о садзах «Садзы. Историко-этнографические очерки» (Инал-Ипа, 2014).

4. Результаты

Установлению двусторонних взаимоотношений России и Джигетии предшествовали события военно-политического характера на Кавказе. Российская империя в первой половине XIX в. постепенно продвигала свои интересы на Кавказ, который входил в сферу влияния Персии и Турции. С Персией Россия вела боевые действия в 1804–1813 гг. и 1826–1828 гг., с Турцией – в 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Все войны закончились победой русского оружия с приобретением и вхождением в состав Российской империи новых территорий. Последняя военная кампания завершилась подписанием Адрианопольского договора, в соответствии с которым Россия приобрела территории левобережной р. Кубани (Закубанье) и восточного берега Черного моря от устья р. Кубани до форта Святого Николая (Taran, 2020: 40).

В течение русско-турецкой войны 1828–1829 гг. русские войска на Черноморском побережье северо-западного Кавказа заняли крепости Анапу и Поты, которые после подписания Адрианопольского договора вошли в состав Российской империи (Taran, 2020: 77).

Российскому правительству во главе с императором Николаем I необходимо было решить вопрос освоения приобретенных территорий, а народы, их заселявшие, привести к присяге на

верность России. Для этого был учрежден временный комитет при Министерстве иностранных дел для устройства Закубанского края и пресечения контактов жителей восточного берега Черного моря с Турцией, направленных на ликвидацию торговли контрабандными товарами и невольниками (АКАК, 1878: 887-888).

Главкомандующий отдельным Кавказским корпусом граф И.Ф. Паскевич предложил план проведения Абхазской экспедиции, предусматривающий освоение восточного берега Черного моря от крепости Анапы до Поти. План Паскевича был утвержден в начале 1830 г. императором Николаем I, в соответствии с которым летом 1830 г. начальник Абхазского отряда генерал-майор К.Ф. Гессе заложил три укрепления в Абхазии – Бомборе, Пицунде и Гагре (Утверждение наше в Абхазии, 1889: 138-148; Военный энциклопедический..., 1853: 9-10).

В Пицунде состоялось первое знакомство русских военных с представителями джигетов из общества Хысха, проживающих в долине р. Хашупсе. Посредником в переговорах выступил самурзаканский князь Тимурко Анчибадзе, который представил двух князей из своей фамилии. После беседы с генерал-майором Гессе джигетские князья приняли присягу русскому императору, но отказались выдать аманатов, т.к. территория джигетов на тот момент не была под контролем русских войск. После этого князья получили подарки и обещали информировать русское командование о событиях, происходящих у джигетов и их соседей (Утверждение наше в Абхазии, 1889: 144).

Абхазская экспедиция ограничилась постройкой трех укреплений, а проведение дороги от Гагры до Анапы оказалось неисполненным, т.к. для достижения этой цели необходимо было применение значительных сил (Дзидзария, 2017: 75).

В ноябре 1830 г. министр иностранных дел граф К.В. Несельроде сообщил Паскевичу, что император Николай I повелел возвести укрепления в Геленджике и других удобных местах на восточном берегу Черного моря (АКАК, 1878: 894).

В соответствии с этим решением командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал Г.А. Емануель в рапорте от 22 июня 1831 г. предписывал генерал-майору Е.А. Берхману, начальнику правого фланга Кавказской линии, возвести укрепление при Геленджикской бухте, что и было исполнено. Через 10 лет в январе 1840 г. начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Н.Н. Раевский отметил, что «Геленджик не является укреплением, а более напоминает лагерь бригады, которая там расположена» (Жупанин, 2011: 43-47).

В то же время русское правительство не имело достаточной информации о народах, заселявших северо-западный Кавказ, отсутствовали географические карты, характеризующие вновь приобретенные территории. Было решено для пополнения сведений о восточном берегу Черного моря между Гагрой и Геленджиком отправить офицера, который тайным образом должен был исследовать восточный берег Черного моря. Для этого мероприятия начальник штаба отдельного Кавказского корпуса генерал-майор В.Д. Вольховский предложил кандидатуру Ф.Ф. Торнау, который в 1835 г. исполнил эту миссию и дал ценные сведения о племенах, проживавших на восточном берегу Черного моря (Торнау, 2008: 177-178).

По сведениям, добытыми Торнау, стало известно, что на побережье Черного моря от Анапы до р. Сочи были расселены кавказские племена натухайцев и шапсугов. На восток от р. Сочи до р. Ингуры проживали абазинцы, которые также делились на два племени, т.е. между р. Сочи и укреплением Гагра обитали джекеты (джигеты), или садзы, а территорию между реками Бзыбь и Ингур населяли абхазы (Торнау, 2008: 216-217).

В конце 1830-х гг. будущий джигетский пристав С.Т. Званба сообщил, что население между р. Сочи и Гагрой себя именovalo халцусы, абхазы их называли асадзкуа, а среди грузин использовалось название – джигеты. Прибрежная территория, которую занимали джигеты, называлась у абхазов – Садзен. По берегу Черного моря племя джигетов простиралось от Гагры до селения Хамыш, лежавшего между реками Агура и Хоста. Разговорный язык у джигетов был абхазский, имеющий свои отличия, но сами абхазы не считали джигетов одного с собой происхождения (Званба, 1982: 6). Следует отметить, что русские военные в своей переписке использовали именно грузинский вариант названия народа, то есть джигеты.

Торнау называл джигетов в нескольких вариациях – джекеты, садзы, а абазин – абхазы, абадза. Селения и общества, в которых побывал Торнау, он характеризовал как вольные и не признающие власти кого-либо. Авторитетные фамилии, они же князья, уздени и т.д., имели определенный вес, благодаря большому количеству своих вооруженных сторонников (Дзидзария, 1976: 103-104).

Кавказские племена между собой имели дружеские и родственные связи, но это не мешало племенам и горным обществам совершать разбойные нападения в целях наживы на своих соседей, проживавших на побережье Черного моря. Например, объединенные разбойные группы во главе с убыхами, а с ними джигеты, медовеи и псху систематически производили разбойные нападения на абхазские селения (Званба, 1852).

При ином раскладе медовеи с убыхами грабили своих бывших союзников по набегам джигетов, которые в редких случаях пытались с ответным визитом посетить для грабежа своих обидчиков, т.к. медовеи и убыхи проживали в труднодоступной горной местности (Дзидзария, 1976: 104).

Торнау представил сведения о племени джигетов, которое состояло из 7 обществ: Хамыш, Арт, Аредба, Геч, Цандрыш, Багриш и Хысха. Князя последнего общества Анчабадзе, как указано выше, в 1830 г. контактировали с русскими военными. Горное общество медовеевцев состояло из трех селений: Ахчипсу, Чужгуча и Аибга, где превалировали князя из фамилии Маршани. Горные селения Чужи и Чуа, расселенные соответственно в долинах рек Худапс и Мце, состояли в добрососедских отношениях с медовеевцами и не причисляли себя к джигетам. Общество Саше, расселенное в долине р. Сочи, состояло из джигетов, убыхов и незначительного числа турок. Князь Али Ахмет Облагу потерял свой авторитет среди общества Саше, т.к. имел контакты с русским командованием, дислоцирующимся в Абхазии. Такие же обвинения были и в отношении князей Аредба, которых жители долины Лиешь заподозрили в общении с русскими, и поэтому князя утратили свой авторитет (Дзидзария, 1976: 105-107).

Барон Торнау в 1835 г. с проводниками во время движения из общества Саше к пределам Абхазии встретил князя Али Ахмета, возвращавшегося со стороны гагринского укрепления с дружиной в количестве около 100 человек (Торнау, 2008: 313). Возможно, что целью поездки Али Ахмета было посещение русского командования.

На юго-востоке укрепление Гагра и гагринский хребет отделили земли джигетов от абхазов и общества псху, которое было расположено в горной местности в долине р. Бзыбь. На севере джигеты граничили с медовеевцами, обществами Чужи и Чуа, а по берегу моря северо-западнее – с обществом саше, которое соприкасалось с племенем убыхов. В основном убыхи были расселены в горной местности, а на побережье от р. Сочи до р. Шахе они проживали совместно с племенем шапсугов в четырех селениях и составляли общество Ардона. Среди убыхов были известны две княжеские фамилии – Берзек и Дещен. Торнау полагал, что количество мужского пола у убыхов достигало 6 тыс. человек. Говорили убыхи на своем языке, который совершенно отличался от разговорной речи других кавказских племен. Убыхи были подвержены магометанской религии, но при этом определенная часть племени придерживалась культа креста (Дзидзария, 1976: 118).

Английский агент Д. Белл в своих воспоминаниях указывал, что культ креста был распространен на восточном побережье Черного моря среди кавказских племен. На территории общества саше находилось 3 креста, из которых 2 были позолоченные и 1 крест был подвешен на ветвях дерева. После высадки русских войск в 1838 г. в устье р. Сочи население саше не хотело, чтобы кресты попали к русским, т.к. они могли заявить о своих правах на этот край как исконно христианский. Предлагалось снять и спрятать кресты, но князь Али Ахмет был против осквернения этих реликвий и требовал оставить их в неприкосновенности (Белл, 2007b: 19).

Помимо Торнау, в 1835 г. профессор А.Д. Нордман при финансовой поддержке Академии наук организовал экспедицию вдоль Черноморского побережья северо-западного Кавказа от Геленджика до границы с Турцией. В течение 8 месяцев экспедиция проходила вдоль берега на небольших судах военного флота, частично по берегу, иногда под охраной военного отряда (Пузанов, 2019: 3782). Ученый-биолог Нордман не только добыл огромный гербарий и сотни рыб, тушек птиц и млекопитающих, но предоставил сведения о джигетских обществах и описал территорию, на которой они проживали (Нордман, 1838: 400-427).

Сведения о племени джигетов и других народах Кавказа, предоставленные Торнау, Нордманом и Званба, были проанализированы русским командованием, и уже в 1836 г. император Николай I определил основные боевые действия со стороны Абхазии. Было решено предпринять в 1837 г. военную экспедицию в Абхазию, где предстояло навести порядок в Цебельде, усовершенствовать дорожное сообщение в западной Абхазии и на севере от Гагры заложить одно или два укрепления. В соответствии с намеченным планом военный отряд во главе с командующим отдельным Кавказским корпусом бароном Г.В. Розеном в мае 1837 г. выступил в Цебельду. В соответствии с наставлениями императора Николая I он пытался склонить горцев к покорности путем мирных убеждений и прибегать к силе только в крайнем случае. Цебельдинское общество приняло присягу на верноподданство русскому императору без проведения боевых действий (АКАК, 1881: 357-358).

Император с удовлетворением отмечал, что покорение цебельдинцев связано с «ласковым с ними обхождением чинов отряда и строгим соблюдением в оном дисциплины». Николай I полагал, что и дальнейшее предприятие будет окончено таким же образом, т.е. без кровопролития. С прибытием барона Розена в отряд и до выступления в Цебельду Розен входил в предварительные сношения с представителями джигетов и пытался их склонить к изъявлению покорности. Переговоры закончились без результатов (АКАК, 1881: 387, 463).

Из Сухум-кале 3 июня 1837 г. суда эскадры Черноморского флота с десантным отрядом во главе с бароном Розеном отправились к устью р. Мзымты, где 7 июня русские войска после боевых действий с кавказскими племенами заняли мыс Адлер. В этом бою они потеряли убитыми 15 человек и ранеными – 34. Кроме этого, убито в мингрельском ополчении: 1 князь, 3 милиционера, ранено в имеретинской дружине 1 сотенный командир и 9 милиционеров. Потери у кавказских племен в бою 7 июня были значительны, но числа убитых и раненых барон Розен узнать не смог. Было известно, что было убито пять князей и трое старшин, пользовавшихся большим уважением среди местного

населения. Несмотря на потери, местные племена продолжали оказывать сопротивление русским (АКАК, 1881: 871, 873).

После занятия мыса русские войска приступили к постройке укрепления. Соседние с лагерем аулы джигетов не были истреблены. Барон Розен вступил в переговоры с джигетскими почетными лицами и предложил им компенсацию за территорию земли, на которой строилось укрепление. От получения компенсации представители джигетов отказались (АКАК, 1881: 387, 391).

Ночью 13 июня в лагерь на мысе Адлер возвратился самурзаканский князь Эмухвар, который по заданию барона Розена тайно ездил в общество Геч, где встречался со своим родственником, почетным старшиной Ахмед-Аслан-беем Геч. Эмухвар объяснил родственнику требования русской администрации и просил его содействия, чтобы убедить джигетов изъявить покорность. Аслан-бей обещал оказать помощь в этом деле, но при том указал, что это сделать будет нелегко, т.к. многие старшины, пользовавшиеся особенным в народе уважением, погибли в боях с русскими на мысе Адлер. Благодаря деятельности Эмухвара, 14 июня в 2 часа пополудни к барону Розену для переговоров прибыли уبخский князь Беарслан Берзек и представитель джигетов, которым барон Розен сообщил требования русского правительства, и в случае их принятия, присягнувшим народам было обещано сохранение религии и обычаев. Старшины обещали донести требования русских своим племенам и прекратить враждебные действия против русских, но считали, что это невозможно исполнить, т.к. джигеты и убыхи настаивали на сопротивлении русским войскам (АКАК, 1881: 874-875).

15 июня к барону Розену явились джигетские старшины, чтобы узнать требования русского правительства. Они обещали склонить джигетов своего общества к принятию присяги русскому императору, но барон Розен полагал, что это сомнительно, т.к. среди кавказских племен находились два английских агента, которые подстрекали местное население противодействовать русским. После расчистки территории 18 июня и совершения молебна в присутствии войск действующего отряда и части флотских экипажей барон Розен заложил укрепление Святого Духа в память дня, в который был сделан десант. После этого барон Розен отправился на пароходе «Язон» для инспекции русских укреплений, расположенных на Черноморском побережье, возложив командование отрядом на генерал-майора А.М. Симборского, перед которым были поставлены задачи произвести морем обзор к северу от мыса Адлер до р. Сочи с целью избрания удобного места для возведения укрепления, а после окончания строительства укрепления Святого Духа вернуться в Абхазию, где заняться сторительством дорог (АКАК, 1881: 875-876).

17 июля к командующему отрядом генерал-майору Симборскому приехал в лагерь для переговоров убыхский старшина Хасан Берзек, который запросил требования русского правительства к местным племенам. Симборский предоставил Хасану Берзеку на турецком языке условия требуемой от кавказских племен покорности. На следующий день, 18 июля, Хасан Берзек возвратил эти условия с надписью, сделанной депутатами отдаленных от мыса Константиновского племен. Уبخские племена полностью отвергали принятие требований русского правительства и предлагали русским оставить укрепления и уйти за р. Бзыбь, после чего убыхи будут жить в мире с русскими и абхазами. И в этот же день кавказские племена совершили нападение на строящееся укрепление Святого Духа, в котором русские понесли ощутимые потери (АКАК, 1881: 876-877).

Несмотря на то, что командование отрядом после высадки десанта на мыс Адлер оставило в неприкосновенности ближайшие аулы и старалось войти в миролюбивые сношения с местными жителями, в этих аулах собирались партии горцев, которые систематически тревожили русский отряд. После боевых действий, состоявшихся 18 июля, ближайшие к укреплению аулы в долине Лиешь были русскими ликвидированы, после чего сборы агрессивно настроенных кавказцев прекратились. В связи с этими событиями барон Розен полагал, что в дальнейшем до высадки русских десантных отрядов на берег для занятия очередного укрепления командование отрядов не должно вступать с местными жителями в переговоры о принесении добровольной присяги русскому императору. Он полагал, что переговоры успеха иметь не будут, усилят самонадеянность кавказцев, которые обнаружат план действий русского командования и предполагаемый к занятию пункт на берегу Черного моря, где местные племена примут меры к обороне и десантные отряды понесут большие потери. После высадки десанта необходимо было употребить все мирные средства для сближения с кавказскими племенами, для чего барон Розен предлагал не производить фуражировок, а попытаться закупать у местных жителей скот и другое продовольствие, невзирая на цены, предложенные населением (АКАК, 1881: 368-369).

В августе 1837 г. при строительстве укрепления Святого Духа русские войска столкнулись с особенностями местного климата. В своем письме генерал-майор Симборский сообщал в Тифлис генерал-майору Вольховскому, который в отсутствие барона Розена управлял Закавказским краем, что на побережье установилась жара не менее +28° днем, а ночи были холодные. Командование отряда и личный состав были подвержены болезням (АКАК, 1881: 876-877).

На 1 сентября 1837 г. в отряде на мысе Константиновском из 4,2 тыс. человек имелось 1,8 тыс. больных, среди которых был и командующий отрядом генерал-майор Симборский (АКАК, 1881: 767, 877). В связи с этим высадка десанта в устье р. Сочи была перенесена на следующий год.

В 1837 г. отряд под командованием генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова, наступая по Черноморскому побережью от Геленджика на восток, после ряда столкновений с кавказскими племенами заложил 6 июня в устье р. Пшада укрепление Новотроицкое, а 29 июля в устье р. Вулан – Михайловское укрепление (*Воспоминание..., 1847: 33-34; Тенгинский полк..., 1900: 160*).

С 20 по 22 сентября 1837 г. русский император посетил Геленджик, где 21 сентября подписал приказ о назначении начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, в подчинение которого должны были войти все существующие и построенные в будущем русские форты и укрепления на Черноморском побережье северо-западного Кавказа. Раевскому также были подчинены все линейные батальоны на территории региона (*Федоров, 1879: 100*).

В ноябре 1837 г. военный министр граф А.И. Чернышев сообщил барону Розену, что император Николай I обратил внимание на большие потери личного состава в отряде барона Розена в течение 1837 г. В ответ барон Розен представил детализированные сведения о потерях личного состава в отряде, действовавшем со стороны Абхазии, сформированном в апреле 1837 г. близ Сухум-кале, численностью до 5000 человек. В июне в отряде было 108 больных; к 1 июля – 333 больных, 12 умерших; к 1 августа – 852 больных, умерших 28; к 1 сентября больных – 2454, умерших 55; к 1 октября больных – 3096, умерших 133; к 1 ноября – больных 2 804, умерших 339; по доставленным сведениям от разных госпиталей, в совокупности с показаниями выше, число умерших в Абхазском отряде достигало 1 тыс. человек. Иными словами, убыль больными и умершими составляла 2/3 всего отряда (*АКАК, 1881: 370-371*).

Вполне вероятно, что большая смертность личного состава отряда, действовавшего на Константиновском мысу, стала одной из причин удаления барона Розена с Кавказа, который, предчувствуя нерасположение к себе со стороны императора, просил его об отставке (*Рукевич, 1914: 407-408*).

В связи с отставкой барона Розена Николай I подписал приказ № 110 от 17 декабря 1837 г. о назначении командующим Кавказским отдельным корпусом генерал-лейтенанта Е.А. Головина (*Федоров, 1879: 109*).

В то же время, в январе 1838 г., барон Розен представил военному министру графу Чернышеву предложения, которые могли бы предохранить отряд, действия которого были запланированы в 1838 г. на восточном берегу Черного моря далее мыса Константиновского, от вредного влияния на здоровье личного состава летней жары. По примеру прибрежных жителей Кавказа, которые в летний период практикуют уходить в горы, барон Розен предлагал с половины июня до первых чисел сентября, на усмотрение начальника отряда, прекратить работы и оставив надлежащее прикрытие в начатом укреплении, подвинуть отряд на 8–10 км от берега моря в горы. В горах расположиться лагерем и в сентябре, после завершения жарких дней, возвратиться в укрепление и закончить приостановленные работы (*АКАК, 1881: 391*).

5. Заключение

Таким образом, диалог между Россией и Джигетией в 1829–1837 гг. был установлен сразу после подписания Адрианопольского договора, а именно в 1830 г. в западной Абхазии, когда русскими военными были возведены укрепления в Бомборе, Пицунде и Гагре.

Джигетов в первую очередь интересовали требования русского правительства и дальнейшие планы в отношении Джигетии. Присяга джигетских князей Анчабадзе из общества Хысха произошла при посредничестве родственников Анчабадзе, проживавших в восточной Абхазии и состоявших на русской службе. Данная присяга не была подкреплена выдачей аманатов, и русские военные на этом не настаивали, понимая, что в тот момент русских войск в Джигетии не было.

Взаимоотношения русской военной администрации и джигетов имели место и в дальнейшем. Помимо джигетских князей из общества аредба, с русскими контактировал князь Али Ахмет Облагу из общества саше.

После высадки русского десанта на мысе Адлер и начала строительства укрепления Святого Духа в 1837 г. взаимоотношения русских и джигетов продолжались, но значительные потери джигетов в бою за мыс Адлер негативно отразились на дальнейших двусторонних отношениях России и Джигетии.

Литература

Абаза..., 2020 – Абаза на Северном Кавказе (исследования и источники): 1648–2020 гг. / Сост. Р.К. Кармов. Нальчик, 2020.

Абхазия, 2008 – Абхазия и абхазы в российской периодике XIX – нач. XX вв. / Сост. Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Кн. II. Сухум, 2008.

Адыги..., 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.

АКАК, 1878 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 7. Тифлис, 1878.

АКАК, 1881 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 8. Тифлис, 1881.

- Анучин, 1860 – Анучин Д.Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник. 1860. № 1.
- Архив Раевских, 1910 – Архив Раевских. Т. III. СПб., 1910.
- Белл, 2007a – Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 1. Нальчик, 2007.
- Белл, 2007b – Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 2. Нальчик, 2007.
- Берже, 1992 – Берже А.П. Краткий обзор горских племен Кавказа. Нальчик, 1992.
- Берже, 2011 – Берже А.П. Кавказская старина. Пятигорск. 2011.
- Бларамберг, 1999 – Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. Нальчик, 1999.
- Васильев, 1874 – Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834–1855 гг. // Военный сборник. Т. 98. № 9. 1874.
- Военный энциклопедический..., 1853 – Военный энциклопедический лексикон. Издание второе. Т. IV. СПб., 1853.
- Воспоминание..., 1847 – Воспоминание о Кавказе 1837 года // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Т. 67. № 265. 1847.
- Джигетский сборник, 2012 – Джигетский сборник. Вопросы этно-культурной истории Западной Абхазии или Джигетии // Под общ. ред. Чачхалиа Д.К. Вып. 1. М., 2012.
- Дзидзария, 1940 – Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в. Сухуми, 1940.
- Дзидзария, 1958 – Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958.
- Дзидзария, 1976 – Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976.
- Дзидзария, 2017 – Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 2017.
- Документы..., 2016 – Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.) // Сборник документальных материалов под ред. А.А. Черкасова. Сочи, 2016.
- Дубровин, 1871 – Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Книга I. СПб., 1871.
- Дьячков-Тарасов, 1902 – Дьячков-Тарасов Н.А. Абадзехи. Историко-этнографический очерк // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Кн. 22. Вып. 4. 1902.
- Дьячков-Тарасов, 1903 – Дьячков-Тарасов А.Н. Гагры и их окрестности // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Кн. XXIV, вып. I. Тифлис, 1903.
- Дьячков-Тарасов, 1904 – Дьячков-Тарасов Н.А. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточною войною в 1853 г. // Кубанский сборник. Т. 10. 1904.
- Дьячков-Тарасов, 1909-1910 – Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Кн. XX, выпуск II. Тифлис, 1909–1910.
- Жупанин, 2010 – Жупанин С.О. Стратегические планы русского командования по покорению Северо-Западного Кавказа в 1829–1834 гг. и закубанские укрепления // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. № 3–4. Краснодар, 2010.
- Жупанин, 2011 – Жупанин С.О. К истории Геленджикского укрепления в 30-е годы XIX в. // Фелицынские чтения XIII. Материалы межрегиональной научной конференции. Краснодар, 2011.
- Званба, 1852 – Званба С. Зимние походы убыхов на Абхазию // Кавказ. № 33. Тифлис, 1852.
- Званба, 1982 – Званба С.Т. Абхазские этнографические этюды. Сухум, 1982.
- Инал-Ипа, 2014 – Инал-Ипа Ш.Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. Сухум, 2014.
- Каратаев, Черкасов, 2007 – Каратаев В.В., Черкасов А.А. К 170-летию Адлера: создание укрепления Св. Духа // Былые годы. № 3 (5). Сочи, 2007.
- Каратаев, Черкасов, 2009 – Каратаев В.В., Черкасов А.А. Становление русского военного присутствия на Черноморье в 1837–1840 гг. (на примере территории Большого Сочи): Материалы исследования. Соч. гос. ун-т туризма и курорт. дела. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009.
- Карлгоф, 1855 – Карлгоф Н.И. Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10. СПб., 1855.
- Карлгоф, 1860 – Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. № 8. 1860.
- Ковалевский, 1911 – Ковалевский П.И. Завоевание Кавказа Россией. СПб., 1911.
- Люлье, 1927 – Люлье Л.Я. Черкессия: Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927.
- Магсумов, 2016 – Магсумов Т.А. Джигеты: большая история маленького народа // Русин. 2016. № 3(45). С. 247-253.
- Материалы..., 2011 – Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011.

- «М.П. Лазарев», 1955 – «М.П. Лазарев». Документы. Русские флотоводцы. Материалы по истории Русского флота / Под ред. полковника А.А. Самарова. Т. II. М., 1955.
- Новицкий, 1829 – Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлиские ведомости, № 24. 1829.
- Нордман, 1838 – Нордман А.Д. Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // Журнал министерства народного просвещения. Т. 20. 1838.
- Потто, 1889 – Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. Т. 5. Тифлис, 1889.
- Пузанов, 2019 – Пузанов И.И. Памяти Александра Давидовича Нордмана (1803–1866) // Русский орнитологический журнал. 2019. Т. 28.
- Рукевич, 1914 – Рукевич А.Ф. Из воспоминаний старого эриванца (1832–1839 гг.) // Исторический вестник. 1914. № 11.
- Сафонов, 1837 – Сафонов С.В. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения». Одесса, 1837.
- Спенсер, 1993 – Спенсер Э. Путешествие в Черкесию. Майкоп, 1993.
- Спенсер, 2008 – Спенсер Э. Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Селезию и Моравию, в 1836 году Эдмундом Спенсером, эсквайром, автором «Описания поездок в Черкесию». Нальчик, 2008.
- Сталь, 1900 – Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. 1900.
- Таран, 2020 – Таран К.В. Адрианопольский мирный договор и строительство Черноморской береговой линии // Сочинский краевед. 2020. Вып. 18.
- Тенгинский полк..., 1900 – Тенгинский полк на Кавказе (1819–1846 гг.) / Сост. Д.В. Ракович. Тифлис, 1900.
- Торнау, 1864 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864.
- Торнау, 2008 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Майкоп, 2008.
- Утверждение наше в Абхазии, 1889 – Утверждение наше в Абхазии // Кавказский сборник. Т. 13. 1889.
- Фадеев, 1935 – Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. 1935. № 4.
- Фадеев, 1960 – Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
- Фадеев, 2010 – Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.
- Федоров, 1879 – Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Т. 3. Тифлис, 1879.
- Ханыков, 1850 – Ханыков Н.В. Очерк служебной деятельности генерала Альбранда. Тифлис, 1850.
- Черкасов, 2005 – Черкасов А.А. Очерки истории первого русского укрепления на реке Соча-Пста (1838–1854 гг.). Краснодар; Сочи, 2005.
- Эсадзе, 1914 – Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914.
- Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840-1860 years) // Bylye Gody. 2015. 38(4): 888–893.
- Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // Bylye Gody. 2016. 40(2): 382-391.
- Cherkasov et al., 2016a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years // Bylye Gody. 2016. 39(1): 53-66.
- Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // Bylye Gody. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.
- Taran, 2020 – Taran K.V. The Fight against the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the first half of the XIX century // Slavery: Theory and Practice. 2020. 5(1): 74-86.

References

- Abaza..., 2020 – Abaza na Severnom Kavkaze (issledovaniya i istochniki): 1648–2020 gg. [Abaza in the North Caucasus (research and sources): 1648–2020]. Sost. R.K. Karmov. Nal'chik, 2020. [in Russian]
- Abkhaziya, 2008 – Abkhaziya i abkhazy v rossiiskoi periodike XIX – nach. XX vv. [Abkhazia and Abkhazians in Russian periodicals XIX - early. XX centuries]. Sost. R.Kh. Aguazhba, T.A. Achugba. Kn. II. Sukhum, 2008. [in Russian]
- Adygi..., 1974 – Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th–19th centuries]. Sost. V.K. Gardanov. Nal'chik, 1974. [in Russian]
- АКАК, 1878 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Т. 7. Tiflis, 1878. [in Russian]

- AKAK, 1881** – Akty Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. T. 8. Tiflis, 1881. [in Russian]
- Anuchin, 1860** – *Anuchin, D.G.* (1860). Ocherk gorskikh narodov pravogo kryla Kavkazskoi linii [Essay on the mountain peoples of the right wing of the Caucasian line]. *Voennyi sbornik*. 1. [in Russian]
- Arkhiv Raevskikh, 1910** – Arkhiv Raevskikh [Raevsky's archive]. T. III. SPb., 1910. [in Russian]
- Bell, 2007a** – *Bell, D.* (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov [Diary of stay in Circassia during 1837–1839.]. T. 1. Nal'chik. [in Russian]
- Bell, 2007b** – *Bell, D.* (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov [Diary of stay in Circassia during 1837–1839.]. T. 2. Nal'chik. [in Russian]
- Berzhe, 1992** – *Berzhe, A.P.* (1992). Kratkii obzor gorskikh plemen Kavkaza [A brief overview of the mountain tribes of the Caucasus]. Nal'chik. [in Russian]
- Berzhe, 2011** – *Berzhe, A.P.* (2011). Kavkazskaya starina [Caucasian antiquity]. Pyatigorsk. [in Russian]
- Blaraberg, 1999** – *Blaraberg, I.* (1999). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe i etnograficheskoe opisanie Kavkaza [Historical, topographical, statistical and ethnographic description of the Caucasus.]. Nal'chik. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2015** – *Cherkasov, A.A., Shmigel, M., Bratanovskii, S.N., Molchanova, V.S.* (2015). Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840-1860 years). *Bylye Gody*. 38(4): 888-893.
- Cherkasov et al., 2016** – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2): 382-391.
- Cherkasov et al., 2016a** – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Shmigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66.
- Cherkasov, 2005** – *Cherkasov, A.A.* (2005). Ocherki istorii pervogo russkogo ukrepleniya na reke Socha-Psta (1838–1854 gg.) [Essays on the history of the first Russian fortification on the Socha-Psta River (1838–1854)]. Krasnodar; Sochi. [in Russian]
- Cherkasov, 2020** – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.
- Dokumenty..., 2016** – Dokumenty i materialy po istorii Dzhigetii (1750–1868 gg.) [Documents and materials on the history of Djigeta (1750–1868)]. Sbornik dokumental'nykh materialov pod redaktsiei A.A. Cherkasova. Sochi, 2016. [in Russian]
- Dubrovin, 1871** – *Dubrovin, N.F.* (1871). Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze [History of war and domination of Russians in the Caucasus]. T. I. Kniga I. SPb. [in Russian]
- D'yachkov-Tarasov, 1902** – *D'yachkov-Tarasov, N.A.* (1902). Abadzekhi. Istoriko-etnograficheskii ocherk [Abadzekhi. Historical and ethnographic essay]. *Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kn. 22. Vyp. 4. [in Russian]
- D'yachkov-Tarasov, 1903** – *D'yachkov-Tarasov, A.N.* (1903). Gagry i ikh okrestnosti [Gagra and their environs]. *Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kn. XXIV, vyp. I. Tiflis. [in Russian]
- D'yachkov-Tarasov, 1904** – *D'yachkov-Tarasov, N.A.* (1904). Chernomorskaya kordonnaya, Chernomorskaya beregovaya linii i pravyy flang Kavkaza pered Vostochnoyu voinoyu v 1853 g. [Black Sea cordon, Black Sea coastline and the right flank of the Caucasus before the Eastern War in 1853]. *Kubanskii sbornik*. T. 10. [in Russian]
- D'yachkov-Tarasov, 1909–1910** – *D'yachkov-Tarasov, A.N.* (1909–1910). Abkhaziya i Sukhum v XIX stoletii [Abkhazia and Sukhum in the 19th century]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Kn. XX, vypusk II. Tiflis. [in Russian]
- Dzhigetskii sbornik, 2012** – Dzhigetskii sbornik. Voprosy etno-kul'turnoi istorii Zapadnoi Abkhazii ili Dzhigetii [Jigetskiy collection. Questions of the ethno-cultural history of Western Abkhazia or Jigeta]. Pod obshch. red. Chachkhalia D.K. Vyp. 1. M., 2012. [in Russian]
- Dzidzariya, 1940** – *Dzidzariya, G.A.* (1940). Bor'ba za Abkhaziyu v pervom desyatiletii XIX v. [Struggle for Abkhazia in the first decade of the 19th century]. Sukhumi. [in Russian]
- Dzidzariya, 1958** – *Dzidzariya, G.A.* Narodnoe khozyaistvo i sotsial'nye otnosheniya v Abkhazii v XIX veke [National economy and social relations in Abkhazia in the 19th century]. Sukhumi. [in Russian]
- Dzidzariya, 1976** – *Dzidzariya, G.A.* (1976). F.F. Tornau i ego kavkazskie materialy XIX veka [F.F. Tornau and his Caucasian materials of the 19th century]. M. [in Russian]
- Dzidzariya, 2017** – *Dzidzariya, G.A.* (2017). Trudy. IV tom. Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya [Proceedings. IV vol. Makhadzhirstvo and problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. Sukhum. [in Russian]
- Esadze, 1914** – *Esadze, S.S.* (1914). Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voyny [Conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian War]. Tiflis. [in Russian]
- Fadeev, 1935** – *Fadeev, A.* (1935). Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the liberation movement in the Western Caucasus]. *Istoricheskii sbornik*. 4. [in Russian]
- Fadeev, 1960** – *Fadeev, A.V.* (1960). Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v. [Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century]. M. [in Russian]

- Fadeev, 2010** – *Fadeev, R.A.* (2010). Gosudarstvennyi poryadok. Rossiya i Kavkaz [State order. Russia and the Caucasus]. M. [in Russian]
- Fedorov, 1879** – *Fedorov, M.F.* (1879). Pokhodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 god [Hiking notes in the Caucasus from 1835 to 1842]. *Kavkazskii sbornik*. T. 3. Tiflis. [in Russian]
- Inal-Ipa, 2014** – *Inal-Ipa, Sh.D.* (2014). Sadzy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Sadzy. Historical and ethnographic essays]. Sukhum. [in Russian]
- Karataev, Cherkasov, 2007** – *Karataev, V.V., Cherkasov, A.A.* (2007). K 170-letiyu Adlera: sozдание ukrepleniya Sv. Dukha [To the 170th anniversary of Adler: the creation of the fortification of the Holy Spirit]. *Bylye gody*. 3 (5). [in Russian]
- Karataev, Cherkasov, 2009** – *Karataev, V.V., Cherkasov, A.A.* (2009). Stanovlenie russkogo voennogo prisutstviya na Chernomor'e v 1837–1840 gg. (na primere territorii Bol'shogo Sochi): Materialy issledovaniya [Formation of the Russian military presence on the Black Sea coast in 1837–1840 (on the example of the territory of Greater Sochi): Research materials]. Soch. gos. un-t turizma i kurort. dela. Sochi: RIO SGUTiKD. [in Russian]
- Karlgof, 1855** – *Karlgof, N.I.* (1855). Voенно-statisticheskoe obozrenie vostochnogo berega Chernogo morya [Military Statistical Review of the Eastern Coast of the Black Sea]. Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii. T. XVI. Ch. 10. SPb. [in Russian]
- Karlgof, 1860** – *Karlgof, N.I.* (1860). O politicheskom ustroistve cherkesskikh plemen, naselyayushchikh severo-vostochnyi bereg Chernogo morya [On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the northeastern coast of the Black Sea]. *Russkii vestnik*. 8. [in Russian]
- Khanykov, 1850** – *Khanykov, N.V.* (1850). Oчерk sluzhebnoi deyatel'nosti generala Al'branda [Essay on the performance of General Albrand]. Tiflis. [in Russian]
- Kovalevskii, 1911** – *Kovalevskii, P.I.* (1911). Zavoevanie Kavkaza Rossiei [The conquest of the Caucasus by Russia]. SPb. [in Russian]
- Lyul'e, 1927** – *Lyul'e, L.Ya.* (1857). Cherkessiya: Istoriko-etnograficheskie stat'i [Cherkessia: Historical and ethnographic articles]. Krasnodar. [in Russian]
- Magsumov, 2016** – *Magsumov, T.A.* (2016). Dzhigety: bol'shaya istoriya malen'kogo naroda [Jigets: a big story of a small people]. *Rusin*. 3(45): 247-253. [in Russian]
- Materialy..., 2011** – Materialy po istorii Abkhazii XVIII–XIX veka (1762–1859) [Materials on the history of Abkhazia in the 18th–19th centuries (1762–1859)]. Sbornik dokumental'nykh materialov. T. 2. Sukhum, 2011. [in Russian]
- «**M.P. Lazarev**», 1955 – «M.P. Lazarev». Dokumenty. Russkie flotovodtsy. Materialy po istorii Russkogo flota [“M.P. Lazarev. The documents. Russian naval commanders. Materials on the history of the Russian fleet]. Pod red. polkovnika A.A. Samarova. T. II. M., 1955. [in Russian]
- Nordman, 1838** – *Nordman, A.D.* (1838). Puteshestvie professora Nordmana po Zakavkazskomu krayu [Journey of Professor Nordman in the Transcaucasian Territory]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. T. 20. [in Russian]
- Novitskii, 1829** – *Novitskii, G.V.* (1829). Geograficheskoe-statisticheskoe obozrenie zemli, naselennoi narodom Adekhe [Geographical and statistical review of the land inhabited by the people of Adehe]. *Tiflisskie vedomosti*. 24. [in Russian]
- Potto, 1889** – *Potto, V.A.* (1889). Kavkazskaya voina v ot del'nykh oчерkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh. V 5 t. T. 5. Tiflis. [in Russian]
- Puzanov, 2019** – *Puzanov, I.I.* (2019). Pamyati Aleksandra Davidovicha Nordmana (1803–1866) [In memory of Alexander Davidovich Nordman (1803–1866)]. *Russkii ornitologicheskii zhurnal*. T. 28. [in Russian]
- Rukevich, 1914** – *Rukevich, A.F.* (1914). Iz vospominanii starogo erivantsa (1832–1839 gg.) [From the memoirs of an old Erivanian (1832–1839)]. *Istoricheskii vestnik*. 11. [in Russian]
- Safonov, 1837** – *Safonov, S.V.* (1837). Poездka k vostochnym beregam Chernogo morya na korvete «Ifigeniya» [A trip to the eastern shores of the Black Sea on the Iphigenia corvette]. Odessa. [in Russian]
- Spenser, 1993** – *Spenser, E.* (1993). Puteshestvie v Cherkessiyu [Journey to Circassia]. Maikop. [in Russian]
- Spenser, 2008** – *Spenser, E.* (2008). Opisanie poezdok po zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Seleziyu i Moraviyu, v 1836 godu Edmundom Spenserom, eskvairrom, avtorom «Opisaniya poezdok v Cherkessiyu» [Description of travels in the western Caucasus, including travel through Imeretia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Galicia, Silesia and Moravia, in 1836 by Edmund Spenser, Esq., author of “Description of Travels to Circassia”]. Nal'chik. [in Russian]
- Stal', 1900** – *Stal', K.F.* (1900). Etnograficheskii oчерk cherkesskogo naroda [Ethnographic essay of the Circassian people]. *Kavkazskii sbornik*. T. 21. [in Russian]
- Taran, 2020** – *Taran, K.V.* (2020). Adrianopol'skii mirnyi dogovor i stroitel'stvo Chernomorskoй beregovoi linii [Adrianople peace treaty and the construction of the Black Sea coastline]. *Sochinskii kraeved*. 18. [in Russian]

- [Taran, 2020](#) – Taran, K.V. (2020). The Fight against the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the first half of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 74-86.
- [Tenginskii polk..., 1900](#) – Tenginskii polk na Kavkaze (1819–1846 gg.) [Memoirs of a Caucasian officer]. Sost. D.V. Rakovich. Tiflis, 1900. [in Russian]
- [Tornau, 1864](#) – Tornau, F.F. (1864). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer.]. M. [in Russian]
- [Tornau, 2008](#) – Tornau, F.F. (2008). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer.]. Maikop, 2008. [in Russian]
- [Utverzhdenie nashe v Abkhazii, 1889](#) – Utverzhdenie nashe v Abkhazii [Our assertion in Abkhazia]. *Kavkazskii sbornik*. T. 13. 1889. [in Russian]
- [Vasil'ev, 1874](#) – Vasil'ev, E. (1874). Chernomorskaya beregovaya liniya 1834–1855 gg. [Black Sea coastline 1834–1855.]. *Voennyi sbornik*. T. 98. 9. [in Russian]
- [Voennyi entsiklopedicheskii..., 1853](#) – Voennyi entsiklopedicheskii leksikon [Military encyclopedic lexicon]. Izdanie vtoroe. T. IV. SPb., 1853. [in Russian]
- [Vospominanie..., 1847](#) – Vospominanie o Kavkaze 1837 goda [Recollection of the Caucasus in 1837]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnykh zavedenii*. T. 67. № 265. 1847. [in Russian]
- [Zhupanin, 2010](#) – Zhupanin, S.O. (2010). Strategicheskie plany russkogo komandovaniya po pokoreniyu Severo-Zapadnogo Kavkaza v 1829–1834 gg. i zakubanskii ukrepleniya [Strategic plans of the Russian command for the conquest of the North-Western Caucasus in 1829–1834. and Trans-Kuban fortifications]. *Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal*. № 3–4. Krasnodar. [in Russian]
- [Zhupanin, 2011](#) – Zhupanin, S.O. (2011). K istorii Gelendzhikskogo ukrepleniya v 30-e gody XIX v. [To the history of the Gelendzhik fortification in the 30s of the XIX century]. *Felitsynskie chteniya XIII. Materialy mezhtselebovskoi nauchnoi konferentsii*. Krasnodar. [in Russian]
- [Zvanba, 1852](#) – Zvanba, S. (1852). Zimnie pokhody ubykhov na Abkhaziyu [Winter campaigns of the Ubykhs against Abkhazia]. *Kavkaz*. 33. Tiflis. [in Russian]
- [Zvanba, 1982](#) – Zvanba, S.T. (1982). Abkhazskie etnograficheskie etyudy [Abkhazian ethnographic studies]. Sukhum. [in Russian]

Россия и Джигетия: к вопросу о взаимоотношениях в 1829–1837 гг.

Константин Викторович Таран ^{a, b, *}, Алексей Александрович Королев ^c, Сергей Давыдович Людвиг ^d,
Нина Михайловна Пестерева ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются взаимоотношения между Российской империей и Джигетией, попытка установления Россией мирных взаимоотношений с одним из кавказских племен с учетом требований русского правительства.

В качестве материалов применялся целый комплекс разнообразных источников, таких как опубликованные сборники документов, источники личного происхождения (воспоминания и дневники), а также материалы периодической печати. Среди опубликованных сборников документов особо выделяются «Акты Кавказской археографической комиссии», а также сборник документов по истории Джигетии и другие коллекции документов. Среди источников личного происхождения были использованы записки и дневники путешественников, разведчиков и эмиссаров.

Методологической основой исследования является принцип историзма, который позволил сделать комплексный анализ сборников архивных документов и материалов, источников личного происхождения и историографии, относящихся к истории взаимоотношений России и Джигетии.

В заключении авторы отмечают, что диалог между Россией и Джигетией в 1829–1837 гг. был установлен сразу после подписания Адрианопольского договора, а именно в 1830 г. при постройке русскими войсками в западной Абхазии трех укреплений. В дальнейшем русско-джигетские отношения были продолжены вплоть до высадки русского десанта на мысе Адлер и во время строительства укрепления Святого Духа.

Ключевые слова: Российская империя, Джигетия, Абхазия, Северный Кавказ, джигеты, медовеевцы, убыхы, диалог культур, 1829–1837 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 168-179
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.168

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of the Specifics of Cossack Education in the Russian Empire (on the Example of the Don Army)

Valentina A. Ageeva ^{a,*}, Marina E. Kolesnikova ^b, Alexander Y. Nechushkin ^c, Elena L. Shchukina ^d

^a Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch of Rostov State Economic University («RINH»), Russian Federation

^b North-Caucasus Federal University, Russian Federation

^c Moscow state university of technologies and management named after K.G. Razumovsky (First cossack university), Russian Federation

^d Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The presented article examines a significant problem associated with the consistent formation of a special model of Cossack education, which was carried out in the Oblast of the Don Army in the 19th – early 20th centuries. The authors show the inextricable connection of family and social education with the real effectiveness of the educational process, focused on the comprehensive training of the younger generation, loyal to local traditions and at the same time loyal to the imperial authorities. The source base used makes it possible to adequately reconstruct the various views on Cossack education that developed in the period under review, and the practical implementation of the chosen concept of specialized education. A systematic analysis of the historiographic tradition made it possible to identify and adequately assess controversial and debatable issues related to the imperial stage in the development of Cossack educational practices. Special attention is paid to the complex institutional interaction of family social and administrative everyday life, the organic connection of which determined the objective prospects of regional education. A significant section is devoted to the methodological support of educational practices, the main element of which, in relation to the chosen period, is specialized publications that cover in a popular form the cultural traditions and the historical past of the Don Cossacks. The consistent formation of individual and group perceptions of Cossack history and culture is considered as a significant factor in the natural evolution of the regional mentality, which was determined not only by zealous service to the Motherland, but also by the purposeful conservation of ideological stereotypes of a religious, social and intellectual nature. The author's interest is also directed to the authentic connection of the previous model of Cossack education with modern practices that do not fully take into account the accumulated experience.

Keywords: education, Cossacks, gymnasium, chieftain, upbringing, textbook, society, service, family, tradition.

1. Введение

Комплексная реконструкция эволюционного развития образовательных практик, осуществлявшихся в региональном пространстве, является актуальной задачей исторической науки. Подобный подход позволяет аутентично реконструировать естественный фундамент, определяющий духовную жизнь и массовое сознание локальных сообществ. Образовательная модель определяет значимые тренды социальной трансформации, что в особой степени характерно для традиционного

* Corresponding author

E-mail addresses: Ageewa.75@mail.ru (V.A. Ageeva), Kolesnikovam2017@mail.ru (M.E. Kolesnikova), rostov-na-dony@mgutm.ru (A.Y. Nechushkin), elshukina@sfedu.ru (E.L. Shchukina)

общества, оказавшегося в жестких рамках модернизационных процессов. Донское казачество в XIX веке было вовлечено в сложную и противоречивую среду имперской модернизации, определявшей своеобразный дуализм регионального образования. С одной стороны, Дон испытывал унифицирующее воздействие образовательных механизмов, координируемых властными структурами Российской империи. Единые учебники, привлеченные учительские кадры, общая идеология учебного и воспитательного процесса интегрировали казацкие школы и училища в системное административное и интеллектуальное пространство, формирующее будущих имперских подданных. С другой стороны, региональное общество стремилось к последовательному сохранению самостоятельного мировоззрения и особого менталитета, формирующегося на начальном этапе в рамках местной образовательной системы. В контексте указанного обстоятельства разнообразные вопросы, связанные с гражданским и патриотическим воспитанием в школьной среде, традиционно находились в сфере особого внимания войсковых властей и станичной общественности.

Социально-политические и интеллектуальные проблемы, формируемые специфической моделью казачьего образования, постоянно вставали перед российским правительством в XIX столетии. В частности, в 1837 г., во время официального визита в Войско Донское, Новочеркасскую гимназию посетил лично Николай I, произнесший публично следующие слова: «Учитесь, дети, хорошенько. Мне хотелось бы, чтобы, выучившись, многие из вас дослужились до больших чинов и были бы у меня Начальниками Штабов, Главкомандующими, Сенаторами, Министрами» (Волвенко, 2016: 129). Одновременно сопровождавшие императорскую особу правительственные чиновники и отдельные представители имперского «креативного класса» отмечали «предрассудки казаков», уходявшие естественными корнями в особый казачий менталитет. Например, В.А. Жуковский писал о донском атамане М.Г. Власове: «Власов с предрассудками и упрямством. Хорошо дать атамана русского» (Жуковский, 2013: 82). А в 1860-х гг. М.Н. Катков уже совершенно прямо говорил о «донском сепаратизме» как о потенциальной опасности для Российской империи (Катков, 1864: 1).

Не претендуя на подробное и всестороннее описание специфических особенностей казачьего образования в XIX в., авторский коллектив в представленной статье хотел бы обратить особое внимание на целый ряд управленческих интеллектуальных и методических практик, продемонстрировавших высокую результативность в рассматриваемую эпоху и оказавших существенное влияние не только на духовную жизнь Дона, но и на интегрированные социально-экономические и политические процессы в избранном регионе.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу предлагаемого исследования составили разнообразные исторические свидетельства документального и нарративного характера, фиксирующие как общие тренды развития казачьего образования в избранную эпоху, так и отдельные явления, имеющие особое значение в рамках рассматриваемых административных, педагогических и интеллектуальных процессов. Среди неопубликованных материалов необходимо выделить отдельные документы из профильного фонда помощника донского атамана Н.А. Маслаковца, находящегося в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Ф. 1055). Они характеризуют реальное участие станичной общественности в воспитательных практиках, являвшихся своеобразным фундаментом начального и среднего образования. Значительный интерес представляет и опубликованный отчет о служебной поездке в область Войска Донского военного министра А.Н. Куропаткина, особо выделившего целый ряд специфических замечаний к комплексной организации регионального образовательного пространства (Куропаткин). Среди нарративных источников, характеризующих донское образование в избранный период необходимо выделить этнографические материалы М.Н. Харузина (Харузин, 1885), «посмертные записки» И.И. Краснова (Воспоминания, 1873), личные дневники В.А. Жуковского (Жуковский, 2013) и полемическую статью «Донской сепаратизм» М.Н. Каткова (Катков, 1864). Они позволяют реконструировать не только значимые аспекты местных образовательных практик, но и реальное восприятие соответствующих процессов и явлений как на Дону, так и за его пределами.

2.2. Авторская методологическая концепция определяется органичным сочетанием исследовательских приемов, сформировавшихся в рамках «новой локальной истории» и микроистории. Региональный образовательный процесс изучается как в компаративистском формате, имеющем территориальное и хронологическое измерение, так и в рамках творческой деконструкции избранных нарративов, позволяющей выявить значимые особенности реализованных административных, педагогических и интеллектуальных практик. Микроисторический дискурс дал возможность органично локализовать дифференцированные оценки, относящиеся к донским образовательным практикам и предложенные включенными современниками. Кроме того, активную роль играло и эпистемологическое изменение исследовательского масштаба, определившее комплексное восприятие отдельных управленческих решений и повседневного учебного процесса как объективного фактора социальных изменений.

3. Обсуждение

До 1917 г. казачье образование, за исключением чисто военного, не рассматривалось как отдельный феномен и, соответственно, не изучалось. В это время было написано несколько мемориальных работ об учебных заведениях, где учились преимущественно казаки, однако данные учебные заведения не выделялись в особую группу и не исследовались в совокупности. Примерами мемориальных работ о казачьих учебных заведениях могут служить исследования: И.П. Артинского о Новочеркасской войсковой гимназии (Артинский, 1907: 469) или анонимное – о Новочеркасском атаманском техническом училище (Краткие сведения, 1895: 62). Жанрово и методологически подобные работы близки к мемориальным текстам той же эпохи о неказачьих учебных заведениях. В результате, хотя в дореволюционных работах содержатся ценные сведения о гражданском образовании в казачьих областях, эти факты до сих пор далеко не собраны воедино и не систематизированы.

В советское время специфика казачьего образования еще меньше интересовала историков и педагогов. Вообще, в это время фокус внимания исследователей закономерно смещается с казачьих войск как особых институтов организации казаков на казачьи регионы, на территории которых проживало многочисленное неказачье население. Ярким примером этого могут служить две важнейшие советские монографии о Донском крае, а не Войске Донском в XIX в. – монографии А.И. Агафонова (Агафонов, 1986: 192) и И.П. Хлыстова (Хлыстов, 1962: 331). Данная тенденция остается неизжитой по сей день, и, хотя в 1990–2010 гг. был опубликован целый ряд исследований о донском образовании в XIX в., вопросы специфики казачьего образования во многих из них либо вовсе не рассматриваются (Ситько, 2009: 176), либо рассматриваются ограниченно, с точки зрения количественной разницы в показателях казачьих и крестьянских школ (Белякова, 2003: 36–39; Карпенко, 2006: 229–256; Коломейцева, Команджаев, 2014: 36–44). В то же время в последние годы появились работы, в которых предпринимались попытки выявить специфические особенности развития системы образования на казачьих территориях, в частности на примерах Кубанского (Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2019b; Molchanova et al., 2020) и Терского казачьих войск (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2021).

Определить концепции, лежащие в основе казачьего образования на территории Войска Донского в дореволюционный период, впервые попытались в 2010 г. Т.Э. Зулфугарзаде и А.Ю. Перетятко. В цикле статей «On the History of the Pedagogical Thought in South Russia: Pedagogical Views of Major Pedagogues at the Novocherkassk Gymnasium in the 19th century» эти исследователи попытались реконструировать эволюцию педагогических воззрений преподавателей Новочеркасской войсковой гимназии (Peretyatko, Zulfugarzade, 2020a: 516–529; Peretyatko, Zulfugarzade, 2020b: 689–706; Peretyatko, Zulfugarzade, 2020c: 993–1010; Peretyatko, Zulfugarzade, 2021: 252–270). В статьях «Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov» (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017: 817–829) и «Education Reforms in the Don Region in 1880–1890 and Host Ataman Prince N.I. Svyatopolk-Mirsky» (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019: 229–239) Т.Э. Зулфугарзаде и А.Ю. Перетятко проанализировали проекты реформ и реализованные реформы образования в Донском войске, исходящие от казачьих деятелей и направленные на решение образовательных проблем казачества.

Следовательно, не только ситуация в системе образования, но и современная историографическая ситуация свидетельствуют о потребности в появлении работ, специально посвященных специфике дореволюционного гражданского казачьего образования.

4. Результаты

В 1900 г. донской атаман К.К. Максимович писал: «В Области Войска Донского в отчетном году было 17 средних учебных заведений: 1 кадетский корпус, 3 классические гимназии, 2 духовных семинарии, 4 реальных училища, 1 казачье юнкерское училище, 1 механико-химико-техническое и ремесленное училище, 1 институт для девиц и 4 женские гимназии» (высших учебных заведений не было вовсе) (Карпенко, 2006: 254–255). Из 17 средних учебных заведений только одно военное, юнкерское училище, имело слово «казачий» в названии. При этом попытки адаптировать систему донского регионального образования к локальным реалиям, усилить в ней региональную компоненту, предпринимались с середины XIX в.

Т.Э. Зулфугарзаде и А.Ю. Перетятко утверждают, что в 1836–1865 гг. преподаватели тогда единственной в Донском войске Новочеркасской гимназии позиционировали ее «как учебное заведение, специально приспособленное к нуждам Донского Войска, действительно войсковую, а не обычную гимназию» (Peretyatko, Zulfugarzade, 2020b: 704). В подтверждение своих слов они ссылаются на мнение директора этой гимназии Т.И. Селиванова, который обосновывал введение во вверенном ему учебном заведении курсов военных наук, гимнастики и судопроизводства в 1836 г. так: «Дети донцов ни в каком другом учебном заведении лучшего для образа своей военно-гражданской жизни, для будущих своих порученностей не могут получить воспитания и образования» (Peretyatko, Zulfugarzade, 2020b: 696). Но данная педагогическая инновация не увенчалась успехом: расширение казачьего компонента гимназического курса осуществлялось за счет сокращения курсов

универсальной для империи гимназической программы, что снижало шансы учеников, особенно углубленно занимающихся военными науками и судопроизводством, успешно сдать выпускной экзамен (Peretyatko, Zulfugarzade, 2020b: 702-703). В результате в 1865 г. курс предметов, преподаваемых в Новочеркасской гимназии, был не только возвращен к общеимперскому, но и новый директор гимназии С.С. Робуш прокомментировал это следующим образом: «Новочеркасская гимназия избавилась от лишнего и бесполезного бремени, задержавшего только успехи других, несомненно, полезных и необходимых знаний» (Peretyatko, Zulfugarzade, 2020c: 999).

Следовательно, в Российской империи предпринимались попытки создать специфически казачьи средние гражданские учебные заведения с расширением их программы за счет казачьего компонента. Подобный эксперимент был предпринят в Новочеркасской гимназии и длился порядка 30 лет, с 1836 по 1865 гг. Сворачивание данного эксперимента как неудачного было связано с тем, что сам педагогический состав гимназии к концу указанного периода сам разочаровался в казачьей компоненте образования, утверждая, будто бы она служит помехой ученикам при изучении других предметов. В дальнейшем попыток повторить данный эксперимент не предпринималось и учебный процесс в средних гражданских учебных заведениях Войска Донского осуществлялся по базовой общеимперской программе.

Т.Э. Зульфугарзаде и А.Ю. Перетятко также показали, что, судя по сохранившимся архивным источникам, запрос на специфически казачью компоненту в среднем образовании со стороны простых казаков отсутствовал. В 1860 гг. власти контактировали со станичными сходами по данному вопросу, и представители сходов горячо выступали за развитие образования на Дону. Однако правительственное предложение давать привилегии по получению офицерского чина именно казакам, прослушавшим курс военных наук в Новочеркасской гимназии, даже если они не смогли сдать выпускные экзамены по базовой программе, поддержки не нашло: вместо этого представители сходов предлагали давать подобные привилегии всем казакам, успешно окончившим любую гимназию, т.е. и учившимся за пределами Войска, не изучая специфическую казачью компоненту (военные науки) (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017: 821-822). Судя по этим фактам, рядовое казачество желало распространения на казачьи территории общеимперской образовательной системы в максимально развернутом и качественном виде, без каких-либо изъятий. Попытки же создать в Донском войске региональную образовательную систему, предполагающую замену части элементов базового для остальной империи образования на некую региональную компоненту, напротив, поддержки снизу не находили. Помимо эксперимента с казачьей компонентой в Новочеркасской гимназии в 1836–1865 гг., Т.Э. Зульфугарзаде и А.Ю. Перетятко отмечают еще один неудачный эксперимент в этом направлении, предпринятый в атаманство Н.И. Святополк-Мирского, в 1881–1898 гг. На этот раз при сохранении общеимперских программ в учебных заведениях число гуманитарных учреждений среднего образования (гимназий) в Донском регионе было резко сокращено, а вместо них открыты практикоориентированные учреждения среднего образования (реальные и техническое училища), как предполагалось, более полезные для нужд региона. Как показывают историки на основе архивных документов, и этот эксперимент не нашел поддержки снизу, и простые казаки, не отрицая полезности реальных училищ, выступали против сокращения числа гимназий (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019: 237-238).

Итак, дореволюционный опыт свидетельствует о том, что попытки включения казачьей (и вообще специфически-региональной) компоненты в систему донского среднего образования не только было малоэффективны, но и негативно воспринимались самими казаками. Кроме того, обращение к этому опыту позволяет выявить реальный риск, заключающийся в том, что расширение казачьей компоненты в образовании может негативно сказываться на усвоении учащимися базовых знаний по другим предметам. И в этой связи может быть востребован дореволюционный опыт развития казачьей компоненты в образовании не за счет и без того перегруженной учебной программы средней школы, но за счет более раннего этапа обучения и дополнительного образования. О двух наиболее перспективных с точки зрения этого опыта направлениях развития казачьего образования мы и будем говорить далее.

1) *Создание научно-популярных книг о донском казачестве.*

Впервые тема недостаточности существующих пособий по истории казачества была поднята войсковым чиновником И.С. Ульяновым после посещения Новочеркасской гимназии в 1837 г. «Всего прискорбнее было видеть, что самая отечественная история передается потомкам со всеми прапрадедовскими недостатками, освященными славным именем Карамзина и повторяемыми близорукими подражателями его до кривотолка Броневского. Жаль, если полезные труды г. Сухорукова, бросившего на эту важную часть познания новый свет, ограничены будут известными двумя тетрадками, ... не удостоившись печатной почести...», – писал он (Морозова, 2007). Из контекста видно, что под «отечественной историей» в данной цитате подразумевается история казачества, которой были посвящены исследования В.Б. Броневского и В.Д. Сухорукова. Однако в первой половине XIX в. удовлетворительных исследований по истории донского казачества напечатано не было. Руководители донской системы образования прекрасно понимали проблему и, не имея возможности решить ее, искали паллиатив. Например, в 1854 г. учителю Новочеркасской

гимназии А.А. Леонову было поручено подготовить публичную речь с анализом существующих пособий по донской истории, с которой он впоследствии выступил перед учениками, указав им на лучшие, хотя и несовершенные, тексты по истории казачества (Волвенко, 2019: 134-167).

Хотя во второй половине XIX в. был издан целый ряд классических исследований Войска Донского, зачастую осуществляемых и публикуемых при государственной финансовой поддержке, проблемы они не решили. Дореволюционный опыт наглядно демонстрирует потребность образовательной системы в специальных научно-популярных книгах, поскольку даже лучшие специальные исследования мало подходят для использования в педагогической практике. Так, донской географ В.В. Богачев в 1919 г. характеризовал классические историко-статистические описания Донского войска В.Д. Сухорукова, Н.И. Краснова и С.Ф. Номикосова как «справочники», совершенно негодные для развития в детях любви к родному краю (Богачев, 1919: 4). И поэтому, после того как во второй половине XIX в. разрешился вопрос с вовлечением в научный оборот базовых сведений по донской истории, началась адаптация этих сведений для массового, в том числе и юного читателя. Одной из первых попыток в этом направлении стала книга «Донские казаки» А.Н. Пивоварова 1892 г. издания, представлявшая собой сборник материалов о героических подвигах донских казаков («легкие очерки», по определению современников) (Донцы, 2003: 359). Не преследуя научных целей, А.Н. Пивоваров преследовал цели воспитательные, рассчитывал разжечь в читателях любовь к предкам, «желание подражать этим блестящим храбрецам и мужественным исполнителям своего долга» (Пивоваров, 1892).

Лучшим примером научно-популярной книги по истории казачества, призванной воспитывать молодежь, в дореволюционный период стали «Картины былого Тихого Дона» П.Н. Краснова (1909 г. издания). Важно отметить, что впервые издана эта книга была без упоминания имени автора на обложке, зато с указанием, что она печатается «по распоряжению войскового наказного атамана» и предназначена для «чтения в семье, школе и войсковых частях» (Краснов, 1909: форзац). Рецензия известного донского военного историка М.С. Жирова на эту книгу, вышедшая в том же 1909 г., также не содержала упоминания имени автора, зато в ней подчеркивался официальный характер издания (Жиров, 2010: 78-91). И уже М.С. Жиров отмечал целый ряд неточностей и искажений, допущенных П.Н. Красновым. Однако эти неточности носили непринципиальный характер: например, «разгром ногайских орд Суворовым и атаманом Алексеем Иловыйским» датировался 1782 г., а не 1783 г., шефом 10 Донского казачьего полка был не Гаврила, а Амвросий Луковкин и т.п. (Жиров, 2010: 78-91). Не содержала работа П.Н. Краснова и каких-либо принципиально новых, неизвестных доселе фактов или оценок.

Тем не менее «Картины былого Тихого Дона», несмотря на указанные недостатки, остаются одной из популярнейших книг по истории казачества. Историк В.Н. Королев указывает, что купил эту книгу в букинистическом магазине в 1960 гг., причем в его экземпляре были выдраны лист с подписью автора и обложка, а название книги и год издательства сфальсифицированы: «Казачество. Историко-литературный очерк. 1910 г.» (Королев, 1991: 190-191). Если даже в советский период предпринимались подобные попытки сохранять издания запрещенного автора, то с 1980 гг. книга П.Н. Краснова переиздавалась многократно. И характерно, что издательством «Вече» эта книга вообще была переименована в «Историю Войска Донского» (Краснов, 2011). В современной казачьей периодике встречаются тексты, прямо демонстрирующие позитивное воспитательное влияние «Картин былого Тихого Дона» на подрастающее поколение (Кривовичев, 2012: 9).

Причины популярности разбираемой книги очевидны: с одной стороны, это ее *литературность*, а с другой – то, что П.Н. Краснову удалось в достаточно сжатом объеме описать *все важнейшие события истории Донского казачества до XX в.* Попытки сменить название книги П.Н. Краснова позднейшими издателями как раз опираются на указанные особенности его труда. В результате «Картины былого Тихого Дона», несмотря на непринципиальные ошибки и спорность отдельных трактовок (а теперь еще и устарелость фактического материала) до настоящего дня остаются, возможно, лучшей книгой для первоначального знакомства с историей донского казачества. При этом официальный характер издания не позволил П.Н. Краснову высказывать спорные воззрения на историю казачества: напротив, в данной книге он популяризировал представление о том, что казаки должны стремиться к «глубокой вере в Господа Бога и его милосердие, беспредельной преданности Государю, горячей любви к нашей матери-России и воинской доблести» (Краснов, 1909: 522).

Уже в Гражданскую войну предпринимались попытки создать аналогичные популярные очерки по донской географии под руководством упомянутого выше В.В. Богачева. Результатом этого стало создание «Очерков географии Всевеликого Войска Донского», к сожалению, изданных только в 1919 г. и не успевших приобрести популярность (Богачев, 1919). Тем не менее и данная работа переиздавалась в постсоветское время (Богачев, 2013). Отметим, что и она написана весьма литературно: В.В. Богачев часто вставлял в нее сентенции вроде «из дебрей Дагестана, с берегов Ефрата, из пустынь Туркестана я бежал в кратковременные отпуска, чтобы промчаться безостановочно по донским степям, и вот из ворохов сухих и малодоступных отчетов я извлекаю

основу для будущей ткани – картины Дона» (Богачев, 1919: 3). Кроме того, данная книга так же была следствием официального заказа и излагала официальную точку зрения на казаков (Богачев, 1919).

Таким образом, в дореволюционный период существовал устойчивый заказ на создание научно-популярных книг о донском казачестве. При этом они носили характер не учебников, но популярных очерков, которые могли либо использоваться в школьном учебном процессе как дополнительная литература, либо вообще читаться молодежью самостоятельно, в семье или военных частях. В результате без введения казачьей компоненты в программу донских гимназий напрямую власти создавали условия для того, чтобы учащиеся воспринимали казачьи традиции и узнавали базовые знания по казачьей истории в результате самостоятельного чтения. Оговорим, что процесс создания подобных популярных очерков был сложным и занял достаточно много времени: от необходимости неких пособий по истории казачества до создания наиболее удачной книги такого рода – «Картин былого Тихого Дона» – прошло более 70 лет. Тем не менее, как нам представляется, сам факт существования качественной научно-популярной литературы о донском казачестве будет способствовать усвоению молодежью казачьих традиций.

Между тем в настоящее время ситуация в этой области не внушает оптимизма. Число современных качественных научно-популярных книг о донском казачестве сравнительно невелико, причем зачастую популярность не предполагает литературности, т.е. легкости для чтения. Ярким примером этого может служить научно-популярное издание «Очерки по истории донского казачества в поздней имперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.)» известного казаковеда А.А. Волвенко (Волвенко, 2017). Хотя данная книга содержит в сжатой форме основные сведения по истории донского казачества 1861–1905 гг., ее язык строго научен и едва ли способен заинтересовать читателя школьного возраста. В то же время регулярно выходят многочисленные лженаучно-популярные работы, содержащие совершенно искаженный образ казачества. Например, в книге А.П. Кашкарова «Казачьи: традиции, обычаи, культура (краткое руководство настоящего казака)» постулируется происхождение казаков от «народа «чигов», упоминаемого римскими и греческими историками с I по III в.» (Кашкаров, 2015: 38). И, как нам представляется, создание массива качественной современной научно-популярной литературы о казачестве, способной заинтересовать молодежь казачьими традициями, имеет не меньшее значение, чем усиление казачьей компоненты в среднем образовании. В конце концов, те проблемы с литературой в казачьих кадетских корпусах, о которых писал Н.И. Никитин, как раз и порождаются в значительной степени недостатком современной качественной литературы о казаках, предназначенной специально для молодежи.

2) Сохранение семейного/станичного казачьего воспитания

«По достижении годичного возраста младенец-казаченок сажался его отцом или другими старослужащими родственниками верхом на неоседланного коня, при прогоне последнего на водопой, или в запряжку, в чем и заключалось как бы особое крещение будущего казака-воина. Затем дальнейшие приемы военной подготовки малолетних казаков в станицах заключались или в некоторых занятиях с малолетними казачатами в школах, или же в разного рода народных играх и скачках в праздничные и другие свободные от хозяйственных занятий дни, причем старые казаки вовеки с любовью следили за ходом развития в молодом потомстве духа предприимчивости, удалости и ловкости», – писал в 1900 г. бывший помощник донского атамана Н.А. Маслаковец (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 22. Л. 40б.). Хотя данное описание, на первый взгляд, относится к военному обучению казаков, в действительности его значение шире. Как показала М.А. Рыблова, специалист по этнографии донского казачества, в донских станицах существовала традиционная возрастная структура общества, в которой каждый возраст имел свои права и обязанности, и это находило даже чисто визуальное выражение: «Усы казаки начинали носить с армии. Как пашол служить – так усы носят. Бороду, пака ни атслужит, казак ни имел права носить. Вот мой дет атслужил – насил бороду. А у атца – он ишо не атслужил – были тока усы» (слова одного из информантов, орфография сохранена М.А. Рыбловой) (Рыблова, 2007: 207-223).

Разумеется, в более образованных дворянских семьях архаичные традиционные нормы утрачивались. Однако при этом могли возникать новые формы семейного воспитания, не в меньшей степени направленные на сохранение казачьих традиций. В этом отношении очень интересны воспоминания героя Крымской войны Н.И. Краснова, который учился в домашнем пансионе по европейскому образцу, однако дед, генерал И.К. Краснов, играл с ним и его братьями в военные игры и был непререкаемым авторитетом для внуков: «Очень часто сам дед выезжал с нами в поле, верхом, под видом охоты. Он сидел на коне ловко и красиво, любил поскакать и, несмотря на свои белые, как снег, волосы, казался молодцом: в молодости, как говорило предание, он был отличным охотником. Охоты же, однако, у нас и в помине не было. Вместо нее мы открывали неприятеля, скакали с донесениями, спускались с крутых гор, расставляли пикеты, и все это, разумеется, под руководством деда» (Воспоминания, 1873: 366). В итоге, когда в 1812 г. на Дону собирали ополчение, все внуки И.К. Краснова мечтали поехать с дедом в армию и, когда он согласился взять их с собой, реагировали крайне эмоционально: «Мы не опомнились от восторга, прыгали, скакали, били в ладоши, просто с ума сходили от радости» (Воспоминания, 1873: 376). Таким образом, И.И. Краснов и его братья выросли казаками-воинами, мечтающими служить России на поле брани, несмотря на своеобразие

«западничество» во многих других сферах жизни (например, его любимыми поэтами были Ф. Шиллер и И. Гете) (Королев, 1991: 222).

Интересно сравнить воспоминания И.И. Краснова, который учился по европейским образцам, но в семье воспитывался дедом-воином, с воспоминаниями известного донского журналиста А.А. Карасева, относящимися к 1850 г., когда на Дону пытались внедрить казачью компоненту в среднее образование. А.А. Карасев окончил Новочеркасскую войсковую гимназию в 1852 г., т.е. изучал военные науки и гимнастику для последующей строевой службы (Донцы, 2003: 190). Но, по собственному признанию, он был «нравственно непригоден к тогдашней военной выправке» (Карасев, 2003: 135-136). В итоге, если И.И. Краснов мечтал участвовать в войне 1812 г., то для А.А. Карасева перспектива попасть на войну с кавказскими горцами была ночным кошмаром в прямом смысле этого слова: «Бывало, ляжешь спать и начнешь думать о том, как же это я, боящийся собственного коня и обыкновенной скачки у новочеркасских мельниц, да буду вести казаков против стреляющего пулями и рубящего кривыми саблями неприятеля-чеченца? Да первая пуля непременно попадет в меня, да самый паршивый горец разрубит меня на части...» (Карасев, 2003: 135-136). Отметим, что и соученики А.А. Карасева по учебному полку из выпускников Харьковского университета казачьего происхождения боялись отправки на войну и всеми способами пытались ее избежать (Карасев, 2003: 135-136).

Вышеприведенные материалы заставляют глубже понять причины, по которым казаки XIX в. выступали против введения казачьей компоненты в среднее образование. Казачьи традиции гораздо лучше усваивались, если впитывались ребенком естественным образом, в семье, на примере старших казаков. Попытки же научить казачьим традициям подростков, очевидно, были значительно менее продуктивны: к подростковому возрасту казак либо уже являлся носителем казачьих традиций, либо рецепция этих традиций требовала от него значительных усилий. Подчеркнем, что в данном случае речь идет даже не о физической подготовке к военной службе, а о том, что А.А. Карасев называл «нравственной пригодностью» к ней. Приоритет военной службы, желание (а не просто готовность) добровольно рисковать своей жизнью ради интересов России, «дух предприимчивости, удали и ловкости» следовало закладывать с самого рождения, даже до начальной школы.

При этом уже в XIX в. кризис казачьих семейных традиций стал свершившимся фактом. Один из первых донских этнографов М.Н. Харузин отмечал в 1880 г., что подготовка сына как воина является одной из важнейших задач казака: «О сыновьях больше заботится отец; он понемногу приучает их к верховой езде и к полевой работе, прикушает вещи, необходимые на службе» (Харузин, 1885: 208). Но само имперское правительство разрушало прежнюю безоговорочную власть отца над сыном, простиравшуюся некогда до права убить ребенка при рождении, и старики жаловались, что лишились многих действенных способов влияния на детей (Харузин, 1885: 204-217). Зато, уменьшая власть родителей над детьми, власти пытались усиливать влияние традиций в быту независимо от родительской опеки. Так, военный министр А.Н. Куропаткин, посетив Войско Донское, заявил о необходимости бороться с ношением казаками в быту штатского платья (Куропаткин: 109). Кроме того, он указывал на необходимость корректировки школьного образования в регионе, но не в плане изменения содержательной компоненты, а в том, что выходящие из школ казаки не должны мнить себя «учеными» и чураться «черной работы» (Куропаткин: 109).

Таким образом, в данном случае дореволюционный опыт указывает нам проблему, но не подсказывает путей ее решения. Казачье образование может быть по-настоящему эффективно, только если выстраивается с самых ранних лет, желательно с младенчества, и уже в школу юный казак поступает носителем определенных традиций, а образование только помогает ему ограничить эти традиции и использовать их на пользу Родине. При этом традиционная возрастная структура казачьего общества давно разрушена и не может быть восстановлена в виду крайней архаичности. Но в XIX в. имели место случаи сочетания современных методов образования и казачьих традиций (семья И.К. Краснова). Судя по приведенным материалам, для качественного казачьего воспитания очень важен институт наставничества, когда старые воины (не обязательно родственники) следят за успехами молодых казачат и воспитывают их в духе военного служения Родине. И необходимо найти формы подобного наставничества, возможно, в семье или в казачьей станице.

В этой связи интересно сообщение М.А. Рыбловой о еще одной дореволюционной практике – о приобщении юных казаков к казачьим традициям путем заучивания былин и историй, рассказываемых стариками. Особенно значимо, что, по ее мнению, при этом не только «над малолетками наставляли старые казаки», но и «первоначально собрания-беседы проходили обычно в здании станичного правления, имевшего для этой цели широкие крыльца с навесами, также называемые «беседами» (Рыблова, 2007: 207-223). Следовательно, неформальное общение стариков с юными казаками проходило с ведома и при поддержке станичных властей. И сейчас для развития казачьего образования очень важно создать новые, более эффективные формы наставничества в казачьей среде, возможно, уже не семейные, но предполагающие не обучение в современном смысле, а именно наставничество носителей казачьих традиций над юными казаками, причем наставник должен выступать не только учителем, но и старшим другом и образцом для подражания.

5. Заключение

Рассмотренный эмпирический материал позволил отчетливо представить характерные особенности сложной системы казачьего образовательного пространства, сформировавшегося и развивавшегося в XIX столетии. После неудачного эксперимента в гражданское среднее образование не сословная компонента, представленная в традиционном варианте особыми учебными заведениями или предметными линейками в общей программе. Главная роль в генетической трансляции донских традиций юному казаку должны были играть большая семья, родная станица и дополнительная литература, которая могла использоваться в учебном процессе в качестве специального источника необходимых знаний. Подобный подход опирался на социальную логику, подтвержденную обширной практикой: семейное воспитание демонстрировало большую эффективность в контексте системного сохранения традиционных казачьих ценностей, чем школьное образование. Поэтому и сами казаки желали не потенциального расширения сословно ориентированной компоненты в учебном процессе, а целенаправленного формирования конкурентной образовательной среды, вырабатывавшей в подрастающем поколении необходимые навыки общественной жизнедеятельности. Донская школа рассматривалась как основной центр последовательного приобретения новых знаний, а гражданское воспитание являлось значимой задачей родителей и станичных стариков.

Литература

- Агафонов, 1986** – Агафонов А.И. Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов-на-Дону. 1986. 192 с.
- Артинский, 1907** – Артинский И.П. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск. 1907. 469 с.
- Белякова, 2003** – Белякова Е.Ю. Начальное образование в казачьих станицах Войска Донского в 60–70 гг. XIX века // *Актуальные проблемы социальной истории*. Вып. 4. Новочеркасск. 2003. С. 36–39.
- Богачев, 1919** – Богачев В.В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск. 1919. 523 с.
- Богачев, 2013** – Богачев В.В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. М. 2013. 538 с.
- Волвенко, 2016** – Волвенко А.А. «Сведения о посещении в 1837 г. Войска Донского блаженной памяти Императором Николаем I и наследником цесаревичем, ныне царствующим государем императором»: записка А.П. Чеботарева // *Вестник архивиста*. 2016. № 3. С. 121–134.
- Волвенко, 2017** – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону. 2017. 226 с.
- Волвенко, 2019** – Волвенко А.А. О чем говорил учитель русского языка войсковой старшина А. Леонов «на торжественном акте» Новочеркасской гимназии 12 августа 1854 года? // *Новое прошлое* // *The New Past*. 2019. № 2. С. 134–167.
- Воспоминания, 1873** – Воспоминания старого донца. Из посмертных записок генерал-лейтенанта Краснова // *Военный сборник*. 1873. № 12. С. 363–380.
- Донцы, 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону. 2003. 472 с.
- Жиров, 2010** – Жиров М.С. Картины былого Тихого Дона // *Донской временник*. 2010. Вып. 19. С. 78–91.
- Жуковский, 2013** – Жуковский В.А. Дневники. Записные книжки (1834–1847). М., 2013. 323 с.
- Карасев, 2003** – Карасев А.А. Донские студенты в учебном полку // *Донской временник*. 2003. Вып. 12. С. 135–136.
- Карпенко, 2006** – Карпенко А.Н. Развитие системы образования в Области войска Донского во 2-й половине XIX века // *Донской юридический институт: Ученые записки. Памяти С.В. Римского*. Т. 31. Ростов-на-Дону. 2006. С. 229–256.
- Катков, 1864** – Катков М.Н. Донской сепаратизм // *Московские ведомости*. 1864. № 89. С. 1.
- Кашкаров, 2015** – Кашкаров А.П. Казаки: традиции, обычаи, культура (краткое руководство настоящего казака). Ростов-на-Дону. 2015. 126 с.
- Коломейцева, Команджаев, 2014** – Коломейцева М.А., Команджаев А.Н. Крестьянские народные школы в Области войска Донского во второй половине XIX века // *Вестник Чувашского университета*. 2014. № 4. С. 36–44.
- Королев, 1991** – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону. 1991. 461 с.
- Краснов, 2011** – Краснов П.Н. История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2011. 448 с.
- Краткие сведения, 1895** – Краткие сведения о состоящем, под высоким покровительством атамана всех казачьих войск его императорского высочества наследника цесаревича, Новочеркасском Атаманском техническом училище за время его существования с 1888 по 1895 г. Новочеркасск. 1895. 62 с.
- Кривовичев, 2012** – Кривовичев А. Казаки – рыцари Христа // *Воздвижение*. 2012. № 7. С. 9.
- Куропаткин** – Куропаткин А.Н. Отчет о служебной поездке военного министра в Область Войска Донского. Б. м. Б. г. 114 с.

Лукаш, 2019 – Лукаш С.Н. Казачество как народное движение: формирование российской национальной идентичности // *Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого)*. Ростов-на-Дону. 2019. С. 236-244.

Морозова, 2007 – Морозова О.М. «Выдающийся донец» – генерал Иван Ульянов // *Relga. Научно-культурологический журнал*. 2007. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1959&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 09.11.2021).

Никитин, 2019 – Никитин Н. Учебные пособия по истории казачества и некоторые проблемы современной историографии // *Российская история*. 2019. № 4. С. 148-164.

ОР РНБ – Отдел рукописей. Российская национальная библиотека. Ф. 1055. Д. 22. Л. 40б.

Пивоваров, 1892 – Пивоваров А.Н. Донские казаки. Новочеркасск. 1892. 282 с.

Рыблова, 2007 – Рыблова М.А. Экстремалы Дикого поля: основные этапы жизненного пути казака-воина // *Мужской сборник*. Выпуск 3. Мужчина в экстремальной ситуации. СПб., 2007. С. 207-223.

Ситько, 2009 – Ситько Р.М. Не чуждаются донцы образования...: история становления и развития образования в Области Войска Донского (досоветский период). Ростов-на-Дону. 2009. 176 с.

Указ Президента РФ – Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/74484683/#ixzz7BiFu1otT> (дата обращения: 09.11.2021 г.).

Харузин, 1885 – Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права: Вып. 1. М., 1885. 338 с.

Хлыстов, 1962 – Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX в. Ростов-на-Дону. 1962. 331 с.

Черницын, 2017 – Черницын С.В. Актуализация этнической истории донских казаков в образовательной практике Ростовской области // *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения)*. Ростов-на-Дону. 2017. С. 203-209.

Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211-218.

Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.

Molchanova et al., 2019a – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.

Molchanova et al., 2019b – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.

Molchanova et al., 2020 – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 55(1): 88-104

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 817-829.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2019 – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. Education Reforms in the Don Region in 1880-1890 and Host Ataman Prince N.I. Svyatopolk-Mirsky // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 229-239.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2020a – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. On the History of the Pedagogical Thought in South Russia: Pedagogical Views of Major Pedagogues at the Novocherkassk Gymnasium in the 19th century. Part I // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 519-529.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2020b – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. On the History of the Pedagogical Thought in South Russia: Pedagogical Views of Major Pedagogues at the Novocherkassk Gymnasium in the 19th century. Part II // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 689-706.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2020c – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. On the History of the Pedagogical Thought in South Russia: Pedagogical Views of Major Pedagogues at the Novocherkassk Gymnasium in the 19th century. Part III // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 993-1010.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2021 – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. On the History of the Pedagogical Thought in South Russia: Pedagogical Views of Major Pedagogues at the Novocherkassk Gymnasium in the 19th century. Part IV // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(1): 252-270.

References

- Agafonov, 1986** – *Agafonov, A.I.* (1986). Oblast' voiska Donskogo i Priazov'e v doreformennyi period [The region of the Don and Azov Sea troops in the pre-reform period]. Rostov-on-Don. 192 p. [in Russian]
- Artinskii, 1907** – *Artinskii, I.P.* (1907). Ocherk istorii Novocherkasskoi voiskovoi gimnazii [An essay on the history of the Novocherkassk military gymnasium]. Novocherkassk. 469 p. [in Russian]
- Belyakova, 2003** – *Belyakova, E.Yu.* (2003). Nachal'noe obrazovanie v kazach'ikh stanitsakh Voiska Donskogo v 60–70 gg. XIX veka [Primary education in the Cossack villages of the Don Army in the 60-70 years of the XIX century]. *Aktual'nye problemy sotsial'noi istorii*. Vyp. 4. Novocherkassk. Pp. 36-39. [in Russian]
- Bogachev, 1919** – *Bogachev, V.V.* (1919). Ocherki geografii Vsevelikogo Voiska Donskogo [Essays on the geography of the All-Great Don Army]. Novocherkassk. 523 p. [in Russian]
- Bogachev, 2013** – *Bogachev, V.V.* (2013). Ocherki geografii Vsevelikogo Voiska Donskogo [Essays on the geography of the All-Great Don Army]. M. 538 p. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2020** – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Ponomareva, M.A., Zimovets, L.G.* (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211-218.
- Cherkasov et al., 2020** – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.
- Chernitsyn, 2017** – *Chernitsyn, S.V.* (2017). Aktualizatsiya etnicheskoi istorii donskikh kazakov v obrazovatel'noi praktike Rostovskoi oblasti [Actualization of the ethnic history of the Don Cossacks in the educational practice of the Rostov region]. *Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii (VI Tokarevskie chteniya)*. Rostov-on-Don. Pp. 203-209. [in Russian]
- Dontsy, 2003** – *Dontsy XIX veka* [Dontsy of the XIX century]. Rostov-on-Don. 2003. 472 p. [in Russian]
- Karasev, 2003** – *Karasev, A.A.* (2003). Donskie studenty v uchebnom polku [Don students in the training regiment]. *Donskoi vremennik*. 12: 135-136. [in Russian]
- Karpenko, 2006** – *Karpenko, A.N.* (2006). Razvitie sistemy obrazovaniya v Oblasti voiska Donskogo vo 2-i polovine XIX veka [Development of the education system in the Field of the Don Army in the 2nd half of the XIX century]. *Donskoi yuridicheskii institut: Uchenye zapiski. Pamyati S.V. Rimskogo*. V. 31. Rostov-on-Don. Pp. 229-256. [in Russian]
- Kashkarov, 2015** – *Kashkarov, A.P.* (2015). Kazaki: traditsii, obychai, kul'tura (kratkoe rukovodstvo nastoyashchego kazaka) [Cossacks: traditions, customs, culture (a short guide of a real Cossack)]. Rostov-on-Don. 126 p. [in Russian]
- Katkov, 1864** – *Katkov, M.N.* (1864). Donskoi separatizm [Don separatism]. *Moskovskie vedomosti*. 89(1). [in Russian]
- Kharuzin, 1885** – *Kharuzin, M.N.* (1885). Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava [Information about Cossack communities on the Don: materials for customary law]: Vyp. 1. M. 338 p. [in Russian]
- Khlystov, 1962** – *Khlystov, I.P.* (1962). Don v epokhu kapitalizma. 60-e - seredina 90-kh godov XIX v. [Don in the era of capitalism. 60s – mid-90s of the XIX century]. Rostov-on-Don. 331 p. [in Russian]
- Kolomeitseva, Komandzhaev, 2014** – *Kolomeitseva, M.A., Komandzhaev, A.N.* (2014). Krest'yanskie narodnye shkoly v Oblasti voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX veka [Peasant folk schools in the Don Army Region in the second half of the XIX century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4: 36-44. [in Russian]
- Korolev, 1991** – *Korolev, V.N.* (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The narrative of the Cossacks]. Rostov-on-Don. 461 p. [in Russian]
- Krasnov, 2011** – *Krasnov, P.N.* (2011). Istoriya Voiska Donskogo. Kartiny bylogo Tikhogo Dona [History of the Don Army. Paintings of the former Quiet Don]. M. 448 p. [in Russian]
- Kratkie svedeniya, 1895** – *Kratkie svedeniya o sostoyashchem, pod vysokim pokrovitel'stvom atamana vsekh kazach'ikh voisk ego imperatorskogo vysochestva naslednika tsesarevicha, Novocherkasskom Atamanskom tekhnicheskome uchilishche za vremya ego sushchestvovaniya s 1888 po 1895 g.* [Brief information about the Novocherkassk Ataman Technical School, consisting, under the high patronage of the ataman of all Cossack troops of his Imperial Highness the heir of the Tsarevich, during its existence from 1888 to 1895]. Novocherkassk. 1895. 62 p. [in Russian]
- Krivovichev, 2012** – *Krivovichev, A.* (2012). Kazaki – rytsari Khrista [Cossacks – knights of Christ]. *Vozdvizhenie*. 7: 9. [in Russian]
- Kuropatkin** – *Kuropatkin, A.N.* Otchet o sluzhebnoi poezdke voennogo ministra v Oblast' Voiska Donskogo [Report about the official visit of the Minister of war in the Region of the don Cossacks]. B.m. P. 114. [in Russian]
- Lukash, 2019** – *Lukash, S.N.* (2019). Kazachestvo kak narodnoe dvizhenie: formirovanie rossiiskoi natsional'noi identichnosti [Cossacks as a popular movement: the formation of Russian national identity].

- Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshteina i aktual'nye problemy istoricheskoi nauki (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo uchenogo)*. Rostov-on-Don. Pp. 236-244. [in Russian]
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019b](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Morozova, 2007](#) – Morozova, O.M. (2007) «Vydayushchiysya donets» - general Ivan Ul'yanov ["Outstanding Donets" – General Ivan Ulyanov]. *Relga. Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal*. 8. [Electronic resource]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1959&level1=main&level2=articles> (date of access: 09.11.2021). [in Russian]
- [Nikitin, 2019](#) – Nikitin, N. (2019). Uchebnye posobiya po istorii kazachestva i nekotorye problemy sovremennoi istoriografii [Textbooks on the history of the Cossacks and some problems of modern historiography]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 148-164. [in Russian]
- [OR RNB](#) – Otdel rukopisei. Rossiiskaya natsional'naya biblioteka [Department of Manuscripts. Russian National Library]. F. 1055. D. 22. L. 40b. [in Russian]
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2017). Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 817-829.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2019) Education Reforms in the Don Region in 1880-1890 and Host Ataman Prince N.I. Svyatopolk-Mirsky. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 229-239.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2020a](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2020). On the History of the Pedagogical Thought in South Russia: Pedagogical Views of Major Pedagogues at the Novochoerkassk Gymnasium in the 19th century. Part I. *Bylye Gody*. 56(2): 519-529.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2020b](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2020). On the History of the Pedagogical Thought in South Russia: Pedagogical Views of Major Pedagogues at the Novochoerkassk Gymnasium in the 19th century. Part II. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 689-706.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2020c](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2020). On the History of the Pedagogical Thought in South Russia: Pedagogical Views of Major Pedagogues at the Novochoerkassk Gymnasium in the 19th century. Part III. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 993-1010.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2021](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2021). On the History of the Pedagogical Thought in South Russia: Pedagogical Views of Major Pedagogues at the Novochoerkassk Gymnasium in the 19th century. Part IV. *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 252-270.
- [Pivovarov, 1892](#) – Pivovarov, A.N. (1892). Donskie kazaki [Don Cossacks]. Novochoerkassk. P. 282. [in Russian]
- [Ryblova, 2007](#) – Ryblova, M.A. (2007). Ekstremaly Dikogo polya: osnovnye etapy zhiznennogo puti kazaka-voina [Extremes of the Wild field: the main stages of the life path of a Cossack warrior]. *Muzhskoi sbornik. Vypusk 3. Muzhchina v ekstremal'noi situatsii*. SPb. Pp. 207-223. [in Russian]
- [Sit'ko, 2009](#) – Sit'ko, R.M. (2009). Ne chuzhdayutsya dontsy obrazovaniya...: istoriya stanovleniya i razvitiya obrazovaniya v Oblasti Voiska Donskogo (dosovetskii period) [The Donets of education are not alien...: the history of the formation and development of education in the Field of the Don Army (pre-Soviet period)]. Rostov-on-Don. 176 p. [in Russian]
- [Ukaz Prezidenta RF](#) – Ukaz Prezidenta RF ot 9 avgusta 2020 g. № 505 "Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v otnoshenii rossiiskogo kazachestva na 2021–2030 gody" [Decree of the President of the Russian Federation dated August 9, 2020 No. 505 "On approval of the Strategy of the State policy of the Russian Federation in relation to the Russian Cossacks for 2021-2030"]. [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/74484683/#ixzz7BiFu1otT> (date of access: 09.11.2021). [in Russian]
- [Volvenko, 2016](#) – Volvenko, A.A. (2016). «Svedeniya o poseshchenii v 1837 g. Voiska Donskogo blazhennoi pamyati Imperatorom Nikolaem I i naslednikom tsesarevichem, nyne tsarstvuyushchim gosudarem imperatorom»: zapiska A.P. Chebotareva ["Information about the visit in 1837 of the Don Army of Blessed memory by Emperor Nicholas I and the heir Tsarevich, now the reigning sovereign Emperor": note by A.P. Chebotarev]. *Vestnik arkhivista*. 3: 121-134. [in Russian]
- [Volvenko, 2017](#) – Volvenko, A.A. (2017). Ocherki po istorii donsokogo kazachestva v pozdneimperskii period (II pol. XIX – nach. XX vv.). [Essays on the history of the Don Cossacks in the Late Imperial period (II half of the XIX – the beginning of the XX centuries)]. Rostov-on-Don. 226 p. [in Russian]
- [Volvenko, 2019](#) – Volvenko, A.A. (2019). O chem govoril uchitel' russkogo yazyka voiskovoi starshina A. Leonov «na torzhestvennom akte» Novochoerkasskoi gimnazii 12 avgusta 1854 goda? [What did the teacher

of the Russian language, military sergeant A. Leonov, talk about "at the solemn act" of the Novocherkassk gymnasium on August 12, 1854?]. *Novoe proshloe/The New Past*. 2: 134-167. [in Russian]

Vospominaniya, 1873 – Vospominaniya starogo dontsa. Iz posmertnykh zapisok general-leitenanta Krasnova [Memories of the old Donets. From the posthumous notes of Lieutenant General Krasnov]. *Voennyi sbornik*. 1873. 12: 363-380. [in Russian]

Zhirov, 2010 – *Zhirov, M.S.* (2010). Kartiny bylogo Tikhogo Dona [Paintings of the former Quiet Don]. *Donskoi vremennik*. 19: 78-91. [in Russian]

Zhukovskii, 2013 – *Zhukovskii, V.A.* (2013). Dnevnik. Zapisnye knizhki (1834-1847) [Diaries. Notebooks (1834-1847)]. М. Р. 323. [in Russian]

К вопросу о специфике казачьего образования в Российской империи (на примере Войска Донского)

Валентина Анатольевна Агеева ^{a, *}, Марина Евгеньевна Колесникова ^b,
Александр Юрьевич Нечушкин ^c, Елена Львовна Щукина ^d

^a Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», Российская Федерация

^b Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

^c Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Российская Федерация

^d Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматривается значимая проблема, связанная с последовательным формированием особой модели казачьего образования, осуществлявшейся в области Войска Донского в XIX – начале XX веков. Авторы показывают неразрывную связь семейного и общественного воспитания с реальной результативностью учебного процесса, ориентированного на комплексную подготовку подрастающего поколения, верного местным традициям и одновременно лояльного имперским властям. Используемая источниковая база позволяет адекватно реконструировать различные взгляды на казачье образование, сложившиеся в рассматриваемый период, и практическую реализацию избранной концепции специализированного обучения. Системный анализ историографической традиции позволил выявить и адекватно оценить спорные и дискуссионные вопросы, связанные с имперским этапом в развитии казачьих образовательных практик. Особое внимание уделяется сложному институциональному взаимодействию семейной, общественной и управленческой повседневности, органичная связь которой определяла объективные перспективы регионального образования. Значительный раздел посвящен методическому обеспечению образовательных практик, основным элементом которого применительно к избранному периоду являются специализированные издания, освещающие в популярной форме культурные традиции и историческое прошлое донского казачества. Последовательное формирование индивидуальных и групповых представлений о казачьей истории и культуре рассматривается как значимый фактор естественной эволюции регионального менталитета, определявшегося не только ревностным служением Родине, но и целенаправленной консервацией мировоззренческих стереотипов религиозного, социального и интеллектуального характера. Авторский интерес обращен и к аутентичной связи предшествующей модели казачьего образования с современными практиками, не учитывающими в полной мере накопленный опыт.

Ключевые слова: образование, казачество, гимназия, атаман, воспитание, учебник, общество, служба, семья, традиция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Ageewa.75@mail.ru (В.А. Агеева), Kolesnikovam2017@mail.ru (М.Е. Колесникова), rostov-na-dony@mgutm.ru (А.Ю. Нечушкин), elshukina@sfedu.ru (Е.Л. Щукина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 180-188
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.180

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Imperial Odessa Archaeological Society and its role in the Development of Scythian Archaeology

Yulia G. Kokorina ^{a, *}, Machach M. Vagabov ^a, Oxana E. Chekhovskaya ^a

^a Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the study of Scythian archeology by the Odessa Society of History and Antiquities, one of the oldest archaeological societies in Russia. The Society paid the main attention to the study of ancient archeology, as well as the history of the development of the Novorossiysk Territory. The historiography of the Society's activities includes an analysis of various aspects of the Society's activities, biographies of its members and works on the history of antiquity. The study of the Society's activities in the field of scythology is considered for the first time, which is the novelty of this article. The Scythians made a significant contribution to world culture, therefore, the opening of each new page in the study of the history of this people seems relevant. On the example of the Odessa Society of History and Antiquities, the state policy of the House of Romanovs in the field of protection of archaeological monuments can be traced, which manifested itself in the august patronage of the Society and annual subsidies for its needs. Scientists of the Odessa Society of History and Antiquities were the pioneers of the historical and geographical research of the Northern Black Sea region. They looked for analogies in the geographical objects of Novorossiya with the reports of ancient authors about the Scythians, made attempts at a historical interpretation of archaeological monuments, and used chemical methods for analyzing finds. Historiographic reviews of works on Scythology carried out by members of the Society acquainted the Russian public with the latest achievements in this field. Epigraphic and numismatic research, publications of the epistolary heritage of Russian archaeologists were carried out at a high level for their time. It is no coincidence that the members of the Society were prominent domestic and foreign scythologists and scholars of antiquity, such as M.I. Rostovtsev, N.P. Kondakov, V.V. Latyshev, N.I. Veselovsky.

Keywords: Romanovs, Odessa Historical Society of the History of Antiquities, history of Archeology, Scythians.

1. Введение

Одной из важнейших частей государственной политики Императорского Дома и российского правительства было развитие отечественной археологии. Императорские особы покровительствовали археологическим обществам и способствовали их созданию. Старейшим среди местных обществ является Одесское общество истории древностей (ООИД), основанное в 1839 году. Несмотря на давность действия Общества, его деятельность по изучению скифской археологии ускользала от внимания историков науки. Скифы внесли выдающийся вклад в мировую культуру и, возможно, оказали влияние на формирование менталитета славянских народов (Ростовцев, 1918: 7). Поэтому изучение истории скифологии представляется актуальным.

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov), oksana_rafalyuk@mail.ru (O.E. Chekhovskaya)

Подобное исследование деятельности ООИД проводится впервые, в чем видится его новизна. Нами рассмотрены основные ракурсы скифологии, в которых работали первые российские археологи, а также роль российского государства в поддержке данного направления деятельности общества.

2. Материалы и методы

Исследование построено на основе анализа всех 33 выпусков «Записок Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД). Ежегодное периодическое издание Общества выходило с 1844 по 1919 годы и представляло собой сборник трудов членов Общества, посвященных преимущественно античной истории, истории освоения Новороссии и этнографическим описаниям края. В ЗООИД включены протоколы заседания Общества и финансовые отчеты. На страницах ЗООИД встречаются труды и по скифологии, которая вырастала из античных штудий Общества. В рукописном архиве ООИД хранится только одна работа, касающаяся скифологии: «Первобытные жилища человека в Крыму и древнейшие укрепления тавро-скифов, указанные Страбоном в Тавриде». Сочинение В. Кондараки. 1868 год на 81 листах (Рыстенко, 1910: 94).

В исследовании использованы следующие общеисторические принципы:

- историзма – выделения структуры и развития явления, подходя к нему конкретно-исторически. Его применение позволило оценить уровень развития археологической мысли в контексте XIX–XX вв., несмотря на то, что современному исследователю многое кажется наивным;

- объективности – всестороннего рассмотрения явления, без сокрытия и замалчивания фактов.

Данный принцип потребовал от нас всестороннего рассмотрения работ первых русских археологов.

Нами применены такие общеисторические методы, как сравнительно-исторический (сопоставление событий и явлений), классификационный (выделение классов явлений), дескриптивный (описание событий). Благодаря их применению, мы установили динамику археологической мысли (как в рамках исследований ООИД, так и в сравнении с современным уровнем развития скифологии), классифицировали направления научной деятельности членов ООИД в рамках археологической науки, описали основные черты этих направлений.

3. Обсуждение

История деятельности ООИД только начинает привлекать внимание российских исследователей. Наиболее полно работа Общества по изучению антиковедения с 1839 по 1859 годы освещена в монографии И.В. Тункиной (Тункина, 2002). Исследователь подробно характеризует биографии членов общества, в чем несомненная ценность ее труда. Не имея возможности из-за ограниченности места приводить биографии деятелей ООИД, именно к ее работе мы отсылаем заинтересованного читателя. Однако скифоведческая сторона деятельности членов общества не рассмотрена в монографии И.В. Тункиной.

В начале XX века членами Общества становятся такие выдающиеся отечественные скифологи и антиковеды, как, например, Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев, В.В. Латышев, биографии которых анализирует Л.С. Клейн (Клейн, 2011; Клейн, 2014). Другие современные авторы рассматривают коммерческую и историко-охранную деятельность Общества (Шаманаев, 2005; Шаманаев, 2006). Иностранцы историографы только начинают изучение российской археологии (Смирнов, 2011: 7).

4. Результаты

Историко-географические исследования Скифии в трудах членов ООИД

Общество находилось под покровительством наследника престола, Великого князя Александра Николаевича, императора Александра III, что обеспечивало Общество (с 1913 года) ежегодной субсидией в 5 000 рублей (Летопись Общества, 1881: 434). ЗООИД разных лет сообщает о том, что почетными членами Общества были Великий князь Константин Константинович, Великий князь Михаил Николаевич, граф Н.Д. Блудов, барон М.А. Корф, князь В.И. Бярятинский, граф А.С. Уваров и другие представители высших государственных кругов. «Название Императорского предоставлено обществу в 1872 году в воздаяние заслуг, оказанных отечественной науке, в продолжение более чем 30-летнего существования» (Юргевич, 1888: 52).

«Скифский рассказ» Геродота находится в центре внимания Общества на протяжении всей его истории. Не имея возможности проводить археологические раскопки, его члены применяют историко-географические методы, проявляя острую наблюдательность, широкую эрудицию и настоящую любовь к родному краю. Не случайно первый том ЗООИД открывает работа Н.И. Надеждина «Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями». Геродоту, по его мнению, география обязана «освобождением от неограниченной власти поэтической фантазии, с расточительной щедростью восполнявшей отсутствие существенных сведений роскошным богатством вымыслов» (Надеждин, 1844: 7). Автор сам делает перевод, чтобы «соблюсти буквальную точность и верность» (Надеждин, 1844: 10). Н.И. Надеждин проводит текстологическое исследование, стремясь выяснить, какие реки Геродот видел лично (Борисфен – Днепр, Танаис – Дон), а о каких только собирал сведения (Геррос, Пантикапис, Гипакрис). Ученый выдвинул предположение о расположении древней Ольвии у с. Парутино, что подтверждено раскопками, начатыми в 1896 году

выдающимся российским археологом Б.В. Фармаковским (Фармаковский, 1914). Н.И. Надеждин называет поход Дария по «скифскому квадрату», выделенным «с поэтической амальгаммы предания» (Надеждин, 1844: 409). О мифологическом характере представлений о «квадратной Скифии» через сто лет напишет Д.С. Раевский (Раевский, 1985).

И. Баламберг (Баламберг, 1848) приводит собственный перевод Скилака, современника Геродота, о Таврическом мысе, «где находится собственно Скифия и где Элины построили города Феодосию, Китею, Нимфею, Пантикапею и Мирмикон» (сохраняем написание городов в источнике) (Баламберг, 1848: 2). Ученый прекрасно ориентируется в современной ему литературе, приводя реконструкцию расположения племен скифов-сколотов и саков-сколотов по Ф. Келлеру и И. Потоцкому (Баламберг, 1848: 7). Сравнивая сообщения письменных источников с реальными наблюдениями на местности, он реконструирует расположение так называемого Киммерийского вала, по легенде, вырытого потомками киммерийцев, изгнанных скифами из Северного Причерноморья (Баламберг, 1848: 9), и очерчивает площадь, заселенную скифами (Баламберг, 1848: 11). Г. Спасский тем же методом реконструирует расположение скифской местности Илея (Гилея) (Спасский, 1848).

Другое толкование Геродотовой Скифии предпринимает П.Н. Кречетов (Кречетов, 1889). Он графически реконструирует карту Северного Причерноморья в соответствии с представлениями античных авторов и указывает, что Геродотов город Каркнит необходимо не связывать с Керкенитидой в районе нынешней Евпатории (Кречетов, 1889: 479).

П. Бурачков в 1875 году отмечал: «Что касается исследования края в отношении археологическом, то мы не имеем о сию пору ни верной карты курганов, ни планов древних городищ в том объеме, как они сохранились. Описания вещей, найденных в воображаемых пределах Геродотовой Скифии, будучи лишены приемов, усвоенных наукою, за исключением Отчетов Императорской Археологической Комиссии, представляют смешение взглядов совершенно противоположных» (Бурачков, 1875: 5-6). И П. Бурачков ставит задачи исследования скифской археологии: изучение металлургии скифов и сопоставление скифского искусства не только с сибирским, но и малоазиатским, египетским, финикийским, ассирийским. Он отрицает возможность реконструкции языковой принадлежности скифов (Бурачков, 1875: 7), но в 1882 году В.Ф. Миллером была обоснована их ираноязычность (Миллер, 1882). Исследователь проводит чисто археологические наблюдения, указывая, что в группах курганов «большие курганы должны принадлежать лицу, имевшему большое значение у народа» (Бурачков, 1875: 28), реконструирует погребальный обряд по материалам собственных раскопок курганов.

Археологические исследования скифских памятников членами Общества

Члены ООИД стремились преодолеть ситуацию, описанную П. Бурачковым. В своих отчетах Общество сообщает, что «положено начало собиранию карт, изображающих местность курганов, находящихся в неизученном множестве по всей Южной России» (Обзор..., 1848: 794), что оно «собирало сведения обо всех археологических исследованиях, производимых в Новороссийском крае» (Летопись Общества, 1863: 517).

И. Баламберг сообщает о раскопках в районе Керчи, насколько можно судить по отчету, как греческих курганов, так и курганов эллинизированной скифской знати с упоминанием захоронения коня, железных мечей, копий, ножей и т.п. (Баламберг, 1848). М. Бухтеев, вооружив «20 человек лопатами и наказав им копать с трех сторон» Александропольский курган (Бухтеев, 1848: 538), потерпел неудачу, обусловленную отсутствием необходимых знаний и средств для таких масштабных работ. Г. Спасский проводит археологическое сравнение курганов в южной России с курганами Сибири, указывает номера гробниц и ориентировку погребенных, наличие «этрасских ваз», «двуручных сосудов хорошей работы», золотых и железных перстней, браслетов, оружия, стеклянной посуды (Спасский, 1848).

Проводя наблюдения над географической обстановкой, ученые ООИД пришли к выводу, что в районе с. Белозерка «есть именно тот город, где хоронили скифских царей, и что постоянные разыскания по всей этой местности доставили бы много полезных открытий, в историческом отношении предков наших скифов» (Вертильяк, 1864). Об интересе к скифской нумизматике говорят исследования монет скифского царя Фарзоя (Мурзакевич, 1863; Блау, 1877) и наличие в мюнц-кабинете Общества к 1869 году монет скифских царей: серебряных – 2, медных – 9 (Брун, 1872: 350).

Среди приобретенных «20 экземпляров каменных баб, собранных в Екатеринославской губернии» (Летопись Общества, 1863: 906), судя по фотографии, было и скифское изваяние. Топографическая съемка семнадцати городищ на Днепре позволила выделить два самых больших, одно из которых ассоциировалось учеными ООИД с Ольвией, а другое, возле с. Знаменка (Чирков, 1867), современные археологи считают столицей скифского царства (Граков, 1954). Таким образом, члены ООИД находили памятники, которые станут мировой сенсацией в XX веке.

Н.М. Мурзакевич в октябре 1864 года, осмотрев остатки раскопанного в 1830 году богатейшего скифского кургана Куль-оба, пришел к выводу, что и Куль-Оба, и Царский курган «находятся в жалком состоянии», и с горечью констатировал: «Классическая гора, а вместе с ней и примечательная

гробница, сглаживаются с лица земли!» (Мурзакевич, 1872: 322). Общество обратилось с просьбой к ИАК о финансовой помощи в поддержке этих курганов (Струве, 1867: 566).

Члены Общества выделяют «курганы с углублением», к которым современные археологи относят скифские городища, в частности Матронинское и Жаботинское. Ученые демонстрируют большую эрудицию, сравнивая сведения античных авторов, мифологию древних славян и народов Прибалтики и свои наблюдения над формой археологических объектов (Подберезский, 1868).

В арсенале Общества – передовые для того времени методы исследования археологических находок. Так, был проведен химический анализ бронзовых скифских стрел с указанием процентного состава компонентов и соотношения меди и олова – 5, 6:1, 3, 8:1 (Меликов, 1904).

Историографические и источниковедческие работы членов ООИД по скифологии

Делая сводку по отчетам Императорской археологической комиссии о раскопках в Новороссии, О. Струве знакомит публику с исследованиями курганов Близницы, Александропольского, Чертомлыка, описывая самые эффектные находки. Он высказывает собственные предположения о принадлежности этих курганов месту захоронения скифских царей – Геродотову Герросу, говоря о необходимости «присоединить к тому весьма подробное топографическое исследование всей этой части южной России с означением бесчисленных курганов, разбросанных в тамошних степях» (Струве, 1867: 577). Обзор не дошедших до нас находок из «кургана Патиниотти» V в. до н.э. представляет несомненную ценность для современных археологов (Юргевич, 1888).

В Томе 32 помещена рецензия на книгу английского археолога Г. Минза «Скифское и греческое», вышедшую в Кембридже в 1913 году. Е. Загорский приветствует появление книги как свидетельство оживления интереса западноевропейских авторов к истории Новороссии. Ученый подчеркивает, что Г. Минза поставил своей целью ознакомить западного читателя с работами российских ученых по истории Скифии, но указывает на пропуск Г. Минзом двух значимых трудов: «Истории Украины-Руси» М.С. Грушевского (1904) и «Могилы русской земли» Д.Я. Самоквасова (1908). Автор рецензии отмечает, что английский ученый отнесся к своему труду со «старанием и любовью» (Загорский, 1915: 9), указывает на обширность интересов Г. Минза, который «должен был выступить в роли и историка, и этнографа, и археолога, и географа», что вызвало пересказ известных в русской литературе точек зрения (Загорский, 1915: 34). Рецензент подчеркивает заслуги английского ученого «в тщательном собрании доступных ему археологических и иных материалов» и утверждает, что труд Г. Минза имеет право «вызвать к себе внимание русской науки и заслужить от нее выражение признательности» (Загорский, 1915: 42).

Значительным вкладом в скифологию является подробный разбор В. Юргевичем херсонесского «Декрета в честь Диофанта» – полководца царя Понта Митридата Евпатора. Российская наука в этом декрете столкнулась с упоминанием восстания Савмака в Боспорском царстве – первом восстании, известном на территории России. Ученый предполагает, что восстание носило характер «дворцового переворота» (Юргевич, 1881: 39). Исследователь проводит построчный текстологический анализ, изучая не только текст, но и сам камень с надписью как артефакт, указывая, что на нем видны следы от установки статуи Диофанту.

В выпусках «Записок» Общества опубликованы фрагменты эпистолярного наследия А.Н. Оленина (Латышев, 1889). Граф де Сансэ в виде нумерованного списка перечисляет найденные в «кургане Патиниотти» в 1825 году вещи, тщательно описывая каждую. Эти описания говорят о тонкой наблюдательности и внимательном, можно сказать, любовном отношении автора к находкам. Например, он описывает золотую скифскую гривну, указывая «на концах резные головки льва довольно хорошей работы», «род яблока от скипетра (сосуд – Авт.), ...на нем изображены из золота различные украшения и водяные птицы..., все это прекраснейшей работы» (Латышев, 1889: 81), «очень красивый бронзовый сосуд высотой около аршина» (Латышев, 1889: 82) (котел – Авт.).

В этой же переписке приведена трактовка надписи ПАІ на шее нащитной бляхи в виде оленя из кургана Куль-Оба, данная в письме к А.Н. Оленину профессором Ф.Б. Грефе как начала имени боспорского царя Перисада (Латышев, 1889: 89). Сам А.Н. Оленин характеризует драгоценные находки из Куль-Обы как изготовленные в Сицилии, считает оленя украшением колчана и предполагает, что в кургане похоронен Фарнак – «этот недостойный сын великого Митридата» (Латышев, 1889: 96).

И.В. Тункина в своем издании трудов П. Дюбрюкса использовала «Неизданную рукопись Дюбрюкса», опубликованную в томе 15 ЗООИД, в которой П. Дюбрюкс описывал гробницы в районе Керчи, содержавшие погребения эллинизированной скифской знати (Дюбрюкс, 2010).

Об интересе ООИД к скифской археологии говорит пополнение библиотеки «Дневниками раскопок у местечка Смела» А.А. Бобринского (336 заседание ООИД, 1902: 42), «Известиями древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе» В.В. Латышева (Протоколы, 1907: 2).

Выдающийся российский скифолог и антиковед М.И. Ростовцев публикует в ЗООИД анализ античных сведений о сарматах, когда «Таврида, таким образом, была последним прибежищем независимости скифов, и не мудрено, что они вынуждены были для всей массы своих соплеменников подумать о новых местах для жительства и одновременно о том, чтобы твердо укрепить свою власть на полуострове» (Ростовцев, 1915: 57). Ученый отмечает, что скифские обряды побратимства,

«сидения на шкуре» и другие «вряд ли выдуманы Лукианом» (Ростовцев, 1915: 77), и приводит их иллюстрации в археологических памятниках скифов.

5. Заключение

Итак, несмотря на то, что в фокусе научных интересов членов ООИД находилось антиковедение, ими внесен значительный вклад и в скифологию. Члены ООИД были высокообразованными людьми, влюбленными в историю своего края, что позволяло им осуществлять историко-географические исследования, не потерявшие своего значения и в XXI веке. Несмотря на недостаток средств, а зачастую – и знаний, они проводят археологические раскопки скифских памятников и осуществляют над ними тонкие научные наблюдения. Для своего времени подобное рассмотрение нескольких источников – письменных, этнографических и географических – было, безусловно, новым и важным.

Стремясь познакомить читающую общественность с новейшими достижениями в скифологии, они составляют историографические обзоры, приводят параллельные тексты переписки известных российских археологов. Тщательная работа с эпиграфическими памятниками, в частности Декретом Диофанта, стала настоящим научным открытием. Не случайно членами Общества, публиковавшими в его «Записках» свои труды, были такие выдающиеся скифологи и антиковеды, как В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, Н.П. Кондаков, а почетным президентом Общества долгое время был правитель Новороссии граф М.С. Воронцов. Стремление членов Общества обеспечить охрану памятников древности, в том числе и скифских курганов, бескорыстное служение археологии являются вдохновляющим примером для современной общественности. Не случайно с 1959 года существует Одесское археологическое общество, а созданный по инициативе ООИД археологический музей обладает одной из уникальнейших коллекций в мире. Внимание государства к работе подобных обществ и их самоотверженное служение науке востребованы и в наши дни.

Литература

336 заседание ООИД, 1902 – 336 заседание Одесского Общества Истории и Древностей // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: Экономическая типография и литография, 1902. Т. 24. С. 40-48.

Баламберг, 1848 – Баламберг И. Некоторые места древней географии Тавриды // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: В городской типографии, 1848. Т. 2. С. 2-19.

Баламберг, 1848 – Баламберг И. Археологические разыскания в Керчи // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: В городской типографии, 1848. Т. 2. С. 815-820.

Блау, 1877 – Блау О. Инородческие монеты, чеканенные в Ольвии // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: Славянская типография М. Городецкого и К, 1877. Т. 10. С. 415-416.

Брун, 1872 – Брун Ф. Тридцатилетие Одесского Общества Истории и Древностей, его записки и археологические собрания // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: Типография Х. Аликсомати, 1872. Т. 8. С. 328-351.

Бурачков, 1875 – Бурачков П. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: Типография Х. Аликсомати, 1875. Т. 9. С. 1-133.

Бухтеев, 1853 – Бухтеев М. Александропольский курган // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: В городской типографии, 1853. Т. 3. С. 535-539.

Вертильяк, 1864 – Вертильяк Н. Описание Белозерского городка // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: В городской типографии, 1864. Т. 4. С. 143-145.

Граков, 1954 – Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 240 с.

Дюбрюкс, 2010 – Дюбрюкс П. Собрание сочинений / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Коло. 2010. Т. 1. Тексты. 787 с.

Загоровский, 1915 – Загоровский Е.А. Новая книга о скифах и понтийских греках // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: «Славянская» типография Е. Христогелос, 1915. Т. 32. С. 27-42.

Клейн, 2011 – Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2-х тт. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. Т. 1. 688 с.

Клейн, 2014 – Клейн Л.С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.

Кречетов, 1889 – Кречетов П.Н. Письма о Геродотовой Скифии // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. 1889. Т. 15. С. 457-495.

Латышев, 1889 – Латышев В. К истории археологических исследований в Южной России (Из переписки А.Н. Оленина) // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: Типография А. Шульце, 1889. Т. 15. С. 61-115.

- Летопись Общества, 1863** – Летопись Общества // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: В Городской типографии, содержащейся Х. Аликсомати, 1863. Т. 5. С. 906.
- Летопись Общества, 1881** – Летопись Общества // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: Франко-Русская типография Л. Даникана, 1881. Т. 12. С. 434.
- Летопись Общества, 1853** – Летопись Общества // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: В городской типографии, 1853. Т. 3. С. 517.
- Марков, 1888** – *Марков А.К.* Императорское Одесское общество истории и древностей: Обзор его деятельности за 1839–1888 гг. // *Вестник археологии и истории*. 1888. Вып. 7. Отд. 3. С. 22-33.
- Меликов, 1904** – *Меликов П.Г.* Химический анализ древних бронзовых стрел // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1904. Т. 25. С. 17-19.
- Миллер, 1882** – *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. М.: Издательство Московского Императорского университета, 1882. Т. 2. 302 с.
- Мурзакевич, 1863** – *Мурзакевич Н.Н.* Монета Скифского царя Фарсоия // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: В Городской типографии, содержащейся Х. Аликсомати, 1863. Т. 5. С. 593-594.
- Мурзакевич, 1872** – *Мурзакевич Н.Н.* Донесения Обществу // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. В Городской типографии, содержащейся Х. Аликсомати, 1872. Т. 8. С. 318-322.
- Обзор..., 1848** – Обзор действий Общества с 14-го Ноября 1843 по 14-е Ноября 1849 года // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: В городской типографии, 1848. Т. 2. С. 791-795.
- Подберезский, 1868** – *Подберезский А.* О курганах обрядовых в южной России // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: В городской типографии, содержащейся Х. Аликсомати, 1868. Т. 7. С. 256-274.
- Протоколы, 1907** – Протоколы заседаний общества за 1905 год // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1907. Т. 27. С. 2.
- Раевский, 1985** – *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Ростовцев, 1915** – *Ростовцев М.И.* Амага и Тиргатао // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. 1915. Т. 32. С. 58-77.
- Ростовцев, 1918** – *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на Юге России. Петроград: Издательство «Огни», 1918. 155 с.
- Рыстенко, 1910** – *Рыстенко А.В.* Рукописи, принадлежащие библиотеке Императорского Одесского Общества Истории и Древностей // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: «Славянская» типография Е. Христогелос, 1910. Т. 28. С. 35-120.
- Смирнов, 2011** – *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи: (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.
- Спаский, 1848** – *Спаский Г.* О местоположении древнего города Каркинита и об его монетах // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: В городской типографии, 1848. Т. 2. С. 20-35.
- Спаский, 1853** – *Спаский Г.* О сходстве курганов в южной России с курганами в южной Сибири // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: В городской типографии, 1853. Т. 3. С. 528-534.
- Струве, 1867** – *Струве О.* Археологические изыскания в южной России, по отчетам Императорской Археологической Комиссии // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: В городской типографии, содержащейся Х. Алексомати. 1867. Т. 6. С. 555-591.
- Тункина, 2002** – *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Фармаковский, 1914** – *Фармаковский Б.В.* Архаический период на Юге России // *Материалы по археологии России*. 1914. Вып. 34. С. 15-78.
- Чирков, 1867** – *Чирков Л.* Краткий очерк городищ, находящихся по Днепру и его Лиману // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: В городской типографии, содержащейся Х. Алексомати, 1867. Т. 6. С. 546-550.
- Шаманаев, 2006** – *Шаманаев А.В.* Вопросы охраны историко-культурного наследия в «Записках Одесского общества истории и древностей» // *Документ. Архив. История. Современность*. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.ru/doc/699188/shamanaev-a.-v.-voprosy-ohrany-istoriko> (дата обращения 02.01.2022).
- Шаманаев, 2005** – *Шаманаев А.В.* Организация и финансирование археологических исследований Одесского общества истории и древностей в Херсонесе (1876–1886 гг.) // *Проблемы истории России*. Екатеринбург, 2005. Вып. 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3321/2/pristr-06-13.pdf> (дата обращения 02.01.2022).
- Юргевич, 1881** – *Юргевич В.* Псифисм древнего города Херсониса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата-Евпатора, за покорение Крыма и освобождение

херсонесцев от владычества скифов // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: Франко-Русская типография Л. Даникана, 1881. Т. 12. С. 1-48.

Юргевич, 1888 – Юргевич В. Об археологических разысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского Общества истории и древностей // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: Типография А. Шульце, 1888. Т. 14. С. 27-51.

References

336 zasedanie OOID, 1902 – 336 zasedanie Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei [336 meeting of the Odessa Society of History and Antiquities]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya i litografiya, 1902. 24: 40-48 [in Russian]

Balamberg, 1848 – Balamberg, I. (1848). Arkheologicheskie razyskaniya v Kerchi [Archaeological investigations in Kerch]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V gorodskoi tipografii, 1848. 2: 815-820. [in Russian]

Balamberg, 1848 – Balamberg, I. (1848). Nekotorye mesta drevnei geografii Tavridy [Some places of ancient geography of Taurida]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V gorodskoi tipografii, 1848. 2: 2-19. [in Russian]

Blau, 1877 – Blau, O. (1877). Inorodcheskie monety, chekanennyye v Ol'vii [Foreign coins minted in Olbia]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: Slavyanskaya tipografiya M. Gorodetskogo i K. 10: 415-416. [in Russian]

Brun, 1872 – Brun, F. (1872). Tridtsatiletie Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei, ego zapiski i arkheologicheskie sobraniya sobraniya [The thirtieth anniversary of the Odessa Society of History and Antiquities, its notes and archaeological collections]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: Tipografiya Kh. Aliksomati. 8: 328-351. [in Russian]

Bukhteev, 1853 – Bukhteev, M. (1853). Aleksandropol'skii kurgan [Alexandropolsky kurgan]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V gorodskoi tipografii. 3: 535-539. [in Russian]

Burachkov, 1875 – Burachkov, P. (1875). O mestopolozhenii drevnego goroda Karkinitesa i monetakh emu prinallezhashchikh [About the location of the ancient city of Karkinites and the coins belonging to it] *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: Tipografiya Kh. Aliksomati. 9: 1-133. [in Russian]

Chirkov, 1867 – Chirkov, L. (1867). Kratkii ocherk gorodishch, nakhodyashchikhsya po Dnepru i ego Limanu [A brief sketch of the settlements located along the Dnieper and its Estuary]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V gorodskoi tipografii, soderzhashcheysya Kh. Aliksomati. 6: 546-550. [in Russian]

Dyubryuks, 2010 – Dyubryuks, P. (2010). Sobranie sochinenii [Collected works]. Sost. i otv. red. I.V. Tunkina. SPb.: Kolo. Vol. 1. Teksty. 787 p. [in Russian]

Farmakovskii, 1914 – Farmakovskii, B.V. (1914). Arkhaicheskii period na Yuge Rossii [Archaic period in the South of Russia]. *Materialy po arkheologii Rossii*. 34: 15-78. [in Russian]

Grakov, 1954 – Grakov, B.N. (1954). Kamenskoe gorodishche na Dnepre [Kamenskoye settlement on the Dnieper]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 240 p. [in Russian]

Klein, 2011 – Klein, L.S. (2011). Istoriya arkheologicheskoi mysli [History of Archaeological thought]. V 2-kh tt. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. 1: 688. [in Russian]

Klein, 2014 – Klein, L.S. (2014). Istoriya rossiiskoi arkheologii. Ucheniya, shkoly i lichnosti vremya [History of russian archeology. Teachings, schools and personalities]. T. 1. Obshchii obzor i dorevolyutsionnoe vremya. SPb.: EVRAZIYA, 704 p. [in Russian]

Krechetov, 1889 – Krechetov, P.N. (1889). Pis'ma o Gerodotovoii Skifii [Letters about Herodotus Scythia]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa, Tipografia A. Shultse. 15: 457-495. [in Russian]

Latyshev, 1889 – Latyshev, V. (1889). K istorii arkheologicheskikh issledovaniy v Yuzhnoi Rossii (Iz perepiski A.N. Olenina) [On the history of archaeological research in Southern Russia (From the correspondence of A.N. Olenin)]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse. 15: 61-115. [in Russian]

Letopis' Obshchestva, 1853 – Letopis' Obshchestva [Chronicle of the Society]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V gorodskoi tipografii, 1853. 3: 517. [in Russian]

Letopis' Obshchestva, 1863 – Letopis' Obshchestva [Chronicle of the Society]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V Gorodskoi tipografii, soderzhashcheysya Kh. Aliksomati, 1863. Vol. 5. pp.906 [in Russian]

Letopis' Obshchestva, 1881 – Letopis' Obshchestva [Chronicle of the Society]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: Franko-Russkaya tipografiya L. Danikana, 1881. 12: 434. [in Russian]

Markov, 1888 – Markov, A.K. (1888). Imperatorskoe Odesskoe obshchestvo istorii i drevnostei: Obzor ego deyatel'nosti za 1839-1888 gg. [Imperial Odessa Society of History and Antiquities: A review of its activities for 1839-1888]. *Vestnik arkheologii i istorii*. Otd. 3. 7: 22-33. [in Russian]

- Melikov, 1904** – *Melikov, P.G.* (1904). Khimicheskii analiz drevnikh bronzovykh strel [Chemical analysis of ancient bronze arrows]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: «Ekonomicheskaya» tipografiya i litografiya. 25: 17-19. [in Russian]
- Miller, 1882** – *Miller, V.F.* (1882). Osetinskie etyudy [Ossetian studies]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Imperatorskogo universiteta. 2: 302. [in Russian]
- Murzakevich, 1863** – *Murzakevich, N.N.* (1863). Moneta Skifskogo tsarya Farsoiya [Coin of the Scythian king Pharsoi]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V Gorodskoi tipografii, sodержashcheysya Kh. Aliksomati. 5: 593-594. [in Russian]
- Murzakevich, 1872** – *Murzakevich, N.N.* (1872). Doneseniya Obshchestvu [Reports to Society]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. V Gorodskoi tipografii, sodержashcheysya Kh. Aliksomati. 8: 318-322. [in Russian]
- Obzor..., 1848** – Obzor deistvii Obshchestva s 14-go Noyabrya 1843 po 14-e Noyabrya 1849 goda [Review of the actions of the Society from November 14, 1843 to November 14, 1849]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V gorodskoi tipografii, 1848. 2: 791-795. [in Russian]
- Podberezskii, 1868** – *Podberezskii, A.* (1868). O kurganakh obryadovykh v yuzhnoi Rossii [About ritual burial mounds in southern Russia]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V Gorodskoi tipografii, sodержashcheysya Kh. Aliksomati. 7: 256-274. [in Russian]
- Protokoly, 1907** – Protokoly zasedanii obshchestva za 1905 god [Minutes of the meetings of the society for 1905]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: «Ekonomicheskaya» tipografiya i litografiya, 1907. 27: 2. [in Russian]
- Raevskii, 1985** – *Raevskii, D.S.* (1985). Model' mira skifskoi kul'tury [Model of the world of Scythian culture]. M.: Nauka, 256 p. [in Russian]
- Rostovtsev, 1915** – *Rostovtsev, M.I.* (1915). Amaga i Tirgatao [Amaga and Tirgatao]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. 32: 58-77. [in Russian]
- Rostovtsev, 1918** – *Rostovtsev, M.I.* (1918). Ellinstvo i iranstvo na Yuge Rossii [Hellenism and Iranism in the South of Russia]. Petrograd: Izdatel'stvo «Ogni», 155 p. [in Russian]
- Rystenka, 1910** – *Rystenka, A.V.* (1910). Rukopisi, prinadlezhashchie biblioteke Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei [Manuscripts belonging to the library of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: «Slavyanskaya» tipografiya E. Khristogelos. 28: 35-120. [in Russian]
- Shamanaev, 2005** – *Shamanaev, A.V.* (2005). Organizatsiya i finansirovanie arkhologicheskikh issledovaniy Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei v Khersonese (1876–1886 gg.) [Organization and financing of archaeological research of the Odessa Society of History and Antiquities in Chersonese (1876–1886)] *Problemy istorii Rossii*. Ekaterinburg, 2005. Vol. 6 [Electronic resource]. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3321/2/pristr-06-13.pdf> (date of access: 02.01.2022). [in Russian]
- Shamanaev, 2006** – *Shamanaev, A.V.* (2006). Voprosy okhrany istoriko-kul'turnogo naslediya v «Zapiskakh Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei» [Issues of protection of historical and cultural heritage in the "Notes of the Odessa Society of History and Antiquities"]. Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. Ekaterinburg. 6 [Electronic resource]. URL: <https://studylib.ru/doc/699188/shamanaev-a.-v.-voprosy-okhrany-istoriko> ((date of access: 02.01.2022). [in Russian]
- Smirnov, 2011** – *Smirnov, A.S.* (2011). Vlast' i organizatsiya arkhologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii: (oчерki institutsional'noi istorii nauki XIX – nachala XX) [The power and organization of archaeological science in the Russian Empire: (essays on the institutional history of Science of the XIX – early XX)]. M.: Institut arkhologii RAN, 592 p. [in Russian]
- Spasskii, 1848** – *Spasskii, G.* (1848). O mestopolozhenii drevnego goroda Karkinita i ob ego monetakh [About the location of the ancient city of Karkinita and about its coins]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V Gorodskoi tipografii. 2: 20-35. [in Russian]
- Spasskii, 1853** – *Spasskii, G.* (1853). O skhodstve kurganov v yuzhnoi Rossii s kurganami v yuzhnoi Sibiri [On the similarity of mounds in southern Russia with mounds in southern Siberia]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V Gorodskoi tipografii. 3: 528-534. [in Russian]
- Struve, 1867** – *Struve, O.* (1867). Arkheologicheskie izyskaniya v yuzhnoi Rossii, po otchetam Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii [Archaeological surveys in southern Russia, according to the reports of the Imperial Archaeological Commission]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V gorodskoi tipografii, sodержashcheysya Kh. Aleksomati. 6: 555-591. [in Russian]
- Tunkina, 2002** – *Tunkina, I.V.* (2002). Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) [Russian science of classical antiquities of the South of Russia (XVIII – mid-XIX century)]. Sankt-Petersburg: Nauka, 676 p. [in Russian]
- Vertil'yak, 1864** – *Vertil'yak, N.* (1864). Opisanie Belozerskogo gorodki [Description of the Belozersky town]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: V gorodskoi tipografii. 4: 143-145. [in Russian]
- Yurjevich, 1881** – *Yurjevich, V.* (1881). Psifism drevnego goroda Khersonisa o naznachanii pochestei i nagrad Diofantu, polkovodtsu Mitridata-Evpatora, za pokorenie Kryma i osvobodzhenie khersonestsev ot vladychestva skifov [Psifism of the ancient city of Chersonis on the appointment of honors and awards to

Diophantus, the commander of Mithridates-Evpator, for the conquest of the Crimea and the liberation of the Chersonese from the rule of the Scythians]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: Franko-Russkaya tipografiya L. Danikana. 12: 1-48. [in Russian]

Yurjevich, 1888 – Yurjevich, V. (1888). Ob arkheologicheskikh razyskaniyakh i otkrytiyakh v Yuzhnoi Rossii, predshestvovavshikh uchrezhdeniyu Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostei [On archaeological investigations and discoveries in Southern Russia that preceded the establishment of the Odessa Society of History and Antiquities]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse. 14: 27-51. [in Russian]

Zagorovskii, 1915 – Zagorovskii, E.A. (1915). Novaya kniga o skifakh i pontiiskikh grekakh [A new book about the Scythians and Pontic Greeks]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa: «Slavyanskaya» tipografiya E. Khristogelos. 32: 27-42. [in Russian]

Императорское Одесское археологическое общество и его роль в развитии скифской археологии

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Елена Ивановна Лелина ^b

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена изучению скифской археологии Одесским обществом истории и древностей, одним из старейших археологических обществ в России. Основное внимание Общество уделяло изучению античной археологии, а также истории освоения Новороссийского края. Историография деятельности Общества включает анализ различных аспектов деятельности Общества, биографий его членов и работ по истории античности. Изучение деятельности Общества в области скифологии рассматривается впервые, что составляет новизну данной статьи. Скифы внесли значительный вклад в мировую культуру, поэтому открытие каждой новой страницы в изучении истории этого народа представляется актуальным. На примере Одесского общества истории и древностей прослеживается государственная политика Дома Романовых в области охраны памятников археологии, которая проявлялась в августейшем покровительстве Обществу и ежегодных субсидиях на его нужды. Ученые Одесского общества истории и древностей были пионерами историко-географических исследований Северного Причерноморья. Они искали аналогии в географических объектах Новороссии сообщениям античных авторов о скифах, предпринимали попытки исторической интерпретации археологических памятников, применяли химические методы анализа находок. Выполненные членами Общества историографические обзоры трудов по скифологии знакомили российскую общественность с новейшими достижениями в этой области. Эпиграфические и нумизматические исследования, публикации эпистолярного наследия российских археологов осуществлены на высоком для своего времени уровне. Не случайно членами Общества были выдающиеся отечественные и зарубежные скифологи и антиковеды, такие как М.И. Ростовцев, Н.П. Кондаков, В.В. Латышев, Н.И. Веселовский.

Ключевые слова: Романовы, Одесское общество истории древностей, история археологии, скифы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов), oksana_rafalyuk@mail.ru (Е.И. Лелина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 189-198
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.189

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2

Olga V. Natolochnaya ^{a, b, *}, Ruslan M. Allalyev ^{c, d}, Alexey V. Dyuzhov ^d, Svetlana V. Petrova ^e

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^e Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the system of public education in the Caucasus (the territory of the Caucasian Educational District) on the basis of extensive statistical material. This part analyzes the development of the system of public education in the period of 1900–1917.

The source base for the study was the annual “The Reports of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions of the Caucasian educational district”. These reports were published in the period of 1884–1914. They reflected data on the system of public education subordinate to the Ministry of Public Education.

In conclusion, the authors state that the system of public education on the territory of the Caucasian educational district at the beginning of the 20th century continued to develop dynamically. For 14 years from 1900 to 1914 the number of educational institutions and the number of students increased by 2.5 times. The greatest successes were in the field of secondary and primary education, where the number of educational institutions increased by 3 times, lower education developed less dynamically.

As for the gender balance among students, the female education during this period made a significant breakthrough in primary school, where the proportion of girls increased from 25 to 33 %. At the same time, in secondary school by 1914, almost parity was already observed between boys and girls. All this testified, in the authors' view, that public education has firmly entered the way of life of the population in the Caucasus.

Keywords: Caucasian educational district, 1848–1917, public education system, historical and statistical research.

1. Введение

Как мы уже отмечали, «Кавказ дороссийского периода был одной сплошной территорией геополитических противоречий между разными странами, которые пытались получить ее в качестве сферы своего влияния» (Natolochnaya et al., 2021: 1795). Значительное количество малых народов с их самобытной культурой, языками, религиозными верованиями – все это составляло значительные проблемы для стабильности в регионе, в результате постоянно осуществлялись набеги с целью захвата пленников и наводнения ими невольничьих рынков не только Кавказа, но и Турции, Персии и Центральной Азии. После присоединения Кавказа к России начался сложный процесс государственного строительства в регионе, и важная роль в этом деле отводилась созданию сперва кавказской системы народного образования (с региональными особенностями), а потом

* Corresponding author

E-mail addresses: incfar.natolochnaya@gmail.com (O.V. Natolochnaya)

унифицированной системы по стандартам Российской империи. К 1900 г. Кавказский учебный округ располагал уже значительной сетью учебных заведений, которая включала в себя среднюю, низшую и начальную ступени. В данной части статьи мы хотели бы рассмотреть развитие системы народного просвещения на Кавказе в период 1900–1917 гг.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы исследования выступали ежегодные «Отчеты попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа», которые издавались в период 1884–1914 гг. В них нашли отражение данные о системе народного образования, подведомственной Министерству народного просвещения.

Отчеты рассматриваемого нами периода готовились разными чиновниками, и иногда это отражалось на качестве публикуемых материалов. Так, например, для искусственного увеличения количества учащихся в средних учебных заведениях в 1907 и 1908 гг. включали всех без исключения учащихся частных учебных заведений, которые, как известно, подразделялись на среднюю, низшую и начальную ступени образования.

Методология нашего исследования базируется на широком применении статистического метода, благодаря которому была обобщена и проанализирована разнообразная статистическая информация по разным типам кавказских учебных заведений (средних, низших и начальных). При этом важное внимание уделялось не только числу учебных заведений, но и количеству учащихся Кавказского учебного округа, а также их гендерному составу.

3. Обсуждение

Тема народного просвещения на территории Российской империи является одной из актуальных в историографии. Как правило, тематика исследований находится в трех проблемных полях: вопросы народного образования в общероссийском масштабе, вопросы народного образования в региональном масштабе (на примере губерний и областей) и частные вопросы (на примере отдельных местечек, городов или учебных заведений).

Постараемся привести примеры таких исследований.

Вопросами народного образования в общероссийском масштабе занимались такие авторы, как А.А. Черкасов ([Cherkasov, 2011](#)), который одним из первых поставил под сомнение советскую трактовку о неэффективности дореволюционной школы. Позднее этот же автор в составе коллектива рассмотрел историю церковно-приходских школ в Российской империи в период 1860–1917 гг. ([Cherkasov et al., 2020](#)). Данное исследование базировалось на ежегодных отчетах обер-прокурора Святейшего синода. А.А. Овсянникова рассматривала систему народного образования России в период со второй половины XIX до начала XX веков ([Овсянникова, 2017](#)). О.В. Натолочная совместно с коллективом авторов обращалась к истории народного образования в патриарший период (1593–1721 гг.) ([Natolochnaya et al., 2021](#)).

Что касается региональных работ, то здесь можно отметить труды С.И. Дегтярева, исследовавшего систему народного образования на территории украинских губерний ([Degtyarev et al., 2020](#)); А.М. Мамадалиева, уделившего внимание аналогичным процессам на территории Тифлисской и Кутаисской губерний ([Mamadaliyev et al., 2020](#); [Mamadaliyev et al., 2020a](#); [Mamadaliyev et al., 2020b](#); [Mamadaliyev et al., 2020c](#); [Mamadaliyev et al., 2021](#); [Mamadaliyev et al., 2021a](#); [Mamadaliyev et al., 2021b](#)); Т.А. Магсумова, рассматривавшего народное образование на территории Карской области и Бакинской губернии ([Magsumov et al., 2020](#); [Magsumov et al., 2020a](#); [Magsumov et al., 2021](#); [Magsumov et al., 2021a](#)); а также В.С. Молчановой, изучавшей народное образование на территории Кубанской области ([Molchanova et al., 2019](#); [Molchanova et al., 2019a](#); [Molchanova et al., 2020](#)). Наряду с региональной тематикой, предпринимались попытки рассмотрения и таких вопросов, как коммерческое (частное) образование на Кавказе. К этой теме обратился, например, К.В. Таран совместно с авторским коллективом ([Taran et al., 2021](#)).

Частные вопросы, относящиеся к системе народного образования, исследовали, например, такие авторы, как К.К. Полещук, изучавший московскую систему народного образования ([Полещук, 2017](#)); А.В. Золотарев, который обратился к истории мужской прогимназии в Брянске ([Золотарев, 2016](#)). Авторы уделяли внимание и теме доступности женского образования. Так, этой теме на примере города Курска посвятили свою работу А.Д. Медведев и Н.А. Постников ([Медведев, Постников, 2020](#)).

4. Результаты

Общеизвестно, что система народного образования в Российской империи делилась на три ступени: начальное, низшее и среднее образование. В рассматриваемое время на Кавказе были представлены все три типа учебных заведений. Как уже мы отмечали в предыдущей части статьи, к 1900 г. количество средних учебных заведений на территории Кавказского учебного округа достигло 55, количество низших – 84, а количество начальных школ только системы народного

просвещения – 1902 (Natolochnaya et al., 2021: 1795). В последующий период, вплоть до Первой мировой войны, система народного образования на Кавказе продолжит свое развитие.

Рассмотрим ступени народного образования по отдельности.

Среднее образование

В начале XX века к средним учебным заведениям относились мужские и женские гимназии и прогимназии, реальные училища, учительские институты, учительские семинарии и средние технические училища. Систему среднего образования в период с 1900 по 1914 гг. мы свели в [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Средние учебные заведения на Кавказе в 1900–1914 гг. (Отчет, 1901: 582, 604–605; Отчет, 1905: 578, 600–601; Отчет, 1908: 156–158; Отчет, 1909: 34, 78, 202; Отчет, 1910: 2, 77, 125, 200, 230; Отчет, 1911: 2, 77, 124, 158, 188–189; Отчет, 1912: 2, 77, 124, 158–159; Отчет, 1913: 3, 64–65, 126–127, 148–149, 209; Отчет, 1914: 3, 65, 127, 149, 172–175; Отчет, 1915: 2–3, 123, 186–187, 212–213, 260)

Годы	Количество учебных заведений								Количество учащихся			
	Гимназий		Прогимназий		Реальное училище	Среднее тех. уч.	Учительский институт	Учительская семинария	Всего	Мальчиков	Девочек	Всего
	Мужских	Женских	Мужских	Женских								
1900	12	17	1	7	10	-	1	4	52	11 786	9 627	21 413
1904	13	21	1	13	13	-	1	5	67	14 684	13 773	28 457
1907	18	33	7	12	16	1	1	5	93	22 891	18 007	40 898
1908	18	35	7	10	16	1	1	5	93	23 581	20 609	44 190
1909	19	35	8	10	18	1	1	7	99	19 485	17 467	36 952
1910	19	37	8	7	20	1	1	8	101	20 448	18 138	38 586
1911	23	40	10	5	23	1	1	8	111	21 792	19 359	41 151
1912	23	44	12	10	25	1	2	9	126	23 154	20 589	43 739
1913	26	50	14	8	25	1	3	9	136	24 497	22 148	46 645
1914	28	56	12	6	25	1	3	10	141	24 835	23 264	48 099

Анализируя [Таблицу 1](#), важно также отметить, что в 1907 и в 1908 гг. в показатели количества учащихся средних учебных заведений начали ошибочно включаться и частные учебные заведения, среди которых, как известно, выделялись три группы учебных заведений: 1-го разряда (гимназии и прогимназии), 2-го разряда – низшие учебные заведения и 3-го разряда – начальные учебные заведения – таким образом, относить все три разряда к среднему образованию, на наш взгляд, было ошибочно. Реальное же количество учащихся должно было быть меньше: в 1907 г. – на 6,5 тыс., а в 1908 г. – на 7,2 тыс.

Что касается количественных данных, то мы можем видеть, что в период с 1900 по 1914 гг. число мужских гимназий и прогимназий на Кавказе возросло с 13 до 40, то есть более чем в 3 раза, а женских учебных заведений – с 24 до 62. С 10 до 25 возросло количество реальных училищ. В 3 раза увеличилось число учительских институтов и в 2,5 раза – учительских семинарий. В целом общее количество средних учебных заведений возросло почти в 3 раза – с 52 до 141, а количество учащихся увеличилось почти в 2,5 раза. Что касается их гендерного состава, то между группами был практически паритет (24,8 тыс. мальчиков и 23,2 девочек).

Несколько слов скажем и о среднем значении учащихся на одно учебное заведение. В 1900 г. на одно среднее учебное заведение приходилось по 411 учащихся, а в 1914 г. это значение снизилось до 341 человека. Причиной сокращения среднего контингента, на наш взгляд, стала доступность среднего образования: учебные заведения были открыты даже в тех местах, где на них спрос был не очень высоким.

Помимо средних учебных заведений, на Кавказе еще работали и педагогические курсы по подготовке учителей. Так, например, в 1907 г. такие курсы велись уже в восьми местах на территории Кавказского учебного округа ([Отчет, 1908: 156](#)).

Традиционно большое внимание в средних учебных заведениях уделялось формированию библиотечных фондов. Напомним, что к 1900 г. библиотечные фонды располагали 311 тыс. томов в фундаментальных и ученических библиотеках кавказских средних учебных заведений.

По состоянию на 1 января 1915 г. совокупный библиотечный фонд средних учебных заведений на Кавказе составлял уже 878 639 томов (Отчет, 1915: 47-319). Таким образом, за 14 лет он возрос в почти в 3 раза.

Низшее образование

К низшим учебным заведениям относились высшие начальные и городские училища, горские и ремесленные школы, а также Мариинские женские училища. Данные о низших учебных заведениях мы свели в [Таблицу 2](#).

Таблица 2. Низшие учебные заведения на Кавказе в 1900–1914 гг. (Отчет, 1901: 582, 604; Отчет, 1905: 578, 600; Отчет, 1908: 156-158; Отчет, 1909: 200; Отчет, 1910: 230, 264, 290-293, 405; Отчет, 1911: 124, 264, 290-293, 405; Отчет, 1912: 124, 264, 290-293, 390-391; Отчет, 1913: 126-127, 232, 250-252, 346-347; Отчет, 1914: 127, 286, 304-309, 439; Отчет, 1915: 186-187, 430; Отчет, 1915: 466-474, 690-691)

Годы	Количество учебных заведений							Количество учащихся ¹
	Высшее начальное училище	Городское училище	Горская школа	Ремесленное, промышленное училище	Низшее техническое училище	Мариинское училище	Всего	
1900	-	45	4	17	-	6	72	16 158
1904	-	67	4	22	-	8	101	18 315
1907	-	70	4	20	1	8	103	19 955
1908	-	73	4	20	1	9	107	17 824
1909	-	76	3	20	1	9	110	18 274
1910	-	80	3	21	1	9	115	19 370
1911	-	89	3	22	1	9	124	20 973
1912	5	90	3	22	1	9	130	21 536
1913	34	88	3	23	1	9	158	24 022
1914	137	14	3	23	1	9	187	24 480

Анализируя [Таблицу 2](#), можно констатировать, что низшее образование на территории Кавказа в указанный период развивалось не столь динамично, как ранее (напомним, что в период с 1884 по 1900 гг. количество низших учебных заведений увеличилось в 3 раза, а количество учащихся – в 4,5). Тем не менее количество городских и высших начальных училищ увеличилось более чем в 3 раза. Количество Мариинских женских училищ увеличилось наполовину – с 6 до 9. Рост наблюдался и в ремесленных училищах – с 17 до 23. Тем не менее незначительная отрицательная динамика была среди горских школ, количество которых с 4 снизилось до 3. Несмотря на трехкратный рост низших учебных заведений, количество учащихся возросло только на 50 % (в абсолютных цифрах – с 16 до 24 тыс. человек).

Несколько слов о среднем количестве учащихся. В 1900 г. на одно низшее учебное заведение приходилось 224 ученика, в 1914 г. это значение, как и в случае со средним образованием, снизилось до 130 человек. Причины этого явления были аналогичными.

Что же касается библиотечных фондов, то и здесь было отмечено увеличение фондов для самостоятельного обучения учащихся. Напомним, что в 1900 г. в библиотечном фонде низших учебных заведений насчитывалось 177 964 тома, что в среднем составляло по 2 472 книги на одно низшее учебное заведение (Отчет, 1901: 583). Однако по состоянию на 1 января 1915 г. совокупный библиотечный фонд уже насчитывал 501 400 томов (Отчет, 1915: 443-721), иными словами, библиотечный фонд низших учебных заведений за 14 лет возрос в 2,8 раза.

Начальное образование

К начальным учебным заведениям относились одно- и двухклассные городские и сельские училища, подчиненные Кавказскому учебному округу. Рассматриваемый нами период пришелся на время подготовки Министерством народного просвещения реформы по введению всеобщего

¹ В числе обучающихся были только мальчики, исключение составляли только Мариинские женские училища.

начального образования. Начатая в 1908 г. 10-летняя программа по подготовке данного проекта привела к мощному финансированию начальных школ как в России, так и на Кавказе. Имеющиеся статистические данные о начальных училищах на территории Кавказа мы свели в [Таблицу 3](#).

Таблица 3. Начальные училища на территории Кавказа в 1900–1914 гг. (Отчет, 1901: 570, 582, 604-605; Отчет, 1905: 566, 578, 600; Отчет, 1908: 156-158; Отчет, 1909: 201, 292; Отчет, 1910: 390, 392; Отчет, 1911: 390, 392; Отчет, 1912: 448; Отчет, 1913: 334-336; Отчет, 1914: 426-428; Отчет, 1915: 669, 672)

Годы	Училища		Всего училищ	Количество учащихся		
	Двуклассные училища	Одноклассные училища		Мальчиков	Девочек	Всего
1900	283	1338	1 621	93 445	29 370	122 815
1904	423	1835	2 258	138 816	48 069	179 615
1907	-	-	2 386	150 958	55 201	206 159
1908	-	-	2 454	160 235	61 367	221 602
1909	-	-	2 616	171 795	69 108	240 903
1910	-	-	2 836	185 747	75 936	261 683
1911	-	-	3 272	202 062	85 085	287 147
1912	-	-	3 665	220 597	95 207	315 804
1913	-	-	4 467	242 061	110 658	352 719
1914	-	-	4 631	253 536	120 908	374 444

В [Таблице 3](#) мы можем видеть 3-кратный рост количества начальных учебных заведений – с 1621 до 4631. Аналогичный рост наблюдается и среди учащихся – со 122 тыс. человек до 374 тыс. Обращает на себя внимание гендерный баланс учащихся: если в 1900 г. девочек насчитывалось лишь 25 %, то к 1914 г. – 33 % от общего количества учащихся. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что большая часть мальчиков на Кавказе уже была охвачена начальными школами, что и предопределило заметные успехи в деле женского начального образования.

Теперь о средних значениях на одну школу. В 1900 г. на одну школу приходилось в среднем 75 учеников, а в 1914 г. этот показатель возрос до 80 человек. Несмотря на массовое открытие начальных школ, они продолжали переполняться учениками, что свидетельствовало о востребованности начального образования.

Частное образование

Частное образование в Российской империи, как мы уже отмечали, делилось на разряды: 1-й – соответствовал среднему образованию, 2-й – низшему и 3-й – начальному. Данные о частном образовании из ежегодных отчетов попечителя Кавказского учебного округа мы свели в [Таблицу 4](#).

Таблица 4. Частные учебные заведения на Кавказе в 1900–1914 гг. (Отчет, 1901: 518, 582, 604; Отчет, 1905: 514, 578, 600; Отчет, 1908: 454; Отчет, 1909: 466; Отчет, 1910: 464; Отчет, 1911: 464; Отчет, 1912: 466; Отчет, 1913: 392-393; Отчет, 1914: 486-487; Отчет, 1915: 784-785)

Годы	Количество учебных заведений				Количество учащихся
	1-й разряд	2-й разряд	3-й разряд	Всего	
1900	3	12	142	157	8 265
1904	2	11	128	141	7 864
1907	7	18	94	119	7 255
1908	9	27	106	142	8 201
1909	7	33	96	136	7 537
1910	8	34	103	145	9 677
1911	7	43	93	143	10 434

1912	6	35	104	145	9 813
1913	7	28	99	134	8 672
1914	32	20	83	135	8 495

Данные [Таблицы 4](#) показывают, что частное образование на Кавказе как до 1900 г., так и после не отличалось своей стабильностью. Число средних учебных заведений (1-й разряд) постоянно колебалось от 2 до 32, аналогичный процесс был и среди низших учебных заведений – от 11 до 43. Что же касается начальных частных заведений, то реализация программы введения всеобщего начального образования и создания большого количества школ системы Министерства народного просвещения просто выдавливало частные учебные заведения из этого сегмента (их число сократилось со 142 в 1900 г. до 83 в 1914 г.). В 1914 г. небывалый (10-кратный) рост частных заведений наблюдался в сегменте средних учебных заведений. При этом практически на протяжении всего рассматриваемого периода рост количества учащихся практически отсутствовал.

Для обобщения всех приведенных данных из [Таблиц 1–4](#) мы свели все количественные данные в [Таблицу 5](#), что позволило нам создать целостную картину о системе народного образования на Кавказе в 1900–1914 гг.

Таблица 5. Сеть учебных заведений на территории Кавказского учебного округа в 1900–1914 гг.

Годы	Количество учебных заведений					Количество учащихся
	Средние	Низшие	Начальные	Частные	Всего	
1900	52	72	1621	157	1 902	168 651
1904	67	101	2258	141	2 567	234 251
1907	93	103	2386	119	2 701	267 012
1908	93	107	2454	142	2 796	283 616
1909	99	110	2616	136	2 961	303 666
1910	101	115	2836	145	3 197	329 316
1911	111	124	3272	143	3 650	359 705
1912	126	130	3665	145	4 066	390 892
1913	136	158	4467	134	4 895	432 058
1914	141	187	4631	135	5 094	455 518

Анализируя [Таблицу 5](#), мы можем видеть резкое увеличение количества учащихся на Кавказе в начале XX века. В предвоенные годы, с 1911 по 1913, такой ежегодный прирост учащихся достигал 10 %. Если в 1900 г. на одно кавказское учебное заведение приходилось 88,6 человека, то в 1914 г. – 89,4. Рост этот был незначительным ввиду того, что основная часть (91 %) всех учебных заведений была начальной и в ней обучалось в среднем по 80 учеников.

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что система народного образования на территории Кавказского учебного округа в начале XX века продолжала динамично развиваться. За 14 лет, с 1900 по 1914 гг., количество учебных заведений и число учащихся возросло в 2,5 раза. Наибольшие успехи были на ниве среднего и начального образования, где количество учебных заведений возросло в 3 раза, менее динамично развивалось низшее образование.

Что касается гендерного баланса среди учащихся, то женское образование в этот период сделало значительный прорыв в начальной школе, где доля девочек возросла с 25 до 33 %. В то же время в средней школе к 1914 г. между мальчиками и девочками уже наблюдался практически паритет. Все это свидетельствовало, на наш взгляд, о том, что народное образование прочно вошло в уклад жизни населения на Кавказе.

Литература

[Золотарев, 2016](#) – Золотарев А.В. Начало классического образования в Брянске: мужская прогимназия (1877–1889 гг.) // *Вестник Брянского государственного университета*. 2016. № 4 (30). С. 37–42.

[Медведев, Постников, 2020](#) – Медведев А.Д., Постников Н.А. Первое доступное женское учебное заведение в Курске // *Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета*. 2020. № 2 (54). С. 16–19.

[Овсянникова, 2017](#) – Овсянникова А.А. Система народного образования Российской империи во второй половине XIX века – начале XX вв. // *Социально-политические науки*. 2017. № 2. С. 95–99.

- [Отчет, 1901](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1900 г. Тифлис, 1901.
- [Отчет, 1905](#) – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1904 г. Тифлис, 1905.
- [Отчет, 1908](#) – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1907 г. Тифлис, 1908.
- [Отчет, 1909](#) – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1908 г. Тифлис, 1909.
- [Отчет, 1910](#) – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1909 г. Тифлис, 1910.
- [Отчет, 1911](#) – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1910 г. Тифлис, 1911.
- [Отчет, 1912](#) – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1911 г. Тифлис, 1912.
- [Отчет, 1913](#) – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1912 г. Тифлис, 1913.
- [Отчет, 1914](#) – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1913 г. Тифлис, 1914.
- [Отчет, 1915](#) – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1914 г. Тифлис, 1915.
- [Полещук, 2017](#) – *Полещук К.К.* Муниципальная система народного образования в Москве при городском голове Н.А. Алексееве в 1885–1893 гг. // *Вестник Московского университета. Серия 8 «История»*. 2017. № 1. С. 54-66.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G.* Educational Institutions under the Ecclesiastical Department in the Russian Empire (1860–1917): A Historical-Statistical Study // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 657-665.
- [Cherkasov, 2011](#) – *Cherkasov A.A.* All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. 2011. 10(2): 138-149.
- [Degtyarev et al., 2020](#) – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Gut J.* The Social Background of Functionaries in the Russian Empire's Public Education Sector in the First Half of the 19th century: The Case of the Ukrainian Governorates // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 212-220.
- [Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.
- [Magsumov et al., 2021](#) – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B.* The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(2): 529-545.
- [Magsumov et al., 2021a](#) – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B.* The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 822-836.
- [Magsumov, 2017](#) – *Magsumov T.A.* Family and school in Russia at the beginning of the 20th century: Attempts to bridge the gap // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 837-846.
- [Mamadaliev et al., 2020](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2021](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 169-181.
- [Mamadaliev et al., 2021a](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A.* (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 699-716.

[Mamadaliev et al., 2021b](#) – Mamadaliev A.M., Novitskaya L.Yu., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1191-1202.

[Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.

[Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524-1536.

[Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.

[Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V. Emergence of the Russian Public Education System in the Patriarchal Era (1593–1721) // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(1): 246-251.

[Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.V. To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 1. // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1789-1799.

[Taran et al., 2021](#) – Taran K.V., Korolev A.A., Ludwig S.D., Pestereva N.M. (2021). Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 812-821.

References

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Ponomareva, M.A., Zimovets, L.G. (2020). Educational Institutions under the Ecclesiastical Department in the Russian Empire (1860–1917): A Historical-Statistical Study. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 657-665.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov, A.A. (2011). All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. 10(2): 138-149.

[Degtyarev et al., 2020](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Gut, J. (2020). The Social Background of Functionaries in the Russian Empire's Public Education Sector in the First Half of the 19th century: The Case of the Ukrainian Governorates. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 212-220.

[Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.

[Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 529-545.

[Magsumov et al., 2021a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 822-836.

[Magsumov, 2017](#) – Magsumov, T.A. (2017). Family and school in Russia at the beginning of the 20th century: Attempts to bridge the gap. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 837-846.

[Mamadaliev et al., 2020](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.

[Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.

[Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.

[Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.

[Mamadaliev et al., 2021](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.

[Mamadaliev et al., 2021a](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 699-716.

- [Mamadaliyev et al., 2021b](#) – Mamadaliyev, A.M., Novitskaya, L.Yu., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1191-1202.
- [Medvedev, Postnikov, 2020](#) – Medvedev, A.D., Postnikov, N.A. (2020). Pervoe dostupnoe zhenskoe uchebnoe zavedenie v Kurske [The first accessible women's educational institution in Kursk]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(54): 16-19. [in Russian]
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Emergence of the Russian Public Education System in the Patriarchal Era (1593–1721). *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(1): 246-251.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Petrova, S.V. (2021). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(4): 1789-1799.
- [Otchet, 1901](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1900 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1900]. Tiflis, 1901. [in Russian]
- [Otchet, 1905](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1904 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1904]. Tiflis, 1905. [in Russian]
- [Otchet, 1908](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1907 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1907]. Tiflis, 1908. [in Russian]
- [Otchet, 1909](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1908 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1908]. Tiflis, 1909. [in Russian]
- [Otchet, 1910](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1909 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1909]. Tiflis, 1910. [in Russian]
- [Otchet, 1911](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1910 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1910]. Tiflis, 1911. [in Russian]
- [Otchet, 1912](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1911 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1911]. Tiflis, 1912. [in Russian]
- [Otchet, 1913](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1912 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1912]. Tiflis, 1913. [in Russian]
- [Otchet, 1914](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1913 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1913]. Tiflis, 1914. [in Russian]
- [Otchet, 1915](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1914 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1914]. Tiflis, 1915. [in Russian]
- [Ovsyannikova, 2017](#) – Ovsyannikova, A.A. (2017). Sistema narodnogo obrazovaniya Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX veka – nachale XX vv. [The system of public education of the Russian Empire in the second half of the XIX century – the beginning of the XX centuries]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2: 95-99. [in Russian]
- [Poleshchuk, 2017](#) – Poleshchuk, K.K. (2017). Munitsipal'naya sistema narodnogo obrazovaniya v Moskve pri gorodskom golove N.A. Alekseeve v 1885 – 1893 gg. [The municipal system of public education in Moscow under the mayor N.A. Alekseev in 1885 – 1893]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. 1: 54-66. [in Russian]
- [Taran et al., 2021](#) – Taran, K.V., Korolev, A.A., Ludwig, S.D., Pestereva, N.M. (2021). Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 812-821.

Zolotarev, 2016 – Zolotarev, A.V. (2016). Nachalo klassicheskogo obrazovaniya v Bryanske: muzhskaya progimnaziya (1877–1889 gg.) [The Beginning of Classical Education in Bryansk: Men's Progymnasium (1877–1889)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(30): 37-42. [in Russian]

К вопросу о системе народного образования на территории Кавказского учебного округа в 1848–1917 гг. Часть 2

Ольга Васильевна Натолочная ^{a, b, *}, Руслан Мурадович Аллалыев ^{c, d},
Алексей Владимирович Дюжов ^d, Светлана Владиславовна Петрова ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе обширного статистического материала рассматривается система народного просвещения на Кавказе (территория Кавказского учебного округа). В данной части работы анализируется развитие системы народного образования в период 1900–1917 гг.

В качестве источниковой базы исследования выступили ежегодные «Отчеты попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа», которые издавались в период 1884–1914 гг. В них нашли отражение данные о системе народного образования, подведомственной Министерству народного просвещения.

В заключении авторы отмечают, что система народного образования на территории Кавказского учебного округа в начале XX века продолжала динамично развиваться. За 14 лет, с 1900 по 1914 гг., количество учебных заведений и число учащихся возросло в 2,5 раза. Наибольшие успехи были на nive среднего и начального образования, где количество учебных заведений возросло в 3 раза, менее динамично развивалось низшее образование.

Что касается гендерного баланса среди учащихся, то женское образование в этот период сделало значительный прорыв в начальной школе, где доля девочек возросла с 25 до 33 %. В то же время в средней школе к 1914 г. между мальчиками и девочками уже наблюдался практически паритет. Все это свидетельствовало, по мнению авторов, о том, что народное образование прочно вошло в уклад жизни населения на Кавказе.

Ключевые слова: Кавказский учебный округ, 1848–1917 гг., система народного образования, историко-статистическое исследование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: incfar.natolochnaya@gmail.com (О.В. Натолочная)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 199-208
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.199

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Question of History of the Opera Art in the Russian Empire in the XIX century

Oksana V. Babenko ^a, Pavel V. Nikitin ^{b, *}

^a Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^b The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of certain aspects of the history of the Russian national opera in the context of the historical and cultural features of the XIX century. The authors, understanding the complexity of performing the task within the framework of one study, limited by the scope of a scientific article, to reflect the most significant features of this problem, focused on its historical component: the role of theatres in the public life of Russia, interference of the imperial family in the theatrical sphere, activities of Catterino Cavos in the Russian theatre, the historical significance of opera art by A.N. Verstovsky, M.I. Glinka, A.S. Dargomyzhsky, “The Mighty Bunch” and P.I. Tchaikovsky, propaganda of Russian opera art on the stage of the Private Opera and personality of S.I. Mamontov. The article reflects the main theatrical reforms of the period under review, carried out by Alexander I, Nicholas I and Alexander III, which were aimed at including the Russian Empire in the pan-European theatre process and raising the prestige of the Russian theatre. Facts about the birth of the Russian national opera based on the synthesis of folk melodies and European musical experience are given. An attempt is made to clarify the issue of the disparaging attitude of the public and the theatre management to the Russian opera based on the materials of the Russian musical newspaper. The authors come to the conclusion about the influence of Russian opera classics of the XIX century on the subsequent development of this genre, its enduring significance and relevance in the modern theatre.

Keywords: opera, theatre, Russian Empire, XIX century, A.N. Verstovsky, M.I. Glinka, A.S. Dargomyzhskiy, “The Mighty Bunch”, P.I. Tchaikovsky.

1. Введение

Российская империя была своего рода «кузницей» национальных оперных школ – русской, польской, украинской и др. В нашей статье рассматривается наиболее ранняя, развитая и распространенная из них – русская оперная школа. XIX век – «Золотой век» русской культуры, этот термин принято также употреблять и в отношении русской прозы XIX столетия, которая легла в основу постановок театральных спектаклей.

Подъем национального самосознания русского народа, связанный с победой в Отечественной войне 1812 г., и повышение уровня образованности общества находили отклик в сфере театрального искусства. Тем не менее вмешательство императоров Александра I и Николая I в сферу культуры негативно сказывалось на развитии театра, литературы и живописи. Как мы писали в одной из статей, «театр находился в зависимости от монарха» (Бабенко, 2018: 15). Крепостничество лишало возможности приобщиться к культурным ценностям большую часть населения Российской империи. Тем не менее уже в первой половине XIX в. в русской культуре появилось такое достижение,

* Corresponding author

E-mail addresses: nikitinP2007@yandex.ru (P.V. Nikitin), o.v.babenko@mail.ru (O.V. Babenko)

как национальная опера. Ее возникновение было связано в том числе с осознанием образованными людьми потребности в ней.

Расцвет русской национальной оперы пришелся на вторую половину XIX в. Она, безусловно, развивалась в контексте общеевропейского оперного искусства, но своеобразие русской оперы проявилось в этот период особенно ярко. Отчасти этому способствовали либеральная политика императора Александра II второй половины 1850-х – 1860-х гг. и огромный интерес к музыке Александра III. В это время появилась новая социальная прослойка – русская интеллигенция, которая не только проявляла неподдельный интерес к судьбам Родины, но и активно участвовала в культурной жизни страны. Крепостные крестьяне обрели личную свободу и возможность приобщиться к культурным достижениям своей страны и зарубежья. Широкий доступ в театры получили разночинцы, а оперное искусство приобрело популярный характер: арии из известных опер пели на досуге лица разных возрастов и социальных слоев.

Тема создания и становления русской национальной оперы в XIX веке является основополагающей для понимания исторического значения этого жанра. Она представляет огромный научный интерес и с точки зрения изучения истории взаимоотношений властей Российской империи и театра. Одна из основных целей нашего исследования – показать роль российских монархов в развитии оперного искусства.

2. Материалы и методы

Источниковая база данного исследования включает в себя прежде всего малоизученные материалы «Русской музыкальной газеты», издававшейся известным историком музыки и музыкальным критиком Н.Ф. Финдейзенем в Санкт-Петербурге в 1894–1918 гг. Кроме того, нами были использованы записки и воспоминания таких деятелей русской культуры, как М.И. Глинка, К.А. Коровин, Л.Л. Сабанеев, Ф.И. Шалапин, знатока искусства графа Д.А. Олсуфьева, любительницы музыки, певицы, княгини М.К. Тенишевой, а также переписка П.И. Чайковского с Н.Ф. фон Мекк.

Методологической основой исследования стал принцип историзма, который позволил осуществить комплексный анализ источников и историографии по рассматриваемой теме. Также был использован сравнительно-исторический метод, позволивший исследовать систему управления театральной жизнью Российской империи.

3. Обсуждение

Проблемы создания и развития русской национальной оперы получили достаточно широкое освещение в отечественной историографии. Первые работы по этой проблематике начинают появляться в 1840-е гг. Основополагающее значение, несомненно, имеют труды известного историка искусства, музыкального критика, вдохновителя «Могучей кучки» В.В. Стасова. Он был пропагандистом национальных идей в музыке, критиком царизма и крепостничества. При жизни В.В. Стасова его труды выходили в основном в виде статей, за исключением масштабного первого издания собрания сочинений в четырех томах, опубликованного в 1894–1906 гг. (Стасов, 1894–1906). Он издал немало биографических статей и эссе, посвященных М.И. Глинке, Н.А. Римскому-Корсакову, М.П. Мусоргскому и другим композиторам. В.В. Стасов был защитником непонятого М.П. Мусоргского, о чем можно узнать из его публикации памяти композитора (Стасов, 1883), причем его отдельные статьи переиздавались и в советское время в виде брошюр, как, например, статья о В.Г. Перове и М.П. Мусоргском 1883 г. (Стасов, 1952), где впервые в отечественной историографии была поставлена проблема взаимосвязи музыки и живописи.

Своими музыковедческими статьями прославился и член «Могучей кучки» Ц.А. Кюи, выразитель взглядов «кучкистов» в печати. Его публикации были крайне тенденциозными, изобиловали резкой критикой деятельности ряда лиц и организаций, содержали убеждение в решающей роли русских композиторов в развитии величайших достижений их предшественников в музыке. Первый сборник статей Кюи увидел свет уже после Октябрьской революции – в 1918 г. (Кюи, 1918).

Немаловажное значение имела научная деятельность музыкального критика, композитора и профессора двух консерваторий Г.А. Лароша. Его работа о Глинке, изданная отдельной книгой в Москве (Ларош, 1867), была первой попыткой углубленного анализа творчества композитора. Историческое значение творчества Глинки оценивается в ней очень высоко.

Значимый вклад в изучение творчества русских композиторов XIX века внес упомянутый нами историк музыки Н.Ф. Финдейзен. Большая часть его статей была опубликована в издававшейся им «Русской музыкальной газете». Кроме того, Н.Ф. Финдейзен – автор ряда биографических исследований, например книг о творчестве А.Н. Верстовского (Финдейзен, 1890), жизнедеятельности М.И. Глинки (Финдейзен, 1896), о А.С. Даргомыжском (Финдейзен, 1904) и др.

Среди наиболее фундаментальных трудов следует также выделить дореволюционную книгу В. Чешихина (Чешихин, 1902) и три работы советского музыковеда А. Гозенпуда (Гозенпуд, 1969; Гозенпуд, 1971; Гозенпуд, 1973). Вехи истории русской оперы, как правило, связываются с именами определенных композиторов. Свообразие русского оперного искусства определяется отечественной литературой, как первоисточником оперных либретто, и русской народной песней, как

первоисточником музыкальной иллюстрации этих либретто (Чехихин, 1902: 14). Важное замечание делает современная исследовательница Е.В. Смагина, утверждающая, что в период становления русской оперы «наблюдается выраженная экспериментальность, незакрепленность жанрово-стилевых параметров...» (Смагина, 2009: 6).

История русской оперы анализируется и в исследованиях общего характера, например в монографиях академиков Б.В. Асафьева (Асафьев, 1979) и Ю. Келдыша (Келдыш, 1948). Нельзя не согласиться с Б.В. Асафьевым в том, что «первые годы XIX века еще не вносят резкого обновления в развитие русской оперы» (Асафьев, 1979: 8). Совершенно справедливым представляется мнение Ю. Келдыша, констатировавшего, что «подлинный расцвет русского оперного театра начинается в 1830-х годах» в связи с появлением опер А.Н. Верстовского и М.И. Глинки (Келдыш, 1948: 294-295).

Иностранные исследователи редко обращаются к истории русской оперы. Современные зарубежные музыковеды пишут об отдельных русских композиторах или их произведениях. Так, итальянец А. Джуст опубликовал научные труды на итальянском и русском языках, посвященные опере Катерино Кавоса «Иван Сусанин» (Джуст, 2012; Giust, 2011), которая в них рассматривается на широком историческом фоне.

Однако в данной проблематике до сих пор остаются малоизученные и дискуссионные вопросы. Так, творчество А.С. Даргомыжского все еще слабо исследовано учеными, а его историческое значение остается недооцененным. Недостаточно освещаются обстоятельства распада «Могучей кучки». Даже личность такого известного композитора, как П.И. Чайковский, нельзя назвать в полной мере изученной: о его жизнедеятельности в 2012 и 2015 годах публикуются новые источники. Так, искусствовед и коллекционер В.Т. Козлов опубликовал неизвестные письма П.И. Чайковского (Козлов, 2012), а позднее увидел свет сборник документов из архива Дома-музея П.И. Чайковского в Клину (Вайдман (ред.), 2015).

4. Результаты

С вступлением на престол в 1801 г. Александра I театральная жизнь Российской империи стала более насыщенной. Возникали новые домашние театры, процветали старые. Самыми престижными публичными театрами были Александринский, Большой (Каменный) и Михайловский в Петербурге. Даже городская жизнь первой четверти XIX века приобрела театральный характер. Как пишет музыковед Е.В. Лобанкова, в то время наблюдалась театрализация общества, которая коснулась поведения людей на улицах, в светских салонах и парках (Лобанкова, 2019: 76).

Тем не менее Большой Петровский театр М.Е. Медокса в Москве, публичный российский театр, переживал свой закат. 22 октября 1805 г. в театре по вине гардеробмейстера случился пожар, который полностью его уничтожил. После пожара представления были перенесены в дом Пашкова и театр у Арбатских ворот, «где спектакли давались до занятия Москвы французской армией» (Русская музыкальная газета, 1900а: 4).

Театральная жизнь России имела следующее административное устройство: императорские театры с 1823 г. находились в подчинении у дирекции, которая в свою очередь подчинялась Министерству императорского двора и уделов (с 1826 г.), управлявшему делами царской фамилии и двора. Такая система управления означала личный патронат царя над театрами, а директор императорских театров был обязан обращаться непосредственно к государю. «Величие российского императора... даже через бюрократию отражалось на всем ведении дела», – писал известный оперный певец Ф.И. Шаляпин (Шаляпин, 2014: 50).

В 1803 г. вместе с итальянской оперой Антонио Казасси в Петербург приехал композитор Катерино Кавос (1775–1840), будущий автор первой русской оперы под названием «Иван Сусанин», поставленной на 20 лет раньше глинкинского «Сусанина». Однако он не интриговал против Глинки, а, наоборот, выступал за постановку его оперы, «а впоследствии вел репетиции усердно и честно, сколько мог» (Записки М.И. Глинки, 2004: 116). Более того, Кавос внес существенный вклад в развитие русского музыкального театра как композитор, педагог и руководитель. С 1803 г. он был капельмейстером итальянской и русской оперных трупп, впоследствии отвечал за русскую труппу, а с 1832 г. служил «директором музыки» императорских театров. Именно Кавос выступил за разделение драматической и музыкальной труппы. Последняя впоследствии была поделена на оперную и балетную.

В 1803 г. специальная комиссия разработала законоположение и штаты, утвержденные Александром I в 1809 г. Были определены состав театров из четырех трупп (русской, балетной, французской и немецкой), устройство и управление дирекции, порядок составления репертуара, финансирование театров и др. Это положение не менялось около 100 лет. В штате дирекции постоянно находилось несколько иностранных трупп, которые не были привязаны к конкретным театрам и могли выступать на разных сценах. Как справедливо отмечает Е.В. Лобанкова, «это должно было подчеркивать престиж русского двора и его включенность в единое европейское пространство» (Лобанкова, 2019: 77).

В 1808 г. в Москве был построен новый публичный театр – Арбатский. Его заняла императорская Московская сцена, подчиненная Петербургской дирекции императорских театров.

Так, «вольный» театр превратился в казенный, что было главным изменением в театральной жизни России в правление Александра I. Петербургская дирекция и императорский двор оказывали влияние на его репертуар и актерский состав.

27 апреля 1812 г. Александр I уехал из Санкт-Петербурга, лишившись контроля за театром. По этому случаю был учрежден особый Комитет для решения театральных вопросов, которому был подчинен директор императорских театров. В 1825 г. дал свой первый спектакль восстановленный Петровский театр. В правление Александра I музыкальный репертуар театров состоял из популярных европейских сочинений. Ставились такие оперы, как «Красная шапочка» Ф. Буальдьё, «Водовоз, или Двухдневное приключение» Л. Керубини, «Иосиф в Египте» Э. Мегюля и другие. Однако к середине XIX века большая часть этих произведений оказалась забытой, стала набирать силу русская национальная опера.

Многие российские императоры были любителями музыки и театра, играли на музыкальных инструментах. Они прекрасно знали и по достоинству ценили своих артистов, капельмейстеров и композиторов. Как подчеркивает музыковед Е.В. Смагина, необходимо учесть интерес царей к театру, приглашение знаменитых европейских артистов на службу в Петербург, покровительство государей, оказываемое лучшим актерам императорских театров (Смагина, 2021: 7-8). Во время бенефисов и премьер императоры считали своим долгом прислать виновнику торжества ценный подарок или же присутствовать на спектакле лично. Свидетельство этого можно найти, к примеру, в «Записках» М.И. Глинки, где он пишет о вознаграждении за постановку «Ивана Сусанина»: «В скором времени я получил за оперу императорский подарок: перстень в 4000 р. асс., он состоял из топаза, окруженного тремя рядами превосходнейших бриллиантов...» (Записки М.И. Глинки, 2004: 121). Более того, артисты и все работники императорских театров «были хорошо обеспечены» (Шалапин, 2014: 50).

Крупнейшими русскими композиторами первой половины XIX в. были А.Н. Верстовский и М.И. Глинка. Алексей Николаевич Верстовский (1799–1862) был не только автором 6 опер и более 30 опер-водевилей. Он известен как талантливый руководитель, занимавший значимые должности в Дирекции московских театров и Московской театральной конторе. Верстовский фактически определял театральную жизнь Москвы в 1830–1850-х гг. Он способствовал обогащению репертуара, поднятию художественного уровня спектаклей и улучшению актерского состава. В оперном искусстве композитор был представителем раннего романтизма. Его перу принадлежат такие оперы, как «Пан Твардовский» (1828), «Вадим, или Пробуждение двенадцати спящих дев» (1832), «Громобой» (1854) и др. Лучшей оперой Верстовского считается «Аскольдова могила» (1835). Как пишет Е.В. Смагина, в ней впечатляет «исключительный размах показа сложнейшей эпохи в истории Руси – времени княжения Владимира Первого-Крестителя» (Смагина, 2009: 157). Верстовский способствовал обогащению русского оперного искусства романтическими веяниями своего времени, появившимися на национальной почве. Как писал академик Ю. Келдыш, ему принадлежит заслуга «создания русской национальной романтической оперы» (Келдыш, 1948: 346).

Однако подлинным родоначальником русской оперы исследователи признают Михаила Ивановича Глинку (1804–1857). Он считается основоположником почти всех жанров русской музыки. Как справедливо отметил музыкальный критик Л.Л. Сабанев, историю русской музыки начинают с Глинки (Сабанев, 2018: 26). А.Н. Римский-Корсаков называл Михаила Ивановича «создателем русского музыкального языка и мышления» (Римский-Корсаков, 2004: 9). Оперные шедевры композитора оказали решающее влияние на развитие русского оперного искусства. Он обновил все составляющие музыкального письма, а также принципы воплощения на оперной сцене элементов русской народной культуры. В национальной культуре Глинка выделяет то, что является общим для всех народов и цивилизаций, а его стиль представляет собой сочетание русской музыки с зарубежной. В отличие от А.Н. Верстовского, М.И. Глинка написал только две оперы – «Руслан и Людмила» и «Иван Сусанин», но они стали подлинными шедеврами русского оперного искусства. «Русская музыкальная газета» относит их к «лучшим русским оперным созданиям» (Русская музыкальная газета, 1900b: 54).

В целях понимания особенностей появления русской национальной оперы следует остановиться на «Иване Сусанине». По совету поэта В.А. Жуковского Глинка взял в качестве сюжета для национальной оперы легенду о героическом подвиге вотчинного старосты Ивана Сусанина, который в Смутное время пожертвовал своей жизнью ради спасения царя Михаила Федоровича от польских интервентов. В.А. Жуковский имел отношение к царской семье: он был учителем императрицы Александры Федоровны и наставником будущего императора Александра I. Нельзя не согласиться с мнением А.Н. Римского-Корсакова, отметившего, что выбор сюжета «Ивана Сусанина» мог быть сделан по причине понимания Жуковским успеха спектакля в будущем, а может быть, даже с ведома царя (Римский-Корсаков, 2004: 15). Опера была поставлена при сыне Александра I Николае I, который интересовался театром. Более того, Ф.И. Шалапин считал, что из русских государей Николай Александрович был «ближе всех к театру» (Шалапин, 2014: 161).

Премьера «Ивана Сусанина» состоялась 9 декабря 1836 г. в Большом (Каменном) театре, который открывался этим спектаклем после ремонта. «Успех оперы был совершенный», – писал М.И. Глинка (Записки М.И. Глинки, 2004: 121). Михаилу Ивановичу выразили свою благодарность

присутствовавшие на премьере представители царствующей фамилии, и прежде всего сам государь. Многие деятели искусства осознали огромное историческое значение «Ивана Сусанина». Историк музыки И.И. Соллертинский полагал, что композитор взял для этой оперы из мирового музыкального опыта все «самое передовое, самое прогрессивное» (Соллертинский, 2017: 663).

Однако «Иван Сусанин» оказался недоступным для понимания элиты театральной публики, которая усмотрела в опере «мужицкий сюжет» и «кучерскую музыку». В сюжете был использован заимствованный из «Думы» декабриста К. Рылеева образ героического крестьянина, который не соответствовал политике николаевского правительства по сохранению монархического строя в России под эгидой династии Романовых. Тем не менее император понимал, что народ, интересы которого в 1825 г. попытались защитить декабристы, имеет немаловажное значение для радикального дворянства. Сам Глинка противником монархии не был, а, напротив, хотел посвятить «Ивана Сусанина» императору. Согласно существовавшей в то время театральной традиции, было принято давать название опере по имени главного персонажа, коим в данном случае являлся Иван Сусанин. Однако Глинка переименовал свое произведение в «Жизнь за царя», выразив в названии его монархическую идею: по сути, это была демонстрация верноподданничества композитора.

Связующим звеном между творчеством М.И. Глинки и «Могучей кучки» была яркая музыкальная деятельность Александра Сергеевича Даргомыжского (1813–1869). В. Чехихин называет Даргомыжского композитором, особенно сильным в области музыкальной драмы (Чехихин, 1902: 13). Он, безусловно, был первым последователем Глинки, усвоившим и переработавшим его основные достижения в сфере музыки. Однако, в отличие от своего учителя, Даргомыжский стал придавать большее значение индивидуальному, частному, например внутреннему миру человеческой личности. Глинка называл его «весьма талантливым композитором» (Записки М.И. Глинки, 2004: 107). Первым серьезным проявлением осознания Даргомыжским национального, русского в музыке была его опера «Русалка» (1848). Композитор говорил прямо, что «в ней хочет дать произведение национальное» (Русская музыкальная газета, 1894: 6). Лучшей оперой Даргомыжского не без оснований считается «Каменный гость», заверченный его друзьями и поставленный на сцене Мариинского театра в 1872 г., который оказал заметное влияние на развитие русского оперного искусства. Но даже «Каменный гость» не был понят публикой сразу. Как писала «Русская музыкальная газета» в 1894 году, 50 лет, которые могут потребоваться для понимания «бессмертного творения Даргомыжского», «еще не прошли», и к нему до сих пор пренебрежительно относятся (Русская музыкальная газета, 1894b: 6). Как справедливо отметил Ю. Келдыш, Даргомыжский демократизировал тематику опер, создал принципиально новые образы незаметных людей из народа, отразил внутренний мир разночинца, «обреченного на трудную жизненную борьбу и суровые невзгоды» (Келдыш, 1948: 467).

После смерти Николая I в 1855 г. царский трон занял его сын, новый император Александр II. Его либеральные реформы способствовали относительной демократизации культуры, очередному оживлению театральной жизни. При Александре II произошли значительные изменения в музыкальной сфере: были основаны Русское музыкальное общество (1859), Петербургская (1862) и Московская консерватории (1866). В конце 1850-х – начале 1860-х гг. в Петербурге появилось творческое объединение русских композиторов «Могучая кучка», в состав которой вошли композиторы-новаторы М.А. Балакирев, М.П. Мусоргский, А.П. Бородин, А.Н. Римский-Корсаков и Ц.А. Кюи. Все они были дилетантами в музыке, но писали ее на высоком профессиональном уровне, будучи приверженцами идей народности и глинканства. «Кучкисты», за исключением Ц.А. Кюи, на зрелом этапе творчества занимались написанием и развитием национальной русской музыки и борьбой за демократизацию культуры. Музыкальные шедевры создавались ими на основе русских народных мелодий и зарубежного сочинительского опыта. Главным жанром творчества почти всех «кучкистов» была опера.

Так, основным сочинением Александра Порфирьевича Бородина (1833–1887), химика по профессии, является опера «Князь Игорь», над которой автор работал на протяжении всей жизни. Н.Ф. Финдейзен назвал ее «гениальной оперой» Бородина (Русская музыкальная газета, 1901: 20). Композитор начал писать ее в конце 1860-х гг. В основу оперы был положен сюжет из «Слова о полку Игореве», повествующий о походе русского князя Игоря Святославича против половцев. Опера была в высшей степени патриотической и героической. По жанру это была реалистическая историческая опера, близкая к «Ивану Сусанину» М.И. Глинки. В ней выражена непоколебимая вера в русский народ, как могучую и всепобеждающую силу. Данная особенность характерна и для опер других «кучкистов», например «Бориса Годунова» и «Хованщины» М.П. Мусоргского, «Псковитянки» Н.А. Римского-Корсакова.

Тем не менее членам «Могучей кучки» не удалось добиться сразу всеобщего признания. Русская публика не была готова к восприятию реалистических произведений на отечественные исторические сюжеты. Ценитель театрального искусства граф Д.А. Олсуфьев в своих воспоминаниях отметил большое значение оперного театра в России в 1870–1880-х годах (Олсуфьев, 2016: 277). При этом он пишет, что в 1870-е гг. на российской сцене преобладала итальянская опера, исполнявшаяся прекрасными певцами-итальянцами. Что же касается русской оперы, то она «была в сравнительном загоне, и расцвет ее наступил после, при Александре III и Николае II» (Олсуфьев, 2016: 278).

Из композиторов-«кучкистов» на протяжении долгих лет оставался непонятым М.П. Мусоргский. Как писала «Русская музыкальная газета» в 1900 г., «...Мусоргского избегают и в оперном театре, и в концертной зале...» ([Русская музыкальная газета, 1900с: 603](#)). Однако такие его оперы, как «Борис Годунов» и «Хованщина», – это подлинно русские музыкальные драмы исторического характера, величайшие образцы реализма в отечественном оперном искусстве.

В связи с вышесказанным встает вопрос о причинах пренебрежительного отношения публики и театрального руководства к отечественным операм. Н.Ф. Финдейзен в 1894 г. писал, что произведения целой плеяды талантливейших музыкальных деятелей России, работавших после Глинки и Даргомыжского, остаются «непонятыми, неоцененными» ([Русская музыкальная газета, 1894: 2](#)). А год спустя он задавался вопросом, почему на русской сцене господствуют бездарные зарубежные оперы, «а родные русские произведения изгнаны или изгоняются?» ([Русская музыкальная газета, 1895: 2](#)). Он полагал, что такое положение дел может свидетельствовать о разных пристрастиях слушателей, о том, что нет общих мнений и убеждений касательно оперного искусства ([Русская музыкальная газета, 1895: 3](#)).

Крупнейшим композитором эпохи Александра III был П.И. Чайковский (1840–1893). В советской историографии создавался образ этого выдающегося композитора как человека с радикальными воззрениями, не желавшего писать «верноподданические» оперы. В действительности же Чайковский имел личные связи с представителями правящей династии, выполнял их музыкальные заказы, посвящал им свои произведения. Так, П.И. Чайковский писал романсы на стихи великого князя К.К. Романова (К.Р.), несколько романсов посвятил императрице Марии Федоровне. Он, безусловно, был своего рода фаворитом Александра III: император помогал композитору материально, назначил ему пенсию в 3000 р., не отказывал в ходатайствах, например, о выделении средств для восстановления сгоревшего здания оперного театра в Тифлисе. Но при этом Чайковский придерживался не монархических, а скорее либеральных политических взглядов. В одном из писем к меценатке Н.Ф. фон Мекк Петр Ильич писал о желательности проведения либеральных реформ ([Чайковский, 1934: 259](#)).

П.И. Чайковский был автором десяти опер. Некоторые из них с успехом идут на сцене и сегодня. Еще академик Б.В. Асафьев отметил, что в «Евгении Онегине» присутствуют сугубо национальные черты, почерпнутые из русского городского романса и русской усадебной вокальной музыки ([Асафьев, 1979: 28](#)). Изначально опера «Евгений Онегин» не встретила единодушных похвал современников, но Александр III переломил ситуацию, высказавшись в ее пользу. Л.Л. Сабанеев утверждал, что государь любил музыку Чайковского и был хорошо знаком с его оперным творчеством ([Сабанеев, 2018: 45](#)). В целом же широкое признание творений Чайковского, как и композиторов «Могучей кучки», наступило позднее. Так, например, «Пиковая дама» в XX веке была признана «одним из самых драгоценных шедевров мирового оперного творчества» ([Туманина, 2016: 304](#)).

В 1882 г. Александр III отменил казенную монополию на публичные мероприятия. Благодаря этому, в 1885 г. Москве появилась Частная опера С.И. Мамонтова (позднее – С.И. Зимина). Тем не менее в последней трети XIX века центрами музыкальной жизни Российской империи были петербургский Мариинский и московский Большой театры. Ф.И. Шаляпин писал о величии российских императорских театров и грандиозности постановок опер и балетов ([Шаляпин, 2014: 49-50](#)). В 1880-е гг. Частная опера особенно остро соперничала с казенной сценой, где выступали знаменитые итальянские певцы – Котони, Мазини и Тамань. Императорская опера далеко не всегда превосходила Частную, во многом благодаря редким административным способностям и блестящему художественному воспитанию С.И. Мамонтова. Княгиня М.К. Тенишева отметила в своих воспоминаниях, что Мамонтов «был человек со вкусом» ([Тенишева, 2019: 198](#)). А художник К.А. Коровин писал о нем так: «Я удивлялся С.И. Мамонтову: как он любит оперу, искусство, как сразу понимает набросок, эскиз» ([Коровин, 2013: 18](#)).

Частная опера занималась пропагандой русского оперного искусства. В ней ставились произведения таких композиторов, как М.И. Глинка, А.С. Даргомыжский, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков и др. Как верно заметил Ф.И. Шаляпин, «Мамонтов открыл двери своего театра для великих русских композиторов, которыми пренебрегала императорская сцена» ([Шаляпин, 2014: 78](#)). На сцене Частной оперы блистали Ф.И. Шаляпин, Н. Забела-Врубель, Т. Любатович и другие выдающиеся артисты.

В 1890-е гг. на смену «Золотому веку» пришел «Серебряный век» с его новаторскими тенденциями во всех видах искусства. Тем не менее ведущие отечественные композиторы XIX века не были забыты, благодаря непреходящему значению их произведений. Деятельность итальянца К. Кавоса и А.Н. Верстовского подготовила почву для появления первой русской национальной оперы «Иван Сусанин» М.И. Глинки и творчества его последователей. Классическая русская опера оказывала влияние на все последующее оперное искусство, а ее лучшие образцы идут в театрах и в наши дни.

Литература

[Асафьев, 1979](#) – *Асафьев Б.В.* Русская музыка. XIX и начало XX века. 2-е изд. Л.: Музыка, 1979.

- Бабенко, 2018 – Бабенко О.В. Становление русской национальной оперы: исторический аспект / Исторические исследования: Материалы VI Международ. науч. конф. (г. Москва, июнь 2018 г.). М.: Буки-Веди, 2018. С. 15-22.
- Вайдман (ред.), 2015 – Неизвестный Чайковский / Ред.-сост. П.Е. Вайдман. М.: «Музыкальное издательство “П. Юргенсон”», 2015. 360 с.
- Гозенпуд, 1969 – Гозенпуд А.А. Русский оперный театр XIX века (1836–1856). Л.: «Музыка», 1969. 464 с.
- Гозенпуд, 1971 – Гозенпуд А.А. Русский оперный театр XIX века (1857–1872). Л.: «Музыка», 1971. 335 с.
- Гозенпуд, 1973 – Гозенпуд А.А. Русский оперный театр XIX века (1873–1889). Л.: «Музыка», 1973. 328 с.
- Джуст, 2012 – Джуст А. «Иван Сусанин» Кавоса-Шаховского: предвестие официальной народности в 1812 году // Реалии и легенды отечественной войны 1812 года / Сост. Денисенко С.В. СПб.; Тверь: РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом), 2012. С. 154-171.
- Записки М.И. Глинки – Записки М.И. Глинки. М.: Гареева, 2004. 448 с.
- Келдыш, 1948 – Келдыш Ю. История русской музыки. Ч. I. М.; Л.: Госмузиздат, 1948. 472 с.
- Козлов, 2012 – Козлов В.Т. Постигание истории посредством артефактов искусства, архивов и археологии. Т. III: Автографы знаменитых людей в контексте истории. М.: Изд-во «Кучково поле», 2012. 504 с.
- Коровин, 2013 – Коровин К.А. Шаляпин. Встречи и совместная жизнь. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. 192 с.
- Кюи, 1918 – Кюи Ц.А. Музыкально-критические статьи. Т. 1: С портретом автора / Предисл. Н.А. Римского-Корсакова. Петроград: Ред. журн. «Музыкальный современник», 1918. VIII, 363 с.
- Ларош, 1867 – Ларош Г.А. Глинка и его значение в истории музыки Г. Лароша. М.: Унив. тип., 1867. 162 с.
- Лобанкова, 2019 – Лобанкова Е.В. Глинка: Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни. М.: Молодая гвардия, 2019. 591 с.
- Олсуфьев, 2016 – Олсуфьев Д.А. Вечный ковер жизни. Семейная хроника / Публикация М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2016. 448 с.
- Римский-Корсаков, 2004 – Римский-Корсаков Н.А. М.И. Глинка и его «Записки» // Записки М.И. Глинки. М.: Гареева, 2004. С. 8-22.
- Русская музыкальная газета, 1894 – Русская музыкальная газета. № 1. 1894. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115307/view/> (дата обращения: 07.02.2022).
- Русская музыкальная газета, 1895 – Русская музыкальная газета. № 1. 1895. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115308/view/> (дата обращения: 07.02.2022).
- Русская музыкальная газета, 1900a – Русская музыкальная газета. № 1. 1900. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115313/view/> (дата обращения: 07.02.2022)
- Русская музыкальная газета, 1900b – Русская музыкальная газета. № 2. 1900. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115313/view/> (дата обращения: 07.02.2022).
- Русская музыкальная газета, 1900c – Русская музыкальная газета. № 23-24. 1900. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115313/view/> (дата обращения 07.02.2022).
- Русская музыкальная газета, 1901 – Русская музыкальная газета. № 1. 1901. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115314/view/> (дата обращения 07.02.2022).
- Сабанеев, 2018 – Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2018. 268 с.
- Смагина, 2009 – Смагина Е.В. Русская историческая опера первой половины XIX века: к вопросу становления жанра // Проблемы музыкальной науки. 2009. № 2(5). С. 154-159.
- Смагина, 2021 – Смагина Е.В. Русская опера первой половины XIX века в контексте художественных увлечений времени // Южно-Российский музыкальный альманах. 2021. № 1. С. 5-10.
- Соллертинский, 2017 – Соллертинский И.И. Этюды о музыке. Новосибирск: Свиныин и сыновья, 2017. 733 с.
- Стасов, 1883 – Стасов В.В. Памяти Мусоргского // Исторический вестник. 1883. Т. 23. № 3. С. 644-656.
- Стасов, 1952 – Стасов В.В. Перов и Мусоргский. М.: «Музгиз», 1952. 44 с.
- Стасов, 1894–1906 – Стасов В.В. Собрание сочинений. 1847–1886: с приложением его портретов и снимка с поднесенного ему адреса. Т. 1–4. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894–1906.
- Тенишева, 2019 – Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. М.: «Захаров», 2019. 384 с.
- Туманина, 2016 – Туманина Н.В. П.И. Чайковский: Великий мастер. 1878–1893 гг. / Отв. ред. Б.М. Ярустовский. М.: ЛЕНАНД, 2016. 504 с.
- Финдейзен, 1904 – Финдейзен Н.Ф. Александр Сергеевич Даргомыжский: очерк его жизни и музыкальной деятельности. М.; Лейпциг: П. Юргенсон, 1904. 50 с.
- Финдейзен, 1890 – Финдейзен Н.Ф. Алексей Николаевич Верстовский. Очерк его музыкальной деятельности: (С портретом композитора). СПб.: Тип. Ю. Штауфа (И. Шишова), 1890. [4], 62 с.

- Финдейзен, 1896** – *Финдейзен Н.Ф.* Михаил Иванович Глинка: Его жизнь и творческая деятельность. Ч. 1. СПб.: Тип. Н. Финдейзена, 1896. 36 с.
- Чайковский, 1934** – *Чайковский П.И.* Переписка с Н.Ф. фон Мекк / Ред. и прим. В.А. Жданова и Н.Т. Жегина; Вступ. статья Б.С. Пшибышевского. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1934. 642 с.
- Чешихин, 1902** – *Чешихин В.* История русской оперы (1735–1900 гг.). СПб.: Столичная типография, 1902. 271 с.
- Шаляпин, 2014** – *Шаляпин Ф.И.* Маска и душа. М.: АСТ, 2014. 320 с.
- Giust, 2011** – *Giust A.* “Ivan Susanin” di Catterino Cavos, un’opera russa prima dell’Opera russa. Torino: EDT, 2011. VII, 412 p.

References

- Babenko, 2018** – *Babenko, O.V.* (2018). Stanovlenie russkoi natsional’noi opery: istoricheskij aspekt [Formation of the Russian national opera: historical aspect]. *Istoricheskie issledovaniya: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf.* (g. Moskva, iyun’ 2018 g.) Moscow: Buki-Vedi, pp. 15-22. [in Russian]
- Cheshihin, 1902** – *Cheshihin, V.* (1902). Istoriya russkoi opery (1735–1900 gg.). [History of Russian opera (1735-1900)]. Sankt-Peterburg.: Stolichnaya tipografiya, 271 p. [in Russian]
- Dzhust, 2012** – *Dzhust, A.* (2012). «Ivan Susanin» Kavosa-Shahovskogo: predvestie ofitsial’noi narodnosti v 1812 godu [«Ivan Susanin» by Kavos-Shahovskoi: a harbinger of official nationality in 1812]. *Realii i legendy otechestvennoi voiny 1812 goda.* Sost. Denisenko S.V. SPb., Tver’: RAN, Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom), pp. 154-171. [in Russian]
- Findeizen, 1890** – *Findeizen, N.F.* (1890). Aleksei Nikolaevich Verstovsky. Ocherk ego muzykal’noi deyatel’nosti.: (S portretom kompozitora) [Alexei Nikolaevich Verstovsky: sketch of his musical activity: (With a portrait of the composer)]. SPb.: Tip. Yu. Shtaufa (I. Shishova), [4], 62 p. [in Russian]
- Findeizen, 1896** – *Findeizen, N.F.* (1896). Mihail Ivanovich Glinka: Ego zhizn’ i tvorcheskaya deyatel’nost’ [Mihail Ivanovich Glinka: His life and creative activity]. Ch. 1. SPb.: Tip. N. Findeizena, 36 p. [in Russian]
- Findeizen, 1904** – *Findeizen, N.F.* (1904). Aleksandr Sergeevich Dargomyzhsky: ocherk ego zhizni i muzykal’noi deyatel’nosti [Alexandr Sergeevich Dargomyzhsky: sketch of his life and musical activity]. M.; Leipzig: P. Yurgenson, 50 p. [in Russian]
- Giust, 2011** – *Giust, A.* (2011). “Ivan Susanin” di Catterino Cavos, un’opera russa prima dell’Opera russa [“Ivan Susanin” by Catterino Cavos, the first Russian opera before the Russian opera]. Torino: EDT, VII, 412 p. [in Italian]
- Gozenpud, 1969** – *Gozenpud, A.A.* (1969). Russkiy opernyi teatr XIX veka (1836–1856). [Russian opera theater of XIX century (1836–1856)] Leningrad: «Muzyka», 1969, 464 p. [in Russian]
- Gozenpud, 1971** – *Gozenpud, A.A.* (1971). Russkiy opernyi teatr XIX veka (1857–1872). [Russian opera theater of XIX century (1857–1872)]. Leningrad: «Muzyka», 1971, 335 p. [in Russian]
- Gozenpud, 1973** – *Gozenpud, A.A.* (1973). Russkiy opernyi teatr XIX veka (1873–1889). [Russian opera theater of XIX century (1873–1889)] Leningrad: «Muzyka», 328 p. [in Russian]
- Keldysh, 1948** – *Keldysh, Yu.* (1948). Istoriya russkoi muzyki [History of Russian music]. Ch. I. Moscow; Leningrad: Gosmuzizdat, 472 p. [in Russian]
- Korovin, 2013** – *Korovin, K.A.* (2013). Shalyapin. *Vstrechi i sovместnaya zhyzn’* [Chaliapin. Meetings and life together]. Sankt-Peterburg.: Izdatel’skaya gruppa «Lenizdat», «Komanda A», 192 p. [in Russian]
- Kozlov, 2012** – *Kozlov, V.T.* (2012). Postizhenie istorii posredstvom artefaktov iskusstva, arhivov i arheologii. T. III: Avtografy znamenitykh lyudei v kontekste istorii [Comprehending history through art artifacts, archives and archeology. Vol. III: Autographs of famous people in the context of history]. Moscow: Izd-vo «Kuchkovo pole», 504 p. [in Russian]
- Kyui, 1918** – *Kyui, Ts.A.* (1918). Muzykal’no-kriticheskiya stat’i. T. 1: S portretom avtora [Musical critical articles. Vol. 1: With a portrait of the author]. Predisl. N.A. Rimskogo-Korsakova. Petrograd: Red. zhurn. «Muzykal’nyi sovremennik», VIII, 363 p. [in Russian]
- Larosh, 1867** – *Larosh, G.A.* (1867). Glinka i ego znachenie v istorii muzyki G. Larosha [Glinka and his importance in the history of music by G. Larosh]. M.: Univ. tip., 162 p. [in Russian]
- Lobankova, 2019** – *Lobankova, E.V.* (2019). Glinka: Zhyzn’ v evpohe. Evpoha v zhyzni [Glinka: Life in the Europe. Europe in life]. Moscow: Molodaya gvardiya, 591 p. [in Russian]
- Rimskiy-Korsakov, 2004** – *Rimskiy-Korsakov, N.A.* (2004). M.I. Glinka i ego «Zapiski» [M.I. Glinka and his “Notes”]. Moscow: Gareeva, pp. 8-22. [in Russian]
- Russkaya muzykal’naya gazeta, 1894** – *Russkaya muzykal’naya gazeta.* [Russian musical newspaper]. № 1. 1894. [Electronic resource]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115307/view/> (date of access: 07.02.2022). [in Russian]
- Russkaya muzykal’naya gazeta, 1895** – *Russkaya muzykal’naya gazeta* [Russian musical newspaper]. № 1. 1895. [Electronic resource]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115308/view/> (date of access: 07.02.2022). [in Russian]

- [Russkaya muzykal'naya gazeta, 1900a](#) – Russkaya muzykal'naya gazeta [Russian musical newspaper]. № 1. 1900. [Electronic resource]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115313/view/> (date of access: 07.02.2022). [in Russian]
- [Russkaya muzykal'naya gazeta, 1900b](#) – Russkaya muzykal'naya gazeta. [Russian musical newspaper]. № 2. 1900. [Electronic resource]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115313/view/> (date of access: 07.02.2022). [in Russian]
- [Russkaya muzykal'naya gazeta, 1900c](#) – Russkaya muzykal'naya gazeta [Russian musical newspaper]. № 23-24. 1900. [Electronic resource]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115313/view/> (date of access: 07.02.2022). [in Russian]
- [Russkaya muzykal'naya gazeta, 1901](#) – Russkaya muzykal'naya gazeta [Russian musical newspaper]. № 1. 1901. [Electronic resource]. URL: <https://www.vivaldi.nlr.ru/pn000115314/view/> (date of access: 07.02.2022). [in Russian]
- [Sabaneev, 2018](#) – *Sabaneev, L.L.* (2018). Vospominaniya o Rossii [Memories of Russia]. Moscow: Izdatel'skii dom «Klassika-XXI», 268 p. [in Russian]
- [Shalyapin, 2014](#) – *Shalyapin, F.I.* (2014). Maska i dusha. [Mask and soul]. Moscow: AST, 320 p. [in Russian]
- [Smagina, 2009](#) – *Smagina, E.V.* (2009). Russkaya istoricheskaya opera pervoi poloviny XIX veka: K voprosu stanovleniya zhanra [Russian historical opera of the first half of the XIX century: On the question of the formation of the genre]. *Problemy muzykal'noi nauki*. 2(5): 154-159. [in Russian]
- [Smagina, 2021](#) – *Smagina, E.V.* (2021). Russkaya opera pervoi poloviny XIX veka v kontekste hudozhestvennykh uvlechenii vremeni [Russian historical opera of the first half of the XIX century in the context of artistic hobbies of the time]. *Yuzhno-Rossiiskii muzykal'nyi al'manah*. 1: 5-10. [in Russian]
- [Sollertinsky, 2017](#) – *Sollertinsky, I.I.* (2017). Etyudy o muzyke [Sketches about music]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya, 733 p. [in Russian]
- [Stasov, 1883](#) – *Stasov, V.V.* (1883). Pamyati Musorgskogo [Memory of Musorgsky]. *Istoricheskii vestnik*. T. 23. 3: 644-656. [in Russian]
- [Stasov, 1894–1906](#) – *Stasov V.V.* (1894–1906). Sobranie sochinenii. 1847-1886: s prilozheniem ego portretov i snimka s podnesennogo emu adresa [Collected works. 1847–1886: with the application of his portraits and a photograph from the address presented to him]. T. 1-4. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha. [in Russian]
- [Stasov, 1952](#) – *Stasov, V.V.* (1952). Perov i Musorgsky [Perov and Musorgsky]. M.: «Muzgiz», 44 p. [in Russian]
- [Tchaikovsky, 1934](#) – *Tchaikovsky, P.I.* (1934). Perepiska s N.F. fon Mekk [Correspondence with N.F. von Mekk], red. i prim. V.A. Zhdanova i N.T. Zhegina; Vstup. stat'ya B.S. Pshibyshevskogo. Tom 1, Moscow-Leningrad: Academia, 642 p. [in Russian]
- [Vaidman \(red.\), 2015](#) – Neizvestnyi Tchaikovsky [Unknown Tchaikovsky]. Moscow: «Muzykal'noe izdatel'stvo "P. Yurgenson"», 2015, 360 p. [in Russian]
- [Zapiski M.I. Glinki, 2004](#) – Zapiski M.I. Glinki [Notes of M.I. Glinka]. Moscow: Gareeva, 448 p. [in Russian]
- [Asaf'ev, 1979](#) – *Asaf'ev, B.V.* (1979). Russkaya muzyka. XIX i nachalo XX veka. [Russian music. XIX and early XX century], 2-e izd. Leningrad: Muzyka, 344 p. [in Russian]
- [Olsuf'ev, 2016](#) – *Olsuf'ev, D.A.* (2016). Vechnyi kover zhyzni. Semeinaya hronika [Eternal carpet of life. Family chronicle]. Publikaciya M.G. Talalaya. Moscow: Indrik, 448 p. [in Russian]
- [Tenisheva, 2019](#) – *Tenisheva, M.K.* (2019). Vpechatleniya moei zhyzni [Impressions of my life] Moscow: «Zaharov», 384 p. [in Russian]
- [Tumanina, 2016](#) – *Tumanina, N.V.* (2016). P.I. Tchaikovsky: Velikii master. 1878–1893 gg. [P.I. Tchaikovsky: Great master. 1878–1893]. Otv. red. B.M. Yarustovsky. Moscow: LENAND, 504 p. [in Russian]

К вопросу об истории оперного искусства Российской империи в XIX веке

Оксана Васильевна Бабенко ^a, Павел Владиславович Никитин ^{b,*}

^a Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация

^b Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nikitinP2007@yandex.ru (П.В. Никитин),
o.v.babenko@mail.ru (О.В. Бабенко)

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных аспектов истории русской национальной оперы в контексте историко-культурных особенностей XIX столетия. Авторы, понимая сложность выполнения поставленной задачи в рамках одного исследования, ограниченного рамками научной статьи, отразить наиболее значимые особенности данной проблемы, сделали акцент на ее исторической составляющей: роли театров в общественной жизни России, вмешательстве императорской фамилии в театральную сферу, деятельности Катерино Кавоса в русском театре, историческом значении оперного творчества А.Н. Верстовского, М.И. Глинки, А.С. Даргомыжского, «Могучей кучки» и П.И. Чайковского, пропаганде русского оперного искусства на сцене Частной оперы и личности С.И. Мамонтова. В статье отражены основные театральные реформы рассматриваемого периода, осуществленные Александром I, Николаем I и Александром III, которые были направлены на включение Российской империи в общеевропейский театальный процесс и поднятие престижа русского театра. Приводятся факты о рождении русской национальной оперы на основе синтеза народных мелодий и европейского музыкального опыта. На основе материалов «Русской музыкальной газеты» делается попытка прояснить вопрос о пренебрежительном отношении публики и театального руководства к русской опере. Авторы приходят к выводу о влиянии русской оперной классики XIX века на последующее развитие этого жанра, ее непреходящем значении и востребованности в современном театре.

Ключевые слова: опера, театр, Российская империя, XIX век, А.Н. Верстовский, М.И. Глинка, А.С. Даргомыжский, «Могучая кучка», П.И. Чайковский.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 209-214
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.209

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Theme of Military Propaganda during the First World War on the Pages of the “Propaganda in the World and Local Conflicts” Journal

Bella A. Bulgarova ^{a,*}, Victor V. Barabash ^a, Natalia V. Poplavskaya ^a, Maria Y. Lavrentyeva ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article attempts to consider publications devoted to military propaganda during the First World War, published in the “Propaganda in the World and Local Conflicts” journal.

As materials, 12 articles from the “Propaganda in the World and Local Conflicts” journal were used, which are devoted to various aspects of the First World War. The journal “Propaganda in the World and Local Conflicts” is the only English-language scientific journal in the world that specializes in the history of military propaganda and covers the period from the middle of the XIX to the beginning of the XXI centuries. The journal's the columns are “Articles and messages”, “Weapons of propagandists”, as well as “Letters to the editor”.

In methodological terms, the methods of content analysis and historical and chronological were applied in the work. The content analysis method allowed us to analyze all the articles from the journal “Propaganda in the World and Local Conflicts” and select those that corresponded to the topic of our study. In turn, thanks to the historical-chronological method, we examined the problem under study in its chronological sequence.

In conclusion, the authors state that the topic of military propaganda of the period of the First World War is presented on the pages of the “Propaganda in the World and Local Conflicts” journal by twelve articles, which thematically can be divided into three groups: visualization as a source of propaganda, military propaganda as a problem and the weapon of propagandists. Each of them has a pronounced specificity. To the first group we attributed the publication of cartoons and documentary photographs in the materials of the periodical press of the period of the First World War, to the second – publications on the formation of the image of the enemy and the creation of their own patriotic image, and to the third – publications of a technical nature about the use of technical means by propagandists.

Keywords: the journal “Propaganda in the World and Local Conflicts”, World War I, research, military propaganda.

1. Введение

Тема истории военной пропаганды сегодня привлекает значительное количество ученых. В исследовании Горана Раевича «The History of Military Propaganda: The Horizons of Related Research in the 21st century» среди 25 проанализированных были и две работы по истории военной пропаганды периода Первой мировой войны (Rajovic, 2019: 46). Позднее начали появляться и узкоспециализированные труды по оружию пропагандистов в годы Первой мировой войны. В качестве примера приведем работу Т.А. Магсумова и авторского коллектива «To the Issue of Some Technical Means of Propaganda during the First World War» (Magsumov et al., 2021).

* Corresponding author

E-mail addresses: bulgarova-ba@rudn.ru (B.A. Bulgarova)

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы 12 статей из журнала «Propaganda in the World and Local Conflicts», которые посвящены тем или иным аспектам Первой мировой войны. Журнал «Propaganda in the World and Local Conflicts» – единственный в мире англоязычный научный журнал по истории военной пропаганды. Он был создан в 2014 году Научным издательским домом «Исследователь» и в настоящее время издается два раза в год. Журнал специализируется на истории военной пропаганды и охватывает период с середины XIX и до начала XXI веков. Рубрикация издания состоит из «Статей и сообщений», «Оружия пропагандистов», а также «Писем в редакцию». Журнал публикует от 10 до 13 статей в год. Количество страниц в номере варьируется от 40 до 81.

В методологическом плане в работе были применены методы контент-анализа и историко-хронологический. Метод контент-анализа позволил проанализировать все статьи из журнала «Propaganda in the World and Local Conflicts» и выбрать те, которые отвечали теме нашего исследования. В свою очередь, благодаря историко-хронологическому методу, мы рассмотрели изучаемую проблему в ее хронологической последовательности.

3. Обсуждение и результаты

Анализируя опубликованные работы, мы выделили три основные группы:

1. Визуализация как источник пропаганды – сюда мы отнесли публикации карикатур и документальной фотографии в материалах периодической печати периода войны.
2. Военная пропаганда как проблема – к этой группе относятся публикации по формированию образа врага и созданию собственного патриотического образа.
3. Оружие пропагандистов – публикации технического характера об использовании технических средств пропагандистами.

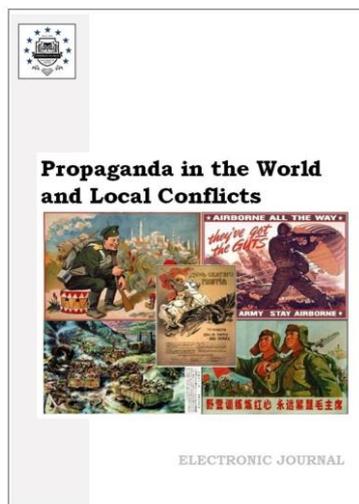

Рис. 1. Обложка журнала

Первая группа – визуализация как источник пропаганды – представлена в журнале тремя статьями. Первой из них была публикация Л.Г. Поляковой «Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine)» (Polyakova, 2016). В данной работе автор отмечает, что корреспонденты журнала «Огонек» направили острие своего пера на карикатурный образ Германии, в то время как союзникам Германии – Австро-Венгрии и Турции – было уделено гораздо меньше внимания. Пропаганда обычно изображала союзников Германии в качестве марионеточных стран, подчиненных Германии. Помимо темы противников Антанты, периодическая печать использовала жанр карикатуры и для обращения к таким темам, как новые военные технологии и проблемы, с которыми приходилось сталкиваться обществу в тылу (Polyakova, 2016: 28).

Второй статьёй была работа М.В. Братолобовой и В.П. Трута «Political Caricature during World War I (based on the Examples of Positive Visualization of the “Friends” and Negative Visualization of the “Foes” in the Don Periodical Press Satirical Cartoons)» (Bratolyubova, Trut, 2017). Авторы предприняли попытку проанализировать рисуемый карикатуристами образ и пришли к следующим выводам: 1. Образ врага представлялся в художественной примитивности, карикатуристы намеренно делали его художественно непривлекательным. Чем он хуже, тем больший эффект достигался. В результате ослаблялись моральные и физические силы противника. «Русские художники буквально создали начертанный образ для визуального «врага» немца. При выявлении направленности враждебной риторики становится ясно, что за этими процессами, с одной стороны, стояло намеренное

конструирование фобий, а с другой – воспроизведение карикатуристами исторических стереотипов» (Bratolyubova, Trut, 2017: 15).

Последняя статья – работа М.В. Братолобовой «Documentary Photography in the Don Periodical Press as an Element of Propaganda During World War I: the «Image of the Enemy» Visualization Features» (Bratolyubova, 2017). В завершении рукописи автор резюмирует, что донская периодическая печать периода войны представляла собой мифологический сборник, в котором были представлены стереотипные представления о Российской империи. Что касается документальной фотографии, то она в военное время выполняла две роли: пропагандистскую и информационную. При помощи публикации таких фотодокументов формировалось представление о «своих» и «чужих» (Bratolyubova, 2017: 94).

Таким образом, особенностью этой группы является то, что исследования проводились с использованием периодической печати периода Первой мировой войны. В качестве источников использовался журнал «Огонек» и журналы, издаваемые на территории Донской области.

Вторая группа – военная пропаганда как проблема – представлена в журнале наиболее массово – 7 статьями. Так, например, в работе А.А. Черкасова и других рассматривается участие несовершеннолетних в русской армии в годы войны. Авторы отмечают, что добровольческое движение в русской армии среди несовершеннолетних возникло внезапно и, несмотря на противодействие гражданских и военных властей, стало свершившимся фактом. Не сумев искоренить это движение всевозможными запретами, российская военная администрация представила добровольческое движение среди несовершеннолетних через средства массовой информации как образец русского патриотизма (Cherkasov et al., 2016: 11).

В работе В.А. Пархоменко «“The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War» уделено внимание формированию «образа врага». Автор отмечает, что главной задачей пропаганды в 1914–1916 гг. было формирование негативного образа врага, поддержка официальной идеологии, распространение патриотических настроений как в армии, так и в тылу. За годы войны было собрано значительное количество свидетельств военных преступлений Германии и ее союзников, которые благодаря усилиям средств массовой информации доносились до целевой аудитории в тылу и на фронте (Parkhomenko, 2018: 53).

В 2018 г. А.Е. Лебедь опубликовал исследование «Propaganda as a Tool of “Non-Lethal Warfare” (on the Example of British and German Propaganda during the Period of World War I)», в котором сделал попытку сравнить английскую и немецкую пропаганду периода войны (Lebid, 2018). Автор разделяет пропаганду на два вида: «классическую», с ярко выраженным антагонизмом и «мягкую», характерную для дипломатических и торговых войн.

Представляет интерес и статья В.Д. Ливенцева о военной пропаганде в русском флоте в первые годы войны (Liventsev, 2019). Подводя итоги исследования, автор резюмирует, что военная пропаганда на флоте велась с использованием различных методов, которые были подчинены укреплению единства между правительством и обществом. Средства массовой информации создавали героический облик солдат и офицеров флота, но, несмотря на это, в обществе произошел всплеск антивоенных настроений (Liventsev, 2019: 64-65).

Малоизвестной теме создания армянских добровольческих дружин уделил внимание М.Н. Кирилов (Kirilov, 2019). Как известно, Кавказский фронт был второстепенным фронтом Первой мировой войны, ввиду этого автор отмечает, что причиной создания армянских дружин была военно-политическая обстановка на Кавказском фронте и нехватка там боеспособных частей русской армии (Kirilov, 2019: 75).

К теме литературной пропаганды и литераторов в годы Первой мировой войны обратился В.С. Каменский (Kamensky, 2021). Автор в работе отмечает, что 1914 г. был годом небывалого патриотического подъема во всех странах-участницах войны. Литература и литераторы одними из первых были привлечены к формированию общественного мнения, однако значительное число литераторов, желая исполнить свой священный долг перед Родиной, отправилось добровольцами на фронт, часть из них с войны уже не вернулась (Kamensky, 2021: 21).

К теме изучения военной пропаганды как проблемы обратился Г. Райович (Rajovic, 2019). Автор проанализировал 25 работ по истории военной пропаганды, которые были опубликованы в научной периодической печати в XXI веке. Публикации о применении военной пропаганды были разделены ученым на три группы: в Новое время, в Новейший период и в современный. При этом большая часть исследований приходилась на Новейший период, который включал и Первую мировую войну (Rajovic, 2019: 46-48).

Все эти публикации объединяет формирование образов «своего» и «чужого» в годы военного противостояния. Для этого применялась целая палитра разнообразных методов по концепции А.Е. Лебеда 1,0 – «классическая», направленная на формирование максимального антагонизма между противоборствующими сторонами.

Третья группа – оружие пропагандистов – представлена двумя статьями, а именно работой J.M. Giron-Gonzalez «Messenger Pigeons as a Propagandist’s Weapon (the Case of World War I)» (Giron-Gonzalez, 2020). Автор рассмотрел малоизвестную проблему применения почтовых голубей для нужд

военной пропаганды и отметил, что к началу Первой мировой войны все противоборствующие стороны накопили значительный опыт применения голубей в военных целях. В условиях мирового противостояния потенциал голубей продолжал изучаться и применялся как в разведывательных, так и в пропагандистских целях, причем это применение было весьма эффективно на определенных этапах войны (Giron-Gonzalez, 2020: 42).

Статья С.Н. Никитина «Propaganda Ammunition (Based on the Experience of World War I and World War II)» (Nikitin, 2020) была посвящена опыту первых двух мировых войн в применении пропагандистских боеприпасов. Автор отмечает, что опыт использования агитационных материалов в годы Первой мировой войны показал, что существенную роль в организации психологического воздействия на противника в военном противостоянии может оказать оперативная доставка агитационных материалов к местам дислокации неприятеля. В связи с этим накануне и в годы Второй мировой войны механизмы такой доставки продолжали совершенствоваться (Nikitin, 2020: 48).

Рубрика «Оружие пропагандистов» в журнале встречается достаточно часто, тем не менее большая часть статей имеет отношение к периоду после Первой мировой войны.

4. Заключение

Таким образом, тема военной пропаганды периода Первой мировой войны представлена на страницах журнала «Propaganda in the World and Local Conflicts» двенадцатью статьями, которые тематически можно разделить на три группы: визуализация как источник пропаганды, военная пропаганда как проблема и оружие пропагандистов. Каждая из них имеет ярко выраженную специфику. К первой группе мы отнесли публикации карикатур и документальной фотографии в материалах периодической печати периода Первой мировой войны. Ко второй – публикации по формированию образа врага и созданию собственного патриотического образа, а к третьей – публикации технического характера об использовании технических средств пропагандистами.

5. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН / This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Литература

Bratolyubova, 2017 – *Bratolyubova M.V. Documentary Photography in the Don Periodical Press as an Element of Propaganda During World War I: the «Image of the Enemy» Visualization Features // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2017. 4(2): 89-95.*

Bratolyubova, Trut, 2017 – *Bratolyubova M.V., Trut V.P. Political Caricature during World War I (based on the Examples of Positive Visualization of the “Friends” and Negative Visualization of the “Foes” in the Don Periodical Press Satirical Cartoons) // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2017. 4(1): 4-16.*

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2016. 5(1): 4-11.*

Giron-Gonzalez, 2020 – *Giron-Gonzalez J.M. Messenger Pigeons as a Propagandist’s Weapon (the Case of World War I) // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2020. 7(1): 38-43.*

Kamensky, 2021 – *Kamensky V.S. Literary Propaganda and Litterateurs during World War I // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2021. 8(1): 16-22.*

Kirilov, 2019 – *Kirilov M.N. Foreign Units in the Russian Army during World War I. Formation of Armenian Vigilante Units in the Caucasian Front // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2019. 6(2): 67-76.*

Lebid, 2018 – *Lebid A.E. Propaganda as a Tool of “Non-Lethal Warfare” (on the Example of British and German Propaganda during the Period of World War I) // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2018. 5(2): 55-64.*

Liventsev, 2019 – *Liventsev D.V. Military Propaganda in the Russian Navy in the Period 1914–1915 // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2019. 6(2): 55-66.*

Magsumov et al., 2021 – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. To the Issue of Some Technical Means of Propaganda during the First World War // Bylye Gody. 2021. 16(3): 1527-1532.*

Nikitin, 2020 – *Nikitin S.N. Propaganda Ammunition (Based on the Experience of World War I and World War II) // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2020. 7(1): 44-48.*

Parkhomenko, 2018 – *Parkhomenko V.A. “The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2018. 5(2): 49-54.*

Polyakova, 2016 – *Polyakova L.G. Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine) // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2016. 5(1): 12-29.*

Rajovic, 2019 – *Rajovic G. The History of Military Propaganda: The Horizons of Related Research in the 21st century // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2019. 6(2): 43-49.*

References

- Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov, A.A., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 4-11.
- Polyakova, 2016 – Polyakova, L.G. (2016). Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 12-29.
- Bratolyubova, Trut, 2017 – Bratolyubova, M.V., Trut, V.P. (2017). Political Caricature during World War I (based on the Examples of Positive Visualization of the “Friends” and Negative Visualization of the “Foes” in the Don Periodical Press Satirical Cartoons). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 4(1): 4-16.
- Bratolyubova, 2017 – Bratolyubova, M.V. (2017). Documentary Photography in the Don Periodical Press as an Element of Propaganda During World War I: the «Image of the Enemy» Visualization Features. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 4(2): 89-95.
- Parkhomenko, 2018 – Parkhomenko, V.A. (2018). “The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(2): 49-54.
- Lebid, 2018 – Lebid, A.E. (2018). Propaganda as a Tool of “Non-Lethal Warfare” (on the Example of British and German Propaganda during the Period of World War I). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(2): 55-64.
- Liventsev, 2019 – Liventsev, D.V. (2019). Military Propaganda in the Russian Navy in the Period 1914–1915. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 6(2): 55-66.
- Kirilov, 2019 – Kirilov, M.N. (2019). Foreign Units in the Russian Army during World War I. Formation of Armenian Vigilante Units in the Caucasian Front. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 6(2): 67-76.
- Giron-Gonzalez, 2020 – Giron-Gonzalez, J.M. (2020). Messenger Pigeons as a Propagandist’s Weapon (the Case of World War I). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 7(1): 38-43.
- Nikitin, 2020 – Nikitin, S.N. (2020). Propaganda Ammunition (Based on the Experience of World War I and World War II). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 7(1): 44-48.
- Kamensky, 2021 – Kamensky, V.S. (2021). Literary Propaganda and Litterateurs during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(1): 16-22.
- Rajovic, 2019 – Rajovic, G. (2019). The History of Military Propaganda: The Horizons of Related Research in the 21st century. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 6(2): 43-49.
- Magsumov et al., 2021 – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). To the Issue of Some Technical Means of Propaganda during the First World War. *Bylye Gody*. 16(3): 1527-1532.

Тема военной пропаганды в годы Первой мировой войны на страницах журнала «Propaganda in the World and Local Conflicts»

Белла Ахмедовна Булгарова ^{a, *}, Виктор Владимирович Барабаш ^a, Наталия Владимировна Поплавская ^a, Мария Юрьевна Лаврентьева ^a

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье делается попытка рассмотреть публикации, посвященные военной пропаганде в годы Первой мировой войны, которые были опубликованы в журнале «Propaganda in the World and Local Conflicts».

В качестве материалов были использованы 12 статей из журнала «Propaganda in the World and Local Conflicts», которые посвящены тем или иным аспектам Первой мировой войны. Журнал «Propaganda in the World and Local Conflicts» – единственный в мире англоязычный научный журнал, который специализируется на истории военной пропаганды и охватывает период с середины XIX и до начала XXI веков. Рубрики журнала – «Статьи и сообщения», «Оружие пропагандистов», а также «Письма в редакцию».

В методологическом плане в работе были применены методы контент-анализа и историко-хронологический. Метод контент-анализа позволил проанализировать все статьи из журнала «Propaganda in the World and Local Conflicts» и выбрать те, которые отвечали теме нашего исследования. В свою очередь, благодаря историко-хронологическому методу, мы рассмотрели изучаемую проблему в ее хронологической последовательности.

В заключении авторы отмечают, что тема военной пропаганды периода Первой мировой войны представлена на страницах журнала «Propaganda in the World and Local Conflicts» двенадцатью статьями, которые тематически можно разделить на три группы: визуализация как источник

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bulgarova-ba@rudn.ru (Б.А. Булгарова)

пропаганды, военная пропаганда как проблема и оружие пропагандистов. Каждая из них имеет ярко выраженную специфику. К первой группе мы отнесли публикации карикатур и документальной фотографии в материалах периодической печати периода Первой мировой войны, ко второй – публикации по формированию образа врага и созданию собственного патриотического образа, а к третьей – публикации технического характера об использовании технических средств пропагандистами.

Ключевые слова: Журнал «Propaganda in the World and Local Conflicts», Первая мировая война, исследования, военная пропаганда.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 215-224
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.215

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Infant Mortality in the Russian Empire (1850–1910): A Historical and Statistical Study

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Ludmila G. Zimovets ^d, Larisa A. Koroleva ^e

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b American Historical Association, Washington, USA

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^e Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

Abstract

The article deals with infant mortality in the age group from birth to 5 years in the Russian Empire in the period 1850–1910. The attention is paid to the minimum and maximum values, as well as the causes of child mortality.

As the main materials of the study, we used the reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the spiritual department of the Orthodox faith for 1850–1910. Besides this, the documents of the National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation) were involved.

The work is based on the basic principles of historicism, consistency and objectivity. The statistical method is of great importance in it, which made it possible to fully analyze the available statistical data on infant mortality in the territory of the Russian Empire in the period 1850–1910, as well as to detect important characteristic features.

In conclusion, the authors state that in 1850–1910, the mortality rate of children among the age group from birth to 5 years ranged from 34.6 to 51.1 %. Thus, the annual average percentage of child mortality in 1850–1910 was 41.5 %. The minimum value was achieved in 1907, most likely due to the notable successes of Russian medicine, and the maximum value was in 1892 (the year of crop failure and the epidemics of typhus and cholera that broke out as a result).

To determine the average (not excessive) number of cases of child deaths, we excluded 1892 from the accounting. As a result, it turned out that in the period of 1850–1891 the average percentage of mortality among this age group was 42.2 %, and in 1893–1910 it was already 39 % (while in 1900–1910 this percentage was even lower – 38.5 %).

Keywords: infant mortality, the Russian Empire, 1850–1910, historical and statistical research.

1. Введение

Работая над темой о долгожителях Российской империи (1836–1917 гг.) (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a; Cherkasov et al., 2020b; Cherkasov et al., 2020c), мы обратили внимание на высокую детскую смертность. Нужно сразу пояснить, что под детским возрастом в данном случае мы понимаем возрастную категорию от рождения до 5 лет, смертность в которой была чрезвычайно высока. К примеру, в 1850 г. в России умерло в этом диапазоне 964 207 детей, а в следующем диапазоне – от 5 до 10 лет – почти в 10 раз меньше – 104 507 (Извлечение, 1852: 39). Причин высокой смертности в возрасте до 5 лет было множество, но главные из них – природная слабость или так

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

называемый родимец в младенчестве (возраст до 1 года). В данной статье мы хотели бы рассмотреть динамику смертности детей в возрасте от рождения до 5 лет на протяжении периода с 1850 по 1910 гг.

2. Материалы и методы

В качестве материалов исследования нами были использованы отчеты обер-прокурора Святейшего синода по духовному ведомству православного вероисповедания за 1850–1910 гг. Данные хронологические рамки нами были выбраны в связи с тем, что до 1850 г. в отчетах обер-прокурора данных о смертности в возрастных группах не публиковалось, этим же объясняется и верхняя точка – 1910 г. Начиная с 1911 г., в отчетах указывались только лица, достигшие 100 лет и более, то есть детализации по более ранним возрастам нет. Помимо этого, в работе использованы документы Национального архива Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация), в частности документы фонда 25 (метрические книги по Кемскому уезду).

Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет статистический метод, который позволил максимально полно проанализировать имеющиеся статистические данные о детской смертности на территории Российской империи в период 1850–1910 гг., а также обнаружить важные характерные особенности.

3. Обсуждение

Проблема детской смертности в Российской империи в историографии рассматривалась многократно. Еще в дореволюционный период Ф.Ф. Эрисман, занимавшийся изучением детской смертности в Новгородской губернии, отмечал, что в 1836–1855 гг. на первом году жизни умирало 73 % детей (Эрисман, 1887: 95). Среди других работ можно назвать опубликованный доклад Д.А. Соколова и Г.И. Гребенщикова «Смертность в России и борьба с ней» (Соколов, Гребенщиков, 1901), а также работу С.А. Новосельского «Смертность и продолжительность жизни в России» (Новосельский, 1916). Нужно отметить и работу П.И. Куркина «Статистика движения населения в Московской губернии в 1883–1897 гг.» (Куркин, 1902).

В новейшее время к теме детской смертности обращались такие авторы, как А.Г. Рашин в сборнике «Население России за 100 лет (1813–1913): статистические очерки» (Рашин, 1956), Э. Конюс «Истоки русской педиатрии» (Конюс, 1946), D.L. Ransel «Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia» (Ransel, 1988) и др.

В современный период тема детской смертности изучалась как на примерах отдельных мест и регионов, так и в общероссийском масштабе. К первой группе относятся труды: И.Ю. Шустовой о детской смертности на примере Сандыревского прихода Ярославской епархии (Шустрова, 2012), М.О. Сафроновой – на примере Тульской губернии в дореволюционный период (Сафронова, 2020), И.Ю. Сердюк – об аналогичных процессах на территории Гетманщины в XVIII веке (Сердюк, 2014), А.С. Купрюшина и А.В. Первушкина – на примере Пензенской губернии (Купрюшин, Первушкин, 2016). А.Х. Машарипова рассматривала детскую смертность у коми-зырян Нижнего Притоболья (Машарипова, 2014), а Е.В. Бурлуцкая (Банникова) – на примере купеческих семей города Оренбурга (Бурлуцкая (Банникова), 2017), Н.А. Копытова – в городе Мариинске Томской губернии (Копытова, 2007). Также необходимо отметить работу С.В. Голиковой «Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методический аспект» (Голикова, 2012).

Что касается общероссийских работ, то здесь важно назвать исследования Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)» (Миронов, 2003) и Н.А. Мицюк об опыте борьбы с детской смертностью в первой половине XIX в. (Мицюк, 2015).

4. Результаты

Итак, обращаясь к теме нашего исследования, мы привлекли отчеты обер-прокурора Святейшего синода за период с 1850 по 1910 гг., в которых содержались данные только по православному населению империи обоих полов. Из обширного статистического материала нами были выбраны ежегодные данные о рождении детей и их смертности в возрастном диапазоне от рождения до 5 лет. Для того чтобы высчитать ежегодный процент умерших детей в возрасте до 5 лет, мы использовали следующую методику: для определения значения детской смертности в 1850 г. ежегодное количество родившихся делили на количество детей, умерших в том же году в возрасте до 5 лет. Таким образом, мы высчитали процент смертности в этой возрастной группе (Таблица 1).

Таблица 1. Количество родившихся и умерших детей в возрастной категории до 5 лет в Российской империи в 1850–1910 гг. (Извлечение, 1852: 34, 39; Извлечение, 1853: 34, 39; Извлечение, 1854: 34, 39; Извлечение, 1855: 34, 39; Извлечение, 1856: 34, 39; Извлечение, 1857: 34, 39; Извлечение, 1859: 34, 39; Извлечение, 1860: 50, 55; Извлечение, 1861: 50, 55; Извлечение, 1862: 50, 55; Извлечение, 1864: 50, 55; Извлечение, 1867: 54, 59; Извлечение, 1868: 54, 59; Извлечение, 1869: 54, 59; Извлечение, 1870: 52, 57; Извлечение, 1871: 52, 57; Извлечение, 1872: 52, 57; Извлечение, 1873: 52, 57; Извлечение, 1874: 52, 57; Извлечение, 1875: 52, 57; Извлечение, 1876: 52, 57; Извлечение, 1877: 52, 57; Извлечение, 1878: 52, 57;

Извлечение, 1879: 52, 57; Извлечение, 1881: 52, 57; Извлечение, 1882: 52, 57; Извлечение, 1883: 52, 57; Извлечение, 1884: 54, 59; Извлечение, 1885: 54, 59; Всеподданнейший отчет, 1886: 54, 59; Всеподданнейший отчет, 1887: 54, 59; Всеподданнейший отчет, 1888: 58, 63; Всеподданнейший отчет, 1889: 54, 59; Всеподданнейший отчет, 1891: 52, 69, 77; Всеподданнейший отчет, 1893: 52, 57, 172, 177; Всеподданнейший отчет, 1895: 38, 41, 118, 121; Всеподданнейший отчет, 1898: 38, 41, 116, 119; Всеподданнейший отчет, 1901: 18, 21; Всеподданнейший отчет, 1902: 18, 21; Всеподданнейший отчет, 1903: 18, 21; Всеподданнейший отчет, 1905: 18, 21; Всеподданнейший отчет, 1905а: 18, 21; Всеподданнейший отчет, 1909: 40, 43, 48, 51; Всеподданнейший отчет, 1910: 38, 41, 46, 49, 54, 57; Всеподданнейший отчет, 1911: 41, 46, 58)

Годы	Родилось			Умерло детей в возрасте до 5 лет	% умерших от числа родившихся за 5 лет
	Мальчики	Девочки	Всего		
1850	1 289 782	1 227 819	2 517 601	964 207	38,2
1851	1 227 245	1 172 558	2 399 803	986 216	41,1
1852	1 276 055	1 215 345	2 491 400	942 485	37,8
1853	1 364 545	1 307 609	2 672 154	1 132 513	42,3
1854	1 308 375	1 249 515	2 557 890	1 094 087	42,7
1855	1 273 545	1 209 811	2 483 356	1 142 238	45,9
1856	1 230 887	1 175 068	2 405 955	1 028 883	42,7
1857	1 362 169	1 298 603	2 660 772	1 003 662	37,7
1858	1 412 205	1 343 823	2 756 028	1 136 234	41,2
1859	1 461 473	1 393 847	2 855 320	1 206 445	42,2
1860	1 424 998	1 365 896	2 790 834	1 268 229	45,4
1865	1 442 795	1 381 660	2 824 455	1 159 069	41,0
1866	1 371 993	1 314 972	2 686 965	1 246 999	46,4
1867	1 444 663	1 385 876	2 830 539	1 180 155	41,6
1868	1 508 228	1 442 544	2 950 772	1 309 711	44,3
1869	1 534 679	1 473 845	3 008 524	1 296 858	43,1
1870	1 487 414	1 414 470	2 901 884	1 116 220	38,4
1871	1 593 194	1 524 641	3 117 835	1 303 766	41,8
1872	1 534 571	1 476 767	3 011 338	1 373 300	45,6
1873	1 667 949	1 604 465	3 272 414	1 361 396	41,6
1874	1 589 090	1 543 255	3 132 345	1 323 302	42,2
1875	1 656 518	1 588 155	3 244 673	1 290 520	39,7
1876	1 658 061	1 585 102	3 243 163	1 320 747	40,7
1877	1 621 540	1 554 041	3 175 581	1 328 173	41,8
1878	1 514 894	1 451 889	2 966 783	1 428 511	48,1
1879	1 624 985	1 551 060	3 176 045	1 307 472	41,1
1880	1 762 315	1 689 648	3 451 963	1 508 714	43,7
1881	1 741 398	1 666 749	3 408 147	1 364 937	40,0
1882	1 941 491	1 677 212	3 618 703	1 666 378	45,2
1883	1 713 957	1 643 230	3 357 187	1 496 820	44,5
1884	1 719 080	1 642 725	3 361 805	1 345 551	40,0
1885	1 945 640	1 865 145	3 810 785	1 602 976	42,0
1886	1 955 280	1 871 783	3 827 063	1 501 454	39,2
1888	2 008 663	1 923 412	3 932 075	1 554 995	39,5
1889	2 115 249	2 015 544	4 130 793	1 811 030	43,8
1890	2 074 532	1 972 577	4 047 109	1 882 809	46,5
1891	2 193 808	2 097 838	4 291 646	1 860 660	43,3
1892	2 042 052	1 949 516	3 991 568	2 040 271	51,1
1893	2 170 643	2 061 557	4 232 200	1 717 406	40,5
1894	2 209 403	2 107 775	4 317 178	1 795 658	41,5
1897	2 381 119	2 275 408	4 656 527	1 835 224	39,4
1898	2 371 022	2 259 782	4 630 804	1 901 189	41,0
1900	2 477 147	2 356 562	4 833 709	1 789 507	37,0
1901	2 469 122	2 355 017	4 824 139	1 861 207	38,5
1902	2 584 944	2 464 566	5 049 510	1 967 233	38,9
1903	2 588 403	2 458 277	5 046 680	1 911 929	37,8
1904	2 655 907	2 521 584	5 177 491	1 904 029	36,7
1905	2 501 805	2 388 088	4 889 893	2 089 217	42,7
1906	2 683 429	2 556 333	5 239 762	2 018 257	38,5

1907	2 775 973	2 656 498	5 432 471	1 884 002	34,6
1908	2 750 894	2 619 719	5 370 613	2 035 536	37,9
1909	2 798 683	2 672 899	5 471 582	2 162 408	39,5
1910	2 867 810	2 753 049	5 620 859	2 336 723	41,5

Анализируя [Таблицу 1](#), мы можем видеть, что в рассматриваемые годы смертность детей среди возрастной категории от рождения до 5 лет колебалась в промежутке от 34,6 до 51,1 %. Таким образом, ежегодный средний процент смертности детей в 1850–1910 гг. составлял 41,5 %. Минимальное значение было достигнуто в 1907 г., по всей вероятности, благодаря заметным успехам российской медицины, а максимальное значение – в 1892 г. Как известно, накануне, в первую очередь в аграрном секторе, произошел сильный неурожай, что повлекло за собой эпидемиологические вспышки сперва тифа, а потом холеры. Они и дали резкий скачок роста детской смертности. В период 1850–1891 гг. средний процент смертности среди данной возрастной категории составлял 42,2 %, а в 1893–1910 гг. – уже 39 % (при этом в 1900–1910 гг. этот процент был еще ниже – 38,5 %). Иными словами, присутствовала динамика к сокращению смертности среди данной возрастной группы. Для лучшей визуализации мы свели данные о ежегодном проценте смертности среди детей в Российской империи в возрасте до 5 лет в диаграмму ([Рисунок 1](#)).

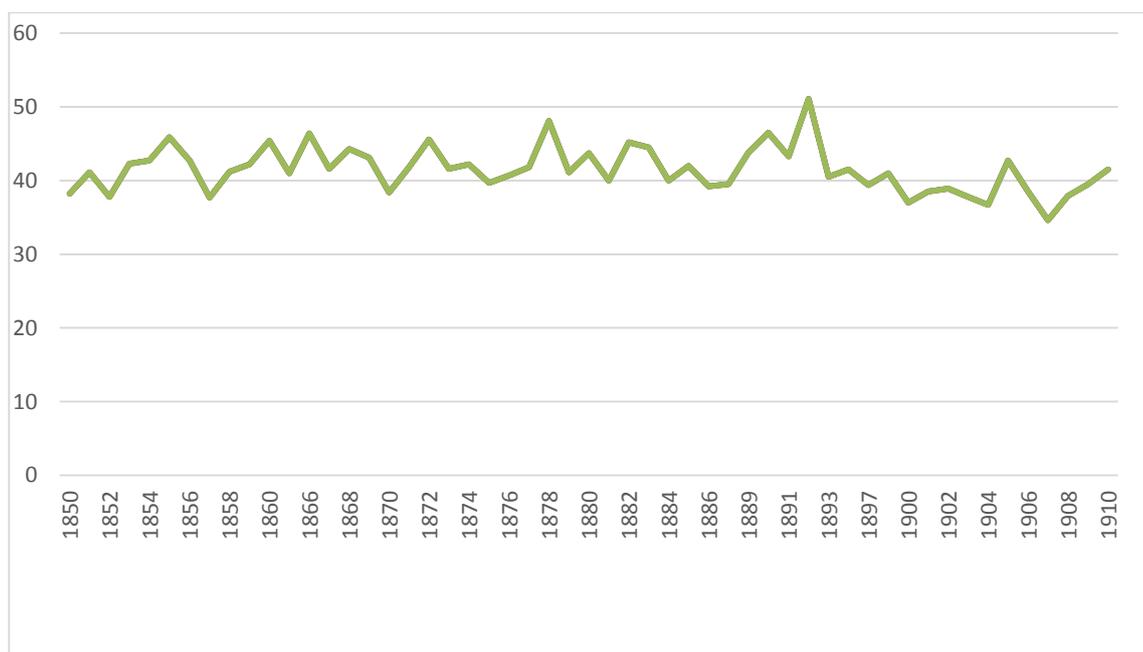

Рис. 1. Процент смертности детей в возрасте до 5 лет в период 1850–1910 гг.

Как отмечал Ф.Ф. Эрисман на примере Новгородской губернии, смертность наиболее высока была среди детей в возрасте до 1 года ([Эрисман, 1887: 95](#)). Причем этот «тренд» сохранялся и в начале XX века. Проиллюстрируем данную ситуацию следующим примером: в селении Кереть Олонецкой губернии у крестьянской девки Анастасии Пайкачевой в период 1902–1918 гг. родилось 10 детей, из них умерло в возрасте до 1 года – 6 детей, еще один ребенок умер в 8-летнем возрасте ([НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 73. Л. 135об., 173об., 267об.](#); [НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 95. Л. 191об.](#); [НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 135. Л. 318об.](#); [НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 168. Л. 179об.](#); [НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 126. Л. 96об.](#)). Большинство детей (5 человек) умерли от природной слабости в возрасте до 1 года, один ребенок в этом же возрасте – от кровавого поноса и только 8-летний ребенок умер от простуды ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 168. Л. 179об.](#)).

Резко возрастала смертность среди детей в условиях эпидемий. Так, в том же селе Кереть в 1875 г. произошла вспышка оспы, в течение года только в возрастной группе от рождения до 25 лет умерло 84 человека, из них 62 – в возрасте до 5 лет ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 43. Л. 557](#)). При этом обычная смертность среди этой возрастной группы не превышала 25 человек, например в 1882 г. ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 56. Л. 260](#)). Таким образом, смертность среди детей в период эпидемий могла увеличиваться в три и более раза. Кроме того, в этом населенном пункте фиксировались и другие инфекционные вспышки, например скарлатины ([НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 23. Л. 189об.](#)).

5. Заключение

В заключении мы хотели бы отметить, что в 1850–1910 гг. смертность детей среди возрастной категории от рождения до 5 лет колебалась в промежутке от 34,6 до 51,1 %. Таким образом,

ежегодный средний процент смертности среди детей в 1850–1910 гг. составлял 41,5 %. Минимальное значение было достигнуто в 1907 г., по всей вероятности, в связи с заметными успехами российской медицины, а максимальное значение – в 1892 г. (год неурожая и вспыхнувших вследствие этого эпидемий тифа и холеры).

Для определения среднего (не избыточного) количества случаев детских смертей мы исключили 1892 г. из учета. В результате получилось, что в период 1850–1891 гг. средний процент смертности среди данной возрастной категории составлял 42,2 %, а в 1893–1910 гг. – уже 39 % (при этом в 1900–1910 гг. этот процент был еще ниже – 38,5 %).

Литература

[Бурлуцкая \(Банникова\), 2017](#) – *Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* Детская смертность в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX в. // *Клио.* 2017. № 7(127). С. 80-85.

[Всепопданнейший отчет, 1886](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1884 г. Санкт-Петербург, 1886.

[Всепопданнейший отчет, 1887](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1885 г. Санкт-Петербург, 1887.

[Всепопданнейший отчет, 1888](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1886 г. Санкт-Петербург, 1888.

[Всепопданнейший отчет, 1889](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1887 г. Санкт-Петербург, 1889.

[Всепопданнейший отчет, 1891](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1888 и 1889 гг. Санкт-Петербург, 1891.

[Всепопданнейший отчет, 1893](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1890 и 1891 гг. Санкт-Петербург, 1893.

[Всепопданнейший отчет, 1895](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1892 и 1893 гг. Санкт-Петербург, 1895.

[Всепопданнейший отчет, 1898](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1894 и 1895 гг. Санкт-Петербург, 1898.

[Всепопданнейший отчет, 1901](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1898 г. Санкт-Петербург, 1901.

[Всепопданнейший отчет, 1902](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1899 г. Санкт-Петербург, 1902.

[Всепопданнейший отчет, 1903](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1900 г. Санкт-Петербург, 1903.

[Всепопданнейший отчет, 1905](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1901 г. Санкт-Петербург, 1905.

[Всепопданнейший отчет, 1905а](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1902 г. Санкт-Петербург, 1905.

[Всепопданнейший отчет, 1909](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1903–1904 гг. Санкт-Петербург, 1909.

[Всепопданнейший отчет, 1910](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1905–1907 гг. Санкт-Петербург, 1910.

[Всепопданнейший отчет, 1911](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1908–1909 гг. Санкт-Петербург, 1911.

[Всепопданнейший отчет, 1913](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1910 г. Санкт-Петербург, 1913.

[Всепопданнейший отчет, 1913а](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1911–1912 гг. Санкт-Петербург, 1913.

[Всепопданнейший отчет, 1915](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1913 г. Петроград, 1915.

[Всепопданнейший отчет, 1916](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1914 г. Петроград, 1916.

[Голикова, 2012](#) – *Голикова С.В.* Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методический аспект. Екатеринбург, 2012.

[Извлечение, 1852](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1851 г. Санкт-Петербург, 1852.

[Извлечение, 1853](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1852 г. Санкт-Петербург, 1853.

[Извлечение, 1854](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1853 г. Санкт-Петербург, 1854.

[Извлечение, 1855](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1854 г. Санкт-Петербург, 1855.

- [Извлечение, 1856](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1856 г. Санкт-Петербург, 1856.
- [Извлечение, 1857](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1856 г. Санкт-Петербург, 1857.
- [Извлечение, 1859](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1857 г. Санкт-Петербург, 1859.
- [Извлечение, 1860](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1858 г. Санкт-Петербург, 1860.
- [Извлечение, 1861](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1859 г. Санкт-Петербург, 1861.
- [Извлечение, 1862](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1860 г. Санкт-Петербург, 1862.
- [Извлечение, 1864](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1861 г. Санкт-Петербург, 1864.
- [Извлечение, 1867](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1866 г. Санкт-Петербург, 1867.
- [Извлечение, 1868](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1867 г. Санкт-Петербург, 1868.
- [Извлечение, 1869](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1868 г. Санкт-Петербург, 1869.
- [Извлечение, 1870](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1869 г. Санкт-Петербург, 1870.
- [Извлечение, 1871](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1870 г. Санкт-Петербург, 1871.
- [Извлечение, 1872](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1871 г. Санкт-Петербург, 1872.
- [Извлечение, 1873](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1872 г. Санкт-Петербург, 1873.
- [Извлечение, 1874](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1873 г. Санкт-Петербург, 1874.
- [Извлечение, 1875](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1874 г. Санкт-Петербург, 1875.
- [Извлечение, 1876](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1875 г. Санкт-Петербург, 1876.
- [Извлечение, 1877](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1876 г. Санкт-Петербург, 1877.
- [Извлечение, 1878](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1877 г. Санкт-Петербург, 1878.
- [Извлечение, 1879](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1878 г. Санкт-Петербург, 1879.
- [Извлечение, 1881](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1879 г. Санкт-Петербург, 1881.
- [Извлечение, 1882](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1880 г. Санкт-Петербург, 1882.
- [Извлечение, 1883](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1881 г. Санкт-Петербург, 1883.
- [Извлечение, 1884](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1882 г. Санкт-Петербург, 1884.
- [Извлечение, 1885](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1883 г. Санкт-Петербург, 1885.
- [Конюс, 1946](#) – *Конюс Э.* Истоки русской педиатрии. М., 1946.
- [Копытова, 2007](#) – *Копытова Н.А.* Детская смертность в г. Мариинске Томской губернии во второй половине XIX в. (по материалам метрических книг) // *Альманах современной науки и образования.* 2007. № 2. С. 41-42.
- [Купрюшин, Первушкин, 2016](#) – *Купрюшин А.С., Первушкин А.В.* Детская смертность в Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Медицинская экспертиза и право.* 2016. № 3. С. 48-50.
- [Куркин, 1902](#) – *Куркин П.И.* Статистика движения населения в Московской губернии в 1883–1897 гг. М., 1902.
- [Машарипова, 2014](#) – *Машарипова А.Х.* Детская смертность у коми-зырян Нижнего Притоболья в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* 2014. № 1(24). С. 133-137.

- [Миронов, 2003](#) – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003.
- [Мицюк, 2015](#) – *Мицюк Н.А.* Опыт борьбы с детской смертностью в первой половине XIX века // *Смоленский медицинский альманах*. 2015. № 3. С. 31-37.
- [Новосельский, 1916](#) – *Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград, 1916.
- [Рашин, 1956](#) – *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1813–1913): статистические очерки / Под ред. С. Г. Струмилина. М., 1956.
- [Сафронова, 2020](#) – *Сафронова М.О.* Детская смертность в Тульской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Тульский научный вестник. Серия «История. Языкознание»*. 2020. № 4(4). С. 25-35.
- [Сердюк, 2014](#) – *Сердюк И.А.* Детская смертность и точность метрического учета населения Гетманщины во второй половине XVIII в. // *Историческая демография*. 2014. № 1(13). С. 14-18.
- [Соколов, Гребенщиков, 1901](#) – *Соколов Д.А., Гребенщиков В.И.* Смертность в России и борьба с ней: доклад в соединенном собрании Общества русских врачей, Общества детских врачей в Санкт-Петербурге и Статистического отделения Высочайше утвержденного Русского общества охранения народного здоровья, 22 марта 1901 г. в зале Музея Н.И. Пирогова. СПб., 1901.
- [Шустрова, 2012](#) – *Шустрова И.Ю.* Детская смертность в русской деревне XIX века (по данным когортного анализа Сандыревского прихода Ярославской епархии) // *Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер*. 2012. № 38. С. 65-66.
- [Эрисман, 1887](#) – *Эрисман Ф.Ф.* Курс гигиены. В 2 т. Т. II. СПб., 1887.
- [Cherkasov et al., 2021](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G.* The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 159-168.
- [Cherkasov et al., 2021a](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G.* The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 669-688.
- [Cherkasov et al., 2021b](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1326-1345.
- [Cherkasov et al., 2021c](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 4 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1762-1778.
- [Ransel, 1988](#) – *Ransel D.L.* Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988.

References

- [Burlutskaya \(Bannikova\), 2017](#) – *Burlutskaya (Bannikova), E.V.* (2017). Detskaya smertnost' v kupecheskikh sem'yakh Orenburga vtoroi poloviny XIX v. [Infant mortality in merchant families of Orenburg in the second half of the 19th century]. *Klio*. 7(127): 80-85. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2021](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Ponomareva, M.A., Zimovets, L.G.* (2021). The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 159-168.
- [Cherkasov et al., 2021a](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Ponomareva, M.A., Zimovets, L.G.* (2021). The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 669-688.
- [Cherkasov et al., 2021b](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2021). The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1326-1345.
- [Cherkasov et al., 2021c](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* (2021). The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 4. *Bylye Gody*. 16(4): 1762-1778.
- [Erisman, 1887](#) – *Erisman, F.F.* (1887). Kurs gigieny [Hygiene course]. V 2 t. T. II. SPb. [in Russian]
- [Golikova, 2012](#) – *Golikova, S.V.* (2012). Detskaya smertnost' v Permskoi gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): istochnikovedcheskii i metodicheskii aspekt [Child mortality in the Perm province (second half of the 19th – early 20th century): source study and methodological aspect]. Ekaterinburg, [in Russian]
- [Izvlечение, 1852](#) – *Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1851 g.* [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1851]. Sankt-Peterburg, 1852. [in Russian]
- [Izvlечение, 1853](#) – *Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1852 g.* [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1852]. Sankt-Peterburg, 1853. [in Russian]
- [Izvlечение, 1854](#) – *Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1853 g.* [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1853]. Sankt-Peterburg, 1854. [in Russian]
- [Izvlечение, 1855](#) – *Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1854 g.* [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1854]. Sankt-Peterburg, 1855. [in Russian]
- [Izvlечение, 1856](#) – *Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1855 g.* [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1855]. Sankt-Peterburg, 1856. [in Russian]
- [Izvlечение, 1857](#) – *Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1856 g.* [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1856]. Sankt-Peterburg, 1857. [in Russian]

- Izvolechenie, 1859** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1857 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1857]. Sankt-Peterburg, 1859. [in Russian]
- Izvolechenie, 1860** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1858 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1858]. Sankt-Peterburg, 1860. [in Russian]
- Izvolechenie, 1861** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1859 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1859]. Sankt-Peterburg, 1861. [in Russian]
- Izvolechenie, 1862** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1860 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1860]. Sankt-Peterburg, 1862. [in Russian]
- Izvolechenie, 1864** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1861 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1861]. Sankt-Peterburg, 1864. [in Russian]
- Izvolechenie, 1867** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1866 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1866]. Sankt-Peterburg, 1867. [in Russian]
- Izvolechenie, 1868** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1867 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1867]. Sankt-Peterburg, 1868. [in Russian]
- Izvolechenie, 1869** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1868 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1869]. Sankt-Peterburg, 1868. [in Russian]
- Izvolechenie, 1870** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1869 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1869]. Sankt-Peterburg, 1870. [in Russian]
- Izvolechenie, 1871** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1870 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1870]. Sankt-Peterburg, 1871. [in Russian]
- Izvolechenie, 1872** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1871 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1871]. Sankt-Peterburg, 1872. [in Russian]
- Izvolechenie, 1873** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1872 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1872]. Sankt-Peterburg, 1873. [in Russian]
- Izvolechenie, 1874** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1873 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1873]. Sankt-Peterburg, 1874. [in Russian]
- Izvolechenie, 1875** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1874 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1874]. Sankt-Peterburg, 1875. [in Russian]
- Izvolechenie, 1876** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1875 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1875]. Sankt-Peterburg, 1876. [in Russian]
- Izvolechenie, 1877** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1876 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1876]. Sankt-Peterburg, 1877. [in Russian]
- Izvolechenie, 1878** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1877 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1877]. Sankt-Peterburg, 1878. [in Russian]
- Izvolechenie, 1879** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1878 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1878]. Sankt-Peterburg, 1879. [in Russian]
- Izvolechenie, 1881** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1879 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1879]. Sankt-Peterburg, 1881. [in Russian]
- Izvolechenie, 1882** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1880 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1880]. Sankt-Peterburg, 1882. [in Russian]
- Izvolechenie, 1883** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1881 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1881]. Sankt-Peterburg, 1883. [in Russian]
- Izvolechenie, 1884** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1882 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1882]. Sankt-Peterburg, 1884. [in Russian]
- Izvolechenie, 1885** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1883 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1883]. Sankt-Peterburg, 1885. [in Russian]
- Konyus, 1946** – *Konyus, E.* (1946). Istoki russkoi pediatrii [The origins of Russian pediatrics]. M. [in Russian]
- Kopytova, 2007** – *Kopytova, N.A.* (2007). Detskaya smertnost' v g. Mariinske Tomskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam metricheskikh knig) [Child mortality in the city of Mariinsk, Tomsk province in the second half of the 19th century. (Based on the materials of registers of births)]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 2: 41-42. [in Russian]
- Kupryushin, Pervushkin, 2016** – *Kupryushin, A.S., Pervushkin, A.V.* (2016). Detskaya smertnost' v Penzenskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Child mortality in the Penza province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Meditinskaya ekspertiza i pravo*. 3: 48-50. [in Russian]
- Kurkin, 1902** – *Kurkin, P.I.* (1902). Statistika dvizheniya naseleniya v Moskovskoi gubernii v 1883–1897 gg [The statistics of the movement of the population in the Moscow province in 1883–1897]. M. [in Russian]
- Masharipova, 2014** – *Masharipova, A.Kh.* (2014). Detskaya smertnost' u komi-zyryan Nizhnego Pritobol'ya v kontse XIX – nachale XX vv. [Child mortality among the Komi-Zyryans of the Lower Tobol region in the late 19th - early 20th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 1(24): 133-137. [in Russian]

- Mironov, 2003** – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century)]. T. 1. SPb. [in Russian]
- Mitsyuk, 2015** – *Mitsyuk, N.A.* (2015). Opyt bor'by s detskoj smertnost'yu v pervoi polovine XIX veka [The experience in combating child mortality in the first half of the 19th century]. *Smolenskii meditsinskii al'manakh*. 3: 31-37. [in Russian]
- Novosel'skii, 1916** – *Novosel'skii, S.A.* (1916). Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii [Mortality and life expectancy in Russia]. Petrograd. [in Russian]
- Ransel, 1988** – *Ransel, D.L.* (1988). Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton.
- Rashin, 1956** – *Rashin, A.G.* (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1813–1913): statisticheskie ocherki [Population of Russia for 100 years (1813–1913): statistical essays]. Pod red. S.G. Strumilina. M. [in Russian]
- Safronova, 2020** – *Safronova, M.O.* (2020). Detskaya smertnost' v Tul'skoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [Child mortality in the Tula province in the late XIX - early XX centuries]. *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya «Istoriya. Yazykoznanie»*. 4(4): 25-35. [in Russian]
- Serdyuk, 2014** – *Serdyuk, I.A.* (2014). Detskaya smertnost' i tochnost' metriceskogo ucheta naseleniya Getmanshchiny vo vtoroi polovine XVIII v. [Child mortality and accuracy of metric accounting of the population of the Hetmanate in the second half of the 18th century]. *Istoricheskaya demografiya*. 1(13): 14-18. [in Russian]
- Shustrova, 2012** – *Shustrova, I.Yu.* (2012). Detskaya smertnost' v russkoi derevne XIX veka (po dannym kogortnogo analiza Sandyrevskogo prikhoda Yaroslavskoi eparkhii) [Child mortality in the Russian village of the 19th century (according to a cohort analysis of the Sandyrevsky parish of the Yaroslavl diocese)]. *Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii Istoriya i komp'yuter*. 38: 65-66. [in Russian]
- Sokolov, Grebenshchikov, 1901** – *Sokolov, D.A., Grebenshchikov, V.I.* (1901). Smertnost' v Rossii i bor'ba s nei: doklad v soedinennom sobranii Obshestva russkikh vrachei, Obshestva detskikh vrachei v Sankt-Peterburge i Statisticheskogo otdeleniya Vysochaishe utverzhdennogo Russkogo obshchestva okhraneniya narodnogo zdraviya, 22 marta 1901 g. v zale Muzeya N. I. Pirogova [Mortality in Russia and the fight against it: a report at the joint meeting of the Society of Russian Doctors, the Society of Pediatric Doctors in St. Petersburg and the Statistical Department of the Highly Approved Russian Society for the Protection of Public Health, March 22, 1901 in the hall of the Museum of N.I. Pirogov]. SPb. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1887** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1885 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1885]. SPb., 1887. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1888** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1886 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1886]. SPb., 1888. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1889** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1887 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1887]. SPb., 1889. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1895** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1892 i 1893 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1892 and 1893]. SPb., 1895. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1898** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1894 i 1895 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1894 and 1895]. SPb., 1898. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1901** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1898 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1898]. SPb., 1901. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1902** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1899 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1899]. SPb., 1902. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1903** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1900 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1900]. SPb., 1903. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1905** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1901 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1901]. SPb., 1905. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1905a** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1902 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1902]. SPb., 1905. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1909** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1903-1904 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1903-1904]. SPb., 1909. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1910](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1905-1907 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1905-1907]. SPb., 1910. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1911](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908-1909 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1908-1909]. SPb., 1911. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1913](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1910 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1910]. SPb., 1913. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1913a](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1911-1912 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1911-1912]. SPb., 1913. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1915](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1913]. Petrograd, 1915. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1916](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1914]. Petrograd, 1916. [in Russian]

Детская смертность в Российской империи (1850–1910 гг.): историко-статистическое исследование

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Людмила Григорьевна Зимовец ^d, Лариса Александровна Королева ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Американская историческая ассоциация, Вашингтон, США

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^e Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается детская смертность в возрастной группе от рождения до 5 лет в Российской империи в период 1850–1910 гг. Уделено внимание минимальным и максимальным значениям, а также причинам смертности детей.

В качестве основных материалов исследования нами были использованы отчеты обер-прокурора Святейшего синода по духовному ведомству православного вероисповедания за 1850–1910 гг. Кроме того, привлекались документы Национального архива Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация).

Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет статистический метод, который позволил максимально полно проанализировать имеющиеся статистические данные о детской смертности на территории Российской империи в период 1850–1910 гг., а также обнаружить важные характерные особенности.

В заключении авторы отмечают, что в 1850–1910 гг. смертность детей среди возрастной категории от рождения до 5 лет колебалась в промежутке от 34,6 до 51,1 %. Таким образом, ежегодный средний процент смертности детей в 1850–1910 гг. составлял 41,5 %. Минимальное значение было достигнуто в 1907 г., по всей вероятности, благодаря заметным успехам российской медицины, а максимальное значение – в 1892 г. (год неурожая и вспыхнувших вследствие этого эпидемий тифа и холеры).

Для определения среднего (не избыточного) количества случаев детских смертей мы исключили 1892 г. из учета. В результате получилось, что в период 1850–1891 гг. средний процент смертности среди данной возрастной категории составлял 42,2 %, а в 1893–1910 гг. – уже 39 % (при этом в 1900–1910 гг. этот процент был еще ниже – 38,5 %).

Ключевые слова: детская смертность, Российская империя, 1850–1910 гг., историко-статистическое исследование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 225-236
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.225

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A Little-Known Plan of the City of Turkestan in 1854 from the Archive of the Russian Geographical Society

Abdibek Sh. Bimendiev ^a, Mukhtar B. Kozha ^b, Kanat Z. Uskenbay ^{c, *}

^a ABDI Company, Republic of Kazakhstan

^b Scientific Research Institute of Archeology of the International Kazakh-Turkish University H.A. Yasavi, Republic of Kazakhstan

^c Institute for Humanitarian Studies ABDI, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the content of a little-known plan of the city of Turkestan in 1854 from the archive of the Russian Geographical Society in St. Petersburg. Russian Geographical Society in St. Petersburg in 2006–2008, two Kazakh researchers Dr. Abdibek Bimendiev and Dr. Kanat Uskenbay, during the identification and collection of photo-illustrative and cartographic material on the history and culture of Kazakhstan in museums, archives and libraries of Kazakhstan and the Russian Federation, discovered in the archive of the Russian Geographical Society in St. Petersburg an unknown plan of the city of Turkestan and its districts, compiled in Russian ten years before the arrival of Russians in Turkestan in 1854. The analysis of the content of the plan, sources and historiography of that period, as well as the modern study of the archeology of Turkestan, conducted by the authors of the study, testifies to the originality of the data of the discovered source. The authors conclude that the Turkestan plan of 1854 is of great historical value as a primary source for studying the historical topography of Turkestan from the late Middle Ages to the first half of the nineteenth century. The fortifications of the city and citadels, gates, bazaars, mosques, sacred places, gardens, irrigation canals, mills, bridges, roads are marked on it. The original names of individual historical objects are recorded in the plan. The document under consideration in the issue of the gates of Turkestan provides unique information.

Keywords: Russian Geographical Society, Turkestan, city plan, mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi, bazaar, gate, mosque, shahristan.

1. Введение

История городской культуры Южного Казахстана является актуальной и востребованной темой научных исследований. Одним из наиболее значимых городских центров Южного Казахстана в историческое время являлся город Туркестан. Вместе с тем, если о его значении в древний и средневековый периоды истории говорят результаты археологических изысканий, то в последующие эпохи такие сведения все больше встречаются в письменных источниках. Наши научные изыскания по истории города Туркестана были сосредоточены на поиске и введении новых письменных и иных источников, так или иначе проливающих свет на различные аспекты истории города и его окружи. В рамках этой актуальной задачи нашим авторским коллективом была проведена исследовательская работа по введению в научный оборот малоизвестного плана города Туркестана 1854 года, составленного на русском языке и сохранившегося в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Данный источник ранее не подвергался научному анализу.

* Corresponding author

E-mail addresses: uskenbay@gmail.com (K.Z. Uskenbay)

2. Материалы и методы

2.1. Основным материалом настоящего исследования является малоизвестный исторический план города Туркестана 1854 года, составленный на русском языке и хранящийся в научном архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге. В 2006–2008 годах казахстанские исследователи А.Ш. Бимендиев и К.З. Ускенбай в ходе выявления и сбора фотоиллюстративного и картографического материала по истории и культуре Казахстана в музеях, архивах и библиотеках Казахстана и Российской Федерации обнаружили в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге неизвестный план города Туркестана и его округа, составленный на русском языке за десять лет до прихода русских в Туркестан в 1854 году и именующийся «План города Туркестана. Таврид, 1854» (Архив РГО. Разряд 3. Оп. 1. № 475). Анализ содержания обнаруженного плана, а также более ранних исторических источников и историографии, результатов археологических изысканий на месте городища, проведенный авторами исследования, свидетельствует об оригинальности данных обнаруженного источника.

2.2. Авторы исследования в качестве методологической основы использовали традиционные общенаучные принципы историзма и объективности, а также опирались на проблемно-исторический и хронологический методы. При работе с историческими источниками основывались на методах архивной эвристики (выявление достоверных документов), использовали метод сравнительного анализа для изучения сходства и различия исторического плана Туркестана 1854 года с более ранним планом города Туркестана, обнаруженным в архиве Д.Г. Мессершмидта. Далее нами будут использованы условные обозначения для двух существующих планов города Туркестана: «план Мессершмидта» и «план 1854 года».

3. Обсуждения

История города Туркестана прежде была предметом специального рассмотрения в историко-археологической литературе. Наиболее последовательно изучалась древняя археологическая история города. По мнению археолога Е.А. Смагулова, первые постройки цитадели древнего Туркестана датируются II–I вв. до н.э. (Смагулов, 2019: 27). Этому же автору принадлежит последняя по времени и наиболее полная монография, посвященная археологии древнего Туркестана и истории его изучения (Смагулов, 2017: 1-342). Сведения о городе Туркестане содержатся в письменных источниках, многократно упоминается он в средневековых восточных мусульманских исторических сочинениях. Перевод и анализ этих сведений проделан в исследованиях известного казахстанского востоковеда К.А. Пищулиной (Пищулина, 2016: 1-350). Результаты археологических раскопок, сведения письменных восточных и русских источников, записки европейских и русских путешественников о городе Туркестане обобщены в исследованиях М.Б. Кожы (Кожя, 2000: 20-35; Кожя, 2014: 636-639).

Кроме этого, история города хорошо отражена в фотоиллюстративных и картографических материалах. В целом Туркестан – один из немногих городов Средней Азии, план которого отражен в картографических материалах. До настоящего времени был известен только план Туркестана из архива немецкого ученого Петровской эпохи Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735), условно названный нами «планом Мессершмидта». Поскольку этот план имеет прямое отношение к теме нашего исследования, остановимся на краткой истории его изучения. По всей видимости, впервые план города Туркестана из рукописного собрания Мессершмидта был опубликован в сборнике документов «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов» (Гнучева, 1940: 25-30). Составитель сборника ученый архивист В.Ф. Гнучева без дополнительных пояснений опубликовала его с подписью «План (рукописный) г. Туркестана. Из материалов Д.Г. Мессершмидта, с надписями и пометками его рукой» (Гнучева, 1940: 26). В итоговом перечне иллюстраций эта подпись дополнена: «План (рукописный) г. Туркестана. Из материалов Д.Г. Мессершмидта, с надписями и пометками его рукой. Размер 21x16 см. Воспроизводится в натуральную величину (Ф. 98, оп. 1. № 41)» (Гнучева, 1940: 302). Указанная в скобках архивная ссылка отсылает к бывшему Архиву АН СССР в Ленинграде, сейчас это СПбФ АРАН.

В 1985 году журнал «Общественные науки в Узбекистане» опубликовал небольшую заметку немецкого археолога и историка-востоковеда Бурхарда Брентьеса (1929–2012) «По страницам архивов. Планы городов Бухара и Туркестан XVIII века» (Брентьес, 1985: 55-58). Автор полагает, что Мессершмидт действительно мог посетить Туркестан во время своего путешествия. Если это так, то время составления его плана можно датировать периодом проведения экспедиции Мессершмидта по Сибири: 1720–1727 годы (Гнучева, 1940: 25). Далее Брентьес пишет о том, что «Туркестан представлен на плане с явным нарушением пропорций. Показаны многочисленные улицы, караван-сарай, большое число колодцев. Рядом с планом города – печать некоего Табакуль Маамета (Мохамеда?) Бутурхана» (Брентьес, 1985: 55). Он также перепечатал этот план (Брентьес, 1985: 57), но по какой причине план оказался в рукописях Мессершмидта, «пока точно установить невозможно» (Брентьес, 1985: 58).

В последующие годы «план Мессершмидта» неоднократно перепечатывался без каких-либо пояснений. По мнению историка И.В. Ерофеевой, этот план официальной резиденции казахских ханов в XVII – начале XIX вв. г. Туркестана был составлен российским путешественником майором Карлом Миллером в 1743 г. и сохранился в коллекции Мессершмидта (Ерофеева, 2001: 8; Ерофеева, 2014: 949). И.В. Ерофеева в своих подписях к рисунку в вышеприведенных изданиях ссылается на два разных архива (АВПРИ. Ф. 122/1. 1743 г. Д. 4; СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 2. Д. 18. Л. 1).

В «плане Мессершмидта» отмечены следующие топографические подробности: городские стены и ворота, базар, караван-сарай, место проживания правителей – «ханов», озера, кожевня, каналы и пашни (Гнучева, 1940: 26; Брентъес, 1985: 57; Нургалиев, 1994: 31; Кожа, 2000: 39; Ерофеева, 2001: 8; Бимендиев, Ускенбай, 2008: 436).

Такова краткая история изучения Туркестана и «плана Мессершмидта». В 2008 году в книге «Большой атлас истории и культуры Казахстана» был опубликован новый, ранее неизвестный план города Туркестана (Бимендиев, Ускенбай, 2008: 391), условно именуемый нами «планом 1854 года». Он был тогда напечатан в небольшом размере и без какого-либо пояснения. Только сейчас у авторов настоящей публикации появилась возможность обратиться к детальному изучению «плана 1854 года». Насколько нам известно, после первой публикации нового плана Туркестана (Бимендиев, Ускенбай, 2008: 391) он не был предметом специального исследования. Наша попытка является первым опытом анализа сведений, содержащихся в «плане 1854 года».

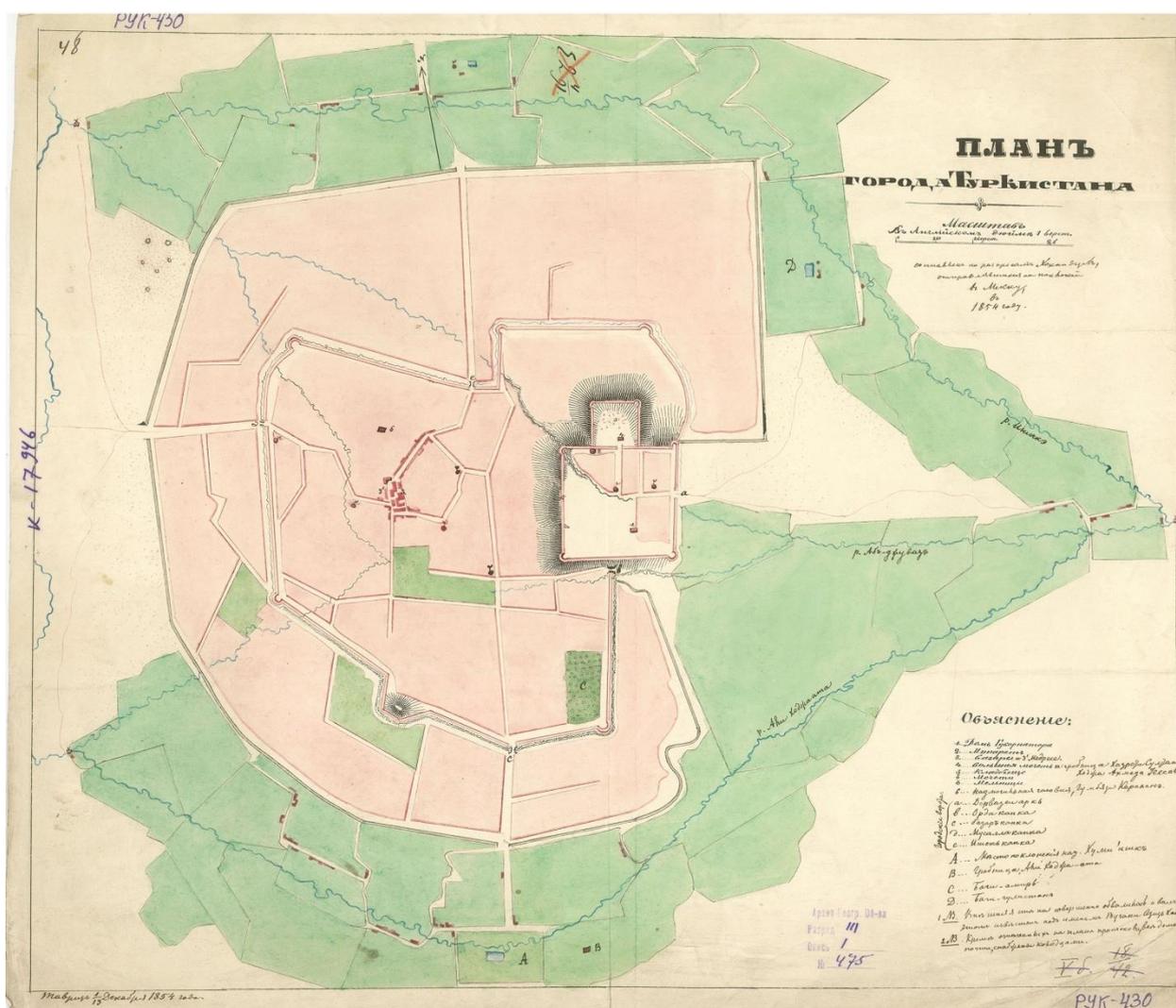

Рис. 1. План города Туркестана. 1854 год. Архив Русского географического общества. Разряд 3. Оп. 1. № 475

4. Результаты

«План 1854 года» составлен спустя 127–134 года после «плана Мессершмидта» (1720–1727 годы). Тем не менее он, как это следует из его датировки, составлен до прихода Российской империи в этот регион. После завоевания Туркестана и включения города в состав Российской

империи российские чиновники составляли планы города, но поскольку они были сделаны позже изучаемого плана, мы будем обращаться к ним по мере необходимости.

«План 1854 года» нарисован на квадратном листе бумаги желтовато-серого цвета и заключен в рамку. В центральной части документа находится план самого города. Внутрикрепостная территория закрашена светло-розовым цветом и оконтурена темной двойной линией, нанесенной тушью и залитой внутри серой акварелью. В свою очередь она делится на три части, два из которых разграничены двойной красной линией, заполненной светло-красной акварелью. Зеленым цветом закрашены зеленые насаждения внутри и за пределами темной двойной линии. Лист имеет современные инвентарные записи. В верхнем левом углу за рамкой надпись «РУК-430», там же, ниже внутри рамки, цифра «48». В центре левой рамки надпись «К-17946». В нижнем правом углу за пределами рамки надпись «РУК-430». Там же, внутри рамки, написаны и перечеркнуты: «Vб. 18/У2». Эти надписи выполнены теми же темно-коричневыми чернилами, что и основные подписи к плану, но перечеркнуты синими чернилами. Левее стоит штамп Архива РГО: «Архив Геогр. Об-ва/Разряд III/Опись I/№ 475. В нижнем левом углу за границами рамки автограф: «Тавридь 1/13 Декабря 1854 года».

Перейдем к основному тексту плана: справа в верхней части название и общее описание: «Планъ города Туркистана / Масштабъ въ английском дюйме 1 верст. Составленъ по разпросамъ Хакандцевъ, отпралявшихся на поклонение в Мекку, в 1854 году». В нижнем левом углу размещена основная легенда:

«Объясненіе:

1. ... Дом Губернатора
2. Минаретъ
3. Базары и з' Медресе.
4. Большая мечеть и гробница Хазрета Султана Ходжи Ахмеда Иессави
- 5.... Кладбище

(значок) Мечети

(значок) Мельницы

6 ... Надмогильная часовня, Гумбязъ Караханъ.

Городские ворота.

a ... Дарвазеиарк

b ... Орда капка

c ... Базаръ капка

d ... Муссалла капка

e ... Ишекъ капка

A ... Мъсто поклоненія наз. Хуми'ишкъ

B ... Гробница Али Ходжа-ата

C ... Баги-амирь

D ... Баги-гулистанъ

1 NB. «Внешняя стена совершенно обвалилась и вал этот известен под именем Тугани Азиз хан».

2 NB. Кроме означенныхъ на плане протоков, всъ дома почти, снабжены колодцами».

Все буквы и цифры легенды отражены в плане.

Теперь обратимся к описанию плана и объяснению его легенды.

На плане отмечено, что он «составлен по расспросам кокандцев, отпралявшихся на поклонение в Мекку». О том, что часть паломников из Средней Азии отпралялась и через Россию, свидетельствует письмо 1837 г. графа К.В. Нессельроде орenburgскому военному губернатору В.А. Перовскому, где отмечается, что, «несмотря на существующее воспреещение пропускать через Россию азиатских богомольцев в Мекку, нередко выходят на Оренбургскую линию» (Хабибуллина, 2018: 27-28).

Прежде чем анализировать план, надо учесть, что данный документ выполнен за 10 лет до захвата города русскими войсками и включения г. Туркестана в состав Российской империи. После взятия штурмом 28 июля (9 августа) 1853 г. кокандской крепости Ак-Мечеть и создания Сырдарьинской линии г. Туркестан стал приграничным городом Кокандского ханства. Кокандцы с большой подозрительностью относились к любым действиям русских. В рапорте заведующего присырдарьинскими казаками И.Я. Осмоловского от 10 февраля 1854 г. отмечается, что «в Туркестане строго следят за всеми прибывающими туда киргизами: одного из моих лазутчиков, посланных 20 января в Туркестан и далее, по приказанию Мирзы-Неиза умертвили, поэтому посылка лазутчиков в Ташкент сделалась невозможной, а в Туркестан – довольно трудной» (Жанаев, 2016: 70). Понятно, что в такой исторической обстановке план был составлен не путем измерений, а по опросу кокандцев, отпралявшихся на поклонение в Мекку.

«План 1854 года» содержит гораздо больше данных, чем «план Мессершмидта». Он составлен разноцветными чернилами и акварелью. Охватывает территорию не только города, но и ближайшей округи.

По «плану 1854 года» Туркестан состоял из цитадели и разделяемых городской стеной внутренней и внешней частей города. Район цитадели огорожен стенами и представляет в плане фигуру, состоящую из двух разных по площади квадратов с общей стороной.

Ворота в цитадель располагались в середине восточной стены большого квадрата и обозначены буквой а. Согласно пояснениям, данные ворота именовались Дарвазеиарк. Топоним имеет двухэлементную структуру иранского происхождения: дарваза + арк. «Дарваза» означает ворота (Рустемов, 1989: 86). Согласно исследованиям В.В. Бартольда, «арк» – это кремль, цитадель позднесредневекового города Средней Азии, где обычно располагалась резиденция правителя (Бартольд, 1971: 413-416). Таким образом, «Дарвазеиарк» означает «ворота цитадели».

По углам цитадели располагаются 6 округлых башен. Судя по пояснениям к плану, располагающимся в правом нижнем углу, внутри отделенной стеной части цитадели располагалось два объекта: мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, обозначенный как «4. Большая мечеть и гробница Хазрети Султана Ходжи Ахмеда» и прилегающее к нему «5. ... кладбище».

В 1857 г. проживший в плену у кокандцев в г. Туркестане Н.А. Северцев описал цитадель: «Мы подъехали к городской цитадели, которая окружена особой стеной, такой же глиняной, как и город. Цитадель четырехсторонняя, а одна сторона, как мне показалась, прислонена к общегородской стене. В этой цитадели живет датка, его офицеры, и гарнизон; там же большая мечеть Азрет-Султана, и еще другая, но меньше, но тоже старинная и лучшей постройки, чем теперешние туркестанские строения. Единственные ворота в цитадель пробиты в стене напротив той стороны, которая прислонена к общегородской стене... Кругом цитадели широкий и глубокий ров с водой, через него у ворот мост, как в Яны-Кургане. Вышина стены, на глазомер, около 3–4 сажень» (Северцев, 1860: 55). Согласно плану, внутри большого квадрата цитадели располагались «1. Дом губернатора», судя по знакам – две мечети и почти вплотную к западному стыку стен большого и малого квадратов цитадели – «2....Минарет». Скорее всего, речь идет о минаретах главного портала мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, ибо в ходе многолетних археологических исследований цитадели следов отдельного минарета в цитадели г. Туркестана обнаружить не удалось. В письменных источниках также нет упоминания о такой специфической постройке.

Стены и ров центральной части города – шахристана – полукольцом охватывали цитадель и располагались западнее ее. По периметру стен располагаются четверо ворот, что соответствует исторической памяти старожилов города (Жилина, 1982: 139). По сообщению М.Е. Массона, ворота носили следующие названия: «Ишак-капка, Мусалла-капка (или Баб-араб, по имени одного из видных учеников Ходжи Ахмеда), Иетгы-ата-капка и Дарваза-капка» (Массон, 1930: 9).

Согласно объяснениям, северные ворота, обозначенные буквой е, назывались «Ишек капка»; западные ворота, обозначенные буквой д, – «Мусалла капка»; южные ворота, обозначенные буквой с, – «Базар капка»; восточные ворота, обозначенные буквой в, – «Орда капка». Слово «капка» означает ворота (Мурзаев, 1984: 253), производное от древнетюркского қаруа (ДТС, 1969: 420). «Капка» использовался для обозначения городских ворот на «плане Мессершмидта» (Гнучева, 1940: 26).

Ворота, как показала О.А. Сухарева, являются одним из самых стойких, прочно сохранившихся элементов топографии позднесредневековых городов Средней Азии. Если ворота и переносились при перестройке городской стены, то только по той же дороге, удаляясь от центра города в моменты его роста (Сухарева, 1976b: 144). Эта закономерность наблюдается и при сравнении ранних планов г. Туркестана. Примечательно, что одни из северных ворот города в «плане Мессершмидта» обозначены как «Ишеки капка» (Гнучева, 1940: 26), на «плане 1854 года» – «Ишек капка», т.е. «Ослиные ворота». На то, что это традиционное историческое название, указывает его упоминание и у М.Е. Массона (Массон, 1930: 9). В конце XX в. исследователи при перечислении ворот Туркестана вместо «Ишек капка» стали употреблять «Ишан капка» (Мустафаев и др., 1994: 264), вероятно, как более благозвучное для исторического города название. Возможно, название ворот возникло в связи с его расположением, судя по «плану Мессершмидта», вблизи озера «Ишекникол» (Гнучева, 1940: 26). «Ослиными» именовались одни из ворот древнего Рима и средневекового г. Брюгге (Бельгия).

Судя по «плану 1854 года», «Базар капка» соответствует южным воротам. В этой же части города на «плане Мессершмидта» нарисованы ворота, рядом с которыми написано – «Базар». Примечательно, что городские ворота, расположенные рядом с цитаделью, носили название «Орда капка», где первый элемент топонима означает ставку, резиденцию хана, правителя. Отсюда вытекает, что для обозначения цитадели города вместе с термином «арк» (что следует из названия «Дарвазеиарк») использовали и слово «орда».

Западные ворота города назывались «Мусалла капка». На протяжении столетий арабским словом «мусалла» обычно обозначали праздничные мечети, однако этим же словом могли обозначать мечеть вообще, мечеть для отпевания покойников (Кочнев, 1976: 4). Скорее всего, рядом с указанными воротами могла находиться праздничная мечеть или мечеть для отпевания покойников. Есть мнение, что место праздничной молитвы и ворота, которые к нему ведут, взаимосвязаны. Ворота, находившиеся рядом с праздничными мечетями в Дамаске и Нармасире, именовались Мусалла. Судя по «плану Мессершмидта», вплотную к западным стенам Туркестана конца XVII –

начала XVIII вв. примыкало озеро «Мазаркул», что свидетельствует о нахождении рядом кладбища. Прослеживается связь мусалла с кладбищами, что объясняется расположением кладбищ вблизи ворот, связью мусалла с некоторыми погребальными обрядами (Кочнев, 1976: 78-79). М.Е. Массон приводит другое название для Мусалля капка – Баб-араб (Массон, 1930: 9). Сохранилась открытка начала XX в. с изображением ворот Баб Араб, т.е. Мусалля капка.

Сравнение нашего документа с данными других исторических источников о воротах обнаруживает, что реконструированный и опубликованный в 2018 г. план г. Туркестана – «Архитектурные памятники Ески Туркестан» (Свод..., 2018: 129) – в трактовке локализации зафиксированных названий ворот является весьма далеким от истины.

Центральная часть города – шахристан – разделена улицами на 12 участков различной конфигурации. Зеленой акварелью закрашены два участка. Один – имеет подпрямоугольное очертание и располагается в южном углу внутреннего города. Он обозначен буквой С. Согласно описанию в легенде, это «Баги-амир». Название состоит из двух элементов, где «баг» – сад, парк (Мурзаев, 1984: 76), «амир» – титул военачальника, правителя (Рустемов, 1989: 47). Таким образом, «Баги-амир» – «Сад эмира». Один из загородных садов Самарканда носил название «Баги-Амир-Заде-Шахрух» (Пугаченкова, Ремпель, 1965: 264). В нашем случае имя эмира остается неизвестным. Интересно, что на одной деревянной колонне из г. Туркестана содержится надпись о постройке в 1470–1471 гг. мечети по распоряжению «эмира Мухаммад-бини-Бука» (Пугаченкова, 1948: 48). Возможно, он или другой эмир дал распоряжение о разбивке сада, что отразилось в его названии. Ко второму участку, закрашенному в зеленый цвет с востока, ведет извилистая сине-голубая линия, обозначающая арык. Скорее всего, так обозначен второй сад внутри городских стен.

В центре города, почти на равном расстоянии от цитадели и западных ворот города, на месте пересечения 5 улиц, располагается объект, обозначенный как «3. Базары». Согласно описанию Н.А. Северцева, «базар состоял из таких же улиц, как и прочие, пошире немножко, и одна расширена даже вроде площади. Лавки – открытые спереди навесы, прислоненные к глиняным оградкам» (Северцев, 1860: 55). В плане лавки и другие базарные объекты переданы коричневой краской. На северо-западной окраине базарной площади выделено и указано символом здание медресе. Скорее всего, это медресе построено около 100 лет назад в г. Туркестане датхой Ишан-Кулом, о котором есть информация в книге о городах Сырдарьинской области (Добросмыслов, 1912: 134).

Согласно условным значкам на «плане 1854 года», в этой части города находилось 5 мечетей и «Надмогильная часовня Гумбязи Карахан». Схожее название содержит рукопись 1835–1842 гг. Абд ал-Гафура Туркестани, где отмечается, что отец автора после женитьбы на дочери туркестанского шайх ал-ислама жил в «местечке Кук гунбаз-и Кара-хан» (Бабаджанов, Муминов, 2002: 10). Слово «гумбаз» («гунбаз») на персидском означает гробница, купол, свод, часовня (Мурзаев, 1984: 165), зачастую мавзолей с куполами казахи называют «кумбез» (Семби, 2013: 81). Местоположение памятника «Кук гунбаз-и Кара-хан» («мавзолей Кара-хана с голубым куполом»), фиксируемое на «плане 1854 года» и упоминаемое в рукописи Абд ал-Гафура Туркестани, скорее всего, соответствует выявленному в ходе раскопок в 2012–2013 гг. культовому сооружению, условно названному современными археологами «Хан мешіті» – «Ханская мечеть» (Усеров, 2013: 169-173).

Третья часть города, расположенная между городскими воротами и внешней границей города, оконтуренная темной двойной линией, нанесенной тушью и залитой внутри серой акварелью, характеризуется отсутствием каких-либо значимых сооружений. Согласно объяснению авторов плана, «внешняя стена совершенно обвалилась и вал этот известен под именем Тугани Азиз хан». Скорее всего, слово «тугани» – производное от «тоган», которое, кроме значения канал, означает запруду, плотину (Мурзаев, 1984: 555).

Можно предположить, что сооружение данной запруды, плотины, скорее всего, было связано с именем предводителя кокандских войск Азиза Парваначи. Азиз или Азиз хазиначи Чусты в 1846–1847 гг. получил в управление Ташкент и Дашт-и Кыпчак (видимо, какую-то его область). Правитель г. Туркестана Канат-шах отказался подчиниться новому правителю Ташкента и семь месяцев успешно отбивался от кокандских войск, укрывшись за крепостной стеной (Бисембиев, 1987: 117). Предводитель осаждавших Азиз Парваначи, пробовавший разными способами склонить противника к сдаче, отдал распоряжение поднять запрудами воду в арыках и затопить ею прилегающий к крепости район. Из-за этого, как писал М.Е. Массон, мавзолей Ходжи Ахмеда долго стоял залитым водой (Массон, 1930: 9). О наличии внешнего вала, его ремонте и появлении новых элементов фортификации г. Туркестана в период господства кокандцев есть информация и в русских источниках (Жанаев, 2016: 65, 117, 293).

Вокруг города на бледно-зеленом фоне нанесены пригородные усадьбы и селения. При этом планировка построек дана коричневым, поля, посевы – зеленым цветом. Голубой линией изображено русло главной водной артерии г. Туркестана, которое, разветвляясь на мелкие каналы, пересекает весь план с востока на запад. Буквой «р.», обозначающей реку или речку, указаны наименования трех основных каналов: «р. Иничкэ», «р. Абъ-джувазь», «р. Ани Ходжа ата». Гидроним «Иничкэ» упомянут как арык Янгича в «Жалованной грамоте, данной Тимуром Туркестанской мечети Азрета-

Ясави» (Муминов и др., 2017: 138). Канал современному населению Туркестана известен под названием Жинишке (Жінішке) (Туякбаев, 2009: 34).

Гидроним «Абь-джуваз» имеет двухэлементную структуру. Слово «аб» («об») с фарси – вода, речка, река. С участием данного термина образовано множество топонимов (Мурзаев, 1984: 36, 400). Вторая часть гидронима – «джуваз» обозначают маслобойню (Сухарева, 1976а: 258). Скорее всего, в указанном канале располагалась маслобойня – джуваз, приводимая в движение силой воды. «Абь-джуваз» можно перевести как «речка, арык с маслобойней». На «плане 1854 года» за городом на каналах отмечены 3 мельницы. По данным же 1912 г. в г. Туркестане было до 10 маленьких маслобойных завода и 15 водяных мельниц (Добросмыслов, 1912: 157).

Дорога, выходящая из ворот Базар-капка, ведет к «Месту поклонения наз. Хуми'ишк». В пояснение указывается, что оно не является ни гробницей, ни мечетью, а местом поклонения. На наш взгляд, он соответствует раскопанному археологами объекту Кумчик-Ата («Құмшықата»), представляющему подземный культовый памятник, сооруженный в XII в. и связанный с деятельностью Ходжи Ахмеда Ясави (Сенигова, 1976: 105-121). Он располагается в 1 км к югу от мавзолея Ахмеда Ясави, за пределами средневекового города, на открытой местности и относится к числу культовых построек, связанных с проведением ритуалов суфиев (Проскурин, 1994: 280). Согласно местным преданиям, опубликованным 1967 г., в этом сооружении совершал зикр (радения) Ахмед Ясави вместе со своими учениками. Данное место входило в число объектов, посещаемых паломниками, и оно не является местом захоронения (Дастанов, 1967: 36-37). Название Хуми'ишк состоит из двух слов, где «ишк» – особый термин в суфизме, в частности в учении Ахмеда Ясави, означающий любовь к Богу (Кенжетай, 2008: 177-182). Слово «хум» в узбекском, кыргызском, туркменском языках, «құм» в казахском языке означает глиняную корчагу, большой сосуд (Кары-Ниязов, Боровков, 1941: 539; Юдахин, 1985: 444; Нұрмағамбетов, 1985: 76). Буквальный перевод названия культового сооружения «Хуми'ишк» – «сосуд любви к богу». Самое крупное из помещений данного культового сооружения было круглым и было перекрыто куполом, что внешне напоминает сосуд. Скорее всего, отсюда и название памятника, где проходили ритуалы суфиев.

В южной части «плана 1854 года» в окрестностях г. Туркестана указана «Гробница Али Ходжа-ата». В родословных «Насаб-нама» указывается, что настоящее имя Али-ходжа-ата было Абд ал-Малик, причем отмечено, что первое имя является его прозвищем. Он являлся зятем туркестанского святого, за него Ходжа Ахмед Ясави отдал свою дочь. В отмеченном источнике говорится, что место погребения Али-ходжа-ата находится в местности Рах-и Калан на территории общины Дарваза (Муминов и др., 2008: 75, 77). Упоминается в книге Ахмета Кенесарина, где отмечено, что сын казахского хана Кенесары «султан Садык остановился около Туркестана в саду мазара, называемого Али-ходжа-ата» (Кенесарин, 1992: 36). Особенности мавзолея и история исследования памятника рассмотрены в ряде публикаций (Добросмыслов, 1912: 151; Константинова, 1950: 37-53; Кожа, 2016: 114-115).

В северо-восточной части «плана 1854 года» вплотную к городскому валу «Тугани Азиз хан», согласно легенде, располагался прямоугольной формы «Баги-гулистан», в переводе «сад – цветущий край» (Рустемов, 1989: 76). Судя по площади, он занимал территорию, равную половине цитадели. Вода в сад поступала по каналу «Иничкэ». В центральной части располагался прямоугольный водоем, закрашенный голубой акварелью, рядом с которым коричневой акварелью нарисована П-образная постройка.

Судя по планам г. Туркестана 1875 г. (Мустафаев и др., 1994: 266) и 1883 г. (Туякбаев, 2011: 98), данный сад сохранялся в период Российской империи.

Очевидно, что садом являлся участок в верхней части плана, рядом с указателем N, на правой стороне канала «Иничкэ». В этом прямоугольнике изображены три условных знака: один – в центре, также в виде прямоугольника голубого цвета, возможно, водоем; второй – левее – кружочек с полумесяцем сверху – мечеть; третий – ниже – коричневая постройка.

Планировка садов, отраженных в округе города на «плане 1854 года», позволяет видеть в них образцы садово-паркового искусства Средней Азии средневекового периода – чарбаг. Сады тимуровского времени имели правильный контур – квадратный и прямоугольный. В глубине сада находился дом владельца с открытой площадкой и водоемом перед ним, с рассадкой и цветами (Пугаченкова, Ремпель, 1965: 263-264). В сочинении XVI в. «Михман-наме-йи Бухара» упоминается местность «Чахар-Баг за городом Йаси», куда отправился отдыхать Шайбани-хан после посещения святых мест г. Ясы (Абусейтова, 2007: 211).

В конце XVIII в. в одном из садов под Туркестаном правителем города Тугум-султаном, сыном Булат-хана, был устроен прием российским посланником, отправленным к Юнус-ходже: Тугум-султан «просил нас к себе на ужин, что мы и обещали, куда в сопровождении роговой музыки, по их карнеем называемой, и прибыли в предместье города, в сад, поставленную кошемную палатку, куда введены и посажены на ковры» (Ерофеева, Жанаев, 2007: 161).

5. Заключение

Таким образом, завершая наше рассмотрение малоизвестного плана города Туркестана из архива Русского географического общества, нужно отметить его большую историческую ценность как

первоисточника по изучению исторической топографии г. Туркестана периода позднего Средневековья – первой половины XIX века. На нем нанесены укрепления города и цитадели, ворота, базар, мечети, сакральные места, сады, оросительные каналы, мельницы, мосты, дороги. В пояснениях плана зафиксированы оригинальные названия отдельных исторических объектов, в которых, безусловно, отразились представления о городе самих туркестанцев. Уникальными являются данные о местоположении ворот города. Данные плана не противоречат сведениям письменных источников и материалам археологического изучения топографии Туркестана, что свидетельствует об их большой достоверности и точности.

6. Благодарности

Авторы благодарят руководство и сотрудников Русского географического общества за возможность ознакомиться и получить копию плана города Туркестана.

Литература

- Абусейтова, 2007** – *Абусейтова М.Х.* (сост.). История Казахстана в персидских источниках. Т. V. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 476 с.
- Бабаджанов, Муминов, 2002** – *Бабаджанов Б., Муминов А.* Абд ал-Гафур Туркестани и его рассказы о странствиях // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. 2002. № 4 (239). С. 7-14.
- Бартольд, 1971** – *Бартольд В.В.* Персидское арк «крепость, цитадель» / Соч. Т. VII. Москва: Наука, 1971. С. 413-416.
- Бимендиев, Ускенбай, 2008** – *Бимендиев А.Ш., Ускенбай К.З.* (ред.). Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: АБДИ Компани, 2008. 880 с.
- Бисембиев, 1987** – *Бисембиев Т.К.* «Та'рих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987. 200 с.
- Брентъес, 1985** – *Брентъес Б.* По страницам архивов. Планы городов Бухара и Туркестан XVIII века // *Общественные науки в Узбекистане*. 1985. № 6. С. 55-58.
- Гнучева, 1940** – *Гнучева В.Ф.* (сост.). Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. Под общ. ред. акад. В.Л. Комарова. Под ред. Л.С. Берга, Б.Д. Грекова, Г.А. Князева, Л.Б. Модзалевского. *Труды Архива АН СССР*. Вып. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 310 с.
- Дастанов, 1967** – *Дастанов О.* «Аулиелі» жерлер туралы шындық. Алматы: Казакстан, 1967. 80 б.
- Добросмыслов, 1912** – *Добросмыслов А.И.* Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-ата и Чимкент. С 17 рисунками и 2 снимками с рукописей. Ташкент: Тип. О.А. Порцева, 1912. 204 с.
- ДТС, 1969** – Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1969. 677 с.
- Ерофеева, 2001** – *Ерофеева И.В.* Символы казахской государственности (позднее Средневековье и Новое время). Алматы: ИД «Аркаим», 2001. 152 с.
- Ерофеева, 2014** – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев; составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Т II: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 1080 с.
- Ерофеева, Жанаев, 2007** – *Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т.* (сост.). История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 6. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям, XVIII–XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 516 с.
- Жанаев, 2016** – *Жанаев Б.Т.* (сост.). О слухах и событиях в Средней Азии: Сб. док. Т. 1: 20 апреля 1853 г. – 31 июля 1862 г. Караганда: Карагандинское УПП обществ. об-ния «Казахское общество слепых», 2016. 798 с.
- Жилина, 1982** – *Жилина А.Н.* Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. Сб. статей. Отв. редакторы Е.Е. Неразик, А.Н. Жилина. М.: Наука, 1982. С. 137-163.
- Кары-Ниязов, Боровков, 1941** – *Кары-Ниязов Т.Н., Боровков А.К.* (ред.). Узбекско-русский словарь. Ташкент: Изд-во УзФАН СССР, 1941. 736 с.
- Кенесарин, 1992** – *Кенесарин Ахмет* (султан казахский). Султаны Кенесары и Сыздык. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е.Т. Смирнова. Алматы: Жалын, 1992. 144 с.
- Кенжетай, 2008** – *Кенжетай Д.* Кожа Ахмет Йсауи дуньетанымы. Алматы, 2008. 360 б.
- Кожа, 2000** – *Кожа М.Б.* Иасы-Туркістан тарихы. (Ерте заманнан XVIII гасырга дейін). Алматы: КАЗакпарат, 2000. 44 б.
- Кожа, 2014** – *Кожа М.Б.* Города и аграрные селения казахских ханств. Последняя четверть XVII–XVIII вв. // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах / Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев;

составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Т. I: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. С. 621–642.

Кожа, 2016 – *Кожа М.* Новые образцы деревянной архитектуры из г. Туркестана (XII–XVIII вв.) / *Международная научно-практическая конференция «От Тюркского эля к Казахскому ханству».* Сборник докладов. М.: б.и., 2016. С. 112–23.

Константинова, 1950 – *Константинова В.В.* Некоторые архитектурные памятники по среднему течению реки Сыр-дарья // *Изв. АН КазССР. Серия архитектурная.* 1950. Вып. 2. С. 37–53.

Кочнев, 1976 – *Кочнев Б.Д.* Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. Ташкент: Фан, 1976. 84 с.

Массон, 1930 – *Массон М.Е.* Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент: Сыр-Дарьинское отделение Общества изучения Казахстана, 1930. 23 с.

Муминов и др., 2008 – Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях / Отв. ред.: А. Муминов, А. фон Кюгельген, Д. ДиУис, М. Кемпер; сост., пер. на рус. яз., коммент., прилож. и указ.: А. Муминов, З. Жандарбек, Д. Рахимджанов, Ш. Зиядов. Т. 2. Генеалогические грамоты и сакральные семейства: насаб-нама и группы ходжей, связанных с сакральным сказанием об Исхак Бабе в XIX–XXI веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 368 с.

Муминов и др., 2017 – *Муминов А.К., Кумекоев Б.Е., Султонов У.А., Шуховцов В.К., Кенжетеев Д.Т., Кабылова А.С., Утепбергенова У.А., Айбасов А.А.* Исторические документы мавзолея Ходжа Ахмада Йасави. Астана: Мастер ПО ЖШС, 2017. 216 с.

Мурзаев, 1984 – *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.

Мустафаев и др., 1994 – *Мустафаев Н.И., Мухамедиева Н.Н., Смагулов Е.А.* Туркестан // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Т. 1: Чимкентская область. Алма-Ата: Казак энциклопедиясы, 1994. С. 263–268.

Нурғалиев, 1994 – *Нурғалиев Р.Н.* (гл. ред.). Свод памятников истории и культуры Казахстана. Т. 1: Чимкентская область. Алма-Ата: Казак энциклопедиясы, 1994. 368 с.

Нурмагамбетов, 1985 – *Нурмагамбетов А.* Жергілікті тіл ерекшеліктерінің торкіні. Алматы: Мектеп, 1985. 160 б.

Пищулина, 2016 – *Пищулина К.А.* Очерки истории Казахского ханства. Сборник статей. Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2016. 350 с.

Проскурин, 1994 – *Проскурин А.Н.* Хильвет Аулие Кумчик-Ата // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Т. 1: Чимкентская область. Алма-Ата: Казак энциклопедиясы, 1994. С. 280.

Пугаченкова, 1948 – *Пугаченкова Г.А.* О резных деревянных колоннах XIV–XV вв. в г. Туркестане // *Известия АН Казахской ССР. Серия архитектурная.* Вып. 1. 1948. С. 40–53.

Пугаченкова, Ремпель, 1965 – *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.: Искусство, 1965. 688 с.

Рустемов, 1989 – *Рустемов Л.З.* Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. Алма-Ата: Мектеп, 1989. 320 с.

Свод..., 2018 – Свод памятников истории и культуры Туркестанской области. Города Туркестан и Кентау. Ред. колл.: Г.М. Камалова, Ф.П. Григорьев (ответ. ред.), М.К. Туякбаев, М. Елеуов, Е.А. Смагулов, И.В. Ерофеева, Т.О. Усеров, Е.Ж. Оразбек. Алматы: б. и., 2018. 416 с.

Северцев, 1860 – *Северцев Н.* Месяц плена у кокандцев. С картою низовьев Сыр-Дарьи. СПб.: Издание графа Куселева-Безбородко, 1860. 98 с.

Семби, 2013 – *Семби М.* Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов (тюркский меридиан). Алматы: КазНИИ культуры, 2013. 296 с.

Сенигова, 1976 – *Сенигова Т.Н.* Уникальное культовое сооружение Аулие Кумчик-Ат в районе г. Туркестана // *Прошлое Казахстана по археологическим источникам.* Алма-Ата: Наука, 1976. С. 105–121.

Смагулов, 2017 – *Смагулов Е.А.* Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 342 с.

Смагулов, 2019 – *Смагулов Е.А.* К вопросу о возрасте города Туркестан // *Поволжская археология.* 2019. № 2 (28). С. 17–31.

Сухарева, 1976а – *Сухарева О.А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, 1976. 365 с.

Сухарева, 1976б – *Сухарева О.А.* Очерки по истории среднеазиатских городов / *История и культура народов Средней Азии (Древность и Средние века).* Сб. ст. Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1976. С. 132–148.

Туякбаев, 2009 – *Туякбаев М.К.* Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса (XIII–XIX вв.). Алматы: Эффект, 2009. 208 с.

Туякбаев, 2011 – *Туякбаев М.К.* Еще раз о цитаделях городища Туркестан (Анализ картографических материалов) // *Тюркология.* 2011. № 6 (56). С. 82–102.

Усеров, 2013 – *Усеров Т.О.* Туркістан археологиялық отрядының хан мешітінде жүргізілген археологиялық зерттеу жумыстары // «Гылым ордасы» РМК Археология муражайының

40 жылдыгына арналган «Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. Алматы, 2013. 169-173 бб.

[Хабибуллина, 2018](#) – *Хабибуллина З.Р.* (автор-сост.). Хадж мусульманских народов России: история и современность: Хрестоматия. Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. 170 с.

[Юдахин, 1985](#) – *Юдахин К.К.* (сост.) Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов. Кн. 1. А–К. Фрунзе: ГРКСЭ, 1985. 504 с.

References

[Abuseitova, 2007](#) – *Abuseitova, M.Kh.* (editor). (2007). Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. T. V. Izvlecheniya iz sochinenii XIII–XIX vekov. [The history of Kazakhstan in Persian sources. Vol. 5. Extracts from the writings of the XIII–XIX centuries]. Алматы: Daik-Press, 476 p. [in Russian]

[Babadzhanov, Muminov, 2002](#) – *Babadzhanov, B., Muminov, A.* (2002). Abd al-Gafur Turkistani i ego rasskazy o stranstviyakh [Abd al-Ghafur Turkistani and his stories of wanderings]. *Izvestiya Ministerstva obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan, Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk.* 4(239): 7-14. [in Russian]

[Bartol'd, 1971](#) – *Bartol'd, V.V.* (1971). Persidskoe ark «krepost', tsitadel'» [Persian ark «fortress, citadel»]. Sochineniya. T. VII. Moscow: Nauka. Pp. 413-416. [in Russian]

[Bimendiev, Uskenbay, 2008](#) – *Bimendiev, A.Sh., Uskenbay, K.Z.* (editor) (2008). Bol'shoi atlas istorii i kul'tury Kazakhstana [Large Atlas of the history and culture of Kazakhstan]. Алматы: ABDI Kompani, 880 p. [in Russian]

[Bisembiev, 1987](#) – *Bisembiev, T.K.* (1987). «Ta'rikh-i Shakhrukhi» kak istoricheskii istochnik [«Ta'rikh-i Shakhrukhi» as a historical source]. Alma-Ata: Nauka, 200 p. [in Russian]

[Brent'es, 1985](#) – *Brent'es, B.* (1985). Po stranitsam arkhivov. Plany gorodov Bukhara i Turkestan XVIII veka [By archive pages. Plans of the cities of Bukhara and Turkestan of the XVIII century]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane.* 6: 55-58. [in Russian]

[Dastanov, 1967](#) – *Dastanov, O.* (1967). «Aulieli» zherler turaly shyndyk [«Aulieli» the truth about these places]. Алматы: Kazakstan, 80 b. [in Kazakh]

[Dobrosmyslov, 1912](#) – *Dobrosmyslov, A.I.* (1912). Goroda Syr-Dar'inskoi oblasti. Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-ata i Chimkent [Cities of Syr-Darya region. Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-ata and Shymkent]. Tashkent: O.A. Portsev's Printing House, 204 p. [in Russian]

[DTS, 1969](#) – *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. [in Russian]

[Erofeeva, 2001](#) – *Erofeeva, I.V.* (2001). Simvoly kazakhskoi gosudarstvennosti (pozdneye srednevekov'e i novoe vremya) [Symbols of Kazakh statehood (late Middle Ages and Modern times)]. Алматы: Arkaim, 152 p. [in Russian]

[Erofeeva, 2014](#) – *Erofeeva, I.V.* (editor) (2014). Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyyashchei elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh [Epistolary legacy of the Kazakh ruling elite of 1675–1821 Collection of historical documents in 2 volumes]. Vol. 2. Алматы: ABDI Kompani, 1080 p. [in Russian]

[Erofeeva, Zhanaev, 2007](#) – *Erofeeva, I.V., Zhanaev, B.T.* (editor) (2007). Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. T. 6. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdakh po yuzhnykh stepyam, XVIII–XIX veka [History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries. Vol. 6. Travel diaries and memos about trips to the southern steppes, XVIII–XIX centuries]. Алматы: Daik-Press, 516 p. [in Russian]

[Gnucheva, 1940](#) – *Gnucheva, V.F.* (editor). (1940). Materialy dlya istorii ekspeditsii Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh. Khronologicheskie obzory i opisanie arkhivnykh materialov [Materials for the history of expeditions of the Academy of Sciences in the XVIII and XIX centuries. Chronological reviews and description of archival materials]. Moscow; MOSCOW: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 310 p. [in Russian]

[Kary-Niyazov, Borovkov, 1941](#) – *Kary-Niyazov, T.N., Borovkov, A.K.* (editor) (1941). Uzbeksko-russkii slovar' [Uzbek-Russian dictionary]. Tashkent: Publishing house of the Uzbek branch of the USSR Academy of Sciences, 736 p. [in Russian]

[Kenesarin, 1992](#) – *Kenesarin, A.* (1992). Sultany Kenesary i Syzdyk [Sultans Kenesary and Syzdyk]. Алматы: Zhalyn, 144 p. [in Russian]

[Kenzhetai, 2008](#) – *Kenzhetai, D.* (2008). Kozha Akhmet Isaui dunietanymy [The World of Khoja Ahmet Ysawi]. Алматы, 360 b. [in Kazakh]

[Khabibullina, 2018](#) – *Khabibullina, Z.R.* (author-editor) (2018). Khadzha musul'manskikh narodov Rossii: istoriya i sovremennost' [Hajj of the Muslim peoples of Russia: History and Modernity]. Ufa, 170 p. [in Russian]

[Kochnev, 1976](#) – *Kochnev, B.D.* (1976). Srednevekovyye zagorodnie kul'tovyye sooruzheniya Srednei Azii [Medieval suburban religious buildings of Central Asia]. Tashkent: Fan, 84 p. [in Russian]

- Konstantinova, 1950** – *Konstantinova, V.V.* (1950). Nekotorye arkhitekturnye pamyatniki po srednemu techeniyu reki Syr-dar'i [Some architectural monuments along the middle course of the Syr-darya river]. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya arkhitekturnaya*. 2: 37-53. [in Russian]
- Kozha, 2000** – *Kozha, M.B.* (2000). Iasy-Turkistan tarikhy [History of Yasi-Turkestan]. Almaty: KAZakparat, 44 b. [in Russian & Kazakh]
- Kozha, 2014** – *Kozha, M.B.* (2014). Goroda i agrarnye seleniya kazakhskikh khanstv. Poslednyaya chetvert' XVII–XVIII vv. [Cities and agricultural villages of the Kazakh khanates. The last quarter of the XVII–XVIII centuries.]. *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyyashchei elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh* Vol. 1. Almaty: ABDI Kompani. Pp. 621-642. [in Russian]
- Kozha, 2016** – *Kozha, M.* (2016). Novye obraztsy derevyannoi arkhitektury iz g. Turkestana (XII–XVIII vv.) [New examples of wooden architecture from Turkestan (XII–XVIII centuries)]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Ot Tyurkskogo elya k Kazakhskomu khanstvu»*. Moscow. Pp. 112-123. [in Russian]
- Masson, 1930** – *Masson, M.E.* (1930). Mavzolei Khodzha Akhmeda Yasevi [Mausoleum of Khoja Ahmed Yasevi]. Tashkent: Syrdarya Branch of the Society for the Study of Kazakhstan, 23 p. [in Russian]
- Muminov i dr., 2008** – *Muminov, A., fon Kyugel'gen, A., DeWese, D., Kemper, M.* (editor) (2008). Islamizatsiya i sakral'nye rodoslovnnye v Tsentral'noi Azii: nasledie Iskhak Baba v narrativnoi i genealogicheskoi traditsiyakh. Tom. 2. Genealogicheskie gramoty i sakral'nye semeistva: nasab-nama i gruppy khodzhei, svyazannykh s sakral'nym skazaniem ob Iskhak Babe v XIX–XXI vekakh [Islamization and sacred pedigrees in Central Asia: the Legacy of Ishaq Baba in Narrative and genealogical traditions. Vol. 2. Genealogical letters and sacred families: nasab-nama and groups of Hodges associated with the sacred legend of Ishaq Baba in the XIX–XXI centuries]. Almaty: Daik-Press, 368 p. [in Russian]
- Muminov i dr., 2017** – *Muminov, A.K., Kumekov, B.E., Sultonov, U.A., Shukhovtsov, V.K., Kenzhetaev, D.T., Kabylova, A.S., Utepbergenova, U.A., Aibasov, A.A.* (2017). Istoricheskie dokumenty mavzoleya Khodzha Akhmada Iasavi [Historical documents of the Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi]. Astana: Master PO ZhShS, 216 p. [in Russian]
- Murzaev, 1984** – *Murzaev, E.M.* (1984). Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov [Dictionary of Folk Geographical Terms]. Moscow: Mysl', 653 p. [in Russian]
- Mustafaev i dr., 1994** – *Mustafaev, N.I., Mukhamedieva, N.N., Smagulov, E.A.* (1994). *Turkestan. Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Kazakhstana. Tom. 1: Chimkentskaya oblast'*. Alma-Ata: Kazak entsiklopediyasy. Pp. 263-268. [in Russian]
- Nurgaliev, 1994** – *Nurgaliev, R.N.* (editor) (1994). Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Kazakhstana. T. 1: Chimkentskaya oblast' [The code of monuments of history and culture of Kazakhstan. Vol. 1: Chimkent region]. Alma-Ata: Kazak entsiklopediyasy, 368 p. [in Russian]
- Nurmagambetov, 1985** – *Nurmagambetov, A.* (1985). Zhergilikti til erekshelikterinin torkini [Homeland of the peculiarities of local languages]. Almaty: Mektep, 160 b. [in Kazakh]
- Pishchulina, 2016** – *Pishchulina, K.A.* (2016). Ocherki istorii Kazakhskogo khanstva. Sbornik statei [Essays on the history of the Kazakh Khanate. Collection of articles]. Almaty: Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, 350 p. [in Russian]
- Proskurin, 1994** – *Proskurin, A.N.* (1994). Khil'vet Aulie Kumchik-Ata. Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Kazakhstana. Tom 1: Chimkentskaya oblast'. Alma-Ata: Kazak entsiklopediyasy. P. 280. [in Russian]
- Pugachenkova, 1948** – *Pugachenkova, G.A.* (1948). O reznykh derevyannykh kolonnakh XIV–XV vv. v g. Turkestane [About carved wooden columns of the XIV–XV centuries in Turkestan]. *Izvestiya AN Kazakhskoi SSR. Seriya arkhitekturnaya*. 1: 40-53. [in Russian]
- Pugachenkova, Rempel', 1965** – *Pugachenkova, G.A., Rempel', L.I.* (1965). Istoriya iskusstv Uzbekistana s drevneishikh vremen do serediny devyatnadsatogo veka [The history of the arts of Uzbekistan from ancient times to the middle of the nineteenth century]. Moskva: Iskusstvo, 688 p. [in Russian]
- Rustemov, 1989** – *Rustemov, L.Z.* (1989). Kazakhsko-russkii tolkovyi slovar' arabsko-iranskikh zaimstvovannykh slov [Kazakh-Russian explanatory dictionary of Arabic-Iranian loanwords]. Alma-Ata: Mektep, 320 p. [in Russian]
- Sembi, 2013** – *Sembi, M.* (2013). Pamyat' zemli tyurko-mongol'skoi: istoki i simvolika toponimov (tyurkskii meridian) [Memory of the Turkic-Mongolian Land: origins and symbolism of toponyms (Turkic meridian)]. Almaty, 296 p. [in Russian]
- Senigova, 1976** – *Senigova, T.N.* (1976). Unikal'noe kul'tovoe sooruzhenie Aulie Kumchik-At v raione g. Turkestana [A unique religious building Aulie Kumchik-At in the area of Turkestan]. *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam*. Alma-Ata: Nauka. Pp. 105-121. [in Russian]
- Severtsev, 1860** – *Severtsev, N.* (1860). Mesyats plena u kokandtsev. S kartoyu nizov'ev Syr-Dar'i [A month of captivity at Kokand. With a map of the lower reaches of Syr-Darya]. Saint Petersburg: The publication of Count Kushelev-Bezborodko, 98 p. [in Russian]
- Smagulov, 2017** – *Smagulov, E.A.* (2017). Drevnii Turkestan: shtrikhi k istoricheskomu portretu [Ancient Turkestan: touches to a historical portrait]. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 342 p. [in Russian]

- Smagulov, 2019** – Smagulov, E.A. (2019). K voprosu o vozraste goroda Turkestan [On the question of the age of the city of Turkestan]. *Povolzhskaya arkheologiya*. 2(28): 17-31. [in Russian]
- Sukhareva, 1976a** – Sukhareva, O.A. (1976). Kvartal'naya obshchina pozdnefeodal'nogo goroda Bukhary (v svyazi s istoriei kvartalov) [The quarter community of the late feudal city of Bukhara (in connection with the history of the quarters)]. Moskva: Nauka, 365 p. [in Russian]
- Sukhareva, 1976b** – Sukhareva, O.A. (1976). Ocherki po istorii sredneaziatskikh gorodov [Essays on the history of Central Asian cities]. *Istoriya i kul'tura narodov Srednei Azii*. Moscow: Nauka. Pp. 132-148. [in Russian]
- Svod..., 2018** – Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Turkestaskoi oblasti. Goroda Turkestan i Kentau [A set of historical and cultural monuments of the Turkestan region. Cities of Turkestan and Kentau]. Almaty, 2018. 416 p. [in Russian]
- Tuyakbaev, 2009** – Tuyakbaev, M.K. (2009). Istoricheskaya topografiya i razvitie gorodov i poselenii Turkestanskogo oazisa (XIII–XIX vv.) [Historical topography and development of cities and settlements of the Turkestan oasis (XIII–XIX centuries)]. Almaty: Effekt, 208 p. [in Russian]
- Tuyakbaev, 2011** – Tuyakbaev, M.K. (2011). Eshche raz o tsitadelyakh gorodishcha Turkestan (Analiz kartograficheskikh materialov) [About Ancient Places of Turkestan (Analysis of cartographic materials)]. *Turkology*. 6(56): 82-102 [in Russian]
- Userov, 2013** – Userov, T.O. (2013). Turkistan arkheologiyalyk otryadynyn khan meshitinde zhurgizilgen arkheologiyalyk zertteu zhumystary [Archaeological research of the Turkestan archaeological detachment in the Khan Mosque]. «Gylym ordasy» *RMK Arkheologiya murazhaiynyn 40 zhyldygyna arnalgan «Kazakstan arkheologiyasy: korytyndylary men keleshegi» khalykaralyk gylymi-tazhibelik konferentsiya materialdary*. Almaty, 169-173 bb. [in Russian]
- Yudakhin, 1985** – Yudakhin, K.K. (editor) (1985). Kirgizsko-russkii slovar' [Kyrgyz-Russian Dictionary]. Frunze, 504 p. [in Russian]
- Zhanaev, 2016** – Zhanaev, B.T. (editor). (2016). O slukhakh i sobytiyakh v Srednei Azii [About rumors and events in Central Asia]. Vol. 1. Karaganda: Karaganda UPP of the Society of the «Kazakh Society of the Blind», 798 p. [in Russian]
- Zhilina, 1982** – Zhilina, A.N. (1982). Traditsionnye poseleniya i zhilishche uzbekov Yuzhnogo Kazakhstana [Traditional settlements and housing of the Uzbeks of Southern Kazakhstan]. *Zhilishche narodov Srednei Azii i Kazakhstana*. Moscow: Nauka. Pp. 137-163. [in Russian]

Малоизвестный план города Туркестана 1854 года из архива Русского географического общества

Абдибек Шарбекович Бимендиев ^a, Мухтар Бахадырулы Кожа ^b, Канат Зулкарышулы Ускенбай ^{c,*}

^a АБДИ Компани, Республика Казахстан

^b Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясави, Республика Казахстан

^c Институт гуманитарных исследований АБДИ, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется содержание малоизвестного плана города Туркестана 1854 года из архива Русского географического общества в Санкт-Петербурге. В 2006–2008 годах два казахстанских исследователя Абдибек Бимендиев и Канат Ускенбай в ходе выявления и сбора фотоиллюстративного и картографического материала по истории и культуре Казахстана в музеях, архивах и библиотеках Казахстана и Российской Федерации обнаружили в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге неизвестный план города Туркестана и его окружи, составленный на русском языке за десять лет до прихода русских в Туркестан в 1854 году. Анализ содержания плана, источников и историографии того периода, а также современной изученности археологии Туркестана, проведенный авторами исследования, свидетельствует об оригинальности данных обнаруженного источника. Авторы делают вывод о том, что план Туркестана 1854 года представляет большую историческую ценность как первоисточник для изучения исторической топографии Туркестана от периода позднего Средневековья до первой половины XIX века. На нем нанесены укрепления города и цитадели, ворота, базар, мечети, сакральные места, сады, оросительные каналы, мельницы, мосты, дороги. В плане зафиксированы оригинальные названия отдельных исторических объектов. Рассматриваемый документ в вопросе ворот Туркестана дает уникальную информацию.

Ключевые слова: Русское географическое общество, Туркестан, план города, мавзолеев Ходжи Ахмеда Ясави, базар, ворота, мечеть, шахристан.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: uskenbay@gmail.com (К.З. Ускенбай)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 237-247
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.237

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

B.P. Mansurov's Second Report and the Beginning of the Construction of Russian Palestine

Yuri E. Kondakov ^{a, *}, Dmitry S. Fedotev ^a

^a Russian State Pedagogical University A.I. Herzen, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

In the 21st century, the problem of the creation of a Russian Palestine attracts the attention of an increasing circle of researchers. In the Russian State Historical Archives (RGIA), documents were found on the first stage of the construction of Russian Palestine. They make it possible to clarify the role of B.P. Mansurov in this process. First of all, this is the second report of Mansurov written after a business trip to the East in 1858. It was first introduced into scientific circulation. The report describes everything that has been done in Palestine and proposes a broad plan for the further construction of infrastructure for the pilgrims. After Mansurov's report, Alexander II ordered the start of state funding for the construction of Russian Palestine and created the Palestinian Committee to manage this process.

Another block of documents stored in the fund of the Russian Society of Shipping and Trade (ROPiT) allows us to trace the history of the preparation of Mansurov's business trip. This initiative was addressed to ROPiT by the Grand Duke Konstantin Nikolaevich, supported by the emperor. The materials show that in the first years of construction, ROPiT allocated money and financed business trips of officials to Palestine, paid for the transportation of goods. The minutes of the second meeting of the Palestinian Committee are being introduced into scientific circulation. According to the document, it can be judged that, although economic issues prevailed in the activities of the Committee, it has not yet completely abandoned its political tasks. Separate political and religious points were also in the second report of Mansurov. At the same time, it is obvious that the Committee did not plan to carry out the broad program of Russia's penetration into the Turkish East, proposed in the first report of Mansurov.

Keywords: Russian Palestine, Jerusalem, "Jerusalem Project", Russian Society of Shipping and Trade, Palestinian Committee, Ministry of Foreign Affairs, Holy Synod, pilgrims.

1. Введение

После завершения Крымской войны в центре внимания российской дипломатии оказался турецкий Восток. Координировать деятельность различных учреждений на этом направлении попытался глава Морского министерства, брат Александра II, великий князь Константин Николаевич. Основанное при его участии Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) должно было отчасти компенсировать России потерю Черноморского флота. Существенной статьей дохода пароходства должна была стать перевозка российских паломников в Палестину. Проявляя заботу о паломниках, великий князь планировал восстановить на Востоке подорванный престиж России. В 1857 г. с целью составления путеводителя для паломников в Палестину был направлен чиновник Морского министерства Б.П. Мансуров (1828–1910). Познакомившись с ситуацией в Палестине, Мансуров возвращается в Одессу и уже оттуда с первым рейсом парохода РОПиТ по новому маршруту отправляется на Афон. Итогом командировки Мансурова стал обширный отчет о положении российских паломников. С полным вариантом отчета ознакомился император и высшие государственные чиновники, краткий вариант был издан и поступил в продажу.

* Corresponding author

E-mail addresses: yura.kondakov.67@mail.ru (Yu.E. Kondakov), fedotieff@inbox.ru (D.S. Fedotev)

Отчет Мансурова привлек внимание Александра II, его брата Константина Николаевича и российского общества к проблеме паломников. Была поставлена задача создать инфраструктуру для российских паломников, чего ранее добились в Палестине Англия, Франция и Германия. Действуя в этом направлении, великий князь Константин Николаевич планировал возглавить и координировать усилия Министерства иностранных дел (МИД), Святого синода, Министерства финансов и Морского министерства в их деятельности по строительству инфраструктуры для российских паломников – Русской Палестины.

Главным итогом первого отчета Мансурова стали принятие решения о строительстве Русской Палестины и начало сбора в России пожертвований на эти цели. Следующий шаг был сделан после второй командировки Мансурова на Восток в 1858 г. Им был составлен план необходимых для паломников построек, составлены приблизительные сметы и указаны источники финансирования. Александром II было выделено 500 тыс. руб. бюджетных средств на Русскую Палестину и учрежден орган, руководивший работами и распределявший пожертвования, – Палестинский комитет.

2. Материалы и методы

В качестве материалов для подготовки работы были привлечены архивные документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Впервые в научный оборот вводится второй отчет Мансурова. До этого события, связанные с началом государственного финансирования паломнического проекта, рассматривались на основании переписки.

Кроме второго отчета Мансурова, в фондах РГИА обнаружены другие важные документы. Они позволяют проследить, как готовилась командировка Мансурова, как Александр II принял решение о начале бюджетного финансирования и как начал работу Палестинский комитет. Отчет Мансурова под названием «Записка о положении дела создания на Востоке Русских Богоугодных заведений» хранится в фонде Департамента государственного казначейства Министерства финансов (Ф. 565). «Записка» входит в состав дела «Относительно устройства богоугодных заведений Палестины» (Д. 2433). На записке указано место и время ее составления Мансуровым: 18/24 февраля 1859 г. в Палермо (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 32). Текст «Записки» имеет краткие комментарии Александра II. В фонде РОПит (Ф. 107) обнаружено дело «Об учреждении восточной линии», документы которого дают возможность проследить историю подготовки второй командировки Мансурова в Иерусалим.

Статья основывается на базовых принципах исторического познания – объективности, историзма и системности. Структурно-функциональный анализ, применяемый при рассмотрении межведомственной борьбы вокруг Русской Палестины, показал, что критика Мансуровым чиновников МИД и духовенства усугубила их конфликт с великим князем Константином Николаевичем.

При рассмотрении отчетов Мансурова был использован сравнительно-исторический метод. Если в первом отчете Мансуров высказал большое количество политических предложений, то во втором – политическая составляющая практически отсутствует, что обусловило в итоге сведение функций Палестинского комитета лишь к устройству инфраструктуры для паломников.

3. Обсуждение

Заслуги Мансурова по строительству Русской Палестины были оценены современниками. Вышедшая при его жизни в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона биографическая статья большую часть материала посвятила Русской Палестине. При этом Мансурова критиковали за ошибки. Первым это сделал М.П. Соловьев в своей книге «Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество» в 1891 г. (Соловьев, 2012: 11-25). Развил эту концепцию в ряде своих трудов член ИППО А.А. Дмитриевский. Более справедлив в оценках деятельности Мансурова был священник Ф.П. Титов (Титов, 1902: 385-386). После революции исследования строительства Русской Палестины прервались почти на 100 лет. Исключением являлась богословская диссертация митрополита Никодима (Ротова) «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме» (Серпухов, 1997). Там Мансуров упоминался очень кратко.

Исследование жизни и деятельности Мансурова активизировалось в XXI веке. Одним из первых к этой теме обратился Н.Н. Лисовой. Первоначально его концепция базировалась на трудах А.А. Дмитриевского. Первая статья с упоминанием Мансурова была издана Лисовым в 1999 г. (Лисовой, 1999: 36-51). Через год в большой статье в предисловии к сборнику документов «Россия в Святой Земле» Лисовой упоминал Мансурова в небольшом разделе под названием «Придворные партии, МИД и РОПит («Проект Мансурова»)». Лисовой делал акцент на борьбе чиновников Палестинского комитета и глав Духовной миссии. Мансуров обвинялся в «эксплуатации народного религиозного чувства». В «Проекте Мансурова» Лисовой видел только коммерческий интерес (Россия..., 2000). Итогом исследования Лисовым русских учреждений в Палестине стала диссертация, изданная в виде монографии, где совершенно обоснованно Мансуров назывался «идеологом и главным деятелем палестинского проекта». Лисовой считал, что ставка Мансурова на РОПит была

ошибочна и не принесла ожидаемых результатов. В этом труде автор отказался от резких оценок в отношении Мансурова, так как из исследования следовало, что именно «Плану Мансурова» была обязана своим возникновением Русская Палестина. Вслед за Дмитриевским Лисовой повторял, что Мансуров всячески пытался «тормозить» открытие ИППО, а потом вошел в конфликт с его членами (Лисовой, 2006). В целом Лисовой заложил основы современной концепции основания Русской Палестины, выделив этапы: основание РОПиТ – «Проект Мансурова» – Палестинский комитет – Палестинская комиссия – ИППО.

Крупнейший вклад в исследование русских учреждений в Палестине внес действительный член ИППО, генеральный директор издательства «Индрик» К.А. Вах. С 2007 г. начинают выходить его статьи и сборники документов, посвященные Палестине. Направления, которые наметил в своих исследованиях Лисовой, Вах подверг детальной проработке. Ввел в оборот термин «Иерусалимский проект», который закрепился в научной литературе. «Иерусалимский проект» упоминался Вахом в 2009 г. в предисловии к сборнику «Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле. 1859 г.» (Вах, 2009: 6). Определение этому термину давалось в 2012 г. в сборнике «Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую землю. К 150-летию основания русской Палестины». В статье сборника «Об изучении первого периода создания русской Палестины. 1856–1864» Вах указывал, что «Иерусалимский проект» был инициирован великим князем Константином Николаевичем и разработан при Морском министерстве как часть проекта по созданию Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ). «Главной задачей РОПиТ, по мысли его учредителей, было восстановление российского влияния в Османской империи на новых принципах, неуязвимых с точки зрения настороженно-недоброжелательного по отношению к России тренда в европейской дипломатии тех лет», – писал Вах. Необходимо было восстановить на Востоке религиозное, а затем и политическое влияние и найти новые источники финансирования. Поэтому для решения церковно-дипломатических задач было решено использовать частную пароходную компанию. Вах указывал, что «Иерусалимский проект» просуществовал с ноября 1856 г. (первая командировка на Восток Б.П. Мансурова) до окончания строительства у Яффских ворот (Вах, 2011: 1-2). В том же году в статье «Из предыстории ИППО: кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии» Вах описывал историю передачи дел от Палестинского комитета к Палестинской комиссии (1864 г.). По его мнению, это событие стало завершением «Иерусалимского проекта». Забота о паломниках перешла в МИД, чей глава А.М. Горчаков еще в 1858 г. смог добиться сведения «Иерусалимского проекта» к административно-хозяйственной деятельности по обслуживанию паломников (Вах, 2012: 19). В нескольких статьях Вах давал подробный обзор биографии Мансурова до расформирования Палестинского комитета (Вах, 2010; Вах, 2012; Вах, 2012; Вах, 2014; Вах, 2017).

В 2012 г. была издана статья З.П. Ермаковой «Преданный Святой Земле работник», где биография Мансурова рассматривалась полностью (Ермакова, 2012). Заключительная часть публикации была посвящена судьбе детей Мансурова и основанной им Рижской Свято-Троицкой общины. Статья основывалась на опубликованных документах. Серия публикаций о деятельности Мансурова связана с его архивом в Тамбове (ГАТО). В 2019 г. была издана совместная статья А.Н. Алленова и А.А. Гравина «Личный архив Б.П. Мансурова: состав документов и возможности онлайн-доступа» (Алленов, Гравин, 2019). В том же году авторы уже по отдельности опубликовали статьи, в которых рассматривалось участие Мансурова в основании Русской Палестины (Алленов, 2019; Гравин, 2019). Исследователи использовали отдельные документы из собрания ГАРФ и РГА ВМФ. В статье Гравина «Отношения Б.П. Мансурова с начальниками Русской духовной миссии в Иерусалиме (1859–1885 гг.)» цитировались материалы из архива Мансурова в Тамбове (Гравин, 2020) и давался обзор отношений Мансурова с главами Духовной миссии в течение всей его деятельности по строительству Русской Палестины. Другой тамбовский исследователь, К.С. Кунавин, в своих статьях рассматривал деятельность Мансурова как чиновника (Кунавин, 2016; Кунавин, 2019; Кунавин, 2019). Еще не исследованные эпизоды деятельности Мансурова привел в своих публикациях Ю.Е. Кондаков (вторая статья совместно с Д.С. Федотьевым) (Кондаков, 2020; Кондаков, Федотьев, 2021). Это была история составления трех отчетов «Палестинского комитета» и конфликта Мансурова с ИППО.

Можно сделать вывод о том, что в XXI веке оценки деятельности Мансурова учеными стали положительными. Кроме специальных исследований биографии Мансурова, эта тенденция прослеживается и в общих трудах (Воробьева, 2001; Перенижко, 2015; Смирнова, 2009; Смирнова, 2011; Ямилинец, 2003).

4. Результаты

25 декабря 1857 г. в типографии Морского министерства было отпечатано 20–30 экземпляров первого отчета Мансурова (Великий..., 2012: 37). Великий князь Константин Николаевич начал рассылать отчет в разные ведомства и отдельным лицам, началось его обсуждение. Дальнейший ход дела показывает, что на уровне императора решение было уже принято. 27 декабря в письме в РОПиТ великий князь писал: «Ныне Ст. Сов. Мансуров, возвратясь из Иерусалима, предоставил Мне собранные по сему предмету сведения и предположения свои. Препровождая ныне в Общество

5-ть экземпляров записки Г. Мансурова, прошу оное предоставить Мне соображения свои по содержанию этой записки. К сему считаю нужным присовокупить, что если Общество пожелает еще далее воспользоваться трудами Г. Мансурова, отправить его вновь в Палестину на счет Общества, то Я и в этом случае готов вновь содействовать Обществу и с удовольствием командирую Г. Мансурова в Иерусалим на время необходимое для исполнения поручения, которое будет на него возложено» (РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 43. Л. 1-2). Таким образом, вопрос о второй командировке Мансурова был поставлен еще до ознакомления с докладом высших государственных чиновников.

Ответ РОПиТ великому князю последовал немедленно. Общество сообщало, что готово приложить все усилия для развития российского паломничества на Восток. Оно было готово командировать Мансурова для продолжения его исследований: «Ныне правление ходатайствует перед ВИБ о командировании ДСС Мансурова, на счет Общества, в Палестину для собрания дополнительных сведений и оставления проекта самого исполнения предложенных кланящихся к облегчению и поощрению Православного поклонничества к Святым Местам» (РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 43. Л. 4). Однако обсуждение отчета Мансурова на уровне министров натолкнулось на сопротивление. Великому князю пришлось менять текст отчета Мансурова. 30 декабря 1857 г. А.В. Головнин просит РОПиТ вернуть экземпляры записки Мансурова «для некоторых необходимых изменений» (РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 43. Л. 5).

Вопрос о командировке Мансурова в Палестину был решен на высшем уровне. 15 января 1858 г. великий князь сообщал правлению РОПиТ, что по всеподданнейшему докладу «Государь Император Высочайше разрешить соизволил командировать действительного статского советника Мансурова за границу для исполнения поручения Общества, на иждивении онаго, и с сохранением ему содержания от Морского Министерства» (РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 43. Л. 6). В тот же день великий князь известил главу МИД А.М. Горчакова и обер-прокурора А.П. Толстого о командировке Мансурова, попросив оказывать ему всяческое содействие и познакомить с нужными документами их ведомств. Одновременно был извещен и Мансуров: «Государь император, по всеподданнейшему докладу Моему ходатайства РОПиТ, Высочайше повелел командировать Ваше превосходительство за границу для исполнения поручения Общества на иждивение онаго» (РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 43. Л. 7-9). Из этого уведомления видно, что перед императором инициатором командировки Мансурова выступал РОПиТ, но подтолкнул на это Общество великий князь.

РОПиТ составил инструкцию для Мансурова и предусмотрел выделение денег: «Принять на себя труд отправиться на Восток и составить на месте соображения, что именно и в каких размерах Общество должно сделать для доставления нужного удобства путешественникам и где крайне необходимо устроить гостиницы, в какой из Сирийских портов должно привозить путешественников, как устроить их доставку в Иерусалим, пребывание там и потом дать им возможные средства к полному обозрению всех местных Святынь». РОПиТ считает нужным принять на себя за известную плату доставлять паломников в Палестину и обратно, обеспечивать их приютом и пищей. Общество готово в настоящее время ограничить получение выгоды, чтобы получить их в будущем. РОПиТ считает необходимым приобретение домов в собственность или долговременную аренду в Смирне и Бейруте для контор агентов, магазинов и складов угля. Общество готово выделить на эти цели до 40 000 р. В Константинополе предполагается получить разрешение Правительства на перестройку здания бывшей коммерческой канцелярии, частью на пожертвования, частью на средства Общества. Там должна быть контора агентства и гостиница для паломников. Согласовать с посольством перестройку дома и сделать планы (РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 43. Л. 33-43).

В апреле 1858 г. подготовка к командировке была почти окончена. Надо полагать, что Мансурова задерживало недостаточное финансирование, так как сбор пожертвований только начался. 10 апреля 1858 г. РОПиТ согласовал с банком Штиглица кредит Мансурову в 600 фунтов стерлингов. Кредит должен был быть доступен в Константинополе, Смирне, Афинах, Бейруте, Париже, Триесте и Марселе (РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 43. Л. 30). Таким образом, был уже выработан маршрут предстоящей командировки. 11 апреля Мансуров выехал в Париж.

По окончании поездки 13/25 декабря 1858 г. Мансуров писал директору РОПиТ Н.А. Новосельскому: «Может быть, я в Париже на досуге составлю целую записку о Восточной линии: материалы у меня готовы, нужно только время». Из письма следует, что в это время отчет о поездке был уже написан: «О всех предположениях, филантропически решенных, я подаю в посольство так же подробную записку, которая посылается через неделю подлинником в Петербург» (Вах, 2017: 173).

Во втором отчете Мансурова можно выделить несколько смысловых частей. Поскольку его поездка финансировалась РОПиТ, а он одновременно исполнял обязанности агента данной компании, записка начиналась с проблематики деятельности Пароходства. Мансуров описывал успехи РОПиТ и благодарил его за финансовую помощь. Затем шел отчет о сделанном в Палестине из 17 пунктов. Последний пункт был одновременно финансовой сметой для планируемых построек. В заключение записки несколько страниц было посвящено эмоциональному описанию настоящих и будущих успехов России на Востоке. В записке отразились конфликты, которые уже начались в Св. Земле между Духовной миссией и консульством.

Мансуров сообщал, что свою деятельность в Иерусалиме он смог начать только после учреждения консульства в августе 1858 г. Дальше шла благодарность в адрес РОПиТ: «В этом печальном периоде Пароходное общество оказала чрезвычайно важную и большую пользу тем, что 1) поставило своих агентов в распоряжение командированного на Восток Мансурова и дало ему средства с полным комплектом деятелей изучить все местности; 2) приняла на свой счет обзаведение в Иерусалиме агентства, с коими соединено там все консульское учреждение, а без предварительного учреждения в Св. Граде Консульства ни к чему приступить было невозможно, и 3) вручило Мансурову около 40000 р. на случай необходимости делать немедленные расходы. Для связывания всего предполагавшегося на Востоке богоугодного дела с Пароходным Обществом, Правление сего последнего предоставило Мансурову власть и права для устройства дел Общества по всей линии от Константинополя до Яффы, Иерусалима и Назарета включительно» (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 1-2).

Затем Мансуров отчитывался о сделанном на Востоке в 1858 г.: 1) консульство и агентство основано и обзаведено за счет РОПиТ с большими расходами, для консульства нанят на три года дом, 19 сентября русский флаг был поднят в Иерусалиме; 2) по Восточной линии устроены правильные агентства РОПиТ в Галлиполи, Дарданеллах, Митилине, Смирне, Хиосе, Родосе, Мессине, Александрии, Латакии, Триполи, Бейруте, Кайфе, Яффе, устроены постоянные угольные склады; 3) пароходство началось с июня по два рейса в месяц, повреждений судов и остановок не было, получило доверие публики и торговли, линия выгодна, конкуренция французов и австрийцев представляется не страшной; 4) собрана информация для устройства поклоннических сооружений; 5) устроена правильная и постоянная русская почта (РОПиТ перевозит письма и посылки без всяких расходов для казны); 6) в Яффе отделано помещение для 10 поклонников высшего сословия, нанят дом на 10 лет; 7) между Яффой и Иерусалимом в Ромале, где ночуют поклонники, нанят дом; 8) в Кайфе отстраивается странноприимное заведение для 50 паломников (Иерусалимский Патриарх принял эту постройку на свой счет, русским надо только обустроить ее); 9) в Кайфе куплено помещение для склада угля, над этим зданием можно взвести два этажа и устроить там домовую церковь и госпиталь; 10) в Назарете выбрано место у колодца Богородицы для создания русского подворья для Духовной Миссии; 11) в Назарете наняты два смежных дома; 12) Патриарх согласился восстановить епархиальную кафедру в Назарете, было поставлено лицо, удобное русским – простой монах, воспитанник Афонской Академии Нифон (посвящен в епископы). Мансуров обещал снабжать его денежными средствами для поддержания достоинства престола; 13) в Бейруте выбрано место с домами, в Бейруте и Дамаске необходимо открыть отделы Миссии; 14) в ближайшее время будет сделана покупка земли в Иерусалиме для дома Духовной Миссии; 15) было определено что нужно построить в Иерусалиме: а). жилье для 500 поклонников мужчин и 500 женщин, б). госпиталь на 100 коек, в). русская церковь на 600 человек, г). дом для епископа и Духовной Миссии, которая требует увеличения состава, д). для иерусалимского консульства, е). дом для хозяйственных служб; 16) устроить в Иерусалиме временные приюты в частных домах; 17) финансовый план.

Мансуров сообщал, что, хотя сбор денег начался не во всех губерниях, уже собрано 160 865 руб. По его подсчетам 74 000 руб. надо было вложить еще до начала основных построек. Решить проблемы мог помочь правительственный заем (под будущие сборы) в 500 тыс. руб. (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 20-21).

В пояснениях Мансуров сообщал, что покупать земли в Иерусалиме иностранцам запрещено и это можно делать только с разрешения Порты. Покупку русского участка в Иерусалиме осложнила деятельность главы Духовной миссии епископа Кирилла (Наумова). МИД дал ему распоряжение приобрести участок, что сразу стало известно местным жителям, и цены на недвижимость резко возросли. Кирилл едва не купил за 280 тыс. пиастров такую землю, на которой строить было бы нельзя. За год до того она стоила 1 тыс. пиастров. Слухи о том, что русские хотят скупить пол-Иерусалима, заставили Иерусалимского патриарха приехать из Константинополя. Мансуров подробно описывал свои тайные действия по покупке участка (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 12).

К политическим пунктам записки можно отнести только один, но Мансуров отметил его как самый важный. Это совершившееся при участии русских восстановление отдельной епархии в Назарете и поставление туда епископом греческого монаха, удобного России.

Мансуров писал, что против деятельности России на Востоке было греческое духовенство, турки относились с подозрением, латиняне, англичане и австрийцы с ненавистью. По его словам, в самой России новое богоугодное дело было встречено с «частично равнодушием, частично враждебно и недоверчиво», только личное участие Государя дало делу жизнь. Он критиковал чиновников МИД и духовенство, саботирующих мероприятия в Палестине. Мансуров жаловался, что Константинопольское посольство сочло себя не вправе вступать в переговоры с Портой для завершения земельной сделки в Иерусалиме и запросило С.-Петербург: «потребовало от Мансурова подробной записки для предварительного представления дела на рассмотрение МИД». По этой причине дело затянулось на несколько месяцев, начался рост цен на землю (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 14). По поводу духовенства Мансуров писал: «К сожалению можно безошибочно сказать, что холодная формальность в рассылке указов Св. Синода по Консистоциям во многом

отняли у сборов задушевной стороны, так как означенные указы положительно лежали недели и месяцы без действия в Канцеляриях Консistorий. За исполнением указов и за тем, как они исполнялись, вовсе не следили, и в большей части Церквей прихожанам оставались совершенно неизвестным, что разносятся и составляются новые кружки в пользу богоугодного Иерусалимского дела» (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 29). Мансуров предлагал Святому синоду целый ряд рекомендаций: дать сборам правильное наименование, иначе они попадут в руки Иерусалимского патриарха; объявить во всех церквях, что сборы имеют цель «устройство в Иерусалиме и у Св. Мест русских богоугодных заведений»; избрать для сборов особые праздничные дни, когда вспомнится Иерусалим и особой проповедью призывать прихожан к приношениям; также проводить сбор для поддержания Афонских монастырей; просить Иерусалимского патриарха прислать в Россию своего представителя для личного проведения сборов на Назарет (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 30-32). Сведений о том, что какие-либо из этих рекомендаций Мансурова были выполнены, не обнаружено.

Мансуров описывал народный подъем, «когда дело идет о Иерусалиме, обоящем имени, находящим теплый отголосок в душе каждого христианина». «Для всех высших интересов России, для Церкви и Правительства, осязательно важно начатое ныне на Востоке священное дело. Той и другому остается только иметь достаточно любви к сему делу и веры в сочувствие Православного народа» (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 25-26), – гласил итоговый вывод записки.

Важнейшим последствием записки Мансурова стало открытие государственного финансирования Русской Палестины. В своем втором отчете Мансуров предлагал императору выделить кредит на строительство в 500 тыс. руб. Погашать его планировалось из пожертвований и кружечного сбора. На отчете Мансурова о требующихся 500 тыс. руб. император приписал: «Откуда их взять?» (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 19). Документы показывают, при каких обстоятельствах Александр II принял решение о государственном финансировании строительства Русской Палестины. 27 марта 1859 г. на запрос императора по поводу кредита министр финансов А.М. Княжевич ответил, что денег для выдачи кредита 500 тыс. руб. в казначействе нет. Поскольку, по утверждению Мансурова, в первый год для строительства в Палестине понадобится не более 100 тыс. руб., министр предлагал: «Дабы воспособить успешному ходу сего богоугодного и полезного, как в религиозном, так и в политическом отношении дела, остается нужным для совершения онного суммы отпустить из Государственного Казначейства... необходимые в текущем г. отпустить на счет оказавшегося по России превышения в доходах, (20.535.638) требующиеся же в 1860 и 1861 гг. вносить в свое время в надлежащие сметы расходов» (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 33). На доклад министра финансов император наложил резолюцию «Исполнить».

Еще одним ключевым решением императора, сделанным по отчету Мансурова, стало учреждение Палестинского комитета под председательством Константина Николаевича. В Комитете разные ведомства должны были координировать свои действия в Палестине. Критика Мансуровым чиновников МИД и духовенства еще больше усугубила их конфликт с великим князем Константином Николаевичем. Практическое отсутствие политической составляющей в записке привело к тому, что функции Палестинского комитета свелись к устройству инфраструктуры для паломников. Наконец, полное игнорирование церковной составляющей записки показало, что император склонен передать эту сферу в ведение Святого синода и Духовной миссии. До образования Православного палестинского общества Мансуров больше не пытался вмешиваться в церковные вопросы.

Сохранился отзыв на записку Мансурова самого авторитетного клирика того времени митрополита Московского Филарета (Дроздова) 11 мая 1859 г. Он разбирал записку по пунктам предложений. По мнению Филарета, все успехи РОПит были направлены только на обогащение пароходства и Иерусалимского патриарха. Он писал, что отсутствие ясного отчета в расходовании средств приведет к снижению пожертвований. Он скептически относился к открытию новой епископской кафедры в Назарете и планируемой Духовной миссии в Дамаске. Высказывал сомнения по поводу инструкции Духовной миссии и назначения ее главой епископа. Филарету не нравился большой, по его мнению, масштаб русских паломнических учреждений, и он высказывал сомнения по поводу составленной на них сметы. Порицалось и предложение начать сбор на Афонские монастыри (Собрание мнений..., 1886: 409). В 1860 г. отзыв Филарета привел к тому, что Мансуров был на время отстранен от деятельности в Палестине.

События вокруг записки Мансурова развивались на фоне подготовки паломнической поездки великого князя Константина Николаевича и его семьи в Палестину. Прибыв в Италию, великий князь вызвал к себе Мансурова, которого планировалось направить в С.-Петербург. Мансуров должен был сделать императору доклад о Восточных делах и спросить позволения на поездку великого князя в Иерусалим. В случае разрешения паломничества Мансуров должен был подготовить все в Палестине. 13 марта он прибыл в столицу, на следующей день получил аудиенцию у императора (Вах, 2011: 34-37).

Это был наивысший этап в палестинской деятельности Мансурова. Пользуясь поддержкой великого князя, он смог изложить императору свои предложения и добиться согласия на их реализацию. Как показывают документы, записка Мансурова была важным вопросом аудиенции. Мансуров передал императору письмо великого князя 25 февраля/9 марта 1859 г. В нем излагалась

краткая история деятельности Мансурова на Востоке. Великий князь благодарил императора за то, что в атмосфере сопротивления и недоброжелательства чиновников Александр II и его супруга «с самого начала показали этому делу горячее сочувствие и решительно спасли его». По поводу записки Мансурова великий князь писал: «Все это подробно изложено в отчете, поданном мне Мансуровым и который я осмеливаюсь Тебе послать. Если Тебе времени не будет самому все это прочесть, дай его, пожалуйста, Марии. Я убежден, что она его прочтет с большим интересом и в состоянии будет рассказать Тебе сущность его. Но Тебя бы я попросил, любезнейший Саша, хорошенько с Мансуровым поговорить и расспросить. Во-первых, Ты увидишь, я уверен, с удовольствием, как он сам в это время созрел, как на месте прежней слишком большой горячности, которая многих от него отпугивала, и легкости у него развилось более спокойной рассудительности и положительности. Во-вторых, это его оградит от многих его петербургских недоброжелателей» (1857–1861..., 1994: 96). Во второй половине письма великий князь обосновывал необходимость своей поездки в Палестину.

На основании писем Мансурова к отцу К.А. Вах указывал, что 23 марта Александр II подписал указ об учреждении «Комитета для принятия мер по устройству богоугодных заведений для православных поклонников в Палестине» (уже в 1860 г. в документах он назывался Палестинский комитет) (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 38, 43). Вах давал описание первого заседания Палестинского комитета, состоявшегося 25 марта 1859 г. В фонде РГИА, где хранится записка Мансурова, нет упоминаний первого заседания Палестинского комитета. Там находится журнал заседания 12 июля, и оно проходило заметно иначе. В это время главой комитета официально стал великий князь Константин Николаевич (22 июня 1859 г.), он и вел собрание. На заседании присутствовали: князь Д.А. Оболенский, директор Азиатского департамента С.П. Ковалевский, за обер-прокурора Святого синода присутствовал директор департамента князь С.Н. Урусов, за представителя РОПиТ Н.А. Новосельского был Б.А. Адеркас. Не присутствовал «за болезнью» представитель Министерства финансов Г.П. Небольсин (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 38). Первым вопросом заседания были доходы и расходы. Сообщалось о поступлении в Комиссариатский департамент 205 478 руб. и израсходовании 63 705 руб., выделении императором 20 535 руб. Было решено составить отчет для публикации в газетах, сведения об учреждении Комитета предполагалось разослать во все посольства на Востоке. Вторым вопросом было решено запрашивать деньги в Министерстве финансов только после предоставления Мансуровым смет и планов. Третьим вопросом шло сообщение о решении Порты безвозмездно уступить участок у стен Иерусалима. В заключение перечислялись меры, предпринятые Мансуровым для покупки земли в Иерусалиме. Комитет обращал внимание Мансурова на закупку 400 кроватей для временных приютов, которые рекомендовалось приобретать в Южной Италии. Другое имущество великий князь приказал выделить из упраздненных черноморских госпиталей. Отправить все это в Иерусалим предполагалось при помощи РОПиТ (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 41-42). 11 января 1860 г. в Палестинский комитет был включен управляющий его делами Б.П. Мансуров. 15/27 апреля 1860 г. Мансуров сообщал жене, что участвовал в заседании Комитета у великого князя. Все его строительные планы были одобрены, пришлось пожертвовать только домом для высших сословий, отложив его на то время, когда будут богаче. Он же оформлял журналы Комитета (РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 90). За свои успехи в Палестине 1 января 1862 г. Мансуров получил орден Св. Станислава 1 степени (Шилов, Кузьмин, 2006: 427).

5. Заключение

Впервые вводимые в научный оборот документы о второй командировке Б.П. Мансурова существенно дополняют сведения о начале строительства Русской Палестины. Поездка Мансурова и его спутников проходила на средства РОПиТ, и сам он выполнял обязанности агента пароходства. В 1858–1859 гг. Мансуров надеялся на активное участие РОПиТ в строительстве Русской Палестины. Им был составлен подробный финансовый план, предполагавший выделение государственного кредита под залог будущих пожертвований и сборов. Вместо этого Александр II распорядился о выделении 500 тыс. руб. бюджетных средств с рассрочкой на несколько лет. Для управления выделяемыми суммами и управления строительством был учрежден Палестинский комитет.

Инициатором и главным вдохновителем строительства Русской Палестины был великий князь Константин Николаевич. Под его руководством в Палестинском комитете объединились представители Морского министерства, Министерства финансов, Святого синода и РОПиТ. Каждое из этих ведомств имело собственные интересы. В отчете Мансурова уже наметился конфликт между Духовной миссией и консульством. В дальнейшем межведомственная борьба привела к тому, что Константин Николаевич был отправлен наместником в Польшу, Мансуров на полтора года отстранен от проекта, а в дальнейшем Палестинский комитет преобразован в Палестинскую комиссию, подчиненную МИД.

В первом отчете Мансурова содержалось множество политических предложений. Во втором отчете было лишь упоминание о важности назначения русского ставленника на кафедру в Назарете. Предложения Мансурова по церковной сфере не были поддержаны императором. В дальнейшем Палестинский комитет и Палестинская комиссия занимались только хозяйственными функциями.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-09-41001 «Русское общество пароходства и торговли в истории православного паломничества в Святую Землю (1857–1914 гг.)».

Литература

- 1857–1861 – 1857–1861: Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. 384 с.
- Аленов, 2019 – Аленов А.Н. «Мансуровский проект» Русской Палестины (по материалам поездки 1857 г. по Святым местам) // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. Тамбов, 2019. Т. 24. № 182. С. 292-298.
- Аленов, Гравин, 2019 – Аленов А.Н., Гравин А.А. Личный архив Б.П. Мансурова: состав документов и возможности онлайн-доступа / Румянцевские чтения. М., 2019. Ч. 1. С. 26-29.
- Вах, 2009 – Вах К.А. Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле. 1859 г. М., 2009. 200 с.
- Вах, 2010 – Вах К.А. К истории первого русского «Путеводителя» по Святой Земле // *Русская Палестина. Россия в Святой Земле. Материалы международной научной конференции*. М., 2010. С. 87-96.
- Вах, 2011a – Вах К.А. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую землю: к 150-летию основания русской Палестины. М., 2011. 62 с.
- Вах, 2011b – Вах К.А. Об изучении первого периода создания русской Палестины. 1856–1864 // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2011. С. 7-15.
- Вах, 2012a – Вах К.А. «Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и Русские Постройки // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 21-36.
- Вах, 2012b – Вах К.А. Из предыстории ИППО: кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии // Императорское Православное Палестинское Общество. К 130-летию со дня основания. М., 2012. С. 17-31.
- Вах, 2014a – Вах К.А. Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. М., 2014. 288 с.
- Вах, 2014b – Вах К.А. Предшественники Императорского Православного Палестинского Общества: великий князь Константин Николаевич и Б.П. Мансуров // *Россия в Святой Земле. К 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока. Каталог международной юбилейной выставки*. М., 2012. С. 156-191.
- Вах, 2017 – Вах К.А. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Доргобужинова. 1858–1860. (Научная статья и публикация документов) // *Иерусалимский православный семинар*. Вып. 7. М., 2017. С. 111-255.
- Великий..., 2012 – Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. Из предыстории ИППО. М., 2012. 177 с.
- Воробьева, 2001 – Воробьева И.А. Русские миссии в Святой Земле в 1847–1917 гг. М., 2001. 175 с.
- Гравин, 2019 – Гравин А.А. Б.П. Мансуров и создание Русской Палестины (1857–1864) // *Вестник Тамбовского университета*. 2019. Т. 24. С. 252-257.
- Гравин, 2020 – Гравин А.А. Отношения Б.П. Мансурова с начальниками Русской духовной миссии в Иерусалиме (1859–1885 гг.) // *Вестник Тамбовского университета*. 2020. Т. 25. С. 183-191.
- Ермакова, 2012 – Ермакова З.П. «Преданный Святой Земле работник» // *Московский журнал*. 2012. № 4. С. 56-65.
- Кондаков, 2020 – Кондаков Ю.Е. Три отчета Палестинского комитета (1859–1864) // *Клио*. 2020. № 10 (166). С. 52-60.
- Кондаков, Федотьев, 2021 – Кондаков Ю.Е., Федотьев Д.С. Православное палестинское общество против Б.П. Мансурова // *Клио*. 2021. № 3 (171). С. 115-122.
- Кунавин, 2016 – Кунавин К.С. Карьера Б.П. Мансурова как пример взаимоотношений «Правительство–чиновничество» во второй половине XIX в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2016. Т. 21. № 5–6. С. 150-155.
- Кунавин, 2019a – Кунавин К.С. Б.П. Мансуров до «Иерусалимского проекта»: история формирования профессиональных качеств // *Российская государственность в лицах и судьбы ее создателей: IX–XXI вв. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 65-летию Липецкой области*. Липецк, 2019. С. 146-148.
- Кунавин, 2019b – Кунавин К.С. Формулярный список как источник о службе чиновника XIX века: эпизод из биографии Б.П. Мансурова / Румянцевские чтения. М., 2019. Ч. 2. С. 99-103.
- Лисовой, 1999 – Лисовой Н.Н. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: история и духовное наследие // *Богословские труды*. Сб. 35. К 150-летию РДМ в Иерусалиме (1847–1997). М., 1999. С. 36-51.
- Лисовой, 2006 – Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. 512 с.

- Перенижко, 2015** – Перенижко О.А. Россия – Святая земля: этапы и формы культурного взаимодействия (XI в. – 1917 г.). Краснодар, 2015. 242 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Россия..., 2000** – Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 2000. 744 с.
- Смирнова, 2009** – Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России и иерусалимского патриархата в первое десятилетие после Крымской войны // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 4 (124). История. Вып. 29. С. 101-108.
- Смирнова, 2011** – Смирнова И.Ю. К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле: миссия епископа Кирилла (Наумова) // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2011. Т. 29. № 3–4. С. 365-387.
- Собрание..., 1886** – Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 4. М.: Синодальная типография, 1886. 629 с.
- Соловьев, 2012** – Соловьев М.П. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество. М., 2012. 248 с.
- Титов, 1902** – Титов Ф.П. Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский. Киев, 1902. С. 385-386.
- Шилов, Кузьмин, 2006** – Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1905. Биографический справочник. СПб., 2006. 992 с.
- Ямилинец, 2003** – Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина. Отчески культурно-религиозных отношений (XIX – начало XX века). М.; СПб., 2003. 256 с.

References

- 1857–1861** – 1857–1861: Perepiska imperatora Aleksandra II s Velikim Knyazem Konstantinom Nikolaevichem. Dnevnik Velikogo Knyazya Konstantina Nikolaevicha [1857–1861: Correspondence between Emperor Alexander II and Grand Duke Konstantin Nikolaevich. Diary of Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. Moskva, 1994. 384 p. [in Russian]
- Allenov, 2019** – Allenov, A.N. (2019). «Mansurovskij proekt» Russkoj Palestiny (po materialam poezdki 1857 g. po Svyatym mestam) ["Mansurovsky project" of Russian Palestine (based on the materials of the 1857 trip to the Holy Places)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Т. 24. 182: 292-298. [in Russian]
- Allenov, Gravin, 2019** – Allenov, A.N., Gravin, A.A. (2019). Lichnyj arhiv B.P. Mansurova: sostav dokumentov i vozmozhnosti onlajn-dostupa [Personal archive of B.P. Mansurova: the composition of documents and the possibility of online access] *Rumyancevskie chteniya*. Moskva. Т. 1. Pp. 26-29. [in Russian]
- Ermakova, 2012** – Ermakova, Z.P. (2012). «Predannyj Svyatoj Zemle rabotnik» ["A dedicated worker to the Holy Land"]. *Moskovskij zhurnal*. 4: 56-65. [in Russian]
- Gravin, 2019** – Gravin, A.A. (2019). B.P. Mansurov i sozдание Russkoj Palestiny (1857–1864) [B.P. Mansurov and the creation of Russian Palestine (1857–1864)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 24: 252-257. [in Russian]
- Gravin, 2020** – Gravin, A.A. (2020) Otnosheniya B.P. Mansurova s nachal'nikami Russkoj duhovnoj missii v Ierusalime (1859–1885 gg.) [B.P. Mansurov with the heads of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem (1859-1885)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 25: 183-191. [in Russian]
- Kondakov, 2020** – Kondakov, Yu.E. (2020). Tri otcheta Palestinskogo komiteta (1859-1864) [Three Records of the Palestinian Committee (1859-1864)]. *Klio*. 10(166): 52-60. [in Russian]
- Kondakov, Fedot'ev, 2021** – Kondakov, Yu.E., Fedot'ev, D.S. (2021). Pravoslavnoe palestinskoe obshchestvo protiv B.P. Mansurova [Orthodox Palestinian Society against B.P. Mansurova]. *Klio*. 3(171): 115-122. [in Russian]
- Kunavin, 2016** – Kunavin, K.S. (2016). Kar'era B.P. Mansurova kak primer vzaimootnoshenij «Pravitel'stvo-chinovnichestvo» vo vtoroj polovine XIX v. [B.P. Mansurov's career as an example of the relationship "Government-bureaucracy" in the second half of the XIX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Т. 21. 5-6: 150-155. [in Russian]
- Kunavin, 2019a** – Kunavin, K.S. (2019). B.P. Mansurov do «Ierusalimskogo proekta»: istoriya formirovaniya professional'nyh kachestv [B.P. Mansurov before the "Jerusalem Project": the history of the formation of professional qualities]. *Rossijskaya gosudarstvennost' v lichah i sud'by eyo sozdatelej: IX-XXI vv. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 65-letiyu Lipeckoj oblasti*. Lipeck. Pp. 146-148. [in Russian]
- Kunavin, 2019b** – Kunavin, K.S. (2019). Formulyarnyj spisok kak istochnik o sluzhbe chinovnika XIX veka: epizod iz biografii B.P. Mansurova [Formulary list as a source about the service of an official in the 19th century: an episode from the biography of B.P. Mansurova]. *Rumyancevskie chteniya*. Moskva. Т. 2. Pp. 99-103. [in Russian]

Lisovoj, 1999 – *Lisovoj, N.N.* (1999). Russkaya Duhovnaya Missiya v Ierusalime: istoriya i duhovnoe nasledie [Russian Spiritual Mission in Jerusalem: history and spiritual heritage]. *Bogoslovskie trudy*. Sb. 35. K 150-letiyu RDM v Ierusalime (1847–1997). Moskva. Pp. 36–51. [in Russian]

Lisovoj, 2006 – *Lisovoj, N.N.* (2006). Russkoe duhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – early 20th centuries]. Moskva. 512 p. [in Russian]

Perenizhko, 2015 – *Perenizhko, O.A.* (2015). Rossiya – Svyataya zemlya: etapy i formy kul'turnogo vzaimodejstviya (XI v. – 1917 g.) [Russia – Holy Land: Stages and Forms of Cultural Interaction (XI century – 1917)]. Krasnodar. 242 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

Rossiya..., 2000 – Rossiya v Svyatoj Zemle. Dokumenty i materialy [Russia in the Holy Land. Documents and materials]: V 2 t. T.1. 2000. 744 p. [in Russian]

Shilov, Kuz'min, 2006 – *Shilov, D.N., Kuz'min, YU.A.* (2006). Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii. 1801–1905. Biograficheskij spravocnik [Members of the State Council of the Russian Empire. 1801–1905. Biographical reference]. Sankt-Peterburg, 992 p. [in Russian]

Smirnova, 2009 – *Smirnova, I.Yu.* (2009). Cerkovno-diplomaticheskie otnosheniya Rossii i ierusalimskogo patriarhata v pervoe desyatiletie posle Krymskoj vojny [Church and diplomatic relations between Russia and the Jerusalem Patriarchate in the first decade after the Crimean War]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. Vyp. 29. 4(124): 101–108. [in Russian]

Smirnova, 2011 – *Smirnova, I.Yu.* (2011). K istorii stanovleniya rossijskogo cerkovnogo prisutstviya v Svyatoj Zemle: missiya episkopa Kirilla (Naumova) [On the history of the formation of the Russian church presence in the Holy Land: the mission of Bishop Kirill (Naumov)]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*. T. 29. 3–4: 365–387. [in Russian]

Sobranie..., 1886 – Sobranie mnenij i otzyvov Filareta, Mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebnym i cerkovno-gosudarstvennym voprosam [Collection of opinions and reviews of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on educational and church-state issues]. T. 4. Moskva: Sinodal'naya Tipografiya, 1886. 629 p. [in Russian]

Solov'ev, 2012 – *Solov'ev, M.P.* (2012). Svyataya Zemlya i Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo [Holy Land and the Imperial Orthodox Palestine Society]. Moskva, 248 p. [in Russian]

Titov, 1902 – *Titov, F.P.* (1902). Preosvyashchennyj Kirill Naumov, episkop Melitopol'skij [Reverend Kirill Naumov, Bishop of Melitopol]. Kiev. Pp. 385–386. [in Ukrainian]

Vah, 2009 – *Vah, K.A.* (2009). Velikij knyaz' Konstantin Nikolaevich na Svyatoj Zemle. 1859 g. [Grand Duke Konstantin Nikolaevich in the Holy Land. 1859]. Moskva. 200 p. [in Russian]

Vah, 2010 – *Vah, K.A.* (2010). K istorii pervogo russkogo "Putevoditelya" po Svyatoj Zemle [Russian Palestine. Russia in the Holy Land. Materials of the international scientific conference]. *Russkaya Palestina. Rossiya v Svyatoj Zemle. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moskva. Pp. 87–96. [in Russian]

Vah, 2011a – *Vah, K.A.* (2011). Velikij knyaz' Konstantin Nikolaevich i russkoe palomничество v Svyatuyu zemlyu: k 150-letiyu osnovaniya russkoj Palestiny [Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Russian pilgrimage to the Holy Land: to the 150th anniversary of the founding of Russian Palestine]. Moskva. 62 p. [in Russian]

Vah, 2011b – *Vah, K.A.* (2011). Ob izuchenii pervogo perioda sozdaniya russkoj Palestiny. 1856–1864 [On the study of the first period of the creation of Russian Palestine. 1856–1864]. *Velikij knyaz' Konstantin Nikolaevich i Russkij Ierusalim: k 150-letiyu osnovaniya*. Moskva. Pp. 7–15. [in Russian]

Vah, 2012a – *Vah, K.A.* (2012). «Ierusalimskij proekt» Rossii: B.P. Mansurov i Russkie Postrojki ["Jerusalem project" of Russia: B.P. Mansurov and Russian Buildings]. *Velikij knyaz' Konstantin Nikolaevich i Russkij Ierusalim: k 150-letiyu osnovaniya*. Moskva. Pp. 21–36. [in Russian]

Vah, 2012b – *Vah, K.A.* (2012). Iz predystorii IPPO: krizis Palestinskogo Komiteta, rozhdenie Palestinskoj Komissii [From the background of the IOPS: the crisis of the Palestinian Committee, the birth of the Palestinian Commission]. *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo. K 130-letiyu so dnya osnovaniya*. Moskva. Pp. 17–31. [in Russian]

Vah, 2014a – *Vah, K.A.* (2014). Pis'ma B.P. Mansurova iz puteshestviya po Pravoslavnomu Vostoku v 1857 g. [Letters from B.P. Mansurov from a trip to the Orthodox East in 1857]. Moskva. 288 p. [in Russian]

Vah, 2014b – *Vah, K.A.* (2014). Predshestvenniki Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva: velikij knyaz' Konstantin Nikolaevich i B.P. Mansurov [The predecessors of the Imperial Orthodox Palestine Society: Grand Duke Konstantin Nikolaevich and B.P. Mansurov]. *Rossiya v Svyatoj Zemle. K 130-letiyu sotrudnichestva Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva s narodami Blizhnego Vostoka. Katalog mezhdunarodnoj yubilejnoj vystavki*. Moskva. Pp. 156–191. [in Russian]

Vah, 2017 – *Vah, K.A.* (2017). Kak nachinalas' Russkaya Palestina. Ierusalim v pis'mah B.P. Mansurova i V.I. Dorgobuzhinova. 1858–1860. (Nauchnaya stat'ya i publikaciya dokumentov) [How Russian Palestine began. Jerusalem in letters to B.P. Mansurov and V.I. Dorgobuzhinov. 1858–1860. (Scientific article and publication of documents)]. *Ierusalimskij pravoslavnyj seminar*. Vyp. 7. Moskva. Pp. 111–255. [in Russian]

Velikij..., 2012 – Velikij knyaz' Konstantin Nikolaevich i russkoe palomnichestvo v Svyatuyu Zemlyu. Iz predystorii IPPO [Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Russian pilgrimage to the Holy Land. From the background of the IOPS]. Moskva, 2012. 177 p. [in Russian]

Vorob'eva, 2001 – Vorob'eva, I.A. (2001). Russkie missii v Svyatoj Zemle v 1847–1917 gg. [Russian missions in the Holy Land in 1847–1917]. Moskva. 175 p. [in Russian]

Yamilinec, 2003 – Yamilinec, B.F. (2003). Rossiya i Palestina. Otcheski kul'turno-religioznych otnoshenij (XIX – nachalo XX veka) [Russia and Palestine. Fatherly cultural-religious relations (XIX – early XX centuries)]. Moskva-Sankt-Peterburg, 256 p. [in Russian]

Второй отчет Б.П. Мансурова и начало строительства Русской Палестины

Юрий Евгеньевич Кондаков ^{a,*}, Дмитрий Сергеевич Федотьев ^a

^a Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В XXI веке проблема создания Русской Палестины привлекает внимание все большего круга исследователей. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) обнаружены документы, посвященные первому этапу строительства Русской Палестины. Они позволяют уточнить роль Б.П. Мансурова в этом процессе. В первую очередь – это второй отчет Мансурова, написанный после командировки на Восток в 1858 г. Он впервые вводится в научный оборот. В отчете автор описывает проделанную работу в Палестине и предлагает широкий план дальнейшего строительства инфраструктуры для паломников. После доклада Мансурова Александр II распорядился начать государственное финансирование строительства Русской Палестины и создал для управления этим процессом Палестинский комитет.

Другой блок документов, хранящихся в фонде Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), позволяет проследить историю подготовки командировки Мансурова. С этой инициативой к РОПиТ обратился великий князь Константин Николаевич, поддержанный императором. Материалы показывают, что в первые годы строительства РОПиТ выделял деньги и финансировал командировки чиновников в Палестину, оплачивал перевозку грузов. В научный оборот вводится протокол второго заседания Палестинского комитета. По документу можно судить о том, что, хотя хозяйственные вопросы и преобладали в деятельности Комитета, от политических задач он еще окончательно не отказался. Отдельные политические и религиозные пункты были и во втором отчете Мансурова. При этом очевидно, что широкую программу проникновения России на турецкий Восток, предложенную в первом отчете Мансурова, Комитет выполнять не планировал.

Ключевые слова: Русская Палестина, Иерусалим, «Иерусалимский проект», Русское общество пароходства и торговли, Палестинский комитет, Министерство иностранных дел, Святейший синод, паломники.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yura.kondakov.67@mail.ru (Ю.Е. Кондаков), fedotieff@inbox.ru (Д.С. Федотьев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 248-257
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.248

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Initiatives of the Professional Physicians' Community in the Development of Higher Medical Education for Women in Russia in the second half of the XIX century

Evgeniya L. Panova ^{a, *}, Maria A. Ponomareva ^b

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^b I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

The impoverishment of the nobility and the transformations of the social structure of Russian society in the 1860s–1870s led to need for young women to seek well-paid job and participate in a struggle for higher education. In addition, a significant shortage of educated midwives created a social demand for a wide range of qualified medical care provided by women. The foundation of the Women's Medical Courses (1872), and the Women's Medical Institute (1897) was the result of the united efforts of the Russian intelligentsia, first of all, the scientific and medical community of St. Petersburg. The article systematizes the facts reflecting the activities of the first female doctors N.P. Suslova, M.A. Obrucheva, V.A. Kashevarova-Rudneva, A.N. Shabanova, T.N. Tarnovskaya and others, as well as a representative of the scientific and medical community I.M. Sechenov, V.M. Tarnovsky, N.I. Kozlov, M.M. Rudnev, S.P. Botkin and others in the development of higher medical education for women in Russia. The main areas of public initiatives included fundraising, participation in scientific and state commissions, the creation of petitions and requests, the organization and conduct of studying process at courses for women. It is concluded that the successful implementation of projects in the field of higher medical education demonstrated a high level of self-organization among Russian medical community in the second half of the 19th century, which ultimately became a serious social force capable of solving urgent and complex problems of healthcare and medical education.

Keywords: history of medicine, medical education, Women's medical courses, Women's medical institute.

1. Введение

Становление системы женского профессионального образования в России было связано с развитием акушерства, которое традиционно являлось сферой применения труда повивальных бабок. Существенный дефицит специалистов в области акушерства среди российских врачей привел к тому, что государство сделало ставку на развитие среднего женского повивального образования. В 1754 г. лейб-медик П.З. Кондоиди, старший врач Медицинской канцелярии, инициировал принятие закона об открытии повивальных школ, первые из которых появились через 3 года в Москве и Санкт-Петербурге (Пушкарева, Мицюк, 2018: 181). Эти школы стали первыми в России профессиональными учебными учреждениями для женщин. Таким образом, в России акушерство явилось первой областью женского труда, которая была официально признана государством и позволяла иметь стабильный заработок (Мицюк, Белова, 2021: 275). Однако труд акушерки мог обеспечить только скромное жалование. К 1860–1870-х гг. быстро меняющаяся социальная структура общества, обнищание дворянства привели к тому, что молодые женщины были вынуждены искать хорошо

* Corresponding author

E-mail addresses: evepanova@gmail.com (E.L. Panova)

оплачиваемую работу и включиться в борьбу за право получения высшего медицинского образования (Зимин, 2004: 132).

Помимо стремления женщин к обретению материального благополучия и независимости, в российском обществе существовал серьезный социальный запрос на расширение объема квалифицированной медицинской помощи, осуществляемой женщинами. Количество выпускниц повивальных школ в течение всего периода их существования было недостаточным для того, чтобы удовлетворить даже минимальную потребность родовспоможения в стране. Проблема дефицита обученных повивальных бабок и в целом недостаточности квалифицированной медицинской помощи в области акушерства особенно обострилась к середине XIX в. Акушерской помощью была обеспечена только некоторая часть населения столиц и губернских городов; жительницы же уездных городов и деревень были практически ее лишены и прибегали к помощи необразованных народных повитух, чей труд был дешевле и доступнее (Дионесов, 1965: 103; Лихачева, 1899: 541). С середины XIX в. совершенствование методов диагностики беременности, внедрение различных способов обезболивания родов и видов оперативного акушерства и гинекологии закономерно привели к усложнению требований к квалифицированной акушерской помощи (Мицюк, Белова, 2021: 279). Кроме того, широкая распространенность сифилиса среди населения и невозможность обращения заболевших женщин, особенно мусульманок, к врачам-мужчинам из-за устоявшихся религиозных традиций обостряли потребность общества в более фундаментальной медицинской подготовке женщин (Лихачева, 1899: 479). Все эти факторы повлияли на то, что становление высшего медицинского образования для женщин в России с необходимостью приняло форму подготовки к более квалифицированной и усложненной акушерской помощи.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу исследования составили архивные материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация), представленные в фондах Ф. 513, Ф. 436, Ф. 792. Также были использованы материалы архивного фонда Шанявских (1871–1920) № 544 отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Москва, Российская Федерация), которые включили в себя данные о пожертвовании А.Л. Шанявского на создание Женского медицинского института (Ф. 554. Д. 1. Л. 3).

Обстоятельства и факты борьбы представителей профессионального медицинского сообщества за введение и распространение высшего женского медицинского образования были почерпнуты из мемуаров и воспоминаний активных участников событий – П.Н. Тарновской (Тарновская, 1903), А.Н. Шабановой (Шабанова, 1904; Шабанова, 1912; Шабанова, 1927), В.С. Некрасовой (Некрасова, 1882) сестры Е.С. Некрасовой¹, М.И. Покровской (Покровская, 1906), И.М. Сеченова (Сеченов, 1907). К этой же категории источников можно отнести фундаментальный труд Е.О. Лихачевой (Лихачева, 1899), председательницы общества для содействия Высшим женским курсам в Санкт-Петербурге.

Еще одним источником исследования были юбилейные издания, включившие в себя богатый фактический материал по истории создания и развития высшего женского образования в России в рассматриваемый период (С.-Петербургские высшие женские курсы, 1903; Сущинский, 1883).

2.2. Исследовательская методология.

Методология исследования основана на принципах историзма и объективности, согласно которым борьба за высшее медицинское образование для женщин в России была одним из проявлений «женского вопроса» в европейском обществе последних десятилетий XIX в. Дефицит гражданских прав женщин препятствовал реализации их стремления к финансовому благополучию и эмансипации при одновременном возрастании социального запроса на труд женщин. Используемые в этой работе методы анализа и синтеза позволили нам восстановить причинно-следственные связи, выделить категории активных сторонников высшего женского медицинского образования среди либеральной интеллигенции. Применение системного подхода позволило оценить модернизационный потенциал российской интеллигенции, прежде всего научно-медицинского сообщества конца XIX в., в решении проблем здравоохранения, сделать вывод о высоком уровне его способности к самоорганизации и сплоченности.

3. Обсуждение

В монографии американского историка Ричарда Стайтса (Стайтс, 2004) рассматривается стремление российских женщин к высшему образованию и высококвалифицированному труду в контексте развития феминизма в России, набравшего мощную поддержку со стороны интеллектуальных кругов и профессиональных сообществ с момента завершения Крымской войны. Однако утверждение автора о том, что «вплоть до 1870-х годов в Российской империи не существовало ни высшего, ни профессионального образования для женщин» (Стайтс, 2004: 24),

¹ В своей статье Екатерина Степановна Некрасова использовала воспоминания сестры, Варвары Степановны, слушательницы Женских врачебных курсов, которая погибла от тифа, ухаживая за больными по время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

опровергается более поздними исследованиями, показывающими, что со второй половины XVIII века в России существовали средние государственные профессиональные учебные учреждения, выпускавшие повивальных бабок (Зимин, 2004; Мицюк, Белова, 2021). В этом же контексте рассматривается становление высшего образования для женщин в монографии И.И. Юкиной (Юкина, 2007).

Наиболее тщательно и систематично вопрос развития высшего медицинского образования для женщин в России исследован в монографии И.В. Зимина (Зимин, 2004). Автор отмечает особый характер противодействия общественной инициативе со стороны государственных институтов, который заключался в стремлении замедлить развитие высшего женского образования путем перекладывания финансового бремени за содержание высших учебных учреждений для женщин на частный капитал и установке на сохранение исключительно формы среднего профессионального образования для женщин.

В публикациях советского периода (Дионесов, 1965; Архангельский, 1966; Ашкурков, 1957; Колосов, 1929) акцентировалась роль представителей научно-медицинского сообщества в борьбе за введение высшего медицинского образования для женщин в России, при этом подчеркивались сопротивление и косность государственных структур. Однако вклад российских благотворителей, прежде всего купцов, в создание и развитие проектов в области высшего медицинского образования для женщин, в этих работах не изучался. Роль меценатства, в первую очередь супружеской четы Шанявских, чья активная деятельность и финансовые вложения стали решающими в открытии Женских врачебных курсов и Женского медицинского института, намного более полно раскрыта в российских исследованиях последних двух десятилетий (Зимин, 2004; Богданович, Васильева, 2009).

Среди работ, описывающих обстоятельства зарождения и развития медицинского образования для женщин в России во второй половине XIX в., практически отсутствуют публикации, которые специфицируют влияние на этот процесс со стороны профессионального научно-медицинского сообщества. В связи этим целью нашего исследования является изучение деятельности представителей российского врачебного сообщества второй половины XIX в., способствующей развитию в стране высшего женского медицинского образования.

4. Результаты

Женщины стали посещать лекции в высших учебных заведениях в качестве вольнослушательниц с конца 1850-х гг. без права сдачи экзаменов и получения диплома (Лихачева, 1899: 468). Запрет на обучение женщин в высших учебных заведениях страны, появившийся в уставе императорских университетов 1863 г., спровоцировал общественную реакцию, которая выразилась в двух формах: постепенном нарастании миграции женщин в Европу с целью получения образования и формировании кружков активисток, борющихся за возможность открытия высших учебных заведений для женщин в России.

Среди наиболее успешных русских женщин, получивших медицинское образование за границей, можно выделить Н.П. Сулову и М.А. Бокову. Они начинали свое медицинское образование в 1862 г. в качестве вольнослушательниц Императорской медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. В 1864 году, не имея возможности продолжать обучение в Академии, Сулова поступила на медицинский факультет Цюрихского университета, который окончила в 1867 г. В этом же году она стала первой русской женщиной, получившей докторскую степень. Диссертация «Доклад о физиологии лимфы» была выполнена ею под руководством И.М. Сеченова (Сеченов, 1907: 138). Вернувшись на родину в начале 1868 г., Сулова выдержала экзамен на звание доктора медицины и получила свидетельство на право заниматься медицинской практикой (Овцын, 1887: 13; Лихачева, 1899: 492).

Во время обучения в Академии в 1861–1863 гг. Бокова познакомилась с Сеченовым и впоследствии стала его женой. При поддержке И.М. Сеченова в 1864 г. она эмигрировала за границу, продолжила изучение медицины в университетах Вены, Гейдельберга, Лондона и в 1871 году в Цюрихе защитила докторскую диссертацию «К учению о кератите» (Сеченов, 1907: 117, 147). Вернувшись в Россию в середине 1870-х годов, Бокова добилась допуска к медицинской деятельности и стала работать окулистом в числе немногих русских женщин-врачей (Павлюченко, 1988: 83–88). Не случайно, что две первые докторские диссертации по медицине русских женщин за рубежом были защищены под руководством Сеченова. Он был горячим сторонником высшего женского образования в России, читал лекции на Высших женских курсах в Петербурге и активно привлекал женщин к самостоятельной научной работе в своих лабораториях (Сорокина, 2014: 110). А.Н. Шабанова, одна из первых в России женщин-врачей, с благодарностью вспоминала о том, как в начале 1860-х гг. Сеченов помогал ей устроиться вольнослушательницей в Академию (Шабанова, 1927: 14).

Другим способом преодолеть запрет обучения женщин в университетах была борьба за создание высших учебных заведений для женщин в России. Как отмечает Р. Стайтс, стремление к эмансипации возникло в кругах образованных женщин-дворянок (Стайтс, 2004: 23). В ядро первого кружка активисток женского образования входили Н.В. Стасова, А.П. Философова, М.В. Трубникова, В.П. Тарновская, Е.И. Конради (Лихачева, 1899: 483–484; Юкина, 2007: 169). Этой группе женщин впервые удалось привлечь активное общественное внимание к идее женского высшего образования для женщин в России.

В декабре 1867 г. на первом съезде естествоиспытателей, организованном при Санкт-Петербургском Императорском университете, была зачитана записка Е.И. Конради с просьбой к участникам съезда способствовать развитию высшего женского образования (Покровская, 1906: 1; Лихачева, 1899: 495). Текст доклада Е.И. Конради был включен в сборник трудов съезда, но на прошение о возбуждении ходатайства перед правительством съезд ответил отказом (Шабанова, 1912: 8). Однако инициатива активисток не пропала даром: она начала обсуждаться профессорами, участниками съезда, на неофициальных собраниях, в частных разговорах. Среди представителей академического сообщества крепко убеждение, что следует устроить публичные лекции или организовать курсы для женщин (С.-Петербургские высшие женские курсы, 1903: 20). Почувствовав поддержку со стороны профессуры, Стасова, Трубникова, Философова, Конради, Тарновская и др. в 1868 году подали прошение на имя ректора Санкт-Петербургского Императорского университета К.О. Кесслера об открытии при Петербургском университете высших женских курсов (Покровская, 1906: 1), которое собрало около 400 подписей женщин (С.-Петербургские высшие женские курсы, 1903: 20).

Одной из первых на призыв активисток откликнулась либеральная медицинская профессура Санкт-Петербурга. В октябре 1868 г. президент ИМХА¹ П.А. Наранович организовал совещание для учредителей курсов и сочувствующих вопросу высшего медицинского образования для женщин преподавателей Академии и Петербургского университета. В собрании участвовали 43 профессора, включая выдающихся ученых Д.И. Менделеева, И.М. Сеченова и 50 женщин, среди которых присутствовали жена и дочь военного министра Д.А. Милютина (Покровская, 1906: 1; Лихачева, 1899: 501). Зная о финансовых трудностях в организации курсов, профессора выступили с предложением преподавать на курсах в течение первого года бесплатно. Однако было решено передать профессорам средства, оставшиеся после покрытия всех необходимых расходов (Покровская, 1906: 1).

Факт проведения этого собрания для развития высшего женского образования в России трудно переоценить: его сторонники – активистки и профессура – получили возможность познакомиться и сблизиться для достижения общей цели – открытия первого в России высшего учебного заведения для женщин. Эти заседания периодически повторялись, активное участие в них принимали представители ИМХА: Н.И. Козлов, занявший должность начальника Академии в 1869 году, М.М. Руднев, профессор кафедры патологической анатомии, В.М. Флоринский, профессор кафедры акушерства и гинекологии. Дочь Козлова, П.Н. Тарновская, описывала отца как горячего поборника высшего женского образования, считавшего естественным стремление женщин к высшему образованию (Тарновская, 1903: 499).

Исключительный путь был пройден В.А. Кашеваровой-Рудневой, которая, несмотря на запрет, сумела стать первой женщиной, получившей высшее образование и ученую степень в России. Детство Кашеваровой было крайне тяжелым: она воспитывалась в приемных семьях, бродяжничала. Грамоте ее обучил крестьянин Прохор, когда ей было около 15 лет. Мечтой юной Кашеваровой было получить образование (Дионесов, 1965: 20-23). В 1862 г. она поступила в Петербургский повивальный институт, который закончила с отличием за восемь месяцев вместо двух лет. После окончания Повивального института Кашеварова продолжила обучение на специальных курсах по распознаванию и лечению сифилиса при Калининской больнице в Санкт-Петербурге, где познакомилась с В.М. Тарновским², сыгравшим ключевую роль в ее профессиональной судьбе. Тарновский ходатайствовал одновременно в Военном министерстве о праве обучения Кашеваровой в Медико-хирургической академии и перед оренбургским генерал-губернатором А.П. Безаком о стипендии для нее на весь период обучения в академии (Дионесов, 1965: 30-31). В декабре 1868 г. Кашеварова закончила академию с дипломом «лекаря с отличием» и золотой медалью. Вскоре Кашеварова вышла замуж за Руднева, активного сторонника высшего медицинского образования для женщин (Колосов, 1929: 14), профессора Академии, а в мае 1876 г. успешно защитила докторскую диссертацию по теме «Материалы для патологической анатомии маточного влагалища».

Получение в ИМХА Кашеваровой не только звания лекаря, но и докторской степени было ярким доказательством того, что существовавшая система высшего медицинского образования в стране вполне подходила для женщин и что аргументы противников женского высшего образования были несостоятельны. Успешный опыт Кашеваровой стал примером как для русских женщин, стремящихся к самым высоким уровням науки и образования, так и для скептически настроенных чиновников и представителей научно-медицинского сообщества.

¹ Здесь и далее: Императорская медико-хирургическая академия.

² Вениамин Михайлович Тарновский (1836–1906) – основатель венерологии в России, активный деятель в области развития женского медицинского образования, один из создателей курсов при Калининской больнице, которые в 1868 г. превратились в Институт для подготовки повивальных бабок по распознаванию и лечению сифилиса у женщин и детей, а в 1876 г. – в Суворовское училище для повивальных бабок (Ашкурков, 1957: 44). Курсы были созданы в 1858 г. по инициативе руководства Оренбургского края с целью подготовки повивальных бабок для лечения сифилиса у женщин Башкирского казачьего войска, исповедовавших ислам и поэтому не обращавшихся за лечением к врачам-мужчинам (Ашкурков, 1957: 44).

В январе 1870 г. членами Медицинского совета Министерства внутренних дел Н.И. Козловым, проф. А.Я. Козловским и проф. Н.О. Здекауэром был внесен доклад «О мерах к возвышению уровня медицинского образования повивальных бабок», включавший анализ состояния акушерской помощи в России, а также учебный план и программу, направленные на значительное ее улучшение (Зимин, 2004: 136-137). В составлении плана принимали участие также Руднев, Флоринский и Тарновский.

Проблема растущей общественной потребности в квалифицированной акушерской помощи, которая осложнялась низким уровнем подготовки повивальных бабок, давно волновала Медицинский совет (Лихачева, 1899: 541). Авторы доклада рекомендовали установить две степени подготовки акушерок: 1) повивальной бабки в том виде, в котором она достигалась в родовспомогательных институтах и 2) «ученой акушерки» с общим врачебным образованием в объеме, необходимом для самостоятельной практической деятельности в области акушерства и лечения женских и детских болезней. Для подготовки последних предлагалось открыть при ИМХА «в виде опыта» отдельные от студентов курсы с предоставлением их выпускницам права самостоятельной акушерской и гинекологической практики. В марте 1870 г. проект был одобрен Медицинским советом МВД (Тарновская, 1903: 500; Лихачева, 1899: 542). Значительно ускорило открытие курсов пожертвование Л.А. Родственной¹ 50 000 рублей в феврале 1872 г. (Лихачева, 1899: 548; С.-Петербургские высшие женские курсы, 1903: 55).

Четырехлетние курсы «ученых акушерок» были открыты в 1872 г. при ИМХА. Желающих поступить на них было немало, поэтому в первый год было набрано 86 студенток вместо запланированных 70 (Некрасова, 1882: 816). Лекции студенткам читались отдельно от студентов в тех же аудиториях, но в другое время; практические занятия слушательниц проводились в отдельных помещениях, вход в которые студентам строго был воспрещен. Программа обучения предусматривала более углубленное изучение акушерства, женских и детских болезней, однако курсы судебной медицины, теоретической и оперативной хирургии преподавались сокращенно (Шабанова, 1904: 295; Тарновская, 1903: 501).

Существенную поддержку курсам оказала профессура Академии – известнейшие специалисты, в числе которых были профессора И.М. Балинский (психиатрия), А.П. Бородин (химия), А.П. Доброславин (гигиена), К.А. Раухфус (педиатрия), Н.В. Склифосовский (хирургия), В.М. Тарновский (венерология), К.К. Рейер (оперативная хирургия, клиника), А.Я. Красовский (акушерство), И.М. Сеченов (физиология), П.П. Суцинский (фармакология и рецептура), Ю.М. Чудновский (терапия) и др. Они не только относились к курсисткам с особой заботой и сочувствием, но и согласились получить невысокое жалование за преподавание (Шабанова, 1904: 300; Юкина, 2007: 203). Вместе со своим мужем М.М. Рудневым патологическую анатомию на безвозмездной основе преподавала Кашеварова, которой не было разрешено вести занятия на курсах официально.

Финансовое положение некоторых курсисток было плачевным, денег не всегда хватало даже на еду. В 1875 г. было создано «Общество для пособия слушательницам медицинских и педагогических курсов», казначеем которого стал известный композитор, профессор химии А.П. Бородин (Карташов, Карташов, 2015: 108). Источником средств общества были членские взносы, сборы от концертов и пожертвования. За 10 лет обществом было собрано более 50 000 рублей. В течение всего периода своего существования, с 1872 по 1886 г., курсы существовали на пожертвования и ежегодные взносы курсисток (Зимин, 2004: 139).

В марте 1876 г. императором был утвержден доклад военного министра о прибавлении к программе обучения пятого курса и о переименовании курсов «ученых акушерок» в «Женские врачебные курсы» (Шабанова, 2004: 299). Это означало, что программа преподавания была приравнена к программам медицинских факультетов университетов и ИМХА (Суцинский, 1883: 7; Зимин, 2004: 145). В ноябре 1877 г. преподаватели курсов ходатайствовали, чтобы выпускницам присваивалась ученая степень и право врачебной практики соответственно тем, которыми

¹ Лидия Алексеевна Родственная, чье пожертвование стало решающим в открытии курсов «ученых акушерок», родилась в состоятельной семье иркутской предпринимательницы и отставного инженера-полковника. Юность Л.А. Родственной совпала с бурным освободительным движением 60-х годов XIX века. В конце 1860-х годов она состояла в молодежной организации, члены которой добивались разрешения доступа к высшему образованию для женщин, и изучала физику под руководством К.Д. Краевича на публичных курсах в Санкт-Петербурге (Лихачева, 1899: 547-548). Успех поисков золота на Зее, инициированный Шанявской после смерти ее отца, привел к созданию сети золотопромышленных компаний, известных под названием компаний Сабашниковых-Шанявских (Буланова, Милованова, 2021: 146). В 1872 году состоялась свадьба Л.А. Родственной с офицером А.Л. Шанявским, который полностью разделял интересы и устремления своей жены, а также стал компаньоном-распорядителем всех золотопромышленных компаний на Зее, зарегистрированных на имя Л.А. Шанявской в 1874 г. Вместе супруги занимались благотворительностью и трудились над реализацией проектов «открытых народных университетов», удовлетворявших их представления о доступном широким массам образовании.

удостаивались закончившие обучение студенты Академии (Сущинский, 1883: 7-9). Прошение было подписано 15 профессорами, 8 доцентами, 3 директорами больниц и 2 консультантами (Лихачева, 1899: 626). Однако обсуждение вопроса застряло в министерских кабинетах и его решение затягивалось на неопределенный срок (Тарновская, 1903: 508; Лихачева, 1899: 646).

В 1881 году покинул свой пост Д.А. Милютин и Военное министерство во главе с избранным на пост министра П.С. Ванновским не сочло необходимым поддерживать женские курсы при Академии. Министерство внутренних дел и Министерство народного просвещения ответили категорическим отказом на прошение о принятии учреждения в их ведомство. В августе 1882 г. вышло высочайшее повеление о закрытии Женских врачебных курсов и прием новых обучающихся был прекращен (Зимин, 2004: 148).

Упразднение Женских врачебных курсов в 1882 г. стимулировало общественную борьбу за возвращение женщинам возможности получения высшего медицинского образования в России, которая объединила профессоров Академии, бывших преподавателей и выпускниц курсов, а также благотворителей во главе с супругами Шаняевскими. Более десяти лет они неустанно добивались своей цели, обивая пороги кабинетов влиятельных чиновников, подавая докладные записки и личные ходатайства, привлекая к освещению этого вопроса печатные издания (Тарновская, 1903: 510).

Активной участницей общественного движения по открытию Женского медицинского института была выпускница Женских врачебных курсов А.Н. Шабанова (1848–1932). Она родилась в провинциальной дворянской семье, обедневшей в результате Крестьянской реформы. В течение двух с половиной лет А.Н. Шабанова училась на естественном факультете Александровского университета в Гельсингфорсе (Хельсинки). Узнав об открытии курсов «ученых акушерок», в 1873 году вернулась в Санкт-Петербург и была принята сразу на второй курс. Закончив обучение в 1878 г., Шабанова осталась ассистенткой на курсах, а в 1887 г. в виде исключения была принята ординатором в детскую клинику Николаевского госпиталя. К.А. Раухфус, преподававший педиатрию на Женских врачебных курсах, пригласил свою ученицу в качестве врача-экстерна в возглавляемую им детскую больницу принца Ольденбургского (Шабанова, 1927: 14). В 1878 г. Шабанова выступила с инициативой предоставления выпускницам курсов «ученых акушерок» права работать ординаторами при клиниках; организовала кампанию по замене звания «ученой акушерки» на «женщину-врача» в 1883 г.; занималась сбором средств для открытия Женского медицинского института; с 1896 г. возглавила кампанию по уравниванию профессиональных прав женщин и мужчин-врачей (Юкина, 2007: 290).

В декабре 1882 г. было проведено Особое совещание министров по вопросу о высшем врачебном образовании женщин. Было принято два принципиальных решения: восстановление высшего медицинского учреждения для женщин предполагалось только на частные пожертвования, новое учебное заведение должно быть создано в рамках Министерства народного просвещения (Зимин, 2004: 151). До 1890 г. между особой комиссией Министерства народного просвещения, медицинским департаментом МВД проходила борьба за утверждение ключевых положений проекта создания учебного заведения для женщин: продолжительности обучения (4 или 5 лет), узкой акушерской специализации или общей врачебной направленности учреждения, статуса выпускниц и доступа к врачебной деятельности (Зимин, 2004: 153-157). Проект Женского медицинского института был внесен в государственный совет в феврале 1891 г. (Тарновская, 1903: 512). Только в феврале 1895 г. было принято решение об открытии Женского медицинского института (Зимин, 2004: 160).

С середины 1980-х гг. в столицах и в провинции образовались кружки сочувствующих, и за короткий период времени на открытие первого в России Женского медицинского института было собрано 700 000 руб. (Шабанова, 1904: 308). Единовременно пожертвовали: С.В. Лепешкин – 10 000 руб., А.Л. Шаняевский и Л.А. Шаняевская – 10 000 руб. (ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 6903. Л. 2-20б.). Пожертвования поступали не только от частных лиц, но и от редакций регулярных изданий: «Новости», «Компромисс», медицинской газеты «Врач», в редакцию которой приходили пожертвования от читателей. Сбором средств на развитие женского медицинского образования занимались даже на любительских спектаклях и квартирниках (ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 7036. Л. 90б.-10). Профессор С.П. Боткин в 1889 г. завещал Женскому медицинскому институту 20 000 руб. (Тарновская, 1903: 514).

Как и в ситуации с Женскими врачебными курсами, львиную долю пожертвований приняли на себя Шаняевские. В 1894 году А.Л. Шаняевский подал в Министерство народного просвещения заявление об обязательной выплате в течение десяти лет, начиная с 1895 года, по 12 000 руб. в год на обустройство Женского медицинского института с условием, что не позднее 1895 года проект института будет внесен Министерством народного просвещения в Государственный совет и утвержден для исполнения (РО РГБ. Ф. 554. Д. 1. С. 3). Также он предоставил институту сверх того еще 200 000 руб., оставленные в его распоряжение полковником Бергом, душеприказчиком которого состоял Шаняевский (Тарновская, 1903: 515). В целом семья Шаняевских пожертвовала на дело высшего женского медицинского образования около 1 млн руб. (Юкина, 2007: 202).

22 февраля 1895 г. было принято высочайшее решение об учреждении Санкт-Петербургского женского медицинского института, а 14 сентября 1897 г. он был открыт. Директором института был назначен врач, физиолог и фармаколог В.К. фон Анреп, принимавший активное участие в

составлении сметы и разработке проекта Женского медицинского института. Примечательно, что в первый состав преподавателей вошла женщина-врач К.П. Улезко-Строганова, которая закончила Женские врачебные курсы в 1885 г. (ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14587. Л. 35).

5. Заключение

Становление высшего медицинского образования для женщин в России во второй половине XIX в. явилось результатом нескольких десятилетий напряженной общественной борьбы, существенную роль в которой сыграли представители профессионального медицинского сообщества. Пример первых русских женщин Суловой, Боковой, Кашеваровой-Рудневой и др., сумевших добиться получения высшего медицинского образования в России и за рубежом, показал, что представительницы разных социальных слоев способны достигать высокого уровня врачебной и научно-исследовательской деятельности. Деятельность представителей российской медицинской интеллигенции Н.И. Козлова, В.М. Тарновского, М.М. Руднева, И.М. Сеченова и многих других привела к формированию организованных инициативных групп, систематически добивавшихся открытия высших учебных медицинских учреждений для женщин в России. После закрытия Женских врачебных курсов к этой деятельности присоединились выпускницы курсов А.Н. Шабанова, П.Н. Тарновская и др., которые агитировали и собирали средства на создание Женского медицинского института.

В 1897 г. состоялось два важнейших для развития российской медицины события: открытие Клинического городка на Девичьем поле в Москве и Женского медицинского института в Санкт-Петербурге. Оба этих события стали возможны благодаря активной деятельности научно-медицинской общественности – профессуры Императорского Московского университета и Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. Успешная реализация двух этих проектов показывает, что российское медицинское сообщество во второй половине XIX века обладало высоким уровнем самоорганизации и было весомой социальной силой, способной решать сложные проблемы здравоохранения и медицинского образования.

6. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Литература

- Абрамов, 1886 – Абрамов Я.В. Женские врачебные курсы. СПб., 1886. 28 с.
- Архангельский, 1966 – Архангельский С.П. В.М. Тарновский [1837–1906]. М., 1966. 100 с.
- Ашурков, 1957 – Ашурков Е.Д. Вениамин Михайлович Тарновский и его роль в женском медицинском образовании (к 50-летию со дня смерти) // *Вестник дерматологии и венерологии*. 1957. № 1. С. 5-10.
- Богданович, Васильева, 2009 – Богданович Н.Б., Васильева Т.А. «На благое просвещение» (к 100-летию со дня открытия университета им. А.Л. Шанявского) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2009. № 1. С. 182-191.
- Буланова, Милованова, 2021 – Буланова М.Б., Милованова М.Ю. Вклад женщин в развитие Народного образования в России (На примере борьбы Л.А. Шанявской за открытие народного университета) // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 3. С. 144-152.
- Дионесов, 1965 – Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М., 1965. 103 с.
- Зимин, 2004 – Зимин И.В. Подготовка медицинских кадров в России: (XIX – начало XX вв.). СПб., 2004. 367 с.
- Карташов, Карташов, 2015 – Карташов В.С., Карташов А.В. Профессор А.П. Бородин и Высшие женские врачебные курсы // *Актуальные проблемы современной науки*. 2015. № 4 (83). С. 108-109.
- Колосов, 1929 – Колосов Г. Руднев Михаил Матвеевич. Харьков, 1929. 14 с.
- Лихачева, 1899 – Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1899. 887 с.
- Мицюк, Белова, 2021 – Мицюк Н.А., Белова А.В. Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в. // *Вестник РУДН. Серия «История России»*. 2021. Т. 20. № 2. С. 270-285.
- Некрасова, 1882 – Некрасова Е.С. Женские врачебные курсы в Петербурге: по воспоминаниям и переписке студенток // *Вестник Европы*. 1882, кн. 12, декабрь, с. 807-845.
- Овцын, 1887 – Овцын В. Развитие женского образования: исторический очерк. СПб., 1887. 42 с.
- Павлюченко, 1988 – Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. 272 с.
- Покровская, 1906 – Покровская М.И. О высшем женском образовании в России. СПб., 1906. 15 с.

Пушкарева, Мицюк, 2018 – Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. Повивальные бабки в истории медицины России (XVIII – сер. XIX вв.) // *Вестник Смоленской государственной медицинской академии*. 2018. Т. 17. № 1. С. 179-189.

С.-Петербургские высшие женские курсы..., 1903 – С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет: 1878–1903: Очерки и материалы. СПб., 1903. 182 с.

Сорокина, 2014 – Сорокина Т.С. Иван Михайлович Сеченов в истории российской и мировой физиологии // *Вестник РУДН. Серия «Медицина»*. 2014. № 3. С. 102-112.

Сеченов, 1907 – Сеченов И.М. Автобиографические записки. М., 1907. 195 с.

Стайтс, 2004 – Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. 616 с.

Сущинский, 1883 – Сущинский П.П. Женщина-врач в России: Очерк десятилетия Жен. лечеб. курсов, 1872–1882 г. / Сост. П.П. Сущинский, препод. на Ж. врач. курсах, орд. проф. Воен.-мед. акад. СПб., 1883. 50 с.

Тарновская, 1903 – Тарновская П. Женский медицинский институт и женские врачебные курсы // *Вестник Европы*. 1903, кн. 8, август. С. 497-518.

РО РГБ – Рукописный отдел Российской государственной библиотеки.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Шабанова, 1912 – Шабанова А.Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912. 32 с.

Шабанова, 1927 – Шабанова А.Н. Первая женщина-врач // *Огонек*. 1927. № 41. 16 с. С. 14.

Шабанова, 1904 – Шабанова А.Н. Из первых лет женского медицинского образования в России // *К свету: научно-литературный сборник / Под ред.: Е.А. Летковой, О.Д. Батюшкова*. СПб., 1904. 535 с.

Юкина, 2007 – Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. 544 с.

References

Abramov, 1886 – Abramov, Y.V. (1886). Zhenskie vrachebnye kursy [Women's medical courses]. St. Petersburg. 28 p. [in Russian]

Arkhangel'skii, 1966 – Arkhangel'skii, S.P. (1966). V.M. Tarnovskii [1837-1906]. Moscow. 100 p. [in Russian]

Ashurkov, 1957 – Ashurkov, E.D. (1957). Veniamin Mikhailovich Tarnovskii i ego rol' v zhenskom meditsinskom obrazovanii (k 50-letiyu so dnya smerti) [V.M. Tarnovskii and his role in women's medical education]. *Vestnik dermatologii i venerologii*. 1: 5-10. [in Russian]

Bogdanovich, Vasil'eva, 2009 – Bogdanovich, N. B., Vasil'eva, T. A. (2009). "Na blagoe prosveshchenie" (k 100-letiyu so dnya otkrytiya universiteta im. A. L. Shanyavskogo) [For the good of education (to the centenary of the opening of the University named after A. L. Shavyavskii)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 1: 182-191. [in Russian]

Bulanova, Milovanova, 2021 – Bulanova, M.B., Milovanova, M.Y. (2021). Vklad zhenshchin v razvitie Narodnogo obrazovaniya v Rossii (Na primere bor'by L. A. Shanyavskoi za otkrytie narodnogo universiteta) [Women's commitment to public education in Russia (the example of L. A. Shanyavskaya)]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 3: 144-152. [in Russian]

Dionesov, 1965 – Dionesov, S.M. (1965). V.A. Kashevarova-Rudneva – pervaya russkaya zhenshchina – doktor meditsiny [V.A. Kashevarova-Rudneva – the first Russian woman to become the doctor of medicine]. Moscow. 103 p. [in Russian]

Zimin, 2004 – Zimin, I.V. (2004). Podgotovka meditsinskikh kadrov v Rossii: (XIX – nachalo XX vv.) [Training of medical personnel in Russia in XIX - the early XX centuries]. St. Petersburg. 367 p. [in Russian]

Kartashov, Kartashov, 2015 – Kartashov, V. S., Kartashov, A.V. (2015). Professor A. P. Borodin i Vysshie zhenskie vrachebnye kursy [Professor A. P. Borodin and Higher medical courses for women in Russia]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki*. 4(83): 108-109. [in Russian]

Kolosov, 1929 – Kolosov, G. (1929). Rudnev Mikhail Matveevich. Khar'kov. 14 p. [in Russian]

Likhacheva, 1899 – Likhacheva, E. O. (1899). Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii [Materials for the history of women's education in Russia]. St. Petersburg. 887 p. [in Russian]

Mitsyuk, Belova, 2021 – Mitsyuk, N.A., Belova, A.V. (2021). Akusherskii trud kak pervaya ofitsial'naya professiya zhenshchin v Rossii v XVIII – nachale XX v [Obstetric work as the first official profession of women in Russia in XVIII – early XX centuries]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii*. Т. 20. 2: 270-285. [in Russian]

Nekrasova, 1882 – Nekrasova, E.S. (1882). Zhenskie vrachebnye kursy v Peterburge: po vospominaniyam i perepiske studentok [Women's medical courses in St. Petersburg according to the memoirs and correspondence of students]. *Vestnik Evropy*. Book 12. Pp. 807-845. [in Russian]

Ovtsyn, 1887 – Ovtsyn, V. (1887). Razvitie zhenskogo obrazovaniya: istoricheskii ocherk [Women's education development: historical essay]. St. Petersburg. 42 p. [in Russian]

Pavlyuchenko, 1988 – Pavlyuchenko, E.A. (1988). Zhenshchina v russkom osvoboditel'nom dvizhenii ot Marii Volkonskoi do Very Figner [Women in Russian liberation movement from Maria Volkonskaya to Vera Figner]. Moscow. 272 p. [in Russian]

- Pokrovskaya, 1906** – *Pokrovskaya, M.I.* (1906). O vysshem zhenskome obrazovanii v Rossii [About higher education for women in Russia]. St. Petersburg. 15 p. [in Russian]
- Pushkareva, Mitsyuk, 2018** – *Pushkareva, N.L., Mitsyuk, N.A.* (2018). Povival'nye babki v istorii meditsiny Rossii (XVIII – ser. XIX vv.) [Midwives in history of medicine in Russia (XVIII – mid. XIX centuries)]. *Vestnik Smolenskoï gosudarstvennoï meditsinskoi akademii*. T. 17. 1: 179-189. [in Russian]
- S.-Peterburgskie vysshie zhenskie kursy..., 1903** – S.-Peterburgskie vysshie zhenskie kursy za 25 let: 1878–1903: Ocherki i materialy [St. Petersburg higher courses for women in 25 years: 1878–1903: essays and materials]. St. Petersburg. 1903. 182 p. [in Russian]
- Sorokina, 2014** – *Sorokina, T.S.* (2014). Ivan Mikhailovich Sechenov v istorii rossiiskoi i mirovoi fiziologii [I.M. Sechenov and his role in history of development of physiology in Russia and abroad]. *Vestnik RUDN. Seriya Meditsina*. 3: 102-112. [in Russian]
- Sechenov, 1907** – *Sechenov, I.M.* (1907). Avtobiograficheskie zapiski [Autobiographical notes]. Moscow. 195 p. [in Russian]
- Staits, 2004** – *Staits, R.* (2004). Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nihilizm i bol'shevizm, 1860–1930 [Women's liberation movement in Russia: feminism, nihilism and bolshevism, 1860–1930]. Moscow. 616 p. [in Russian]
- Sushchinskii, 1883** – *Sushchinskii, P.P.* (1883). Zhenshchina-vrach v Rossii: Ocherk desyatiletiiya Zhen. vracheb. kursov, 1872–1882 g [Female doctor in Russia: an essay on a decade of Women's medical courses, 1872–1882]. St. Petersburg. 50 p. [in Russian]
- Tarnovskaya, 1903** – *Tarnovskaya, P.* (1903). Zhenskii meditsinskii institut i zhenskie vrachebnye kursy [Women's medical institute and women's medical courses]. *Vestnik Evropy*. Book 8. Pp. 497-518. [in Russian]
- MD RSL** – Rukopisnyi otdel Rossiiskoi gosudarstvennoï biblioteki [Manuscript Department of the Russian State Library].
- CSHA SPb** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of Saint-Petersburg].
- Shabanova, 1912** – *Shabanova, A.N.* (1912). Ocherk zhenskogo dvizheniya v Rossii [An essay on women's movement in Russia]. St. Petersburg. 32 p. [in Russian]
- Shabanova, 1927** – *Shabanova, A.N.* (1927). Pervaya zhenshchina-vrach [The first female doctor]. *Ogonek*. 41. 16 p. P. 14. [in Russian]
- Shabanova, 1904** – *Shabanova, A.N.* (1904). Iz pervykh let zhenskogo meditsinskogo obrazovaniya v Rossii [Memories of the first years of women's medical education in Russia]. *K svetu: nauchno-literaturnyi sbornik*. St. Petersburg. 535 p. [in Russian]
- Yukina, 2007** – *Yukina, I.I.* (2007). Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti [Russian feminism as a challenge to modernity]. St. Petersburg. 544 p. [in Russian]

Инициативы профессионального врачебного сообщества в развитии высшего медицинского образования для женщин в России по второй половине XIX века

Евгения Львовна Панова^{a,*}, Мария Алексеевна Пономарева^b

^a Российский университет дружбы народов (РУДН), Российская Федерация

^b Первый Московский государственный медицинский университет Минздрава России (Сеченовский университет), Российская Федерация

Аннотация. Обнищание дворянства и изменение социальной структуры российского общества в 1860–1870-х гг. привели к тому, что молодые женщины были вынуждены искать хорошо оплачиваемую работу и включиться в борьбу за право получения высшего образования. Кроме того, существенный дефицит образованных повивальных бабок способствовал возникновению в российском обществе социального запроса на расширение объема квалифицированной медицинской помощи, осуществляемой женщинами. Открытие Женских врачебных курсов (1872) и Женского медицинского института (1897) стало результатом сплоченных действий российской интеллигенции, в первую очередь научно-медицинского сообщества Санкт-Петербурга. В статье систематизируются факты, отражающие деятельность первых женщин-врачей Н.П. Суловой, М.А. Обручевой, В.А. Кашеваровой-Рудневой, А.Н. Шабановой, Т.Н. Тарновской и др., а также представителей научно-медицинского сообщества И.М. Сеченова, В.М. Тарновского, Н.И. Козлова, М.М. Руднева, С.П. Боткина и др. в развитии высшего медицинского образования для женщин в России. Основные направления общественных инициатив включали в себя фандрайзинг, участие в общественных и государственных комиссиях, создание петиций и ходатайств, организацию и проведение учебного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: evepanova@gmail.com (Е.Л. Панова)

процесса на курсах для женщин. Делается вывод о том, что успешная реализация проектов в области высшего медицинского образования продемонстрировала высокий уровень самоорганизации российского медицинского сообщества во второй половине XIX в., которое к концу столетия стало весомой социальной силой, способной решать острые и комплексные проблемы здравоохранения и медицинского образования.

Ключевые слова: история медицины, медицинское образование, Женские врачебные курсы, Женский медицинский институт.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 258-266
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.258

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Social and Historical Role of the Palatial Estates and hotels of the Southern Coast of Crimea in Formation of Experience Economy in the South of Russia (XIX – early XX c.)

Snezhana P. Shendrikova^a, Elena A. Polishchuk^{a,*}, Irina G. Pavlenko^a, Alexandra A. Yudina^a

^aV.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

The article studies the history of palatial estates and hotels of the Southern coast of the Crimea, describes their roles in the formation of experience economy and the emerging of the hospitality industry in the South of Russia (XIX – beginning of the XX centuries) as a component of the social dynamics of the period of radical transformation. On the basis of analysis of historical documents and memoirs of scientists-travelers who visited the Crimea during the XIX century, the palatial estates and the first hotels of the peninsula are represented.

The accommodation of royal family in 1861 in Livadia played a huge role in popularizing the resort, which provoked its active advertising, not only in Russia but also well beyond its borders. Development of infrastructure of the peninsula, expanding transport links, improving roads, improving travel conditions and increasing the level of service for travelers had a positive impact on the development of the experience economy of the peninsula. The development of the palatial estates and hotels in the Crimea, particularly on its southern coast, played a significant role in shaping domestic tourism and the experience economy of the Russian Empire, which actively influenced the choice of rest and recreational visits to southern Russia.

Keywords: palatial estate, hotel, South Coast of the Crimea, the Romanovs, resort, infrastructure, traveler, experience economy, service.

1. Введение

Крымский полуостров издревле стоял на перекрестке цивилизаций. Культуры народов, проживавших на его территории, то противостояли, то дополняли друг друга. Уникальный крымский ландшафт, труднодоступность горных районов, а также обширные степные площади позволили этим народам сохранить индивидуальность, свои особенности и исключительные черты.

Развитие курортного дела в России берет свое начало с 60–70-х гг. XIX в. Крым активно стал привлекать широкие массы отдыхающих после того, как стал летним местом отдыха царской семьи. Благодаря этому и прославился как в России, так и за ее пределами (ГАРК. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 8-17).

Анализ зарождения гостиничного дела, развитие экономики впечатлений, а также оценка уровня обслуживания населения позволили дать сравнительную характеристику этой области на примере Южного берега Крыма (далее – ЮБК). В настоящем исследовании на основе изучения исторических документов, воспоминаний и мемуаров ученых-путешественников, посещавших Крым на протяжении XIX в., представлены дворцовые усадьбы и первые гостиницы полуострова, выделены оказываемые ими услуги, их средняя стоимость, достоинства и недостатки в развитии гостиничного дела ЮБК.

Целью исследования является описание социоисторической роли дворцовых усадеб и гостиниц Южного берега Крыма в формировании экономики впечатлений Юга России (XIX – начало XX вв.).

* Corresponding author

E-mail addresses: pea.znu@mail.ru (E.A. Polishchuk)

2. Материалы и методы

При подготовке данного исследования использовался материал Государственного архива Республики Крым (далее – ГАРК). Архивные данные представлены кассовыми книгами, планами земельных участков, документами повседневного характера, описывающими особенности формирования экономики впечатлений, а также раскрывающими информацию о развитии гостиничного дела, внутренних дел гостиниц, скрытую документацию и отчетность. В фондах ГАРК подверглись обработке документы, свидетельствующие о деятельности гостиниц и развитии гостиничного дела в Крыму, – в фондах отчетности по имениям княжеских родов (ГАРК. Ф. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-4; Ф. 196. Оп. 1. Д. 57. Л. 7-10; Ф. 196. Оп. 1. Д. 6. Л. 2-3), «Кассовые данные о приходе и расходе денежных сумм гостиницы Ореанда» и переписка по этому вопросу (ГАРК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-44; Ф. 248. Оп. 1. Д. 131. Л. 1-70; Ф. 248. Оп. 1. Д. 259. Л. 1-149; Ф. 248. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-27; Ф. 248. Оп. 1. Д. 311. Л. 1-24; Ф. 248. Оп. 1. Д. 369. Л. 1-28; Ф. 248. Оп. 1. Д. 447. Л. 1-15; Ф. 248. Оп. 1. Д. 568. Л. 1-34; Ф. 248. Оп. 1. Д. 652. Л. 1-99; Ф. 248. Оп. 1. Д. 71. Л. 1-35), данные «Реестра имения, состоящего в ведении Ялтинской Дворянской Опеки» (ГАРК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 295. Л. 1-36), отчетная документация о «Приходе и расходе денежных сумм» имений в Алуште (ГАРК. Ф. 326. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-8; Ф. 326. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-3; Ф. 326. Оп. 1. Д. 6. Л. 7-8), Партените (ГАРК. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 8-17), имения «Фантазия» (ГАРК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-14).

Современную периодику, освещающую исторические события Ялты прошлых столетий, представляет историко-краеведческий альманах «Старая Ялта», издаваемый с 2013 года. Интерес при написании данной работы представили труды Л. Лысовой, которые напечатаны в этом альманахе. Автор дает представление о гостиницах Ялты XIX в.: «Гостиница «Эдинбург» – «Первая по пути из Симферополя» (Лысова, 2013), «Отель «Бристоль» – на перекрестке времен» (Лысова, 2013), «Гостиница на любой вкус» (Лысова, 2015). Помимо описания гостиниц, ученый демонстрирует изменения в курортном деле Ялты на протяжении года (Лысова, 2013; Лысова, 2014; Лысова, 2015; Лысова, 2016). Последняя четверть XIX в. в формировании и развитии экономики впечатлений, гостиничного дела и усадебного строительства в Крыму ознаменовалась открытием первых гостиниц европейского уровня. Т. Шевченко в статье «Первые гостиницы европейского уровня в Крыму» (Шевченко, 2016) описывает появление в Ялте гостиницы «Россия», в Евпатории – «Бейлер» и «Дюльбер», в Феодосии – «Астория». Данная статья отражает весомые изменения, произошедшие в развитии не только гостиничного дела, но и всего крымского общества XIX в. Карта Крымского полуострова, а также подробный план Севастополя имеется в «Путеводителе по Крыму и справочной книжке» Л.А. Фейгина (Фейгин, 1888). Интерес автора, кроме карт, вызывают расписание железных дорог и пароходов, календарные сведения и др. При изучении формирования и развития гостиничного дела ценной является информация о расположении гостиниц в городах Крыма.

В процессе изучения истории экономики впечатлений, гостиничного дела и строительства усадеб немаловажную роль играют так называемые рекламные материалы, касающиеся привлечения внимания общественности к полуострову: наличие полезных ресурсов и использование природных факторов в становлении курортного дела. Известный геолог и минеролог Казанского университета Н.А. Головкинский, переехавший в Крым в 1886 г., внес огромный вклад в развитие полуострова. Именно о нем было метко и образно сказано: «...Напоил Крым из артезианских скважин» (Дмитрук, 2008: 17-20). «Путеводитель по Крыму» (Головкинский, 1894) – труд весьма значимый при изучении ЮБК. Издавался данный путеводитель семь раз. Работа содержит описание природы полуострова от Алушты до Севастополя, включает в себя массу интересных данных о состоянии городов и сел, их инфраструктуре и развитии курортного дела.

Научный поиск опирается прежде всего на базовые исторические принципы, а также исторические материалы и историографические традиции. В свою очередь, ведущими принципами в данном контексте избраны принцип научного историзма и принцип историчности, позволившие проследить историю дворцовых усадеб и гостиниц ЮБК в условиях формирования экономики впечатлений и зарождения индустрии гостеприимства на Юге России (XIX – начало XX вв.) в качестве составляющей общественной динамики социума периода коренной трансформации. Признание положения об обязательности исторического контекста и осознание исключительной важности синхронного изучения явления и исторических условий его возникновения позволили максимально расширить исследовательский кругозор, выйти за пределы, очерченные однолинейными причинно-следственными связями и принять объективность как единственно возможный путь постижения исторического процесса во всем многообразии обстоятельств и явлений.

3. Обсуждение

Повествуя об историографии исследуемого вопроса, в первую очередь следует отметить, что среди работ, которые публиковались на протяжении XIX в. и раскрывали предпосылки формирования экономики впечатлений и развития гостиничного дела на полуострове, можно выделить труды ученых-путешественников и краеведов. Именно в них затрагивается тема гостиничного дела в контексте освещения мест размещения путешественников для ночлега или длительных остановок. Наиболее важными и значительными являются сочинения путешественников-первооткрывателей, которые дополнялись новой информацией и многократно переиздавались. Такие работы раскрывают

предпосылки появления и причины дальнейшего развития усадебных ансамблей, самого гостиничного дела, влияние социокультурной и политической жизни на экономику впечатлений. В этом контексте особый интерес представляют труды П.И. Сумарокова «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова» (Сумароков, 1803) и В.В. Измайлова «Путешествие в полуденную Россию: Путешествие по южной области России» (Измайлов, 1805), содержащие большое количество иллюстраций, гравюр, зарисовок с натуры разнообразных видов Крыма. Литература передает описание природных условий, развития городов, экономики и быта населения, а также представляет интерес для изучения в связи с 20-летием вхождения полуострова в состав Российской империи и произошедшими ввиду этого изменениями в его инфраструктуре.

В изданиях, посвященных русской истории, следует отметить работы, приуроченные к 100-летию присоединения Крыма к Российской империи, анализирующие историю полуострова и событий, происшедших в данный отрезок времени. Таковым является труд педагога и поэтессы – княжны Е.С. Горчаковой «Воспоминания о Крыме: в память столетнего юбилея присоединения Крыма» (Горчакова, 1883). Е.С. Горчакова выпустила серию путевых очерков в период с 1881 по 1884 гг., являющихся не просто описанием или художественными работами, а историческими произведениями, подготовленными с достоверной точностью. «Воспоминания о Крыме» содержат в себе научные данные по географии, археологии и истории полуострова, которые органично сочетаются со стихотворениями автора. Работа, которую также следует вспомнить, посвящена воссоединению Крыма с Россией – труд выдающегося доктора русской историографии Д.А. Корсакова «Крым и его целебные свойства» (Корсаков, 1883). Автор указывает не только на богатства крымской природы, ее полезные свойства и способы улучшения состояния здоровья, но и приводит интересные данные по истории Крыма.

С недавних пор дворянская усадьба как культовое явление в восприятии современного исследователя представляется в качестве особого высококультурного пространства. По этой причине с начала 90-х годов прошлого столетия возрос интерес публики к микроистории, в частности к истории дворцовых усадебных комплексов. Усиление региональной самостоятельности привело к активизации реставрации и реконструкции «дворянских гнезд». Воссозданию истории усадеб ЮБК предшествовал долгий путь. В последние годы проводятся научные мероприятия, публикуются статьи, выпускаются монографии, посвященные усадебной тематике. К примеру, работник Воронцовского дворца-музея А.А. Галиченко (Галиченко, 2016) в своей работе дает достаточно подробное описание южнобережных усадеб, а также приводит исторические справки по каждой из них. Книга историка, филолога и искусствоведа С.Л. Беловой «Раевские и Крым: Имена Раевских в Крыму» (Белова, 2006) представляет несомненный интерес не только для изучения крымской дворянской усадьбы, но и биографии героя Отечественной войны 1812 г. генерала Н.Н. Раевского. Т. Брагина и Н. Васильева (Брагина, 2001) попытались взглянуть на специфику разных усадеб ЮБК с целью убеждения в многообразии и богатстве форм усадебной жизни.

Упоминания о гостиничном хозяйстве и усадебном строительстве на полуострове довольно часто встречаются в путеводителях и путевых книгах: «Иллюстрированном практическом путеводителе по Крыму» Г. Москвича, «Путеводителе по Крыму» Н.А. Головкинского, М.А. Сосногоровой, В.Х. Кондараки, В.М. Сидорова; универсальных описаниях и справочных книгах: «Южном берегу Крыма» А.Б. Окса, «Путеводителе по Крыму и справочной книжке» Л.А. Фейгина, «Путевых заметках и впечатлениях» В.М. Сидорова, «Ялте в кармане» Я.В. Шинберга; воспоминаниях знаменитых ученых и путешественников Ш.Ж. Ромма, П.С. Палласа, П.И. Сумарокова.

4. Результаты

На протяжении всего XIX в. наблюдались изменения касательно строительства усадебных комплексов, реконструкции и деятельности гостиниц, внесшие положительные новшества в функционирование исследуемой сферы. Так, например, появление нормативных документов упорядочивало процесс работы как городской, так и провинциальной гостиничной индустрии. В менее развитых регионах империи поселение в гостинице гарантировало безопасность, что на тот момент являлось ключевым фактором при выборе ночлега. Соответствие установленным принципам ведения гостиничного дела повлияло на качество обслуживания, уровень комфорта, способствовало внедрению технологических новинок.

Формирование экономики впечатлений и основное развитие гостиничной индустрии Крыма в XIX – начале XX вв. приходится на ЮБК, что естественным образом обусловлено внушительным потоком отдыхающих, путешественников и туристов.

Приведем пример описания гостиницы в путеводителе начала XX в.: «Находится в Новом городе, у моря, и своим оборудованием, обстановкой и образцовой чистотой, кухней и пр. сделала бы честь Ялте и лучшим курортам Европы» (Москвич, 1913: 91). Удачное расположение, постройка зданий в соответствии с современными стандартами привлекали внимание не только большинства отдыхающих, но и знаменитых людей того времени. К примеру, в «Дюльбере» останавливались артисты театральных трупп, выступавших на евпаторийской сцене, а также столичная знать (Шевченко, 2016).

Исследование процесса развития гостиничной индустрии ЮБК позволило выделить основного лидера в лице Ялты, официальный статус города которая получила в 1838 г. (Безчинский, 1901: 202-205).

Активизация урбанистических процессов напрямую повлияла на увеличение численности населения Ялты, которое к 1864 г. достигло 1 112 человек (Мальгин, 2004: 95). У большинства путешественников к середине XIX в. о Ялте сложилось следующее впечатление: «Простое местопребывание всех знаменитостей, населяющих летом полуденный берег» (Измайлов, 1805: 31).

В начале 60-х гг. XIX в. повышение уровня известности Ялты в качестве курорта связывают с первым визитом Александра II: «Теперь Ялта хорошеет не по дням, а по часам» (Сосногорова, 1880: 50). Также следует отметить, что одним из важнейших факторов в контексте становления региона как природной лечебницы стало признание ЮБК местом климатолечения, где поправляла свое здоровье императрица Мария Александровна по рекомендации С.П. Боткина (Авсенёва, 2014: 8). Это, в свою очередь, повлияло на активное развитие городской инфраструктуры, в том числе на строительство первой гостиницы «La citta di Odessa», принадлежавшей графу М.С. Воронцову (Лысова, 2014: 4). В.В. Измайлов, путешествуя по Крыму, писал о ней: «Она высока, <...> расположена со вкусом, снабжена всеми удобствами, необходимыми для приезжающих» (Измайлов, 1805: 32).

Дальнейшее развитие сферы гостеприимства положительным образом отразилось на становлении гостиничного дела в силу того, что с постоянным увеличением численности туристов приумножался материальный доход от деятельности гостиниц. Наследница А. Собеса, которая продолжила отцовское дело, обустроивала и содержала гостиницу с учетом всех современных стандартов. Гостиница представляла собой 45 номеров, стоимостью от 1 руб. 50 коп. в сутки. Панорамный вид из окон на набережную и пристань был большим достоинством данного строения. В период с 1830-х гг. XX в. по 1889 г. у средства размещения происходила смена названий на «Ялту», «Ялтинскую» и «Крымскую». Приобрела гостиницу в 1889 году супруга ялтинского купца С.П. Бухштаб, сразу переименовав ее в «Центральную». Реконструкция и модернизация гостиницы дали возможность не только увеличить в полтора раза ее номерной фонд, но и существенно обновить интерьер (Лысова, 2013: 9).

В конце 1860-х гг. гостиницу С.П. Галахова приобрело удельное ведомство, сразу перестроив ее по проекту К.И. Эшлимана. С 1901 г. данное средство размещения функционировало как «Таврида» с номерным фондом в 42 номера. Среднесуточная стоимость номеров гостиницы зависела от сезонного фактора (осенью – от 1 до 8 руб., а зимой – от 80 коп. до 4 руб. в сутки). В 1905 г. произошла не только смена нового владельца гостиницы (Д.А. Южефович), но и ее названия – «Бристоль» (Лысова, 2013: 9).

Развитие Ялты тесно связано с процессом интенсивного строительства гостиниц. В 1873 г. В.Х. Кондараки описывал деятельность трех гостиниц («Hotel de la Cote», «Ялтинская», «Крымская»), указывая на шум в качестве основного их недостатка. При этом автор отмечает, что «владельцы, беспокоясь о быте посетителей, стараются всеми возможными способами его благоустроить», тому подтверждением является цитата: «...содержатели желают угодить во всех отношениях квартирантам» (Кондараки, 1873: 222). В своем путеводителе, опубликованном в 1913 году, Г. Москвич отмечает работу 14 ялтинских гостиниц с номерным фондом в 800 номеров (Москвич, 1913: 176).

В 1874 году произошло официальное открытие четвертой по счету гостиницы, именуемой «Эдинбург», у которой достаточно часто менялись владельцы, которые в первую очередь старались ее переименовать: 1882 г. – «Кавказ», 1897 г. – «Гранд-Отель», 1955 г. – «Приморская». К тому времени гостиница имела телефонный номер № 78 с круглосуточным доступом для гостей (Лысова, 2013: 14). Рассматриваемое средство размещения стало вторым в Ялте по уровню обслуживания и количеству номеров после гостиницы «Россия» (100 против 65), упоминается о нем в одном из трудов В.Х. Кондараки: «В этой гостинице, во многом уступающей «России», также не дурно» (Кондараки, 1885: 102).

За проект гостиницы, а также ее строительство отвечал К.И. Эшлиман, потративший 1 млн рублей. О ней писали: «В центре набережной сосредоточена наиболее обширная гостиница» (Еленин, 1901: 43). Открытие гостиницы состоялось 19 декабря 1875 г. (Лысова, 2014: 6), она по праву считалась «истинно европейской», «лучшей в городе» (Фейгин, 1888: 42). Внутреннее ее убранство отличалось богатством отделки, а также всевозможными удобствами: «...Замечательна своей обширностью и прекрасным устройством» (Горчакова, 1883: 80). «Трехэтажное здание с большим количеством номеров с балконами и видом на море имело столовую, ресторан, читальню, бильярдную, прачечную, ваннные комнаты, концертный и танцевальный залы, а также террасы с видом на море» (Сосногорова, 1871: 98-98). Свое внимание на нее обратил В.М. Сидоров: «Своего рода дворец, окруженный садиком чудных южных растений на набережной моря» (Сидоров, 1891: 137-138). Стоимость номеров напрямую зависела от спроса постояльцев. Гостиница «Россия» являлась самой дорогой в Ялте в период с 1875 по 1917 гг., что соответствовало ее статусу и популярности среди гостей курорта: «Самая дорогая, <...> чем многочисленнее съезд, тем номера дороже» (Сосногорова, 1880: 99). Динамика стоимости номеров представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Средняя стоимость номеров гостиницы «Россия» с 1880 по 1913 гг. (составлена на основании данных путеводителей и справочных книг, изданных в указанный период)

Год издания	Автор путеводителя	Количество номеров	Цена, руб.		Комментарий автора
			сутки	полный пансион, месяц	
1880	М.А. Сосногорова	100	1,25-15	–	Самая дорогая
1883	Е.С. Горчакова	100	1,50-18	–	Цены разные и меняются, смотря по сезону и приливу приезжающих
1885	В.Х. Кондараки	150	20-90	–	Многие упрекают в «обирательстве»
1888	Л.А. Фейгин	150	1-2	100	Включает все удобства лучших европейских гостиниц
1891	В.М. Сидоров	–	–	–	Все удобства для самых искушенных посетителей
1894	Н.А. Головкинский	150	3-16	–	Устройство комфортабельное, цены не дешевые
1901	А.Я. Безчинский	116	3-30	–	Цены дороже, чем в других гостиницах
1901	Е. Еленин	150	2,50-20	–	Значительно превосходит все остальные ялтинские гостиницы по комфорту и порядку управления
1902	Г. Москвич	150	1,50	115	Может быть причислена к лучшим гостиницам не только России, но и Европы
1904	Я.Б. Шинберг	–	1,50	–	–
1912	А.Б. Окс	–	2	–	Лучшая гостиница в Ялте
1913	Г. Москвич	150	3	–	Всем известная гостиница

История гостиницы «Ореанда» представляет не меньший интерес. Она была построена в современной части города рядом с Ливадийским мостом. Автором проекта является известный в России и за ее пределами зодчий архитектуры А.Н. Бекетов. 13 июля 1907 г. состоялось торжественное открытие гостиницы «Ореанда», на котором присутствовало немало высокопоставленных и именитых гостей. Уровень мероприятия указывал на статус гостиницы и обращал на себя внимание. Для украшения вестибюля архитектор использовал картины известных художников из своей коллекции – И.Е. Репина, И.И. Шишкина, В.А. Серова, В.В. Верещагина, И.Н. Крамского, Антони ван Кроса, Франческо Моразини (Иванова, 2007: 17-31). В 1910 г. в саду «Ореанды» был введен в эксплуатацию «Театр новостей», который за довольно короткое время стал популярен среди постояльцев. Это не могло не отразиться положительно на дальнейшей судьбе гостиницы. Об особом интересе к «Ореанде» со стороны гостей Ялты свидетельствует и факт увеличения номерного фонда: на момент открытия в 1907 г. в гостинице

насчитывалось 24 номера, к 1910-му г. численность номеров увеличилось до 75, т.е. более чем в три раза (Иванова, 2007: 34-37). Наиболее существенным фактором в контексте развития гостиничной сети на ЮБК, на наш взгляд, был все возрастающий поток отдыхающих из года в год. Однако ради справедливости следует признать, что с ростом потока туристов, возрастали и их запросы. Гости полуострова, наряду с широким выбором в ценовой категории, требовали и уровень комфорта. Именно в этой связи в Крыму к началу XX в. сформировалась система классификации гостиниц. Так, например, гостиницы Ялты в 1910-е гг., согласно классовой дифференциации, делились на два разряда. К первому – относились восемь гостиниц: «Россия», «Вилла Елена», «Мариино», «Франция», «Санкт-Петербург», «Джалита», «Метрополь», «Центральная» (Лысова, 2015: 37-38).

Семь остальных гостиниц из общего числа были отнесены ко второму разряду: «Ялта», «Гранд-Отель», «Лондон», «Бристоль», «Морская», «Венеция», «Новый парк» (Лысова, 2015: 6).

Популярность города Ялты приходилась на последнюю четверть XIX в., об этом свидетельствует наличие значительного количества материалов из архивных фондов. При этом в середине XIX в. отдых на ЮБК ассоциировался не с Ялтой, а с Алушкой, которая считалась центром курортной жизни ЮБК не только до Крымской войны (1853–1856 гг.), но и в течение последующих двадцати лет после ее окончания. Свою известность и популярность она получила благодаря активной деятельности графа М.С. Воронцова, который особое внимание уделял социальной жизни курорта. Однако после смерти графа (1882 г.) в развитии курортной жизни Алушки вплоть до 1904 г. наблюдалось затишье. Это связано с тем, что выделенному временному периоду характерен процесс сдачи земельных участков и имений в целях дачных застроек, а также их аренды на длительное время (ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2. Л. 27-38).

Ключевым событием для дальнейшего успешного развития курорта послужила встреча в 1894 г. на даче «Голубка» будущего императора Николая II с принцессой Алисой Гессенской, ставшей впоследствии его женой (Мальгин, 2004: 129). Внимание, которого удостоилась в этом случае Алушта, произвело фурор в обществе и положительно повлияло на ее дальнейшее развитие в качестве курорта. Путеводители начала XX в. упоминают о четырех гостиницах города, значительно обновленных в сравнении с 1888 г. (Таблица 2).

Таблица 2. Среднесуточная стоимость номера в гостиницах Алушты в 1905 г.

Название гостиницы	Количество номеров	Стоимость, руб.
Европейская	23	0,75-2,50
Южный берег	26	1,50-4,0
Русская	16	1,0-3,0
Гранд-Отель	22	1,0-2,0

Составлено по: Безчинский, 1901: 351-353

Первая – «Европейская» – располагалась на берегу моря, напротив пристани и купален; вторая – «Южный берег» – находилась вблизи моря, имела небольшой сад, однако цена номеров была значительно выше, несмотря на дальнейшее расстояние от купален; третья – «Русская» – первая по пути из Симферополя; четвертая – «Гранд-Отель», которую иногда упоминают в качестве меблированной комнаты (Безчинский, 1901: 351-353).

Большинство будущих знаменитых курортов ЮБК (Алушка, Алушта, Гурзуф и др.), которые в середине XIX в. представляли собой малоразвитые деревни, получили свое активное развитие лишь к концу XIX в. Так, например, Гурзуф за рекордно короткие сроки, с 1881 по 1885 гг., вырос из заброшенной маленькой татарской деревни в первоклассный крымский курорт: «...как курорт занимает не только первое место в России, но и является одним из лучших в Европе по благоустройству» (Москвич, 1902: 254). Причиной быстрого его развития стали усилия П.И. Губонина, являвшегося железнодорожным магнатом, который выкупил в 1881 г. имение сенатора И.И. Фундуклея. Владелец Гурзуфа в начале 1880-х гг. поставил перед собой цель – превратить забытую деревню в первоклассный курорт на ЮБК, добился которой к середине 1880-х гг.: «Владелец сделал все, чтобы привлечь сюда приезжих» (Головкинский, 1894: 389).

Проведенное исследование, которое посвящено истории формирования и активного развития гостиничного дела, позволило сделать акцент на довольно высоком уровне развития сферы гостеприимства Крыма в анализируемый период. Также следует отметить, что развитие курортного дела Крыма, в частности его Южного берега, считается важнейшим элементом в структуре развития внутреннего туризма Российской империи, на который опирается виток новейшей истории отечественной сферы гостеприимства и экономики впечатлений.

5. Заключение

Становление гостиничного дела, независимо от региона, напрямую связано с развитием туристской отрасли. В этом контексте не стал исключением и Крым. Размещение царской семьи в 1861 г. в Ливадии сыграло огромную роль в популяризации курорта, что спровоцировало его активное рекламирование не только в России, но и далеко за ее пределами. Пик популярности крымского

курорта приходился на вторую половину XIX в. Это обусловлено желанием населения лично ознакомиться с местом, куда каждое лето стремилась царская семья. Развитие инфраструктуры, расширение транспортного сообщения, обустройство дорог, улучшение условий передвижения и повышение уровня обслуживания путешествующих оказывало положительное влияние на формирование экономики впечатлений и развитие гостиничного дела в Крыму. Целебные климатические условия, необыкновенные горные и морские пейзажи ЮБК сыграли важнейшую роль в его туристской (и не только) судьбе. Неоспоримые факты указывают на то, что темпы развития гостиничного дела в таких населенных пунктах, как Ялта, Алушта, Алушка и Гурзуф, в конце XIX в. стали самыми высокими в сравнении с другими регионами полуострова. В этом ключе нельзя не отметить, что туристская деятельность являлась одной из главных составляющих в формировании экономики впечатлений, становлении и развитии гостиничного дела на ЮБК.

6. Благодарности

Исследование проводилось при содействии Программы развития ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Литература

- Авсенёва, 2014 – Авсенёва С.Н. Крым глазами путешественников первой половины XIX века: новые отрывки из путевых записок Яноша Карой Беша // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*. Т. 32. № 2 (66). Симферополь, 2014. С. 3-9.
- Брагина, Васильева, 2001 – Брагина Т., Васильева Н. Путешествия по дворянским имениям ЮБК. Симферополь, 2001. 224 с.
- Безчинский, 1901 – Безчинский А.Я. Путеводитель по Крыму. М., 1901. 491 с.
- Белова, 2006 – Белова С.Л. Раевские и Крым: Имения Раевских в Крыму. Симферополь, 2006. 208 с.
- Галиченко, 2016 – Галиченко А.А. Старинные усадьбы Крыма. Симферополь, 2016. 416 с.
- ГАРК – Государственный архив Республики Крым.
- Головкинский, 1894 – Головкинский Н.А. Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1894. 647 с.
- Горчакова, 1883 – Горчакова Е.С. Воспоминания о Крыме: в память столетнего юбилея присоединения Крыма. М., 1883. 215 с.
- Дмитрук, 2008 – Дмитрук О.Ю. Спортивно-оздоровительный туризм. Киев, 2008. 260 с.
- Еленин, 1901 – Еленин Е. Ялта и окрестности. Ялта, 1901. 160 с.
- Иванова, 2007 – Иванова Л.М. и др. Гостиница «Ореанда». Симферополь, 2007. 180 с.
- Измайлов, 1805 – Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Путешествие по южной области России. М., 1805. 440 с.
- Кондараки, 1873 – Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. В 3-х т. Т. 1. Николаев, 1873. 249 с.
- Кондараки, 1883 – Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. В 3-х т. Ч. 13. М., 1883. 106 с.
- Корсаков, 1883 – Корсаков Д.А. Крым и его целебные свойства. СПб., 1883. 174 с.
- Лысова, 2014 – Лысова Л. Весною в Крыму // *Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта»*. 2014. № 11-13. С. 2-5.
- Лысова, 2013 – Лысова Л. Гостиница «Эдинбург» – «Первая по пути из Симферополя» // *Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта»*. 2013. № 6. С. 13-15.
- Лысова, 2015 – Лысова Л. Гостиница на любой вкус // *Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта»*. 2015. № 16-18. С. 36-39.
- Лысова, 2016 – Лысова Л. Квартирный вопрос в Ялте и в Ницце // *Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта»*. 2016. № 43-45. С. 4-5.
- Лысова, 2015 – Лысова Л. Курорт круглый год // *Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта»*. 2015. № 4. С. 5-9.
- Лысова, 2013 – Лысова Л. Отель «Бристоль» – на перекрестке времен // *Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта»*. 2013. № 3. С. 8-9.
- Лысова, 2014 – Лысова Л. Утренний эскиз: из путевой книжки А. Нилидина «Силуэты Крыма» // *Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта»*. 2014. № 19-21. С. 4-7.
- Мальгин, 2004 – Мальгин А.В. Русская Ривьера. Симферополь, 2004. 352 с.
- Москвич, 1902 – Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Одесса, 1902. 326 с.
- Москвич, 1913 – Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. СПб., 1913. 312 с.
- Сидоров, 1891 – Сидоров В.М. Окольной дорогой: Путевые заметки и впечатления. СПб., 1891. 338 с.
- Сосногорова, 1871 – Сосногорова М.А. Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса, 1871. 285 с.

Сосногорова, 1880 – *Сосногорова М.А.* Путеводитель по Крыму. Одесса, 1880. 370 с.

Сумароков, 1803 – *Сумароков П.И.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. Ч. 1. СПб., 1803. 226 с.

Фейгин, 1888 – *Фейгин Л.А.* Путеводитель по Крыму и справочная книжка. М., 1888. 148 с.

Шевченко, 2016 – *Шевченко Т.* Первые гостиницы европейского уровня в Крыму // *Крымская газета*. 2016. 26 мая.

References

Avsenyova, 2014 – *Avsenyova, S.N.* (2014). Krym glazami puteshestvennikov pervoj poloviny XIX veka: novye otrivki iz putevyh zapisok YAnosha Karoly Besha [The Crimea through the eyes of travelers of the XIX century: new passages from travel notes of Janos Karoly Besh]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*. T. 32. 2(66). Simferopol. Pp. 3-9. [in Russian]

Bragina, Vasilieva, 2001 – *Bragina, T., Vasilieva, N.* (2001). Puteshestviya po dvoryanskim imeniyam YUBK [Travels on the noble estates of the South Coast of Crimea]. Simferopol. 224 p. [in Russian]

Bezchinskij, 1901 – *Bezchinskij, A.YA.* (1901). Putevoditel' po Krymu [Guide to the Crimea]. M. 491 p. [in Russian]

Belova, 2006 – *Belova, S.L.* (2006). Raevskie i Krym: Imeniya Raevskih v Krymu [Raevsky and the Crimea: The Raevsky Estate in the Crimea]. Simferopol. 208 p. [in Russian]

Galichenko, 2016 – *Galichenko, A.A.* (2016) Starinnye usad'by Kryma [Homesteads of the Crimea]. Simferopol. 416 p. [in Russian]

GARK – Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym [State Archive of the Republic of Crimea].

Golovkinskij, 1894 – *Golovkinskij, N.A.* (1894). Putevoditel' po Krymu [Guide to the Crimea]. Simferopol. 647 p. [in Russian]

Gorchakova, 1883 – *Gorchakova, E.S.* (1883). Vospominaniya o Kryme: v pamyat' stoletnego yubileya prisoedineniya Kryma [Memories of the Crimea: in memory of the centenary of the accession of the Crimea]. M. 215 p. [in Russian]

Dmitruk, 2008 – *Dmitruk, O.Yu.* (2008). Sportivno-ozdorovitel'nyj turizm [Sports and health tourism]. Kiev. 260 p. [in Russian]

Elenin, 1901 – *Elenin, E.* (2007). Yalta i okrestnosti [Yalta and its surroundings]. Yalta. 160 p. [in Russian]

Ivanova et al., 2007 – *Ivanova, M.* (2007). Gostinica «Oreanda» [Oreanda Hotel]. Simferopol. 180 p. [in Russian]

Izmajlov, 1805 – *Izmajlov, V.V.* (1805). Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu. Puteshestvie po yuzhnoj oblasti Rossii [Journey to Midday Russia. Journey through the southern region of Russia]. M. 440 p. [in Russian]

Kondaraki, 1873 – *Kondaraki, V.H.* (1873). Universal'noe opisanie Kryma [Universal description of the Crimea]. T. 1. Nikolaev. 249 p. [in Russian]

Kondaraki, 1883 – *Kondaraki, V.H.* (1883). Universal'noe opisanie Kryma [Universal description of the Crimea]. M. 106 p. [in Russian]

Korsakov, 1883 – *Korsakov, D.A.* (1883). Krym i ego celebnye svoystva [The Crimea and its healing properties]. SPb. 174 p. [in Russian]

Lysova, 2014 – *Lysova, L.* (2014). Vesnoyu v Krymu [Spring in the Crimea]. *Istoriko-kraevedcheskij al'manah «Staraya Yalta»*. 11-13: 2-5. [in Russian]

Lysova, 2013 – *Lysova, L.* (2013). Gostinica «Edinburg» – «Pervaya po puti iz Simferopolya» [The first on the way from Simferopol] *Istoriko-kraevedcheskij al'manah «Staraya Yalta»*. 6: 13-15. [in Russian]

Lysova, 2015 – *Lysova, L.* (2015). Gostinica na lyboj vkus [Hotel for every taste]. *Istoriko-kraevedcheskij al'manah «Staraya Yalta»*. 16-18: 36-39. [in Russian]

Lysova, 2016 – *Lysova, L.* (2016). Kvartirnyj vopros v Yalte i v Nice [The Apartment Question in Yalta and Nice]. *Istoriko-kraevedcheskij al'manah «Staraya Yalta»*. 43-45: 4-5. [in Russian]

Lysova, 2015 – *Lysova, L.* (2015). Kurort kruglyj god [The resort all year round]. *Istoriko-kraevedcheskij al'manah «Staraya Yalta»*. 4: 5-9. [in Russian]

Lysova, 2013 – *Lysova, L.* (2013). Otel' «Bristol» – na perekrestke vremen [Hotel «Bristol» – at the crossroads of time]. *Istoriko-kraevedcheskij al'manah «Staraya Yalta»*. 3: 8-9. [in Russian]

Lysova, 2014 – *Lysova, L.* (2014). Utrennij eskiz: iz putevoj knizhki A. Nilidina «Siluety Kryma» [From A. Nilidin's travel book "Silhouettes of the Crimea"]. *Istoriko-kraevedcheskij al'manah «Staraya Yalta»*. 19-21: 4-7. [in Russian]

Malygin, 2004 – *Malygin, A.V.* (1902). Russkaya Riv'era [Russian Riviera]. Simferopol. 352 p. [in Russian]

Moskvich, 1902 – *Moskvich, G.G.* (1902). Illyustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Krymu [Illustrated practical guidebook to the Crimea]. Odessa. 326 p. [in Russian]

Moskvich, 1913 – *Moskvich, G.G.* (1913). Illyustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Krymu [Illustrated Practical Guide to the Crimea]. SPb. 312 p. [in Russian]

- Sidorov, 1891** – *Sidorov, V.M.* (1891). Okol'noj dorogoj: Putevye zametki i vpechatleniya [The roundabout way: travel notes and impressions]. St. Petersburg. 338 p. [in Russian]
- Sosnogorova, 1871** – *Sosnogorova, M.A.* (1871). Putevoditel' po Krymu dlya puteshestvennikov [Guide to the Crimea for travelers]. Odessa. 285 p. [in Russian]
- Sosnogorova, 1880** – *Sosnogorova, M.A.* (1880). Putevoditel' po Krymu [Guide to the Crimea for travelers]. Odessa. 370 p. [in Russian]
- Sumarokov, 1803** – *Sumarokov, P.I.* (1803). Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu Pavla Sumarokova [Guide to the Crimea for travelers]. St. Petersburg. 226 p. [in Russian]
- Fejgin, 1888** – *Fejgin, L.A.* (1888). Putevoditel' po Krymu i spravochnaya knizhka [Guidebook to the Crimea and reference book]. M. 148 p. [in Russian]
- Shevchenko, 2016** – *Shevchenko, T.* (2016). Pervye gostinicy evropejskogo urovnya v Krymu [The first hotels of European level in the Crimea]. *Krymskaya gazeta*. 26 maya. [in Russian]

Социоисторическая роль дворцовых усадеб и гостиниц Южного берега Крыма в формировании экономики впечатлений Юга России (XIX – начало XX вв.)

Снежана Павловна Шендрикова^a, Елена Анатольевна Полищук^{a, *},
Ирина Геннадьевна Павленко^a, Александра Александровна Юдина^a

^aКрымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Российская Федерация

Аннотация. В статье описана роль дворцовых усадеб и гостиниц Южного берега Крыма в контексте формирования экономики впечатлений и зарождения индустрии гостеприимства на Юге России (XIX – начало XX вв.) как составляющей общественной динамики социума периода коренной трансформации. На основе анализа исторических документов, воспоминаний и мемуаров ученых-путешественников, посещавших Крым на протяжении XIX в., представлены дворцовые усадьбы и первые гостиницы полуострова, выделены оказываемые ими услуги, их средняя стоимость, достоинства и недостатки в развитии гостиничного дела Южного берега Крыма.

Размещение царской семьи в 1861 г. в Ливадии сыграло огромную роль в популяризации курорта, что спровоцировало его активное рекламирование не только в России, но и далеко за ее пределами. Развитие инфраструктуры полуострова, транспортного сообщения, обустройство дорог, улучшение условий передвижения путешествующих и повышение уровня их обслуживания оказывали положительное влияние на развитие экономики впечатлений полуострова.

Неоспоримые факты указывают на то, что темпы развития экономики впечатлений в целом, и гостиничного дела в частности, в таких населенных пунктах, как Ялта, Алушта, Алупка и Гурзуф, в конце XIX в. являлись самыми высокими в сравнении с другими регионами полуострова.

Развитие дворцовых усадеб и гостиниц Крыма, в частности его Южного берега, сыграло значительную роль в формировании внутреннего туризма и экономики впечатлений Российской империи, что активно повлияло на выбор посещения Юга России с целью отдыха и оздоровления.

Ключевые слова: дворцовая усадьба, гостиница, Южный берег Крыма, Романовы, курорт, инфраструктура, путешественник, экономика впечатлений, услуга.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: pea.znu@mail.ru (Е.А. Полищук)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 267-276
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.267

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Abuses in Mutual Credit Societies in the Context of the Law Enforcement Practice of Pre-Revolutionary Russia

Oleg G. Alekseev ^{a, *}, Ivan Y. Makarchuk ^a, Vladislav Y. Panchenko ^{b, c, d}, Mikhail A. Petrov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation

^c Moscow State Linguistic University, Russian Federation

^d Federal Siberian Research and Clinical Center of FMBA of Russia, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to one of the topics in the history of the banking and credit system of Russia in the 19th – early 20th centuries – bankruptcy of financial institutions. This issue is important, since both the own bankruptcy of credit institutions and their participation in the bankruptcy of other persons is transformed into changes in the commodity market, ultimately affecting the entire economic system of the country. The angle of the undertaken research is shifted to the poorly studied segment of private banks – mutual credit societies (1864–1917), focused on the small and middle bourgeoisie, urban and rural entrepreneurs. By the nature of their financial operations, they approached joint-stock commercial banks, served the same sphere of the economy (trade and industry). The main attention is paid to the analysis of the normative definition of the rights and obligations of mutual credit societies as a necessary condition for their effectiveness. Based on the achievements of modern historiography and a set of diverse sources, the authors of the article illustrate external (specific socio-economic conditions, a gap in the legal regulation of the banking and credit system) and internal (the propensity for adventures and speculative transactions of the heads of mutual credit societies, ignorance in the financial transactions of depositors) factors that, directly or indirectly, created a field for arbitrariness and abuse, resulted in the liquidation or bankruptcy of mutual credit societies.

Keywords: banking and credit system, private banks, mutual credit societies, financial fraud, abuse, insolvency (bankruptcy).

1. Введение

Преобразования банковско-кредитной системы России в период «великих реформ» 1860–1870-х гг. устранили многие препятствия для появления и начала развития коммерческого кредита, учреждения которого формировались в акционерной форме или в форме общественных заемщиков, связанных круговой ответственностью. Принцип взаимного кредитования означал, что клиент одновременно являлся вкладчиком общества, пользовался в нем кредитом соразмерно степени благонадежности или сумм представленного обеспечения, участвовал в распределении банковской прибыли, отвечал за убытки общества соответственно сумме открытого ему кредита.

Уставы обществ взаимного кредита (сокращенно ОВК) составлялись применительно к уставу первого по времени открытия (1864 г.) ОВК – Санкт-Петербургского, который «открывал довольно широкий простор для деятельности на банковском поприще» (*Исторический очерк...*, 1911: 32); рассматривались Государственным советом, после чего передавались на утверждение императору,

* Corresponding author

E-mail addresses: oaekseev@sfu-kras.ru (O.G. Alekseev), imakarchuk@sfu-kras.ru (I.Y. Makarchuk), panchenkovlad@mail.ru (V.Y. Panchenko), mipet@yandex.ru (M.A. Petrov)

таким образом, по своей юридической силе приравнивались к законодательным актам. Ситуация изменилась с 31 мая 1872 г., когда было принято высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об учреждении частных кредитных установлений», в соответствии с которым утверждение уставов некоторых частных кредитных организаций, в том числе ОВК, передавалось в ведение министра финансов. Министр финансов при утверждении уставов ОВК должен был опираться на четыре образца, а именно, уставы Пензенского, Новочеркасского, Второго Харьковского и Варшавского обществ (ПСЗ РИ, 1875: 758). Это положение нашло отражение в статье 37 раздела X Устава кредитного. Изменения законодательного регулирования были вызваны тем, что уставы кредитных организаций по своему содержанию в большинстве случаев были однотипны и установленная процедура их утверждения «напрасно увеличивала делопроизводство» Государственного совета. Новый подход к утверждению уставов кредитных организаций позволил снизить бюрократическую нагрузку на Государственный совет, унифицировать процедуру их утверждения. Поскольку уставы ОВК утверждались не императором, а министром финансов, они стали обладать меньшей юридической силой (являлись не законами, а подзаконными актами).

Ценность членства в ОВК, отмечает А.В. Зотова, состояла в том, что частные лица и организации не подвергались никакому риску. Если участник по какой-то причине не мог вернуть полученные в обществе деньги, «он отвечал за это только своим членским взносом и его долг не распространялся на остальное имущество и на имущество членов семьи. Но такие случаи были не частыми» (Зотова, 2011а: 525).

2. Материалы и методы

В статье нашли применение «Устав о ссыльных», «Устав кредитный», некоторые разновидности законодательных актов, которые содержит «Полное собрание законов Российской империи» (второе собрание: законы с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.), отчеты и официально утвержденные уставы обществ взаимного кредита, изданные отдельными малотиражными брошюрами, а также полезный многоплановостью информации специализированный журнал «Банковое дело», выпускавшийся ежемесячно с 1912 по 1915 гг. в Санкт-Петербурге. В содержание общей части и тематических рубрик издания были включены теоретические и практические вопросы банковского счетоводства и делопроизводства, статистические данные взаимного кредита об убытках обществ по губерниям. В журнале обсуждались злободневные в работе банков юридические, финансовые и организационные вопросы, печатались сведения о злоупотреблениях в ОВК и др.

При исследовании проблемы важное место отводилось использованию частных научных методов: сравнительно-исторического и формально-юридического. Сравнительно-исторический метод позволил отразить динамику численности ОВК более чем за 50-летний период, вскрыть изменения, происходящие в развитии этих структур в контексте финансового положения российского рынка, инфляции, проблем хлебного экспорта вследствие Балканских войн 1912–1913 гг. Использование формально-юридического метода дало возможность установить внутреннюю структуру, целевые параметры ОВК, особенности формирования оборотного капитала, внесения взносов; позволило также выявить противоречие между уставами отдельных ОВК и Уставом кредитным.

3. Обсуждение

Современная историография банковско-кредитного дела в Российской империи характеризуется большим объемом литературы и разнообразием предметов исследования. Между тем история ОВК считается мало изученной (Зотова, 2010: 47; Зотова, 2011а: 531; Kattsina et al., 2017: 266), а аналитических работ, ставивших своей целью осмысление причин неудач ОВК, – единицы. Диаметрально противоположные оценки деятельности ОВК в дореволюционной и современной литературе должны насторожить исследователя. Вероятно, причины восторженных отзывов о «замечательном кредитовании городских обывателей» в различных регионах Российской империи (заметим, впрочем, что это происходило преимущественно в двух столицах и ряде южных городов страны) лежат на поверхности. Дело в том, что апология ОВК и дифирамбы их руководителям содержались в изданиях, посвященных юбилейным датам финансовой деятельности ОВК. Секретом Полишинеля является факт, будь то исторический или актуальный, что в подобных праздничных фолиантах не принято акцентировать внимание на недостатках в работе, тем более, когда речь идет о банковских учреждениях, обязанных неустанно думать о собственной репутации. Тот факт, что дореволюционные публикации об обществах взаимного кредита носили по преимуществу ненаучный характер, отметила в своем диссертационном исследовании А.В. Зотова (2010 г.), которая уделила значительное внимание изучению истории ОВК в целом, т.е. периоду с момента возникновения и до финальных аккордов их деятельности в середине 1930 г., когда было ликвидировано последнее ОВК «Первокредит». Общий вывод исследователя ОВК содержит утверждение, что дореволюционная историография в большей мере устанавливала те или иные этапы становления ОВК в России, чем анализировала причины успехов и недостатков в их деятельности. Единичные попытки глубоко и профессионально осмыслить работу ОВК завершались лишь констатацией наличия «роковых

последствий» от неуместных экспериментов в кредитном деле (Зотова, 2011а: 529-530). При этом отсутствовала рефлексия о внутренних «корпоративных» причинах неустроенности финансовых учреждений и об общественных пороках, определяющих совокупно значительно меньшую, чем в Западной Европе, эффективность поддержки лиц, «занимающихся торговлей и другим промыслом» (Шляхов, 2013).

4. Результаты

Как известно, рост числа банкротств является следствием снижения темпов экономического роста. Первые неблагоприятные тенденции в экономической конъюнктуре частных банков наметились в 1873 г., когда по Европе прокатилась волна биржевых крахов, затронувшая и Россию, однако поворотной точкой в развитии банковской системы страны, отмечает С.А. Соломатина, стал крах Коммерческого ссудного банка в Москве осенью 1875 г. «Это событие имело такой общественный резонанс, что сделало обычный факт банкротства коммерческого предприятия рубежом в судьбе банковской системы в целом. После этого в России начался резкий спад в банковской сфере, выразившийся в оттоке вкладов, свертывании операций, самоликвидации некоторых банков», усилении в отношении них государственной политики ограничительных мер (Соломатина, 2004: 65). К этим тенденциям добавилась инфляция в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и мировая депрессия 1880-х гг. Хроническое расстройство денежного обращения задерживало нормальное развитие денежного рынка. Не удивительно, что до экономического подъема в России (1893–1899 гг.) сеть ОВК формировалась крайне медленно (Рисунок 1). Имелись примеры закрытия несостоятельных учреждений (Васильев, 2011: 275).

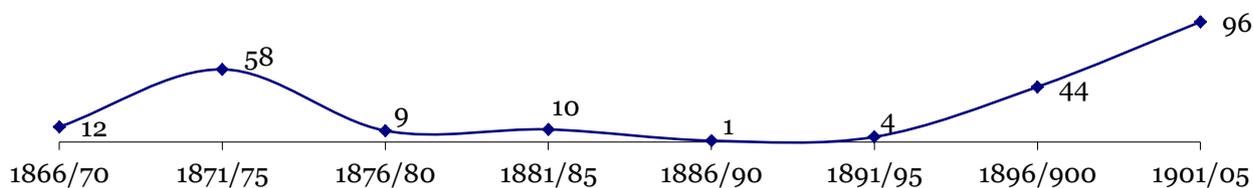

Рис. 1. Число вновь учрежденных ОВК за пятилетние периоды (подсчитано и составлено по: [Кредит взаимный, 1895: 623](#); [Общества взаимного кредита, 1905: 3-10](#)).

После денежной реформы 1895–1898 гг. в России начала складываться денежная система, однотипная со зрелыми денежными системами стран Западной Европы. Золотая валюта обеспечила приток иностранного капитала и промышленный подъем 1909–1913 гг., за годы которого число ОВК увеличилось с 369 до 932 ([Kattsina et al., 2017: 266](#)), т.е. более чем в 2,5 раза.

Между тем банкротства ОВК стали в 1890-е гг. и позже «бытовым явлением» ([Каценеленбаум, 1927: 488](#)). Но если раньше число убыточных ОВК было единичным, то в 1911 г. убыточным стало почти каждое пятое ОВК. В 1914 г. редакция журнала «Банковское дело» даже открыла специальную рубрику об убытках ОВК, констатировав, что «и в обществах взаимного кредита завелись авгиевы конюшни» ([Банковское дело, 1914: 6](#)).

В 1912 г. из 105 убыточных ОВК наибольшее число (42) пришлось на Кубанскую область, далее по числу убыточных ОВК лидировали губернии: Санкт-Петербургская (8), Варшавская (7), Подольская (5), Петроковская (5), Киевская (4), а по общей сумме убытков – Варшавская губерния (449,2 тыс. руб.), Приморская область (357,5 тыс. руб.), Санкт-Петербургская (285,8 тыс. руб.), Петроковская (187,1 тыс. руб.) и Лифляндская (128 тыс. руб.) губернии ([Статистические данные..., 1914: 6](#)). Seriously отразился на кубанских ОВК неурожай 1911 г. на Кубани и общее финансовое положение российского рынка в связи с задержанием вследствие Балканских войн 1912–1913 гг. хлебного экспорта в проливах. За 1910–1913 гг. капиталы ОВК увеличились почти в два раза, а общая сумма вкладов всего в 1,65 раза. Прилив новых вкладных средств составил в 1910 г. 76 млн руб., в 1911 г. – 82, а в 1912 г. – всего 58 млн руб. ([Сводный баланс..., 1913: 22](#)). Рост собственных капиталов ОВК и вкладов несколько отставал от роста его главнейших активных операций (учет векселей и специальных текущих счетов), поэтому ОВК приходилось привлекать оборотные средства извне и для производства активных операций прибегать к заимствованиям в других учреждениях, преимущественно в акционерных банках. Заимствования в виде переучета, перезалога и специальных текущих счетов составили за 1910–1913 гг. колоссальное увеличение в 5,67 раза. Если на 1 января 1910 г. займы ОВК выражались в цифре 28,2 млн руб., то к началу 1913 г. они достигли 160 млн руб. и превысили общую сумму оборотных капиталов обществ на 42 млн руб. ([Kattsina et al., 2017: 268](#)).

Главные причины убытков за минувшее десятилетие, сообщалось в отчете Томского ОВК за 1910 г., – это «неосторожность учета и малый размер активных операций и отчасти неудовлетворительное "хождение" по вексельным взысканиям. <...> Непривычка к общественной самодеятельности, отсутствие веры в свои силы заставляло большинство О[бществ]ва искать

патронирования каким-либо богатым человеком, хотя бы, кроме возможности позаимствований денег, других для дела выгод лицо дать не могло» (Отчет..., 1911: 5).

В провинции ОВК занимались главным образом учетом векселей и выдачей ссуд под товары, обслуживали преимущественно торговлю и промышленность, в столицах же, где процветала игра на бирже, предоставляли своим членам в довольно значительных размерах еще и средства для спекулятивных целей (Kattsina et al., 2017: 268). Использование для спекуляции кредита, полученного из ОВК, продолжалось вплоть до закрытия Петербургской биржи в связи с началом Первой мировой войны (июль 1914 г.).

Для принципиально важных вопросов защиты интересов потребителей, контроля за использованием средств в ОВК предусматривалась нетривиальная система управления, в которой органы образовывали систему «сдержек и противовесов», когда заведование делами общества распределялось между общим собранием, Советом, правлением и приемным комитетом. Проанализируем уставы трех ОВК, находившихся в разных частях Российской империи (Санкт-Петербург, Томск, Харьков) на предмет наличия условий, которые могли способствовать их финансовой неустойчивости, а впоследствии привести к банкротству. Уставы состояли из параграфов, тематически сгруппированных в разделы по участкам правового регулирования: учреждение общества и образование его капитала; прием и выбытие членов, их права и обязанности; операции общества; взыскание; управление; отчетность; распределение чистой прибыли; запасный капитал; общие постановления.

В разделе первом фиксировался факт учреждения ОВК с указанием на бессрочность его функционирования. Основной целью определялось представление субъектам торговли (и других промыслов) требующихся им средств «посредством учета срочных обязательств» (Устав, 1882: 3), «доставление посредством учета векселей и выдачи ссуд» своим членам «необходимых для их оборотов капиталов» (Устав, 1890: 1). При этом Томское ОВК было преимущественно ориентировано на кредитование лиц, занимающихся торговлей, промышленностью и сельским хозяйством. Не только лица, стоящие в данном обществе, но и само Томское ОВК не могло быть членом другого ОВК (Устав, 1906: 1).

Членом ОВК могло стать лицо, соответствовавшее одному из следующих требований: было известно своей добросовестностью и благонадежностью; если предоставило в залог обществу закладную на недвижимое имущество; имело поручительство другого благонадежного лица или предоставило любое иное обеспечение, отвечающее критериям достаточности и подлинности (Устав, 1882: 4). В уставе Томского ОВК имело место примечание, согласно которому ссильные не могли быть членами общества (Устав, 1906: 1). Очевидно, это было связано с нормами Устава о ссильных, в котором было установлено, что при отправлении по назначению ссильных губернское правление делало распоряжение об изъятии на время ссылки принадлежащих им денег и ценных вещей (Устав о ссильных, 1911: 80). Для вступления в ОВК лицу было необходимо подать в правление прошение об открытии кредита с указанием его размера. Данное правовое положение коррелирует с правовым принципом соразмерности, согласно которому каждый член ОВК участвовал в прибылях и убытках ОВК соразмерно сумме открытого ему кредита и соответственно отвечал за долги общества перед третьими лицами не более как на сумму открытого ему кредита (Устав, 1882: 4-5; Устав, 1906: 3-4, 12).

В целях обеспечения объемов оборотного капитала и стабильности устанавливалось минимальное количество членов, с которого общество могло начинать свою деятельность: 200 (Устав, 1882: 4-5), 50 членов (Устав, 1906: 3). При этом максимальный размер кредита определялся степенью благонадежности каждого лица в отдельности (Устав, 1882: 3); «наименьший размер допускаемого отдельному лицу кредита» составлял 100 руб.; максимальный размер кредита определялся исходя из текущего финансового положения ОВК (Устав, 1890: 2). Для обеспечения текущей платежеспособности и избегания дефицита при выдаче наличных средств предусматривалось требование, по которому в кассе должно было иметься наличных денег не менее 10 % обязательств ОВК по вкладам и займам (Устав, 1906: 11). В обязательном порядке формировался запасный капитал (не менее 10 % от чистой годовой прибыли, полученной от операций ОВК за вычетом всех понесенных по операциям убытков и затрат на текущие расходы и аппарат, обеспечивающий делопроизводство). Он назначался на покрытие убытков по операциям, должен был храниться в государственных и правительством гарантированных процентных бумагах (Устав, 1890: 8, 20-21; Устав, 1906: 30-31). Обеспечению финансовой устойчивости и планирования способствовало императивное требование, по которому член ОВК мог выбыть, предупредив правление за два месяца до наступления конца полугодия. Но он оставался ответственным в течение 6 месяцев и 10 дней со времени выбытия из ОВК по всем произведенным во время его членства операциям (Устав, 1882: 6).

К дополнительным мерам обеспечения финансовой устойчивости Томского ОВК можно отнести требование, согласно которому ОВК должно было приступить к своей ликвидации, если число членов будет менее 50 или сумма, принятая во вклады, превзойдет соотношение, при котором сумма обязательств ОВК по принятым от посторонних лиц и по переучету векселей превысит более чем в пять раз оборотный капитал. Общее собрание в любое время могло принять решение о самоликвидации общества, а министр финансов быть проинформированным об этом (Устав, 1906: 3, 11).

Очевидно, Министерство финансов могло проводить ревизию ОВК только в том случае, если вставал вопрос о его ликвидации (ст. 119 Устава кредитного). В иных случаях контроль деятельности ОВК ограничивался опубликованием отчетов и ревизионной комиссией. Например, баланс ОВК каждые шесть месяцев публиковался в местной газете (Устав, 1882: 7) или ежемесячные краткие обзоры операций общества помещались в указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов (Устав, 1890: 19). Подробный годовой отчет ОВК должен был быть составлен и передан правлением для проверки ревизионной комиссии (формировалась путем избрания общим собранием ОВК) не позднее, чем за месяц до очередного общего собрания (Устав, 1890: 19; Устав, 1906: 28). Можно предположить, что контроль обществ взаимного кредита со стороны государственных органов был недостаточным, а это, в свою очередь, порождало многочисленные злоупотребления со стороны руководства ОВК.

Так, в делах Павловского ОВК специальная комиссия обнаружила полнейший беспорядок и массу отступлений от устава и счетных правил. Три члена правления общества воспользовались в общей сложности кредитом, равным остальным (800) пайщикам. Проценты по учету с администраторов ОВК брались меньше, чем с остальных клиентов; по ссудным операциям принимался гнилой товар; правление самовольно увеличивало банковский кредит, открытый по специальным счетам; сумма выданных подтоварных кредитов более чем в шесть раз превышала сумму товаров. Но ревизионная комиссия, выявив кассовый дефицит, в отчетах показывала значительную прибыль. Из-за махинаций руководителей ОВК получило репутацию «общества прикосновения к чужой собственности» (Павловские хищники..., 1912).

Причины слабой платежеспособности кубанских ОВК (Афипского, Новомалороссийского и Павловского) ревизионная комиссия увидела «в ненормальной постановке кредита благодаря новости дела», именно: в непонимании руководителями целей и задач кредита; стремлении пустить в оборот ради прибыли все средства, не считаясь с платежеспособностью заемщиков (Из деятельности..., 1913: 15-16).

Слухи о беспорядках в Кишеневском ОВК циркулировали с 1903 г., но три правительственные и одна частная ревизия не обнаружили в нем злоупотреблений. Лишь в 1909 г. казначей ОВК сознался наблюдательному комитету в растрате 20 тыс. руб., указав причинами кражу из его стола облигаций и «слабость характера» (давал из кассы займы директорам и служащим общества, которые суммы не вернули). В ходе правительственной проверки обнаружилось, что должности заведующего облигационным отделом и бухгалтерией совмещались с должностью казначея. Последний принимал от пайщиков платежи по займам, но не вносил в кассу, а присваивал себе. Сумма растрат превысила 103 тыс. руб. (Банковое дело, 1912: 29).

«Поразительно неудачное ведение дел» наблюдалось в некоторых столичных ОВК. Так, Охтенское – «ухитрилось получить почти двухсоттысячный убыток», а дефицит Василеостровского составил 62 тыс. руб. (Харитонов, 1913: 18). Злоупотребления в Петровском ОВК, обслуживавшем крупный район Петербургской стороны, выразились в подлоге годового отчета за 1912 г., данные которого не соответствовали имевшимся в кассе фондовым бумагам, векселям и иным денежным знакам. Члены правления допустили крупный (до 45 тыс. руб.) перебор по онкольному счету и «положили под сукно» требование пайщиков о созыве чрезвычайного собрания, прекратив кредит заявителям (Панама..., 1913: 12-13).

Крупные злоупотребления вскрылись в 1913 г. в Томашевском ОВК Петроковской губернии. В жалобе, поданной прокурору, 52 пайщика обвиняли правление в представлении общему собранию фиктивных балансов, в выдаче кредитов заведомо несостоятельным лицам. Наиболее состоятельные члены ОВК, зная о предстоящем банкротстве общества, успели выйти из его состава, даже получить членские взносы, не подлежащие выдаче. Любопытен и способ выдачи этих взносов: лицо, состоявшее в ОВК и желавшее получить членский взнос, выдавало кому-либо фиктивный безденежный вексель, по которому производилось взыскание без протеста, и на основании исполнительных листов ОВК выдавало членские пай фиктивным лицам. Убытки ОВК составили 500 тыс. руб. (Банковое дело, 1913: 30).

Следует отметить, что основание ОВК выдвинуло целый ряд «банковских деятелей» (членов ОВК), которые играли ту же роль, что и акционеры в частных банках, но многие из них не могли руководить кредитным делом, так как не имели в этой области подчас самых элементарных познаний (Р-н Д., 1913: 10). Нельзя исключать и социальную психологию купечества (страсть к наживе и достижение коммерческого успеха любыми средствами), из числа которого преимущественно формировался совет ОВК. «Сама по себе прекрасная идея организации доступного кредита на основе взаимности на практике превращается в какое-то взаимное объегоривание, да еще как бы под прикрытием государственного учреждения. Очевидно, нашему миру дельцов, особенно на юге, доселе чужды принципы личной и общественной этики; захватывая в свои руки подобного рода учреждения, они превращают их лишь в средство удовлетворения личных стяжательных appetitov», – писал современник (Н.В., 1915: 5).

О «сказочных чудесах» правления Первого Саратовского ОВК читаем: «строятся дома с затратою капитала чуть ли не в миллион рублей, расходуются суммы из оборотных средств и

получаются на них два процента вместо семи. Сама постройка дома остается без фактической ревизии, о каковой 30 членов-смельчаков спросили, но безуспешно, и за что подверглись наказанию: кто изгнан из общества, кому закрыт кредит. Наказание распространилось даже на лиц, у которых долг был обеспечен недвижимым имуществом, а все-таки кредит закрывался и векселя протестовались. Такая несправедливость заставила потерпевших принести жалобу уполномоченным. Уполномоченные милостиво выслушали жалобу и затем одобрили действия правления...» (Котельников, 1912: 18-19).

Надо заметить, что основную массу стремящихся к кредиту в ОВК составляли мелкие промышленники, чиновники, торговцы, служащие многочисленных частных учреждений, которым вникнуть во все тонкости операций и уяснить, насколько они законны или незаконны, было достаточно трудно. Пользуясь этим, с помощью юрисконсультов ОВК облагали клиента целым рядом поборов, далеко превышающих своими размерами установленные проценты. Так, лицу, пожелавшему выйти из состава одного из столичных ОВК, было предложено заплатить более 261 руб., включая долг по опротестованному векселю, уплату за просрочку платежа, протест, вознаграждение юрисконсульту, досрочную выдачу членского взноса, выход из членов общества, убытки ОВК в 1912 и 1913 гг. (Из практики..., 1914: 18).

Часть содержимого «авгиевых конюшен» была связана в том числе и с правовыми проблемами. К ним можно отнести определенную пробельность в законодательстве. Министр финансов не мог проводить ревизию ОВК, так как по закону не располагал соответствующими полномочиями. Как уже отмечалось, на законодательном уровне вопросы, связанные с деятельностью ОВК, регулировались Уставом кредитным. В частности, глава III раздела X Устава кредитного предусматривала порядок прекращения деятельности (ликвидации) и признания несостоятельными частных кредитных организаций, в том числе ОВК. При ликвидации или признании несостоятельным ОВК применялись также положения Устава торгового. ОВК подлежало закрытию в случае, если его оборотный капитал уменьшится на одну треть или более (СЗРИ, 1903: ст. 116). При наступлении условий, влекущих ликвидацию ОВК, его правление обязано было в течение семи дней объявить о созыве общего собрания членов (СЗРИ, 1903: ст. 117). В свою очередь, общее собрание должно было удостовериться в наличии оснований для ликвидации и постановить о закрытии общества и ликвидации его дел (СЗРИ, 1903: ст. 118). Статья 119 Устава кредитного предусматривала право министра финансов требовать объяснений от правления общества, а также право назначения ревизии ОВК в случае, если члены общества, составляющие не менее одной пятой всех членов ОВК, будут ходатайствовать об этом ввиду несоблюдения правил ликвидации, предусмотренных статьями 117 и 118. В случае несогласия общества на прекращение деятельности министр финансов мог поставить вопрос о принудительном закрытии общества перед судом. При наличии к тому оснований суд принимал решение о закрытии общества и возлагал обязанность по прекращению деятельности ОВК на ликвидационную комиссию.

В то же время уменьшение оборотного капитала ОВК на одну треть являлось не безусловным основанием, а лишь поводом к ликвидации общества (Д., 1917: 293). В примечании к ст. 118 Устава кредитного имелось указание, что ОВК не подлежит закрытию, если недостающая часть оборотного капитала будет пополнена в течение семи дней со дня, когда состоялось общее собрание. Аналогичное правило было сформулировано применительно к признанию ОВК несостоятельным (примечание к ст. 136 Устава кредитного).

По мнению С. Будо, на основании приведенных выше положений закона можно сделать следующие выводы. Во-первых, если оборотный капитал общества уменьшался на одну треть или более, общее собрание членов ОВК должно было принять одно из двух решений: либо о немедленной ликвидации общества, либо о пополнении оборотного капитала ОВК в течение семи дней. Во-вторых, если общее собрание членов ОВК приняло решение о пополнении оборотного капитала, однако он не был пополнен в течение семи дней – общество подлежало закрытию. В-третьих, пополнение оборотного капитала общества членами ОВК не могло носить принудительный характер (Будо, 1917: 305-310).

Проблема правового регулирования ликвидации ОВК заключалась в том, что примечание к ст. 118 Устава кредитного вступало в противоречие с отдельными положениями уставов ОВК, согласно которым члены ОВК обязаны были возместить ту часть убытка, которая не покрывалась отчетными прибылями и запасным капиталом, соразмерно сумме открытого каждому из них кредита (в том числе, когда оборотный капитал ОВК уменьшился на одну треть и более) (Устав, 1890: 8; Устав, 1882: 7). То есть, даже если оборотный капитал ОВК уменьшался на треть или более, общества могли требовать от своих членов пополнения оборотного капитала в принудительном порядке.

Как было указано выше, уставы ОВК с 31 мая 1872 г. утверждались не императором, а министром финансов, поэтому имели статус подзаконных актов. Устав кредитный, в свою очередь, являлся законом. При противоречии норм закона и подзаконного акта применению подлежит норма закона, т.е. приоритет должно было иметь примечание к ст. 118 Устава кредитного, а положения уставов ОВК, противоречащие этому примечанию, не должны были применяться. Однако правоприменительная практика шла по иному пути. Так, в ситуациях, когда оборотный капитал ОВК уменьшался на треть или более, общие собрания ОВК зачастую принимали решения о пополнении

оборотного капитала, при этом не ссылаясь на установленный законом семидневный срок. По истечении семидневного срока ОВК не ликвидировались и, кроме того, подавали в суд иски к своим членам с требованием пополнить оборотный капитал соразмерно сумме открытого кредита.

Исходя из приведенной С. Будо судебной практики (Будо, 1917) можно предположить, что государство не было заинтересовано в ликвидации обществ взаимного кредита, поэтому даже при наличии формальных оснований к ликвидации ОВК имели возможность самостоятельно принять решение о продолжении своей деятельности. При этом суды, вынося решения о взыскании с членов ОВК убытков соразмерно суммам открытого им кредита, по сути, действовали в интересах обществ, способствуя улучшению их финансового положения. Такая правоприменительная практика могла приводить к тому, что ОВК достаточно долго «оставались на плаву», являясь при этом убыточными.

5. Заключение

Фактически контроль за деятельностью ОВК был недостаточен и сводился к необходимости публикации отчетности и контролю со стороны ревизионных комиссий. Последние не являлись государственными органами контроля, а создавались самими ОВК. Все это определяло ограниченный контроль за деятельностью ОВК со стороны государства, что, в свою очередь, служило питательной средой для злоупотреблений руководителей ОВК. Системные злоупотребления членов советов и правлений ОВК снижали эффективность работы обществ и обуславливали их убыточность. Еще одной причиной хронических кризисных явлений в работе ОВК следует считать юридическую и финансовую неграмотность большинства вкладчиков.

Среди внутренних причин убыточной деятельности ОВК можно указать дороговизну администрации, неэффективное управление оборотными капиталами, использование средств вкладчиков на личные цели (нужды) руководства, малую разницу между взимаемыми и платимыми процентами, отягощение кассы наличностью, непродуманное вексельное кредитование, неудовлетворительную постановку взысканий, столкновение личных счетов, групповых интересов и т.д.

Вместе с тем разнообразные источники свидетельствуют о том, что ОВК сумели создать арсенал средств противодействия факторам, оказывающим неблагоприятное влияние на их работу. Так, в уставах ОВК надлежащим образом был зафиксирован порядок управления, а также заложены меры, которые должны были противодействовать финансовому упадку ОВК (императивные требования к вступающим в ОВК лицам и к их минимальному количеству, фиксация максимального размера кредита, требования об обязательном наличии денег в кассе, сложная система управления с функциями перекрестного контроля, регулярное проведение проверок ревизионными комиссиями).

Литература

- Банковое дело, 1912 – *Банковое дело*. 1912. № 3. С. 29.
 Банковое дело, 1913 – *Банковое дело*. 1913. № 6. С. 30.
 Банковое дело, 1914 – *Банковое дело*. 1914. № 3. С. 6.
 Будо, 1917 – Будо С. Иски обществ взаимного кредита к их членам об убытках по операциям сих обществ (Статья 118 и примечание 1, по продолжению 1912 г. раздел X устава кредитного) // *Журнал Министерства юстиции*. 1917. № 5–6 (Май–июнь). С. 305–309.
 Васильев, 2011 – Васильев Я.А. Общества взаимного кредита Новгородской губернии // *Новгородский исторический сборник*. 2011. 12 (22). С. 262–317.
 Д., 1917 – Д. Ликвидация убытков обществ взаимного кредита // *Журнал Министерства юстиции*. 1917. № 5–6 (Май–июнь). С. 288–295.
 Зотова, 2011 – Зотова А.В. Кредитные кооперативы и общества взаимного кредита в России: тенденции диссертационных исследований (1991–2010 гг.) // *Клио*. 2011. № 3 (54). С. 47–49.
 Зотова, 2011а – Зотова А.В. Общества взаимного кредита в России в 1860-е–1918 гг.: историография проблемы // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. Т. 13. № 3–2. С. 525–533.
 Из деятельности..., 1913 – Из деятельности Новочеркасского Общества Взаимного Кредита // *Банковое дело*. 1913. № 10. С. 15–16.
 Из практики... 1914 – Из практики столичных обществ взаимного кредита // *Банковое дело*. 1914. № 3. С. 18.
 Исторический очерк..., 1911 – Исторический очерк развития торговых учреждений в России / Под ред. П.Х. Спасского. СПб.: Тип. Императорского училища глухонемых (М. Алленовой), 1911. 40 с.
 Каценеленбаум, 1927 – Каценеленбаум З.С. Учение о деньгах и кредите. Ч. II. Кредит и кредитные учреждения. 2-е изд. М.: Экономическая жизнь, 1927. 568 с.
 Котельников, 1912 – Котельников Я.И. К вопросу об уполномоченных в Обществах взаимного кредита // *Банковое дело*. 1912. № 3. С. 18–19.
 Кредит взаимный, 1895 – Кредит взаимный. Общества взаимного кредита к 1 января 1895 г. (Приложение к статье) / Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XVI^А. СПб., 1895. С. 623.
 Н.В., 1915 – Н.В. Общественный недуг // *Банковое дело*. 1915. № 3–4. С. 5.

- Общества взаимного кредита, 1905** – Общества взаимного кредита, действующие в России по 1 июня 1905 г. Бюро издание II съезда представителей ОВК. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1905. 10 с.
- Отчет..., 1911** – Отчет Томского общества взаимного кредита за 1910 г. Год десятый. Томск: Типолит. Сиб. товарищества Печатного дела, 1911. 41 с.
- Павловские хищники..., 1912** – Павловские хищники, или гг. Яхно и Ко // *Банковое дело*. 1912. № 4. С. 22-23.
- Панама в Петровском обществе..., 1913** – Панама в Петровском обществе взаимного кредита в Петербурге // *Банковое дело*. 1913. № 10. С. 12-13.
- ПСЗ РИ, 1875** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1872. Т. XLVII. № 50913. СПб.: [б.и.], 1875. С. 757-759.
- Р-н Д., 1913** – *Р-н Д.* Что тормозит развитие О[бществ]в Взаимного Кредита? // *Банковое дело*. 1913. № 3. С. 9-11.
- Сводный баланс..., 1913** – Сводный баланс обществ взаимного кредита на 1 января 1913 г. // *Банковое дело*. 1913. № 9. С. 22-24.
- Соломатина, 2004** – *Соломатина С.А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 304 с.
- Статистические данные..., 1914** – Статистические данные взаимного кредита об убытках обществ России за 1912 г. по губерниям // *Банковое дело*. 1914. № 3. С. 6.
- СЗРИ, 1903** – Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. II. Устав кредитный. СПб., 1903.
- Устав, 1882** – Устав Санкт-Петербургского общества взаимного кредита. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1882. 20 с.
- Устав, 1890** – Устав Харьковского общества взаимного кредита. Харьков: Тип. «Южнаго края», 1890. 22 с.
- Устав, 1906** – Устав Томского общества взаимного кредита. Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1906. 31 с.
- Устав, 1911** – Устав о ссильных. Иркутск: Паровая типолитография П. Макушина и В. Посохина, 1911. 173 с.
- Харитонов, 1913** – *Харитонов А.С.* Недостатки взаимно-кредитного дела // *Банковое дело*. 1913. № 5. С. 18.
- Шляхов, 2013** – *Шляхов М.Ю.* Особенности развития обществ взаимного кредита Российской империи в конце XIX – начале XX веков (на примере Нижегородского общества взаимного кредита) // *Современные научные исследования и инновации*. 2013. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/12/29159> (дата обращения: 14.10.2021).
- Kattsina et al., 2017** – *Kattsina, T.A., Marinenko, L.E., Pashina, N.V., Vakulina, E.A.* Russian Societies of the Mutual Credit in the years of Economic Recovery (1909–1913) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is. 1. Pp. 265-273. DOI: 10.13187/bg.2017.1.265

References

- Bankovoye delo, 1912** – *Bankovoye delo*. 1912. 3: 29. [in Russian]
- Bankovoye delo, 1913** – *Bankovoye delo*. 1913. 6: 30. [in Russian]
- Bankovoye delo, 1914** – *Bankovoye delo*. 1914. № 3. P. 6. [in Russian]
- Budo, 1917** – *Budo, S.* (1917). Iski obshchestv vzaimnogo kredita k ikh chlenam ob ubytkakh po operatsiyam sikh obshchestv (Stat'ya 118 i primechaniye 1, po prodolzheniyu 1912 g. razdel X ustava kreditnogo) [Claims of mutual credit societies to their members about losses on the operations of these societies (Article 118 and note 1, as a continuation of 1912, section X of the credit charter)]. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. № 5–6 (May – iyun'): 305-309. [in Russian]
- D., 1917** – *D.* Likvidatsiya ubytkov obshchestv vzaimnogo kredita [Liquidation of losses of mutual credit societies]. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. 1917. № 5–6 (May – iyun'): 288-295. [in Russian]
- Istoricheskij ocherk, 1911** – *Istoricheskij ocherk razvitiya torgovyh uchrezhdenij v Rossii* [Historical Sketch of the commercial establishments in Russia] (Spassky, P.H. (1911)]. St. Petersburg: typography Imperial College of the deaf and dumb (M. Alenevoy), 1911. 40 p. [in Russian]
- Iz deyatel'nosti..., 1913** – *Iz deyatel'nosti Novocherkasskogo Obshchestva Vzaimnogo Kredita* [From the activities of the Novocherkassk Mutual Credit Society]. *Bankovoye delo*. 1913. 10: 15-16. [in Russian]
- Iz praktiki... 1914** – *Iz praktiki stolichnykh obshchestv vzaimnogo kredita* [From the practice of capital mutual credit societies]. *Bankovoye delo*. 1914. 3: 18. [in Russian]
- Katsenelenbaum, 1927** – *Katsenelenbaum, Z.S.* (1927). Uchenie o den'gakh i kredite. Ch. II. Kredit i kreditnye uchrezhdeniya [The doctrine about money and the credit. P. II. Credit and credit institutions]. 2-e izd. M.: Ekonomicheskaya zhizn', 568 p. [in Russian]
- Kattsina et al, 2017** – *Kattsina, T.A., Marinenko, L.E., Pashina, N.V., Vakulina, E.A.* (2017). Russian Societies of the Mutual Credit in the years of Economic Recovery (1909–1913). *Bylye Gody*. 43(1): 265-273. DOI: 10.13187/bg.2017.1.265
- Kharitonov, 1913** – *Kharitonov, A.S.* (1913). Nedostatki vzaimno-kreditnogo dela [Disadvantages mutually credit file]. *Bankovoye delo*. 5: 18. [in Russian]

Kotel'nikov, 1912 – *Kotel'nikov, Ya.I.* (1912). K voprosu ob upolnomochennykh v Obshchestvakh vzaimnogo kredita [To a question of representatives in Societies of the mutual credit]. *Bankovoe delo*. 3: 18-19. [in Russian]

Kredit vzaimnyy, 1895 – Kredit vzaimnyy. Obshchestva vzaimnogo kredita k 1 yanvarya 1895 g. (Prilozheniye k stat'ye) [Mutual Credit Society by January 1, 1895 (Appendix to the article)]. Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron. T. XVI. SPb., 1895. P. 623. [in Russian]

N.V., 1915 – *N.V.* Obshchestvennyy nedug [Public Illness]. *Bankovoye delo*. 1915. 3–4: 5. [in Russian]

Obshchestva vzaimnogo kredita, 1905 – Obshchestva vzaimnogo kredita, deystvuyushchiye v Rossii po 1 iyunya 1905 g. Byuro izdaniye II s'yezda predstaviteley OVK [Mutual Credit Societies, 1905 – Mutual Credit Societies operating in Russia until June 1, 1905. Bureau edition of the II Congress of UWC representatives]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1905. 10 p. [in Russian]

Otchet..., 1911 – Otchet Tomskogo obshchestva vzaimnogo kredita za 1910 g. God desyatyy [Report of the Tomsk Mutual Credit Society for 1910. The tenth year]. Tomsk: Tipografiya Sibirskogo Tovarishchestva Pechatnogo dela, 1911. 41 s. [in Russian]

Panama v Petrovskom obshchestve..., 1913 – Panama v Petrovskom obshchestve vzaimnogo kredita v Peterburge [Panama in the Petrovsky Society of Mutual Credit in St. Petersburg]. *Bankovoye delo*. 1913. № 10. Pp. 12-13. [in Russian]

Pavlovskie khishchniki..., 1912 – Pavlovskie khishchniki, ili gg. Yakhno i K^o [Pavlovsk predators, or Yakhno's misters and K^o]. *Bankovoe delo*. 1912. 4: 22-23. [in Russian]

PSZ RI, 1875 – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Kollektion 2. Vol. 1872. T. XLVII. № 50913. SPb.: [b.i.], 1875. Pp. 757-759. [in Russian]

R-n D., 1913 – *R-n D.* Chto tormozit razvitie O[bshestv]v Vzaimnogo Kredita [What slows down development of Societies of the Mutual Credit]. *Bankovoe delo*. 3: 9-11. [in Russian]

Salomatina, 2004 – *Salomatina, S.A.* (2004). Kommercheskie banki v Rossii: dinamika i struktura operacij, 1864–1917 gg. [Commercial banks in Russia: dynamics and structure of operations, 1864–1917]. Moskva: ROSSPEN, 304 p. [in Russian]

Shljahov, 2013 – *Shljahov, M.Ju.* (2013). Osobennosti razvitija obshhestv vzaimnogo kredita Rossijskoy imperii v konce XIX – nachale XX vekov (na primere Nizhegorodskogo obshhestva vzaimnogo kredita) [Features of the development of mutual credit societies of the Russian Empire at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries (on the example of the Nizhny Novgorod Society of Mutual Credit)]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii*. 12. [Electronic resource]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/12/29159>. [in Russian]

SZRI, 1903 – Svod zakonov Rossiyskoy imperii. T. XI. CH. II. Ustav kreditnyy [Credit Charter]. SPb., 1903.

Statisticheskiye dannyye..., 1914 – Statisticheskiye dannyye vzaimnogo kredita ob ubytkakh obshchestv Rossii za 1912 g. po guberniyam [Statistical data of mutual credit on the losses of Russian societies for 1912 by province]. *Bankovoye delo*. 1914. 3: 6. [in Russian]

Svodnyy balans..., 1913 – Svodnyy balans obshchestv vzaimnogo kredita na 1 yanvarya 1913 g. [Consolidated balance sheet of mutual credit societies as of January 1, 1913]. *Bankovoye delo*. 9: 22-24. [in Russian]

Ustav, 1882 – Ustav Sankt-Peterburgskogo obshchestva vzaimnogo kredita [Charter of the St. Petersburg Mutual Credit Society]. SPb.: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya (A. Benke), 1882. 20 p. [in Russian]

Ustav, 1890 – Ustav Khar'kovskogo obshchestva vzaimnogo kredita [Charter of the Kharkiv Mutual Credit Society]. Khar'kov: Tipografiya «Yuzhnago kraya», 1890. 22 p. [in Russian]

Ustav, 1906 – Ustav Tomskogo obshchestva vzaimnogo kredita [Charter of the Tomsk Mutual Credit Society] Tomsk: Tovarishchestvo «Pechatnya S. P. Yakovleva», 1906. 31 p. [in Russian]

Ustav, 1911 – Ustav o ssyl'nykh [The Charter of the Exiles]. Irkutsk: Parovaya tipografiya P. Makushina i V. Posokhina, 1911. 173 p. [In Russian]

Vasiliev, 2011 – *Vasiliev, Ya.A.* (2011). Obshchestva vzaimnogo kredita Novgorodskoy gubernii [Mutual Credit Society of the Novgorod province]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik*. 12(22): 262–317. [in Russian]

Zotova, 2010 – *Zotova, A.V.* (2010). Kreditnye kooperativy i obshhestva vzaimnogo kredita v Rossii: tendencii dissertatsionnykh issledovaniy (1991–2010 gg.) [Credit cooperatives and mutual loan associations in Russia: trends of the dissertation research (1991–2010)]. *Klio*. 3(54): 47-49. [in Russian]

Zotova, 2011a – *Zotova, A.V.* (2011). Obshchestva vzaimnogo kredita v Rossii v 1860-e-1918 gg.: istoriografiya problemy [Mutual loan associations in Russia in 1860s-1918: Historiography of the problem]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 13(3–2): 525–533. [in Russian]

Злоупотребления в обществах взаимного кредита в контексте правоприменительной практики дореволюционной России

Олег Геннадьевич Алексеев ^{a, *}, Иван Юрьевич Макаrchук ^a, Владислав Юрьевич Панченко ^{b, c, d}, Михаил Александрович Петров ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Российская Федерация

^c Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация

^d Федеральный Сибирский научно-клинический центр ФМБА России, Российская Федерация

Аннотация. Статья касается одной из тем в истории банковско-кредитной системы России XIX – начала XX вв. – банкротства финансовых организаций. Этот вопрос является важным, поскольку как собственное банкротство кредитных организаций, так и их участие в банкротстве иных лиц трансформируется в изменения на товарном рынке, затрагивая в конечном итоге всю экономическую систему страны. Ракурс предпринятого исследования смещен на малоизученный сегмент частных банков – общества взаимного кредита (1864–1917 гг.). По характеру финансовых операций они приближались к акционерным коммерческим банкам, обслуживали ту же сферу хозяйства (торговлю и промышленность), ориентировались на мелкую и среднюю буржуазию, городских и сельских предпринимателей. Основное внимание уделено анализу нормативного определения прав и обязанностей обществ взаимного кредита как необходимого условия их эффективности. Опираясь на достижения современной историографии и совокупность разноплановых источников, авторы статьи иллюстрируют внешние (конкретные социально-экономические условия, пробельность в правовом регулировании банковско-кредитной системы) и внутренние (склонность к авантюрам и спекулятивным сделкам руководителей обществ взаимного кредита, неосведомленность в финансовых операциях вкладчиков) факторы, которые прямо или косвенно создавали поле для произвола и злоупотреблений, имели своим следствием ликвидацию или банкротство обществ взаимного кредита.

Ключевые слова: банковско-кредитная система, частные банки, общества взаимного кредита, финансовое мошенничество, злоупотребления, несостоятельность (банкротство).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oalekseev@sfu-kras.ru (О.Г. Алексеев),
imakarchuk@sfu-kras.ru (И.Ю. Макаrchук), panchenkovlad@mail.ru (В.Ю. Панченко),
mipet@yandex.ru (М.А. Петров)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 277-286
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.277

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Social Policy of the Zemstvos of the Central Provinces of Russia for the Charity of Children in the second half of the XIX – early XX centuries

Elena N. Selyutina ^a, Oksana V. Leonova ^a, Pavel A. Merkulov ^{a, *}

^a Central Russian Institute of Management – branch of RANEPa, Russian Federation

Abstract

The work explores the social policy in the field of charity for minors, due to the reform of the public administration system of the second half of the XIX – early XX centuries, and the role of zemstvos in organizing child charity. The debate on the organization of orphanages in the post-reform period is due to the scale and multifaceted nature of the changes carried out, which affected various spheres of social reality. The implementation of the Zemstvo reform raised issues of maintaining children's godly institutions by the Zemstvos, determining the procedure for receiving children in them and ensuring further improvement of the conditions for their upbringing and education in shelters. One of the key elements of the study is the scientific justification for the decision to decentralize the system of children's institutions with the transfer of authority in this area to the zemstvos.

The article is devoted to the consideration of the regional specifics of the organization and financing of children's zemstvo charitable institutions on the example of the provinces of Central Russia – Kursk, Oryol, Tula, Orel and others. Consolidated data are presented on the number of abused persons, funds allocated for their maintenance and the share of expenses for charitable children's institutions in the budgets of individual zemstvos of the provinces under consideration. Special attention is paid to the effective and low-cost forms of organizing the care of children, developed in practice by zemstvos in practice in conditions of insufficient funding.

On the basis of a comparative analysis, the authors concluded that the zemstvos, after the transfer of charitable children's institutions to their jurisdiction, encountered organizational and financial difficulties. Zemstvos' policy was aimed at cutting costs and was not systemic. The issues of participation of zemstvo institutions in the organization of public charity could not be resolved without large-scale state measures.

The authors proved the influence of the regional aspect on the organization and financing of zemstvo orphanages, and this relationship reveals the achievements and results of the reform.

Keywords: social policy, zemstvo reform, city reform, state youth policy, orphanages, charitable institutions, provinces of central Russia.

1. Введение

Масштабные реформы Российской империи второй половины XIX века привели к существенным изменениям в социальной политике государства и внедрению преобразований, направленных на уменьшение социальной напряженности между различными слоями в обществе, улучшение качества жизни населения и минимизацию бедности, создание и реализацию новых методов социальной поддержки нуждающихся, изменение в системе образования и детского призрения. В рассматриваемый период происходит трансформация государственной молодежной политики в сторону децентрализации, проявившейся делегированием полномочий по осуществлению общественного призрения земствам. Основные задачи по обеспечению содержания и

* Corresponding author

E-mail addresses: nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), oks980@rambler.ru (O.V. Leonova), enseljutina@mail.ru (E.N. Selyutina)

воспитания детей-сирот законодательно были возложены на земские учреждения, принявшие в ведение заведения приказов общественного призрения.

Земская и городская реформы Александра II, по праву признанные одними из самых удачных, затронули все сферы местной общественной жизни, включая вопросы организации и деятельности детских приютов в рамках системы богоугодных заведений. В условиях социально-экономического кризиса и политической нестабильности отмечался рост числа беспризорных, нищенствующих детей, высокой детской смертности, значительного количества случаев инфантицида. Решение отказаться от централизованной системы воспитательных домов, показавших свою неэффективность, и делегирование полномочий по социальному обеспечению детей-сирот на местный уровень способствовали становлению более прогрессивных форм и методов устройства детей, оставшихся без попечения родителей, а также более гуманному отношению к таким детям. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время государственная молодежная политика в качестве важнейшей доминанты признает социальную поддержку детей, по разным причинам утративших возможность воспитания и социализации в рамках семьи. Государство берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения, и должно создать условия, способствующие их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию. Соответственно, опыт организации и финансового обеспечения детских богоугодных заведений второй половины XIX – начала XX веков является достаточно интересным и в современный период.

2. Материалы и методы

2.1. Специфика предмета исследования данной статьи обусловила привлечение различных видов материалов, которые следует разделить на три группы. Первую группу составили архивные документы, в том числе вводимые в научный оборот впервые, которые позволили проследить предпосылки реформирования системы детских приютов. Циркуляры и отчеты, хранящиеся в Фонде 17 Государственного архива Орловской области (Орел, Российская Федерация), содержат сведения о финансировании, источниках доходов и тратах на содержание детей. Авторами использованы сведения об организации и деятельности благотворительных заведений, об определении в сиротские дома, о передаче сирот на воспитание, хранящиеся в Фонде 800 Государственного архива Тверской области (Тверь, Российская Федерация).

Вторую группу составляют нормативные правовые акты и другие документы, исходящие от органов власти и управления, относящиеся к исследуемому периоду. В качестве материалов привлечены дореволюционные нормативные акты, систематизированные в Полном собрании законов Российской империи и в Своде законов. В данную подгруппу входят Положение о детских приютах 1839 года (в редакции 1891 г.); Положение о губернских и уездных земских учреждениях (в редакциях 1864 и 1892 гг.), Устав об общественном призрении 1892 г.

Третью группу источников составляют дореволюционные статистические материалы, посвященные различным аспектам деятельности земств, включая содержание детских богоугодных заведений, а также статистические – по доходам и расходам земских учреждений. Отдельно необходимо упомянуть доклады губернских земских собраний по вопросам содержания детских приютов.

2.2. Решение исследовательских задач предопределило комплексный характер использования обширной палитры научных принципов и методов гуманитарных исследований, сочетающей использование всеобщих, общенаучных и специальных методов. Базисной основой исследования выступает принцип историзма, позволяющий проследить генезис государственной политики по вопросам организации детских приютов в рассмотренный исторический период. Данный принцип предполагает всестороннюю оценку событий, фактов и личностей, относящихся к исследуемому периоду. Изменение подхода к подведомственности детских богоугодных заведений и передаче полномочий по их содержанию на уровень земств рассматривается как следствие конкретных социально-исторических условий, недостатка финансирования и штатных мест в приютах, а также как стремление к более эффективному управлению с учетом местной специфики.

Широко применялись в исследовании специальные юридические методы: сравнительно-правовой, формально-юридический и правоинтерпретационный. Сравнительно-правовой метод позволил выявить черты сходства и различия в организации богоугодных заведений и их деятельности в различных губерниях Центральной России. Формально-юридический метод позволил более детально исследовать полномочия губернских и уездных земских учреждений в сфере управления богоугодными детскими заведениями. Правоинтерпретационный метод использовался для систематического толкования дореволюционного законодательства о земских учреждениях и правовом статусе детских богоугодных заведений.

3. Обсуждение

В развитии научного дискурса по вопросам социальной политики государства и роли земств в ее реализации можно выделить дореволюционный, советский и постсоветский периоды. При этом вопросам детского призрения и организации земских детских приютов не уделяется существенное внимание.

В дореволюционный период был накоплен богатый справочный и статистический материал по деятельности земств, включая работу по организации богоугодных заведений. В качестве фундаментального всеобъемлющего монографического исследования следует рассматривать трехтомный труд Б.Б. Веселовского ([Веселовский, Т. 1](#); [Веселовский Т. 3](#)), подробно раскрывающий историю земства за сорок лет. Данному автору принадлежит и работа, описывающая региональные особенности реализации земской реформы в Тульской губернии ([Веселовский, 1914](#)). Сравнительный анализ организации самоуправления в России и за рубежом проведен А.И. Васильчиковым ([Васильчиков, 1872](#)). Автором выделены проблемные моменты в деятельности земских учреждений. Обзор дореволюционного периода исследований земских учреждений был бы неполным без изучения критических взглядов на состояние местного управления и выделения направлений совершенствования русского земства, представленный в работе К.Н. Пасхалова ([Пасхалов, 1910](#)).

Специфика проведенного исследования обусловила необходимость изучения работ, освещающих потребность решения проблем беспризорных детей, способных в будущем пополнить ряды преступников, и роли государства в формировании системы детских учреждений. Влияние физической и нравственной «заброшенности» детей на рост детской преступности рассматривалось российским криминалистом Д.А. Дрилем ([Дриль, 1898](#)). Региональный опыт успешной деятельности земских приютов для подкидышей на примере Орловской губернии обобщен И. Севастьяновым ([Севастьянов, 1893](#)).

Советский период характеризовался отсутствием работ по вопросам призрения детства в дооктябрьский период. Отчасти ее затрагивали авторы, изучающие советско-земское сотрудничество в различных практических вопросах в начальный период становления советской власти до ликвидации земских учреждений в 1918 году.

Постсоветский период работ, раскрывающих особенности земских учреждений и богоугодных заведений для сирот, характеризуется большим разнообразием. Изменение концептуальных основ молодежной политики прослеживается в исследовании П.А. Меркулова ([Merkulov et al., 2018](#)). Общие вопросы организации земского управления как первого опыта самоуправления в России исследовались Л.Е. Лаптевой, И.И. Овчинниковой, Г.А. Герасименко и др. Роль духовного образования в воспитании детей, утративших родительское попечение, представлена Е.С. Матвеевой ([Matveeva et al., 2021](#)).

Подводя итог историографическому обзору, можно сделать вывод о том, что, несмотря на разнообразие и плюрализм работ, вопросы организации и деятельности земских богоугодных детских заведений оставляют возможность для исследователей раскрыть дополнительные аспекты данной проблематики. В частности, не в полной мере представлен анализ региональной специфики и эффективных форм социальной помощи детям, разработанных земствами в условиях недостаточного финансирования.

4. Результаты

Социальная политика российского государства к середине XIX века нуждалась в широкомасштабном пересмотре. Общественные преобразования Александра II, вошедшие в историю под именем Великие реформы, стали для России мощным толчком, способным вызвать необходимую трансформацию в экономической и социальной сфере, сравнимую с инновационными преобразованиями национальных систем на рубеже XX–XXI веков ([Stroeva et al., 2017](#)). Земская реформа 1864 года и Городская реформа 1870 года заложили правовую основу для создания местного самоуправления в городах и на селе. По задумке авторов проекта предполагалось, что население хорошо знает местную специфику и сможет эффективно управлять местными хозяйственными вопросами. К таким вопросам местного значения, согласно нормам Положения 1864 и Городового положения 1870 года, были отнесены устройство и заведование благотворительными и лечебными заведениями, комплексная социальная помощь бедным, больным и сиротам.

Введение земского управления происходило постепенно. В числе первых были губернии Центральной России: Калужская, Курская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская и ряд других. Губернским земствам пришлось столкнуться с трудностью реализации положений реформы и вырабатывать свой опыт по их преодолению. Отдельный предмет заботы составляло содержание земством учреждений общественного призрения для сирот, которое полностью было возложено на местное управление и не обеспечивалось пособиями и дотациями со стороны государства, в отличие, например, от учреждений образования. Неблагоприятные социально-экономические условия в России в конце XIX – начале XX веков – голод, перемещение рабочего населения из деревни в промышленные города, военные кампании, нередкие крупные пожары и эпидемии инфекционных заболеваний – увеличивали рост числа сирот, беспризорных и детей из обедневших семей, нуждающихся в помощи со стороны земских учреждений призрения, а также общественной и частной благотворительности ([Селюткина, 2019: 188](#)). Данные процессы объективировали трансформацию государственной детско-молодежной политики ([Merkulov et al., 2018: 1064](#)).

В 1899 году известный российский юрист Яков Канторович писал, что дети – это граждане будущего общества, будущее человечества и ограждение их от всяких пагубных влияний и неблагоприятных условий, ослабляющих юный организм, а также растлевающих неустоявшийся умственный и нравственный мир, составляют самое главное и самое важное дело для государства и общества, направленное на создание преуспевающего поколения, прогресс человечества (Канторович, 1899: 8). А.И. Ястребова отмечает негативное влияние детской беспризорности и преступности на состояние общественной безопасности (Yastrebova et al., 2017: 272). Озабоченность ростом детской заброшенности как физической, так и нравственной, высказывал российский криминолог, специалист по детской и подростковой преступности Дмитрий Дриль (Дриль, 1898: 174). Правоведом отмечалось, что острой проблемой стоит нерешенный вопрос «заброшенных детей», которые не воспитываются никем, предоставлены сами себе. Результатом становится массовое создание исправительных колоний для детей как благотворительными организациями, так и частными лицами. Условия содержания и результат деятельности детских исправительных колоний подвергался серьезной критике.

Отдельной проблемой, тесно связанной с решением назревших социально значимых задач народного образования, социальной помощи и здравоохранения, было содержание детских приютов, школ, училищ и больниц. Земская реформа вывела данные учреждения из-под государственного управления и делегировала вопросы общественного призрения и образования сирот земствам. Введение земских учреждений началось с февраля 1865 года и в большинстве губерний было закончено к 1867 году. В центральных губерниях учреждение земства происходило в следующем порядке: в августе 1865 г. – в Курской, в октябре – в Московской, в ноябре – в Рязанской и Воронежской, в феврале 1866 года – в Тверской, Тульской, апреле и мае 1866 года – в Орловской, Владимирской (Веселовский, Т. 3: 144).

Значимым вопросом, от решения которого зависело определение объема полномочий и финансовых ресурсов, которыми располагали земские и городские органы, являлся вопрос о разграничении полномочий созданных земских учреждений и администрации. По ст. 6 Положения о земских учреждениях им предоставлено право действовать по кругу вверенных дел самостоятельно, для некоторых случаев требуется утверждение действий и распоряжений правительственными властями. В ст. 66 придается обязательная сила постановлениям земства, изданным по вопросам их ведения и принятых в рамках действующих законов.

Из анализа Положения о земских учреждениях 1864 и 1890 гг. и Городового положения 1870 г. следует, что разделение полномочий между государством и городским и земским общественным самоуправлением в социальной сфере на практике состояло в передаче заведений для сирот в ведение управ. Согласно уставу об общественном призрении (Устав..., 1892), заведование общественным призрением в губерниях и уездах поручается земским учреждениям. К числу дел по заведованию общественным призрением устав относил: 1) дела по управлению благотворительными капиталами и имуществами; 2) дела, собственно к призрению относящиеся. При этом для земств обозначались «предметы призрения», а именно, установление, содержание богоугодных и общественных заведений и управление ими – сиротскими и воспитательными домами, больницами и домами для призрения умалишенных, богадельнями и работными домами – и заведование подобными заведениями, вверенными частными лицами и общественными учреждениями (Селютина, 2020: 44).

Часть расходов на богоугодные заведения покрывалась процентами с капиталов, переданных земству от приказов, и с пожертвований (Таблица 1).

Таблица 1. Капиталы уездных и губернских земств на содержание богоугодных заведений к 1 января 1899 г. в тыс. руб. (по данным: Веселовский, Т. 1: 439)

Губернии	На содерж. богоут. зав.	Пожертвования
Курская	109,9	26,8
Московское	104,9	121,8
Орловская	523,7	45,5
С.-Петербургское	172,2	1,0
Тамбовская	130,5	235,5
Тульская	505,3	156,7

Переданные земствам заведения продолжали находиться в том же состоянии, в каком и были в ведении приказов общественного призрения. Приюты почти полностью содержались на капиталы, полученные от этих приказов, земства ассигновывали сверх этих капиталов небольшие суммы от сметы, а некоторые земства дополнительно не ассигновывали ничего (Веселовский, Т. 1: 438). Так, согласно статистическим данным в сметах губернских земств центральной России, расходы на общественное призрение составляли в Курской – 1,7 %, в Тульской – 1,83 %, Калужской – 3,7 %, в столичных губерниях: 1,4 % – Московское губернское земство и 0,3 % – Санкт-Петербургское губернское земство. Наибольшую долю в смете расходов по сравнению с другими губернскими

земствами выделяли на общественное призрение Тамбовское (10,1 %) и Орловское (11,1 %). При этом уездные земства участвовали в содержании заведений общественного призрения в гораздо меньшей степени и неравномерно. Например, в Орловской губернии, лидировавшей по доле расходов в данном направлении, земства расходовали от 0,9 % (Трубчевское) до 0,1 % (Болховское) и 0,03 (Малоархангельское), а Ливенское уездное земство – 0 (Веселовский, Т. 1: 674). Таким образом, губернские земства выделяли на организацию общественного призрения большую часть своего бюджета, чем уездные.

Кроме данного направления, в ведение управ перешли и другие вопросы в сфере государственной молодежной политики, например образование и медицинская помощь. Причем в сфере образования земство и городское самоуправление содержали школы и училища, как правило, с помощью государства, за исключением сети церковно-приходских школ, относящихся к Духовному ведомству (Matveeva et al., 2021: 128). А.И. Васильчиков, известный общественный деятель, который сам несколько лет был гласным в Старорусском и Новгородском губернских земских собраниях, а также входил в комиссию по исследованию сельского хозяйства и сельской производительности Министерства государственных имуществ, дал следующую оценку земской реформы и пределов власти земских учреждений: «Нашим земским учреждениям заданы одновременно две задачи: приводить в действие новое Положение и дополнять, исправлять, пояснять оное по указаниям собственного опыта; это широкое право получает еще большее значение от того, что при ...[подготовке] законоположений о земстве многие случаи ускользнули от внимания составителей и таким образом, ... на основании ст. 6 и 66 Положения вошли в круг тех предметов, по коим [земские учреждения] могут издавать постановления, обязательные для всего земства» (Васильчиков, 1872: 11). При этом, делая вывод, А.И. Васильчиков говорит о том, что такая неопределенность закона и расширение полномочий местных властей скорее опасна, чем полезна для самостоятельности земских учреждений. Необходимо отметить, что Положение 1890 года значительно ухудшило самостоятельность земского управления, усилив до крайности опеку над земством губернатора и министра внутренних дел. Губернатор по новому положению мог приостанавливать исполнение постановлений земства, изданных в рамках вопросов ведения земства, если, по его мнению, такое постановление нарушало интересы населения или вредило государству, а также запрещать расходы.

Историк земства, аграрных отношений и городского хозяйства Б.Б. Веселовский отмечает, что предшествовавшее земской реформе состояние государственного управления все яснее демонстрировало свое несовершенство; по мере того как русское государство развивалось, равняясь на другие цивилизованные государства, надо было распространять просвещение, думать о развитии сельского хозяйства. Положение о земских учреждениях, созданное в 60-х годах XIX века вслед за отменой крепостного права, было основано на «действительно здоровых началах самоуправления» (Веселовский, 1918: 12); правительство решило создать всесословное земство, передав ему разнообразные хозяйственные дела (школы, больницы, учреждения призрения, дороги и т.д.) и отправление разных повинностей (подводной, этапной, дорожной и проч.), в которых было заинтересовано государство.

Основной трудностью в реализации задач, возложенных на земское самоуправление, стала ограниченность в средствах (Свод ответов..., 1895). Главным источником доходов земств было обложение недвижимого имущества налогами, а позднее государством стали выдаваться различные пособия на всеобщее обучение, агрономическую помощь и т.д. В структуре обязательных расходов земств по состоянию на 1915 год по сметам 43 губерний выделялись затраты на народное образование (27,1 %), медицину (24,2 %), общественное призрение (2,4), содержание земского управления (6,9 %), участие в расходах правительственных учреждений (4,4 %) и т.д. (Веселовский, 1918: 18). Дополнительные вопросы возникали при перераспределении полномочий и средств между губернским и уездными земствами. В России была сформирована, по сути, двухуровневая система самоуправления, состоявшая из губернских и уездных земств. Законом четко не было обозначено разделение земских сборов и подведомственных дел между губернскими и уездными земствами, в каждой губернии этот вопрос решался исходя из местной специфики. Общий принцип, обозначенный в ст. 61 Положения, гласил, что губернские земские учреждения заведуют теми из земских дел, поименованных в ст. 2 данного Положения, которые относятся ко всей губернии или к нескольким ее уездам. Губернские земские собрания обладали властью над уездными земствами и были наделены полномочиями издавать обязательные для уездных земских учреждений постановления.

Данное состояние дел вызывало критику со стороны общественности, считавшей, что тем самым размывается смысл самоуправления. Уездные учреждения не обладали самостоятельностью в принятии решений, поскольку были подчинены губернским. Кроме того, губернские земские учреждения, не имея собственных средств, существовали за счет уездных доходов, но при этом имели излишне раздутый штат (Пасхалов, 1910: 4). К.Н. Пасхалов приводит пример бюджета Тарусского уезда Калужской губернии на 1908 год, согласно которому при годовом сборе в 84 556 руб. в пользу губернского земства отчислялось 30 102 руб., то есть 35 % (Пасхалов, 1910: 5). Учитывая, что по состоянию на 1908 год в состав Калужской губернии входили 11 уездов, бюджет Калужского

губернского земства составлял довольно внушительную сумму в 840 450 рублей, из которых 100 тыс. рублей расходовалось на содержание земского управления. По данным К.Н. Пасхалова, губернскими земскими учреждениями медицинской помощи и благотворительности пользовались преимущественно жители города Калуги по сравнению с жителями уездов. Так, в приюте для детей находилось из 85 питомцев – 64 ребенка из Калуги, 2 – из Тарусского уезда ([Пасхалов, 1910: 5](#)).

Таким образом, для решения возложенных на земства вопросов местного значения приходилось изыскивать ресурсы, искать способы сокращения расходов.

Опыт земств центральных губерний по делам общественного призрения представляет особый интерес в связи с его уникальностью. До принятия Положения 1864 года ([Положение, 1864](#)) попечение о сиротах являлось делом государственным с опорой на частную благотворительность и помощь Церкви. С момента передачи приютов в ведение земских управ именно земства определяли порядок приема и содержания воспитанников, организовывали обучение, финансировали за счет земских сборов деятельность данных заведений. Сиротские дома и воспитательные дома, называемые приютами для подкидышей, содержали Курское, Орловское, Воронежское, Тверское и некоторые другие земства. В Твери губернская земская управа приняла в свое ведение сиротский дом на 45 штатных мест с отделением для 15 подкидышей; воспитательные дома и приюты для подкидышей, находящиеся в Бежицке, Ржеве и Торжке, перешли в ведение уездных земств ([ГАТО. Ф. 800. Оп. 1-1. Д. 404. Л. 332](#)). Сиротский дом в Твери находился в неудовлетворительном состоянии, и земство ходатайствовало о пособии на ремонт из казны, однако выделенных сумм оказалось недостаточно. Из-за тесноты помещение для подкидышей было закрыто, а дети розданы частным лицам с платой по 1 руб. 40 коп. – 2 руб. в месяц ([ГАТО. Ф. 800. Оп. 1-1. Д. 404. Л. 334](#)). Сиротский дом постепенно расширился и стал открытым для всех сословий. Управой была поставлена задача улучшения обучения в сиротском доме настолько, чтобы выпускники могли поступить в школу. За период с 1867 по 1894 годы из 145 выпускников в школу Максимовича поступили 56 наиболее способных воспитанников. Кроме общих предметов, детей обучали ремеслам ([Веселовский, 1914: 397](#)).

В Орловской губернии заведения были переданы от приказа общественного призрения в ведение Орловской губернской управы в феврале 1867 года. В отличие от Тверского губернского земства Орловское сохранило приют для подкидышей, который располагался в одном из отделений земской больницы ([Доклад, 1894](#)). Кормилицы с подкинутыми детьми размещались в так называемом «грудном отделении» богоугодного заведения, находившегося в нижнем этаже здания дома инвалидов. Отделение состояло из центрального коридора, по правой стороне которого находилась квартира надзирательницы приюта, небольшой столовой для кормилиц и двух детских спален, для взрослых детей по левой стороне располагалась анфилада из шести комнат. В отделении также находилась ванная комната и крестильная зала, так что недостатка в помещениях не было. Крестили и купали детей в одной из спален. Врачебный осмотр также производился в одной из палат, где располагался небольшой стол и весы для взвешивания детей.

В силу нехватки места в помещении и средств на содержание губернская управа была вынуждена искать иные способы и форму устройства детей. Основной формой, показавшей свою эффективность, стала практика передачи детей на воспитание крестьянским семьям ([Merkulov et al., 2021: 1070](#)).

Брали детей на воспитание жители уездов, распложенных не далее 50 верст от приюта: Орловского, Болховского, Мценского, частично Кромского. При рассмотрении экономического состояния жителей этих районов было очевидно, что главной причиной, заставлявшей брать детей на воспитание, являлась бедность.

Проблемным вопросом был надзор за воспитанием детей в деревне. Как уже отмечалось, воспитатели привозили ребенка ежегодно для врачебного осмотра, но контроль в месте постоянного пребывания ребенка не был организован должным образом. Нередко дети умирали от хронического голодания, так как крестьянки-кормилицы постоянно недоедали дома. В случае болезни питомца воспитательница обращалась за врачебной помощью к участковому земскому врачу или в губернскую земскую больницу. Что касается отношения воспитательницы к питомцу, то, как правило, оно ничем не отличалось от отношения к собственным детям, они получали одинаковый уход, что подтверждалось общественным мнением и исследованиями статистического комитета.

По достижении семи лет, если воспитатель по каким-либо причинам не мог усыновить ребенка, он возвращался в приют, где содержался до тех пор, пока не найдется желающий взять его «в дети». Как уже отмечалось, усыновителю, в том числе и постороннему лицу, выплачивалась премия в 15 рублей ([ГАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 9. Л. 6](#)). Опыт показал, что такие лица в большинстве случаев усыновляли детей из корыстных целей как средство поправить свои денежные трудности. И. Севастьянов пишет: «Когда крестьянину наступает время платить подати или падет корова, лошадь, он хватается за мысль взять в дети заведенного питомца» ([Севастьянов, 1893: 27](#)).

Для возвращенных из деревни питомцев в приюте было отведено две комнаты, чего вполне хватало, так как таких детей было немного. Например, в 1892 году число взрослых детей, находящихся в приюте, доходило до 53 ([ГАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 9. Л. 5](#)). По инициативе

В.И. Радуловича, старшего врача больницы, дети во время пребывания в приюте обучались грамоте. Учила их одна из старших воспитанниц, поэтому лишних денежных затрат не требовалось.

В случае отсутствия желающих усыновить ребенка его переводили в сиротский дом, находящийся в том же здании, где и приют. В сиротском доме имелось двухклассное училище и мастерская. В старшем возрасте питомцев определяли служить в богоугодное заведение. Некоторые из девушек, отслужив несколько лет в больнице, выходили замуж, причем земство давало им приданое (ГАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 9. Л. 7).

Хочется отметить, что главные заслуги по модернизации системы призрения сирот-подкидышей принадлежат старшему врачу Орловской губернской больницы Владимиру Ивановичу Радуловичу. В.И. Радулович родился в Москве в 1834 г., окончил медицинский факультет Московского университета. С 1867 г. до конца жизни являлся старшим врачом Орловской губернской больницы, а с 1889 года – директором земской фельдшерской школы. В.И. Радулович стоял у истоков создания Орловского медицинского общества и внес огромный вклад в развитие медицинского общества и орловского здравоохранения. Был награжден орденами св. Владимира 4-й ст., св. Анны и св. Станислава 2-й и 3-й ст. (Крылов-Толстикевич, 2016: 473). Владимир Радулович руководил Орловской губернской больницей 39 лет, умер в 1906 году. Им был собран обширный материал, составленный по программе съезда, обстоятельно характеризующий положение орловского земского приюта для подкидышей за 20 лет (с 1872 по 1892 годы). Ежегодно составлялись и печатались отчеты губернской земской управы и старшего врача больницы.

При всех тех положительных результатах, которые дала система земского призрения в Орловской губернии, решить финансовые проблемы окончательно так и не удалось. Несмотря на все предпринятые преобразования, содержание и воспитание подкидышей продолжало оставаться тяжелым бременем для Орловского губернского земства.

5. Заключение

В результате земской реформы 1864 года полномочия по призрению детей, лишившихся родительской опеки, возлагались на земства. Приняв в свое ведение богоугодные заведения, земства не выработали целенаправленной политики по вопросам общественного призрения. Этой деятельности уделялось немного внимания на земских собраниях, а принимаемых мер было недостаточно, поскольку они носили бессистемный характер.

В целом социальная политика земства была направлена на сокращение расходов по содержанию детских заведений путем отмены свободного приема; стимулирования усыновления частными лицами, преимущественно воспитателями; обязательности проведения полицейского дознания о лицах, подкинувших ребенка. Основные причины появления проблем в организации дела общественного призрения земствами представляются следующими. Ограничение денежных средств, затрачиваемых земствами на приюты и сиротские дома обусловлены тем, что в ведение земств были переданы многие экономические и социально-культурные вопросы, требующие финансовых затрат, а доходная часть земских бюджетов ограничивалась местными сборами. Вопросы участия земских учреждений в организации общественного призрения не могли быть решены без широкомасштабных государственных мероприятий.

Несмотря на трудности организационного и финансового характера, испытывая недостаток денежных средств для обеспечения необходимой помощи всем нуждающимся детям, земские учреждения смогли найти простые и низкочрезмерные формы организации присмотра за детьми. Весьма эффективным способом стало устройство детей из приютов в крестьянские семьи за небольшую плату. Также по-прежнему прибегали к помощи со стороны частной и общественной благотворительности.

Литература

- ГАОО – Государственный архив Орловской области.
 ГАТО – Государственный архив Тверской области.
 Васильчиков, 1872 – Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений. Т. 1. СПб., 1872. 460 с.
 Веселовский, Т. 1 – Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 1. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909–1911. 750 с.
 Веселовский, Т. 3 – Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 3. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909–1911. 730 с.
 Веселовский, 1918 – Веселовский Б.Б. Земство и земская реформа. Пг.: Т-во О.Н. Поповой, 1918. 48 с.
 Веселовский, 1914 – Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864–1913 гг.). Тверь, 1914. 591 с.
 Городовое положение, 1870 – Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 года городовое положение с объяснениями. СПб., 1870. 240 с.
 Доклад, 1894 – Доклад № 40 «О мерах к сокращению расходов Орловского Губернского Земства по содержанию подкидышей». Орел, 1894. 135 с.

- Дриль, 1898** – Дриль Д.А. Наши исправительно-воспитательные заведения и вопросы исправительного воспитания // *Журнал Министерства юстиции*. 1898. № 8. С. 173-193.
- Канторович, 1899** – Канторович Я.А. Законы о детях: Сборник постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних, с приложением свода разъяснений по кассационным решениям сената / Сост. Я.А. Канторович. СПб., 1899. 330 с.
- Крылов-Толстикевич, 2016** – Крылов-Толстикевич А. Русские врачи XVIII – нач. XX вв. Краткий медицинский биографический словарь. М., 2016. 678 с.
- Пасхалов, 1910** – Пасхалов К.Н. Необходимая реформа земских учреждений. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1910. 39 с.
- Положение, 1864** – Положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗРИ. Отд. I. Т. 39. № 40457. С. 1-10.
- Свод ответов..., 1895** – Свод ответов земских и городских управлений на основные вопросы общественного призрения по запросу Комиссии 30 марта 1895 г. СПб., 1896.
- Севастьянов, 1893** – Севастьянов И. Орловский земский приют для подкидышей / И. Севастьянов [Орел]: [б.и.], [1893]. (Отгиски из Орловского вестника).
- Селютина, 2019** – Селютина Е.Н. История защиты права ребенка на жизнь по законодательству Российской империи XIX – начала XX века (на материалах Орловской губернии) // *Вестник ГМУ*. 2019. Т. 8. № 4. С. 187-194. DOI: 10.22394/2225-8272-2019-8-4-187-194
- Селютина, 2020** – Селютина Е.Н. История институционализации системы учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей в России // *Вестник ГМУ*. 2020. Т. 9. № 1. С. 42-50. DOI: 10.22394/2225-8272-2020-9-1-42-50
- Устав..., 1892** – Устав об общественном призрении // Свод законов Российской империи. Т. XIII. СПб., 1915.
- Matveeva et al., 2021** – Matveeva E.S., Livtsov V.A., Filonov V.I. The Activities of the Commission of Spiritual Schools on Organization and Support of the Spiritual Education System in the XIX century (on the materials of Orlov Province) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 126-137. DOI: 10.13187/bg.2021.1.126
- Merkulov et al., 2018** – Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V. State youth policy in pre-revolutionary Russia: From social stratification of society to full social regulation // *Bylye Gody*. 2018. 49(3): 1061-1073. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1061
- Merkulov et al., 2021** – Merkulov P.A., Leonova O.V., Selyutina E.N. State policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries in relation to abandoned children // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 786-798. DOI: 10.13187/bg.2021.2.786
- Stroeva et al., 2017** – Stroeva O.A., Mironenko N.V., Merkulov P.A., Chubarets O.V. (2017). Transformation of national innovative systems: Russian and foreign experience // *Asian Social Science*. 2017. 11(20): 206-219. DOI: 10.5539/ass.v11n20p206
- Yastrebova et al., 2017** – Yastrebova A.I., Stakhov A.I., Merkulov P.A., Filonov V.I., Matveeva E.S. Constitutional-legal and administrative-legal aspects of statutory regulation and maintenance of public security in the Russian federation by the state and private actors // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2017. 8(1): 272-290. DOI: 10.14505/jarle.v8.1(23).31

References

- Doklad, 1894** – Doklad №40 (1894). O merah k sokrashcheniyu raskhodov Orlovskogo Gubernskogo Zemstva po sodержaniyu podkidyshej [Report № 40 On measures to reduce the costs of the Orlov Provincial Zemstvo for the maintenance of foundlings]. Orel, 135 p. [in Russian]
- Dril', 1898** – Dril', D.A. (1898). Nashi ispravitel'no-vospitatel'nyj zavedeniya i voprosy ispravitel'nogo vospitaniya [Our correctional institutions and correctional education issues]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 8: 193. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti [State Archive of the Orlov Region].
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver' Region].
- Gorodovoe polozhenie, 1870** – Vysochaishe utverzhdennoe 16-go iyunya 1870 goda gorodovoe polozhenie s ob'yasneniyami [The highest approved on June 16, 1870 urban polozhenie with explanations]. SPb., 1870. 240 p. [in Russian]
- Kantorovich, 1899** – Kantorovich, Ya.A. (1899) Zakony o detyah: sbornik postanovlenij dejstvuyushchego zakonodatel'stva, odnosyashchihsya do maloletnih i nesovershennoletnih, s prilozheniem svoda raz'yasnenij po kassacionnym resheniyam senata [Laws on children: Collection of resolutions of the current legislation relating to minors and minors, with the appendix of a set of explanations on the cassation decisions of the Senate]. Sost. Ya.A. Kantorovich. St. Petersburg, 330 p. [in Russian]
- Krylov-Tolstikovich, 2016** – Krylov-Tolstikovich, A. (2016). Russkie vrachi XVIII – nach. XX vv. [Russian doctors XVIII – early XX centuries]. Kratkij medicinskij biograficheskij slovar'. Moscow, 678 p. [in Russian]
- Matveeva et al., 2021** – Matveeva, E.S., Livtsov, V.A., Filonov, V.I. (2021) The Activities of the Commission of Spiritual Schools on Organization and Support of the Spiritual Education System in the XIX century (on the materials of Orlov Province). *Bylye Gody*. 16(1): 126-137. DOI: 10.13187/bg.2021.1.126

Merkulov et al., 2018 – Merkulov, P.A., Eliseev, A.L., Aronov, D.V. (2018). State youth policy in pre-revolutionary Russia: From social stratification of society to full social regulation. *Bylye Gody*. 49(3): 1061-1073. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1061

Merkulov et al., 2021 – Merkulov, P.A., Leonova, O.V., Selyutina, E.N. (2021). State policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries in relation to abandoned children. *Bylye Gody*. 16(2): 786-798. DOI: 10.13187/bg.2021.2.786

Paskhalov, 1910 – Paskhalov, K.N. (1910). Neobhodimaya reforma zemskih uchrezhdenij [The Necessary reform of Zemstvo institutions]. Moscow, 39 p. [in Russian]

Polozhenie, 1864 – Polozheniem o gubernskih i uездных zemskih uchrezhdeniyah [Regulations on provincial and district zemstvo institutions]. PSZRI. Vol. XXXIX. № 40457. Pp. 1-10. [in Russian]

Selyutina, 2019 – Selyutina, E.N. (2019). Istoriya zashchity prava rebenka na zhizn' po zakonodatel'stvu Rossijskoj imperii XIX – nachala XX veka (na materialah Orlovskoj gubernii) [History of protection of the child's right to life under the legislation of the Russian Empire of the XIX – early XX centuries (on the materials of the Oryol province)]. *Vestnik GMU*. 8 (4): 187-194. DOI: 10.22394/2225-8272-2019-8-4-187-194 [in Russian]

Selyutina, 2020 – Selyutina, E.N. (2020) Istoriya institucionalizacii sistemy uchrezhdenij dlya detej, ostavshih'sya bez popecheniya roditel'ej v Rossii. *Vestnik GMU*. 9(1): 42-50. DOI: 10.22394/2225-8272-2020-9-1-42-50 [in Russian]

Sevast'yanov, 1893 – Sevast'yanov, I. (1893). Orlovskij zemskij priyut dlya podkidyshej [Oryol Zemsky shelter for foundries]. Orel: Ottiski iz Orlovskogo vestnika. [in Russian]

Stroeva et al., 2017 – Stroeva, O.A., Mironenko, N.V., Merkulov, P.A., Chubarets, O.V. (2015) Transformation of national innovative systems: Russian and foreign experience. *Asian Social Science*. 11(20): 206-219. DOI: 10.5539/ass.v11n20p206

Svod otvetov..., 1895 – Svod otvetov zemskih i gorodskih upravlenij na osnovnye voprosy obshchestvennogo prizreniya po zaprosu Komissii 30 marta 1895 g. [A summary of the responses of zemstvo and city administrations to the main questions of public charity at the request of the Commission on March 30, 1895]. St. Petersburg. [in Russian]

Ustav..., 1892 – Ustav ob obshchestvennom prizrenii (1915) [Charter of public charity]. Svod zakonov Rossijskoj imperii. Vol. XIII. St. Petersburg. [in Russian]

Vasil'chikov, 1872 – Vasil'chikov, A.I. (1872). O samoupravlenii: sravnitel'nyj obzor russkih i inostrannyh, zemskih i obshchestvennyh uchrezhdenij [About self-management: a comparative review of Russian and foreign, zemstvo and public institutions]. St. Petersburg, 460 p. [in Russian]

Veselovskij, 1914 – Veselovskij, B.B. (1914). Istoricheskij ocherk deyatel'nosti zemskih uchrezhdenij Tverskoj gubernii (1864–1913 gg.) [Historical sketch of the activity of zemstvo institutions of the Tver province (1864–1913)]. Tver', 591 p. [in Russian]

Veselovskij, 1918 – Veselovskij, B.B. (1918). Zemstvo i zemskaya reforma [Zemstvo and Zemstvo reform.]. Petrograd, 48 p.

Veselovskij, T. 1 – Veselovskij, B.B. (1909–1911). Istoriya zemstva za sorok let [The history of the Zemstvo for forty years]. Vol. 1. St. Petersburg, 750 p. [in Russian]

Veselovskij, T. 3 – Veselovskij, B.B. (1909–1911) Istoriya zemstva za sorok let [The history of the Zemstvo for forty years]. Vol. 3. St. Petersburg, 730 p. [in Russian]

Yastrebova et al., 2017 – Yastrebova, A.I., Stakhov, A.I., Merkulov, P.A., Filonov, V.I., Matveeva, E.S. (2017). Constitutional-legal and administrative-legal aspects of statutory regulation and maintenance of public security in the Russian federation by the state and private actors. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 8 (1): 272-290. DOI: 10.14505/jarle.v8.1(23).31 [in Russian]

Социальная политика земств центральных губерний России по призрению детей во второй половине XIX – начале XX веков

Елена Николаевна Селютина ^a, Оксана Вячеславовна Леонова ^a, Павел Александрович Меркулов ^{a, *}

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

Аннотация. В работе исследуется социальная политика в сфере призрения несовершеннолетних, обусловленная реформированием системы государственного управления второй половины XIX – начала XX веков, и роль земств в организации детского призрения. Дискуссионность проблематики организации детских приютов в пореформенный период обусловлена масштабностью и многогранностью проведенных преобразований, затронувших различные сферы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), oks980@rambler.ru (О.В. Леонова), enseljutina@mail.ru (Е.Н. Селютина)

социальной действительности. Проведение земской реформы подняло вопросы содержания детских богоугодных заведений земствами, определение порядка приема в них детей и обеспечения дальнейшего улучшения условий их воспитания и образования в приютах. Одним из ключевых элементов исследования выступает научное обоснование причин принятия решения о децентрализации системы детских заведений с передачей полномочий в данной сфере земствам.

Статья посвящена рассмотрению региональной специфики устройства и финансирования детских земских богоугодных заведений на примере губерний Центральной России – Курской, Орловской, Тульской и др. Представлены консолидированные данные о количестве призываемых лиц, выделяемых денежных средствах на их содержание и доле расходов на богоугодные детские заведения в бюджетах отдельных земств рассматриваемых губерний. Отдельное внимание в работе уделено эффективным и низкокзатратным формам организации призрения детей, выработанным в практике земств в условиях недостаточного финансирования.

На основе сравнительного анализа авторами сделаны выводы о том, что земства после передачи детских богоугодных заведений в их ведение столкнулись с трудностями организационного и финансового характера. Политика земств была направлена на сокращение расходов и не носила системного характера. Вопросы участия земских учреждений в организации общественного призрения не могли быть решены без широкомасштабных государственных мероприятий.

Авторами доказано влияние регионального аспекта на организацию и финансирование земских детских приютов, и эта взаимосвязь раскрывает достижения и итоги реформы.

Ключевые слова: социальная политика, земская реформа, городская реформа, государственная молодежная политика, детские приюты, богоугодные заведения, губернии Центральной России.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 287-297
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.287

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Traditional Hunting of Kazakhs in the Works of Russian Researchers (19th – early 20th centuries)

Gulbanu I. Ishkalova ^{a, *}, Amanzhol B. Kalysh ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

Russian scientists, travelers and officials of the 19th – early 20th centuries made a great contribution to the study of the history and ethnography of Kazakhstan. In a wide range of their studies, a special place is occupied by information about the traditional hunting of Kazakhs. However, their works, which are the main sources for the traditional hunting of the Kazakh nation, have not yet received due recognition, analysis and evaluation.

This article attempts to analyze the works of Russian researchers of the 19th and early 20th centuries, introduce the information contained in them into scientific circulation and reveal their scientific significance as sources for the traditional hunting of Kazakhs. The scientific source base of the work was also made up of previously unpublished archival documents of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. During the studying works of Russian researchers and archival data, the source study method was used, which made it possible to analyze the available materials in more detail and qualitatively.

As a result of studying the works of Russian researchers of the 19th-early 20th centuries, the authors identified the features of the traditional hunting of Kazakhs, as well as the evolution and transformation and its methods at the turn of the century.

Keywords: Russian researchers, sources, Kazakhs, nomadic society, traditional hunting, Kazakh economy, trades, hunting birds.

1. Введение

На протяжении всей истории человечества охота оставалась одним из видов его хозяйственной деятельности. У разных народов в процессе своего развития под влиянием различных факторов она эволюционировала и трансформировалась в тесной связи с климатическими условиями и растительным миром региона обитания. Казахи, являясь одним из кочевых народов, также издавна занимались охотой. Жизнь кочевников всецело зависела от экосистемы, ее изменений и законов. И тем не менее в условиях суровой кочевой жизни степняки смогли сохранить древнейшее занятие – охоту, привнеся в нее свои особенности. Несмотря на то, что со временем основной формой их хозяйствования становится кочевое и полукочевое скотоводство, охота развивается как вспомогательное хозяйство, значительная часть продуктов которой шла на внутреннее потребление кочевников: изготовление одежды и продуктов питания. Вместе с тем традиционная охота являлась не только дополнительным источником средств к существованию, но и подготовкой молодого поколения к взрослой военной жизни, воспитывая смелость, терпение, выдержку, храбрость, упорство, внимательность и т.д.

Однако особенности традиционной охоты казахов долгое время оставались малоизученной областью этнографии. Первые шаги в исследовании истории, культуры, быта и обычаев населения Казахстана были предприняты в конце XVII – начале XVIII веков исследователями России и Европы.

* Corresponding author

E-mail addresses: ishkalova0703@mail.ru (G.I. Ishkalova), kalyshamanzhol@gmail.com (A.B. Kalysh)

В XIX – начале XX веков научное изучение края значительно расширилось. Российские ученые, путешественники и офицеры внесли ценный вклад в изучение истории, географии, этнографии и культуры Казахстана. В широком спектре их исследований особое место занимают сведения о традиционной охоте казахов. Однако их труды, являющиеся основными источниками по традиционной охоте казахского народа, не получили до настоящего времени должного признания, анализа и оценки. В данной статье предпринимается попытка провести историографический анализ трудов российских исследователей XIX – начала XX вв., ввести в научный оборот содержащиеся в них сведения и раскрыть их научную значимость как источников по традиционной охоте казахов.

2. Материалы и методы

При написании работы в качестве источников были использованы труды российских исследователей XIX – начала XX вв. В этот период многие российские исследователи, путешественники и чиновники, побывавшие в Казахской степи с разными целями и по разным причинам, оставили ценные сведения о жизни местного населения. При изучении этой проблемы были использованы работы Я.П. Гавердовского, Ф. Жукова, Г.С. Загрязского, А.И. Левшина, В.В. Радлова, Я.Я. Полферова, в которых содержатся исчерпывающие сведения о традиционной охоте казахов. Несмотря на то, что большинство из них носит описательный характер, их труды являются репрезентативными источниками о казахском обществе в целом, и этнографии казахов в частности.

Помимо научных работ и исследований, для полноценного изучения и воссоздания традиционной охоты казахов были рассмотрены произведения изобразительного искусства, которые способны передать визуальную информацию. Картины художников Н.Н. Каразина, В.И. Штернберга, В.В. Верещагина, А.Е. Мартынова, В.Н. Плотникова и скульптора Е.А. Лансере более четко отображают сцены охоты, которые письменные источники не способны предоставить в полном объеме.

Источниковедческую базу статьи дополняют ранее не опубликованные документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан). Материалы о правилах охоты в казенных и государственных землях, сведения о звероловстве в Семиреченской области, переписка оренбургского и самарского генерал-губернаторов об отправке охотников-казахов в императорский двор сосредоточены в 44 фонде ЦГА РК «Семиреченское областное правление». Ценные данные об охоте на тигров в Туркестанском генерал-губернаторстве имеются в 383 фонде ЦГА РК «Управление киргизами Сыр-Дарьинской линии Министерства иностранных дел форт Перовский Туркестанского генерал-губернаторства». Использованные архивные материалы позволили нам сопоставить их со сведениями российских исследователей XIX – начала XX вв.

Методология исследования базировалась на применении как общенаучных принципов, так и специальных методов исторического познания. В частности, для эффективного решения поставленных задач нами были использованы принципы историзма, объективности, социального анализа и ретроспективный метод. Социально-экономические особенности рассматриваемого периода и их влияние на изменение традиционных видов хозяйствования казахов позволил выявить принцип историзма. Хотя понятие объективности само по сути достаточно субъективно, тем не менее данный принцип научного познания дал возможность всесторонне проанализировать процесс трансформации охоты у казахов и выявить ее положительные и отрицательные моменты. С помощью принципа социального анализа изучались социально-экономические процессы с учетом интересов местного казахского народа. Ретроспективный метод позволил раскрыть проблему в процессе исторического развития.

Кроме того, при изучении трудов российских исследователей и архивных данных были использованы источниковедческие методы, которые позволили описать и более детально проанализировать имеющиеся материалы с целью введения их в научный оборот.

3. Обсуждение

Анализ изучения литературы показал, что работы дореволюционных российских исследователей XIX – начала XX веков неоднократно использовались при написании различных трудов по истории Казахстана видными советскими историками, такими как М.П. Вяткин (Вяткин, 1947), Н.Г. Аполлова (Аполлова, 1948), Е.Б. Бекмаханов (Бекмаханов, 1947), С.В. Толыбеков (Толыбеков, 1971), Н.Э. Масанов (Масанов, 1995) и др. Они также явились большим подспорьем при написании работ по этнографии казахов. Однако до настоящего времени традиционная охота казахов не являлась объектом изучения исследователей, поэтому до сих пор нет фундаментальных трудов по данной теме. Опубликованы лишь отдельные статьи, научно-популярные издания и разделы в обобщающих работах по этнографии казахского народа.

Историографический обзор имеющихся материалов позволил выявить то, что труды дореволюционных российских исследователей в качестве источников по традиционной охоте были привлечены в недостаточной мере. Лишь некоторые авторы приводили данные в основном о технике и технологии охоты с ловчими птицами или о самом процессе охоты. Вне поля зрения ученых оставались ценные сведения российских авторов XIX – начала XX вв. о роли охоты в традиционном

казахском обществе, о трансформации охоты, обусловленной социально-экономическими изменениями в образе жизни казахов, об охотничьих угодьях, уникальных способах охоты на хищников, о правилах охоты, введенных царским правительством и др.

Одним из первых авторов, который использовал сведения российских исследователей вкуче с материалами полевых экспедиций, был профессиональный казахстанский этнограф М.С. Муқанов, посвятивший научную статью охоте с ловчими птицами. В своей работе он использовал труды Я.Я. Полферова (Полферов, 1896), К. Немврода (Немврод, 1926), И. Орехова (Орехов, 1910) и приводил данные, ссылаясь на эти труды, что охота с ловчими птицами составляла «существенную поддержку в скромном бюджете рядового кочевника как промысел, дающий порядочный доход» (Муқанов, 1983).

Позже М.С. Муқанов вместе с историком М.К. Козыбаевым и этнографом Х. Аргынбаевым издали книгу «Казахи», где содержатся подробные исторические материалы об этнических процессах, традиционных способах ведения хозяйства, народных промыслах и т.д. (Казахи, 1995). В данной книге в специальном разделе «Охота» авторы на основе трудов дореволюционных исследователей, таких как А.И. Левшин (Левшин, 1832), Л. Мейер (Мейер, 1865), В.П. Наливкин (Наливкин, 1891), К. Немврод (Немврод, 1926), И. Орехов (Орехов, 1910), П.И. Пашино (Пашино, 1868), Я.Я. Полферов (Полферов, 1896), В. Скоробогатов (Скоробогатов, 1925), Е. Степняк (Степняк, 1896), А. Харузин (Харузин, 1889), К. Ширинкин (Ширинкин, 1890) и др., раскрывают особенности разных видов охоты: с ловчими птицами, с борзыми, с ружьем и др.

Этнограф, доктор исторических наук Г.Н. Симаков в монографиях «Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии: ритуальный и практический аспекты» (Симаков, 1998) и «Соколиная охота в Средней Азии в XIX–XX веках: практический аспект» (Симаков, 1999) на основе исторических, археологических, этнографических и фольклорных источников изучал охоту с ловчими птицами в связи с культом хищных птиц в Средней Азии и Казахстане. В своих работах ученый отмечает, что соколиная охота в Казахстане малоизучена и статьи, посвященные соколиной охоте, в основном написаны авторами, которые не являются профессиональными этнографами, но все же рассматривают место и роль охоты в жизни общества. По мнению исследователя, статья М.С. Муқанова считается единственной работой, написанной профессиональным этнографом. Так, Г.Н. Симаков указывает, что в статьях А.Н. Вилькинса (Вилькинс, 1876) содержатся ценные сведения об охоте с ястребом и беркутом у казахов. Анализируя статьи М.Д. Сеитова (Сеитов, 1929), И. Орехова (Орехов, 1910), К. Немврода (Немврод, 1926), написанные в первой трети XX века, он отмечает, что в них приведены лишь общие сведения об охоте с ловчими птицами.

В разделе, посвященном традиционной охоте казахов Присырдарьинского региона, этнограф Т.Е. Картаева для раскрытия проблемы широко использовала труды дореволюционных российских исследователей, таких как В. Наливкин (Наливкин, 1891), И. Орехов (Орехов, 1910), В. Орлов (Орлов, 1909), В.В. Радлов (Радлов, 1887), П.И. Рычков (Рычков, 1896), А.П. Смирнов (Смирнов, 1897) и А.П. Хорошхин (Хорошхин, 1876). Автор на основе вышеназванных источников предприняла попытку извлечь информацию о зверях, обитавших в Туркестанском крае, о способах и особенностях охоты (Картаева, 2017).

Доктор исторических наук, профессор Ахмет Токтабай в книге «Казахская борзая тазы», основываясь на трудах А. Алекторов (Алекторов, 1894), Я.Я. Полферова (Полферов, 1896) и М. Богданова (Богданов, 1878), раскрывает особенности охоты с борзой и опыт содержания тазы (Токтабай, 2013).

В следующем научно-популярном издании авторами были рассмотрены исследования М. Богданова (Богданов, 1878) и Я.Я. Полферова (Полферов, 1896), в которых имеются данные о видах ловчих птиц и борзых собак, о приручении их и особенностях охоты с ними (Хинаят, Исабеков, 2007).

Таким образом, приведенный выше обзор показывает, что в трудах, посвященных охоте казахов, работы дореволюционных российских исследователей были использованы лишь частично и не являлись объектом исследования.

4. Результаты

Российским исследователям XIX – начала XX веков принадлежит немалая заслуга в изучении истории, географии, этнографии и культуры Казахстана. В их трудах приводятся данные о благоприятной для охоты окружающей среде, об особенностях местного ландшафта, о своеобразных способах охоты, об охотниках того периода и т.п.

Большинство авторов свидетельствуют о богатстве и разнообразии флоры и фауны Казахского края, для которой было характерно обилие хищных животных и птиц. В рассматриваемый период казахи охотились на тигров, кабанов, волков, лисиц, рысей, зайцев, медведей, архаров, горных козлов, куланов, горностаев, маралов, сайгаков, джейранов, диких лошадей, корсаков, барсуков, уток, гусей, перепелов, фазанов, индеек, куропаток, дроф, тетерев, рябчиков (Гавердовский, 2007: 271-274; Жуков, 1872: 67; Левшин, 1832: 72-79; Туркестанский край, 1880: 99-100).

Полковник, дипломат и путешественник Я.П. Гавердовский (1770–1812) приводит сведения о видах животных и птиц, обитавших в Туркестанском крае. Первая часть работы Я.П. Гавердовского

написана в виде дневника, а вторая часть, представляющая для нас ценность и интерес, изложена в исследовательском стиле. Автор отмечает, что «охота была искусством, которое приносило казахам пользу и наслаждение, после занятия скотоводством» (Гавердовский, 2007: 479).

Путешественник Ф. Жуков, описывая охоту в Туркестанском крае, приводит очень много интересных материалов, в частности им подробно зафиксированы особенности охоты с ловчими птицами и с помощью капканов. Особый интерес вызывают приведенные сведения о способах охоты без оружия на перепелок. Также автор описывает метод охоты на перепелов, признанный им оригинальным способом: «...охотник накидывает на голову халат, а в рукава вдевает палки, крестообразно привязанные одна к другой. В руке держит он наготове матрал, чтобы вовремя накрыть птицу. В таком костюме охотник идет на поле, засеянное дженушкой, причем медленно машет рукавами халата, изображая тяжелый полет орла. По временам охотник останавливается, делает круги и в это время высматривает перепелов. Видя нечто движущееся по полю, похожее на орла, перепела не осмеливаются взлететь на воздух и припадают где-нибудь у куста или в ямке. Здесь охотник и накрывает их своею сеткой. Конечно, такой способ охоты скорее забава, чем промысел» (Жуков, 1872: 13). Автор считает это забавой. Хотя исследователь дает лишь краткие сведения об охоте в Туркестанском крае, описание вышеприведенных методов делает его работу ценной.

Нужно отметить, что с древности широко распространенными и излюбленными видами промысла казахов были традиционная охота с ловчими птицами (беркут, сокол, ястреб, сокол-балобан, стервятник) и охота с степными борзыми – тазы. Ловля и воспитание хищных птиц требовали особого терпения. Традиции охоты с хищными птицами и борзыми тазы казахский народ развивал на протяжении нескольких сотен лет, передавая знания и опыт из поколения в поколение. Практически все российские авторы упоминают об охоте с ловчими птицами, определяя ее особое место в жизни кочевого казаха. Если одни утверждают, что традиционная охота в XIX – начале XX вв. была «забавой» (Загряжский, 1874: 34; Радлов, 1989: 298), то другие отмечают, что охота для бедных казахов была одним из источников средств к существованию (Левшин, 1832: 384; Мейер, 1865: 152; Полферов, 1896: 6). Важно отметить, что традиционная охота казахов проводилась без ружей. Поэтому ловчая птица или охотничья борзая тазы были в особом почете и дорого ценились. В альманахе «Народы России», изданном в 1880 году, приводятся цены на охотничьих птиц на ярмарках того времени: беркут стоил 5–6 верблюдов, т.е. 200 рублей; сокол – 4–5 верблюдов, т.е. 150–200 рублей; ястребы – 1–2 верблюда, или 8–30 рублей; сапсан – 2–3 верблюда, или 80–100 рублей (Народы России, 1880: 165).

Казахи ловлей беркутов особо не занимались, так как поймать их было не так просто. Но если кто-то решался, то к ловле приступали осенью. Для этого к сетке привязывали голубей и ворон, которыми питались хищные птицы, а охотник наблюдал издалека. Обманутый наживкой беркут попадал в сети и становился добычей охотника. Казахи, проживавшие в западных областях, ловчих птиц в основном приобретали у башкир. Покупку казахами беркутов у башкир подтверждают записи А.И. Левшина: «Любимейшее и любопытнейшее из них есть лов с беркутами, которых получают киргиз-казаки от башкир» (Левшин, 1832: 384). Архивные материалы также подтверждают вышеприведенные данные. Так, например, в ЦГА РК имеются документы, свидетельствующие о переписке оренбургского генерал-губернатора с самарским генерал-губернатором с просьбой послать в императорский дворец дрессированных беркутов для охоты на птиц и животных (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2845. Л. 1). Согласно этому документу, император готовился отправиться на охоту с приученным беркутом. Поэтому необходимо было купить у казахов обученных ловчих птиц, указать сумму и отправить птиц в императорский двор. Одновременно выясняется, что дрессированные беркуты есть только у казахов, башкиры этим не занимаются, они только ловят и продают их казахам. Для выполнения поручения местный генерал-губернатор дал задание родовым правителям найти охотничьих беркутов. В результате Оренбургская приграничная комиссия нашла двух охотников с беркутами и даже составила смету. Но так как окончательного решения не было принято, покупка беркутов и отправка охотников в императорский двор не состоялась. Вместе с тем данная информация подтверждает, что казахи западных областей в основном покупали ловчих птиц у башкир.

На охоту с борзыми тазы казахи отправлялись зимой. Когда охотники замечали на снегу следы животного, немедленно отправляли по нему собак. В случае, когда дичь не успела еще далеко уйти, борзые могли быстро ее настичь. Борзая тазы могла очень долго идти по следу, поэтому у дичи практически не было шансов спастись. С борзыми тазы казахи охотились и на волков, путем облавной охоты. Верхом на лошадях за собаками, догнав добычу, они забивали волков дубинками (Мейер, 1865: 152; Радлов, 1989: 299).

Сведения Г.С. Загряжского, Л. Мейера, Я.Я. Полферова, В.В. Радлова и Я.П. Гавердовского об охоте на волков подтверждаются казахским этнографом XIX века, уроженцем Букеевской орды, членом Русского географического общества М.С. Бабажановым, который, описывая природу Каспийского региона, акцентирует внимание на обитающих тут животных и отмечает, что охота на волков здесь широко распространена. Ученый, описывая охоту казахов на волков, пишет: «Охотники следом гонятся на лошадях и дубинками забивают волков до смерти» (Бабажанов, 2007: 54). Дубинки использовались казахами в междоусобных стычках, а также на загонной охоте.

В творчестве талантливого русского художника, чиновника Оренбургской пограничной комиссии, этнографа В.Н. Плотникова отражена материальная культура казахов середины XIX века. Его этнографические акварельные произведения существенно дополняют сведения российских авторов об этнографии казахов и повышают их ценность, визуализируя культуру и быт казахов рассматриваемого периода. В альбоме акварельных рисунков предметов казахского быта, выполненных в 1859–1866 гг., художник на листе № 23 среди 11 рисунков расположил в третьем ряду казахский шокпар, т.е. дубинку (Культура и быт казахов, 2021: 122).

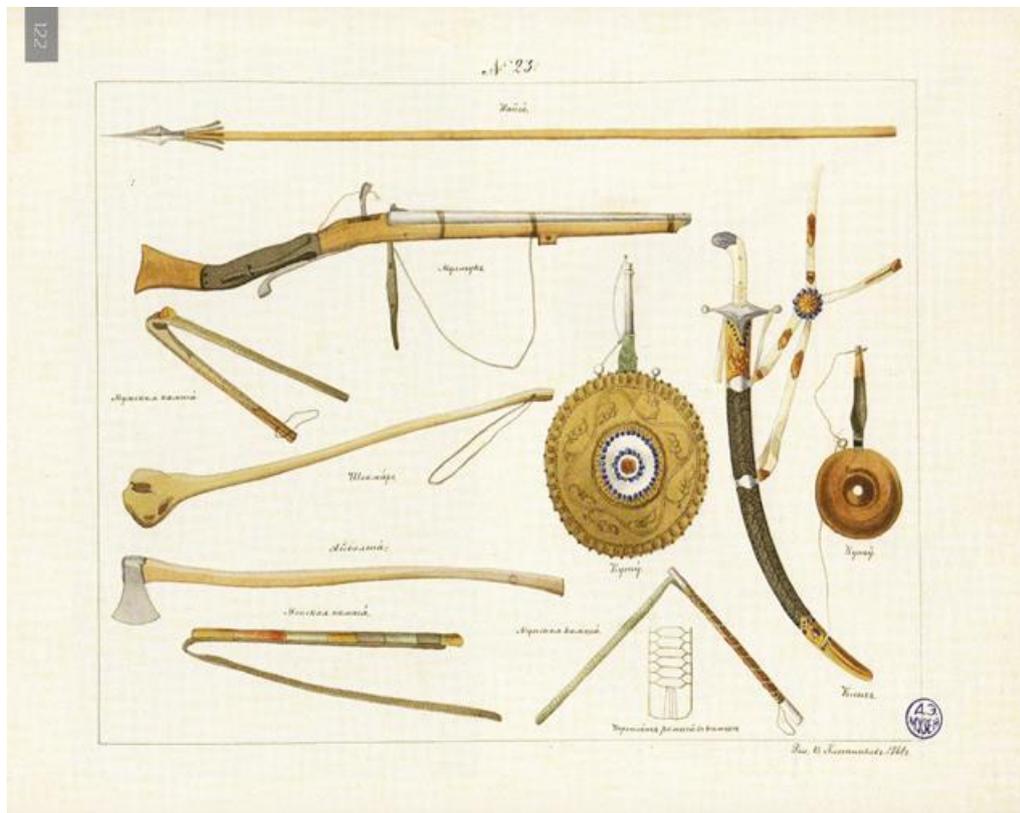

Рис. 1. Лист № 23 из альбома рисунков В.Н. Плотникова

Вообще, у тюркских народов, в том числе и у казахов, волк считался священным животным. Тем не менее для защиты домашнего скота казахи охотились на волков, а также, чтобы удостовериться в способности своих ловчих птиц и тазы. Автор ценнейшего труда Я.Я. Полферов, называя причины охоты казахов на волков, отмечает следующее: «Волк – самый страшный бич степного скотоводства, и вековая борьба с ним мало дала благоприятных результатов. Голод, степные пожары, чума скота, гололедица – все эти явления случайные, проходящие, устранить которые можно путем правильно организованной борьбы, ...но ущерб, нанесенный этим хищником, фактически разорял кочевое скотоводческое хозяйство». Продолжая дальше свою мысль, автор пишет: «Так, по сведениям 1894 года число истребленных волками домашних животных в Тургайской области выражается в следующих цифрах: лошадей – 10690 голов, крупного рогатого скота – 3313 голов, верблюдов – 1107, овец – 26574, коз – 3505. Оценивая голову крупного животного только в 20 руб. и голову мелкого в 3 руб., найдем, что в данном году область понесла ущерб от волков на сумму 392,417 руб. Борется киргиз-кочевник с этим своим злейшим врагом всеми средствами, не жалея ни сил, ни затрат, лишь бы одолеть его и хотя бы немного умалить процент его хищнических набегов» (Полферов, 1896: 27).

Проведенные царизмом в Казахской степи административно-территориальные реформы XIX века привнесли изменения в традиционный уклад жизни казахов. Трансформация системы землепользования способствовала превращению охоты в постоянный промысел для обедневшей части казахов, поэтому с каждым годом увеличивалось количество охотников. Царское правительство не могло контролировать продажу шкур диких животных. Поэтому генерал-губернаторства принимали решения не только по административным вопросам, но и касающиеся хозяйственной жизни местного населения. Например, в Туркестанском генерал-губернаторстве, включавшем четыре области (Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская и Семиреченская), работало Ташкентское охотничье общество (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 49038. Л. 1), которое утвердило Правила охоты на государственных землях, регулировавшие охоту в Туркестанском генерал-губернаторстве, и выдавало охотничьи билеты для борьбы с браконьерством.

Однако правила, утвержденные Обществом в обязательном порядке должны были рассматриваться в областях на особом Советании, на котором по возможности вносились изменения с учетом особенностей каждой области. Например, предлагалось внести изменения в правила выдачи охотничьих билетов, то есть разрешение могли давать чиновники, проживающие рядом с населенным пунктом или внутри самого поселения. Охотничьи билеты в соответствии с установленным тарифом давали право на охоту в пределах территории области или уезда. Стремясь защитить природу, Общество запрещало охоту посредством отравы, разрешая применение капканов. Казахам также запрещалось охотиться на ястребов и соколов, фазанов, перепелов, гусей и уток, поскольку бесконтрольная охота могла привести к исчезновению этих птиц. Рассматривалось только разрешение охоты на хищных животных с помощью беркутов. Также требовали прекращения поздней осенью охоты методом забивания палками фазанов, пользуясь тем, что они не могли летать в период ожирения. Обычно после выпадения первого снега толстые фазаны не могли летать и пытались спрятать голову в снег. Однако было известно, что в этот период некоторые охотники, схватив птицу за хвост, били об снег или палками по голове (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 49038. Л. 2).

Кроме того, специальное Советание, учитывая мнение генерал-губернаторов о невозможности установления единых сроков охоты для всех областей, решило, что в данном вопросе необходимо учитывать разнообразие климатических условий в регионах. Оно поддержало запрет местным жителям охоты на куланов, а также белых журавлей ради получения перьев. Архивные данные свидетельствуют о том, что казахский народ превратил охоту в источник обогащения, в то время как царские власти приняли меры по защите окружающей среды, запретив «дикую» охоту.

Российскими исследователями также была зафиксирована охота казахов на тигров, представлявшая наибольшую опасность. Добыча тигра приносила охотнику-промысловнику целое состояние из-за высокой цены на его шкуру (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 48565. Л. 15).

Тигры в XVIII–XIX вв. водились на Сырдарье, побережье Аральского моря, в низовьях Чу, в Южном Прибалхашье и Заилийском крае. Вдоль берегов реки Сырдарьи в густых зарослях камышей обитали тигры, которых казахи называли «патша жолбарыс», что в переводе означало «царь тигр». Путешественник Б. Залесский, участвовавший во второй половине XIX века в походах царской армии в Акмечеть (ныне г. Кызылорда), в своих записях отмечал: «В камышах Аральского моря и Сырдарьи обитает красивейший вид тигра – патша жолбарыс» (Залесский, 1991: 29). Местные жители этого края охотились на тигров в основном по двум причинам: во-первых, для защиты своего домашнего скота; во-вторых, для продажи шкур, так как торговля приносила большую прибыль.

Рис. 2. Реконструкция способа охоты на тигров с использованием остова юрты (автор рисунка Жауһар Куранбек)

Одним из основных методов охоты на тигров являлся загон. «Человек 20, вооруженных фитильными ружьями, собираются возле камышей, где прячется тигр и поджигают стебли с наветренной стороны. Жара и огонь заставляют зверя покинуть свое убежище и подставить себя под пули охотников» (Мейендорф, 1975: 45).

Одним из уникальных способов охоты на тигров является метод засидки с приманкой с использованием остова юрты. Описание этого своеобразного метода мы встречаем в статье Г.С. Загряжского – военного капитана, служившего на государственной службе и управлявшего Перовским и Токмакским уездами Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства в 70-х годах XIX века. Автор в своей статье писал: «Остовы юрты надеваются один на другой и крепко связываются. Шанырак (купол юрты – Авт.) помещается так, чтобы через него тигр не мог упасть в юрту. Под юрту привязывают накрест две жерди, при помощи которых люди, помещающиеся в середине, легко переносят ее по следам тигра. Когда таким образом юрта приблизится к тигру, ее опускают и несколько человек при помощи баканов (шест с развилкой – Авт.), упертых в землю, придерживают поперечные жерди. Разъяренный зверь бросается на юрту. Но здесь его встречают пиками, саблями... После нескольких таких прыжков тигр или падает мертвым, или тяжело раненый уходит в камыши» (Загряжский, 1874: 25). На основе описания Г. Загряжского нами предпринята попытка реконструкции вышеописанного метода.

Итак, благодаря сведениям Г.С. Загряжского, удалось восстановить уникальный и забытый способ охоты на тигров, тем самым показать особенности охоты на опаснейшего хищника без ружья, с помощью традиционного жилища – юрты.

Этот же метод охоты, но уже с применением ружья, встречается в работе П.И. Пашино, который указывает, что при охоте в засидку с приманкой часто для безопасности использовался остов юрты, куда устраивались охотники и терпеливо ждали появления тигра. Зверь обыкновенно кидался на остов юрты, и в это время его убивали в упор в голову. Иногда задранную скотину обкладывали ружьями, «к куркам которых протягивают бечевки, так что с какой бы стороны тигр ни показался, он получает залпы из нескольких ружей» (Пашино, 1868: 44).

С середины XIX века местное население стало чаще покупать оружие, поскольку с ним было безопаснее и выгоднее охотиться, к тому же спрос на шкуры тигров увеличивался с каждым годом. Более того, «до 1867 года царское правительство выдавало специальную премию за шкуры тигров» (Загряжский, 1874: 34). Данную информацию подтверждают и архивные документы. Например, имеется распоряжение начальника Присырдарьинской линии начальнику Перовского форта о выдаче награды в размере 15 руб. казаху за принесенную шкуру тигра (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-2). К тому же начальник Присырдарьинской линии предписывал давать информацию о казахам, охотившихся вдоль реки Сырдарья на тигров, методах и времени охоты, о путях использования шкур тигров, о количестве тигров, в том числе самок и самцов и т.д. В целом анализ архивных материалов показал, что около 30 казахов получили вознаграждение в размере 10–15 руб., а около 40 тигров и щенков были убиты (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-2). Но уже с 60-х годов XIX века после отмены выплаты премий охота на тигров снизилась. Теперь охотились на хищников в основном в целях защиты домашнего скота. Данные сведения имели отношение не только к казахам, проживавшим в Сырдарьинском районе, но и вдоль реки Или. Известный казахский ученый, востоковед, историк, этнограф, просветитель-демократ Ч. Валиханов также писал, что местные жители побережья реки Или знали способы охоты на тигров и продавали их шкуры по 20 руб. серебром (Валиханов, 2010: 154).

Таким образом, в результате изучения трудов российских исследователей XIX – начала XX вв. были выявлены особенности традиционной охоты казахов, а также эволюция и трансформация ее способов и методов на рубеже веков.

5. Заключение

Итак, изложенный материал позволяет заключить, что российские ученые, путешественники, чиновники и военные XIX – начала XX вв. оставили огромное научное наследие для изучения традиционной охоты казахов.

Анализ данных источников позволил сделать вывод, что в рассматриваемый период казахи параллельно с кочевым скотоводческим хозяйством занимались охотой, носивший вспомогательный характер, так как охотничий продукт не был необходимостью. Казахи применяли разные способы охоты: использование ловчих птиц, борзых (тазы), ловушек, сетей, остова юрты, забивание. Охота как составная часть системы жизнеобеспечения казахов обеспечивала бытовые нужды определенной части общества. Однако в связи с административно-территориальными изменениями в XIX в. охота теряет свое традиционное значение и претерпевает трансформацию, превращаясь для обедневшей части в источник дохода, обмена и торговли. В свою очередь царское правительство пыталось прекратить «дикую» охоту и защитить местную экосистему путем введения правил об охоте.

Литература

Алекторов, 1894 – Алекторов А. Человек и собака (из киргизских легенд // Астраханский вестник. 1894. № 1383.

- Аполлова, 1948** – *Аполлова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. 254 с.
- Бабажанов, 2007** – *Бабажанов М.К.* Этнография казахов Букеевской Орды. 2-е дополненное издание. Астана: «Алтын китап», 2007. 221 с.
- Бекмаханов, 1947** – *Бекмаханов Е.Б.* Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алматы: Казгосиздат, 1947. 389 с.
- Богданов, 1878** – *Богданов М.* Тазы и киргизские борзые // *Природа и охота*. 1878. № 4. С. 45-48.
- Валиханов, 2010** – *Валиханов Ч.Ч.* Сб. соч. Т. 1. 2-изд. Алматы: «Толагай групп», 2010. 376 с.
- Вилькинс, 1876** – *Вилькинс А.И.* Охота с беркутом // *Природа*. 1876. Кн. 2. С. 158-162.
- Вяткин, 1947** – *Вяткин М.П.* Батыр Срым. М., 1947. 390 с.
- Гавердовский, 2007** – *Гавердовский Я.П.* История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 5: Первые историко-этнографические описания казахов земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 620 с.
- Жуков, 1872** – *Жуков Ф.* Охота в Туркестанском крае // *Туркестанские ведомости*. 1872. № 17. С. 67-68.
- Загряжский, 1874** – *Загряжский Г.С.* Быт кочевого населения долин Чу и Сырдарьи // *Туркестанские ведомости*. 1874. № 25. С. 97-98.
- Залесский, 1991** – *Залесский Б.* Путешествие в киргизские степи. Алматы: Издательство «Онер», 1991. 132 с.
- Казахи, 1995** – *Казахи.* Историко-этнографические исследования (коллектив авторов). Алматы: Казахстан, 1995. 352 с.
- Картаева, 2017** – *Картаева Т.Е.* Казахи Присырдарьинского региона. Историко-этнографические исследования (вторая половина XIX – нач. XX века). Алматы: «Литрес», 2017. 390 с.
- Культура и быт казахов, 2021** – *Культура и быт казахов.* Альбом рисунков В.Н. Плотникова 1857–1866 годов. Из собрания Российского этнографического музея. Алматы: Акционерное общество «АБДИ Компани», 2021. 254 с.
- Левшин, 1832** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. Ч. III. 304 с.
- Масанов, 1995** – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов. М.: «Горизонт», 1995. 320 с.
- Мейендорф, 1975** – *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 183 с.
- Мейер, 1865** – *Мейер Л.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 288 с. +12 л. карта+табл.
- Муканов, 1983** – *Муканов М.С.* Охота с ловчими птицами // *Известия АН Каз. ССР*. 1983. № 3. С. 48-55.
- Наливкин, 1891** – *Наливкин В.П.* Особенности охоты казахов у туземцев Туркестанского края // *Природа и охота*. 1891. № 6. С. 60-81.
- Народы России, 1880** – *Народы России. Киргизы.* СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1880. 648 с.
- Немврод, 1926** – *Немврод К.* Охота с ловчими птицами в Семипалатинской губернии // *Охота и пушник Сибири*. 1926. № 5. С. 12-14.
- Орехов, 1910** – *Орехов И.* Охота с ловчими птицами у киргиз // *Туркестанские ведомости*. 1910. № 66-68.
- Орлов, 1906** – *Орлов В.* Сары бие // *Туркестанские ведомости*. 1906. № 137. С. 888.
- Пашино, 1868** – *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866. Путевые заметки. СПб., 1868. 179 с.
- Полферов, 1896** – *Полферов Я.Я.* Охота в Тургайской области. Оренбург: Тургайск. Стат. ком., 1896. 137 с.
- Радлов, 1887** – *Радлов В.В.* Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1887. 26 с.
- Радлов, 1989** – *Радлов В.В.* Из Сибири. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 749 с.
- Рычков, 1896** – *Рычков П.И.* История Оренбургская. 1730–1750. Оренбург, 1896. 95 с.
- Сеитов, 1929** – *Сеитов М.Д.* Охота с ловчими птицами у казаков Семипалатинского края // *Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана*. Семипалатинск, 1929. С. 65-74.
- Симаков, 1998** – *Симаков Г.Н.* Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии: ритуальные и практические аспекты. СПб., 1998. 320 с.
- Симаков, 1999** – *Симаков Г.Н.* Соколиная охота в Средней Азии в XIX–XX веках: практический аспект. Бишкек: Кыргызстан, 1999. 212 с., ил.
- Скоробогатов, 1925** – *Скоробогатов В.* Туркестанская охота киргиз // *Туркестанский охотник*. 1925. № 5-8.
- Смирнов, 1897** – *Смирнов А.П.* Быт и нравы киргизов. СПб., 1897. 27 с.
- Степняк, 1896** – *Степняк Е.* Охота на куланов // *Природа и охота*. 1896. № 3. С. 69-72.
- Токтабай, 2013** – *Токтабай А.* Казахская борзая тазы. Алматы: «Атамұра», 2013. 160 с.

Толыбеков, 1971 – Толыбеков С.В. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971. 636 с.

Туркестанский край, 1880 – Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. III. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1880. 302 с.

Харузин, 1889 – Харузин А. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк). М.: Тип. А.А. Левенсон, 1889. 255 с.

Хинаят, Исабеков, 2007 – Хинаят Б., Исабеков К.М. Казахская традиционная охота. Алматы: «Алматыкитап», 2007. 208 с.

Хорошхин, 1876 – Хорошхин А.П. От Оренбурга до Казалинска / Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб., 1876. С. 3-38.

Ширинкин, 1890 – Ширинкин К. Ловчие птицы Туркестана // *Природа и охота*. 1890. № 6. С. 76-77.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

Alektorov, 1894 – Alektorov, A. (1894). Chelovek i sobaka [Man and a dog]. *Astrakhanskiy vestnik*. 1383. [in Russian]

Apollova, 1948 – Apollova, N.G. (1948). Prisoyedineniye Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka [The accession of Kazakhstan to Russia in the 30s of the 18th century]. Alma-Ata, 254 p. [in Russian]

Babazhanov, 2007 – Babazhanov, M.K. (2007). Etnografiya kazakhov Bukeyevskoy Ordy [Ethnography of the Kazakhs of the Bukeev Horde]. 2-e dopolnennoe izdanie. Astana: «Altyn kitap», 221 p. [in Russian]

Bekmakhanov, 1947 – Bekmakhanov, Ye.B. (1947). Kazakhstan v 20-40-ye gody XIX veka [Kazakhstan in the 20-40s of the 19th century]. Almaty: Kazgosizdat, 1947. 389 p. [in Russian]

Bogdanov, 1878 – Bogdanov, M. (1878). Tazy i kirgizskiy borzyye [Tazy and Kirgyz greyhounds]. *Priroda i okhota*. 4: 45-48. [in Russian]

Gaverdovskiy, 2007 – Gaverdovskiy, Ya.P. (2007). Obzreniye Kirgiz-kaysatskoy stepi [Review of the Kirghiz-Kaisak steppe]. Т. 5: Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 620 p. [in Russian]

Kartayeva, 2017 – Kartayeva, T.Ye. (2017). Kazakhi Prisyrdar'inskogo regiona [Kazakhs of the Syrdarya region]. Almaty: «Litres», 390 p. [in Kazakh]

Kazakhi, 1995 – Kazakhi [Kazakhs]. Almaty, 1995. 352 p. [in Kazakh]

Kharuzin, 1889 – Kharuzin, A. (1889). Kirgizy Bukeyevskoy ordy [Kirghiz of Bukeevskaya horde]. М.: Тип. А.А. Левенсон, 255 p. [in Russian]

Khinayat, Isabekov, 2007 – Khinayat, B., Isabekov, K.M. (2007). Kazakhskaya traditsionnaya okhota [Kazakh traditional hunting]. Almaty: «Almatykitap», 208 p. [in Kazakh]

Khoroshkhin, 1876 – Khoroshkhin, A.P. (1876). Ot Orenburga do Kazalinska [From Orenburg to Kazalinsk]. Sbornik statey, kasayushchikhsya Turkestanskogo kraya. SPb. Pp. 3-38. [in Russian]

Kul'tura i byt kazakhov, 2021 – Kul'tura i byt kazakhov. Al'bom risunkov V.N. Plotnikova 1857–1866 godov [Culture and life of the Kazakhs. Album of drawings by V. Plotnikov 1857–1866]. Iz sobraniya Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya. Almaty: Aktsionernoe obshchestvo «ABDI Kompani», 254 p. [in Russian]

Levshin, 1832 – Levshin, A.I. (1832). Opisaniye kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey [Description of the Kirgyz-Cossack or Kirgyz-Kaisak hordes and steppes]. SPb.: Tip. Karla Kraiya, Ch. III. 304 p. [in Russian]

Masanov, 1995 – Masanov, N.E. (1995). Kohevaya tsivilizatsiya kazakhov [Nomadic civilization of the Kazakhs]. М.: «Gorizont», 320 p. [in Russian]

Meyendorf, 1975 – Meyendorf, Ye.K. (1975). Puteshestviye iz Orenburga v Bukharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. М., 183 p. [in Russian]

Meyer, 1865 – Meyer, L. (1865). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami general'nogo shtaba [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff.]. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva. SPb., 1865. 288 p. +12 l. karta+tabl. [in Russian]

Mukanov, 1983 – Mukanov, M.S. (1983). Okhota s lovchimi ptitsami [Hunting with birds of prey]. *Izvestiya AN Kaz. SSR*. 3: 48-55. [in Russian].

Nalivkin, 1891 – Nalivkin, V.P. (1891). Osobennosti okhoty kazakhov u tuzemtsev Turkestanskogo kraya [Peculiarities of Kazakh hunting among the natives of the Turkestan region]. *Priroda i okhota*. 6: 60-81. [in Russian]

Narody Rossii, 1880 – Narody Rossii. Kirgyzy [Peoples of Russia. Kirgyz]. SPb.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1880. 648 p. [in Russian]

Nemvrod, 1926 – Nemvrod, K. (1926). Okhota s lochvimi ptitsami v Semipalatinskoy gubernii [Hunting birds of prey in the Semipalatinsk province]. *Okhota i pushnik Sibiri*. 5: 12-14. [in Russian]

- Orekhov, 1910** – Orekhov, I. (1910). Okhota s lovchimi ptitsami u kirgiz [Hunting with birds of prey at the Kirghiz]. *Turkestanskiye vedomosti*. 66-68. [in Russian]
- Orlov, 1906** – Orlov V. (1906). Sary biye [Sary bye]. *Turkestanskiye vedomosti*. 137: 888. [in Russian]
- Pashino, 1868** – Pashino, P.I. (1868). Turkestanskiy kray v 1866. Putevyye zametki [Turkestan region in 1866. Travel notes]. Putevyye zametki. SPb., 179 p. [in Russian]
- Polferov, 1896** – Polferov, Y. (1896). Okhota v Turgayskoy oblasti [Hunting in the Turgai region]. Orenburg: Turgaisk. Stat. kom., 137 p. [in Russian]
- Radlov, 1887** – Radlov, V.V. (1887). Etnograficheskiy obzor tyurkskikh plemen Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarii [Ethnographic overview of the Turkic tribes of Southern Siberia and Dzungaria]. Tomsk, 26 p. [in Russian]
- Radlov, 1989** – Radlov, V.V. (1989). Iz Sibiri [From Siberia]. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 749 p. [in Russian]
- Rychkov, 1896** – Rychkov, P.I. (1896). Istoriya Orenburgskaya. 1730–1750 [Orenburg history. 1730–1750]. Orenburg, 95 p. [in Russian]
- Seitov, 1929** – Seitov, M.D. (1929). Okhota s lovchimi ptitsami u kazakov Semipalatinskogo kraya [Hunting with birds of prey among the Cossacks of the Semipalatinsk Territory]. *Zapiski Semipalatinskogo otdela Obshchestva izucheniya Kazakhstana*. Semipalatinsk. Pp. 65-74. [in Russian]
- Shirinkin, 1890** – Shirinkin, K. (1890). Lovchiye ptitsy Turkestana [Birds of prey of Turkestan]. *Priroda i okhota*. 6: 76-77. [in Russian]
- Simakov, 1998** – Simakov, G.N. (1998). Sokolinaya okhota i kul't khishchnykh ptits v Sredney Azii: ritual'nyye i prakticheskiye aspekty [Falconry and the cult of birds of prey in Central Asia: ritual and practical aspects]. SPb., 320 p. [in Russian]
- Simakov, 1999** – Simakov, G.N. (1999). Sokolinaya okhota v Sredney Azii v XIX-XX vekakh: prakticheskiy aspekt [Falconry in Central Asia in the 19th – 20th centuries: a practical aspect]. Bishkek: Kyrgyzstan, 212 p., il. [in Russian]
- Skorobogatov, 1925** – Skorobogatov, V. (1925). Turkestanskaya okhota Kirgiz [Turkestan hunting of Kyrgyz]. *Turkestanskiy okhotnik*. 5-8. [in Russian]
- Smirnov, 1897** – Smirnov, A.P. (1897). Byt i nrawy kirgizov [Life and customs of the Kyrgyzs]. SPb., 27 p. [in Russian]
- Stepnyak, 1896** – Stepnyak, Ye. (1896). Okhota na kulanov [Hunting for kulans]. *Priroda i okhota*. 3: 69-72. [in Russian]
- Toktabay, 2013** – Toktabay, A. (2013). Kazakhskaya borzaya tazy [Kazakh Greyhound Tazy]. Almaty: «Atamura», 160 p. [in Kazakh]
- Tolybekov, 1971** – Tolybekov, S.V. (1971). Kochevoye obshchestvo kazakhov v XVII – nachale XX veka [Nomadic society of Kazakhs in the XVII – early XX century]. Alma-Ata: Nauka, 636 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Turkestanskiy kray, 1880** – Turkestanskiy kray. Opyt voyenno-statisticheskogo obozreniya Turkestanskogo voyennogo okruga [Turkestan Territory. The experience of the military-statistical survey of the Turkestan military district]. T. III. SPb.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1880. 302 p. [in Russian]
- Valikhanov, 2010** – Valikhanov, Ch.Ch. (2010). Sb. soch. T.1. 2-izd. [Collected works. Vol. 1. 2nd edition]. Almaty: «Tolagai grupp», 376 p. [in Russian]
- Vil'kins, 1876** – Vil'kins, A.I. (1876). Okhota s berkutom [Hunting with eagle]. *Priroda*. Kn. 2. Pp. 158-162. [in Russian]
- Vyatkin, 1947** – Vyatkin, M.P. (1947). Batyr Srym [Batyr Srym]. Moskva, 390 p. [in Russian]
- Zagryazhskiy, 1874** – Zagryazhskiy, G.S. (1874). Byt kochevogo naseleniya dolin Chu i Syrdar'i [Life of the nomadic population of the Chu and Syr Darya valleys]. *Turkestanskiye vedomosti*. 25: 97-98 [in Russian]
- Zalessky, 1991** – Zalessky, B. (1991). Puteshestviye v kirgizskiy stepi [A journey to Kazakh sugar]. Almaty: Izdatel'stvo «Oner», 132 p. [in Russian]
- Zhukov, 1872** – Zhukov, F. (1872). Okhota v Turkestanskom kraye [Hunting in the Turkestan Territory]. *Turkestanskiye vedomosti*. 17: 67-68. [in Russian]

Традиционная охота казахов в трудах российских исследователей (XIX – начало XX вв.)

Гульбану Исмагуловна Ишкалова ^{a, *}, Аманжол Боранбайұлы Калыш ^a

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ishkalovao703@mail.ru (Г.И. Ишкалова),
kalyshamanzhol@gmail.com (А.Б. Калыш)

Аннотация. Российские ученые, путешественники и чиновники XIX – начала XX веков внесли большой вклад в изучение истории и этнографии Казахстана. В широком спектре их исследований особое место занимают сведения о традиционной охоте казахов. Однако их труды, являющиеся основными источниками по традиционной охоте казахского народа, не получили до настоящего времени должного признания, анализа и оценки.

В данной статье предпринимается попытка провести анализ трудов российских исследователей XIX – начала XX вв., ввести в научный оборот содержащиеся в них сведения и раскрыть их научную значимость как источников по традиционной охоте казахов. Источниковую базу работы также составили ранее не опубликованные документы Центрального государственного архива Республики Казахстан. При изучении трудов российских исследователей и архивных данных применялся источниковедческий метод, который позволил более детально и качественно проанализировать имеющиеся материалы.

В результате изучения трудов российских исследователей XIX – начала XX вв. авторами были выявлены особенности традиционной охоты казахов, а также эволюция и трансформация ее способов и методов на рубеже веков.

Ключевые слова: русские исследователи, источники, казахи, кочевое общество, традиционная охота, хозяйство казахов, промыслы, ловчие птицы.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 298-308
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.298

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Great Pilgrimage of Muslims of the Turkestan Region: the Attitude Tsarist Administration to Religion

Karlygash A. Rakhymzhan ^{a, *}, Serimzhan I. Akhmetov ^a, Lazzat S. Dinasheva ^a, Gaukhar S. Abdrakhmanova ^b

^a Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract

Spiritual and religious aspects played an active role in all spheres of public life of the Turkestan region, which was part of the Russian Empire in 1865. This includes the issue of performing the pilgrimage duty to Mecca and Medina, the holy cities in the minds of Muslims. In solving the mechanisms of the spiritual and religious sphere of the region, the Russian administration had to face this phenomenon. The whole point was in the unauthorized implementation of the pilgrimage of those who wished to establish Russian power in Central Asia. As a result, episodes of epidemics occurred more than once in the Middle Ages, which caused major negative consequences to the Turkestan region. In order to prevent this, the tsarist authorities had to approve legislative pilgrimage projects. But it should be noted that the legislative projects were implemented taking into account the mentality and customs of the local population. Based on historical research, it can be argued that a number of disagreements arose between the departments of the tsarist administration in this direction. Without a doubt, all this was aimed at ensuring that the Hajj mission meets the interests of the state and believers. The bodies of Russian foreign diplomacy abroad contributed to the solution of legal, economic, transport and medical issues of Muslim pilgrims. Thanks to the effective regulatory and medical regulations adopted by the tsarist government, we were convinced that the number of Muslim pilgrims departing from the Turkestan region increased from year to year. That is, the pilgrimage process had a development phenomenon.

In this article, on the basis of archival and research materials, the general state of the development of a large Muslim pilgrimage in the Turkestan region and the elements of the attitude of the authorities to it are analyzed.

Keywords: Great Muslim pilgrimage, Turkestan Governor-General, Islam, spiritual and religious factor, Central Asia, military department, sanitary and epidemiological situation.

1. Введение

До присоединения к Российской империи в Туркестане господствовала исламская религия. В Среднеазиатском обществе роль религии нашла отражение во всех сферах жизни. Правящие ханы и эмиры стремились покорить народ с помощью религии, а простым людям приходилось расширять свое мировоззрение религиозными книгами. Принципы принятия ислама и богослужения в арабском, персидском обществах имели ряд отличий по сравнению с Туркестаном. Ряд исследователей царской эпохи охарактеризовали туркестанскую модель религии ислама «исламом гробниц» (Литвинов, 2016: 17). В первую очередь это было связано с тем, что ислам подвергался тесной ассимиляции с местными обычаями. Тюркские народы Средней Азии издавна отличались особой верой в предков. В связи с этим в Туркестане прочно утвердились два вида паломничества в исламе: 1. Большое паломничество (хадж) в Мекку и Медину, которые считались священными

* Corresponding author

E-mail addresses: Rusbek_1492@mail.ru (K.A. Rakhymzhan), dinash-lyazzat@mail.ru (L.S. Dinasheva)

городами мусульман. 2. Местное паломничество на могилу святых в определенном регионе. Фактор присоединения Туркестана к Российской империи не препятствовал существованию вышеуказанных религиозных явлений. Потому что царская администрация занимала ведущее место среди мировых империй по не ограничению религиозных прав своей подданных. Принимая во внимание вопросы межгосударственной безопасности, царская администрация внесла некоторые правовые нормы в правила совершения большого паломничества. Однако местная администрация стремилась поддержать процесс его общего развития.

2. Материалы и методы

Учитывая специфику темы исследования и исходную базу материалов, источников можно разделить на две группы:

– Основную долю материалов, относящихся к проблеме, представляют документы Центрального государственного архива Казахстана (Алматы, Казахстан) и Центрального государственного архива Узбекистана (Ташкент, Узбекистан). По происхождению документы характеризуются постановлениями и приказами канцелярии Туркестанского генерал-губернатора и решениями военного ведомства Туркестанского края при МВД. Как известно, полномочия МВД Российской империи в Туркестанском крае исполняла военное ведомство данного края.

– В качестве дополнительных архивных материалов были привлечены дела фондов Туркестанского городского государственного архива (Туркестан, Казахстан) и Таразского городского государственного архива (Тараз, Казахстан). В архивах данных городов хранятся интересные факты о количестве и составе паломников на местные святые объекты. Это связано с тем, что основные святые места Туркестанского генерал-губернаторства в Сырдарьинской и Семиреченской областях сосредоточены в окрестностях вышеупомянутых городов. Администрациями Ташкентского, Аулиеатинского, Шымкентского, Туркестанского уездов была проведена определенная работа по рассмотрению исков местных паломников и принятию по ним решений. Особенно это нашло отражение в вопросах захоронения умерших в святых местах и запроса на это разрешения у местной администрации.

При написании рукописи руководствовались историко-генетическим методом по изучению явлений зарождения сакральных мест, ставших местными объектами паломничества в Туркестанском крае. Кроме того, был учтен историко-диахронный метод в определении процесса развития восприятия религиозных понятий, возникшего в связи с изменениями времени и исторической действительности. При определении общих сходств и различий между большим и местным паломничеством был использован метод сравнительного анализа. В понимании общей формы взаимодействия и ответственности деятельность органов царской администрации, отвечающих за вопросы религиозно-политической и безопасности, был использован структурный метод.

В определении критериев социальной среды, статуса и степени образования паломников опирались на принцип системного анализа.

3. Обсуждение

Данная тема по степени своей изученности делится на различные исторические периоды. Анализируя имеющуюся историографическую базу, классифицируем тему на четыре этапа: 1. Дореволюционный период. 2. Советский. 3. Постсоветский. 4. Зарубежный.

1. Среди вышеперечисленных периодов значительную ценность представляет дореволюционный период. Это связано с тем, что в этот период сформировалась крупная школа исследователей по истории и культуре Туркестанского края. Их труд отличается не только накоплением сведений о религиозных познаниях жителей Туркестана, но и работой по профессиональному анализу, систематизации и введению в научный оборот.

Одним из первых, кто исследовал паломничество мусульман Туркестана, был путешественник, член Русского географического общества Ч.Ч. Валиханов (Валиханов, 1985). В своих трудах Ч.Ч. Валиханов отмечает, что жители некоторых регионов Туркестана до конца не приняли ислам. Пишет, что в их крови и сердце прочно закрепились элементы шаманизма (Валиханов, 1985: 167). Вместе с тем, ученый предлагал провести кардинальные реформы в Духовном управлении мусульманского населения. Он также подчеркнул, что необходимо подчинить единому порядку прибытие ишан, хаджей Средней Азии в общество кочевого населения Степного края.

Особую роль в анализе религиозно-духовных аспектов проблемы регионального паломничества Туркестанского края играет академик В.В. Бартольд. В основном исследования В.В. Бартольда (Бартольд, 1963; Бартольд, 1964) о процессах становления и развития исламской религии в Средней Азии берут свое начало в раннем средневековье. Т. е. внес большой вклад в систематизацию историографии и периодизацию истории ислама в Туркестанском крае. Одним из основных объектов в его исследованиях по исламу является паломничество. Он полагал, что история ислама в Средней Азии слабо и противоречиво описана в источниках (Бартольд, 1927: 115).

Особое значение имеют обобщенные научные подходы В.П. Наливкина (Наливкин, 1913) который рассматривал становление и развитие ислама в Туркестанском крае в политическом

контексте. По мнению исследователя, в Туркестанском крае прошло двенадцать веков с момента установления принципов ислама (Наливкин, 1913: 91).

В исследовании историко-культурного значения древних памятников и сакральных мест, расположенных на территории Сырдарьинской области Туркестанского края, ярко упоминается имя академика Н.И. Веселовского (Веселовский, 1895). Он оставил очень ценное и разнообразное научно-литературное наследие, большая часть которого не была опубликована. Исследователь не только описывал и делал фиксации найденных памятников, но и сделал копии рукописей, чертежи и планы священных объектов, но и провел археологические раскопки отдельных участков городищ. Судя по материалам, Н.И. Веселовский проводил опрос среди местного населения о священных памятниках и стремился понять их роль в устном народном творчестве и преданиях (Веселовский, 2002).

Роль Н.О. Остроумова, которого В.В. Бартольд назвал «Туркестанским патриархом», в изучении этой темы значительна. В своих работах (Остроумов, 1910; Остроумов, 1914) автор, опираясь на факты, дал оценку этнографическим, культурным, географическим особенностям исламского учения. По его мнению, понятия Аравия и коран – это явления, тесно связанные друг с другом (Остроумов, 1910: 26). В контексте миссий паломничества он высказал свои предложения в государственное законодательство (Остроумов, 1914: 59).

В обобщающем исследовании особенностей ислама в Туркестане и отношения людей к религии ценность представляют научные материалы Н.С. Лыкошина (Лыкошин, 1915). Он является одним из первых исследователей в Туркестанском крае, который описывал звенья религиозной иерархии и систематизировал их.

В труде В.В. Череванского (Череванский, 1901) собраны интересные факты, касающиеся истории прихода и развития исламской религии в Туркестан, а также ее современного состояния.

Дополнительные материалы составляют труды исследователей Н.И. Гродекова (Гродеков, 1889), Ю.Д. Южакова (Южаков, 1894), М.И. Венюкова (Венюков, 1896) и др.

В целом, в дореволюционной историографии был обоснован процесс накопления, систематизации и введения в научный оборот устных, письменных источников о ситуации ислама в Туркестане и в том числе по вопросам паломничества.

2. В историографии советского периода 1920-1930-х годов история и общее состояние ислама в Туркестанском крае не относились к категории актуальных тем. В указанный период в подавляющем большинстве возрос интерес к публикациям об участии мусульман в волнах революции и процессе достигнутых по ней изменений.

Особенно преобладала исследовательская литература по эмансипации мусульманских женщин и достижениям советской практики. Вопрос паломничества был исключен из перечня актуальных вопросов. В Туркестане с установлением советской власти было полностью ограничено совершение большого паломничества. После 1930-х годов этот процесс усилился. В исторической науке исламская проблематика и мусульманское духовенство объявлены пособниками царства, а ислам – тормозом духовного развития общества.

На основе этих факторов была сужена область изучения истории ислама в Туркестанском крае и ее аспектов. Только в отдельных исследованиях она отмечалась косвенно. Она конечно, должна была соответствовать требованиям советской цензуры.

В работах Г. Сафарова (Сафаров, 1921), Т. Рыскулова (Рыскулов, 1925), Е. Федорова (Федоров, 1925), А. Аршаруни, Х. Габидуллина (Аршаруни, Габидуллин, 1931), П.Г. Галузо (Галузо, 1935) и др., опубликованных в 1920-1930 годах, дана косвенная оценка положения мусульманства в крае. Следует отметить, что в вышеупомянутых исследованиях мусульманское духовенство и принципы ислама были описаны как один из инструментов царской власти в эксплуатации простого народа.

Кроме того, были проведены исследования по распространению ислама среди центральноазиатских народов: О.А. Сухарева (Сухарева, 1960), С.Б. Дорженов (Дорженов, 1964), Н. Сабитов (Сабитов, 1968), Т.С. Саидбаев (Саидбаев, 1978), С.М. Демидов (Демидов, 1990) и др.

Труды В.Н. Басилова (Басилов, 1963; Басилов, 1970), проводившего этнографические исследования по следам шаманизма в Туркестане и его элементам интеграции с местным исламом, С.П. Полякова (Поляков, 1980; Поляков, 1989), обобщившего материалы о значении обычаев в совершении местного хаджа (паломничества), положили начало научному изучению темы мусульманства Туркестана в советской историографии.

В целом историография советского периода накопила много этнографического и археологического материала по теме исследования. Но в качестве главных ее недостатков можно указать, во-первых, проблема не рассматривалась специально и глубоко, а, во-вторых, изучался только с идеологической точки зрения. Ислам, паломничество мусульман края в святые места и т.д. религиозно-духовные явления определялись как элементы патриархальной отсталости досоветской эпохи.

3. В постсоветской или современной историографии всесторонне рассмотрены вопросы большого и местного паломничества Туркестанского края в период с 1867 по 1917 годы. Одним из отличий современной историографии от советского периода было отсутствие политико-идеологических рамок. Исследователям удалось свободно и объективно выразить свои мысли на основе имеющихся фактов. В исследованиях С.П. Полякова (Поляков, 1993), В.В. Наумкина

(Наумкин, 1994), Р.Г. Ланды (Ланда, 1995), В.Н. Ушакова (Ушаков, 2005) проведен всесторонний анализ направлений и этапов развития ислама в Российской империи. В том числе большое внимание уделено политическому исламскому фактору.

Исследования Д.Ю. Арапова (Арапов, 2004; Арапов, 2006), В.П. Литвинова (Литвинов, 2014; Литвинов, 2015; Литвинов, 2016) не только анализируют общую историко-культурную роль ислама в обществе Туркестана, но и приводят выводы о формах совершения большого и местного паломничества и соотношении государства в них. Д.Ю. Арапов в своем исследовании (Арапов, 2004) подробно остановился на основных направлениях государственного регулирования ислама в Российской империи.

Основным объектом исследовательской работы В.П. Литвинова (Литвинов, 2007) являются историко-антропологические аспекты паломничества в Туркестанском крае. Хронологически охватывает 1867–1917 годы. По мнению автора, для широкого понимания внутренней ситуации ислама в Центральной Азии в прошлые и современные эпохи необходимо уделить внимание углубленному изучению его традиционных духовных корней (Литвинов, 2007: 74).

В работе Д.Х. Зияевой (Зияева, 2010) дана оценка трансформации и традициям ислама в Туркестане при царском правительстве. В научной статье Н.Д. Нуртазиной (Нуртазина, 2017) проведен анализ биографии религиозных деятелей Средней Азии, в том числе выявлены новые подходы к теоретическим и философско-теологическим аспектам.

4. Следует отметить, что в зарубежной историографии проблема паломничества в Туркестане не стала основным объектом исследования. В работах дореволюционных британских исследователей ситуация ислама в Средней Азии рассматривалась в рамках российско-британских политико-идеологических конфликтов. С этой целью были изданы британские труды, которые предусматривали какую-либо специальную пропагандистскую идею. Среди них интерес представляют работы следующих авторов: Х. Раунсон (Rawhnsou, 1875), Д. Булджер (Boulger, 1879), А. Колкхаун (Colquhoun, 1900), Э. Рональдшоу (Ronaldshaw, 1904), У.Э. Кертис (Curtis, 1911) и др.

4. Результаты

В 1865 году, после присоединения Туркестанского края к Российской империи, религиозные вопросы края были переданы в ведение Оренбургского муфтия (Литвинов, 2014: 88), который считался верховным религиозным деятелем и главой шариатского суда в центральной части империи. В 1867 году основатель и первый генерал-губернатор Туркестанского генерал-губернаторства фон Кауфман утвердил распоряжение об выведении управления мусульманами края из ведения Оренбургского муфтий (Волков, 2010: 156). Но не был создан орган, организующий и контролирующей его дела. То есть религиозные дела края подчинялись положениям Оренбургского муфтия. Этот вопрос впоследствии неоднократно поднимался.

Одной из мер, предпринятых царским правительством по делам мусульманской религии, было законодательное урегулирование вопросов большого и местного паломничества. В частности, вопросы организации и контроля большого паломничества, связанного с поездками за границу, возлагали чрезмерную ответственность на местные соответствующие органы.

По мнению Ж.О. Артыкбаева, написавшего религиозно-исторические труды по вопросам становления и развития хаджа в Средней Азии, история хаджа делится на три исторических периода:

1. Утверждение понятия хаджа в религиозном мировоззрении центральноазиатских народов вместе с распространением ислама и формирование религиозных школ (средневековье);
2. Второй этап определяется временем, когда ислам был поддержан царской администрацией в Туркестанской степи (вторая половина XVIII–конец XIX в.);
3. Постсоветский период (Артыкбаев, 2010: 6).

Нельзя не согласиться с вышеуказанными факторами исторической периодизации данного автора. По сравнению с советской эпохой при царском правительстве мусульманское население Туркестана и Западной Сибири не подвергалось какому-либо давлению по религиозно-духовным убеждениям. Необходимо отметить, что все духовные институты работали и разные формы религиозной веры были поддержаны в рамках государства.

Согласно шариату, одним из пяти обязанностей, которые должны выполнять каждый мусульманин было осуществление паломничества (хадж) в Мекку и Медину, которые являлись священными городами ислама. Вышеупомянутый религиозный долг стремились исполнить мусульмане Российской империи, а политическая власть не возражала против этого (Вамбери, 1874: 69). Однако возник ряд политико-идеологических и санитарно-эпидемиологических вопросов. Особенно второй вопрос относился к категории актуальных. Трудности совершения большого паломничества для мусульман России можно разделить на два фактора: 1. Расположение городов Мекка и Медина (Хиджаз) на территории Османской империи и вытекающие из этого политико-идеологические угрозы. 2. Сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка в данном регионе (Литвинов, 2015: 400).

XIX век вошел в историю с непростыми временами русско-турецких войн. Указанная политико-военная напряженность оказала влияние и на духовно-религиозную сферу. Эта проблема часто

отражалась в больших паломнических поездках мусульман Туркестана. Однако, несмотря на трудности вышеупомянутых политико-идеологических и санитарно-эпидемиологических факторов, соответствующие ведомства Российской империи пытались решить текущие барьеры. В этом направлении слаженно работали посольство Российской империи в Стамбуле и русское консульство в Джидде, Министерство иностранных дел, военное министерство и канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства (Литвинов, 2015: 401).

Накануне и во время русско-турецких войн 1877–1878 гг. власти Османской империи ужесточили свои внутренние порядки в отношении русских паломников (Наумкин, 1994: 12). Бывали ситуации когда несмотря на международные нормы, органы турецких властей отбирали у российских паломников их национальные заграничные паспорта и вместо этого сдавали свои документы под названием «тезкире» (Ланда, 1995: 61). Между представителями российской дипломатической службы и турецкими властями велись долгие и сложные переговоры вокруг каждого паломника (Литвинов, 2015: 401).

Были предприняты попытки отравить сознание паломников проезжающих через территории Османской и Британской империй антирусской пропагандой со стороны агентур вышеуказанных империй (Машанов, 1910: 125). В Российской империи был сформирован юридический и административный порядок мер по его предотвращению и борьбе с последствиями.

Дореволюционный исламовед М. Машанов писал об этом в 1910 году: «Хадж мусульман есть как бы религиозный съезд мусульман со всего мира, которые напитавшись здесь нетерпимым фанатизмом, разъезжаются обратно домой, и развозят с собой идей панисламизма, всеобщего единения мусульман не только на религиозной почве и но и на политической» (Машанов, 1910: 124).

Необходимо было учитывать множество критериев, таких как социальная среда и статус паломников, их религиозные взгляды и светское образование и т. д. Заграничный паспорт, дающий право на паломничество, выдавался только лицам, соответствующим критериям (Мекебайев..., 2019: 436). Работали два органа, непосредственно занимавшиеся вопросами паломников: 1. МИД. 2. МВД (Литвинов, 2014: 90). Среди вышеуказанных органов действовали подведомственные органы. В Туркестанском крае действовало военное ведомство, которое приняло на себя полномочия Министерства внутренних дел. Заявление о паломничестве требовало подписи и печати главы военного ведомства. А главой военного ведомства был генерал-губернатор края (Волков, 2010: 156). От имени Министерства иностранных дел был создан Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) в целях урегулирования отношений царской власти с мусульманской общиной (Литвинов, 2014: 90–91). Генерал-губернатор Туркестана Кауфман утвердил правовое оформление и организационно-контрольную работу мусульманских паломников в распоряжение канцелярии края (ЦГА РУ. Ф. 18. Кн. 1. Оп. 1. Д. 4370. Л. 8). Циркуляры ДДДИИ МВД действовали только формально (Волков, 1910: 157).

Паломникам вручили «открытые листы» канцелярии генерал-губернатора и заграничные паспорта (Арапов, 2004: 133). Однако между канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства и МВД России нередко возникали разногласия по административному урегулированию вопроса мусульманского паломничества. Такая ситуация обострилась при преемнике Кауфмана генерал-губернаторе М.Г. Черняеве (1882–1884). Он предложил исключить сложные методы правового регулирования проблемы хаджа (Литвинов, 2014: 91).

С нашей точки зрения, должна быть специально рассмотрена история взаимоотношений военного министерства (генерал-губернатор) и МВД по решению вопросов, касающихся мусульманского положения в Туркестанском крае. Но здесь мы можем видеть политику царской администрации в Туркестанском крае в отношении местной мусульманской религии, которая стремилась к положительному нейтралитету или соблюдению принципов религиозной свободы.

Однако вышеизложенная формулировка не определяет, что царская администрация не обратила внимания на нормативно-правовые регламенты по урегулированию вопроса паломничества. Царская администрация стремилась создать нормативно-правовую систему, основанную на менталитете и традициях местного населения. Потому что она четко понимала, что жесткие правовые требования приведут к обострению связей между местной властью и обществом (Batyrbekkyzy..., 2017: 128). До прихода Российской империи жители Туркестана совершали большие паломнические поездки самовольно. Специальные учреждения центральноазиатских ханств, которые могли бы отслеживать процесс их отъезда и прибытия, не функционировали (Omarbayev..., 2020: 129). Из-за этого в регионе часто случались различные заболевания и эпидемии. Российская администрация всесторонне рассмотрела меры, направленные на профилактику данного явления.

С этой целью были предприняты различные меры по пресечению самовольно отправляющихся паломников, не состоящих на местном учете. Особенно срочные меры были приняты при возникновении эпидемиологического риска в зарубежных странах. Русское правительство в Туркестане распространило рекомендательные циркуляры, описывающие ситуацию, происходящую за рубежом, и системно занялось предупреждением о необходимости не рисковать жизнью. В 1893 году в период обострения эпидемиологической ситуации в Мекке и Медине в Ферганском,

Самаркандском, Аулиеатинском уездах Туркестана было распространено около 12 тысяч циркуляров рекомендательного характера (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 17).

В 1893 году в Мекке из-за отсутствия медицинской помощи погибло около 3 тысяч паломников (Литвинов, 2015: 401). Российскую царскую администрацию беспокоила санитарно-гигиеническая обстановка в Аравии. По поручению правительства России в 1898-1899 годах в Мекке и Медине побывал офицер-мусульманин, штабс-капитан Абдельазиз Давлетшин (Литвинов, 2015: 401). По его докладу было обосновано, что общие санитарно-гигиенические нормы в Аравии не соответствуют международным нормам (Литвинов, 2015: 401). Учитывая это, в целях своевременной информированности о состоянии эпидемиологических заболеваний накануне хаджа посольство Российской империи в Стамбуле постоянно поддерживало связь с Высшим Международным Санитарным советом (Арапов, 2006: 85).

Для пресечения самовольных паломников, не вставших на учет, администрацией Туркестана были сформированы специальные отряды на границах. Они состояли в основном из казаков и местных джигитов наемников. По данным архива, были усилены службы охраны на пограничных постах в направлении Термез и Мерв (ЦГА РУ. Ф. 1. Кн. 1. Оп. 29. Д. 1067. Л. 10.).

Кроме того, в целях недопущения проникновения в Российскую империю внешних эпидемиологических эпидемий были открыты специальные «врачебно-наблюдательные» пункты на границах с государствами Афганистана, Персии и Китая. В 1912 году их было 5 (ЦГА РУ. Ф. 1. Кн. 1. Оп. 29. Д. 1065. Л. 24). Возвращающиеся из паломнической поездки должны были пройти медицинский осмотр в указанных пунктах и получить соответствующие карантинные штампы. А военная полиция Туркестана тщательно контролировала наличие их карантинных штампов. В 1914 году в Ташкенте, Верном военной полицией было зарегистрировано около 27 карантинных штампов (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 54). А в уезде Аулиеата 9 карантинных штампов были зарегистрированы местными властями (ТТГА. Ф. 6-1. Оп. 2. Д. 7. Л. 23).

Указанные правовые меры привели к изменению отношения местных мусульман к русской власти. Они начали понимать, что регистрация на учете местных властей и получение заграничных паспортов перед отправлением в хадж обеспечат их безопасную поездку.

В ходе изучения материалов мы убедимся, что этот процесс начал налаживаться с 1893 года. Сведения о лицах, зарегистрированных в Туркестанском и Степном генерал-губернаторстве и отправившихся в хадж, стали появляться с 1893 года (Зияева, 2010: 61). По архивным данным, из Степного края в 1893 году совершили паломничество 25 человек, в 1897 году – 34, в 1900 году – 322, в 1902 году – 38, в 1913 году – 143 человека (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 49). Основную массу паломников из Туркестанского края составляли жители Ферганской области. Данный регион отличался высокой густонаселенностью населения. В 1898 году количество паломников из Туркестанского края составило около 1530 человек, из которых три четверти были жителями Ферганской области (Массэ, 1963: 102). А общее количество российских мусульманских паломников в указанном году составлял 1795 человек (Массэ, 1963: 102-103). В 1901 году количество паломников из одной Сырдарьинской области Туркестанского края достигло 188 человек (ТТГА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8. Л. 46). В 1910-1917 гг. ежегодное число паломников из Туркестанского региона составляло около 5000 человек (Ушаков, 2005: 74).

По всеобщей переписи населения 1897 года, проведенной в Российской империи, важно знать численность мусульман Туркестана и определить долю паломников в нем (Зияева, 2010: 64). Для анализа данного вопроса обратим внимание на данные из Таблицы 1 ниже.

Таблица 1. Доля туркестанских мусульман и паломников в всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года

Общее количество мусульман в Российской империи	Количество мусульман в Туркестанском крае	Количество мусульман паломников из Российской империи в 1898 г.	Количество мусульман паломников из Туркестанского края в 1898 г.
13 906 972	6996654	1795	Около 1530
в %	11,1% в империи	50%	0,02%

Анализируя данные вышеприведенной таблицы, можно отметить, что доля мусульман Туркестанского края в общей численности мусульман Российской империи составила более 50 %, а доля паломников – более 80 %.

Разработка законодательных положений паломничества для мусульман Российской империи продолжалось долгое время между МВД, МИД, Туркестанским генерал-губернатором и Государственным Советом. Наконец, законопроект паломничества для мусульман Российской империи был утвержден императором Николаем II 8 июня 1903 года (Литвинов, 2014: 93). Ряд

исследователей подтверждают, что практическая база данного законопроекта опиралась на подходы царской администрации в Туркестане (Литвинов, 2016: 24; Арапов, 2004: 131).

5. Заключение

Рассмотренные выше вопросы приведут к осмыслению по аспектам развития духовно-религиозного и политико-правового положения мусульман в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Несмотря на ряд трудностей, можно заметить, что в указанный период царская администрация занимала положительную позицию по вопросам мусульманского паломничества. Большую работу выполняла российская внешняя дипломатия по обеспечению решений правовых и медицинских вопросов жизни мусульманских паломников за рубежом. Паломнические поездки мусульман Туркестана имели не только религиозное значение, но и играли большую роль в укреплении культурных и межцивилизационных отношений. Жители Туркестана получили международную известность установить связи со своими единоверцами и расширить социально-экономическое мировоззрение. Есть основания полагать, что общая совокупность перечисленных факторов способствовала сегодняшнему уровню развития паломничества в Средней Азии.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Министерство культуры и спорта Республики Казахстан «Комплексное исследование социально-экономической и культурной истории города Туркестан середины XIX-начала XXI века» (проект № 1016479).

Литература

- Арапов, 2004 – Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII-начало XX вв.): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2004.
- Арапов, 2006 – Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. М.: Наталис, 2006.
- Артыкбаев, 2003 – Артыкбаев Ж.О. Казахское общество: традиции и инновации. Астана: Фолиант, 2003.
- Аршаруни, Габидуллин, 1931 – Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931.
- Бартольд, 1927 – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л.: Акад. наук СССР, 1927.
- Бартольд, 1963 – Бартольд В.В. Сочинения. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. 1. М.: Наука, 1963.
- Басилов, 1963 – Басилов В.Н. О пережитках тотемизма у туркмен // Труды Института истории АН Туркменской ССР. Т.7. Ашхабад, 1963.
- Басилов, 1970 – Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: Акад. Наук СССР, 1970.
- Валиханов, 1958 – Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.
- Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в Степи // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Алма-Ата: Рауан, 1985.
- Вамбери, 1874 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: А.И. Мамонтов, 1874.
- Веселовский, 1895 – Веселовский Н.И. Памятник Ходжа Ахрара в Самарканде. Спб.: Восточные заметки, 1895.
- Веселовский, 2002 – Веселовский Н.И. Записки Восточного отделения российского археологического общества. Новая серия. Т.I (XXVI). СПб.: Мир науки, 2002.
- Венюков, 1896 – Венюков М.И. Россия и Восток. Сборник географических и политических статей. Спб.: Тип. В. Безобразова и К., 1896.
- Волков, 2010 – Волков И.В. Деятельность военной администрации по управлению Русским Туркестаном // Власть. 2010. № 5. С. 156-159.
- Галузо, 1935 – Галузо П.Г. Туркестан – колония Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935.
- Гродеков, 1913 – Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1889.
- Демидов, 1990 – Демидов С.М. История религиозных верований народов Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1990.
- Дорженов, 1964 – Дорженов С.Б. Распространение ислама в Киргизии и его современное состояние: Автореф. дис. канд. ист. наук. М, 1964.
- Зияева, 2010 – Зияева Д.Х. Ислам в Туркестане: традиции и трансформации в условиях колониализма // Вестник КазНПУ. 2010. №. 3. С. 58-67.
- Ланда, 1995 – Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Вост. лит., 1995.
- Лыкошин, 1915 – Лыкошин Н.С. «Хороший тон» на Востоке: к полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края. Ташкент: Склад у В.А. Березовского, 1915.

- Литвинов, 2014** – Литвинов В.П. Власть и паломничество мусульман в Русском Туркестане // *Власть*. 2014. № 6. С. 88-93.
- Литвинов, 2015** – Литвинов В.П. Российская дипломатия на Востоке и ее роль в обеспечении нужд паломников-мусульман (вторая половина XIX начало XX вв.) // *Пространство и Время*. 2015. № 1-2. С. 398-402.
- Литвинов, 2016** – Литвинов В.П. Местное паломничество мусульман Туркестана и Кавказа: опыт сравнительного анализа (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Исламоведение*. 2016. № 2. С. 16-24.
- Массэ, 1963** – Массэ А. Ислам. Очерк истории. М.: Изд. вост. лит., 1963.
- Наливкин, 1913** – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.
- Наумкин, 1994** – Наумкин В.В. Ислам в России // *Россия и мусульманский мир*. 1994. № 12. С. 10-19.
- Нуртазина, 2017** – Нуртазина Н.Д. Изучение религиозных персоналий в истории Казахстана // *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»*. 2017. №. 4.
- Остроумов, 1910** – Остроумов Н.П. Исламоведение. Ташкент: Тип. при канц. Турк. г. губернатора, 1910.
- Остроумов, 1914** – Остроумов Н.П. Мир ислама в прошлом и настоящем. Ташкент, 1914.
- Поляков, 1980** – Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М.: Москв. Унив., 1980.
- Поляков, 1989** – Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М.: Знание, 1989.
- Поляков, 1993** – Поляков С.П. Историческая этнография и проблемы ареальной типологизации и периодизации: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1993.
- Рыскулов, 1925** – Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925.
- Сабитов, 1965** – Сабитов Н. Против реакционной идеологии панисламизма и пантюркизма. Алма-Ата: Жалын, 1965.
- Саидбаев, 1984** – Саидбаев Т.С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М.: Наука, 1984.
- Сафаров, 1921** – Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). М., 1921.
- Сухарева, 1960** – Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент: Восток, 1960.
- ТГГА** – Таразский городской государственный архив.
- ТГГА** – Туркестанский городской государственный архив.
- Ушаков, 2005** – Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы. Бишкек: Кыргызско-российский славянский университет, 2005.
- Федоров, 1925** – Федоров Е.Г. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент: Госиздат Узбекской ССР, 1925.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУ** – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- Череванский, 1901** – Череванский В.В. Мир ислама в его пробуждении. Том 2. Спб., 1901.
- Южаков, 1894** – Южаков Ю.Д. О земских начальниках в Туркестане. Ташкент: Типо-лит. С.И. Петухова, 1894.
- Batyrbekkyzy..., 2017** – Batyrbekkyzy G., Mahanuly T.K., Tastanbekov M.M., Dinasheva L.S. Latinisation of Kazakh alphabet history and prospects // *European Journal of Science and Theology*. 2017. Vol. 1. Is. 14: 125-134.
- Boulger, 1879** – Boulger D.C. England and Russia in Central Asia. London, 1879.
- Colquhoun, 1900** – Colquhoun A. Russia against India The struggle for Asia. London, 1900.
- Curtis, 1911** – Curtis W.E. Turkestan the Heart of Asia. New York, 1911.
- Mekebayev..., 2019** – Mekebayev T., Omarbayev Y., Kumganbayev Zh. Activities of the passport bodies of the Bolshevik government in Kazakhstan in the 1920s // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2019. Vol. 32. Is. 3: 435-442.
- Omarbayev..., 2020** – Omarbayev Y., Khazretali T., Zulpikharova E., Kumganbayev Zh. Muslim women under soviet rule in central Asia (Turkistan): soviet gender practice // *Woman in Russian Society*. Is. 4: 126-135.
- Rawhnsion, 1875** – Rawhnsion H. England and Russia in the East: a series of papers on the political and geographical conditions of Central Asia. London: Murray, 1875.
- Ronaldshaw, 1904** – Ronaldshaw E. On the outskirts of Empire in Asia. London, 1904.

References

- Arapov, 2004** – Arapov, D.Yu. (2004). Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossijskoj imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.): Avtoref. dis. kand. ist. Nauk [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII – early XX centuries): Author. dis. ... candidate of Hist. sciences]. Moscow. [in Russian]

- Arapov, 2006** – *Arapov, D.Yu.* (2006). Imperatorskaya Rossiya i musul'manskij mir [Imperial Russia and the Muslim World]. M.: Natalis. [in Russian]
- Arsharuni, Gabidullin, 1931** – *Arsharuni, A., Gabidullin, X.* (1931). Ocherki panislamizma i pantyrkizma v Rossii [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. M.: Bezbozhnik. [in Russian]
- Artykbaev, 2003** – *Artykbaev, Zh.O.* (2003). Kazahskoe obshchestvo: tradicii i inovacii [Kazakh society: traditions and innovations]. Astana: Foliant. [in Russian]
- Bartol'd, 1927** – *Bartol'd, V.V.* (1927). Istoriya kul'turnoj zhizni Turkestana [The history of the cultural life of Turkestan]. L.: Akad. nauk SSSR. [in Russian]
- Bartol'd, 1963** – *Bartol'd, V.V.* (1963). Sochineniya. Turkestan v epohu mongol'skogo nashestviya [Essays. Turkestan in the era of the Mongol invasion]. Vol. 1. M.: Nauka. [in Russian]
- Basilov, 1963** – *Basilov, V.N.* (1963). O perezhitkah totemizma u turkmen [About the remnants of totemism among Turkmens]. Trudy Instituta istorii AN Turkmenskoj SSR. V.7. Ashkhabad. [in Russian]
- Basilov, 1970** – *Basilov, V.N.* (1970). Kul't svyatyh v islame [The cult of saints in Islam]. M.: Akad. Nauk SSSR. [in Russian]
- Batyrbekkyzy..., 2017** – *Batyrbekkyzy, G., Mahanuly, T.K., Tastanbekov, M.M., Dinasheva, L.S.* (2017). Latinisation of Kazakh alphabet history and prospects. *European Journal of Science and Theology*. Vol. 1 (14): 125-134.
- Boulger, 1879** – *Boulger, D.C.* (1879). England and Russia in Central Asia. London.
- CGA RK** – Centralny gosudarstvenny arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- CGA RU** – Centralny gosudarstvenny arhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].
- Cherevanskij, 1901** – *Cherevanskij, V.V.* (1901). Mir islama v ego probuzhdenii [The World of Islam in its Awakening]. T. 2. SPb. [in Russian]
- Colquhoun, 1900** – *Colquhoun, A.* (1900). Russia against India The struggle for Asia. London.
- Curtis, 1911** – *Curtis, W.E.* (1911). Turkestan the Heart of Asia. New York.
- Demidov, 1990** – *Demidov, S.M.* (1990). Istoriya religioznyh verovanij narodov Turkmenistana [Istoriya religioznyh verovanij narodov Turkmenistana]. Ashkhabad: Ylym. [in Russian]
- Dorzhenov, 1964** – *Dorzhenov, S.B.* (1964). Rasprostranenie islama v Kirgizii i ego sovremennoe sostoyanie: Avtoref. dis. kand. ist. nauk [The spread of Islam in Kyrgyzstan and its current state: Author. dis. ... candidate of Hist. sciences]. M. [in Russian]
- Fedorov, 1925** – *Fedorov, E.G.* (1925). Ocherki nacional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya v Srednej Azii [Essays on the National Liberation Movement in Central Asia]. Tashkent: Gosizdat Uzbekskoj SSR. [in Russian]
- Galuzo, 1935** – *Galuzo, P.G.* (1935). Turkestan – koloniya Ocherk istorii kolonial'noj politiki russkogo carizma v Srednej Azii [Turkestan – Colony An essay on the history of the colonial policy of Russian Tsarism in Central Asia]. Tashkent. [in Russian]
- Grodekov, 1913** – *Grodekov, N.I.* (1889). Kirgizy i kara-kirgizy Syrdar'inskoj oblasti [Kyrgyz and Karakirgiz of Syrdarya region]. T.1. Tashkent. [in Russian]
- Landa, 1995** – *Landa, R.G.* (1995). Islam v istorii Rossii [Islam in the History of Russia]. M.: Vost. lit. [in Russian]
- Litvinov, 2014** – *Litvinov, V.P.* (2014). Vlast' i palomничество musul'man v Russkom Turkestane [The Power and pilgrimage of Muslims in Russian Turkestan]. *Vlast'*. 6: 88-93. [in Russian]
- Litvinov, 2015** – *Litvinov, V.P.* (2015). Rossijskaya diplomatiya na Vostoke i ee rol' v obespechenii nuzhd palomnikov-musul'man (vtoraya polovina XIX nachalo XX vv.) [Russian diplomacy in the East and its role in providing for the needs of Muslim pilgrims (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Prostranstvo i Vremya*. 1-2: 398-402. [in Russian]
- Litvinov, 2016** – *Litvinov, V.P.* (2016). Mestnoe palomничество musul'man Turkestana i Kavkaza: opyt sravnitel'nogo analiza (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Local pilgrimage of Muslims of Turkestan and the Caucasus: the experience of comparative analysis (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Islamovedenie*. 2: 16-24. [in Russian]
- Lykoshin, 1915** – *Lykoshin, N.S.* (1915). «Horoshij ton» na Vostoke: k poluvekovomu yubileyu zavoevaniya russkimi Turkestanskogo kraya [“Good tone” in the East: to the half-century anniversary of the Russian conquest of the Turkestan region]. Tashkent: Sklad u V.A. Berezovskogo. [in Russian]
- Masse, 1963** – *Masse, A.* (1963). Islam. Ocherk istorii [Islam. History Essay]. M.: Izd. vost. lit. [in Russian]
- Mekebayev..., 2019** – *Mekebayev, T., Omarbayev, Y., Kumganbayev, Zh.* (2019). Activities of the passport bodies of the Bolshevik government in Kazakhstan in the 1920s. *The Journal of Slavic Military Studies*. 32(3): 435-442.
- Nalivkin, 1913** – *Nalivkin, V.P.* (1913). Tuzemcy ran'she i teper' [Natives before and now]. Tashkent. [in Russian]
- Naumkin, 1994** – *Naumkin, V.V.* (1994). Islam v Rossii [Islam in Russia]. Rossiya i musul'manskij mir. 12: 10-19. [in Russian]

- Nurtazina, 2017** – *Nurtazina, N.D.* (2017). Izuchenie religioznyh personalij v istorii Kazahstana [The study of religious personalities in the history of Kazakhstan]. Elektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.kz». 4. [in Russian]
- Omarbayev..., 2020** – *Omarbayev, Y., Khazretali, T., Zulpikharova, E., Kumganbayev, Zh.* (2020). Muslim women under soviet rule in central Asia (Turkistan): soviet gender practice. *Woman in Russian Society*. 4: 126-135.
- Ostroumov, 1910** – *Ostroumov, N.P.* (1910). Islamovedenie [Islamic Studies]. Tashkent: Tip. pri kanc. Turk. g. gubernatora. [in Russian]
- Ostroumov, 1914** – *Ostroumov, N.P.* (1914). Mir islama v proshlom i nastoyashchem [The World of Islam in the past and present]. Tashkent. [in Russian]
- Polyakov, 1980** – *Polyakov, S.P.* (1980). Istoricheskaya etnografiya Srednej Azii i Kazahstana [Historical ethnography of Central Asia and Kazakhstan]. M.: Moskv. Univ. [in Russian]
- Polyakov, 1989** – *Polyakov, S.P.* (1989). Tradicionalizm v sovremennom sredneaziatskom obshchestve [Traditionalism in Modern Central Asian Society]. M.: Znanie. [in Russian]
- Polyakov, 1993** – *Polyakov, S.P.* (1993). Istoricheskaya etnografiya i problemy areal'noj tipologizacii i periodizacii: Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Historical ethnography and problems of areal typologization and periodization: Author. dis. ... candidate of Hist. sciences]. M. [in Russian]
- Rawhnsion, 1875** – *Rawhnsion, H.* (1875). England and Russia in the East: a series of papers on the political and geographical conditions of Central Asia. London: Murray.
- Ronaldshaw, 1904** – *Ronaldshaw, E.* (1904). On the outskirts of Empire in Asia. London.
- Ryskulov, 1925** – *Ryskulov, T.* (1925). Revolyuciya i korennoe naselenie Turkestana [Revolution and the indigenous population of Turkestan]. Tashkent. [in Russian]
- Sabitov, 1965** – *Sabitov, N.* (1965). Protiv reakcionnoj ideologii panislamizma i pantyrkizma [Against the reactionary ideology of Pan-Islamism and Pan-Turkism]. Alma-Ata: Zhaly. [in Russian]
- Safarov, 1921** – *Safarov, G.* (1921). Kolonial'naya revolyuciya (opyt Turkestana) [The Colonial Revolution (the experience of Turkestan)]. M. [in Russian]
- Saidbaev, 1984** – *Saidbaev, T.S.* (1984). Islam i obshchestvo. Opyt istoriko-sociologicheskogo issledovaniya [Islam and society. The experience of historical and sociological research]. M.: Nauka. [in Russian]
- Suhareva, 1960** – *Suhareva, O.A.* (1960). Islam v Uzbekistane [Islam in Uzbekistan]. Tashkent: Vostok. [in Russian]
- TGGA** – Turkestanskii gorodskoi gosudarstvenni arhiv [Turkestan City State Archive].
- TGGA** – Tarazskii gorodskoi gosudarstvenni arhiv [Taraz City State Archive].
- Ushakov, 2005** – *Ushakov, V.N.* (2005). Politicheskij islam v Central'noj Azii: osnovnye faktory i perspektivy [Political Islam in Central Asia: main factors and prospects]. Bishkek: Kyrgyzsko-rossijskij slavyanskij universitet. [in Russian]
- Valihanov, 1958** – *Valihanov, Ch.Ch.* (1958). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Alma-Ata. [in Russian]
- Valihanov, 1985** – *Valihanov, Ch.Ch.* (1985). O musul'manstve v Step'i [About Islam in the Steppe]. Valihanov Ch.Ch. Sobranie sochinenij v pyati tomah. T. 4. Alma-Ata: Rauan. [in Russian]
- Vamberi, 1874** – *Vamberi, A.* (1874). Puteshestvie po Srednej Azii [Travel to Central Asia]. M.: A.I. Mamontov. [in Russian]
- Venyukov, 1896** – *Venyukov, M.I.* (1896). Rossiya i Vostok [Russia and the East]. Sbornik geograficheskikh i politicheskikh statej. SPb.: Tip. V. Bezobrazrva i K. [in Russian]
- Veselovskij, 1895** – *Veselovskij, N.I.* (1895). Pamyatnik Hodzha Ahrara v Samarkande [Monument of Khoja Akhrar in Samarkand]. SPb.: Vostochnye zametki. [in Russian]
- Veselovskij, 2002** – *Veselovskij, N.I.* (2002). Zapiski Vostochnogo otdeleniya rossijskogo arheologicheskogo obshchestva [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society]. Novaya seriya. T.I (XXVI). SPb.: Mir nauki. [in Russian]
- Volkov, 2010** – *Volkov, I.V.* (2010). Deyatel'nost' voennoj administracii po upravleniyu Russkim Turkestanom [Railway communications as a factor of development of Russian Turkestan]. *Vlast'*. 5: 156-159. [in Russian]
- Yuzhakov, 1894** – *Yuzhakov, Yu.D.* (1894). O zemskih nachal'nikah v Turkestane [About the zemstvo chiefs in Turkestan]. Tashkent: Tipo-lit. S.I. Petuhova. [in Russian]
- Ziyaeva, 2010** – *Ziyaeva, D.H.* (2010). Islam v Turkestane: tradicii i transformacii v usloviyah kolonializma [Islam in Turkestan: Traditions and Transformations in the conditions of colonialism]. *Vestnik KazNPU*. 3: 58-67. [in Russian]

**Большое паломничество мусульман Туркестанского края:
отношение царской администрации к религии**

Карлыгаш Алибековна Рахымжан^{a, *}, Серимжан Инкарбекович Ахметов^a,
Лаззат Сарсембековна Динашева^a, Гаукхар Сатыбалдиновна Абдрахманова^b

^a Международный Казахско-Турецкий Университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан,
Республика Казахстан

^b Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. Духовно-религиозные аспекты играли активную роль во всех сферах общественной жизни Туркестанского края, входившего в состав Российской империи в 1865 году. В том числе и вопрос об исполнении паломнической обязанности в Мекку и Медину, священные города в сознании мусульман. В решении механизмов духовно-религиозной сферы края русской администрации пришлось столкнуться с этим явлением. Все дело было в самовольном осуществлении паломничества желающих до установления русской власти в Средней Азии. В результате этого в средневековье не раз произошли эпизоды эпидемий, которые нанесли крупные негативные последствия Туркестанскому региону. Чтобы не допустить подобного, царским властям пришлось утвердить законодательные проекты паломничества. Но следует отметить, что законодательные проекты были осуществлены с учетом менталитета и обычаев местного населения. На основании исторических исследований можно утверждать, что в работе в этом направлении возник ряд разногласий между ведомствами царской администрации. Без сомнения, все это было направлено на то, чтобы миссия хаджа отвечала интересам государства и верующих. Органы российской внешней дипломатии за рубежом содействовали решению правовых, экономических, транспортных и медицинских вопросов паломников мусульман. Благодаря эффективным нормативно-медицинским положениям, принятым царским правительством, мы убедились в том, что из года в год увеличилось количество мусульманских паломников, отправляющихся из Туркестанского края. То есть процесс паломничества имел процесс развития.

В данной статье на основе архивных и исследовательских материалов проанализированы общее состояние развития большого мусульманского паломничества в Туркестанском крае и элементы отношения к нему власти.

Ключевые слова: Большое мусульманское паломничество, Туркестанское генерал-губернаторство, ислам, духовно-религиозный фактор, Средняя Азия, военное ведомство, санитарно-эпидемиологическая ситуация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Rusbek_1492@mail.ru (К.А. Рахымжан),
dinash-lyazzat@mail.ru (Л.С. Динашева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 309-319
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.309

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The First Project of Creating Cities on the Territory of the Don Host (1867–1871)

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

For the first time in the scientific literature, the article specifically examines the first project of creating cities on the territory of the Don Host. This project was proposed in 1867 by the ataman A.L. Potapov and the committee established to draw up regulations on zemstvo institutions in the Don Host Oblast. The article is based on archival sources from the State Archives of the Rostov Region (GARO). The article shows that within the framework of this project, it was supposed to found 10 cities, which were to be evenly distributed over the territory of the Don Host Oblast (at least one city in each district). The first cities to be founded were Novocherkassk, Uryupin and Tanais (in the Gnilovskaya stanitsa). The implementation of this project would lead to a completely different model of urbanization in the Don Host Oblast and would affect the social structure of the Cossacks. Cities evenly distributed over the territory of the Don Host Oblast would inevitably influence the surrounding stanitsas, introducing a new, urban element into the traditionally rural Cossack society.

A.L. Potapov attached great importance to this project, and ordered to begin work on its implementation before the approval of the imperial authorities. By the beginning of 1868, the preliminary work of land surveyors had been completed. However, soon after that A.L. Potapov was appointed governor-general of Vilna. The new Don chieftain, M.I. Chertkov, did not show interest in the project of creating cities, and this allowed in 1871 a special commission chaired by the conservative official G.I. Bokov, to prohibit the creation of cities in the Don Host, thereby curtailing the project of A.L. Potapov.

Keywords: Don Cossackdom, cities, urbanization, zemstvo reform, Tanais, A.L. Potapov, M.I. Chertkov.

1. Введение

Для Донского войска, как и для всего российского казачества, эпоха Великих реформ стала временем последних радикальных преобразований до 1917 г., революции, гражданской войны и конца самого института казачьих войск Российской империи. Донские казаки (как представители местной элиты, так и выборные от станиц) понимали, что изменения давно назрели, однако первоначально они с недоверием отнеслись к преобразованиям сверху, опасаясь, что слишком смелые реформы уничтожат само казачество (Волвенко, 2014а: 12-20). Однако ко второй половине 1860-х гг. ситуацию удалось стабилизировать: путем формирования разного рода комиссий и комитетов (главным из которых стал Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений при Управлении иррегулярных войск) был достигнут определенный баланс между интересами имперского центра и Донского войска, что позволило активизировать проектирование преобразований и перейти непосредственно к их реализации (Волвенко, 2014б: 382-391).

В результате конец 1860–1870 гг. стал на Дону временем активных и порой неочевидных реформ. Вот как описывал цель этих реформ чиновник войсковой администрации (позднее помощник войскового атамана по гражданской части) Н.А. Маслаковец: «Главная задача реформ последнего

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

времени в казачьих войсках заключается в уравнении казачьего сословия по правам личным и имущественным с прочими сословиями в империи и в предоставлении казачьему сословию всех способов к развитию гражданственной и экономической деятельности как в пределах войсковых территорий, так и вне оных» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 48об.-49). Будущее казачества выглядело неопределенным, но первые удачные результаты преобразований породили некоторую эйфорию и надежду на то, что Донское войско быстро адаптируется к изменившимся условиям вступающего в индустриальную эпоху мира. Так, коренной донец, секретарь местного статистического комитета С.Ф. Номикосов даже связывал будущее казаков с шахтерским делом: «На рассвете истории войска Донского казак-воин в мирное время жил охотой; потом он кормился скотоводством; ныне, вне службы царской, зарабатывает свой хлеб, занимаясь преимущественно земледелием. Будущее всецело находится в руках казака горнопромышленника и горнорабочего» (Номикосов, 1884: 524). Впрочем, по-прежнему не все инициативы правительства находили поддержку на Дону и, например, там так и не была введена конскрипционная система службы, распространенная в это время на большинство казачьих войск (эта система предполагала полное освобождение от службы части казаков за плату). Специально исследовавший данную тему современный историк А.А. Волвенко прямо пишет о «принципиальном неприятии» конскрипции донскими казаками (Волвенко, 2018: 44).

На этом фоне очевидной проблемной точкой стало отсутствие в Донском войске полноценных городов. Крупнейший населенный пункт и административный центр региона, Новочеркасск, с юридической точки зрения представлял собой три территориально слившиеся воедино станицы, несмотря на то, что даже в научных трудах 1860-х гг. совокупность этих станиц обычно именовали «городом» (Краснов, 1863: 499). Тем не менее каждая станица имела собственную администрацию, а общегородские структуры ограничивались полицией и полицмейстером (Краснов, 1863: 500). По свидетельству авторитетнейшего донского статистика той эпохи, Н.И. Краснова, Новочеркасску, основанному в начале XIX в. М.И. Платовым, по-настоящему не удалось стать центром – ни крупным торговым, ни значимым культурным, и в среде донской элиты даже ходило мнение, что основание этого города было ошибкой (Краснов, 1863: 500). А динамично развивающиеся торговые города дельты Дона – Ростов-на-Дону, Нахичевань-на-Дону и Таганрог – представляли собой анклав на территории Войска, территориально входящие в состав соседней Екатеринославской губернии. Между тем товарная экономика региона была замкнута на эти города, что ставило казаков в зависимость от их жителей. Н.И. Краснов, представитель богатого казачьего рода, даже считал монополию таганрогских купцов в торговле хлебом одним из препятствий к развитию земледелия в местных помещичьих хозяйствах: «Донским помещикам остается еще побороть монополию таганрогских купеческих контор, заведя собственные, и по возможности уничтожить маклерство, которое при недобросовестности парализует их предприятия. <...>. Учредив дорогую цену, конторы приманивают к себе привоз хлеба; но, внезапно понизив цены, заставляют помещиков отдавать хлеб иногда двумя рублями серебра с четверти дешевле ожидаемого» (Краснов, 1863: 261).

В конечном счете ситуация с городами Войска Донского была разрешена самым простым образом: в 1887 г. было принято решение передать в его состав города устья Дона. Однако это стало следствием долгой череды конфликтов вокруг границ Войска и Екатеринославской губернии, причем сама идея присоединения данных городов к казачьим территориям была впервые высказана только в 1870-х гг., а до этого времени гораздо большей популярностью пользовалась идея создания новой губернии из городов устья Дона и части территорий Войска Донского (Перетягко, 2021: 329-332). И в специфической атмосфере конца 1860-х гг. часть войсковой элиты поддержала смелый и оригинальный проект, предполагавший разрешение проблемы отсутствия городов в Войске Донском совершенно иным образом, чем было сделано в реальности: этот проект предполагал создание новых городов в казачьих станицах и основание в устье Дона еще одного торгового города, подчиненного войсковым властям. Проект до настоящего времени не привлекал специального внимания историков, хотя он интересен сразу в нескольких отношениях: он хорошо передает специфическую атмосферу, сложившуюся на Дону в 1860-х гг.; он значим для истории городов Юга России, так как его реализация зашла достаточно далеко, а завершись она успешно, урбанизация Войска Донского пошла бы по несколько иному сценарию; название, которое планировалось для нового города в устье Дона, интересно с точки зрения исторической памяти; и, наконец, то, как шли работы над проектом, показательны с точки зрения истории повседневности. И поэтому наша статья будет посвящена данному проекту.

2. Материалы и методы

Главным источником для нас станет хранящееся в Государственном архиве Ростовской области дело «По предложению войскового наказного атамана о проектировании городского устройства в Земле Войска Донского и об образовании на месте станицы Гниловской торгового поселения под наименованием Танаис» (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302). Специфика данного дела заключается в том, что оно складывалось из документов, направляемых в межевую комиссию войскового правления. Соответственно, взгляд на возможное появление в Донском войске первых настоящих городов в данном деле довольно необычен: это взгляд землемеров, которым предстояло решать проблемы,

связанные с определением границ этих городов. Поэтому в деле ничего не говорится об их предполагаемых внутреннем устройстве, хозяйственных особенностях и т.п. Зато по тому, насколько активно шли работы по выделению участков для новых населенных пунктов, мы можем определить реальную, а не формальную заинтересованность властей в их основании.

С учетом подобной ограниченности основного архивного источника мы широко использовали другие документы и литературу, описывающие общий контекст событий, происходивших на Дону в конце 1860–1870 гг. Прежде всего мы обращались к материалам о конкретных лицах, сыгравших значимую роль вначале в создании рассматриваемого проекта, а затем в его сворачивании. Это атаманы А.Л. Потапов (*К характеристике...*, 2002), М.И. Чертков (*ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1-5*) и войсковой чиновник Г.И. Боков (*Донцы*, 2003: 60–61). На основании данного комплекса источников и литературы нам удалось, используя преимущественно описательный и сравнительный методы, реконструировать как сами события, связанные с проектом создания городов в Войске Донском, так и их внутреннюю логику.

3. Результаты

Александр Львович Потапов был наказным атаманом Войска Донского всего два года (с 1866 по 1868 гг.), но за это время успел сделать много для реализации реформаторского курса правительства на Дону. В этом плане очень показательна его характеристика, данная в анонимном оскорбительном письме, адресованном следующему донскому атаману, М.И. Черткову: «Потапов был деспот, но он был умный человек и замечательный труженик» (*ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 30б.*). Не случайно А.Л. Потапову, единственному из донских атаманов второй половины XIX в., на пике своей карьеры, в 1874–1876 гг., удалось возглавить одно из ключевых ведомств Российской империи – знаменитое Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

С донским казачеством у А.Л. Потапова сложились крайне неоднозначные отношения. Согласно позднейшим материалам донской прессы, атаман крайне жестко боролся с злоупотреблениями местных чиновников: дело доходило до того, что он лично по ночам, переодевшись, устраивал «полицейские розыски» (*К характеристике...*, 2002: 113–114). По слухам, областной казначей был по его инициативе сослан в Сибирь за взятку в 5 руб. (*К характеристике...*, 2002: 113–114). Не удивительно, что в упомянутом выше анонимном письме М.И. Черткову атаманство А.Л. Потапова было охарактеризовано как «потаповский террор» (*ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 10б.*). Это, в совокупности с позднейшей жандармской карьерой атамана, способствовало формированию у донских революционных авторов его крайне негативного образа. Так, донский журналист А.А. Карасев описывал А.Л. Потапова как законченного бюрократа, «человека бумаги», чья деятельность была подобна «деятельности белки в колесе» (*Карасев*, 1899: 109–110). Представлявший Донское войско в Государственной думе Российской империи А.И. Петровский и вовсе приписывал А.Л. Потапову «полицейско-жандармское мировоззрение», а также приводил слух, в соответствии с которым карьера генерала закончилась после попытки обвинить самого Александра II в революционных симпатиях (в последние годы жизни бывший атаман и шеф жандармов действительно страдал от душевной болезни) (*Петровский*, 1916: 18).

Тем не менее альтернативные источники, созданные некоторыми непосредственными свидетелями атаманства А.Л. Потапова, рисуют взаимоотношения генерала и донского казачества несколько иначе. Так, авторы анонимного письма М.И. Черткову замечали: «Потапов часто повторял, что он нигде не находил такого сильного запаса людей развитых и таких способных работников, как на Дону» (*ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 3-30б.*). В 1902 г. в «Донских областных ведомостях» была опубликована заметка под инициалами В.Ф., автор которой на основании личного опыта утверждал, что от борьбы А.Л. Потапова с злоупотреблениями войсковой элитой выиграли простые казаки: «Мне, например, приходилось не мало испытать мытарств в пресловутой межевой комиссии. Прихожу я туда при Потапове и поражаюсь невиданною переменою. В передней меня любезно встречает дежурный чиновник, осведомляется, что угодно, вежливо подает дежурную книгу и просит вписать в нее свое заявление, а минут через 15–20 и ответ готов» (*К характеристике...*, 2002: 113–114). В этой заметке также подчеркивалось, что, несмотря на конфликты с войсковой элитой, А.Л. Потапов сохранил самые теплые воспоминания о Донском войске и позднее, командуя Виленским военным округом, с удовольствием приглашал к себе казачьих офицеров и выделял казачьи части (*К характеристике...*, 2002: 113–114).

Но, возможно, наиболее любопытны свидетельства людей нейтральных в конфликте А.Л. Потапова и донской войсковой элиты. Так, министр внутренних дел Российской империи П.А. Валуев в своем дневнике писал, что донской атаман отзывался о Новочеркасске как о «земном рае» (*Валуев*, 1961: 248). Еще любопытнее свидетельство военного министра Д.А. Милютин. Дело в том, что именно при А.Л. Потапове началась разработка проекта введения в Донском войске земств. И А.А. Карасев, и А.И. Петровский рассматривали данный ход со стороны атамана как меру вынужденную, попытку «следовать за веком», вопреки собственным консервативно-бюрократическим убеждениям (*Карасев*, 1899: 110; *Петровский*, 1916: 18). Однако, когда в 1875 г. проект введения донских земств должен был рассматриваться в Государственном совете и ожидалась

бурная дискуссия, уже не имевший отношения к Донскому войску шеф жандармов А.Л. Потапов по собственной инициативе кулуарно обсудил этот проект с Александром II и добился его одобрения императором без обсуждения (Милютин, 1947: 185). А уже в наше время А.А. Волвенко установил, что «жандарм» А.Л. Потапов по собственной инициативе начал разработку земской реформы в Донском войске (Военное министерство в принципе выступало за введение земств на казачьих территориях, но шагов к практической реализации этой идеи не предпринимало), причем атаман настоял на том, что разрабатывающий проект земств комитет должен состоять в основном из выборных депутатов (Волвенко, 2008: 196-213).

Таким образом, А.Л. Потапов отнюдь не был таким реакционным бюрократом, каким его изображали некоторые донские авторы. Напротив, на посту донского атамана он выступал в качестве характерного для 1860-х гг. бюрократа прогрессивного, правителя края, пытающегося хотя и чиновными методами, вплоть до полицейской слежки, но модернизировать Войско Донское, поборов традиционную коррупцию, введя земство и т.д. Согласно А.А. Волвенко, «за три года потаповского атаманства были заложены основы многих будущих преобразований на Дону – от судебной и земской реформ до ликвидации выборного способа формирования чиновного состава войскового правления» (Волвенко, 2017: 116). При этом А.Л. Потапов, несмотря на конфликт с войсковой элитой, испытывал к Донскому войску и донским казакам теплые чувства и после ухода с атаманской должности.

В рамках подобного образа атамана выглядит вполне закономерным его обращение к вопросу об отсутствии в Донском войске полноценных городов. А.Л. Потапов поднял этот вопрос с весьма своеобразной позиции: не просто как донской атамана, но как председатель преимущественно выборного комитета, учрежденного для составления положения о земских учреждениях в Земле Войска Донского. Возможно, это было связано с тем, что, как мы увидим далее, консервативная часть войсковой элиты выступала против создания городов, и А.Л. Потапов хотел избежать ситуации, когда создание городов навязывалось бы сверху традиционному казачьему обществу. 6 сентября 1867 г. А.Л. Потапов известил войсковое правление, что комитет, учрежденный для составления положения о земских учреждениях, «признал необходимым теперь же проектировать правила городского устройства» (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 1). Правила эти предполагалось применить к трем городам: Новочеркаску, Урюпину (очевидно, в станице Урюпинской, ныне город Урюпинск Волгоградской области) и Танаису, основываемому на территории станицы Гниловской (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 1). К сожалению, каких-либо объяснений, почему для городов были выбраны именно эти станицы, в документе нет. Тем не менее представляется очевидным, что Новочеркаск был избран для основания города как войсковая столица, а станица Гниловская – как пункт, лежащий в устье Дона и потенциально способный конкурировать в торговле с Ростовом-на-Дону, Нахичеванью-на-Дону и Таганрогом. Гораздо менее очевидна логика избрания Урюпина как третьего города. Правда, в 1860-х гг. наметилась тенденция к созданию правительством культурных центров в верховых станицах, на севере Войска Донского, далеко от Новочеркасска (так, в 1863 г. в Усть-Медведицкой станице была открыта вторая в регионе гимназия, причем как раз на том основании, что она «будет иметь весьма видное влияние как на образование общества верхнего округа, так и на развитие тамошних училищ» (Донскова, 2011). Однако в Урюпинской станице на начало 1860-х гг. жило всего 3 460 жителей, против 12 157 жителей Усть-Медведицкой станицы, где уже функционировала гимназия и которая выглядела более очевидным местом для создания города (Краснов, 1863: 486-488). Таким образом, создание города именно в Урюпинской станице в 1860-х или 1870-х гг. сильно изменило бы ситуацию на севере Войска Донского и привело к перемещению культурного и торгового центра в этой части региона.

Впрочем, планы А.Л. Потапова и комитета, учрежденного для составления положения о земских учреждениях в Земле Войска Донского, простирались гораздо дальше. Новочеркаск, Урюпин и Танаис должны были стать только первыми городами. В обозримом будущем было решено подготовить создание городов во всех окружных станицах Войска Донского: в Усть-Медведицкой (ныне город Серафимович Волгоградской области), Нижнечирской (ныне станица Нижний Чир Волгоградской области), Константиновской (ныне город Константиновск Ростовской области), Каменской (ныне город Каменск-Шахтинский Ростовской области) и Новониколаевской (ныне город Новоазовск на Украине/в ДНР) (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 3). Кроме того, в качестве будущих городских центров были избраны слобода Голодаевка как бывший центр Миусского округа (ныне село Куйбышево Ростовской области) и станица Иловлинская «как пункт, ближайший к Дону из имеющих быть пересеченным линией железной дороги, предполагаемой к проведению из Царицына на Борисоглебск» (ныне рабочий поселок Иловля Волгоградской области) (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 3). Как мы видим, А.Л. Потапов планировал создать как минимум один полноценный город в каждом округе Войска Донского, чего в действительности не было сделано даже к 1917 г. Если бы этот план удалось реализовать, сама структура казачьего общества во второй половине XIX в. складывалась бы иначе и была бы менее традиционной: наряду с окружными станицами, которые остались бы преимущественно административными центрами, по всему Войску возникли бы окружные города, претендующие на роль центров торговых и культурных, и урбанизация края могла бы пойти более быстрыми темпами. При этом к наиболее серьезным последствиям могло бы

привести создание Танаиса и города в Иловлинской станице, которые изначально задумывались как избранные по географическому принципу торговые центры. Сложно сказать, смогли бы они выдержать конкуренцию с уже существующими торговыми городами дельты Дона, но поддержка войскового правления давала определенную надежду на это.

Почему же новый город в устье Дона решили назвать именно Танаисом? Мы снова не имеем объяснений этому в документе, однако контекст, в котором было выбрано данное название, достаточно любопытен. Прежде всего следует отметить, что интерес к античной истории Приазовья донская элита демонстрировала с начала XIX в.: так, в 1821 г. некие раскопки в устье Дона вел один из первых донских историков-любителей А.К. Кушнарев (Бойко, 2002: 65). Владелец слободы Недвиговской казачий дворянин полковник А.А. Мартынов много лет доказывал, что остатки Танаиса – это лежащее в его владениях Недвиговское городище (Бойко, 2002: 67). В 1851 г. крепостные А.А. Мартынова были выселены из слободы, а сама она преобразована в хутор Гниловской станицы (Бойко, 2002: 73). Таким образом, географическая преемственность между новым и старым Танаисом вырисовывалась вполне очевидно. При этом первые серьезные раскопки Недвиговского городища были осуществлены незадолго от рассматриваемых нами событий, в 1853 г., с участием представителя войсковой администрации (Бойко, 2002: 75). А вторая археологическая экспедиция (В.Г. Тизенгаузена) работала на Недвиговском городище как раз в 1867 г. (Бойко, 2002: 94)! Следовательно, именно когда разрабатывался проект создания городов в Войске Донском, античный Танаис был на слуху у образованных казаков, вполне информированных о варианте его локализации в Гниловской станице. Соответственно, выбор названия для будущего торгового города в устье Дона, вероятно, был обусловлен именно этими факторами.

Самой необычной деталью проекта А.Л. Потапова и комитета, учрежденного для составления положения о земских учреждениях в Земле Войска Донского, было то, что в его рамках предполагалось не преобразование станиц в города, а именно основание новых городов на станичных территориях. Исключением должен был стать только Новочеркасск: в нем под город планировалось отдать часть уже имеющейся застройки (впрочем, и тут из 6 233 десятин 1 019 сажень площади будущего города большую часть, 4 750 десятин, было решено отрезать из сельхозугодий трех новочеркасских станиц) (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 2-20б.). Таким образом, предполагалось не объединение раздробленных между тремя станичными администрациями институций управления Новочеркасском, а их дальнейшее раздробление, добавление к трем станичным администрациям администрации четвертой, городской. Для Урюпина и Танаиса и вовсе предполагалось выделить свободные земли из станичных юртов: 3 000 десятин, отведенных под Урюпинскую ярмарку, в первом случае, и 2 000 десятин из сельхозугодий Гниловской станицы – во втором (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 20б.). Подобное решение может показаться достаточно странным, но, вероятно, оно принималось с учетом консервативной позиции части войсковой элиты: судя по всему, население городов должны были составить в основном иногородние, которым как раз планировалось разрешить покупку недвижимости в Войске (фактически это было сделано уже в 1868 г. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 48)). Соответственно, казаки продолжили бы жить в станицах под руководством традиционных станичных правлений, а города возникали бы не из существующих населенных пунктов, а в дополнение к ним. Это предположение подтверждается тем, что единственное исключение из данного правила должен был составить Новочеркасск, часть территории которого планировалось передать под новый город и в котором несколько домов принадлежало иногородним еще в начале 1860-х гг. (Краснов, 1863: 503). Соответственно, под город, вероятно, пошли бы только районы трех новочеркасских станиц, уже населенных иногородними.

Не желая обострения конфликта с консервативной частью донского общества, А.Л. Потапов сразу же озаботился защитой интересов казаков новочеркасских станиц, станицы Гниловской и станицы Урюпинской. Собственно, целью обращения атамана в войсковое правление 6 сентября 1867 г. была именно защита этих интересов: еще до того, как проект создания городов был отправлен на утверждение в Военное министерство, А.Л. Потапов известил членов правления (на тот момент еще выборных), что планирует компенсировать отрезанные у станиц под создание городов сельхозугодия «таким же количеством <земли> из войсковых запасов» (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 20б.). Атаман приказал незамедлительно заняться подготовкой участков и для тех семи городов, которые планировалось основать только в будущем. Им было предложено немедленно увеличить юрты Усть-Медведицкой, Нижнечирской, Константиновской, Каменской, Новониколаевской и Иловлинской станиц на том основании, что, если это не будет сделано, в дальнейшем «выдел выгонной земли городам будет крайне затруднителен» (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 4). Видимо, он опасался, что в будущем у администрации может не оказаться свободной войсковой земли рядом с указанными станицами, и компенсировать казакам участки, отобранные для основания городов, окажется нечем. И как раз факт немедленного начала землемерных работ, необходимых для основания всех 10 будущих городов, лучше всего доказывает серьезность намерений А.Л. Потапова и его заинтересованность в разбираемом проекте.

Уже к 18 сентября 1867 г. одним из войсковых землемеров была подготовлена предварительная справка, обрисовывающая перспективы выделения земли под все предполагаемые города (ГАРО.

Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 5-50б.). Из этой справки следовало, что 9 населенным пунктам из 10, на территории которых предполагалось основывать города (за исключением слободы Голодаевки), в принципе было возможно компенсировать предполагаемые потери сельхозугодий за счет войсковых земель (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 5-50б.). Однако это требовало серьезной работы по землеустройству: так, хотя к задонскому участку юрта Гниловской станицы прилежали войсковые земли, однако эти земли уже были отданы в пользование частным лицам, и 2 000 десятин компенсации за отводимую под город территорию следовало найти из «остатков» этих земель и из освобождавшихся по каким-либо причинам участков (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 5). Землемер прямо оговаривал, что в данном случае, возможно, компенсационная земля будет состоять из участков, лежавших «отдельно», т.е. станичный юрт станет чересполосным (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 5). И уже 27 сентября межевой комиссии было приказано начать работы на местности по выделению земли под новые города и по компенсации станицам потерянных участков из войсковых запасов (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 10).

Выше мы привели свидетельство некоего В.Ф. о том, что при А.Л. Потапове межевая комиссия начала работать быстро и оперативно. Предварительные работы на местах были окончены уже к 10 января 1868 г., и нам кажется уместным хотя бы кратко привести их результаты:

1) Новочеркасск. В целом найти землю для города и для компенсации потери этой земли станицам землемерам удалось, однако они оговаривали, что предназначенный для города участок будет не вполне удобным и окажется частично состоящим из займища, «заливаемого весеннею водою»; кроме того, землемеры не вполне представляли, какими в принципе предполагаются «очертания», т.е. внешняя граница города, включающего в себя уже имеющиеся постройки (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 12-13).

2) Танаис. Здесь удобные земли на территории станичного юрта нашлись, и даже был подготовлен план, на котором четко фиксировались владения будущего города; однако возникли серьезнейшие затруднения с компенсацией казакам сельхозугодий: хотя удалось найти единый массив восковой земли площадью около 3 000 десятин, он лежал приблизительно в 40 верстах от границ Гниловской станицы (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 13-14).

3) Каменская станица. Так как здесь создание города планировалось в более отдаленной перспективе, землемеры ограничились поиском компенсирующих участков для казаков. К сожалению, выяснилось, что, хотя к станичному юрту и примыкают войсковые земли, они отданы в частное пользование, а оставшиеся свободными участки незначительны по площади и лежат чересполосно; компенсировать выделение примерно 3 000 десятин под город можно было только за счет участка в 7 верстах от границ станицы (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 14-14об.).

4) Константиновская, Нижнечирская и Усть-Медведицкая станицы. В них землемеры также ограничились поиском компенсирующих участков и констатировали, что серьезных проблем с этим не будет: вблизи от станичных юртов имелись значительные площади свободной войсковой земли (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 14об.-15).

5) Новониколаевская станица. В ней ситуация была совершенно особой. Землемеры обнаружили, что увеличить ее юрт невозможно, но в этом и нет потребности: станичный юрт соответствовал населению в 1 106 душ мужского пола, а фактически в станице проживало только 413 душ мужского пола (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 15-15об.). Исходя из этого, землемеры считали возможным в данном случае не только не давать казакам какой-либо компенсации за отвод части юртовой земли под город, но и вообще значительно сократить станичный юрт (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 15об.).

6) Слобода Голодаевка. Около нее, как и указывалось в предварительной справке, просто не было свободной земли для компенсации жителям потери части сельхозугодий в связи с основанием города (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 16).

7) Урюпин. Тут ситуация была наилучшей (кстати, возможно, именно поэтому небольшая Урюпинская станица была избрана для немедленного основания города): участки земли под ярмарку, на которых планировалось создать новый населенный пункт, были уже обмежеваны, а смежные со станицей участки войсковой земли были достаточны для компенсации казакам земельных потерь (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 16-16об.). План границ нового города, как и в случае с Танаисом, уже был готов (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 16об.).

8) Иловлинская станица. В ее случае ситуация была удовлетворительной: войсковые земли, достаточные для компенсации выделенной под город земли, лежали единым участком в 20 верстах от границ станицы (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 16об.-17).

Исходя из всего вышеизложенного межевая комиссия нашла возможным доложить атаману, что вопрос об источниках компенсации земли, забираемой из сельхозугодий для основания новых городов, решен для 8 населенных пунктов из 10 (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 17-18об.). Не удалось найти подобные источники только для слободы Голодаевки и Новониколаевской станицы, но в случае последней признавалось допустимым отступить от предложенного А.Л. Потаповым обязательного возмещения казакам за выделение части их станичного юрта под город (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 18об.-19).

В марте 1868 г. А.Л. Потапов был назначен виленским генерал-губернатором, а донским атаманом стал М.И. Чертков. Тем не менее А.Л. Потапов успел подать в Военное министерство проект положения об устройстве в Войске Донском городов, причем для Танаиса в этом проекте четко определялась территория: новый город должен был граничить с Ростовом-на-Дону, располагаясь ниже по течению по обоим берегам Дона (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 51-510б.). Как нам представляется, именно смена атамана сыграла для разбираемого нами проекта роковую роль: М.И. Чертков не проявлял особенного интереса к созданию городов на территории Войска Донского, что в итоге и позволило консервативной части войсковой элиты свернуть работы в этом направлении.

Здесь нужно оговорить, что в целом Михаил Иванович Чертков продолжал политику своего предшественника. При нем был проведен целый ряд реформ, подготовку которых начал А.Л. Потапов (в частности, был доработан и утвержден земский проект) (Волвенко, 2017: 117-118). А.А. Карасев даже специально отмечал прогрессивность, крайнюю «независимость суждений» молодого атамана (Карасев, 1899: 111). Однако менее доброжелательные современники считали М.И. Черткова просто не соответствующим атаманской должности по образованию и по масштабу личности. Так, в упомянутом нами выше анонимном письме генералу давалась такая характеристика: «Ваше воспитание было нелепо, Ваше дальнейшее развитие прошло среди того официального тунеядствующего барства, которое способно только загребать жар чужими руками и удивлять своими притязаниями. Вы... Вы назначены к нам по ошибке адреса...» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1). И действительно, назначение М.И. Черткова произошло при довольно необычных обстоятельствах: он претендовал на роль виленского генерал-губернатора, однако министр внутренних дел П.А. Валуев и шеф жандармов П.А. Шувалов сомневались в его компетенции и организовали своеобразную рокировку, добившись назначением в Вильно А.Л. Потапова, а М.И. Черткову предоставив формально генерал-губернаторскую, но считавшуюся более простой должность донского атамана (Валуев, 1961: 248).

Итак, М.И. Чертков на посту донского атамана в принципе выступал в той же роли прогрессивного бюрократа, что и А.Л. Потапов, проводя сверху модернизирующие край реформы. Однако он не обладал талантами и трудолюбием своего предшественника. Соответственно, первоначально его назначение только замедлило, но не остановило реализацию проекта устройства в Войске Донском городов. Землемерные работы продолжались, даже несмотря на то, что проект не был утвержден: так, 17 июля 1868 г. войсковое правление сделало запросы в округа, чтобы уточнить, насколько юрты станиц, в которых планировалось создание городов, соответствовали их реальному населению (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 340б.). Однако на этом дело фактически и остановилось на неопределенный срок: межевой комиссии не было отдано приказа переходить к дополнению станичных юртов из подготовленных для этого войсковых земель, но эти земли оказались зарезервированы на случай необходимости подобного дополнения.

Вообще, дальнейшая ситуация очень показательна для специфики работы административного аппарата в Донском войске и объясняет крайне жесткую борьбу А.Л. Потапова с местной элитой. Многочисленные преобразования за считанные годы привели к устареванию первоначального проекта введения земств на Дону, и 31 августа 1870 г. М.И. Чертков попросил имперские власти вернуть этот проект назад в Новочеркасск для пересмотра (проект был официально возвращен 2 октября того же года) (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 510б.-52). Как отмечали войсковые чиновники, проект учреждения городов в Донском войске де-юре был частью земского проекта и, соответственно, тоже подлежал пересмотру (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 510б.). Однако межевой комиссии об этом ничего не было сообщено.

Между тем на расположенный недалеко от Новочеркасска участок, из которого планировалось дополнять юрт Гниловской станицы, нашелся претендент. 19 июня 1871 г. генерал-майор А.П. Кульгачев попросил отдать ему в пользование 1 200 десятин земли из этого участка (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 480б.). Проситель был заслуженный и влиятельный: ветеран Кавказской войны, кавалер боевых орденов, бывший смотритель войскового конного завода, а в дальнейшем – генерал от кавалерии и корпусной командир (Донцы, 2003: 262-264). И, когда межевая комиссия отказала ему, ссылаясь на то, что участок зарезервирован для компенсации Гниловской станице, А.П. Кульгачев пожаловался лично М.И. Черткову, который потребовал разобраться, на каком основании просителю было отказано (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 47-48). В этих условиях даже не межевая комиссия, а войсковое правление решило запросить атамана, каковы перспективы создания Танаиса, но получило 2 декабря 1871 г. по-своему замечательный ответ из атаманской канцелярии: в нем, наконец, сообщалось, что проект создания донских земств пересматривается и поэтому судьба Танаиса под вопросом, «но в каком положении находится в настоящее время дело это – в атаманской канцелярии нет сведений» (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 50-520б.). Так этим дело и закончилось: А.П. Кульгачев, очевидно, был удовлетворен такой мотивировкой отказа, межевая комиссия решила и дальше не передавать в частное пользование зарезервированные для компенсаций станицам участки, а войсковые чиновники ожидали решения земского вопроса.

Новый проект учреждения земств был завершён уже в 1871 г. (Волвенко, 2008: 196-213). Однако межевую канцелярию снова не проинформировали о том, предусмотрено ли этим проектом создание

городов. В 1874 г. канцелярские чиновники уже прямо подали запрос о предоставлении им соответствующих документов, однако он, очевидно, не был удовлетворен (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 53). Весной 1876 г. в области Войска Донского земства наконец-то были открыты (Волвенко, 2008: 196-213). Создания городов пересмотренный земский проект не предполагал, однако разрешения на свободное использование зарезервированных под компенсацию станицам участков межевой комиссии все еще не было дано. А запросы на эту землю продолжали поступать, и в 1880 г. уже областное (бывшее войсковое) правление обратилось в областную чертежную (бывшую межевую комиссию), интересуясь, в какой стадии находится проект основания Танаиса (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 55-55об.). Чертежная сообщила, что ответ атаманской канцелярии от 2 декабря 1871 г. так и остается последней актуальной информацией по этому делу (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 56). В 1880–1883 г. атаманскую канцелярию пять раз просили дать свежую информацию о перспективах основания Танаиса другим войсковым структурам, однако ответ последовал только 5 февраля 1883 г. (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 58-62).

В этом ответе сообщалось, что судьбу городов в Донском войске в итоге решала не комиссия, пересматривавшая земский проект, а другая комиссия, в 1871 г. разбиравшая вопрос о применении городского положения 1870 г. к Новочеркаску (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 62). Данная комиссия под председательством казачьего генерала Г.И. Бокова решительно высказалась против «учреждения городов в области», и на этом основании вся деятельность в этом направлении была свернута (ГАРО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302. Л. 62). К сожалению, соображений, которыми руководствовалась данная комиссия, в лаконичной отписке атаманской канцелярии не приводится. Однако заслуживает внимания тот факт, что председателем комиссии, выступившей против создания городов в Донском войске, был Г.И. Боков. Этот чиновник был последним старшим членом (т.е. фактическим главой) войскового правления, выбранным на эту должность до того, как А.Л. Потапов уничтожил принцип выборности донского чиновничества (Донцы, 2003: 61). Дореволюционные авторы характеризовали Г.И. Бокова как человека честного, доброго и терпимого к чужим убеждениям, но при этом крайнего консерватора и защитника донских традиций (Донцы, 2003: 61). Интересно, что в специфических условиях конца 1860-х гг. он оставался старшим членом войскового правления и после упразднения выборности этой должности, при А.Л. Потапове и М.И. Черткове, до 1870 г. (Донцы, 2003: 61). И, как нам представляется, вполне логично, что комиссия под председательством человека подобных убеждений высказалась против создания на Дону совершенно чуждых казачьим традициям городов. Более интересным нам кажется вопрос о том, почему вообще решение этого вопроса было доверено именно консерватору Г.И. Бокову.

Представляется, что, как мы уже писали выше, для М.И. Черткова учреждение городов в Донском войске не было столь же значимо, как для А.Л. Потапова. Атаман не попытался склонить членов комиссии Г.И. Бокова в пользу реализации проекта создания городов и не попытался поменять состав этой комиссии, хотя подобные случаи в ту эпоху на Дону бывали (Волвенко, 2008: 196-213). Возможно, М.И. Чертков просто не хотел связывать себя трудоемким и неоднозначным проектом: как мы видели выше, даже выделение городам земли оказалось не самой простой задачей, а в дальнейшем можно было ожидать возникновения новых проблем, связанных с привлечением в основываемые города жителей, выстраиванием их отношений с казаками и т.д. В этих условиях новый донской атаман мог быть как просто равнодушен к проекту своего предшественника, позволив консервативной части местной элиты свернуть его, так и осознанно пожертвовать этим проектом, одновременно демонстрируя готовность идти на уступки консервативной части местной элиты и снимая с себя ответственность за чужой сложный и ресурсоемкий проект. В любом случае яркий и амбициозный проект создания городов А.Л. Потапова был актуален очень недолго, с 1867 г. по 1871 г., и поэтому не оставил серьезного следа ни в памяти современников, ни в позднейшей историографии.

4. Заключение

Итак, первый проект создания городов на территории Войска Донского предполагал совершенно иной вариант урбанизации этого региона, чем реализованный позднее. В полном соответствии с политикой атамана А.Л. Потапова, важнейшей особенностью которой была модернизация донского казачества сверху, города планировалось создавать искусственно и относительно равномерно по всей территории Войска: в каждом округе должен был возникнуть минимум один город. При этом города должны были возникать не из уже имеющихся населенных пунктов, а рядом с ними, не как административные, но как торговые и культурные центры. Успешная реализация этого проекта привела бы к гораздо более равномерной урбанизации Донского региона и формированию несколько иной его социальной структуры: если в реальности большинство городских поселений Войска Донского располагались в низовьях Дона, то проект А.Л. Потапова предполагал создание целого ряда городов в верховых станицах. Уже на первом этапе реализации проекта один из трех городов, Урюпин, планировалось создать на севере Войска Донского. Соответственно, и многие казачьи станицы куда активнее взаимодействовали бы с городами, чем в реальности, просто в силу их более близкого расположения. Фактически проект А.Л. Потапова предполагал контролируруемую властями и управляемую урбанизацию вместо стихийного процесса, наблюдавшегося в реальности.

Однако далеко не очевидно, что донские власти смогли бы реализовать настолько сложный проект. Искусственное создание городов требовало достаточно оперативных действий властей, а желательно – даже прогнозирования возможных проблем и их профилактики. Опытный бюрократ А.Л. Потапов, очевидно, понимал это и действовал на опережение: еще до утверждения проекта создания городов он начал подготовку к его реализации, распорядившись не только подготовить территории для основания новых населенных пунктов, но и заранее озаботиться компенсацией за эту территорию тем станицам, в которых планировалось основание городов. Но с уходом А.Л. Потапова с должности власти перестали адекватно реагировать на связанные с основанием городов проблемы. Хотя проект был свернут еще в 1871 г., участки, которыми планировалось компенсировать территориальные потери станиц, стояли зарезервированными до 1883 г.! При подобном сроке реакции создаваемые искусственно города имели мало шансов выдержать конкуренцию с естественно возникшими и уже достаточно развитыми Ростовом-на-Дону, Нахичеванью-на-Дону и Таганрогом. Тем не менее даже частичная реализация проекта и возникновения хотя бы нескольких городов на традиционных территориях донских казаков могли бы сильно изменить социальную структуру Донского войска. Именно поэтому консервативно настроенная часть войсковой элиты не поддерживала данный проект, и специальная комиссия под председательством консерватора Г.И. Бокова в итоге высказалась против основания городов на территории Войска в принципе.

Литература

- Бойко, 2002** – Бойко А.Л. В поисках древнего Танаиса. Ростов-на-Дону, 2002. 214 с.
- Валуев, 1961** – Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. II. 1865–1876 гг. М., 1961. 592 с.
- Волвенко, 2008** – Волвенко А.А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864–1882 гг.) // *Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей*. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 196–213.
- Волвенко, 2014а** – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. № 3. 2014. С. 12–20.
- Волвенко, 2014б** – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.). Часть II // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. № 3–2. 2014. С. 382–391.
- Волвенко, 2017** – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.
- Волвенко, 2018** – Волвенко А.А. Казачество и конскрипция в 1860–1870-е гг. // *Российская история*. 2018. № 5. С. 36–45.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Донскова, 2011** – Донскова Н.В. Становление системы народного образования в Области Войска Донского и на Верхнем Дону в XVIII – начале XX вв. // *Relga. Научно-культурологический журнал*. 2011. № 19. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3056&level1=main&level2=articles>.
- Донцы, 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- К характеристике..., 2002** – К характеристике войскового атамана Войска Донского А.Л. Потапова // *Донской временник*. Вып. 11. Ростов-на-Дону, 2002. С. 113–114.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*. 1899. Кн. 2. С. 106–116.
- Краснов, 1863** – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Милютин, 1947** – Милютин Д.А. Дневник. Т. 1. М., 1947. 256 с.
- Номикосов, 1884** – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Перетяцько, 2021** – Перетяцько А.Ю. Конфликты вокруг границы Войска Донского и Екатеринославской губернии: к постановке проблемы // *Феномен границ в истории и исторической памяти*. Ставрополь, 2021. С. 329–332.
- Петровский, 1916** – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным (1738–1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.

References

- Boiko, 2002** – Boiko, A.L. (2002). V poiskakh drevnego Tanaisa [In search of ancient Tanais]. Rostov-on-Don. P. 214. [in Russian]
- Doncy, 2003** – Doncy XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]

Donskova, 2011 – *Donskova, N.V.* (2011). Stanovlenie sistemy narodnogo obrazovaniya v Oblasti Voiska Donskogo i na Verkhnem Donu v XVIII – nachale XX vv. [Formation of the system of public education in the Oblast of the Don Host and on the Upper Don in the 18th – early 20th centuries]. *Relga. Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal*. 19. [Electronic resource]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3056&level1=main&level2=articles> [in Russian]

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [The state archives of the Rostov region].

K kharakteristike..., 2002 – K kharakteristike voiskovogo atamana Voiska Donskogo A.L. Potapova [To the characterization of the military chieftain of the Don Host A.L. Potapov]. *Donskoi vremennik*. Vol. 11. Rostov-na-Donu, 2002. Pp. 113-114. [in Russian]

Karasev, 1899 – *Karasev, A.A.* (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv*. 5: 106-116. [in Russian]

Krasnov, 1863 – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]

Milyutin, 1947 – *Milyutin, D.A.* (1947). Dnevnik [Diary]. Vol. 1. M. P. 256. [in Russian]

Nomikosov, 1884 – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocheboksarsk. P. 774. [in Russian]

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

Peretyat'ko, 2021 – *Peretyat'ko, A.Yu.* (2021). Konflikty vokrug granitsy Voiska Donskogo i Ekaterinoslavskoi gubernii: k postanovke problem [Conflicts around the border of the Don Host and Yekaterinoslavskaya province: to the problem statement]. Fenomen granits v istorii i istoricheskoi pamyati. Stavropol'. Pp. 329-332. [in Russian]

Petrovskij, 1916 – *Petrovskij, A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremya v goroda Cherkassk, a zatem Novocheboksarsk dlja upravlenija Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738–1916 gg.) [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novocheboksarsk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738–1916 gg.)]. Novocheboksarsk. P. 40. [in Russian]

Valuev, 1961b – *Valuev, P.A.* (1961). Dnevnik P.A. Valueeva, ministra vnutrennih del [Diary of P.A. Valueev, Minister of Internal Affairs]. Vol. II. 1865–1876. M. P. 592. [in Russian]

Volvenko, 2008 – *Volvenko, A.A.* (2008). Pravitel'stvennaya politika, mestnaya vlast' i zemskaya reforma v Oblasti vojska Donskogo (1864–1882 gg.) [Government Policy, Local Government and Reform of Zemstvo in the Don Host Oblast (1864–1882)]. Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee. Sbornik nauchnykh statei. Vyp. 2. Rostov-on-Don. Pp. 196-213. [in Russian]

Volvenko, 2014a – *Volvenko, A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s)]. *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 16(3): 12-20. [in Russian]

Volvenko, 2014b – *Volvenko, A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860–1870-e gody). Chast' II [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860–1870s). Part II]. *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 16(3-2): 382-391. [in Russian]

Volvenko, 2017 – *Volvenko, A.A.* (2017). Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. P. 226. [in Russian]

Volvenko, 2018 – *Volvenko, A.A.* (2018). Kazachestvo i konskriptsiya v 1860–1870-e gg. [Cossacks and conscriptions in the 1860s-1870s]. *Rossiiskaya istoriya*. 5: 36-45. [in Russian]

Первый проект создания городов на территории Войска Донского (1867–1871 гг.)

Артём Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые в научной литературе специально рассматривается первый проект создания городов на территории Донского войска, предложенный в 1867 г. атаманом А.Л. Потаповым и комитетом, учрежденным для составления положения о земских учреждениях в Земле Войска Донского. На основе архивных источников из Государственного архива Ростовской

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

области (ГАРО) показано, что в рамках данного проекта предполагалось основание 10 городов, которые должны были равномерно распределяться по территории Войска Донского (не менее одного города в каждом округе). Первыми должны были быть основаны города Новочеркасск, Урюпин и Танаис (в Гниловской станице). Реализация данного проекта привела бы к совершенно иной модели урбанизации в Донском войске и повлияла бы на социальную структуру казачества: равномерно распределенные по территории Войска города неизбежно влияли бы на окружающие станицы, внося новый, городской элемент в традиционно сельское казачье общество.

А.Л. Потапов придавал большое значение данному проекту и приказал начать работы по его реализации до утверждения имперскими властями. К началу 1868 г. были завершены предварительные работы землемеров. Однако вскоре после этого А.Л. Потапов был назначен виленским генерал-губернатором. Новый донской атаман М.И. Чертков не проявил интереса к проекту создания городов, и это позволило в 1871 г. специальной комиссии под председательством консервативного чиновника Г.И. Бокова запретить создание городов в Донском войске, тем самым свернув проект А.Л. Потапова.

Ключевые слова: донское казачество, города, урбанизация, земская реформа, Танаис, А.Л. Потапов, М.И. Чертков.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 320-329
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.320

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Description of the Estates of the Kharkov Province as a Manifestation of the Modernization Process (end of the 19th – beginning of the 20th centuries)

Maiia S. Lysenko ^{a, *}

^a O.N. Beketov National University of Urban Economy in Kharkov, Kharkov, Ukraine

Abstract

The article is devoted to the study of such publications of the Kharkov Agricultural Society as descriptions of estates, analysis of their impact on the local society, manifestations of modernization in the activities of voluntary associations. Creation of elements of civil society led to the emergence of public organizations. The ideas of the Enlightenment spread through periodicals. Description of the estates of the Kharkov province of the Russian Empire at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries became a new genre.

Description of estates was carried out by landowners themselves or specialists of the Kharkov Agricultural Society. Financing came from different sources: at the expense of subsidies from the Department of Agriculture of the Ministry of Agriculture, the Kharkov Agricultural Society, Zemstvos or private individuals.

This type of publications was necessary in the Kharkov province, since large landed estates played a decisive role in the development of agriculture in the region in the period under study. There were few exemplary farms in the Kharkov province, but it was owing to them that progressive changes were associated not only with the agrarian sector, but also with the economy and society as a whole.

Descriptions of estates covered different types of farms. According to the standards of that period, they were called agricultural, factory-technical, mixed, and in size they could be both small and large according to all-Russian standards. The author analyzed the descriptions of exemplary farms owned by L.E. Kenig, A. D. Golitsyn, I. K. Grishchenko and other landowners. In general, their activities were not only entrepreneurial, but also educational in nature. It is concluded that the local society considered such landowners to be advanced and progressive personalities. The results of their work have become public property.

The author analyzed various types of descriptions of estates, characterized the problems and difficulties in carrying out these activities, as well as public outcry from publications on the basis of archival and print sources. It was also an advertisement for new ways of managing. The specificity of the Kharkov province, which was substantiated in the forms of cultural farming, has been studied; the peculiarities of farming in the region are also determined in the article. The author shows how the landowners of the region were ready for changes and became part of the modernization process.

Keywords: Russian Empire, Ukrainian provinces, agricultural societies, voluntary associations, agriculture, description of estates, Kharkov Agricultural Society.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX веков общественная жизнь украинских губерний Российской империи развивалась в контексте модернизации. Становление гражданского общества в регионе проявлялось и через создание общественных организаций, в том числе сельскохозяйственных товариществ.

* Corresponding author

E-mail addresses: Maia.Lysenko@kname.edu.ua (M.S. Lysenko)

Добровольные ассоциации занимались просветительской, научной, общественной деятельностью и др. Их издательская работа была направлена на пропаганду передовых идей. В этом русле новым явлением стала публикация описаний имений местных землевладельцев, которые использовали прогрессивные методы хозяйствования. Они были известны в крае как успешные хозяева, общественные деятели и предприниматели. Министерство земледелия, понимая важность таких изменений, поощряло землевладельцев, видело в их способе хозяйствования залог правильного решения аграрного вопроса. Для пропаганды их достижений печатались описания имений. Ставилась задача повлиять на местное общество, сделать труд в сельском хозяйстве более престижным, эффективным и прибыльным.

2. Материалы и методы

В статье использованы опубликованные и неопубликованные источники. Автором изучен фонд 237 Харьковского общества сельского хозяйства Харьковского областного государственного архива (Харьков, Украина) и фонд 22 Императорского общества сельского хозяйства юга России Одесского областного государственного архива (Одесса, Украина). К опубликованным источникам относятся описания имений, отчеты и журналы сельскохозяйственных обществ, периодика, воспоминания, справочники и энциклопедии, «Труды комиссии по описанию имений», визуальные источники.

Методологическую базу исследования составляют научные принципы историзма и междисциплинарности. Принцип историзма позволил осветить работу сельскохозяйственных обществ на фоне текущих событий, проблем европеизации жизни провинции. Также этот принцип использован при анализе исторических фактов и событий с учетом времени их возникновения, в связи с конкретными условиями, в которых они проходили. Принцип междисциплинарности обусловил изучение аграрных товариществ как части социальной истории, а их издательскую деятельность – как историю новаций современного периода.

Автором были также использованы эмпирические методы (сравнение, анализ, синтез) и теоретические (описание, типологизация, структурно-функциональный). В целом их применение содействовало упорядочиванию фактов, созданию полной картины исследования.

3. Обсуждение

В статье учтены публикации ученых, касающиеся предмета нашего исследования. Работы по вышеуказанной проблематике условно можно подразделить на: 1) по истории поздней Российской империи; 2) по истории общественных организаций, в том числе сельскохозяйственных; 3) персоналии; 4) непосредственно о разных видах деятельности добровольных ассоциаций, например, издательской. Они охватывают несколько периодов: дореволюционный, советский и современный.

К дореволюционным исследователям относятся представители сельскохозяйственных обществ (Левитский, 1907), члены земств (Головко, 1910). Их работы носят научно-популярный характер и в определенном смысле являются «рекламой» общественных аграрных организаций. В советский период изучением дореволюционных общественных организаций занимался А.Д. Степанский (Степанский, 1977; Степанский, 1980; Степанский, 1982; Степанский, 1987). В современной историографии активно изучаются вопросы модернизации, формирования гражданского общества в позднимперский период. Данная проблематика освещена в трудах Н.Н. Кушлаковой (Кушлакова, 2016), М.С. Лысенко (Лысенко, 2020), В.С. Савчука (Савчук, 2009), А.С. Тумановой (Туманова, 2020), частично в работе С.И. Дегтярева, В.Н. Завгородней и Л.Г. Поляковой (Degtyarev et al., 2018). Свой вклад в решение проблемы внесли зарубежные исследователи (Пайпс, 1993; Брэдли, 2012).

4. Результаты

Исследуемый период является важным этапом модернизации украинских губерний Российской империи. Ситуация в обществе требовала перемен в разных сферах жизни провинции. Происходившие трансформации влияли на формирование гражданского общества, в том числе и на добровольные ассоциации.

В статье нами используются понятия «общественные организации» и «сельскохозяйственные организации». Оба термина употребляются в таком значении. Общественная организация – это добровольное объединение граждан, основанное на принципах самоуправления и действующее в соответствии с законодательством, целью которого является осуществление задач его членов, за исключением коммерческих. Это понятие нами используется с учетом специфики развития общества украинских губерний Российской империи пореформенного периода.

Сельскохозяйственная общественная организация – это товарищество, которое реализует свою потребность в самоорганизации и самодеятельности. Она создавалась для общественного служения как по инициативе местных деятелей, так и правительства. В рамках исследуемого периода данные аграрные организации в своем развитии прошли несколько стадий и занимались такими видами деятельности, как культурно-просветительская, научно-исследовательская, общественная, информационно-представительская, производственно-сбытовая и международное сотрудничество.

Производственно-сбытовая деятельность была исключением для аграрных организаций, если брать во внимание их общественный статус.

Модернизационные процессы проявились через просветительскую и издательскую работу сельскохозяйственных обществ. СМИ как важный фактор изменений общественного сознания позволяли донести информацию массовому читателю. Новым видом печатной продукции стали описания имений или образцовых хозяйств.

Издательская деятельность сельскохозяйственных обществ стала важной частью общественной жизни украинских губерний Российской империи в исследуемый период. Систематическую работу в этом направлении общественные организации начали осуществлять в 1880-х гг., когда их финансовое положение в определенной степени стабилизировалось. Создание массовых ежедневных газет и журналов в центре империи не полностью удовлетворяло потребности сельских хозяев провинции. Они нуждались в собственных печатных органах, которые смогли бы объединять усилия производителей сельскохозяйственной продукции, иметь собственные СМИ для распространения информации, что становилось обязательным элементом общественного прогресса.

Основы издательской деятельности в аграрной отрасли в значительной степени закладывали центральные добровольные ассоциации (ВЗО, Московское сельскохозяйственное общество). Столичные издания распространялись и в украинских губерниях. Они влияли на публикации региональных изданий (газет и журналов), формировали стандарты, направленность и даже моду на определенную тематику. Описывая собственные местные проблемы и потребности, журналы и газеты провинции старались быть в русле общеимперских событий.

На 1915 год по всей Российской империи издавалось 310 периодических сельскохозяйственных изданий, из которых на территории украинских губерний – более 60 ([Справочник по сельскохозяйственной печати, 1915: 54](#)). В них печаталась полезная информация по сельскому хозяйству в научно-популярной форме, а также реклама. Издательская деятельность сельскохозяйственных обществ включала разнообразные периодические издания, не только газеты и журналы, но и статистические описания уездов, описания имений, в которых велось образцовое хозяйство, отчеты, опросные листки, анкеты.

Одним из активных инициаторов основания аграрной периодики было Харьковское сельскохозяйственное общество. Его типография находилась в помещении, которое в 1880 году предоставил предприниматель М. Гельферих. Издательская деятельность добровольной ассоциации со временем приобрела такие масштабы, что давала заказы другим харьковским типографиям: земской, частным, преобразуясь во влиятельный издательский центр. Выпуск периодики требовал значительных финансовых затрат. Харьковское сельскохозяйственное общество рационально использовало свои собственные средства, земства, Департамента земледелия, частных лиц, поступления от рекламы и т.д.

Оно проводило широкую издательскую деятельность, в том числе к их печатной продукции относились описания имений. Подобный вид изданий можно назвать масштабным проектом. В разные годы описания печатались Харьковским сельскохозяйственным обществом как в своих отчетах и «Трудах», так и отдельными изданиями. К ним необходимо отнести описания имений Я.В. Кучерова, Н.Н. Ковалевского, В.А. Капниста и даже хозяйств некоторых товариществ предпринимательского типа, в том числе «Товарищества Чупаховского и Романовского свеклосахарных заводов» ([Харьковское общество сельского хозяйства. Отчеты за 1886–1898 гг.](#)).

Некоторые местные землевладельцы были участниками нескольких сельскохозяйственных обществ, в том числе Харьковского и Полтавского. К таким мы можем отнести А.И. Заборинского. Он был успешным и известным хозяином в крае с многолетним опытом, что позволило ему составить и опубликовать описание хозяйства ([Заборинский, 1881: 24-36; Заборинский, 1882: 8-44](#)).

В Харьковской губернии в исследуемый период было проведено и опубликовано значительное количество описаний поместий еще и потому, что определяющую роль в развитии сельского хозяйства региона играло крупное помещичье землевладение.

Численность помещиков Харьковской губернии в 1905 году достигла 21 616 человек с членами их семей, что составило 0,7 % общей численности населения края ([Лисенко, 2020: 260](#)). Среди них семьи Щербатовых, Строгановых, Толстых, Кенигов, Роттермундтов, Вейссе, Харитоненко, Кочинов, Капнистов, Голицыных. По национальности большинство помещиков Харьковской губернии были русскими, а самыми богатыми считались немцы. Практически все они были почетными или действительными членами Харьковского сельскохозяйственного общества. Описаниям их поместий придавалось большое значение.

Харьковская губерния была очень репрезентативным регионом для проведения описаний имений, если учитывать специфику сельскохозяйственного производства по выращиванию культур и специализации между уездами. Выращивали пшеницу, рожь, ячмень, овес, сахарную свеклу – преимущественно в Богодуховском, Волчанском, Ахтырском и Сумском уездах. Кроме того, по данным на конец XIX века, в Харьковской губернии 45,3 % помещичьих хозяйств велось самим собственником, что свидетельствует о достаточно высоком уровне подготовленности и энергичности местных землевладельцев ([Головко, 1910: 13](#)).

Наиболее рентабельными считались хозяйства, которые специализировались на производстве зерна и сахарной свеклы (Мезенцев, 1897: 60). Методы хозяйствования также отличались в разных уездах Харьковской губернии. В Харьковском, Волчанском, Змиевском, Купянском и Старобельском уездах использовали постоянных и сезонных наемных рабочих, в других уездах преобладали отработки. В регионе активно развивались рыночные отношения, в которые постепенно втягивалось и крестьянство.

Изначально дело было построено четко и правильно. Описания основывались на документальном материале. До публикации текст описаний показывали владельцу имения или уполномоченному лицу (управляющему), чтобы не выдавать коммерческую тайну. Кроме того, собственник мог дать полезные дополнения, замечания и рекомендации. В целом помещики поддержали идею, не было недопонимания дела. Организационно и финансово было проще описывать крупные хозяйства, так как богатые землевладельцы имели достаточные ресурсы и могли самостоятельно провести описание хозяйства. В определенной степени это была реклама их бизнеса (Описание Дмитриевского имения, 1914: 74).

Необходимой задачей было описание разных типов хозяйств не только по их масштабу, но и видам деятельности. Отслеживалась динамика изменений, перспектива развития конкретных отраслей, поощрялось распространение позитивного опыта.

Как и любое новое дело, описание имений было сопряжено с некоторыми трудностями. Иногда одно и то же имение приходилось посещать несколько раз, управляющие были очень заняты в сезон сельскохозяйственных работ, не было опыта проведения подобных мероприятий и пр. Описание образцовых хозяйств считалось новым и непростым делом. Однако в целом представители Харьковского сельскохозяйственного общества задачу выполнили.

Они организовывали изучение имений по специальной программе, которая предполагала исследование природно-исторических и социально-экономических условий возникновения и развития хозяйств. Чтобы работа стала более эффективной, специалисты предложили поделить Харьковскую губернию на так называемые хозяйственно-экономические районы. Там, где организация, техника и частично бюджет хозяйств были похожими, изучение проходило по стандартному плану. За основу взяли схему деления губернии на районы, составленную Харьковским губернским статистическим бюро. Харьковская губерния была поделена на три района: северный, или промышленно-заводской (Сумской, Лебединский, Богодуховский и Ахтырский уезды); средний, или трипольно-зерновой (Харьковский, Валковский, Волчанский и Змиевской уезды) и степной (Купянский и Старобельский уезды).

Разработанный план описания имений содержал в себе такие позиции: месторасположение, экономические условия и история хозяйства, его ресурсы (земля, сооружения, мелiorация, налоги и кредит, мертвый и живой инвентарь, плодовые деревья и лес, администрация поместья); отрасли: полевое хозяйство, животноводство, пчеловодство, лесное хозяйство, садоводство, огородничество, птицеводство; технические производства – заводы, фабрики, мельницы, аренда, виноделие, пивоварение; сбыт продуктов и товаров, учет и отчетность. В дальнейшем эта программа совершенствовалась. Она стала планом для большинства описаний имений края.

Некоторые помещики были известны и в других частях Российской империи. Так, Кениги вели свой бизнес в Петербургской губернии.

Изданные в 1896–1897 гг. описания имений Л.Е. Кенига показали, насколько этот землевладелец и предприниматель был «вмонтирован» в процесс модернизации не только сельского хозяйства, но и всего образа жизни региона. Подробный анализ описания имений Кенига приведен в статье М.С. Лысенко (Лысенко, 2015: 35-42).

Имение Л.Е. Кенига современники называли латифундией. Для этого образцового хозяйства были характерны многопрофильность и рациональное ведение дел. Собственником латифундии считался Л.Е. Кениг, но фактически бизнес в Харьковской губернии он вел с наследниками.

Центральное место в хозяйстве латифундии отводилось сахароварению и винокурению. Кроме этого, важными отраслями являлись животноводство, земледелие, лесоводство. Все производство было построено с учетом последних достижений агрономической науки того времени. Имелось современное оборудование. Проводились научные исследования на селекционной станции. При такой материально-технической базе доходность латифундии была выше, чем в большинстве хозяйств края. Часть товаров и сельскохозяйственной продукции продавались не только на внутреннем рынке Российской империи, но и за рубежом. Так, в Германию вывозились лесоматериалы. При этом под лесонасаждения использовались непригодные для земледельческих работ участки, например овраги.

В описании имений указывалось, что в общем хозяйстве работало три спиртных завода, которые обладали химической лабораторией и ремонтными мастерскими. Спирт продавался как государственной казне, так и за границу через Одессу и Либаву (Описание Гутянского имения, 1897: Часть 1, 212).

Для хозяйства актуальным было хранение и переработка сырья, а значит, создание и функционирование сельскохозяйственной обрабатывающей промышленности. В латифундии Кенигов работали десять мельниц и было огромное хранилище для зерна, рассчитанное на 100 тыс. пудов (Описание Гутянского имения, 1897: Часть 1, 216). Сами мельницы были оснащены

электрическими двигателями и соответствующими механизмами для автоматического передвижения и ссыпки зерна. Работала электростанция, поэтому все сооружения экономий освещались. Отдельные хозяйства латифундии были соединены между собой, главной конторой и Харьковом телефоном, тогда еще чудом техники.

В хозяйстве большое внимание уделялось животноводству. В имениях функционировали конные заводы, разводили крупный рогатый скот, свиней и овец. Два конных завода специализировались на выращивании рабочих, верховых коней и мулов. Выращивали, как правило, чистокровных редких домашних животных дорогих пород. Большое количество отходов разных предприятий, прежде всего сахароварения и производства спирта, способствовали расширению кормовой базы животноводства.

Собственник поместий сотрудничал с сельскохозяйственными обществами региона, особенно с Харьковским. Товары и сельскохозяйственная продукция, произведенные в латифундии, демонстрировались на ярмарках и выставках и получали призы в столице империи, за рубежом и в украинских губерниях. Крестьяне и служащие в хозяйстве работали на хороших условиях, которые включали дифференцированную заработную плату, социальные пособия. Л.Е. Кениг был известным в регионе меценатом. В целом все вышесказанное свидетельствовало о том, что его деятельность носила не только предпринимательский, но и просветительский характер.

По состоянию на 1903 год хозяйство Л.Е. Кенига состояло из двух больших поместий – Тростянецкого и Гутянского, в которые входили 20 экономий латифундии. Каждая из них представляла собой отдельное поместье и самостоятельную хозяйственную единицу. Система хозяйствования была смешанная, в тот период она называлась заводско-техническая. Главным управляющим всех поместий был Л.Е. Вебер. В администрации работало много этнических немцев. Создание такой мощной латифундии было вызвано потребностями сахарных заводов и прошло длительный период становления с 1874 года. Расширение латифундии можно охарактеризовать как быстрое и масштабное, что соответствовало критериям модернизации.

Схожая структура организации производств была характерна и для хозяйства П.И. Харитоненко, также расположенного в Харьковской губернии ([Краткое описание Пархомовского имения П.И. Харитоненко, 1889: 118](#)).

В описаниях поместий отмечалось, что образцовые хозяйства влияли не только на помещичьи, но и на крестьянские. Местные крестьяне перенимали новые прогрессивные методы земледелия и животноводства.

Таким образом, Л.Е. Кениг создал латифундию, которая стала образцовым многопрофильным и высокопродуктивным хозяйством. Современники неоднократно отмечали, что таких имений в украинских губерниях было мало. С ними связывали прогрессивные изменения не только в аграрной сфере, но и во всей экономике и обществе в целом. Перенимать опыт Л.Е. Кенига старались и другие землевладельцы края.

Система организации производства, взаимоотношения с крестьянами освещены в воспоминаниях другого харьковского землевладельца А.Д. Голицына ([Голицын, 2008: 237-246](#)). Они свидетельствуют, что описания имений, инициированные Харьковским сельскохозяйственным обществом, имели значительное влияние на хозяев региона.

Результаты труда энергичных помещиков, проникая в отчеты сельскохозяйственных обществ и СМИ, стали общественным достоянием. Так, в образцовое хозяйство А.Д. Голицына входили мельница, вспомогательные механизмы (маслобойка и пр.). С крестьян за работу вместо денег брали часть отходов сельскохозяйственного сырья, например, когда давили растительное масло из семечек подсолнечника. Велось зерновое хозяйство, выращивались технические культуры, занимались животноводством, птицеводством, пчеловодством ([Голицын, 2008: 242](#)).

Еще одно издание Харьковского сельскохозяйственного общества – описание имения И.К. Грищенко «Украинка» в Харьковской губернии, которое имело другой тип хозяйствования, чем в латифундии Л.Е. Кенига. Хозяйством в поместье занимался собственник, известный в Харькове общественный деятель и член Харьковского сельскохозяйственного общества И.К. Грищенко. Он был техником по специальности. Вести дела в хозяйстве ему помогали два сына, один из которых получил сельскохозяйственное образование в Германии, а другой был пивоваром.

Если характеризовать его хозяйство с точки зрения всероссийского масштаба, то оно представляло собой мелкое земледельческое хозяйство, соединенное с крупным (по меркам того времени и Харьковской губернии) заводским производством. Построенный в поместье пивоваренный завод в техническом и экономическом отношении давал представление об общей картине хозяйствования. В экономии находились хмельник, виноградник, выращивались зерновые культуры и кормовые травы, занимались коневодством и животноводством. Большое внимание уделялось лесоразведению. И.К. Грищенко заложил большой фруктовый сад. Он поставил перед собой задачу объединить промышленное садоводство с опытным помологическим садом. Исследования имели коммерческий успех, в том числе и по винограднику. Посадочный материал владелец брал из собственного рассадника. Некоторые породы домашних животных выписывались за границей. Выращивали декоративные растения. Огороды в хозяйстве существовали для внутреннего

обеспечения своих работников. Однако главным источником прибыли «Украинки» был пивоваренный завод (Левитский, 1907: 30).

Производство пива в техническом отношении имело современное на тот период оборудование. И.К. Грищенко внимательно следил за совершенствованием технологического процесса в пивоварении по специальной литературе. Кроме того, раз в год он ездил в Баварию для того, чтобы наблюдать производство и быть в курсе последних нововведений в этой отрасли.

Описание имения «Украинка» вошло в серию изданий о хозяйствах Харьковской губернии. Оно было исследовано и описано преподавателями Харьковского университета, которые были и членами Харьковского сельскохозяйственного общества: А.А. Голубевым в 1899–1900 гг. (Отчет Харьковского общества сельского хозяйства за 1899/1900 гг., 1900: 192) и В.Ф. Левитским в 1906 году (Левитский, 1907: 36). Оба составителя изложили свои впечатления об увиденном. А профессор В.Ф. Левитский посетил это имение после аграрных «беспорядков» в Харьковской губернии, которые, к счастью, имение И.К. Грищенко не затронули. Харьковское сельскохозяйственное общество и местное земство частично финансировали издания по описанию поместий.

Харьковское сельскохозяйственное общество пропагандировало практику взаимного посещения или деловых визитов землевладельцев края, поощряя тем самым заимствование опыта передовых хозяйев региона.

Идея трансформации положительного опыта, как понимали ее члены Харьковского сельскохозяйственного общества, со временем должна была распространиться и на крестьянские хозяйства, стимулировать их к нововведениям и улучшениям. Поэтому в начале XX века представители аграрной общественной организации начали исследовать и состояние крестьянских хозяйств. Членами общества были составлены опросные листки (по сути анкеты) и опубликован статистический материал о крестьянских хозяйствах Харьковской губернии. В местной периодике, особенно в «Южнорусской сельскохозяйственной газете», популяризировались новые рациональные методы ведения земледелия и скотоводства среди крестьян, которые стали характерными для передовых хозяйств.

Харьковское сельскохозяйственное общество сотрудничало с другими общественными аграрными объединениями, например с Киевским сельскохозяйственным обществом. С 1890 года при нем работала Киевская комиссия по описанию имений. Первоначально предполагалось охватить шесть украинских губерний, в том числе Харьковскую. Одна из причин проведения описаний имений – отсутствие точных статистических данных о состоянии разных отраслей сельского хозяйства в крае (Труды комиссии по описанию имений, 1893: 208). В Харьковской губернии по разным причинам только четыре хозяйства ответили на анкеты организаторов. В целом это была первая попытка охватить значительную территорию.

Подобная работа по описанию имений проходила и в других украинских губерниях. Одесское, Киевское, Подольское сельскохозяйственные общества также проводили описания имений в успешных хозяйствах, которые стали доступным методом изучения способов хозяйствования помещиков. Работа по описанию имений в Киевской губернии проанализирована в исторической литературе (Лисенко, 2018: 22-26).

Описания имений в различных губерниях имели специфические черты. Киевским обществом сельского хозяйства с 1880-х гг. в украинских губерниях Правобережья описывались преимущественно богатые и «крепкие» хозяйства польских землевладельцев. Одна из целей этих описаний состояла в повышении общекультурного уровня украинских крестьян, чтобы они не громили поместья. Землевладельцы этого региона раньше, чем общественность Харьковской губернии, стали организовываться и осуществлять совместную политику и практику. Они обратились за помощью к правительству, прежде всего финансовой, созвали в 1890 году I Областной съезд общественности. Часть описаний имений украинских губерний Правобережья была напечатана на русском и польском языках. Некоторые описания делались по запросу Департамента земледелия Министерства земледелия. Иногда помещики сами издавали описания имений (Описание Смелянского имения графов Бобринских, 1884: 202).

По нашему мнению, чиновники Министерства земледелия поощряли создание успешных хозяйств в украинских губерниях и заимствование позитивного опыта. При этом для улучшения состояния экономики использовались местные ресурсы и энтузиазм общественности. В целом финансирование работ по описанию имений со временем стало смешанное: за счет государственных субсидий Департамента земледелия, частной инициативы, земств. Описания имений публиковались в журналах Харьковского, Полтавского и других сельскохозяйственных обществ украинских губерний, а также в общероссийских изданиях «Земледелие», «Сельский хозяин», «Русское сахарное дело».

В южных украинских губерниях Императорское общество сельского хозяйства в Одессе централизованно не организовывало описаний имений региона. Как правило, они проводились по инициативе отдельных участников общества. Причина этого нам видится, с одной стороны, в большом объеме работы, которую Одесское сельскохозяйственное общество проводило на значительной территории края, отсутствии опыта подобных мероприятий и недостатке квалифицированных кадров. С другой – такая деятельность поощрялась. Частная инициатива помещиков южных губерний давала успешный результат. Некоторые из них были и

предпринимателями. В прессе появлялись публикации о поместьях юга разных типов. Описывались хозяйства успешные в культурном и коммерческом отношении (Васильев, 1913: 72; ГАОО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 302). В то же время несколько описаний имений попали в сборник «По югу России» (Вып. 2, 1896 г.; Вып. 3, 1900 г.; Вып. 4, 1902 г.).

Таким образом, описания имений разных регионов имели много общих черт.

Успешная работа по описанию имений украинских губерний, в том числе Харьковской, позволила выработать программы и конкурсные условия для премирования преуспевающих хозяйств. На рубеже XIX–XX вв., кроме описания имений, стали проводиться конкурсы между образцовыми хозяйствами. Организации таких мероприятий присоединились Министерство земледелия, ВЭО, другие сельскохозяйственные общества. Выработали правила премирования образцовых хозяйств. Для этого предварительно был изучен, проанализирован зарубежный опыт подобных конкурсов, прежде всего Великобритании. Условия проведения конкурсов корректировались, особенно в период проведения реформ П.А. Столыпина. В 1901 г. и 1909 г. Государственное управление земледелия и землеустройства издавало циркуляры для специалистов по сельскому хозяйству (ГАОО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 284. Л. 4). В них объяснялись требования к условиям проведения конкурсов.

Необходимо упомянуть и о трудностях, с которыми сталкивались члены жюри конкурсных комиссий. В архивных фондах мы встречаем замечания и пояснения министерского чиновника по сельскохозяйственному машиностроению В.В. Черняева, члена ВЭО И.О. Левитского, которые работали членами жюри подобных конкурсов (ГАОО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 284. Л. 7).

Сложность проведения конкурсов заключалась в разнообразии условий (как благоприятных, так и нет) и разных типах хозяйств. Деление на нечерноземную, черноземную и степную части считалось неправильным. Поместья отличались по климатическим и экономическим условиям. Конкурс бессмысленно было проводить в большом по размеру районе. По мнению специалистов, лучше было ограничиться губернией или несколькими губерниями. Присуждались премии в различных отраслях, например за отличное состояние технических производств. Члены конкурсных комиссий сравнивали отчеты с реальным состоянием дел в поместье (уход за домашними животными по отчетам и в жизни и т.д.).

На каждый новый конкурс избиралась другая комиссия из представителей ВЭО, сельскохозяйственных обществ региона и местных землевладельцев. В Великобритании в подобную комиссию входили три специалиста: по типу поместья, сельскохозяйственному машиностроению и отрасли сельского хозяйства. Изучение состояния поместья и его производств продолжалось три года. В условиях Российской империи некоторые процедуры сложились по-другому. Самыми важными считались результаты деятельности поместий. По возможности рекомендовалось премировать несколько хозяйств. Специалистами отслеживалась динамика изменений.

5. Заключение

Описания имений издавались непосредственно землевладельцами, аграрными организациями, Департаментом земледелия Министерства земледелия. Они печатались как отдельными книгами, так и сохранились в отчетах сельскохозяйственных обществ. По нашему мнению, это был распространенный тип изданий. «Мода» на описание имений охватила все украинские губернии, в том числе Харьковскую. Целью таких изданий было показать образцовые имения разных типов. Они положительно влияли на изменения в экономике края. Местное общество считало владельцев подобных хозяйств передовыми и прогрессивными личностями. Их опыт использовался как образец для других. Передовые хозяева и представители сельскохозяйственных обществ старались преодолеть у дворян стереотип непрестижности занятия сельским хозяйством, а также доказать, что общественная инициатива могла перевернуть представления, сделать невозможное. В последующем проводились конкурсы передовых имений, но в российских реалиях они в определенной степени изменили европейскую практику этих конкурсов. Описание имений в Харьковской губернии имело схожие и отличительные черты с подобными изданиями в других украинских губерниях.

Литература

Брэдли, 2012 – Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый Хронограф, 2012. 448 с.

Васильев, 1913 – Васильев В.А. Хозяйство Э.К. Бродского, землевладельца Екатеринославской губернии. Екатеринослав: Тип. губ. земства, 1913. 72 с.

Голицын, 2008 – Голицын А.Д. Воспоминания. М.: Русский путь, 2008. 608 с.

Головко, 1910 – Головко А. Сельскохозяйственные общества Харьковской губернии. Харьков: Тип. губ. земства, 1910. 136 с.

ГАОО – Государственный архив Одесской области.

ГАХО – Государственный архив Харьковской области.

Заборинский, 1881 – Заборинский А.И. Описание имения А.И. Заборинского Кобеляцкого уезда Полтавской губернии // Журнал Полтавского общества сельского хозяйства. 1881. С. 24–36.

- Заборинский, 1882** – *Заборинский А.И.* Описание имения А.И. Заборинского Кобеляцкого уезда Полтавской губернии // *Журнал Полтавского общества сельского хозяйства*. 1882. С.8-44.
- Краткое описание Пархомовского имения, 1889** – Краткое описание Пархомовского имения П.И. Харитоненко / Сост. Я. Жуков. Киев: Тип. «Киевское слово», 1889. 118 с.
- Кушлакова, 2016** – *Кушлакова Н.М.* Науково-технічні товариства промислових регіонів України (1870–1917 рр.) : Монографія. Павлоград: Арт-Синтез, 2016. 588 с.
- Левитский, 1907** – *Левитский В.Ф.* К вопросу об экономическом значении крупных и мелких заводско-земледельческих хозяйств. Харьков: Тип. А. Дарре, 1907. 37 с.
- Лисенко, 2017** – *Лисенко М.С.* Громадська діяльність Київського товариства сільського господарства (1876–1914 рр.) // *Сумська старовина*. 2017. № 51. С. 5-15.
- Лисенко, 2018** – *Лисенко М.С.* Діяльність Київського товариства сільського господарства з опису маєтків українських губерній (кінець XIX – початок XX ст.) // *Гілея: науковий вісник*. 2018. № 134. С. 22-26.
- Лисенко, 2015** – *Лисенко М.С.* Модернізація сільського господарства Харківської губернії (на прикладі латифундії Л. Є. Кеніга 1874–1903 рр.) // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. Серія: «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки». 2015. Вип. 21. С. 35-42.
- Лисенко, 2020** – *Лисенко М.С.* Сільськогосподарські товариства українських губерній Російської імперії в модернізаційних процесах: люди, структури, справи (1861–1917 рр.): монографія. Харків: ХНУМГ імені О. М. Бекетова, 2020. 363 с.
- Мезенцев, 1897** – *Мезенцев В.И.* Доходность частного землевладения в Харьковской губернии. Харьковский сборник. Харьков: Тип. губ. земства, 1897. Вып.11. 146 с.
- Описание Гутянского имения Л.Е. Кенига. Часть 1** – Описание Гутянского имения Л.Е. Кенига. Часть 1. Сельское хозяйство и лесоводство. Харьков: Тип. А. Дарре, 1897. 332 с.
- Описание Гутянского имения Л.Е. Кенига. Часть 2** – Описание Гутянского имения Л.Е. Кенига. Часть 2. Технические производства. Харьков: Тип. А. Дарре, 1897. 178 с.
- Описание Дмитриевского имения, 1914** – Описание Дмитриевского имения графа М.М. Толстого Харьковской губернии. Сумы: б. и., 1914. 74 с.
- Описание Смелянского имения, 1884** – Описание Смелянского имения графов Бобринских. Киев: Тип. Г.Л. Францкевича, 1884. 202 с.
- Отчет Харьковского общества сельского хозяйства за 1899/1900 гг., 1900** – Отчет Харьковского общества сельского хозяйства за 1899/1900 гг. Харьков: Тип. губ. земства, 1900. 192 с.
- Пайнс, 1993** – *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 420 с.
- Савчук, 2009** – *Савчук В.С.* Громадсько-наукові об'єднання: процедури типологізації // *Ейдос*. 2009. Вип. 4. С. 153-164.
- Справочник по сельскохозяйственной периодической печати, 1915** – Справочник по сельскохозяйственной периодической печати на 1915 год / Под редакцией В.В. Морачевского. Петроград, 1915. 673 с.
- Степанский, 1977** – *Степанский А.Д.* История общественных организаций дореволюционной России. Москва: Наука, 1977. 96 с.
- Степанский, 1980** – *Степанский А.Д.* Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: Учебное пособие по спецкурсу. М.: Наука, 1980. 90 с.
- Степанский, 1987** – *Степанский А.Д.* История научных учреждений и организаций дореволюционной России: Пособие по спецкурсу. М.: МГИАИ, 1987. 86 с.
- Степанский, 1982** – *Степанский А.Д.* История общественных организаций в России на рубеже XIX–XX вв.: Пособие по спецкурсу. М.: МГИАИ, 1982. 92 с.
- Труды комиссии, 1893** – Труды комиссии по описанию имений, состоящей при Киевском обществе сельского хозяйства. Вып. 1. Киев: Тип. П. Барского, 1893. 208 с.
- Туманова, 2002** – *Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России 1905–1917 гг. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2002. 487 с.
- Degtyarev et al., 2018** – *Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G.* On the Establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and Its Coverage in “Kievskaya Starina” Journal // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(4). Pp. 911-917.

References

- Brjedli, 2012** – *Brjedli, Dzh.* (2012). Obshhestvennyye organizatsii v carskoj Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshhestvo [Public Organizations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society]. Moskva: Novyj Hronograf, 448 p. [in Russian]
- Degtyarev et al., 2018** – *Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G.* (2018). On the Establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and Its Coverage in “Kievskaya Starina” Journal. *European Journal of Contemporary Education*. 7(4): 911-917.
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Odesskoj oblasti [State Archive of Odessa Region]. [in Russian]
- GAKO** – Gosudarstvennyj arhiv Har'kovskoj oblasti [State Archive of Kharkiv Region]. [in Russian]

- [Golicyn, 2008](#) – *Golicyn, A.D.* (2008). *Vospominanija*. [Memories]. Moskva: Russkij put'. 608 p. [in Russian]
- [Golovko, 1910](#) – *Golovko, A.* (1910). *Sel'skohozjajstvennye obshhestva Har'kovskoj gubernii*. [Agricultural societies of Kharkov province]. Har'kov: Tip. gub. zemstva. 136 p. [in Russian]
- [Kratkoe opisanie Parhomovskogo imenija, 1889](#) – *Kratkoe opisanie Parhomovskogo imenija P.I. Haritonenko* [Brief description of P.I. Kharitonenko Parkhomovsky estate]. Sost. Ja. Zhukov. Kiev: Tip: «Kievskoe slovo». 1889. 118 p. [in Russian]
- [Kushlakova, 2016](#) – *Kushlakova, N. M.* (2016). *Naukovo-texnichni tovary`stva promy`slovy`x regioniv Ukrayiny' (1870–1917 rr.)*. [Scientific and Technical Societies of Industrial Regions of Ukraine (1870–1917)]: monografiya. Pavlograd: Art-Sintez. 588 p. [in Ukrainian]
- [Levitskij, 1907](#) – *Levitskij, V. F.* (1907). *K voprosu ob jekonomicheskom znachenii krupnyh i melkih zavodsko-zemledel'cheskih hozjajstv* [To the question of the economic significance of large and small factory farms]. Har'kov: Tip. A. Darre. 37 p. [in Russian]
- [Lisenko, 2017](#) – *Lisenko, M.S.* (2017). *Gromads'ka diyal'nist' Kiivs'kogo tovaristva sil'skogo gospodarstva (1876–1914 rr.)*. [Public activity of the Kyiv Society of Agriculture (1876–1914)]. *Sums'ka starovina*. 51: 5-15. [in Ukrainian]
- [Lisenko, 2018](#) – *Lisenko, M.S.* (2018). *Diyal'nist' Kiivs'kogo tovaristva sil'skogo gospodarstva z opisu maetkiv ukrains'kikh gubernii (kinets' XIX – pochatok XX st.)* [Activities of the Kyiv Society of Agriculture on the description of the estates of the Ukrainian provinces (late 19th – early 20th century)]. *Gileya: naukovii visnik*. 134: 22-26. [in Ukrainian]
- [Lisenko, 2015](#) – *Lisenko, M.S.* (2015). *Modernizatsiya sil'skogo gospodarstva Kharkivs'koï gubernii (na prikladi latifundii L. E. Keniga 1874–1903 rr.)* [Modernization of agriculture in the Kharkiv province (on the example of the latifundia of L. E. Koenig 1874–1903)]. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Seriya: «Istoriya Ukraïni. Ukraïnoznavstvo: istorichni ta filososfs'ki nauki»*. 21: 35-42. [in Ukrainian]
- [Lisenko, 2020](#) – *Lisenko, M.S.* (2020). *Sil'skogospodars'ki tovaristva ukrains'kikh gubernii Rosiis'koï imperii v modernizatsiinikh protsesakh: lyudi, strukturi, spravi (1861–1917 rr.)* [Agricultural societies of the Ukrainian provinces of the Russian Empire in the modernization process: people, structures, affairs (1861–1917)]: monografiya. Xarkiv: XNUMG imeni O. M. Beketova. 363 p. [in Ukrainian]
- [Mezencev, 1897](#) – *Mezencev, V.I.* (1897). *Dohodnost' chastnogo zemlevladienija v Har'kovskoj gubernii*. Har'kovskij sbornik. [Profitability of private land ownership in the Kharkov province]. Har'kov: Tip. gub. zemstva. Vyp. 11. 146 p. [in Russian]
- [Opisanie Gutjanskogo imenija L.E. Keniga. Chast' 1](#) – *Opisanie Gutjanskogo imenija L.E. Keniga. Chast' 1. Sel'skoe hozjajstvo i lesovodstvo*. [Description of the Gutyansky estate of L. E. Koenig. Part 1. Agriculture and forestry]. Har'kov: Tip. A. Darre. 1897. 332 p. [in Russian]
- [Opisanie Gutjanskogo imenija L.E. Keniga. Chast' 2](#) – *Opisanie Gutjanskogo imenija L.E. Keniga. Chast' 2. Tehnicheskie proizvodstva*. [Description of the Gutyansky estate of L. E. Koenig. Part 2. Technical production.]. Har'kov: Tip. A. Darre. 1897. 178 p. [in Russian]
- [Opisanie Dmitrievskogo imenija, 1914](#) – *Opisanie Dmitrievskogo imenija grafa M. M. Tolstogo Har'kovskoj gubernii*. [Description of the Dmitrievsky estate of Count M. M. Tolstoy, Kharkov province]. Sumy, 1914. 74 p. [in Russian]
- [Opisanie Smeljanskogo imenija, 1884](#) – *Opisanie Smeljanskogo imenija grafov Bobrinskih*. [Description of the Smelyansky estate of the counts of Bobrinsky]. Kiev: Tip. G. L. Franckevicha. 1884. 202 p. [in Russian]
- [Otchet Har'kovskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva za 1899/1900 gg., 1900](#) – *Otchet Har'kovskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva za 1899/1900 gg.* [Report of the Kharkov Society of Agriculture for 1899/1900]. Har'kov: Tip. gub. zemstva. 1900. 192 p. [in Russian]
- [Pajps, 1993](#) – *Pajps, R.* (1993). *Rossija pri starom rezhime*. [Russia under the old regime]. Moskva: Nezavisimaja gazeta. 420 p. [in Russian]
- [Savchuk, 2009](#) – *Savchuk, V.S.* (2009). *Gromads'ko-naukovi ob'ednannya: protseduri tipologizatsii* [Public research associations: typology procedures]. *Ejdos*. 4: 153-164. [in Ukrainian]
- [Spravochnik po sel'skohozjajstvennoj periodicheskoj pechati, 1915](#) – *Spravochnik po sel'skohozjajstvennoj periodicheskoj pechati na 1915 god. Pod redakciej V.V. Morachevskogo* [Handbook of agricultural periodicals for 1915]. Petrograd. 1915. 673 p. [in Russian]
- [Stepanskij, 1977](#) – *Stepanskij, A.D.* (1977). *Istorija obshhestvennyh organizacij dorevoljucionnoj Rossii* [History of public organizations of pre-revolutionary Russia]. M.: Nauka. 96 p. [in Russian]
- [Stepanskij, 1980](#) – *Stepanskij, A.D.* (1980). *Samoderzhavie i obshhestvennye organizacii Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: uchebnoe posobie po spekursu*. [Autocracy and Public Organizations of Russia at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. M.: Nauka. 90 p. [in Russian]
- [Stepanskij, 1987](#) – *Stepanskij, A.D.* (1987). *Istorija nauchnyh uchrezhdenij i organizacij dorevoljucionnoj Rossii: posobie po spekursu*. [History of scientific institutions and organizations of pre-revolutionary Russia]. M.: MGIAI. 86 p. [in Russian]

Stepanskij, 1982 – *Stepanskij, A.D.* (1982). Istorija obshhestvennykh organizacij v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [History of public organizations in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries]: posobie po speckursu. M.: MGIAI. 92 p. [in Russian]

Trudy komissii, 1893 – Trudy komissii po opisaniju imenij, sostojashhej pri Kievskom obshhestve sel'skogo hozjajstva. [Proceedings of the commission on the description of estates, which is attached to the Kiev Society of Agriculture]. Vyp. 1. Kiev: Tip. P. Barskogo. 1893. 208 p. [in Russian]

Tumanova, 2002 – *Tumanova, A.S.* (2002). Samoderzhavie i obshhestvennye organizacii v Rossii 1905–1917 gg. [Autocracy and public organizations in Russia 1905–1917]. Tambov: Izd-vo Tambovskogo gos. un-ta. 487 p. [in Russian]

Vasil'ev, 1913 – *Vasil'ev, V.A.* (1913). Hozjajstvo Je.K. Brodskogo, zemlevladel'ca Ekaterinoslavskoj gubernii [The farm of E. K. Brodsky, landowner of the Yekaterinoslav province]. Ekaterinoslav: Tip. gub. zemstva. 72 p. [in Russian]

Zaborinskij, 1881 – *Zaborinskij, A.I.* (1881). Opisanie imenija A. I. Zaborinskogo Kobeljackogo uезда Poltavskoj gubernii. [Description of the estate of A. I. Zaborinsky, Kobelyatsky district, Poltava province]. *Zhurnal Poltavskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva*. Pp. 24-36. [in Russian]

Zaborinskij, 1882 – *Zaborinskij, A.I.* (1882). Opisanie imenija A. I. Zaborinskogo Kobeljackogo uезда Poltavskoj gubernii. [Description of the estate of A.I. Zaborinsky, Kobelyatsky district, Poltava province]. *Zhurnal Poltavskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva*. Pp. 8-44. [in Russian]

Описание имений Харьковской губернии как проявление процесса модернизации (конец XIX – начало XX веков)

Майя Станиславовна Лысенко ^{а, *}

^а Харьковский национальный университет городского хозяйства имени А.Н. Бекетова, Харьков, Украина

Аннотация. Статья посвящена изучению таких изданий Харьковского сельскохозяйственного общества, как описания имений, анализу их влияния на местное общество, проявлениям модернизации в деятельности добровольных ассоциаций. Создание элементов гражданского общества привело к появлению общественных организаций. Идеи просвещения распространялись через периодику. Новым жанром стало описание имений Харьковской губернии Российской империи конца XIX – начала XX веков.

Описание имений проводилось силами самих землевладельцев или специалистами Харьковского сельскохозяйственного общества. Финансирование было смешанным: за счет субсидий Департамента земледелия Министерства земледелия, Харьковского сельскохозяйственного общества, земств и частных лиц.

Данный тип изданий был необходим в Харьковской губернии, так как в исследуемый период определяющую роль в развитии сельского хозяйства региона играло крупное помещичье землевладение. Образцовых хозяйств в Харьковской губернии было мало, но именно с ними связывали прогрессивные изменения не только в аграрной сфере, но и экономике, и обществе в целом.

Описания имений охватили разные типы хозяйств. По стандартам того периода они назвались земельные, заводско-технические, смешанные, а по размерам могли быть как мелкими, так и крупными по общероссийским стандартам. Автор проанализированы описания образцовых хозяйств Л.Е. Кенига, А.Д. Голицына, И.К. Грищенко и других землевладельцев. В целом их деятельность носила не только предпринимательский, но и просветительский характер. Сделан вывод, что местное общество считало таких землевладельцев передовыми и прогрессивными личностями. Результаты их труда стали общественным достоянием.

На основе архивных и опубликованных источников автором проанализированы различные виды описаний имений, охарактеризованы проблемы и сложности в проведении данных мероприятий, а также общественный резонанс от публикаций. Это было и рекламой новых способов хозяйствования. Специфика Харьковской губернии также рассмотрена в статье. Она заключалась в формах ведения культурных хозяйств, обусловила особенности ведения сельского хозяйства в крае. Автором показано, насколько землевладельцы региона были готовы к изменениям и стали частью процесса модернизации.

Ключевые слова: Российская империя, украинские губернии, сельскохозяйственные общества, добровольные ассоциации, сельское хозяйство, описание имений, Харьковское сельскохозяйственное общество.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Maia.Lysenko@kname.edu.ua (М.С. Лысенко)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 330-337
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.330

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Features of Rational Nature Management in Agriculture of Large Estates in the Tambov Province at the end of the XIX century

Ruslan M. Zhitin ^{a, *}, Alexey G. Topilsky ^a, Maxim A. Oblitsov ^a

^aTambov state university named after G.R. Derzhavin, Russian Federation

Abstract

The article provides a comparative analysis of the ecological and economic aspects of the rationalization of large farms in the Tambov province at the end of the 19th century. Based on the materials of a comparative historical analysis of the agrarian complexes of the Tambov region, the following questions are posed and resolved: along what lines did the transfer of new economic and environmental practices take place in the structure of large types of land tenure, what are the results of the formation of a rational culture of landowners, what are the features of land management in conditions of an increase in negative anthropogenic impact on local ecosystems. The relevance of the study is due to the need to study the socio-economic development of large estates undergoing the stage of accelerated modernization. Zemstvo surveys of the Tambov estates presented in the "Collection of statistical information on the Tambov province", the patrimonial archives of the largest landowners in the region – the Novo-Pokovsky estate of the Orlov-Davydovs and the Zemetchinsky economy of the Dolgoruky were selected as the main source. The study of the conditions for the successful management of Russian landowners made it possible to more fully reveal previously unknown aspects of the economic development of large estates, to characterize the specifics of the implementation of a rational function in the agricultural sector. Based on a wide layer of historical documents, the study summarizes the origins of landowners' rationalization, assesses the contribution of owners to the development of new forms of resource exploitation in the Russian province, analyzes the economic characteristics of such processes as technical and technological modernization, intensification of production, and an increase in yields. The article shows that the use of new tools and inverse crop rotations in private farms at all stages of agricultural production contributed to the formation of ecologically significant fertility, contributed to the rational use of the entire complex of land resources.

Keywords: landlord economy, Tambov province, natural resources, modernization.

1. Введение

Проблемы рационального природопользования в имениях крупных владельцев Тамбовской губернии пореформенного времени принадлежат к малоисследованным вопросам аграрной историографии. Несмотря на то, что экологическая обстановка в районе действия крупных поместий региона долгое время не представляла значительной опасности для экономической модернизации экономий, постепенно нарастающий экологический кризис аграрного сектора заставлял местных владельцев обратить внимание на проблему концептуализации природных ресурсов. Для предотвращения глобальных вызовов в сфере природопользования крупные помещики выстроили хозяйства нового типа, основанные на принципах рационального использования имеющихся ресурсов. Применяемые ими методики повышали эффективность местного производства и значительно снижали экологическую нагрузку на окружающую среду. Данные процессы еще не

* Corresponding author

E-mail addresses: istorik08@mail.ru (R.M. Zhitin), Mr.MaximOblitsov@mail.ru (M.A. Oblitsov)

анализировались в отечественной науке, тем не менее их изучение позволит выявить истоки новых форм экономической активности в аграрном секторе экономики.

2. Материалы и методы

Данное исследование опирается на значительный пласт источников, которые впервые введены в научный оборот. Основным приоритетом работы выступает разработка материалов земских статистических описаний имений Тамбовской губернии, проведенных в 1870–1880 гг. (*Сборник..., 1880–1900*), которые содержат богатые сведения о помещичьих экономиках, включая данные о размере земельных ресурсов, способах ведения хозяйства, отраслевой специализации, закупаемой владельцами сельскохозяйственной технике. Одновременно в работе использовались справочные сведения по отдельным тамбовским хозяйствам (*Справочные..., 1916*).

Данные из опубликованных источников были дополнены материалами Государственного архива Тамбовской области (Россия, г. Тамбов). В работе использовались источники вотчинного архива Орловых-Давыдовых, содержавшие переписку владельца и управляющего по вопросам использования земельных и лесных ресурсов (*ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102*). Значительный интерес представляют документы Тамбовского сельскохозяйственного общества (*ГАТО. Ф.176. Оп. 1. Д. 142*), позволяющие проследить формы экономического развития латифундий.

В целях систематизации материалов выбранной источниковой базы была разработана база данных «Крупные имения Тамбовской губернии в конце XIX века». В нее заносился весь комплекс выявленной архивной и опубликованной информации. Аккумулированные материалы стали основой для анализа проблем рационализации тамбовских латифундий.

Применение основных принципов исторического познания стало важным пунктом данной работы. Использование принципа историзма позволило избежать характерной для российского общественного сознания идеализации прошлого, объективно оценить значение рационализации в экономической модернизации тамбовских имений. Принцип объективности был необходим для качественной характеристики хозяйственного развития поместий, изучения форм эксплуатации природных ресурсов.

Общеисторические методы исследования были использованы на всех этапах изучения экономики имений. Применение комплекса историко-сравнительного и историко-типологического методов позволило дать компаративную характеристику особенностей рационализации крупных комплексов на микроуровне, определить общее и частное в процессе технико-технологической и экологической модернизации экономий латифундистов.

3. Обсуждение

Вопросы рационализации природопользования в крупных хозяйствах дореволюционной России принадлежат к малоизученным проблемам отечественной историографии. Специалистов прежде всего интересовала социально-экономическая динамика частных хозяйств, опыт же рациональной деятельности латифундистов оставался вне рамок исследований.

Работы дореволюционных специалистов актуализировали экономические аспекты развития имений. Консервативно настроенные авторы (К.Ф. Головин (*Головин, 1886: 27*), К.Д. Дмитриев (*Дмитриев, 1894: 22*)) признавали общий кризис владельческих экономий, связывая его с отсутствием опыта рациональной деятельности у помещиков. Для выхода из кризиса ими пропагандировалась «испольная» система ведения хозяйства, требовавшая «возвратиться к сравнительно плохому, но более дешевому уходу за землей» (*Дмитриев, 1894: 24*). Пагубные результаты подобной деятельности для владельческого землепользования данными авторами не рассматривались.

Представители либеральной историографии справедливо стратифицировали имения по способу хозяйственной деятельности, выделяя в общей массе кризисных хозяйств рационально поставленные имения. По мнению А.А. Манулова (*Манулов, 1905: 34*), повышение качества хозяйственных знаний помещиков открывало для владельцев путь к преодолению аграрного кризиса.

Представители левых сил (*Каблуков, 1879: 157*) активно выступали за сокращение помещичьего землевладения и передачу всей земли крестьянству.

На первом этапе советской историографии (1920-е – середина 1950-х гг.) специального внимания помещичьей рационализации не уделялось. Характеристика отдельных сторон жизни крупных имений рассматривалась в рамках более общих вопросов аграрного развития (*Шестаков, 1924: 44*).

Первый опыт комплексного изучения проблематики помещичьего хозяйства в советский период относится к 60-м – 80-м гг. XX в. Среди основополагающих работ данного этапа стоит выделить исследования А.М. Анфимова (*Анфимов, 1969*) и И.Д. Ковальченко (*Ковальченко и др., 1982*).

Анализируя социально-экономические особенности крупного землевладения, А.М. Анфимов настаивал на превалировании в структуре латифундий некапиталистических отношений. При этом изучение крупных имений привело автора к важным заключениям. По его мнению, для повышения эффективности производства в условиях пореформенного кризиса некоторые помещики сокращали владельческую запашку и локально увеличивали производительность на отдельных участках своих экономий. Данная методика, по мнению ученого, была одним из способов адаптации помещиков к

пореформенному кризису. В работе И.Д. Ковальченко были сделаны выводы о капиталистическом характере сельскохозяйственного производства в помещичьих имениях.

Наиболее полно экологические проблемы хозяйственной деятельности крупных помещиков начали изучаться в начале 1990-х гг. Комплексное исследование хозяйственного положения моршанских имений провела О.П. Пенькова (Пенькова, 1995). Исследователь указывает на изменения системы управления земельными ресурсами, анализирует причины успеха экономической модернизации ряда экономий.

Интересна работа Е.В. Хмель, посвященная формированию рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии (конец XIX – начало XX вв.). По данным специалиста, тенденция к освоению интенсивных технологий и эффективной эксплуатации природных ресурсов в крупных имениях носила локальный характер и затрагивала лишь относительно небольшое число поместий (34 из 379 тамбовских латифундий). Вместе с тем Е.В. Хмель отмечает резкий рост интереса помещиков к модернизации своих поместий в начале XX в. (Хмель, 2004: 18).

Важное концептуальное значение имеет реализация научных проектов в сфере экологической истории. Большой интерес представляет исследование «Сравнительно-историческое изучение антропогенных ландшафтов различных регионов средствами беспилотных летательных аппаратов», реализованное тамбовскими учеными в 2020 г. По мнению авторов проекта, активная деятельность крупных владельцев проводилась зачастую без учета экологических рисков (распашка земель, вырубка лесов и др.). Это обуславливало существенное истощение природных ресурсов. Стремление преодолеть негативные последствия в свою очередь формировало более рациональное отношение к имеющимся ресурсам.

Таким образом, анализ исследовательской литературы позволяет сделать вывод о том, что экономические трансформации, порождаемые рационализацией имений, остаются слабо изученными в историографии. Тем не менее их рассмотрение позволяет полнее проанализировать особенности экономической модернизации имений помещиков.

4. Результаты

Развитие аграрного сектора Тамбовской губернии в процессе аграрной модернизации в конце XIX – начале XX вв. вызвало необходимость поиска новых форм эксплуатации существующих природных ресурсов. Экономические вызовы заставляли помещиков интенсифицировать свое хозяйство и увеличивать производство при существующих издержках. Втягиваясь в рыночную конкуренцию, тамбовские землевладельцы формировали особую культуру использования земельных угодий, повышали технико-экономические характеристики своих хозяйств.

Наиболее активно данный процесс шел в крупных имениях. В условиях аграрного кризиса и быстрого роста стоимости земли (основной производственный ресурс имений) большинство латифундистов предпочитало развитие личного полеводства. По подсчетам Б.Н. Миронова, средняя величина латифундиального хозяйства была наиболее устойчивой в пореформенной России, тогда как средние размеры мелких имений неуклонно сокращались (Миронов, 2003: 94). Таким образом, ресурсы крупных владельцев позволяли им сохранить устойчивую динамику экономических показателей после отмены крепостного права.

Особо сильная концентрация частного землевладения наблюдалась в Тамбовской губернии. В конце 1880-х гг. частновладельческий сектор края составлял 988 тыс. дес., из которых 822 тыс. объединяли 489 латифундий региона (Житин, 2018: 150). По показателям концентрации крупного землевладения тамбовские имения серьезно превосходили общероссийский показатель, где латифундии объединяли две трети фонда (Анфимов, 1969: 26). Особенно сильна концентрация земель была в центральных районах губернии. Так, в начале 1870-х гг. 73 кирсановских владельца объединяли 58 % земельной площади своего уезда (Сборник..., 1891: 5). В Моршанском уезде латифундиальность землевладения была еще более впечатляющей. 52 местные экономии аккумулировали более 80 % общеуездного владельческого фонда (Сборник..., 1891: 39). Несмотря на рост ценности земли, владельцы крупных имений не продавали свою собственность, расценивая ее как важный ресурс собственной экономической деятельности.

Главным капиталом в имениях крупных помещиков на протяжении всего пореформенного времени оставалась земля. В рассматриваемый период латифундисты задействовали практически все имеющиеся у них земельные ресурсы: посевные угодья, пастбища для выпаса скота, лесные дачи, территории перерабатывающих предприятий. Основным способом рационализации имеющихся площадей стало внедрение замкнутых производственных циклов, при которых основные компоненты хозяйственных комплексов были взаимосвязаны, а отходы утилизировались. Так, навозное удобрение, получаемое в обширном животноводческом хозяйстве Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102), являлось основой для интенсивного производства местных зерновых культур, которые с успехом перерабатывались на владельческой мельнице. Такая система позволяла помещику сохранять экономическую самостоятельность своего имения даже в условиях сельскохозяйственного кризиса.

Создание перерабатывающих производств на территории имений обуславливало увеличение площади запашки. Особенно сильно данная тенденция наблюдалась в экономиях с сахарными заводами. Например, в Карловском имении Мекленбург-Стрелицких площадь посевов в период 1899–1914 гг. увеличилась с 12,5 до 25,9 тыс. дес. Схожие процессы происходили в Казацком имении П.Н. Трубецкого (26 тыс. дес.). За период 1899–1905 гг. запашка владельца возросла с 2 до 4 тыс. дес. (Анфимов, 1969: 83).

Наиболее частой формой интенсификации землепользования в имениях крупных владельцев являлся переход на многопольные севообороты. Внедрение новых форм хозяйственной активности тамбовские помещики объясняли следующим образом: «...истощение трехпольной пашни при недостаточном удобрении, уменьшение урожаев вследствие повторения одних и тех же посевов, необходимость увеличения кормовой площади и улучшение качества кормов путем травосеяния» (Сборник, 1894: 134). Таким образом, повсеместный отказ от традиционного трехполья был связан с желанием владельцев интенсифицировать полеводство и перейти к выращиванию экономически более выгодных посевов технических культур.

Внедрение интенсивных севооборотов предполагало трансформацию традиционной паровой зерновой системы в сложное многополье. Как и в большинстве губерний Европейской России, в Тамбовском крае «получили распространение травяные севообороты с большим или меньшим развитием плодосмена» (Полная..., 1902: 76). При этом четко выделились два типа севооборота: комбинация зерновых культур и посадок картофеля и плодосмен зерновых и сахарной свеклы. Например, в Земетчинском имении О.П. Долгорукой с успехом практиковалась многопольная плодосменная система с севооборотом озимой пшеницы и картофеля (Воронков, 1911: 1), а в Ново-Покровском имении Орловых-Давыдовых активно практиковалась смена зерновых культур и сахарной свеклы (Житин, 2014: 261).

Решение помещиков об изменении антропогенной нагрузки на ресурсы являлось возможным благодаря сочетанию нескольких факторов: экологических проблем в регионе, знакомства помещиков с теориями эффективной модернизации, личном опыте хозяйственной деятельности. Как правило, переход к многополью включал в себя временной период, когда в одном имении могли использовать и традиционный, и улучшенный севооборот. Яркий пример подобного совмещения находим в Парльском владении С.И. Попова (407 дес. пашни). В 1880-х годах в этом хозяйстве сосуществовал интенсивный восьмипольный севооборот (247 дес.) и традиционное трехполье (160 дес.) (Краткие..., 1900: 223). При этом временные границы переходного периода были достаточно значительными. Только к началу 1890-х гг. помещик полностью завершил переход к интенсивному многополью.

Практики использования интенсивных плодосменов в ряде случаев обуславливались переходом помещиков от простого выращивания сельскохозяйственных культур к их промышленной переработке на месте. Именно на таких принципах был построено Земетчинское хозяйство княгини О.П. Долгорукой в Моршанском уезде. Внедряющаяся здесь тринадцатипольная система с корнеплодами была необходима для поддержания деятельности крупного сахарного завода. В 1910 г. местное производство давало до 425 тыс. пудов сахара в год, перерабатывая более 300 тыс. берковцев свеклы (Воронков, 1911: 27). Потребность в сырье для построенного в моршанском имении П.А. Атрыганьева винокуренного завода стимулировала производство местного картофеля (Краткие..., 1900: 224). Аналогичные процессы происходили в ряде имений Липецкого уезда, где «введение картофельного четырехполья было вызвано возможностями сбыта сырья на винокуренные заводы» (Сборник..., 1893: 107).

К концу XIX в. ряд успешных помещиков Тамбовской губернии смог полностью изжить классическое трехполье и перейти к сложным севооборотам. Так, в имениях Куровщинской волости Кирсановского уезда практиковался 12-польный оборот с посадками картофеля и травосеянием. При этом в практикуемой системе под яровым и озимым посевом было занято не более трети засеиваемой площади. Аналогичные севообороты были установлены в имениях Соколовской волости (Сборник..., 1891: 185).

Переход к многополью предполагал постоянное удобрение почвы. С этой целью помещики активно использовали как органические, так и минеральные подпитки. Подчеркивая важность повышения урожайности, тамбовские аграрии отмечали высокое качество выращиваемой продукции и «хороший урожай в течение 5 лет после внесения удобрения» (Справочные..., 1916: 133).

Как в крестьянских, так и в помещичьих имениях Тамбовской губернии удобрение почвы «давалось владельцами под озимый посев» (Сборник..., 1891: 215). Применение такой схемы определялось стремлением получить лучший урожай пшеницы, требовавшей хорошей почвы. Однако если крестьяне практиковали практику унавоживания лучших полей, то латифундисты поддерживали урожайность и на песчаных и на суглинистых почвах (Сборник..., 1893: 120). Это позволяло не только повышать качество всех пахотных площадей, но и рационально использовать имеющиеся земельные ресурсы.

Для покрытия дефицита навозных удобрений ряд владельцев вынужден был закупать органику в крестьянских хозяйствах. Как показало земское обследование тамбовских имений, особенно активно скупками крестьянского навоза занимались крупные владельцы экономий Кирсановского уезда. В 1891 г.

в одно из местных имений было поставлено более 8 000 возов естественных удобрений. Другой кирсановский владделец в этот же год закупил более 500 возов навоза (Сборник..., 1891: 212).

Длительный опыт использования навозного удобрения формировал особую культуру его применения. Насколько позволяет заключить земское статическое обследование имений Тамбовской губернии, «навоз на поля вывозился значительно перепрелым, лежащим не по одному году». Такая практика предполагала наличие в имениях «особых ям близ скотных дворов», которые оборудовались системой стоков (Сборник..., 1891: 213).

Быстрое развитие промышленного производства минеральных удобрений стимулировало использование искусственных добавок. В конце 1880-х гг. в Ново-Покровском имении Орловых-Давыдовых стали осуществляться дорогостоящие покупки суперфосфатов (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 583. Л. 137) и чилийской селитры (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 538. Л. 92). В результате расходы на поддержание плодородия ново-покровских полей в 1901–1912 гг. выросли с 3 руб. до 4,5 руб. на десятину посева.

Однако даже в конце XIX в. применение искусственных удобрений в хозяйственной практике тамбовских земледельцев так и не приобрело повсеместный характер. В Сосновском имении А.К. Бенкендорфа только в 1890-х гг. начали применять томас-шлак (Справочные..., 1916: 131). Земское обследование 99 имений Липецкого уезда, проводимое в этот же период, показало, что ни одно из обследованных хозяйств не перешло к использованию минеральных добавок (Сборник..., 1893: 120). В Кирсановском уезде было выявлено 4 экономии, где использовались искусственные удобрения, однако подробностей их применения аграрии не раскрыли (Сборник..., 1891: 215).

Популярность минеральных удобрений сдерживалась не только дороговизной минерального сырья на аграрном рынке, но и отсутствием у землевладельцев подробных сведений о составе своей почвы. В результате многочисленные случаи применения фосфатов в частных экономиях приводили к тому, что «издержки на данный вид удобрения не вознаграждались и на пятую часть» (Сборник..., 1894: 151).

Важнейшим фактором модернизации помещичьего хозяйства Тамбовской губернии явилась технико-технологическая механизация аграрного производства. В пореформенное время именно крупные экономии стали пионерами технической интенсификации целых отраслей аграрного производства. По подсчетам А.М. Анфимова, имения юга России площадью свыше 600 дес. (1/16 всех частных экономий региона) были обладателями «44 % всех железных плугов, 34 % сеялок, 35 % жаток, 48 % паровых молотилок» (Анфимов, 1969: 78). Некоторые имения, отличавшиеся высокоэффективным использованием земледельческой техники, содержали целые ремонтные мастерские. Так, в карловском имении Мекленбург-Стрелицких постоянно находился контингент из 140 рабочих, занятых в сфере отладки и ремонта сельхозтехники (Анфимов, 1969: 75). Аналогичные мастерские действовали и в Земетчинском имении княгини О.П. Долгорукой (Воронков, 1911: 27).

Важным условием производственной интенсификации имений было позитивное восприятие владельцами технической новатики. Особый интерес представляет т.н. трансферный переход знаний, выступающий маркером в экономическом развитии имений владельцев. Такой переход выражается в том, что четкое понимание специфики использования технических ресурсов институционализировало особенности их использования. В результате районы действия интенсивных экономий, с одной стороны, становились маркерами уникальных экономических перемен, с другой – они формировали новые формы технической модернизации аграрного сектора.

Значительные средства в развитие Ново-Покровского имения вложил А.А. Орлов-Давыдов. В 1905–1908 гг. в экономии была проведена комплексная технико-технологическая модернизация. В первую очередь в сферу местного полеводства поступила новая усовершенствованная техника. При этом, наряду с российскими образцами, в экономию приобретались устройства немецких (Скривен) и американских (Мок) фирм-производителей (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3. С. 29; Д. 583. С. 241). Общие расходы на поставки технических устройств превысили 39 тыс. руб. (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 596. Л. 141).

На втором этапе было обновлено оборудование имевшихся в имении промышленных производств. На местную мельницу были поставлены американские зерноочистилки «Триумф», шведские вальцевые станки общей стоимостью 32 тыс. руб. (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 266. Л. 78). Для повышения выработки Ново-Покровского кирпичного завода владделец пробурил артезианскую скважину, установил новое насосное оборудование. При этом все технические работы на предприятии проводила известная в России фирма «Отто Старкмет и Оскар Шлихт» (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 596. Л. 224).

Завершило технико-технологическую модернизацию Ново-Покровского имения строительство сахарного завода и подъездных путей узкой и широкой колеи, связавших инфраструктуру имения с Юго-Восточной железной дорогой. Благодаря вводу в эксплуатацию нового предприятия владделец перешел к производству и продаже сахара, обеспечивавшему ему солидную прибыль (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 250. Л. 32). Кроме того, техническая модернизация привлекла в имение новые категории рабочих. В 1909 г. на 66 железнодорожных рабочих, трудившихся в экономии Орловых-Давыдовых, истратили 8 736 руб. (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 378. Л. 59).

Большую роль в повышении доступности сельскохозяйственных машин и оборудования в Тамбовской губернии играло земство. В конце XIX – начале XX вв. при его поддержке в Тамбове, Моршанске, Козлове, Кирсанове было открыто девять складов сельхозтехники, позволивших снизить дефицит оборудования на растущем аграрном рынке. Одновременно при складах проводилась

консультационная работа, направленная на повышение уровня технических знаний владельцев и профессиональную подготовку наемных рабочих к эксплуатации сложных механизмов (*Сборник-календарь...*, 1900: 320).

Значимым компонентом рационализации хозяйственной деятельности в имениях латифундистов стала борьба с сельскохозяйственными вредителями. Необходимо отметить, что именно крупные помещики одними из первых поставили вопрос о качественной защите урожая от вредоносных насекомых. Бесконтрольное размножение озимой совки (*Agrotis segetum*) и гессенской мухи (*Cecidomya destructor*) на крестьянских полях требовало срочных и эффективных мер противодействия угрозе (*Линденман, 1880: 5*).

Отлаженная система мер борьбы с вредителями существовала в Земетчинском имении княгини О.П. Долгорукой. Истребление гусениц велось при помощи создания специальных канавок, которые потом поджигались вместе с выжигаемыми вредителями. Одновременно владельцы практиковали закладку «ловчих посевов» и выжигание жнивья (*Воронков, 1911: 23*).

Применение химических средств борьбы с вредителями в пореформенное время относилось к разряду сельскохозяйственной новатики и использовалось только в наиболее крупных хозяйствах. Ядохимикаты для обработки полей закупались в Ново-Покровском имении Орловых-Давыдовых, где на их приобретение была выделена отдельная особая статья расходов (*ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102*). В ряде других имений Тамбовской губернии применялось опрыскивание посевов 4–6 % раствором хлористого бария (*Воронков, 1911: 19*).

5. Заключение

Изучение различных форм рационализации экономического комплекса крупных имений Тамбовской губернии пореформенного времени позволило установить основные факторы эффективного природопользования в помещичьем хозяйстве. Выявлено, что модернизация крупных экономий затронула все элементы сферы полеводства как основной производящей отрасли тамбовских имений. Для повышения эффективности использования земли местные аграрии внедряли сложные севообороты, применяли комплексные удобрения, повышали технико-технологический уровень своих владений. Применение сельскохозяйственной новатики в свою очередь способствовало формированию экологически эффективной системы хозяйства, в котором отношение к ресурсам становилось рациональным.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых (Проект № МК-476.2020.6).

Литература

- Анфимов, 1969* – *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М., 1969. 393 с.
- Воронков, 1911* – *Воронков А.И.* Краткое описание Земетчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини О.П. Долгорукой. Моршанск, 1911. 28 с.
- ГАТО* – Государственный архив Тамбовской области.
- Головин, 1899* – *Головин К.Ф.* Наша финансовая политика и задачи будущего, 1887–1898. СПб., 1899. 267 с.
- Дмитриев, 1894* – *Дмитриев К.Д.* Обеспеченный доход с имением без капитала на ведение хозяйства. М., 1894. 96 с.
- Житин, 2014* – *Житин Р.М.* Экономические характеристики хозяйственных комплексов крупных имений на микроуровне // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2014. № 11 (139). С. 258–265.
- Житин, 2018* – *Житин Р.М.* Социально-экономические аспекты развития крупного помещичьего хозяйства Тамбовской губернии в конце XIX века // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2018. Т. 23. № 175. С. 149–156.
- Каблуков, 1879* – *Каблуков Н.А.* Очерк хозяйства частных землевладельцев. М., 1879. 308 с.
- Ковальченко и др., 1982* – *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982. 264 с.
- Краткие..., 1900* – Краткие справочные сведения о некоторых хозяйствах. Вып. 1. СПб., 1900. 476 с.
- Линдеман, 1880* – *Линдеман К.* О гессенской мухе. Тамбов, 1880. 16 с.
- Мануилов, 1905* – *Мануилов А.А.* Поземельный вопрос в России. М., 1905. 106 с.
- Миронов, 2003* – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: В 2 т. Т. 2. СПб., 2003. 582 с.
- Пенькова, 1995* – *Пенькова О.П.* Дворянские имения Моршанского уезда Тамбовской губернии второй половины XIX в. / *Культурная жизнь Тамбовского края*. Материалы региональной конф. Тамбов, 1995. С. 19–22.

[Полная..., 1900](#) – Полная энциклопедия русского сельского хозяйства. СПб., 1900. Т. VII. 647 с.

[Сборник-календарь..., 1903](#) – Сборник-календарь на 1903 г. Тамбов, 1903. 325 с.

[Сборник..., 1880–1900](#) – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: Т. 1–24. Тамбов, 1880–1900.

[Сборник..., 1890](#) – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: Землевладение Моршанского уезда. Тамбов, 1890. Т. 15. 504 с.

[Сборник..., 1891](#) – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: Землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. Т. 16. 673 с.

[Сборник, 1893](#) – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: Частное землевладение Липецкого уезда. Тамбов, 1893. Т. 18. 191 с.

[Сборник..., 1894](#) – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов, 1894. Т. 19. 370 с.

[Справочные..., 1916](#) – Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1. Петроград, 1916. 375 с.

[Хмель, 2004](#) – *Хмель Е.В.* Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. 25 с.

[Шестаков, 1924](#) – *Шестаков А.В.* Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924. 88 с.

References

[Anfimov, 1969](#) – *Anfimov, A.M.* (1969). *Kрупное pomeshchich'e hozyajstvo Evropejskoj Rossii (konec XIX – nachalo XX veka)* [Large landowner economy of European Russia (late XIX – early XX century)]. Moscow, 393 p. [in Russian]

[Dmitriev, 1894](#) – *Dmitriev, K.D.* (1894). *Obespechennyj dohod s imeniem bez kapitala na vedenie hozyajstva* [Provided the income from the estate without capital to farming]. Moscow, 96 p. [in Russian]

[GATO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [State archive of the Tambov region].

[Golovin, 1899](#) – *Golovin, K.F.* (1899). *Nasha finansovaya politika i zadachi budushchego, 1887–1898* [Our financial policy and the tasks of the future, 1887–1898]. Sankt-Petersburg, 267 p. [in Russian]

[Hmel, 2004](#) – *Hmel, E.V.* (2004). *Formirovanie racional'nogo prirodopol'zovaniya v hozyajstvakh krupnyh zemlevladel'cev Tambovskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv.: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Formation of rational nature management in the farms of large landowners of the Tambov province in the late XIX – early XX centuries.: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Tambov, 25 p. [in Russian]

[Kablukov, 1879](#) – *Kablukov, N.A.* (1879). *Ocherk hozyajstva chastnyh zemlevladel'cev* [An essay on the economy of private landowners]. Moscow, 308 p. [in Russian]

[Kovalchenko et al., 1982](#) – *Kovalchenko, I.D., Selunskaya, N.B., Litvakov, B.M.* (1982). *Social'no-ekonomicheskij stroj pomeshchich'ego hozyajstva Evropejskoj Rossii v epohu kapitalizma* [Socio-economic structure of the landlord economy of European Russia in the era of capitalism]. Moscow, 264 p. [in Russian]

[Kratkie..., 1900](#) – *Kratkie spravochnye svedeniya o nekotoryh russkih hozyajstvakh* [Brief background information about some Russian farms]. Is. 1. Sankt-Petersburg, 1900. 476 p. [in Russian]

[Lindeman, 1880](#) – *Lindeman, K.* (1880). *O gessenskoj muhe* [About the Hessian fly]. Tambov, 16 p. [in Russian]

[Manuilov, 1905](#) – *Manuilov, A.A.* (1905). *Pozemel'nyj vopros v Rossii* [The land question in Russia]. Moscow, 106 p. [in Russian]

[Mironov, 2003](#) – *Mironov, B.N.* (2003). *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XIX v.): Genezis lichnosti, demokrat. sem'i, grazhd. o-va i pravovogo gosudarstva* [The Social History of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century): The Genesis of personality, democrat. families, citizens. o-va and the rule of law]. In 2 v. V. 2. Sankt-Petersburg, 582 p. [in Russian]

[Penkova, 1995](#) – *Penkova, O.P.* (1995). *Dvoryanskie imeniya Morshanskogo uezda Tambovskoj gubernii vtoroj poloviny XIX v.* [Noble estates of the Morshansky district of the Tambov province of the second half of the XIX century]. *Kul'turnaya zhizn' Tambovskogo kraja*. Materialy regional'noi konf. Tambov, pp. 19–22. [in Russian]

[Polnaya..., 1900](#) – *Polnaya enciklopediya russkogo sel'skogo hozyajstva* [The Complete Encyclopedia of Russian Agriculture]. 1900. V. VII. Sankt-Petersburg, 647 p. [in Russian]

[Sbornik..., 1880–1900](#) – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: T. 1–24.* [Collection of statistical data on the Tambov province: Vol. 1–24]. 1880–1900. Tambov. [in Russian]

[Sbornik..., 1890](#) – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: Chastnoe zemlevladenie Morshanskogo uezda* [Collection of statistical data on Tambov province: Private land ownership of Morshansky uyezd]. 1890. Tambov, v. 15, 504 p. [in Russian]

[Sbornik..., 1891](#) – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: Chastnoe zemlevladenie Kirsanovskogo uezda* [Collection of statistical data on Tambov province: Land ownership of Kirsanovsky uyezd] (1891). Tambov, v. 16, 673 p. [in Russian]

Sbornik..., 1893 – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: Chastnoe zemlevladienie Lipeckogo uezda [Collection of statistical data on Tambov province: Land ownership of Lipecky uyezd] (1893). Tambov, v. 18, 191 p. [in Russian]

Sbornik..., 1894 – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: Chastnoe zemlevladienie Tambovskogo uezda [Collection of statistical data on the Tambov province: Private land ownership of the Tambov district] (1894). Tambov, v. 19, 370 p. [in Russian]

Sbornik-kalendar'..., 1903 – Sbornik-kalendar' na 1903 g. [Collection-calendar for 1903] (1903). 325 p. [in Russian]

Shestakov, 1924 – *Shestakov, A.V.* (1924). Kapitalizaciya sel'skogo hozyajstva Rossii (ot reformy 1861 g. do vojny 1914 g.) [Capitalization of agriculture in Russia (from the reform of 1861 to the war of 1914)]. Moscow, 88 p. [in Russian]

Spravochnye..., 1916 – Spravochnye svedeniya o nekotorykh hozyajstvakh [Reference information about some farms] (1916). Is. 1. Petrograd, 375 p. [in Russian]

Voronkov, 1911 – *Voronkov, A.I.* (1911). Kratkoe opisanie Zemetchinskogo votchinnoho imeniya ee siyatel'stva knyagini O.P. Dolgorukoj [A brief description of the Zemetchinsky patrimonial estate of Her Excellency Princess O.P. Dolgoruky]. Morshansk, 28 p. [in Russian]

Zhitin, 2014 – *Zhitin, R.M.* (2014). Ekonomicheskie harakteristiki hozyajstvennykh kompleksov krupnykh imenij na mikrourovne: [Economic characteristics of economic complexes of large estates at the micro level: (based on the materials of the Novo-Pokrovsky estate of the Orlov-Davydovs and the Rakityansky estate of the Yusupovs)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 11(139): 258-265. [in Russian]

Zhitin, 2018 – *Zhitin, R.M.* (2018). Social'no-ekonomicheskie aspekty razvitiya krupnogo pomeshchich'ego hozyajstva Tambovskoj gubernii v konce XIX veka [Socio-economic aspects of the development of a large landed estate in the Tambov province at the end of the XIX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 23(175): 149-156. [in Russian]

Экономические особенности рационализации хозяйственной деятельности крупных помещиков Тамбовской губернии во второй половине XIX века

Руслан Магомедович Житин^{a,*}, Алексей Геннадьевич Топильский^a, Максим Анатольевич Облицов^a

^aТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Российская Федерация

Аннотация. В статье дан компаративный анализ эколого-экономических аспектов рационализации крупных хозяйств Тамбовской губернии в конце XIX в. На материалах сравнительного исторического анализа аграрных комплексов Тамбовского региона ставятся и решаются следующие вопросы: по каким линиям происходил трансфер новых экономических и экологических практик в структуру крупных типов землевладения, каковы результаты формирования рациональной культуры владельцев-латифундистов, в чем особенности управления земельными ресурсами в условиях возрастания негативного антропогенного воздействия на местные экосистемы. Актуальность исследования обуславливается необходимостью изучения социально-экономического развития крупных имений, проходящих стадию ускоренной модернизации. В качестве основного источника были выбраны земские обследования тамбовских имений, представленные в «Сборниках статистических сведений по Тамбовской губернии», вотчинных архивах крупнейших землевладельцев региона – Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых и Земетчинской экономии Долгоруких. Изучение условий успешного хозяйствования российских помещиков позволило полнее раскрыть ранее неизвестные аспекты экономического развития крупных имений, охарактеризовать специфику реализации рациональной функции в аграрном секторе. На основании широкого пласта исторических документов в исследовании обобщены истоки рационализаторства помещиков, оценен вклад владельцев в развитие новых форм эксплуатации ресурсов в российской провинции, проанализированы экономические характеристики таких процессов, как технико-технологическая модернизация, интенсификация производства, повышение урожайности. В статье показано, что применение новых орудий труда и инверсивных севооборотов в хозяйствах частных владельцев на всех этапах сельскохозяйственного производства содействовало формированию экологически значимого плодородия, способствовало рациональному использованию всего комплекса земельных ресурсов.

Ключевые слова: помещичье хозяйство, Тамбовская губерния, природные ресурсы, модернизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: istoriko8@mail.ru (Р.М. Житин),
Mr.MaximOblitsov@mail.ru (М.А. Облицов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 338-348
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.338

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism

Bakyt S. Tokmurzayev ^{a, *}, Michael K. Churkin ^{b, c}, Sabira N. Apasheva ^a

^a «Sirdariya» University, Zhetysai, Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural, Russian Federation

Abstract

The article, based on the materials of N.M. Yadrintseva and N.M. Potanin reveals the content of the epistolary discourse of Asiatic Russia as a colony. The basis of the research procedures are the methodological principles of the new cultural and intellectual history, and the reliability of the conclusions is due to the involvement in the work of an array of letters of 1872–1874, written by the leaders of the Siberian regionalism in the traumatic circumstances of political exile. The team of authors found that the actors of the discourse represented elements of the political program for the colonization of the Asian spaces of Russia, in which there were no declarations of a separatist nature. It is determined that the ideas of the regionalists about the nature of the incorporation of asian territories into the general imperial space differed markedly from the understanding of this situation by the authorities, parties and movements of the national-conservative spectrum of the socio-political thought of the Russian Empire. It has been argued that the appeals in the epistolary discourse to Western European colonization theories provided an opportunity for the leaders of the Siberian regionalism to position Asian Russia not as a continuation of the territory of the empire, but as a colony that needed support and paternalistic guardianship from the metropolis until the their cultural, social, economic alignment, which will ensure the subsequent political emancipation of the region.

Keywords: Asiatic Russia, colonization, colony, metropolis, outskirts, leaders of Siberian regionalism, siberian journalism, epistolary discourse.

1. Введение

Рефлексия Азиатской России как территории имперского проникновения и «присвоения» являлась неотъемлемой частью общественно-политического дискурса второй половины XIX – начала XX вв., в системе координат которого отдаленные окраины за Уральским хребтом позиционировались в двух антиномичных ипостасях: как продолжение «коренной» территории Российской империи и как ее колония в экономическом, политическом и культурном отношении.

Среди многочисленных каналов репрезентации дискурса Азиатской России в исследуемый период, в числе которых материалы периодической печати, труды востоковедов, делопроизводство центральной и региональной администраций, общественных организаций, не последнее место занимала частная переписка деятелей политических партий и движений, прямо или опосредованно вовлеченных в обсуждение широкого спектра вопросов имперской политики на окраинах страны. К числу таковых может быть отнесена переписка лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, оставивших заметный след в качестве журналистов, литераторов, исследователей и

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev),
proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), sabira66_66@mail.ru (S.N. Apasheva)

имперских экспертов региона, стремительно вовлекаемого во второй половине XIX столетия в общегосударственное пространство России.

Обращение к эпистолярному наследию сибирских областников в контексте раскрытия содержания репрезентаций Азиатской России как колонии видится актуальным, поскольку письмо, как справедливо полагают исследователи, представляет собой особый жанр, в рамках которого пишущий позволяет себе идти на риск и экспериментировать со словом. Одним из характерных признаков письма является процесс эмоционального вчувствования адресанта в воссоздаваемый текст (Скопкарева, 2015). В данном отношении деконструкция эпистолярного дискурса лидеров областничества предоставляет исследователю дополнительные возможности конструирования исторической реальности и перепрочтения известных исторических сюжетов в контенте коммуникации «адресант-адресат-исследователь».

2. Материалы и методы

Решение исследовательских задач, связанных с раскрытием содержания дискурса колонизации Азиатской России в эпистолярном наследии лидеров сибирского областничества, ориентировало исследователей к привлечению, собственно материалов переписки Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Основными источниками при подготовке статьи стали письма сибирских областников, датированные периодом 1872–1874 гг. – временем наиболее интенсивной и продуктивной с идейной точки зрения эпистолярной коммуникации областников (Ядринцев, 1918; Потанин, 1987).

К работе также привлекались наиболее значимые исследовательские труды участников переписки, поскольку отношение к процессу колонизации, имевшее лишь смутное, тезисное очертание в письмах, приобретало отчетливую конструкцию в научно-публицистических статьях и монографиях авторов, что позволило проникнуть в «творческую лабораторию» областников, понять, в какой логике и последовательности возникали, «обрабатывались» и кристаллизовались их идеи (Ядринцев, 2003; Ядринцев, 2015; Потанин, 1876).

В методологическом плане положения и выводы статьи соотносятся с предметным полем «новой культурно-интеллектуальной истории», предполагающей включение в исследовательский контекст таких понятий, как «интеллектуальные традиции», «интеллектуальные сообщества» и «интеллектуальная культура» (Репина, 2007; 89). Основанием исследовательского подхода в границах «новой культурно-интеллектуальной истории» является признание активной роли языка, текста и нарративных структур в конструировании исторической реальности, другими словами *дискурсивных практик*, предполагающих существование единого концептуального пространства, образуемого тематически связанными текстами (Миньяр-Белоручева, 2015).

Методологический инструментарий новой исторической науки predetermined выбор метода деконструкции дискурса в качестве основного инструмента работы с эпистолярным наследием лидеров областнического движения, применение которого позволило выявить не только реакцию акторов переписки на произошедшие или происходящие события, но и раскрыть динамику их представлений о колонизационном процессе с учетом социокультурного контекста эпохи и моделей интеллектуальной коммуникации в исследуемый период.

3. Обсуждение

Тема Азиатской России как колонии в эпистолярном дискурсе лидеров сибирского областничества не являлась специальной областью «исследовательского притяжения» историков, а обращение коллег по «цеху» к жанру переписки носило эпизодический и иллюстративный характер, что долгие годы было обусловлено периферийным статусом источников личного происхождения.

Среди работ филологов, составивших базис историографической традиции вопроса, необходимо отметить группу авторов, фокусирующих внимание на сибирском тексте как феномене отечественной литературы (Серебrenников, 2010; Макарова, 2011).

В современных исторических штудиях широкий спектр проблем, связанных с привлечением к исследованиям сибирской проблематики эпистолярного наследия общественно-политических деятелей региона, выделим публикации, посвященные письмам как инструменту конструирования коммуникативного пространства и коммуникативным практикам (Матханова, 2021), а также эпистолярному наследию как источнику для изучения становления и функционирования профессионального сообщества сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в. (Чернова, 2019).

4. Результаты

Применительно к эпистолярному дискурсу лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина такие понятия, как «частное», «сокровенное» в отношении содержания и стилистики текстов писем, являются знаковыми, поскольку отражают личный травматический опыт основных фигурантов дела «сибирских сепаратистов» 1865 г., по результатам которого Г.Н. Потанин был предан гражданской казни, в течение трех лет находился в заключении в

Свеаборгской крепости, после чего был выслан под надзор полиции в Вологодскую губернию. Н.М. Ядринцев два года провел в Омской тюрьме и впоследствии был сослан в Шенкурск Архангельской губернии.

С сожалением приходится констатировать, что за гранью интереса ученых остается эмоциональная реакция «жертв», сложная система душевных переживаний и восприятия травмы, что оказало в дальнейшем влияние на конструирование областниками стратегии поведения, запечатленной в их общественно-политической и научно-публицистической деятельности. Между тем при вчитывании в письма Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина возникает отчетливое понимание корреляции между травматической ситуацией и определенными трансформациями в представлениях их авторов о своем общественно-политическом и научном предназначении.

По утверждению специалистов, психологическая травма далеко не всегда влечет за собой фрустрацию и опустошение, для некоторых это является мотивирующим и преобразующим фактором, когда психотравма становится спусковым механизмом для перемен к лучшему, кардинально меняя интересы, мироощущение и создавая объемную, наполненную жизненную перспективу (Шашмурина, 2020: 218). Отметим, что в письмах областников, относящихся к периоду 1872–1874 гг., мотив переживания травмы существует повсеместно, но обозначается как старая декорация в новых обстоятельствах журналистской и научно-исследовательской деятельности. Так, Н.М. Ядринцев, обращаясь к Г.Н. Потанину, с юмором, в отдельных местах «черным», пишет: «Долго ли мы будем мыкать свое горе – неизвестно... Шукин, как слышали, вероятно, напоследок сделал одну умную вещь: он умер. Шайтанов женился на мещанке в Пинеге, изобретает какую-то водку, завел трактир и учит жену на фортепьянах... Слава Богу, скорее туфли и халат. И мы здесь сыграли свадьбу. Шашков женился. А мы что с вами, друг? Живы, али гробы поваленные? Давайте же руку, поцелуемся крепко» (Ядринцев, 1918: 7). Он же сетовал, что в Шенкурске нет людей одинаковой с ним породы: Шашков был сосредоточен в себе, Ушаров пил и все больше опускался. «Я одинок, как и Вы, – писал Ядринцев Потанину, – и космополитическая среда, и ее интересы, и разговоры не удовлетворяют меня. Мне нужны птицы одной породы, и на соседство с Вами я променял бы все прочие соседства» (Ядринцев, 1918: 48).

В свою очередь, Г.Н. Потанин в переписке с Н.М. Ядринцевым пережитое в крепости определяет как «лютые дни», неизменно добавляя при этом о своем желании «поэксплуатировать» данную тему в журнальных публикациях с целью заработка (Потанин, 1987: 81). В письмах Г.Н. Потанин лишь эпизодически затрагивает тему заключения, повествуя о драматическом этапе биографии с характерной для его стиля лаконичностью, легкостью и остроумием: «Об образе моей жизни в Свеаборге не хотелось бы писать, но вкратце постараюсь удовлетворить Ваше требование. Первые полгода работал на площадях, бил молотком щебень, возил таратайки с камнем, колол лед, пилил дрова, пел «Дубинушку», сиживал в гребях. Наконец начальство в виде улучшения моего положения назначило меня в собакобой, и целое лето я был собачьим Аттилой и ужас насаждал в собачьи сердца. Потом меня повысили еще выше – в дровораздаватели, потом в огородники и учителя. Кормили нас овсом, что и прилично было для животных, возивших таратайки. Три года не пил чаю, не ел говядины, жил шекером и не получал ни от кого писем, кроме одного от Ивана Федоровича Соколова, да двух от Катанаева» (Потанин: 1987: 82).

В целом можно говорить о том, что ссылка до определенной степени способствовала «инкапсуляции» психологической травмы областников, последующее преодоление которой выразилось в конструировании такой коммуникативной среды, в которой дефицит прямого общения компенсировался интенсивными эпистолярными контактами.

В данном отношении начало 1870-х гг. стало важным этапом эволюции областнической идеологии. Очевидно, что одним из решающих факторов переформатирования концепции сибирского областничества и ее «дрейфа» от революционных к либеральным основаниям, принципам и средствам стало физическое ограничение возможностей ведения активной общественно-политической деятельности, распространившееся на лидеров движения. Не менее существенную роль сыграли и возрастные изменения, неизбежно повлекшие за собой трансформации мировоззренческого характера, что обуславливалось во многом коррективами круга чтения и вынужденными ограничениями коммуникации.

В историографии сибирского областничества достаточно полно освоены сюжеты, посвященные описанию и характеристике национальных идейных источников областничества. В частности, исследователями установлено, что политические взгляды лидеров движения Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в 1860-е гг. формировались под мощным влиянием трудов и идей революционных демократов – А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, заявлявших о праве народов на самобытность, областную автономию и самоопределение, а также адептов федералистской теории – Н.И. Костомарова и А.П. Щапова, чьи требования федеральной или союзной общинно-демократической конституции стали теоретическим основанием программы сибирского кружка в Петербурге (Ремнев, 1997; Шиловский, 2008; Чуркин, 2019).

В 1870-х гг. в условиях ссылки лидеры сибирского областничества обращаются к либеральным западным общественно-политическим идеям и теориям. Примечательно, что первое знакомство

областников, в частности Г.Н. Потанина с западными идеями колониализма, относится еще к середине XIX в. Яркое впечатление на него произвела статья востоковеда И.Н. Березина ([Березин, 1858](#)), в которой автор рассматривал российский колониальный опыт в общемировом (испанском, французском, английском, американском) контексте, опираясь на работы немецкого экономиста В. Рошера, полагавшего, что земледельческие колонии рано или поздно отделяются от метрополий, обретая суверенитет ([Ремнев, 1997: 142-145](#)).

Смещение интересов лидеров областничества к вопросам колониализма и осмыслению перспектив Сибири как колонии Российской империи рельефно демонстрируется в эпистолярном наследии 1870-х гг. Н.М. Ядринцева, увлечение которого проблемами идеологии и поиском ответов на актуальные вопросы о путях развития России и Сибири, с апелляцией к западным источникам, являлось наиболее цельным и оформленным.

Уже в первом письме к Г.Н. Потанину из г. Шенкурска от 20 февраля 1872 г. Н.М. Ядринцев в спектре изданий, получаемых им по подписке, наряду с отечественными, называет длинный список западных журналов, среди которых выделяются *Reve Britanigue*, *Revue de deux mondes*, *Bibliothegue universelle de Geneve*, добавляя при этом, что со следующей почтой обязательно вышлет свои каталоги, специально касающиеся путешествий и истории Америки, Азии, Австралии и Африки на немецком, французском и английском языках ([Ядринцев, 1918: 4](#)). В перечне произведений, упоминаемых Ядринцевым в письмах, как в связи с собственными работами, так и в качестве рекомендательного «чтива», регулярно встречаются труды авторов, так или иначе исследующих экономические аспекты колониального вопроса: Дж. Милля, А. Токвиля, Г. Кэрри, П.-Ж. Прудона, К. Маркса и др. Примечательно, что увлеченность Ядринцева англоязычной литературой, для чтения которой он серьезно занялся изучением языка, проявляется в письмах даже в таких, казалось бы, мелочах, как обращение к адресату «my dear friend» и в прощальном «до свидания, сэр» ([Ядринцев, 1918: 49](#)).

Г.Н. Потанин в ответном письме от 28 февраля писал: «От всех ваших статей-проектов я в восхищении. Желал бы соревноваться с Вами и соперничать. Предполагаю, что Вы богаты данными. Пришлите мне список книг о Востоке, какие имеете, и о колониальной политике» ([Потанин, 1987: 82](#)). Определенное первенство Н.М. Ядринцева в теоретических знаниях угадывается и в следующем пассаже письма Г.Н. Потанина: «Тема, которую Вы мне предлагаете о значении путешествий Палласа и пр., отличная, но она так велика, так много требует предварительного чтения и особенно размышлений, что я, при настоящих своих средствах и знаниях, да и кармане взяться за нее боюсь» ([Потанин, 1987: 86](#)).

В письмах Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину в 1872–1874 гг. отчетливо прослеживается новый вектор его исследовательских интересов, постепенно преобразуемых в идейно-теоретическую программу. Уже в первых посланиях к своему товарищу, отправленному после крепости на поселение в г. Никольск Вологодской губернии, Ядринцев сообщает: «...Просвещением мы снабжены, ...у Серафима (Шашкова) уже есть порядочная библиотека, даже по части исторической... Я накапливаю свою, колониальную; на днях выписываю многие книги о нашем Востоке» ([Ядринцев, 1918: 4](#)).

Значительный объем информации, сообщаемой Г.Н. Потанину, составляют известия об организации издания «Азиатский вестник» под редакцией востоковеда П.И. Пашино, к сотрудничеству в котором, помимо Н.В. Шелгунова, В.С. Курочкина, был приглашен и Н.М. Ядринцев. Несмотря на печальную судьбу журнала, обвиненного в откровенной социал-демократической направленности и запрещенного цензурным комитетом после выхода первого номера, сведения о процессе подготовки материалов, описании структурной композиции публикаций в интерпретации Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, живо откликнувшегося на эту новость, представляют большой интерес, поскольку позволяют составить представление об исследовательской программе областников и перспективных для них направлениях работы ([Ядринцев, 1918: 5-6](#)). Так, Н.М. Ядринцев, помимо объявления содержания первого выпуска, информирует Г.Н. Потанина о составе авторского коллектива журнала, в том числе и в ближайшей перспективе. Обращаясь к Потанину как к потенциальному автору Ядринцев подчеркивает важность публикаций в азиатском отделе журнала статей, посвященных так называемым местным вопросам: сибирской природе, этнографии Азиатской России, торговле, промышленности, просвещению ([Ядринцев, 1918: 5-6](#)).

Г.Н. Потанин в ответных письмах на сообщение о подготовке к изданию «Азиатского вестника» реагирует очень живо, что отчасти объясняется бедственным финансовым положением и ограниченными возможностями жить в месте поселения литературным заработком ([Потанин, 1987: 79](#)). Потанин, рассказывая Ядринцеву о планах своего участия в деятельности издания, сетует не только на бедственное положение, но и недостаточную подготовленность в теоретическом отношении: «Да, Николай Михайлович, похлопочите устроить мне регулярную жизнь, регулярный приток денег. У меня тоже есть кое-какие проекты, но я о них не пишу, потому что они еще не имеют прочных фундаментов... Дебютировать я хотел своими очерками и потом уже статьями по поводу книг... Ваша книга о штрафной колонизации может мне послужить поводом к рецензии» ([Потанин, 1987: 81-83](#)).

Вместе с тем глубокие познания Г.Н. Потанина в этнографии и экономике и рассуждения в письмах на злободневные темы вносят серьезный вклад в расшифровку исследовательской программы Н.М. Ядринцева, представленной в его письмах довольно сумбурно. В частности, Г.Н. Потанин предложил своему единомышленнику использовать в статье о сибирской промышленности XVIII в. аллегорию, позволяющую представить всю историю Сибири как последовательную смену соболиной, золотопромышленной и земледельческой эпох, а в работе над инородческим вопросом легенду о раздаче Богом земли, в которой русские выбрали лес, став звероловами. Потанин, таким образом, обратил внимание Ядринцева, с одной стороны, на сложность инородческой проблематики, с другой – на невысокий культуртрегерский потенциал русского народа в колонизационном отношении (Потанин, 1987: 84–85).

Переписка лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина в своем содержании и атмосферном состоянии разворачивалась в канве романтической традиции, которая, по словам Ядринцева, сложилась в Петербурге в начале 1860-х гг., когда и произошло их знакомство: «Мы с Потаниным как встретимся, то постоянно строим воздушные замки о Сибири. Я уже предложил снять в Томске типографию и издавать сибирский журнал. Я надеюсь это осуществить, потому что имею средства. Николая Семеновича (Н.С. Шукин) буду просить редактором, а Потанин хочет быть самым деятельным сотрудником. Заведу вроде Café restaurant с читальными залами журналов, и многое, многое гнездится мыслей на устройство нашего отечества, нашей Сибири» (Ядринцев, 1980: 228). Г.Н. Потанин в своих воспоминаниях о дружеских контактах с Н.М. Ядринцевым в петербургский период довольно точно выделил те элементы программы областнической идеологии, которые не были окрашены в цвета политического радикализма и определялись как «идея сознательного служения краю» (Ядринцев, 1919: 45): «Их занимал вопрос: так что же такое Сибирь: колония или провинция, пользуется ли она «равными правами с другими областями империи; пользуется ли одинаковыми заботами правительства о его благосостоянии, о его просвещении и культурном прогрессе <...> или, может быть, оно преследует такую же политику по отношению к своей колонии, как другие европейские метрополии, политику несправедливую, ко благу только метрополии и в ущерб колонии»? «Тогда же мы поняли, что интересы Сибири противопоставлены интересам Москвы <...>» (Потанин, 1983: 159–160).

Эпистолярный контакт лидеров сибирского областничества, волею обстоятельств лишенных привычных способов непосредственного общения, имел довольно интересные с исследовательской точки зрения результаты: в условиях ссыльной повседневности частная переписка создавала новый формат коммуникации адресата и адресанта. Это объясняется не только текущим статусом участников переписки, предполагавшим большой объем свободного времени, но и техническими возможностями почтового сообщения, предоставлявшего авторам писем дополнительное время на раздумья и подготовку обстоятельного ответа. В данном отношении переписка Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина 1872–1873 гг., по нашему убеждению, наиболее предметно отражает эволюцию взглядов сибирских областников от политического радикализма к умеренному либерализму. Существенным является и то, что в этот период актуализируется интерес сибирских интеллигентов к Азиатской России и ее общественно-политическим, экономическим и культурным перспективам как колонии в составе Российской империи. В этом плане эпистолярный дискурс Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина может и должен прочитываться как неоформленная программа колонизации восточных окраин империи через спектр тем, вызывавших у акторов переписки предметный интерес.

Следует подчеркнуть, что дискурс колониального прошлого, настоящего и будущего Азиатской России в письмах лидеров областничества маркируется под общим термином «местные вопросы», стихийно обсуждаемые в формате частной переписки. Темы общины, тюрьмы и ссылки, судеб коренного населения края, организации промышленности и торговли, форм просветительской деятельности и научной экспертизы окраинных территорий буквально рассыпаны по текстам писем.

В то же время в процессе чтения возникает устойчивое ощущение присутствия неких смыслообразующих фрагментов, являющихся исходной точкой программных соображений авторов. Так, Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин пристальное внимание в эпистолярной коммуникации уделяют «провинциальной истории» и перспективам провинции в условиях государственного централизма. В письме к Потанину из Шенкурска от 12 марта 1872 г. Ядринцев сообщает о намерении заняться темой истории провинции в Европе, «посвятив ей года два–три и, может быть, более» (Ядринцев, 1918: 15). В июле того же года Николай Михайлович сообщает своему товарищу о желании писать статью (памфлет) с названием «Провинция и провинциализм», центральным сюжетом которой станет «небрежное отношение интеллигенции, воспитанной централизацией, к провинции..., понимаемой как синоним невежества, тупости, скотской жизни и скопища злоупотреблений» (Ядринцев, 1918: 52). В следующем письме, также датированном июлем, Н.М. Ядринцев, опираясь на свой теоретический опыт исследования провинций во Франции, Швейцарии, США, отметил, что изучение государств централистских окончательно убедило его в том, что областной вопрос сохраняет свою актуальность как в Западной Европе, так и в России, поскольку изучение местных народных вопросов должно обусловить дальнейшее развитие личности в окраинных землях (Ядринцев, 1918: 77).

Развивая соображения Н.М. Ядринцева, касающиеся важности самопрезентации российской провинции, Г.Н. Потанин подчеркивал знаковую роль региональной интеллигенции в пробуждении общественных сил окраин. Он, в частности, писал: «Философ, не спускающийся к народу, всегда, как Антей, прикрепившись к земле, поднимается с удвоенною силою. Местный патриотизм – это могущественный инстинкт, не призванный к жизни, бесполезно таящийся, робко прозябающий в сердцах людей и способный сотворить чудеса, как он это и делает в Америке, если сделать к нему призыв» (Потанин, 1987: 140).

В понимании акторов переписки преодоление в российском обществе представлений об Азиатской России в категориях «отсталость» и «невежество» будет возможно только средствами регулярной просветительской деятельности. В данной связи лидеры областничества в рамках эпистолярной коммуникации выделяют наиболее существенные, с их точки зрения, условия, определяющие продуктивность просветительства на окраинах.

Во-первых, значительное место в эпистолярном дискурсе отводится вопросам организации научной экспертизы Азиатской России. Н.М. Ядринцев, критикуя в письме к Г.Н. Потанину содержание статей первого номера «Азиатского Вестника», рассуждал о нецелесообразности публикаций в печати статей общего характера, подчеркивая необходимость «научной разработки Азии..., публикации отчетов об ученых путешествиях и открытиях» (Ядринцев, 1918: 11). С изрядной долей сарказма автор констатировал неудовлетворительное состояние экспертной работы, и особенно качества публикаций по результатам так называемых «научных экспедиций». Под огнем его критики оказывалась опубликованная в 1871 г. книга С.И. Турбина (Турбин, 1871), о которой Н.М. Ядринцев сообщал следующее: «Турбин обещал представить отношение к колонии метрополии. Ничего подобного, конечно, я не нашел. Но сама по себе книга – курьез... Это путешествие чиновника с двойными прогнами... По пути он охотится, развлекается рыбной ловлей, жуирует, расспрашивает кое о чем бродяг, ссыльных, новоселов и т.д. ...Поездка веселая и приятная» (Ядринцев, 1918: 30).

Г.Н. Потанин, живо реагируя на критические замечания товарища, в целом соглашался с его оценками текущих практик экспертной работы, отмечая при этом зарождение новых тенденций и появление лиц, способных сложившуюся ситуацию изменить к лучшему. Так, в письме от 5 марта 1872 г. он в качестве положительного примера называет работы П.А. Ровинского – исследователя Восточной Сибири – с нижеследующим комментарием: «Очень рад, что начинают ездить путешественники для изучения не обычаев инородцев или геологических формаций, а экономического быта населения» (Потанин, 1987: 96). Развивая мысль о важности научного подхода к исследованию восточных окраин, Г.Н. Потанин особо подчеркивал потребность соединения практической исследовательской работы с ее последующей репрезентацией: «Мне кажется, в популярной книге о Сибири есть недостаток и потребность. Книга Завалишина никуда не годна и то была издана два раза. Я не буду задаваться целью написать полное описание, но напишу, однако ж, в серьезном роде, чтобы сочинение имело вид ряда любопытных ученых картин. Со статистикой я надеюсь больше сладить, чем с физической географией, но и тут будет пробел в отношении статистики движения народонаселения» (Потанин, 1987: 116).

Во-вторых, в письмах явственно отражен мотив острой нужды региона в систематических «площадках» научной и образовательной рефлексии знания об Азиатской России. Н.М. Ядринцев уверенно заключал, что развитие географической науки и успех географического общества немислимы без «туземного» университета (Ядринцев, 1918: 44). В то же время, приветствуя и продвигая идею университета, Ядринцев отчетливо понимал, что перспективы российского востока будут связаны с земледельческим освоением и актуализацией крестьянского вопроса, выражая тревогу отсутствием интереса и расположенности интеллигенции к местному крестьянству (Ядринцев, 1918: 71). В своем письме к Г.Н. Потанину он выражал надежду на то, что с развитием просвещения, распространением всеобщей грамотности интеллигенция может возникнуть из крестьянской среды (Ядринцев, 1918: 72). При этом Ядринцев призывал оказывать данному процессу всяческую государственную и частно-общественную поддержку (Ядринцев, 1918: 72).

Г.Н. Потанин, принципиально соглашаясь с Н.М. Ядринцевым в вопросе о патерналистских акциях в деле просвещения, предостерегает коллегу от опасностей и «ловушек», которые могут встретиться на этом благородном пути: «При покровительстве огулом, при централизационном протекционизме всегда будет так; это походит на то, как богатые именники иногда кидали деньги в народ; кто сильнее, тому одному все и достанется; то же самое происходит и с просвещением» (Потанин, 1987: 84).

Особое место в эпистолярном дискурсе сибирских областников занимала проблематика колониационного характера, являвшаяся логическим продолжением темы «провинции» и «местных вопросов».

Уже в первых письмах к Г.Н. Потанину в Шенкурск (апрель 1872 г.) Н.М. Ядринцев сетует на объективные ограничения в подготовке и публикации статей, посвященных колонизации, которые он объясняет общей ксенофобской атмосферой, охватившей не только национал-консервативные, но и некоторые либеральные издания начала 1870-х гг.: «Представьте себе положение, когда вы специально хотите написать о германской цивилизации, вдруг вам редактор пишет, что немцев надо

откатать, так как они хотят надеть на Европу «бисмарковские рейтузы... (Слог редактора журнала «Дело»)». Сейчас мне показал Серафимыч (Шашков), что Благосветлов просит его написать об английской колонизации и...обругать рыжих варваров» (Ядринцев, 1918: 24). И далее: «За что ругать? За то, что их колонизаторские таланты создали Америку и Австралию? За то, что Новой Голландии, Мысу Доброй Надежды и Канаде дана конституция, за то, что в Индии они строят университет и избороздили ее железными дорогами?» (Ядринцев, 1918: 25). В риторике Н.М. Ядринцева, полной искреннего возмущения, метафорически заключена идея о выгодах колониального статуса для Азиатской России, моделях коллаборации метрополии и колонии, механизмах управления колониальными территориями и перспективах эволюции колониальных практик. Ядринцев полагал, что формат английской колониальной политики был более прогрессивным в сравнении с другими европейскими державами и Англия быстрее других стран добралась до крайней формы колониализма – экономической эксплуатации своих владений (Ядринцев, 1918: 38). Н.М. Ядринцев сделал вывод следующего рода: «Англия показывает пример, поучительный для народов, как невыгодна экономическая форма эксплуатации для мировых общечеловеческих интересов. Все заставляет обратиться к новому началу – солидарности международных отношений, основанных на принципах равенства и свободы, и тогда колониальная политика явится одной из благороднейших форм взаимной дружбы...» (Ядринцев, 1918: 38).

Идея организации «правильной» колониальности, с учетом положительного опыта Англии и Австралии, получила дальнейшее развитие в представлениях Н.М. Ядринцева об основных проблемных сферах отечественного колониационного опыта. В письмах к Г.Н. Потанину к числу таковых он относил вопросы ссыльно-каторжной практики, инородческую и переселенческую проблематику.

Отношение к ссылке как препятствию колонизации наиболее рельефно сформулировано Ядринцевым в письме от 31 мая 1872 г., в котором автор представил свои комментарии к проекту тюремной реформы в России. Н.М. Ядринцев, отталкиваясь в своих рассуждениях от статистики населения в европейской и азиатской частях империи, приходит к выводу, сообразно с которым колонизация на восточных окраинах России оказывается желательной только на добровольных началах, в то время как колония репрессивно-карательного типа не представляет залога ее продолжительности (Ядринцев, 1918: 31). При этом Н.М. Ядринцев признавал положительное значение карательных практик для первоначального заселения Азиатской России, отмечая, что дальнейший приток преступников может поддерживать в ней только беспорядок. Ядринцев резюмировал: «Уничтожение сибирской ссылки указывает, что расходы на нее можно употребить и на устройство тюрем» (Ядринцев, 1918: 32). В письме к другу Н.М. Ядринцев также приводит важный фрагмент своей переписки с председателем тюремной комиссии графом Соллогубом, в котором он отмечал репутационное значение для имперской власти факта отмены ссылки: «Мы отрешаемся от этого без предрассудков. Часть великого дела в реформе будет принадлежать тем лицам, рассмотрению которых обязана реформа, а следовательно, и Вам, Ваше сиятельство» (Ядринцев, 1918: 33).

В качестве составляющего элемента колонизации в письмах Н.М. Ядринцева позиционируется и инородческий вопрос, рассматриваемый автором в контексте периодизации промышленной истории Азиатской России. В письме от 26 марта 1872 г., информируя Г.Н. Потанина о подготовке очерков о восточной культуре и промышленности, Ядринцев сжато описывает общую программу исследования, в которой выдвигает тезис о том, что «русский человек «промышляет» инородца, а последствия этой политики – воззрения на Восток как на завоеванную страну» (Ядринцев, 1918: 22). Стоит отметить, что Н.М. Ядринцев не ограничивается только банальными декларациями о колониальном характере политики населения Российской империи. В переписке с Г.Н. Потаниным Ядринцев детально характеризует состояние данного вопроса в США и Канаде, акцентируя внимание на законодательных практиках властей этих стран по эмансипации коренного населения, что привело к установлению их равноправия с колонистами (Ядринцев, 1918: 41). Необходимо подчеркнуть, что позиция Н.М. Ядринцева по инородческому вопросу соответствовала социал-дарвинистским представлениям значительной части интеллигенции второй половины XIX в.: задачи колонизации как государственного освоения свободных территорий на окраинах регулярно приходили в противоречие с образом жизни и типом хозяйственно-экономической деятельности автохтонного населения. Согласно размышлениям Ядринцева, изложенным в письме к Потанину от 18 марта 1872 г., процесс «вымирания инородцев надо рассматривать более разносторонне, а не с одним рутинным обличением победителей» (Ядринцев, 1918: 85). Исследователь полагал, что существует много условий, определяющих сокращение численности коренных народов, связанных с соседством с европейцами, в том числе экономических, а вопрос об ограничении инородческих земель, сужении их пастбищ и мест охоты является неизбежным вопросом колонизации и цивилизации (Ядринцев, 1918: 85-86).

В аналогичном ключе в письмах Н.М. Ядринцева репрезентируется и переселенческий вопрос, рассматриваемый им в качестве одного из первоочередных в программе колонизации Азиатской России. Для Ядринцева выглядит очевидным, что распространение крестьянского землепользования неизбежно приведет к «утеснению» в хозяйственном отношении коренных народов, но амортизирующим фактором должна стать законодательная политика, регулирующая не только

выселение мигрантов из европейской части страны, но и их водворение в различных местностях колонизируемого региона (Ядринцев, 1918: 77).

Актуальность колониальной проблематики признавал в переписке и Г.Н. Потанин, подчеркивая при этом свою недостаточную компетенцию в существе вопроса, скромно замечая: «Вопрос о колониальной политике для меня самый первый, и в нем я совершенный профан и брожу всегда не при свете европейской науки, а при свете масляной лампы, которая чадит в моем собственном мозгу. Вы меня должны просветить в этом предмете» (Потанин, 1987: 92). Показательным выглядит и обращение Григория Николаевича к другу, свидетельствующее о желании расширить свой кругозор в данном вопросе: «Пришлите мне список книг о Востоке, какие имеете, и о колониальной политике» (Потанин, 1987: 82).

Тем не менее Потанин достаточно ясно представлял себе своеобразие отечественного варианта колонизации, реализованного, по его мнению, «на доисторический манер» (Потанин, 1987: 97). Специфику российской колонизации исследователь видел не в скотоводческом начале, как в Европе, а в земледельческом ее характере, что ориентировало автора к признанию особой роли государства в колониальном процессе, важности протекционизма и контроля над всем колонизируемым спектром, а не отдельными, наиболее перспективными в экономическом отношении частями (Потанин, 1987: 102).

Г.Н. Потанин выразил солидарность с Н.М. Ядринцевым в вопросе об инородцах региона в колониальном аспекте, сосредоточив внимание на теме культурной идентичности индигенных народов, более продуктивной, нежели у русских переселенцев адаптивной способности к местным природным и социальным условиям: «Даже киргизы считают нашу культуру ниже. Да и в самом деле они нас снабжают армяком, а не мы их» (Потанин, 1987: 85). Делясь с Н.М. Ядринцевым своими соображениями по поводу прочитанной монографии Г. Герланда о вымирании примитивных народов, Потанин высказал предположение о способности инородцев быстро усваивать европейскую культуру, предполагая написать по данному поводу статью с названием «Невымирающие дикари» (Потанин, 1987: 92). Не менее важным, судя по всему, для Г.Н. Потанина являлись и сюжеты культурной миксации русского и коренного населения Азиатской России. Обращаясь к Ядринцеву, Потанин в полушутливой манере задает ему вопрос: «Не измыслим ли мы... рассказ из прииртышской жизни? Нужно гуманизировать наших пионеров; изобразить молодую казачку, влюбленную в киргиза, – факт, который у нас на Иртыше не редкость» (Потанин, 1987: 89).

Коммуникативное согласие со своим эпистолярным собеседником демонстрирует Г.Н. Потанин и в вопросе о ссылке, тем более что данный сюжет был частью его биографического опыта. Знание проблемы изнутри направляло Потанина в сферу написания беллетристических произведений, посвященных сибирской ссылке и каторге. В своем послании к Н.М. Ядринцеву от 13 марта 1872 г. Потанин сообщил о практически готовой повести «Тайжане», понимаемой им как протест против штрафной колонизации – «изображение, как портится девушка, воспитывающаяся со служанкой ссыльной, как деморализуется чиновник, имеющий дело с бродягами, наконец, тайга, представленная в качестве тюрьмы, и управляющие золотыми приисками в качестве тюремщиков» (Потанин, 1987: 81, 85).

5. Заключение

Подводя общие итоги и оценивая содержание репрезентаций Азиатской России как колонии в эпистолярном дискурсе лидеров сибирского областничества, считаем необходимым отметить следующее:

Личная переписка Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, относившаяся к периоду 1872–1874 гг., представляет собой яркий пример модели интеллектуальной коммуникации деятелей общественно-политического движения в обстоятельствах вынужденного ограничения гражданских прав и свобод, травматической ситуации как части социального опыта. В сложившихся обстоятельствах происходил постепенный процесс переориентации сибирских областников от сферы политической практики к области региональной журналистики, что находит очевидное подтверждение в их текстах: обсуждаемых темах, риторике и стилистике. Также на основании переписки можно говорить и об определенной мировоззренческой эволюции наших героев, очевидно, «дрейфующих» от политического радикализма к умеренному либерализму во взглядах на процесс империостроительства на востоке страны.

Прочтение и расшифровка содержания эпистолярного дискурса Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина в указанный период позволяет высказать предположение, согласно которому участниками переписки были обнаружены и репрезентированы элементы новой политической программы сибирского областничества, свободной от радикальных сепаратистских лозунгов отделения от России. Вместе с тем представления областников о характере инкорпорации азиатских территорий в общеимперское пространство кардинально отличалось от понимания данной ситуации во властных кругах и национал-консервативном секторе российской общественно-политической мысли. Апеллируя к западно-европейским колониальным теориям, лидеры областничества видели в Азиатской России не продолжение территории империи, а колонию, нуждающуюся в

поддержке и патерналистской опеке со стороны метрополии до тех пор, пока не произойдет их культурное, социальное, экономическое выравнивание, которое обеспечит последующую политическую эмансипацию региона.

Литература

- Березин, 1858** – Березин И.Н. Метрополия и колония // *Отечественные записки*. 1858. № 3–5. С. 74–115.
- Макарова, 2011** – Макарова Е.А. Посмертный диалог Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина (на материале писем и архивных документов) // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 2 (14). С. 54–59.
- Матханова, 2021** – Матханова Н.П. Письма сестры и племянницы к поэту А.М. Жемчужникову: женский взгляд на события в России (конец XIX – начало XX века) // *Петербургский исторический журнал*. 2021. № 2 (30). С. 74–86.
- Миньяр-Белоручева, 2015** – Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // *Язык и текст langpsy.ru*. 2015. Т. 2. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Belouchева.shtml> (дата обращения: 18.01.2022).
- Письма Г.Н. Потанина, 1987** – Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. Иркутск, 1987. 280 с.
- Письма Н.М. Ядринцева к Потанину, 1918** – Письма Н.М. Ядринцева к Потанину. Красноярск, 1918. 232 с.
- Потанин, 1876** – Потанин Г.Н. Сибирские инородцы // *Сибирь (Иркутск)*. 1876. 4 июля (№ 27); 11 июля (№ 28).
- Потанин, 1983** – Потанин Г.Н. Воспоминания // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск, 1983. Т. 6. 336 с.
- Ремнев, 1997** – Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества / *Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли*. СПб., 1997. С. 142–156.
- Репина, 2007** – Репина Л.П. Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // *Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительно-исторической перспективе*. М., 2007. С. 89–92.
- Серебренников, 2000** – Серебренников Н.В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород: 2000. (Подлинник – ТОКМ. Оп. 14. № 12. Л. 25–26).
- Скопкарева, 2015** – Скопкарева С.Л. Эпистолярное общение (к проблеме эпистолярного жанра) [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/ONG/Philologia/2_skopkareva%20s.l..doc.htm (дата обращения: 11.01.2022).
- Турбин, 1871** – Турбин С. Сибирь: Крат. землеописание. СПб.:1871. 142 с.
- Чернова, 2019** – Чернова И.С. Эго-документы как источник по истории становления и функционирования профессионального сообщества сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в. // *Исторический курьер*. 2019. № 2 (4). С. 1–13.
- Чуркин, 2017** – Чуркин М.К. Сибирский колониальный дискурс в фельетонах Н.М. Ядринцева // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2017. Т. 24. № 3. С. 122–125.
- Шашмурина, 2020** – Шашмурина Ю.Ф. Влияние психотравмы на жизненную перспективу личности // *Молодой ученый*. 2020. № 10 (300). С. 217–220. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/300/67902/> (дата обращения: 04.01.2022).
- Шиловский, 2008** – Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.
- Ядринцев, 1919** – Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // *Сборник избранных статей*. Красноярск, 1919. 223 с.
- Ядринцев, 1980** – Ядринцев Н.М. Письмо Н.С. Щукину. 6 сентября 1860 г. // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск. 1980. Т. 5. 408 с.
- Ядринцев, 2003** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. 555 с.
- Ядринцев, 2015** – Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / Сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2015. 752 с.

References

- Berezin, 1858** – Berezin, I.N. (1858). Metropoliya i koloniya [Metropolis and colony]. *Otechestvennye zapiski*. 3–5: 74–115. [in Russian]
- Chernova, 2019** – Chernova, I.S. (2019). Ego-dokumenty kak istochnik po istorii stanovleniya i funkcionirovaniya professional'nogo soobshchestva sibirskih zhurnalistov vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Ego-documents as a source on the history of the formation and functioning of the professional community of Siberian journalists in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoricheskii kur'er*. 2(4): 1–13. [in Russian]
- Churkin, 2017** – Churkin, M.K. (2017). Sibirskij kolonial'nyj diskurs v fel'etonah N.M. Yadrinceva [Siberian colonial discourse in N.M. Yadrinceva]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3: 122–125. [in Russian]

- Makarova, 2011** – *Makarova, E.A.* (2011). Posmertnyj dialog N.M. Yadrinceva i G.N. Potanina (na materiale pisem i arhivnyh dokumentov) [Posthumous dialogue of N.M. Yadrincev and G.N. Potanin (based on letters and archival documents)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(14): 54-59. [in Russian]
- Mathanova, 2021** – *Mathanova, N.P.* (2021). Pis'ma sestry i plemynnicy k poetu A.M. Zhemchuzhnikovu: zhenskij vzglyad na sobytiya v Rossii (konec XIX – nachalo XX veka) [Letters from a sister and niece to the poet A.M. Zhemchuzhnikov: Women's Perspective on Events in Russia (late XIX – early XX century)]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2(30): 74-86. [in Russian]
- Min'yar-Beloručeva, 2015** – *Min'yar-Beloručeva, A.P.* (2015). Tipologiya istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Yazyk i tekst*. 2. [Electronic resource]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloručeva.shtml> (date of access: 18.01.2022). [in Russian]
- Pis'ma G.N. Potanina, 1987** – Pis'ma G.N. Potanina [Letters from G.N. Potanin]. T. 1. Irkutsk, 1987. 280 p. [in Russian]
- Pis'ma N.M. Yadrinceva k Potaninu, 1918** – Pis'ma N.M. Yadrinceva k Potaninu [Letters to N.M. Yadrincev to G.N. Potanin]. Krasnoyarsk, 1918. 232 p. [in Russian]
- Potanin, 1876** – *Potanin, G.N.* (1876). Sibirskie inorodcy [Siberian aliens]. *Siberia (Irkutsk)*. 4 iyulya (№ 27); 11 iyulya (№ 28). [in Russian]
- Potanin, 1983** – *Potanin, G. N.* (1983). Vospominaniya [Memories]. *Sibir' (Irkutsk)*. T. 6. Novosibirsk, 336 p. [in Russian]
- Remnyov, 1997** – *Remnyov, A.V.* (1997). Zapadnye istoki sibirskogo oblastnichestva [Western origins of siberian regionalism]. *Russkaya emigratsiya do 1917 goda – laboratoriya liberal'noi i revolyutsionnoi mysli*. St. Petersburg, pp. 142-156. [in Russian]
- Repina, 2007** – *Repina, L.P.* (2007). Intellektual'nye soobshchestva kak ob"ekt i predmet sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya: problemy metodologii [Intellectual communities as object and subject comparative-historical research: problems methodology]. *Politicheskie i intellektual'nye soobshchestva v sravnitel'no-istoricheskoi perspektive*. M. Pp. 89-92. [in Russian]
- Serebrennikov, 2000** – *Serebrennikov, N.V.* (2000). Problemy i perspektivy russkoj provincial'noj literatury [Problems and prospects of Russian provincial literature]. Velikij Novgorod: Podlinnik– TOKM. Op. 14. №12. L. 25–26). [in Russian]
- Shashmurina, 2020** – *Shashmurina, Yu.F.* (2020). Vliyanie psihotravmy na zhiznennuyu perspektivu lichnosti [The influence of psychotrauma on the life prospect of the individual]. *Molodoi uchenyi*. 10(300): 217-220. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/300/67902/> (date of access: 04.01.2022). [in Russian]
- Shilovskij, 2008** – *Shilovskij, M.V.* (2008). Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoj zhizni regiona vo vtoroj polovine XIX – pervoj chetverti XX v. [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the XIX – the first quarter of the XX century]. Novosibirsk, 270 p. [in Russian]
- Skopkaryova, 2015** – *Skopkaryova, S.L.* (2015). Epistol'yarnoe obshchenie (k probleme epistol'yarnogo zhanra) [Epistolary communication (on the problem of the epistolary genre)]. [Electronic resource]. URL: http://www.rusnauka.com/ONG/Philologia/2_skopkareva%20s.l..doc.htm (date of access: 11.01.2022). [in Russian]
- Turbin, 1871** – *Turbin, S.* (1871). Sibir': Krat. zemleopisanie [Siberia: brief land description]. St. Petersburg, 142 p. [in Russian]
- Yadrincev, 1919** – *Yadrincev, N.M.* (1919). Sibirskie literaturnye vospominaniya [Siberian literary memoirs]. Sbornik izbrannykh statei. Krasnoyarsk, 223 p. [in Russian]
- Yadrincev, 1980** – *Yadrincev, N.M.* (1980). Pis'mo N. S. Shchukinu. 6 sentyabrya 1860 g. [Letter to N.S. Shchukin. September 6, 1860]. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri*. Novosibirsk. P. 5. 408 p. [in Russian]
- Yadrincev, 2003** – *Yadrincev, N.M.* (2003). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical term]. Novosibirsk, 555 p. [in Russian]
- Yadrincev, 2015** – *Yadrincev, N.M.* (2015). Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke [Russian community in prison and exile]. Sost., avt. predisl. i primech. S.A. Inikova; otv. red. O.A. Platonov. M.: 752 p. [in Russian]

Репрезентации Азиатской России как колонии в эпистолярном дискурсе лидеров сибирского областничества

Бакыт Салманович Токмурзаев ^{a,*}, Михаил Константинович Чуркин ^{b,c},
Сабира Нурбаевна Апашева ^a

^a Университет «Сырдария», Жетысай, Республика Казахстан

^b Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах частной переписки Н.М. Ядринцева и Н.М. Потанина раскрывается содержание эпистолярного дискурса Азиатской России как колонии. Базисом исследовательских процедур являются методологические принципы новой культурно-интеллектуальной истории, а достоверность выводов обусловлена привлечением к работе массива писем 1872–1874 гг., написанных лидерами сибирского областничества в травматических обстоятельствах политической ссылки. Авторским коллективом установлено, что акторами дискурса были репрезентированы элементы политической программы колонизации азиатских пространств России, в которых отсутствовали декларации сепаратистского характера. Определено, что представления областников о характере инкорпорации азиатских территорий в общеимперское пространство заметно отличалось от понимания данной ситуации властью, партиями и движениями национал-консервативного спектра общественно-политической мысли Российской империи. Доказано, что апелляции в эпистолярном дискурсе к западно-европейским колонизационным теориям предоставили возможность лидерам сибирского областничества позиционировать Азиатскую Россию не в качестве продолжения территории империи, а как колонию, нуждавшуюся в поддержке и патерналистской опеке со стороны метрополии до тех пор, пока не произойдет их культурное, социальное, экономическое выравнивание, которое обеспечит последующую политическую эмансипацию региона.

Ключевые слова: Азиатская Россия, колонизация, колония, метрополия, окраина, лидеры сибирского областничества, сибирская журналистика, эпистолярный дискурс.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев),
proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин), sabira66_66@mail.ru (С.Н. Апашева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 349-357
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.349

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Network Organization of the Russian Revolutionary Movement in the second half of the 19th – early 20th centuries

Roman V. Parma ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The study is devoted to the application of the principles of network organization by the Russian revolutionary movement in the second half of the 19th - early 20th centuries. The purpose of the study is to evaluate the practical experience of using the network structure in organizing the movement of Russian revolutionaries. The research methodology is based on descriptive, comparative, and structural analysis. The research sources were formed based on archival materials, including unpublished documents from the funds of the Special Section of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, the Central Committee of the Socialist-Revolutionary Party, and the Main Military Court Directorate, as well as an extensive corpus of memoirs of contemporaries, participants, and opponents of the revolutionary movement. The analysis of sources showed that the network structure of the organization is formed based on the autonomous activity of the elements. Network structures for organizing underground activities were created by various revolutionary movements, including Narodnaya Volya, anarchists, social democrats, maximalists, socialist-revolutionaries, and Bolsheviks. The network organization corresponded to the needs, methods of struggle and the illegal position of the Russian revolutionary movement in the conditions of the suppression of political radicals by the authorities. The formation of "spider networks" allowed the revolutionaries to effectively ensure the "survival" of cells, solve problems associated with the risks of liquidation and the need for conspiracy, minimizing internal splits and social expansion. The network principle of organizing a revolutionary movement is recognized as optimal in the conditions of underground activity in the absence of a stable connection with the governing center and the use of repressive state measures. However, the organization of revolutionaries, built on the network principle, turned out to be unsuitable for seizing power, both because of the low degree of controllability of regional and local divisions, and the lack of effective mechanisms for coordinating their actions and consolidating resources.

Keywords: network organization, management system, revolutionary movement, political radicals, state order, repressive measures.

1. Введение

История революционного движения в России представляет собой уникальный кейс эмпирического опыта, не утратившего практической значимости даже в настоящий период. Она содержит широкие пласты информации относительно причин возникновения и специфики функционирования подпольных антиправительственных организаций, обладающей актуальностью вне зависимости от конкретно исторического контекста. И в то же время данная тема имеет принципиальное значение с точки зрения выстраивания объяснительной модели, пригодной для научного описания социально-политического развития Российской империи в период второй половины XIX – начала XX вв. Можно с сожалением констатировать, что в советский период история революционного движения в значительной степени испытала на себе влияние как «героического

* Corresponding author

E-mail addresses: rvparma@mail.ru (R.V. Parma)

мифа основания», так и официальной концепции образа прошлого правящей партии. Как следствие, степень ее достоверности и объективности критическим образом снизилась.

В постсоветский период возникли основы для ревизии подходов к ее описанию, однако влияние политической конъюнктуры и социального заказа способствовало тому, что пересмотр моделей интерпретации был осуществлен на ценностно-эмоциональной основе, в ключе тотальной стигматизации. Как следствие, выявление прикладных и теоретически значимых аспектов темы осуществлялось скорее по остаточному принципу. Помимо того, как и в советский период, получил широкое распространение избирательный подход к освещению фактов: многие исследователи акцентировали внимание на эмпирике, подтверждающей их гипотезы, одновременно игнорируя противоречащие им факты. В результате тема организации революционного движения в целом и применения в ее рамках сетевого принципа остается достаточно слабо изученной.

Целью представленного исследования является оценка опыта применения сетевых принципов при построении в России революционных организаций в период второй половины XIX – начала XX вв.

2. Материалы и методы

Источниковая база данной работы формировалась по большей части за счет привлечения архивных материалов. При подготовке исследования использовались материалы из фондов Особого отдела Департамента полиции МВД (Государственный архив Российской Федерации, ГАРФ), Центрального комитета партии эсеров (Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ) и Главного военно-судного управления (Российский государственный военно-исторический архив, РГВИА).

При написании работы в качестве источников были использованы личные воспоминания современников – мемуары Ц. Бобровской, А. Богданович, Н.Е. Буренина, А.Н. Вознесенского, И.И. Генкина, А.В. Герасимова, В.Ф. Гончарова, В.И. Гурко, Л.Г. Дейча, В.Н. Залежского, В.Н. Засулич, А.А. Звездова, П.Н. Караваева, Е.И. Козлининой, И.Ф. Кошко, А.П. Мартынова, Г.А. Нестроева, В.Д. Новицкого и К.В. Островитянова (Бобровская, 1924; Богданович, 1990; Буренин, 1961; Вознесенский, 1928; Генкин, 1927; Герасимов, 2004; Гончаров, 1930; Гурко, 2000; Дейч, 1926; Залежский, 1925; Засулич, 1931; Звездов, 1925; Караваев, 1953; Козлинина, 1913; Кошко, 1916; Мартынов, 2004; Нестроев, 1910; Новицкий, 1991; Островитянов, 1967).

Методология работы выстроена на основе сочетания дескриптивного, сравнительного и структурного анализа. Сравнительный анализ позволяет сопоставить между собой модели применения сетевого подхода на разных этапах развития революционного движения. Структурный анализ дает возможность реконструировать модели организации объединений революционеров. Дескриптивный анализ позволяет продемонстрировать взаимосвязь между отдельными составляющими предмета исследования.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема исследовалась преимущественно в рамках смежных сюжетов, таких как террористическая деятельность российских революционеров и противодействие им со стороны МВД (Берман, 1913; Богучарский, 1912; Гредескул, 1912; Мальшинский, 1880; Спиридович, 1916). В советский период вышло большое количество работ, посвященных подпольной деятельности революционеров, однако они описывали ее с точки зрения парадигмы вертикально интегрированного управления (Базанов, 1962; Гуляев, 1935; Кальманович, 1928; Панкратов, Поляков, 1965; Ростов, 1926; Салтык, 2002).

Современные авторы исследуют тему преимущественно на основе изучения опыта деятельности боевых и террористических подразделений революционных организаций в отрыве от вопросов функционирования их базовой структуры (Будницкий, 1994; Булдаков, 1997; Варфоломеев, 2008; Варфоломеев, 2009; Вахрушев, 2001; Галкин, 1996; Гинев, 1999; Головков, 2005; Ермаков, 1996; Кузнецов, 2010; Куликов, 2014; Морозов, 1995; Островская, 2013; Пазин, 2014; Рубцов, 2018; Хлобустов, 2000; Шарапов, 2009).

4. Результаты

Сетевой принцип организации управления предполагает децентрализацию соответствующего процесса. Структурные элементы управляемой системы приобретают автономный характер. Уровень их взаимосвязи, и соответственно потенциал координации действий, снижаются, но в то же время структура организации приобретает способность активно расширяться. При этом данный процесс носит во многом спонтанный характер: новые элементы структуры могут образовываться в отсутствие соответствующего решения со стороны центрального руководства. Низовые звенья организации опираются преимущественно на собственные ресурсы, что значительно снижает нагрузку на центральный аппарат. Уничтожение одного из ее элементов не приводит к парализации всей системы управления. Отсутствие необходимости регулярного согласования всех своих действий с управляющим центром придает организации большую гибкость: местные подразделения выстраивают стратегию и тактику действий, исходя из понимания ситуации на территории, в которой

они ориентируются лучше, чем члены центрального руководства. Помимо того, использование сетевого принципа организации способствовало рекрутированию инициативных кадров и вырабатывало у членов объединения навыки самостоятельного принятия решений.

Таким образом, сетевой принцип организации является оптимальным в условиях, когда филиалы управляемой структуры на местах не могут поддерживать устойчивую связь с управляющим центром в условиях репрессий со стороны противника, обладающего большим ресурсным и организационным потенциалом. Соответственно, принцип сетевой организации по своей природе отвечал потребностям и специфике политико-правового положения российских революционеров. Это обстоятельство само по себе подталкивало их к использованию сетевого принципа построения организации. Однако зачастую соответствующий выбор лишь закреплял уже сложившееся положение.

Еще народолюбцы активно пытались упорядочить и формализовать процесс управления деятельностью своих организаций. Аналогичного курса последовательно придерживались и ЦК партии эсеров. Тренд на обеспечение системного функционирования и высокой управляемости низовых структур характеризовал и управленческую политику социал-демократических партий. Стремление к созданию нормативной базы для выстраивания своей структуры демонстрировали даже максималистские и анархистские организации (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 1735. Л. 12-14). В случае ряда террористических структур революционного характера (таких как Северный боевой союз социалистов или Союз крайних террористов) формальному созданию организации предшествовали разработка и принятие развернутых уставов, четко регулирующих взаимоотношения между ее иерархическими элементами (Гончаров, 1930: 75-76; Гурко, 2000: 112). Однако стремление руководящего звена революционных структур к централизации нивелировало обстоятельства происхождения низовых организаций. Многие из них складывались на местном уровне стихийным образом. Ярким примером в данном случае могут служить местные организации большевиков и эсеров, и в особенности боевые дружины первых в период революции 1905–1907 гг. (Буренин, 1961: 23-25; Вознесенский, 1928: 41; Мартынов, 2004: 35-36).

Активные попытки наладить связь с центральными органами и в целом выстроить традиционные иерархические системы управления слишком часто заканчивались выявлением революционных структур представителями правоохранительных органов (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 17). Наиболее ярко это проявилось в случае «нечаевцев»: стремление руководства организации к полному контролю за действиями рядовых членов не только позволило правоохранителям своевременно вскрыть существование подпольной структуры, но и собрать внушительную доказательную базу. В данном случае процесс над народниками не завершился серией приговоров за совершение тяжких преступлений лишь в силу того, что в ходе судебного процесса был выявлен имитационный характер значительной части отчетности революционеров: не имея необходимых навыков, члены организации зачастую прибегали к подделке результатов. Например, сбор финансовых средств мог сводиться к получению бессрочных займов у богатых родственников.

Свою роль в сохранении значительной доли сетевого элемента в организации противников действующей власти играли также различия во взглядах между конкретными лидерами революционных структур на местах. Управляемость формальной «партийной вертикали» во многом зависела от того, какой позиции придерживались лидеры территориальных ячеек, сочувствовали ли они идеям «боевизма», «экономизма», «соглашательства» и т.д. Опираясь на персональный авторитет в рамках собственной низовой организации, они зачастую могли игнорировать не устраивавшую их политику центра. Это являлось во многом следствием самой природы сетевой системы управления. Сеть выстраивается на основе неформальных норм и социального инструментального капитала, вытесняющих формальные принципы организации. Взаимоположение и взаимозависимость образующих ее субъектов не обусловлены четкой логикой. Ключевую роль в определении их конфигурации играют неформальные внутренние связи, отношения доверия, общность обстоятельств происхождения и системы ценностей (РГВИА. Ф. 801. Оп. 5 отд. 1907. Т. 2. Св. 20. Д. 8. Л. 24).

Необходимо учитывать обстоятельства происхождения многих ячеек революционных организаций на местах. В отсутствие устойчивых и эффективных каналов коммуникации с центральными структурами они были вынуждены действовать автономно и опираться преимущественно на собственные ресурсы (РГВИА. Ф. 801. Оп. 6. 5 отд. 1908. Св. 36. Д. 19. Л. 30). Новые подразделения на территории, находящейся внутри их зоны ответственности, формировались в значительной степени стихийным образом: зачастую организации профессиональных революционеров выступали лишь в качестве агрегатора уже сложившихся групп недовольных, возглавляемых харизматическими лидерами. При этом впоследствии положение последних в формальной партийной иерархии и реальный статус зачастую не совпадали (Караваев, 1953: 38; Козлинина, 1913: 14-15; Нестроев, 1910: 27, 30).

Высокая степень централизации и выстраивание жесткой иерархии также во многом отторгались революционерами в силу наличия двух значимых рисков. Во-первых, успешная провокация в рамках центральных органов революционной структуры могла полностью уничтожить управляющий контур и дезорганизовать ее работу. Значимость этой угрозы хорошо осознавали

лидеры революционных организаций. Внутри подполья к началу Февральской революции действовали около 10 тыс. «агентов внутреннего наблюдения». Также МВД могло рассчитывать на поддержку около 40 тыс. «вспомогательных агентов» (последних вербовали из числа лиц, не состоявших в революционных организациях, но регулярно соприкасавшихся с ними). Благодаря этому правоохранители регулярно наносили существенный ущерб революционерам, приучив их лидеров опасаться провокаций (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 33. Л. 55; Кошко, 1916: 74). Во-вторых, централизованный аппарат давал возможность лидерам организации сравнительно легко подавлять внутреннюю оппозицию. Однако усиление внутренней репрессивной составляющей способствовало возникновению расколов внутри организации. Сетевой формат, напротив, позволял относительно бесконфликтно сосуществовать в рамках единой структуры носителям разных взглядов (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 20. Л. 71). Наконец, следует помнить о том, что российские революционеры в значительной степени копировали свою организационную структуру с моделей, созданных лидерами европейских «бунтарей». В частности, народовольцы позаимствовали многие элементы системы организации итальянского и польского политического подполья (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 2554. Л. 55, 59).

Система организации революционеров выстраивалась в рамках нескольких параллельных иерархий. Ее каркас составляла так называемая «паучья сеть» (или «пчелиный рой»), объединявшая законспирированные ячейки, выстроенные по количественному принципу. Основу «паучьей сети» формировали пятерки членов организации, объединявшиеся в «десятки», «сотни» и «тысячи» (РГВИА. Ф. 801. Оп. 7. 5 отд. 1906. Св. 16. Д. 579/5. Л. 51). Последние три обозначения чаще всего носили номинальный характер: зачастую общее количество членов ячейки не достигало «круглого» значения. Лишь главе первичной ячейки-пятерки была известна личность руководителя «десятки», а последний мог выйти на связь с начальником «сотни». Первоначально народовольцы практиковали обозначение позиции члена внутри пятерки при помощи присваивания руководителям одного и того же номера, но впоследствии от этого отказались по конспиративным соображениям (Генкин, 1927: 48; Герасимов, 2004: 29).

Одновременно с разделением по количественному принципу использовалось функциональное распределение обязанностей. Например, внутри организаций революционеров-террористов выделялись боевые, военно-технические и «разведочные» подразделения (после 1905 г. к ним также прибавились структуры, отвечающие за подготовку к развертыванию партизанских операций). Параллельно с этим действовали формализованные партийные комитеты (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 2553. Л. 32-34; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 25. Л. 49). При этом функционирование всех структурных моделей объединял общий признак: в большинстве случаев отсутствовало четкое разделение ролей между организаторами и исполнителями. Последнее обуславливалось как ограниченным характером людских ресурсов, имевшихся в распоряжении революционеров, так и присущей последним этики. Поручение кому-либо задач, предполагавших высокие личные риски, без выполнения аналогичных миссий легко могло быть использовано для дискредитации представителей руководящего звена среди соратников.

Три модели организационной структуры зачастую пересекались между собой. В частности, эсеры и лидеры РСДРП настаивали на том, чтобы члены боевых групп или военно-технических бюро входили в состав территориальных пятерок. Это рассматривалось как мера, предотвращающая обособление и моральное разложение боевиков (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 2522. Л. 41-43; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 36. Л. 38). Однако на практике вплоть до начала революции 1905–1907 гг. в большинстве революционных структур отсутствовало тесное сопряжение между партийными комитетами и законспирированными ячейками на местах. Длительное время это не препятствовало их деятельности и даже выступало в качестве дополнительной гарантии безопасности (Бобровская, 1924: 44; Богданович, 1990: 61; Дейч, 1926: 25).

Однако революция 1905–1907 гг. вскрыла недостатки данной системы. Попытки организованной мобилизации рабочих и крестьян для проведения восстаний, экспроприаций и развертывания партизанской борьбы показали неспособность всех революционных организаций наладить четкое взаимодействие между своими структурами на местах. Более того, сетевой принцип организации делал невозможными выработку и реализацию массовых программ подготовки членов боевых дружин и иных парамилитарных организаций, продемонстрировавших низкую степень выучки и способности координировать свои действия (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 2502. Л. 22).

Также революционеры систематически сталкивались с тем, что в отсутствие центрального управления действовавшие на одной территории группы не могли четко разделить между собой текущие задачи. Как результат, работу над реализацией одного и того же проекта могли одновременно вести несколько групп, руководство которых не владело информацией об активности «коллег». Как следствие, не только снижалась эффективность работы подразделений, но и увеличивалась вероятность выявления подпольщиков правоохранителями. В данном случае важно подчеркнуть, что этот недостаток был характерен для работы революционных организаций на протяжении нескольких десятилетий. Например, покушение на градоначальника Санкт-Петербурга генерала Ф.Ф. Трепова в 1878 г. готовили независимо друг от друга три группы народников. В мае

1906 г. в Севастополе одновременно действовали три группы эсеров-террористов, не информированных о наличии на данной территории «коллег». Неудачное покушение со стороны боевой группы местного комитета партии на коменданта крепости генерала В.С. Неплюева спровоцировало массовые аресты, в результате чего в руках правоохранителей оказались и члены других террористических групп (Залежский, 1925: 25; Засулич, 1931: 87; Звездов, 1925: 72).

Имели место и проблемы, связанные с формированием «надпартийности» обособленных структур. В частности, взаимоотношения между ЦК партии эсеров, ее боевой организацией, Центральным летучим боевым отрядом и Летучим отрядом Северной области ПСР сводились к тому, что центральный орган партии давал санкции на устранение отдельных политиков и выделял субсидии на осуществление террористических актов. Аналогичные тенденции проявлялись и в случае многих региональных организаций социал-демократов. В частности, дружины и иные специализированные подразделения большевиков в уральских губерниях выстраивались вне рамок партийных ячеек, их лидеры избирались не партийной организацией либо комитетом, а непосредственно членами данной структуры (Новицкий, 1991: 77-80; Островитянов, 1967: 101).

Негативный опыт революции 1905–1907 гг. вынудил руководство большинства революционных организаций предпринять ряд мер, ограничивающих использование сетевого принципа организации. В частности, был взят на вооружение подход, впервые предложенный большевиками: вышестоящие партийные организации делегировали на места инструкторов, которые не только проводили обучение местных кадров конкретным навыкам подпольной или боевой работы, но и фактически выступали в качестве агентов контроля. Эсеры и меньшевики действовали сходным образом: к функциональным обособленным подразделениям партии на конкретных территориях прикреплялись уполномоченные от местных комитетов, призванные осуществлять функции контроля и координации работы партийных структур. Одновременно начали разрабатываться типовые уставы для специализированных подразделений революционных организаций.

Однако полезный эффект от этих мер существенным образом нивелировался (особенно ярко это проявлялось в случае эсеров). Во-первых, инструкторы и уполномоченные зачастую сводили свою активность исключительно к подготовке кадров или трансляции указаний вышестоящих партийных структур. Во-вторых, обладая достаточно высокой степенью ресурсной и организационной автономии, региональные отделения революционных структур могли себе позволить «мягкий саботаж» указаний центральных органов (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 2502. Л. 41, 49, 54-56, 59). В силу данных обстоятельств, несмотря на существенные усилия центрального руководства соответствующих партий по регулированию действий местных ячеек и установлению прочного контроля над использованием ими инструментов политического насилия (исходя из преимущественно идеологических и конспиративных соображений), революционные структуры на местах в силу внешних обстоятельств сохраняли высокую степень автономии.

5. Заключение

Сетевой принцип активно использовался российскими революционерами в качестве организационной основы на протяжении рассматриваемого периода. Выбор данной модели был обусловлен содержанием заимствованного опыта европейских революционеров, а также необходимостью вести деятельность в условиях полной асимметрии ресурсных потенциалов с противостоящим актором в лице государства. Его применение позволяло эффективно решать задачи выживания и структурного расширения, а также позволяло минимизировать риски возникновения внутренних расколов.

Однако при возникновении условий, благоприятных для начала действий по захвату власти в России в ходе революции, был вскрыт ряд принципиальных недостатков сетевого принципа организации революционного движения. Низкая степень управляемости региональных и местных отделений, а также отсутствие эффективных механизмов координации их действий и консолидации ресурсов превратили сетевую модель организации в препятствие на пути к достижению целей революционеров. Сетевой принцип, образно выражаясь, был удобен для ведения «партизанской войны» против силового аппарата империи. Однако он демонстрировал минимальную эффективность, когда речь шла о решении задач, связанных с захватом и удержанием публичной власти. Как результат, революционеры были вынуждены модернизировать модель организации, упорядочивая работу сетей за счет расширения элементов вертикального, иерархического управления.

Однако отсутствие устойчивой коммуникации центра с региональными и местными партийными структурами, а также ресурсная автономия последних, наряду с сохраняющимся давлением со стороны правоохранителей, во многом нивелировали результаты усилий, направленных на укрепление иерархической составляющей.

Литература

Базанов, 1962 – Базанов В.И. И.А. Худяков и покушение Каракозова // *Русская литература*. 1962. № 4. С.146-163.

- Берман, 1913** – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Бобровская, 1924** – Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894–1914). М., 1924.
- Богданович, 1990** – Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.
- Богучарский, 1912** – Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.
- Будницкий, 1994** – Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // *Отечественная история*. 1994. № 6. С. 203-209.
- Булдаков, 1997** – Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
- Буренин, 1961** – Буренин Н.Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1961.
- Варфоломеев, 2008** – Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: феномен революционного терроризма в России начала XX в. // *Российский исторический журнал*. 2008. № 2. С. 3-51.
- Варфоломеев, 2009** – Варфоломеев Ю.В. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009.
- Вахрушев, 2001** – Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // *Вестник академии военных наук*. 2011. № 2 (35). С. 187-196.
- Вознесенский, 1928** – Вознесенский А.Н. Тени прошлого: (По царским судам). Из воспоминаний политического защитника. М., 1928.
- Галкин, 1996** – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- Генкин, 1927** – Генкин И.И. Среди преемников Бакунина. Заметки по истории российского анархизма периода 1905–1906 гг. (Махаевцы, безначальцы, чернознаменцы, безмотивцы, черные вороны, анархисты против анархизма) // *Красная Летопись*. 1927. № 1 (22). С. 170-205.
- Герасимов, 2004** – Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 141-345.
- Гинев, 1999** – Гинев В.Н. Народовольческий террор в историографических оценках и мнениях / Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 1999. С. 26-43.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Головков, 2005** – Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005.
- Гончаров, 1930** – Гончаров В.Ф. За Невской заставой: Записки рабочего Алексея Бузинова. М.; Л., 1930.
- Гредескул, 1912** – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гуляев, 1935** – Гуляев А.И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905–1907 гг. Л., 1935.
- Гурко, 2000** – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Дейч, 1926** – Дейч Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула, 1926.
- Ермаков, 1996** – Ермаков В.Д. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX – конец XX в.). СПб., 1996.
- Залежский, 1925** – Залежский В.Н. На партийном фронте между двумя революциями. Ч. 1. В эпоху реакции (1906–1912 гг.). М.; Л., 1925.
- Засулич, 1931** – Засулич В.Н. Воспоминания. М., 1931.
- Звездов, 1925** – Звездов А.А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. М., 1925.
- Кальманович, 1928** – Кальманович С.Е. Царская расправа. М., 1928.
- Караваев, 1953** – Караваев П.Н. В дооктябрьские годы. На партийной работе, в тюрьме и ссылке. М., 1953.
- Козлинина, 1913** – Козлинина Е.И. За полвека. 1862–1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда). Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.
- Кошко, 1916** – Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород; Самара; Пенза. Пг., 1916.
- Кузнецов, 2010** – Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // *Вопросы истории*. 2010. № 12. С. 24-38.
- Куликов, 2014** – Куликов С.В. Наталья Климова – богиня и жертва террора // *Российская история*. 2014. № 1. С. 172-180.
- Мальшинский, 1880** – Мальшинский А.П. Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880.
- Мартынов, 2004** – Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 28-410.

- Морозов, 1995** – Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров 1909–1911 гг. // *Минувшее. Исторический альманах*. Выпуск 18. М.; СПб., 1995. С. 243-317.
- Нестроев, 1910** – Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910.
- Новицкий, 1991** – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- Островитянов, 1967** – Островитянов К.В. Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М., 1967.
- Островская, 2013** – Островская О.А. Досуг в структуре повседневности террористов-эсеров: постановка вопроса // *Вестник Пермского университета. История*. 2013. № 3 (23). С. 70-78.
- Пазин, 2014** – Пазин Р.В. «Союз 17 октября» и политический террор начала XX века // *Вестник Пермского университета. История*. 2014. № 4 (27). С. 60-67.
- Панкратов, Поляков, 1965** – Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903–1917 гг. М., 1965.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Ростов, 1926** – Ростов Н.М. Южное Военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // *Каторга и ссылка*. 1926. № 1. С. 93-108.
- Рубцов, 2018** – Рубцов А.А. Социальные сети революционного народничества 1870-х годов в материалах следственных дел // *Вестник Пермского университета. История*. 2018. № 2 (41). С. 75-84.
- Салтык, 2002** – Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России. 1901–1923 гг. М., 2002.
- Спиридович, 1916** – Спиридович А.И. Революционное движение в России. Выпуск II. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.
- Хлобустов, 2000** – Хлобустов О.М. Большевики и терроризм в России. Большевики и политический терроризм в России / Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 28-35.
- Шарапов, 2009** – Шарапов А.К. Террористический аспект в политической борьбе леворадикальных сил России на рубеже XIX и XX в. // *Вестник алтайской науки*. 2009. № 3. С. 176-189.

References

- Bazanov, 1962** – Bazanov, V.I. (1962). I.A. Khudyakov i pokushenie Karakozova [Khudyakov and the assassination attempt by Karakozov]. *Russkaya literatura*. 4: 146-163. [in Russian]
- Berman, 1913** – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]
- Bobrovskaya, 1924** – Bobrovskaya, Ts. (1924). Zapiski ryadovogo podpol'shchika (1894–1914) [Notes of an ordinary underground worker (1894–1914)]. М. [in Russian]
- Bogdanovich, 1990** – Bogdanovich, A.V. (1990). Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik [The last three autocrat.]. М. [in Russian]
- Bogucharskii, 1912** – Bogucharskii, V.Ya. (1912). Iz istorii politicheskoi bor'by v 70-kh i 80-kh godakh XIX veka. Partiya «Narodnoi voli», ee proiskhozhdenie, sud'by i gibel' [From the history of political struggle in the 70s and 80s of the XIX century. Party of "Narodnaya Volya", its origin, fate, and death]. М.
- Budnitskii, 1994** – Budnitskii, O.V. (1994). «Krov' po sovesti»: terrorizm v Rossii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. ["Blood for Conscience": Terrorism in Russia. Second half of the 19th – early 20th centuries]. *Otechestvennaya istoriya*. 6: 203-209. [in Russian]
- Buldakov, 1997** – Buldakov, V.P. (1997). Krasnayasmuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [Red confusion. The nature and consequences of revolutionary violence]. М. [in Russian]
- Burenin, 1961** – Burenin, N.E. (1961). Pamyatnyegody. Vospominaniya [Memorable Years. Memories]. L. [in Russian]
- Deich, 1926** – Deich, L.G. (1926). Provokatory i terror. Po lichnym vospominaniyam [Provocateurs and terror. From personal memories]. Tula. [in Russian]
- Ermakov, 1996** – Ermakov, V.D. (1996). Rossiiskii anarkhizm i anarkhisty (vtoraya polovina XIX – konets XX v.) [Russian anarchism and anarchists (second half of the 19th – end of the 20th century)]. SPb. [in Russian]
- Galkin, 1996** – Galkin, V.V. (1996). Tsarskaya tainaya politiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. М. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Genkin, 1927** – Genkin, I.I. (1927). Sredi preemnikov Bakunina. Zametki po istorii rossiiskogo anarkhizma perioda 1905–1906 gg. (Makhaevtsy, beznachal'tsy, chernoznamentalsy, bezmotivtsy, chernye vorony, anarkhisty protiv anarkhizma). [Among the successors of Bakunin. Notes on the history of Russian anarchism in the period 1905–1906. (Makhaevtsy, beznachaltsy, Black Banners, without motives, black crows, anarchists against anarchism)]. *Krasnaya Letopis'*. 1(22): 170-205. [in Russian]

- Gerasimov, 2004** – *Gerasimov, A.V.* (2004). Na lezvii s terroristami. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii [On the edge with terrorists]. T. 2. M. Pp. 141-345. [in Russian]
- Ginev, 1999** – *Ginev, V.N.* (1999). Narodovol'cheskii terror v istoriograficheskikh otsenkakh i mneniyakh [Narodnaya Volya's Terror in Historiographic Estimates and Opinions]. Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX vv. SPb.: Aleteiya. Pp. 26-43. [in Russian]
- Golovkov, 2005** – *Golovkov, G.Z.* (2005). Bunt po-russki: palachi i zherty: Randevu s revolyutsiei 1905–1907 gg. [Revolt in Russian: Executioners and Victims: Rendezvous with the Revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Goncharov, 1930** – *Goncharov, V.F.* (1930). Za Nevskoi zastavoi: Zapiski rabochego Alekseya Buzinova [Behind the Nevskaya Zastava: Notes of the worker Alexei Buzinov]. M., L. [in Russian]
- Gredeskul, 1912** – *Gredeskul, N.A.* (1912). Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]
- Gulyaev, 1935** – *Gulyaev, A.I.* (1935). Boevye druzhiny bol'shevikov. Rabota boevoi organizatsii bol'shevikov Narvskoi zastavy g. Peterburga v 1905–1907 gg. [Fighting squads of the Bolsheviks. The work of the fighting organization of the Bolsheviks of the Narva outpost in St. Petersburg in 1905–1907]. L. [in Russian]
- Gurko, 2000** – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika. [Features and Silhouettes of the Past: The Government and the Public in the Reign of Nicholas II in the Presentation of a Contemporary]. M. [in Russian]
- Kal'manovich, 1928** – *Kal'manovich, S.E.* (1928). Tsarskaya rasprava [Tsarist massacre]. M. [in Russian]
- Karavaev, 1953** – *Karavaev, P.N.* (1953). V dooktyabr'skie gody. Na partiinoi rabote, v tyur'me i ssylke. [Karavaev In the pre-October years]. M. [in Russian]
- Khlobustov, 2000** – *Khlobustov, O.M.* (2000). Bol'sheviki i terrorizm v Rossii. Bol'sheviki i politicheskii terrorizm v Rossii. [Bolsheviks and terrorism in Russia. Bolsheviks and political terrorism in Russia]. Sovremennyyi terrorizm: sostoyanie i perspektivy. M. Pp. 28-35. [in Russian]
- Koshko, 1916** – *Koshko, I.F.* (1916). Vospominaniya gubernatora (1905–1914) [Memoirs of the Governor (1905–1914)]. Novgorod; Samara; Penza. Pg. [in Russian]
- Kozlinina, 1913** – *Kozlinina, E.I.* (1913). Zapolveka. 1862-1912 gg. (Pyat'desyat let v stenakh suda). Vospominaniya, ocherki i kharakteristiki [For half a century. 1862-1912 (Fifty years in the walls of the court). Memories, Essays and Characteristics]. M. [in Russian]
- Kulikov, 2014** – *Kulikov, S.V.* (2014). Natal'ya Klimova – boginya i zhertva terrora [Natalia Klimova – Goddess and Victim of Terror]. *Rossiiskaya istoriya*. 1: 172-180. [in Russian]
- Kuznetsov, 2010** – *Kuznetsov, V.N.* (2010). Revolyutsionnyi terror i akty ekspropriatsii v Povolzh'e v nachale XX veka [Revolutionary terror and acts of expropriation in the Volga region at the beginning of the twentieth century]. *Voprosy istorii*. 12: 24-38. [in Russian]
- Mal'shinskii, 1880** – *Mal'shinskii, A.P.* (1880). Obzor sotsial'no-revolutsionnogo dvizheniya v Rossii [Review of the social revolutionary movement in Russia]. SPb. [in Russian]
- Martynov, 2004** – *Martynov, A.P.* (2004). Moyasluzhba v otdel'nom korpuse zhandarmov: Vospominaniya. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii [My service in a separate gendarme corps: Memoirs]. T. 1. M. Pp. 28-410. [in Russian]
- Morozov, 1995** – *Morozov, K.N.* (1995). B.V. Savinkov i Boevaya organizatsiya partii eserov 1909–1911 gg. [Savinkov and the Fighting Organization of the Socialist-Revolutionary Party 1909–1911]. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh*. Vypusk 18. M., SPb. Pp. 243-317. [in Russian]
- Nestrov, 1910** – *Nestrov, G.A.* (1910). Iz dnevnika maksimalista [Nestrov From the diary of a maximalist]. Parizh. [in Russian]
- Novitskii, 1991** – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [Novitsky From the memoirs of a gendarme]. M. [in Russian]
- Ostrovityanov, 1967** – *Ostrovityanov, K.V.* (1967). Dumy o proshlom (iz istorii pervoi rossiiskoi revolyutsii, bol'shevistskogo podpol'ya i oktyabr'skikh boev protiv kontrevolyutsii v Moskve) [Dumas about the past (from the history of the first Russian revolution, the Bolshevik underground, and the October battles against the counter-revolution in Moscow)]. M. [in Russian]
- Ostrovskaya, 2013** – *Ostrovskaya, O.A.* (2013). Dosug v strukture povsednevnosti terroristov-eserov: postanovka voprosa [Leisure in the structure of everyday life of terrorists-SRs: raising the question]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. № 3 (23). pp. 70-78. [in Russian]
- Pankratov, Polyakov, 1965** – *Pankratov, N.R., Polyakov, I.M.* (1967). Voенно-boevaya rabota bol'shevikov 1903–1917 gg. [Military combat work of the Bolsheviks 1903–1917]. M. [in Russian]
- Pazin, 2014** – *Pazin, R.V.* (2014). «Coyuz 17 oktyabrya» i politicheskii terror nachala XX veka [“Union of October 17” and the political terror of the early XX century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 4(27): 60-67. [in Russian]
- RGASPI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History]. [in Russian]

- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. [in Russian]
- Rostov, 1926** – *Rostov, N.M.* (1926). Yuzhnoe Voенно-tekhnicheskoe byuro pri TsK RSDRP [Southern Military-Technical Bureau under the Central Committee of the RSDLP]. *Katorga i ssylka*. 1: 93-108. [in Russian]
- Rubtsov, 2018** – *Rubtsov, A.A.* (2018). Sotsial'nye seti revolyutsionnogo narodnichestva 1870-kh godov v materialakh sledstvennykh del [Social networks of revolutionary populism of the 1870s in the materials of investigative cases]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2(41). pp. 75-84. [in Russian]
- Saltyk, 2002** – *Saltyk, G.A.* (2002). Neonarodnicheskoe dvizhenie Chernozemnogo Tsentra Rossii. 1901–1923 gg. [Saltyk Neo-People's Movement of the Black Earth Center of Russia. 1901–1923] M. [in Russian]
- Sharapov, 2009** – *Sharapov, A.K.* (2009). Terroristicheskiy aspekt v politicheskoi bor'be levoradikal'nykh sil Rossii na rubezhe XIX i XX v. [The terrorist aspect in the political struggle of the left-wing radical forces in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik altaiskoi nauki*. 3: 176-189. [in Russian]
- Spiridovich, 1916** – *Spiridovich, A.I.* (1916). Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii (1916). Vypusk II. Partiya sotsialistov-revolyutsionerov i ee predshestvenniki [The revolutionary movement in Russia. Edition II. The Socialist Revolutionary Party and its predecessors]. Pg. [in Russian]
- Vakhrushev, 2001** – *Vakhrushev, V.A.* (2011). Istoricheskiye aspekty terrorizma [The famous revolutionary terrorist trials in Russia (1901–1911)]. *Vestnik akademii voennykh nauk*. 2(35): 187-196. [in Russian]
- Varfolomeev, 2009** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2009). Znamenitые sudеbnye protsessы po delam revolyutsionnykh terroristov v Rossii (1901–1911) [The famous revolutionary terrorist trials in Russia (1901–1911)]. Engel's. [in Russian]
- Varfolomeev, 2008** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2008). «Russkii sposob»: Fenomen revolyutsionnogo terrorizma v Rossiinachala XX v. ["Russian Way": The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2: 3-51. [in Russian]
- Voznesenskii, 1928** – *Voznesenskii, A.N.* (1928). Teni proshlogo: (Po tsarskim sudam). Iz vospominanii politicheskogo zashchitnika [Shadows of the Past: (According to the royal courts). From the memoirs of a political defender]. M. [in Russian]
- Zalezhskii, 1925** – *Zalezhskii, V.N.* (1925). Na partiinom fronte mezhdru dvumya revolyutsiyami. Ch.1. V epokhu reaktsii (1906–1912 gg.) [On the party front between two revolutions. Part 1. In the era of reaction (1906–1912)]. M., L. [in Russian]
- Zasulich, 1931** – *Zasulich, V.N.* (1931). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
- Zvezdov, 1925** – *Zvezdov, A.A.* (1925). Ryadovoi podpol'shchik v revolyutsii 1905 g. [An ordinary underground worker in the revolution of 1905]. M. [in Russian]

Сетевая организация российского революционного движения в период второй половины XIX – начала XX вв.

Роман Васильевич Парма ^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено вопросу применения принципов сетевой организации российским революционным движением в период второй половины XIX – начала XX вв. Цель исследования состоит в оценке практического опыта применения сетевой структуры в организации движения российских революционеров. Методология исследования построена на дескриптивном, сравнительном и структурном анализе. Источники исследования формировались на основе архивных материалов, включая неопубликованные документы из фондов Особого отдела Департамента полиции МВД, Центрального комитета партии эсеров и Главного военно-судного управления, а также обширного корпуса воспоминаний современников, участников и противников революционного движения. Анализ источников показал, что сетевая структура организации формируется на основе автономной деятельности элементов. Сетевые структуры для организации подпольной деятельности были созданы различными революционными течениями, в числе которых народовольцы, анархисты, социал-демократы, максималисты, эсеры и большевики. Сетевая организация соответствовала потребностям, способам борьбы и нелегальному положению российского революционного движения в условиях подавления властями политических радикалов. Формирование «паучьих сетей» позволяло революционерам достаточно эффективно обеспечивать «выживание» ячеек, решать задачи,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rvparma@mail.ru (Р.В. Парма)

связанные с рисками ликвидации и необходимостью конспирации, минимизацией внутренних расколов и общественной экспансией. Сетевой принцип организации революционного движения признается оптимальным в условиях подпольной деятельности в отсутствии устойчивой связи с управляющим центром и применения репрессивных мер государства. Однако построенная по сетевому принципу организация революционеров оказалась не приспособленной для захвата власти как из-за низкой степени управляемости региональных и местных подразделений, так и отсутствия эффективных механизмов координации их действий и консолидации ресурсов.

Ключевые слова: сетевая организация, система управления, революционное движение, политические радикалы, государственный порядок, репрессивные меры.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 359-367
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.359

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

State Policy Towards Ethno-Confessional Minorities during the Reign of Alexander III and Nicholas II: Background and Systemic Limitations

Viktor V. Titov ^{a,*}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the specifics, background and limitations of the state policy towards ethno-confessional minorities during the reign of Alexander III and Nicholas II. The choice of this chronological framework of the study is due to the fact that it was at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries the authorities of the empire began to implement a consistent policy of formation an all-Russian imperial identity. The work methodology is based on a combination of elements of structural and comparative analysis. The source base of the study includes unpublished materials from the funds of the structural divisions of the Ministry of Internal Affairs (stored in the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Historical Archive) and a corpus of sources of personal origin.

It is possible to conclude that the state policy towards the largest ethno-confessional minorities, pursued by the leadership of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries, was, as a rule, rational and aimed at minimizing political risks and conserving the existing architecture of ethnic and inter-confessional relations. At the same time, the logic of the actions of the authorities was not due to systemic xenophobia. The authorities of the empire built own strategy based on considerations of ensuring socio-political stability and external security, at least in the short term. The implementation of major projects related to the full integration of internal - ethnic and religious – «significant others» into the socio-cultural space of the emerging all-Russian imperial identity required significant resources and involved the use of mechanisms that would inevitably lead to sharp conflicts within the ruling elites.

It is important to notice that the policy of the authorities towards a number of ethno-confessional minorities was determined and limited by a foreign policy factor – the desire to contain the growth of the destructive influence of foreign powers on the ethno-political situation inside Russia. At the same time, the conflicting experience of interaction with the bearers of specific ethnic and religious identities in the past, the presence of traumatic stories in their collective memory, negative ideas about Russians or imperial power were also taken into account.

Keywords: state policy, all-Russian imperial identity, ethno-confessional minorities «significant others», Alexander III, Nicholas II.

1. Введение

Место этноконфессионального фактора в государственной политике последних российских императоров традиционно исследуется в весьма ограниченном контексте. Как правило, его пытаются осмыслить исключительно в русле национальной политики, понимаемой узко, сквозь призму практик политико-административного принуждения и «русификации». При этом картина событий, с ней связанных, отображается в достаточно специфической форме: причинно-следственные связи раскрываются преимущественно с позиции наличия у конкретных государственных деятелей определенных, как правило негативных, этнических стереотипов, выступавших в роли «фильтров

* Corresponding author

E-mail addresses: VVTitov@fa.ru (V.V. Titov)

восприятия» конкретных национальных и конфессиональных групп внутри империи. Не учитываются ни внешнеполитический контекст происходящего (хотя именно взаимоотношения с иными державами зачастую определяли специфику национальной политики на окраинах Российской империи), ни особенности внутривнутриполитической ситуации (в том числе – в ракурсе взаимоотношений отдельных этносов и конфессий, населявших в то время Россию). Игнорируется и столь значимый момент, как модель взаимодействия политического руководства империи с многочисленными этническими элитами, в первую очередь – с родоплеменными старшинами и феодальной аристократией. Не берутся в расчет ресурсные факторы и ключевые элементы жизненного уклада конкретных этносов, населявших Россию, точнее – их влияние на политику императоров и их окружения в национальном вопросе. Отдельно необходимо отметить, что национальная политика властей исследуется вне контекста стратегии построения имперской идентичности, которая отчетливо прослеживается в действиях как Александра III, так и его преемника.

Также важно констатировать, что длительное время (включая современный период) рассматриваемая тема испытывала если не прямое, то опосредованное воздействие политической конъюнктуры, в том числе влияние на ее разработку оказывали не всегда беспристрастные оценки зарубежных авторов, посвященные судьбе этнических общин эмигрантов из императорской России (в первую очередь – поляков и евреев). Соответствующие публикации зачастую содержали в себе стереотипные демонизированные образы империи, использовавшиеся за рубежом как инструмент манипуляции общественным мнением (в данном случае необходимо подчеркнуть, что в рамках информационных войн XX в. СССР зачастую позиционировали как правопреемника дореволюционной России в роли «жандарма Европы»).

Затрагивая вопрос об актуальности темы, необходимо указать и на потребность ревизии отдельных ее аспектов в силу их глубокой политизации. Значительное количество нарративных источников, а также научных и научно-популярных публикаций содержит априори недостоверную информацию о восприятии внутренних «значимых других» (в лице конкретных этносов и конфессий, населявших Россию) политической элитой империи в последние десятилетия ее существования. С одной стороны, существует тенденция, в рамках которой последних российских императоров и их ближайшее окружение позиционируют как едва ли не правых радикалов-ксенофобов. С другой – в рамках научно-популярных работ и производной от них публицистики популяризируются разнообразные конспирологические теории (наподобие версии «ритуального убийства царской семьи инородцами»), призванные демонизировать национальные и конфессиональные меньшинства в дореволюционной России. При этом соответствующий нарратив активно используется и для генерирования этнополитической конфликтности в современной России.

Все это подчеркивает высокую актуальность выбранной нами темы исследования, целью которого является анализ предпосылок и ограничений государственной политики в отношении этноконфессиональных меньшинств в период правления Александра III и Николая II.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен тем, что именно в обозначенный период руководство империи начало реализовывать последовательную политику, направленную на выстраивание имперской модели общероссийской национально-государственной идентичности. Можно полагать, что это в первую очередь было связано с интенсификацией процесса формирования российской нации под воздействием расширения системы массового образования, развития экономических связей между регионами империи и появления общедоступной транспортной системы в виде сети железных дорог, связавших страну воедино, а также влиянием импорта «культурного национализма» из Европы.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает в себя ранее не опубликованные материалы из фондов различных подразделений Министерства внутренних дел, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). Также при написании исследования использовались источники личного происхождения (Витте, 1960; Головин, 2006; Гурко, 2000; Гучков, 1993; Кизеветтер, 2001; Коковцов, 1992).

Методология работы выстраивается за счет комбинации структурного и сравнительного анализа. Применение первой методики дало возможность выделить наиболее заметные сообщества «значимых других» в социальной структуре Российской империи, использование второй – сопоставить их позиционирование в рамках имперской политики идентичности и выявить отличия в специфике восприятия конкретных этносоциальных групп элитами дореволюционной России.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии представленная тема изучалась на основе достаточно узкой источниковой базы, вне контекста теории социальной идентичности и преимущественно в рамках конкретных региональных и этнических кейсов, без обобщения ситуации на уровне империи в целом (Гессен, 1906; Липранди, 1909; Мессарош, 1897; Мехелин, 1908; Морозов, 1895).

В публикациях советского периода исследователи получили возможность использовать широкий корпус делопроизводственных документов, отложившихся в архивах. Для их работ также характерен комплексный подход к соответствующей проблематике. Однако концептуально они были ограничены, вынуждено приводя свои выводы в соответствие с официальной идеологией (Бурмистрова, 1962; Зайончковский, 1970).

В постсоветский период возникла возможность исследовать тему в объективном ключе, используя новые виды источников. Однако соответствующие изыскания зачастую по-прежнему проводились вне контекста теории идентичности. Также следует отметить, что некоторые исследователи оказались под сильным влиянием идей основателей соответствующих историографических школ, что способствовало заимствованию выработанных ранее клише, достоверность которых опровергается содержанием недавно введенных в научный оборот источников (Горизонтов, 1999; Дякин, 1995; Кудряшев, 2018; Кисляков, 2011; Левин, 2017). В целом следует признать, что, несмотря на наличие большого числа работ, напрямую или косвенно затрагивающих интересующую нас тему, степень ее научной разработанности остается лакунарной и фрагментарной.

4. Результаты

Политика идентичности, будучи сложным структурно-функциональным и управленческим комплексом, несомненно, включает в себя два таких стратегических направления, как формирование системы координат и «фильтров восприятия» для самовосприятия общности носителей данной модели самоопределения и выработку системы представлений для обозначения «значимых других» – иных социальных субъектов, частично или полностью выпадающих из пространства идентичности базовой группы.

Как известно, «значимых других» условно можно разделить на внешних и внутренних социально-политических акторов. В рассматриваемом нами случае к коллективным внутренним акторам относятся макросоциальные группы, находящиеся в рамках территориально-политического пространства Российской империи, но по тем или иным причинам сопротивляющиеся попыткам интеграции в структуру имперской модели национально-государственной идентичности (Титов, 2021: 874).

Представляется, что в качестве основных представителей внутренних «значимых других» в структуре населения империи (с точки зрения официальных властей) можно выделить следующие этнические, этнокультурные и конфессиональные группы: поляки, евреи, украинцы, финны, этнические немцы, народы Северного Кавказа и Закавказья, коренное население Средней Азии, униаты, старообрядцы. Считаем, что повышенное внимание политического руководства империи к этим народам обуславливалось рядом обстоятельств.

Во-первых, степень интеграции большинства обозначенных групп в общее культурное пространство империи оставалась достаточно невысокой. Этому способствовали практика компактного проживания этнических миноритарных групп, конфессиональные различия, отсутствие унифицированной системы всеобщего начального образования на государственном языке, невысокая численность русского населения на этих территориях (последнее было в особенности характерно для Польши, Финляндии, Прибалтики, западных районов Украины и Белоруссии) (Миллер, 2007: 341; Погодин, 2015: 351; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1385. Л. 29-30).

Во-вторых, значительная часть указанных групп относилась к категории «разделенных народов». При этом власти сопредельных государств (в особенности – Австро-Венгрия) последовательно культивировали среди своих подданных, относящихся к миноритарным этническим сообществам, агрессивный национализм русофобского толка. Одновременно следует признать и тот факт, что в конце XIX – начале XX столетий в среде «этнической» интеллигенции в российской части Польши и Украины, а также Финляндии стали возникать незаконные объединения, тесным образом сотрудничавшие с зарубежными спецслужбами (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 214. Л. 47-50; Погодин, Рябова, 2016: 343). Эта тенденция сочеталась с активным вовлечением этнических поляков, евреев, украинцев, белорусов в революционное движение (Дякин, 1995: 137; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 4. Л. 41-42).

Также необходимо учитывать, что многие западные территории России (в первую очередь – Польша, Прибалтика и Финляндия) были тесным образом связаны в экономическом плане с зарубежными государствами и сравнительно слабо – с политико-экономическим и социокультурным центром империи (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 197. Л. 32-34).

Интеграцию обозначенных народов в политико-культурное пространство общероссийской имперской идентичности осложняли многочисленные негативные реминисценции, связанные с травмирующими обстоятельствами их присоединения к России. Эти драматические сюжеты социальной памяти достаточно глубоко укоренились в массовом сознании целого ряда этносов, населяющих империю, и служили для них ценностно-смысловой основой воспроизводства «образа врага» в лице российской государственности во всех ее проявлениях: и этническом русском, и конфессиональном православном, и официально-политическом российском. Особенно остро данная проблема обозначилась в Польше и на Северном Кавказе. В последнем случае ситуация еще более усугублялась негативной реакцией местного населения на переселенческую политику центра. При этом религиозные лидеры, главы кровнородственных объединений зачастую тайно

содействовали росту антироссийских настроений, интерпретируя переселение казаков на кавказские земли как колонизацию (ГАРФ. Ф. 102. Оп 4. Д. 121. Л. 63-65; Гурко, 2000: 114; Кизеветтер, 2001: 78).

Несколько иная ситуация сложилась в Средней Азии: там интеграцию местного населения в территориально-политическое пространство России и распространение имперской идентичности объективно затруднял кочевой образ жизни значительной части населения. Номады зачастую взаимодействовали с представителями империи исключительно в финансовом – фискальном и торговом – плане, сохраняя существенную культурную автономию от центра (Дякин, 1995: 139; Миронов, 2003: 221; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1385. Л. 27-28).

Общей проблемой для Кавказа и Средней Азии были последствия специфического курса на форсированную интеграцию соответствующих регионов в политико-территориальное пространство России посредством инкорпорирования этнических элит в общеимперский правящий слой. Предполагалось, что решение этой задачи позволит сэкономить ресурсы, расходуемые на осуществление военно-политического и административного контроля над присоединенными территориями. Согласно логике политического руководства империи, «обрусевшие» представители местных элит по своей инициативе и за счет собственных средств будут реализовывать проекты по ассимиляции коренного населения.

Однако на практике сложилась противоположная ситуация: этнические элиты консервировали существовавшие социально-экономические отношения и системы неформального управления. Как правило, они проявляли себя в качестве «европейцев» лишь в рамках общения с представителями государственной администрации или в период пребывания на территории условной «метрополии» – в Москве и Санкт-Петербурге. Такая модель поведения детерминировалась, с одной стороны, рациональным выбором: она позволяла «этнической» аристократии сохранить большую часть прежних привилегий и в то же время заручиться поддержкой официального Санкт-Петербурга. С другой стороны, важно учитывать, что лояльность многих из представителей местных элит обеспечивалась преимущественно осознанием военного превосходства российской армии и на практике многие из них желали бы возвращения к прежним порядкам. Ситуацию усугубляло то, что многие представители высшей бюрократии империи готовы были закрыть глаза на низкую степень интеграции недавно присоединенных регионов в обмен на обеспечение мира и стабильности. Согласно их точке зрения, полноценная интеграция местных жителей в состав медленно формирующейся российской нации была либо в принципе невозможна, либо неизбежно состоялась бы позднее, под воздействием объективных факторов – последний реализацией инфраструктурных проектов, переселенческой политики и развития торгово-промышленных отношений (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 153. Л. 54-57; Гучков, 1993: 74; Кудряшев, 2013: 61; Коковцов, 1992: 35).

Следует отметить, что по мере осложнения отношений с Германией и Австро-Венгрией официальный Санкт-Петербург начал проявлять повышенное внимание (и отчасти – настороженность) к этническим немцам, проживавшим на территории Прибалтики, Польши и Финляндии. Следует заметить, что ранее, до конца XIX в., немцы, проживавшие на территории России, пользовались поддержкой центрального руководства империи. В частности, такое покровительственное отношение было обусловлено двумя моментами. Во-первых, остзейское дворянство традиционно выступало в качестве одного из источников комплектования высшей бюрократии и военного руководства империи и всегда пользовалось доверием монархов в силу неоднократно доказанной лояльности трону. Во-вторых, немецкие этнические группы на окраинах Российской империи традиционно рассматривались как противовес местным этническим националистам (в первую очередь это касалось поляков). Однако создание Германской империи, рост напряженности во взаимоотношениях между Санкт-Петербургом и Берлином существенно изменили ситуацию: немецкое население приграничных районов начало восприниматься российским руководством в качестве потенциальных коллаборантов. Такому взгляду способствовали попытки властей Германии и организаций пангерманистского толка популяризировать соответствующие настроения среди русских немцев (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 178. Л. 92-93; Гурко, 2000: 77-78; Мехелин, 1908: 25; Симонов, 2003: 38, 41).

Затрагивая вопрос о восприятии властями империи ряда конфессиональных групп (иудаистов, униатов, старообрядцев), многие авторы стереотипно оценивают имперскую политику по отношению к ним как выстроенную на основе религиозной нетерпимости. Однако можно полагать, что подобные оценки выстроены на основе заведомого упрощения реальной ситуации, сложившейся во внутривнутриполитическом пространстве России на рубеже XIX–XX столетий.

Во-первых, необходимо учитывать, что в исследуемый период религиозная идентичность почти повсеместно рассматривалась как маркер этнической принадлежности. Например, исповедание католичества или униатства белорусом зачастую служило основанием для его идентификации как поляка (и властями, и его собственным социальным окружением). А этническая принадлежность также фактически предписывала ее носителю определенное поведение по отношению к власти. В частности, проявление лоялизма по отношению к «тюрьме народов» со стороны этнического поляка грозило последнему, в лучшем случае, социальной стигматизацией, а в худшем – прямыми преследованиями со стороны своего же ближайшего окружения. Среди старообрядцев также была

глубоко укоренена традиция негативного восприятия правящей династии Романовых. Таким образом, представители определенных конфессий в основной своей массе избыточно политизировали свою религиозную самоидентификацию и выстраивали ее на отрицании легитимности действующей российской власти – «образе врага» в лице империи и ее руководства. Все это закономерно подталкивало власти империи к поиску возможностей ограничить рост этнополитического самосознания и конфессиональной самоидентификации национальных меньшинств (Гильфердинг, 2009а: 172; Горизонтов, 1999: 112; Кудряшев, 2013; Мюллер и др., 2017: 205; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 17. Л. 75-77; Спасович, Пильц, 1903: 71).

Во-вторых, для ряда религиозных сообществ был характерен высокий уровень фундаментализма и, как следствие, закрытости от внешнего окружения. Общение с представителями последнего при этом зачастую выстраивалось на основании иного свода норм, чем взаимодействие внутри сообщества. Для большинства традиционных моделей религиозной самоидентификации, существовавших в России в то время, был также характерен высокий уровень интрагруппового фаворитизма: их носители на бытовом уровне воспринимали свое вероучение как единственно верное и были готовы публично отстаивать такую точку зрения.

Естественным следствием такого, весьма конфликтного мировосприятия являлись дальнейшая автономизация этнотерриториальных общин и рост внутренних бытовых конфликтов среди их представителей. Это в свою очередь формировало благоприятную среду для распространения среди обывателей (для которых чаще всего были характерны низкий уровень грамотности и высокая степень подверженности аффектам в силу распространения пережитков архаичного сознания) разного рода пугающих слухов или заведомо ложных обвинений. Характерным примером последних является практика «кровавого навета» – обвинений в адрес иудаистов в том, что они якобы совершают ритуальные убийства детей-христиан. Очевидно, что системное решение данной проблемы в общероссийском масштабе требовало реализации целого ряда крупномасштабных реформ, которые должны были разрушить замкнутые конфессиональные общины, размыть религиозные и этнические основы их локальной самоидентификации, заменив их светским и имперским началами (РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 21. Л. 44; Толстой, Гессен, 1907: 23).

Однако воплощение этого плана в жизнь не только бы потребовало расходования значительного объема ресурсов, но и повлекло бы за собой риск крупномасштабной социально-политической дестабилизации внутри империи. На фоне роста напряженности во взаимоотношениях между великими державами в начале XX века эта модель решения проблемы стала восприниматься как потенциально опасная, способная ослабить Россию в условиях приближающегося военного противостояния в Европе. По этой причине власти предпочитали действовать консервативно: например, предпринимать меры, направленные на ограничение физического взаимодействия интолерантно настроенных об отношении друг к другу конфессий (Витте, 1960: 87; Гессен, 1906: 35; Гильфердинг, 2009b: 281; Головин, 2006: 18).

Наконец, руководство империи, формулируя идеологические основания общероссийской имперской идентичности, не могло игнорировать позицию Русской православной церкви. Она, хотя и находилась в административном подчинении государству, но все же сохраняла свою субъектность в качестве социального и отчасти политического института. Иерархи РПЦ были твердо убеждены в необходимости расширения масштабов миссионерской работы, в том числе – среди представителей иных религий. В свою очередь государство было вынуждено идти на уступки церковным иерархам в данном вопросе. Однако расширение миссионерской деятельности РПЦ ожидаемо провоцировало явное или скрытое сопротивление со стороны представителей иных конфессий, что закономерно приводило к росту антиправительственных настроений в среде этноконфессиональных меньшинств. Такая тревожная тенденция вынуждала власти рассматривать соответствующие этнорелигиозные группы в качестве неблагонадежных и предпринимать разнообразные контрмеры (Дякин, 1995: 135; Кизеветтер, 2001: 42).

Также важно констатировать, что заявления многих современных исследователей о ксенофобии, якобы присущей политическому руководству империи в конце XIX – начале XX вв., в подавляющем большинстве случаев лишены фактического основания. В качестве яркого и общеизвестного примера в данном случае можно привести обвинения в антисемитизме в адрес Александра III. Вместе с тем известно, что император проигнорировал недостоверные и априори провокационные сообщения о попытках «еврейства» организовать заговор против него (Платонов, 2005: 38; Левин, 2017: 30; Миллер, 2007: 314).

5. Заключение

Можно сделать вывод, что государственная политика в отношении наиболее значимых этноконфессиональных меньшинств, проводимая руководством Российской империи в конце XIX – начале XX вв., носила преимущественно рационально обоснованный характер, была нацелена на минимизацию политических рисков и консервацию существующей архитектуры этноконфессиональных отношений. Логика действий властей не была обусловлена системной

ксенофобией. Руководство империи выстраивало свои действия, исходя из соображений обеспечения политической стабильности и внешней безопасности хотя бы в краткосрочной перспективе. Реализация крупномасштабных проектов в области интеграции внутренних – этнических и религиозных – «значимых других» в социокультурное пространство формирующейся общероссийской имперской идентичности требовала большого объема ресурсов и предполагала использование мер и механизмов, которые неизбежно привели бы к острым конфликтам внутри правящих элит.

Помимо того, политика властей в отношении ряда этноконфессиональных меньшинств (поляки, финны, народы Северного Кавказа) была во многом детерминирована и ограничена внешнеполитическим фактором – стремлением сдержать рост деструктивного влияния иностранных держав на этнополитическую ситуацию внутри России. При этом также учитывались негативный опыт взаимодействия с носителями конкретных этнических и религиозных идентичностей в прошлом, присутствие в их коллективной памяти негативного образа русского народа либо императорской власти.

Литература

- Бурмистрова, 1962** – Бурмистрова Т.Ю. Национальная политика партии большевиков в Первой русской революции 1905–1907 гг. Л., 1962.
- Витте, 1960** – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гессен, 1906** – Гессен Ю.И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. 471 с.
- Гильфердинг, 2009a** – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168-251.
- Гильфердинг, 2009b** – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.
- Головин, 2006** – Головин Ф.А. Николай II // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. М., 2006. С. 11-25.
- Горизонтов, 1999** – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. 270 с.
- Гурко, 2000** – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Гучков, 1993** – Гучков А.И. А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.
- Дякин, 1995** – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130-142.
- Зайончковский, 1970** – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Кудряшев, 2018** – Кудряшев В.Н. «Польский вопрос» в русской либеральной публицистике 1860–1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 97-103.
- Кудряшев, 2013** – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 58-66.
- Кизеветтер, 2001** – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Кисляков, 2011** – Кисляков А.С. Формирование национальных партий на западных окраинах Российской империи. Конец XIX – начало XX в. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 135-143.
- Коковцов, 1992** – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т. 2. М., 1992.
- Левин, 2017** – Левин В.И. Октябрьская революция и евреи России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 29-32.
- Липранди, 1909** – Липранди А.П. Финляндский вопрос. СПб., 1909.
- Мессарош, 1897** – Мессарош П.И. Финляндия – Государство или Русская Окраина? СПб., 1897.
- Мехелин, 1908** – Мехелин Л. Разногласия по русско-финляндским вопросам: критический обзор. СПб., 1908.
- Миллер, 2007** – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332-350.
- Мионов, 2003** – Мионов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 1. 547 с.
- Морозов, 1895** – Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. СПб., 1895.
- Мюллер и др., 2017** – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 201-208.
- Платонов, 2005** – Платонов О.А. Еврейский вопрос в России. М., 2005. 286 с.

Погодин, 2015 – *Погодин С.Н.* Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской империи в XIX веке // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 3 (2014). С. 347-356.

Погодин, Рябова, 2016 – *Погодин С.Н., Рябова А.Л.* Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // *Россия в глобальном мире*. 2016. № 9 (32). С. 338-348.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Симонов, 2003 – *Симонов В.А.* Национальная политика Российской империи на территории Великого княжества Финляндского и реформирование власти в субъектах Российской Федерации // *Региональная и местная власть: проблемы реформирования*. Омск, 2003. С. 6-53.

Спасович, Пильц, 1903 – *Россия и ее западные окраины*. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском. Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903.

Толстой, Гессен, 1907 – *Толстой И.И., Гессен Ю.И.* Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. СПб., 1907.

Titov, 2021 – *Titov, V.V.* (2021). National Policy of Nicholas II in the Context of the Formation of Imperial National-State Identity. *Bylye gody*. 16(2): 872-880.

References

Burmistrova, 1962 – *Burmistrova, T.Yu.* (1962). Natsional'naya politika partii bol'shevikov v Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. L. [in Russian]

Dyakin, 1995 – *Dyakin, V.S.* (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Gessen, 1906 – *Gessen, Yu.I.* (1906). Evrei v Rossii. Ocherki obshchestvennoi, pravovoi i ekonomicheskoi zhizni russkikh evreev [Jews in Russia. Essays on the social, legal and economic life of Russian Jews]. SPb. 471 p. [in Russian]

Gil'ferding, 2009a – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Pol'skii vopros [The Polish Question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 168-251. [in Russian]

Gil'ferding, 2009b – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade [Russia and its foreign suburbs in the west]. *Rossiya i slavyanstvo*. M. Pp. 278-295. [in Russian]

Golovin, 2006 – *Golovin, F.A.* (2006). Nikolai II. Nikolai Vtoroi. Vospominaniya. Dnevnik [Nicholas II]. M. С. 11-25. [in Russian]

Gorizontov, 1999 – *Gorizontov, L.E.* (1999). Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX – beginning of XX century)]. M., 270 p. [in Russian]

Guchkov, 1993 – *Guchkov, A.I.* (1993). A.I. Guchkov rasskazyvaet... [Guchkov tells ...] M. [in Russian]

Gurko, 2000 – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]

Kislyakov, 2011 – *Kislyakov, A.S.* (2011). Formirovanie natsional'nykh partii na zapadnykh okrainakh Rossiiskoi imperii. Konets XIX – nachalo XX v. [Formation of national parties in the western outskirts of the Russian Empire. Late 19th – early 20th century]. *Voprosy istorii*. 11: 135-143. [in Russian]

Kizeveter, 2001 – *Kizeveter, A.A.* (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914 [At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914]. M. [in Russian]

Kokovtsov, 1992 – *Kokovtsov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo [From my past]. V. 2. M. [in Russian]

Kudryashev, 2013 – *Kudryashev, V.N.* (2013). Ideya russkoi natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti. [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity] *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1: 58-66. [in Russian]

Kudryashev, 2018 – *Kudryashev, V.N.* (2018). "Pol'skii vopros" v russkoi liberal'noi publitsistike 1860–1880–kh gg. ["The Polish Question" in Russian liberal journalism of the 1860–1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 431: 97-103. [in Russian]

Levin, 2017 – *Levin, V.I.* (2017). Oktyabr'skaya revolyutsiya i evrei Rossii [The October Revolution and the Jews of Russia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 9. 6–2: 29-32. [in Russian]

Liprandi, 1909 – *Liprandi, A.P.* (1909). Finlyandskii vopros [Finnish question]. SPb. [in Russian]

Mekhelin, 1908 – *Mekhelin, L.* (1908). Raznoglasiya po russko-finlyandskim voprosam: kriticheskii obzor [Disagreements on Russian-Finnish Issues: A Critical Review]. SPb. [in Russian]

Messarosh, 1897 – *Messarosh, P.I.* (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland - State or Russian Outskirts?] SPb. [in Russian]

Miller, 2007 – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii. [Russian nationalism in the Romanov empire] M. Pp. 332-350. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. V 2 t. 3-e izd., ispr. i dop. SPb., Vol. 1. 547 p. [in Russian]

Morozov, 1895 – *Morozov, P.* (1895) Finlyandiya v torgovo–promyshlennom otnoshenii [Finland in trade and industry]. SPb. [in Russian]

Myuller i dr., 2017 – *Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A.* (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiia v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]

Platonov, 2005 – *Platonov, O.A.* (2005). Evreiskii vopros v Rossii [The Jewish Question in Russia]. M., 286 p. [in Russian]

Pogodin, 2015 – *Pogodin, S.N.* (2015). Fennomaniya i protsess stanovleniya natsional'nogo samosoznaniya v Rossiiskoi Imperii v XIX veke [Fennomania and the process of formation of national identity in the Russian Empire in the XIX century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*. 3: 347-356. [in Russian]

Pogodin, Ryabova, 2016 – *Pogodin, S.N., Ryabova, A.L.* (2016). Pervyi period rusifikatsii Finlyandii (1899–1905 gg.) [The first period of Russification of Finland (1899–1905)]. *Rossiia v global'nom mire*. 9(32): 338-348. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Simonov, 2003 – *Simonov, V.A.* (2003). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo i reformirovanie vlasti v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [National policy of the Russian Empire on the territory of the Grand Duchy of Finland and the reform of power in the constituent entities of the Russian Federation]. *Regional'naya i mestnaya vlast': problemy reformirovaniya*. Omsk, Pp. 6-53. [in Russian]

Spasovich, Pil'ts, 1903 – *Rossiia i ee zapadnye okrainy. Otvety na ocherednye voprosy v Tsarstve Pol'skom* (1903) [Russia and its western outskirts. Answers to regular questions in the Kingdom of Poland]. Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev. [in Russian]

Titov, 2021 – *Titov, V.V.* (2021). National Policy of Nicholas II in the Context of the Formation of Imperial National-State Identity. *Bylye gody*. 16(2): 872-880.

Tolstoi, Gessen, 1907 – *Tolstoi, I.I., Gessen, Yu.I.* (1907). Fakty i mysli. Evreiskii vopros v Rossii [Facts and thoughts. Jewish Question in Russia]. SPb. [in Russian]

Vitte, 1960 – *Vitte, S.Yu.* (1960) Vospominaniya [Memories]. V. 3. M. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1970 – *Zaionchkovskii, P.A.* (1970). Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

Государственная политика в отношении этноконфессиональных меньшинств в период правления Александра III и Николая II: предпосылки и системные ограничения

Виктор Валериевич Титов ^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются специфика, предпосылки и ограничения государственной политики в отношении этноконфессиональных меньшинств в период правления Александра III и Николая II. Выбор обозначенных хронологических рамок исследования обусловлен тем, что именно в конце XIX – начале XX вв. руководство империи начало реализовывать последовательную политику формирования общероссийской имперской идентичности. Методология работы основана на сочетании элементов структурного и сравнительного анализа. Источниковая база исследования включает в себя неопубликованные материалы фондов структурных подразделений Министерства внутренних дел (хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном историческом архиве) и корпус источников личного происхождения.

Можно констатировать, что государственная политика в отношении наиболее крупных этноконфессиональных меньшинств, проводимая руководством Российской империи в конце XIX – начале XX вв., носила, как правило, рациональный характер, была нацелена на минимизацию политических рисков и консервацию существующей архитектуры этнических и межконфессиональных отношений. При этом логика действий властей не была обусловлена системной ксенофобией. Руководство империи выстраивало собственную стратегию, исходя из соображений обеспечения социально-политической стабильности и внешней безопасности хотя бы в краткосрочной перспективе. Реализация крупных проектов, связанных с полномасштабной интеграцией внутренних – этнических и религиозных – «значимых других» в социокультурное

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: VVTitov@fa.ru (В.В. Титов)

пространство формирующейся общероссийской имперской идентичности требовала значительных ресурсов и предполагала использование механизмов, которые неизбежно привели бы к острым конфликтам внутри правящих элит.

Следует отметить, что политика властей в отношении ряда этноконфессиональных меньшинств была во многом предопределена и лимитирована внешнеполитическим фактором – стремлением сдержать рост деструктивного влияния иностранных держав на этнополитическую ситуацию внутри России. При этом также учитывались противоречивый опыт взаимодействия с носителями конкретных этнических и религиозных идентичностей в прошлом, присутствие в их коллективной памяти травмирующих сюжетов, негативных представлений о русских либо императорской власти.

Ключевые слова: государственная политика, общероссийская имперская идентичность, этноконфессиональные меньшинства, Александр III, Николай II.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 368-377
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.368

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Structure and Activities of the Second Department of the Senate as the Highest Judicial Institution in Peasant Affairs

Lyubov N. Shchankina ^{a, *}, Irina A. Fedorova ^a

^a Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the activities of the second department of the Senate as the highest judicial institution for peasant affairs, which was carried out by a civil court and partly the management of the peasantry from the moment of its creation in 1884 until 1917. It was revealed that it included cases of different categories. In particular, the most important and numerous of them were land-based cases; the second largest and most important – with disputes over ownership; the third – volost and rural administration; the fourth - complaints against local peasant institutions; the fifth, the smallest – complaints about the decisions of the provincial presences to remove "harmful and vicious members of the community and provide them to the government".

In addition to solving purely judicial tasks, this institution performed the function of interpreting laws, explaining the "true meaning of legalization" in line with the peasant topic. Such explanations by him, unlike the first department, were given exclusively on the initiative of ministers and provincial peasant affairs institutions. The authors concluded that such interpretations in the decrees and decisions of the second department had great socio-political influence throughout the Russian Empire, since they touched upon significant issues of the economic life of the majority of the peasant population, since they were aimed at preserving and strengthening the institution of the community, the interdependence of its members, and limiting the civil rights of the latter.

Keywords: the second department of the Governing Senate, the Main Committee on the structure of the rural state, the Special Branch for Peasant Affairs, the highest judicial institution, peasant affairs.

1. Введение

В системе высших государственных органов Российской империи пореформенного периода Правительствующий сенат занимал особое место. Выполняя различные функции, он одновременно являлся высшим судом, надзорным и административным органом. После отмены крепостного права правительством специально создавались организации для суда и управления крестьянским сословием. Изначально с этой целью в 1861 г. был учрежден Главный комитет об устройстве сельского состояния, который функционировал до мая 1882 г. Основные его задачи заключались в наблюдении за проведением крестьянской реформы, разрешении возникавших вопросов и недоразумений, а также в законодательном регулировании этого процесса; приведении к единым общим началам устройства и структуры управления всем сельским или крестьянским сословием в государстве.

Несмотря на разрешение большого количества судебных крестьянских дел, Комитет не выполнил своего предназначения. Это обусловило принятие в 1882 г. Закона, по которому в составе Первого департамента Сената создавалось Особое отделение по крестьянским делам для рассмотрения судебных дел по поземельному и хозяйственному устройству, личным правам и правам крестьян по состоянию, общественному и волостному устройству. Однако постоянно возраставший

* Corresponding author

E-mail addresses: schankina@yandex.ru (L.N. Shchankina)

поток судебных дел, связанных с имущественными конфликтами (перераспределение земли, семейные разделы, споры между отдельными сельскими общинами и т.д.), привел к преобразованию отделения в январе 1884 г. во Второй департамент Сената, получивший неофициальное название крестьянского. Его деятельность выступала важной составной частью политики правительства по сохранению одного из главных социальных устоев русского самодержавия – сословной обособленности крестьянства. Хотя сословный характер не соответствовал общим принципам буржуазного судоустройства, в то же время этот судебный орган объективно способствовал развитию капиталистических отношений в деревне.

2. Материалы и методы

Исследование выполнено на основе документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) г. Санкт-Петербурга (Ф. 1344) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) г. Москвы (Ф. 586), которые введены в научный оборот впервые. Законодательный материал, относящийся к теме, сосредоточен в «Полном собрании законов Российской империи» и «Своде законов Российской империи».

Кроме того, в качестве источников выступили сборники законов, собранных и классифицированных И.М. Тютрюмовым и К. Абрамовичем. В частности, в монографии «Практика Правительствующего сената по крестьянским делам» систематизирован опыт названного учреждения, начиная с 1882 г. и заканчивая 1 марта 1914 г. (Тютрюмов, 1914). К. Абрамович же не только систематизировал, но и разъяснил решения и указы Первого и Второго департаментов, кассационных департаментов и Общего собрания Сената, касавшиеся поземельного устройства быта крестьян – православных арендаторов, старообрядцев, бывших вольных людей и сельских чиншевиков Западных губерний (Абрамович, 1902).

В ходе работы авторы опирались на принципы историзма, всесторонности, а также целостности. Использовались как общенаучные, так и традиционные для исторического исследования методы анализа и обобщения. При рассмотрении законодательных актов, касающихся деятельности Второго департамента Правительствующего сената на протяжении всей истории его существования, был привлечен формально-юридический метод; при изучении устройства и деятельности названного учреждения – структурно-функциональный метод. Выделение особенностей и характерных черт функционирования Второго департамента Правительствующего сената при сопоставлении его с Главным комитетом об устройстве сельского состояния и Особым отделением по крестьянским делам осуществлялось с помощью сравнительного метода. Для обработки данных о количестве крестьянских дел применялись элементы статистического анализа. Полнота исторической картины обеспечивалась обращением к методу агрегации, который предполагает сбор и последующее объединение разрозненных фактов.

3. Обсуждение

В общем объеме материалов, посвященных изучению соответствующей тематики, следует выделить дореволюционный период. К этому времени относится деятельность русского юриста-цивилиста, члена Государственного совета, сенатора, обер-прокурора второго департамента Правительствующего сената И.М. Тютрюмова. В работе «К двадцатипятилетию существования Второго департамента Правительствующего Сената (1884–1909 гг.)» он дал положительную характеристику работе сенаторов, много лет трудившихся в данном учреждении, таких как Я.Г. Есипович, П.А. Шульц и А.И. Нератов, при участии которых было разрешено не одно крестьянское дело (Тютрюмов, 1909). Эволюция, устройство и функционирование Второго департамента нашли наиболее полное отражение в юбилейном труде «История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг.», куда вошла и статья И.М. Тютрюмова «Второй департамент Правительствующего Сената» (Тютрюмов, 1911).

Вместе с тем позднее, в советской историографии, ни собственно устройство, ни разъяснительная деятельность Второго департамента Сената в качестве высшего судебного учреждения по крестьянским делам не становилось предметом самостоятельного исследования. Также в современный период названная тематика оказалась вне сферы внимания исследователей. Данная статья является попыткой восполнить обозначенный пробел в российской историко-правовой литературе.

4. Результаты

Проведение крестьянской реформы потребовало создания специального постоянно действующего правительственного органа. Решение об этом было принято 21 января 1861 года на совместном заседании Совета министров и Главного комитета по крестьянскому делу, которое готовило реформу 19 февраля 1861 г. (Отчет по Главному комитету..., 1870: 5). Одновременно с изданием манифеста об освобождении крестьян именованным указом Правительствующего сената был учрежден Главный комитет об устройстве сельского состояния (и закрыт Главный комитет по крестьянскому делу), задачей которого стало «...приведение к одним общим началам устройства и

управления всего сельского и крестьянского состояния в государстве» (Полное..., 1863: 138).

В состав комитета вошли министры юстиции, финансов, государственных имуществ, внутренних дел, уделов, а также главноуправляющий II отделением и главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Как орган исполнительной власти Главный комитет принадлежал к числу высших административных учреждений и был наделен правом законодательной инициативы по вопросам, входившим в его компетенцию. При этом его судебная власть прямо не была определена, в указе упоминалось только, что он вообще обязан разрешать «...могущие возникнуть вопросы и недоразумения» (Полное..., 1863: 139).

На основании Положений 19 февраля 1861 года для разрешения спорных дел между помещиками и крестьянами были учреждены три инстанции: две для рассмотрения дел по существу (мировой посредник и уездный мировой съезд) и кассационная – губернское по крестьянским делам присутствие. Журналом Главного комитета об устройстве сельского состояния, утвержденным Александром II 14 июня 1861 года, министру внутренних дел было предоставлено право пересматривать решения этих органов, что означало передачу в его руки судебной власти по указанным спорным делам (Тютрюмов, 1911: 218-219).

В судебные департаменты Сената поступало значительное число жалоб на решения министра внутренних дел по крестьянским судебным делам. В связи с этим Главный комитет об устройстве сельского состояния представил императору утвержденный им 11 июля 1863 года специальный журнал, который содержал правила рассмотрения подобных дел. На основании данных правил был введен новый порядок обжалования решений министра: они передавались в Главный комитет, чье определение являлось окончательным.

Таким образом, и министру, и Главному комитету были присвоены судебные функции по всем наиболее серьезным гражданским делам, затрагивавшим интересы большей части населения империи. На практике же Главный комитет стал высшим судом для самой важной и самой многочисленной категории гражданских дел (Тютрюмов, 1911: 219-220). Это обеспечивало соблюдение интересов дворян-землевладельцев, а также позволяло правительству непосредственно контролировать развитие ситуации с земельными и хозяйственными конфликтами.

Созданная для крестьянских дел система суда была сложной. Правила 11 июля 1863 года добавили к уже существовавшим трем инстанциям еще две, в связи с чем теперь спорные дела по поземельному и хозяйственному устройству рассматривались в пяти специальных судах. Первой инстанцией, решавшей дела по существу, выступали непреременные члены уездных по крестьянским делам присутствий (назначаемые министром внутренних дел из дворян-землевладельцев, выбранных губернским земским собранием). Второй – уездные по крестьянским делам присутствия, заменившие собой мирового посредника и мировой съезд. Губернские присутствия являлись первой кассационной инстанцией, министр внутренних дел – второй, а последней, снова апелляционной, – Главный комитет об устройстве сельского состояния.

На основании нового закона к министру внутренних дел стало поступать множество спорных крестьянских дел, и за 20 лет функционирования описанной системы их было решено больше 60 тыс. (ежегодно около 3 тыс.) (РГИА. Ф. 1344. Оп. 315. Д. 20. Л. 246). Значительная их доля обжаловалась в Главном комитете. Задачи наблюдения за проведением крестьянской реформы и необходимого законодательного регулирования этого процесса, возложенные на учреждение, отошли на задний план.

Таким образом, Главный комитет не выполнил своего предназначения. Главной причиной сложившегося положения послужило отсутствие в практике решения спорных дел ввиду многочисленности и разнородности инстанций, единого толкования законов, регулировавших крестьянский быт. Несмотря на это, правительство в течение 20 лет оставляло неизменным существующий порядок. Главной причиной сложившегося положения послужило отсутствие в практике решения спорных дел ввиду многочисленности и разнородности инстанций, единого толкования законов, регулировавших крестьянский быт. Несмотря на это, правительство в течение 20 лет оставляло неизменным существующий порядок. Только 25 мая 1882 года был принят закон, который упразднял Главный комитет об устройстве сельского состояния. Его законодательные функции передавались департаменту Государственного совета, а судебные и административные – Первому департаменту Правительствующего сената (Полное..., 1886: 249).

В связи с большим потоком спорных крестьянских дел 25 мая 1882 года был принят Закон, по которому в составе первого департамента создавалось Особое отделение по крестьянским делам, должное сосредоточить судебные дела по поземельному и хозяйственному устройству, а также уже находившиеся в ведении Сената дела по личным правам и правам крестьян по состоянию, общественному и волостному устройству. Некоторые министры все же сохранили административные функции относительно крестьянского населения, хотя в своей деятельности должны были руководствоваться разъяснениями Сената. Так, министрам внутренних дел, государственных имуществ, двора и уделов следовало входить в Отделение по крестьянским делам Первого департамента с представлениями по вопросам, требовавшим истолкования истинного смысла закона.

Особое отделение по крестьянским делам составляли пять сенаторов. Первоначально отсутствовала должность обер-прокурора, а к штату Первого департамента был прибавлен один

товарищ обер-прокурора и две специальные экспедиции, образованные шестью чиновниками. При создании Отделению было передано для производства из разных учреждений значительное число дел. В частности, из упраздненного Главного комитета об устройстве сельского состояния, Земского отдела Министерства внутренних дел и действовавшей при нем Временной комиссии по крестьянским делам губерний Царства Польского – 1 710 дел. Также поступило 1 030 дел, бывших в производстве 3-й экспедиции Первого департамента Сената. Особенной сложностью и значительным объемом отличались дела Земского отдела (их было почти 50 %) (РГИА. Ф. 1344. Оп. 315. Д. 20. Л. 1-10б.).

Отделение начало практическую работу в сентябре 1882 года и в течение года приняло еще 6 334 дела. Загруженность, недостаточные штаты, нечеткое распределение функций обусловили невыполнение поставленных перед ним задач. Так, за год было решено только 4 091 дело, т.е. менее 50 % общего количества вновь поступивших и полученных из других учреждений дел (РГИА. Ф. 1344. Оп. 315. Д. 20. Л. 2).

Интенсивное развитие капитализма в сельском хозяйстве порождало огромное число дел, связанных с имущественными конфликтами – перераспределением земли, семейными разделами, спорами между отдельными сельскими общинами и т.п. Все эти явления незамедлительно отразились в правовых отношениях, проявились в судебной практике: за двухлетний период действия Отделения более чем 48 % его дел представляли собой поземельные споры. Специальный характер крестьянских дел и их постоянно возрастающее количество привели к преобразованию Отделения по крестьянским делам в департамент Сената. Образованный 24 января 1884 года департамент получил наименование Второго, а неофициально назывался крестьянским (Полное..., 1887: 28).

В состав присутствия вошли шесть сенаторов. Первоприсутствующим был назначен видный правовед-цивилист Я.Г. Есипович, впоследствии руководивший департаментом в течение 22 лет, а обер-прокурором – И.Л. Горемыкин (Тютрюмов, 1909: 3). На содержание учреждения отпускалось в течение двух лет, т.е. до 1 января 1886 года, по 82 800 руб., в том числе на содержание сенаторов – 42 тыс., обер-прокурорского надзора и канцелярии – 40,8 тыс. руб. (Тютрюмов, 1911: 233).

Число сенаторов за 25 лет функционирования Второго департамента менялось. Так, наибольшее их количество зафиксировано в 1906–1907 гг. – 18 человек, наименьшее в 1884–1888 г. – 6. В среднем на одного сенатора ежегодно приходилось 826, а в 1890 г. – до 1 452 дел. Всего в период существования департамента было рассмотрено 207 125 дел (Тютрюмов, 1911: 234-236).

Второй департамент в качестве высшей судебной инстанции рассматривал частные жалобы на решения губернских присутствий по делам о земельном и хозяйственном устройстве крестьян, а также по спорам, касавшимся личных прав крестьян, прав по состоянию и по вопросам, связанным с волостным и общинным устройством. Все жалобы подавались в губернское присутствие, которое передавало их в департаменты, сопроводив обжалуемым постановлением, а также необходимыми сведениями и документами. Специфические группы дел составляли жалобы на решения губернских по крестьянским делам присутствий Царства Польского и на постановления общих присутствий губернского управления сибирских губерний. Это было связано с особенностями законодательства данных территорий.

Помимо решения чисто судебных задач, Второй департамент разъяснял «истинный смысл узаконений» по крестьянскому делу. Таким образом, в рамках специального предназначения он выполнял функции толкования законов. Подобные разъяснения могли затребовать как губернские по крестьянским делам присутствия, так и министры в случае, когда им был не ясен какой-либо закон, относившийся к крестьянскому сословию.

Содержательно наибольшую часть составляли земельные дела разного характера (РГИА. Ф. 1344. Оп. 315. Д. 10. Л. 5-50б.). Первую самостоятельную группу здесь образовывали дела по поземельному устройству крестьян, т.е. по спорам между землевладельцами – частными лицами, разными учреждениями и ведомствами, с одной стороны, и крестьянами – с другой. Позднее, по Указу Второго департамента от 26 апреля 1884 года, после прекращения обязательных отношений между крестьянами и помещиками все споры между ними подлежали рассмотрению в общих судебных органах и изымались из ведения крестьянских учреждений.

Другая, не менее важная, категория – конфликты между крестьянами по вопросам владения и пользования земельными наделами, в частности споры о переделах участков отдельными крестьянами и обществами, выкупе земли крестьянами, переходе от общинного к индивидуальному владению, разграничении наделов, утверждении актов на владение и т.п. Третья группа дел, поступающих во Второй департамент, была связана с вопросами волостного и сельского управления, т.е. жалобами на должностных лиц крестьянского управления, на распоряжения волостных и сельских сходов по управлению общиной. Четвертая – дела по жалобам в Сенат на местные учреждения по крестьянским делам.

Кроме того, Второй департамент рассматривал особую категорию дел, относившуюся к крестьянским правам по состоянию, а именно: по жалобам на постановления губернских присутствий об удалении «вредных и порочных членов общины и предоставлении их правительству». Эти дела в первой инстанции поступали в сами сельские общества, и губернские присутствия, как правило, не отменяли их решений. Фактически вынесение такого приговора означало ссылку на поселение в Сибирь.

Наиболее важной и обширной среди перечисленных была первая категория: дела по поземельному устройству составили около 30 % от общего числа дел, решенных департаментом за первые 4 года его существования; споры о владении (вторая группа) – 25, вопросы самоуправления (третья) – 20, жалобы на местные крестьянские учреждения (четвертая) – 12; наконец, дела об исключении «вредных и порочных членов общины...» – 11 % (РГИА. Ф. 1344. Оп. 315. Д. 3. Л. 77). Департамент был не в состоянии справиться с растущим потоком обращений. Так, в 1884 г. на рассмотрение поступило 7 068 дел, в 1885 – 7 626, а в 1886 г. – более 8 000 дел (РГИА. Ф. 1344. Оп. 315. Д. 3. Л. 81). Большинство их отличалось сложностью ввиду специфики земельных отношений в пореформенной России, наличия пережитков феодализма, общинной собственности на землю и т.п.

Напомним, что крестьянское право Российской империи не было единым. Помимо «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 г., действовал ряд особых, дополнительных правил, касавшихся общественного устройства и структуры управления отдельных категорий крестьянского населения. В частности, существовали особые правила о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях в Кавказском крае, дополнительные правила об устройстве обществ и управлении горнозаводских людей казенных заводов, об общественном устройстве и управлении крестьян в Сибири, правила об устройстве и управлении бывших колонистов (Положения о сельском состоянии, 1886).

Поземельное устройство крестьян определялось 19 самостоятельными законодательными актами. Некоторые из них имели статус местных положений о земельном устройстве и действовали на территории нескольких губерний. Так, единое положение распространялось на следующие группы территорий: губернии Центральной и Северной России, часть украинских и белорусских, Ставропольскую, Киевскую, Подольскую, Волынскую, Виленскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую, а также область Войска Донского.

Также выделялась разновидность законодательных актов, назначение которых состояло в регулировании устройства категорий крестьянского населения, различавшихся по национальной принадлежности или признаку веры. Таковыми были «Положение о поземельном устройстве русских арендаторов православного исповедания, водворенных в губерниях Северо-западных и белорусских», «Положение о поземельном устройстве единоверцев и старообрядцев, проживающих на владельческих землях в губерниях Северо-западных и белорусских», «Положение о башкирах».

Существовали и специальные законы о поземельном устройстве. Они касались отдельных групп крестьян, права пользования земельными наделами которых имели определенные особенности, например: «Положение о поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков в губерниях западных и белорусских», «Правила об устройстве половников, проживающих на владельческих землях в Вологодской губернии», различные правила и положения о крестьянах и инородцах сибирских губерний и Забайкальской области, о государственных поселенцах в Закавказье (Положения о сельском состоянии, 1886).

Отсутствие единого законодательства, в особенности по поземельному устройству, и цельной, упорядоченной системы крестьянских учреждений препятствовало эффективной деятельности Второго департамента Сената в качестве высшего судебного органа. Число нерешенных дел увеличивалось в нем год от года. Так, на 1 января 1885 года их было 5 148, а к началу 1886 года – 5 808 (РГИА. Ф. 1344. Оп. 315. Д. 3. Л. 81).

По Закону 10 января 1889 года Второй департамент был разделен на 2 присутствия, а число сенаторов увеличено до 8 (Полное..., 1891: 25). Эта мера в совокупности с введением упрощенной процедуры рассмотрения дел и созданием института земских начальников, в связи с чем часть гражданских дел была изъята из подсудности крестьянских учреждений, сократила число нерешенных дел: на 1 января 1890 года их было более 7 тыс., а в 1894 – только 1 390 (РГИА. Ф. 1344. Оп. 315. Д. 20. Л. 257). Однако уже с 1895 г. ежегодный остаток нерешенных дел в департаменте снова стал расти.

Как было сказано выше, Второй департамент Сената в Российской империи служил не только формально, но и фактически высшим судом по крестьянским делам. Подавляющее большинство поступающих в учреждение дел получало окончательное решение, т.е. принесение жалобы на его определения выступало исключительным явлением. Об этом свидетельствует статистика: за 25-летний период деятельности (с 1884 по 1909 г.) на рассмотрение Первого общего собрания Сената из 207 125 дел, разрешенных департаментом, было передано только 330, что составило 0,15 % от их общего количества.

Еще более редкими были ситуации пересмотра приговоров Второго департамента. Из названного выше числа дел по единогласной резолюции сенаторов Первого общего собрания были отменены определения по 41 делу и оставлены в силе 38. Остальные поступили на рассмотрение консультации при Министерстве юстиции. Часть их была решена принятием согласительных предложений министра, часть (29) внесена через Государственный совет на усмотрение императора. В Особом присутствии Государственного совета из поступивших туда 2 394 жалоб было отклонено 2 265, т.е. 94,6 %. Таким образом, количество жалоб, признанных основательными, составило менее 0,08 % от общего числа разрешенных департаментом дел (РГИА. Ф. 1344. Оп. 315. Д. 20. Л. 262).

Деятельность департамента имела ряд серьезных особенностей. В практике учреждение ограничивалось кассационным порядком рассмотрения дел. Исключение составляла незначительная группа так называемых чиншевых дел, т.е. судебных дел, связанных с традиционным бессрочным потомственным пользованием землей при условии выполнения неотменяемых повинностей в пользу собственника данной территории. Институт этот действовал в губерниях Царства Польского. Только чиншевые дела рассматривались департаментом по существу (Полное..., 1888: 282).

В законодательстве ограничение деятельности Второго департамента рассмотрением дел только в кассационном порядке никак не было зафиксировано. Напротив, в структуре Правительствующего сената Второй департамент в этом отношении был полностью приравнен к Первому, который рассматривал дела по существу. Все сколько-нибудь серьезные ситуации на практике являлись подведомственными Министерству внутренних дел, так как на местах подчинялись административной, а не судебной власти. Таким образом, рассмотрение Вторым департаментом крестьянских дел исключительно в кассационном порядке отражало формальный подход правительства и Сената как высшего суда империи к охране прав сословия, составлявшего большинство населения страны.

Особая функция Второго департамента заключалась в разъяснении законов. Законодательство в этом отношении проводило существенные различия между Первым и Вторым департаментами. Последний имел право толкования лишь тех законов, которые относились к крестьянскому сословию. Кроме того, подобные пояснения не были самостоятельными, т.е. издавались не по инициативе данного органа, а исключительно по представлению губернских присутствий и министров (Учреждение Правительствующего Сената, 1896: 108).

Указанное положение в значительной степени ограничивало пределы власти департамента, но при этом не изменяло принципиально собственно конструкции, связанной с пояснением функции законов. Она, как и в случае с Первым департаментом, имела двойственный характер и осуществлялась как при вынесении решения по конкретному делу, так и по инициативе крестьянских и других административных органов, без незамедлительного применения разъяснений самим Сенатом к частному случаю. Таким образом, Второй департамент сосредотачивал в себе как частное, так и принципиальное толкование закона, будучи ограничен только в его инициативе.

Разъяснения Второго департамента, изменявшие специальные узаконения о крестьянах, составляли подавляющее большинство подобных актов, исходивших от Сената. Например, в общем объеме за период с 1 января 1884 года по 1 января 1905 года было издано 544 специальных решения и указа. Для сравнения: Первый департамент в этот же промежуток времени вынес 17 подобных решений, Общее собрание Первого, Второго и Кассационных департаментов – 6, а Первое общее собрание Сената – только 5 (Тютрюмов, 1914: 1-120).

Толкования крестьянского законодательства в указах и решениях Второго департамента имели важное социально-политическое значение в масштабах всей Российской империи, поскольку затрагивали существенные вопросы хозяйственного быта большинства крестьянского населения. К таким актам относился, в частности, Указ 2 октября 1885 года, которым устанавливалась общая имущественная ответственность проживавших в одном дворе членов семей по долговым обязательствам. Это решение ограничивало личные права крестьян, ставило членов семьи в зависимость друг от друга, а главное, создавало особую правовую норму, свойственную определенному сословию, что принципиальным образом и по существу, и по форме противоречило буржуазному праву.

Ряд решений и указов Второго департамента был ориентирован на сохранение и укрепление института общины, взаимозависимости ее членов, ограничение гражданских прав крестьян. Эта деятельность Сената вполне соответствовала общему направлению политики правительства относительно общины, отвечала положению господствовавшей правовой доктрины по данному вопросу. Последняя была предельно ясно сформулирована К.П. Победоносцевым, который писал в начале 90-х годов XIX в.: «...Не настало еще время прямо или косвенно способствовать разложению общинного землевладения, а надлежит напротив оберегать его» (Победоносцев, 1896: 557).

Ограничению прав индивидуальной собственности крестьян и казаков на землю способствовал Указ Второго департамента от 5 мая 1903 года (Тютрюмов, 1914: 24, 39-40). В соответствии с ним крестьянская наделная земля могла быть отчуждаема исключительно за недоимку окладных сборов, выкупных платежей, а также для промышленных целей только с разрешения министра внутренних дел по согласованию с министрами финансов и земледелия, государственных имуществ. Крестьянские земельные наделы, за исключением оговоренных законом случаев, не могли быть отчуждены ни дарением, ни продажей, что также распространялось на усадебные участки казачества. Данное толкование было направлено на предотвращение перехода крестьянских и казачьих земель из одного владения в другое, что должно было сдерживать до некоторой степени развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Некоторые решения Второго департамента касались такой важной проблемы крестьянского права, как законодательство о паспортах, возникновение и развитие которого было непосредственно связано с процессом разрушения общины и переселением на свободные земли Сибири и других

районов. Департамент определил условия, при которых людям выдавались паспорта и тем самым официально разрешалось свободное передвижение и деятельность вне своей общины, в решениях 22 июня 1882 года, 24 ноября 1883 года и 12 февраля 1887 года. Согласно этим актам, совершеннолетние крестьяне обрели право получить названный документ без согласия родителей при наличии удостоверений от сельских старост, невзирая на протесты общины. Единственным препятствием при этом могло служить документальное подтверждение того факта, что крестьянин не обеспечивает в должной мере оставленную в общине семью (Тютрюмов, 1914: 50).

Значительная часть сенатских толкований затрагивала проблемы организации крестьянского самоуправления и созданных правительством административно-судебных органов, в ведении которых находилось крестьянское сословие. Так, Указ от 3 июля 1894 года устанавливал, что губернские присутствия могли входить в Сенат с представлениями об отмене окончательных решений уездных съездов, которые рассмотрели приговоры сельских сходов, только в случае прямого нарушения съездом закона или решения неподсудного ему дела (Крестьянское право..., 1902: 74). В правах же сельских сходов, разъясненных актами от 19 января 1890 года и 4 октября 1891 года, было выносить приговоры «...по всем делам, от разрешения которых может зависеть благосостояние сельского общества» (Тютрюмов, 1914: 96). Это толкование закона способствовало расширению власти сельского общинного самоуправления относительно отдельных крестьян и было направлено на укрепление общины. Специальным решением Второго департамента от 27 ноября 1886 года был установлен единый порядок голосования на сельских сходах.

Департаментские решения затрагивали положения имущественного права крестьян. В частности, решением 12 февраля 1885 года было уточнено, что до погашения всей выкупной ссуды запрещается какой-либо раздел подворных участков домохозяев. Очевидно, такое толкование вполне соответствовало не только широким, политическим (предотвращение разделов и сохранение крупных кулаческих хозяйств), но и более узким интересам казны. Ряд разъяснений регламентировал поземельное устройство крестьян-старообрядцев, обеспечивая в рамках существовавших правил гарантии их землевладения (Положения о сельском состоянии, 1886).

Подобные толкования распространялись и на семейное право: в том числе они определяли права женщин-домохозяек и так называемых зятьев-приемышей. Кроме того, решением от 11 июня 1885 года были определены сословные права незаконнорожденных крестьян, которые полностью приравнивались к прочим членам крестьянских обществ, к которым принадлежали их матери (Тютрюмов, 1914: 11).

Департамент действовал в условиях, когда аграрная политика самодержавия находилась в остром противоречии с объективной тенденцией развития сельского хозяйства и крестьянства. На сохранение его сословной обособленности и неотчуждаемости наделных земель и были направлены мероприятия правительства. В конце 1880-х – начале 1890-х годов был принят ряд законов, укреплявших общину, а круговая порука крестьян сохранялась вплоть до марта 1903 г. (Полное..., 1904: 133). В то же время в деревне шло социальное расслоение и под воздействием экономических причин община постепенно ослабевала.

Действовавшее законодательство о крестьянах не соответствовало реальным социально-экономическим отношениям в деревне. Правительство предприняло ряд неудачных попыток пересмотреть законы в данной сфере. В 1893 г. Государственный совет предложил образовать для этой цели вневедомственную комиссию, но в ноябре того же года Александр III распорядился поручить эту работу Министерству внутренних дел (ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 135. Л. 106.). В связи с этим были созданы специальные губернские совещания, которые обсуждали вопросы, предложенные им Министерством. Мнения данных совещаний в трех томах были изданы в качестве подготовительного материала для работы по пересмотру крестьянского законодательства, а фактически явились последним этапом такой деятельности.

Однако в 1898 г. Николай II утвердил Постановление Комитета министров об образовании Особого совещания в целях рассмотрения вопросов о дополнении и развитии законодательства о сельском состоянии (ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 135. Л. 6). В состав совещания было намечено включить министров внутренних дел, юстиции, финансов и земледелия, государственных имуществ. Показательно, что, как и прежде, сенаторы Второго департамента, т.е. юристы-практики, сталкивавшиеся с конкретными крестьянскими делами, не были привлечены для работы в комиссии. Впрочем, последняя так и не начала действовать – повелением Николая II ее дела были «оставлены без движения» (ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 135. Л. 7). Подобная комиссия была образована в ведении Министерства внутренних дел в 1902 г. Она разработала ряд проектов по изменению законодательства, однако ни один из них не был реализован вплоть до начала первой русской революции 1905 г. (Чернышев, 1918: 289).

5. Заключение

Таким образом, сложная и несовершенная по структуре система крестьянских судебно-административных учреждений, наиболее важным элементом которой выступал Второй департамент Сената, находясь в кризисном положении, в принципе не могла выполнить свое назначение. При

этом законодательство о крестьянстве не было переработано и функционировало на основе устаревших положений реформы 1861 г.

Большинство разъяснений и толкований закона Вторым департаментом имело откровенно реакционный характер, что вполне соответствовало общей тенденции политики самодержавия по отношению к крестьянству и конкретным мероприятиям правительства, которое стремилось сохранить помещичьи землевладения, институт общины, связанный круговой порукой, и другие пережитки феодализма. Результатом этого стал острый аграрный кризис, охвативший Российскую империю накануне революции 1905–1907 гг.

Однако объективные условия развития общества, утверждение капиталистических отношений в сельском хозяйстве и политические уступки самодержавия в связи с этим обусловили издание Вторым департаментом ряда разъяснений, которые отчасти способствовали внедрению буржуазных правовых принципов в крестьянское законодательство Российской империи. В первую очередь это относится к уже упоминавшемуся Указу 26 апреля 1884 года, по которому судебные дела крестьян и помещиков после прекращения временных обязательных отношений перешли в ведение общих судов. То же следует сказать о некоторых толкованиях законодательства о паспортах, поземельном устройстве старообрядцев, разъяснении норм семейного права.

Деятельность Второго департамента Сената в качестве судебного органа в некоторой мере содействовала упрочению капиталистических отношений в деревне, так как он разрешал гражданские дела, ими же порожденные, создавая тем самым соответствующую судебную практику. В этом и заключается ее двойственность. С одной стороны, учреждение представляло собой высший суд по гражданским делам для определения сословия, что противоречило буржуазному праву; с другой – его прямое предназначение составляло решение судебных дел, основой которых являлись буржуазные по сути правоотношения.

На протяжении своего существования Второй департамент действовал как обособленный верховный орган суда и отчасти управления для крестьянского сословия. Правительством, несмотря на бесперспективность деятельности данного учреждения, не было предпринято никаких попыток его серьезной реорганизации. Окончательно Второй (крестьянский) департамент был ликвидирован 22 ноября 1917 г. С учетом сказанного выше можно заключить, что департамент являлся важной составной частью политики правительства по сохранению одного из главных социальных устоев самодержавия – сословной обособленности крестьянства.

Литература

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Крестьянское право..., 1902 – Крестьянское право по решениям Правительствующего Сената: алфавитный указатель вопросов, разрешенных по Первому, Второму, Гражданскому и Уголовному кассационным департаментам и по общему собранию Правительствующего Сената за 1863–1902 гг. по крестьянским делам / Составитель К. Абрамович. СПб.: Типография Исидора Гольдберга, 1902. 294 с.

Отчет по Главному комитету..., 1870 – Отчет по Главному комитету об устройстве сельского состояния за девятилетие, с 19 февраля 1861 по 19 февраля 1870 г. СПб.: Тип. 2-го Отд-ия Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1870. 93 с.

Победоносцев, 1896 – *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. СПб.: Синодальная типография, 1896. Ч. 1. Вотчинные права. 763 с.

Полное..., 1863 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Отд. 1. СПб., 1863. Т. 36. № 36653. 1057 с.

Полное..., 1886 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1886. Т. 2. № 911. 493 с.

Полное..., 1887 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1887. Т. 4. № 1979. 626 с.

Полное..., 1888 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1888. Т. 6. № 3789. 595 с.

Полное..., 1891 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1891. Т. 9. № 5704. 728 с.

Полное..., 1905 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1905. Т. 23. № 22627. 1167 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Тютрюмов, 1909 – *Тютрюмов И.М.* К двадцатипятилетию существования Второго департамента Правительствующего Сената: (1884–1909 гг.). СПб: Сенатская типография, 1909. 11 с.

Тютрюмов, 1911 – *Тютрюмов И.М.* Второй департамент Правительствующего Сената / История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб.: Сенатская типография, 1911. Т. 4. С. 215–293.

Тютрюмов, 1914 – *Тютрюмов И.М.* Практика Правительствующего сената по крестьянским делам: (по 2 департаменту и 1 общему собранию, а также Гражданскому кассационному департаменту и Общему собранию 1, 2 и Кассационному департаменту с 1882 г. по 1 марта 1914 г.) / Составил

И.М. Тютрюмов, обер-прокурор 2 Департамента Правительствующего сената. СПб.: Юридический книжный магазин И.И. Зубкова под фирмой «Законоведение», 1914. 1879 с.

[Положения о сельском состоянии, 1886](#) – Положения о сельском состоянии // Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб.: В типографии Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1886. 472 с.

[Учреждение Правительствующего Сената, 1896](#) – Учреждение Правительствующего Сената // Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 1. Ч. 2. Кн. 4. С. 108-127.

[Чернышев, 1918](#) – *Чернышев И.В.* Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг.: Вольное экономическое общество, 1918. 384 с.

References

[GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

[Krest'yanskoe pravo..., 1902](#) – Krest'yanskoe pravo po resheniyam Pravitel'stvuyushchego Senata: alfavitnyi ukazatel' voprosov, razreshennykh po Pervomu, Vtoromu, Grazhdanskomu i Ugolovnomu kassatsionnym departamentam i po obshchemu sobraniyu Pravitel'stvuyushchego Senata za 1863–1902 gg. po krest'yanskim delam [Peasant law by decisions of the Governing Senate: alphabetical index of issues resolved in the First, Second, Civil and Criminal Cassation Departments and in the general meeting of the Governing Senate for 1863-1902. on peasant affairs]. Sostavitel' K. Abramovich. SPb.: Tipografiya Isidora Gol'dberga, 1902. 294 p. [in Russian]

[Otchet po Glavnomu komitetu..., 1870](#) – Otchet po Glavnomu komitetu ob ustroistve sel'skogo sostoyaniya za devyatiletie, s 19 fevralya 1861 po 19 fevralya 1870 g. [Report on the Main Committee on the structure of the rural state for nine years, from February 19, 1861 to February 19, 1870]. SPb.: Tip. 2-go Otd-ya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1870. 93 p. [in Russian]

[Pobedonostsev, 1896](#) – *Pobedonostsev, K.P.* (1896). Kurs grazhdanskogo prava [Civil Law Course]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya. Ch. 1. Votchinnye prava. 763 p. [in Russian]

[Polnoe..., 1863](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2-e. Otd. 1. SPb., 1863. Т. 36. № 36653. 1057 p. [in Russian]

[Polnoe..., 1886](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 3-e. SPb., 1886. Т. 2. № 911. 493 p. [in Russian]

[Polnoe..., 1887](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 3-e. SPb., 1887. Т. 4. № 1979. 626 p. [in Russian]

[Polnoe..., 1888](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 3-e. SPb., 1888. Т. 6. № 3789. 595 p. [in Russian]

[Polnoe..., 1891](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 3-e. SPb., 1891. Т. 9. № 5704. 728 p. [in Russian]

[Polnoe..., 1905](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 3-e. SPb., 1905. Т. 23. № 22627. 1167 p. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]

[Tyutryumov, 1909](#) – *Tyutryumov, I.M.* (1909). K dvadtsatipyatiletiiyu sushchestvovaniya Vtorogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata : (1884-1909 gg.) [To the twenty-fifth anniversary of the existence of the Second Department of the Governing Senate: (1884-1909)]. SPb: Senatskaya tipografiya, 11 p. [in Russian]

[Tyutryumov, 1911](#) – *Tyutryumov, I.M.* (1911). Vtoroi departament Pravitel'stvuyushchego Senata [Second Department of the Governing Senate]. Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za dvesti let. 1711–1911 gg. SPb.: Senatskaya tipografiya. Т. 4. Pp. 215-293. [in Russian]

[Tyutryumov, 1914](#) – *Tyutryumov, I.M.* (1914). Praktika Pravitel'stvuyushchego senata po krest'yanskim delam: (po 2 departamentu i 1 obshchemu sobraniyu, a takzhe Grazhdanskomu kassatsionnomu departamentu i Obshchemu sobraniyu 1, 2 i Kassatsionnomu departamentu s 1882 g. po 1 marta 1914 g.) [Practice of the Governing Senate on peasant affairs: (2 departments and 1 general assembly, as well as the Civil Cassation Department and the General Assembly 1, 2 and the Cassation Department from 1882 to March 1, 1914)]. Sostavil I. M. Tyutryumov, ober-prokuror 2 Departamenta Pravitel'stvuyushchego senata. SPb : Yuridicheskii knizhnyi magazin I. I. Zubkova pod firmoi "Zakonovedenie". 1879 p. [in Russian]

[Polozheniya o sel'skom sostoyanii, 1886](#) – Polozheniya o sel'skom sostoyanii [Provisions on rural condition]. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Т. 9. SPb.: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1886. 472 p. [in Russian]

[Uchrezhdenie Pravitel'stvuyushchego Senata, 1896](#) – Uchrezhdenie Pravitel'stvuyushchego Senata [Establishment of the Governing Senate]. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. SPb., 1896. Т.1. Ch. 2. Кн. 4. Pp. 108-127. [in Russian]

[Chernyshev, 1918](#) – *Chernyshev, I.V.* (1918). Agrarno-krest'yanskaya politika Rossii za 150 let [Agrarian and peasant policy of Russia for 150 years]. Pg.: Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo, 384 p. [in Russian]

**Устройство и деятельность Второго департамента Сената
в качестве высшего судебного учреждения по крестьянским делам**

Любовь Николаевна Щанкина ^{a, *}, Ирина Анатольевна Федорова ^a

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена деятельности Второго департамента Сената в качестве высшего судебного учреждения по крестьянским делам, которое осуществляло гражданский суд и отчасти управление крестьянством с момента создания в 1884 г. и до 1917 г. Выявлено, что в его ведение входили дела разных категорий. В частности, наиболее важную и многочисленную из них составляли дела, связанные с поземельным устройством; вторую по величине и значимости – со спорами о владении; третью – с волостным и сельским управлением; четвертую – с жалобами на местные крестьянские учреждения; пятую, наименьшую, – с жалобами на постановления губернских присутствий об удалении «вредных и порочных членов общины и предоставлении их правительству».

Помимо решения чисто судебных задач, названное учреждение выполняло функцию толкования законов, разъясняя «истинный смысл узаконений» в русле крестьянской темы. Таковые разъяснения им, в отличие от Первого департамента, давались исключительно по инициативе министров и губернских по крестьянским делам учреждений. Авторы пришли к выводу о том, что подобные толкования в указах и решениях Второго департамента имели большое социально-политическое влияние в масштабах всей Российской империи, так как затрагивали существенные вопросы хозяйственного быта большинства крестьянского населения, поскольку были направлены на сохранение и укрепление института общины, взаимозависимости ее членов, ограничение гражданских прав последних.

Ключевые слова: Второй департамент Правительствующего сената, Главный комитет об устройстве сельского состояния, Особое отделение по крестьянским делам, высшее судебное учреждение, крестьянские дела.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: schanckina@yandex.ru (Л.Н. Щанкина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 378-385
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.378

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Content of Secondary Education in the Russian Empire in the second half of the 19th century (the Example of Ust-Medveditsky Women's Secondary School of the Don Cossack Host)

Andrey A. Solovyev ^{a, *}, Aleksandr V. Zakharov ^a, Nadezhda L. Vinogradova ^a, Lyubov S. Solovyeva ^b

^a Volgograd State Technical University, Russian Federation

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to analyze the specifics of education in the Russian Empire in the second half of the 19th century. Archival materials covering various activities of the Ust-Medveditskaya women's gymnasium in the last quarter of the 19th century are used as documentary grounds of the study. Researches particularly focus on the content of educational process examining the curricula of Russian literature, geography, history, and foreign languages. They also outlined scientific discussions on content of educational process in Russian province of the 19th century and the relations of the process with the general trends of education development in the country. According to studied materials education in the Russian Empire was not solely limited to the purpose of transferring knowledge and skills, but aimed to develop values in students' worldview by means of teaching certain subjects. The main sources of the paper are examination sheets, pedagogical council and general annual reports of Ust-Medveditskaya women's gymnasium. After reviewing archival documents and scientific sources, the authors concluded that the learning process included a significant number of positions whose purpose was educational impact on students, the formation of the system of values and proper behavior, which follows them. In addition, the test assignments allow us to judge that the pedagogical concepts assumed an interest in the personality of pupils and the support of their cognitive activity. The authors also put forward a hypothesis according to which the development of female education could become the reason for a change in the value-targeted foundations of educational activities in the future – the transition from the exclusively educational orientation of teachers to an educational and organizational one.

Keywords: popular education, The Province of the Don Cossack Host, Russian Empire, History of the Education, Content of Educational Process, Women's Gymnasium.

1. Введение

Существование разных форм образования во второй половине XIX века во многом было предопределено стремительными техническими и социально-экономическими изменениями. Российская империя в этом отношении не являлась исключением. Значительное количество вновь создаваемых производств приводило к росту городов, в которых существовала образованная прослойка, повышался спрос на домашних учителей. Опытные педагоги с университетскими степенями, студенты и даже школьники начинают заниматься учебно-воспитательной деятельностью. Такая обстановка неизбежно приводит к разнообразию форм образовательной работы.

Традиционные устои уступают место нововведениям прежде всего в центре страны, но и на периферии имеют место нетипичные явления. Причем речь в основном идет не столько о тех способах организации общественной жизни, которые на предыдущих этапах развития страны могли

* Corresponding author

E-mail addresses: lokotigr@mail.ru (A.A. Solovyev), ulysses1@yandex.ru (A.V. Zakharov), NVinogradova@yandex.ru (N.L. Vinogradova), solovieva_ls@volsu.ru (L.S. Solovyeva)

быть запрещены, сколько о тех, которые ранее вовсе были невозможны, поэтому практически никак не развиты.

В этой работе сделана попытка установить предпосылки появления в России второй половины XIX века новых видов учебных заведений. Задача – проиллюстрировать намеченный поиск данными, позволяющими судить о фактическом положении дел в образовании юга России рассматриваемого периода.

2. Материалы и методы

Изучение содержания образования в регионах России второй половины XIX столетия включает исследование общегосударственных образовательных программ и сравнение их с содержанием образования в конкретных учебных заведениях. При этом мы полагаем, что такое исследование не будет полным без выявления идеологических оснований составления учебных планов и анализа внедрения планов в педагогическую практику.

Исследование государственных программ опирается на работы разных авторов, сравнение их с реальным положением дел, а также информацией о внедрении учебных программ в практику педагогической деятельности. Все вышеперечисленное предполагает анализ архивных данных, выявление же идеологических оснований образования добавляет к названным двум видам работы теоретическое осмысление соответствующих причинно-следственных связей.

Источниками, ставшими исследовательской базой статьи, явились протоколы заседаний педагогического совета, экзаменационные ведомости и годовые отчеты Усть-Медведицкой женской гимназии (1884–1885), Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища (1890).

В целом же методология направлена на изучение особенностей гимназического образования второй половины XIX века в России. При этом внимание в первую очередь обращено на выявление динамических закономерностей и поиск объективных предпосылок отдельных явлений.

3. Обсуждение

Особенности образовательной деятельности в России второй половины XIX века освещены в подходящем для нас контексте в ряде работ. Назовем таких авторов, как Н.Ф. Бичехвост, В.В. Мельникова, Д.В. Пополитов, Л.В. Шадрина, которые касались важных фактов из истории образования на территории современной Волгоградской области ([Бичехвост, 2012](#); [Мельникова, 2001](#); [Пополитов, 2009](#); [Шадрина, 2014](#)).

Представим также авторов, рассматривавших в своих работах женское образование в России: Е.А. Андреева, Н.А. Дмитриева, Е.Ю. Захарова, Л.А. Порш, О.Д. Попова ([Андреева, 2000](#); [Дмитриева, 2008](#); [Захарова, Порш, 2016](#); [Попова, 2008](#)).

Среди исследователей, изучавших историю России в свете рассматриваемых нами вопросов, назовем таких авторов, как Н.П. Копцева, Ф.А. Насуцева, Н.Н. Середкина, И.В. Побережников, В.З. Смирнов, Е.К. Сысоева ([Poberezhnikov, 2016](#); [Koptseva, Seredkina, 2021](#); [Смирнов, 1954](#); [Насуцева, 2014](#); [Сысоева, 2015](#)).

Изучению содержания учебного процесса и предметов, его составляющих, посвятили свои работы С.И. Беленцов, Л.А. Краснова, О.Н. Малыгина, П.Г. Щедровицкий ([Belentsov, Malykhina, 2016](#); [Краснова, 2014](#); [Щедровицкий, 2011](#)).

4. Результаты

Образование второй половины XIX столетия в России становится более массовым, причем эта массовость предполагает не столько количество обучающихся, которое могло быть еще сравнительно низким в процентном отношении, сколько качественный состав – в учебных заведениях появляется все больше представителей разных сословий.

Создаются и новые виды образовательных учреждений, в том числе женские гимназии и училища. В основном они были устроены так же, как и мужские учебные заведения подобного рода, но имели и свои особенности, касающиеся как содержания обучения, так и организации учебно-воспитательного процесса и целей образования. Особый интерес вызывают формы проверки знаний и умений учениц. В.В. Зеньковский отмечал, что курс женских гимназий был упрощен по сравнению с мужскими ([Зеньковский, 2002](#)). Однако в целом мы можем сказать относительно целей образования, что они сводились преимущественно к идее так называемого «формального» образования ([Розанов, 1990: 243-244](#)).

Предположим, что наличие женских гимназий свидетельствует скорее о следующем: успехи образования (школьного) в те времена определялись не только (возможно, даже не столько) перспективами профессионального обучения. Хотя для женского обучения можно все-таки говорить об одной профессии, к которой, вероятно, такое образование готовило – это педагогическая профессия в разных ее вариантах. Но эту возможность мы рассматриваем в данном контексте скорее как исключение, своего рода продолжение самого образования, поскольку в рыночном смысле учительская профессия как результат образования замкнута на себя.

В любом случае изучение целей и задач образования в тот или иной исторический период трудно представить без выявления содержания учебно-воспитательного процесса. Несмотря на определенную его консервативность, следует сказать, что некоторые учебные предметы неизбежно должны включать нечто новое. Конечно, в ценностном и организационном отношении это новое может повторять старое, но содержательно оно зависит от технологических и социально-экономических нововведений.

Образовательная идеология последней четверти XIX века начинает учитывать особенности учащихся в большей степени, нежели ранее. Это относится не только к различиям в способностях или общественном статусе субъектов учебно-воспитательной деятельности, но и в их половозрастных различиях. Образовательная программа Усть-Медведицкой женской гимназии значительно различалась в зависимости от возраста учениц.

Например, задания для IV–V классов представляли собой не столько проверку конкретных знаний, сколько выявление общих компетенций обучающихся. Такие темы, как «Воспоминания из моего детства», «Особенно памятный случай из моей жизни», «Начало моего учения», «Мой вопрос игры» скорее говорят об ориентации составителей программ на цели общего просвещения подрастающего поколения. А среди тем для письменных испытаний по русскому языку назовем такие, как «Описание удобств дачной жизни летом сравнительно с жизнью в городах», «Описание сада вообще» (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51).

В данном контексте интересна так называемая «знаниевая» концепция образования (или «реальное» образование). Судя по представленным темам работ, она не была так настойчиво закрепляемой. Скажем, вопрос о нужности деревьев имеет скорее воспитательное значение. Да, ответ на него предполагает определенную осведомленность о том, как развиваются растения и как они соотносятся с человеческой практикой. В то же время он явно подразумевает некоторый этический момент: необходимо выбрать из всего многообразия возможностей дерева именно то, что нужно человеку, причем исключив то, что вредит природе.

При этом здесь нет конкретных деревьев, определенного типа садов, типичных городов или деревень. Допускается самостоятельный выбор, к тому же налицо междисциплинарность: в описании жизни в деревне или в городе можно применить знание как естественных наук, так и общественных; как литературы, так и изобразительного искусства.

С целью выявления специфики программы по литературе VI класса условно разделим ее на группы:

1. Понятие об истории литературы вообще, и русской в частности. Разделение истории русской литературы на периоды.

2. Древнерусская литература: устная словесность, включая былины, духовные произведения (митрополит Иларион, Кирилл Туровский, Владимир Мономах), исторические произведения (Нестор), поэтические произведения («Слово о полку Игореве»), описание путешествий (Симеон Суздальский, Афанасий Никитин).

3. Очерк литературных произведений XVI столетия: Стоглав, «Домострой», переписка Иоанна Грозного и Андрея Курбского.

4. Очерк литературной деятельности на Руси в XVII в.

5. Очерк литературной деятельности в первой половине XVIII в.: Феофан Прокопович, А.Д. Кантемир (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 26).

Содержание дисциплин «История» и «География» проиллюстрируем на примерах программ для разных классов. Согласно источникам, в курсе географии изучалось следующее: общие сведения из математической и физической географии (1 класс); Азия, Африка, Америка, Австралия (2 класс); Европа (3 класс); Россия (4 класс) (Ганелин, 1950: 120–121).

По программе Усть-Медведицкой женской гимназии в VII классе география разделялась на всеобщую и русскую.

В курсе всеобщей географии изучались Европа (общие сведения и обзор отдельных стран), Азия (природа, жители и государства), Африка (физический очерк, жители и государства), Америка (население), Австралия (население). В курсе русской географии изучалась Российская империя, включая сухопутные и морские границы, климат, народонаселение, экономическую географию (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 4).

Курс истории был разделен хронологически и концептуально по следующему принципу:

3 класс – Древний Восток, Древняя Греция, Древний Рим;

4 класс – Средневековье и частично новая история;

5 класс – главные события российского Средневековья;

6 класс – российская новая история до царствования Елизаветы Петровны и (частично) европейская новая история до возвышения Пруссии;

7 класс – события российской истории от времени царствования Елизаветы Петровны до времени царствования Александра II; также события европейской истории того же периода (Ганелин, 1950: 121).

Например, общие сведения из географии Австралии или Америки, а также знания о европейской средневековой истории трудно представить как ориентированные исключительно на профессиональную деятельность, кроме опять же работы будущих преподавателей.

Особый интерес вызывает содержание обучения, связанное с иностранными языками. Их мы разделяем на две группы: древние (чаще «мертвые») языки и современные.

Из первой группы назовем церковно-славянский, древнегреческий и латинский языки. В целом в это время в обществе разворачивалась дискуссия по поводу преподавания древних языков. Здесь спорными моментами было в целом изучение значительного количества античных текстов и грамматических правил (Поздняков, 2013; Копцева, Середкина, 2021: 345; Ветчинова, 2012). Интересно также и соотношение дискуссии относительно древних языков и общей ориентации, представленной, например, на рассмотрении проекта гимназического устава еще 1871 года, где «мертвые» языки были преподнесены как «лучшее педагогическое орудие» (РГИА. Ф. 733. Оп. 162. Д. 134: 224). Это показывает, с одной стороны, приверженность сторонников образовательных реформ практическому применению получаемых навыков, с другой – демонстрирует предпосылки к появлению новых форм педагогических практик, не отрицающих полностью предшествующее, но имеющих тенденцию к включению в него новых форм, до этого неизвестных. Скажем, древние языки начинают рассматриваться не столько способом обучения навыкам, имеющим самоценный характер, сколько формирующим способность к обучению вообще. Латинский и греческий языки здесь выступают как демонстрация «формального» обучения, в котором важно не содержание получаемых знаний, а общие навыки, приобретаемые в процессе ознакомления с ними (Розанов, 1990: 243-244). Хотя существует и альтернативное мнение, согласно которому особая форма, в которой происходило обучение иностранным языкам, не играла решающей роли в воспитании каких-либо специфических способов мышления у обучающихся. А. Герлах писал, что иностранные языки – наименее подходящее средство для развития «духовной интеллигентности», так как нельзя понимать мировой процесс только на основании этого знания, а скорее изучение родного языка способствует развитию мышления (Ветчинова, Герасенкова, 2015: 146; Герлах, 1914: 136). В то же время укажем, что нельзя однозначно утверждать, будто иностранные языки имеют пагубное влияние на сознание воспитанников, к тому же любой современный язык имеет значительное количество заимствований из других языков, а в этом случае понимание последних упрощает множество контекстов. Из второй группы предметов, направленных на формирование языковой грамотности, прежде всего следует обратить внимание на немецкий, французский, английский и испанский языки.

В целом же понимание иностранных языков упрощает реализацию различных образовательных траекторий. Применительно к российскому образованию второй половины XIX века – это прежде всего воспитательная суть процесса, даже его социально-организующая функция. Представителям разных сословий необходимы были разные, говоря современным языком, компетенции. Иностранные языки в этом случае выполняли не только задачу приобщения подрастающего поколения к культурам разным народам, но и решали вопрос ментальной принадлежности человека к той или иной социальной группе.

Если в целом говорить о рассматриваемом нами периоде истории отечественного образования, то до половины всего учебного времени в гимназиях использовалось для изучения древних языков, однако и современным уделялось внимание (Куликова, 2019: 18).

Как правило, основной целью изучения современных языков считалось не столько само знание языка, сколько приобщение к культуре тех стран, в которых язык является титульным, знакомство с культурой страны изучаемого языка, а также вытекающих из этого пересечений со становлением нравственных приоритетов человека, с выработкой личностных принципов и пониманием жизни (Ветчинова, Герасенкова, 2015: 142).

5. Заключение

Особое значение имеет специфика исторического периода. Как уже упоминалось, в целом педагоги руководствовались собственными представлениями о потребностях российского общества, но учитывали вероятные последствия самостоятельного принятия решений, о чем свидетельствует опыт образования в рассматриваемом нами районе (Бичехвост, 2012). Еще раз укажем на то, что население, к которому обращена деятельность пионеров образования, могло и не понять многих идей, отказываясь от «вольного обучения», в котором допускалось чтение запрещенной литературы, учитывая то, что значительная часть населения страны до конца XIX века, с большой степенью вероятности, была неграмотной, ведь всеобщее начальное образование не было в этот период введено (Клевцова, Жиров, 2016: 1229; Соловьев и др., 2020).

Учащимся женских учебных заведений предлагалось немало содержания, в котором значительное внимание уделялось воспитательному моменту, причем последний не только организовывался внешне различными воспитательными мерами и специально организованными специалистами, но и включался (пусть и в неявном виде) в программу обучения.

Академическая мобильность учениц была ограничена, однако не отсутствовала полностью. Можно сказать, что ее необходимость была минимальна. Учебные пособия преимущественно хранились в библиотеках, выдавались они редко. Значительная часть формального знания передавалась преподавателем фактически «из уст в уста»: учитель рассказывал или читал, а обучающиеся записывали.

С одной стороны, образование было важным каналом социальной мобильности само по себе, с другой – само попадание в учебное заведение во многом зависело от исходного происхождения ученицы. Однако были возможности для разных сословий занять место.

Из всего этого следует также заключить, что, хотя основная часть программы была направлена на формирование основных знаний, в то же время большое значение уделялось так называемому «формальному» образованию. Первый класс гимназии принимал достаточно взрослых учениц, поэтому задания, которые им ставились, могут показаться детскими (описание функций дерева). В то же время это задание, очевидно, не предполагавшее строгих знаний, тем не менее выявляло необходимость проявить не только творчество, но и общую эрудицию, то есть к такому испытанию трудно, что называется, «натаскаться» – здесь необходимо общее понимание самых разных предметов.

Фактически воспитательная сторона женских гимназий обеспечивала универсальность в педагогической деятельности. Учителю, хорошо знакомому с рецептурным предметным знанием и достижениями дидактики, часто все-таки требовалась помощь в организации деятельности учащихся: для этого в классах и школах работали специальные «дядьки». Для учителя, обладающего меньшей подготовкой в области дидактики и, как правило, меньшей общей эрудицией, помощь таких специалистов требовалась реже вследствие иного эмоционального опыта. В конечном счете все это почти исключало необходимость на уроках и переменах специального персонала, который бы «дисциплинировал» учащихся.

Поэтому мы предполагаем, что развитие женских учебных заведений в значительной мере предопределило изменения в характере педагогического труда: повлияло на соединение учебного и организационного факторов образования и в некотором смысле изменило требования, предъявляемые к педагогическим работникам.

Литература

Беленцов, 2015 – Беленцов С.И. Теоретические основы гражданского воспитания в русской педагогической литературе конца XIX – начала XX вв. // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика»*. 2015. № 1 (14). С. 115-122.

Беленцов, 2016 – Беленцов С.И. Читательская активность как социально-педагогический феномен // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика»*. 2016. № 3 (20). С. 115-125.

Бичехвост, 2012 – Бичехвост Н.Ф. Тайны старых архивов. Волгоград, 2012. 416 с.

Ветчинова, 2012 – Ветчинова М.Н. Вариативные подходы к определению содержания иноязычного образования в отечественных гимназиях второй половины XIX – начала XX века // *Ученые записки: электронный журнал Курского государственного университета*. 2012. № 4 (24). Т. 1. С. 175-182.

Ветчинова, Герасенкова, 2015 – Ветчинова М.Н., Герасенкова П.В. Отечественная общественно-педагогическая мысль конца XIX – начала XX века о ценностях и смыслах изучения древних и новых языков // *История гуманистической мысли*. 2015. С. 138-148.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

Ганелин, 1950 – Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М., 1950. 276 с.

Герлах, 1914 – Герлах А. Мнимая образовательная ценность иностранных языков // *Русская школа*. 1914. № 4. С. 136-152.

Дмитриева, 2008 – Дмитриева Н.А. Процесс формирования системы женского образования в России в XIX веке как объект исторического исследования // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 65. С. 107-110.

Захарова, Порш, 2016 – Захарова Е.Ю., Порш Л.А. Феминизация российского образования: этапы становления // *Гуманитарный вектор*. 2016. Т. 11. № 1. С. 58-62.

Зеньковский, 2002 – Зеньковский В.В. Педагогика. Клин, 2002. 222 с.

Краснова, 2014 – Краснова Л.А. Содержание образования: традиции и перспективы развития // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2014. № 4. С. 35-44.

Куликова и др., 2019 – Куликова С.В. Акентьева Е.Н. и др. Путь длиною в 100 лет: историко-педагогическое наследие волгоградской системы образования: практико-ориентированная монография. Волгоград, 2019. 448 с.

Мельникова, 2001 – Мельникова В.В. Народное образование края в XIX – начале XX вв. Волгоград, 2001. 286 с.

Насуцева, 2014 – Насуцева Ф.А. Реформы образования в России начала XX века: трудный путь от идеи к воплощению // *Гуманитарные науки и образование*. 2014. № 2. С. 40-44.

- Попова, 2008.** – Попова О.Д. Высшее женское образование и русская православная церковь // *Высшее образование в России*. 2008. № 7. С. 155-160.
- Пополитов, 2009** – Пополитов Д.В. Развитие системы образования в Донской епархии во второй половине XIX – начале XX века (на примере Хоперского округа) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 32 (170). История. 35. С. 100-104.
- Розанов, 1990** – Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. 624 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 162. Д. 134.
- Смирнов, 1954** – Смирнов В.З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954. 310 с.
- Сысоева, 2015** – Сысоева Е.К. Общеобразовательная школа и земство в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2015. № 4. С. 472-474.
- Щедровицкий, 2011** – Щедровицкий П.Г. Образование как объект культурной политики // *Образовательная политика*. 2011. № 1. С. 11-16.
- Belentsov et al., 2014** – Belentsov S.I. et al. Educational Congress and Teachers' Courses as a Means of Methodical Education Teachers Second Half of the XIX – Beginning XX Centuries: Regional Dimension. // *Bylye Gody*. 38(4): 940-947.
- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A. et al. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 1: 4-11.
- Klevtsova, Zhirov, 2016** – Klevtsova O.V. Zhirov N.A. The Primary Education in Post-reform Russian Village (on Materials of Eletski County Orel Province) // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1224-1231.
- Poberezhnikov, 2016** – Poberezhnikov I.V. Russian Imperial Modernization: The General and the Specific // *Bylye Gody*. 2016. 41-1 (3-1): 867-673.
- Pozdnyakov, 2013** – Pozdnyakov A.N. Rossiiskaya shkola rubezha XIX-XX vekov v otsenkakh sovremennikov [Russian school at the turn of the XIX-XX centuries in the assessments of contemporaries] *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2013. 2-1(13): 118-122. [in Russian]
- Shevchenko et al., 2018** – Shevchenko N.A., Kucherkov I., Shirev D.A., Miku N.V. Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(1): 226-231.
- Solov'ev et al., 2020** – Solov'ev A.A. i dr. Literary Enlightenment in the Russian Province in the second half of the 19th century (the Examples of the Don Cossack Host and the Kamishin Region) // *Bylye Gody*. 2020. 57 (3): 1179-1185.

References

- Belentsov, 2015** – Belentsov, S.I. (2015). Teoreticheskie osnovy grazhdanskogo vospitaniya v russkoi pedagogicheskoi literature kontsa XIX – nachala XX vv. [Theoretical background of civil upbringing in domestic pedagogical literature in the end of the 19th century and the beginning of the 20th century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 1(14): 115-122. [in Russian]
- Belentsov, Malykhina, 2016** – Belentsov, S.I., Malykhina, O.N. (2016). Chitatel'skaya aktivnost' kak sotsial'no-pedagogicheskii fenomen [Readers' activity as social-pedagogical phenomenon]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 3(20): 115-125. [in Russian]
- Bichekhvost, 2012** – Bichekhvost, N.F. (2012). Tainy starykh arkhivov [Mysteries of old archives]. Volgograd, 416 p. [in Russian]
- Dmitrieva, 2008** – Dmitrieva, N.A. (2008). Protsess formirovaniya sistemy zhenskogo obrazovaniya v Rossii v XIX veke kak ob"ekt istoricheskogo issledovaniya [The process of formation of the system of female education in Russia at the end of 19th century as the object of historical research]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 65: 107-110. [in Russian]
- Ganelin, 1950** – Ganelin, Sh.I. (1950). Ocherki po istorii srednei shkoly v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [Remarks on the history of secondary school in the end second half of the 19th century]. Moskva, 276 p. [in Russian]
- GAVO** – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of Volgograd region].
- Gerlakh, 1914** – Gerlakh, A. (1914). Mnimaya obrazovatel'naya tsennost' inostrannykh yazykov. [Imaginary value of foreign language learning]. *Russkaya shkola*. 4: 136-152. [in Russian]
- Krasnova, 2014** – Krasnova, L.A. (2014). Soderzhanie obrazovaniya: traditsii i perspektivy razvitiya. [The content of education. Traditions and perspectives]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 4: 35-44. [in Russian]
- Kulikova et al., 2019** – Kulikova, S.V. Akent'eva, E.N. i dr. (2019). Put' dlinoyu v 100 let: istoriko-pedagogicheskoe nasledie volgogradskoi sistemy obrazovaniya: praktiko-orientirovannaya monografiya [The way one hundred years long. Historico-pedagogical legacy of Volgogradian system of education: practically orientated research]. Volgograd, 448 p. [in Russian]

Mel'nikova, 2001 – Mel'nikova, V.V. (2019). Narodnoe obrazovanie kraya v XIX – nachale XX vv. [People's education of the region at the end of 19th century and the beginning of the 20th century]. Volgograd, 286 p. [in Russian]

Nasutseva, 2014 – Nasutseva, F.A. (2014). Reformy obrazovaniya v Rossii nachala XX veka: trudnyi put' ot idei k voploshcheniyu [Educational reforms in Russia at the beginning of the 20th century]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2: 40-44. [in Russian]

Popolitov, 2009 – Popolitov, D.V. (2009). Razvitie sistemy obrazovaniya v Donskoi eparkhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na primere Khoperskogo okruga). [Development of educational system in Don Diocese at the end of 19th century and the beginning of the 20th century. Based on the example of Khoper region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. (170). Istoriya. 35: 100-104. [in Russian]

Popova, 2008 – Popova, O.D. (2008). Vysshee zhenskoe obrazovanie i russkaya pravoslavnyaya tserkov' [Higher female education and Russian Orthodox Church]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 7: 155-160. [in Russian]

Rozanov, 1990 – Rozanov, V.V. (1990) Sumerki prosveshcheniya [The dusk of enlightenment]. Moskva, 624 p. [in Russian]

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherkov I., Shirev D.A., Miku N.V. (2018). Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(1): 226-231.

Solov'ev et al., 2020 – Solov'ev A.A. i dr. (2020). Literary Enlightenment in the Russian Province in the second half of the 19th century (the Examples of the Don Cossack Host and the Kamishin Region). *Bylye Gody*. 2020. 57 (3): 1179-1185.

Shchedrovitskii, 2011 – Shchedrovitskii, P.G. (2011). Obrazovanie kak ob'ekt kul'turnoi politiki [Education as an object of cultural politic]. *Obrazovatel'naya politika*. 1: 11-16. [in Russian]

Smirnov, 1954 – Smirnov, V.Z. (1954). Reforma nachal'noi i srednei shkoly v 60-kh godakh XIX v. [The reform of elementary and secondary school in 1860s]. Moskva, 310 p. [in Russian]

Sysoeva, 2015 – Sysoeva, E.K. (2015). Obshcheobrazovatel'naya shkola i zemstvo v Rossii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [Secondary school and zemstvo in Russia. The second half of 19th century and the beginning of the 20th century]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 4: 472-474. [in Russian]

Vetchinova, 2012 – Vetchinova, M.N. (2012). Variativnye podkhody k opredeleniyu soderzhaniya inoyazychnogo obrazovaniya v otechestvennykh gimnazyakh vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Different approaches towards the definition of the content of foreign language learning in Russian gymnasiums in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century]. *Uchenye zapiski: elektronnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 1. 4(24): 175-182. [in Russian]

Vetchinova, Gerasenkova, 2015 – Vetchinova, M.N., Gerasenkova, P.V. (2015). Otechestvennaya obshchestvenno-pedagogicheskaya mysl' kontsa XIX – nachala XX veka o tsennostyakh i smyslakh izucheniya drevnikh i novykh yazykov [Domestic social-pedagogical thought of the end of the 19th and the beginning of the 20th century. On the value and reason of studying new and ancient languages]. *Istoriya gumanisticheskoi mysli*. 138-148. [in Russian]

Zakharova, Porsh, 2016 – Zakharova, E.Yu., Porsh, L.A. (2016). Feminizatsiya rossiiskogo obrazovaniya: etapy stanovleniya [Stages of the feminization of Russian education]. *Gumanitarnyi vektor*. 11(1): 58-62. [in Russian]

Zen'kovskii, 2002 – Zen'kovskii, V.V. (2002). Pedagogika [Pedagogy]. Klin, 222 p. [in Russian]

Содержание гимназического образования в Российской империи второй половины XIX века (на примере Усть-Медведицкой женской гимназии области Войска Донского)

Андрей Александрович Соловьев ^{a,*}, Александр Владимирович Захаров ^a,
Надежда Леонидовна Виноградова ^a, Любовь Сергеевна Соловьева ^b

^a Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – изучение отдельных особенностей образования в Российской империи второй половины XIX века. В качестве документальных оснований для исследования используются прежде всего материалы, связанные с деятельностью Усть-Медведицкой женской гимназии в последней четверти XIX столетия. Большое внимание уделено анализу содержания учебного процесса. Изучены программы по русской словесности, географии, истории, иностранным языкам, намечены дискуссионные вопросы, касающиеся перспектив изучения содержания учебно-

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lokotigr@mail.ru (А.А. Соловьев), ulysses1@yandex.ru (А.В. Захаров), NVinogradova@yandex.ru (Н.Л. Виноградова), solovieva_ls@volsu.ru (Л.С. Соловьева)

воспитательного процесса в российской провинции XIX в. и его соотношения с общими установками образования в стране. Согласно полученным данным, можно говорить о том, что учебная деятельность не ограничивалась единственной целью передачи знаний и умений, а допускала вероятность развития ценностных оснований обучающихся с помощью тех или иных предметов. Основными источниками стали протоколы заседаний педагогического совета, экзаменационные ведомости и годовые отчеты Усть-Медведицкой женской гимназии. Благодаря изучению архивных документов и научных источников, авторы пришли к следующему выводу: процесс обучения включал значительное количество позиций, направленных также и на воспитательное воздействие на обучающихся, формирование у них определенной системы ценностей и должного поведения. Кроме того, проверочные задания позволяют судить о том, что педагогические концепции предполагали интерес к личности воспитанниц и поддержку их познавательной активности. Также авторы выдвигают гипотезу, согласно которой развитие женского образования могло стать причиной изменения ценностно-целевых оснований учебно-воспитательной деятельности в будущем – перехода от исключительно учебной ориентации педагогов к учебно-организационной.

Ключевые слова: народное образование, область Войска Донского, Российская империя, история образования, содержание образования, женская гимназия.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 386-402
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.386

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Varvara V. Bogdan ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Natal'ya V. Miku ^e

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

Abstract

This article is the second part in a series of works devoted to the analysis of the development of the education system in 1849–1917 in the Erivan province of the Russian Empire, and explores the period of 1885–1907. On the example of statistical data, the activity of secondary (gymnasium, progymnasium, teacher's seminary), lower (city schools) and primary (primary schools) educational institutions is considered; on the basis of these data, the conclusions are drawn about the peculiarities of the development of the education system in the Erivan province in the period from 1885 to 1907.

The main source of this article is the reports of the trustees of the Caucasian Educational District, which contain detailed the statistical material on the work of all types of educational institutions.

As the analysis of these materials showed, in general, the education system at the turn of the century in the Erivan province was developing very actively. This applies in particular to women's education: in secondary educational institutions, the number of female students exceeded the number of male students by almost one and a half times, which is unusual for the Caucasian regions; in the field of lower education during the study period (1885–1907) increased more than twice, in the field of primary education – ten and a half times. The growth of educational institutions was also relevant.

Unlike other regions, the unprivileged classes – peasants and workers – were widely represented in education.

Also, the development of the education system in the Erivan province in the specified chronological period was distinguished by a very strong volatility in the number of students, which practically did not correlate with the population of the region.

Keywords: system of public education, Erivan province, Caucasian educational district, 1885–1907.

1. Введение

По мнению ряда современных исследователей, процесс развития и интеграции системы образования Кавказа в общеимперское российское образовательное пространство протекал достаточно сложно (более подробно см., напр., [Shevchenko et al., 2016](#); [Gogitidze, Shiukashvili, 2016](#)). Главным препятствием в этом деле авторы выделяют языковой барьер, который сложился не только в результате недавнего включения территорий Кавказа в состав Российской империи (конец XVIII – середина XIX вв.), но и отсутствие письменности у многих коренных народов. В качестве первостепенных задач русское правительство определило, во-первых, активную русификацию кавказских территорий (то есть введение в оборот русскоязычной письменности и документооборота на русском языке) и, во-вторых, сохранение коренных народных лингвистических элементов (в этой

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

связи некоторым народам Кавказа русскими лингвистами была оказана помощь в создании собственной письменности) (подробно о проблеме см. [Shevchenko et al., 2016](#)). Благодаря этим усилиям, региональный лингвистический компонент был сохранен (вплоть до сегодняшнего дня), а развитие системы образования стало возможным лишь благодаря активной политике русского правительства и императоров лично.

Как было указано в первой части нашей работы, 1885–1907 годы – это период количественного увеличения образовательных учреждений, которое можно условно назвать как «развитие системы образования вширь», и связан он был не только с желанием правительства улучшить грамотность населения: с учетом сильного демографического роста правительство Российской империи и руководство образовательной сферой на Кавказе вынуждены были (фактически – экстренно) расширять сеть учебных заведений, в особенности – учреждений начального звена ([Mamadaliyev et al., 2021h: 1804](#)).

2. Материалы и методы

В качестве источников в данной статье используются документы образовательной администрации не только Кавказского учебного округа, но и Российской империи в целом: указы, положения и прочие нормативные акты, регулировавшие деятельность системы образования, а также дореволюционные статистические отчеты. Также материалами нашей работы послужили как дореволюционные монографии, статьи, статистические сборники, так и советские и современные исследования.

Методология исследования включает в себя комплекс традиционных и нетрадиционных исторических методов исследования, а также несколько общенаучных методов.

К традиционным методам исторического исследования, которые использовались в данной работе, следует отнести:

а) историко-системный – применялся для исследования деятельности системы образования Эриванской губернии в неотрывной связи с политической, социальной, демографической и экономической ситуацией;

б) историко-сравнительный – сравнение проводилось:

- в хронологическом аспекте: проведено сравнение деятельности образовательной системы Эриванской губернии в нижней и верхней хронологической границе;

- в территориальном аспекте: проводилось сравнение деятельности образовательной системы Эриванской губернии и отдельных ее элементов с другими регионами Кавказского учебного округа;

в) историко-типологический – были определены и классифицированы по типам учебные заведения Эриванской губернии;

г) историко-генетический – использовался для выявления корреляционной зависимости от вводимых правительством и образовательной администрацией мер развития системы образования Эриванской губернии.

К нетрадиционным методам исторического исследования, которые использовались в данной работе, следует отнести историко-статистический: количество томов библиотечного фонда, наименований книг и их общая стоимость, количественный анализ заведений и учащихся в них и пр.

Из общенаучных методов исследования применялись синтез (синтетический анализ); анализ научной литературы, источников; системный анализ и др.

Комплексное использование указанных методов помогло всесторонне исследовать деятельность и развитие системы образования в Эриванской губернии, позволило объективно воссоздать картину народного образования в ней и выявить характерные и специфические особенности в сфере образовательной деятельности.

3. Обсуждение

Деятельность образовательной системы в Эриванской губернии глубоко не анализировалась в научной литературе. Таким образом, новизна нашей работы обусловлена отсутствием на сегодняшний день фундаментальных исследований по данной проблематике.

Вместе с тем в последние годы появился ряд работ, весьма глубоко анализирующих отдельные регионы/дирекции Кавказского учебного округа: Тифлисской губернии (см, напр., [Mamadaliyev et al., 2020a](#); [Mamadaliyev et al., 2020b](#); [Mamadaliyev et al., 2020c](#); [Mamadaliyev et al., 2020d](#) и др.), Кутаисской губернии (см, напр., [Mamadaliyev et al., 2021e](#); [Mamadaliyev et al., 2021f](#); [Mamadaliyev et al., 2021g](#) и др.), территории Кубанского казачьего войска (см., напр., [Molchanova et al., 2019](#); [Molchanova et al., 2019a](#); [Molchanova et al., 2020](#) и др.), Ставропольской губернии (см., напр., [Natolochnaya et al., 2020](#); [Natolochnaya et al., 2020a](#); [Natolochnaya et al., 2020b](#) и др.), Черноморской губернии (см., напр., [Cherkasov et al., 2020](#); [Cherkasov et al., 2020a](#) и др.), Карской области (см., напр., [Magsumov et al., 2020](#); [Magsumov et al., 2020a](#) и др.), Терской области (см., напр., [Cherkasov et al., 2020b](#) и др.). В данных работах деятельность системы образования Эриванской губернии затрагивается лишь косвенно.

Среди дореволюционных трудов представляют интерес работы А.А. Богоявленского ([Богоявленский, 1911](#); [Богоявленский, 1912a](#); [Богоявленский, 1912b](#)), П. Зажаева ([Зажаев, 1909](#)),

Л. Модзалевского (Модзалевский, 1880) и др. Из советских работ отметим сборники источников (см., напр., [Материалы по истории, 1942](#)) и статей (см., напр., [Народное образование, 1980](#)) по проблеме исследования. Из ранних постсоветских трудов отметим исследование Л.С. Гатаговой ([Гатагова, 1993](#)).

Фундаментальных исследований системы образования Эриванской губернии, как было указано в первой части работы, до настоящего времени не проводилось. Наша работа, состоящая из серии трех статей, призвана восполнить этот пробел. Данная, вторая часть статьи, анализирует развитие средних (гимназий и прогимназий, реальных училищ и семинарий), низших (городских, ремесленных (промышленных) училищ, ремесленных школ, высших начальных училищ и Мариинских училищ) и начальных (начальных училищ) учебных заведений с 1885 по 1907 годы.

4. Результаты

Географические рамки исследования ограничены Эриванской губернией (1849–1917). Хронологические рамки: 1885–1907 годы. Как и в других наших статьях, анализ частных учебных заведений не является предметом исследования, поэтому выходит за рамки данной работы.

Из рассматриваемых нами типов учебных заведений в губернии насчитывалось ([Отчет, 1885](#)):

1. Средних учебных заведений:

- Эриванская мужская гимназия – по состоянию на 1 января 1885 г. – 246 учащихся; ее отличительной особенностью было весьма высокое представительство сельских сословий – 60 чел. ([Отчет, 1884: 272](#));

- Эриванская учительская семинария;

- Эриванская женская прогимназия – число учениц к 1 января 1884 г. составило 72 чел. ([Отчет, 1884: 392](#)).

2. Низших учебных заведений:

а) три городских училища:

- 3-классное Александропольское городское училище;

- 2-классное Ново-Баязетовское городское училище;

- 3-классное Нахичеванское городское училище.

3. Начальных учебных заведений:

- четырнадцать начальных училищ с общим количеством учащихся в 586 чел., из которых учащихся мужского пола – 571 чел., женского – 15 чел. ([Отчет, 1884: 492, 512](#)).

В сравнении с другими губерниями Кавказского учебного округа, в частности Тифлисской (весьма развитой в «образовательном отношении»), Кутаисской и др., развитие образования в Эриванской губернии нельзя признать удовлетворительным, даже учитывая тот значительный рывок, который был сделан в данной сфере с момента ее образования в 1849 году.

К концу исследуемого хронологического периода, т.е. к концу 1907 года, в Эриванской губернии насчитывалось:

1. Средних учебных заведений:

- Эриванская мужская 8-классная гимназия;

- Эриванская женская гимназия (30 мая 1898 г. была преобразована из Эриванской прогимназии в гимназию им. Св. Рипсимэ, став первой полноценной женской гимназией в губернии; позднее в отчетах фигурирует как Эриванская женская 7-классная гимназия);

- Александропольская женская 6-классная гимназия (преобразована из прогимназии);

- Эриванская женская прогимназия (основана в 1907 году).

2. Низших учебных заведений:

- 7 двух- и трехклассных городских училищ в крупных населенных пунктах – Александрополе, Ново-Баязете, Нахичеване, Ордубате, Эриване, Игдыре, Аштараке.

3. Начальных учебных заведений – 122 начальных училища.

Рассмотрим соответствующие ступени образования более подробно, а анализ статистических данных приведем в таблицах для наглядного представления степени развития образования в губернии.

I. Среднее образование

Как было указано выше, к концу исследуемого в данной статье периода, в губернии насчитывалось 5 учебных заведений среднего звена.

Традиционно рассмотрим состояние библиотечного фонда, а также распределение учащихся по сословному, конфессиональному и национальному критериям в начале (1885 год) и в конце (1907 год) хронологических рамок нашего исследования.

Эриванская мужская гимназия по состоянию на 31 декабря 1885 года имела библиотечный фонд фундаментальной библиотеки в 2 275 названий при 4 801 томе и стоимости в 8 077 руб., подорожав за отчетный год на 259 руб. Ученическая библиотека имела 796 томов при 520 названиях и стоимости в 1 029 руб., подорожав в отчетном году на 130 руб. ([Отчет, 1885: 646](#)). Отметим, что выделяемые на библиотеку данной гимназии суммы денег были невелики в сравнении с другими

гимназиями. В частности, на фундаментальную и ученическую библиотеки Кубанской мужской гимназии было выделено в 1885 году 1 211 и 648 руб. соответственно; на втором месте – библиотека Елисаветпольской мужской гимназии с 773 и 314 рублями соответственно (Отчет, 1885: 646).

Дворян в гимназии насчитывалось 98 чел. из 239 учащихся (по состоянию на 31 декабря 1885 года), что составляло 41 % от общего числа учащихся. В сравнении с некоторыми другими территориями округа (в частности, Тифлисской и Кутаисской губерниями) процент дворян был относительно невелик. Со значительным отрывом отставали от дворян представители городских и сельских сословий (63 и 54 ученика соответственно). От последних, в свою очередь, с большим отрывом шли дети священнослужителей (20 учеников). Детей нижних чинов и иностранцев было очень мало (по 2 чел. соответственно) (Отчет, 1885: 678).

По конфессиональному признаку (по состоянию на 31 декабря 1885 года) лидерство держали учащиеся армяно-григорианского христианства (137 чел.), на втором месте с практически трехкратным отрывом были православные христиане (53 чел.), на третьем – мусульмане (42 чел.); представителей католиков и лютеран было немного – 3 и 4 чел. (Отчет, 1885: 679).

По национальному признаку (по состоянию на 31 декабря 1885 года) в Эриванской мужской гимназии почти с трехкратным отрывом лидировали армяне (140 чел.), на втором и третьем местах соответственно русские и «татары» (совр. азербайджанцы; в источнике указаны либо как «адербейджанские татары», либо сокращенно просто «татары») – 51 и 42 чел.; представителей других этносов было крайне мало – грузин 4 чел. и европейцев 2 чел. (Отчет, 1885: 679).

Эриванская учительская семинария по состоянию на 21 декабря 1885 года имела 75 учащихся, из которых около 1/3 принадлежали к сельским сословиям (27 чел.), 21 чел. – к дворянскому, 16 чел. – к городским сословиям, 10 чел. – к духовному и 1 чел. – к нижним чинам (Отчет, 1885: 742). Среди учащихся больше остальных было представителей армяно-григорианского вероисповедания (31 чел.), с небольшим отрывом – православные христиане (26 чел.), на третьем месте – мусульмане. Других конфессий не было (Отчет, 1885: 743). Как видим, семинария по конфессиональному критерию была более разнородной (и, по нашему предположению, более демократичной), нежели гимназия.

По этническому критерию распределение учащихся семинарии было весьма предсказуемым: представителей армянской нации было большинство (31 чел.), практически в два раза было меньше «татар» (16 чел.); горцев было 10 чел. (в гимназии их не было), невелико было представительство русских (8 чел.) и европейцев (6 чел.); грузин было мало (4 чел.) (Отчет, 1885: 743).

Библиотечный фонд фундаментальной библиотеки Эриванской учительской семинарии (по состоянию на 31 декабря 1885 года) насчитывал 1 208 названий при 1 721 томе и 3 101 рубль стоимости, подорожав за отчетный год на 695 руб. Ученическая – имела 2 080 томов с 653 названиями и стоимостью в 1 686 руб., став дороже на 287 руб. (Отчет, 1885: 710). Фундаментальная библиотека семинарии (перечень названий) была значительно богаче (1 208 названий), чем в других семинариях Кавказского учебного округа (в Кубанской – 504 названия, в Закавказской – 431 и в Хонской – 469) (Отчет, 1885: 710).

Что касается женских средних учебных заведений, то по состоянию на 31 декабря 1885 года фундаментальная библиотека Александропольской женской прогимназии имела 425 томов с 108 названиями стоимостью в 490 руб., подорожав за год на 15 руб.; ученическая – с 695 томами при 68 названиях «стоила» 354 руб., подорожав за отчетный год на 25 руб. Информация по библиотекам Эриванской женской прогимназии в отчете попечителя за 1885 год отсутствует (Отчет, 1885: 776).

В Александропольской женской прогимназии из 83 учениц большинство было за представительницами городских сословий (45 чел.) и дворянства (31 чел.); представительство других сословий было незначительным: духовенство – 4 чел., нижних чинов – 3 чел. В Эриванской женской прогимназии из 80 учениц большинство было за дворянками (45 чел.), на втором месте – ученицы из городских сословий (30 чел.); дочерей священнослужителей и нижних чинов было соответственно 2 и 3 чел. (Отчет, 1885: 802).

Как видим, в отличие от мужской гимназии, в женских прогимназиях нет представительниц сельских сословий. Мы это можем объяснить двумя причинами: во-первых, имело место влияние кавказского менталитета, в традициях которого считалось, что среднее и высшее образование женщинам-простолюдинкам ни к чему; во-вторых, труд крестьян не был связан с необходимостью образованности (в отличие, например, от дворянок, для которых хорошее образование было обязательной составляющей процесса социализации, или представительниц купечества – для решения производственных вопросов).

По конфессиональному критерию ситуация от мужских гимназий также отличается. Если в Эриванской прогимназии учениц армяно-григорианского вероисповедания было значительно больше, чем православных христианок (56 против 21 чел. соответственно) и похожую статистику мы наблюдали и в Эриванской мужской гимназии, то в Александропольской женской прогимназии лидерство армяно-григорианского христианства отнюдь не было подавляющим (42 и 35 чел. соответственно). Представительство других конфессий было совсем незначительным: лютеранок в Александропольской прогимназии – 3 чел., представительниц иудейского вероисповедания

(в источнике: «евреек» – Авт.) – 2 чел.; в Эриванской – мусульманок 2 чел, католичек в обеих прогимназиях по одной ученице (Отчет, 1885: 803).

По этническому критерию ситуация схожа с мужскими средними заведениями. Большинство составляли представители армянского этноса (43 и 56 учениц в Александропольской и Эриванской прогимназиях соответственно), на втором месте прочно «обосновались» представители русской национальности (26 и 18 чел. в Александропольской и Эриванской прогимназиях соответственно). Представленность других этносов была крайне малой: грузинок 1 и 3 чел. в Александропольской и Эриванской прогимназиях соответственно, «татарок» – 2 чел. в Эриванской прогимназии и евреек 2 чел. в Александропольской прогимназии (Отчет, 1885: 803).

Женских гимназий к началу 1885 года в губернии не было.

В конце хронологического периода нашего исследования ситуация по сословному, конфессиональному и национальному критериям, а также библиотечным фондам складывалась следующим образом.

К 1 января 1907 года из средних мужских учебных заведений по-прежнему действовала лишь одна гимназия в г. Эривань, которая в течение нескольких десятков лет являлась единственным гимназическим учреждением в Эриванской губернии (преобразована из прогимназии в гимназию в 1881 г.). К 31 декабря 1907 года в ней насчитывалось 562 ученика (Отчет, 1907: 183). Гимназия имела стандартных 8 классов (не считая подготовительного), насчитывая 6 параллельных основных курсов при двух подготовительных.

По конфессиональному критерию к 1 января 1908 г. из 562 учеников большинство было за представителями армяно-григорианского вероисповедания (308 чел.), на втором и третьем местах – с большим отрывом соответственно православные христиане (130 чел.) и «магометанского вероисповедания»/мусульмане (108 чел.). Количество представителей других религий было ничтожно малым (католики – 11 чел., иудеи – 5 чел.) (Отчет, 1907: 188).

По сословному критерию большинство оставалось за детьми личных дворян и чиновников (218 чел.; представителей потомственных дворян не было), на втором месте с небольшим отрывом – дети «мещан и цеховых» (рабочих – Авт.), на третьем месте (и с большим отрывом) – представители крестьянского сословия (92 чел.), на четвертом – дети купцов и почетных граждан (52 чел.). Представительство священнослужителей, иностранцев и казаков было совсем небольшим – 13, 4 и 1 чел. соответственно (Отчет, 1907: 188).

Данные по национальному составу Эриванской мужской гимназии в отчете попечителя за 1907 год отсутствуют.

Ее фундаментальная библиотека насчитывала 11 795 томов при 6 395 названиях и стоимости в 22 856 руб., подорожав за отчетный год на 378 руб. Ученическая библиотека включала в себя 2 826 томов с 1 921 названием и стоимостью в 3 432 руб., подорожав на 361 руб. (Отчет, 1907: 209).

Женская гимназия в г. Эривань имела 7 классов (не считая одного подготовительного); количество «параллелей» не указано (для подготовительных классов параллельных предусматривалось 3 шт.), число учениц к началу 1908 года 447 чел. (Отчет, 1907: 300). Большинство из них исповедовали армяно-григорианское христианство (263 чел.), в полтора раза меньше было представительниц православия (165 чел.). Представителей других конфессий было ничтожным: римско-католического исповедания – 13 чел., иудейского – 5 чел., мусульманского – 1 чел. (Отчет, 1907: 306).

По сословному критерию, большинство было за детьми личных дворян и чиновников (227 чел.); на втором месте почти с двукратным отрывом располагались «дочери почетных граждан и купцов» (146 чел.), на третьем – с более чем трехкратным отрывом от второго места находились дети мещан и цеховых рабочих (42 чел.); представителей других сословий было мало – 12 чел. от потомственных дворян, 9 чел. от духовного сословия, от казачества – 1 чел., от крестьян – 2 чел. от других сословий – 8 чел. (Отчет, 1907: 306).

Недавно открытая Эриванская женская 3-классная прогимназия обучала 123 ученицы (Отчет, 1907: 301). Абсолютное большинство их исповедовали армяно-григорианскую веру – 117 чел., представительниц других конфессий было крайне мало: православных христианок – 4 чел., католичек – 1 чел., иудеек – 1 чел. (Отчет, 1907: 307). По сословному критерию абсолютное большинство составляли дочери купцов и почетных граждан (90 чел.), в разы меньше было детей личных дворян и чиновников (20 чел.); остальные сословия представлены мало – 3 чел. духовного, 8 чел. – мещан и цеховых рабочих, 2 – крестьян (Отчет, 1907: 307).

Преобразованная из прогимназии Александропольская женская 6-классная гимназия насчитывала 376 учениц (Отчет, 1907: 301). 239 из них были армяно-григорианками, 127 – православными христианками, 7 – католичками, 2 – иудейками, 1 – из других христианских течений (вероятно, представительница протестантизма) (Отчет, 1907: 307). Больше остальных было представительниц мещан и цеховых рабочих (107 чел.), однако отрыв вовсе не был подавляющим, так как располагавшихся на втором месте дочерей купцов и почетных граждан было 98 чел., потомков личных дворян и чиновников – 74 чел. Представителей других сословий было меньше: потомственных дворян 29 чел., духовенства – 13 чел., крестьянства – 10 чел., прочих сословий – 45 чел. (Отчет, 1907: 307).

Подводя итог анализа по сословному и конфессиональному критериям, можно сделать вывод о социальной базе каждого из учреждений (которая, как видим, еще и отличалась в зависимости от населенного пункта). В мужской гимназии основу составляли дети личных дворян и чиновников; предполагаем, что образование они получали для работы в соответствующих структурах, так как диплом был своего рода «пропуском» на определенную должность. В женских же гимназических учреждениях обучались в основном дочери разночинцев/мещан, купцов, цеховых рабочих и пр.; предполагаем, что образование ученицы получали для соответствующего статуса и работ, которые не были связаны с физическим трудом. Более того, в «провинциальном» Александрополе сословия представлены более равномерно, в отличие от административного центра губернии (г. Эривань). Такая же ситуация наблюдается и в конфессиональном отношении: в Александропольской женской гимназии представители разных религий распределены более равномерно.

Данные по национальному составу женских гимназических образовательных учреждений в приложениях к отчету попечителя за 1907 год отсутствуют.

Что касается библиотечного фонда женских средних учебных заведений, то к 1 января 1908 года в Эриванской женской учебной библиотеке насчитывалось 1 844 тома при 526 названиях и 1 805 руб. стоимости. Данные по фундаментальной библиотеке отсутствуют (Отчет, 1907: 330). Фундаментальная библиотека Александропольской женской гимназии располагала 1 560 томами при 537 названиях и стоимости 2 279 руб., подорожав за отчетный 1907 год на 105 руб. Ученическая библиотека имела 1 743 тома при 787 названиях и стоимости в 1 099 руб., став «дороже» за год на 55 руб. (Отчет, 1907: 331). Фундаментальная библиотека новообразованной Эриванской женской прогимназии имела 43 тома с 32 названиями и стоимостью 34 руб. Скромная ученическая библиотека имела только 3 тома с 3 названиями и стоимостью 2 руб. (Отчет, 1907: 331).

Что касается единственной в губернии учительской семинарии, то к началу 1908 года в ней учился 71 ученик – немногим больше, чем в первые годы деятельности данного заведения (Отчет, 1907: 335, 376).

В семинарии преобладали учащиеся православного вероисповедания (38 чел.), на втором месте с двукратным отрывом – представители армяно-григорианского христианства (19 чел.) (Отчет, 1907: 335). Ситуация нетипичная для других образовательных заведений губернии, в каковых этнически преобладали армяне (хотя отчет 1907 г. не дает выборку по этническому составу, однако известно, что последователи армяно-григорианской христианской религии этнически, как правило, являлись представителями армянской национальности). Подобное конфессиональное соотношение позволяет предположить, что в учителя шли в основном представители русского этноса. Также в семинарии было сильно представительство последователей ислама (13 чел.), этнически предположительно азербайджанцы. Также учился и один представитель «иных нехристианских» верований (Отчет, 1907: 335).

По сословному признаку наблюдаем абсолютное преобладание крестьянского сословия (46 чел. из 71 учащегося), на втором месте с более чем четырехкратным отрывом – дети мещан и цеховых (11 чел.); казаков – 9 чел., детей представителей духовенства – 2 чел., потомственных дворян – 3 чел. (Отчет, 1907: 335). Как видим, в отличие от мужской гимназии, в учительской семинарии (отметим, к слову, – тоже мужского учебного заведения) преобладали с огромным отрывом представители простых сословий.

Фундаментальный библиотечный фонд Эриванской семинарии включал в себя 5 768 томов с 3 189 названиями и стоимостью в 8 254 руб., став дороже за отчетный год на 86 руб. Ученический фонд имел 4 014 томов при 2 358 названиях и стоимости 3 479 руб., подорожав на 283 руб. (Отчет, 1907: 386). Отметим, что количество названий (и томов) в пересчете на одного ученика, даже по гимназическим меркам, в семинариях был весьма внушительным (в среднем 138 томов на 1 ученика), более того, по числу томов как в фундаментальной, так и ученической библиотеках Эриванская семинария была в лидерах в Кавказском учебном округе (Александровский учительский институт в г. Тифлисе, конечно, не в счет). Столь щедрое финансирование библиотек учительской семинарии в губернии, надо полагать, имело целью готовить высококвалифицированный педагогический состав для создаваемой (фактически с нуля) системы образования в регионе.

Анализируя данные Таблицу 1, мы сразу видим огромный прогресс в женском гимназическом/среднем образовании за исследуемый нами хронологический период. Если в 1885 году учащихся женского пола было в два раза меньше, чем мужского (что, впрочем, уже весьма достойное представительство девочек в среднем образовании), то к началу века (см., напр., 1900-й год) количественное соотношение не только уравнивается, но и даже склоняется в пользу учащихся женского пола. Для Кавказского учебного округа (если сравнивать, к примеру, с Тифлисской и Кутаисской губерниями) ситуация совершенно нестандартная! Традиционно кавказский/закавказский менталитет в XIX в. и ранее предусматривал женское образование как нецелесообразное, однако Эриванская губерния в этом плане стала приятным исключением. Причиной этого, по нашему предположению, во-первых, послужило родительское желание добиться определенной статусности для своих дочерей (особенно если вспомним (см. выше), как много было представительниц городских сословий в гимназиях и, соответственно, высокое процентное

соотношение в сравнении с дворянками); во-вторых, чтобы дочери, имея хорошее образование, смогли бы удачно выйти замуж за представителей более высоких сословий, и в-третьих, могли бы быть полезны семье (главным «добытчиком» в семье у представителей кавказских и закавказских этносов все же был мужчина), зарабатывая деньги интеллектуальным, а не физическим трудом. В этом плане жители Эриванской губернии оказались значительно более прозорливы, чем народонаселение других регионов Кавказского учебного округа, значительно раньше встав на путь «равноправия» в получении качественного образования.

Таблица 1. Количество средних учебных заведений на территории Кутаисской дирекции Кавказского учебного округа с 1885 по 1907 годы (по состоянию на 31 декабря отчетного года)¹ (Отчет, 1885: 644, 678, 708, 742, 774, 802; Отчет, 1886: 406, 472, 504, 534; Отчет, 1889: 224, 273, 384, 427; Отчет, 1890: 248, 360, 403, 465; Отчет, 1891: 219, 330, 373, 437; Отчет, 1892: 219, 322, 365, 428; Отчет, 1893: 233, 342, 385, 449; Отчет, 1894: 225, 334, 376, 439; Отчет, 1895: 277, 386, 428, 492; Отчет, 1896: 265, 376, 419, 484; Отчет, 1897: 282, 391, 433, 494; Отчет, 1898: 132, 243, 286, 352; Отчет, 1899: 134, 246, 289, 354; Отчет, 1900: 137, 248, 291, 357; Отчет, 1903: 124, 237, 278-279, 343; Отчет, 1904: 121, 234, 274-275, 341; Отчет, 1906: 127, 180, 241-242, 315; Отчет, 1907: 183, 266, 300-301, 376).

Годы	Типы учебных заведений						Учащиеся		
	Гимназии		Прогимназии		Реальные училища	Учительские семинарии	Мальчики	Девочки	Общее количество
	Мужские	Женские	Мужские	Женские					
1885	1	0	0	2	0	1	315	163	478
1886	1	0	0	2	0	1	330	170	500
1889	1	0	0	2	0	1	285	177	462
1890	1	0	0	2	0	1	288	191	479
1891	1	0	0	2	0	1	311	205	516
1892	1	0	0	2	0	1	292	222	514
1893	1	0	0	2	0	1	305	243	548
1894	1	0	0	2	0	1	317	309	626
1895	1	0	0	2	0	1	329	294	623
1896	1	0	0	2	0	1	355	359	714
1897	1	0	0	2	0	1	362	435	797
1898	1	1	0	1	0	1	389	468	857
1899	1	1	0	1	0	1	411	443	854
1900	1	1	0	1	0	1	402	477	879
1903	1	1	0	1	0	1	453	586	1039
1904	1	1	0	1	0	1	478	651	1129
1906	1	2	0	0	0	1	605	904	1509
1907	1	2	0	1	0	1	633	946	1579

В целом ситуация, сложившаяся к концу исследуемого нами хронологического периода в Эриванской губернии, в части среднего образования является совершенно нехарактерной для наиболее «продвинутых» в образовательном плане регионов Кавказского учебного округа: на одно мужское гимназическое учреждение приходилось сразу три женских, а количество учащихся женского пола в 1,7 раза превалировало над учащимися мужского пола (946 чел. против 562 чел.). И это при том, что в начале хронологического периода данной статьи учащиеся-мальчики

¹ В данной таблице и таблицах ниже в перечне учебных заведений указаны все типы учреждений, имевшиеся в Кавказском учебном округе, за исключением учительских институтов.

превалировали над учащимися-девочками практически в два раза (315 против 163 чел. соответственно). Налицо необычная для Кавказа (и Закавказья) тенденция: мужское среднее образование в Эриванской губернии не пользовалось спросом! С чем именно связана такая ситуация, мы затрудняемся ответить. Предполагаем, что при преобладании в регионе традиционных промыслов (земледелие, скотоводство, виноградарство, садоводство и огородничество и пр.), родители учили мальчика навыкам ведения «семейного бизнеса», а давать ему хорошее образование (к каковому можно отнести и гимназическое), по их мнению, было нецелесообразно, так как это никак не сказывалось на доходах семьи; девочкам же родители стремились дать образование не только для статусности (в том числе – и для повышения сословного уровня при удачном замужестве), но и для возможного трудоустройства в интеллектуальных сферах производства.

II. Низшее образование

Низших учебных заведений в Эриванской губернии по состоянию на 1 января 1885 года насчитывалось (Отчет, 1985: 832):

1. Александропольское 3-классное городское училище (г. Александрополь, 1876 год основания);
2. Ново-Баязетовское 2-классное городское училище (г. Ново-Баязет, основано 1 июля 1880 года);
3. Нахичеванское 3-классное городское училище (г. Нахичевань, основано 6 июля 1879 года).

К концу 1907 года в губернии действовала сеть низших учебных заведений, которая включала в себя следующие учреждения:

1. Александропольское 3-классное городское училище;
2. Ново-Баязетовское 3-классное городское училище;
3. Нахичеванское 3-классное городское училище;
4. Орбудатское 2-классное городское училище (г. Орбудат, основано 1 июля 1897 г.);
5. Эриванское 3-классное городское училище (г. Эривань, основано 14 августа 1899 г.);
6. Игдырское 2-классное городское училище (г. Игдыр, основано 1 июля 1902 г.);
7. Аштаракское 2-классное городское училище (г. Аштарак, основано 1 июля 1903 г.).

Таблица 2. Количество и перечень низших учебных заведений на территории Эриванской губернии с 1885 по 1907 годы и количество учащихся в них (по состоянию на 31 декабря отчетного года) (Отчет, 1885: 832, 850; Отчет, 1886: 564, 584; Отчет, 1889: 513, 541; Отчет, 1890: 485, 513; Отчет, 1891: 457, 485; Отчет, 1892: 447, 475; Отчет, 1893: 469, 497; Отчет, 1894: 455, 488; Отчет, 1895: 511, 537; Отчет, 1896: 505, 531; Отчет, 1897: 390, 416; Отчет, 1898: 372, 400; Отчет, 1899: 376, 428; Отчет, 1900: 378, 433; Отчет, 1903: 369-370, 421-422; Отчет, 1904: 363-364, 416-417; Отчет, 1906: 406-407; Отчет, 1907: 408-409).

Годы	Городские училища	Ремесленные (промышленные) училища, ремесленные школы	Высшие начальные училища	Мариинские училища	Итого	Количество учащихся
1885	3	0	0	0	3	418
1886	3	0	0	0	3	400
1889	3	0	0	0	3	373
1890	3	0	0	0	3	401
1891	3	0	0	0	3	398
1892	3	0	0	0	3	407
1893	3	0	0	0	3	436
1894	3	0	0	0	3	476
1895	3	0	0	0	3	418
1896	3	0	0	0	3	479
1897	4	0	0	0	4	496
1898	4	0	0	0	4	562

1899	5	0	0	0	5	480
1900	5	0	0	0	5	781
1903	7	0	0	0	7	1144
1904	7	0	0	0	7	1082
1906	7	0	0	0	7	832
1907	7	0	0	0	7	895

Количественный показатель контингента учащихся следует признать весьма волатильным. Мы затрудняемся ответить на вопрос, с чем именно связано огромное количество выбывших и вновь поступивших. Порой количество обучающихся резко увеличивалось чуть ли не на треть (см. 1899–1900 годы в табл. 2), прилично уменьшившись годом ранее. За 15 лет (с 1885 по 1889 годы) число учащихся принципиально не увеличивалось, что также отличает в худшую сторону развитие образовательной сферы Эриванской губернии на рубеже веков. Однако в 1899–1900 гг. количество учащихся непредсказуемо выросло в 1,6 раз – с 480 до 781 чел. и далее за три года (до 1903) – еще почти в полтора раза. Но потом численность пошла на спад (также скачками), остановившись в верхней части хронологических рамок нашего исследования на количестве в 895 учеников.

Число самих училищ увеличилось за анализируемые 23 года более чем в два раза – с трех до семи. Однако в сравнении с «продвинутыми» в образовательном отношении Тифлисской и Кутаисской губерниями, количество было невелико (см., напр., Mamadaliev et al., 2021g; Mamadaliev et al., 2021h). С другой стороны, темп роста числа городских училищ является одним из лучших в Кавказском учебном округе, о чем мы можем утверждать, делая сравнение с другими научными трудами, в которых был проведен похожий на наш статистический анализ (см., напр., Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a; Cherkasov et al., 2020b; Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a; Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Natolochnaya et al., 2020b и др.).

III. Начальное образование

Сеть начальных училищ к 1 января 1885 года насчитывала 14 учреждений с количеством учащихся 586 чел. (Отчет, 1884: 492, 512). Однако в течение 1885 года количество начальных училищ увеличилось на треть – до 21 шт. (Отчет, 1884: 902), что, безусловно, следует признать выдающимся показателем; также этот факт четко обозначает то огромное значение, которое придавала образовательная администрация Кавказского учебного округа развитию начального образования в Эриванской губернии, а по сути – необходимости распространения грамотности «вширь».

К концу исследуемого нами хронологического периода, то есть к 31 декабря 1907 года, количество начальных образовательных учреждений составило 122 шт.

Таблица 3. Количество начальных училищ Эриванской губернии и учащихся в них в 1885–1907 гг. (по состоянию на 31 декабря отчетного года) (Отчет, 1885: 902, 924; Отчет, 1886: 638, 662; Отчет, 1889: 666, 696; Отчет, 1890: 660, 690; Отчет, 1891: 630, 660; Отчет, 1892: 615, 645; Отчет, 1893: 642, 672; Отчет, 1894: 631, 662; Отчет, 1895: 682, 712; Отчет, 1896: 716, 746; Отчет, 1897: 679, 708; Отчет, 1898: 561, 591; Отчет, 1899: 609, 639; Отчет, 1900: 616, 646; Отчет, 1903: 605, 635; Отчет, 1904: 602, 632; Отчет, 1907: 532, 538).

Годы	Количество училищ	Количество учащихся			Количество учащихся на одну школу (в среднем) ¹
		Мальчиков	Девочек	Итого	
1885	21	749	6	755	40
1886	24	749	11	760	32
1889	28	1038	41	1079	39
1890	26	1221	52	1273	49
1891	26	1359	32	1391	54
1892	27	1456	15	1471	54
1893	27	1399	32	1431	53
1894	28	1402	44	1446	52
1895	30	1828	55	1883	63
1896	39	2513	85	2598	67
1897	42	2661	75	2736	65
1898	60	3906	493	4399	73
1899	78	4965	953	5918	76

¹ Округлено до целого.

1900	86	5816	1167	6983	81
1903	133	7866	1591	9457	71
1904	142	8068	1735	9803	69
1907	122	6961	955	7916	65

В отчетах попечителей есть один важный критерий, прямо отражающий степень развития начального образования: отношение числа школ к количеству населения (чем выше показатель – тем хуже развита сеть начальных училищ). В Эриванской губернии это число было весьма высоким: 24 школы на 538 тыс. населения, т.е. на приблизительно 22 400 чел. населения приходится одна школа. По этому показателю губерния была на предпоследнем месте в учебном округе. Хуже (причем значительно более чем в два раза!) дела обстояли только в Дагестанской области: приблизительно 48 400 чел. населения на 1 школу; наилучшим развитие начального образования было в Тифлисской губернии (с Закатальским округом) – 5 100 чел. на 1 школу; на втором месте располагалась Кутаисская губерния – 6 600 чел. на 1 школу (Отчет, 1886: 643). Такая ситуация не вызывает у нас удивления, учитывая высокую экономическую развитость «образовательных лидеров» округа: в Тифлисской и Кутаисской губернии население прекрасно понимало необходимость образованности, так как грамотность напрямую влияла на успешность/эффективность предпринимательской деятельности.

Еще один необычный, как нам показалось, момент – это уменьшение количества училищ при одновременном увеличении количества учащихся (см., напр., 1890–1891 годы): вероятно, это связано с кадровым и/или материальным дефицитом, а также невостребованностью услуг данного образовательного учреждения в определенном населенном пункте. Поэтому нагрузка на оставшиеся училища резко возросла: с 39 учащихся в 1889 году до 54 в 1891 году на одно училище в среднем (см. Таблица 3).

Отметим очередную особенность: нестабильное/скачкообразное количество учащихся женского пола (см., напр., 1886–1892 гг.) при перманентном увеличении учащихся мужского пола. Представляется, что подобная ситуация вновь складывалась в силу экономических и ментальных особенностей жителей губернии. В более престижных средних учебных заведениях количество учащихся-девочек было постоянным из года в год, что косвенно может говорить об одной и той же социальной базе, которая нуждалась в соответствующих образовательных услугах. В начальных же учебных заведениях постоянства такового не было, и конкретные семьи в конкретный момент времени решали, давать ли дочерям грамотность или нет. В силу особенностей кавказского и закавказского менталитетов многие патриархи семей из простых сословий (крестьяне, горожане, нижние чины) считали женское образование нецелесообразным, так как оправдать затраты на него в текущих социально-экономических условиях представлялось затруднительным, в отличие от клиентуры средних учебных заведений, которая понимала образование как элемент статусности. Поэтому, по нашему мнению, в Эриванской губернии женский контингент гимназий и прогимназий в количественном отношении оставался стабильно растущим (и в некоторые годы даже опережал в количественном отношении мужской контингент учащихся), а начальных училищ – весьма изменчивым.

К концу века наблюдалась следующая тенденция: число начальных училищ не поспевало за количеством новых учеников; говоря современным языком, начальных образовательных учреждений попросту не хватало. На одну школу приходилось 67 (1896 год) – 73 (1898 год) учащихся, при том, что 10 лет назад (1886 год) их было более чем в два раза меньше – 32 чел. Можно сказать, что ситуация в Эриванской губернии предвосхитила начало «образовательного бума» на рубеже 1-го и 2-го десятилетий XX века, когда возможность получения грамотности де-факто стала всеобщей.

В женском начальном образовании революционный скачок произошел в 1898 г. (см. Таблицу 3) – количество учащихся-девочек за год увеличилось в 6,6 раз! Также за 1898 год в полтора раза выросло количество училищ; основной рост, вероятно, как раз и пришелся именно на женские начальные училища. В следующем, 1899 году, прирост был еще более ошеломительным: до 953 учениц, увеличившись в сравнении с позапрошлым годом почти в 13 раз! Количество учебных заведений увеличилось за два года более чем в два (!) раза – рекордный показатель в Кавказском учебном округе на рубеже веков. Столь же активно начальные училища укрупнились: в среднем с 40 чел. до 81 на одно училище.

В этой связи нельзя не предположить, что подобный революционный скачок – прямая воля образовательной администрации губернии (или же прямое указание «сверху»): руководство Эриванской дирекции осознало необходимость широкого внедрения женского образования (точнее сказать, грамотности, так как начальное образование было ориентировано лишь на овладение базовыми естественными и гуманитарными компетенциями); вместе с тем произошло это позже, чем в наиболее «продвинутых» в образовательном отношении губерниях – Тифлисской и Кутаисской. Можно сказать, что женское начальное образование в Эриванской губернии на рубеже веков развивалось феноменально быстро.

Однако к началу 1908 г. общее количество учащихся сократилось до 7 916 чел., а учащихся женского пола и вовсе почти в два раза с 1904 по 1907 год – с 1 735 до 955 учениц. Причину подобной

волатильности понять сложно, так как численность населения не убывала столь значительными темпами.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

1. Среднее образование.

В регионе действовали 3 гимназии и 1 прогимназия, причем на одно мужское среднее учебное заведение приходилось три женских, а соотношение учащихся-мальчиков к учащимся-девочкам к началу 1908 г. достигало 1 к 1,5, что для Кавказского учебного округа является показателем выдающимся (в части развития женского образования).

2. Низшее образование.

Количество городских училищ увеличилось с 3 до 7, а число учащихся выросло с 418 до 895 чел., т.е. более чем в 2 раза. На минимуме число учащихся достигало 373 чел. (1889 г.), на максимуме – 1 144 чел. (1903 г.), т.е. соотношение «было/стало» в моменте достигало 3,06. Однако «скачки» в количестве обучающихся были крайне высокими и объяснить подобную волатильность нам весьма сложно, так как какая-либо корреляция с численностью населения отсутствует.

3. Начальное образование.

К началу 1908 г. в Эриванской губернии действовало 122 начальных училища, в которых обучалось 7 916 чел., из которых 955 учащихся были женского пола, 6 961 чел. – мужского. В сравнении с нижней границей хронологических рамок исследования количество учеников увеличилось в 10,5 раз, что, безусловно, следует признать показателем выдающимся; количество учреждений выросло в почти 6 раз (в 1903 году, когда количество учреждений достигло максимума – в 6,8 раза).

На минимуме число учащихся достигало 755 чел. (1885 г.), на максимуме – 9 803 чел. (1903 г.), т.е. количество учащихся с абсолютных минимума до максимума увеличилось в 13 раз!

Однако скачки в количественных показателях от года к году, как и в средних и низших учебных заведениях, были весьма резкими и не привязанными к числу населения.

4. Весьма активно развивалось женское образование, и в особенности оно характерно для начального образования. Можно сказать, что в этом плане система образования Эриванской губернии выгодно отличалась от других территорий Кавказского учебного округа и ее вполне можно назвать либеральной. Представляется, что мотивом получения девушками образования (в случае среднего) и грамотности (в случае начального образования) для патриархальных семей выступали статусность и возможность трудиться в интеллектуальной, а не в традиционной производственной сфере (т.е. физический труд в сельском хозяйстве).

5. Вместе с тем развитие системы образования губернии, если сравнивать ее с другими регионами учебного округа, оставалось весьма невысоким, так как процент обучающихся (из общего числа населения) был одним из самых низких (хуже дела обстояли только в Дагестанской области).

6. В сравнении с другими регионами в образовательных учреждениях широко были представлены простые сословия – прежде всего крестьяне и цеховые рабочие. Надо полагать, что либеральные реформы Александра II «упали на благодатную почву» и даже контрреформизм Александра III не смог остановить процесс либерализации образовательной сферы.

Литература

АКАК – Акты, собранные Кавказской комиссией. Т. 8. Тифлис, 1881.

Богоявленский, 1911 – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1911. № 6.

Богоявленский, 1912a – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 5.

Богоявленский, 1912b – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) (Черноморская губерния в т.ч.) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 6.

Брокгауз-Ефрон, 1904 – Эриванская губерния // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XLI (81). СПб., 1904.

Воронов, 1857 – Воронов Н.И. Черноморские письма // *Русский вестник*. 1857. № 1, 3.

Всеобщая перепись населения, 1897 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том LXXI. Эриванская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905.

Гатагова, 1993 – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.

Зажаев, 1909 – Зажаев П. Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе // *На Кавказе*. 1909. № 4.

Зейдлиц, 1894 – Зейдлиц Н.К. Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края. Тифлис, 1894.

- Исторический обзор, 1902** – Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902.
- Кобахидзе, 2015** – Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. 3. С. 87-90.
- Материалы по истории, 1942** – Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом. Т. II. / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942.
- Модзалевский, 1880** – Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880.
- Народное образование, 1980** – Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники). Сб. научных трудов / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980.
- Отчет, 1884** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1884 г. Тифлис, 1885.
- Отчет, 1885** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1885 г. Тифлис, 1886.
- Отчет, 1886** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1886 г. Тифлис, 1887.
- Отчет, 1889** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1889 г. Тифлис, 1890.
- Отчет, 1890** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1890 г. Тифлис, 1891.
- Отчет, 1891** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1891 г. Тифлис, 1892.
- Отчет, 1892** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1892 г. Тифлис, 1893.
- Отчет, 1893** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1893 г. Тифлис, 1894.
- Отчет, 1894** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1894 г. Тифлис, 1895.
- Отчет, 1895** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1896.
- Отчет, 1896** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1896 г. Тифлис, 1897.
- Отчет, 1897** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1897 г. Тифлис, 1898.
- Отчет, 1898** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1898 г. Тифлис, 1899.
- Отчет, 1899** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1899 г. Тифлис, 1900.
- Отчет, 1900** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1900 г. Тифлис, 1901.
- Отчет, 1903** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1903 г. Тифлис, 1904.
- Отчет, 1904** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1904 г. Тифлис, 1905.
- Отчет, 1906** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1906 г. Тифлис, 1907.
- Отчет, 1907** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1907 г. Тифлис, 1908.
- Положение от 29.10.1853** – Положение «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1853. № 80.
- ПСЗРИ, 1881** – Полное собрание законов Российской империи, собрание 2-е, т. XXIV. СПб., 1881.
- ПСЗРИ, 1911** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XXVIII. СПб., 1911.
- Сборник сведений о Кавказе, 1871–1885** – Сборник сведений о Кавказе / Под ред. Н.К. Зейдлица. Т. 1–9. Тифлис, 1871–1885.
- Сборник статистических сведений, 1869** – Сборник статистических сведений о Кавказе / Сост. Н.И. Воронов. Ч. 1. Тифлис, 1869.

- [Статистическое описание, 1835](#) – Статистическое описание Закавказского края. / Сост. О. Евецкий. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1835.
- [Штат КУО](#) – «Штат Кавказского учебного округа», утв. Повелением ЕВ от 29 октября 1853 года // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1853. № 80.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65(3): 750-770.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65(4): 1067-1084.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 963-970.
- [Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. 2 (10): 138-149.
- [Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.
- [Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020d](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2021e](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 169-181.
- [Mamadaliev et al., 2021f](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliev et al., 2021g](#) – Mamadaliev A.M., Novitskaya L.Yu., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1191-1202.
- [Mamadaliev et al., 2021h](#) – Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Volkov A.N. The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1800-1813.
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(2): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Is. 1. 222-228.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A. (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 608-614.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A.* The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 473-480.

[Natolochnaya et al., 2020a](#) – *Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A.* The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679-688.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G.* The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.

[Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. 363-372.

References

[AKAK](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Commission]. T. 8. Tiflis, 1881. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1911](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1911). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in elementary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912a](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in elementary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 5. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912b](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) (Chernomorskaya guberniya v t.ch.) [Librarianship in elementary schools of the Caucasian educational district (continued) (Chernomorsk province including)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]

[Brokgauz-Efron, 1904](#) – *Erivanskaya guberniya* [Erivan province]. *Entsiklopedicheski slovar' Brokgauza i Efrona*. T. XLI (81). SPb., 1904. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(4): 1067-1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.

[Cherkasov, 2011](#) – *Cherkasov, A.A.* (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. 2(10): 138-149.

[Gatagova, 1993](#) – *Gatagova, L.S.* (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. M. [in Russian]

[Istoricheskii obzor, 1902](#) – *Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902* [Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. 1802–1902]. Sost. S.V. Rozhdestvenskii. SPb., 1902. [in Russian]

[Kobakhidze, 2015](#) – *Kobakhidze, E.I.* (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemnu narodnogo prosveshcheniya [Legislation 1840s–1870s in the field of education as a factor in the integration of the Caucasian school into the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10. Ch. 3: 87-90. [in Russian]

[Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Ustinova, O.V., Vidishcheva, E.V.* (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.

[Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.

[Mamadaliyev et al., 2020a](#) – *Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.

- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020d](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2021e](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.
- [Mamadaliev et al., 2021f](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliev et al., 2021g](#) – Mamadaliev, A.M., Novitskaya, L.Yu., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1191-1202.
- [Mamadaliev et al., 2021h](#) – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Volkov, A.N. (2021). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 16(4): 1800-1813.
- [Materialy po istorii, 1942](#) – Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik dokumentov po istorii zavoevaniya osetin russkim tsarizmom. T. II. [Materials on the history of the Ossetian people: Collection of documents on the history of the conquest of Ossetians by Russian tsarism. T. II]. Sost. V.S. Gal'tsev. Ordzhonikidze, 1942. [in Russian]
- [Modzalevskii, 1880](#) – Modzalevskii, L. (1880). Khod uchebnogo dela v Kavkazskom krae s 1802 po 1880 god [The course of education in the Caucasus region from 1802 to 1880]. Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1880 god. Tiflis, 1880. [in Russian]
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(2): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Narodnoe obrazovanie, 1980](#) – Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (Maloissledovannyye problemy i istochniki) [Public education and pedagogical thought in Russia on the eve and the beginning of imperialism (Little-investigated problems and sources)]. Sb. nauchnykh trudov. Pod red. E.D. Dneprova. M., 1980. [in Russian]
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I. (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1). 222-228.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya, O.V., Miku, N.V., Zulfugarzade, T.E., Médico, A. (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya, O.V., Makarov, Y.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.
- [Otchet, 1884](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1884 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1884]. Tiflis, 1885. [in Russian]
- [Otchet, 1885](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1885 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1885]. Tiflis, 1886. [in Russian]
- [Otchet, 1886](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1886 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1886]. Tiflis, 1887. [in Russian]

Otchet, 1889 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1889 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1889]. Tiflis, 1890. [in Russian]

Otchet, 1890 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1890 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1890]. Tiflis, 1891. [in Russian]

Otchet, 1891 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1891 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1891]. Tiflis, 1892. [in Russian]

Otchet, 1892 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1892 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1892]. Tiflis, 1893. [in Russian]

Otchet, 1893 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1893 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1893]. Tiflis, 1894. [in Russian]

Otchet, 1894 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1894 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1894]. Tiflis, 1895. [in Russian]

Otchet, 1895 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1895]. Tiflis, 1896. [in Russian]

Otchet, 1896 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1896 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1896]. Tiflis, 1897. [in Russian]

Otchet, 1897 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1897 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1897]. Tiflis, 1898. [in Russian]

Otchet, 1898 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1898 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1898]. Tiflis, 1899. [in Russian]

Otchet, 1899 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1899 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1899]. Tiflis, 1900. [in Russian]

Otchet, 1900 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1900 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1900]. Tiflis, 1901. [in Russian]

Otchet, 1903 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1903 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1903]. Tiflis, 1904. [in Russian]

Otchet, 1904 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1904 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1904]. Tiflis, 1905. [in Russian]

Otchet, 1906 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1906 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1906]. Tiflis, 1907. [in Russian]

Otchet, 1907 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1907 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1907]. Tiflis, 1908. [in Russian]

Polozhenie ot 29.10.1853 – Polozhenie «O Kavkazskom uchebnom okruge i uchebnykh zavedeniyakh» ot 29 oktyabrya 1853 goda [Regulation “On the Caucasian educational district and educational institutions” of October 29, 1853]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb., 1853. № 80. [in Russian]

PSZRI, 1881 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, sobranie 2-e, t. XXIV [Complete collection of laws of the Russian Empire, collection 2, vol. XXIV]. SPb., 1881. [in Russian]

PSZRI, 1911 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e. Tom XXVIII [Complete collection of laws of the Russian Empire, collection 3, vol. XXVIII]. SPb., 1911. [in Russian]

Sbornik statisticheskikh svedenii, 1869 – Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [Collection of statistical information about the Caucasus]. Sost. N.I. Voronov. Ch. 1. Tiflis, 1869. [in Russian]

Sbornik svedenii o Kavkaze, 1871–1885 – Sbornik svedenii o Kavkaze [Collection of information about the Caucasus]. Pod red. N.K. Zeidlitsa. T. 1–9. Tiflis, 1871–1885. [in Russian]

Shevchenko et al., 2016 – *Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V.* (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. 40(2). 363-372.

Shtat KUO – «Shtat Kavkazskogo uchebnogo okruga», utv. Povelaniem EV ot 29 oktyabrya 1853 goda [“The state of the Caucasian educational district”, approved by the Decree of the EV of October 29, 1853]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb., 1853. № 80. [in Russian]

Statisticheskoe opisanie, 1835 – Statisticheskoe opisanie Zakavkazskogo kraya [Statistical description of the Transcaucasian region]. Sost. O. Evetskii. V 2 ch. Ch. 1. SPb., 1835. [in Russian]

Voronov, 1857 – *Voronov, N.I.* (1857). Chernomorskie pis'ma [Black sea letters]. *Russkii vestnik*. 1857. № 1, 3. [in Russian]

Vseobshchaya perepis' naseleniya, 1897 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first General population census of the Russian Empire in 1897]. Tom LXXI. Erivanskaya guberniya. Pod red. N.A. Troinitskogo. SPb., 1905. [in Russian]

Zazhaev, 1909 – *Zazhaev, P.* (1909). Gorodskie uchilishcha po polozheniyu 1872 goda v Rossii i na Kavkaze [City schools according to the situation of 1872 in Russia and the Caucasus]. *Na Kavkaze*. 4. [in Russian]

Zeidlits, 1894 – *Zeidlits, N.K.* (1894). Svod statisticheskikh dannyykh o naselenii Zakavkaz'ya, s polnym alfavitnym ukazatelem gorodov i dereven' kraya [A set of statistical data on the population of Transcaucasia, with a complete alphabetical index of cities and villages of the region]. Tiflis. [in Russian]

Система народного образования в Эриванской губернии 1849–1917 гг. Часть 2

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Варвара Владимировна Богдан ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Наталья Валентиновна Мику ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. Статья является второй частью серии работ, посвященной анализу развития системы образования в 1849–1917 годах в Эриванской губернии Российской империи, и исследует период 1885–1907 годов. На примере статистических данных рассматривается деятельность средних (гимназии, прогимназии, учительская семинария), низших (городские училища) и начальных (начальные училища) учебных заведений; на основании этих данных делаются выводы об особенностях развития системы образования в Эриванской губернии в период с 1885 по 1907 годы.

В качестве основного источника данной статьи используются отчеты попечителей Кавказского учебного округа, которые содержат подробный статистический материал о работе всех типов образовательных заведений.

Как показал анализ этих материалов, в целом система образования на рубеже веков в Эриванской губернии развивалась весьма активно. В особенности это касается женского образования: в средних учебных заведениях количество учащихся женского пола превышало число учеников мужского пола почти в полтора раза, что нехарактерно для кавказских регионов; в сфере низшего образования за исследуемый период (1885–1907 гг.) увеличилось более чем в два раза, в сфере начального образования – в десять с половиной раз. Соответствующим также был и рост учебных заведений.

В отличие от других регионов, в образовании широко были представлены непривилегированные сословия – крестьяне и рабочие.

Также развитие системы образования в Эриванской губернии в указанный хронологический период отличала очень сильная волатильность числа учащихся, которая практически не коррелировала с численностью населения региона.

Ключевые слова: система народного образования, Эриванская губерния, Кавказский учебный округ, 1885–1907 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 403-411
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.403

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

«Where are you from?»: Staffing of the Public Service in the Irkutsk and Yenisei Provinces from XIX to early XX centuries

Tatyana G. Karchaeva ^{a,*}, Mikhail D. Severyanov ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^a, Tatyana V. Gryaznukhina ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article tested the facts of the territorial origin of officials. They served in the provincial and district government bodies of the eastern part of Siberia from the late 19th to early 20th centuries. We have established the facts and regularities of the process of replenishment of personnel on a territorial basis on the basis of statistical methods, analysis of the biographies of officials. The subject of our study is the territorial origin of officials of the VII-XIV classes. We studied officials in the Treasury Chamber, the Provincial Board (from 1895 – the Provincial Administration), until 1895 – the Medical Board, the Order of Public Charity, the Expedition for Exiles, the Provincial Drawing Office, until 1897 – the Provincial Court and District Courts, with 1897 – State Property Administration, since 1902 – Provincial Excise Administration and District Excise Administrations, District Treasuries. We examined the biographies of the heads of departments, assistants to managing institutions and government offices of the provincial and district administrations, treasurers, accountants, assessors, senior and junior secretaries, clerks, accountants, auditors, officials for special assignments, inspectors, clerks, clerks. Historical sources are official lists and personal files of 160 officials who were in office in 1887, 1893, 1905 and 1915. We picked up historical sources from the funds of the State Archives of the Krasnoyarsk Territory (F. 595 "Yenisei Provincial Administration") and the State Archives of the Irkutsk Region (F. 32 "Irkutsk Provincial Administration", F. 38 "Irkutsk Provincial Drawing"). For each specified year was taken 20 officials each from the provincial and district/district levels of government. The study established the dynamics of the reduction of officials. They came from behind the Urals in the late 19th - early 20th centuries: from 65% to 30% among officials of the provincial administration and from 60% to 25 % - among the district (from 1898 – county) administration. Officials came from beyond the Urals arrived mainly from the provinces of Central Russia, less often from the northwestern and Ukrainian lands. Among the employees of Siberian origin, the main share was local officials who lived earlier in the same province and transferred to a new position by rotating personnel within the departments of the same provincial administration or from the bodies of the district (district) or ram of power. The staff of Siberian officials included a greater number of those transferred to the Yenisei province from the Irkutsk province than to Irkutsk from the Yenisei, which was explained by the leading position of Irkutsk as the administrative center of Eastern Siberia.

Keywords: officials, civil servants, territorial origin, provincial administration, district administration, Irkutsk Governorate, Yenisei Governorate, Irkutsk Governor General, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

«Из каких мест прибыл?» – такой вопрос зачастую возникал и сейчас возникает при появлении на должности «нового» человека. Кадровые перестановки управленцев в дореволюционной России часто были сопряжены с переездом чиновников, однако по негласному правилу со стороны

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

общественности более приветствовались именно местные чиновники, знавшие особенности жизни там, где управляли, по личному опыту, а не понаслышке.

Современная система управления в России берет начало от Табели о рангах Петра I (1722 г.) и Устава о службе по определению от правительства, составленного М.М. Сперанским через 110 лет. Правила поступления на государственную службу и перевода на другую должность были прописаны и в законоположениях: например, о канцелярских служителях гражданского ведомства, о сроках для определения людей разного звания в гражданскую службу или в чины по гражданской службе (Съемщиков, 2016: 49). При этом основные принципы организации гражданской службы по определению от правительства сохранялись до 1917 г.

Цель статьи – установить факты и закономерности процесса пополнения кадров губернского и окружного (уездного) уровней управления в восточной части Сибири в конце XIX – начале XX вв. по территориальному признаку, то есть по месту, из которого прибыл чиновник для замещения должности.

Хронологические рамки исследования – 1887–1917 гг. – определяются временем существования Иркутского генерал-губернаторства как правопреемника Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.

Территориальные границы исследования включают Енисейскую и Иркутскую губернии, на примере которых можно проследить тенденции в формировании по территориальному признаку новых кадров губернской и окружной (с 1898 г. – уездной) администрации в конце XIX – начале XX вв. В Иркутской губернии чиновники низового уровня управления рассмотрены по Балаганскому, Верхоленскому, Иркутскому, Киренскому, Нижнеудинскому округам/уездам, в Енисейской губернии – Енисейскому, Канскому, Красноярскому, Ачинскому, Минусинскому.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования избраны документы официального делопроизводства – индивидуальные и коллективные формулярные списки, личные дела чиновников. Для получения данных по Енисейской губернии использованы архивные документы из Государственного архива Красноярского края (далее – ГАКК), объединенные описью № 45 «Канцелярия» в фонде № 545 «Енисейское общее губернское управление» (с 1895 г. – «Енисейское губернское управление»). Сведения по государственным служащим Иркутской губернии получены из индивидуальных формулярных списков и личных дел чиновников из фонда № 32 «Иркутское губернское управление (1860–1919 гг.)», описи № 8 «Отделение I и II», № 13 «Канцелярия», а также фонда № 39 «Иркутская губернская чертежная (1809–1915 гг.)», опись № 1.

Статистические данные получены методом случайной выборки, тем самым единицами случайного отбора стали 160 чиновников, служивших в Енисейской и Иркутской губерниях и находившихся на посту в 1887, 1903, 1905 и 1915 гг. За каждый указанный год было взято по 20 чиновников для губернского и окружного/уездного уровней управления.

Во-первых, в число чиновников губернской администрации вошли государственные служащие, находившиеся на должностях VII–XIV классов в Казенной палате, Губернском правлении (с 1895 г. – Губернском управлении), до 1895 г. – Врачебной управе, Приказе общественного призрения, Экспедиции о ссыльных, Губернской чертежной, до 1897 г. – Губернском суде, с 1897 г. – Управлении государственных имуществ, с 1902 г. – Губернском акцизном управлении. Территориальное происхождение чиновников губернской администрации до назначения на должность рассмотрено у начальников отделений, помощников управляющих учреждений и присутственных мест губернской администрации, а также ассессоров, старших и младших секретарей, делопроизводителей, бухгалтеров, ревизоров, чиновников особых поручений, помощников губернского архитектора, губернского землемера, казначея, тюремного инспектора, инспекторов, столоначальников, писмоводителей.

При этом целенаправленно не были рассмотрены служащие, находившиеся на должностях VI разряда – «главных специалистов» по губернским учреждениям. Среди них: советники губернатора, губернский врачебный инспектор, губернский ветеринар, губернский инженер, губернский архитектор, губернский землемер, старший советник председателя Казенной палаты, губернский казначей, товарищ прокурора (до 1897 г.) и пр. Заметим, их подбор центральной властью осуществлялся по строгим критериям и они должны быть рассмотрены отдельно от основной массы чиновников.

Во-вторых, в состав гражданских служащих присутственных мест по округам, с 1898 г. – уездам, вошли: до судебной реформы 1897 г. по окружным судам – окружные судьи, судебные заседатели, судебные следователи, секретари, столоначальники, канцелярские служители; по окружным акцизным управлениям – акцизные надзиратели, их помощники, делопроизводители, участковые акцизные надзиратели, старшие и младшие помощники надзирателей; по окружным/уездным полицейским управлениям – окружные исправники, помощники окружного исправника, земские заседатели, полицейские надзиратели, секретари, столоначальники, журналисты; по окружным

казначействам (в многолюдных округах) – казначеи, бухгалтеры, помощники бухгалтеров; смотрители тюремных замков.

В основу работы с данными легли общенаучные и специально-исторические методы познания – анализ, синтез, сравнение, статистические методы. Просопографический подход позволил рассмотреть примеры биографий чиновников, на основании которых можно сделать выводы по отдельным категориям служащих: «приезжие из-за Урала по личному прошению», «переведенные без указания причины», «сибиряки из других мест Сибири», «местные жители, уроженцы тех мест, где поступили на службу и продолжали служить».

3. Обсуждение

Чиновники дореволюционной России – один из популярных объектов исследования современной зарубежной и отечественной историографии (Gentes, 2003; Bloch, 2005; Плекс, 2019; Сьемщиков, 2016; Чуб, 2018; Degtyarev et al., 2020; Dyatlov, Dyatlova, 2020: 624). В научных трудах ряда сибирских историков рассмотрен процесс формирования кадрового состава царской администрации на отдельных территориях Сибири в конце XIX – начале XX вв., показаны его особенности (Дамешек, Дамешек, 2019; Жулаева и др., 2019; Anisimova et al., 2018; Vititneva et al., 2020; Gryaznukhin et al., 2020; Lyubichankovskiy, 2020: 728-230). Вопрос систематизации чиновников по территориальному признаку, то есть по критерию их принадлежности к местам, где они находились ранее на государственной службе или проживали, был применен Н.П. Матхановой в книге «Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации» (Matkhanova, 2002). Рассмотрение чиновников как социальной группы со свойствами для ей особенностями продолжается в Иркутске, Новосибирске, Красноярске, Томске, Оренбурге, Кургане и других центрах региональной науки (Дамешек, Дамешек, 2020: 103-107; Карчаева, 2019; Матханова, 2020; Karchaeva et al., 2018; Karchaeva et al., 2019; Karchaeva et al., 2021; Kozelchuk, 2017).

4. Результаты

4.1. Территориальное происхождение чиновников губернской и окружной администрации

В Сибири как окраине Российской империи действовали послабления в правилах поступления на государственную службу. Здесь сословная принадлежность претендентов не имела высокого значения, как в Центральной России, а определяющими критериями были чин и уровень знаний. Последний из них подтверждался аттестатом об окончании учебного заведения или фактом сдачи экзамена. Необходимость классного чина для занятия классной (руководящей) должности выступала объяснением присутствия на значимых постах в местных органах власти не сибиряков, а приезжих чиновников (Карчаева, 2017: 93, 126). При этом сохранение вплоть до 1917 г. материальных привилегий для государственных служащих, прибывших из-за Урала, обеспечивало своевременное пополнение кадров опытными управленцами дворянского происхождения, имевшими право занимать высокопоставленные классные должности (Karchaeva et al., 2018: 1287-1288). Безусловно, пособия на проезд до места службы, обустройство на новом месте, оплату обучения детей, как и прибавки к жалованью в виде «квартирных денег», за выслугу 10, 15 и 20 лет в Сибири, а также повышенный размер пенсии и более длинный по количеству дней ежегодный отпуск позволяли комплектовать штаты правительственных учреждений и восполнять «дефицит» управленцев (Карчаева, 2017: 53).

Анализ формулярных списков и личных дел чиновников губернских органов управления в Енисейской и Иркутской губерниях показал процентное соотношение приезжих и сибиряков (Таблица 1).

Таблица 1. Места службы и проживания чиновников до перевода в Енисейскую и Иркутскую губернии, конец XIX – начало XX вв.

Год	Сев.-зап. губернии	Украинские губернии	Центральная Россия	Губернии западной части Сибири	Иркутская губерния	Енисейская губерния	Всего рассмотренных чиновников	
	%	%	%	%	%	%	чел.	%
Губернская администрация								
1887	20	10	35	5	15	15	20	100
1893	15	15	30	10	15	15	20	100
1905	5	-	30	15	25	25	20	100
1915	-	5	25	10	30	30	20	100
Окружная/уездная администрация								
1887	15	10	35	10	20	10	20	100

1893	15	15	35	5	20	10	20	100
1905	5	5	20	15	35	20	20	100
1915	5	5	15	10	40	25	20	100

Сост. по: ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 144. Л. 2-38; Д. 157. Л. 1-2; Оп. 13. Д. 52. Л. 1; Д. 53. Л. 1; Д. 54. Л. 1-2; Д. 55. Л. 1-2; Д. 57. Л. 1-3; Д. 59. Л. 1-3; Д. 60. Л. 1-3; Д. 61. Л. 1-2; Д. 63. Л. 1-2; Д. 64. Л. 1-4; Д. 65. Л. 1-2; Д. 66. Л. 1-2; Д. 67. Л. 1; Д. 68. Л. 1-2; Ф. 39. Оп. 1. Д. 135. Л. 1 об.-32; ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 193. Л. 1-43; Д. 194. Л. 26 об.-55; Д. 196. Л. 43-47 об.; ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 197. Л. 22-24; Д. 223. Л. 1-71; Д. 225. Л. 15; Д. 226. Л. 23 об.-42; Д. 230. Л. 1-28, 39-82; Д. 231. Л. 30-64; Д. 233. Л. 1-9; Д. 232. Л. 1-35; Д. 237. Л. 44-85; Д. 238. Л. 16 об. -80; Д. 335. Л. 2-12.

На примере Енисейской и Иркутской губерний установлены следующие факты и тенденции:

1. Абсолютное большинство в 1880-е гг. и сокращение, примерно в два раза, к 1910-м гг. количества приезжих чиновников из северо-западных (Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилёвская, Витебская), украинских (Киевская, Херсонская) и центральных (Московская, Полтавская, Костромская, Калужская, Казанская) губерний Российской империи.

2. Приезжие из-за Урала чиновники прибывали в основном из губерний Центральной России, реже из северо-западных и украинских земель.

3. Постепенное увеличение доли сибиряков, назначенных или переведенных на должности губернской администрации из других мест Сибири:

- в Енисейскую губернию – из Иркутской и Томской губерний, Омской и Якутской областей;

- в Иркутскую губернию – из Томской, Енисейской губерний и областей соответственно.

4. Среди служащих сибирского происхождения основную долю составляли местные чиновники, проживавшие ранее в той же губернии и переведенные на новую должность путем ротации кадров в рамках управлений той же губернской администрации или из органов окружного (уездного) уровня власти.

5. В кадровом составе чиновников-сибиряков было большее число переведенных в Енисейскую губернию из Иркутской губернии, чем в Иркутскую из Енисейской, что объяснялось ведущим положением Иркутска как административного центра Восточной Сибири.

6. Историком Е.А. Съемщиковым в ходе исследования имперской политики в Азиатской России XIX в. установлено, что сибиряки могли поступать на гражданскую службу на должности низового уровня власти – в окружные управления (с 1898 г. – уездные) (Съемщиков, 2016: 50). В конце XIX – начале XX вв. нормативные правовые акты не изменили данное правило, и сибиряки первоначально, поступая на государственную службу, назначались замещать должности в окружных/уездных учреждениях.

7. Анализ данных, которые легли в основу таблицы по служащим окружных/уездных управлений, показал тенденцию увеличения доли сибиряков в окружных/уездных органах власти, замещавших должности столоначальников, регистраторов, протоколистов, секретарей, делопроизводителей, канцелярских служащих, то есть тех, от которых в меньшей степени зависели управленческие решения.

8. Основная масса местных служащих поступала в систему местного государственного управления и в дальнейшем служила в той губернии, откуда была родом.

Таким образом, анализ формулярных списков и личных дел служащих губернской администрации, окружных/уездных управлений Енисейской и Иркутской губерний позволил установить процентное соотношение количества чиновников, объединенных в группы по территориальному признаку: приезжие из северо-западных губерний (Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилёвская, Витебская), украинских губерний (Киевская, Херсонская), Центральной России (Московская, Полтавская, Костромская, Калужская, Казанская), переведенные из губерний и областей западной части Сибири (Томская, Тобольская, сибиряки из Иркутской и Енисейской губерний). Большее количество служащих в составе губернской администрации, переведенное из-за Урала в Сибирь, по сравнению с окружной/уездной администрацией, позволяет судить о том, что на более высоком уровне местной власти предпочтение отдавалось именно приезжим чиновникам, соответствовавшим общероссийским требованиям.

4.2. Просопографический подход в описании приезжих и местных чиновников

Анализ и сравнение сведений из массива формулярных списков и личных дел чиновников показал, что в конце XIX – начале XX вв. жизненные судьбы многих из них были схожими, а биографии некоторых из них могут служить среднестатистическими примерами. Согласно служебному пути и территориальному признаку, местные управленцы были поделены на четыре категории: 1. «Приезжие из-за Урала по личному прошению»; 2. «Переведенные без указания причины»; 3. «Сибиряки из других мест Сибири»; 4. «Местные жители, уроженцы тех мест, где поступили на службу».

1. Типичным примером приезжих чиновников, которых привлекли в Сибирь материальные льготы и сама возможность поступления на гражданскую службу, будучи податного происхождения, является переведенный из Центральной России по личному прошению канцелярский служащий

Николай Алексеевич Хапугин, исполнявший в 1905 г. должность делопроизводителя во втором делопроизводстве крестьянского отделения Енисейского губернского управления. Он происходил из крестьян Костромской губернии, православный, 1885 года рождения, окончил образовательное учреждение начального уровня образования – Погорельское приходское училище, у себя на Родине не имел права поступить на гражданскую службу, а по прибытии в Сибирь вошел в штат Красноярского уездного полицейского управления с причислением к 3-му разрядку канцелярских служащих, затем был принят на должность секретаря, а через пару месяцев – в Енисейское губернское управление (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 193. Л. 21-22).

2. Пример чиновника дворянского происхождения, имевшего высшее образование, но римско-католического вероисповедания, и изначально принятого на службу в Сибирь не по личному прошению, а без указания причин – это титулярный советник Вильгельм-Яков Вильгельмович Матковский, 1877 г.р., приехавший в Красноярск из Санкт-Петербурга. Он окончил полный курс наук в столичном Институте гражданских инженеров императора Николая I с присвоением чина коллежского секретаря (X классного чина), был женат на дочери московского дворянина, но в 1903 г. приказом был определен на службу по ведомству Министерства внутренних дел с назначением младшим инженером строительного отделения Енисейского губернского управления. За пять лет беспорочной службы в Сибири он в 1908–1909 гг. получал прибавку к жалованью 187 руб. 50 коп., и вместе с жалованьем и столовыми, которые у него на данной должности составляли по 750 руб. в год, у него содержание выходило 1 687 руб. 50 коп. Однако в Сибири его здоровье сильно нарушилось, в мае 1909 г. он был уволен согласно прошению, вскоре умер в возрасте 32 лет. Его жена в Сибирь даже и не приезжала, а все время жила в Москве, по адресу: Красные ворота, Фурманский переулок, дом 18, квартира 39 (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 335. Л. 2-12).

3. В категории чиновников, служивших в Иркутской и Енисейской губерниях, но прибывших из других мест Сибири, рассмотрены два чиновника: помощник иркутского губернского землемера коллежский асессор Леонид Григорьевич Рясов, а также земский заседатель первого участка Енисейского округа Енисейской губернии надворный советник Иннокентий Иванович Ерохин, переведенный в конце 1890-х гг. в Восточную Сибирь из Западной Сибири, а именно – из Томской губернии.

Коллежский асессор Леонид Григорьевич Рясов – 1861 г.р., православный, происходивший из семьи чиновника («из обер-офицерских детей»), уроженец Рязанской губернии, прибывший 1 января 1892 г. на должность помощника Иркутского губернского землемера в г. Иркутск с должности окружного землемера Томской губернии. Он имел профессиональное высшее образование – окончил полный курс наук в Константинопольском межевом институте в звании старшего землемерного помощника с чином X класса и с обязанностью прослужить по межевому ведомству пять лет (на основании примечаний к ст. 70 приложения к ст. 26 межевого закона по продолжению 1863 г.). Тем самым в 1883 г. приказом по ведомству он был назначен на первую в служебной карьере должность землемера в Бийское окружное правление Томской губернии. Как приезжий, за пять лет беспорочной службы в Сибири он получал прибавочных 168 руб. 75 коп., жалованье и столовых денег в год – по 850 руб., а итого – 1 868 руб. 75 коп. Будучи сыном чиновника, он какого-либо родового имущества не имел и благоприобретенного тоже не нажил, был женат на дочери купца Анне Алексеевне, урожденной Гергиевич, имел двух дочерей – Маргариту (1893 г.р.), Валентину (1896 г.р.) (ГАИО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 135. Л. 14 об.-19).

Надворный советник Иннокентий Иванович Ерохин – 1854 г.р., православный, происходивший из мещан города Томска, прибавочных к жалованью, конечно, не получал (жалованье и столовые деньги – по 600 руб. в год), но в городе Томске имел двухэтажный деревянный дом, после перевода на службу в Енисейскую губернию купил деревянный дом в селе Тасеевском Канского уезда, был женат на потомственной дворянке Кузьминской, имел четырех детей. Государственную гражданскую службу он начал после окончания в 1873 г. Томского уездного училища, поступив на должность делопроизводителя Томского губернского управления, за 10 лет службы дослужился до чина губернского секретаря, а в 1896 г. был переведен в Енисейскую губернию земским заседателем первого участка Енисейского округа (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 197. Л. 22-24).

4. Примерами чиновников, служивших в тех местах, уроженцами которых они были, приведены чиновники-сибиряки: титулярный советник Александр Николаевич Бекетов – красноярец, в 1893 г. делопроизводитель Енисейского губернского управления; коллежский асессор Петр Васильевич Дербин – иркутянин, в 1893 г. столоначальник первого стола первого отделения Иркутского губернского правления.

Титулярный советник Александр Николаевич Бекетов – 1863 г.р., православный, потомственный чиновник Енисейской губернии – «сын обер-офицера Енисейской губернии», окончил Красноярское уездное училище, после которого в 1879 г., в 16 лет, поступил на гражданскую службу в штат Енисейского общего губернского управления по второму разряду канцелярским служащим, а через четыре года получил первый классный чин коллежского регистратора, занимая затем должности помощника столоначальника, потом столоначальника второго стола третьего отделения Енисейского общего губернского управления, затем с 1892 г. – делопроизводителя по

крестьянским делам в Енисейском губернском правлении и при Енисейском губернском совете. Жалованья и столовых он получал по 600 руб. в год, за ревностную службу имел орден Св. Станислава III степени, был вдовец, детей не было, имущества не имел (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 196. Л. 43-47об.).

Коллежский асессор Петр Васильевич Дербин – 1859 г.р., православный, сын статского советника, обучался в Иркутской учительской семинарии, которую окончил со званием учителя начальных классов, в 1879 г. поступил на службу в Качугское приходское училище, в 1881 г. – Верхотенское, в 1885 г. получил первый классный чин коллежского асессора, в 1883 г., согласно прошению, по постановлению управляющего Иркутской казенной палатой занял должность помощника столоначальника второго стола второго отделения, в 1893 г. занимал место ревизора поселений Иркутской экспедиции о ссыльных, а к концу этого же года – столоначальника первого стола первого отделения Иркутского губернского правления. Как происходивший из семьи сибирского чиновника, он не имел какой-либо наследственной собственности и сам не приобретал, жалованье в 1893 г. имел скромное – 450 руб. в год, столовых денег – также 450 руб., был женат на вдове Агафье Семеновой, имел четверых детей (ГАИО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 135. Л. 23 об.-24).

Таким образом, анализ и сравнение информации из коллективных и индивидуальных формулярных списков, личных дел служащих губернской администрации Енисейской губернии по ведомствам Министерства внутренних дел, Министерства финансов, Министерства юстиции, окружного/уездного уровня управления позволил систематизировать чиновников по территориальному признаку на приезжих из-за Урала по личному прошению или без указания причины, а также сибиряков, переведенных из других мест Сибири, или уроженцев тех мест, где продолжали служить.

5. Заключение

Выявленные факты свидетельствуют о происходивших изменениях в реализации правительственной политики пополнения кадров губернских и окружных (с 1898 г. – уездных) органов власти в Сибири с конца XIX до начала XX вв. Суммарное количество приезжих чиновников из северо-западных, украинских, центральных губерний в конце XIX в. составляли более половины от всех служащих Енисейской губернской администрации. Однако в начале XX в. две трети части должностных мест занимали чиновники, переведенные внутри Сибири, при этом многие чиновники-сибиряки на губернском уровне власти были переведены из низовых органов власти окружного (с 1898 г. – уездного) уровня управления.

Анализ сведений о предыдущих местах службы чиновников или местах нахождения претендентов, занявших вакантные должности в Восточной Сибири, позволил утверждать следующее:

- из Центральной России, Малороссии, Северо-Запада и других мест Российской империи переводили в Сибирь чиновников в основном на губернский уровень власти;
- частым явлением было назначение на значимые должности в губернскую администрацию молодых людей, выпускников специализированных (профессиональных) учебных заведений, уступавших по каким-либо критериям прочим претендентам на те же должности в Центральной России (например, по вероисповеданию);
- в Сибирь из-за Урала по прошению ехали служить лица не дворянского происхождения, имевшие в Сибири как удаленной местности больше шансов дослужиться до значимых должностей, иметь привилегии по службе;
- уже с 1880-х гг. большинство столоначальников, регистраторов, секретарей, журналистов, эскутеров, бухгалтеров и их помощников на губернском и окружном (с 1898 г. – уездном) уровнях власти были сибиряками, потомками местных чиновников, выходцев из мещан, крестьян, которые к началу XX в. сформировали прослойку местных сибирских чиновников, удовлетворявших в большей степени потребности в кадрах системы местного государственного управления.

Литература

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
 ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
 Дамешек, Дамешек, 2020 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Образы сибирских окраин империи как предмет зарубежной историографии XX–XXI вв. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2020. № 1 (37). С. 84-96.
 Карчаева, 2017 – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.
 Карчаева, 2019 – Карчаева Т.Г. Роль инородческих органов власти в имущественных отношениях хакасов в 1822–1913 гг. (исторический аспект) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2019. Т. 29. С. 91-99.
 Козельчук, 2017 – Козельчук Т.В. Социальное происхождение чиновников окружных судов и полицейских управлений Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века // *Вестник Курганского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2017. № 1 (44). С. 13-17.

- Матханова, 2002** – *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
- Матханова, 2020** – *Матханова Н.П.* Хабаровские съезды сведущих людей и приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф: поиски каналов коммуникации между властью и обществом в Имперской России // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2020. Т. 27 (3). С. 65-71. DOI: 10.15372/HSS20200311
- Плех, 2019** – *Плех О.А.* Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // *Вопросы истории*. 2019. № 11. С. 258-272.
- Съемщиков, 2016** – *Съемщиков Е.А.* Государственная гражданская службы в Сибири в XIX в.: особенности структуры и кадрового обеспечения // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2016. № 4. С. 47-53.
- Чуб, 2018** – *Чуб Н.В.* Кадровая деятельность губернских органов России XIX в. в фондах федерального и региональных архивов // *Вестник архивиста*. 2018. № 2. С. 343-351.
- Bloch, 2005** – *Bloch A.* Longing for the kollektiv: Gender, power, and residential schools in central Siberia // *Cultural Anthropology*. 2005. 20(4): 534-569.
- Dyatlov, Dyatlova, 2020** – *Dyatlov V.I., Dyatlova E.V.* From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5): 623-638. DOI: 10.17516/1997-1370-0594
- Gentes, 2003** – *Gentes A.* Licentious girls’ and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries // *Sibirica*. 2003. 3(1): 3-20.
- Gryaznukhin et al., 2020** – *Gryaznukhin A. G., Gryaznukhina T. V., Belgorodskaya L. V. Malyutina L. F.* Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1132-1141.
- Karchaeva et al., 2018** – *Karchaeva T.G., Garin E.N., Severyanov M. D.* Who were the clerks in Siberia? Professional characteristics of Russian Empire local governmental officials from the 19th to the early 20ies century // *Bylye Gody*. 2018. 49(3): 1287-1295.
- Karchaeva et al., 2019** – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M.* Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 188-197.
- Karchaeva et al., 2021** – *Karchaeva T. G., Gryaznukhin A. G., Lushchayeva G. M., Alekseev O. G.* Text Analysis of the Yenisei Provincial Administrations and the Yenisei Provincial Court documents about officials’ abuse in Siberia in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1849-1856.
- Lyubichankovskiy, 2020** – *Lyubichankovskiy S.V.* Imperial Acculturation on Russian’s Southeastern Frontier: An International Survey // *RUDN Journal of Russian History*. 2020. 19(3): 727-740.

References

- Chub, 2018** – *Chub, N.V.* (2018). Kadrovaja dejatel'nost' gubernskih organov Rossii XIX v. v fondah federal'nogo i regional'nyh arhivov [Human resource management in the Russian gubernia institutions of the 19th century in the fonds of federal and regional archives]. *Vestnik arhivista*. 2: 343-351. [in Russian]
- Dameshek, Dameshek, 2020** – *Dameshek, L.M., Dameshek, I.L.* (2020). Obrazy sibirskikh okrain imperii kak predmet zarubezhnoi istoriografii XX–XXI vv. [Images of the Siberian edge of the Empire as a subject of foreign historiography of the 20th – 21st centuries]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoi akademii nauk*. 37(1): 84-96. [in Russian]
- Dyatlov, Dyatlova, 2020** – *Dyatlov, V.I., Dyatlova, E.V.* (2020). From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5): 623-638. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoy oblasti [State archive of the Irkutsk Region].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk Region].
- Gryaznukhin et al., 2020** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V. Malyutina, L.F.* (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.
- Karchaeva, 2017** – *Karchaeva, T.G.* (2017). Eniseiskaya gubernskaya administratsiya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Yenisei Provincial Administration: number: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk. [in Russian]
- Karchaeva et al., 2018** – *Karchaeva, T.G., Garin, E.N., Severyanov, M.D.* (2018). Who were the clerks in Siberia? Professional characteristics of Russian Empire local governmental officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 49(3): 1287-1295.
- Karchaeva et al., 2019** – *Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Luschaeva, G.M.* (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. 51(1): 188-197.
- Lyubichankovskiy, 2020** – *Lyubichankovskiy, S.V.* (2020). Imperial Acculturation on Russian’s Southeastern Frontier: An International Survey. *RUDN Journal of Russian History*. 19(3): 727-740.

Karchaeva et al., 2021 – Karchaeva, T.G., Gryaznukhin, A.G., Lushchayeva, G.M., Alekseev, O.G. (2021). Text Analysis of the Yenisei Provincial Administrations and the Yenisei Provincial Court documents about officials' abuse in Siberia in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(4): 1849-1856.

Kozelchuk, 2017 – Kozelchuk, T.V. (2017). Sotsial'noye proiskhozhdeniye chinovnikov okruzhnykh sudov i politseyskikh upravleniy Tobol'skoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Social Background of Tobolsk Provincial District Court and Police Department Officials in the second half of the 19th – the early 20th centuries]. *Vestnik Kurganskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnyye Nauki*. 44(1): 13-17. [in Russian]

Malyutina et al., 2019 – Malyutina, L.F., Gergilev, D.N., Gryaznukhin, A.G., Zhabaeva, L.B. (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye Gody*. 54(4): 1429-1438.

Matkhanova, 2002 – Matkhanova, N.P. (2002). Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX veka: Problemy sotsial'noy stratifikatsii [Higher administration of Eastern Siberia in the middle of the 19th century: Problems of social stratification]. Novosibirsk. 250 p. [in Russian]

Matkhanova, 2020 – Mathanova, N.P. (2020). Habarovskie s"ezdy "svedushchih lyudej" i priamurskij general-gubernator A.N. Korf: poiski kanalov kommunikatsii mezhdru vlast'yu i obshchestvom v Imperskoj Rossii [Meetings of "Well-Informed People" in Khabarovsk and the Priamur Governor-General A.N. Korf: searching of communication channels between the authority and society in Imperial Russia]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 27(3): 65-71. [in Russian]

Plekh, 2019 – Plekh, O.A. (2019). Provintsial'noe chinovnichestvo Rossii v pervoi polovine XIX v.: otechestvennaya istoriografiya kontsa XX – nachala XXI v. [Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the XIX century: domestic historiography of the end of the XX – early XXI century 2019]. *Voprosy istorii* 1: 258-272. [in Russian]

Syemshchikov, 2016 – Syemshchikov, Ye.A. (2016). Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhby v Sibiri v KHIX v.: osobennosti struktury i kadrovogo obespecheniya [State civil service in XIX century Siberia: specifics of structure and staffing]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 4: 47-53. [in Russian]

«Из каких мест прибыл?»: о кадровом обеспечении государственной службы в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX вв.

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Михаил Дмитриевич Северьянов ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^a, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос территориального происхождения чиновников, служивших в губернских и окружных органах государственной власти восточной части Сибири в конце XIX – начале XX вв. На основании широкого круга источников путем статистических методов, анализа, синтеза и сравнения установлены факты и закономерности процесса пополнения кадров по территориальному признаку, то есть по местам, из которых прибывали чиновники для замещения должности VII–XIV классов в Казенной палате, Губернском правлении (с 1895 г. – Губернском управлении), до 1895 г. – Врачебной управе, Приказе общественного призрения, Экспедиции о ссыльных, Губернской чертежной, до 1897 г. – Губернском суде и окружных судах, с 1897 г. – Управлении государственных имуществ, с 1902 г. – Губернском акцизном управлении и окружных акцизных управлениях, окружных казначействах. Тем самым были рассмотрены биографии начальников отделений, помощников управляющих учреждений и присутственных мест губернской и окружной администрации, казначеев, бухгалтеров, ассессоров, старших и младших секретарей, делопроизводителей, бухгалтеров, ревизоров, чиновников особых поручений, инспекторов, столоначальников, письмоводителей. Источниковая база исследования представлена формулярными списками и личными делами чиновников из фондов Государственного архива Красноярского края (Ф. 595 «Енисейское губернское управление») и Государственного архива Иркутской области (Ф. 32 «Иркутское губернское управление», Ф. 38 «Иркутская губернская чертежная»). Статистические данные получены методом случайной выборки, тем самым единицами случайного отбора стали 160 чиновников, служивших в Енисейской и Иркутской губерниях и находившихся на посту в 1887, 1993, 1905 и 1915 гг. За каждый указанный год было взято по 20 чиновников для губернского и окружного/уездного уровней управления. В ходе исследования установлена динамика сокращения приезжих из-за Урала чиновников в конце XIX – начале XX вв.: с 65 до 30 % – среди чиновников губернской администрации и с 60 до 25 % – среди окружной (с 1898 г. – уездной) администрации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева)

Приезжие из-за Урала чиновники прибывали в основном из губерний Центральной России, реже – из северо-западных и украинских земель. Среди служащих сибирского происхождения основную долю составляли местные чиновники, проживавшие ранее в той же губернии и переведенные на новую должность путем ротации кадров в рамках управлений той же губернской администрации или из органов окружного (уездного) уровня власти. В кадровом составе чиновников-сибиряков было большее число переведенных в Енисейскую губернию из Иркутской губернии, чем в Иркутскую из Енисейской, что объяснялось ведущим положением Иркутска как административного центра Восточной Сибири.

Ключевые слова: чиновники, государственные служащие, территориальное происхождение, губернская администрация, окружная администрация, Иркутская губерния, Енисейская губерния, Иркутское генерал-губернаторство, Сибирь, Российская империя.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 412-421
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.412

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russians in the North Caucasus in the 19th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes

Aleksey M. Erokhin ^a, Evgenii A. Avdeev ^{a, *}, Sergej M. Vorobev ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article reviews the Russian peasant and military-Cossack colonization of the North Caucasus in the 19th century, its importance for the region. The authors focused greater attention on various aspects of the sociocultural interaction between Russian settlers and Caucasian mountain peoples. The methodology is based on a combination of historical and anthropological studies, analysis of ethnomigration, colonization – resettlement and sociocultural processes, frontier theory. Active Russian colonization changed the socio-cultural and ethnic landscape of the North Caucasus, contributed to the development of agriculture, industry and urban growth. Institutional and sociocultural exchange, the accession of the cultures of the Caucasian mountain peoples to the sociocultural matrix of the Russian state were being intensified. A unique frontier culture of the Caucasian borderlands was being formed. The natural sociocultural integration that took place between the Cossacks, Russian settlers and the Caucasian mountain peoples in the 19th century did not become a priority of state policy at that time. The majority of the mountain population remained outside the influence of Russian culture, was not included in the modernization and urbanization processes. This became a socio-cultural factor in the preservation of conflict in the region in the 20th century.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Russians, Cossacks, colonization and resettlement processes, sociocultural processes, education, russification.

1. Введение

Северному Кавказу принадлежит особое место в имперском измерении российской истории. В XIX в. этот регион становится не только южным фронтиром России, но и зоной формирования разнообразных смешанных и переходных культур, активного экономического и культурного обмена между русскими и горским населением, интеграции северокавказских народов в российское социокультурное пространство. Состав населения Северного Кавказа в этот период существенно изменился. Наряду с мухаджирством горцев, происходит массовое переселение в регион русских из центральных и юго-западных регионов. Этномиграционные процессы, ассимиляторская политика, раскол местных элит по вопросу лояльности к империи отражались на характере и направленности социокультурных процессов. В данной статье рассматриваются социокультурные аспекты русской крестьянской и военно-казачьей колонизации Северного Кавказа в XIX в., ее предыстория и последствия для развития региона. Объектом исследования стали русские переселенцы и казаки. Их роль на Северном Кавказе возрастает уже во второй половине XVIII в. В XIX в. происходят еще более масштабные этномиграционные и переселенческие процессы, меняющие этнический и конфессиональный состав населения. Эти процессы оказали значительное влияние на экономическое и социокультурное развитие региона. Актуальность темы связана с осмыслением исторического опыта формирования единого социокультурного пространства Северного Кавказа, оценкой его жизнеспособности и потенциала развития. «Культура, – по словам Л.С. Гатаговой, – стала матрицей,

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

на которой вырастали слагаемые сближения и взаимопонимания» (Гатагова, Трепавлов, 2019: 215). Проблематика исследования имеет не только историческое, но и современное звучание, обусловленное сложной динамикой этномиграционных, социокультурных и модернизационных процессов, значительным конфликтогенным потенциалом исторической памяти, а также необходимостью дальнейшего формирования преемственности национальной политики российского государства на Северном Кавказе.

2. Материалы и методы

Источниковую базу настоящей статьи составили архивы и фонды с материалами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, источники законодательного, политического, этнографического и историографического характера, а также архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). В основу настоящей статьи положен междисциплинарный подход, сочетающий историко-антропологические исследования, анализ этномиграционных, колонизационно-переселенческих и социокультурных процессов на Северном Кавказе в XIX в. При работе с имеющейся научной литературой, архивными и документальными текстами применялись сравнительный, описательный, функциональный и типологический методы. Анализ продвижения России на Северный Кавказ, военно-переселенческой колонизации этого края предполагает обращение к теории фронта. В свете кавказского пограничья (фронта) ключевыми становятся оценки происходившей в регионе внутренней и внешней миграции больших масс людей, формирующихся между ними и местным населением взаимоотношений, приведших к образованию пестрой мозаики локальных сообществ (Барретт, 2000: 165). Например, взаимоотношения горцев и казаков выходят за рамки простого противостояния. Так, казачество постепенно включает в свой состав самые различные этнические и конфессиональные группы, влияние местных культур прослеживается в быту казачьих общин, а отношения с имперскими властями разделяют горцев и казаков на «мирных» и «немирных», «служилых» и «вольных». Основная теоретическая предпосылка статьи заключается в рассмотрении «частной истории» русской колонизации и освоения Северного Кавказа в контексте общего нарратива имперской истории.

Колонизационно-переселенческие процессы могут быть интерпретированы как особая разновидность социокультурного обмена, в ходе которого происходит перенос в социокультурное пространство народов новых культурных кодов и моделей. Для Северного Кавказа приход русских означал появление сугубо земледельческого населения в социокультурном пространстве народов региона, что приносило достаточно развитые формы обработки земли. Наряду с этим русские, опираясь на развитую государственность, армию и бюрократию, способствовали формированию принципиально новых социально-государственных институтов в патриархально-родовых горских сообществах. Пришлое русское население, опираясь на государственно-силовую приоритет над автохтонными народами региона, не только закрепились среди носителей другой культуры, но и способствовало продвижению государственности и русской культуры в регионе (Денисова, Уланов, 2003).

В процессе социокультурного взаимодействия, обусловленного колонизационно-переселенческими процессами, русская культура выступила в качестве культуры-донора, осуществляющей перенос и локализацию системы базовых символов и ценностей из центральной зоны культуры на периферию. Центральные принципы и ценности культуры-донора стали формировать определенный набор статусов и отношений внутри различных сфер социума региона. Наряду с этим, освоение горским населением новых социальных отношений, взаимодействие с русским населением приводили к ассимиляционным процессам. Русские также впитывали в себя культуру периферийной зоны и в какой-то степени становились посредниками между двумя взаимодействующими культурами: будучи носителями культуры-донора, вбирали в себя элементы культур-реципиентов. Русские на Северном Кавказе стали проводниками переноса ценностей ядра русской культуры и примером новых моделей социальной организации.

3. Обсуждение

В советской кавказоведческой историографии выделяются исследования казачества и горцев, истории вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи, положительных последствий этого процесса для культуры и экономики региона, а также его хозяйственного освоения русскими (Пронштейн, 1982; История народов Северного Кавказа, 1988). Отечественными этнологами изучались различные аспекты традиционно-бытовой культуры русского и казачьего населения Северного Кавказа, его взаимоотношения и хозяйственные связи с другими народами региона (Соловьева, 2018). В зарубежных исследованиях также рассматриваются различные аспекты Российской империи и ее окраинной политики, включения различных народов в единое хозяйственное и социокультурное пространство (Russia's Orient..., 1997; Kappeler, 2001). Значительный вклад в становление новых подходов к имперскому этапу российской истории и ее

окраин, осмысление взаимодействия различных этнических групп между собой и властью, вхождения Северного Кавказа в состав Российского государства, организации управления северокавказскими территориями в контексте сюжетов Кавказской войны, кавказского пограничья, административной политики империи на Северном Кавказе, ориентализма, мухаджирства, русской колонизации, русификации, социокультурных и переселенческих процессов в регионе внесли работы современных российских историков (Miller, 2004; Цуцьев, 2006; Северный Кавказ в составе..., 2007; Гатагова, Трепавлов, 2019).

4. Результаты

Ключевыми событиями истории Северного Кавказа в XIX в., оказавшими огромное влияние на регион, стали Кавказская война и связанные с ней массовые переселения как русского, так и горских народов. Переселенческие процессы в регионе развивались в рамках двух различных, хотя и взаимосвязанных направлений: мухаджирство, русская крестьянская и военно-казацкая колонизация. Проблемы, связанные с выселением и эмиграцией горцев, уступавших свои земли русским переселенцам и казакам, несмотря на их давность, по-прежнему занимают важное место в памяти горских народов, являясь, наряду с депортацией в годы Великой Отечественной войны, одними их наиболее болезненных сюжетов «национальных» историй ряда народов Северного Кавказа. Неоднозначность трактовок данных проблем, риски их политизации требуют объективного и беспристрастного подхода, избегания односторонних и одиозных оценок, рассмотрения этих процессов в широком контексте имперской политики, оценок влияния на них со стороны как Российской, так и Османской империй. Необходимо помнить, что казаки и русские переселенцы также подвергались жесткому диктату и насилию со стороны государственной власти. Военная колонизация региона встречала активное сопротивление со стороны не только горцев, но и казаков. Например, по замечанию Ф.А. Щербины, «правительство после разрушения Запорожской Сечи и подавления пугачевщины привыкло к решительным мерам против казачества и не считалось с его интересами» (Щербина, 1910: 661). Переселение донских казаков на Кубань, служба по охране Кубанской линии воспринималась ими как тяжелая повинность.

Исторически первыми переселенцами на Северный Кавказ из областей Центральной России, Поволжья и Украины стали казаки. Их появление в регионе относится еще к XIV–XV вв. Во второй половине XVI в. складывается Терское и Гребенское казачество. Ими осуществляется самостоятельное освоение территории без помощи государства. Казачество зачастую мирно взаимодействовало с чеченцами и кабардинцами, осваивая «затеречные степи в хозяйственных целях» (Ахмадов, 2013). Наибольшую интенсивность переселение казаков на Северный Кавказ приобретает в конце XVI – начале XVII вв. в связи с голодом и смутой, постигшими Московское царство. Во второй половине XVII в. в регионе появляются старообрядцы, бежавшие от религиозных преследований. Роль и значение казачества усиливается на Северном Кавказе во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. в связи с продвижением России в регионе, Кавказской войной, использованием казаков для охраны границ и несения гарнизонной службы.

Основу социально-экономического уклада казаков, наряду с земледельческим, составлял военно-промышленный тип хозяйства, при этом у казаков под влиянием тюркско-монгольской среды неземледельческие занятия, зачастую связанные с войной, выдвигались на первый план (Великая, 2001). Ядро казачества составляли «беглые русские люди», однако казачьи общины вбирали в себя, наряду с русскими, представителей различных этносов и конфессий (старообрядцы, ногайцы, кумыки-мусульмане и калмыки-буддисты), горцев, укрывшихся в казачьих станицах от внутренних распрей и кровной мести. При этом зачастую и казаки, русские крестьяне и солдаты бежали в горские аулы, некоторые из них успешно ассимилировались, оставаясь там навсегда. Элементы различных культур проникают в быт, военное дело и систему социальных отношений в казачьей среде. Влияние горских традиций и обычаев хорошо заметно в одежде, оружии, танцевальной и музыкальной культуре казаков. Зачисление в ряды казачества горцев продолжалось и в XIX в. Например, в 1825 году к Кизлярскому войску было причислено 259 очоженских, парбочевских татар и казенных крестьян. В Сунженский полк Кавказского линейного казачьего войска в 1853 г. были зачислены карабулаки Тепса Шахмурзиев и Майя Бахмаев (Великая, Великая, 2015: 196–197). С начала Кавказской войны власти в целях возмещения убыли среди казачества приписывали к нему мирных горцев и переселяемых в регион государственных крестьян. Следует подчеркнуть, что между казаками и горцами всегда существовали торговые связи. И.Д. Попко, объясняя, как могут на одном и том же рубеже происходить война и торговля, пишет, что «у горцев нет соли, а у казаков нет леса. Так вот, вследствие обоюдного лишения в предметах первой потребности для существования, между казаками и горцами завязывались торговые отношения. Первым нечем посолить свою пасту (кашу), а последним не из чего возвести хату» (Попко, 1858: 122).

Большую роль в развитии социокультурных связей между местным населением и казаками, освоении горцами русской культуры и приобщении казаков к местным культурам играли два института: брак и куначество (своеобразный обычай кавказского побратимства). Традиции межэтнических браков и куначества в регионе имели глубокие исторические корни. Так,

по выражению Ф.А. Щербины, «русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первое время своего существования буквально добывала жен на Кавказе» (Щербина, 1910: 337). У терских и гребенских казаков появлялись кунаки в местных аулах, а у горских народов – в казачьих станицах. Обычай куначества свято соблюдался горцами. Даже в период Кавказской войны часть казаков и горцев оставались кунаками. Помимо постоянных дружеских отношений, кунаков связывали обязанности взаимопомощи и участия в делах друг друга (Иноземцева, 2018: 20). Эти институты, безусловно, больше всего способствовали восприятию представителями различных народов «чужой» культуры как «своей». Социокультурная интеграция и торговые связи, возникающие между казаками, русскими переселенцами и горским населением в XIX в., не стали приоритетами государственной политики, тем более не найдя свое отражение в государственных решениях и конкретных управленческих практиках указанного периода.

Длительная история казачьей колонизации Северного Кавказа, включала в себя различные нарративы – от мирного социокультурного взаимодействия и интеграции, побратимства и установления кровнородственных связей между казаками и горцами до неприятия, вражды (преимущественно по конфессиональным, а не этническим мотивам) и военных столкновений. Безусловно, заслуживает дальнейших социокультурных и историко-антропологических исследований происходившие среди казаков и горцев процессы культурного обмена, формирования кавказской (фронтирной) специфики казачьих общин, ставших носителями уникальной «пограничной» культуры. Более пристального исследовательского внимания заслуживают и процессы, связанные с развитием отношений между казаками и государственной властью. Казачество, являвшееся военизированным сословием, в силу своей специфики постоянно привлекаемое к охранной, пограничной и гарнизонной службе, становится одним из основных акторов военной колонизации и русификации, инструментом для обеспечения Россией своих геополитических интересов в регионе. При этом отношение правительства к казакам было далеко не однозначным. Их вольница, как и традиционный образ жизни горских обществ, плохо вписывалась в систему военно-бюрократического управления Северным Кавказом. Имперская политика была направлена на все большее привлечение казачества к военной службе, ограничение станичного самоуправления и установление над ними прямого бюрократического контроля (служилый характер казаков подчеркивался тем, что, начиная с 1827 г., атаманские функции номинально возлагались на наследника престола). Само казачество становилось внутренне неоднородным, происходило его законодательно оформленное расслоение на офицерство и рядовых казаков-станичников. Постепенное упразднение ряда казачьих привилегий, а также имевшая место практика их переселений несколько сближает исторические судьбы казаков и горцев, волей-неволей вовлеченных в масштабные и многомерные процессы расширения Российской империи. Так, на Северном Кавказе законодательный статус казачества был окончательно определен Положением 1845 г. о Кавказском линейном казачьем войске. На казаков, помимо военной службы, заселения и защиты вновь учреждаемых правительством линий, возлагались и земские повинности: содержание в исправности дорог, квартирование и обеспечение продовольствием приходящих воинских команд, препровождение арестантов, содержание земской почты, составление хлебных запасов (Положение..., 1845).

Переселению и русской колонизации отводилось важное место в проектах по «умиротворению» и «освоению» Северного Кавказа, подготовленных военными властями в 30-е – начале 60-х гг. XIX в., при этом отсутствовали единые принципы переселенческой политики (Северный Кавказ в составе..., 2007: 160) По завершению Кавказской войны начинается активная интеграция региона в социокультурное и экономическое пространство России, рост городов и городского населения, появляются первые промышленные предприятия. Тогда же берет свое начало и новый этап русской колонизации региона, которая рассматривалась в право-монархическом дискурсе как один из ключевых компонентов успешного государственного строительства. Так, один из видных правых публицистов конца XIX – начала XX вв., посвящавший свои работы крайним проблемам, писал, что «с устройством русских поселений, конечно, не единичных, в крае тотчас же водворяется русский обиход жизни, туземное население... знакомится с русским языком, русскими порядками и обычаями» (Липранди, 1911: 132).

Развитие региона во второй половине XIX в. носило преимущественно аграрный характер, при этом появляются и первые промышленные предприятия, продолжается процесс русификации горцев. Крестьяне-переселенцы из центральных и юго-западных областей России привнесли в регион российские сельскохозяйственные технологии и приемы. При этом общий уровень технологического развития в сельском хозяйстве оставался низким. Даже в конце XIX в. усовершенствованные земледельческие орудия (плуги, косилки, жнеи, молотилки) встречались как исключение у русских и немецких колонистов. «Туземцы, в огромном большинстве случаев, обрабатывают почву, убирают и молотят хлеб местными, крайне примитивными орудиями» (Энциклопедический словарь..., 1894: 841). После отмены крепостного права началось активное продвижение русского крестьянства на Северный Кавказ. С 1867 до 1897 гг. население Северного Кавказа за счет внешней миграции увеличилось на 1 млн 586 тыс. человек, а Терской области – на 345 тыс. человек (Денисова, Уланов, 2003: 43). Согласно данным Первой Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г.

(Первая Всеобщая перепись..., 1905), на Северном Кавказе проживало порядка 4 354 750 человек. Русских (перепись относилась к русской языковой группе «великоруссов», «малоруссов» и «белоруссов») было порядка 2 906 334 человек или 66,7 % от общей численности населения. Больше всего русских проживало в Кубанской области и Ставропольской губернии, меньше всего – в Дагестанской области. Горское население проживало в основном в Терской и Дагестанской областях (см. Рисунок 1). В начале XX в. русское население Северного Кавказа продолжает расти. При этом в первую очередь увеличивается численность русских горожан (Суций, 2018: 68).

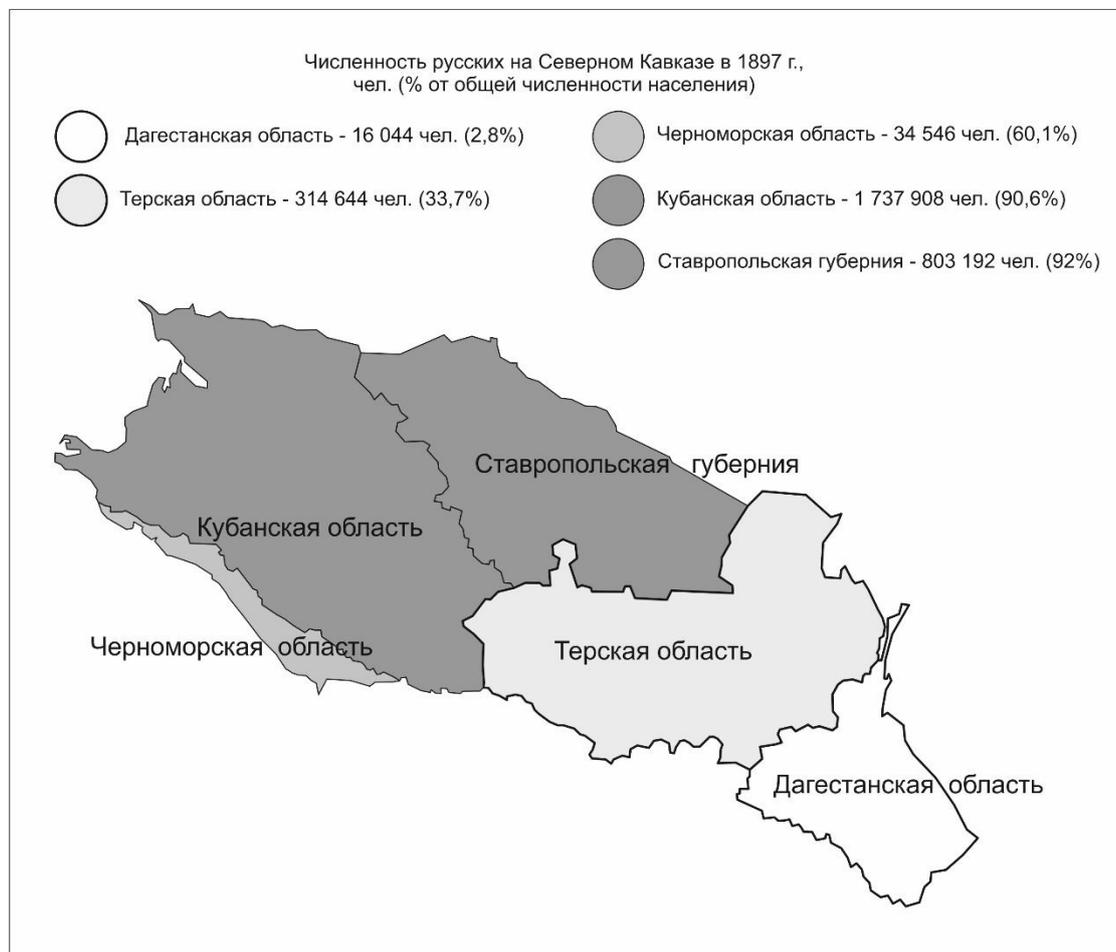

Рис. 1. Численность русских на Северном Кавказе в 1897 г.

Наряду с привнесением аграрных технологий, русские переселенцы становятся носителями новой культуры. Крестьяне, обустрояясь на новых землях, трансформировали привычные им социокультурные аграрные практики, традиционные основы жизнедеятельности, которые в процессе взаимодействия перенимались и горским населением. Сельское хозяйство региона трансформируется под влиянием садоводства и виноградарства, племенного скотоводства, пчеловодства, паровых мельниц и железных плугов. Обустройство переселенцев на новых землях предполагало преодоление ряда трудностей. Например, земли на территории Кизлярского округа, предоставленные русским переселенцам этого периода, были малопригодны для ведения сельского хозяйства. «Переселенцам приходилось прилагать огромные усилия для расчистки участков от камней, кустарников, камышей и пр., чтобы приспособить их под пашни» (Ризаханова, 2001: 34). Зачастую русские переселенцы сталкивались и с активным противодействием со стороны горского населения, применявшего против них такие методы, как кража, угон скота, отвод источника воды (Ризаханова, 2001: 27). Несмотря на зачастую тяжелые условия труда, дефицит земельного фонда и конфронтацию с местным населением, многим русским переселенцам удается создать конкурентные, высокопроизводительные, по сравнению с сельхозпроизводством автохтонных народов, товарные хозяйства, поставляющие хлеб в другие области Российской империи. Например, экспорт зерна из Терской области в период с 1897 по 1899 гг. увеличился в 2,1 раза с 7 370 590 до 15 704 439 пудов (Кумыков, 1965: 269).

Наряду с развитием аграрного сектора, с середины XIX в. российским государством инициируется начало формирования индустриального сегмента экономики Северного Кавказа, к созданию которого активно привлекалось технически подготовленное русское переселенческое население. Так, наместник Кавказа граф М.С. Воронцов способствовал строительству серебро-

свинцового завода на Садонском руднике. В 1850 г. официально учреждается «Алагирский серебро-свинцовый завод». В Садон и Алагир для его строительства переселили 380 семей русских рабочих с заводов Алтая, Урала и Луганска. По прошествии трех лет «в Садонских рудниках уже добывалось около 3 тыс. пудов несортированной руды, а завод выплавлял 10 пудов 32 фунта серебра и более 3 600 пудов свинца» (Гогаева, 2020). Более активно промышленное развитие в регионе начинается в 1890-е гг. XIX в. за счет привлечения как российского, так и иностранного капитала. При этом в конце XIX в. большая часть производств на Северном Кавказе относилась к «промышленности мелкой, граничащей с занятием ремеслами и работой кустаря». Производила она преимущественно предметы первой необходимости. По числу фабрик и заводов, насчитывавшихся в регионе к 1890 г., лидировали Кубанская область (5 604) и Ставропольская губерния (2 589). В Терской области было 1 840 промышленных предприятий, а в Дагестанской – лишь 74 (Энциклопедический словарь..., 1894: 845). Появление промышленности дает новый импульс развитию городов Северного Кавказа, ставших индустриальными, образовательными и культурными центрами региона, притоку высокообразованного населения из других регионов России. Именно в этот период начинает формироваться особая роль города на Северном Кавказе, сохраняющаяся и в настоящее время. В этническом и культурном плане города начинают существенно отличаться от сельских территорий. Города были интернациональны, значительную часть населения каждого из них составляли представители не автохтонных для этой территории народов. В них проживало много этнических русских – носителей городской культуры, ставших проводниками модернизации.

Исторически абсолютное большинство городов Северного Кавказа изначально представляло собой крепости, основанные в XVIII – первой половине XIX вв., а не торговые и ремесленные центры. Русские в них изначально составляли большинство. Начавшийся по окончании Кавказской войны рост городского населения также происходил главным образом за счет русских переселенцев. Единственным городом на Северном Кавказе, где русские составляли меньшинство (10 % жителей), был Дербент (Суций, 2018: 68). Абсолютное большинство горского населения оставалось за пределами городской культуры и городского образа жизни. Это стало одним из основных социокультурных факторов конфликтогенности в регионе в XX в. Сложные социокультурные процессы, когда «город переваривает село, а село – город», не завершены и сегодня. Под влиянием городского образа и стандартов жизни через систему образования, политическую систему, идеологию происходило формирование российской системы ценностей, значительно отличавшейся от традиционных ценностей горских народов. В результате у народов Северного Кавказа формировалась двойная система идентичностей: российская и своя, традиционно этноконфессиональная. Эти идентичности в ряде случаев вступали в диссонанс, особенно в кризисные периоды истории страны.

Несмотря на активную русскую колонизацию Северного Кавказа на протяжении всего XIX в., развитие сельского хозяйства и открытие ряда промышленных предприятий, появление городов, в целом регион оставался окраиной империи, уступавшей по уровню экономического и социокультурного развития большинству других областей. Кавказский край характеризуется как страна «исключительно земледельческая», промышленность которой «развита крайне слабо» (Энциклопедический словарь..., 1894: 841). Основой аграрного развития были созданные русскими переселенцами товарные хозяйства, производившие в основном «зерновые хлеба». По мнению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Г.С. Голицына, регион характеризовался низким уровнем социального, экономического и духовного развития и был недостаточно интегрирован в социокультурное пространство империи (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1903 г. Д. 55. Л. 42-101). Включение северокавказских народов в модернизационные и урбанизационные процессы носило точечный характер. Государственная политика, основанная на русификации и сословном принципе, не способствовала интеграции горцев в российское социокультурное пространство, формированию у них лояльности к Российской империи. Получение образования, предполагавшее владение русским языком и включенность в российскую культуру, было доступно только узкому кругу горских элит. Это приводило к замкнутости горских общин, низкому уровню распространения русского языка, которым владели в основном элиты, а также наиболее активные и мобильные слои горского населения. В XIX в. процессы модернизации и урбанизации горцев затрагивали незначительно.

Система образования становится основным проводником политики русификации горского населения Северного Кавказа. Согласно новому положению об образовательном округе на Кавказе 1867 г., все светские школы переходят под единое управление, преподавание в них осуществляется на русском языке. В целом школьное образование на Северном Кавказе стало площадкой интеграции горской элиты в российское социокультурное пространство (Erokhin et al., 2021: 1156). Политика русификации предполагала и привлечение горской знати к государственному управлению регионом. Важнейшими условиями были знание русского языка и подтвержденная преданность российскому престолу (Документы по истории Балкарии..., 1959: 17-18). Например, кабардинский князь полковник Султанбек Клишбиев в течение ряда лет (с 1910 по 1917 гг.) занимал должность начальника Нальчикского округа (ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15).

Начиная с 1881 г., в системе образования региона начался процесс унификации с российским образованием, уменьшение привилегий для представителей горской элиты. Вопросы образования на

Северном Кавказе рассматривались через призму укрепления российского государства и обучения горских народов на русском языке. По мнению наместника Кавказа графа И.И. Воронцова-Дашкова, «правильно поставленная русская народная школа... является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением. Она спасает их от вредной, с государственной точки зрения, пропаганды панисламизма и пантюркизма...» (*Всеподданнейший отчет...*, 1913: 17-18). Эти процессы впоследствии вызвали резкую критику за жестко проводимую русификацию региона со стороны национальной и революционной интеллигенции. Так, русские школы, функционирующие в Дагестанской области, в других округах характеризовались как «орудие русификаторской политики» царского правительства, направленные на подготовку «верных слуг для самодержавия и господствующих классов» (*Каймаразов, 1989: 120*). Русский язык не имел большого распространения среди горского населения региона: «...функционировал в городах, на строительстве дорог, мостов, в административном управлении, официальной торговле...» (*Абдуллов, 1990: 110*). Распространение русского языка, включение горских народов в российское социокультурное пространство было недостаточным и проходило в большей степени в ходе хозяйственной деятельности, торговли и взаимодействия с органами власти.

5. Заключение

Вехой в истории Северного Кавказа, драматично отразившейся в судьбах его народов, стал XIX в. Именно тогда были заложены многие социокультурные, экономические и демографические основы дальнейшего развития региона в XX в., являющиеся актуальными и на сегодняшний день. Русские в результате политики российского государства стали проводниками и акторами русификации, урбанизации, аграрного и промышленного развития Северного Кавказа. Активная русская крестьянская и военно-казачья колонизация региона привела к развитию земледелия, появлению первых промышленных предприятий, развитию городов, ставших культурными и образовательными центрами, проводниками модернизации. Колонизационно-переселенческие процессы продвижения русских на Северный Кавказ привели к серьезному изменению его социокультурного ландшафта. В процессе аграрного и индустриального развития с помощью русских переселенцев и властей происходило перемещение в регион институтов центральной зоны российской культуры. В XIX в. интенсифицировался процесс эффективного институционального и социокультурного обмена, в котором происходит присоединение культур горских народов к культурной матрице российского государства, продолжается формирование уникальной фронтальной культуры кавказского пограничья. В процессе взаимодействия с горскими народами происходит обоюдная социокультурная трансформация и ассимиляция. Русские на Северном Кавказе становятся основным актором развития российской культуры и поддержки основных государственных и социально-экономических институтов.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43018.

Литература

- Абдуллов, 1990* – *Абдуллов А.А.* Периодизация распространения русского языка в Дагестане // *Русский язык – язык межнационального общения народов СССР*. Махачкала, 1990.
- Ахмадов, 2013* – *Ахмадов Я.З.* Из истории складывания первого казачьего сообщества на Тереке // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2013. № 1(18). С. 94-97.
- Барретт, 2000* – *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период*. Самара, 2000. С. 163-193.
- Великая, Великая, 2015* – *Великая Е.В., Великая Н.Н.* Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.). Армавир, 2015. 250 с.
- Великая, 2001* – *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 278 с.
- Всеподданнейший отчет...*, 1913 – *Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И.И. Воронцова-Дашкова*. СПб., 1913. 36 с.
- Гатагова, Трепавлов, 2019* – *Гатагова Л.С., Трепавлов В.В.* «Перед толпою соплеменных гор»: проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.). М., 2019. 289 с.
- Гогаева, 2020* – *Гогаева Н.* Ясные горизонты Садоны // *Славные страницы трудовой истории*. 2020. 29 авг. № 153(28112).
- Денисова, Уланов, 2003* – *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. 350 с.
- Документы по истории Балкарии...*, 1959 – *Документы по истории Балкарии (40–90-е гг. XIX в.)* / Сост. Е.О. Крикунова. Т. 1. Нальчик, 1959. 262 с.

Иноземцева, 2018 – *Иноземцева Е.И.* Терско-гребенское старожильческое казачество в северокавказском историко-культурном контексте: взаимодействие, взаимовоздействие, межэтническая толерантность // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2018. № 5(42). С. 18-22.

История народов Северного Кавказа, 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917) / Ред. Н.Л. Нарочницкий. М., 1988. 659 с.

Каймаразов, 1989 – *Каймаразов Г.Ш.* Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. 160 с.

Кумыков, 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. 420 с.

Липранди, 1911 – *Липранди А.П.* Кавказ и Россия. Харьков, 1911. 262 с.

Первая Всеобщая перепись..., 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII.

Положение..., 1845 – Положение 1845 г. о Кавказском линейном казачьем войске. СПб., 1845. 128 с.

Попко, 1858 – *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: В 2 ч. СПб., 1858.

Пронштейн, 1982 – *Пронштейн А.П.* Роль казачества и крестьянства в заселении и хозяйственном освоении Дона и степного Предкавказья в XVIII – первой половине XIX века // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки*. 1982. № 1. С. 55-59.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ризаханова, 2001 – *Ризаханова М.Ш.* Дагестанские русские. XIX–XX в.: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. 188 с.

Северный Кавказ в составе..., 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. 460 с.

Соловьева, 2018 – *Соловьева Л.Т.* Некоторые стороны традиционно-бытовой культуры русского старожильского населения Северного Кавказа (по полевым материалам 1976 г.) // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2018. № 5(42). С. 94-98.

Суций, 2018 – *Суций С.Я.* Русское население городов Северного Кавказа: демографическая динамика XIX – начала XX в. // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2018. № 4(41). С. 66-73.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.

Цуциев, 2006 – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. 128 с.

Щербина, 1910 – *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. I. История края. Екатеринодар, 1910. 734 с.

Энциклопедический словарь..., 1894 – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XIIIА (26). Исторические журналы – Калайдович. СПб., 1894. 960 с.

Kappeler, 2001 – *Kappeler A.* The Russian Empire: A Multi-Ethnic History. London, 2001. 480 p.

Miller, 2004 – *Miller A.* Russian Imperial History: Its Scope and Paradigm // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. 5(1):7-26.

Russia's Orient..., 1997 – *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / Ed. D.R. Brower and E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997. 368 p.

Erokhin et al., 2021 – *Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M.* National Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1153-1161.

References

Abdullov, 1990 – *Abdullov, A.A.* (1990). Periodizaciia rasprostraneniia russkogo iazyka v Dagestane [Periodization of the spread of the Russian language in Dagestan]. *Russkij iazyk – iazyk mezhnacional'nogo obshcheniia narodov SSSR*. Makhachkala. [in Russian]

Akhmadov, 2013 – *Akhmadov, Ia.Z.* (2013). Iz istorii skladyvaniia pervogo kazach'ego soobshchestva na Tereke [From the history of the formation of the first Cossack community on the Terek]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 1(27): 94-97 [in Russian]

Barrett, 2000 – *Barrett, T.M.* (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of Uncertainty: the Frontiers of the Northern Caucasus]. *Amerikanskaia rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskij period*. Samara. Pp. 163-193. [in Russian]

CGA KBR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic]. [in Russian]

Denisova, Ulanov, 2003 – *Denisova, G.S., Ulanov, V.P.* (2003). Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformacii sociokul'turnogo statusa [Russians in the North Caucasus: Analysis of the Transformation of Socio-Cultural Status]. Rostov-na-Donu, 350 p. [in Russian]

- [Dokumenty po istorii Balkarii..., 1959](#) – Dokumenty po istorii Balkarii (40–90-e gg. XIX v.) [Documents on the history of Balkaria (40–90s of the 20th century)]. Vol. 1. Na'chik, 1959. 262 p. [in Russian]
- [Enciklopedicheskij slovar'..., 1894](#) – Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: Vol. XIII A (26). Istoricheskie zhurnaly – Kalajdovich [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: Volume XIII A (26). Historical journals – Kalaidovich]. SPb., 1894. 960 p. [in Russian]
- [Erokhin et al., 2021](#) – *Erokhin, A.M. Avdeev, E.A., Vorobev, S.M.* (2021). National Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries. *Bylye gody*. 16(3): 1153-1161.
- [Gatagova, Trepavlov, 2019](#) – *Gatagova, L.S., Trepavlov, V.V.* (2019). «Pered tolpoiu soplemennyykh gor»: problemnye voprosy istorii politiki Rossii na Kavkaze (XVIII–XIX vv.) [“In front of a crowd of tribal mountains”: problematic issues of the history of Russian policy in the Caucasus (XVIII–XIX centuries)]. M. 289 p. [in Russian]
- [Gogaeva, 2020](#) – *Gogaeva, N.* (2020). Iasnye gorizonty Sadona [Clear skylines of Sadon]. *Slavnye stranicy trudovoj istorii*. Aug 29, 153(28112). [in Russian]
- [Inozemceva, 2018](#) – *Inozemceva, E.I.* (2018). Tersko-grebenskoe starozhil'cheskoe kazachestvo v severokavkazskom istoriko-kul'turnom kontekste: vzaimodejstvie, vzaimovozdejstvie, mezhetnicheskaia tolerantnost' [Terek-Grebensk old-timer Cossacks in the North Caucasian historical and cultural context: interaction, interaction, interethnic tolerance]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 5(42): 18-22. [in Russian]
- [Istorija narodov Severnogo Kavkaza..., 1988](#) – Istorija narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917)]. Vol. 2. M., 1988. 659 p. [in Russian]
- [Kajmarazov, 1989](#) – *Kajmarazov, G.Sh.* (1989). Prosveshchenie v dorevoliucionnom Dagestane [Enlightenment in pre-revolutionary Dagestan]. Makhachkala, 160 p. [in Russian]
- [Kappeler, 2001](#) – *Kappeler, A.* (2001). The Russian Empire: A Multi-Ethnic History. London. 480 p.
- [Kumykov, 1965](#) – *Kumykov, T.Kh.* (1965). Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX v. [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century.]. Na'chik, 420 p. [in Russian]
- [Liprandi, 1911](#) – *Liprandi, A.P.* (1911). Kavkaz i Rossiia [Caucasus and Russia]. Khar'kov. 262 p. [in Russian]
- [Miller, 2004](#) – *Miller, A.* (2004). Russian Imperial History: Its Scope and Paradigm. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 5(1): 7-26.
- [Pervaia Vseobshchaia perepis'..., 1905](#) – Pervaia Vseobshchaia perepis' naseleniia Rossijskoj Imperii 1897 g. [The Russian Imperial Census of 1897]. Vol. II. SPb, 1905. Table XIII. [in Russian]
- [Polozhenie..., 1845](#) – Polozhenie 1845 g. o Kavkazskom linejnom kazach'em vojske [Regulations of 1845 on the Caucasian linear Cossack Host]. SPb., 1845. 128 p. [in Russian]
- [Popko, 1858](#) – *Popko, I.D.* (1858). Chernomorckie kazaki v ikh grazhdanskom i voennom bytu: ocherki kraia, obshchestva, vooruzhennoj sily i sluzhby: v 2 ch. [Black Sea Cossacks in their civil and military life: essays on the region, society, armed forces and service: in 2 parts]. SPb. [in Russian]
- [Pronshtejn, 1982](#) – *Pronshtejn, A.P.* (1982). Rol' kazachestva i krest'ianstva v zaselenii i khoziajstvennom osvoenii Dona i stepnogo Predkavkaz'ia v XVIII – pervoj polovine XIX veka [The role of the Cossacks and the peasantry in the settlement and economic development of the Don and the steppe Ciscaucasia in the 18th – first half of the 19th centuries]. *Izvestiia Severo-Kavkazskogo nauchnogo centra vysšej shkoly. Obshchestvennye nauki*. 1: 55-59. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].
- [Rizakhanova, 2001](#) – *Rizakhanova, M.Sh.* (2001). Dagestanskije russkie. XIX-XX v.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Dagestan Russians. 19th – 20th centuries: historical and ethnographic research]. Makhachkala. 188 p. [in Russian]
- [Russia's Orient..., 1997](#) – *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington, 1997. 368 p.
- [Severnyj Kavkaz v sostave..., 2007](#) – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [North Caucasus as part of the Russian Empire]. M., 2007. 460 p. [in Russian]
- [Shcherbina, 1910](#) – *Shcherbina, F.A.* (1910). Istorii Kubanskogo kazach'ego vojska. Vol. I. Istorii kraia [History of the Kuban Cossack Host. Vol. I. History of the region]. Ekaterinodar. 734 p. [in Russian]
- [Solov'eva, 2018](#) – *Solov'eva, L.T.* (2018). Nekotorye storony tradicionno-bytovoj kul'tury russkogo starozhil'cheskogo naseleniia Severnogo Kavkaza (po polevym materialam 1976 g.) [Some aspects of the traditional everyday culture of the Russian old-timer population of the North Caucasus (based on field materials, 1976)]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 5(42): 94-98. [in Russian]
- [Sushchii, 2018](#) – *Sushchii, S.Ia.* (2018). Russkoe naselenie gorodov Severnogo Kavkaza: demograficheskaja dinamika XIX – nachala XIX v. [Russian population of the cities of the North Caucasus: demographic dynamics of the 19th – early 19th centuries]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 4(41): 66-73. [in Russian]

- Tsutsiev, 2006** – *Tsutsiev, A.A.* (2006). Atlas etnopoliticheskoj istorii Kavkaza (1774–2004) [Atlas of the ethnopolitical history of the Caucasus (1774–2004)]. M. 128 p. [In Russian]
- Velikaya, 2001** – *Velikaya, N.N.* (2001). Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ia v XVIII–XIX vv. [Cossacks of the Eastern Ciscaucasia in the XVIII–XIX centuries.]. Rostov-na-Donu, 278 p. [in Russian]
- Velikaya, Velikaya, 2015** – *Velikaya, E.V., Velikaya, N.N.* (2015). Mirnye formy integracii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossijskoj imperii (1801–1859) [Peaceful forms of integration of the North-Eastern Caucasus into the Russian Empire (1801–1859)]. Armavir. 250 p. [in Russian]
- Vsepoddannejšij otchet..., 1913** – Vsepoddannejšij otchet za vosem' let upravleniia Kavkazom grafa I.I. Voroncova-Dashkova [Report for the Eight Years of Governing the Caucasus by Count I.I. Vorontsov-Dashkov]. SPb., 1913. 36 p. [in Russian]

Русские на Северном Кавказе в XIX в.: колониционно-переселенческие и социокультурные процессы

Алексей Михайлович Ерохин ^a, Евгений Александрович Авдеев ^{a,*}, Сергей Михайлович Воробьев ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается русская крестьянская и военно-казацкая колонизация Северного Кавказа в XIX в., ее значение для региона. Авторы большое внимание уделяют различным аспектам социокультурного взаимодействия русских переселенцев и горских народов. Методология основана на сочетании историко-антропологических исследований, анализа этномиграционных, колониционно-переселенческих и социокультурных процессов, теории фронта. Активная русская колонизация изменила социокультурный и этнический ландшафт Северного Кавказа, способствовала развитию сельского хозяйства и промышленности, росту городов. Происходила интенсификация институционального и социокультурного обмена, присоединение культур горских народов к социокультурной матрице российского государства. Продолжала формироваться уникальная фронтальная культура кавказского пограничья. Естественная социокультурная интеграция, проходившая между казаками, русскими переселенцами и горским населением в XIX в., в это время не стала приоритетом государственной политики. Большинство горского населения, оставалось за пределами влияния российской культуры, не было включено в модернизационные и урбанизационные процессы. Это стало социокультурным фактором сохранения конфликтности в регионе в XX в.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, русские, казаки, колониционно-переселенческие процессы, социокультурные процессы, образование, русификация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 422-431
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.422

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Image of the Siberian Territories of the Russian Empire in Regional Periodicals at the turn of the 19th–20th Centuries

Natalia P. Koptseva^{a, *}, Ksenia A. Degtyarenko^a, Daria S. Pchelkina^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the research potential of periodicals as a historical source along with economic, office work and other types of documents. Due to the content of the headings and the regularity of replication of their issues, periodicals can serve as a kind of diary that forms the socio-cultural context of the era. Significant characteristics characteristic of the northern and Siberian territories of the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries are recorded. As a basis for determining the informational image of cities, communities and localities of this part of the empire, the regional journal «Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii (Road worker in Siberia and Asian Russia)» was chosen – the first private journal in Tomsk. The editor-in-chief and ideologist of the publication was Prince V.A. Dolgorukov, who was active in publishing and journalism. In "Dorozhnik" there was periodically a column dedicated to the cities of Omsk, Tomsk, Irkutsk, Turukhansk, etc., as well as the territories adjacent to them. As a result of the qualitative content analysis and system analysis, the characteristic features of the Siberian territories of the Russian Empire were identified: positivity, ambiguity, inconsistency, prospects, resource wealth, the desire to overcome territorial remoteness due to the merits of the Siberian and northern lands. The image of Siberian cities, communities and territories was consolidated with the help of the Siberian regional press not only at the local level, but also at the all-Russian and international level, since journal the Dorozhnik had publications in French and was published in France.

Keywords: «Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii (Road worker in Siberia and Asian Russia)», North, Siberia, Asian part of the Russian Empire, Prince Vsevolod Alekseevich Dolgorukov, image of the city, content analysis, regional identity.

1. Введение

На рубеже XIX–XX вв. российские городские сообщества были широко представлены в средствах массовой информации, в том числе в региональной периодической печати. Периодика являлась транслятором общественных настроений и связующим звеном между разными слоями российского общества, способствуя формированию и закреплению в общественном сознании определенных образов этих городских сообществ и территорий. Периодические издания напрямую влияли на создание устойчивого медийного образа города, окрестных территорий, городских сообществ.

На рубеже XIX–XX вв. периодическая сибирская печать Российской империи была своеобразным «окном» для знакомства читателей с жизнью отдаленных от столиц областей, губерний, краев. Это имело большое значение, поскольку обширная территория страны нуждалась в создании информационных образов, позволяющих формировать целостное представление об империи в ее великом разнообразии. Распространение региональной периодики, известность издателя, даже качество работы типографии помогали конкретной территории формировать свой

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva)

информационный образ самостоятельно, определять содержание своей региональной идентичности и транслировать это содержание на государственный уровень. Не менее важным была репрезентация регионов Российской империи на международном уровне. Сибирь как уникальное, символически-значимое пространство Российской империи на протяжении всей своей истории вызывала интерес у других стран. Продуманная структурированная подача информации о сибирских городах и прилегающих к ним территориях имела большое значение для формирования положительного информационного образа не только этих конкретных городов и территорий, но и всей страны.

Цель данной статьи – проанализировать историю формирования информационного образа северных и сибирских территорий Российской империи на основе исследования текстов региональной сибирской периодики конца XIX – начала XX вв. как значимых исторических источников.

2. Материалы и методы

2.1. Основным материалом данного исследования стали выпуски периодического издания «Дорожник по Сибири и Азиатской России» 1899–1901 гг. Всего было проанализировано содержание 10 выпусков этого журнала.

2.2. Теоретической базой исследования стал подход, где периодическая печать рассматривается как исторический документ, не уступающий по уровню содержательности и степени историчности делопроизводственным, законодательным, экономическим, политико-публицистическим источникам и иным общепризнанным видам исторических документов (Никаев, 2012).

Были применены также системный анализ и качественный контент-анализ для выявления ключевых характеристик информационного образа Сибири и особенностей его формирования и представления в областной, российской и международной прессе (так, разделы журнала с описанием сибирских территорий издавались на французском языке, сам журнал был доступен читателям во Франции). Качественный анализ контента был применен к содержанию публикаций, что позволило определить историко-социальный контекст, не проявленный в прямом текстовом сообщении, для понимания контекста использовались элементы интент-анализа. Обращение к выпускам журнала за трехлетний период позволяет изучить характеристики сибирских территорий в периодике, их изменение с течением времени, а также выделить главные составные части информационного образа Сибири на местном, государственном и международном уровнях.

3. Обсуждение

Процессы формирования информационных образов городов, городских сообществ, местных территорий, процессы формирования городских идентичностей с помощью средств массовой информации являются предметом многочисленных научных дискуссий. Можно отметить как классические труды (Линч, 1982; Зиммель, 2018 и др.), так и современные исследования данной проблематики (Митчелл, 2012; Koptseva et al., 2017; Ревзин, 2021 и др.).

Ученые отмечают важную роль столичной и областной прессы в формировании социокультурного контекста эпохи (Смирнов, 2007; Ланкина, 2016; Тушканов, 2015; Zamagaeva et al., 2019), в том числе в формировании образа российских городов и шире – отношения своих читателей к значимости и статусу этих городов (Таточенко, 2010; Smolina et al., 2018). Областная периодика понимается как личный дневник всего российского общества, ведь в ней «подробно фиксируется день за днем весь ход городской жизни» (Ланкина, 2016: 21). Иногда подобные издания являются единственными свидетельствами эпохи, раскрывающими ее внутренние историко-культурные аспекты (Тушканов, 2015: 78; Кошцева, Середкина, 2021).

Журнал «Дорожник по Сибири и Азиатской Сибири» получил высокую оценку современников с момента выхода его самого первого выпуска, а позже привлек внимание исследователей-историков качеством и содержанием публикаций, их направленностью. Этот интерес во многом был связан с фигурой издателя – князя В.А. Долгорукова – и с высокой оценкой его деятельности как первого издателя города Томска (Макарова, 2016; Жиликова, 2010). Журнал относят к наиболее значимым частным журналам Российской империи, отмечается также большой тематический охват, специализированный характер многих публикаций (Макарова, 2016: 114).

Журнал как исторический источник выступает основой для определения содержательных элементов локальной идентичности сибирских территорий Российской империи рубежа XIX–XX вв.: социально-экономического положения, состояния официальной и народной медицины, наличия дорог и ряда других (Подрезов, 2018; Ермакова, 2017; Родионова, 2017; Гермизеева, 2016).

4. Результаты

4.1. Общая характеристика журнала

Иллюстрированный журнал «Дорожник по Сибири и Азиатской России» являлся первым частным томским журналом, он выходил с 1899 по 1901 гг. в Томске в книжном формате шесть раз в год. Первый выпуск был напечатан в известной в Сибири паровой типографии П.И. Макушина (владелец типографии, общественный деятель, меценат).

На [Рисунке 1](#) представлен титульный лист первого выпуска журнала за январь–февраль 1899 года. На [Рисунке 2](#) – титульный лист журнала за январь 1901 года. В 1901 году регулярность выхода публикаций стала ежемесячной, а название изменилось на «Сибирский наблюдатель».

Рис. 1. Титульный лист первого выпуска журнала «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (1899)

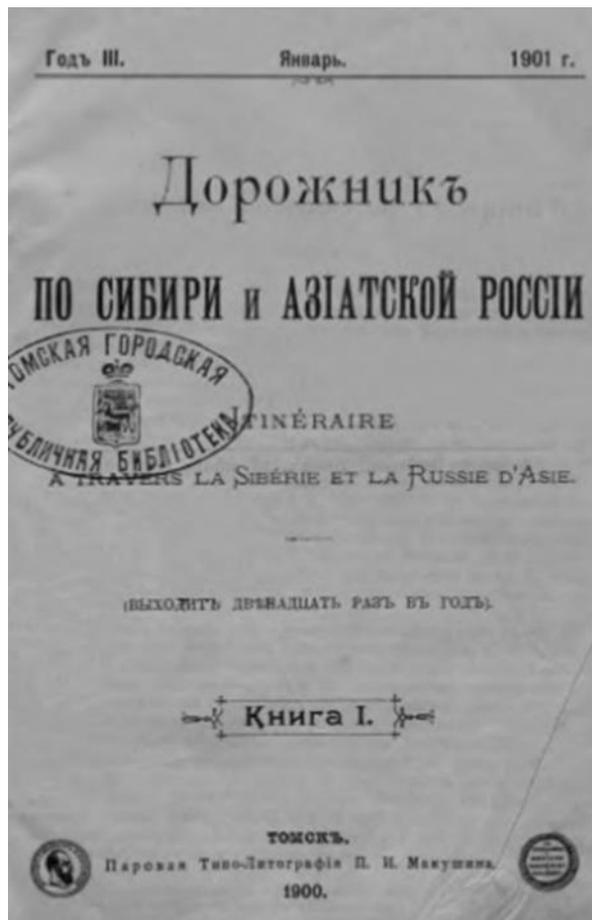

Рис. 2. Титульный лист январского выпуска журнала «Дорожник по Сибири и Азиатской России» за 1901 год

Главный редактор и основатель журнала – князь Всеволод Алексеевич Долгоруков (1850–1912), сосланный в Сибирь на поселение. Здесь он вел активную благотворительную деятельность, оказывая поддержку разным формам общественной деятельности. Его внимание к периодике проявлялось не только в издательской и редакторской деятельности, но и в журналистике: его собственные статьи издавались в томской, московской и петербургской периодике, а также он являлся сибирским корреспондентом знаменитой парижской газеты «Le Figaro».

Не только среди сибирских, но и российских журналов рубежа XIX–XX вв. этот журнал выделялся изданием материалов на русском и французском языках. Заметки на французском языке были предназначены для знакомства иностранцев с Сибирью, ее территориями и представляли собой «различные путеводительские сведения, небезыңтересные для иностранцев в видах ознакомления с Сибирью и с Азиатскими владениями России» («Дорожник», 1899, №1: 1).

Раскрывая свое понимание назначения журнала В.А. Долгоруков заявлял, что «Дорожник» носит справочный характер, в нем содержатся основные и ключевые сведения о части Российской империи, до этого не очень известной многим читателям «ввиду обширности Сибири и Азиатских владений России» Он пишет, что до издания журнала «не имел возможности помещать в одной книге, не увеличивая тем ее ценности и вследствие этого делая ее менее доступной для большинства, более подробные описания городов, селений и проч., и вынужден был часто ограничиваться, так сказать, календарными сведениями» («Дорожник», 1899 № 1: 1). Справочная информация для путешествующих по Сибири включала в себя, например, железнодорожное расписание, правила продажи билетов.

Важно отметить многочисленные описания городской жизни в содержании выпусков журнала. Долгоруков писал: «Кроме справочных сведений о железнодорожных, водяных и сухопутных (смотря по времени года) путях сообщения, будут помещаться возможно подробные описания городов, селений и вообще местностей как Сибири и Азиатских владений России, так и стран, сопредельных с

ними, описания эти будут иллюстрироваться видами местностей, изображением замечательных памятников, портретами выдающихся личностей в жизни Сибири и, вообще, Азиатской России, и т.д.» («Дорожник», 1899, 1: 2).

Статьи о сибирских городах сопровождались иллюстрациями, фотографиями. Пример такой иллюстрации представлен на [Рисунке 3](#).

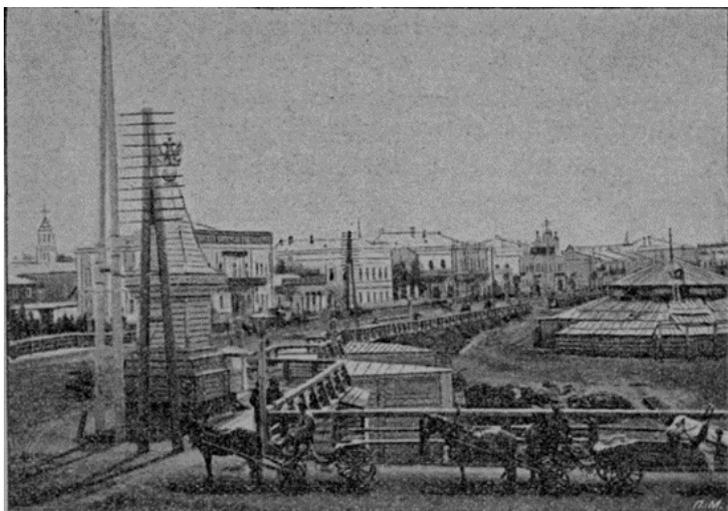

Рис. 3. Фотоизображение города Томска («Дорожник» № 1, 1899)

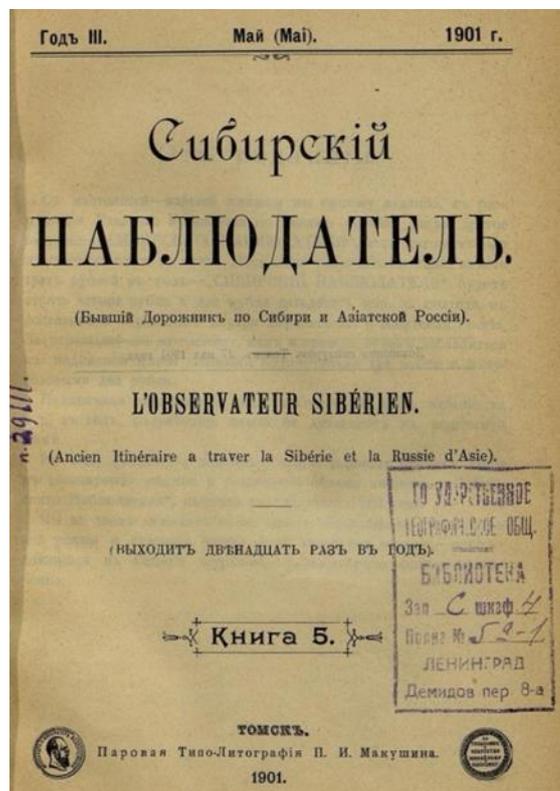

Рис. 4. Титульный лист журнала «Сибирский наблюдатель», 1901 год

4.2. Исторические материалы журнала «Дорожник по Сибири и Азиатской России»

В периодических выпусках «Дорожника» можно найти следующие разделы: описание значимых путей сообщения на сибирских и азиатских территориях Российской империи, сведения о городах и селениях этих территорий; о судоустройстве и судопроизводстве; заметки о культурных учреждениях, о местных ученых, благотворительных обществах; выходные данные издания журнала на французском языке для иностранных читателей; изображения городов, местностей, о которых идет повествование в конкретном выпуске, портреты государственных деятелей, выдающихся личностей; объявления.

В качестве исследовательского материала для анализа образа сибирских и азиатских территорий Российской империи рубежа XIX–XX вв., складывающегося на страницах этого журнала, были выбраны сведения о городах, населенных пунктах и отдельных местностях Сибири и северных территорий.

Предварительно необходимо отметить важное обстоятельство, что практически все публикации в «Дорожнике» либо анонимны, либо авторство обозначено псевдонимом или только инициалами. Очень редко собственно авторы обозначены в театральные рецензиях, но публикации данного типа в этой статье не рассматривались. Возможно, большое количество публикаций было сделано самим В.А. Долгоруковым и он не хотел, чтобы это бросалось в глаза. Однако данное утверждение не имеет пока еще подтверждений, поэтому проанализированные тексты представлены в статье либо без указания имен их авторов, либо так, как авторство обозначено на страницах самого «Дорожника».

На некоторые имена авторов проливает свет объявление в самом первом выпуске журнала, где перечисляются фамилии и инициалы людей, готовых стать сотрудниками издания. Часть сокращений явным образом связана с обозначенными в объявлении фамилиями. Например, А. Кр-ский – это с большой долей вероятности А.М. Красовский, С-к – Н.В. Скорняков, А. Ш-в – А.С. Шерстобитов ([Рисунок 5](#)).

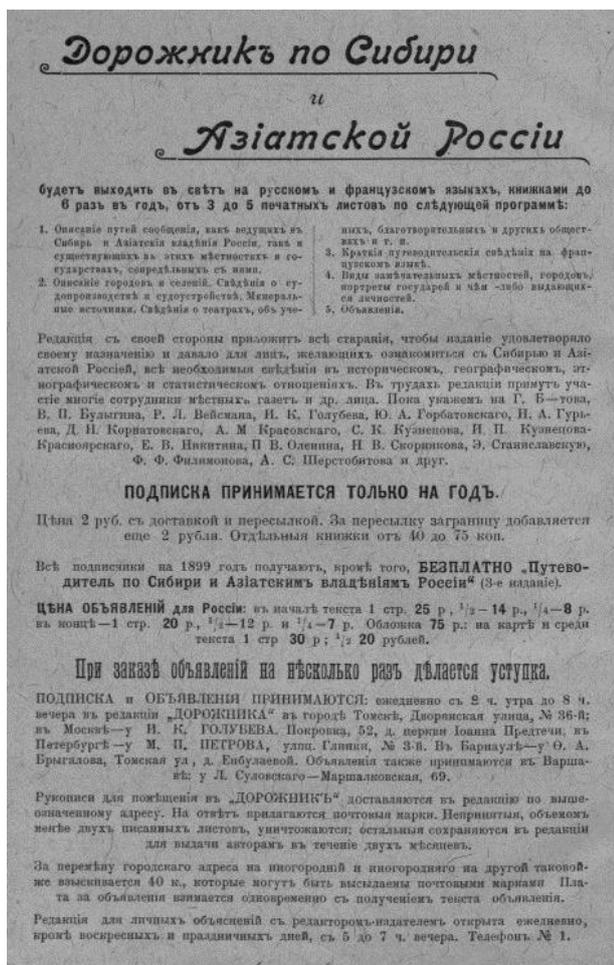

Рис. 5. Страница первого выпуска «Дорожника» с указанием возможных сотрудников журнала. 1899 г.

Прежде всего в журнале даются справочные сведения о следующих городах, населенных пунктах и местностях Сибири: Омске, Туруханске, Иркутске, Чуйском тракте, озере Карачинское, Алтае, Северном морском пути.

Так, город Омск описывается автором с инициалами В.Р. через историю и государственные цели его создания. Говорится, что Омск был создан «в целях стратегических, именно для предупреждения вторжения и набегов киргиз в пределы русских» («Дорожник», 1899, № 1: 4), и в этом аспекте город, благодаря его административным функциям, воспринимается как важный и значимый для всей Российской империи. Омск являлся уездным центром Тобольской губернии, местом уездного управления. Именно здесь с 1839 г. располагалось Главное управление Западной Сибири и резиденция генерал-губернатора. Проведение железной дороги существенно повлияло на рост промышленного и экономического значения Омска для Сибири и в целом для Российской империи.

На страницах журнала формируется медийный образ сибирского города Омска как «главного города степного генерал-губернаторства» («Дорожник», 1899, № 1: 54), а также как центра начавшихся процессов сибирской индустриализации: авторы «Дорожника» пишут, что в Омске производили хлеб, масло, мясо, кожу, здесь функционировали два пивоваренных завода, табачная фабрика, несколько «лесных дворов», кирпичные заводы.

Но можно заметить и неоднозначность оценки городской среды Омска. Некоторые сведения о городе носят скорее нейтральный или даже негативный характер, отмечаются неблагоприятные условия жизни, например, критикуется качество питьевой воды. В одной из заметок сообщается, что «во время половодья вода от сильного присутствия в ней ила и песка неудобна для употребления»; «нехороша вода в р. Оми, всегда мутная, с каким-то подозрительным желтоватым оттенком» («Дорожник», 1899, № 1: 55). Автор пишет о проблемах с медицинским обслуживанием, отмечает недостаток школ, указывает на социальные проблемы – алкоголизм, воровство, бедность и бездомность, устройство улиц и дорог характеризуется им как неудовлетворительное, недостаточное, то есть, будучи важным административным пунктом в контексте государственных стратегических задач, город Омск оказывается в описываемое время неудобным для проживания горожан.

Содержание медиаобраза Омска раскрывается на страницах «Дорожника» не статично, а в развитии. Так, в изданиях 1899–1901 гг. архитектура города сначала была представлена преимущественно одноэтажной деревянной застройкой, но постепенно появляются иллюстрации каменного зодчества, например нового Успенского собора на Успенской площади. Представлены планы по благоустройству города, куда входит строительство каменного здания городского театра, Ильинского моста, строительство трамвайной линии (Рисунок 4) («Дорожник», 1899, № 1: 58).

Следуя страницам «Дорожника», можно узнать, что городское сообщество Омска разнородно, но представители сибирских коренных народов бывают здесь нечасто: «поселившихся и осевших в городе инородцев немного. Киргизы в большинстве случаев приезжают лишь на базар для сбыта лошадей, рогатого скота, овец и пр. или же появляются по делам в административных и судебных учреждениях» («Дорожник», 1899, № 1: 62).

Суммируя содержание публикаций, можно указать на основные черты медийного образа города Омска, представленного в публикациях «Дорожника». Омск – это развивающийся сибирский город, вступивший в период индустриализации, административный центр Западной Сибири, при этом повседневный быт большинства горожан нуждается в значительном улучшении, социальная сфера города развита недостаточно.

Медийный образ Иркутска начинает складываться с публикаций в № 2 за 1899 год, где под авторством N и С–к были опубликованы справочные сведения об этом губернском восточносибирском городе, имеющем важное административное значение как местопребывания иркутского военного генерал-губернатора, управление которого распространялось на значительные по масштабу сибирские территории: Иркутскую и Енисейскую губернии и Якутскую область. Здесь же находилось Главное управление Восточной Сибири. В медийном образе Иркутска преобладает положительное содержание: в публикациях авторы N и С–к, а также А. Голодков рассказывают, что в городе развиты торговое дело, телефонная сеть, активно развивается образовательная, просветительская, культурная и благотворительная сферы, ведется новое строительство – в большинстве своем на средства золотопромышленников («Дорожник», 1899, 2: 22-55; «Дорожник», 1900, 5: 45-47).

Информационный образ далекого города Туруханска складывается в контексте концентрации в нем сведений обо всем Туруханском крае, расположенном на севере Енисейской губернии. Содержание этого образа неоднозначно и противоречиво. Величие и масштабность территории контрастируют с количеством живущих там людей: по переписи зафиксировано всего 10 609 жителей Туруханского края – преимущественно кочующих коренных народов. В городе Туруханске, рассказывается на страницах «Дорожника», всего 28 изб, в которых живут 197 человек. Постройки города расположены случайным образом, организованных улиц нет. Но при этом в Туруханске действует «одна церковно-приходская школа с интернатом для инородческих детей» и метеорологическая станция 2 разряда («Дорожник», 1899, 1: 71).

Помимо суровых климатических особенностей Туруханского края (в журнале говорится, что «здесь только два времени года – знойное короткое лето и долгая, долгая сердитая зима», в его описаниях отмечаются «суровая природа», «мирады всевозможных насекомых, не дающих человеку и животным покоя ни днем, ни ночью в течение всего лета»), делается акцент на «безмолвии» и «равнинности» севера Енисейской губернии (с помощью таких выражений, как «бесконечная равнина», «изредка встречаются следы, указывающие на присутствие здесь человека», «бесконечная пустыня»). Автором подчеркивается значительная удаленность территории от губернского города Красноярска (часто встречаются выражения «на далеком Севере», «далекий край»). Говорится, что в Туруханске почтовое сообщение бывает не чаще, чем один раз в месяц: в зимнее время на оленях и собаках, летом – по воде, когда организуется около двух паромных рейсов из Красноярска и Енисейска, что городу и краю не хватает медицинских и образовательных учреждений. При этом подчеркивается, что природа Туруханского края поражает своим масштабом (используется характерное выражение – «необъятное пространство»), уникальностью (применяются такие выражения, как «волшебная красота северного сияния», «громаднейшие залежи ископаемых богатств в крае, обилие ценнейших пород пушного зверя», «обилие ценных рыбных богатств в могучем Енисее»). В заключение своего обзора, автор А. Кр–ский призывает «обратить серьезное внимание на этот заброшенный и, кажется, самой судьбой забытый край и заняться правильной эксплуатацией его богатств» («Дорожник», 1899, 1: 70-72).

Таким образом, информационный образ Туруханска и прилегающих к нему территорий базируется на следующих характеристиках: необъятности пространства, удаленности от губернского центра, малочисленности населения, неразвитости инфраструктуры, ресурсном богатстве, огромном экономическом потенциале.

Уникальность сибирской природы подчеркивается и в справочных сведениях о Мариинской золотоприисковой тайге Томской губернии, которая описывается автором Ю. Горбатовским как «часть огромного таежного пространства в области горного хребта Алатау, находящегося в Мариинском уезде», богатого золотом, известковыми и мраморными породами, а также разнообразием животного мира и хорошей древесиной («Дорожник», 1899, 3: 61).

Территория Алтая в журнале называется «Сибирской Швейцарией». В очерке «Выдающиеся местности Алтайского горного округа», опубликованном в № 1 за 1899 г., алтайские места описываются автором под псевдонимом «Сибиряк» с помощью таких выражений, как: «гремучие ручьи и изумрудные реки», «пенящиеся волны Катуня». Алтайское село Черга, по мнению автора очерка, отличается хорошими климатическими условиями, «дешевизной жизни и проезда». Воздух села описывается как целебный: «много едут сюда лечиться с грудными болезнями». «Величавые горы» и «дикие скалы» в окрестностях Чемала несут в себе память об истории алтайских народов («Дорожник», 1899, 1: 86).

В журнале говорится об еще одной уникальной природной территории Сибири – Карачинском целебном озере, расположенном в Каинском уезде Томской губернии. Сообщается, что грязь со дна озера полезна «от ревматизма и кожных болезней», «желудочных болезней» и т.д. «Каждый пользуется озером, как вздумается; кто купается в открытом озере, кто берет ванны, какой вздумается температуры, кто пьет воду, кто намазывается грязью». На берегу озера можно арендовать помещения, но «содержание обходится дорого». В близком расположении целебного озера к железнодорожной станции автор П. Оленин видит в будущем развитие этого места как курорта («Дорожник», 1899, 3: 90).

Важным аспектом информационного образа северных и сибирских территорий, с точки зрения авторов «Дорожника», является уровень развития транспортной инфраструктуры. Так, огромное значение придается Северному морскому пути, о котором говорится в очерке «Северный морской путь в начале XVII века», опубликованном в первом выпуске журнала за 1899 год под авторством А. Ш–ва. Использованию этой морской трассы в ближайшем будущем автор предсказывает активное развитие и, как следствие, должно произойти и улучшение общего состояния Северной Сибири. Автор очерка надеется, что «живительное дыхание культуры, занесенной сюда из более счастливых мест, пробудит ото сна этот суровый, мрачный, но далеко не обделённый естественными дарами, огромный край» («Дорожник», 1899, 1: 92).

Северный морской путь с насыщенной историей его освоения в прошлые столетия раскрывается в журнале с точки зрения его экономических возможностей для улучшения жизни всей Российской империи. С его помощью можно наладить регулярный перевоз природных ресурсов для торговли с зарубежными странами: «первобытные прекрасные леса, громадные залежи пользующегося известностью сибирского графита, рыбные богатства могучих сибирских рек, миллионы пудов сибирского хлеба, продукты сибирского скотоводства – все это получит широкий сбыт на заграничные рынки только этим путем»; «явятся предприниматели, "придет капитал", начнется эксплуатация природных богатств; край оживится, население его увеличится и жизнь будет полнее и разностороннее» («Дорожник», 1899, 1: 92).

В качестве также перспективных дорожных путей сообщения для связанности территорий Российской империи в журнале приводятся сведения о Чуйской тропе, или Чуйском тракте, – одном из наиболее значимых торгово-экономических и логистических путей Сибири XIX–XX вв. Чуйский тракт имеет большую историю, но находится, по мнению автора Г. Ба–ова, «на первобытной степени развития» («Дорожник», 1899, 2: 74). Тракт служит местом торговли между Российской империей и Монголией, благодаря чему впоследствии были разработаны торговые пути для перемещения караванных грузов между городом Бийском и приграничными селениями Монголии («Дорожник», 1899, 2: 74–86).

Со второй половины XIX в. по пути Чуйского тракта появилась и закрепилась стоянка у реки Бураты, где регулярно проводилась Буратинская ярмарка, как правило 3 раза в год. На этой ярмарке были введены цветное маркирование торговых пространств торговцами разных территорий и практика обмена товарами в долг. Как отмечает автор Н. Горбатовский, зачастую торговля здесь носила ростовщический, даже принудительно-кредитный и меновый характер. Ярмарки вдоль Чуйского тракта влияли на увеличение протяженности и главной дороги, и прилегающих к ней троп («Дорожник», 1900, 2: 40–46).

Медийный образ Чуйского тракта на страницах журнала «Дорожник» характеризуется следующими содержательными элементами: «труднодоступностью», «тяжестью пути». Подчеркивалось, что главным для его развития является строительство колесной дороги в ближайшем будущем.

5. Заключение

Медийный образ города, территории, региона, создаваемый в сибирской региональной прессе, возникает за счет интеграции и распространения тиражируемой информации, которая придает этому образу устойчивый характер. За той или иной территорией закрепляются конкретные значения, определения, эпитеты, характеристики, с которыми отныне будут ассоциироваться ее географические названия. Региональная сибирская пресса Российской империи «работала» не только на формирование локального, или областного информационного образа сибирских и северных территорий, но и активно влияла на государственное отношение к ним в столицах России, а в случае с

«Дорожником по Сибири и Азиатской России» это информационное влияние сказывалось и на международном уровне.

Сибирские локальные периодические издания Российской империи рубежа XIX–XX вв. отличаются близостью к читателю: журналисты обращаются к повседневной жизни, знакомой людям, их насущным проблемам и радостным событиям. В публикациях используются местные стереотипные выражения, «свои» знаковые персонажи и т.д. Дистанция между читателем и авторами здесь намеренно уменьшается, что приводит к повышению доверия к публикациям и формированию позитивного отношения к журналу, повышению его авторитета.

Медийные образы сибирских и северных территорий Российской империи на рубеже XIX–XX вв. складываются из акцентов в публикациях на перспективность развития этих земель, их динамичность, противоречивость и неоднозначность. Авторы заметок, статей, очерков закрепляют за сибирскими и северными окраинами Российской империи такие знаковые характеристики, как богатство ресурсами и красота природы, территориальная удаленность от центра государства и стратегическая значимость с точки зрения геополитического статуса. При этом авторами отмечаются отличия в темпах административного и экономического развития от социального и культурного.

В сибирской региональной прессе в целом территория Сибири Российской империи рубежа XIX–XX вв. представлена как ресурсный центр всей страны, перспективный для развития многих сфер общества, имеющий высокие темпы социально-экономических изменений и достаточно большую степень адаптивности живущих здесь людей к этим высокоскоростным трансформациям.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001.

Литература

Гермизеева, 2016 – Гермизеева В.В. Облик города Омска в конце XIX века // *Проблемы современной науки и образования*. 2016. № 17 (59). С. 37-38.

«Дорожник», 1899 – Журнал «Дорожник по Сибири и Азиатской России» 1899 года издания.

«Дорожник», 1900 – Журнал «Дорожник по Сибири и Азиатской России» 1900 года издания.

Ермакова, 2017 – Ермакова В.А. Социально-экономическое положение г. Турина на 1900 г. (по материалам издания «Дорожник по Сибири и Азиатской России») // Лучшая научно-исследовательская работа 2017: Сборник статей. 2017. С. 43-46.

Жилякова, 2010 – Жилякова Н.В. Становление системы журнальной периодики дореволюционного Томска (1886–1916 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 10. С. 105-117.

Зиммель, 2018 – Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018. 109 с.

Костин, 2013 – Костин В.М. Всеволод Алексеевич Долгоруков. Томск, 2013. 240 с.

Крутовский, 1912 – Крутовский В.М. Периодическая печать в г. Томске. Томск, 1912.

Ланкина, 2016 – Ланкина Ю.С. Социокультурное развитие городов юга Приамурского генерал-губернаторства в 1884–1913 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. 2016. 22 с.

Линч, 1982 – Линч К. Образ города. М., 1982. 328 с.

Лукошкова, 2017 – Лукошкова А.О. Знахарство в Западной Сибири на рубеже XIX–XX веков (по материалам издания «Дорожник по Сибири и Азиатской России») // Лучшая научно-исследовательская работа 2017: Сборник статей. 2017. С. 30-32.

Макарова, 2016 – Макарова Е.А. Литературно-издательская ситуация Томска рубежа XIX–XX вв. в контексте развития издательского дела в Сибири // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2016. № 2(11). С. 110-130.

Митчелл, 2012 – Митчелл У. Я.++: Человек, город, сети. М., 2012. 148 с.

Никаев, 2012 – Никаев Х.Р. Периодическая печать как исторический документ // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. 2012. № 7. С. 23-30.

Подрезов, 2018 – Подрезов М.В. Чуйский вьючный путь: конец XVIII – первая половина XIX в. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 51. С. 69-73.

Ревзин, 2021 – Ревзин Г. Как устроен город. 36 эссе по философии урбанистики. М., 2021. 264 с.

Родионова, 2017 – Родионова Ю.И. Пельымский край в начале XX в. (по материалам издания «Дорожник по Сибири и Азиатской России») // Лучшая научно-исследовательская работа 2017: Сборник статей. 2017. С. 47-50.

Смирнов, 2007 – Смирнов В.Б. Журналистика провинции // *Вестник ВолГУ*. 2007. № 8 (6). С. 183-188.

Таточенко, 2010 – Таточенко В.В. Роль провинциальной прессы в формировании гражданского общества в России в конце XIX – начале XX в.: по материалам Ярославской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. 2010. 24 с.

Тушканов, 2015 – Тушканов Д.И. Изучение периодической печати Царицына: историографический обзор // *Актуальные проблемы истории – краеведческие исследования: Сборник научных работ*. 2015. С. 78-83.

Koptseva et al., 2017 – Koptseva N.P., Luzan V.S., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. Content analysis of the Russian federal and regional basic legislation on the cultural policy // *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2017. № 30 (1). Pp. 23-50.

Smolina et al., 2018 – Smolina M.G., Koptseva N.P., Sertakova E.A. Literature review on the urban environment of Krasnoyarsk // *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*. 2018. 11(10). Pp. 1653-1672.

Koptseva, Seredkina, 2021 – Koptseva, N.P., Seredkina, N.N. (2021). The Journal "North" (1903) as a Historical Source: The Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16: 343-356.

Zamaraeva et al., 2019 – Zamaraeva Y.S., Kistova A.V., Kolesnik M.A., Koptseva N.P., Reznikova K.V., Seredkina N.N., Sitnikova A.A. Krasnoyarsk urban environment: Main characteristics. // *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*. 2019. № 12(6). Pp. 1106-1123.

References

«Dorozhnik», 1899 – Zhurnal «Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii» 1899 goda izdaniya [Journal «Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii» 1899 year of publication].

«Dorozhnik», 1900 – Zhurnal «Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii» 1900 goda izdaniya [Journal «Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii» 1900 year of publication].

Ermakova, 2017 – Ermakova, V.A. (2017). Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie g. Turinska na 1900 g. (po materialam izdaniya «Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Azii») [Socio-economic situation of the city of Turinsk in 1900 (based on the materials of the publication "Road Guide to Siberia and Asian Russia")]. Luchshaya naucho-issledovatel'skaya rabota: sbornik nauchnyh statey, pp. 43-46. [in Russian]

Germizeeva, 2016 – Germizeeva, V.V. (2016). The appearance of the city of Omsk at the end of the XIX century. *Problemy sovremennoi nauki*. 17(59): 37-38. [in Russian]

Koptseva et al., 2017 – Koptseva N.P., Luzan V.S., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. (2017). Content analysis of the Russian federal and regional basic legislation on the cultural policy. *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*. 30(1): 23-50.

Koptseva, Seredkina, 2021 – Koptseva, N.P., Seredkina, N.N. (2021). The Journal "North" (1903) as a Historical Source: The Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16: 343-356.

Kostin, 2013 – Kostin, V.M. (2013). Vsevolod Alekseevich Dolgorukov [Vsevolod Alekseevich Dolgorukov]. Tomsk. [in Russian]

Krutovskiy, 1912 – Krutovskiy, V.M. (1912). Periodicheskaya pechat' v g. Tomske [Periodical press in Tomsk]. Tomsk. [in Russian]

Lankina, 2016 – Lankina, Yu.S. (2016). Sociokul'turnoe razvitiye gorodov yuga Priamurskogo generalgubernatorstva v 1884–1913 gg. [Sociocultural development of cities in the South of the Amur General government in 1884–1913]. Irkutsk. [in Russian]

Linch, 1982 – Linch, K. (1982). Obraz goroda [The image of city]. Moskva. [in Russian]

Lukoshkova, 2017 – Lukoshkova, A.O. (2017). Znaharstvo v Zapadnoi Sibiri na rubezhe XIX–XX vekov (po materialam izdaniya «Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Azii») [Quackery in Western Siberia at the turn of the XIX-XX centuries (based on the materials of the publication "Road Guide to Siberia and Asian Russia")]. Luchshaya naucho-issledovatel'skaya rabota 2017: sbornik nauchnyh statey, pp. 30-32. [in Russian]

Makarova, 2016 – Makarova, E.A. (2016). Literaturno-izdatel'skaya situatsiya Tomska rubezha XIX–XX vv. v kontekste razvitiya izdatel'skogo dela v Sibiri [The literary and publishing situation of Tomsk at the turn of the XIX-XX centuries. in the context of the development of publishing in Siberia]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. 2(11): 110-130. [in Russian]

Mitchell, 2012 – Mitchell, W. (2021). Ya++: Chelovek, gorod, seti [Me++: Man, City, Nets]. Moskva. [in Russian]

Nikaev, 2012 – Nikaev, H.R. (2012). Periodical press as a historical document. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodyh uchenykh*. 7: 23-30. [in Russian]

Nikaev, 2012 – Nikaev, H.R. (2012). Periodical press as a historical document. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodyh uchenykh*. 7: 23-30. [in Russian]

Podrezov, 2018 – Podrezov, M.V. (2018). The Chui pack route: the end of the XVIII – the first half of the XIX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 51: 69-73. [in Russian]

Revzin, 2021 – Revzin, G. (2021). Kak ustroen gorod. 36 esse po filosofii urbanistiki [How the city works. 36 essays on the philosophy of urbanism]. Moskva. [in Russian]

Rodionova, 2017 – Rodionova, Yu.I. (2017). Pelymskiy kraj v nachale XX v. (po materialam izdaniya «Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Azii») [Pelymskii territory in the beginning of XX century (based on the materials of the publication "Road Guide to Siberia and Asian Russia")]. Luchshaya naucho-issledovatel'skaya rabota 2017: sbornik nauchnyh statey, pp. 47-50. [in Russian]

Smirnov, 2007 – Smirnov V.B. (2007). The journalism of province. *Vestnik VolGU*. 8 (6): 183-188.

Smolina et al., 2018 – Smolina, M.G., Koptseva, N.P., Sertakova, E.A. (2018). Literature review on the urban environment of Krasnoyarsk. *Journal of Siberian Federal University*. 11(10): 1653-1672.

Tatochenko, 2010 – Tatochenko, V.V. (2010). Rol' provintsial'noi pressy v formirovanii grazhdanskogo obschestva v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.: po materialam Yaroslavckoi gubernii [The role of the provincial press in the formation of civil society in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century: based on the materials of the Yaroslavl province]. Ivanovo. [in Russian]

Tushkanov, 2015 – Tushkanov, D.I. (2015). Izuchenie periodicheskoy pechati Caricyna: istoriograficheskij obzor [Studying the Tsarityno periodical press: a historiographical review: collection of scientific works]. *Aktual'nye problemy istorii – kraevedcheskie issledovaniya: sbornik nauchnyh rabot*, pp. 78-83. [in Russian]

Zamaraeva et al., 2019 – Zamaraeva, Y.S., Kistova, A.V., Kolesnik, M.A., Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Seredkina, N.N., Sitnikova, A.A. (2019). Krasnoyarsk urban environment: Main characteristics. *Journal of Siberian Federal University*. 12(6): 1106-1123.

Zhilyakova, 2010 – Zhilyakova, N.V. (2010). Formation of the system of magazine periodicals of pre-revolutionary Tomsk (1886–1916). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10: 105-117. [in Russian]

Zimmel', 2018 – Zimmel', G. (2018). Bol'shie goroda I duhovnaya zhizn' [Large Cities and Spiritual Life]. Moskva. [in Russian]

Образ сибирских территорий Российской империи в региональных периодических изданиях рубежа XIX–XX вв.

Наталья Петровна Кошцева ^{a,*}, Ксения Александровна Дегтяренко ^a, Дарья Сергеевна Пчелкина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается исследовательский потенциал периодических изданий в качестве исторического источника наравне с экономическими, делопроизводственными и иными видами документов. Благодаря содержанию рубрик и регулярности тиражирования своих выпусков, периодика может служить своего рода дневником, формирующим социокультурный контекст эпохи. Зафиксированы значимые характеристики, свойственные северным и сибирским территориям Российской империи рубежа XIX–XX вв. В качестве основы для определения информационного образа городов, сообществ и местностей этой части империи выбран региональный журнал «Дорожник по Сибири и Азиатским городам» – первый частный журнал г. Томска. Главным редактором и идеологом издания выступил князь В.А. Долгоруков, который вел активную издательскую и журналистскую деятельность. В «Дорожнике» периодически велась рубрика, посвященная городам Омску, Томску, Иркутску, Туруханску и т.д., а также прилегающим к ним территориям. В результате проведенного качественного контент-анализа и системного анализа были определены характерные черты сибирских территорий Российской империи: позитивность, неоднозначность, противоречивость, перспективность, ресурсное богатство, стремление преодолеть территориальную отдаленность благодаря достоинствам сибирской и северной земли. Образ сибирских городов, сообществ и территорий закреплялся с помощью сибирской региональной прессы не только на местном уровне, но и общероссийском, а также международном, поскольку журнал «Дорожник» имел публикации на французском языке и выпускался во Франции.

Ключевые слова: «Дорожник по Сибири и Азиатской России», Север, Сибирь, Азиатская часть Российской империи, князь Всеволод Алексеевич Долгоруков, образ города, контент-анализ, региональная идентичность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Кошцева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 432-439
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.432

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of Japanese Financial Groups (Zaibatsu) in Russo-Japanese War 1904–1905

Anna V. Popova ^{a,*}, Aleksandr I. Alekseev ^a, Svetlana S. Gorokhova ^a, Marianna G. Abramova ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^b Moscow State Lomonosov University, Russian Federation

Abstract

The article provides an analysis of some subjects considering the role of financial groups with vertical line of command directing to members of one clan (zaibatsu) in process of preparing Japan to Russo-Japanese war 1904–1905 as a key part of setting up the whole vector of development of Russian Empire's politics in Far East. Authors distinguishes factors, which caused zaibatsu's participation in preparing Japan to Russo-Japanese war, highlights main vectors of its activity during the pre-war period, and also distinguishes some consequences of the beginning of Russo-Japanese war for economic activity's participants, like zaibatsu, its emergence, for example. Authors also analyses legal measures Japanese government took to develop a relation considering providing services and selling goods to zaibatsu, which were put to a thoughtful consideration during Russo-Japanese war. In this article author provides an analysis of role of each classic zaibatsu had been running during preparation to the war between Russian Empire and Japan (so called "big four" zaibatsu) and what part they took in creating Japanese Imperial military forces, putting special consideration to its role in such vital sphere as shipbuilding and producing raw materials. Author seeks law government provided as one of the primary sources of effective organizing this partnership in case of reaching expansion purposes.

Keywords: zaibatsu, financial groups, Russo-Japanese war, Nicholas II, Far East, military contracts, Mitsui, Sumitomo, Mitsubishi, Yasuda.

1. Введение

Общественное и государственно-правовое развитие Японии в Новое время отличалось значительными особенностями, многие из которых до сих пор оказывают существенное влияние на формирование внутренней и внешней политики этого островного государства. Одной из таких особенностей являются дзайбацу – финансово-промышленные группы, характеризующиеся рядом специфических черт, к числу которых можно отнести следующие:

1. Руководство группой членами одного клана (группы семей), которым принадлежала относительно малая доля общего объема активов.
2. Пирамидальная структура подчинения дочерних предприятий, в рамках которой одному из предприятий более высокого уровня всегда принадлежала доля более 50 % от дохода.
3. Доминирующее положение на одном или нескольких товарных рынках.

После буржуазной революции Мейдзи в период с 1868 г. до начала XX в. дзайбацу являлись одним из основных акторов социально-экономической и политической трансформации Японии. Эти группы не только участвовали в создании отдельных объектов тяжелой промышленности и инфраструктуры, но и способствовали процессу социальной гомогенизации некогда феодально-раздробленной Японии, помогая трудоустроиваться бывшим представителям различных сословий

* Corresponding author

E-mail addresses: anna0710@yandex.ru (A.V. Popova), thekeplerslab@gmail.com (A.I. Alekseev), swettalana@yandex.ru (S.S. Gorokhova), abramova-m@mail.ru (M.G. Abramova)

японского общества (Morck, Nakamura, 2007: 546). В 1880-х гг. в руки дзайбацу было передано большинство созданных государством предприятий в сфере легкой и тяжелой промышленности (Smith, 1955: 87). Результатами осуществленной в конце XIX в. индустриализации стал резкий технологический и промышленный подъем, определивший вектор развития внешней политики Японии, направленный на масштабную колониальную экспансию за пределы Японского архипелага, и прежде всего в сторону Российской империи (Yasuoka, 1977: 87).

2. Материалы и методы

При проведении исследования использовались нормативные правовые акты Японии, регулировавшие деятельность дзайбацу как особых финансово-промышленных групп, в частности: 民法明治二十九年四月二十七日法律第八十九号 [Гражданский кодекс, принятый Законом № 89 от 27 апреля 1896 г.] (Гражданский кодекс, 1898); 商法明治三十二年三月九日法律第四十八号 [Коммерческий кодекс, принятый Законом № 48 от 9 марта 1899 г.] (Коммерческий кодекс, 1899); 明治二十九年法律第十六号造船奨励法 (Закон о поддержке кораблестроительства Закон № 16 от 1897) (Закон, 1897), а также различного рода исторические и историко-правовые научные труды зарубежных и российских авторов.

Настоящее исследование осуществлялась с использованием общенаучных и специальных методов написания научных работ. В частности, исторический метод применялся для определения хода подготовки Японии к Русско-японской войне, историко-правовой – для оценки хода реализации правового закрепления отношений государства и дзайбацу. Диалектический метод использовался для оценки роли дзайбацу в производственной цепочке создания элементов военно-промышленного комплекса Японии.

3. Обсуждение

Со второй половины XX в. целый ряд работ японских и американских исследователей был посвящен оценке роли и места дзайбацу в становлении японского государства и права. Так, К. Сигаки, изучая процесс появления дзайбацу, утверждал, что их зарождение следует связывать с возникновением промышленного производства в Японии в 1870-х гг. (Shibagaki, 1966). Такая точка зрения была главенствующей до конце XX в., когда в научной литературе получили распространение и другие концепции по проблеме появления и генезиса дзайбацу в период 1868–1912 гг. Так, некоторые исследователи (Beasley, 1990; Seita, Tamura, 1994) указывали, что именно экспансия на континент и военные заказы в ходе войн с Китаем и Российской империей послужили причиной окончания процесса формирования дзайбацу, тогда как в преддверии войн финансово-промышленные группы еще находились в переходной стадии.

Другая точка зрения (Morck, Nakamura, 2007; Yasuoka, 1977) заключается в том, что момент возникновения дзайбацу определяется историческим периодом реформ Мэйдзи в 1880-х гг., когда и произошла передача некоторых государственных инфраструктурных предприятий не только в управление, но и собственность дзайбацу как особым финансово-промышленным группам.

Третья позиция заключается в том, что часть авторов считает, что для определения правового статуса дзайбацу необходимо иметь в виду не только особую систему управления персоналом, но и характеристику финансово-экономического потенциала различного рода промышленных компаний, входящих в их структуру. По мнению этих исследователей, именно так и возникли промышленные «монстры», известные и сегодня – такие как Мицубиси, Сумитомо и Ясуда. Р. Морк отмечает, что только существовавшее в дзайбацу особое корпоративное управление позволило эффективно использовать государственные активы, а в дальнейшем – влиять на государственную политику, в том числе и внешнюю. В результате не только близость кланов, создавших дзайбацу, к императору и правительственным кругам, но и особый стиль и методы управления, а также начавшиеся в конце XIX в. процессы приватизации, в ходе которых бывшая собственность императора и государства перешла в собственность подобных финансово-промышленных групп, явились причинами создания дзайбацу (Morck, Nakamura, 2005: 377).

В российской историографии интерес к роли и месту дзайбацу возникает только в начале XXI в., при этом в большинстве работ они лишь упоминаются в рамках оценки экономических реформ эпохи Мэйдзи (Лебедева, 2011; Тимонина, 2011; Мещерякова, 2006). С 2017 г. ряд исследователей, разделяя позиции японской и американской историографии, в то же время отмечает, что дзайбацу, предпосылки появления которых можно отнести к концу 1870-х – началу 1880-х гг., на практике стали играть существенную роль в социально-экономическом развитии Японии лишь с октября 1884 г., когда клановые корпорации, поддержанные правительства Японии (Мицуи, Мицубиси, Асано, Кухара, Фурукава, Кавасаки, Сумимото и Ясуда), получили право участвовать в приватизации промышленности, получая при этом еще и налоговые льготы (Лебедева, 2011: 110–112; Емельянова и Планов, 2018: 454). Таким образом, в дзайбацу были реализованы как традиционные (этико-клановые принципы управления), так и новые подходы (менеджмент и попытки наладить государственно-частное партнерство), появившиеся в период Мэйдзи (1868–1912 гг.) (Емельянова, 2017).

Существование различных точек зрения в зарубежной и российской историографии значительно актуализирует обращение к юридическим документам и научной литературе по истории развития дзайбацу и их роли как в социально-экономическом развитии Японии, так и в войне между Российской империей и Японией 1904–1905 гг.

4. Результаты

Тесная взаимосвязь дзайбацу с органами государственной власти Японии, эффективное привлечение стороннего капитала для развития национальной экономики, а также отсутствие противодействия со стороны широких слоев населения, не воспринимавшего конкуренцию как единственный источник здорового развития экономики, позволили дзайбацу как особым финансово-промышленным группам стать фактически единственными производителями различных товаров, особенно при исполнении государственного военного заказа (Morck, 2005: 359). В 1890–1901 гг. промышленное производство достигает в Японии своего пика, что позволило правительству инвестировать большие объемы денежных средств в объекты военно-промышленного комплекса, привлекая к этому средства, полученные предприятиями, входившими в структуру дзайбацу (Kazu, 1966: 555).

В результате экспансионистской внешней политики Япония к началу XX в. захватила Корею, а также часть Китая. По результатам японо-китайской войны 1894–1895 гг. под контроль Японии перешли также Ляодунский полуостров и Маньчжурия, входившие в сферу геополитических интересов Российской империи на Дальнем Востоке (Баранникова, 2016: 146–147). Однако политика Николая II по мирному разрешению назревающего военного конфликта с Японией привела к ее отказу от прав на Ляодунский полуостров, который перешел во временное пользование России (Ольденбург, 1991: 226).

Дальнейшие шаги Российской империи по укреплению своего присутствия в Дальневосточном регионе, в частности посредством создания там промышленных объектов в виде ресурсодобывающих концессий в Корею и освоения Маньчжурии, привели к еще большему обострению отношений между Российской и Японской империями, в результате чего японский император потребовал от России полностью покинуть территорию Маньчжурии. Император Николай II, по мнению зарубежных исследователей, мог разрешить данный конфликт, только признав капитуляцию перед Японией и уйдя с территории Дальнего Востока. Подобного рода шаги коренным образом противоречили национальным интересам и нуждам России и поэтому были совершенно невозможны (Боханов, 2008: 148). Дальнейшая эскалация конфликта привела к тому, что в ночь на 27 января (9 февраля по новому стилю) 1904 г. без объявления войны эскадра русского императорского флота, находившаяся у берегов Порт-Артура, бывшего тогда в российском владении, была атакована кораблями японского флота, что и послужило началом военных действий между Россией и Японией (Соколовская, 2017: 207).

Война против Российской империи являлась достаточно серьезным шагом для Японии, который не мог быть осуществлен без тщательной заблаговременной подготовки, кульминация которой, по оценкам российских исследователей, пришлась на 1901–1903 гг. (Кудрявцев, 2002: 506). В то же время, по мнению У.Г. Бизли, процесс подготовки к войне с Россией начался еще в 1899 г. (Beasley, 1990: 45). Задача по обеспечению японской армии и флота оружием, снаряжением и техникой легла на заранее подготовленные и уже продемонстрировавшие свою эффективность финансово-промышленные группы (дзайбацу). Решающим фактором в определении дзайбацу в качестве главных действующих лиц в милитаризации Японии был признан опыт японской индустриализации, осуществленной при непосредственном их участии еще в период 1860–1870-х гг. Эффективность шагов, предпринятых этими финансово-промышленными группами, была подтверждена еще в 1874 г. при проведении военной экспедиции на Тайвань. Тот успех продемонстрировал не только новый статус Японии как индустриального, динамично развивающегося государства, но и эффективность дзайбацу как субъекта государственно-частного партнерства, в том числе в рамках реализации государственного военного заказа. Кроме того, полученные в результате экспедиции денежные средства и иные активы были использованы для дальнейшего развития и усиления роли дзайбацу в системе государственно-правового управления (Ramirez, 2019: 81).

Следует подчеркнуть, что формально военные заказы оставались исключительно в руках правительства Японии, однако решающую роль в формировании военно-промышленного комплекса Японии осуществляли дзайбацу. Так, в период с 1871 по 1879 гг. дзайбацу Мицуи посредством личных частных соглашений с министром промышленности Иноей Каору смогли получить по цене, в несколько раз ниже рыночной, шахты, в которых добывались уголь, медь, железо и сера, в частности одну из крупнейших угольных шахт Миике. Так, фактически полностью под контроль дзайбацу попала добыча сырьевых ресурсов, необходимых для военно-промышленного комплекса (Smellow, 1970: 46). Также в распоряжение дзайбацу Мицуи были переданы предприятия по производству текстиля, в результате чего на дзайбацу Мицуи к началу Русско-японской войны пришлось немногим менее 32 % от всего производства хлопка в Японии, в т.ч. для военных нужд (Rose, 2015: 44).

Дзайбацу Мицубиси, основанный в 1875 г., изначально имел тесную связь с военно-морскими проектами правительства Японии. Так, при создании дзайбацу правительство передало его

основателю Ивасаки Ятаро тринадцать кораблей, которые использовались для транспортировки солдат к театрам военных действий в последующие десятилетия (Johnson, 2000: 33). До 1885 г. включительно данному дзайбацу предоставлялись ежегодные субсидии в размере от 250.000 йен (Yamamura, 1967: 144). В результате к 1885 г. дзайбацу Мицубиси официально стал монополистом в сфере обеспечения военно-морских перевозок (Johnson, 2000: 34). В знак неофициальной благодарности дзайбацу Мицубиси получил по заниженной цене доки в Нагасаки, угольную шахту Тасашима, а также золотые рудники Садо и серебряные – Икуно, остальные рудники и месторождения были переданы правительством дзайбацу Сумитомо (Smellow, 1970: 47). Все это обусловило попадание сферы добычи полезных ископаемых в руки финансово-промышленных групп, а передача концессий на добычу ресурсов за рубежом, в частности в Корее и Маньчжурии, закрепила монопольное положение дзайбацу в японской экономической системе.

По мнению М. Рамиреса, подобный стремительный рост финансово-промышленных групп в конце XIX – начале XX вв., когда японские дзайбацу уже вышли на рынки Китая и Кореи, опережая в этом европейские страны, привел к жесткой конкуренции между самыми могущественными дзайбацу (Мицубиси, Мицуи, Сумитомо, Ясуда, Асано, Фурукава Кавасаки, Отани и Окура). Экспедиция против Тайваня (1874) помогла Мицубиси, получившей от правительства карт-бланш на перевозку японских войск, для чего ей были переданы дополнительные корабли, купленные у Великобритании, и назначена ежегодная субсидия в размере 250.000 йен, превратиться в самую могущественную корпорацию Японии. Заручившись поддержкой японского правительства, глава дзайбацу Мицубиси Ивасаки Ятаро сумел объединить собственные судоходные компании с судоходной корпорацией Мицуи, которая впоследствии стала заниматься производством шелка (Ramirez, 2019: 81).

К началу Русско-японской войны только 28 % кораблей производилось силами дзайбацу, в частности объединенными силами дзайбацу Мицуи и Кавасаки (Yoshio, 1965: 460). Подавляющее же большинство военных кораблей было приобретено у Великобритании, но их подготовка к эксплуатации в боевых условиях осуществлялась непосредственно силами военнослужащих японского флота (Davies, 1999: 6). В таких стратегически важных отраслях промышленности, как добыча и обработка металлов, производство амунции и пр. доля дзайбацу составляла более половины. В результате роль государственных предприятий, обеспечивавших нужды армии и флота, ограничивалась лишь «отверточной» модернизацией приобретенных кораблей в целях приведения их в соответствие с нуждами и особенностями военно-промышленного комплекса Японии посредством поступающих от входивших в дзайбацу предприятий узлов и агрегатов (Okazaki, 2000: 267).

Основными участниками подготовки Японии к Русско-японской войне стала так называемая «большая четверка» дзайбацу – Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда, которые продолжают существовать, правда уже в форме финансовых конгломератов, и в настоящее время (Addicott, 2017: 66). Пока дзайбацу Мицуи и Мицубиси, осуществляя подготовку к войне, занимались кораблестроением, а также добычей и обработкой сырья, дзайбацу Сумитомо осуществляла добычу полезных ископаемых и развитие текстильной промышленности. Дзайбацу Ясуда оказывал преимущественно непрямую поддержку в подготовке к войне в виде осуществления страховых и иных финансовых услуг различного рода государственным и общественным организациям (Dominici, 2010: 13). По мнению некоторых исследователей, к которым относятся, в частности, А. Сейта и Дж. Томура, именно развитость военно-промышленного комплекса, обеспеченная дзайбацу, позволила Японии не только победить в Русско-японской войне, но и создать все условия для утверждения Японии в качестве полноценного субъекта международного права (Seita, Tamura. 1994: 127).

Масштабная реформа законодательства, проведенная в последнее десятилетие XIX в., также во многом способствовала эффективной подготовке промышленности и экономики Японии к войне. Так, помимо принятия новых 民法明治二十九年四月二十七日法律第八十九号 [Гражданский кодекс, принятый Законом № 89 от 27 апреля 1896 г.] (Гражданский кодекс, 1896) и 商法明治三十二年三月九日法律第四十八号 [Коммерческий кодекс, принятый Законом № 48 от 9 марта 1899 г.] (Коммерческий кодекс, 1899), закрепивших правила гражданского оборота в целях ускорения производства кораблей для военного флота Японии, дзайбацу был предоставлен широкий перечень льгот для их участия в кораблестроении (Леонтьева, 2009: 16) нормами 明治二十九年法律第十六号造船奨励法 [Закон о поддержке кораблестроительства Закон № 16 от 1897] (Закон, 1897).

Положения данного нормативного правового акта предусматривали также существенное расширение полномочий органов государственной власти. Так, в соответствии со ст. 11 Закона о поддержке кораблестроительства офицеры военно-морского флота Японии курировали строительство кораблей непосредственно на производственных площадках дзайбацу, в частности на верфях в Нагасаки, переданных в распоряжение дзайбацу в 1870-е гг. Положения ст. 15 прямо закрепляли право частных предприятий, которые уже находились в составе финансово-промышленных групп, заключать контракты с государством на постройку транспортных и пассажирских кораблей, использовавшихся для доставки сухопутных войск за пределы Японского архипелага. В частности, одним из таких кораблей стал крупнейший пассажирский корабль того времени – «Хитачи Мару», принявший позднее участие в Русско-японской войне. Результатом принятия Закона 1897 г. также стала трансформация (перепрофилирование) менее крупных дзайбацу, в частности дзайбацу Кавасаки, для выполнения

государственного военного заказа (Yoshio, 1965: 461).

Отметим, что подобная модель взаимодействия дзайбацу и государства, при которой ориентированность на государственный заказ в 1900-е гг. оказалась настолько эффективной, что необходимость изменения стратегии у дзайбацу возникла только в 1960-е гг. После окончания Второй мировой войны и оккупации Японии США спустя полвека начался процесс трансформации дзайбацу в кейрецу – организации, состоящие из нескольких компаний из разных сфер деятельности, управляемых разными семьями, но связанных общим банком (Ramirez, 2019: 79; Nakamura, 2002: 239). Таким образом, при формировании японской модели регулирования взаимодействия государства и дзайбацу использовался и западный опыт, в частности опыт развития государственно-частного партнерства в Германии (Sanders, 1995: 284). К сходным чертам, по мнению авторов настоящей статьи, следует отнести правовую модель, когда субъект частного предпринимательства реализует социально значимые проекты с ограниченным уровнем прибыльности, а государство взамен предоставляет им налоговые и иные льготы (Мансур, 2019: 850).

5. Заключение

Создание в конце XIX в. боеспособной японской армии, способной к длительному противостоянию российским войскам, было невозможным без участия дзайбацу как основных производителей и поставщиков техники, снаряжения, необходимых для нужд армии и флота. Привлечение финансово-промышленных групп к участию в создании военной промышленности Японии послужило толчком к возникновению новых дзайбацу, заинтересованных в ее дальнейшей милитаризации и проведении экспансионистской внешней политики. По нашему мнению, следует говорить о значительной роли дзайбацу в развитии экономики страны после Русско-японской войны 1904–1905 гг., что, в свою очередь, обусловило вступление Японии в Первую мировую войну, а затем и во Вторую мировую войну.

Эффективное взаимодействие государства и дзайбацу в Японии было бы невозможно без специального регулирования вопросов деятельности дзайбацу и обеспечения сохранения их привилегированного положения, получившее законодательное закрепление в соответствующем гражданско-правовом законодательстве, в частности в нормах, гарантирующих предоставление им государственной поддержки.

Подводя итог, необходимо отметить, что принятие во внимание царским правительством России роли дзайбацу как источника обеспечения военно-промышленного комплекса Японии в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., а также создание на территории Российской империи подобных промышленных групп, способных оказать финансовую помощь при ведении войны, могло бы существенно изменить ход всего вооруженного конфликта и, возможно, помочь избежать позорного поражения России.

Литература

- Баранникова, 2016 – Баранникова А.О. От «Амурского вопроса» до «Русского дела»: национальные интересы России на Дальнем Востоке // *Власть*. 2016. № 10. С. 144-148.
- Боханов, 2008 – Боханов А.Н. Николай II. М.: Вече, 2008. 528 с.
- Гражданский кодекс, 1896 – 民法明治二十九年四月二十七日法律第八十九号 [Гражданский кодекс, принятый Законом № 89 от 27 апреля 1896 г.] // [СПС «Собрание нормативных правовых актов Японии и их переводов»] 日本法令外国語訳データベースシステム / Перевод авторский [Электронный ресурс] URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?printID=&id=2057&re=02&vm=01> (дата обращения: 17.12.2021 г.).
- Емельянова, 2017 – Емельянова О.Н. Опыт догоняющего развития: промышленная политика в Японии (1870–1880 гг.) // *Проблемы современной экономики*. 2017. № 3(63). С. 234-240.
- Емельянова, Платонов, 2018 – Емельянова О.Н., Платонов Д.Н. Формирование и особенности промышленной системы Японии в 1870–1880-е гг. // *Вестник СПбГУ. Экономика*. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 439-464.
- Закон, 1897 – 明治二十九年法律第十六号造船奨励法 [Закон о поддержке кораблестроительства Закон № 16 от 1897] / Перевод авторский // [Национальный центр исторического наследия азиатских стран] アジア歴史資料センター [Электронный ресурс]. URL: https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/result?IS_KEY_S1=A03020216100&SUM_KIND=SimpleSummary&IS_KIND=detail&IS_SCH=META&IS_STYLE=default&IS_START=1&IS_EXTSCH=&DEF_XSL=default&IS_SORT_KND=ASC&IS_SORT_FLD=&IS_TAG_S1=InD&IS_LYD_DIV=&LIST_VIEW=&ON_LYD=on (дата обращения: 17.12.2021 г.).
- Коммерческий кодекс, 1899 – 商法明治三十二年三月九日法律第四十八号 [Коммерческий кодекс, принятый Законом № 48 от 9 марта 1899 г.] / Перевод авторский // [СПС «Собрание нормативных правовых актов Японии и их переводов»] 日本法令外国語訳データベースシステム / Перевод авторский [Электронный ресурс] URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?printID=&id=2135&re=02&vm=01> (дата обращения: 17.12.2021 г.).

- Кудрявцев, 2002** – Кудрявцев Н.А. Государево око: тайная дипломатия и разведка на службе России. М.: Олма-Пресс, 2002. 593 с.
- Лебедева, 2011** – Лебедева И.П. Роль государства в экономической модернизации / Япония: опыт модернизации. М.: АИРО–XXI, 2011. С. 107-124
- Леонтьева, 2009** – Леонтьева Е.Л. Японские корпорации и корпоративные группы. Эволюция институтов. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 78 с.
- Мансур, 2019** – Мансур Д.Н. История развития государственно-частного партнерства в Германии // *Московский экономический журнал*. 2019. № 12. С. 847-854.
- Мещеряков, 2006** – Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, Рипол Классик, 2006. 736 с.
- Ольденбург, 1991** – Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. 672 с.
- Соколовская, 2017** – Соколовская О.В. Русско-японская война 1904–1905 гг. и ее герои в Греции // *Славяне и Россия*. 2017. № 2. С. 205-228.
- Тимонина, 2011** – Тимонина И.Л. Предпринимательская структура и корпоративное управление в Японии / Япония: опыт модернизации. М.: АИРО–XXI, 2011. С. 144-66.
- Addicott, 2017** – Addicott D. A. C. The Rise and Fall of the Zaibatsu: Japan's Industrial and Economic Modernization // *Global Tides*. 2017. No. 11. Pp. 62-77.
- Beasley, 1990** – Beasley W.G. The Rise of Modern Japan. New York: St. Martin's Press, 1990. 306 p.
- Davies, 1999** – Davies P.N. Japanese Shipping and Shipbuilding: An Introduction to the Motives behind its Early Expansion // *Aspects of Japanese Shipping Industry*. London: London School of Economics and Political Science Press, 1999. 47 p.
- Dominici, 2010** – Dominici G. From Business System to Supply Chain and Production in Japan: Lean Production and its Roots in Japanese Business Culture. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Muller, 2010. 160 p.
- Johnson, 2000** – Johnson H.J. Banking Alliances. Singapore: World Scientific Pub Co., 2000. 187 p.
- Kazuo, 1966** – Kazuo S. The Early History of the Zaibatsu // *The Developing Economies*. 1966. No. 4. P. 535-566.
- Morck, 2005** – Morck R. A History of Corporate Governance around the World: Family Business Groups to Professional Managers. Chicago: National Bureau of Economic Research and the University of Chicago Press, 2005. 682 p.
- Morck, Nakamura, 2005** – Morck Randall K., Nakamura Masao A frog in a well knows nothing of the ocean: a history of corporate ownership in Japan // A history of corporate governance around the world. Chicago: University of Chicago Press, 2005. Pp. 367-465.
- Morck, Nakamura, 2007** – Morck R., Nakamura M. Business Groups and the Big Push: Meiji Japan's Mass Privatization and Subsequent Growth // *Enterprise & Society*. 2007. No 3. Pp. 543-601.
- Nakamura, 2002** – Nakamura N. The Present State of Research on "Zaibatsu": The Case of Mitsubishi // *Social Science Japan Journal*. 2002. № 2. Pp. 233-242.
- Okazaki, 2000** – Okazaki T. Role of Holding Companies in Prewar Japanese Economic Development: Rethinking Zaibatsu in Perspectives of Corporate Governance // *Social Science Japan Journal*. 2000. No 4. Pp. 243-268.
- Ramirez, 2019** – Ramirez M. The Meiji Secret: The Emergence of Zaibatsu Dominance in Japan // *University of Wisconsin-Stout Journal of Student Research*. 2019. No 18. Pp. 77-89.
- Rose, 2015** – Rose M.B. International Competition and Strategic Response in the Textile Industries since 1870. – Abington-on-Thames: Routledge, 2015. 208 p.
- Sanders, 1995** – Sanders A.J.G.M. The Reception of Western law in Japan // *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*. 1995. No 2. Pp. 280-288.
- Seita, Tamura, 1994** – Seita A.Y., Tamura J. The Historical Background of Japan's Antimonopoly Law // *University of Illinois Law Review*. 1994. No 1. Pp. 115-185.
- Shibagaki, 1966** – Shibagaki K. The early history of the zaibatsu // *The Developing Economies*. Tokyo. 1966. Vol. 4. Pp. 535-566.
- Smellow, 1970** – Smellow E. N. Zaibatsu: a Study of Japanese Combines Yesterday and Today. Washington, 1970. 145 p.
- Smith, 1955** – Smith T.C. Political Change and Industrial Development in Japan: Government Enterprise, 1868–1880. Stanford: Stanford University Press, 1955. 496 p.
- Yamamura, 1967** – Yamamura K. The Founding of Mitsubishi: A Case Study in Japanese Business History // *The Business History Review*. 1967. No 2. Pp. 141-160.
- Yasuoka, 1997** – Yasuoka S. The Social Background of Zaibatsu in Japan // *Business and Economic History*. 1977. No 6. Pp. 84-90.
- Yoshio, 1965** – Yoshio A. The Formation of heavy industry // *The Developing Economies*. 1965. No 4. Pp. 450-470.

References

- Addicott, 2017** – Addicott, D.A.C. (2017). The Rise and Fall of the Zaibatsu: Japan's Industrial and

Economic Modernization. *Global Tides*. 11: 62-77.

Barannikova, 2016 – *Barannikova, A.O.* (2016). Ot «Amurskogo voprosa» do «Russkogo dela»: nacional'nye interesy Rossii na Dal'nem Vostoke [From the "Amur question" to the "Russian Case": Russia's National Interests in the Far East]. *Vlast'*. 10: 144-148. [in Russian]

Beasley, 1990 – *Beasley, W.G.* (1990). *The Rise of Modern Japan*. New York: St. Martin's Press, 306 p.

Bohanov, 2008 – *Bohanov, A.N.* (2008). Nikolaj II [Nikolay II]. Moscow: Veche, 528 p. [in Russian]

Davies, 1999 – *Davies, P.N.* (1999). *Japanese Shipping and Shipbuilding: An Introduction to the Motives behind its Early Expansion. Aspects of Japanese Shipping Industry*. London: London School of Economics and Political Science Press, 47 p.

Dominici, 2010 – *Dominici, G.* (2010). *From Business System to Supply Chain and Production in Japan: Lean Production and its Roots in Japanese Business Culture*. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 160 p.

Emel'janova, Planov, 2018 – *Emel'janova, O.N., Platonov, D.N.* (2018). Formirovanie i osobennosti promyshlennoj sistemy Japonii v 1870–1880-e gg. [Formation and features of the industrial system of Japan in the 1870–1880]. *Vestnik SPbGU. Ekonomika*. 34(3): 439-464. [in Russian]

Emel'janova, 2017 – *Emel'janova, O.N.* (2017). Opyt dogonjajushhego razvitija: promyshlennaja politika v Japonii (1870–1880 gg.) [The experience of catching up development: industrial policy in Japan (1870–1880)]. *Problemy sovremennoj jekonomiki*. 3(63): 234-240. [in Russian]

Grazhdanskij kodeks, 1896 – 民法明治二十九年四月二十七日法律第八十九号 [Grazhdanskij kodeks, prinyatyj Zakonom №89 ot 27 aprelya 1896 g.] [SPS «Sobranie normativnyh pravovyh aktov Yaponii i ih perevodov»] 日本法令外国語訳データベースシステム *Perevod s yaponskogo avt.* [Electronic resource]. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?printID=&id=2057&re=02&vm=01> (date of access: 17.12.2021).

Johnson, 2000 – *Johnson, H.J.* (2000). *Banking Alliances*. Singapore: World Scientific Pub Co., 187 p.

Kazuo, 1966 – *Kazuo, S.* (1966). The Early History of the Zaibatsu. *The Developing Economies*. 4: 535-566.

Kommercheskij kodeks, 1899 – 商法明治三十二年三月九日法律第四十八号 [Kommercheskij kodeks, prinjatyj Zakonom № 48 ot 9 marta 1899 g.] *Perevod avtorskij. 日本法令外国語訳データベースシステム* [Electronic resource]. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?printID=&id=2135&re=02&vm=01> (date of access: 17.12.2021).

Kudrjavcev, 2002 – *Kudrjavcev, N.A.* (2002). Gosudarevo oko: tajnaya diplomatiya i razvedka na sluzhbe Rossii [The Sovereign's eye: secret diplomacy and intelligence in the service of Russia]. Moscow: Olma-Press, 593 p. [in Russian]

Lebedeva, 2011 – *Lebedeva, I.P.* (2011). Rol' gosudarstva v jekonomicheskoj modernizacii [The role of the state in economic modernization]. *Yaponiya: opyt modernizacii*, Moscow: AIRO–XXI, pp. 107-124. [in Russian]

Leont'eva, 2009 – *Leont'eva, E.L.* (2009). Yaponskie korporacii i korporativnye gruppy. Evolyuciya institutov [Japanese corporations and corporate groups. Evolution of institutions]. Moscow: IMEMO RAN, 78 p. [in Russian]

Mansur, 2019 – *Mansur, D.N.* (2019). Istoriya razvitija gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Germanii [History of governmental-private partnership development in Germany]. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal*. 12: 847-854 [in Russian]

Meshherjakov, 2006 – *Meshherjakov, A.N.* (2006). Imperator Mjejdzi i ego Japonija [Emperor Meiji and his Japan]. Moscow: Natalis, Ripol Klassik, 736 p. [in Russian]

Morck, Nakamura, 2005 – *Morck Randall, K., Nakamura, Masao* (2005). A frog in a well knows nothing of the ocean: a history of corporate ownership in Japan. *A History of Corporate Governance Around the World*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 367-465.

Morck, Nakamura, 2007 – *Morck, R., Nakamura, M.* (2007). Business Groups and the Big Push: Meiji Japan's Mass Privatization and Subsequent Growth. *Enterprise & Society*. 3:543-601.

Morck, 2005 – *Morck, R.* (2005). *A History of Corporate Governance around the World: Family Business Groups to Professional Managers*. Chicago: National Bureau of Economic Research and the University of Chicago Press, 682 p.

Nakamura, 2002 – *Nakamura, N.* (2002). The Present State of Research on "Zaibatsu": The Case of Mitsubishi. *Social Science Japan Journal*. 2: 233-242.

Okazaki, 2000 – *Okazaki, T.* (2000). Role of Holding Companies in Prewar Japanese Economic Development: Rethinking Zaibatsu in Perspectives of Corporate Governance. *Social Science Japan Journal*. 4: 243-268.

Ol'denburg, 1991 – *Ol'denburg, S.S.* (1991). Carstvovanie imperatora Nikolaya II [The Reign of Emperor Nicholas II]. St. Petersburg: Petropol', 672 p. [in Russian]

Ramirez, 2019 – *Ramirez, M.* (2019). The Meiji Secret: The Emergence of Zaibatsu Dominance in Japan. *University of Wisconsin-Stout Journal of Student Research*. 18: 77-89.

Rose, 2015 – *Rose, M.B.* (2015). *International Competition and Strategic Response in the Textile Industries since 1870*. Abington-on-Thames: Routledge, 208 p.

- Sanders, 1995 – Sanders, A.J.G.M. (1995). The Reception of Western law in Japan. *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*. 2: 280-288.
- Seita, 1994 – Seita, A.Y., Tamura, J. (1994). The Historical Background of Japan's Antimonopoly Law. *University of Illinois Law Review*. 1: 115-185.
- Shibagaki, 1966 – Shibagaki, K. (1966). The early history of the zaibatsu. *The Developing Economies*. Tokyo. 4: 535-566.
- Smellow, 1970 – Smellow, E. (1970). N. Zaibatsu: A Study of Japanese Combines Yesterday and Today. Washington, 145 p.
- Smith, 1955 – Smith, T.C. (1955). Political Change and Industrial Development in Japan: Government Enterprise, 1868–1880. Stanford: Stanford University Press, 496 p.
- Sokolovskaya, 2017 – Sokolovskaya, O.V. (2017). Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. i eyo geroi v Grecii [The Russian-Japanese war of 1904–1905 and its heroes in Greece]. *Slavyane i Rossiya*. 2: 205-228. [in Russian]
- Timonina, 2011 – Timonina, I.L. (2011). Predprinimatel'skaja struktura i korporativnoe upravlenie v Japonii [Entrepreneurial structure and corporate governance in Japan]. *Japonija: opyt modernizacii*. Moscow: AIRO—XXI. Pp. 144-166. [in Russian]
- Yamamura, 1967 – Yamamura, K. (1967). The Founding of Mitsubishi: A Case Study in Japanese Business History. *The Business History Review*. 2: 141-160.
- Yasuoka, 1977 – Yasuoka, S. (1977). The Social Background of Zaibatsu in Japan. *Business and Economic History*. 6: 84-90.
- Yoshio, 1965 – Yoshio, A. (1965). The Formation of heavy industry. *The Developing Economies*. 4: 450-470.
- Zakon, 1897 – 明治二十九年法律第十六号造船奨励法 [Zakon o podderzhke korablestroitel'stva Zakon № 16 ot 1897] Perevod avtorskij [Nacional'nyj centr istoricheskogo nasledija aziatskih stran] アジア歴史資料センター [Electronic resource]. URL: https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/result?IS_KEY_S1=A03020216100&SUM_KIND=SimpleSummary&IS_KIND=detail&IS_SCH=META&IS_STYLE=default&IS_START=1&IS_EXTSCH=&DEF_XSL=default&IS_SORT_KND=ASC&IS_SORT_FLD=&IS_TAG_S1=InD&IS_LYD_DIV=&LIST_VIEW=&ON_LYD=on (date of access: 17.12.2021).

Роль японских финансово-промышленных групп (дзайбацу) в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Александр Иванович Алексеев ^a, Анна Владиславовна Попова ^{a, *}, Светлана Сергеевна Горохова ^a, Марианна Григорьевна Абрамова ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^b Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы роли финансово-промышленных групп вертикального кланового подчинения (дзайбацу) в подготовке Японии к Русско-японской войне 1904–1905 гг. как ключевой точке определения вектора развития внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке. Авторами определяются причины, в результате которых дзайбацу приняли участие в подготовке Японии к войне, выделяются основные сферы их деятельности в предвоенный период, а также выявляются некоторые последствия начала Русско-японской войны для участников гражданского оборота в лице дзайбацу, в частности их возникновение. Также исследованы меры правового воздействия на развитие общественных отношений по организации гражданского оборота с дзайбацу, разработанные и использованные правительством Японии в период непосредственно перед Русско-японской войной. В рамках данной статьи анализируются и рассматриваются роль каждой финансово-промышленной группы из т.н. «большой четверки» в деле подготовки к войне, а также сферы, которые они занимали в ходе оснащения военно-промышленного комплекса Японии, ее армии и флота. Особое внимание уделяется таким сферам, как строительство и обслуживание кораблей, а также добыча и обработка полезных ископаемых. Авторы в процессе исследования определяют механизмы государственно-правового регулирования, которые способствовали организации взаимодействия между финансово-промышленными группами и правительством Японии в ходе обеспечения государственных военных заказов, а также их роль в дальнейшем развитии внешней политики Японии, ее государства, права, экономики и общества, а также самих дзайбацу.

Ключевые слова: дзайбацу, финансово-промышленные группы, Русско-японская война, Николай II, Дальний Восток, государственный военный заказ, Мицуи, Сумитомо, Мицубиси, Ясуда.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anna0710@yandex.ru (А.В. Попова), thekeplerslab@gmail.com (А.И. Алексеев), swettalana@yandex.ru (С.С. Горохова), abramova-m@mail.ru (М.Г. Абрамова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 440-453
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.440

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Wooden Shipbuilding of the Votkinsk Plant at the beginning of the 20th century

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, *}

^a Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Over the almost century-long history of shipbuilding at the Votkinsk plant, more than four hundred metal ships were built there, from warships and sea schooners to small barges and rowboats. But, despite the numerous data that the plant was engaged exclusively in iron shipbuilding, there is a number of evidence of the presence of wooden shipbuilding, which can be divided into four types. Onboard wooden boats, for completing sea and river steamships built at the plant; the only wooden ship built as an independent order by the Shipbuilding Shop is the yacht “Vyatksky Voyevoda” – a gift to the governor of Vyatka S.D. Gorchakov; motor wooden boats that were built by private individuals in the village of Votkinsky Zavod; wooden barges. To identify the possible volumes of the latter, the office documentation of the plant was used from the funds of the Central State Archive of the Udmurt Republic. Despite the eclectic nature of the facts, their arrangement in chronological order made it possible to identify duplication of information and determine the volume of production. Unlike the Shipbuilding Department, which concentrated all the final work on the delivery of steamships and watercraft, shipbuilding was also carried out by the Fuming and Construction Departments. They built exclusively wooden barges for their own needs: by the Fuming Department barges for the Kama, and by the Construction Department barges for the factory pond. In total, in the period 1900–1904 at least six barges were built for the Kama and four for the pond. During the period from 1905 to 1912, the plant decommissioned or sold for firewood a total of 12 wooden barges. Two more barges burned down during a fire in Levshino in 1919, taken away from the factory by the retreating Kolchak troops. The discrepancy in numbers is explained by the transfer of wooden barges to the ownership of the plant from other owners, apparently, mainly to pay off the debt to the plant. Up to one and a half dozen wooden ships could be in the factory caravan at a time. In 1908, wooden ships were deemed unprofitable for the plant due to their fragility, after which, apparently, alternative wooden shipbuilding ceased.

Keywords: settlement Votkinsk plant, enterprise Votkinsk plant, wooden shipbuilding, navigation.

1. Введение

Судостроение в поселке Воткинской завод изначально задумывалось как железное, чем объяснялся выбор в качестве базы для него Воткинского железодельного завода. За почти вековую историю этого производства было построено более четырех сотен металлических судов: от боевых кораблей и морских шхун до небольших барж и весельных баркасов (Митюков, 2020). Но, несмотря на многочисленные данные, что завод занимался исключительно железным судостроением, имеется ряд свидетельств о наличии деревянного судостроения. Цель данной работы состоит в систематизации этой информации и в выявлении его возможных объемов.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

2. Материалы и методы

Основными материалами для исследования послужила делопроизводственная документация Воткинского завода, находящаяся в фондах Центрального государственного архива Удмуртской республики (Ижевск, Российская Федерация). Наибольшую ценность представляли годовые отчеты завода и постановления горного начальника.

Для анализа используемых источников в первую очередь применялся принцип историзма, на основе которого достаточно эклектичные свидетельства об альтернативном судостроении на заводе были расставлены в хронологическом порядке. В результате удалось выявить дубликаты информации и произвести датирование фактов. Немаловажным для исследования также стал метод системного анализа. Именно при сравнении разнородных источников удалось установить, что завод имел достаточно большое поступление деревянных судов в свой караван в обход собственных судостроительных мощностей. Основными источниками поступления стали строительный и кузнечный цехи, а также приобретение судов на стороне.

3. Обсуждение

Судостроение Воткинского завода изначально задумывалось как исключительно металлическое, из-за этого его и развернули на Воткинском железоделательном заводе.

Когда в конце XIX в. завод перешел от казенных заказов к частным, были нередки обращения от судовладельцев с просьбой построить им деревянную баржу или корпус парохода. Но ответ канцелярии был категоричным: завод занимается лишь металлическим судостроением. Тем не менее сохранились свидетельства о наличии деревянного судостроения на заводе. Дореволюционная литература об этом довольно скупа и в основном ограничена информацией различного рода справочников.

Так, издания Императорского речного яхт-клуба говорят о наличии у его членов продукции Воткинского завода. Хотя факт деревянных корпусов особо не оговаривается, но яхтостроение того времени было исключительно деревянным.

В описи судов юбилейного издания Императорского речного яхт-клуба, посвященного 50-летию со дня основания, под № 519 за 1909 г. значится тендер с выдвигным килем «Вятский воевода», хозяин – С.Д. Горчаков. Построен Воткинским заводом по чертежу В. Шталя в 1909 г. Водоизмещение 4,75 т, длина по палубе 12,81 м (42'), длина по ватерлинии 9,15 м (30'), ширина 3,2 м (10,5'). В графе осадка стоит прочерк. Парусность 98,9 м² (1065 кв. футов) (*Яхт-клуб, 1910: 96-97*). Там же в общем списке судов членов Санкт-Петербургского речного яхт-клуба «Вятский воевода» идет под № 18. Информация о судне в целом повторяется, с дополнением, что это тендер с выдвигным килем и вспомогательным двигателем в 5 л.с. Место постройки судна – Вятка (?) (*Яхт-клуб, 1910: 102-103*). Эта же информация содержится в памятных книжках яхт-клуба, по-видимому, издаваемых ежегодно, например в книжке 1912 г. (*Книжка, 1912: 54-55*) и 1915 г. (*Книжка, 1915: 50-51*). Вероятно, город Вятка появился как место постройки яхты из-за того, что там осуществлялась окончательная сборка перед сдачей судна – С.Д. Горчаков в это время занимал должность вятского губернатора.

Далее, судя по книжке за 1912 г., Ф. Дитерихсу принадлежал буюер «Дундак», построенный на Воткинском заводе в 1907 г. Характеристики его отсутствуют, указывается лишь парусность 32,5 м² (350 кв. футов). Место постройки – Урал (?) (*Книжка, 1912: 90-91*). Причем это явно не опечатка, поскольку она полностью повторяется в книжке 1915 г. (*Книжка, 1915: 72-73*).

Сообщают о деревянном судостроении в Воткинске и дореволюционные списки речных судов. Так, в списке 1917 г. у Воткинского завода числятся три деревянные и три металлические баржи. Все деревянные баржи прошли капитальный ремонт в 1916 г., все не имеют номеров регистрации МПС, у всех указан район плавания – Волга с притоками. Баржа № 5 (1902 г.) – длина 63,9 м (30 саж.), ширина 13,8 м (6 саж. 1 арш. 8 верш.), высота борта 2,4 м (13 четв. 2 верш.), осадка порожним 0,44 м (2 четв. 2 верш.), осадка в грузу 1,77 м (10 четв.). Баржа № 6 отличается от № 5 лишь высотой борта – 2,9 м (16 четв. 2 верш.). Баржа № 10 (1901 г.) – длина 53,2 м (25 саж.), ширина 12,8 м (6 саж.), высота борта 2,48 м (14 четв.), осадка порожним 0,49 м (2 четв. 3 верш.), в грузу 1,77 м (10 четв.) (*Список, 1917: 46-47*).

Из списка видно, что, скорее всего, баржи № 5 и 6 однотипны, что свидетельствует об их серийной постройке.

Из изданий советского периода в бюллетенях Российского регистра значится Дебаркадер № 2 (порядковый № 966), находящийся у с. Никольское на р. Шексна. Его Рег. № 32133, владелец – Северо-Западное речное государственное пароходство. 30 мая 1924 г. судно прошло осмотр регистром в Рыбинске. Длина 16,85 м, ширина 5,00 м, высота корпуса 1,32 м, осадка порожним 0,33 м, с грузом 0,87 м. Наибольшая грузоподъемность 40,95 грт (2500 пуд.) (*Бюллетень, 1924: 12*). Бывшим собственником судна значится Воткинский завод, что совершенно не стыкуется с датой постройки в 1924 г., поскольку в этот год завод был закрыт на консервацию.

Тем не менее существование этого дебаркадера подтверждает регистр 1926 г., где с этим же регистровым номером он указан как Дебаркадер № 9657 (порядковый № 2088). Судно прошло освидетельствование регистром 11 августа 1925 г. в Рыбинске. Размеры те же самые, место работы

– стоянка у Сосняги. Наибольшая грузоподъемность – 10 т сухого груза, регистровый тоннаж – 39,3 брт, материал корпуса – дерево. Год постройки – 1925 г., место постройки – р. Шексна, с. Николаевское (Регистр, 1926: 242). В регистре бывшие собственники не указаны, так что в нем какая-либо связь с Воткинским заводом отсутствует.

В 1924–1925 гг. Воткинский завод был закрыт на консервацию, так что факт приобретения или постройки в этот период дебаркадера вызывает большие сомнения. Не меньшее удивление вызывает и место его дислокации, поскольку предприятие в бассейне Шексны свою деятельность не вело. Иное дело бассейн Северной Двины или Сухоны, где осуществлялась предварительная сборка барж и плавучих кранов перед их дальнейшей транспортировкой в Архангельск.

Шексна фигурирует в связи с Воткинским заводом лишь один раз. Судя по тому же Регистру 1926 г., там оказались 250-тонные баржи «Пегас» и «Цефей», строившиеся заводом в период Первой мировой войны по заказу Морского ведомства для Архангельского порта. По заводским документам эти баржи числятся поставленными заказчику, но среди плавсредств Архангельского порта их нет. Поэтому можно предположить, что после революции их в заводской упаковке обнаружили, например в Котласе, от дальнейшей сборки для Архангельска отказались и прямо в упаковке перевезли на Шексну. Упомянутый же дебаркадер был найден уже на месте размещения запасных частей и команды для сборки, кстати, к этому моменту не факт, что официальных работников завода.

В историографии советского периода, кроме справочников, о деревянном судостроении в Воткинске сообщает также и мемуарная литература.

Инженер И.А. Добровольский вспоминал: *«В чертежном архиве хранился альбом чертежей малых судов, построенных заводом с начала судостроения. Это были в основном деревянные суда – яхты, парусные и гребные шлюпки, спортивные гребные суда, и позже, в 1912–1917 гг., первые моторные лодки. Основой этого комплекта чертежей были гребные суда, входившие в обязательный инвентарь построенных заводом судов – служебные, спасательные и др. Издавна на заводе при модельном цехе имела шлюпочная мастерская, выполнявшая эти работы, были специалисты, мастера и рабочие этого дела. Имелся в чертежном архиве также альбом фотоснимков этих малых судов, отлично исполненный в 1909 г. к 150-летию завода. Судовое чертежное бюро довольно интенсивно занималось этими малыми судами. В конце предреволюционного тридцатилетия было построено немало парусных яхт и моторных лодок по различным заказам. Наиболее интересными в этой серии заказов были парусные яхты, которых завод до 1917 г. построил до 40 единиц разных типов, главным образом, по заказам частных лиц из Воткинска, Сарапула, Перми»* (Добровольский, 2009: 52).

В годы войны И.А. Добровольский занимался разбором чертежного архива завода – помещение архива срочно потребовалось для расширения военного производства. И именно он принимал решение, какие чертежи имеет смысл оставить, а какие не представляют ценности. Поэтому о наличии большого объема чертежей деревянных судов он утверждает, исходя из собственного опыта. Логические заключения вполне это допускают. Большому объему построенных в Воткинске судов, безусловно, требовались бортовые плавсредства, серийное производство которых завод вполне мог наладить на собственных площадях. Имеющаяся в настоящее время на Воткинском заводе графическая документация, казалось бы, подтверждает это. На [Рисунке 1](#) приведен чертеж бортовых плавсредств для шхуны «Президент Крюгер». И вельбот, и катер имеют парусное оснащение. Хотя альбома фотоснимков парусных судов, о котором упоминает И.А. Добровольский, в настоящее время на Воткинском заводе нет, на [Рисунке 2](#) (справа) приведена репродукция фотографии из «Синего альбома», которая вполне подтверждает правоту слов мемуариста.

Но вот информация о якобы большом объеме построенных парусных яхт и моторных лодок в делопроизводственной документации завода отсутствует. Мало того, на ее основании можно утверждать, что завод построил единственную деревянную яхту. Это упомянутый «Вятский воевода» – подарок губернатору С.Д. Горчакову (Матвеев, 2017), [Рисунок 2](#) (слева). Если все построенные деревянные баркасы, шлюпки, катера и т.п. шли в качестве бортовых плавсредств более крупных судов, и потому они проходили по разделу инвентаря для них, то «Вятский воевода» был полностью самостоятельным судом и шел отдельным заказом. В реконструированном нами списке номеров заказов это единственный подобный случай для судостроительного цеха за всю историю его существования (Митюков, 2020).

Но как быть с прямым указанием И.А. Добровольского, которое подтверждается информацией о постройке буера для Ф. Дитерихса? Указанный парадокс преодолевается в том случае, если предположить, что под «Воткинским заводом» в данном случае понимается не предприятие, а населенный пункт. И в постсоветской литературе имеется информация, что в поселке были частные мощности, занимавшиеся судостроением.

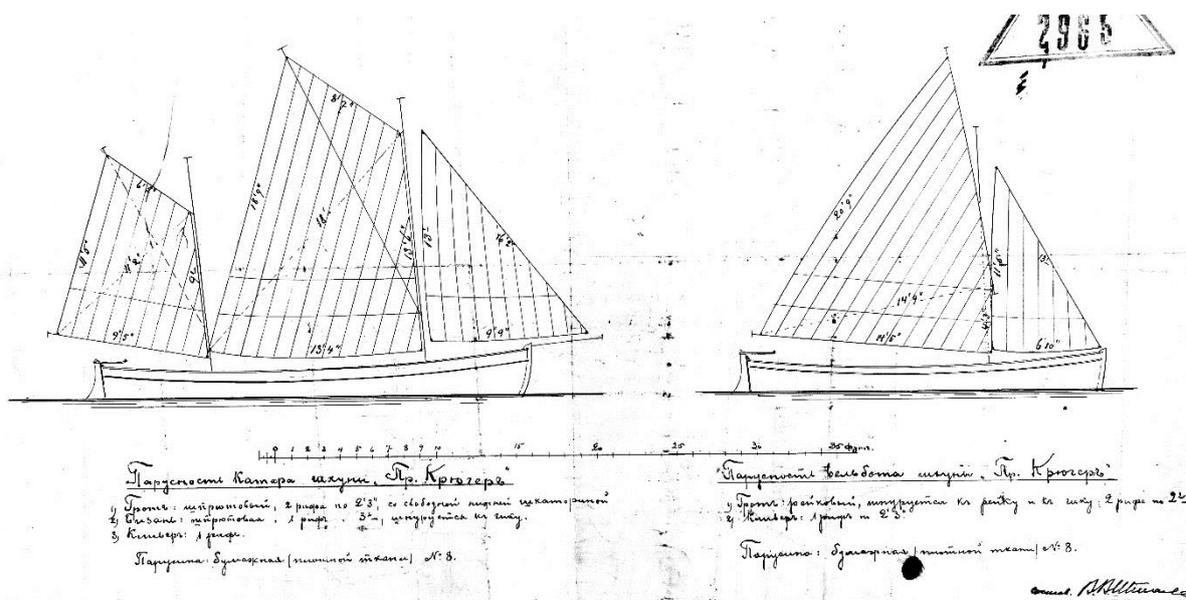

Рис. 1. Парусный катер и парусный вельбот для шхуны «Президент Крюгер» (АВЗ. Рулон 2. Д. 25). Справа внизу автограф В. Шталя

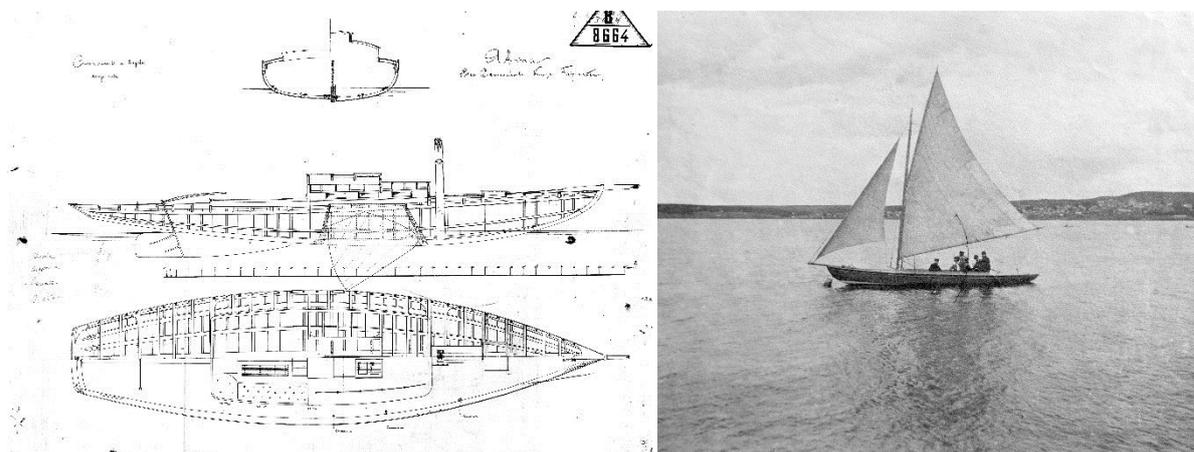

Рис. 2. Яхта князя Горчакова (АВЗ. Рулон 2. Д. 10) слева; судно под парусом на заводском пруду (АВЗ. Синий альбом) справа

Так, в журнале «Витиль» есть подборка газетных публикаций за разное время, посвященная З.В. Сумарокову, начальнику технического бюро Воткинского завода. К сожалению, ни автор, ни источник не указываются, но отмечено, что публикация базируется на воспоминаниях его родственников и семейном архиве. В числе прочего указывается, что Захар Васильевич организовал у себя во дворе импровизированный стапель, на котором сооружал прогулочные моторные лодки. «Сколько всего их было построено, нам не известно. На пруду в летние месяцы трудились две: “Радуга” и “Мираж”. Первое время воткинская публика каталась охотно, благо, что билеты были дешевы. Маршрут прогулки пролегал вдоль берега, а скамьи располагались вдоль борта лодки, поэтому пассажиры в основном любовались акваторией пруда. Брезентовый тент мало спасал от внезапно начавшегося дождя, тем более от порывов ветра. Еще больше докучал лодочный мотор – шум, выхлопы газа. Как писал свидетель и участник таких катаний, радужное начинание оказалось миражом – не признали воткинцы благ цивилизации, пересев вновь в простые весельные лодки. Не стало прибылей от эксплуатации катеров, а затем и их самих» (Витиль, 2016: 78-79).

В своем интервью дочь З.В. Сумарокова вспоминала, что ее отец «с компанией строил катера, моторы к ним – это в пристрое с правой стороны... На больших лодках с тентами, построенных отцом, устраивались катания на пруду. Впоследствии, примерно в 1912 г., лодки были проданы на реку Каму» (Бусыгин, 1994).

Информацию о постройке лодок подтвердил и внук З.В. Сумарокова: «На первом этаже своего дома (общей площадью 200 квадратных метров), расположенного по улице Карла Маркса, Захар Васильевич оборудовал мастерскую... Здесь мастер на все руки собрал две моторные лодки, бороздившие воды нашего пруда» (Злобин, 2010).

На [Рисунке 3](#) приведены фотографии одного из катеров, построенных З.В. Сумароковым. Скорее всего, это один и тот же катер в разные стадии своей постройки. Видно, что на обоих снимках он находится примерно на одном месте.

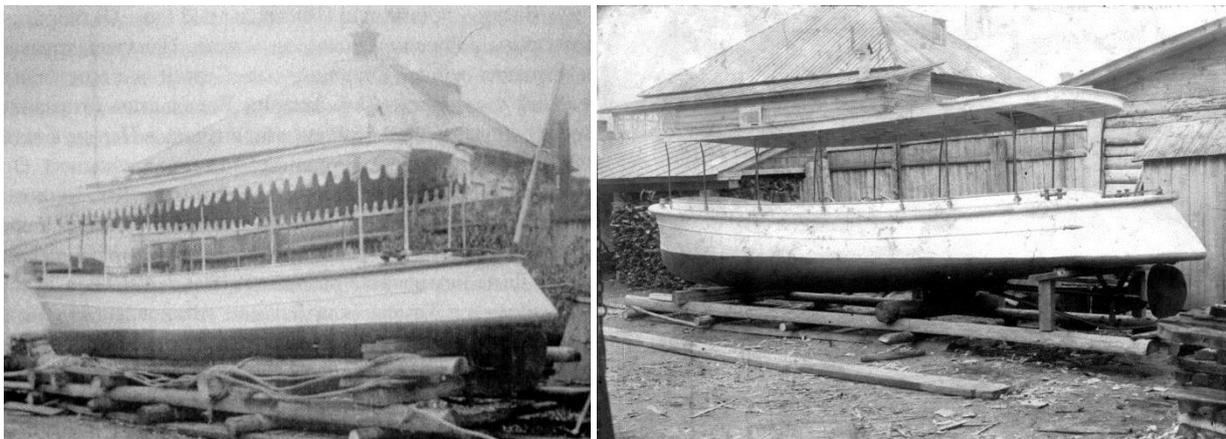

Рис. 3. Один из катеров, построенных З.В. Сумароковым во дворе своего дома ([Витиль, 2016: 79](#)), – слева; ([МИКВ, Фото № 223](#)) – справа

Таким образом, на примере З.В. Сумарокова можно утверждать, что частное деревянное судостроение в Воткинске было. Так что свидетельства И.А. Добровольского и указание на постройку буера для Ф. Дитерихса вполне можно отнести к продукции частных мастеров.

Кроме информации о небольших моторных судах воткинской постройки в постсоветской историографии имеются также крайне скудные сведения и о деревянных баржах. В своей работе, посвященной угнанному Колчаком камскому флоту, А.В. Коробейников среди уничтоженных у Левшино в июне 1919 г. судов упоминает и два деревянных плашкоута Воткинского завода – № 10 и № 13 ([Коробейников, 2014](#)). Интересен также опубликованный им «Список рабочих Камского каравана», исходя из которого 20 ноября 1918 г. в Галевском районе стояли на зимовке плашкоуты «Юг», «Запад», «Вотка», баржи № 10, № 6, «Кама», а также две баржи Просвирина и Хохлова ([Коробейников, 2012: 169](#)). Здесь деревянные заводские баржи – № 6 и № 10, остальные – металлические.

Таким образом, говоря о деревянном судостроении в Воткинске, отечественная историография отмечает четыре типа судов:

1. Бортовые деревянные плавсредства для укомплектования строившихся на заводе морских и речных пароходов.
2. Единственное деревянное судно, построенное как самостоятельный заказ судостроительным цехом, – это яхта «Вятский воевода» – подарок губернатору Вятки С.Д. Горчакову.
3. Моторные деревянные лодки, которые строили частные лица в поселке Воткинский завод. Хотя определить точный объем производства не представляется возможным, но, по крайней мере, во дворе своего дома З.В. Сумароков построил как минимум два таких катера.
4. Деревянные баржи.

Последнее является самым непонятным моментом в истории воткинского судостроения, поскольку судостроительный цех их точно не строил. Эти суда не фигурируют в списке заказов завода ([Митюков, 2020](#)), цех на них не получал кредитов, что полностью исключает вероятность постройки.

4. Результаты

Делопроизводственная документация Воткинского завода сообщает о том, что завод мог различными путями приобретать деревянные суда. Так, 16 июля 1912 г. он арендовал у Северного пароходного общества баржу под дебаркадер для сборки плавучего крана Архангельского порта. Длина судна 42,6 м (20 саж.), ширина 10,6 м (5 саж.) ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11050. Л. 11](#)).

В регистре 1916 г. у Северного пароходного общества значится шесть несамоходных судов, но под указанные размерения подходит всего одно – деревянная баржа № 52. В источнике дополнительно указана высота корпуса судна – 1,4 м (0,66 саж.). Регистрационный номер у нее отсутствует, а номер МПС – 208/67. Баржу построили в Михайловском затоне, и год постройки неизвестен. Она предназначалась для сухого груза, район плавания – Сухона и Северная Двина ([Регистр, 1916: 100](#)). Указанная информация в целом не исключает, что это то же самое судно, что арендовал завод. Но она полностью исключает возможность, что это дебаркадер Воткинского завода с реки Шексны: разный не только бассейн, но и размерения.

В документации о постройке парохода «Павел Троян» по заказу А.А. Зырянова имеется информация о передаче заводу в залог двух деревянных барж. При приемке в мае 1899 г. парохода

А.А. Зыряновым по условиям контракта он должен был погасить определенную часть его стоимости. По-видимому, у купца возникли проблемы с наличным расчетом и он отдал заводу в залог две своих баржи (первая со страховой ценой 8000 руб., вторая 2000 руб.).

Первая баржа была построена в зиму 1897/98 г. – длина 78,81 м (37 саж.), ширина 12,02 м (17 арш.), высота борта 3,55 м (20 четв.), при барже имелась лодка длиной 11,36 м (16 арш.), шириной 2,13 м (3 арш.) и высотой 0,89 м (5 четв.) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10225. Л. 233). Вторая баржа была изготовлена зимой 1892/93 г. на берегу села Орловского Соликамского уезда и имела в длину 53,25 м (25 саж.), высоту борта 8,52 м (4 саж. – необычайно большое значение, возможно, опечатка и указаны, например, аршины), осадку 2,71 м (1 саж. 13 верш.) и ширину 10,87 м (5 саж. 5 верш.) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10225. Л. 235).

Судя по «Списку непаровых судов» 1900 г., у А.А. Зырянова на этот период действительно имелось в собственности пять барж, все для разнообразных грузов, среди них баржа с Рег. № 645/93 (1893 года постройки). Она имела длину наибольшую 53,25 м (25 саж.), ширину наибольшую 9,81 м (4 саж. 1 арш. 13 верш.), высоту корпуса на миделе без надстроек 3,77 м (1 саж. 2 арш. 5 верш.), осадку порожним 0,44 м (2 четв. 2 верш.), в грузу – 2,22 м (12 четв. 2 верш.). Грузоподъемность 819 т (50 тыс. пудов). Вторая переданная заводу баржа – это явно судно с Рег. № 1001/98 (1898 года постройки). Баржа имела длину наибольшую 78,81 м (37 саж.), ширину наибольшую 11,36 м (5 саж. 1 арш.), высоту корпуса на миделе без надстроек 3,55 м (1 саж. 2 арш.), осадку порожним 0,40 м (2 четв. 1 верш.), в грузу 2,88 м (16 четв.). Грузоподъемность 1965 т (120 тыс. пудов) (Список, 1900: 18).

Но в том же «Списке непаровых судов» нет плавсредств, принадлежащих Воткинскому заводу. Можно возразить, указав, что суда были, но не регистрировались, но в нем имеются, например, четыре деревянные гусяны Пермских пушечных заводов, которые также не имеют регистрационных номеров. Длина их составляла 95,8 м (45 саж.), ширина 14,9 м (7 саж), высота корпуса по миделю без надстроек 2,84 м (1 саж. 1 арш.), осадка порожним 0,71 м (4 четв.), в грузу 1,95 м (11 четв.), грузоподъемность 1960 т (120 тыс. пудов). Все суда предназначались для перевозки дров. Первые две 1896 г. постройки, остальные – 1898 и 1899 гг. (Список, 1900: 85). Поэтому, скорее всего, на 1900 г. в Воткинске просто не было своего несамоходного деревянного флота. Деревянные баржи для перевозки дров использовались, но они могли находиться лишь во временном пользовании, как баржи А.А. Зырянова. По-видимому, ситуация кардинально поменялась в 1900 г., уже после составления «Списка непаровых судов». Можно предположить, что имевшиеся на тот момент у завода деревянные баржи вошли в состав заводского каравана и примерно в этот же момент завод приступил к постройке новых деревянных судов.

Делопроизводственная документация Воткинского завода, кроме основной продукции судостроительного цеха, указывает также на наличие судостроения в куренном и строительном цехах. В обоих случаях речь шла о постройке и эксплуатации деревянных барж. Куренной цех занимался транспортировкой дров по Каме, строительный – по заводскому пруду.

К сожалению, имеющиеся свидетельства крайне эклектичны и не дают системной картины деревянного судостроения этих структур завода, в связи с чем интересны три массива документов.

Во-первых, эксплуатационная информация о действиях заводского каравана. Во-вторых, заводские отчеты о расходуемых суммах, где имеются упоминания о постройке деревянных барж. Наконец, в-третьих, книги постановлений горного начальника Воткинского завода, в которых среди прочих проблем поднимаются вопросы о списании имевшихся на заводе деревянных барж.

Из эксплуатационной документации наибольшей подробностью выделяется заводской отчет за 1902 г. Туда вошли путевые журналы пароходов заводского каравана. Хотя они в основном описывают передвижения самих пароходов, но встречаются упоминания и о буксировке заводских барж. Кроме железных плашкоутов «Север», «Юг», «Запад» и «Восток», там есть и деревянные баржи (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10525). Все они имели свой цифровой идентификатор: «Первый», «Второй» и т.д., который для простоты записывался как «1-й», «2-й» и т.д. При упоминании с классом это звучит несогласованно, например, «баржа № 1-й». В Таблице 1 приведены номера барж, которые буксировал в указанный месяц данный пароход.

Таблица 1. Заводские пароходы и номера барж, которые они буксировали, по путевым журналам в 1902 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10525)

Пароход	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
«Вулкан»	5–11	5–11	5–11	3	6, 7, 9	10
«Орьет»	8–11	5, 9, 10	–	?	?	?
«Пережат»	9–11	11	9–11	1, 4, 8, 10, 11	10, 11	2, 5, 11
«Ловец»	?	?	?	?	3, 4	2, 3, 4, 9
«Ревизор»	?	?	?	?	–	2, 3
Итого	5-11	5-11	5-11	1, 3, 4, 8, 10, 11	3, 4, 6-11	2–5, 9–11

Примечание: знак прочерк «–» означает, что пароход в этот месяц буксировкой барж не занимался; знак вопроса «?» – то, что путевой журнал за этот месяц отсутствует.

Из таблицы видно, что баржи № 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й и 11-й использовались заводом в течение навигации всего года. С августа к заводской флотилии присоединились баржи № 1-й, 3-й и 4-й. С октября – 2-й.

Кроме того, пароход «Орьет» в мае буксировал два безымянных баркаса, один из которых назван «большой», второй – «малый». В этот же месяц «Вулкан» буксировал баркасы № 13-й и 14-й. В июне «Вулкан» снова работал с баркасом № 14-й, одновременно «Перекат» – с малым баркасом. «Орьет» в это время работал с неназванными двумя баркасами. В июле «Перекат» буксировал малый баркас, называемый также паузок.

Из этого можно сделать вывод, что баркасы № 13-й и 14-й – это, скорее всего, большой баркас и малый баркас (паузок).

Указанная нумерация позволяет предположить, что, скорее всего, при принятии деревянных барж на счета завода, они получили номера в порядке возрастания. Возможно, от более старых к молодым. Поэтому в 1902 г. в эксплуатации находятся семь барж № 5–11, и, возможно, в этот год построили или купили еще четыре баржи № 1–4. Аналогичная ситуация с баркасами. На 1902 г. эксплуатируются № 13-й и 14-й. А вот № 12-й либо зарезервирован для баржей (например, эксплуатировалась где-то в другом районе подобно баржам № 1–4 в первую половину навигации), либо старый баркас, подготовленный к списанию.

В феврале 1912 г. по запросу Пермской контрольной палаты завод дал описание своего каравана. На момент составления документа, датированного 15 мая 1912 г., в эксплуатации на Каме находилось «4 деревянных и 1 железная баржи для перевозки преимущественно дров и др[угих] грузов, грузоподъемн[остью] 800 кур[енных] саж[еней], или 35000 п[удов] [5730 т.] груза. Необходимо взамен одной деревянной баржи, дл[иной] 45 с[аженей] [95,85 м], очень ветхой, сделать одну железную баржу <...> Кроме того на Заводском пруду для доставки дров и бревен, идущих сплавом по р. Вотке и ее притокам, имеется винтовой пароход в 15 сил, 4 железных плашкоута емкостью до 40 кур[енных] саж[еней] дров и одна деревянная баржа, служащая пристанью» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10999. Л. 1420б.-143).

Кроме того, эксплуатационная информация о деревянных баржах встречается и в постановлении горного начальника № 299 от 3 октября 1911 г. Там упоминается баржа № 5-й, которая находилась в Левшино, и ей надлежало возвратиться в Галево до начала ледостава (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11037. Л. 460б).

Относительно постройки на заводе деревянных барж известно следующее.

В ответ на запрос Пермской контрольной палаты Воткинский завод составил «Ведомости о строительных работах и расходах их сопровождавших по 1 июля 1902 г. по Воткинскому заводу». Среди прочих пунктов там значилась «постройка 3-х деревянных барж по р. Каме» стоимостью 10054 руб. 4³/₄ коп. А также «Построены две деревянные баржи для перевозки дров по заводскому пруду» за 3163 руб. 36³/₄ коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10295. Л. 6/н). К сожалению, находящийся в деле документ поврежден. Суммы, приводящиеся по статьям, даются на развороте листов, но при этом головка таблицы имеется лишь для левых листов. Там указаны суммы, потраченные до 1902 г., и суммы, потраченные в 1902 г., в обеих колонках по деревянным баржам стоят прочерки. Последняя подписанная графа таблицы у самого разворота (на левом листе) называется «Суммы, отпущенные из строительных кредитов до 1902 г.». Так что по аналогии с предыдущей частью таблицы можно утверждать, что указанные суммы (10054 руб. 4³/₄ коп. и 3163 руб. 36³/₄ коп.), скорее всего, суммы, отпущенные из строительных кредитов в 1902 г.». А вот далее по баржам для Камы стоит сумма 4818 руб. 12 коп., которая находится на правом листе (без головки таблицы), о назначении которой остается лишь догадываться. По баржам для пруда в этой графе стоит прочерк.

Указанное обстоятельство позволяет предположить, что баржи начаты постройкой в 1902 г., и на момент подачи документа они, скорее всего, находились в достройке.

В соответствии с общим отчетом бухгалтерии завода за 1900 г. по наряду № 114 куренной цех осуществлял «постройку двух баржей деревянных на берегу р. Вотки», а по наряду № 992 «постройка, 3-я деревянная баржа тоже» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10362. Л. 6/н). Хотя последняя фраза несогласованная, она явно означает, что третья баржа была заказана по другому наряду, но строилась, как первые две, на берегу Вотки. Все три баржи предназначались для Камы.

По первому наряду стоимость материалов составила 5617 руб. 39¹/₄ коп., по второму – 172 руб. Плата рабочим по первому наряду – 6890 руб. 3 коп., по второму – 109 руб. 50 коп. Наконец, еще одна статья калькуляции, обозначенная как «особые расходы», по первому наряду составила 49 руб. 33 коп. В итоге общая цена для двух барж 12556 руб. 75¹/₄ коп., по третьей – 281 руб. 50 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10362. Л. 6/н).

Кроме того, в инвентарь за этот год причислена «деревянная баржа дл[иной] 15 с[аж]. [31,95 м], шир[иной] 13 арш. [9,23 м] и высот[ой] 12 четв. [2,13 м] для перевозки куренных дров по заводскому пруду». Судно построено в соответствии с нарядом № 456 по строительному цеху от 8 февраля 1900 г. Стоимость составила 1395 руб. 9 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10362. Л. 6/н).

Таким образом, в период 1900–1902 гг. завод построил пять барж: три для Камы и две для пруда. В 1900 г. выдано несколько нарядов на постройку барж: по наряду № 114 – двух и по наряду

№ 992 – еще одной, возможно, этого же типа. Третий наряд № 456 предполагал постройку баржи для пруда. Постройка двух баржей по наряду № 114, по-видимому, завершилась зимой 1900/01 гг. А вот третья, судя по затраченным в 1900 г. суммам, либо представляла собой небольшой паузок, либо основное финансирование пришлось на 1901 г. Из барж для пруда в 1900 г. построена по наряду № 456 одна баржа (длиной 15 саж.). Вторая баржа по неизвестному наряду вошла в строй в 1901 г., скорее всего, зимой 1901/02 г. На 1 июля она уже в строю – ее явно сдавали к началу навигации.

Еще три баржи для Камы строились куренным цехом по наряду № 180.

По отчету завода за 1902–1903 гг. произведена постройка «3-х деревянных барж на р. Кама». Все расходы шли по куренному цеху, по наряду № 180. Всего цех произвел работ на сумму 15647 руб. 41³/₄ коп. Из этой суммы 15 руб. 75 коп. составили материалы магазинов и кладовых. На момент составления отчета на остаток работ значились 169 руб. 12¹/₂ коп. И таким образом, все три баржи числились в незавершенном производстве с суммой 15494 руб. 4¹/₄ коп. По этому же отчету произведена постройка «2-х деревянных барж на заводском пруду». Расходы шли по строительному цеху по наряду № 605 от 1901 г. Общие затраты на постройку значатся 3163 руб. 35³/₄ коп. Эта же сумма зачислена на инвентарь завода, она же значится в графе «Итого», под которой карандашом имеется надпись «февр[аль]» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10508. Л. 6/н).

Судя по «Ведомости о сумме цеховых расходов произведенных и отнесенных на подлежащие счета по цехам Воткинского завода» за 1904 г., в этом году имелась статья расходов на «Постройку трех деревянных барж для Камы». Расходы шли только по куренному цеху нарядом № 180. Затраты по материалам и полуфабрикатам отсутствовали и шли исключительно по статье «Рабочая плата» составив 15494 руб. 4¹/₄ коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10592. Л. 6/н). Очевидно, сюда вошли затраты на заготовку леса, изготовление пиломатериалов и собственно саму постройку, которые вполне могли проводить только силами куренного цеха. Хотя в затратах по полуфабрикатам сумма отсутствует, но имеется значок «“», что, возможно, означает объединение с предыдущей строкой расходов, где стоит постройка сарая, осуществлявшаяся также силами куренного цеха, на которую пошли полуфабрикаты на сумму 301 руб. 80 коп.

Первое упоминание, скорее всего, означает, что на начало 1903 г. основные работы по наряду № 180 уже закончились, а остаток в 169 руб. 12¹/₂ коп. явно указывает на окончание работ в начале 1903 г. В итоге все упомянутые баржи были готовы к навигации 1903 г. Впрочем, из документа непонятно, сколько барж и когда построены, вполне вероятно, что все баржи сданы в 1902 г., а одна в 1903 г., или наоборот.

Очевидно, более завод деревянные баржи не строил. Косвенным доказательством этого может служить постановление горного начальника № 35 от 30 января 1909 г.: «Деревянные баржи каравана приходят в ветхость, ввиду сего является необходимость заменить их новыми, и при этом железными, как более устойчивыми, что показала практика последних лет...». Далее завод выступил с ходатайством о разрешении построить ему для своих нужд железную баржу по типу «Солнце» длиной 218 фут. (66,5 м) по палубе, шириной 43 фут. (13,1 м), высотой бортов 7 фут. (2,1 м). (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10917. Л. 150б).

В отчете 1910 г. в общей сумме сокращения имущества завода на 161029 руб. 17 коп., сумма в 8703 руб. 8 коп. значится от списания неуказанного количества деревянных барж. Увеличение имущества произошло на 296392 руб. 92 коп. В их числе по каравану на р. Каме и на заводском пруду сумма увеличилась на стоимость пяти железных барж: «Кама» (58145 руб. 12 коп.), «Марс» (13089 руб. 28 коп.), «Зима» (23038 руб. 68 коп.) и двух неназванных для перевозки дров (25804 руб. 26 коп.), кроме того, сюда же вошла стоимость одной деревянной баржи (4830 руб.). Поскольку далее в документе указывалось, что «окончены постройкой и сданы по принадлежности 5 барж для потребностей своего завода» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10925. Л. 6/н), можно предположить, что деревянная баржа была заводом куплена. На это же указывает сравнительно низкая цена.

Таким образом, вероятней всего, завод построил шесть барж для Камы и четыре для пруда. Еще одна баржа куплена в 1910 г. Поскольку в сумме получается 9, а в 1902 г. в заводском караване состояло 13 барж, получается, что как минимум 4 баржи имелись у завода в 1900 г., явно полученные от других хозяев, подобно баржам А.А. Зырянова. Реально, очевидно, больше. К 1902 г. завод построил лишь три баржи для Камы. Даже предполагая, что № 13-й и № 14-й – это небольшие баржи для пруда, получается, что было куплено как минимум 8 барж.

А если предположить, что стоимость списываемой баржи составляет 500–1000 руб., то получается, что в 1910 г. могли одновременно списать от 8 до 17 барж. Выходит, завод массово избавился от ставших ненужными ему пришедших в негодность судов.

Относительно списанных деревянных барж делопроизводственная документация сообщает следующее.

По счету прибылей и убытков Воткинского завода за 1905 г. в марте этого года в дебет завода была записана сумма 1281 руб. 25 коп. «От продажи двух негодных барж» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10619. Л. 62).

В постановлении горного начальника № 33 от 12 февраля 1907 г. говорилось, что ввиду необходимости «сдать также в аренду находящийся в Москве железный плашкоут и продать

стоящие там же четыре деревянные коломенки» «поручить командиру Д.Г. Кондрякову... съездить в Н[ижний] Новгород и в Москву и предложить там кому-либо арендовать пароход и плашкоут, а коломенки продать хотя бы даже на дрова» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10742. Л. 20-200б). Речь идет о пароходе «Камский судостроительный завод» (капитан Д.Г. Кондряков), который отбуксировал в Москву в навигацию 1906 г. железный плашкоут «Юг» и указанные деревянные коломенки. По счету от 13 июля 1907 г. постановлением горного начальника № 122 от 18 апреля 1908 г. завод заплатил 1027 руб. Торговому дому братьев Каменских за буксировку плашкоута от Москвы до Галево (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10818. Л. 550б.). Поскольку коломенки более не упоминаются, скорее всего, их действительно продали на дрова.

По отчетной ведомости Управления Камско-Воткинского округа за 1907 г. в этом году завод продал Е.Ф. Колчину коломенку деревянную за 250 руб. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10706. Л. 2310б.-232). Судя по указанной сумме, судно явно продали на дрова.

Постановление № 101 от 30 марта 1908 г.: «С разрешения Уральского Горного Управления от 14 марта 1908 года за № 3368, в присутствии Управления округом были назначены на 28 сего марта торги на продажу двух негодных для завода деревянных барж, считающихся по инвентарю заводских зданий и сооружений под № 3 и 4, длиной по 33 саж. [70,29 м] шириною 6 саж. [12,78 м] и вышиной 3 арш. [2,13 м], с ценой по 2500 руб. каждая, – оцененных ввиду крайней ветхости, свидетельствовавшей их комиссией в 1068 рублей. На торгах высшую цену предложил Иван Иванович Коротков, представив залог 130 руб. Признавая предложенную Г. Коротковым цену за баржи выгодную для казны, Общее Присутствие Управления постановило: с представлением торгового производства на баржи просить Г[осподи]на Главного Начальника Уральских горных заводов об утверждении торгов» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10818. Л. 35-350б). Постановление № 111 от 31 марта 1908 г.: «На состоявшихся 28 сего марта в Управлении округа торгах по продаже двух ветхих деревянных барж, состоящих по инвентарю заводских зданий и сооружений под № 3 и 4 <...>. Горный начальник постановил: проданные баржи за № 3 и 4 исключить с прихода с полной стоимостью 2500 р. каждая и передать баржи Короткову» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10818. Л. 470б.-48).

Постановление № 201 от 15 мая 1910 г.: «Ввиду того что при рассмотрении смет на разломку деревянных барж № 7 и 11 Горным Ученым Комитетом обращено внимание на кратковременность службы деревянных барж, Горный Начальник постановил: предложить г. Заведующему Галевским караваном и г. Механику завода строго следить первому за Галевским караваном, а второму за караваном на заводском пруде, чтобы баржи и другие суда, служащие для перевозки дров, лесных и других материалов, очищались не менее двух раз в год (в середине лета и по окончании навигации) от щеп, мусора и др[угих] способствующих гниению предметов и вообще наблюдать за чистотой и исправным состоянием каравана, дабы сохранить его на более долговременную службу» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10916. Л. 131-1310б).

Постановление № 207 от 20 августа 1912 г.: «На 20 августа при Управлении Камско-Воткинского горного округа было назначено соревнование на продажу двух старых деревянных барж, принадлежащих Воткинскому казенному заводу, причем лично на соревнование никто не явился, а также не получено ни от кого письменных заявлений, ввиду чего Горный Начальник постановил: считать соревнование не состоявшимся, вторично назначить таковое через три дня, т.е. на 23 августа» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11079. Л. 95). Постановление № 211 от 23 августа 1912 г.: «На 20 августа при Управлении округа было назначено соревнование на продажу двух деревянных барж: первая постройки 1891 г. длиной 15 саж. [31,95 м], и вторая постройки 1901 г. длиной 25 саж. [53,25 м]. На соревнования лично никто не явился, также не было получено ни от кого письменных заявлений, ввиду чего было назначено вторичное соревнование на 23 августа, на которое торговаться лично также никто не явился, но получено письменное заявление Анатолия Ивановича Зырянова о согласии купить баржу длиной 25 саж. за 255 руб. Находя предложенную цену подходящей для казны, Горный Начальник постановил: соревнования считать состоявшимся, утвердить продажу баржи Зырянову за 255 руб., о чем донести г. Главному Начальнику Уральских горных заводов» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11079. Л. 96). Постановление № 222 от 5 сентября 1912 г.: «На 5 сентября при Управлении Камско-Воткинского горного округа было назначено соревнование на продажу старой деревянной баржи-дебаркадера, принадлежащей Воткинскому казенному заводу, причем лично на соревнование никто не явился, а также не получено ни от кого письменных заявлений, ввиду чего Горный Начальник постановил считать соревнование не состоявшимся...» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11079. Л. 100-1000б.).

Совмещая информацию с данными о заводском караване в 1912 г., можно предположить, что на торги были выставлены баржа-дебаркадер на Воткинском пруду (15 саж.), которую никто не купил. Отчет также говорит о некоей «ветхой барже» длиной 45 саж., а торги ведутся по барже в 25 саж. Поэтому можно предположить, что «ветхую баржу» как раз и выставили на торги, тем более что даты практически совпадают. Поскольку в постановлениях горного начальника эта баржа два раза упомянута как 25-саженная, возможно, в отчете имела место опечатка. Таким образом, к исходу года у

завода оставалось три деревянные баржи. Две из них потом сгорели в Левшино в 1919 г. Судьба третьей баржи неизвестна.

Обобщая информацию имеющихся источников, можно расположить ее в хронологическом порядке (Таблица 2).

Таблица 2. Факты о деревянных баржах Воткинского завода

Год	Факт
1901 г.	По наряду от 1900 г. № 114 построено две баржи для Камы, № 992 еще одна для Камы. В феврале в инвентарь записана баржа для пруда (15 саж.), построенная по наряду № 456. К 1 июля построена еще одна баржа для пруда (наряд не известен).
1902 г.	Строятся три баржи для Камы (по наряду № 180), две для пруда (по наряду № 605). На Каме используются баржи № 1–11, № 13–№ 14.
1903 г.	В начале года закончена постройка барж по наряду № 180.
1905 г.	Март: продажа на дрова двух негодных барж за 1281 руб. 25 коп.
1907 г.	12 февраля: разрешена продажа на дрова четырех коломенок, оказавшихся в Москве зимой 1906/07 гг., в т.ч. одна коломенка продана Е.Ф. Колчину за 250 руб.
1908 г.	30 марта: проданы с аукциона И.И. Короткову баржи № 3 и 4 (длина 33 саж.) по 2500 руб.
1909 г.	30 января принято решение отказаться от практики постройки деревянных барж в пользу железных.
1910 г.	Май: разломаны своими силами баржи № 7 и 11. Списано неуказанное количество деревянных барж. Куплена одна деревянная баржа.
1911 г.	В строю баржа № 5.
1912 г.	Февраль: в строю 4 баржи на Каме, одна ветхая (45 саж.), 1 на пруду, используется как дебаркадер. 23 августа: продана с аукциона баржа (1901 г., длина 25 саж.) А.И. Зырянову за 255 руб. Судьба выставленного одновременно деревянного дебаркадера (1891 г., длина 15 саж.) не понятна.
1916 г.	В строю на Каме баржи № 5 и 6 (1902 г., 30 саж.) и № 10 (1901 г., 25 саж.)
1918 г.	Ноябрь: на зимовке в районе Галево баржи № 6 и № 10.
1919 г.	Во время пожара в Левшино погибли баржи № 10 и № 13.

Как видно, в основном в Таблицу 1 вошли баржи с районом плавания Кама–Волга, баржи для пруда в ней отражены мало, а для Северной Двины и Шексны отсутствуют вообще. Тем не менее, анализируя данные таблицы, можно сделать следующие заключения.

Если предположить, что в 1900 г. все имевшиеся на заводе баржи вошли в заводской караван, то восемь из них (как минимум) – это суда, полученные от других хозяев (в залог, в погашение кредита и т.д.). К ним добавились пять, построенных на заводе в период с 1901 по 1902 г. – три большие и две малые баржи. Далее, до навигации 1903 г., построено еще три большие и две малые баржи. В итоге в навигации 1902 г. заводской караван на Каме насчитывал 13 барж (11 больших и 2 малых). Но приобретались суда, явно бывшие в эксплуатации, в то время как баржи заводской постройки – новые. Поэтому следует ожидать, что баржи заводской постройки будут списаны в последнюю очередь как имеющие на 1902 г. явно больший ресурс.

Весной 1910 г. разломаны собственными силами баржи № 7 и 11. Это разительно отличает их от остальных: обычно баржи или тихо продаются на дрова, или уходят с аукциона. Можно предположить, что они разломаны собственными силами, потому что до этого строились на заводе. В этом случае часть элементов деталей и конструкций можно было бы использовать для ремонта оставшихся в караване однотипных барж. Такой прием хорошо известен и называется «канибализация».

Еще характерный эпизод: в 1910 г. в эксплуатацию вошли четыре железные баржи, построенные для перевозок по Воткинскому пруду. Одновременно производится списание неизвестного количества деревянных барж на сумму 8703 руб. Эта сумма очень хорошо соответствует цене постройки барж для пруда. Стоимость одной баржи неизвестна, но по наряду № 456 за вторую баржу потрачено 1395 руб., по наряду № 605 еще за две – 3163 руб. Получается, в сумме за все четыре порядка 6000 руб. Учитывая остаточную стоимость барж № 7 и № 11, сумма в 8703 руб. становится вполне объяснимой. Интересен также факт, что четыре деревянные баржи на пруду заменяются четырьмя железными.

По списку судов на 1916 г. у завода имеются баржи № 5, 6 и 10 (они же фигурируют в 1918–1919 гг.), которые неоднократно проходят ремонт, можно предположить, что это и есть два типа барж, построенных куренным цехом, в связи с чем можно предложить следующую реконструкцию биографий заводских барж для Камы.

Скорее всего, к первому типу (1902 г.) принадлежали № 5, 6 и 7 (более ранние номера – № 3 и 4 имеют длину 33 саж., это явно другой тип). № 7 разломана в 1910 г., № 5 и № 6 дожили до 1917 г. и, скорее всего, пошли на дрова во время или после гражданской войны.

Второй тип (1901 г.) – это, возможно, № 10, 11 и 12. № 11 разломана в 1910 г. № 12, возможно, продана А.И. Зырянову (длина ее корпуса тоже 25 саж.). № 10 погибла при пожаре в Левшино в 1919 г.

Но № 12 отсутствует в 1902 г. (Таблица 1) и вряд ли это случайность. Ее пропуск означает лишь то, что в этот год судно в заводских перевозках не использовалось. Так что похоже, что суммы, затраченные в 1903 г. на достройку барж по наряду № 180, как раз и пошли на нее.

По логике в продолжение линейки цифр № 13 – это баржа, приобретенная в 1910 г. Она также погибла во время пожара в Левшино, но тогда очень странно ее отсутствие в списке 1916 г. Но еще более странно, что в 1902 г. № 13 – это небольшой паузок.

Можно предположить, что в 1902 г. № 13 и № 14 – это баржи, строившиеся для заводского пруда и по каким-то причинам оказавшиеся в навигации 1902 г. на Каме. Например, их могли провести с какими-то грузами вместе со сплавляемыми по весне судами. После чего им оставалось ждать следующей весенней высокой воды, чтобы вернуться обратно на заводской пруд. Тогда получается, что № 13 и № 14 – это временные номера, нужные лишь для их идентификации на Каме и при возвращении на заводской пруд эти номера снова стали вакантными.

Но возможно и еще одно объяснение. Поскольку в 1902 г. № 13 и № 14 в путевых журналах отразились как паузки, а в 1907 г. идет речь о продаже на дрова в Москве коломенок, можно высказать предположение, что речь идет об одних и тех же судах.

Интересно еще одно совпадение. Для пруда строятся баржи с длиной корпуса в 15 саж. Такую же длину имеет деревянный дебаркадер (1891 г.п.), выставленный на продажу в 1912 г. Он мог сохраниться в удовлетворительном состоянии из-за того, что его использовали на заводском пруду как стоечное судно. Интересно, что в 1910 г., несмотря на 20-летний возраст, он не характеризуется как «ветхий», в отличие от 45-саженной (или 25-саженной?) баржи. Так что после неудачи на аукционе дебаркадер вполне могли и дальше использовать по прежнему назначению.

Факт отсутствия судна в списке 1916 г. тоже вполне объясним. Там не указаны баржи, находившиеся на заводском пруду. В 1910 г. завод построил серию из четырех железных плашкоутов для перевозки дров по заводскому пруду. Все они, очевидно, в этот период были безымянными, или номерными. Судя по списку 1916 г., к этому времени одну из них, «Вятку», перевели на Каму, где она получила собственное имя. Во время гражданской войны на Каме оказались еще две баржи, получившие наименования «Сива» и «Лена» (они фигурируют в регистре 1926 г.). На пруду оказалась лишь одна металлическая баржа, оставшаяся безымянной, ее использовали для перевозки дров вплоть до 1950-х гг. Поэтому в 1917 г. вместе с «Сивой» и «Леной» на Каму вполне могли перевести и 15-саженный дебаркадер, также отсутствовавший в списке 1916 г.

Наконец, если предположить, что именно 15-саженный дебаркадер и купили в 1910 г., становятся объясним целый ряд нестыковок в имеющихся фактах. Преклонный возраст – потому и купили, что на 1910 г. была хорошая сохранность при низкой цене, № 13 – формально это последняя баржа, приобретенная для заводского каравана, ее нет в списке 1916 г., так как она была на пруду.

В качестве самого вероятного времени для перевода судов на Каму можно указать сентябрь 1918 г., когда воткинские повстанцы стали перед проблемой наведения моста для эвакуации за Каму. Хотя ее нет в списке судов, зимовавших в районе Галево.

Эта картина вполне стыкуется с составом заводской флотилии на 1912 г. Действительно, в строю на Каме 4 баржи: № 5, № 6, № 10 и № 12. Одна из них «очень ветхая», это № 12, в том же году проданная А.И. Зырянову. На пруду одна баржа-дебаркадер, это № 13.

И тогда получается, что в 1900 г. баржи, перешедшие в собственность завода разными путями, получили номера 1, 2, 3, 4. К ним присоединились баржи № 5, 6, 7 собственной постройки. Затем еще две баржи № 8, 9 снова пришли от частных, и построены № 10, 11 и 12. Наконец, появились паузки (или коломенки) № 13 и № 14 (от частных?), окончательно сформировав заводской караван.

В 1905 г. проданы на слом две негодные баржи (самые старые, получают № 1 и № 2?). В 1907 г. проданы на дрова еще четыре баржи, оказавшиеся в Москве (из вакантных номеров остаются № 8, № 9, № 13 и № 14). В 1908 г. проданы баржи № 3 и 4. В 1910 г. разломаны баржи № 7 и 11, в этом же году списаны несколько барж (четыре?) для пруда. Остались баржи № 5, 6, 10, 12. К ним «докупили» баржу № 13, использовавшуюся как дебаркадер на Воткинском пруду.

Впрочем, до нахождения соответствующих источников все это не более чем предположения. Но, по крайней мере, эта реконструкция позволяет увязать воедино и объяснить имеющиеся довольно эклектичные факты.

5. Заключение

Делопроизводственная документация Воткинского завода однозначно свидетельствует о наличии альтернативного судостроения. В отличие от судостроительного цеха, в котором сосредотачивались итоговые работы по сдаче пароходов и плавсредств, судостроение велось также силами куренного и строительного цехов. Ими строились исключительно деревянные баржи для

собственных нужд: куренным цехом – баржи для Камы, строительным – для заводского пруда. Всего в период 1900–1904 гг. было построено как минимум шесть барж для Камы и четыре для пруда. За период с 1905 г. по 1912 г. завод провел списание или продал на дрова в общей сложности 12 деревянных барж. Еще две баржи сгорели в ходе пожара в Левшино в 1919 г., уведенные с завода отступавшими колчаковскими войсками. Несоответствие численности объясняется передачей деревянных барж в собственность завода от других хозяев, по-видимому, в основном для погашения долга перед заводом. Единновременно в составе заводского каравана могло находиться до полутора десятков деревянных судов. В 1908 г. деревянные суда из-за своей недолговечности были признаны невыгодными для завода, после чего альтернативное деревянное судостроение прекратилось.

Литература

Бусыгин, 1994 – *Бусыгин С.* Воспоминания об отце [интервью с В.З. Сумароковой-Злобиной, записанное в 1974 г.] // *Vega*. 1994. № 32. 26 августа. С. 4.

Бюллетень, 1924 – Бюллетень № 7 и 8. Список судов без механического двигателя, получивших свидетельство Российского регистра на право плавания. М.: Изд-во Центрального Бюро Российского регистра, 1924. 5 августа. 16 с.

Витиль, 2016 – Воткинский самородок // Витиль. Краеведческий альманах. 2016. № 5. С. 73-80.

Добровольский, 2009 – *Добровольский И.А.* Воткинский завод на рубеже эпох. Заметки конструктора. Воткинск: МП МИИЦ, 2009. 400 с.

Злобин, 2010 – *Злобин Е.В.* По реке времени под парусом // *Трудовая вахта*. 2010. № 7. 12 февраля. С. 8.

Книжка, 1912 – Памятная книжка за 1912 год (исправлена по 1-ое января 1913 года). LIII-я навигация с основания. СПб.: Императорский речной яхт-клуб, 1913. 164 с.

Книжка, 1915 – Памятная книжка за 1915 год (исправлена по 1-ое января 1916 года). LVI-ая навигация с основания. СПб.: Императорский речной яхт-клуб, 1916. 104 с.

Коробейников, 2012 – *Коробейников А.В.* Воткинское судостроение и гражданская война. Ижевск, 2012. 190 с.

Коробейников, 2014 – *Коробейников А.В.* О мартирологе Волго-Камского флота // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 6 (23). С. 168-193.

Матвеев, 2017 – *Матвеев Д.В.* Яхта князя Горчакова – жертва политической сатиры // Человек в природном, социальном и социокультурном окружении: Материалы региональной студенческой научно-практической конференции (Ижевск, 31 марта 2017 г.). Ижевск: Изд-во МВЕУ, 2017. С. 19-20.

МИКВ – Музей истории и культуры города Воткинска.

Регистр, 1916 – Судовой список «Русского регистра». Ч. 1. Непаровые суда Мариинского водного пути и бассейнов рр. Невы и Северной Двины. Петроград, 1916. 116 с.

Регистр, 1926 – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1 марта 1926 г. / Под ред. инж. Н.Я. Волпянского. М.: Транспечать, 1926. 503 с.

Список, 1900 – Список речных непаровых судов Европейской России по переписи 1900 г. Вып. II. СПб.: Тип. МПС, 1902. 216 с.

Список, 1917 – Список судов речного флота по переписи 1916–17 гг. Бассейн реки Волги. Суда без механического двигателя. М., 1919.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.

Яхт-клуб, 1910 – Императорский речной яхт-клуб 1860–1910. Т. II. СПб., Тип. М.Д. Ломковского, 1910. 427 с.

Mityukov et al., 2020 – *Mityukov N.V., Loshkarev A.N., Makarov Yu.N.* Reconstruction of Shipbuilding Production Volumes in Votkinsk. *Bylye gody*. 58(4): 2531-2545. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2531

References

Busygin, 1994 – *Busygin, S.* (1994). Vospominaniya ob ottse (interv'yu s V.Z. Sumarokovoi-Zlobinoi, zapisannoe v 1974 g.) [Memories of the father (interview with V.Z. Sumarokova-Zlobina, recorded in 1974)]. *Vega*. 32. August 26. P. 4. [in Russian]

Byulleten, 1924 – Byulleten № 7 i 8. Spisok sudov bez mekhanicheskogo dvigatelya, poluchivshikh svidetel'stvo Rossiiskogo registra na pravo plavaniya [List of ships without a mechanical engine that received a certificate from the Russian Register for the right to sail]. Moscow: Izd. Tsentral'nogo Byuro Rossiiskogo registra, 1924. August 5. 16 p. [in Russian]

Dobrovolsky, 2009 – *Dobrovolsky, I.A.* (2009). Votkinskii zavod na rubezhe epokh. Zаметki konstruktora [Votkinsk plant at the turn of the era. Designer notes]. Votkinsk, 400 p. [in Russian]

Knizhka, 1912 – Pamyatnaya knizhka za 1912 god (ispravlena po 1-oe yanvary 1913 goda). LIII-aya navigatsiya s osnovaniya [A memorial book for 1912 (corrected to January 1, 1913). LIII-th navigation from the bottom]. St. Petersburg: Imperatorskii rechnoi yakht-klub, 1913. 164 p. [in Russian]

Knizhka, 1915 – Pamyatnaya knizhka za 1915 god (ispravlena po 1-oe yanvary 1916 goda). LVI-aya navigatsiya s osnovaniya [A memorial book for 1915 (corrected to January 1, 1916). LVI navigation from the bottom]. St. Petersburg: Imperatorskii rechnoi yakht-klub, 1916. 104 p. [in Russian]

- Korobeinikov, 2012** – *Korobeinikov, A.V.* (2012). Votkinskoe sudostroenie i grazhdanskaya voina [Votkinsk shipbuilding and the civil war]. Izhevsk. 190 p. [in Russian]
- Korobeinikov, 2014** – *Korobeinikov, A.V.* (2014). O martirologe Volgo-Kamskogo flota [About the Martyrology of the Volga-Kama Fleet]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii*. 6(23): 168-193. [in Russian]
- Matveev, 2017** – *Matveev, D.V.* (2017). Yakhta knyazya Gorchakova – zhertva politicheskoi satiry [The yacht of Prince Gorchakov is a victim of political satire]. *Chelovek v prirodnom, sotsial'nom i sotsiokul'turnom okruzenii: Materialy regional'noi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Izhevsk, 31 marta 2017 g.). Izhevsk: Izd-vo MVEU. Pp. 19-20. [in Russian]
- MIKV** – Muzei istorii i kul'tury goroda Votkinska [Museum of the history and culture of the city of Votkinsk].
- Mityukov et al., 2020** – *Mityukov, N.V., Loshkarev, A.N., Makarov, Yu.N.* (2020). Reconstruction of shipbuilding production volumes in Votkinsk. *Bylye gody*. 58(4): 2531-2545. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2531
- Registr, 1916** – Sudovoi spisok «Russkogo registra». Ch. 1. Neparovye suda Mariinskogo vodnogo puti i basseinov rr. Nevy i Severnoi Dviny [Ship list of the "Russian Register". Part 1. Non-steam vessels of the Mariinsky waterway and river basins. Neva and Severnaya Dvina]. Petrograd, 1916. 116 p. [in Russian]
- Registr, 1926** – *Volpyansky N.Ya.* (Ed.) (1926) Registr Soyuz SSR. Spisok rechnykh sudov. Sostavlenn po dannym Mestnykh Byuro Registra Soyuz SSR na 1 marta 1926 g. [Register of the USSR. List of river ships. Compiled according to the data of the Local Bureau of the Register of the USSR as of March 1, 1926]. Moscow, Transpechat', 503 p. [in Russian]
- Spisok, 1900** – Spisok rechnykh neparovykh sudov Evropeiskoi Rossii po perepisi 1900 g. [List of non-steam river vessels of European Russia according to the 1900 census]. Issue II. St. Petersburg: Tip. MPS, 1902. 216 p. [in Russian]
- Spisok, 1917** – Spisok sudov rechnogo flota po perepisi 1916-17 gg. Bassein reki Volgi. Suda bez mekhanicheskogo dvigatelya [List of ships of the river fleet according to the census of 1916-17. Volga river basin. Vessels without mechanical propulsion]. Moscow. 1919. [in Russian]
- TsGA UR** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respubliky [Central State Archive of the Udmurt Republic].
- Vitel, 2016** – Votkinskii samorodok [Votkinsk nugget]. *Vitel'. Kraevedcheskii al'manakh*. 2016. 5: 73-80. [in Russian]
- Yakht-klub, 1910** – Imperatorskii rechnoi yakht-klub 1860-1910 [Imperial River Yacht Club 1860–1910]. T. II. St. Petersburg, Tip. M.D. Lomkovskogo, 1910. 427 p. [in Russian]
- Zlobin, 2010** – *Zlobin E.V.* (2010). Po reke vremeni pod parusom [On the river of time under sail]. *Trudovaya vakhta*. 7. February 12. Pp. 8. [in Russian]

Деревянное судостроение Воткинского завода начала XX в.

Николай Витальевич Митюков^{a, b, *}

^a Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. За почти вековую историю судостроения на Воткинском заводе там было построено более четырех сотен металлических судов от боевых кораблей и морских шхун до небольших барж и весельных баркасов. Но, несмотря на многочисленные данные, что завод занимался исключительно железным судостроением, имеется ряд свидетельств о наличии деревянного судостроения, которые можно разделить на четыре типа: бортовые деревянные плавсредства для укомплектования строившихся на заводе морских и речных пароходов; единственное деревянное судно, построенное как самостоятельный заказ судостроительным цехом, – это яхта «Вятский воевода» – подарок губернатору Вятки С.Д. Горчакову; моторные деревянные лодки, которые строили частные лица в поселке Воткинский завод; деревянные баржи. Для выявления возможных объемов последнего привлекалась делопроизводственная документация завода из фондов Центрального государственного архива Удмуртской республики. Несмотря на эклектичность фактов, расположение их в хронологическом порядке дало возможность выявить дублирование информации и определить объемы производства. В отличие от судостроительного цеха, в котором сосредотачивались все итоговые работы по сдаче пароходов и плавсредств, судостроение велось также силами куренного и строительного цехов. Ими строились исключительно деревянные баржи для собственных нужд: куренным цехом – баржи для Камы, строительным – для заводского

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

пруда. Всего в период 1900–1904 гг. было построено как минимум шесть барж для Камы и четыре – для пруда. За период с 1905. по 1912 гг. завод провел списание или продал на дрова в общей сложности 12 деревянных барж. Еще две баржи, уведенные с завода отступавшими колчаковскими войсками, сгорели в ходе пожара в Левшино в 1919 г. Несоответствие численности объясняется передачей деревянных барж в собственность завода от других хозяев, по-видимому, в основном для погашения долга перед заводом. Единновременно в составе заводского каравана находилось до полутора десятков деревянных судов. В 1908 г. деревянные суда из-за своей недолговечности были признаны невыгодными для завода, после чего, по-видимому, альтернативное деревянное судостроение прекратилось.

Ключевые слова: поселок Воткинский завод, предприятие Воткинский завод, деревянное судостроение, навигация.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 454-462
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.454

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Modernization of Russian Statehood: National Outskirts in the Modernization Model of Russia at the beginning of the 20th century (on the Example of Kalmykia)

Konstantin N. Maximov ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In the second half of the XIX – early XX century in the process of modernization of Russian statehood, national regions were also included, in particular the Kalmyk steppe (Kalmykia), as part of a multiethnic state. Taking into account the peculiarities of their development, social reforms, reforms of public administration, self-government, administrative-territorial structure and other spheres were singled out into separate, sequential stages in the implementation of the general modernization policy of the Russian state. The preparatory stage and reforms of public administration, administrative-territorial structure and other spheres of Kalmykia dragged on for almost half a century, in fact, until the beginning of the crisis in Russia.

This part of the article examines the processes of modernization of the highest level of state administration of the Kalmyk steppe – the Administration of the Kalmyk people. As a result of the centralization of management, it was withdrawn from the provincial department, subordinated directly vertically to the Ministry of Internal Affairs in the status of a state institution of Russia with its own system of subordinate bodies – ulus administrations. Officials of state institutions of Kalmykia were integrated into the unified system of personnel policy of the country in accordance with the Table of Ranks. In accordance with the general trend in the state apparatus of Kalmykia, the number of officials increased, and its state administration was subjected to bureaucratization.

The complex of reforms also included the administrative-territorial reorganization of the Kalmyk steppe, which led to the transformation of local self-government of Kalmykia into the general system of the state. There have been no significant changes in the judicial system. The estates of the judiciary of the Kalmyk steppe, in fact, remained in the hands of the executive branch. As a result of the reform of the management of khurul (church) institutions, the highest clerical ranks in status were equated with civil servants and allocated into a separate independent class group.

Keywords: Russian Empire, Kalmyk steppe, Astrakhan province, Ministry of Internal Affairs, peasant reform, modernization, public administration, self-government, ulus, aimak, Management of the Kalmyk people.

1. Введение

Царское правительство, проведя общее реформирование государственного управления Калмыцкой степью, местного самоуправления в ней в соответствии с основными принципами отмены крепостнических отношений в стране, приступило прежде всего к инкорпорированию высшего звена административного управления калмыцким народом в систему государственных учреждений империи. Эта реформа, являвшаяся составной частью модернизационной политики российской государственности, была проведена в два этапа. К начальному этапу следует отнести меры по реформированию в конце XIX в. В соответствии с новым положением о Калмыцкой степи в 1897 г., ровно через 50 лет, упраздняется высшая должность в управлении народом – главного попечителя

* Corresponding author

E-mail addresses: max37maximov@yandex.ru (K.N. Maximov)

калмыцкого народа, которую занимал на протяжении этого времени управляющий Палатой земледелия и государственных имуществ Астраханской губернии. Полномочия главного попечителя по управлению калмыцким народом были возложены на астраханского губернатора. Все это, естественно, вписывалось в проводимый правительством курс сконцентрировать все управление и самоуправление на местах в руках губернатора.

Несколько ранее, в мае 1894 г., указом Александра III чинам Управления калмыцким народом (УКН) ведомства Министерства земледелия и государственных имуществ вменялось в обязанность ношение обмундирования, введенного «Положением о гражданских мундирах» (27 февраля 1834 г.) для российских чиновников государственных учреждений. Учитывая особенности полномочий чинов УКН, было введено обмундирование, подходящее к уездной полицейской службе (ПСЗРИ, 1834: 168-169, 180), но с некоторым отличием. Действительно, чиновники УКН и улусных управлений в основном выполняли полицейские функции: следили за сохранением общественного порядка, сбором податей, вели статистический учет и отчетность, надзор за передвижением населения. По указанию главного попечителя калмыцкого народа все чиновники УКН и улусных управлений уже к сентябрю 1894 г. были облачены в новую форму обмундирования с чиновными знаками, означавшими место служения, степень звания и должность (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 443. Л. 77, 79-80).

На следующем этапе модернизации подверглись реорганизации высшие звенья административного управления Калмыцкой степью, судебная система, а также унифицирован правовой статус чиновников Калмыкии, духовенства, проведена реформа административно-территориального устройства. Основная цель реформы заключалась во введении их в систему государственных учреждений и чиновников, единое правовое пространство Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили различные виды документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Они были созданы и отложились в результате деятельности центральных государственных учреждений (Министерств земледелия и государственных имуществ, внутренних дел) России, администрации Астраханской губернии, Управления калмыцким народом, улусных управлений и др. Документальные материалы, разнообразные по времени происхождения, авторству и видам (законы, приказы, инструкции, положения, отчеты, справки, докладные, переписка и т.д.), выявлены в фондах Национального архива республики Калмыкия. Статья написана с привлечением новых письменных источников нормативного, законодательного характера, опубликованных в различных документальных изданиях, а также материалов статистики. Все выявленные и использованные виды источников подверглись источниковедческому анализу не только для решения традиционных проблем источниковедения (происхождения и содержания источников), но и для изучения социально-общественных явлений, системы механизмов государственного управления и ее функционирования. Автор при написании статьи руководствовался принципами историзма, рассматривая общественно-политическое развитие Калмыкии как объективный, закономерный процесс в общеисторическом пространстве России, а также принципами объективности, всесторонности, в соответствии с которыми автор, опираясь на совокупность фактов, извлеченных из документальных источников, раскрывает истинную, реальную действительность со всеми аспектами. При этом применялись общие конкретные методы исторического исследования: проблемно-хронологический, позволивший проблеме реформы государственного управления Калмыцкой степи рассмотреть в общем контексте модернизации Российской государственности в конкретный исторический период; компаративный анализ применялся для раскрытия общих и особенных черт в пореформенном государственном управлении Калмыкией по сравнению с предыдущей системой управления, а также для изучения особенностей компетенции и полномочий структур управления Калмыцкой степью. Учитывая многообразие выявленных и вводимых в научный оборот исторических источников, применены и принципы эвристики с целью удобства их классификации по различным признакам (в основном по хронологии, авторству, географическому) для изучения источников в комплексе, сгруппированных по названным критериям.

3. Обсуждение

Несмотря на достаточную литературу, посвященную истории модернизации системы управления, государственных учреждений России (Сукиасян, 1996; Ерошкин, 1975; Ерошкин, 1983; Королева, 1982; Абдулатипов и др., 1992 и др.), в них авторы не рассматривали проблемы реформирования управления в национальных окраинах именно в начале XX в. В отдельных трудах историков (Пашков, 1997; Национальные окраины, 1998 и др.) имеются лишь фрагментарные сведения о реформах в Калмыкии XIX и начала XX вв. Б.Г. Пашков лишь упомянул о реформе 1892 г. в хронологической таблице своей книги (Пашков, 1997: 587). Ш.Ф. Мухамедьяров в указанной коллективной монографии о реформе 1892 г. ограничился одним предложением, отметив лишь то, что улусовладельцы и правители (правильно: улусовладельцы-правители, зайсанги-правители – Авт.) были отстранены (правильно: упразднены их должности – Авт.) от участия в местном управлении. Из реформ начала XX в. он упомянул только передачу в декабре 1902 г. (им указана дата 1903 г.)

управления Калмыцкой степью из ведения Министерства земледелия и государственных имуществ в МВД (Национальные..., 1998: 54).

В историографии истории Калмыкии немалое внимание уделено закону от 16 марта 1892 г. и проведенным в соответствии с ним реформам. Одним из первых этой проблемы коснулся Ф.И. Плюнов в статьях, написанных еще в 1920-х годах, а опубликованных лишь в сборнике его трудов (Плюнов, 2016). В имеющихся работах (Очерки, 1967; История Калмыкии, 2009; Эрдниев, 1985; Максимов, 2002; Команджаев, 1999; Команджаев, Мапакова, 2011 и др.) историков Калмыкии, посвященных закону 1892 г., не исследуются реформы, проведенные в его развитие. Исключением является монография Команджаева и Мацаковой, в которой сделана попытка рассмотреть лишь административно-территориальную реформу 1910 г.

3. Результаты

В комплексе с административной реформой в 1906 г. завершилось формирование органов суда в Калмыцкой степи. 10 марта 1906 г. император Николай II высочайше соизволил открыть во всех улусах судебные органы – Зарго. В его состав входили председатель – попечитель, заведующий улусом, члены – два помощника попечителя (заведующего), два заседателя, избираемые из числа калмыков (зайсангов) на улусном сходе. Фактически было сделано отступление от принципов бессловности суда и отделения его от исполнительной власти, введенных судебной реформой 1864 г. в Российской империи. В результате реформы судебная власть в улусах Калмыцкой степи оказалась в руках их попечителей. Фактически попечители по должности были приравнены к должностным лицам введенным законом 12 июля 1889 г. к земским начальникам, объединившим в своих руках административную и судебную власть. Высшей кассационной инстанцией по всем делам, за исключением уголовных, являлось Астраханское губернское по крестьянским делам присутствие. Жители Калмыцкой степи по уголовным делам могли обращаться в Астраханскую судебную палату Саратовского округа. В 1908 г. МВД письмом от 9 декабря с целью сокращения сроков рассмотрения дел разрешило улусным Зарго проводить выездные заседания в аймаках, в отдельных случаях и в хотонах.

Проведенные реформы во всех звеньях управления в значительной степени централизовали и бюрократизировали государственный аппарат Калмыцкой степи, что, естественно, отразилось на документировании деятельности ее государственных учреждений, увеличении их документооборота и переписки, статистической отчетности. Количество поступивших и исходящих документов в УКН с 1899 по 1912 г. увеличилось вдвое, а с 1904 по 1912 г. – входящих на 30,6 %, исходящих – на 27,5 %. В улусных управлениях, по сравнению с дореформенным периодом, к 1911 г. количество входящих бумаг увеличилось на 46,5 %, исходящих – на 26,7 % (НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 165. Л. 34; Д. 188. Л. 27; Ф. И-9. Оп. 1. Д. 227. Л. 323, 325; Д. 357. Л. 41-42; Оп. 5. Д. 1132. Л. 40; Оп. 10. Д. 18. Л. 84).

Значительный объем составляло и документирование деятельности Зарго, возложенное на улусное управление. Имеющиеся сведения о количестве рассмотренных и решенных дел улусными судами Зарго свидетельствовали о возраставшем объеме их работы в послереформенный период, роли в соблюдении правопорядка. В судебных органах существенно увеличилась документация по гражданским делам, особенно по земельным спорам (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 227. Л. 327; Оп. 10. Д. 18. Л. 88).

Таким образом, при выделении управления калмыцким народом в отдельное звено и введении местного самоуправления не произошло сокращения дел у чиновников государственных учреждений России и администрации Калмыцкой степи. Наоборот, увеличилось количество чиновников, возросла их загруженность и переписка между центральными, губернскими административными инстанциями и органами самоуправления. В конечном итоге реформа привела к усилению бюрократии и власти чиновников. Чиновники всех рангов УКН и улусных управлений Калмыцкой степи, обмундированные в форму, возведенные в степень присяжных вплоть до старшин аймаков и старост хотонов, полностью интегрировались в систему чиновников государственных учреждений Российской империи. Об этом свидетельствовала и новая кадровая политика, можно сказать, включение высших должностей – заведующего калмыцким народом, попечителей, заведующих улусными управлениями – в номенклатуру должностей МВД страны.

В этом отношении яркий пример – назначение князя Николая Леонидовича Оболенского, выпускника Санкт-Петербургского университета, чиновника МВД, представителя известного старинного княжеского рода Оболенских в России, заведующим Управлением калмыцким народом. Управление калмыцким народом как государственное учреждение легитимно стало использоваться в вертикальной «номенклатуре», бюрократической иерархии служилых чинов по Табелю о рангах и «Положению о порядке производства в чины по гражданской службе» как своеобразная стартовая площадка, социальный лифт для продвижения по протекции нужной кандидатуры по ступеням служебной лестницы.

Князь Николай Леонидович Оболенский в возрасте 23 лет окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и в год окончания учебы, в сентябре 1901 г., приказом министра внутренних дел В.К. Плеве был зачислен на службу в Земский отдел МВД. Один из ближайших его родственников, А.Д. Оболенский, в 1897–1901 гг. служил в МВД в качестве товарища министра, с 1902 г. – товарища министра финансов, с 1905 г. обер-прокурором Синода. Флигель-адъютант князь

Н.Д. Оболенский входил в ближайшее окружение царя Николая II. Поэтому Николай Леонидович без особых усилий передвигался по служебным ступеням. В том же году он высочайшим приказом по гражданскому ведомству был утвержден в чине коллежского секретаря. В марте 1903 г. МВД назначает его начальником 1-го участка Люцинского уезда, а в январе 1904 г. возвращают в МВД и назначают младшим помощником делопроизводителя Земского отдела. В ноябре того же года Н.Л. Оболенский производится в гражданский чин титулярного советника (IX класс).

Высочайшим приказом министра внутренних дел по гражданскому ведомству от 25 октября 1904 г. князь Н.Л. Оболенский, в возрасте 26 лет, назначается заведующим Управлением калмыцким народом. Перед отъездом в Калмыцкую степь 1 ноября 1904 г. он удостоился аудиенции у Николая II, его благословения с установлением ему по указанию императора добавочного денежного содержания по 1500 руб. в год по смете расходов МВД. К месту службы в Астрахань он прибыл 15 ноября 1904 г. и через год был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Проработав 16 месяцев заведующим калмыцким народом, 10 марта 1906 г. с разрешения министра внутренних дел П.Н. Дурново Н.Л. Оболенский отправляется в двухмесячный отпуск в Санкт-Петербург. С этого времени он не вернулся в Калмыцкую степь. Высочайшим приказом министра № 43 от 2 июня 1906 г. он назначается чиновником особых поручений в гражданском чине VI класса при МВД. В последующие годы он, начавший служебную карьеру в Калмыкии, занимал должности помощника статс-секретаря Государственного совета, в годы Первой мировой войны при штабе Верховного главнокомандующего начальника Канцелярии по гражданскому управлению (НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 223. Л. 2, 13-16; 18, 33-33об., 49, 67об., 79).

Аналогичный путь по иерархической лестнице по Табелю о рангах, прибыв со скромной должности в МВД, прошел путь от попечителя улуса и заведующего калмыцким народом титулярный советник Сергей Андреевич Козин, назначенный высочайшим приказом по гражданскому ведомству МВД от 9 августа 1908 г. В этой должности С.А. Козин в декабре 1909 г. получил орден Святого Станислава 3-й степени, был произведен в коллежские асессоры. В Калмыцкой степи он проработал до назначения министром внутренних дел с высочайшего соизволения его 21 марта 1911 г. непререваемым членом Астраханского губернского по крестьянским делам присутствия.

С.А. Козин, проработав в 1914–1918 гг. в Монголии, получил прочные знания по истории, культуре монголов, монголоязычных народов, стал крупным ученым по монголоведению. Он перевел и издал с комментариями монгольский эпос «Гесериада» (М., 1935), а в 1938, 1940 и 1941 гг. вышли его фундаментальные труды: «Эпос монгольских народов», «Джангариада. Героическая поэма калмыков», «Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.». Наибольшую популярность ему принес перевод «Тайной истории монголов», ставший классическим изданием не только для российской науки, но и мировой (НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 185. Л. 11, 61, 111, 190; Д. 194. Л. 112-115).

Академик АН СССР С.А. Козин заслужил благодарную память у калмыков не только административными делами в Калмыцкой степи, но и результатами научной деятельности, особенно в исследовании героического эпоса калмыцкого народа «Джангар». Несмотря на высокий статус ученого страны, накануне Великой Отечественной войны Козин С.А., как бывший номенклатурный чиновник МВД царской России в Калмыцкой степи, был включен с указанием места жительства и работы (Ленинград, Институт монголоведения) органами МВД СССР в список-справочник потенциальных врагов советской власти (НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 531. Л. 21-38).

В административно-территориальном отношении Калмыцкая степь в конце XIX в. делилась на 7 улусов, 227 аймаков и 819 хотонов. Если до реформы 1910 г., несмотря на небольшое их сокращение за счет укрупнения, аймаки традиционно формировались по родовому признаку, хотоны – по семейно-родственным связям, по реформе они строились по территориальному признаку и количественному составу населения (аймак (волость) – в пределах от 700 до 1000 кибиток-семей в отличие от волости административной единицы России – до 2 тыс. семей). Административно-территориальная реорганизация, проведенная в Калмыцкой степи, положительно повлияла на развитие взаимоотношения калмыцкого населения с русским, активизировала процесс их интеграции.

В 1904 г. в Калмыцкой степи проживало 142 450 человек, в том числе 137 998 (96,88 % всей численности населения степи) калмыков (72 172 мужчин, 65 826 женщин). По социальному составу калмыцкое население делилось на привилегированное сословие: нойонов – 34 (18 мужчин, 16 женщин), зайсангов – 2 821 (1 480 мужчин, 1 341 женщина); духовенство – 996 человек; простолюдинов – 134 147 (69 678 мужчин, 64 469 женщин). По вероисповеданию население Калмыцкой степи представляло в основном буддистов (136 554 чел.), православных было 5 017 чел., в том числе 1 444 крещеных калмыка, являвшихся по роду занятий чиновниками, служащими учреждений, торговцами; третью группу составляли магометане (837 чел.) (Первая всеобщая..., 1897: 42-43; Первая всеобщая..., 1899: 40-41).

Число улусов (восемь с образованием Манычского) было сохранено, в результате укрупнения количество аймаков сократилось со 198 до 34, хотонов – с 772 до 180 (Материалы статистико-экономического..., 1910: 442-573; НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1636. Л. 14-23; Оп. 5. Д. 443. Л. 37, 53; Ф. И-21. Оп. 1. Д. 165. Л. 1-2). Новое административно-территориальное устройство в Калмыцкой

степи было введено с 1 января 1910 г. в соответствии с распоряжением № 36649 Министерства внутренних дел от 7 декабря 1909 г.

Укрупненные аймаки по статусу приравнивались к волостям, управление аймаками – волостному, то есть аймаки, хотоны, приравненные по делам хозяйственным к обществам, были введены в общекрестьянское общественно-административное устройство и управление. По утвержденной министром внутренних дел 4 ноября 1909 г. «Инструкции должностным лицам калмыцкого общественного управления Астраханской губернии», положения которой соответствовали учреждениям по крестьянским делам 1861 г., сохранялось прежнее административное деление. Дополнительно лишь создавались в калмыцких поселениях Кегульта, Бислюрта, Чилгир волости с избираемым на сходе старшиной и волостным управлением, где проживали крещенные калмыки и крестьяне.

В Инструкции определялось, что по делам хозяйственным первичным звеном являются хотонные общества, которые объединяются в аймаки, а для управления и по судебным делам последние – в улусы. Были сохранены местные органы самоуправления в улусах, аймаках, хотонах – сходы, а также исполнительные органы – управления, за исключением хотонов, административные руководители – попечитель улуса (глава улусного управления), заведующий частью крупного улуса, старшина аймака, староста хотона. Для обеспечения общественного порядка назначался полицейский стражник при аймачном управлении. Должностные лица улуса, за исключением штатных государственных служащих классных чинов, аймака и хотона избирались на соответствующих сходах сроком на три года. Возрастной ценз для участника схода – не моложе 25 лет – и имущественный ценз в Инструкции от 4 ноября были сохранены (НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 8. Л. 34).

Избранные на сходах лица (демчеи, бодокчеи, старшины, старосты и др.) могли вступить в должность только после принятия присяги на верность службе и утверждения астраханским губернатором. Аймачным старшинам и хотонным старостам предоставлялось право нанимать в правление с разрешения попечителя улуса писаря с определенным денежным вознаграждением, устанавливаемым решением схода. Должности аймачного старшины и хотонного старосты, как и волостного старшины и сельского старосты, фактически являлись штатными с жалованьем, устанавливаемым сходом общества. Аймачным старшинам, как и прежде, полагался должностной знак из светлой бронзы для ношения на шее на светло-бронзовой цепи при исполнении служебных обязанностей и вручалась печать (Инструкция..., 1910: 4-5; Российское законодательство..., 1989: 62). Тем самым калмыцкое население приобрело социальный статус крестьянства, способствовавший интеграции его с русским населением. Несмотря на сокращение количества аймаков и хотонов, перевод их старшин и старост в государственных чиновников и с установлением штатных сотрудников, значительно увеличил расходы на содержание управленческого аппарата. А с открытием почтовых станций при аймачных управлениях установились постоянные и прочные связи между улусами, аймаками, повысилась оперативность и эффективность управления.

Помимо этого, положительным результатом административно-территориальной реформы явилось упорядочение землепользования и более точное определение границ путем перераспределения земель между аймаками и разграничения наделных угодий. При проведении землемерных работ были составлены подробные описания территорий улусов и аймаков с указанием не только количества удобных и неудобных земель, но и занятых под пашни, сенокосы, огороды и сады. Все эти меры позволили более рационально использовать земли, развивать земледелие в Калмыцкой степи.

Поскольку основное население Калмыцкой степи по вероисповеданию относилось к ламаитам (буддистам), то их религиозные потребности удовлетворяла значительная группа (995 человек) калмыцкого духовенства, служившая в 1904 г. в 23 больших и 41 малом хурулах (церквях) под управлением ламы (высший духовный сан) и бакшей (высшее духовное лицо в хуруле). Крещенные калмыки в поселке Князе-Михайловском имели православную церковь, в которой служили священник-миссионер, дьякон-учитель и псаломщик (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 201. Л. 92-95; Д. 227. Л. 237, 241; Ф. И-21. Оп. 1. Д. 161. Л. 1-4).

Калмыцкое духовенство всех улусов возглавлял лама калмыцкого народа, избравшийся по Положению 1847 г. из числа бакшей больших хурулов с учетом мнений улусовладельцев, управляющих и опекунов улусов, главного попечителя калмыцкого народа. А в соответствии с реформами начала 90-х годов XX в. – с учетом мнений попечителей улусов и заведующих улусами, заведующего калмыцким народом, представителя МВД – астраханского губернатора, т.е. государственных чиновников. Представленная кандидатура министром внутренних дел на должность ламы калмыцкого народа утверждалась высочайшим указом императора.

В 1904 г. ламой калмыцкого народа являлся 79-летний Джимбе-Балдан Делгериев, из зайсангов Багацохуровского улуса, Запсурова рода. В 13 лет он получил первое духовное звание «манджи» (ученика), пройдя все ступени иерархической службы в хурулах, на 63 году получил должность старшего бакши всех хурулов, а 18 января 1898 г. после кончины (5 июля 1897 г.) ламы Баара-Шара Манджиева был возведен высочайшим указом императора Николая II в сан ламы калмыцкого народа. А бакшей всех хурулов 10 августа 1898 г. был назначен старший бакша всех хурулов

Багацохуровского улуса, гелюнг из простолюдинов, Барунова рода Чимид Балданов, от роду 58 лет. В 1904 г. он удостоился серебряной медали «За усердие» на Станиславской ленте. Высочайшим указом императора от 3 декабря 1910 г. Чимид Балданов был возведен в высокий духовный сан – ламы калмыцкого народа (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 227. Л. 243; Оп. 5. Д. 1132. Л. 38; Ф. И.-21. Оп. 1. Д. 165. Л. 8).

Под влиянием реформ и политических событий в Калмыцкой степи начала активизироваться и общественно-политическая жизнь. Калмыцкая интеллигенция и буддийское духовенство, заметно усиливавшие свою роль в формировании общественного сознания, выдвигают ряд требований. В феврале 1905 г. инициативная группа в лице нойона Ц.-Д. Тундутова, зайсангов Л. Арлуева и О. Норзунова, бакши хурулов Большедербетовского улуса Д. Сетенова, получив благословение ламы Д.-Б. Делгериева и бакши Ч. Балданова, направила докладную записку председателю Комитета министров С.Ю. Витте, где был поставлен вопрос об уравнении в правах ламаистов (буддистов) с православными. По сути дела, выдвигалось требование о национальном равноправии. В обстановке начавшихся бурных политических событий в стране в начале XX в. правительство с целью успокоения верующих, в том числе и буддистов, подготовило проект указа «Об укреплении начал веротерпимости», который был подписан императором 17 апреля 1905 г. Его основные принципы вскоре подтвердились Манифестом 17 октября 1905 г., провозгласившим свободу совести в России, а также в Основных государственных законах от 23 апреля 1906 г. (гл. вторая, пункт 39) (Российское законодательство..., 1994: 41, 48; НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 866. Л. 30б.).

С этого времени прекращалась политика попечительства администрации по регламентации деятельности хурулов, преследовавшая сокращение хурулов и их служителей. Количество больших хурулов в Калмыцкой степи к 1912 г., по сравнению с 1902 г., увеличилось не намного – всего на 2, а малых хурулов – на 14. Численность священнослужителей за этот период в хурулах Калмыцкой степи увеличилась с 1 049 до 1 752 человек (священнослужителей-гелюнгов с 564 до 638, гецулей – с 334 до 458, манджиков (учеников) – со 151 до 601), то есть более чем в полтора раза.

У священнослужителей собственность была представлена в двух формах – общей хурульной и индивидуальной. Например, большой хурул Александровско-Багацохуровского улуса имел 73 верблюда, 775 лошадей, 105 коров, 1 200 овец, малый хурул этого же улуса – 32 верблюда, 555 лошадей, 66 коров, 1 050 овец. Значительная часть служителей хурулов, за исключением манджиков, относилась к богатому сословию. Так, гецуль хурула Икицохуровского улуса Лиджи Ходжигоров имел табун в 500 лошадей. Он в дар преподносил лошадей императорам России. По словам астраханского губернатора М.А. Газенкамфа, «табуном Ходжигоров занимается грамотно, настойчиво, а не по калмыцкой рутине». В связи с этим губернатор предлагал попечителю Икицохуровского улуса поощрить его и перевести Лиджи Ходжигорова, как грамотного коневода, из гецулей в гелюнги (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 866. Л. 30б.; Д. 2291. Л. 197-198).

5. Заключение

В процессе модернизации российской государственности во второй половине XIX – начале XX вв. реформе подверглись центральное и местное управление, судебная система, административно-территориальное устройство Калмыцкой степи. В результате проведенных реформ административное и территориальное управление, самоуправление населения Калмыцкой степи полностью интегрировались в единоподчиняемую систему страны, а их служащие унифицировались в статусе с государственными чиновниками Российской империи. Судебная реформа, введя принципы бессловности, сосредоточила административную и судебную власть в руках попечителя улуса, приравненного в этом отношении к земскому начальнику. Отмена обязательных отношений, реформы привели к унифицированию социальной структуры калмыцкого населения с социальной структурой населения страны с сохранением сословий, разных по правовому статусу. Реформирование административно-территориального устройства Калмыцкой степи, проведенное в соответствии с основными принципами столыпинской аграрной политики, разрушило сельскую общину, круговую поруку, привело к интеграции народов, населяющих Калмыцкую степь. В целом реформы явились новым этапом в экономическом и общественно-политическом развитии Калмыкии, определившим курс на развитие новых экономических отношений (рынка). В результате осуществленных реформ Калмыкия в начале XX в. трансформировалась в российскую государственность в статусе особого административно-территориального управления – Калмыцкая степь с элементами субъекта Российской империи.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России (№ государственной регистрации АААА-А19-119011490038-5).

Литература

- Абдулатипов и др., 1992** – *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России. Кн. 1. М.: Республика, 1992. 386 с.
- Ерошкин, 1975** – *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха. Книга для учителей. М.: «Просвещение», 1975. 190 с.
- Ерошкин, 1983** – *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
- Инструкция..., 1910** – Инструкция должностным лицам калмыцкого общественного управления Астраханской губернии. СПб., 1910. 14 с.
- История Калмыкии..., 2009** – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 2. 840 с.
- Команджаев, 1999** – *Команджаев А.Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Команджаев, Мацакова, 2011** – *Команджаев А.Н., Мацакова Н.П.* Реформа 1892 года в Калмыкии. Элиста: Изд-во ФГБОУ ВПО «КалмГУ», 2011. 240 с.
- Королева, 1982** – *Королева Н.Г.* Первая Российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982. 184 с.
- Максимов, 2002** – *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Материалы статистико-экономического..., 1910** – Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии: В 2-х ч. Астрахань: Паровая губ. тип., 1910. Ч. 2. Таблицы к статистическо-экономическому обследованию Калмыцкой степи Астраханской губернии, составленные по данным похозяйственных опросных листов, заполненных в 1909 г. 702 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Национальные окраины, 1988** – Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1988. 416 с.
- Очерки истории, 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.
- Пашков, 1997** – *Пашков Б.Г.* Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862–1917 гг. 2-е издание. М.: ЦентрКом, 1997. 640 с.
- Первая всеобщая..., 1897** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. II. Астраханская губерния. Тетр. 1. СПб.: Изд. Центр. Статкомитет МВД, 1899. 53 с.
- Первая всеобщая..., 1899** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. II. Астраханская губерния. Тетр. II. СПб.: Изд. Центр. Статкомитет МВД, 1899. 166 с.
- Плюнов, 2016** – *Плюнов Ф.И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с.
- ПСЗРИ, 1834** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. 1834. Отделение первое. СПб., 1835. 891 с.
- ПСЗРИ, 1892** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. 1892. Отделение первое. СПб., 1897. 734 с.
- ПСЗРИ, 1894** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIV. 1894. Отделение СПб., 1898. 1529 с.
- ПСЗРИ, 1902** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. 1902. Отделение первое. СПб., 1904. 1030 с.
- ПСЗРИ, 1906** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение первое. СПб., 1909. 1141 с.
- Российское законодательство..., 1989** – Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М.: Юрид. лит., 1989. 816 с.
- Российское законодательство..., 1994** – Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит., 1994. 352 с.
- Сукиасян, 1996** – *Сукиасян М.К.* Власть и управление в России: диалектика традиций и инноваций в теории и практике государственного строительства. М.: Изд-во Российской академии госслужбы при Президенте Российской Федерации, 1996. 374 с.
- Эрдниев, 1985** – *Эрдниев У.Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмиздат, 1985. 282 с.

References

- Abdulatipov i dr., 1992** – *Abdulatipov, R.G., Boltenkova, L.F., Yarov, Yu.F.* (1992). Federalizm v istorii Rossii [The Federalism in the history of Russia]. Кн. 1. М.: Respublika, 386 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1975** – *Eroshkin, N.P.* (1975). Samoderzhavie nakanune krakha [The Autocracy on the eve of collapse]. Kniga dlya uchitelei. М.: Prosveshchenie, 190 p. [in Russian]

Eroshkin, 1983 – *Eroshkin, N.P.* (1983). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoi Rossii [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]: Uchebnik dlya studentov vyshikh uchebnykh zavedeniy po spetsial'nosti «Istoriko-arkhivovedenie». 3 izd., pererab. i dop. M.: Vyshaya shkola, 352 p. [in Russian]

Instruktsiya..., 1910 – Instruktsiya dolzhnostnym litsam kalmytskogo obshchestvennogo upravleniya Astrakhanskoi gubernii [Instruction to officials of the Kalmyk public administration of the Astrakhan province]. SPb., 1910. 14 p. [in Russian]

Istoriya Kalmykii..., 2009 – Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [The History of Kalmykia from ancient times to the present day]. Elista: Izdat. dom «Gerel», 2009. T. 2. 840 p. [in Russian]

Komandzhaev, 1999 – *Komandzhaev, A.N.* (1999). Khozyaistvo i sotsial'nye otnosheniya v Kalmykii v kontse XIX – nachale XX veka: istoricheskii opyt i sovremennost' [Economy and social relations in Kalmykia in the late 19th – early 20th centuries: historical experience and modernity]. Elista: «Dzhangar», 262 p. [in Russian]

Komandzhaev, Matsakova, 2011 – *Komandzhaev, A.N., Matsakova, N.P.* (2011). Reforma 1892 goda v Kalmykii [The Reform of 1892 in Kalmykia]. Elista: Izd-vo «KalmGU», 240 p. [in Russian]

Koroleva, 1982 – *Koroleva, N.G.* (1982). Pervaya Rossiiskaya revolyutsiya i tsarizm. Sovet ministrov Rossii v 1905–1907 gg. [The first Russian revolution and tsarism. Council of Ministers of Russia in 1905–1907]. M.: Nauka, 184 p. [in Russian]

Maksimov, 2002 – *Maksimov, K.N.* (2002). Kalmykiya v natsional'noi politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII–XX vv.) [Kalmykia in national politics, the system of power and government of Russia]. M.: Nauka, 524 p. [in Russian]

Materialy statistiko-ekonomicheskogo..., 1910 – Materialy statistiko-ekonomicheskogo i estestvenno-istoricheskogo obsledovaniya Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii [The Materials of statistical-economic and natural-historical survey of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province]: v 2-kh ch. Astrakhan': Parovaya gub tip., 1910. Ch. 2. Tablitsy k statisticheskoe-ekonomicheskomu obsledovaniyu Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii, sostavlennye po dannym pokhozyaystvennykh oprosnykh listov, zapolnennykh v 1909 g. 702 p. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].

Natsional'nye okrainy, 1988 – Natsional'nye okrainy Rossiyskoi imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya [The National outskirts of the Russian Empire: the formation and development of the management system]. M.: Slavyanskii dialog, 1988. 416 p. [in Russian]

Ocherki istorii, 1967 – Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR [The Essays on the history of the Kalmyk ASSR]. Dooktyabr'skii period. M.: Nauka, 1967. 480 p. [in Russian]

Pashkov, 1997 – *Pashkov, B.G.* (1997). Rus' – Rossiya – Rossiiskaya imperiya. Khronika pravlenii i sobytii 862–1917 gg. [Rus – Russia – Russian Empire. The Chronicle of reigns and events of 862–1917]. 2 izd. M.: TsentrKom, 640 p. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya..., 1897 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoi imperii, 1897 g. II. Astrakhanskaya guberniya [The first general population census of the Russian Empire]. Tetr. I. SPb.: Izd. Tsentr. Statkomitet MVD, 1899. 53 p. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya, 1899 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoi imperii, 1897 g. II. Astrakhanskaya guberniya [The first general population census of the Russian Empire]. Tetr. II. Spb.: Izd. Tsentr. Statkomitet MVD, 1899. 166 p. [in Russian]

Plyunov, 2016 – *Plyunov, F.I.* (2016). Kalmytskii narod i Oktyabr'skaya revolyutsiya . 1919–1924 gg. [Kalmyk people and the October Revolution]. Elista: KIGI RAN, 432 p. [in Russian]

PSZRI, 1834 – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. T. IX. 1834. Otdelenie pervoe. SPb., 1835. 891 p. [in Russian]

PSZRI, 1892 – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. T. XII. 1892. Otdelenie pervoe. SPb., 1897. 734 p. [in Russian]

PSZRI, 1894 – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. T. XIV. 1894. Otdelenie SPb., 1898. 1529 p. [in Russian]

PSZRI, 1902 – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. T. XXII. 1902. Otdelenie pervoe. SPb., 1904. 1030 p. [in Russian]

PSZRI, 1906 – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. T. XXVI. 1906. Otdelenie pervoe. SPb., 1909. 1141 p. [in Russian]

Rossiiskoe..., 1989 – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [The Russian legislation of the X–XX centuries]. V 9 t. T. 7. Dokumenty krest'yanskoi reformy. M.: Yurid. lit, 1989. 816 p. [in Russian]

Rossiiskoe..., 1994 – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [The Russian legislation of the X–XX centuries]. V 9 t. T. 9. Zakonodatel'stvo epokhi burzhuazno-demokraticheskikh revolyutsii. M.: Yurid. lit., 1994. 352 p. [in Russian]

Sukiasyan, 1996 – *Sukiasyan, M.K.* (1996). Vlast' i upravlenie v Rossii: dialektika traditsii i innovatsii v teorii i praktike gosudarstvennogo stroitel'stva [Power and Management in Russia: Dialectics of Traditions

and Innovations in Theory and Practice of State Building]. M.: Izd-vo Rossiyskoi akademii gossluzhby pri Prezidente Rossiyskoi Federatsii, 374 p. [in Russian]

Erdniev, 1985 – Erdniev, U.E. (1985). Kalmyki: Istoriko-etnograficheskie ocherki [Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays]. 3-e izd., pererab. i dop. Elista: Kalmizdat, 282 p. [in Russian]

Модернизация российской государственности: национальные окраины в модернизационной модели России в начале XX века (на примере Калмыкии)

Константин Николаевич Максимов ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX – начале XX вв. в процесс модернизации российской государственности были включены и национальные районы, в частности и Калмыцкая степь (Калмыкия) как части полиэтничного государства. С учетом особенностей их развития социальные реформы, реформы государственного управления, самоуправления, административно-территориального устройства и другие сферы были выделены в отдельные, последовательные этапы в реализации общей модернизационной политики Российского государства. Подготовительный этап и реформы общественно-государственного управления, административно-территориального устройства и иных сфер Калмыкии затянулись почти на полвека, фактически до начала кризисных явлений в России.

В этой части статьи рассматриваются процессы модернизации высшего звена государственного управления Калмыцкой степью – Управления калмыцким народом. В результате централизации управления оно было выведено из губернского ведомства, подчинено напрямую по вертикали МВД в статусе государственного учреждения России со своей системой подведомственных органов – улусных управлений. Чиновники государственных учреждений Калмыкии были интегрированы в единую систему кадровой политики страны в соответствии с Табелью о рангах. В соответствии с общей тенденцией в государственном аппарате Калмыкии увеличилось количество чиновников, ее государственное управление подверглось бюрократизации.

В комплекс реформ входило и административно-территориальное переустройство Калмыцкой степи, которое привело к трансформации местного самоуправления Калмыкии в общую систему государства. В судебной системе существенных изменений не произошло. Сословная судебная власть Калмыцкой степи фактически по-прежнему осталась в руках исполнительной власти. В результате реформы управления хурульными (церковными) учреждениями высшие духовные чины по статусу были приравнены к государственным служащим и выделены в отдельную самостоятельную сословную группу.

Ключевые слова: Российская империя, Калмыцкая степь, Астраханская губерния, МВД, модернизация, государственное управление, суд Зарго, самоуправление, улус, аймак, Управление калмыцким народом.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: max37maximov@yandex.ru (К.Н. Максимов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 463-472
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.463

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Journal “Sotrudnik Zakavkazskoi missii” as a Historical and Philological Source

Goran Rajović ^{a, b, *}, Ilya V. Tyurin ^c, Larisa G. Berezovskaya ^d, Lyudmila A. Posokhova ^d

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The article presents an analysis of the journal “Sotrudnik Zakavkazskoi missii” as a historical and philological source.

Due to the specifics of the work, the main source is the filing of the journal “Sotrudnik Zakavkazskoi missii” for the period of its publication from 1912 to 1916. The journal was the official organ of the diocesan church brotherhood of St. Prince Alexander Nevsky in Sukhum. Its frequency was once in two weeks, the volume of the issue was 16 pages.

The methodological tools of the research are based on the method of content analysis, since the main source in the work was a set of issues of the journal “Sotrudnik Zakavkazskoi missii”: all available issues of the journal were analyzed and based on them, the material of interest for the study was selected.

In conclusion, the authors state that the journal “Sotrudnik Zakavkazskoi missii” is a valuable historical and philological source on the history of the Sukhumi diocese of the beginning of the XX century, as well as on the formation of local mass media. The journal was published from January 1912 to August 1916, and only external factors (lack of paper) during the First World War led to its closure.

In 1912, when the journal was created, three main headings were included in it: articles of religious and moral content, articles of an ethnographic nature, as well as reviews of the latest research related to Transcaucasia. Already during the publication, it became clear that there was practically no material in the third column, so official documents of various organizations operating in the territory of the diocese were placed in it.

Keywords: the journal “Sotrudnik Zakavkazskoi missii”, historical and philological research, source, Sukhumi diocese, 1912–1916.

1. Введение

Журнал «Сотрудник Закавказской миссии» является одним из интересных примеров местной (локальной) периодической печати. Он охватывал территорию Сухумской епархии и распространялся в ней в начале XX века. Издание было учреждено епархиальным церковным братством Св. Благоверного князя Александра Невского в Сухуме, а его первый номер вышел в свет 1 января 1912 г. Этому малоизвестному журналу мы и хотели бы уделить внимание.

2. Материалы и методы

Ввиду специфики нашей работы основным источником является подшивка журнала «Сотрудник Закавказской миссии» (Рисунок 1) за период его издания с 1912 по 1916 гг. Он начал издаваться 1 января 1912 г., а его последний номер вышел сдвоенным за июль–август 1916 г. Объем

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

номера составлял 16 страниц. Нужно отметить, что таким же объемом и периодичностью издавалась почти вся популярная в то время российская периодическая печать, например журнал «Нива». Издание являлось официальным органом епархиального церковного братства Св. Благоверного князя Александра Невского в Сухуме. Адресом редакции был архиерейский дом. Периодичность журнала – раз в две недели.

Методологический инструментарий исследования базируется на методе контент-анализа, так как основным источником в работе был комплект номеров журнала «Сотрудник Закавказской миссии». В результате были проанализированы все имеющиеся номера журнала и на их основе выбран материал, представляющий интерес для исследования.

3. Обсуждение

Тема периодической печати как источник сегодня активно изучается. Осмыслению подвергаются как дореволюционные периодические издания, так и советские, и современные российские.

К примеру, среди средств массовой информации дореволюционного периода анализировались журналы: «Север» – Н.П. Копцева и Н.Н. Середкина рассматривали это издание в контексте изучения реформы народного образования в Российской империи (Koptseva, Seredkina, 2021); «Журнал министерства народного просвещения» – Е.А. Плешкевич обратился к нему в качестве источника по истории отечественного библиотечного дела и библиотековедения (Плешкевич, 2017); «Вестник полиции» – А.Б. Храмцов рассматривал этот журнал (периода 1907–1917 гг.) в качестве исторического источника (Храмцов, 2014); «Детская помощь» – к этому изданию обратилась И.В. Фролова, которая рассматривала журнал в качестве источника по истории провинциальной благотворительности (на примере Новгородской и Псковской губерний) (Фролова, 2018); «Война с Японией» – этот тематический журнал по истории русско-японской войны анализировала авторская группа вместе с В.Н. Денисенко (Denisenko et al., 2021); «Сине-фоно» – авторская группа вместе с Н.П. Копцевой обратилась к этому журналу как к источнику по истории провинциального кинематографа (Koptseva, 2021).

Из советских и современных российских СМИ, выступающих в качестве исторических источников, исследователи обращались к изданиям: «Самиздат» (журнал был создан студентами Петроградского института инженеров путей сообщения) – Ю.А. Русина (Русина, 2017) рассматривала тему отношения студентов к событиям февраля–октября 1917 г.; «Социалист-революционер» – журнал издавался в 1927–1932 гг., и к анализу его в качестве исторического источника обратился А.Ю. Суслов (Суслов, 2018); «Крокодил» – исследовали авторы и этот многотиражный юмористический советский журнал (Попова, 2012); «Вестник Лейб-гвардии» – малотиражная газета, издававшаяся в период 1992–1997 гг. и являющаяся библиографической редкостью, ее изучал Г. Райович (Rajović, 2021).

Анализировались, разумеется, и другие средства массовой информации, но в нашей работе всех их представить не представляется возможным.

4. Результаты

Создание журнала «Сотрудник Закавказской миссии» тесно связано с именем епископа Андрея, который 24 сентября 1911 г. возглавил Сухумскую епархию и приложил немало усилий для создания этого миссионерско-просветительского органа. Он же и стал редактором журнала. Епископ Андрей, в миру князь Александр Алексеевич Ухтомский (26 декабря 1872 г. – 4 сентября 1937 г.) (Рисунок 2) получил классическое для конца XIX века образование: сначала пять классов Рыбинской классической гимназии, а затем Нижегородский кадетский корпус. В 1891 г. он окончил Московскую духовную семинарию. В 1907 г. в Казани он становится епископом Мамадышским. Уделяя большое внимание миссионерской деятельности, епископ Мамадышский открывает Казанские миссионерские курсы, а также собственный печатный орган. С этого времени он впервые становится редактором – журнала «Сотрудник Братства святителя Гурия».

Рис. 1. Первая страница журнала

Рис. 2. Епископ Андрей

После перевода епископа Андрея на службу в Абхазию он вновь создает собственный печатный орган и называет его по образцу предыдущего названия – «Сотрудник», а с учетом новой региональной специфики – «Сотрудник Закавказской миссии». Так возник новый журнал. Благодаря стараниям епископа Андрея Сухумское епархиальное братство официально вошло 1 мая 1912 г. под покровительство ее императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской ([Великая радость, 1912: 162](#)).

Уже в первом номере и на первой странице редактор отмечал: «Подписчики и сотрудники нашего журнала приглашаются к деятельному участию в осуществлении его исключительно церковно-миссионерской задачи» ([Сотрудник Закавказской миссии. 1912. № 1](#)). Забегая вперед, скажем, что период служения епископа Андрея в Абхазии был недолгим – 2 года и уже в декабре 1913 г. он был переведен на должность епископа Уфимского и Мензельского, а новым редактором «Сотрудника Закавказской миссии» стал С. Алферов.

Итак, журнал просуществовал до августа 1916 г. За это время его периодичность не была постоянной. Данные о периодичности журнала мы свели в [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Периодичность журнала (количество номеров) в 1912–1916 гг.

Годы	Месяцы												Итого
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	
1912	3	2	3	2	2	2	1 ¹	1	2	2	2	2	24
1913	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	24
1914	2	2	2	2	2	1		1	1	1	1		16
1915	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1	1		20
1916	2	2	2	1	1		1		-	-	-	-	9

¹ В 7-м номере журнала была опубликована информация от редакции о том, что в марте будет выпущено не два, а три номера журнала. Это делалось на тот случай, если летом по многим причинам не придется выпускать журнал (главным образом – вследствие возможного отсутствия редактора по делам епархии). Так и получилось, в июле и в августе было выпущено по одному журналу.

Согласно данным [Таблицы 1](#), мы можем видеть, что всего было выпущено 93 номера. Только в первые два года (1912–1913 гг.) журнал выпускал заявленные 24 номера в год, в 1914 г. нехватка составила 8 номеров, в 1915 – 4, а в 1916 г. журнал, выпустив к августу всего 9 номеров, закрылся: причиной стала нехватка типографской бумаги. В 1-м номере за 1916 г. редакция поместила информацию об этом: «Еще один год приходится начинать извинениями перед нашими читателями. В 1915 г. «Сотрудник» не мог выйти в полном количестве номеров. Не было возможности добиться своевременного выпуска журнала. Так как типография месяцами задерживала печатанье заготовленного материала вследствие отсутствия бумаги...» ([Ал-ов, 1916: 2-4](#)).

В результате мы можем выделить в истории журнала два хронологических периода: 1912–1913 гг. и 1914–1916 гг.

Первый – 1912–1913 гг. – был периодом деятельного участия в работе журнала архиепископа Андрея. Уже в первом номере он четко определил задачи журнала: «Братство... должно открыть свои двери для всех, кто хочет хотя бы немного поработать Господу. Это церковное Братство должно быть сосредоточением всей церковной епархиальной жизни... Всякие сведения о приходской жизни, всякое новое явление в жизни православия будут предметом всестороннего освещения и обсуждения на страницах нашего «Сотрудника» ([Епископ Андрей, 1912: 5-6](#)).

Второй период – 1914–1916 гг. – происходил уже под влиянием Первой мировой войны, нехватки средств, в том числе технических для выпуска этого журнала.

Что касается рубрикации журнала, то в третьем номере за 1912 г. была опубликована и программа журнала. В ней, в частности, отмечались такие рубрики: «1) проповеди; статьи религиозно-нравственного содержания, статьи по всем вопросам миссионерского дела в Закавказье; 2) статьи этнографического содержания; описания религиозных верований и обычаев разных народностей Сухумской епархии; статьи церковно-исторического содержания, статьи по вопросам церковно-общественным и церковно-школьным. Очерки и рассказы из религиозно-народного быта; 3) отзывы о книгах, брошюрах и статьях, касающихся Закавказья. Известия общественные» ([Программа журнала, 1912: 48](#)). На самом же деле перечень этим не ограничивался: в журнале также публиковали официальные документы и материалы рекламного характера. Нужно сразу пояснить, что рубрика «Отзывы о книгах...» в журнале практически не применялась ввиду отсутствия соответствующих материалов.

Итак, начиная со своего создания, журнал являлся миссионерским органом Сухумского братства, ввиду этого в нем широко применялись такие жанры, как религиозно-нравственные статьи, этнографические статьи и официальные документы.

Рассмотрим эти жанры по отдельности.

Религиозно-нравственные статьи. Уже с первого номера в миссионерском журнале широко применялись воззвания и обращения, причем авторами таких текстов являлись не только официальные представители церкви, но и прихожане. Так, во втором номере епископ Андрей выступил с обращением к духовенству Сухумской епархии, в котором еще большее внимание уделил задачам братства ([Епископ Андрей, 1912а: 17-20](#)).

В 10-м номере за 1912 г. была опубликована проповедь епископа Алавердского Давида «О возрождении падшей природы человека» ([Епископ Давид, 1912: 145-148](#)).

В 18-м номере журнала за 1912 г. епископ Андрей опубликовал инструкцию Сухумскому епархиальному миссионеру ([Инструкция, 1912: 286-287](#)). Среди прочих положений в ней отмечалось: «Вы не должны для проявления своей деятельности ждать появления в каком-либо месте сектантства, чтобы возвращать отпадших. Ваша первая обязанность: предотвратить всеми средствами всякую возможность отпаданий...» ([Инструкция, 1912](#)).

Среди религиозно-нравственных статей были и статьи-поздравления. Так, в 1-м номере за 1914 г. епископ Андрей поздравлял священников и членов братства с новым 1914-м годом ([Епископ Андрей, 1914: 1-3](#)). В своем обращении он отмечал: «Дорогие отцы и братие – сомолитвенники и сотрудники мои! Поздравляю всех вас с Новым годом. Да пошлет вам Господь в грядущем новолетии Свои великие милости, да укрепит ваши силы...» ([Епископ Андрей, 1914: 1](#)).

В 4-м номере за 1914 г. была опубликована статья священника под псевдонимом С. П-в «Прощание с паствой и отъезд из Сухума преосвященного Андрея, епископа бывшего Сухумского, ныне Уфимского» ([П-в, 1914: 56-61](#)).

С началом Первой мировой войны в журнале начали часто публиковаться патриотические воззвания к населению и статьи, направленные на формирование веры в победу над врагом.

Этнографические статьи. Одной из первых историко-описательных работ, опубликованных на страницах «Сотрудника Закавказской миссии», была статья священника А. Иванова «Греческие приходы Сухумской епархии и их происхождение» ([Иванов, 1912: 8-11](#)), в которой он анализировал происхождение греческих приходов на территории епархии, уделял внимание их проблемам. Помимо этого, автор снабдил работу статистическим материалом из метрических книг.

Часто в журнале печатался А. Векуа. Так, в 7-м номере журнала за 1912 г. была опубликована его статья «Влияние сельских знахарок на абхазцев» (Векуа, 1912: 102-105). В преамбуле к статье автор отмечал: «Известно, что среди многих малокультурных народов существуют знахарки или гадалки, но нигде последние не препятствуют в такой степени религиозному развитию народа, как в Абхазии...» (Векуа, 1912: 102). Нужно пояснить, что языческие верования в Абхазии действительно укоренились и подобные заметки в журнале будут появляться регулярно. Кстати, во 2-м номере за 1913 г. была опубликована другая статья А. Векуа – уже о традиции общественных жертвоприношений в Абхазии (Векуа, 1913: 24-28), а в 5-м и 6-м номерах за 1914 г. – статья о брачных традициях на территории Абхазии (Векуа, 1914: 72-76; Векуа, 1914а: 90-93).

В этнографических материалах публиковались и рассказы, основанные на реальных событиях. В качестве примера можем привести рассказ А. Чукбара «В глубине народной жизни» (Чукбар, 1912: 28-31). Свое произведение автор начинает следующими словами: «То, что здесь рассказано, случилось 1-го июля 1908 года в одном из абхазских селений Гудаутского участка. День склонялся к вечеру. Домашние крестьянина Хадзгерия, за исключением некоторых из мужчин, находились во дворе, под прохладной тенью огромного ореха. Скрывающееся на горизонте солнце бросало последние лучи. Уже чувствовалась вечерняя прохлада. Вдруг в шагах 30-ти от сидящих показывается дым: горит сарай Хадзгерия. Женщины, по обыкновению, подняли крик, все засуетились...» (Чукбар, 1912: 28-29).

В 9-м номере была опубликована работа священника М. Асатиани «Беслахубский Свято-Онуфриевский приход» (Асатиани, 1912: 140-144). В работе представлен материал о распространении православия в приходе, местных особенностях празднования Пасхи и других церковных праздников, а также о языческих верованиях части абхазов.

Вообще жанр описания приходской жизни на страницах журнала был очень распространен, особенно в довоенный период. Такие статьи публиковались регулярно. К примеру, в 20-м номере журнала за 1912 г. были опубликованы статьи А. Кобахидзе «Саберийский (1-й) приход» (Кобахидзе, 1912: 314-315) и «Саберийские прихожане-самурзаканцы» (Кобахидзе, 1912а: 315-317), в которых автор ввел в научный оборот редкую статистическую информацию, охватывавшую период с 1855 по 1910 гг.. В 8-м номере за 1913 г. появилась статья отца Нестора Нодия «Арадусский приход» (Нодия, 1913: 125-128). В 15-м номере за 1913 г. была опубликована статья учителя С. Румянцева «Из жизни в селении Латах Ажарского прихода» (Румянцев, 1913: 232-237). В 23-м номере за 1912 г. была опубликована работа протоиерея Д. Маргания «Обряды погребения и поминовения умерших у абхазцев» (Маргания, 1912: 354-360).

Первая мировая война сильно повлияла на Сухумскую епархию. В результате этнографические статьи стали редкостью, а полосы журнала почти целиком посвящались военной тематике, например, в 7-м номере за 1915 г. была опубликована статья священника Е. Чача «Как отразилась война на жизни Андреевского прихода» (Чача, 1915: 109-110). Но были и исключения: в 1916 г. были напечатаны этнографические статьи священника Н. Патеипа «Языческие моления, совершаемые абхазцами на разные случаи жизни» (Патеипа, 1916: 77-79) – в 5-м номере журнала и «Знахарки и гадалыщицы» (Патеипа, 1916а: 139-143) – в последнем 9-м номере.

Официальные документы. Официальная информация обычно представлялась в виде отчетов и протоколов заседания организаций и обществ. Так, например, в 3-м номере за 1912 г. был опубликован протокол заседания общего собрания членов Сухумского епархиального церковного братства Св. Благоверного князя Александра Невского (само заседание состоялось 27 ноября 1911 г.) (Протокол, 1912: 36-39).

14 февраля 1912 г. в Сухуме прошло объединенное заседание Сухумского епархиального церковного братства и представителей греческих приходов и обществ Сухумского округа. Протокол этого собрания был опубликован в 8-м номере журнала (Протокол, 1912а: 116-120), он интересен тем, что дает массу деталей развития протестантизма среди греков в Абхазии.

В 14-м номере журнала за 1912 г. был опубликован протокол собрания духовенства 1-го Сухумского округа в местечке Гудауты, которое состоялось 11 мая 1912 г. (Образцов, Лодария, 1912: 215-221), в котором были опубликованы интересные сведения о местных особенностях религиозной деятельности священников среди абхазцев и опыте перевода священных писаний на абхазский язык.

В 24-м номере за 1912 г. был опубликован протокол общего годового собрания Сухумского епархиального Александро-Невского братства (Протокол, 1912b: 369-373). Так, в 1-м номере за 1914 г. был опубликован отчет братства за период с 23 ноября 1912 г. по 23 ноября 1913 г. (Отчет..., 1914: 3-10; Отчет..., 1914а: 19-24). В этих отчетных материалах отмечалось, что братство за год собрало специальный фонд на строительство церквей в Абхазии в сумме около 30 тыс. руб., из них сам император Николай II пожертвовал 2 тыс. руб. (Отчет..., 1914: 5). Нужно пояснить, что годовые отчеты братства будут публиковаться и в последующем.

В 4-м номере за 1913 г. был напечатан устав епархиального церковного братства Св. Благоверного князя Александра Невского в городе Сухуме (Устав, 1913: 54-59), согласно которому целями братства являлось «служение нуждам и пользам православной церкви, успехам народного

образования в епархии и оказание нравственной и материальной поддержки нуждающимся, не исключая и иноверцам» (*Устав, 1913: 54*).

К другому жанру официальных документов может относиться акт осмотра храма в Бедии в мае 1913 г., составленный гражданским инженером В.А. Островидовым (*Акт, 1913: 193-197*). Он был напечатан в 13-м номере журнала за 1913 г., в нем автор подробно описывает производимые работы по восстановлению храма.

Уже в период Первой мировой войны на страницах журнала публиковалось множество отчетов о сборах средств для Красного Креста, для помощи раненым воинам и членам семей лиц, призванных в действующую армию. Эти документы также имеют определенную ценность для читателя, так как содержат много фактического материала.

5. Заключение

В заключении мы хотели бы отметить, что журнал «Сотрудник Закавказской миссии» является ценным историко-филологическим источником по истории Сухумской епархии начала XX века, а также по становлению местных средств массовой информации. Журнал издавался с января 1912 г. по август 1916 г., и только внешние факторы (отсутствие бумаги) в период Первой мировой войны привели к его закрытию.

В 1912 г., когда создавался журнал, в него были включены три основных рубрики: статьи религиозно-нравственного содержания, статьи этнографического характера, а также рецензии на новейшие исследования, имеющие отношение к Закавказью. Уже в ходе издания выяснилось, что в третью рубрику материала практически не поступало, в результате в ней стали публиковаться официальные документы различных организаций, функционирующих на территории епархии.

Литература

- Акт, 1913* – Акт осмотра храма в Бедии в мае 1913 г. // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1913. № 13. С. 193-197.
- Ал-ов, 1916* – Ал-ов С. На рубеже // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1916. № 1. С. 2-4.
- Асатиани, 1912* – Асатиани М. Беслахубский Свято-Онуфриевский приход // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 9. С. 140-144.
- Векуа, 1912* – Векуа А. Влияние сельских знахарок на абхазцев // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 7. С. 102-105.
- Векуа, 1913* – Векуа А. Общественное жертвоприношение в Абхазии // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1913. № 4. С. 24-28.
- Векуа, 1914* – Векуа А. Брачный обучай в Абхазии // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 5. С. 72-76.
- Векуа, 1914а* – Векуа А. Брачный обучай в Абхазии (продолжение) // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 6. С. 90-93.
- Великая радость, 1912* – Великая радость в жизни Сухумской епархии // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 11. С. 161-166.
- Епископ Андрей, 1912* – Епископ Андрей. Наши задачи // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 1. С. 4-7.
- Епископ Андрей, 1912а* – Епископ Андрей. К духовенству Сухумской епархии (еще о наших задачах) // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 2. С. 17-20.
- Епископ Андрей, 1914* – Епископ Андрей. С новым годом // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 1. С. 1-3.
- Епископ Давид, 1912* – Епископ Давид. О возрождении падшей природы человека // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 10. С. 145-148.
- Иванов, 1912* – Иванов А. Греческие приходы Сухумской епархии и их происхождение // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 1. С. 8-11.
- Инструкция, 1912* – Инструкция Сухумскому епархиальному миссионеру // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 18. С. 286-287.
- Кобахидзе, 1912* – Кобахидзе А. Саберийский (1-й) приход // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 20. С. 314-315.
- Кобахидзе, 1912а* – Кобахидзе А. Саберийские прихожане-самурзаканцы // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 20. С. 315-317.
- Маргания, 1912* – Маргания Д. Обряды погребения и поминовения умерших у абхазцев // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 23. С. 354-360.
- Нодия, 1913* – Нодия Н. Арадусский приход // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1913. № 8. С. 125-128.
- Образцов, Лодария, 1912* – Образцов П., Лодария Н. Протокол собрания духовенства 1-го Сухумского округа в м. Гудаутах Сухумской епархии. 11 мая 1912 г. // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 14. С. 215-221.

Отчет..., 1914 – Отчет совета Сухумского епархиального церковного братства Святого благоверного Великого князя Александра Невского за 1912/1913 братский год // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 1. С. 3-10.

Отчет..., 1914a – Отчет совета Сухумского епархиального церковного братства Святого благоверного Великого князя Александра Невского за 1912/1913 братский год (продолжение) // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 2. С. 19-24.

Патейпа, 1916 – *Потейпа Н.* Языческие моления, совершаемые абхазцами на разные случаи жизни // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1916. № 5. С. 77-79.

Патейпа, 1916a – *Потейпа Н.* Знахарки и гадалыщицы // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1916. № 9. С. 139-143.

П-в, 1914 – *П-в С.* Прощание с паствой и отъезд из Сухума преосвященного Андрея, епископа бывшего Сухумского, ныне Уфимского // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 4. С. 56-61.

Плешкевич, 2017 – *Плешкевич Е.А.* «Журнал министерства народного просвещения» как источник по истории отечественного библиотечного дела и библиотековедения // *Библиосфера*. 2017. № 1. С. 17-24.

Попова, 2012 – *Попова А.А.* Журнал «Крокодил» как исторический источник по реконструкции визуального негативного образа советского мужчины в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.) // *Омский научный вестник*. 2012. № 2(106). С. 40-44.

Программа журнала, 1912 – Программа журнала «Сотрудник Закавказской миссии» // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 3. С. 48.

Протокол, 1912 – Протокол заседания общего собрания членов Сухумского епархиального церковного братства Св. Благоверного князя Александра Невского // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 3. С. 36-39.

Протокол, 1912b – Протокол общего годичного собрания Сухумского епархиального Александро-Невского братства, состоящего под покровительством ее императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 23. С. 369-373.

Протокол, 1912a – Протокол соединенного заседания Совета Сухумского епархиального церковного братства и представителей греческих приходов и обществ Сухумского округа. 14 февраля 1912 г. // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 8. С. 116-120.

Румянцев, 1913 – *Румянцев С.* Из жизни в сел. Латах Ажарского прихода // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1913. № 15. С. 232-237.

Русина, 2017 – *Русина Ю.А.* Февраль и октябрь 1917 г. в «Самиздате» петроградских студентов // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2 «Гуманитарные науки»*. 2017. Т. 19. № 3(166). С. 146-163.

Суслов, 2018 – *Суслов А.Ю.* Журнал «Социалист-революционер» (1927–1932) как исторический источник // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 52. С. 132-135.

Устав, 1913 – Устав Сухумского епархиального церковного братства Святого благоверного Великого князя Александра Невского в городе Сухуме // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1913. № 2. С. 54-59.

Фролова, 2018 – *Фролова И.В.* Журнал «Детская помощь» как исторический источник по истории провинциальной благотворительности (на примере Новгородской и Псковской губерний) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2018. № 1 (124). С. 191-194.

Храмцов, 2014 – *Храмцов А.Б.* Журнал «Вестник полиции» как исторический источник (1907–1917 гг.) // *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2014. № 2. С. 43-48.

Чача, 1915 – *Чача Е.* Как отразилась война на жизни Андреевского прихода // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 7. С. 109-110

Чукбар, 1912 – *Чукбар А.* В глубине народной жизни // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1912. № 2. С. 28-31.

Denisenko et al., 2021 – *Denisenko V.N., Berezhnyatskaya M.A., Denisenko A.V., Yurova Y.V.* The Journal “Voina s Yaponiei” as a Historical Source // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1491-1500.

Koptseva, 2021 – *Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Y.N.* The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2043-2052.

Koptseva, Serechkina, 2021 – *Koptseva N.P., Serechkina N.N.* The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 343-356.

Rajović, 2021 – *Rajović G.* The Newspaper “Vestnik Leib-Gvardii” (1992–1997) as a Historical Source // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(2): 93-98.

References

Akt, 1913 – Akt osmotra khrama v Bedii v mae 1913 g. [Act of inspection of the temple in Bedia in May 1913]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1913. 13: 193-197. [in Russian]

Al-ov, 1916 – Al-ov, S. (1916). Na rubezhe [At the turn]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1: 2-4. [in Russian]

- [Asatiani, 1912](#) – *Asatiani, M.* (1912). Beslakhubskii Svyato-Onufrievskii prikhod [Beslakhubsky St. Onufrievsky parish]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 9: 140-144. [in Russian]
- [Chacha, 1915](#) – *Chacha, E.* (1915). Kak otrazilas' voina na zhizni Andreevskogo prikhoda [How the war affected the life of St. Andrew's parish]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 7: 109-110. [in Russian]
- [Chukbar, 1912](#) – *Chukbar, A.* (1912). V glubine narodnoi zhizni [In the depths of people's life]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 2: 28-31. [in Russian]
- [Denisenko et al., 2021](#) – *Denisenko, V.N., Bereznyatskaya, M.A., Denisenko, A.V., Yurova, Y.V.* (2021). The Journal “Voina s Yaponiei” as a Historical Source. *Bylye Gody*. 16(3): 1491-1500.
- [Episkop Andrei, 1912](#) – *Episkop Andrei* (1912). Nashi zadachi [Bishop Andrei. Our tasks]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1: 4-7. [in Russian]
- [Episkop Andrei, 1912a](#) – *Episkop Andrei* (1912). K dukhovenstvu Sukhumskoi eparkhii (eshche o nashikh zadachakh) [Bishop Andrew. To the clergy of the Sukhum diocese (more about our tasks)]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 2: 17-20. [in Russian]
- [Episkop Andrei, 1914](#) – *Episkop Andrei*. S novym godom [Bishop Andrei. Happy New Year]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 1: 1-3. [in Russian]
- [Episkop David, 1912](#) – *Episkop David* (1912). O vrozozhdenii padshei prirody cheloveka [Bishop David. On the revival of the fallen nature of man]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1912. 10: 145-148. [in Russian]
- [Frolova, 2018](#) – *Frolova, I.V.* (2018). Zhurnal «Detskaya pomoshch'» kak istoricheskii istochnik po istorii provintsial'noi blagotvoritel'nosti (na primere Novgorodskoi i Pskovskoi gubernii) [The journal “Detskaya pomoshch'” as a historical source on the history of provincial charity (on the example of the Novgorod and Pskov provinces)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(124): 191-194. [in Russian]
- [Instruktsiya, 1912](#) – Instruktsiya Sukhumskomu eparkhial'nomu missioneru [Instruction to the Sukhumi diocesan missionary]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1912. 18: 286-287. [in Russian]
- [Ivanov, 1912](#) – *Ivanov, A.* (1912). Grecheskie prikhody Sukhumskoi eparkhii i ikh proiskhozhdenie [Greek parishes of the Sukhum diocese and their origin]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1: 8-11. [in Russian]
- [Khramtsov, 2014](#) – *Khramtsov, A.B.* (2014). Zhurnal «Vestnik politzii» kak istoricheskii istochnik (1907–1917 gg.) [Journal “Vestnik politzii” as a historical source (1907–1917)]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 43-48. [in Russian]
- [Kobakhidze, 1912](#) – *Kobakhidze, A.* (1912). Saberiiskii (1-i) prikhod [Saberian (1st) parish]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 20: 314-315. [in Russian]
- [Kobakhidze, 1912a](#) – *Kobakhidze, A.* (1912). Saberiiskie prikhozhane-samurzakantsy [Saberian parishioners-Samurzakans]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 20: 315-317. [in Russian]
- [Koptseva, 2021](#) – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Y.N.* (2021). The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.
- [Koptseva, Seredkina, 2021](#) – *Koptseva, N.P., Seredkina, N.N.* (2021). The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(1): 343-356.
- [Marganiya, 1912](#) – *Marganiya, D.* (1912). Obryady pogrebeniya i pominoventiya umershikh u abkhaztsev [Rites of burial and commemoration of the dead among the Abkhaz]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 23: 354-360. [in Russian]
- [Nodiya, 1913](#) – *Nodiya, N.* (1913). Aradusskii prikhod [Aradus parish]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 8: 125-128. [in Russian]
- [Obraztsov, Lodariya, 1912](#) – *Obraztsov, P., Lodariya, N.* (1912). Protokol sobraniya dukhovenstva 1-go Sukhumskogo okruga v m. Gudautakh Sukhumskoi eparkhii. 11 maya 1912 g. [Protocol of the meeting of the clergy of the 1st Sukhumi district in the town of Gudauty of the Sukhumi diocese. May 11, 1912]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1912. 14: 215-221. [in Russian]
- [Otchet..., 1914](#) – Otchet soveta Sukhumskogo eparkhial'nogo tserkovnogo bratstva Svyatogo blagovernogo Velikogo knyazya Aleksandra Nevskogo za 1912/1913 bratskii god [Report of the Council of the Sukhumi Diocesan Church Brotherhood of the Holy Blessed Grand Duke Alexander Nevsky for the fraternal year 1912/1913]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 1: 3-10. [in Russian]
- [Otchet..., 1914a](#) – Otchet soveta Sukhumskogo eparkhial'nogo tserkovnogo bratstva Svyatogo blagovernogo Velikogo knyazya Aleksandra Nevskogo za 1912/1913 bratskii god (prodolzhenie) [Report of the Council of the Sukhum Diocesan Church Brotherhood of the Holy Blessed Grand Duke Alexander Nevsky for the fraternal year 1912/1913 (continued)]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 2: 19-24. [in Russian]
- [Pateipa, 1916](#) – *Pateipa, N.* (1916). Yazycheskie moleniya, sovershaemye abkhaztsami na raznye sluchai zhizni [Pagan prayers performed by Abkhazians for various occasions]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 5: 77-79. [in Russian]
- [Pateipa, 1916a](#) – *Pateipa, N.* (1916). Znakharki i gadal'shchitsy [Healers and fortunetellers]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 9: 139-143. [in Russian]
- [Pleshkevich, 2017](#) – *Pleshkevich, E.A.* (2017). «Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya» kak istochnik po istorii otechestvennogo bibliotechnogo dela i bibliotekovedeniya [“Zhurnal ministerstva

narodnogo prosveshcheniya” as a source on the history of national librarianship and library science]. *Bibliosfera*. 1: 17-24. [in Russian]

Popova, 2012 – Popova, A.A. (2012). Zhurnal «Krokodil» kak istoricheskii istochnik po rekonstruktsii vizual'nogo negativnogo obraza sovetskogo muzhchiny v pervoe poslevoennoe desyatiletie (1945–1955 gg.) [The journal “Crocodile” as a historical source for the reconstruction of the visual negative image of the Soviet man in the first post-war decade (1945–1955)]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 2(106): 40-44. [in Russian]

Programma zhurnala, 1912 – Programma zhurnala «Sotrudnik Zakavkazskoi missii» [The program of the magazine “Sotrudnik Zakavkazskoi missii”]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1912. 3: 48. [in Russian]

Protokol, 1912 – Protokol zasedaniya obshchego sobraniya chlenov Sukhumskogo eparkhial'nogo tserkovnogo bratstva Sv. Blagovernogo knyazya Aleksandra Nevskogo [Protocol of the meeting of the general meeting of members of the Sukhum Diocesan Church Brotherhood of St. Blessed Prince Alexander Nevsky]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1912. 3: 36-39. [in Russian]

Protokol, 1912a – Protokol soedinennogo zasedaniya Soveta Sukhumskogo eparkhial'nogo tserkovnogo bratstva i predstavitelei grecheskikh prikhodov i obshchestv Sukhumskogo okruga. 14 fevralya 1912 g. [Protocol of the joint meeting of the Council of the Sukhumi Diocesan Church Brotherhood and representatives of Greek parishes and societies of the Sukhumi district. February 14, 1912]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1912. 8: 116-120. [in Russian]

Protokol, 1912b – Protokol obshchego godichnogo sobraniya Sukhumskogo eparkhial'nogo Aleksandro-Nevskogo bratstva, sostoyashchego pod pokrovitel'stvom ee imperatorskogo vysochestva printsessy Evgenii Maksimilianovny Ol'denburgskoi [Protocol of the general annual meeting of the Sukhum Diocesan Alexander Nevsky Brotherhood, under the auspices of Her Imperial Highness Princess Eugenia Maximilianovna of Oldenburg]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1912. 23: 369-373. [in Russian]

P-v, 1914 – P-v S. Proshchanie s pastvoi i ot'ezd iz Sukhuma preosvyashchennogo Andrey, episkopa byvshego Sukhumskogo, nyne Ufimskogo [Farewell to the flock and departure from Sukhum of His Grace Andrei, Bishop of the former Sukhum, now Ufa]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 4: 56-61. [in Russian]

Rajović, 2021 – Rajović, G. (2021). The Newspaper “Vestnik Leib-Gvardii” (1992–1997) as a Historical Source. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(2): 93-98.

Rumyantsev, 1913 – Rumyantsev, S. (1913). Iz zhizni v sel. Latakh Azharskogo prikhoda [From life in the vil. Latakh of the Azhar parish]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 15: 232-237. [in Russian]

Rusina, 2017 – Rusina, Yu.A. (2017). Fevral' i oktyabr' 1917 g. v «Samizdate» petrogradskikh studentov [February and October 1917 in the “Samizdat” of Petrograd students]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2 «Gumanitarnye nauki»*. T. 19. 3(166): 146-163. [in Russian]

Suslov, 2018 – Suslov, A.Yu. (2018). Zhurnal «Sotsialist-revolutsioner» (1927–1932) kak istoricheskii istochnik [The journal “Socialist-revolutionary” (1927–1932) as a historical source]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 52: 132-135. [in Russian]

Ustav, 1913 – Ustav Sukhumskogo eparkhial'nogo tserkovnogo bratstva Svyatogo blagovernogo Velikogo knyazya Aleksandra Nevskogo v gorode Sukhume [Charter of the Sukhumi Diocesan Church Brotherhood of the Holy Blessed Grand Duke Alexander Nevsky in the city of Sukhum]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1913. 2: 54-59. [in Russian]

Vekua, 1912 – Vekua, A. (1912). Vliyanie sel'skikh znakharok na abkhaztsev [The influence of rural healers on the Abkhazians]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 7: 102-105. [in Russian]

Vekua, 1913 – Vekua, A. (1913). Obshchestvennoe zhertvoprinoshenie v Abkhazii [Public sacrifice in Abkhazia]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 4: 24-28. [in Russian]

Vekua, 1914 – Vekua, A. (1914). Brachnyi obuchai v Abkhazii [Marriage custom in Abkhazia]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 5: 72-76. [in Russian]

Vekua, 1914a – Vekua, A. (1914). Brachnyi obuchai v Abkhazii (prodolzhenie) [Marriage custom in Abkhazia (continued)]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 6: 90-93. [in Russian]

Velikaya radost', 1912 – Velikaya radost' v zhizni Sukhumskoi eparkhii [Great joy in the life of the Sukhum diocese]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1912. 11: 161-166. [in Russian]

Журнал «Сотрудник Закавказской миссии» как историко-филологический источник

Горан Райович ^{a, b, *}, Илья Владимирович Тюрин ^c, Лариса Геннадьевна Березовская ^d, Людмила Анатольевна Посохова ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Аннотация. В статье представлен анализ журнала «Сотрудник Закавказской миссии» в качестве историко-филологического источника.

Ввиду специфики работы основным источником выступает подшивка журнала «Сотрудник Закавказской миссии» за период его издания с 1912 по 1916 гг. Журнал являлся официальным органом епархиального церковного братства Св. Благоверного князя Александра Невского в Сухуме. Его периодичность – раз в две недели, объем номера составлял 16 страниц.

Методологический инструментарий исследования базируется на методе контент-анализа, так как основным источником в работе был комплект номеров журнала «Сотрудник Закавказской миссии»: были проанализированы все имеющиеся номера журнала и на их основе выбран представляющий интерес для исследования материал.

В заключении авторы отмечают, что журнал «Сотрудник Закавказской миссии» является ценным историко-филологическим источником по истории Сухумской епархии начала XX века, а также по становлению местных средств массовой информации. Журнал издавался с января 1912 по август 1916 гг., и только внешние факторы (отсутствие бумаги) в период Первой мировой войны привели к его закрытию.

В 1912 г., когда создавался журнал, в него были включены три основных рубрики: статьи религиозно-нравственного содержания, статьи этнографического характера, а также рецензии на новейшие исследования, имеющие отношения к Закавказью. Уже в ходе издания выяснилось, что в третью рубрику материала практически не поступало, поэтому в ней помещались официальные документы различных организаций, функционирующих на территории епархии.

Ключевые слова: журнал «Сотрудник Закавказской миссии», историко-филологическое исследование, источник, Сухумская епархия, 1912–1916 гг.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 473-493
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.473

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

"Persian Arabesques" by I.J. Korostovetz about the Anglo-Russian Confrontation in Persia, 1913–1917

Nugzar K. Ter-Oganov ^{a, b, *}

^aTel Aviv University, Tel Aviv, Israel

^bCherkas Global University, Washington, USA

Abstract

This article provides an analysis of the Anglo-Russian confrontation in Persia, as well as the policy of tsarist Russia towards this country for the period 1913–1917 through the lenses of political memoirs of the famous Russian diplomat, the Extraordinary Envoy and Plenipotentiary minister in that country, Ivan Jakovlevich Korostovetz' "Persian Arabesques".

Of greatest interest is that part of the recollections in which their author appears before us as not only an active participant, but also as the creator of Russian politics in Persia. It covers his diplomatic activities in Persia in 1913–1915, during which, despite the efforts of the Foreign Ministers of Russia and England to smooth out the sharp corners in bilateral relations, especially after the outbreak of the World War I (1914–1918), the Anglo-Russian contradictions extremely aggravated.

According to I.J. Korostovetz, he himself was to a large extent responsible for the deterioration of these relations. Moreover, all this happened against the background of the activity of the Turkish-German agents in Persia and their close alliance with the Persian nationalists, who complicated the life of the Russian and British diplomatic missions to the limit and threatened the interests of these countries.

In the same part, the author of the memoirs tells about his dismissal in April 1915 from the occupied post by the Russian Foreign minister S.D. Sazonov, and how after few months, he got an appointment as a Manager of the Loan and Account Bank of Persia in Petrograd.

Recollections of I.J. Korostovetz represent a critical rethinking of the foreign policy of tsarist Russia, accompanied by the traditional confrontation with England for dominance in Persia. Moreover, comparing the policies of Russia and England in this country, the author of the memoirs comes to the disappointing conclusion that the Persians were more disposed towards England than towards Russia because of the more aggressive policy of the latter.

Keywords: I.J. Korostovetz, W. Townley, S.D. Sazonov, Russian politics in Qajar Persia during the WWI, Anglo-Russian relations, the Loan and Account Bank of Persia.

1. Введение

Иван Яковлевич Коростовец, благодаря своей плодотворной деятельности в странах Востока, оставил заметный след в истории русской дипломатии. Где бы он ни служил, будь то в Китае, Монголии или Персии, И.Я. Коростовец везде жестко отстаивал политико-экономические интересы монархической России, что нашло отражение в его опубликованных и неопубликованных работах¹.

* Corresponding author

E-mail addresses: nugzar19473@gmail.com (N.K. Ter-Oganov)

¹ С биографией и основными вехами дипломатической деятельности И.Я. Коростовца, а также его работами можно ознакомиться в наших статьях [Ter-Oganov, 2021](#), а также: [Dudin, 2017: 274-284](#); [Батсайхан, 2018](#); [Хохлов, 2012](#).

Один из острейших периодов его жизни и дипломатической деятельности связан с работой на посту чрезвычайного посланника и полномочного министра в Персии с октября 1913 г. по апрель 1915 г. Там он показал себя чрезмерно принципиальным человеком, что не пришлось по душе российскому МИД, искавшему большего взаимопонимания с Англией. Вот как характеризует Коростовца в своих «Записках воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг.» его бывший подчиненный, воспитатель Солтана Ахмад-шаха Каджара (1909–1925) штабс-капитан К.Н.Смирнов: «Безусловно, это был человек большого ума, и его должны были бы использовать в России на соответственном поприще, хотя бы и в области международной политики, но назначение его в Персию посланником при его качествах характера было большой ошибкой Министерства иностранных дел» (Смирнов, 2012: 41).

Сложные перипетии его напряженной работы в этой стране, особенно в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.), нашли отражение в его политических мемуарах «Персидские Арабески», чей английский перевод Роберта Гудлета в машинописном виде был любезно предоставлен нам для исследовательской работы правнуком И.Я. Коростовца господином Карло Гастоне. Он обратился ко мне с предложением написать предисловие к итальянскому переводу «Персидских Арабесок», что я и исполнил (Ter-Oganov, 2021: 19–60).

2. Материалы и методы

Основным источником при написании данной статьи послужили политические воспоминания И.Я. Коростовца «Персидские Арабески», в которых сделан акцент на англо-русское противоборство в Персии как в период Первой мировой войны, так и после нее вплоть до конца третьей декады XX века.

Между прочим анализ политики России в Персии на фоне англо-русского противостояния в этой стране в период пребывания Коростовца на посту чрезвычайного посланника (1913–1915 гг.) нашел отражение и в докладной записке И.Я. Коростовца «Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам», составленной им 15 (28) мая 1915 г., то есть ровно через месяц после его вынужденного отъезда из Тегерана (Коростовец, 1934: 93–117). Сравнивая содержание этой записки с «Персидскими Арабесками», нельзя не заметить одну существенную разницу: если в «Записке» при оценке русской политики в Персии Коростовец выставляет себя в качестве принципиального ее защитника, то в «Персидских Арабесках» мы имеем дело с ретроспективным, неофициальным, и поэтому объективным анализом тех же событий, о которых он уже докладывал в своей «Записке». Фактически «Персидские Арабески» – это переосмысление «персидского опыта» или отчет перед своей совестью. При работе над материалом нами была использована литература, имеющая отношение к данному вопросу.

3. Обсуждение и результаты

«Персидские Арабески», особенно их первая часть, охватывающая события 1913–1917 гг., в которых И.Я. Коростовец выступает в качестве не только участника, но и творца англо-русских отношений в Персии как до начала, так и в период Первой мировой войны, заслуживает наибольшего внимания.

В воспоминаниях И.Я. Коростовца «Персидские Арабески» нашла отражение его дипломатическая деятельность как в самой Персии, так и в России вплоть до его отъезда в эмиграцию. Следует заметить, что, даже находясь за границей, И.Я. Коростовец продолжал интересоваться происходившими в Персии событиями, связанными с эпохальными переменами в стране, а также советско-персидскими отношениями.

Что касается авторства политических мемуаров «Персидские Арабески», следует заметить, что, наряду с их автором, в составлении продолжения воспоминаний с 1919 до начала 30-х годов XX в. принимали активное участие бывший второй секретарь российской дипломатической миссии в Тегеране Константин Константинович фон Таубе¹ и один из сыновей И.Я. Коростовца – Флавиус Коростовец.

Следует заметить, что автор воспоминаний, хотя и не соблюдает четкого хронологического порядка при изложении тех или иных событий, тем не менее обсуждаемые им вопросы русской политики в Персии и англо-русских отношений, несомненно, содержат ценнейший материал для исследования истории русской дипломатии в этой стране, особенно в период Первой мировой войны. Воспоминания состоят из двух томов: объем первого – 150 страниц машинописного текста, второго – 180, количество глав – 26.

Первый том воспоминаний начинается приездом И.Я. Коростовца в Тегеран и знакомством со страной. В первой же главе дается описание столицы Персии и традиционная, общая характеристика образа жизни персов. Здесь же, впервые в русской историографии, можно встретить редкое описание

¹ К.К. фон Таубе был сыном выдающегося российского криптографа, возглавившего в канун Февральской революции шифровальную часть имперского МИД. К.К. фон Таубе находился в составе русской миссии в Персии при И.Я. Коростовце в качестве секретаря, а при его преемнике Н.С. фон Эттере стал ее вторым секретарем (Российский, 2019: 1).

здания и сада российской дипломатической миссии в Тегеране и ее сравнение с английской миссией. Сравнение, скажем, явно не в пользу российской миссии.

Как пишет И.Я. Коростовец: «Для полуазиатской страны, какой являлась Россия, здание и меблировка миссии были наглядной ее иллюстрацией» (Korostovetz, Vol. I: 12). Настолько убогим, не соответствующим статусу России показалось здание российской миссии И.Я. Коростовцу, что он удивлялся тому, как его предшественник, посланник С.А. Поклевский-Козелл, не жалевший средств и любивший роскошь¹, мог мириться с таким окружением, тем не менее хвалил удачное месторасположение российской летней резиденции в Зарганде.

Камни преткновения в англо-русских отношениях в Персии перед началом Первой мировой войны

Следует заметить, что центральное место в «Персидских Арабесках» занимает вопрос об англо-русском противостоянии в Персии, а именно кардинальные расхождения во взглядах и политических позициях российского посланника И.Я. Коростовца и его английского визави – сэра Уолтера Таунли. Они дают ответ на вопрос, почему И.Я. Коростовец при решении стоявших перед ним проблем, как правило, занимал жесткую позицию в отношении Уолтера Таунли. Его линия поведения и то, к чему она его привела, со всей наглядностью продемонстрирована в его воспоминаниях. Тем не менее при характеристике личности английского посланника автор воспоминаний проявляет чрезвычайную объективность. И.Я. Коростовец дает ему положительную оценку и считает его «человеком мира, достойным по своим манерам и поведению, будучи дипломатом с большим опытом, хотя еще и молодым» (Korostovetz, Vol. I: 24).

По свидетельству И.Я. Коростовца, ранее У. Таунли работал в качестве секретаря английской миссии и был очень хорошо знаком с персидским окружением, много путешествовал по стране и имел много друзей среди вождей кочевых племен². Он владел персидским и арабским языками. Автор воспоминаний признает, что «в самом начале благодаря его симпатии и дружбе, его отношения с Уолтером Таунли были самыми сердечными и искренними. Однако они испортились из-за разницы в интерпретации англо-русского соглашения, а также некоторых других факторов, о которых пойдет речь далее» (Korostovetz, Vol. I: 24-25).

Автор воспоминаний уделяет особое внимание рассмотрению англо-русского соглашения 1907 г.³, приводя его полный французский текст, и дает его оценку. По убеждению автора, в сфере русско-персидских отношений это соглашение сыграло негативную роль, поскольку настроило шахское правительство против России (Korostovetz, Vol. I: 28). Квинтэссенция взгляда автора заключается в том, что англо-русское соглашение гарантировало Великобритании недопущение активной политики со стороны России в отношении не только самой Персии, но и соседствующих с Индией стран (Korostovetz, Vol. I: 33-34). Но с точки зрения английской историографии, данное соглашение было направлено «на устранение причин антагонизма между двумя историческими противниками» (The Cambridge History, Vol. III: 358). Рассуждая об англо-русском соглашении по Персии, не следует забывать и о том, что за формальной фразеологией в преамбуле соглашения о защите сторонами территориальной целостности и независимости Персии скрывалось намерение физического раздела этой страны на зоны влияния, что фактически означал потерю Персией государственного суверенитета (Great Britain, 1972. Vol. I: 534). Публикация этого документа уже 4 сентября 1907 г. «произвела самое тягостное впечатление на персидский народ» (Shuster, 1912: XXIV).

Согласно автору, подписание данного соглашения не стерло из памяти традиционное, культивируемое с обеих сторон недоверие друг к другу, что особенно проявилось во время обсуждения сторонами проекта строительства трансперсидской железной дороги⁴, когда учитывалось мнение не только правительства Англии, но и индийской администрации, имевшей более колонизаторские цели в отношении юга Персии.

¹ С.А. Поклевский-Козелл был известен своим гостеприимством и тем, что радушно принимал в миссии и представителей европейской колонии. Хотя он был известен как англофил, тем не менее, как отмечает К.Н. Смирнов, «он старался, насколько возможно, не умалить русского значения в Персии» (Смирнов, 2002: 41).

² Следует заметить, что, в отличие от И. Коростовца, противоположного мнения придерживался сотрудник английской дипломатической миссии в Тегеране Дж. Гарнет, согласно которому, У. Таунли не обладал достаточными знаниями о Персии, которым обладал его предшественник, английский посланник Дж. Барклай (Fisher, 2012: 112).

³ Это соглашение стало предметом изучения со стороны многих исследователей как зарубежных, так и русских, начиная от авторов первой декады XX в. и до настоящего времени. (Зиновьев, 1912; Скиф, 1912; Пашуканис, Том 2–3. 1935: С. 3-39; Сергеев, 2008: 80-93; Тер-Оганов, 2015: 158-178).

⁴ Вопрос строительства железной дороги в Персии превратился в одну из острейших проблем в англо-русских отношениях в этой стране. История данного вопроса берет начало с 1890 г., когда Россия наложила вето на строительство железной дороги в Персии сроком на десять лет, а по истечении этого срока продлила его еще на десять лет (Царская дипломатия..., 1926: 12; Попов, 1924: 139-147).

И.Я. Коростовец с горечью отмечает, что в тех случаях, когда возникало трение между Россией и Англией на почве «персидского вопроса», то это не только не находило отклика в Петербурге, но иногда умышленно игнорировалось, и все это объяснялось нежеланием нарушать существующую гармонию между Англией и Россией и, следовательно, не выставлять грязное белье перед взором публики (Korostovetz, Vol. I: 43).

Примечательно, что перед отъездом в Тегеран осенью 1913 г. И.Я. Коростовец, как это было положено, обратился за инструкциями к тогдашнему министру иностранных дел С.Д. Сазонову, однако, к его удивлению, тот ограничился лишь коротким ему советом «быть в хороших отношениях с англичанами», а затем добавил: «Постарайся соблюдать наши интересы», но вместе с тем порекомендовал встретиться для консультаций с находившимся тогда в Санкт-Петербурге влиятельным российским послом в Лондоне А.С. Бенкендорфом (Korostovetz, Vol. I: 43).

То, что услышал от него Коростовец, было своего рода жутким предсказанием будущего Российской империи. Содержание этой беседы с графом Бенкендорфом, изложенное в подробностях, раскрывает не только суть русской политики в Персии, но и потрясает читателя неутешительным, мрачным прогнозом, а точнее пророчеством о мрачном будущем Российской империи, представленным дальновидным Бенкендорфом. Между прочим, он предсказал и пагубные последствия мировой войны для России, которые могли привести ее к революции! «Я вижу, – сказал Бенкендорф И.Я. Коростовцу, – революцию русского типа, наподобие пугачевщины, только более организованную и в широком масштабе» (Korostovetz, Vol. I: 47). Из беседы следовало, что он прекрасно разбирался не только в европейских делах, но и хорошо знал о том, что происходило в самой России.

Между прочим, анализируя положение в России, Бенкендорф делает жуткий, просто пророческий прогноз: «Революционная пропаганда снизу, анархия и безразличие властей сверху. Все это, взятое вместе, достаточно для раскола самого крепкого организма. Наша система государственного управления продолжает идти по инерции и традиции, но жесткий удар будет достаточным для его основательного разрушения. Я не знаю, какую конкретную форму примет русская революция, но скорее всего – самую неожиданную: «узурпацию власти, грабежи, кражи и захват частной собственности или крайне экстремистские социальные эксперименты на современной основе», – и добавил: «Я предпочел бы не находиться в то время в России» (Korostovetz, Vol. I: 47).

Следует отдать должное честности и объективности Коростовца, когда он, сравнивая отношение Англии и России к Персии, подытоживает: «Следует признать, что позиция Англии в Персии была более подходящей с политической и моральной точек зрения. Что касается русских и их деятельности, то они смотрелись с недоверием и предубеждением, что было достаточно естественно», поддержанным исторической памятью персов, не забывших об аннексии Восточного Закавказья Россией (Korostovetz, Vol. I: 38-39).

Вместе с тем близкое знакомство с политикой Персии, а также личные наблюдения дают ему возможность обсуждать вопрос об «англофильстве» или «русофильстве» персов. Коростовец справедливо замечает, что эти определения, имевшие хождение в ту эпоху, на самом деле были лишены смысла, поскольку персы свободно меняли свое предпочтение, но в реальности они всегда оставались патриотичными «персофилами»¹.

Особый интерес представляют размышления автора воспоминаний вокруг тех вопросов, которые вызвали негативную реакцию не только со стороны англичан, но и самих персов. Это были вопросы, связанные как с необходимостью реформирования Персидской казачьей бригады², так и с требованием вывода русских войск из Северной Персии, находившихся там с 1911 года. Следует заметить, что Персидская казачья бригада всегда, особенно после бомбардировки ею персидского парламента – меджлиса 23 июня 1908 г., воспринималась персами как чужеродное тело, не служившее даже в качестве надежной охраны шаха, причем персы не забыли о том, как однажды она уже оставила шаха в час испытаний³. Одним словом, персы не испытывали никакого доверия к

¹ Между прочим, вся история Персии XIX–XX вв. является яркой иллюстрацией того, как правители Персии использовали англо-русское противостояние для выживания собственного государства. Ведь недаром в своей статье американский исследователь иранского происхождения Манучехр М. Эскандари-Каджар охарактеризовал положение Персии при каджарах как государства, находившегося между "Сцилой и Харибдой" (Eskandari-Qajar, 2008). Кстати, об этом пишет и Коростовец, когда характеризует политику Реза-шаха Пехлеви в отношении Англии и Советского Союза, между которыми ему постоянно приходилось лавировать.

² Персидская казачья бригада, организованная в Тегеране русским офицером Генштаба подполковником А. Домантовичем, хотя и финансировалась за счет государственного бюджета Персии, за все время своего существования находилась в прямом подчинении российского Военного министерства. Подробнее о ее военно-политической истории можно узнать из нашей работы (Тер-Оганов, 2012).

³ Имеется в виду позорное, можно сказать, умышленное бездействие «Шахской бригады» во время наступления персидских революционеров на Тегеран в июле 1909 г., капитуляция русского

ПКБ в отличие от шведской жандармерии (Korostovetz, Vol. I: 73-75). Как известно, Коростовец был против как увеличения численного состава шведской жандармерии, так и дислокации ее частей в зоне русского влияния. Вместе с тем для решения проблемы Персидской казачьей бригады и жандармерии он предложил разделить территориально сферы их деятельности: ПКБ предоставить северные районы Персии, нейтральную и южную сферы влияния – жандармерии, однако это предложение было аргументированно отклонено с ссылкой на существовавшее между шведами и русскими историческое недоверие (Korostovetz, Vol. I: 75).

Следует напомнить, что Коростовец обещал вывод русских войск сразу после демаркации турецко-персидской границы, работу которой со стороны русской комиссии курировал ее комиссар В.Ф. Минорский, в будущем известный русский востоковед. Автор воспоминаний рассматривает вопрос о требовании персидской стороны сместить с должности губернатора Азербайджана¹ Шоджа од-Доуле, пользовавшегося полной поддержкой России. По замечанию Коростовца, поддержка последней справедливо воспринималась персидской стороной как нарушение ее суверенных прав.

Согласно автору, одним из спорных вопросов англо-русских отношений в Персии был вопрос Исфагана. Хотя Исфаган находился в сфере русского влияния, тем не менее английская дипломатия старалась установить там свое влияние. Особое негодование англичан вызывал тот факт, что после передачи управления над недвижимым имуществом крупнейшего феодала провинции Фарс, некогда могущественного Зилли-Султана, рускоподданному вице-консулу Каверу, фактически Россия усилила свое влияние в этом районе. Английский посланник Уолтер Таунли считал, что поскольку в этом районе английские интересы были более значительными, чем российские, то, следовательно, сторонам следовало найти компромисс. Одним словом, Исфаган представлял большой интерес как для русских, так и для англичан. Когда же русский Учетно-ссудный банк Персии² стал требовать от шахского правительства концессию на орошение земель в исфаганской провинции, то английская миссия резко воспротивилась этому. В результате вопрос так и остался нерешенным до апреля 1915 года (Korostovetz, Vol. I: 77-79), то есть до отзыва И.Я. Коростовца из этой страны.

Как выясняется, одним из центральных вопросов, ставших предметом ожесточенного спора между Коростовцем и Таунли, был вопрос о незаконном взимании русскими *малиата* в северной сфере влияния. Следует заметить, что этот вопрос был тесно связан с регуляцией вопросов, имеющих отношение к персидским закладам или ипотекам в Учетно-ссудном банке, а также с вопросом о снабжении персидского правительства серебром и выплатой поземельного налога *малиата* и других налогов в этот банк, собираемых в Северной Персии. По признанию Коростовца, урегулировать все эти вопросы с главным казначеем, бельгийцем Морнаром, было бесполезно, поскольку он был тесно связан с находившимся под управлением англичан Шахиншахским банком. Коростовец подробно описывает характер деятельности этих банков (Korostovetz, Vol. I: 80), отмечая, что английский банк хотел сохранить за собой эксклюзивное право на ведение финансовых операций в Персии. Из воспоминаний мы узнаем об отношениях шаха с Шахиншахским и Учетно-ссудным банком, причем он характеризует отношение персов к русскому банку как отрицательное, поскольку, по их утверждению, он управлялся русской миссией (Korostovetz, Vol. I: 87-88).

Автор воспоминаний затрагивает один из самых острых вопросов как в англо-русских, так и в русско-персидских отношениях – свежую проблему так называемого «русского землевладения» в Персии. По сути дела, с юридической точки зрения, появление «русского землевладения» было нарушением пятой статьи Туркманчайского мирного договора, согласно которой, русским запрещалось обладать, а также брать в аренду землю в Персии (Korostovetz, Vol. I: 91). Таунли справедливо указывал Коростовцу на то, что продвижением «русского землевладения» Россия фактически стремилась к колонизации русскими северной части Персии, в частности Азербайджана и Астрабадской провинции (Korostovetz, Vol. I: 92), что, между прочим, соответствовало правде (Бессонов, 1915).

Представляется интересным та часть воспоминаний, где Коростовец приводит содержание телеграммы российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова, датированной последними числами марта 1914 года, то есть через три месяца после его приезда в Персию, в которой он, со ссылкой на частный источник информации, приписывает Коростовцу заявления относительно намерения России по аннексии персидской провинции Азербайджан и по изменению англо-русского соглашения к выгоде России. Несмотря на то, что С.Д. Сазонов все-таки допускает недостоверность

командира бригады полковника Ляхова, в результате которого российскому протезе Мохаммаду Али-шаху (1907–1909 гг.) пришлось отречься от трона.

¹ Здесь и далее автор имеет в виду иранскую провинцию Азербайджан – примечание Н.К. Тер-Оганова.

² Учетно-ссудный банк Персии, организованный в 1891 г. Яковом Поляковым, с 1894 г. стал фактически управляться российским Министерством финансов и со временем превратился в мощный финансово-экономический инструмент царской России в Персии (Ананьич, 1962: 274-314; Павлова, 2017; о негативной роли Учетно-ссудного банка в финансово-экономическом положении Персии смотри (Дехканнежад, 1988: 15-32) (на персидском яз.).

полученной информации, тем не менее предупреждает Коростовца о необходимости соблюдения крайней осторожности в отношениях с сэром Уолтером Таунли во избежание трений с Англией по персидским вопросам (Korostovetz, Vol. I: 97-98). Исходя из своего близкого знакомства с «внутренней кухней» российского МИД, выдвинутые против него обвинения Коростовец объясняет действиями «клики Сазонова» и «бюрократическими интригами» его ведомства. С другой стороны, по его утверждению, сам факт его назначения в Тегеран «создал тревогу среди самых националистически настроенных персов» (Korostovetz, Vol. I: 99). Тем не менее Коростовец там же признается в том, что его объяснения были беспочвенными и нечистосердечными, поскольку он изначально был противником англо-русского соглашения 1907 года.

Хотя Коростовец во время своего общения с Уолтером Таунли пытался убедить его в бесполезности и даже ущербности антирусской политики в Персии, указывая на то, что для персидских националистов и патриотов якобы как англичане, так и русские были нежеланными гостями, тем не менее признается в том, что все же «радикалы и молодые персы отдавали предпочтение англичанам» (Korostovetz, Vol. I: 100). Со своей стороны Таунли не соглашался с доводами Коростовца и утверждал, что персы боялись России и презирали русскую политику, как политику «реакции и самоуправства, направленные на порабощение их страны, но проявляли симпатии к Англии, установившей конституционную систему в Персии» (Korostovetz, Vol. I: 100).

Воспоминания Коростовца дают представление о том, как процесс подбора кандидатов в кабинет министров в Персии постоянно вызывал трения между английским и русским миссиями, потому что каждая из сторон предлагала приемлемый для себя состав будущего правительства.

Следует заметить, что среди тех, кто оппонировал Коростовцу, кроме собственно английской миссии, были Шахиншахский банк, бельгийские таможенные чиновники, главный казначей Персии бельгиец Морнар, инструкторы «шведской» жандармерии, а также германский и французский посланники (Korostovetz, Vol. I: 104). По утверждению автора воспоминаний, «к заговору присоединились все, кто не был доволен преобладанием России». Причем Таунли был раздражен потому, что Коростовец назвал англо-русскую конвенцию о разделе сфер влияния 1907 г. – фикцией (Korostovetz, Vol. I: 104). У других дипломатических миссий также были свои резоны быть недовольными поведением Коростовца.

По замечанию автора «Персидских Арабесок», персы радовались, наблюдая за растущим охлаждением англо-русских отношений, рассчитывая на их полное расстройство и подбавляли топливо в пламя, надеясь тем самым ослабить иностранное влияние (Korostovetz, Vol. I: 105). Надо отдать должное честности и объективности Коростовца, признавшего свою роль в ухудшении англо-русских отношений: «Я должен признаться, – пишет он откровенно, – что значительная доля вины за конфликт с британцами и персами лежит на моих плечах» (Korostovetz, Vol. I: 106). И добавил с сожалением: «Если бы с самого начала показал бы больше сдержанности и пассивности, даже инертности, без сомнения, я был бы оставлен в покое и смог бы предвидеть будущее, как это сделали некоторые мудрые люди, предсказавшие надвигающиеся жестокости» (Korostovetz, Vol. I: 106).

Коростовец объясняет, почему еще до его приезда в Тегеран там распространился слух, исходящий от его «друзей» из Петербурга о его деятельности в Монголии, согласно которому, эта страна отделилась от Китая благодаря заключенному им в 1912 году соглашению¹, и что якобы «он послан в Персию для ликвидации «Персидского вопроса» и для изменения англо-русского соглашения». По свидетельству Коростовца, эти слухи просочились в местную прессу и создали вокруг его имени и репутации атмосферу предубежденности². Поэтому еще до первой встречи с Коростовцем Таунли уже был готов к сопротивлению. Но не только Таунли проникся антипатией к И. Коростовцу, но и секретарь английской миссии Дж. Гарнет также невзлюбил его, находя в нем «хитрую и развратную внешность» (Fisher, 2012: 118). Согласно Коростовцу, хотя сам Таунли не был воинственно настроенным человеком, однако его окружение, проявляя агрессивность, было склонно видеть во всех действиях Коростовца интриги, направленные к понижению престижа Англии и унижению Персии (Korostovetz, Vol. I: 108).

Как утверждает Коростовец, в том окружении, которое подстрекало Таунли, были восточный секретарь английской миссии Дж. П. Черчилль, пользовавшийся большим влиянием в английской

¹ Вопрос о роли И.Я. Коростовца в создании независимого монгольского государства был рассмотрен в статье Dudin, 2017: 277-279.

² Кстати, об этом пишет в своих «Записках» и находившийся тогда в Тегеране К.Н. Смирнов. По его утверждению, «ложность семейного положения и отсутствие достаточных средств отражались на общественной жизни Коростовца, и дурная слава способствовали тому, что раньше его приезда в Тегеран, Коростовца не уважали ни русские, ни персы» (Смирнов, 2002: 41). Между прочим, в одном из своих писем Дж. Гарнет упоминает жену российского министра как «домашнюю прислугу второй руки, ясно намекая на неприглядную историю молодой француженки в Китае, «чья печальная история до ее замужества все еще является главной темой слухов в Пекине» (Fisher, 2012: 120).

миссии и вхожий в местное общество, корреспондент газеты «Таймс» Кеппель¹, Вуд и, наконец, супруга Таунли – леди Сюзан (Korostovetz, Vol. I: 107-108).

По замечанию Коростовца, леди Сюзан имела большое влияние на своего мужа, интересовалась археологией и выделялась своими антирусскими взглядами. Как видно из воспоминаний, леди Сюзан доставляла немало беспокойства Коростовцу: «Мне жаль сказать, – пишет автор воспоминаний, – что жена моего коллеги не ограничивала себя археологией и занятием на молочной ферме, но также вмешивалась в дипломатические вопросы» (Korostovetz, Vol. I: 110). О сварливом, капризном характере леди Сюзан, а также о ее интригах даже против некоторых сотрудников английской миссии, включая военного атташе миссии Дика Стиля, а также обслуживающего персонала, писал в своих частных письмах упомянутый выше Дж. Гарнет (Fisher, 2012: 112-114). Поэтому совершенно не случайно, что она смогла, согласно Дж. Гарнету, «отравить отношения с русской миссией» (Fisher, 2012: 116).

Между прочим, в беседах с Коростовцем леди Сюзан в отсутствие Таунли откровенно советовала ему: «Если вы хотите остаться в Персии, то не проводите независимую политику, а слушайте совета Уолтера и сообщайте в Петербург, что британский министр в Тегеране подтверждает ваши предложения. Таким образом, вы сможете удовлетворить и ваших, и наших. И, в конце концов, у Петербурга нет «Персидской программы», а только одни бюрократические вымыслы» (Korostovetz, Vol. I: 110). В качестве образца для подражания леди Сюзан приводила в пример бывшего российского посланника С.А. Поклевского-Козелла, который, по ее словам, защищал русские интересы, но вместе с тем никогда не оскорблял англичан, не был жестким и был в хороших отношениях с ними. Таунли даже привел свой пример, когда перед отъездом в Тегеран на прощальной аудиенции король Эдвард якобы посоветовал ему посоветоваться с Поклевским (который, как известно, слыл другом короля), что служило бы интересам Великобритании. В этой связи Коростовец пишет: «Я должен признаться, хотя это цинично, что это было совершенно правильно и что я был достаточно глуп, не понимая ситуацию, отвергал мудрые предостережения моего коллеги».

Коростовцу хватает смелости признавать свои прошлые ошибки и не скрывать по этому поводу своего разочарования: «Я уже упоминал о том, что сэр Уолтер обвинял меня в русификации Персии и в чрезмерном русофильстве. Теперь, после большевистской революции, я понимаю, что это была моя непростительная ошибка и что сэр Уолтер был прав. Однако тогда люди старого поколения придерживались подобных устаревших идей, как национализм, патриотизм, страна и т.д. Теперь весь этот устаревший мусор был сметен Интернационализмом» (Korostovetz, Vol. I: 112).

Вообщем, следует отметить, что, уже находясь в эмиграции, Коростовец высказывает мысли, явно несовместимые с его прежними, имперскими взглядами. Например, он допускает мысль о том, что когда-нибудь «наступит время, когда великие нации, или некоторые из них, расстанутся со своими колониями, протекторатами, мандатами и другими формами международного феодализма и предоставят негров, индийцев, корейцев или кавказцев своей судьбе» (Korostovetz, Vol. I: 115).

Может быть, произошедшая переоценка ценностей во взглядах убедила Коростовца произнести следующее: «Персы меня никоим образом не убедили в том, что они нуждаются в руководстве. Они – одаренная нация, патриотичная и даже прогрессивная, с большой способностью к адаптации и подражанию. Единственным препятствием является их религия, однако она постепенно теряет свое значение» (Korostovetz, Vol. I: 115). Между прочим, осознание допущенных царизмом ошибок в управлении собственной страной привело его к мнению о том, что «если бы царь знал свой народ получше и проявил бы больше трезвости, то его династия все еще правила бы в той огромной империи. То же самое относится к султану, персидскому шаху и китайскому императору» (Korostovetz, Vol. I: 116).

Коростовец специально останавливается на беззакониях, чинимых российской стороной, в частности на политике царизма по русификации северных областей Персии. Так, например, он подробно описывает содержание поданного ему персами в июне 1914 г. так называемого «Меморандума о беззакониях со стороны России». В нем было выдвинуто персидской стороной несколько требований, а именно: упразднение русского землевладения, ссылаясь на ее незаконность, отставка с поста генерал-губернатора провинции Азербайджан российского ставленника Шоджа од-Доуле, возвращение наследника персидского престола в Тавриз, вывод русских войск из Северной Персии и прекращение оппозиции России против расширения сети шведской жандармерии по всей стране, чему, как известно, она активно препятствовала. Следует заметить, что тогда этот меморандум получил поддержку со стороны Форин-Офиса и английского кабинета (Korostovetz, Vol. I: 121). По свидетельству Дж. Гарнета, в мае–июне 1914 г. Россия давила на Британию в вопросе прокладки

¹ Имеется в виду английский корреспондент газеты *The Times* в Тегеране с 1912 по 1914 гг. Арнольд Кеппель. Как выясняется, он был племянником жены английского посланника сэра Уолтера Таунли леди Сюзан, на которой тот женился в 1912 г. Одно время Арнольд Кеппель являлся почетным атташе в Бухаресте и Тегеране, после чего вновь стал корреспондентом упомянутой влиятельной газеты. Если судить по информации Дж. Гарнета, то А. Кеппель сильно недолюбливал свою тетю леди Сюзан. (Fisher, 2012: 103, 122; а также en.wikipedia.org/wiki/Arnold_Keppel_(writer)).

трансперсидской железнодорожной магистрали, которая, по ее задумке, должна была соединить находящуюся на севере Джульфу с индийской границей, что стало дополнительной причиной для беспокойства английской стороны (Fisher, 2012: 120).

Вместе с тем Таунли обратил внимание Коростовца на русскую порочную практику покровительства персидских протезе, нарушающих закон. Они, по справедливому замечанию Таунли, искали обхода закона при исполнении своего гражданского долга и увиливали от уплаты налогов. По справедливому замечанию английского посланника, подобная система была нарушением прав правительства и создавала «государство в государстве» (Korostovetz, Vol. I: 122).

С точки зрения характеристики русской политики в Персии представляется весьма интересным содержание беседы главы Восточного, или Азиатского департамента британского Форин-Офиса Э.А. Кроу с российским послом в Лондоне Н.С. фон Эттером, которое передал Коростовцу сам Таунли. В этой беседе, состоявшейся 3 июня 1914 г., Кроу пояснил своему коллеге, почему политика России в Персии вызывала такую тревогу у британской стороны: «Говоря совершенно приватно и как друг, – заявил Кроу фон Эттеру, – постарайтесь представить себя на место персов. Северная часть Персии, особенно Азербайджан, является русской провинцией, управляемой русскими официальными лицами¹. Генерал-губернатор отказался признать власть персидского правительства и делает это с полного одобрения русских властей. Персидским властям не разрешается собирать налоги. Они собираемы русскими консулами, и их уплачивают в русском банке², причем нет никакой отчетности. Земля открыто, незаконно передается русским эмигрантам [поселенцам] квадратными милями, так что целые деревни и их население формально оказывались под «русским протекторатом». Вместе с тем Казачья бригада³, которую содержало персидское правительство, была выведена из-под его контроля и подчинена военному министерству России. С другой стороны, Учетно-ссудный банк использовал всю банковскую систему для замены персидской администрации, тем самым уменьшая то, что от нее осталось» (Korostovetz, Vol. I: 124-125).

По мнению Кроу, в случае если сложившееся положение в Персии не исправить, то следует ожидать ухудшения и даже конца англо-русской дружбы. Главный упрек английской стороны состоял в том, что «русское правительство сделало персидское правительство недееспособным и подорвало это государство так эффективно, что кажется вообще сомнительным, что оно когда-либо сможет восстановиться. Мы не можем на это закрывать глаза». (Korostovetz, Vol. I: 126).

Далее Коростовец приводит текст меморандума английского министра иностранных дел сэра Эдварда Грея сэру Джорджу Буканану, английскому послу в Санкт-Петербурге от 10 июня 1914 г., в котором указывается на нарушения со стороны русских консулов в Персии, идущих вразрез с «требованиями общей политики» (Korostovetz, Vol. I: 132). В нем перечислены факты, свидетельствующие об установлении русского протектората над северными районами Персии (Korostovetz, Vol. I: 134). Причем английское правительство признавало справедливым исключение иностранного влияния в северной Персии, но вместе с тем выражало тревогу по поводу «ущербности английской торговли в этом регионе Персии». Кроме того, оно было обеспокоено усилением «русского политического влияния в нейтральной полосе», что было очевидным на примере деятельности русского консула в Исфагане, а также получения концессии по ирригации земель (Korostovetz, Vol. I: 137).

Как бы парируя обвинение Э. Грея, Коростовец утверждает, что не только Россия, но и Англия нарушала суверенитет Персии и в качестве примера приводит факт покупки контрольного пакета акций англо-персидской нефтяной компании британским правительством у британского подданного Уильяма Нокса Дарси (1901 г.) в 1914 г. Причем это дало возможность этой компании работать не только на юге и западе Персии, но и на нейтральной полосе и частично в русской зоне влияния. Тогда в ответ на возбуждение русской прессы и общества по поводу деятельности этой нефтяной компании и нарушения положений англо-русского соглашения Грей сделал успокоительное заявление о том, что «эта политика не направлена на включение севера и на эксплуатацию концессии на юге Персии, а лишь на британскую сферу и на острова» (Korostovetz, Vol. I: 142). Следует заметить, что передача англо-персидской нефтяной компании английскому Адмиралтейству, инициатором которой был Уинстон Черчилль, означал еще и переход флота с угля на нефть (Korostovetz, Vol. I: 143).

Между прочим, английский посланник Уолтер Таунли «не отрицал, что в случае с нефтяной компанией британское правительство отказалось от принципа невмешательства и также нарушило суверенные права Персии, поскольку защита концессии требовала присутствие британских войск; до сих пор британцы протестовали против присутствия русских войск в Северной Персии» (Korostovetz, Vol. I: 146).

¹ Кстати, Дж. Гарнет сообщал о том, что, несмотря на существование запрета для иностранцев скупать земельные участки в Персии, русскими в провинции Азербайджан была приобретена одна треть этой провинции! (Fisher, 2012: 118).

² Имеется в виду Учетно-ссудный банк Персии.

³ Под «Казачьей бригадой» Кроу подразумевает Персидскую казачью бригаду, находившуюся до 1918 г. в непосредственном подчинении российского военного ведомства.

Очевидно, что англо-русские отношения в Персии так сильно накалились, что в своей телеграмме, отправленной в июле 1914 г. Коростовцу, Сазонов выразил недовольство действиями российского посланника, утверждая, что тот «не поддерживает дружеских и доверительных отношений с британским и французским министрами, сердечное сотрудничество с которыми является самым важным», и добавил: «Я считаю себя обязанным обратить ваше внимание на тот факт, что без подобных отношений миссия, порученная вам в Тегеране, не может быть успешно выполнена» (Korostovetz, Vol. I: 147).

По сообщению Коростовца, еще тогда, в июле 1914 г., стало очевидным, что в Петербурге были им недовольны. На это указывали как предостерегающие телеграммы Сазонова, так и информация, получаемая Коростовцем от частных источников. Как выясняется, в МИД были им недовольны «из-за постановки ненужных вопросов» и ссоры со своими коллегами. Ему приписывали разные вольности и нарушения, не имевшие ничего общего с политикой, но утверждающие «убийство русского национального духа» и т.д.

Одной из таких вымышленных обвинений против Коростовца была история с памятником А.С. Грибоедову, который стоял перед зданием русской миссии в Тегеране. По свидетельству Коростовца, памятник на лето почему-то перевозили в летнюю резиденцию в Зарганде, а зимой возвращали на прежнее место. Вся эта курьезная процедура показалась Коростовцу абсурдом, тем более что, подсчитав расходы на перевозку и узнав, до какой степени расходы на транспортировку были раздуты, он решил впредь памятник не трогать и оставить его на постоянной основе в Тегеране. Эта история управляющим миссией, недовольным потерей своего дохода, была преподнесена в искаженном свете. Им был отправлен доклад с жалобой на Коростовца, якобы разрушавшего этот монумент Грибоедову, что вызвало большое возбуждение в самом Министерстве иностранных дел. Отсюда и легенда о его «вандализме и беззаконии» (Korostovetz, Vol. I: 150).

Коростовец вспоминает, что тогда он не придавал никакого значения предупреждениям Сазонова, «однако прислушался к своим дальновидным коллегам Баху и Таубе, которые посоветовали ему признать свои грехи перед предполагаемыми друзьями и союзниками, пожертвовать генерал-губернатора Азербайджана Шоджу од-Доуле в Тавризе, а господина Кавера – в Исфагане и разослать приказы всем русским консулам соглашаться во всех делах с британскими консулами». По их мнению, в таком случае можно было достичь смягчения британского гиперкритицизма, а заодно и удовлетворить петербургскую камарилью. Но, как признается Коростовец, этот путь выхода из ситуации показался ему малодушным, и он продолжал ждать поощрения, или же объяснений со стороны Сазонова, или же, по крайней мере, от начальника Персидского отдела или департамента МИД господина Клемана (скорее всего, речь идет о В.О. фон Клемме!) (Korostovetz, Vol. I: 150).

Англо-русские отношения в период Первой мировой войны, или от конфронтации к сотрудничеству

Второй том охватывает англо-русские отношения в Персии с начала Первой мировой войны и до конца третьего десятилетия. Когда в августе 1914 г. вспыхнула война в Европе, Таунли и Коростовец получили соответствующие инструкции, согласно которым любые разногласия по «Персидскому вопросу» им следовало немедленно устранить.

Между прочим, обсуждая ситуацию, сложившуюся в ходе войны, сэр Таунли высказал мнение, что в общении с шахским правительством Англии и России следовало бы показать особую мягкость и готовность сглаживать острые углы (это был намек в сторону Коростовца) и расположить персов к себе, тем самым помешать им перейти на сторону их противников – немцев, австрийцев и т.д. По мнению Таунли, ссора с персами могла повлиять на их отношениях с Турцией и вызвать всплеск мусульманского фанатизма и ксенофобии в Индии, Афганистане и Египте, где уже шла агитация за священную войну. Ссылаясь на эти соображения, Таунли посоветовал Коростовцу «быть податливым в отношении персов в вопросах *малиата*², их требований относительно Учетно-ссудного банка и вывода русских войск из Северной Персии», на что Коростовец ответил, что он опасается, что эти уступки персами будут восприняты как слабость, что приведет к усилению их агрессивности и к свежим требованиям. Как показалось российскому посланнику, в данном случае Уолтер просто хотел показать персам, что он был на их стороне и был готов поддержать их требования против России (Korostovetz, Vol. II: 154).

В связи с началом Первой мировой войны в сентябре 1914 г. министр иностранных дел Персии вручил Коростовцу ноту, в которой сообщалось, что Персия желает избежать любое участие в войне и

¹ Как известно, Василий Оскарович фон Клемм в период 1906–1908 г. занимал должность генерального консула в Мешхеде, а после возвращения в Петербург служил в качестве чиновника по особым поручениям при министре иностранных дел, а с началом Первой мировой войны возглавил 3-й (Среднеазиатский) отдел Министерства иностранных дел. См.: ru.wikipedia.org/wiki/Клемм_Василий_Оскарович; Fisher, 2012: 121).

² *Малиат* – согласно определению американского финансового советника Моргана Шустера, это совокупность внутренних налогов, включая поземельный и муниципальные налоги, а также налоги, поступающие от предпринимательства, рудников и государственных земель (Shuster, 1912: 288–289).

намерена провозгласить свой нейтралитет. По этой причине шахское правительство просило русское правительство вывести войска из Персии, тогда в случае войны между Россией и Турцией соблюдение персидского нейтралитета было бы гарантировано. Однако Коростовец выразил уверенность в том, что вывод русских войск из северной Персии не смог бы предотвратить вторжения турок, а только облегчил бы им захват подходящих стратегических позиций в Азербайджане (Korostovetz, Vol. II: 157). В этой связи совершенно справедливо замечание Ф. Каземзаде о том, что, с одной стороны, Россия полностью проигнорировала персидскую власть, а с другой – что с началом Первой имровой войны Англия предприняла жалкую попытку принудить Россию уважать нейтралитет Персии (Kazemzadeh, 1968: 677). Предвидя, с одной стороны, к каким последствиям могла привести война при наличии на севере страны русских войск, а с другой – угрозу турецкого вторжения в пределы Персии, в ноябре 1914 г. Солтан Ахмад-шах Каджар своим фирманом объявил о нейтралитете Персии (Fatemi, 1952: 316).

Следует заметить, что идею о нейтралитете Персии и, следовательно, требование персов о выводе русских войск из этой страны активно поддерживал Таунли. Однако, каким бы парадоксальным это ни покажется, неожиданно для России Лондон не стал поддерживать вмешательство сэра Таунли на стороне персов. Кстати, его проинформировали о том, что Форин-Офис был против вывода русских войск и что там не верили заверениям Порты, переданным через турецкого посла Асим-бея, а также не верили и обещаниям персов.

Тем не менее в ноябре 1914 г. персидское правительство вновь потребовало вывод русских войск из Азербайджана явно под давлением турецкого посла, который требовал соблюдения нейтралитета со стороны Персии и обещал, что при таких условиях турецкие войска не войдут на ее территорию. Было ясно, что Асим-бей просто исполнял инструкции Порты (Korostovetz, Vol. II: 174). Сэр Таунли то ли по наивности, то ли по причине противоречия, принял обещания турок за истину и взял сторону персов в их требовании вывода русских войск, особенно из Хорасана, которое, по его мнению, должно было произвести благоприятное впечатление на публику и восстановить симпатии персов к русским.

Позже, когда в Петрограде решили арестовать германского политического агента в Тавризе Шенемана, а также австрийского и турецкого консулов, сэр Уолтер стал критиковать эту меру как нарушение персидского нейтралитета. По сообщению Коростовца, антирусская деятельность Шенемана началась еще в предвоенное время и привела к переговорам между российским посланником и немецким министром принцем Реусом. Тогда в связи с этими переговорами Коростовец поднял вопрос об отводе из Исфагана другого германского агента д-ра Пужена¹, который был назначен германским и турецким консулом. Тот смог с помощью взятки привлечь на свою сторону не только шведскую жандармерию, но и шиитское духовенство и глав нескольких кочующих племен, таких как Машалла-хан, Наиб-Хусейн и др. Вскоре благодаря активности и агитации этих агентов Исфаган стал центром турко-германской ферментации. Русский консул Гильдебранд и английский консул Грахам не могли им противостоять, поскольку симпатии персов, конечно, были на стороне их единоверцев (Korostovetz, Vol. II: 185). Несмотря на создавшееся положение, сэр Уолтер Таунли выступил против требования Коростовца, утверждая, что якобы это могло вызвать недовольство со стороны персов. По объяснению Коростовца, такое поведение Таунли было вызвано тем, что агитация этого немецкого агента была направлена в то время не столько против британского, сколько против русского арендатора и управляющего недвижимым имуществом Зилли-Султана господина Кавера. Сын Зилли-Султана Акбар-мирза (министр иностранных дел) сказал лично Коростовцу, что британские официальные лица поддерживали Пужена, с тем чтобы через него подорвать русское влияние. Тем не менее весь вопрос заключался в том, что Кавер, который был и вице-консулом в Исфагане, был предательски убит. Только в начале 1915 года, благодаря, может быть, энергичному вмешательству британского резидента в Бушире сэра Перси Кокса, сэр Уолтер Таунли начал демонстрировать меньшее недоверие в сторону русской активности в Исфагане.

Хотя Исфаган лежал в нейтральной полосе, на самой границе сферы русского влияния, тем не менее британцы стремились играть там доминирующую роль. Коростовец рассказывает о том, какую агитацию вел против Кавера Пужен (Korostovetz, Vol. II: 176). Для усиления авторитета Пужена принц Реус отправил в Исфаган секретаря германской миссии фон Хентига. Тогда переговоры с русским консулом Преображенским только ухудшили дела и ни к чему не привели. Вскоре Преображенский, который был очень взволнован вмешательством немцев, умер от сердечного приступа, в то время как фон Хентиг, который показал себя очень энергичным и предприимчивым человеком, был послан с пропагандистской целью в Турцию и Афганистан. Принцу Реусу удалось установить тесные связи с лидерами Персидской демократической партии, которые были настроены прогермански, поскольку Германия была врагом как России, так и Великобритании – двух империй, в разной степени угрожавших территориальной целостности и независимости Персии, в отличие от Германии, которая гарантировала их (Ishtiaq, 1974: 296-297).

¹ По сообщению генерала Перси Сайкса, Пужен вел активную прогерманскую агитацию, убедив многих жителей Исфагана, в том числе и религиозных руководителей, в том, что якобы немцы уже приняли ислам, а сам Кайзер действительно был хаджи (Sykes, 1930: 446).

В ноябре 1914 г., когда турки перешли в генеральное наступление и следовало остановить их продвижение в Азербайджане, русские обратились за помощью к Шоджа од-Доуле, который в свою очередь искал средства защиты от курдских рейдов в свои имения.

Коростовцу сообщили из Петрограда о необходимости создания противодействия турецко-курдской агрессии на Тавриз. Следует заметить, что Таунли тем не менее не поддерживал позиции Коростовца в данном вопросе. Вместе с тем в Персии постоянно звучали требования вывода русских войск и возвращения в Тавриз наследника престола. Кроме того Таунли стал неодобрительно отзываться об англо-русском союзе: «Я слышал от персов, – вспоминает Коростовец, – что Таунли дал понять персам, что англо-русский альянс имеет временную природу и что интересы Англии и России противоположны» (Korostovetz, Vol. II: 179).

Согласно беседе, состоявшейся 30 декабря 1914 г. между Мошавер ол-Мамалеком, вице-секретарем Министерства иностранных дел, и британским министром, на котором присутствовал и премьер Мостоуфи ол-Мамалек, касательно Шоджи од-Доуле и его поражения от турецких войск, во время которой «Таунли обвинял Россию в расстройстве Персии, им было заявлено о том, что союз с Россией имеет временное значение и что в недавней беседе Никольсона с Сазоновым было отмечено, что продолжение войны в Персии может вызвать серьезный конфликт между Англией и Россией» (Korostovetz, Vol. II: 181b). Тогда же сторонами был поднят вопрос о необходимости эвакуации русских войск и их замены персидскими войсками¹. По этому поводу Коростовец сделал вывод, что Таунли и Мостоуфи пришли к соглашению и пели одну песню про нейтралитет, эвакуацию, суверенитет, жандармерию, казаков и т.д. и т.п. (Korostovetz, Vol. II: 182).

К этому времени в Петрограде начали соображать, что отсутствие гармонии и искренности в Тегеране не может быть приписано только исключительно некомпетенции и упрямству Коростовца, но и сэру Уолтеру Таунли. По утверждению Коростовца, опытный и влиятельный переводчик английской миссии господин Черчилль и другие персоны внесли свой вклад в этот раскол. Это, между прочим, было признано и в телеграмме Сазонова Бенкендорфу от 23 декабря 1914 года: «Из телеграмм от Коростовца, – сообщалось в ней, – не предвидится никаких изменений в составе тегеранского кабинета, что можно только приписать энергии, проявленной со стороны Таунли» (Korostovetz, Vol. II: 186), и что британская миссия рада создать неудобства русской миссии. «Во всяком случае, – читаем в этой телеграмме, – нет и следа от сердечной и дружеской кооперации с нашей миссией, что можно увидеть во всем. За это я не могу обвинять только Коростовца, поскольку недружественное отношение со стороны Таунли подтверждается из других беспристрастных источников» (Korostovetz, Vol. II: 187).

В связи с этим Сазонов был вынужден попросить английского посла в Петербурге Никольсона дать соответствующие инструкции Таунли с тем, чтобы тот изменил свой враждебный подход в отношении русских (Korostovetz, Vol. II: 187). Коростовец признается, что тогда он не знал о столь сильном неодобрении политического подхода британского коллеги. «Несмотря на это, – вспоминает Коростовец, – я заранее был убежден, что любое мое действие в русской сфере влияния приведет к конфликтам, и, чтобы сохранить разглагольствуемую гармонию и сердечность между нами, было бы лучше вообще не поднимать неудобные вопросы» (Korostovetz, Vol. II: 187-188). Вообще, обострение отношений с англичанами со стороны Коростовца, когда шла война с Германией, воспитатель Солтана Ахмад-шаха Каджара штабс-капитан К.Н. Смирнов считал «очень несвоевременной». Но вместе с тем он признает, что Коростовец «смотрел в корень дела и, держась взгляда значительной части нашей интеллигенции, что, чем хуже, тем лучше, он был сторонником не сглаживания отношений с Персией, а наоборот – обострения» (Смирнов, 2012: 41).

Коростовец вспоминает о проблеме с наследником престола, который по исторической традиции, должен был находиться в Тавризе. Однако, поскольку наследник придерживался антирусских настроений, русская сторона противилась его отправке в Тавриз. После изгнания турок из Тавриза и его перехода в руки русских сложилось положение, при котором русская сторона сочла возможным возвращение наследника престола, хотя «было открыто сказано в Тегеране, что наследник и его окружение были посланы для оказания сопротивления русскому влиянию в том центре». По утверждению Коростовца, Таунли предполагал использовать наследника престола в качестве антирусского инструмента (Korostovetz, Vol. II: 189).

Наследник прибыл в Тавриз в сопровождении эскорта казаков, а также двух сотен жандармерии, которые должны были послужить кадрами для организации в будущем жандармских частей на севере. Персы надеялись ввести жандармов в русскую зону влияния и, следовательно, таким образом игнорировать требование русской стороны, не допуская появления жандармов в сфере ее влияния.

Коростовец вспоминает, как по случаю персидского Нового года Ноуруза (10 марта 1915 г.) вместе с членами миссии посетил премьер-министра Мошир од-Доуле, повторившего на встрече

¹ По поводу образа действий русской армии на Персидском фронте сэр А. Вильсон в своих воспоминаниях «Лоялти. Месопотамия» отметил, что, находясь на территории Персии, русские войска вообще редко платили за что-либо, а к концу 1916 г. часто творили произвол... и везде, где бы они не находились, жители были обнищавшими и враждебно настроенными» (Wilson, 1930. Vol. I: 162).

прежние требования его предшественников по эвакуации русских войск из Персии, ссылаясь на обещание, что в случае отвода русских турецкие войска также покинут Персию. Он же заявил протест в связи с арестом немецкого консула в Бушире и другими своевольными действиями британцев, вызванных военной необходимостью. По этому случаю сэр Уолтер, который также присутствовал на этой встрече, категорически отверг требование персидской стороны, указав на ее неспособность соблюдать нейтралитет. Когда же Мошир од-Доуле стал требовать вывода русских войск, в первую очередь из Казвина, Решта и Ардебилля, к большому удивлению Коростовца, сэр Уолтер Таунли выступил против этого требования и стал угрожать посылкой свежих сил или даже оккупацией Тегерана (Korostovetz, Vol.II: 190-191). Тем не менее сэр Уолтер Таунли по-прежнему придерживался русофобской позиции. Он не раз заявлял персам, что союз в Европе вовсе не совпадает с английскими интересами в Азии. «В этом отношении, – признается Коростовец, – мой британский коллега был прав и видел дальше, чем я, поскольку вопреки мирным пактам, соглашениям, конвенциям и другой бюрократической продукции, политическая связь уже стала меняться» (Korostovetz, Vol.II: 192). По мнению Коростовца, именно это послужило формальной почвой для его отзыва из Тегерана, о котором он был предупрежден в телеграмме Сазонова от 15 января 1915 года:

«Принимая во внимание недружеское отношение к нам Таунли, – писал Сазонов, – и из-за желательности его замены кем-либо другим, мы вошли в необходимые переговоры с британским кабинетом. В ходе них было сказано, что наша цель может быть достигнута только одновременной заменой наших соответствующих представителей в Тегеране. Поскольку этот вопрос приобрел серьезное политическое значение, мы предложили предоставить вам длительный отпуск и временно назначить фон Эттера в Тегеран. Сэр Уолтер будет заменен господином Марлинггом. Отзывается также и Черчилль, которого сменит Смут. О реализации этой комбинации вы будете осведомлены в дальнейшем» (Korostovetz, Vol. II: 193). Эта телеграмма как гром среди ясного неба была большой неожиданностью для Коростовца. «Какая бы то ни была причина моего отзыва, – вспоминает он, – или, скорее всего, отстранения, это было для меня неожиданным ударом. По существу, может показаться, что меня подвергли наказанию за то, что я встал за честь и интересы России, быть может, без принятия в расчет в достаточной степени английского влияния в Персии» (Korostovetz, Vol. II: 193).

По сообщению Коростовца, Таунли также получил аналогичное предупреждение, которое его очень расстроило. «Ни он, ни его жена, – вспоминает Коростовец, – не ожидали такого результата. Они хотели меня удалить, но сами также угодили в ловушку» (Korostovetz, Vol.II: 193-194).

Перед самым отъездом английского и русского посланников из Тегерана с целью устранения продолжающегося спора, связанного с вопросом определения дальнейшего статуса нейтральной зоны, уже в марте 1915 г. русская сторона выразила свое согласие на ее включение в сферу британского влияния, оговорив при этом, что с учетом русских интересов в районах городов Исфагана и Иезда они будут закреплены за Россией. Таким образом, в марте 1915 г. было достигнуто соглашение о втором разделе Персии, когда Англия и Россия поделили между собой нейтральную зону (Majd, 2003: 54). Как писал Л.И. Мирошников, взамен за передачу нейтральной зоны Британии Россия получила обещание заполучить Константинополь и черноморские проливы после окончания войны (Мирошников, 1961: 35-36).

Новость об отозвании русского и английского министров незамедлительно разошлась по Тегерану, вызвав ликование среди персов, которые приписали это Ноурузу, увидев в этом начало новой эры. Как пишет Коростовец, «персидская дипломатия праздновала победу над своими нежеланными и ненавистными опекунами и смотрела вперед – в эру независимости».

Коростовец оставил Тегеран почти одновременно с сэром Уолтером приблизительно в середине апреля 1915 года¹. Он вернулся в Россию по той же дороге с женой и дочерью. Между тем одновременно были отозваны консулы Орлов из Тавриза и Иванов из Астрабада «из-за их чрезмерных русофильских тенденций и нарушения дисциплины». Коростовец высказывает свое сожаление по поводу их отзыва из Персии и предполагает, что они стали жертвами из-за того, что подчинялись указаниям опального посланника (Korostovetz, Vol. II: 194).

На прощальной аудиенции Солтан Ахмад-шах наградил Коростовца орденом «Льва и Солнца», а также своим портретом, украшенным жемчугами и выразил сожаление, что тот покидает Персию после столь короткого пребывания в стране, хотя «в душе был рад избавиться от двух доставляющих беспокойство министров».

За два или три дня до отъезда Коростовца из Тегерана его посетил новый английский министр, многоопытный Чарлз Марлинг, который сообщил ему о том, что инициатива его отзыва принадлежала Сазонову, хотя признал, что и в Лондоне давно были им недовольны из-за оппозиции английскому

¹ Вот что пишет в своих воспоминаниях дочь И.Я. Коростовца Ольга Ивановна об обстоятельствах неожиданного отъезда ее отца из Тегерана: «Спустя несколько месяцев между моим отцом и сэром Таунли имела место какая-то дипломатическая размолвка. Я не знаю, из-за чего она произошла, однако она была настолько серьезной, что два правительства, будучи союзниками, решили в тот же день отозвать обоих посланников с их семьями. Отец выехал на несколько часов позже сэра Таунли и леди Сьюзан» (Gastone, 202: 148). (на итальянском яз.).

влиянию в нейтральной зоне¹, а также из-за его русофильских наклонностей. Обращаясь к Коростовцу, Марлинг суммировал: «Вы очень русский». Отзыв из Тегерана своего предшественника Уолтера Таунли он объяснил его неспособностью сохранять хорошие отношения с русскими и желанием смягчить неблагоприятное впечатление, произведенное этим инцидентом и критицизмом прессы. С другой стороны, он напомнил и о том, как ранее два других русских министра Шпейер и Гартвиг, благодаря британским жалобам, также разделили подобную участь. Анализируя деятельность Коростовца в Персии, Марлинг составил очень нелестное представление о нем. Так, в июне 1916 г. в своем письме английскому послу в Петрограде сэру Джорджу Буканану Марлинг писал следующее: «...Что касается Коростовца, я очень сожалею, что не могу разделить Вашего мнения о его чистосердечности. Ни в коем случае я не доверяю ему, ...он творит такие дела, какими другие побрезгали бы» (Тагизаде, 1918, № 3: 161).

Переосмысление Коростовцем пройденного им пути ярко высвечивает изменение в его мировоззрении, выраженное в следующей его фразе: «Теперь, особенно после русской революции², я осознаю, какое это было преступление быть русским националистом или русофилом, однако в то время я был пропитан устаревшими принципами национализма и русофилизма» (Korostovetz, Vol. II: 195).

Коростовец вспоминает о предшествовавших его отъезду событиях, в частности о тех беспорядках, вызванных нехваткой серебра в Тегеране, когда обладатели банкнотов хотели разменять их на серебро, однако в Шахиншахском банке тогда не оказалось достаточного количества серебра, что привело к падению кабинета правительства. Тогда новый английский министр Марлинг и переводчик Черчилль, по согласованию с секретарем российской миссии Бахом и переводчиком Евреиновым, посоветовали персам назначить энергичного Саад од-Доуле на должность премьера, но толпа людей собралась перед воротами Меджлиса и протестовала против его назначения (он был деспотом), но бунт успокоился, когда вместо него был назначен более умеренный Аин од-Доуле (Korostovetz, Vol. II: 196-197).

По сообщению Коростовца, отъезд русского и английского посланников совпал с возвращением в Тегеран германского министра Реуса в сопровождении большого штата сотрудников. Среди них был немецкий офицер артиллерии Хаас, тот самый, который еще в 1911 г. принимал участие в безуспешной попытке экс-шаха вернуть себе трон. Тогда, по замечанию Коростовца, он действовал в интересах России. В этот же раз Хаас был на противоположной стороне. Автор воспоминаний признается, что народ радостно встречал Реуса, который увидел в этом восстановление турецко-германского влияния.

В конце апреля 1915 г. прибыл в Тегеран сменщик Коростовца Н.С. фон Эттер, кандидатура которого была предложена русскому правительству британским Форин-Офисом, желавшим видеть вместо Коростовца более подходящего агента. По признанию Коростовца, фактически это была прекрасная замена. «Вскоре он, – вспоминает Коростовец, – покори персов своей обходительностью манер и очаровал дипломатов в Тегеране, которые говорили, что он европеец, а не азиат. Во всяком случае, он не мог быть назван русофилом, хотя бы по той причине, что был чистокровным финном». По замечанию Коростовца, фон Эттер не был знаком с Востоком и его особенностями – откладыванием дел со дня на день, задержками, обещаниями и клятвами «Аллахом и всеми святыми, всемогущим и универсальным», «модахилом», или подарками, авансами и взятками для решения каждого важного вопроса. Коростовец признает, что взятка, как таковая, существует и на Западе, возможно в большей степени. По его мнению, именно незнание восточных обычаев, скорее всего, помогли фон Эттеру в его деятельности и в его отношениях с местными, особенно с теми радикально настроенными людьми, или так называемыми «молодыми персами». «Короче, – заключает Коростовец, – он подошел к месту и незамедлительно установил дружественные отношения с каждым, начиная с Марлинга, несмотря на сдержанность этого дипломата» (Korostovetz, Vol. II: 198-199).

Фон Эттер с самого начала был настроен на укрепление англо-русских отношений. Руководствуясь советами Марлинга и Евреинова³, фон Эттер пошел на резкий шаг – предложил усилить русские войска в Казвине. По данному поводу Коростовец выражает удивление: «Если бы подобное решение было бы принято мною, это вызвало бы взрыв возмущения по всей Персии. Однако это был фон Эттер, то есть «персона-грата» в Лондоне и Петрограде, где он был поддержан Двором и великой княгиней Марией Павловной и Сазоновым, поэтому все молчали» (Korostovetz, Vol. II: 199-200). Как оказалось, усиление войск в Казвине было мерой временной, поскольку после

¹ «В меморандуме 27 марта 1915 г., переданном сэром Джорджем Букананом, было сказано, что англо-русское соглашение требовало пересмотра и что нейтральная зона должна была находиться в британской зоне влияния (Korostovetz, Vol. II: 239).

² Коростовец имеет в виду Февральскую, или Великую Русскую революцию 1917 года – примечание Н.К. Тер-Оганова.

³ Это тот самый Евреинов, переводчик, о котором упоминает в своих «Записках» еще К.Н. Смирнов (Смирнов, 2002: 114, 181). Как известно, после октябрьского переворота Евреинов перешел на сторону большевиков и вот в 1925 г. он в качестве нового советского дипломатического представителя прибыл в Тегеран (Korostovetz, II: 299).

возвращения немецкого посланника Реуса усилилась немецкая агитация по всему Ирану, распространялись информационные бюллетени о германских победах в Польше и Галиции, а также прокламации о значении германо-персидского союза. Более того, немцы построили беспроводную станцию для установления связи с Берлином через Багдад и Константинополь.

Вскоре после приезда фон Эттера в Тегеран была получена новость об убийстве в Исфагане русского вице-консула Кавера. Между тем граф Каниц разослал своих агентов в главные административные центры Персии для организации германо-турецкого движения из Багдада через Персию в направлении Афганистана и Индии. Увидя, что дела принимают плохой оборот, британские войска высадились в Басре и двинулись в Месопотамию. Они не достигли Багдада, а расположились на Тигре, в Курне.

Между прочим, незадолго до своего отъезда из Тегерана Коростовец начал переговоры по покупке новой резиденции для миссии во дворце принца Атабек-Азама [Строение было большое, без особого вкуса по своей архитектуре, с неудобным расположением апартаментов, но, с другой стороны, он был окружен прекрасным парком, полным прекрасными старыми деревьями и бассейнами, помещением для андаруна, бань и, как это принято в Персии, украшенный фонтанами, фонарями, терракотовыми статуями и фигурами, скорее немецкого производства. Внутренние апартаменты также были украшены в персидском стиле, с количеством канделябров и зеркал]. Осенью того же года (1915 г.) русская миссия поселилась в своем новом помещении, которое, однако, вскоре сгорело. Как бы то ни было, стараниями Коростовца русская миссия была обеспечена великолепным и величественным дворцом ([Korostovetz, Vol. II: 200-201](#)).

И.Я. Коростовец – управляющий Учетно-ссудным банком Персии

Завершив свою краткую, но весьма напряженную 18-месячную службу в Персии, Коростовец вернулся в Петроград, где его принял Сазонов. Во время встречи последний изверг бурю упреков в адрес Коростовца, обвинив его в проведении «неудачной и бесполезной политики», преувеличении своих полномочий и неспособности сохранять хорошие отношения с коллегами. Он упрекнул Коростовца в том, что ему не удалось получить «ни одну концессию», включая концессию на строевой лес у Сепакдара. По замечанию Коростовца, Сазонов забыл о том, что фактически эта концессия была мошенничеством, поскольку она уже была пожалована задолго до этого австрийцам. Тем не менее, как отмечает Коростовец, ему все-таки удалось получить концессию для Учетно-ссудного банка Персии и даже был подписан контракт по этому случаю с владельцем этих лесов ([Korostovetz, Vol. II: 202](#)). Хотя в разговоре Сазонов заметил, что, согласно русской прессе, Коростовец высоко держал русское знамя, тем не менее в его глазах этот панегирик никакого значения не имел: «Мне безразлично мнение прессы, – заявил ему Сазонов, – вы служите правительству, а не прессе.

Коростовец вспоминает, как Сазонов находил ошибки везде и во всем, обвиняя его в отсутствии гибкости и допущении к обсуждению политических вопросов посторонних лиц, имея в виду жену английского посланника леди Сьюзан. По мнению Сазонова, Коростовцу следовало известить о положении дел в частном письме. Следует заметить, что автор воспоминаний признает правоту Сазонова. «В этом случае, – пишет Коростовец, – Сазонов был прав. Таунли общался не только с Лондоном, но и с британским послом в Петрограде и был в курсе всего, что происходило за пределами англо-русской дипломатии». То есть Коростовец признает, что английский посланник был лучше информирован, чем он. Содержание бесед Сазонова с сэром Букананом и российского посла графа Бенкендорфа с Греем в Лондоне также передавались Таунли. Парадоксально, но факт, что Коростовец только благодаря коллегиальности Таунли получал лишь отрывочные сведения о них и, следовательно, не обладал полной информацией ([Korostovetz, Vol. II: 203](#)).

Продолжая вспоминать свою беседу с Сазоновым, Коростовец с горечью отмечает: «Все мои аргументы были отвергнуты министром, который грубо заметил, что я не оправдал его доверие, которое он проявил, и в настоящий момент он не может дать мне другое ответственное назначение». Это означал конец дипломатической карьеры Коростовца. Однако вскоре после своего интервью с Сазоновым Коростовец был представлен императору Николаю II во дворце Царского Села. Следует заметить, что эта аудиенция была организована без участия Сазонова ([Korostovetz, Vol. II: 204](#)).

Как передает Коростовец, император Николай II встретил его с наиболее дружественным рукопожатием и следующими словами: «Как давно вы вернулись из Тегерана? Я очень доволен вами за вашу твердость, которую вы показали в вопросе о сферах влияния и за вашу энергию по защите русских интересов». Далее император заявил о том, что британцы сами нарушили соглашение, которое являлось обязательным для обеих сторон. Тем не менее, несмотря на одобрение деятельности Коростовца на посту посланника, Николаю II пришлось согласиться с требованием Сазонова и отозвать его из Персии, поскольку тот настаивал на необходимости сохранения тесных отношений с британцами, в том числе с английским посланником и его женой, с которыми он был «не слишком дружелюбен». В ответ на заявления императора Коростовец ответил, что он глубоко тронут его одобрением, при этом напомнив ему о том, что Сазонов придерживался другого мнения и что он был обвинен в превышении данных ему полномочий и целой серии ошибок и глупых действий, по причине которых и был отстранен. Тем не менее Коростовец высказал готовность продолжать служить в Министерстве иностранных дел, на что император ответил с улыбкой: «Вы должны

подождать, я посмотрю, чтобы вам дали другое назначение; будьте спокойны, я не забуду о вас» (Korostovetz, Vol.II: 206).

Император действительно не забыл о Коростовце: позже, когда ушли в отставку Сазонов и сменивший его на короткое время Б.В. Штюмер и был назначен министром иностранных дел Н.Н. Покровский¹, ему предложили пост посла в Вашингтоне. Однако дни русской монархии были уже сочтены и вместо отправки в Америку Коростовца арестовала банда демобилизованных солдат, которые хотели его расстрелять, но, к счастью, он избежал смерти и был освобожден. После этого неприятного инцидента Коростовец отправился сначала в Финляндию, а затем в Киев, где поступил на службу правительства Скоропадского на Украине. После падения этого правительства он присоединился к тем, кто покинул страну и отправился за рубеж, чтобы тем самым «избежать режима диктатуры Ленина и компании» (Korostovetz, Vol. II: 206).

Между тем запрет, наложенный Сазоновым на Коростовца, отразился на его переводе в штат МИД, где ему было поручено председательствовать в разных комитетах – по реформе службы, разработке консульских регуляций и т.д. Согласно Коростовцу, заседания этих комитетов были несущественными и их решения никогда не были материализованы. Тогда к нему был проявлен интерес со стороны министра финансов П.Л. Барка, который предложил ему пост управляющего Учетно-ссудным банком Персии в Петрограде. Таким образом, в 1916 году Коростовец снова стал заниматься персидскими финансовыми и политическими вопросами.

По сообщению Коростовца, в то время главной задачей Учетно-ссудного банка Персии было собрание и ликвидация займов шахскому правительству. Большинство этих должников, как например Арбаб-Джамшид², воспользовавшись трудностями военного времени и неясностью политической ситуации, искали освобождения от уплаты долгов и процентов. «В этих делах, – вспоминает Коростовец, – под давлением нашей дипломатии банк был вынужден делать уступки и ликвидировать неприятные долги» (Korostovetz, Vol. II: 206).

К истории американо-российских переговоров по предоставлению России американского займа и участие в них И.Я. Коростовца (1914–1916 гг.)

Находясь в должности управляющего УСБ Персии Коростовец был приглашен министром финансов Барком летом 1916 г. на американо-российские переговоры по предоставлению американского займа. С этой целью в Петроград прибыла делегация американских бизнесменов, среди которых были Патен, Месерв, вице-президент Национального городского банка Нью-Йорка Мак Робертс³, Рич и другие, представлявшие банковские концерна США.

Следует напомнить, что история с американо-российскими переговорами о займе велась с 1914 года. Так, судя по документам внешней политики США за 1914–1920 гг., 16 октября 1914 г. граф С.Ю. Витте позвонил поверенному в делах США в Петрограде Вильсону, сообщив ему в строгой секретности о том, что, учитывая его известность в Америке и занимаемую им должность президента российской финансовой комиссии, российское правительство предложило ему отправиться в эту страну для получения займа. Ссылаясь на свой почтенный возраст и состояние здоровья, Витте выразил сомнение, что сможет быть полезным. Тем не менее он ответил правительству, что только при условии принятия двух следующих пунктов он готов отправиться в США: пункт первый – России следует заключить торговое соглашение с США, согласно которому все американские граждане, будь то евреи или христиане, натурализованные или местные, имеющие американские паспорта, одинаково должны быть уважаемы. Пункт второй – он должен быть уверенным в том, что российское правительство утвердит законы, улучшающие социально-экономическое положение рабочих классов, поскольку без выполнения этих двух условий считает невозможным получение займа.

Вместе с тем Вильсон выразил сомнение относительно возможности получения российской стороной займа из-за американского нейтралитета. На это Витте ответил, что этот заем отличается от тех, которые были выделены Франции и Германии. По заверению Витте, никакие фонды не будут выведены из США, более того, весь заем будет израсходован на закупку для России исключительно товаров американских производителей. По утверждению Витте, эта сделка могла быть весьма прибыльной для США (Papers..., 1939–1940: Doc. 135).

Вскоре после этого, 20 октября 1914 г., исполняющий обязанности госсекретаря США Роберт Лансинг в своей телеграмме дал согласие временному поверенному в делах США в Петрограде начать

¹ Н.Н. Покровский занимал должность министра иностранных дел с 30 ноября 1916 г. по 4 марта 1917 г.

² Речь идет об известном зороастрийском купце, банкире и землевладельце, занимавшимся широкой благотворительной деятельностью Джамшиде Бахмане Джамшидяне или Арбабе Джамшиде. Как известно, он был избран общиной зороастрийцев депутатом в первый парламент Персии (1906 г.). Поскольку он занимался банковскими операциями, чем он составлял конкуренцию Шахиншахскому банку, а также Учетно-ссудному банку Персии, то стараниями этих банков он был доведен до банкротства (Кавиани, 2020).

³ Сэмюэль Мак Робертс был вице-президентом Национального городского банка в Нью-Йорке (Papers..., 1939–1940: Doc. 135).

переговоры по заключению торгового соглашения с Россией, при этом отметив, что со стороны американского правительства будет неправильно каким-либо образом способствовать выдаче займа одной из воюющих стран ([Papers..., 1939–1940: Doc. 137](#)).

Согласно сообщению Мак Роберта от 23 октября 1914 г. на имя исполняющего обязанности госсекретаря США, «совсем недавно Российское правительство разместило непосредственно через агентов большие заказы американским промышленникам – такие большие заказы, что полностью был освоен их наличный кредит и они попросили нас позволить превысить кредит (овердрафт), который обеспечен золотыми депозитами их государственного банка на сумму пять миллионов долларов» ([Papers..., 1939–1940: Doc. 139](#)).

Эти переговоры, которые, согласно Коростовцу, длились три–шесть месяцев, как уже было сказано выше, завершились приездом в Петроград 15 мая 1916 г. американской делегации. Сторонам следовало заключить сделку на предоставление займа России в размере 50 млн долларов. Между тем, как стало известно, Сазонов известил американского посла Дэвида Р. Френсиса о том, что Россия не примет предложенный заем по той причине, что американские банкиры потребовали особых гарантий в дополнение к ручательству России. Следует заметить, что Френсис был за предоставление этого займа России, который мог положительно сказаться на дипломатических и коммерческих связях двух стран.

В конце концов, как выясняется, в то время эти переговоры не дали конкретных результатов. Об этом свидетельствует доклад американского посла Френсиса на имя госсекретаря США от 20 мая 1916 г. Согласно этому докладу, 18 мая 1916 г. член совета российского МИД И.Я. Коростовец позвонил американскому послу по заданию министра иностранных дел России Сазонова и министра финансов Барка осведомиться о положении вещей и представить доклад, касающийся этих переговоров по вопросу займа русским правительством у некоторых американских банкиров и финансовых учреждений, возглавляемых Национальным городским банком Нью-Йорка ([Papers..., 1939–1940: Doc. 152](#)).

В ответ на доклад Френсиса 8 июня 1916 г. госсекретарь США заметил, что оказание финансовой поддержки одной из воюющих сторон является нарушением Международного права ([Papers..., 1939–1940: Doc. 153](#)). Со своей стороны, 10 июня 1916 г. Френсис дал пояснение, на что может быть использован заем. Как выясняется, большую часть этого займа предполагалось использовать для покрытия имевшейся финансовой задолженности.

Уже 19 июня 1916 г. в своей телеграмме Френсис сообщает госсекретарю о том, что Национальный банк Нью-Йорка собирается предоставить русской стороне заем в размере 50 млн долларов сроком на три года. Там же сообщалось об условиях этого займа. По замечанию Френсиса, самое главное это то, что американское посольство не принимало никакого участия в переговорах, однако сам посол лично был доволен тем, что предоставление этого займа могло бы способствовать улучшению дипломатических отношений, которые были некоторым образом омрачены постоянными стараниями американского посольства по урегулированию вопроса о германо-австрийских пленниках, а также постоянной еврейской агитацией в Америке ([Papers..., 1939–1940: Doc. 155](#)).

Между прочим, по сообщению Коростовца, он вместе с членами этой американской делегации совершил ознакомительную поездку на Кавказ, поскольку американцы выразили заинтересованность в строительстве там железной дороги. Как поясняет Коростовец, это была американская компания, поставляющая оборудование. Между прочим, Коростовца даже пригласили стать партнером в русско-американском банковском бизнесе. От общения с американцами у Коростовца остались приятные воспоминания о них: «Они были рафинированными, образованными людьми общества, но вместе с тем инквизиторами и практиками – три леди: госпожа Месерве, ее дочь и госпожа Патен прибавили шарма этой компании и сделались друзьями моей французской жены», – вспоминает Коростовец. При этом Коростовец особо отмечает, как американцы критическим взглядом осматривали русское окружение. Они были удивлены дурным управлением страной.

То, что американцы были людьми наблюдательными, смотревшими на русское окружение критическим взглядом, можно узнать из следующего пассажа воспоминаний: «Однажды, – пишет Коростовец, – господин Мак Робертс заметил, что страна с такими огромными возможностями плохо управляема и что кризис неминуем и были налицо его опасные симптомы, которые он заметил, даже не зная языка». Его мнение, между прочим, было подтверждено, когда американцы отказались подписывать контракт на предоставление займа с министром финансов, «представляющего царя». Они настаивали на необходимости изменения данной формулировки на «представляющего русское правительство». Для этого у них был веский аргумент: «Кто знает, – спорил Мак Робертс, – кто придет на место нынешних властей, даже быть может, что вы будете иметь республику». Тогда, как вспоминает Коростовец, это замечание было встречено русскими коллегами взрывом смеха и саркастическими замечаниями, которые заявили, что «американцы сумасшедшие и несведущие». А ведь этот разговор, согласно автору воспоминаний, состоялся всего лишь за шесть месяцев до Февральской революции, о которой никто и не мог думать! Тем не менее «американцы воочию заметили вещи, которым мы не придавали никакого значения», – заключает Коростовец ([Korostovetz, Vol.II: 209](#)).

Учетно-ссудный банк Персии и Февральская революция 1917 г.

По сообщению Коростовца, положение Учетно-ссудного банка во время Февральской, или Русской революции, в период правления временного правительства А.Ф. Керенского, которое взяло на себя задачу арбитража в решении русско-персидских финансовых вопросов, стало хуже. Теперь управляющий банком Коростовец должен был отчитаться о положении перед министром финансов Терещенко, а затем перед Шингаревым, его заменой, который впоследствии был убит большевистским сбродом. Чтобы дать разъяснения о положении банка и имеющегося баланса Коростовец попросил одного из директоров банка Хаймана, по национальности еврея, пойти вместе с ним. Коростовец надеялся, что новое правительство окажет большее доверие их заявлениям. Однако, по сообщению Коростовца, «оба министра были враждебно настроены против Учетно-ссудного банка из предположения, что он служил инструментом империалистической политики» (Korostovetz, Vol. II: 209)¹. Банк и лично Коростовец были обвинены в том, что платили 10 или более процентов по депозитам, сделанным привилегированными лицами, персами и другими, и что это было сделано за счет русского государственного банка и русской нации. Короче, УСБП был обрисован как гнездо ростовщичества или как чудовищный спрут, «который питался русской и персидской кровью» (Korostovetz, Vol. II: 210).

По убеждению Коростовца, все эти обвинения были настолько глупы, что он предпочел помолчать, лишь дав пояснение по вопросу назначения банка, которое состояло в оказании помощи развитию русской торговли в Персии (Korostovetz, Vol. II: 210). Тем не менее банк обвиняли в незаконных финансовых операциях и Временное правительство решило провести специальное расследование, в ходе которого так и не были обнаружены какие-либо нарушения норм. Однако, по утверждению Коростовца, анархия, произведенная этими любителями в этом банке, усилилась больше всего тогда, «когда тегеранским отделом банка после отставки честного Уидемана стали руководить жулики в роде Хаймана, Хащаба² и Моделя, которые ускоренно прикарманили активы банка» (Korostovetz, Vol. II: 211).

Коростовец вспоминает, с каким воодушевлением встретил народ новость об отречении Николая II и вообще Февральскую, или Русскую революцию 1917 года. Между прочим, эти вопросы были обсуждены во время встречи Коростовца с американским послом Френсисом, который также приветствовал эти события, в результате которых был свергнут коррумпированный режим. Между прочим, США первыми признали Временное правительство, чем «очень гордился американский посол Френсис». Следует напомнить, что именно в 1917 г. Временное правительство старалось ориентироваться на США как на главного поставщика необходимых материалов, а также финансовой поддержки для продолжения войны, тем самым заменив английского поставщика (Рубинштейн, 1946: 7, 46). По замечанию автора воспоминаний, американский посол «ожидал от этого больших вещей для человечества, и в частности для России». «Представь себе, – обращаясь к Коростовцу, воскликнул Френсис, – опрокинуть древнюю монархию в три дня и без крови. Разве это не прекрасно? Вы, русские, – великая нация, наподобие американцев». Но, к удивлению американского посла, такие гении, как Керенский, Чернов, Милюков и Гучков³, почему-то не смогли решить такой простой вопрос, как переустроить Россию⁴ (Korostovetz, Vol. II: 212).

¹ Вряд ли можно ставить под сомнение известный факт, что Учетно-ссудный банк Персии действительно был инструментом империалистической политики царской России в Персии. Вся история создания этого банка как частного предприятия и его переход в собственность русского государства говорит о многом. В этой связи, несомненно, не утратила своего значения работа Ананьич, 1962: 274-314. Не менее интересна точка зрения иранских исследователей в отношении грабительского характера деятельности Учетно-ссудного банка Персии. См., например, статью Дехканнежада (Дехканнежад, 1988: 15-32).

² Речь идет об Антонии Феодуловиче Хащабе, бывшем преподавателе арабского языка на факультете восточных языков Петербургского университета. Согласно его биографии, Хащаб часто командировался по делам УСБ в Персию. В 1922 г. служил в Тегеране, в Персидском (бывшем Учетно-ссудном банке Персии) банке в качестве «советника по финансовым и экономическим вопросам»! См. его биографию: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/615-khashchab-antoni-anton-feodulovich.html>

³ Члены Временного правительства: А.Ф. Керенский – со 2 марта 1917 г. министр юстиции, затем занимал пост военного министра. В.М. Чернов – лидер партии социал-революционеров, или эсеров. П.Н. Милюков – лидер конституционных демократов – кадетов, министр иностранных дел, А.И. Гучков – руководитель так называемого «Союза 17 октября», сторонник «конституционного монархизма» (ru.Wikipedia.org/wiki) (ru.Wikipedia.org/wiki/Керенский_Александр_Фёдорович).

⁴ Главная, на наш взгляд, причина этого состояла в нежелании Временного правительства завершить ненавидимую народом войну, чем активно воспользовалась большевистская пропаганда, что в свою очередь проистекало от требования союзников, в том числе и США, продолжить войну и не заключать сепаратного мира с Германией. Кроме того, разрушительную роль на армию оказали разные декреты Временного правительства, в первую очередь, «Декларация прав солдата» военного министра А.Ф. Керенского.

Эпилог

Между тем в результате Февральской революции произошли существенные изменения, которые привели к ослаблению позиций России в этой стране. Декларации Временного правительства воодушевили персов.

Многие события, происходившие в России, в искаженном виде достигали Персию, где посещавшие русскую миссию персидские министры стали говорить о начале новой эры в отношениях и т.д. (Korostovetz, Vol. II: 231). Нота нового министра иностранных дел России Милокова, хотя и говорила о намерении отказа от деспотизма¹ с другой стороны, – пишет Коростовец, – прокламация Совета рабочих Петрограда, призывающая все народы мира завершить войну, и «Общий приказ» с отменой дисциплины и субординации к своим начальникам привели в восторг радикальные элементы и местную прессу». Этот приказ, известный в России как «Приказ номер один», привел к созданию солдатских комитетов в войсках на фронте, включая Персию, подорвал авторитет офицеров и расстроил положение в армии. Вот что писал в своих воспоминаниях ротмистр С.Ш. Буцалель I: «Благодаря революции и приказу № 1-ый, солдатня начала превращаться в неопишную рвань, нечего было и думать о продолжении войны. Императорская великая Россия катилась в пропасть...» (Буцалель III, 1957: 15).

Изменение внутривосточной ситуации в России повлияло на положение русской миссии в Тегеране. Так, царский министр фон Эттер, убедившись, что персы перестали с ним считаться и его присутствие бесполезно, был вынужден вернуться в Россию, а затем к себе на родину в Финляндию, передав бразды правления миссией В. Минорскому, который, согласно Коростовцу, «был не только проникательным и активным, но и опытным человеком в мусульманских вопросах и владел языками этой страны» (Korostovetz, Vol. II: 230). За Эттером последовали и другие члены русской миссии, в том числе К.К. Таубе. Однако они, по описанию Коростовца, попали, как говорят, из огня да в полымя, то есть из революционных событий в Персии с их сменой кабинетов правительства, *бастами*¹ и прочими событиями в бурлящую Россию. «Все это, – пишет Коростовец, – можно сравнивать с революционным торнадо и волной социального расстройств, пронесшихся над Россией» (Korostovetz, Vol. II: 230).

4. Заключение

В заключение следует отметить, что политические мемуары видного русского дипломата, чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране И.Я. Коростовца «Персидские Арабески» раскрывают многие неизвестные моменты из истории англо-русского противостояния в Персии, а также особенности русской политики в этой стране в период 1913–1917 гг. Наиболее интересной представляется та часть воспоминаний, в которой отражено обострение англо-русских отношений в Персии из-за чрезмерно напористой политики российского посланника в отношении своего английского коллеги сэра Уолтера Таунли.

Ценность этих воспоминаний состоит в том, что их автор, будучи непосредственным участником многих описанных в воспоминаниях событий, откровенен в своих суждениях и старается быть объективным при оценке тех или иных событий, происходивших как в Персии, так и в России во второй декаде двадцатого века. Вместе с тем следует отдать должное его самокритичности, когда он в определенной степени винит себя за ухудшение англо-русских отношений во время своей работы в качестве чрезвычайного посланника в этой стране.

Литература

Ананьич, 1962 – Ананьич Б.В. Учетно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // *Труды Ленинградского отделения Института истории*, 1962. Вып. 4. С. 274–314.

Батсайхан, 2018 – Батсайхан О. Иван Яковлевич Коростовец // *Монголия сейчас*. 22.07.2018.

Бессонов, 1915 – Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Петроград, 1915.

Буцалель, 1957 – Буцалель III.С. Воспоминания о службе в Персидской казачьей его величества шаха дивизии // *Наши Вести*, Танжер. № 434/2735.

Дехканнежад, 1988 – Дехканнежад Мортеза. Базхани-йе накш-е банк-е эстекрази дар Иран [Возвращаясь к вопросу о роли Учетно-ссудного банка в экономике Ирана] // *Ганджине-йе аснад*, 1988. Серия 19. Номер 73. С. 15–32 (на персидском яз.).

Зиновьев, 1912 – Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб., 1912.

¹ *Баст* – место неприкосновенности или убежище, в котором искали защиты угнетенные или преследуемые властями люди. В качестве *баста* могли служить святые места, могилы святых, иностранные дипломатические представительства и т.п. Персидское выражение *баст нешастан*, т.е. «сидеть в басте», означал нахождение в безопасном месте или убежище – примечание Н.К. Тер-Оганова.

- Кавиани, 2020** – *Кавиани Эльхам*. Арбаб Джамшид; куче-йе хазар хатере [Арбаб Джамшид; улица тысяч воспоминаний] // Газета «Хамшахри», 18 абана 1399 г. (8 ноября 2020 г.) (на персидском яз.).
- Коростовец, 1934** – *Коростовец И.Я.* Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам // *Красный архив*. 1934. № 4–5. С. 93–117.
- Мирошников, 1961** – *Мирошников Л.И.* Иран в Первой мировой войне. М., 1961.
- Павлова, 2017** – *Павлова Ирина*. Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // *Всеобщая история*. С. 47–60. DOI: <http://doi.org/10/15688/jvolsu4.2017.2.5>
- Пашуканис, 1935** – *Пашуканис С.* К истории англо-русского соглашения 1907 г. // *Красный архив*. Исторический журнал. 1935. Том 2–3 (69–70). С. 3–39.
- Попов, 1924** – *Попов А.* Страница из истории русской политики в Персии // *Международная жизнь*. Журнал Народного комиссариата по иностранным делам. 1924. № 4–5. С. 139–147.
- Российский, 2019** – *Российский М.* Если недра в будущем останутся за нами... // *Скопинский вестник*. 2019. № 15.
- Рубинштейн, 1946** – *Рубинштейн Н.Л.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1946.
- Сергеев, 2008** – *Сергеев Е.Ю.* «Дипломатическая революция» 1907 г. в отношениях России и Великобритании // *Восток (ORIENTS)*. 2008. № 2. С. 80–93.
- Скиф, 1912** – *Скиф*. Персидский вопрос. Англо-русское соглашение, его основные принципы и цели и пятилетние итоги. М., 1912.
- Смирнов, 2002** – *Смирнов К.Н.* Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг. С приложениями. Тель-Авив, 2002.
- Тагизаде, 1918** – *Тагизаде Х.* Кашф-е талбис иа доруи ва нейранг-е энглис [Разоблачение обмана, или двурушничество и хитрость Англии] // *Энтешарат-е эдаре-йе Каве*. Берлин. 1918. № 3. (на персидском яз.).
- Ф.Н., 1934** – *Ф.Н.* Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны // *Красный архив*. Исторический журнал. 1934. Том 4–5 (65–66). С. 86–93.
- Хохлов, 2012** – *Хохлов А.Н.* Российский дипломат И.Я. Коростовец и его роль в подготовке цицикарского протокола 1911 г. // *Общество и государство в Китае*. 2012. № 42–2. С. 259–275.
- Царская дипломатия..., 1926** – Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. // *Красный архив*. Исторический журнал. 1926. Том. 5 (18).
- Denikin, 1973** – *Denikin A.* General. The White Army. Florida. 1973.
- Dudin, 2017** – *Dudin, P.N.* I.J. Korostovetz, "The Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Ugra in 1912 // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 274–284.
- Eskandari-Qajar, 2008** – *Eskandari-Qajar M.* Between Scylla and Charibdis: Policy-Making under Conditions of Constraint in Early Qajar Persia // *War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present*. London–New York, 2008.
- Fatemi, 1952** – *Fatemi, N.S.* Diplomatic History of Persia. New York, 1917–1923.
- Fisher, 2012** – *Fisher, J.* (2012). British Diplomacy and the Descent into Chaos. The Career of Jack Garnett, 1902–19. Hampshire. 2012.
- Gastone, 2020** – *Gastone C.* Memoires Olga I.Korostovetz (1895–1993). Воспоминания Ольга Ивановна Коростовец. Diario di un'epoca. Torino. 2020. (на итальянском яз.).
- Gastone, 2021** – *Gastone C.* Persian Arabesques. Memoire Politiche di Ivan Jakovlevich Korostovetz [The Political Memoires of Ivan Jakovlevich Korostovetz]. Torino, 2021. [in Italian]
- Great Britain, 1972** – *Great Britain: Foreign Policy and the Span of Empire*. 1689–1971. New York–Toronto–London–Sydney. 1972.
- Ishtiaq, 1974** – *Ishtiaq A.* Anglo-Iranian Relations 1905–1919. Bombay–London–New York. 1974.
- Kazemzadeh, 1968** – *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study in Imperialism. New Haven and London, 1968.
- Korostovetz** – *Korostovetz I.J.* Persian Arabesques (no place, no date). Vol. I–II (машинопись).
- Miroshnikov, 1961** – *Miroshnikov L.I.* Iran in the World War I. Moscow, 1961.
- Papers..., 1939–1940** – Papers relating to the foreign relations of the United States. The Lansing papers, 1914–1920. Washington. 1939–1940. Vol.I.
- Shuster, 1912** – *Shuster M.W.* The Strangling of Persia. New York, 1912.
- Sykes, 1930** – *Sykes P.* A History of Persia. London. 1930.
- Ter-Oganov, 2015** – *Ter-Oganov N.K.* A Big Anglo-Russian Compromise and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar // *Bylye Gody*. 2015. 9(3): 158–178.
- Ter-Oganov, 2021** – *Ter-Oganov N.K.* Ivan Jakovlevich Korostovetz – Russian, Imperial Diplomat and Researcher – from China to Persia // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 760–775.
- Ter-Oganov, 2021** – *Ter-Oganov N.K.* "Introduzione" – Carlo Gastone. Persian Arabesques. Memorie politiche di Ivan Jakovlevich Korostovetz. Torino: Pathos Edizioni. 2021. Pp. 19–60. (на итальянском яз.).
- The Cambridge History, 1971** – *The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919*. Westport. Vol. III, 1971.
- Wilson, 1930** – *Wilson, A.* Loyalties. Mesopotamia, 1914–1917. London, 1930, Vol. I.

References

- Ananich, 1962 – Ananich, B.V. (1962). Uchetno-ssudnii bank Persii v 1894-1907 gg. [Loan and Discount Bank of Persia]. *Trudi Leningradskogo otdelenia instituta istorii*. 4: 274-314. [in Russian]
- Batsaikhan, 2018 – Batsaikhan, O. (2018). Ivan Jakovlevich Korostovets [Ivan Yakovlevich Korostovets]. *Mongolia Seichas*. 22.07.2008. [in Russian]
- Bessonov, 1915 – Bessonov, B.V. (1915). Russkie pereselentsi v severnoi persii [Russian Migrants in the Northern Persia]. Petrograd. [in Russian]
- Butsalel III, 1957 – Butsalel, III.S. (1957). Vospominania o sluzhbe v persidskoi kazachiey ego velichestva shakha divizii [Memoires on the service in the Persian Cossack His Majesty's Division]. *Nashi Vesty*. Tangier. №434/2735. Pp. 15-17. [in Russian]
- Denikin, 1973 – Denikin, A. General (1973). The White Army. Florida.
- Dehqannejad, 1988 – Dehqannejad, Morteza (1988). Bazkhani-e naksh-e bank-e esteqrazi dar iran [Concerning the Role of Loan and Account Bank in Iran]. *Ganjine-ie Asnad*. 19/73. Pp.15-32 [in Persian].
- Dudin, 2017 – Dudin P.N. (2017). I.J. Korostovetz, "The Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Ugra in 1912. *Bylye Gody*. 43(1): 274-284.
- Eskandari-Qajar, 2008 – Eskandari-Qajar, M. (2008). Between Scylla and Charibdis: Policy-Making under Conditions of Constraint in Early Qajar Persia. *War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present*. London-New York.
- Fatemi, 1952 – Fatemi, N.S. (1952). Diplomatic History of Persia. 1917–1923. New York.
- Fisher, 2012 – Fisher, J. (2012). British Diplomacy and the Descent into Chaos. The Career of Jack Garnett, 1902–19. Hampshire.
- F.N., 1934 – F.N. (1934). Anglo-russkie otnoshenia v Persii vo vremia mirovoi voini [Anglo-Russian relations in Persia during World War], *Krasnii Arkhiv*. Moskva. T. 4-5 (65-66): 86-93. [in Russian]
- Gastone, 2020 – Gastone, C. (2020). Memoires Olga I. Korostovetz (1895–1993). Diario di un 'epoca. Torino. [in Italian]
- Gastone, 2021 – Gastone, C. (2021). Persian Arabesques. Memoire Politiche di Ivan Jakovlevich Korostovetz [The Political Memoires of Ivan Jakovlevich Korostovetz]. Torino. [in Italian]
- Great Britain, 1972 – Great Britain: Foreign Policy and the Span of Empire. 1689–1971. New York-Toronto-London-Sydney.
- Kaviani, 2020 – Kaviani, E. (2020). Arbāb Jamshid. Quche-ye hazar khātere [Arbāb Jamshid; the Street of thousand memoires]. *Hamshari*. 18 aban 1399 – 8 November, 2020. [in Persian]
- Kazemzadeh, 1968 – Kazemzadeh, F. (1968). Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study in Imperialism. New Haven and London.
- Khokhlov, 2012 – Khokhlov, A.N. (2012). Russkii diplomat I.J.Korostovetz i ego rol' v podgotovke tsitsikarskogo protokola 1911 g. [Russian diplomat I.J.Korostovetz and his role in the preparation of Tsitsikar protocol]. *Obschestvo i gosudarstvo v kitae*. 42 (2): 259-275. [in Russian]
- Korostovetz, 1934 – Korostovetz, I.J. (1934). Anglo-russkie otnoshenia v Persii vo vremia mirovoi voini. [Anglo-Russian relations in Persia during the World War]. *Krasnii Arkhiv*. 4-5: 93-117. [in Russian]
- Korostovetz – Korostovetz, I.J. Persian Arabesques. Vol.I-II. (Typescript).
- Papers..., 1939–1940 – Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914-1920. Washington. 1939–1940. Vol. I.
- Pashukanis, 1935 – Pashukanis, S. (1935). K istorii deyatelnosti anglo-russkogo soglashenia 1907 g. [Concerning history of the Anglo-Russian agreement of 1907]. *Krasnii Arkhiv*. 2-3 (69-70): 3-39.
- Pavlova, 2017 – Pavlova, I. (2017). Iz istorii deyatelnosti uchetno-ssudnogo banka persii [From history of the activities of Loan and Account Bank of Persia]. *Vseobschaia istoria*. Pp. 47-60. DOI: <http://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.2.5>. [in Russian]
- Popov, 1924 – Popov, A. (1924). Stranitsa iz istorii russkoi politiki v persii [A Page from the History of Russian Policy in Persia]. *Mezhdunarodnaia zhizn*. 4-5: 139-147. [in Russian]
- Rossiiskii, 2019 – Rossiiskii, M. (2019). Esli nedra ostanutsia za nami... [If the bowels of the earth remain with us...]. *Skopinskii vestnik*. 15. [in Russian]
- Rubinshtein, 1946 – Rubinshtein, N.L. (1946). Vneshniaya politika Vremennogo pravitelstva [Foreign Policy of the Interim Government]. Moskva. [in Russian]
- Sergeev, 2008 – Sergeev E.Y. (2008). "Diplomateskaia revolutsia" 1907 g. v otnosheniakh Rossii i Velikobritanii ["Diplomatic revolution of 1907 in the Relations between Russia and Great Britain"]. *Vostok. (ORIENS)*, 2: 80-93. [in Russian]
- Shuster, 1912 – Shuster, M.W. (1912). The Strangling of Persia. New York.
- Skif, 1912 – Skif (1912). Persidskii vopros. Anglo-russkoie soglashenie, ego osnovnie printsipi i tseli i piatiletnie itogi [A persian question. Anglo-Russian agreement, its main principles and goals and five-year results]. Moskva. [in Russian]
- Smirnov, 2002 – Smirnov, K.N. (2002). Zapiski vospitatelia persidskogo shakha. 1907'1914 gg [The Notes of the Persian Shah's Tutor. With applications]. Tel Aviv. [in Russian]

- Sykes, 1930 – Sykes, P. (1930). A History of Persia. London.
- Taqizadeh, 1918 – Taqizadeh, H. (1918). Kashf-e talbis dorui va neirang-e englis [Exposing the Deceit, or England's Double-dealing and Cunning]. Kaveh. Berlin. №3. [in Persian]
- Ter-Oganov, 2015 – Ter-Oganov, N.K. (2015). A Big Anglo-Russian Compromise and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar. *Bylye Gody*. 9(3): 158-178.
- Ter-Oganov, 2021 – Ter-Oganov, N.K. (2021). Ivan Jakovlevich Korostovetz – Russian, Imperial Diplomat and Researcher – from China to Persia. *Bylye Gody*. 16(2): 760-775.
- The Cambridge History, 1971 – The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919. Westport. Vol. III, 1971.
- Tsarskaia diplomatiya..., 1926 – Tsarskaia diplomatiya o zadachakh rossii na vostokey v 1900 [Tsarist Diplomacy about Russia's Tasks in the East, in 1900]. *Krasnii Arkhiv*. Moskva. T. 5(18). [in Russian]
- Wilson, 1930 – Wilson, A. (1930). Loyalties. Mesopotamia, 1914–1917. London, Vol. I.
- Zinov'iev, 1912 – Zinov'iev, I.A. (1912). Rossia, Angliia i Persia [Russia, England and Persia]. Sankt-Petersburg. [in Russian]

«Персидские Арабески» И.Я. Коростовца об англо-русском противостоянии в Персии, 1913–1917 гг.

Нугзар Константинович Тер-Оганов ^{a, b, *}

^a Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В предлагаемой статье дается анализ англо-русского противостояния в Персии, а также политики царской России в отношении этой страны за период 1913–1917 гг. через призму политических мемуаров известного русского дипломата, чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране Ивана Яковлевича Коростовца «Персидские Арабески».

Наибольший интерес представляет собой та часть воспоминаний, в которой их автор предстает перед нами в качестве не только активного участника, но и творца русской политики в Персии. Она охватывает его дипломатическую деятельность в Персии в 1913–1915 гг., во время которой, несмотря на старания министров иностранных дел России и Англии сгладить острые углы в двусторонних отношениях, особенно после начала Первой мировой войны (1914–1918), англо-русские противоречия крайне обострились. По признанию И.Я. Коростовца, в ухудшении этих отношений в немалой степени был повинен он сам. Причем все это происходило на фоне активизации турецко-немецкой агентуры в Персии и их альянса с персидскими националистами, до предела осложнявшими жизнь русской и английской дипломатических миссий и угрожавшими интересам этих стран.

В этой же части автор воспоминаний повествует о своей отставке в апреле 1915 г. с занимаемой должности посланника по решению тогдашнего министра иностранных дел России С.Д. Сазонова и как через несколько месяцев он был назначен управляющим Учетно-ссудным банком Персии в Петрограде и находился на этой должности вплоть до октябрьского переворота 1917 года.

Воспоминания И.Я. Коростовца представляют собой критическое переосмысление внешней политики царской России в Персии, сопровождавшейся традиционным противоборством с Англией за преобладание в этой стране. Причем сравнивая политику России и Англии в Персии, автор воспоминаний приходит к неутешительному выводу о том, что персы были более расположены к Англии, чем к России, из-за ее более агрессивной, захватнической политики.

Ключевые слова: И.Я. Коростовец, У. Таунли, С.Д. Сазонов, русская политика в каджарской Персии в период Первой мировой войны, англо-русские отношения, Учетно-ссудный банк Персии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nugzar19473@gmail.com (Н.К. Тер-Оганов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 494-502
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.494

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Sukhumi Diocese's Activities of the Russian Orthodox Church during the First World War

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the Sukhumi Diocese' activities during the First World War. The attention is paid to the charitable activities for both the clergy and the flock, as well as events to raise funds for military needs.

There were used as sources the regional periodical press, namely the journal "Sotrudnik Zakavkazskoi missii", which was published in the district center – the Sukhum city. The work used the journal issues for the 1912–1916 period.

The usage of periodicals as a source predetermined the authors' use of the content analysis method and the historical-chronological method. If the first one was important for the analysis of the general content of the journal and the selection of materials of interest, the second one allowed the authors to consider the life of the population of the Sukhumi district and the Sukhumi diocese in its chronological sequence.

In conclusion, the authors state that the Sukhumi diocese of the Russian Orthodox Church during the First World War was a reliable support of the Russian government in organizing the assistance to both the Russian Red Cross Society and helping the families of those called up for war. The population supported many initiatives of the church and the government: it provided all possible assistance in supporting Russian prisoners of war, donated funds to Russia's allies in the Entente, for example, Serbs and Montenegrins. The events for collecting donations used on the territory of the diocese were diverse: these were charity evenings, sermons by priests, and club gatherings. All sectors of society, including the elderly and children, took part in donations for military needs.

Keywords: Sukhumi diocese, Russian Orthodox Church, World War I.

1. Введение

Сухумская епархия Русской православной церкви в конце XIX – начале XX вв. большей частью своей территории входила в состав Сухумского округа, который был создан в 1883 г. Административно Сухумский округ делился на четыре участка: Гумистинский, Гудаутский, Кодорский и Самурзаканский. С 1903 г. Сухумский округ имел особый статус, приравненный к статусу губернии. Сухумская епархия располагала целой сетью из 108 церковно-приходских школ, из которых 12 были двухклассными, 94 – одноклассными, помимо этого были 2 школы грамоты. Общее количество учащихся к 1915 г. достигало 4 896 учеников ([Всепопданейший отчет обер-прокурора, 1916: 120](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

2. Материалы и методы

Источниковая база по теме нашего исследования немногочисленна. Архивные документы периода Первой мировой войны практически не сохранились, частично они были утрачены в годы Гражданской войны, а частично – в период грузино-абхазского конфликта 1992–1993 гг. Поэтому в качестве источника выступила региональная периодическая печать, а именно журнал «Сотрудник Закавказской миссии», который уже привлекался в качестве источника, например О.С. Павловой (Павлова, 2018). Данный журнал издавался в период 1912–1916 гг. Нами были привлечены и проанализированы материалы за период 1914–1916 гг.

Применение в качестве источника периодической печати предопределило использование метода контент-анализа и историко-хронологического метода. Если первый – был важен для анализа общего контента журнала и выборки интересующих нас материалов, то второй – позволил нам рассмотреть жизнь населения Сухумского округа и Сухумской епархии в ее хронологической последовательности.

3. Обсуждение

Историография по теме нашего исследования, к сожалению, малочисленна. Сухумская епархия в публикациях затрагивалась лишь в контексте миссионерской деятельности епископа Андрея, который в 1911–1913 гг. возглавлял епархию. Данной теме посвятила свою работу О.С. Павлова (Павлова, 2018). Что касается непосредственно Первой мировой войны, то регион рассматривался либо в контексте истории войны на территории всего Закавказья, либо ближайших соседей – Черноморской губернии. Так, к вопросам германо-турецкой интервенции в Закавказье в годы Первой мировой войны обращался И.С. Пазов (Пазов, 2015), а тему социально-экономического развития Южного Кавказа в период военного времени затрагивали А.М. Исмаилова и Д. Касымов (Исмаилова, Касымов, 2021). В свою очередь, специфику военной жизни на территории Черноморской губернии рассмотрела Л.Г. Полякова (Полякова, 2012).

Что касается других губерний и епархий Российской империи, то интерес специалистов к ним был несколько выше. Так, жизнь Тобольской епархии в годы Первой мировой войны изучал П.В. Белоус (Белоус, 2018), значительно ранее, в 2006 г., к светской жизни на территории Тобольской губернии в этот же период обращалась С.Ю. Шишкина (Шишкина, 2006). В 2005 г. Томскую губернию в качестве тылового района рассматривал И.А. Еремин (Еремин, 2005), а Т.Г. Леонтьева уделила внимание Тверской губернии периода 1914–1917 гг. (Леонтьева, 2014). О.В. Зубова в 2014 г. на материалах регионального архивохранилища рассматривала жизнь на территории Самарской губернии в период войны (Зубова, 2014). С.В. Казаковцев обращался к проблеме эволюции общественных настроений в период Первой мировой войны среди жителей Вятской губернии (Казаковцев, 2007). Группа авторов – Ю.Ю. Иерусалимский, А.И. Передбогов, А.А. Волков – рассматривала Ярославскую губернию (Иерусалимский и др., 2012), а Т.П. Иванова исследовала Витебскую (Иванова, 2016).

4. Результаты

Информация о начале Первой мировой войны поступила в Абхазию практически сразу же после объявления войны, а именно 1 августа. В этот день к общественности обратилось местное управление Российского общества Красного Креста во главе с руководителем княгиней Э.П. Тавдгиридзе. В своем обращении сотрудники Красного Креста отмечали, что организация нуждается в помощи. Особенно для нужд лечебных заведений требовались новое мужское белье, одеяла, фуфайки, туфли, теплая обувь, валенки и башлыки, а из продуктов питания – чай, кофе, сахар, консервы, галеты, шоколад, какао, а также мыло, табак и папиросы (На помощь раненым, 1914: 177-178).

Спустя несколько дней среди учителей церковных школ Сухумского округа стала обсуждаться идея содержания за свой счет одной койки в госпитале Красного Креста. Так, например, в Гудаутах на собрании учителей церковных школ большинство присутствующих изъявило желание отчислять ежемесячно 2 % средств из своего жалования на эти нужды. В это время содержание одной кровати в госпитале на рядового обходилось в 40 руб. в месяц, а на офицера – 60 руб. Таким образом, было выяснено, что для содержания одной 40-рублевой кровати потребуется участие 70 учителей, получающих жалование в 30 руб. в месяц. Несмотря на то, что учителями были сделаны некоторые пожертвования, этих средств для открытия койки не хватало (Кровать для раненого от учащихся, 1914: 206-207).

В это же время Ново-Афонский монастырь, желая прийти на помощь раненым, предоставил под госпиталь свое подворье в городе Новороссийске, в котором могло быть размещено до 75 госпитальных кроватей (Списки пожертвований, 1914: 207). В свою очередь Драндский монастырь предоставил Красному Кресту под госпиталь свое подворье в Сухуме для выздоравливающих воинов на 14 коек (Списки пожертвований, 1914: 207).

Вскоре благотворительность охватила и другие круги абхазского общества. Так, личными вещами и военным снаряжением делали пожертвования учащиеся церковных школ. Приведем для общего представления один из таких списков благотворителей и их пожертвований: «Е. Спиранти

(имеется в виду учащийся – Авт.) – полотенце, О. Алдабаева – полотенце, М. Дедова – два носовых платка, Е. Кузьменко – 3 пары носков, Е. Спиранти – 1 носки, Ф. Пехотина – носовой платок, М. Харитоновна – коробка табака, Е. Щербакова – ситцевый мешочек с табаком, А. Кравец – коробка гильз, А. Козлова – коробка гильз и 2 пачки табака и от учительницы Марии Мериновой – 16 вещей разного белья» ([Список пожертвований, 1914: 207-208](#)). Ольгинская школа Гумистинского участка пожертвовала рубахи, чулки и другие вещи, а также продукты – фасоль, орехи, сушеные грибы ([Список пожертвований, 1914: 208](#)).

Редактор журнала «Сотрудник Закавказской миссии», получавший информацию о жертвователях, восторженно отмечал, что только от одной школы поступили следующие пожертвования: «два кочана кукурузы, пять яблок, восьмушки табаку! Горсть орехов, каштанов... В результате от школы, где давали два кочана капусты – тридцать рублей! Да ведь это почти месячное содержание кровати раненого! Это очень крупная сумма для такого маленького общества школьников» ([От редакции, 1914: 219](#)).

Когда же стало понятно, что война в обозримом будущем не закончится, общественность Сухумской епархии начинает предпринимать шаги по оказанию посильной помощи правительству на военные нужды. Так, 23 октября 1914 г. в Гудаутской второклассной школе состоялось учительское собрание церковно-приходских школ участка, на котором было принято решение: «1) включить в школьную молитву прошения об исцелении болящих православных воинов наших и союзников наших и поминовение вождей и воинов наших, на поле брани жизнь свою положивших; б) знакомить учащихся с ходом военных действий; 3) распространять среди сельского населения патриотические издания и сообщения о войне; 4) принять участие ежемесячными взносами в деятельности Красного Креста, по 2 % из жалованья» ([Война и церковная школа, 1914: 215-217](#)).

В деле благотворительности большие усилия предпринимало и духовенство. Так, в октябре 1914 г. духовенство греческих православных церквей пожертвовало 320 руб. в пользу больных и раненых воинов, священники православных приходов пожертвовали 2 % своего жалованья в пользу общества Красного Креста с сентября 1914 г. и вплоть до окончания войны. Помимо этого, было принято решение в каждом приходе выделить до 50 руб. на помощь нуждающимся семьям лиц, призванных в армию, а также учредить ежемесячные кружечные сборы на нужды Красного Креста ([Жертва от церквей и духовенства, 1914: 223-224](#)). Что касается кружечных сборов, то только церквями 2-го благочинного округа Сухумской епархии с декабря 1914 по март 1915 гг. было собрано 390 руб. ([Иванов, 1915: 160](#)).

Чтобы иметь представление о работе священников на территории Сухумской епархии, обратимся к статистическим данным о пожертвованиях за сентябрь–декабрь 1914 г. в одном только Андреевском селении. Оно насчитывало всего 50 дворов, но тем не менее население оказывало посильную помощь, жертвуя средства на нужды войны. Так, в сентябре 1914 г. в местной церкви после чтения Высочайшего манифеста о начале войны священник обратился к прихожанам с просьбой о пожертвовании. В результате было собрано 70 руб. и вещи: 20 пар чулок, 9 пар носков, 6 рубах и 7 полотенец. В декабре 1914 г. селяне собрали в пользу воинов 20 пудов табака. Кружечный же сбор в церкви на нужды Красного Креста дал в сентябре 2 руб., в октябре – 1 руб., в ноябре – 1 руб. и в декабре – 2 руб. Церковь от себя пожертвовала еще 25 руб. Школьники в ноябре собрали более 2 руб., а в декабре еще более 10 руб. ([Чача, 1915а: 237-238](#)).

Однако не только пожертвованиями участвовала общественность Абхазии в Первой мировой войне. 7 декабря 1914 г. был сформирован добровольческий отряд из жителей Абхазии: 35 мужчин Кодорского участка во главе с жителем с. Поквеша князем Иваном Сесырковичем Анчабадзе отправились на Кавказский фронт ([Чикватия, 1915: 7-10](#)).

Со временем формы участия в посильной помощи фронту будут приобретать разносторонний характер. В частности, это проявилось в отправке подарков на фронт, часть из которых изготавливалась учащимися церковно-приходских школ. Так, на уроках рукоделия в церковно-приходских школах Сухумской епархии школьницы начали изготавливать подарки для воинов. К примеру, ученицами Отобаевской женской церковно-приходской школы изготовлены были для воинов следующие вещи: 15 рубах, 9 наволок (так в источнике – Авт.), 7 полотенец, 8 платков, 5 кальсон и теплый шарф. Наволоки, полотенца и платки были украшены вышивками, иногда очень трогательными: «Пусть Господь твой хранитель к добру тебя ведет, и Сам Христос Спаситель от зла тебя спасет», «На память славному герою и защитнику отечества», «Бог тебя храни, защитник отечества и родины». Вещи без надписей были помечены датой – «1915 год». Эти вещи представляли первую партию работ учениц школы, и весной 1915 г. школьницы приступили к изготовлению второй партии белья ([Церковно-школьная жизнь, 1915: 45](#)).

О настроениях населения в селах Сухумской епархии можно судить в том числе и по корреспонденции. Вот как описывал жизнь Андреевского прихода священник Е. Чача: «Андреевцы очень интересуются нынешними мировыми событиями, и потому не проходит и дня, чтобы они не получали газет и телеграмм, которые с радостью им читают по вечерам местные просветители. Сознывая важность мировых событий, они с радостью откликнулись на призыв своего государя императора и отдали на великое освободительное дело все, что могли...

Двадцать пять человек, лучших наших андреевцев, доблестно борются с врагом «с железом в руках и с крестом в сердце» в настоящее время в рядах русского воинства.

9-го сего февраля, когда был отслужен молебен за новобранцев 1915 г., которых было 9 человек и которых в этот день проводили, была отслужена панихида по геройски павшему 6-го января сего года односельце нашем Евстафии Пумпуриди в бою с германцами. Церковь была полна молящимися из родных и знакомых погибшего... С большой благодарностью к правительству относятся семьи запасных за оказанную им поддержку пособием.

Да, большие лишения и жертвы сопряжены с ведением этой войны, но все это ничто против ожидаемых благ после нынешней мировой войны; и мы, поселяне, спокойно ждем светлой минуты конечного торжества правды» (Чача, 1915: 109-110). Сообщение священника Е. Чача показывает настроения в провинциальном населенном пункте Сухумской епархии в годы войны. Здесь обращено внимание и на призванных в армию, и на новобранцев, на отношение к погибшим, на заботу о семьях лиц, призванных на войну, но самое главное – на веру в победу.

В 1915 г. в Российской империи начали широко проводиться, как правило при школах, культурные благотворительные вечера. Не исключением стала и Сухумская епархия. Так, один из подобных благотворительных вечеров 23 апреля 1915 г. прошел в Гудаутах во второклассной школе. Средства, полученные от вечера, поступили в пользу больных и раненых воинов. Как же проводилось это мероприятие? Открытие вечера началось после исполнения хором певчих народного гимна «Боже, Царя храни». Затем в двух отделениях шли декламация и пение. Перед публикой (всего около 300 человек) прошла вся картина мировой войны со дня ее объявления и до текущего времени. Подвиг войны, выпавшей на долю многострадальной России, был изложен в первом стихотворении. Потом шли картины единения всей многонациональной и многоконфессиональной России, того душевного подъема, патриотического единодушия и одушевления лучшими и благородными чувствами. За ними следовала трогательная картина встречи Царя с народом и благословение им доблестных воинов на ратный подвиг. Затем было описание проводов войск на фронт и многочисленные картины кровавых сражений... Далее школьники рассказывали о мирной работе в тылу армии. Дети читали о братской любви к русским воинам. Перед публикой была показана жизнь раненых и больных воинов в лазаретах и в завершении было акцентировано внимание на братских могилах русских солдат. Таким образом, все главные события войны нашли отражение в выступлениях школьников. Вечер закончился исполнением народного гимна. Публика тепло благодарила школьников и учителей за вечер. Всего во время вечера было собрано 85 руб., средства были направлены в местное отделение Красного Креста (Г.С.О., 1915: 154-156). 30 апреля аналогичный вечер был устроен в Илорской двухклассной церковно-приходской школе (Бжания, 1915: 187-190).

Принимали священники Сухумской епархии участие и в боевых действиях. В августе 1915 г. настоятелем Ново-Афонского монастыря было получено письмо с фронта от одного абхазского священника, имя которого не разглашалось. В этом письме между прочего сообщалось: «Я с прошлого года с началом военных действий просил о назначении меня в действующую армию. Ныне в начале июля месяца последовало назначение меня в полк в действующую армию, куда я и прибыл, с божьей помощью благополучно 23 июля месяца и с этого дня начинается трудная и ответственная не только сама по себе, но и по степени тяжелого времени пастырская моя служба – в рядах христоролюбивого нашего воинства.

Я всегда верил глубоко и верю в Всеблагой промысел Божий. В минуту жизни трудную привык обращаться с мольбой к Господу Богу, не порывая своей духовной и нравственной связи с вверенной Вам Богом обителью, которой я обязан неисчислимыми благодеяниями. Благодаря воспитанию в обители я получил бесценный дар Божий – живую веру, которую стараюсь передать ее и воинам нашим.

Чувствуя свою немощь, свое ничтожество и убожество в знаменательные и грозные дни совершающихся событий перед лицом ниспосланного Господом нам тяжелых испытаний, я почитал бы себя весьма счастливым обратиться с сыновьей почтительностью в лице Вашем к обители святой, дабы помнила мое недостойнство в своих святых о сохранении моей жизни, ради детей моих малюток, которые после меня останутся сиротами и для воспитания их и моей новопросвещенной сестры. Отец мой магометанин в 1877–1878 гг. изменял России, я хочу искупить его вину и послужить в пастырском звании православному воинству и дорогому, обожаемому Царю-Батюшке. Тоже сделал и мой брат-семинарист, доброволец в армии. Да поможет нам Господь милостивый с честью исполнить свой долг, на Вас же глубоко надеюсь, что исполните просьбу и утешите меня» (Н., 1915: 242-243).

18 октября 1915 г. священник Лыхненской церкви о. Каллистрат Барциц провел собрание прихожан Лыхненской Успенской церкви. Это собрание было открыто служением молебна о здравии императору и доблестному воинству и даровании победы над врагом. После молебна о. Каллистрат обратился к прихожанам с проповедью о современном тяжелом моменте и указал на долг каждого человека по отношению к воинам-страдальцам за правду, за веру, царя и отечество. Прихожане, особенно родители учащихся церковно-приходской школы, с вниманием выслушали священника и постановили произвести сбор средств на нужды раненых и больных воинов. В ходе сбора было

собрано около 60 руб., из которых 10 руб. пожертвованы были детьми. Средства были отправлены в Сухумское отделение Красного Креста (Дар лыхненцев, 1915: 293-294).

Жертвовали и отдельные храмы. Так, Сухумский кафедральный собор за один год в период с 1 августа 1914 г. по 1 августа 1915 г. на военные нужды собрал 7 588 руб., из них кружечным сбором было получено 927 руб., пожертвовано самим собором – 500 руб., кафедральным причтом – 360 руб. (полностью годовое жалованье), прихожанами 4 358 руб., поступило от однодневного кружечного сбора (30 января 1915 г.) – 1 219 руб. и т.д. (Голубцов, 1915: 317).

Пожертвования собирались и позднее. Так, с 1 октября 1915 г. по 1 января 1916 г. от церковно-приходских школ (учителя и школьники) поступило 324 руб., много было пожертвовано вещами (Алферов, 1916: 20-22). С 1 января по 1 апреля 1916 г. школьники и учителя собрали на нужды военного времени еще более 300 руб. (Алферов, 1916а: 79-80). Сухумское общество Красного Креста в своем отчете за 1915 г. отмечало, что «не было случая, чтобы школа возвратила высланный ей подписной лист (имеется в виду о пожертвовании), не заполненный взносами маленьких жертвователей. Одни только церковно-приходские школы дали этим путем 822 руб. деньгами и сделали много материальных пожертвований бельем, табаком и т.д. Говоря о работе нашей школы на пользу раненых, кстати, необходимо отметить новое для Сухума проявление своего сочувствия к делу помощи. Учителя некоторых церковно-приходских школ постановили на месячные отчисления из скромного своего жалованья содержать – и уже имеют в местном лазарете Красного Креста одну койку для раненых своего имени» (Благодарность, 1916: 135). Таким образом, благодаря усилиям учителей церковно-приходских школ уже в 1915 г. койка их имени была установлена в лазарете и оплачивалась путем отчисления 2 % от жалованья.

В феврале 1916 г. настоятелем Ново-Афонского монастыря архимандритом Илларионом от монастыря и его паствы было сделано очередное пожертвование в размере 5 тыс. руб., из которых по 1 тыс. было передано в Сухумское отделение Красного Креста и в Сухумский отдел общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям; 150 руб. было передано обществу памяти павших воинов, а оставшиеся 2 850 руб. переданы в государственный банк для отправки 1 тыс. руб. на оказание помощи русским военнопленным, 1 тыс. руб. – беженцам и 850 руб. – союзникам – сербам и черногорцам (Новый дар, 1916: 52).

Помощь сельских обществ правительству во время Первой мировой войны была самой разнообразной. Так, Веселовский приход (село Веселое Сочинского округа) взял на себя заботу о воспитании троих детей военнослужащего действующей армии. На сходе постановили весной (имеется в виду 1916-й год – Авт.) оказать помощь солдаткам в пахоте и засевах полей. Местное кредитное товарищество отсрочило уплату ссуд семьям, в которых были лица, призванные на войну. В самом селе был создан театральный кружок, который давал благотворительные вечера и спектакли и вырученные средства отправлял на нужды Красного Креста. Вся эта разноплановая деятельность в период с 1 августа 1914 г. по 1 января 1916 г. в селе Веселом дала следующие результаты: от церкви на военные нужды было собрано 17 руб., от прихода на эти же нужды – 61 руб., помимо этого, прихожане собрали 10 руб., а духовенство от себя – еще 14, сельское общество отослало пожертвований – 101 руб., а также сельское общество оказало помощь солдаткам – 157 руб., театральный кружок собрал и отослал – 160 руб. Кроме этого, церковь дважды производила сбор вещами для лазаретов: белье, табак, мыло и т.д., собрав вещей на сумму около 100 руб. Всего же поступило и отослано от Веселовского прихода денег – 521 руб. и вещей на сумму около 100 руб. (Сальников, 1916: 109-111).

5. Заключение

Сухумская епархия Русской православной церкви в годы Первой мировой войны являлась надежной опорой русского правительства в деле организации помощи как Российскому обществу Красного Креста, так и семьям лиц, призванных на войну. Население поддерживало многие начинания церкви и правительства: оказывало посильную помощь в поддержке русских военнопленных, жертвовало средства на союзников России по Антанте, например сербов и черногорцев.

Мероприятия для сбора пожертвований, проводимые на территории епархии, были разнообразными: это и благотворительные вечера, и проповеди священников, и кружечные сборы. В пожертвованиях на военные нужды принимали участие все слои общества, включая стариков и детей. Каждый из жертвователей вносил свою лепту в победу русского оружия, отдавал фронту все, что мог, отдавал последнее, так как для православного населения было очевидно, что великая победа требует и великих жертв.

Литература

Н., 1915 – Н. Письмо священника абхазца из действующей армии // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 15. С. 242-243.

Алферов, 1916 – Алферов С. Пожертвования // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1916. № 1. С. 20-22.

- Алферов, 1916а** – Алферов С. Пожертвования церковных школ на нужды войны // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1916. № 5. С. 79-80.
- Белоус, 2018** – Белоус П.В. Тобольская епархия в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Тюмень, 2018.
- Бжания, 1915** – Бжания М. Детское утро // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 12. С. 187-190.
- Благодарность, 1916** – Благодарность Сухумского отделения общества Красного Креста учащим и учащимся // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1916. № 9. С. 135.
- Война и церковная школа, 1914** – Война и церковная школа // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 14. С. 215-217.
- Всепопданейший отчет обер-прокурора, 1916** – Всепопданейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного вероисповедания за 1914 г. Петроград, 1916.
- Г.С.О., 1915** – Г.С.О. Для воинов (из Гудаутской второклассной школы) // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 10. С. 154-156.
- Голубцов, 1915** – Голубцов Г. Ведомость о жертвованиях... // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 20. С. 317.
- Дар лыхненцев, 1915** – Дар лыхненцев // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 19. С. 293-294.
- Еремин, 2005** – Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005.
- Жертва от церквей и духовенства, 1914** – Жертва от церквей и духовенства // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 14. С. 223-224.
- Зубова, 2014** – Зубова О.В. Самарская губерния в годы Первой мировой войны в документах Центрального госархива Самарской области // *Отечественные архивы*. 2014. № 3. С. 61-68.
- Иванов, 1915** – Иванов А. Церковные кружечные сборы в пользу Красного Креста // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 10. С. 159-160.
- Иванова, 2016** – Иванова Т.П. Витебская губерния в годы Первой мировой войны // *На пути к гражданскому обществу*. 2016. № 3(23). С. 60-69.
- Иерусалимский и др., 2012** – Иерусалимский Ю.Ю., Передбогов А.И., Волков А.А. Ярославская губерния накануне и в годы Первой мировой войны // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки»*. 2012. № 4–5. С. 20-24.
- Исмаилова, Касымов, 2021** – Исмаилова А.М., Касымова Д. К вопросу о социально-экономическом развитии Южного Кавказа в годы Первой мировой войны // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2021. Т. 36. № 3. С. 16-22.
- Казаковцев, 2007** – Казаковцев С.В. Вятская губерния в годы Первой мировой войны: эволюция общественных настроений // *Известия Томского политехнического университета*. 2007. Т. 310. № 3. С. 184-188.
- Кровать для раненого от учащихся, 1914** – Кровать для раненого от учащихся // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 13. С. 206-207.
- Леонтьева, 2014** – Леонтьева Т.Г. Тверская губерния в годы Первой мировой войны // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2014. № 1(74). С. 29-34.
- На помощь раненым, 1914** – На помощь раненым // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 12. С. 177-178.
- Новый дар, 1916** – Новый дар Ново-Афонского монастыря на нужды военного времени // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1916. № 4. С. 52.
- От редакции, 1914** – От редакции // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 14. С. 219.
- Павлова, 2018** – Павлова О.С. Деятельность епископа Андрея (Ухтомского) по организации миссионерской работы в Сухумской епархии в 1912 – 1913 гг. (по материалам журнала «Сотрудник Закавказской миссии») // *Научный диалог*. 2018. № 7. С. 278-290.
- Пазов, 2015** – Пазов И.С. Германо-турецкая интервенция в Закавказье в годы Первой мировой войны // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. 2015. № 14. С. 73-78.
- Полякова, 2012** – Полякова Л.Г. Черноморская губерния в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): тыл – фронту // *Известия Сочинского государственного университета*. 2012. № 1(19). С. 275-279.
- Сальников, 1916** – Сальников Т. Веселовский приход на военные нужды с начала войны до 1-го января 1916 г. // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1916. № 7. С. 109-111.
- Списки пожертвований, 1914** – Списки пожертвований // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 13. С. 207.
- Список пожертвований, 1914** – Список пожертвований для раненых воинов от учащихся в церковных школах Сухумской епархии // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1914. № 13. С. 207-208.
- Церковно-школьная жизнь, 1915** – Церковно-школьная жизнь // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 3. С. 45.
- Чача, 1915** – Чача Е. Как отразилась война на жизни Андреевского прихода // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 7. С. 109-110.

- Чача, 1915a** – Чача Е. Пожертвования, поступившие в пользу войны от Андреевского селения // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 15. С. 237-238.
- Чикватия, 1915** – Чикватия А. Речь на Поквешском школьном празднестве 6 декабря 1914 г. // *Сотрудник Закавказской миссии*. 1915. № 1. С. 7-10.
- Шишкина, 2006** – Шишкина С.Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.). Тюмень, 2006.

References

- Alferov, 1916** – Alferov, S. (1916). Pozhertvovaniya [Donations]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1: 20-22. [in Russian]
- Alferov, 1916a** – Alferov, S. (1916). Pozhertvovaniya tserkovnykh shkol na nuzhdy voiny [Donations of church schools for the needs of the war]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 5: 79-80. [in Russian]
- Belous, 2018** – Belous, P.V. (2018). Tobol'skaya eparkhiya v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.) [Tobolsk diocese during the First World War (1914–1918)]. Tyumen'. [in Russian]
- Blagodarnost', 1916** – Blagodarnost' Sukhumskogo otdeleniya obshchestva Krasnogo Kresta uchashchim i uchashchimsya [Gratitude of the Sukhumi branch of the Red Cross Society to students and students]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1916. 9: 135. [in Russian]
- Bzhaniya, 1915** – Bzhaniya, M. (1915). Detskoe utro [Children's morning]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 12: 187-190. [in Russian]
- Chacha, 1915** – Chacha, E. (1915). Kak otrazilas' voina na zhizni Andreevskogo prikhoda [How the war affected the life of St. Andrew's parish]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1915. № 7. S. 109-110. [in Russian]
- Chacha, 1915a** – Chacha, E. (1915). Pozhertvovaniya, postupivshie v pol'zu voiny ot Andreevskogo seleniya [Donations received in favor of the war from the Andreevsky village]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 15: 237-238. [in Russian]
- Chikvatiya, 1915** – Chikvatiya, A. (1915). Rech' na Pokveshskom shkol'nom prazdnestve 6 dekabrya 1914 g. [Speech at the Pokvesh school festival on December 6, 1914]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1: 7-10. [in Russian]
- Dar lykhnentsev, 1915** – Dar lykhnentsev [Gift of the Lykhnets]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1915. 19: 293-294. [in Russian]
- Eremin, 2005** – Eremin, I.A. (2005). Tomskaya guberniya kak tylovoi raion Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.) [Tomsk province as a rear area of Russia during the First World War (1914–1918)]. Barnaul. [in Russian]
- G.S.O., 1915** – G.S.O. Dlya voynov (iz Gudautskoi vtoroklassnoi shkoly) [For soldiers (from the Gudauta second-class school)]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1915. 10: 154-156. [in Russian]
- Golubtsov, 1915** – Golubtsov, G. (1915). Vedomost' o pozhertvovaniyakh... [Statement of donations...]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 20: 317. [in Russian]
- Ierusalimskii i dr., 2012** – Ierusalimskii, Yu.Yu., Peredbogov, A.I., Volkov, A.A. (2012). Yaroslavskaya guberniya nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny [Yaroslavl province on the eve and during the First World War]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 4–5: 20-24. [in Russian]
- Ismailova, Kasymov, 2021** – Ismailova, A.M., Kasymova, D. (2021). K voprosu o sotsial'no-ekonomicheskom razvitiy Yuzhnogo Kavkaza v gody Pervoi mirovoi voiny [To the issue of the socio-economic development of the South Caucasus during the First World War]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. T. 36. 3: 16-22. [in Russian]
- Ivanov, 1915** – Ivanov, A. (1915). Tserkovnye kruzhechnye sbory v pol'zu Krasnogo Kresta [Church mug collections in favor of the Red Cross]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 10: 159-160. [in Russian]
- Ivanova, 2016** – Ivanova, T.P. (2016). Vitebskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny [Vitebsk province during the First World War]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. 3(23): 60-69. [in Russian]
- Kazakovtsev, 2007** – Kazakovtsev, S.V. (2007). Vyatskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny: evolyutsiya obshchestvennykh nastroyenii [Vyatka province during the First World War: the evolution of public sentiment]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2007. T. 310. 3: 184-188. [in Russian]
- Krovat' dlya ranenogo ot uchashchikh, 1914** – Krovat' dlya ranenogo ot uchashchikh [Bed for the wounded from the students]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 13: 206-207. [in Russian]
- Leont'eva, 2014** – Leont'eva, T.G. (2014). Tverskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny [Tver province during the First World War]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 1(74): 29-34. [in Russian]
- N., 1915** – N. Pis'mo svyashchennika abkhaztsa iz deistvuyushchei armii [Letter from an Abkhazian priest from the active army]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1915. № 15. Pp. 242-243. [in Russian]
- Na pomoshch' ranenym, 1914** – Na pomoshch' ranenym [To help the wounded]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 12: 177-178. [in Russian]
- Novyi dar, 1916** – Novyi dar Novo-Afonskogo monastyrya na nuzhdy voennogo vremeni [New gift of the New Athos Monastery for the needs of wartime]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1916. 4: 52. [in Russian]

- [Ot redaktsii, 1914](#) – Ot redaktsii [From the editor]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 14: 219. [in Russian]
- [Pavlova, 2018](#) – Pavlova, O.S. (2018). Deyatel'nost' episkopa Andrey (Ukhtomskogo) po organizatsii missionerskoi raboty v Sukhumskoi eparkhii v 1912 – 1913 gg. (po materialam zhurnala «Sotrudnik Zakavkazskoi missii») [Activities of Bishop Andrei (Ukhtomsky) in organizing missionary work in the Sukhumi diocese in 1912-1913 (Based on the materials of the journal "Employee of the Transcaucasian Mission")]. *Nauchnyi dialog*. 7: 278-290. [in Russian]
- [Pazov, 2015](#) – Pazov, I.S. (2015). Germano-turetskaya interventsia v Zakavkaz'e v gody Pervoi mirovoi voyny [German-Turkish intervention in Transcaucasia during the First World War]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh*. 14: 73-78. [in Russian]
- [Polyakova, 2012](#) – Polyakova, L.G. (2012). Chernomorskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–1917 gg.): tyl – frontu [The Black Sea Governorate during the First World War (1914–1917): Rear to Front]. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(19): 275-279. [in Russian]
- [Sal'nikov, 1916](#) – Sal'nikov, T. (1916). Veselovskii prikhod na voennye nuzhdy s nachala voyny do 1-go yanvarya 1916 g. [Veselovsky parish for military needs from the beginning of the war until January 1, 1916]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 7: 109-111. [in Russian]
- [Shishkina, 2006](#) – Shishkina, S.Yu. (2006). Provintsiya i voina: Tobol'skaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voyny (avgust 1914 – fevral' 1917 gg.) [Province and war: Tobolsk province during the First World War (August 1914 – February 1917)]. Tyumen'. [in Russian]
- [Spiski pozhertvovanii, 1914](#) – Spiski pozhertvovanii [Lists of donations]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 13: 207. [in Russian]
- [Spisok pozhertvovanii, 1914](#) – Spisok pozhertvovanii dlya ranenyykh voynov ot uchashchikhsya v tserkovnykh shkolakh Sukhumskoi eparkhii [List of donations for the wounded soldiers from students in church schools of the Sukhum diocese]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 13: 207-208. [in Russian]
- [Tserkovno-shkol'naya zhizn', 1915](#) – Tserkovno-shkol'naya zhizn' [Church and school life]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1915. 3: 45. [in Russian]
- [Voyna i tserkovnaya shkola, 1914](#) – Voyna i tserkovnaya shkola [War and church school]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 14: 215-217. [in Russian]
- [Vsepoddaneishii otchet ober-prokurora, 1916](#) – Vsepoddaneishii otchet ober-prokurora Svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo veroispovedaniya za 1914 g. [The Most Submissive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Office of the Orthodox Faith for 1914]. Petrograd, 1916. [in Russian]
- [Zhertva ot tserkvei i dukhovenstva, 1914](#) – Zhertva ot tserkvei i dukhovenstva [Victim from churches and clergy]. *Sotrudnik Zakavkazskoi missii*. 1914. 14: 223-224. [in Russian]
- [Zubova, 2014](#) – Zubova, O.V. (2014). Samarskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voyny v dokumentakh Tsentral'nogo gosarkhiva Samarskoi oblasti [Samara province during the First World War in the documents of the Central State Archive of the Samara Region]. *Otechestvennyye arkhivy*. 3: 61-68. [in Russian]

К вопросу о деятельности Сухумской епархии Русской православной церкви в годы Первой мировой войны

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
 Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Сухумской епархии в годы Первой мировой войны. Уделено внимание благотворительной деятельности как духовенства, так и паствы, а также мероприятиям по сбору средств на военные нужды.

В качестве источника выступила региональная периодическая печать, а именно журнал «Сотрудник Закавказской миссии», который издавался в окружном центре – городе Сухуме. В работе были использованы номера журнала за период 1912–1916 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Применение в качестве источника периодической печати предопределило использование авторами метода контент-анализа и историко-хронологического метода. Если первый – был важен для анализа общего контента журнала и выборки интересующих материалов, то второй – позволил авторам рассмотреть жизнь населения Сухумского округа и Сухумской епархии в ее хронологической последовательности.

В заключении авторы отмечают, что Сухумская епархия Русской православной церкви в годы Первой мировой войны являлась надежной опорой русского правительства в деле организации помощи как Российскому обществу Красного Креста, так и оказания помощи семьям лиц, призванных на войну. Население поддерживало многие начинания церкви и правительства: оказывало посильную помощь в поддержке русских военнопленных, жертвовало средства на союзников России по Антанте, например сербов и черногорцев. Мероприятия для сбора пожертвований, применяемые на территории епархии, были разнообразными: это и благотворительные вечера, и проповеди священников, и кружечные сборы. В пожертвованиях на военные нужды принимали участие все слои общества, включая стариков и детей.

Ключевые слова: Сухумская епархия, Русская православная церковь, Первая мировая война.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 503-514
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.503

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Daily Routine of Prisoners of War of the World War I in the Conditions of Asian Russia

Erlan B. Sydykov ^a, Duman R. Aitmagambetov ^a, Al'bina S. Zhanbosinova ^{a,*}, Erlan E. Sailaubay ^a

^a Lev Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract

In the article, the authors view the issues of the history of the World War I, namely the stories associated with the deployment of prisoners of war of the German and Austro-Hungarian armies in Asian Russia, within the administrative-territorial boundaries of the Steppe, Turkestan General Governorship. Based on archival materials from the funds of the Central State Archives of Kazakhstan the special state archive of the Police Department introduces new facts that allow us to view the daily routine of prisoners of war, the resolving of social and housing issues, as well as placement and employment, including fragments of oral history that demonstrate how the prisoners of war themselves perceived the captivity, and the photographs discovered accidentally reveal previously unknown facts of visual history.

Despite their deployment on the territory of Steppe and Turkestan Governorate-General of the Russian Empire, the issue of prisoners of war of the World War I did not receive an active research impetus due to a larger event, such as the national liberation movement of 1916. The work provides statistical data on prisoners of war placed in the specified territory, including the cities. Problems with accommodation of arriving prisoners of war and their resolution have been viewed, along with internal contradictions and confrontation among prisoners of war on the basis of ethnicization and the formation of a "Slavic community of prisoners of war" not without the help of public organizations of the Russian Empire.

The authors revealed the structures of the everyday life of prisoners of war, showing the everyday concerns of captured officers and enlisted personnel. The military situation determined special conditions and legal norms in relation to the rules of residence and employment of prisoners of war, the regulation of which was controlled by additionally adopted orders and instructions of the governor-general. It should be noted that the everyday life of prisoners of war has been viewed through the prism of interaction with the host society, where patriotism was intertwined with empathy and support for arriving prisoners of war.

Keywords: World War I, prisoners of war, Kazakhstan, Central Asia, everyday life, adaptation practices.

1. Введение

Первая мировая война стала первым масштабным военным конфликтом начала XX века в соотношении со статистическими данными участников, погибших и военнопленных. Историческое содержание войны с клеймом «империалистическая» на фоне бурных событий октября 1917 года и последующей социалистической модернизации незаслуженно осталось вне плана глубоких научных исследований. Кардинальные преобразования и духовная перезагрузка российского общества на рубеже XX–XXI веков сподвигли историков взглянуть на проблематику Первой мировой войны с новых методологических концептов. Результатом научных изысканий по истории Первой мировой войны стали новые исследовательские сюжеты, такие как персональная история российского генералитета; экономические, общественно-политические, этнонациональные, этноконфессиональные процессы;

* Corresponding author

E-mail addresses: sovetuk@rambler.ru (A. Zhanbosinova), rector@enu.kz (E. Sydykov), dumanad@mail.ru (D. Aitmagambetov), alashorda100@mail.ru (E. Sailaubay)

гендерная проблематика; роль и место национальных окраин; военный плен и военнопленные и т.д. Война – это не только военные действия, ее многомерная матрица структурировала объемную информацию, сохранив подоплеку всех исторических событий, в том числе и опыт военного плена немецких и австро-венгерских военнопленных в Азиатской России.

Актуальность предложенного исследования видится в изучении истории повседневности немецких и австро-венгерских военнопленных в условиях военного плена в административно-территориальных линиях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. – Степного, Туркестанского генерал-губернаторств.

2. Материалы и методы

Эмпирическую основу статьи составили выявленные авторами архивные документы Центрального государственного архива РК, отложившиеся в фонде Переселенческого дела, раскрывающие вопросы пребывания военнопленных Первой мировой войны на территории Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. Отдельные документальные факты указанных источников впервые вводятся в научный оборот, а именно статистические данные, фрагменты устной истории из переписки военнопленных, описание жилищного пространства офицерского состава военнопленных и др. Впервые введены в научный оборот архивные данные Специального государственного архива, где были обнаружены визуальные источники, а также рассказанные самими военнопленными факты о попадании в плен и пребывании на территории Семипалатинской губернии. Отметим наличие нормативно-регламентирующей документации об отпуске военнопленных для работ в частной промышленности, отложившейся в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Методологические концепты «Новой исторической науки», а именно междисциплинарное разнообразие, позволили расширить исследовательское поле Первой мировой войны, взглянуть и оценить не только события в фокусе тотальной истории, но и рассмотреть микроисторию ее участников, их повседневные адаптационные практики жизнеобеспечения. В предложенном исследовательском проекте авторы опираются на концепты тотальной истории (Блок, 1986; Бродель, 1986), конструирования социальной реальности (Бергер, Лукман, 1995), микроистории (Людтке, 1999; Гинзбург, 1996; Гинзбург, 2000). В частности, в фокусе анализа архивных источников, выделены социальные структуры повседневной обыденности военнопленных: например, ежедневные жизненные практики, трудовая деятельность, регламентация личного пространства, ограниченного статусом военнопленных и пр., что обеспечивало их повседневные потребности. Методологический инструментарий в совокупности с архивными материалами, с учетом уже известных источников, позволил показать экстремальность повседневного выживания военнопленных в условиях Азиатской России.

По большому счету, повседневные практики военнопленных составляют социально-практический опыт адаптации, процесс перехода из статуса солдата/офицера немецкой и австро-венгерской армий в статус попавшего в плен российской армии. Для решения поставленных задач авторы опирались на общенаучные методы, в том числе сравнительно-исторический, историко-типологический. Предложенное исследование базировалось на принципах историзма и научной объективности.

3. Обсуждение

На текущем этапе вопросы истории военнопленных Первой мировой войны – одни из самых активно разрабатываемых в Российской Федерации и практически не изученных в Казахстане и Центральной Азии. Справедливый упрек прозвучал из уст известного исследователя Т. Котюковой в 2017 г.: «За последние 100 лет история пребывания военнопленных армий стран Четверного союза в годы Первой мировой войны в Туркестане, а это территория свыше 1 млн км², как самостоятельная исследовательская задача не удостоилась внимания ни советских и российских историков, ни историков независимых центральноазиатских государств СНГ, ни иностранных коллег» (Котюкова, 2017: 47). И не удивительно, что тема военнопленных не стала предметом исследования. Предполагаем, что на фоне истории национально-освободительного движения 1916 года, как следствие принятого Указа от 25 июня 1916 года о «Реквизиции инородцев Средней. Азии и Казахстана на тыловые работы», военнопленная тематика не вызвала особого интереса, в ней не увидели научную проблему. Все события хронологического отрезка 1914–1918 гг. рассматривались в фокусе национальной и революционной проблематики.

В работе таджикского историка Ш. Джалилова на основе архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, показано прибытие, размещение и трудоустройство военнопленных в Ходжентском уезде Туркестанского генерал-губернаторства (Джалилов, 2006).

Казахстанский исследователь Г.М. Мендикулова не только реконструировала историю пребывания в Семиречье партии военнопленных германской и австро-венгерской армий, но и продемонстрировала визуальную историю, впервые представив фотографии повседневного быта военнопленных. Автор верно подметила, что «тема требует дальнейшего исследования для восстановления более полной и детальной

картины взаимодействия, взаимовлияния представителей разных народов, которые оказали уникальное влияние на ход казахстанской истории» (Мендикулова, 2018).

За последние два десятилетия XXI века опубликовано и защищено колоссальное количество работ, посвященных истории военнопленных Первой мировой войны. Мы не ставили задачу полного историографического обзора проблемы, но вместе с тем есть публикации, на которых следует заострить внимание. Территориально-географическая среда обусловила появление славянского сообщества, сформированного военнопленными немецкой и австро-венгерской армий, находившимися на территории Российской империи. В какой-то степени искусственно созданная организация напомнила «воображаемое сообщество» Б. Андерсона (Андерсон, 2001). У включенных в славянское сообщество возникли проблемы с идентификацией языка и национальности, что вызвало в итоге хаос (Нахтигаль, 2014). Процесс «этнизации плена», формирование специальных национальных подразделений военнопленных, не соответствовал их ощущениям, а учитывая, что как таковых особых льгот у них не было, кроме варианта удлиненных прогулок, т.н. «славяне» высказывали решительное недовольство. Корни «национального ранжирования» по отношению к военнопленным, по мнению Н. Суржиковой, следует искать в необъятных просторах Российской многонациональной империи (Суржикова, 2012: 248).

Вопросы содержания военнопленных, условно разделенных на своих и «чужих», были затронуты многими исследователями, указывалось неоднозначное отношение властей к военнопленным, имевшим славянское и не славянское происхождение (Ниманов, 2009: 53); подтверждалась неготовность регионов к славянизации военнопленных (Суржикова, 2012), созданию максимально комфортных условий военнопленным при выборе жилья, наличию «тепла и уюта» (Бодров, 2014) и пр.

Все публикации, посвященные тематике плена, объединяет междисциплинарный подход, за масштабными эпохальными событиями исследователи пытаются увидеть судьбу «маленького человека», оказавшегося в горниле военных действий, затем попавшего в плен, т.е. мы наблюдаем антропологизацию проблемы истории повседневности (Мендикулова, 2018; Соза, 2017; Суржикова, 2015), правовой аспект плена (Цветков, 2016).

Вопросы выявления суммарной численности военнопленных, учитывая их региональное размещение, достаточно сложный процесс, но вместе с тем есть общая информация, которая прозвучала в трудах отдельных авторов, затронувших прямо или косвенно вопросы предложенной темы, в том числе и трудовое использование военнопленных, этнодемографический анализ и пр. В частности, вопросы национального облика австро-венгерской армии и сопутствующие идентификационные процессы вставших под ружье и попавших в плен с глубоким их анализом прозвучали во многих работах (Шапошников, 1929; Сенявская, 2009; Рокина, 2017; Нахтигаль, 2014; Джалилов, 2006; Кротт, 2011).

Историографический анализ проблемы демонстрирует ее актуальность и значимость. Многогранность военного плена в условиях Российской империи обусловила разнообразие исследовательских сюжетов, сюда же можно отнести эпохальность событий 1917 года и идеологизацию фокуса оценки исторического прошлого.

Ввиду того что данная тема практически не получила освещения в казахстанской и среднеазиатской историографии, что отмечено Т. Котюковой, а также наличие военнопленных в прошлом на территории Азиатской России и отсутствие исследований обусловили авторов обратиться к проблематике повседневного бытия военнопленных Первой мировой войны.

4. Результаты

Глобальный военный конфликт обусловил трансформацию не только понятия, но и содержания статуса «военнопленный».

Национальный состав Австро-Венгрии состоял из немцев, венгров, чехов, словаков, сербов, мадьяр, поляков, итальянцев, русинов. Учитывая этническую палитру государства, армия Австро-Венгрии имела некий национальный облик, из общего числа 102 пехотных полков – 35 были славянских, 12 немецких, 12 венгерских и 3 румынских, остальные полки были смешанного состава (Шапошников, 1929). За годы войны под ружье в Австро-Венгрии было поставлено 8 млн чел. при населении в 51 млн (Сенявская, 2009).

По приблизительным подсчетам в Российской империи общая численность военнопленных Германии и Австро-Венгрии составляла около 2 млн 400 тысяч человек, по одним источникам, представлявших «пестрый этнический конгломерат» (Рокина, 2017: 13), 2 млн 100 тысяч австро-венгерских военнопленных, 170 000 немецких – по другим (Нахтигаль, 2014: 143).

Россия числилась второй по значимости «державой в плену державой», с конца 1915 г. численность военнопленных с 1 млн к октябрю 1917 г. выросла до 2,4 млн. Для размещения на территории Сибири и Центральной Азии были дополнительно предусмотрены поселения для нескольких десятков тысяч военнопленных (Нахтигаль, 2014: 148). Например, в Туркестанское генерал-губернаторство было отправлено около 150 тысяч военнопленных, в Сибирь более 200 тысяч.

Согласно документам, прибывшие военнопленные представляли собой жалкое зрелище: они были истощены, раздеты и разуты (Джалилов, 2002: 60)

Правовой статус военнопленных Первой мировой войны определяло положение «О военнопленных» от 7(20) октября 1914 г. На основе указанного документа Российская империя разработала внутренние нормативы, особый комплекс документов, регламентирующий права и обязанности военнопленных на территории России, включая их трудоустройство, условия содержания и материальное обеспечение (Цветков, 2016: 21).

Первые потоки военнопленных начали прибывать в 1914 году, что подтверждается датами пленения: например, А. Томаш попал в плен 13 ноября 1914 года, по его словам, в этот день в плен попало около 2 000 немецких солдат. Всех отправили на Дальний Восток (станция Березовка), около 2,5 лет он пробыл в лагерях (до середины 1916 г.), после чего эшелон военнопленных был направлен на Анжерские угольные копи (Кузбасс, Анжеро-Суженск), где пробыл около двух лет, до 1917 года (СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 419). Г. Лиц вместе с другими военнопленными был отправлен в Красноярск. В это время там находилось около 20 000 военнопленных, включая австрийцев и мадьяр (СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1457). Практически всех их отправили на восток в районы Сибири, Урала, Туркестана (Рокина, 2017). В общем информационном потоке военнопленными упоминаются Киев, Пермь, Челябинск, Пенза, Самара, Барнаул, Иркутск, Верхнеудинское, Троицкое, Ачинск, Омск, Тобольск, Томск, Петропавловск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск и т.д., в которых они побывали, вплоть до Дальнего Востока. Можем предположить, что не все города могли быть озвучены. Прибытие военнопленных на территорию Российской империи, в том числе Сибирь и Центральную Азию, обусловили социальные и экономические проблемы. Как верно подметила Н. Суржикова, военнопленные оказались делом «хлопотным и затратным» (Суржикова, 2015: 220). Помимо прямых затрат на содержание военнопленных, потребовались финансовые вливания на возмещение хозяевам ущерба за испорченное имущество, как это произошло в здании Семипалатинской сельскохозяйственной школы, что в Заречной Слободке, где были помещены пленные австрийцы более тысячи человек. Они хозяйничали в здании, поломали кольца, замки в шкафах с книгами, разбросали и перерыли все книги в шкафу, некоторые совсем унесли, взломали замки в шкафах с переплетными и столярными инструментами, некоторые инструменты взяли. Поломали забор при скотном дворе и уничтожили деревья (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 22).

Учитывая демографический рост военнопленных, особую сложность вызвали вопросы размещения, в том числе раздельного – офицерского и рядового состава. Согласно статистическим данным о размещении военнопленных, в сельской местности проживало 53 %, или 69 206 человек, в городской – 47 %, или 61 217 человек. В городе Акмолинске для размещения военнопленных были подготовлены помещения на 120 человек, на случай прибытия большего числа военнопленных имелся запас квартир (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 1, 6). Вопросы с помещениями на местах решали, как могли, дополнительно были выделены бывшее помещение переселенческого пункта, даже скотобойни и хлебопекарни для 800 военнопленных, оборудованные нарами

При распределении военнопленных, в Петропавловск направили 2 200 человек, это при общей численности городского населения 47 000 человек на 1914 год. Согласно источникам, Петропавловск готовился к встрече с военнопленными, подготовив два дома с возможностью размещения до 100 человек, дополнительно было подготовлено помещение барака переселенческого пункта до 1 000 человек и отдельно для 75 офицеров два частных дома. Нехватка помещений вынудила в районе Петропавловска построить около 15 концентрационных лагерей (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 4, 6).

В Омске подготовлено 97 отдельных квартир, в которых могли разместиться до 1 716 военнопленных, а также казармы. В Омск было направлено до 5 000 военнопленных, хотя, по данным 1914 года, в городе находилось до 20 000 военнопленных, в 1915 году в Зайсане, Павлодаре, Усть-Каменогорске, Семипалатинске насчитывалось до 7 490 человек, в Акмолинской области до 8 612 (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 5, 113-114).

Военнопленных расквартировывали, как могли, например, в Туркестанском генерал-губернаторстве их располагали при военных гарнизонах, порой срочно созданных лагерях и пр. Расходы по их содержанию росли в геометрической прогрессии. МВД пыталось разрешить проблемы по расквартированию рассылкой писем губернаторам по предоставляемым помещениям военнопленным. Вместе с тем, по мнению руководства МВД Российской империи, совершенно неверно поступали на местах, когда в отдельных губерниях с целью размещения военнопленных освобождали помещения учебных заведений. Планомерная и непрерывная деятельность учебного заведения, полагало Министерство, является вопросом существенной важности как для населения, так и для поддержания правильного течения государственной жизни. К учебным зданиям следует прибегать лишь в крайнем случае, считал министр. Все вопросы с расквартированием МВД возложило на плечи губернатора или градоначальника, озаботив их выяснением свободного казенного помещения (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 8-9).

В опубликованной статье «В русском плену» газеты «Русское слово» приводились повседневные житейские дела военнопленных офицерского состава (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 251).

В пространстве их обитания можно было наблюдать разбросанные стулья и столы, скопления военнопленных за игрой в шахматы, шашки. В самих же помещениях располагались железные кровати, у каждого офицера было свое ложе с теплым одеялом, безукоризненно чистым бельем и прикроватными полочками, забитыми различными туалетными принадлежностями. Их перечень впечатляет: тут были зубные и ногтевые щетки, мыло, одеколон, фиксатуар, бритвенные принадлежности. Распорядок дня офицерского состава мало напоминает статус военнопленного. Во-первых, офицеры могли спать сколько угодно, но обычно они вставали рано, в 7–8 часов. Утро начиналось с чистки и уборки помещения. Во-вторых, на каждого из трех офицеров приходился один денщик, среди которых встречались отменные мастера парикмахерского дела, т.е. прислуги хватало. В-третьих, за кухню и питание отвечал рядовой состав, прошедший курсы кулинарного искусства. В ежедневное меню входило: завтрак/ужин – чай или кофе с сухарями, хлебом, маслом; обед состоял из двух блюд (суп или борщ, затем жаренное со всякими приправами), по праздникам – сладкий десерт. Офицерам платили жалованье, из которого они оплачивали питание, и были совершенно свободны в выборе меню.

Первая мировая война всколыхнула национальный вопрос, точкой отсчета «стремительной этнизации» военнопленных стало 13 августа 1914 года. В сообщении российского посла А. Извольского во Франции прозвучала идея «неравноценного отношения» к пленным иностранцам в зависимости от их этнической принадлежности. Сообщение А. Извольского было продиктовано поведением Германии, избегавшей «направлять нижних чиновников эльзас-лотарингцев против Франции, а поляков против России» (Суржикова, 2012: 250).

В среде военнопленных национальный вопрос отразился в противостоянии пленных славянской национальности и германских/австрийских немцев, мадьяр. О фактах наличия заметного отчуждения между германскими пленными разных национальностей, а также между военнопленными и всеми остальными свидетельствуют данные, приводимые в исследованиях (Мендикулова, 2018: 1003).

Правительственные циркуляры нацеливали местных губернаторов, командующих военными округами на обособленное размещение указанных этнических групп из-за часто вспыхивающих конфликтов. Прозвучало даже предложение о размещении военнопленных «дружественных нам народностей в более западных районах и во всяком случае не далее Омского округа» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 440б.).

Для стимуляции славянского вопроса 30 октября 1914 года был создано Всероссийское попечительство о пленных славянах с открытием отделений во многих российских городах. Тезис «...славяне – наши друзья из вражеского лагеря» демонстрировал стремление к идеалам славянского мира (Ниманов, 2009: 56).

Министерство иностранных дел Российской империи совместно с Военным министерством, учитывая особый характер Первой мировой войны и отношение к ним славянских народов, решило выработать особую политику к военнопленным славянам всех национальностей, в том числе полякам, эльзас-лотарингцам. Последние оказались в составе как немецкой, так и французской армии. Многие из них, оказавшись на Восточном фронте, попали в плен еще до обращения французского правительства к российской власти о создании благоприятных условий для военнопленных эльзас-лотарингцев (Бодров, 2014).

14 октября 1914 года в места дислокации военнопленных была направлена телеграмма о применении льготных мер в отношении всех дружественно настроенных пленных (славяне, русины, словаки, галичане, чехи, поляки, сербы и эльзас-лотарингцы). В частности, в вопросе расквартирования предлагалось размещать их отдельно и подальше от пунктов проживания германцев, австро-немцев, венгров и других военнопленных, враждебно относящихся к Российской империи. При выборе помещений, говорилось в телеграмме, учитывать наличие удобного расположения, тепла, уюта. Даже в вопросах снабжения предлагалось учитывать интересы военнопленных, выделять им хорошее питание и лучшую одежду.

Особое внимание славянским военнопленным уделяли различные общественные организации и союзы, в число которых входили попечительские советы, комитеты Красного Креста. Представители указанной группы оказывали финансово-материальную поддержку, славян освобождали от общественных и казенных работ, они обладали преимуществом свободного перемещения. Любопытно, что у славянских военнопленных было право вступать в ряды специально формируемых для иностранных подданных дружин с целью их участия в военных действиях против Германии и Австрии (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 44). Однако не везде приветствовали славянские группы военнопленных и благоприветствовали им, что было связано не только с экономическим саботажем отдельных промышленных элит, но и вопросами экономической целесообразности. Слишком высоки были финансовые затраты на декларируемые правительством различные послабления славянским военнопленным. К тому же дружественные льготы и допустимые привилегии, получаемые военнопленными не в полном объеме, не особо их радовали (Суржикова, 2012: 252-262).

Обратившись к статистическим данным по военнопленным Омской губернии, можем отметить, что на 28 февраля 1915 года их общая численность составляла 134 679 человек, или 98 %. Общее число

расквартированных, находившихся на излечении военнопленных, составляло 130 477 человек, в том числе относившихся к австрийской армии 125 030, т.е. 95,8 %, к германской армии 5 295 – 4,1 %. Национальный состав распределялся следующим образом: немцы 12 773, или 9,79 %; венгры 12 197, т.е. 9,35 %; турки 347, или 0,27 %; евреи 827 – 0,63 %; славяне 89 015 – 68,22 %; румыны 12 836, или 9,84 %; итальянцы 2 346 – 1,8 %; эльзас-лотарингцы 38, или 0,03 %; прочие 98 – 0,07 % (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 114). Славяне с эльзас-лотарингцами составляли 68 % от общей численности расквартированных и лечившихся военнопленных в Омской губернии.

Несмотря на лояльную сдержанность к военнопленным со стороны местного населения, относившегося к ним как уже поверженным врагам, с одной стороны, с другой – как вынужденному соседству и наемной рабочей силе, случались и «патриотические» эксцессы, что проявилось в убийстве пленного австрийца, имевшего связь с женой солдата, находившегося в зоне боевых действий, женщина была ранена. Муж женщины выразил сожаление, что она не была убита. Крестьянам было послано коллективное письмо от фронтовиков с угрозой покончить со всеми, кто будет иметь дело с австрийцами (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 218).

Впрочем, очень часто в рассылаемых циркулярах напоминалось о тяжелых условиях, в которых содержатся военнопленные российской армии за границей, где даже офицеры были вынуждены заниматься черной работой. Свобода, которой пользовались военнопленные на территории Азиатской России, разгуливая по городу и привлекая внимание обывательниц (а «увлекающиеся особы» посещали квартиры военнопленных), вызывало недовольство. В связи с этим в отношении лиц женского пола предлагалось принять самые строгие меры, «ибо подобное печальное явление – поклонение врагу отечества – ложится пятном на честность русской женщины – матери и сестры тех героев, которые полагают свою жизнь за славу и благоденствие России» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 279об.). Донесение жандармского управления Омского генерал-губернаторства свидетельствует о фактах свободного их перемещения и контактах, как, например, на квартире германской подданной Марии Гарман перед отбытием в концентрационный лагерь проживали семь военнопленных, столовались и работали в международной компании Григория Мирошникова (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 279). Военное положение естественным образом обуславливало определенные ограничения для военнопленных. В ведении командующего войсками Омского военного округа находились вопросы порядка содержания военнопленных, соблюдения ими требований закона и указаний военного начальства. В письменных указаниях офицеру штабс-капитану Кехли, заведовавшему военнопленными, приказывалось держать их в ежовых рукавицах, избегать всяческих послаблений, запрещать их отпуск на частные работы.

а)

б)

в)

г)

Рис. 1. Фото-документы: военнопленные Первой мировой войны на территории Степного генерал-губернаторства: а) лицевая сторона открытки, на обратной «Gunsten der Witwen u. Waisen» – «В пользу вдов и сирот»; б) фото П. Строчицкого 19.09.1914 г.; в) фото П. Строчицкого в плену г. Усть-Каменогорска; г) записная книжка военнопленного, 1915 г.
Источник: СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1349.

Согласно приказу начальника штаба Омского военного округа, в сибирских городах, в том числе и Петропавловске, Акмолинске, Семипалатинске и др., военнопленным запретили посещение общественных собраний и клубов. Причина запрета заключалась в излишней эмоциональной болтливости «русских посетителей», которые «...делятся своими мыслями и впечатлениями на разнообразные темы переживаемых военных и политических событий, о каковых неудобно и не в интересах Русского государства осведомлять наших врагов» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 37). Степной генерал-губернатор, говоря о порядке содержания военнопленных, просил обратить внимание, что они военнопленные, «...а не гости...» и обращаться с ними следует, строго соблюдая законы и указания Российской империи, потребовав «держат их в ежовых рукавицах» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 40)

Повседневный быт, вопросы снабжения военнопленных одеждой ложились на плечи местного воинского начальства, которое ввиду отсутствия свободного обмундирования на складах отклоняло запросы. Военнопленные по прибытии на места дислокации имели довольно-таки неприглядный вид. Вместе с тем нами обнаружены фото-документы бывших военнопленных (СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1349) (Рисунок 1а, б, в, г).

Большая часть их совершенно не имела обуви, вместо добротных военных сапог военнопленные были обуты в рваные галоши, в простые деревянные подметки, стянутые ремешком. Отметим, что в циркуляре прописывалось обязательное требование к форме одежды используемых на работах военнопленных. В частности, указывалось, что у каждого военнопленного нижнего чина, отправляемого на работу, должны быть: мундир, шаровары, шинель, фуражка, сапоги – одна пара, рубах – 2, исподних брюк – 2, портянок – 3 пары и утиральник (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 534. Л. 438).

В Туркестанском крае в отношении вопросов обмундирования были разработаны внутренние правила. Для возмещения расходов на военнопленных Военным ведомством местный работодатель отчислял по 15 копеек за каждый рабочий день по числу используемых военнопленных, общая еженедельная сумма сдавалась уездному воинскому начальнику, который по мере необходимости одевал и обувал военнопленных.

Прием и размещение военнопленных обусловили множество проблем, в том числе и с трудоиспользованием. Разрешение на использование труда военнопленных выдавало Министерство путей сообщения. 16 сентября 1914 года Советом министров были утверждены «Правила о порядке предоставления военнопленных, для исполнения казенных и общественных работ, в распоряжение заинтересованных в том ведомств». Расписанный алгоритм предписывал следующие шаги: во-первых, заинтересованное ведомство информирует о содержании и месторасположении предстоящих работ; во-вторых, при согласии Военного министерства заинтересованное ведомство принимает военнопленных по списку и под конвоем сопровождает их к месту назначения; в-третьих, после передачи военнопленных заинтересованное ведомство полностью отвечает за их содержание и

снабжение; в-четвертых, контроль за военнопленными во время работы возлагается на начальника объекта, в случае специального запроса от ведомства конвой остается; в-пятых, на новом месторасположении военнопленные располагаются в бараках, в землянках, в случае отсутствия последних в квартирах, домах ближайшего селения; в-шестых, для работающих военнопленных устанавливается строгий рабочий график, обеспечивается полевая кухня, медицинская служба, строгая дисциплина (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 27).

20 сентября 1914 года в приказе командующего Омским военным округом говорилось о применении труда военнопленных только на казенных и общественных работах без всякого вознаграждения. Частные работы для военнопленных были под запретом. Власть озаботилась дисциплиной военнопленных, запретив им бесцельное шатание по городу, разрешение на выход из города – только в исключительных случаях. Ротные командиры обеспечивали повседневный строжайший контроль порядка вверенных им военнопленных.

Дополнительно в 1915 году были утверждены «Правила о порядке предоставления военнопленных для использования казенных и общественных работ в распоряжении заинтересованных в том ведомстве», «О допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» и «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» (ЦГИА. СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 818. Л. 21. Копия).

Масштабная территория Российской империи в совокупности с природно-климатическими условиями обусловили в правилах использования военнопленных некоторые различия. «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы в имения Омского и Петропавловского уездов Акмолинской области», утвержденные акмолинским губернатором 1 апреля 1915 г., оговаривали, что продолжительность найма составляет не менее 3 месяцев. В течение всего срока работ пленные трудились с 4 часов утра до 8 часов вечера с четырехчасовым перерывом на обед и отдых. По взаимному соглашению размер зарплаты, выдававшейся на руки пленным, составлял от 9 до 12 р. в месяц (Кротт, 2011). В Туркестанском крае при отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы руководствовались циркуляром Главного управления землеустройства и земледелия № 29 «Условия отпуска военнопленных нижних чинов на сельскохозяйственные работы», утвержденным 28 февраля 1915 года. Опираясь на внутренние правила, при определении охраны в Туркестанском крае из караульной команды был выделен конвой в 5 %. Условия оплаты соблюдали параграфы 8 и 11 указанного выше циркуляра.

Сельскохозяйственно-территориальные организации, находившиеся в ведении заведующего переселенческим обществом, имели возможность использовать труд военнопленных, по преимуществу славян, для производства работ. Согласно правилам Семиреченской переселенческой организации, нуждающиеся в военнопленных подавали заявления в местное отделение Елизаветинского комитета, также могли обратиться к начальникам волостных управлений и начальникам переселенческих участков. Окончательное решение принимал уездный начальник. На сельскохозяйственные работы отпускали партиями не менее 25 человек каждому хозяину, и они находились под надзором полиции. Военнопленные предоставлялись для сельскохозяйственных работ исключительно за плату. Работодатель уплачивал каждому военнопленному за десятичасовой рабочий день по 25 коп. С разрешения заведующего с целью увеличения продуктивности работ могла быть введена поурочная оплата, а также увеличена оплата за переработку и за праздничное время (ЦГА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 534. Л. 427).

Отметим, что учреждения, выполнявшие посреднические услуги, не имели права задерживать заявления от желающих привлечь военнопленных на сельскохозяйственные работы, обязаны были проверять, действительно ли заявитель нуждается в привлечении военнопленных, оказывать содействие в организации рабочих групп из военнопленных, контролировать работодателей по выполнению ими условий и отчислений.

О широком применении труда военнопленных свидетельствуют факты. В Акмолинской области военнопленных предполагали использовать в казенных лесничествах Кокчетавского уезда, на рытье канав, кладке каменных стенок, заготовке камня, песка, порубке дорог, очистке леса от валежника и пр. Акмолинско-Семипалатинское Управление земледелия и государственного имущества нуждалось в 750 военнопленных. В городе Петропавловске на прокладку водопроводных труб к казенному консервному заводу, на устройство водоотводных канав, дренажей, планировку улиц требовалось до 800 человек. Областная типография Акмолинской области, испытывая недостаток рабочих, ходатайствовала в выделении военными властями русинов и военнопленных, знающих русский язык (ЦГА РК. Ф. 64. О. 1. Д. 1282. Л. 11, 62).

Военнопленных привлекали к строительству дорожного и железнодорожного полотен. В Туркестанском крае, в Пишпекском уезде, предполагались ремонтные работы дороги Георгиевское–Архангельское, Павловское–Курдай, Татьяновка–Сергиевское. В Семипалатинской губернии на строительство Риддерской горнозаводской железной дороги запросили около 800 военнопленных (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 11, 62). Она предназначалась для перевозки цинковых и свинцовых концентратов от Риддерского рудника к реке Иртыш города Усть-Каменогорска, а также для снабжения этого рудника и обогатительной фабрики топливом и другими

материалами, необходимыми для оборудования и эксплуатации Риддерского горного района. Тогда же в Семипалатинской губернии (ныне Восточно-Казахстанская область) была построена 62-километровая дорога, соединившая Катон-Карагайский и Курчумский районы, закрепив в топонимическом пространстве историю ее постройки и пребывания военнопленных: дорога получила название «Австрийская».

Военнопленные активно ассимилировались с местным населением, заводили семьи, и их потомки до сих пор живут в Казахстане. Хлебосольные граждане Российской империи оказывали максимальное содействие, подкармливая обессилевших военнопленных, оказывая помощь одеждой и работой.

Дополняют историю повседневного быта фрагменты устной истории, взятые из переписки военнопленных с родными, как, например: «Живется хорошо, отпускают на работы, получаем денежное вознаграждение, обращаются с нами человечно, кормят хорошо». «В деревнях занимаемся хозяйством, а в праздники ходим в лес по ягоды или ловим рыбу» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 212). Недовольство военнопленных чувствуется в понижении ежемесячной суммы казенных денежных выдач, составлявших 28 рублей: «Нужны свои деньги, но, избави бог, пользоваться услугами русских казенных учреждений, получение переводов опаздывает на целый месяц, через Сибирский же Торговый банк переводы идут нормально». Недовольство проявляли нижние чины, отозванные из деревень, тосковавшие в городских казармах, томящиеся от безделья: «В бараках ужасающая скученность, отвратительный воздух (в одном случае благодаря соседству скотобойни и фабрики), масса паразитных насекомых, загрязненная вода вызывает тифозные эпидемии». Режим содержания офицеров, по их мнению не соответствует их служебному званию, всюду и везде надзор и конвой, кажется, «нас скоро начнут водить на цепи»; «Еще кому и зачем-то понадобилось отдать приказ, чтобы офицеры сняли свои нашивки. Неграмотные невежды – русские и нам не разрешают читать газет» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 213-214).

Признание немецких офицеров: «Германский офицер не чувствует себя в неволе, т.к. свободно распределяет свой день, и каждая его часть занята или изучением языков английский, французский, итальянский, или игрой в шахматы, карты. В плену офицеры особенно довольны женщинами, которые очень приветливы, и «на пути своим отношением к пленным доставили им много веселых минут»; «Теперь главные предметы питания вода и хлеб, мясо дают золотникам. Губернатор предложил: «или сидите в деревнях и кормитесь на свои заработанные деньги, или ступайте на казенные хлеба в городскую казарму, где будете жить как в тюрьме. Теперь не имеем ни денег, ни пищи, здоровые могут заработать, но старики остаются голодными с 10-ю копейками на руках. Раньше получали 20 крейцеров теперь только 13, за эти деньги мужики отказываются кормить» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 213-214).

Есть жалобы на бытовые трудности и непосильные работы: «К военнопленным предъявляют требование исполнять работы, с которыми они вовсе не знакомы, работаем как невольники, с утра до вечера». Порой в письмах просят о присылке денег и теплой одежды к зимнему сезону, так как в Сибири на платье и обувь стоят чрезвычайно высокие цены. Другие просят родных не высылать деньги, т.к. тут не выдадут и половины суммы. «Обходятся с нами не как с братьями славянами: казаки ни за что ни про что хлещут нагайками, а солдаты бьют палками до синяков. С каждым новым поражением русских, положение пленных все более ухудшается» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 213-218). Военнопленные, работавшие в приграничной зоне, пытались бежать в Китай, о чем сообщал консул ШПарасумэ, указывая, что такие действия могут составлять нарушение нейтралитета Китая и привести к протестам со стороны Германского и Австрийского посланников в Пекине» (ЦГА РК. Ф. 64. О. 1. Д. 1282. Л. 228).

5. Заключение

Вопросы истории Первой мировой войны стали основой многих интересных исследовательских сюжетов, в число которых входят не только военные сражения, но и персональная история генералитета российской армии периода 1914–1918 гг., а также последующие события. Первая мировая война обусловила появление на территории Российской империи военнопленных немецкой и австро-венгерской армий, в том числе их размещение в границах Степного и Туркестанского генерал-губернаторств.

Историография истории военнопленных Первой мировой войны показывает, что это одна из самых активно разрабатываемых в Российской Федерации научных тем, однако слабо представленных в Казахстане и Центральной Азии, несмотря на количественные показатели, демонстрирующие их размещение в указанных административно-территориальных рамках. Анализ историографии проблемы показывает, что авторы приведенных в статье публикаций опираются на междисциплинарный подход, рассматривая микросюжеты и микроисторию Первой мировой войны, т.е. мы наблюдаем антропологизацию проблемы истории повседневности. Многочисленность и многообразие научно-тематических разработок по истории Первой мировой войне, в том числе по проблеме военнопленных, лишь усиливает актуализацию и необходимость ее исследования в Казахстане.

Таким образом, первые потоки военнопленных, прибывающих на территорию Российской империи, детерминировали выработку положений и внутренних нормативов с целью регламентации

прав и обязанностей, условий содержания и материального обеспечения военнопленных немецкой и австро-венгерской армий. Их размещение и последующие насущные вопросы, связанные с военнопленными, оказались делом хлопотным и затратным, т.к. все легло тяжким бременем на губернское руководство.

Первая мировая война всколыхнула национальный вопрос, в том числе этнизацию военнопленных, формирование т.н. «воображаемых сообществ», активизировала патриотический подъем и в то же время сочувствие к «братьям славянам», попавшим в русский плен.

Анализ структур повседневной жизни военнопленных позволяет утверждать, что особо важными являлись жилищный и финансовый вопросы, оказавшиеся достаточно сложными для правительства Российской империи ввиду значительного объема военнопленных и неготовности к их встрече в регионах. Трудоустройство военнопленных регламентировалось, принятыми правовыми нормами, обеспечением оплаты за выполнение или перевыполнение рабочего объема. Нормы общественного поведения военнопленных и определенные ограничения диктовались условиями военного времени. Фрагменты устной истории показали их недовольство условиями существования, а также наличие сложных вопросов, вызывающих адаптационные трудности.

Литература

Андерсон, 2011 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Бергер, Лукман, 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знаний. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Блок, 1986 – *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.

Бодров, 2014 – *Бодров А.* Эльзас-лотарингцы между Францией и Германией накануне и в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения.* 2014. № 4. С. 157-167.

Бродель, 1986 – *Бродель Ф.* Структуры повседневности: Возможное и невозможное // *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3-х т. М., 1986. Т. 1.*

Гинзбург, 1996 – *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // *Современные методы преподавания новейшей истории.* М., 1996.

Гинзбург, 2000 – *Гинзбург К.* Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. 271 с.

Джалилов, 2002 – *Джалилов Ш.* Эхо Первой мировой войны в Ходжентском уезде. Душанбе, 2002.

Котюкова, 2017 – *Котюкова Т.В.* Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в русском Туркестане в годы Первой мировой войны // *Россия и современный мир.* 2017. № 3 (96). С. 47-64.

Кротт, 2011 – *Кротт И.* Использование труда военнопленных в сибирской деревне в годы Первой мировой войны // Publishing house Education and Science. Роснаука. Научная конференция. Современные научные достижения. 2011. Серия «История». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusnauka.com/>. (дата обращения: 14.09.2021).

Людтке, 1999 – *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история.* Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 77-100.

Мендикулова, Надежук, 2018 – *Мендикулова Г., Надежук Г.* Архивные документы о европейских военнопленных Первой мировой войны в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства (Case study) // *Вестник архивиста.* 2018. № 4. С. 9996-1008.

Нахтигаль, 2014 – *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica.* 2014. № 1. С. 142-156.

Ниманов, 2009 – *Ниманов Б.* Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // *Вестник РУДН. История России.* 2009. № 2. С. 53-61.

Рокина, 2017 – *Рокина Г.* Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии // *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки».* 2017. № 1 (9). С. 12-21.

СГА ДП ВКО – Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области.

Сенявская, 2009 – *Сенявская Е.* Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // *Вестник РУДН. История России.* 2009. № 4. С. 111-127.

Соза, 2017 – *Соза Л.* Военнопленные австро-венгерской и германской армий на территории Бронницкого уезда Московской губернии (1916–1917 гг.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение.* Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота. 2017. № 3. Ч. 2. С. 166-171.

Суржикова, 2012 – *Суржикова Н.* Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций // *Cahiers du Monde Russe.* 2012. № 53/1. С. 247-266.

- Суржикова, 2015** – *Суржикова Н.* Военный плен в Российской провинции (1914–1922 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 550 с.
- Цветков, 2016** – *Цветков А.* Правовой статус иностранных военнопленных на территории России в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 202 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Шапошников, 1929** – *Шапошников Б.* Мозг армии. М.: Воениздат, 1927–1929. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/o/one/shaposhnikov1.rar> (дата обращения: 30.10.2019).

References

- Anderson, 2011** – *Anderson, B.* (2011). Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Per. s angl. V. Nikolaeva; Vstup. st. S. Ban'kovskoi. M.: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 288 p. [in Russian]
- Berger, Lukman, 1995** – *Berger, P., Lukman, T.* (1995). Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniy [Social Construction of Reality. Treatise on the sociology of knowledge]. M.: Medium, 323 p. [in Russian]
- Blok, 1986** – *Blok, M.* (1986). Apologiya istorii ili remeslo istorika [Apology of history or the craft of a historian]. M.: Nauka, 256 p. [in Russian]
- Bodrov, 2014** – *Bodrov, A.* (2014). El'zas-lotaringtsy mezhdru Frantsiei i Germaniei nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny [Alsace-Lorraine between France and Germany on the eve and during the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 4: 157-167. [in Russian]
- Brodel', 1986** – *Brodel', F.* (1986). Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe [Structures of Everyday Life: Possible and Impossible]. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV – XVIII vv. v 3-kh t. M. T. 1. [in Russian]
- Dzhalilov, 2002** – *Dzhalilov, Sh.* (2002). Ekho Pervoi Mirovoi voyny v Khodzhenstskom uезде [The echo of the First World War in Khodzhenstsky district]. Dushanbe. [in Russian]
- Ginzburg, 1996** – *Ginzburg, K.* (1996). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: two or three things that I know about it]. *Sovremennyye metody prepodavaniya noveishei istorii.* M. [in Russian]
- Ginzburg, 2000** – *Ginzburg, K.* (2000). Syr i chervi: Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshogo v XVI v. [Cheese and worms: A picture of the world of a miller who lived in the 16th century]. M.: ROSSPEN. 271 p. [in Russian]
- Kotyukova, 2017** – *Kotyukova, T.V.* (2017). Turkestanskiy plen: nemetskie i avstro-vengerskie voennoplennyye v russkom Turkestane v gody Pervoi mirovoi voyny [Turkestan captivity: German and Austro-Hungarian prisoners of war in Russian Turkestan during the First World War]. *Rossiya i sovremennyyi mir.* 3(96): 47-64. [in Russian]
- Krott, 2011** – *Krott, I.* (2011). Ispol'zovaniye truda voennoplennykh v sibirskoi derevne v gody Pervoi mirovoi voyny [The use of labor of prisoners of war in the Siberian village during the First World War]. Publishing house Education and Science. Rosnauka. Nauchnaya konferentsiya. *Sovremennyye nauchnye dostizheniya – 2011. Seriya istoriya.* [Electronic resource]. URL: <http://www.rusnauka.com/> (date of access: 14.09.2021). [in Russian]
- Lyudtke, 1999** – *Lyudtke, A.* (1999). Chto takoe istoriya povsednevnosti? Ee dostizheniya i perspektivy v Germanii [What is the history of everyday life? Her achievements and prospects in Germany]. *Sotsial'naya istoriya.* Ezhegodnik, 1998/99. M. Pp. 77-100. [in Russian]
- Mendikulova, Nadezhuk, 2018** – *Mendikulova, G., Nadezhuk, G.* (2018). Arkhivnyye dokumenty o evropeiskikh voennoplennykh Pervoi mirovoi voyny v Semirechenskoi oblasti Turkestanskogo general-gubernatorstva (Case study) [Archival documents on European prisoners of war of the First World War in the Semirechensk region of the Turkestan Governor General (Case study)]. *Vestnik arkhivista.* 4: 9996-1008. [in Russian]
- Nakhtigal', 2014** – *Nakhtigal', R.* (2014). Voennoplennyye v Rossii v epokhu Pervoi mirovoi voyny [Prisoners of war in Russia during the First World War]. *Quaestio Rossica.* 1: 142-156. [in Russian]
- Nimanov, 2009** – *Nimanov, B.* (2009). Soderzhanie inostrannykh voennoplennykh na territorii Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [The detention of foreign prisoners of war on the territory of Russia during the First World War]. *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii.* 2: 53-61. [in Russian]
- Rokina, 2017** – *Rokina, G.* (2017). Avstro-vengerskie plennyye Pervoi mirovoi voyny v uездnykh gorodakh Kazanskoi gubernii [Austro-Hungarian prisoners of the First World War in the county towns of the Kazan province]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki».* 1(9): 12-21. [in Russian]
- Senyavskaya, 2009** – *Senyavskaya, E.* (2009). Narody Avstro-Vengrii v Pervoi mirovoi voine glazami russkogo protivnika [The peoples of Austria-Hungary in the First World War through the eyes of the Russian enemy]. *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii.* 4: 111-127. [in Russian]

SGA DP VKO – Spetsial'nyi gosudarstvennyi arkhiv Departamenta politzii Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti [Special State Archive of the Police Department of the East Kazakhstan region].

Shaposhnikov, 1929 – Shaposhnikov, B. (1929). Mozg armii [The brain of the army]. M.: Voengiz, 1927–1929. [Electronic resource]. URL: <http://militera.lib.ru/science/o/one/shaposhnikov1.rar> (date of access: 30.10.2019). [in Russian]

Soza, 2017 – Soza, L. (2017). Voennoplennye avstro-vengerskoi i germanskoi armii na territorii Bronnitskogo uezda Moskovskoi gubernii (1916–1917 gg.) [Prisoners of war of the Austro-Hungarian and German armies on the territory of the Bronnitsky district of the Moscow province (1916–1917)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (vkhodit v perechen' VAK)*. Tambov: Gramota. № 3. Ch. 2. Pp. 166–171. [in Russian]

Surzhikova, 2012 – Surzhikova, N. (2012). Rossiiskii plen 1914–1917 gg. kak prostranstvo politiko-ideologicheskikh manipulyatsii [Russian captivity 1914–1917. as a space for political and ideological manipulations]. *Cahiers du Monde Russe*. 53/1: 247–266. [in Russian]

Surzhikova, 2015 – Surzhikova, N. (2015). Voennyi plen v Rossiiskoi provintsii (1914–1922 gg.) [War captivity in the Russian province (1914–1922)]. Dissert. na soisk. uch. st. d.i.n. ... Ekaterinburg, 550 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Tsvetkov, 2016 – Tsvetkov, A. (2016). Pravovoi status inostrannykh voennoplennykh na territorii Rossii v period Pervoi Mirovoi voyny (1914–1918 gg.) [The legal status of foreign prisoners of war in Russia during the First World War (1914–1918)]. Dissert. na soisk. uch. st. k.yur.n...Omsk, 202 p. [in Russian]

Повседневность военнопленных Первой мировой войны в условиях Азиатской России

Ерлан Батташевич Сыдыков ^a, Думан Рамазанович Айтмагамбетов ^a,
Альбина Советовна Жанбосинова ^{a,*}, Ерлан Ерназарұлы Сайлаубай ^a

^a Евразийский Национальный университет им. Л. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. В статье авторы рассматривают вопросы истории Первой мировой войны, а именно сюжеты, связанные с размещением военнопленных немецкой и австро-венгерской армий в Азиатской России, в административно-территориальных границах Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. На основе архивных материалов из фондов Центрального государственного архива Казахстана, Специального государственного архива Департамента полиции вводятся новые факты, позволяющие рассмотреть повседневную историю военнопленных, разрешение социальных, жилищных вопросов; также размещение и трудоустройство, в том числе фрагменты устной истории, демонстрируют восприятие плена самими военнопленными; случайно обнаруженные фотографии вскрывают ранее неизвестные факты визуальной истории.

Тема военнопленных Первой мировой войны, несмотря на их размещение на территории Степного и Туркестанского генерал-губернаторств Российской империи, не получила активного исследовательского импульса в связи с таким более масштабным событием, как национально-освободительное движение 1916 года. В работе приводятся статистические данные о военнопленных, размещенных на указанной территории, в том числе и в городах. Рассмотрены проблемы с расквартированием прибывающих военнопленных и их размещением; показаны внутренние противоречия и противостояние в среде военнопленных на почве этнизации и формирования «славянского сообщества военнопленных» не без помощи общественных организаций Российской империи. Авторы выявили структуры повседневной жизни военнопленных, показав житейские заботы плененных офицеров и рядового состава. Военная обстановка детерминировала особые условия и правовые нормы в отношении правил проживания и трудоустройства военнопленных, регламентация которых регулировалась дополнительно принимаемыми приказами и распоряжениями генерал-губернаторов. Следует отметить, что повседневность военнопленных рассматривалась через призму взаимодействия с принимающим обществом, где патриотизм переплетался с сопереживанием и поддержкой прибывающих военнопленных.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, Казахстан, Средняя Азия, повседневность, адаптационные практики.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sovetuk@rambler.ru (А.С. Жанбосинова), rector@enu.kz (Е.Б. Сыдыков), dumanad@mail.ru (Д.Р. Айтмагамбетов), alashorda100@mail.ru (Е.Е. Сайлаубай)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 515-522
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.515

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the State of the Petrozavodsk Women's Teacher's Seminary in 1915–1917

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, g, *}, Andrey A. Baibarin ^c, Elena K. Mineeva ^d, Leonid L. Balanyuk ^{e, f}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d I.N. Ulianov Chuvash State University, Russian Federation

^e Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^f Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^g Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The paper examines the activities of the Petrozavodsk Female Teachers' Seminary in 1915–1917. The attention is paid to the teaching and student staff, its national and religious contingent.

The authors used documents from the National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation) as materials. The documents were first introduced into scientific circulation. The methodology of the research is based on the historical and chronological principle, which allowed us to consider the history of the Petrozavodsk Women's Teachers' Seminary with the involvement of all available archival materials in chronological order and taking into account neighboring events. Due to the fact that statistical information is also presented in the study, we used a statistical method, thanks to which we analyzed data with numerical expression (on the composition of teachers and students both in the teachers' seminary and at the two-grade school at it).

In conclusion, the authors state that the Petrozavodsk Women's Teaching Seminary, established at the height of the First World War, was important both for increasing the number of teaching staff in primary schools and for the availability of teaching positions for women in the region. Despite the fact that the seminary originated in wartime conditions, the teaching staff coped quite professionally not only with academic, but also extracurricular work. Teachers and students of the seminary actively participated in actions to raise funds for the needs of the war and in helping the wounded. Besides this, the leadership of the seminary provided significant assistance to needy students.

Keywords: Petrozavodsk women's teacher's seminary, World War I, activity.

1. Введение

История Петрозаводской женской учительской семинарии – это пример создания учебных заведений Российской империей в период Первой мировой войны. Учительская семинария была открыта 1 июля 1915 г., так как Министерство народного просвещения ставило на время войны амбициозную задачу по подготовке достаточного количества учительских кадров для введения Всеобщего начального образования сразу после войны. Нужно также отметить, что в 1903 г. в Петрозаводске была открыта мужская учительская семинария, таким образом, открытие женской семинарии уравнивало права женщин с мужчинами на занятие учительских мест в начальных школах региона.

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov)

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были привлечены документы Национального архива Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация). Документы впервые вводятся в научный оборот.

Методология исследования опирается на историко-хронологический принцип, что позволило нам рассмотреть историю Петрозаводской женской учительской семинарии с привлечением всех доступных архивных материалов в хронологической последовательности и с учетом соседствующих событий. Ввиду того что в исследовании представлены и статистические сведения, нами был использован статистический метод, благодаря которому проведен анализ данных, имеющих численное выражение (о составе учащихся и учащихся как в учительской семинарии, так и при двухклассном училище при ней).

3. Обсуждение

Несмотря на кратковременность существования Петрозаводской женской учительской семинарии, она становилась предметом изучения. Так, в 2016 г. в журнале «Современные инновации» была опубликована статья А.К. Егорова «Из истории Петрозаводской женской семинарии» (Егоров, 2016), в которой он обратился к теме межличностных взаимоотношений в коллективе женской семинарии, а также уделил внимание сложившемуся там микроклимату.

Петрозаводская женская учительская семинария входила в состав Петроградского учебного округа. Из всех губерний, входящих в состав округа, система народного образования подробно рассматривалась только в Вологодской (Cherkasov et al., 2019; Cherkasov et al., 2019a; Cherkasov et al., 2019b; Cherkasov et al., 2019c).

Что касается системы народного образования соседних округов, то исследователи уделяли внимание изучению Харьковского учебного округа (Degtyarev, Polyakova, 2020; Degtyarev et al., 2020), а также входящих в него Воронежской губернии (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a) и области Войска Донского (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017; Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a; Peretyatko, Zulfugarzade, 2019; Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a).

В то же время на территории Виленского учебного округа рассматривалась территория Виленской губернии (Natolochnaya et al., 2019; Natolochnaya et al., 2019a; Natolochnaya et al., 2020).

4. Результаты

Итак, Петрозаводская женская учительская семинария была открыта 1 июля 1915 года (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 6). С момента своего создания начальницей семинарии была назначена Мария Александровна Лыкошина из потомственных дворян (Егоров, 2016: 12).

Помещением для семинарии служил деревянный наемный дом.

Необходимость оставаться в указанном доме создалась вследствие невозможности для семинарии фактически занять нотариально законтрактованное для ее надобностей помещение в каменном доме, принадлежавшем свечному заводу, контракт на пользование которым был заключен на срок с 1-го января 1916 года по 1-е января 1921 года (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 6).

Невзирая на усиленные хлопоты к достижению возможности занять названное помещение, оно в течение всего отчетного года и даже в наступившем 1917 году продолжало оставаться занятым прежними квартиронанимателями, не желавшими его освободить.

Таким образом, семинария силою обстоятельств была вынуждена с большими неудобствами оставаться в помещении, нахождение в котором предполагалось всего на один первый год.

Подобное положение дела, при полном отсутствии свободных для найма помещений в городе, побудило педагогический совет семинарии, осведомленный о постановлении съезда духовенства продать дом свечного завода (тот самый, который был нанят для семинарии), ходатайствовать перед Министерством народного просвещения через попечителя учебного округа о приобретении упомянутого дома в собственность Министерства для нужд семинарии.

Отношением от 21 сентября 1916 года за №27694 попечитель уведомил, что Министерство народного просвещения пошло бы навстречу предложению епархиального свечного завода в Петрозаводске продать принадлежавший ему дом в собственность Министерства народного просвещения для надобностей Петрозаводской женской учительской семинарии за плату, не превышающую исчислений окружного архитектора гражданского инженера Л.П. Шишко, и во всяком случае с небольшой надбавкой (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 7).

Одновременно с рассмотрением вопроса о приобретении дома, принадлежавшего свечному заводу, на имя попечителя учебного округа поступило предложение жены генерал-майора З.Н. Красногорской продать для надобностей семинарии принадлежащее ей недвижимое имущество в составе участка земли площадью 1 дес. 635 кв. сажень с находящимися на этом участке домами и строениями.

Выяснение окончательного решения Министерства по обоим вопросам, связанным с приобретением помещения для нужд семинарии, до конца 1916 года так и не состоялось.

Важное значение в учительской семинарии отводилось состоянию библиотек и тематических кабинетов.

Так, по состоянию на 1 января 1917 г. в фундаментальной библиотеке семинарии находились книги 201 названия в 260 томах (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 7-8). В то же время в ученической библиотеке были книги 164 названий в 311 томах (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 8).

Что касается физического кабинета, то к 1 января 1917 года в нем было 106 приборов, в том числе в 1916 году был приобретен 41 прибор на сумму 481 руб. 90 коп. (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 8).

В естественно-историческом кабинете к 1 января 1917 года состояло 45 названий, в том числе в отчетном году было приобретено 20 названий на сумму 361 руб. 10 коп. (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 8).

Несколько слов скажем и о состоянии других учебных пособий, к которым относятся географические и исторические карты, картины, таблицы, глобусы, пособия по математике, черчению и рисованию. К 1 января 1917 года было 185 разных учебных пособий, в том числе в 1916 году приобретено 25 названий на сумму 440 руб. 50 коп.

Что касается учебников для воспитанниц семинарии, то их к 1 января 1917 года было 37 названий, из них в 1916 году приобретено 13 названий на сумму 509 руб. 05 коп. (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 8).

При семинарии не имелось ни интерната, ни общежития. Из 56 воспитанниц семинарии, набранных в 1915 и 1916 гг., 39 жили по одной у родных или знакомых, а остальные – на частных квартирах, по 2 или 3 на каждой. Надзор за образом жизни воспитанниц, в особенности тех, которые проживали не у родителей, лежал как на начальнице семинарии, так и на наставницах (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 8-9).

Всех служащих в семинарии к 1 января 1917 года состояло 11 человек, а именно:

Начальница – 1;

Законоучитель – 1;

Наставница русского языка – 1;

Наставница математики – 1;

Наставница физики и естествоведения – 1;

Наставница истории и географии – 1;

Учительница рукоделия – 1;

Учительница гимнастики – 1;

Учитель рисования и чистописания – 1;

Учитель пения – 1;

Учитель сельского хозяйства – 1 (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 9)

Постоянный врач был при семинарии с 1-го января по 22 августа 1916 года, к 1 января 1917 г. его уже не было, так как он переехал на жительство в другой город (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 9).

Из 11 лиц, служащих в семинарии: окончивших курс в высших учебных заведениях было 4 человека, окончивших курс в средних учебных заведениях ордена св. Екатерины – 1, духовную семинарию – 1, учительский институт – 1, женскую гимназию – 2, музыкально-певческую школу – 1 и Казанское земледельческое училище – 1. Из числа лиц преподавательского персонала занимало должности по вольному найму – 4 (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 9-10).

Деятельность начальницы и воспитательского персонала продолжалась в том же направлении, которое было принято с основания семинарии: обращалось серьезное внимание как на возможно лучшую постановку учебного дела и религиозно-нравственного воспитания детей, так и на их материальные нужды, на состояние их здоровья и улучшение питания.

Преподавание велось следующим путем: в начале каждого полугодия учебный материал, предстоявший к прохождению, и письменные работы, намечавшиеся к исполнению, обсуждались в предметных комиссиях и затем утверждались педагогическим советом.

В конце каждой четверти учебного года устраивались классные комиссии, на которых рассматривались успехи учащихся за пройденную четверть, намечались ученицы, познания которых должны быть еще проверенными, и обсуждались способы содействия к облегчению учебных занятий для слабоуспевающих. Учебные занятия велись без перерывов, кроме обычных пасхальных, летних и рождественских каникул. Пасхальные каникулы продолжались со 2-го по 17-е апреля, летние – с 1-го мая по 17 августа и рождественские – с 17-го декабря (суббота) по 7-е января (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 10).

Переводных испытаний, согласно циркулярному распоряжению министра народного просвещения, не было, и воспитанницы были переведены в следующий класс по годовым отметкам; только слабоуспевающим были назначены проверочные испытания осенью.

В 1916 г. было переведено из 1-го во 2-й класс 26 воспитанниц, оставлено на повторительный курс в 1-м классе 5 воспитанниц (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 11).

Приемные испытания состоялись осенью 1916 г., с 7-го по 17-е августа: принято в 1-й класс было 25 учениц (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 11).

Начало занятий в 1916–1917 учебном году состоялось 1-го сентября; с того же числа в круг учебных занятий воспитанниц вошло преподавание сельского хозяйства.

Ознакомление учениц с ходом современных исторических событий велось путем демонстрации им туманных картин на темы военных событий и сообщения преподавательницей истории подробностей текущей Отечественной войны.

Забота о физическом состоянии учащихся проявлялась в постоянных, внимательных осмотрах воспитанниц (2 раза в неделю), в мерах по укреплению их организма путем средств, рекомендуемых медициной (рыбий жир, железо, мышьяк и т.д.), и, наконец, в обычных двух общих медицинских осмотрах, весной и осенью, с измерением роста, веса и т.д. учащихся и привитии от оспы вновь поступивших учениц.

Эпидемических и вообще серьезных случаев заболеваний среди воспитанниц не было.

Общественная деятельность начальницы и педагогического персонала выражалась в совместной работе с другими начальствующими лицами и педагогическими персоналами других учебных заведений по заботам, сопряженным с облегчением участи как учащихся вообще, так и детей лиц, призванных на войну.

Наряду с этим, всеми производились ежемесячные отчисления в размере 2 % с получаемого жалованья в пользу воинов, средства отсылались в распоряжение императрицы Александры Федоровны (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 11-12).

Педагогический совет собирался достаточно часто. Так, только в 1916 г. было 20 заседаний, на которых рассматривалось следующее: выслушивались и принимались к исполнению или, если была такая необходимость, всесторонне обсуждались циркулярные предложения министра народного просвещения и попечителя учебного округа; обсуждалась смета расходов на предстоящий год, вопросы учебно-воспитательного характера и хозяйственные, распределялись уроки между учащими, обсуждались успехи и поведение воспитанниц как в течение учебного года, так и на промежуточных и приемных испытаниях, распределялись стипендии между вновь поступившими; неоднократно обсуждался вопрос о необходимости обеспечить семинарию помещением к будущему году; назначались к выписке указываемые преподавателями учебные пособия, книги и периодические издания; устанавливались сроки роспуска воспитанниц на каникулы и т.п. (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 12).

Несколько слов скажем и о числе учащихся и распределении их по классам, вероисповеданиям и сословиям.

В 1916 году семинария функционировала в составе двух классов (1-го и 2-го), в которых к 1 января 1917 г., как уже отмечалось, состояло 56 учениц. В том числе было: в 1-м классе 30 учениц и во 2-м классе – 26.

Все ученицы были православного вероисповедания.

По сословиям они распределялись следующим образом:

Дочерей личных дворян и чиновников – 27;

Дочерей почетных граждан и купцов – 1;

Дочерей мещан и цеховых – 17;

Дочерей крестьян – 31 (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 12-13)

Что касается числа вновь поступивших и выбывших учениц, то в августе 1916 года было подано о допущении к приемным испытаниям для поступления в 1-й класс семинарии – 60 прошений; явилось на экзамен – 50 человек, принято в 1-й класс – 25 учениц (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 13). Выбывших по малоуспешности или по другим причинам в 1916 году не было. Пропущено ученицами: 1-го класса – 222 урока (одно учебное полугодие), ученицами 2-го класса – 902 урока (два учебных полугодия). Пропуск уроков объяснялся уважительными причинами (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 13).

Занятия воспитанниц ручным трудом в 1916 году состояли в уроках рукоделия, на которых они занимались кройкой, шитьем, вязанием и т.п.; на этих же уроках ученицы изготавливали для себя гимнастические костюмы и шили белье для раненых воинов.

К 1 января 1917 года в классе рукоделия имелось две ручных и одна ножная швейные машины, в том числе в 1916 году была приобретена 1 ножная швейная машина стоимостью в 125 руб. (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 13)

Занятия сельским хозяйством в 1916 году ограничились теоретическим обучением, так как занятия по этому предмету начались только с 1-го сентября; тем не менее была совершена прогулка на городской огород под руководством преподавателя сельского хозяйства, который давал воспитанницам объяснения относительно огородной культуры. На прогулку воспитанниц сопровождали, кроме преподавателя, наставница естествоведения и начальница семинарии.

Особое внимание уделялось поведению учащихся, которое, впрочем, всегда было отличным. По наблюдениям не только лиц педагогического состава семинарии, но и посторонних, отношение учащихся в семинарии к делу своего образования в большинстве заслуживает полного одобрения, как вполне сознательное и ревностное.

То же самое можно констатировать и относительно их отношения, проникнутого искренним участием, ко всем, так или иначе пострадавшим во время войны. По мере сил вносили воспитанницы свою скромную лепту в общее великое дело помощи пострадавшим: шитьем белья, скромными денежными сборами на подарки воинам и, наконец, неоднократным участием в кружечных сборах на

нужды войны. Таких сборов в отчетном году было несколько: 1 и 31 января, 1 и 2 февраля в пользу Комиссии по оказанию помощи детям лиц, призванных на войну; 2, 30 апреля и 1 мая – на образование школьного фонда для оказания помощи детям воинов; 3 и 26 ноября – в пользу георгиевских кавалеров; 4 и 6 декабря – в пользу Попечительства по призрению семейств воинов.

В день Св. Георгия 26 ноября воспитанницы присутствовали на торжественном богослужении в кафедральном соборе и затем принимали участие в патриотическом торжестве, устроенном в честь георгиевских кавалеров Петрозаводским обществом (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 14-15).

По вопросу платы за обучение в семинарии следует отметить, что она не взималась. Более того, для оказания материальной помощи учащимся в каждом из классов имелось по 15 казенных стипендий, по 180 р. в год каждая (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 16).

Помимо этого, в 1916 году имелись еще следующие пособия стипендиального характера:

1) в 60 руб. на весь отчетный год от Олонецкого уездного земства одной из воспитанниц 2-го класса;

2) в 50 руб. на одно (второе) учебное полугодие отчетного года одной из воспитанниц 1-го класса от Повенецкого уездного земства;

3) в 40 руб. на одно (второе) учебное полугодие 1916 года одной из воспитанниц 1-го класса из канцелярии финляндского генерал-губернатора.

В отношении вопроса о пособиях учащимся можно констатировать, что в этом отношении воспитанницы семинарии являлись предметом самых пристальных забот как педагогического состава семинарии, так и представителей Петрозаводского общества. Детям лиц, призванных на войну, была оказана денежная помощь 2 раза в 1916 году: к празднику Св. Пасхи трем воспитанницам было выдано по 35 руб. и к празднику Рождества Христова двум воспитанницам – по 45 руб.; пособия эти выдавались из средств Комиссии по оказанию помощи детям лиц, призванных на войну (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 17).

По постановлению губернского земского собрания от 15 декабря 1915 года о выдаче единовременного пособия на 1916 г. на неотложные нужды воспитанниц семинарии 8 ноября 1916 г. губернская управа передала в распоряжение педагогического совета 200 руб., которые поступили на устройство для воспитанниц горячих завтраков в виде чая с куском сахара и белой булкой. 28 воспитанниц получали завтрак бесплатно и 28 – за себестоимость (7 коп.).

Чинами землеустроительной комиссии было пожертвовано семинарии 259 руб. на учреждение стипендии имени покойной супруги бывшего начальника губернии М.И. Зубовского – Л.М. Зубовской, проценты с капитала должны выдаваться в качестве пособия воспитанницам.

25 ноября 1916 года начальницей семинарии был устроен спектакль в пользу воспитанниц с недостаточными средствами, с отчислением 20 % с чистого сбора в пользу воинов, находящихся на излечении в лазарете Министерства народного просвещения. Такой сбор со спектакля дал 694 руб., из них 137 руб. были отправлены в распоряжение Министерства для вышеуказанной цели, а остальная сумма – 557 руб. – поступила в распоряжение общества вспомоществования воспитанницам семинарии – на их нужды (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 18).

По 1 января 1917 г. было оказано пособий воспитанницам из средств нового общества (на обувь, главным образом, и на другие нужды) на сумму 186 р. 25 коп.

Подтверждением отзывчивости местного общества к нуждам воспитанниц может служить вступление многих его представителей в число членов общества вспомоществования. Епископ Каргопольский Преосвященный Варсанофий пожертвовал обществу 25 руб. и прислал на имя общества сердечное письмо с призывом на него благословения Божия. Начальник губернии А.О. Шидловский, представители правительственных и учебных заведений и частные лица весьма отзывчиво просили зачислить их в состав членов нового общества помощи учащимся (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 18-19).

Вместе с учительской семинарией в 1915 г. было открыто при ней и двухклассное начальное училище (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 19), при котором осенью 1916 года было учреждено 2-е отделение 2-го класса.

Оба отделения училища находились в одном помещении с семинарией.

Личный состав преподавателей училища:

1) законоучитель священник В. Даманский (он же законоучитель женской семинарии);

2) учительница русского языка и арифметики Е. Куканова (она же учительница рукоделия женской семинарии);

3) учитель пения А. Корольков (он же учитель пения женской семинарии).

Число недельных уроков: в 1-м отделении – 26, во 2-м отделении – 27.

Число учащихся в училище к 1 января 1917 года было 41, в том числе в 1-м отделении – 21 и во 2-м отделении – 20 учениц (НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 19).

Все учащиеся в училище, за исключением одной еврейки, были вероисповедания православного.

По условиям они распределялись следующим образом: дочерей мещан – 27; дочерей нижних чинов – 1; дочерей крестьян – 11; дочерей почетных граждан и купцов – 1, дочерей дворян – 1 ([НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 20](#))

Материальная помощь учащимся в училище в 1916 г. была оказана в форме небольшого пособия (по 5 руб.) 4 ученицам к празднику Рождества Христова из средств Комиссии по оказанию помощи детям лиц, призванных на войну.

Большое внимание уделялось и ревизиям. Посещений начальствующих лиц в 1916 году было 2. 25 февраля приезжал заведующий разрядом учительских институтов, семинарий и школ МНП Т.С. Рождественский. С целью ознакомления с постановкой и ведением дела в семинарии он посетил уроки всех преподавателей семинарии, осмотрел квартиры многих учащихся, подробно осведомляясь об условиях их домашней жизни, и, наконец, пригласил всех членов педагогических советов обеих семинарий (мужской и женской) на общее заседание, на котором состоялся оживленный обмен мнениями преподавательского персонала.

21 августа 1916 г. приезжал окружной инспектор Петроградского учебного округа К.Н. Ходнев, посетивший семинарию и побывавший на уроках в обоих классах ([НАРК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2131. Л. 20](#)).

5. Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что созданная в разгар Первой мировой войны Петрозаводская женская учительская семинария имела важное значение как для увеличения количества преподавательских кадров в начальной школе, так и для доступности учительских должностей для женщин региона. Несмотря на то, что семинария возникла в условиях военного времени, преподавательский состав достаточно профессионально справлялся не только с учебной, но и внеклассной работой. Преподаватели и студенты семинарии активно принимали участие в акциях по сбору средств на нужды войны и в деле оказания помощи раненым. Помимо этого, руководство семинарии оказывало значимую помощь нуждающимся студентам.

Литература

[НАРК](#) – Национальный архив республики Карелия.

[Егоров, 2016](#) – Егоров А.К. Из истории Петрозаводской женской семинарии // *Современные инновации*. 2016. № 9 (11). С. 12-15.

[Cherkasov et al., 2019](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208-214.

[Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418-424.

[Cherkasov et al., 2019b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 624-637.

[Cherkasov et al., 2019c](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 973-983.

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 202-211.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428-436.

[Degtyarev et al., 2020](#) – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Stepanova D.I. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 666-678.

[Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – Degtyarev S.I., Polyakova L.G. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 451-458.

[Natolochnaya et al., 2019](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 655-664.

[Natolochnaya et al., 2019a](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 964-972.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya O.V., Svechnikov V.A., Posokhova L.A., Allalyev R.M.* The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 248-254.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 817-829.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2): 367-377.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 454-465.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 664-676.

References

[Cherkasov et al., 2019](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.

[Cherkasov et al., 2019a](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.

[Cherkasov et al., 2019b](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 624-637.

[Cherkasov et al., 2019c](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 973-983.

[Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A.* (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 202-211.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.

[Degtyarev et al., 2020](#) – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Stepanova, D.I.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 666-678.

[Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 451-458.

[Egorov, 2016](#) – *Egorov, A.K.* (2016). Iz istorii Petrozavodskoi zhenskoi seminarii [From the history of the Petrozavodsk women's seminary]. *Sovremennye innovatsii*. 9(11): 12-15. [in Russian]

NARK – Natsional'nyi arkhiv respubliki Kareliya [National Archives of the Republic of Karelia].

[Natolochnaya et al., 2019](#) – *Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Denisenko, V.N., Volkov, A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 655-664.

[Natolochnaya et al., 2019a](#) – *Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Voropaeva, Yu.A., Volkov, A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 964-972.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya, O.V., Svechnikov, V.A., Posokhova, L.A., Allalyev, R.M.* (2020). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 248-254.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – *Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E.* (2017). Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 817-829.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – *Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E.* (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367-377.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2019 – Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E. (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 454-465.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a – Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E. (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 664-676.

К вопросу о состоянии Петрозаводской женской учительской семинарии в 1915–1917 гг.

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, g, *}, Андрей Андреевич Байбарин ^c,
Елена Константиновна Минеева ^d, Леонид Леонидович Баланюк ^{e, f}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^e Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^f Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^g Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается деятельность Петрозаводской женской учительской семинарии в 1915–1917 гг. Уделено внимание преподавательскому и студенческому составу, его национальному и вероисповедальному контингенту.

В качестве материалов авторами были привлечены документы Национального архива Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация). Документы впервые были введены в научный оборот. Методология исследования опирается на историко-хронологический принцип, что позволило нам рассмотреть историю Петрозаводской женской учительской семинарии с привлечением всех доступных архивных материалов в хронологической последовательности и с учетом соседствующих событий. Ввиду того что в исследовании представлены и статистические сведения, нами был использован статистический метод, благодаря которому проведен анализ данных, имеющих численное выражение (о составе учащихся и учащих как в учительской семинарии, так и при двухклассном училище при ней).

В заключении авторы отмечают, что созданная в разгар Первой мировой войны Петрозаводская женская учительская семинария имела важное значение как для увеличения количества преподавательских кадров в начальной школе, так и для доступности учительских должностей для женщин региона. Несмотря на то, что семинария возникла в условиях военного времени, преподавательский состав достаточно профессионально справлялся не только с учебной, но и внеклассной работой. Преподаватели и студенты семинарии активно принимали участие в акциях по сбору средств на нужды войны и в деле оказания помощи раненым. Помимо этого, руководство семинарии оказывало значительную помощь нуждающимся студентам.

Ключевые слова: Петрозаводская женская учительская семинария, Первая мировая война, деятельность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 523-535
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.523

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

People's Representation of the Oryol Province in Parliamentary Structures of the early XX century

Alexandra P. Chervinskaya ^{a,*}, Oksana V. Leonova ^a, Alexey V. Isaev ^a, Alexey V. Merkulov ^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА, Russian Federation

Abstract

Comprehension of the experience of the formation of the deputy corps in the conditions of intrastate political turbulence and the context of historical crossroads arouses our research interest.

In this work, the authors study in detail the class status, political outlook and the process of including representatives of the Oryol province in the activities of parliamentary structures of the early 20th century (State Dumas of 1-4 convocations and the State Council).

Within the framework of the outlined key vectors, the authors analyzed documents from the State Archives of the Oryol Region, biographical data of members of the State Duma and the State Council (1906–1917), reference and encyclopedic and memoir literature, periodicals, as well as materials from "Tauride" and "Murom" readings.

As the main methodological base, the problem-historical method, the theory of delegation and the theory of agency relations are used, which allow considering the participation of individual citizens in the activities of parliamentary structures as representing the interests of the people in the context of a specific historical situation.

In conclusion, the authors come to the conclusion that for all the controversy of the issue, the representation of various estates of the Russian provinces in the parliament influenced its socio-political configuration, the direction of legislative measures, and in general - the further fate of the state.

Keywords: representation of the people, parliament, State Duma, State Council, Oryol province.

1. Введение

В условиях внешне- и внутривнутриполитической турбулентности и нетранспарентности мировой политики в современном политико-правовом ландшафте возникают многочисленные споры о легитимности и эффективности парламентского строительства. Многие зарубежные и российские исследователи, эксперты и государственные деятели связывают этот вопрос со степенью народного представительства в парламентских структурах своих государств, делая его трендовым для мирового политического процесса.

Очевидно, что сам парламентаризм следует рассматривать как единую и непрерывную цепочку делегирования полномочий и подотчетности, начиная с избирателей и переходя к парламенту, правительству и бюрократии. При этом парламентаризм прост, косвенен и опирается на уроки, постепенно усвоенные в прошлом (Strom, 2000: 261-289; Червинская, 2019: 166-174).

Последний тезис подтверждается традициями формирования народного представительства в парламентах как зарубежных стран, так и России (Бикамерализм, 2003: 6).

* Corresponding author

E-mail addresses: sasha.m-87@mail.ru (A.P. Chervinskaya), oks980@rambler.ru (O.V. Leonova), IsaevLesh@yandex.ru (A.V. Isaev), merkulovaleksey@mail.ru (A. V. Merkulov)

Хроника дореволюционной Государственной думы России показывает, что в начале XX века в России быстрыми темпами формировалась принципиально новая политическая реальность. Манифестом от 17 октября 1905 года народ призывается к государственному управлению вместе с Государем.

Парламентская традиция начинает институционализироваться в деятельности Государственной думы и реформированного Государственного совета. Вместе с этим формируется региональная (губернская) практика народного представительства.

Поэтому вполне закономерно, что наш исследовательский интерес в рамках данной статьи актуализируется в ходе работы над обозначенной темой в достижении поставленной цели – изучить процесс включения представителей Орловской губернии в парламентские структуры начала XX века.

2. Материалы и методы

1.1. В рамках намеченных ключевых векторов авторами были проанализированы документы фондов Государственного архива Орловской области (Фонд 525 – Орловское губернское земское собрание и Орловская губернская земская управа, Фонд 593 – Орловская городская дума, Фонд 710 – Орловский губернский предводитель дворянства), биографические данные членов Государственной думы и Государственного совета (ГД, 1906; Левенсон, 1915; Члены ГД, 1907; Члены ГД, 1913а; Члены ГД, 1913б).

Органично дополняют данный корпус источников следующие материалы: брошюра Н.А. Бородина о составе Первой Государственной думы по возрасту, степени образования, вероисповеданию, национальности, сословиям, профессиям или занятиям, политическим партиям (Бородин, 1906), а также исторические очерки деятельности Второй Думы (Каминка, Набоков, 1907).

Ценным источником являются также переиздаваемые стенографические отчеты Государственной думы (ГД, 1995) и мемуарная литература участников электоральных событий начала XX века (Выборы, 2008; Воспоминания, 2017).

Исследование также опирается на очерки возникновения и развития Трудовой группы (Брамсон, 1917).

1.2. Решение исследовательских задач предопределило комплексный характер использования обширной палитры научных принципов и методов гуманитарных исследований, сочетающей использование всеобщих, общенаучных и специальных методов.

В качестве основной методологической базы использованы проблемно-исторический метод, теория делегирования и теория агентских отношений, позволяющие рассматривать участие отдельных граждан в деятельности парламентских структур как представительство интересов народа в контексте конкретно-исторической обстановки.

Метод объективности позволил максимально возможно с нейтральной позиции характеризовать и оценивать факты и личности, в том числе архивные документы, воспоминания участников событий.

Правоинтерпретационный метод применялся для систематического толкования дореволюционного законодательства, составившего правовую основу избирательной системы того времени.

3. Обсуждение

Научный дискурс об одном из важнейших государственно-правовых институтов – институте народного представительства – достаточно широк и дифференцирован в рамках исторической, политологической и юридической наук в разные исторические эпохи. Остановимся на ряде важных публикаций.

Отметим, что историография о деятельности членов Государственной думы и Государственного совета начинает создаваться практически в период их деятельности (Бруснянин, 1906; Куприянова, 1907: 24-36; Голубев, 1907: 1-23).

Дополняют научную полемику труды современных исследователей по анализируемой проблематике (Демин, 2006; Иванов, 2013; История..., 2013; Коновалова, 2020: 69-74; Осипов, 2006; Савенкова, 2010: 168-175; Соловьев, 2011).

В рамках региональных исследований значительный интерес вызван к конкретным историческим личностям. Так, Н.И. Алымова анализирует участие С.Н. Булгакова в думских избирательных кампаниях в Орловской губернии в 1906–1912 гг. (Алымова, 2007: 89-97). «Религиозному гению XX века» посвящена глава в исследовании краеведа А.М. Полынкина (Полынкин, 2012: 27-31). Политические взгляды и общественную деятельность М.А. Стаховича характеризуют А.Б. Гуларян и А.С. Минаков (Гуларян, 2016: 42-48; Гуларян, 2012: 184-192; Минаков, 2009: 231-243). В 1996 году была издана биографическая книга о семье Стаховичей (Елецкие корни, 1996). В рамках «Муромских чтений» М.А. Стаховичу посвящен сборник научных статей (Орловский мудрец, 2011).

Исследовательский интерес представляют собой работы Д.В. Аронова (Аронов, 2005: 168-171), В.В. Зотова (Зотов, 2018: 13-19), И.В. Гаврилюка (Гаврилюк, 2010: 261-267), в которых представлен

анализ представительства депутатов разных сословий от Орловской губернии в парламенте начала XX века.

При этом опыт научной рефлексии историографической традиции вопроса позволяет констатировать необходимость продолжения исследований в данной области с привлечением архивных материалов.

3. Результаты

Общая характеристика народного представительства в парламентских структурах начала XX века

Выдающийся ученый, политический мыслитель и общественный деятель Б.Н. Чичерин отмечал, что «представительное начало есть господство общественного мнения посредством всецелого перемещения воли граждан на выборные лица» (Чичерин, 1866: 19).

При этом следует согласиться с тезисом Ерыгиной В.И. о том, что народное представительство имеет место быть юридической фикцией, когда отсутствует баланс между властью и обществом, когда с мнением народа не считаются при принятии принципиальных решений (Ерыгина, 2018: 22-27).

Сделаем оговорку, что, с одной стороны, первый опыт формирования органов народного представительства в той или иной степени нес в себе такую юридическую фикцию в виду куриального характера выборов, а также отсутствия избирательных прав у ряда категорий граждан (женщин, студентов, военнослужащих и ряда других).

С другой стороны, ретроспективный анализ показывает, что деятельность парламента в его бикамеральной составляющей (Государственные думы 1–4 созывов и Государственный совет) стала определенным драйвером государственного развития в конкретно-историческом контексте, а также форматом народного представительства: в Государственную думу входили в разное время от 478 до 525 представителей крестьянства, городской интеллигенции и купечества, землевладельцы, представители промышленной буржуазии. Госсовет при этом формировался на основе назначения и выборов. «Вторая половина избиралась от пяти курий: 1) от православного духовенства, 2) от губернских земских собраний или от заменяющих их специальных съездов, 3) от дворянских обществ, 4) от Академии наук и от университетов, 5) от торговли и промышленности» (Кравец, 2015: 42-46).

При всей неоднозначности современники констатировали, что Дума отражала Россию в весьма полном виде (в особенности ее низов, народных масс, менее всего – дворянства и крупной буржуазии), она действительно являлась ее представительницей во всем разнообразии жизни, направлений, настроений, бытовых, политических и общественных условий (Голубев, 1907: 1-23).

По своему партийно-политическому составу Дума была, несомненно, демократической. Таковой же она была в значительной мере и по социальному составу: в ней было 111 землевладельцев-крестьян и только 65 землевладельцев, 2 промышленника, 24 торговца и 25 рабочих. Вся остальная масса состояла из представителей различных видов интеллигентных профессий и общественной службы. По образованию уровень думского состава был несравненно выше среднего по стране: в ней было 42,1 % лиц с высшим образованием, 13,8 % – со средним, только 24,7 % с низшим, 18,9 % с домашним и 0,4 % (2) неграмотных. Национальный ее состав также отразился довольно полно, с огромным преобладанием великороссов и малороссов и с представительством чуть ли не всех племен, населяющих российскую империю, начиная с поляков, евреев и кончая башкирами, вотяками, киргизами и пр. (Голубев, 1907: 1-23; Брамсон, 1917: 64-68; Бородин, 1906: 12-45).

Народ впервые послал своих представителей для участия в законодательствовании, впервые получил возможность открыто заявить свою волю, противопоставить ее воле самодержавной бюрократии и с глубокой верой в своих избранников поручил отвоевать ему свободу и землю, вырвать власть из рук безответственного правительства и передать ее свободно избранным народным представителям (Куприянова, 1907: 24).

Члены Орловского дорянского собрания Всемилодивейшему Государю писали, что «...верность самобытным русским началам в законодательстве, в совершенствовании представительных установлений, изволением Вашего Величества созданных, а равно и в местном самоуправлении дает прочное обеспечение оздоровления и роста России. Первенствующее значение в дальнейшем государственном строительстве будет принадлежать, как указано Манифестом Вашего Величества 3 июня сего года тому народу, с которым его Цари собрали под свою державу все земли Государства Российского» (ГАОО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 2. Л. 4-6).

В рамках данного исследования акцентируем внимание на ряде вопросов становления народного представительства.

Так, формирование первого депутатского корпуса России сопровождалось жестокой правительственной реакцией (аресты оппозиционно настроенных депутатов, ограничение предвыборной агитации) (Голубев, 1907: 1-23; Аронов, 2005: 168-171).

К этому надо прибавить целый ряд общих неблагоприятных условий, зависящих уже не от правительства, а от самого населения и от политических партий – бойкот выборов революционными партиями, общая политическая неподготовленность массы населения (особенно крестьянства),

особый подбор избирательных комиссий, неудобства для избирателей мелких землевладельцев (начиная с неудобств распределения мест съездов и кончая дороговизной поездки на выборы).

Однако, дифференциация в политическом, социальном, духовном, патриотическом мировоззрении, экономическом положении, а также гражданском самоопределении (Merkulov et al., 2020: 226-241; Merkulov et al., 2017a: 764-775; Merkulov et al., 2017b: 257-264) помогла неорганизованные и в значительной степени случайные выборы на первых стадиях организовать так, что на последних стадиях, а именно в стадии выбора депутатов, голосования во многих случаях производились уже по определенному плану. Это особенно относится к выборам от уездов (Голубев, 1907: 1-23).

Характеризуя состав Первой Госдумы, современники обращали внимание на редкий случай в истории парламентов – общее впечатление от Думы оставалось как впечатление целого, единого народного представительства. Свидетельством этому служат те 72 дня напряженной работы депутатов; это время ранней юности народного представительства (Голубев, 1907: 1-23).

При всем том, что в далеком 1906 г. российское общество отнеслось к Государственной думе неоднозначно. Одни партии («Союз 17 октября») видели в ней предел изменений, которые допустимо внести в традиционно монархический строй правления России. Другие (кадеты, партия мирного обновления, партия демократических реформ, трудовики) – считали права Думы в сфере государственного строительства недостаточными и выступали за их значительное расширение. Партии, занимавшие крайне правые и крайне левые скамьи в зале Таврического дворца, по разным причинам вообще не считали законодательную работу в парламенте задачей своей партии и использовали трибуну Думы либо для пропаганды своих партийных программ, либо для оскорблений в адрес политических оппонентов (Аронов, 2005: 168).

Это страстное отношение к Первой Думе вполне понятно. Ведь в ней впервые реально выразилась идея народного представительства – этой заветной мечты наших лучших людей чуть ли не со времени Екатерины II (Голубев, 1907: 1-23).

В целом при всей неоднозначности Государственная дума представляла собой способ выражения регионального аспекта в многомерном представительстве граждан в институтах власти, а формирование Государственного совета было подчинено целям создания консервативной верхней палаты посредством назначения и выборов.

Народное представительство Орловской губернии

В начале XX века в Орловскую губернию входили 12 уездов – Орловский, Болховский, Брянский, Дмитровский, Елецкий, Карачаевский, Кромской, Ливенский, Малоархангельский, Мценский, Севский и Трубчевский (Россия, 1907: 16).

Сама губерния и город Орел были представлены в Думе каждого созыва девятью депутатами, один из которых избирался от г. Орла и восемь – от губернии по разным избирательным группам (куриям). За все время существования Думы в нее от Орловской губернии избирался 31 человек, причем некоторые из них были депутатами Думы нескольких созывов (Аронов, 2005: 169).

Были среди депутатов от Орловщины те, для кого вся предыдущая жизнь была своеобразной школой парламентаризма, кто на пути к депутатскому мандату последовательно прошел разные ступени земской и иной общественной деятельности. Среди них братья Александр и Михаил Стаховичи, депутат Думы первого и второго созывов от города Орла Федор Татарин. Они сознательно избрали депутатскую деятельность как путь служения Отечеству. Интересной фигурой был Лаврентий Пуцин, вице-председатель губернской ученой архивной комиссии, почетный член Орловского церковно-археологического общества, активный собиратель и коллекционер, чьи собрания были переданы краеведческому музею (Аронов, 2005: 169).

Однако среди депутатов-орловцев были и предприниматели, стремившиеся в нестабильной обстановке начала XX в., вызванной неудачей в русско-японской войне, революцией 1905 г., «обделав свои темные дела, урвать при помощи коррумпированных чиновников толику казенных денег» через аферу с поставками фуража, в которой были замешаны депутат от Орловской губернии В.Г. Вечинин, тогдашний орловский губернатор, и замминистра МВД Гурко (Аронов, 2005: 168-171).

Однако большинство депутатов от Орловской губернии по рождению и роду занятий принадлежали к земледельческому населению края. Многие из них из-за существовавшей тогда системы выборов прошли в депутаты по жребию. Это происходило в том случае, если посланные из села выборщики одновременно хотели быть депутатами (многих привлекало депутатское жалование размером в 10 руб. суточных) и голосовали только за себя. Обычно на второй день им удавалось прийти к согласию и либо избрать наиболее авторитетных людей (это, как правило, были ветераны русско-японской войны, георгиевские кавалеры или крестьяне, занимавшие различные должности в местном самоуправлении), либо проголосовать по жребию. Одним из депутатов от крестьян стал георгиевский кавалер, ветеран русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Иван Петрович Голиков (Аронов, 2005: 168-171).

Сделаем акцент на подготовительной работе при проведении выборов в Первую Государственную думу.

Так, например, в местной прессе до жителей губернии доводилась информация о создании Государственной думы (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1059. Л. 15-17), Положение о выборах в Государственную думу (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1071), «Инструкция МВД о порядке выборов в Государственную Думу, о порядке производства выборов в Государственную Думу на съездах городских избирателей в отделениях последних, в состав которых входит по избирательным спискам более 500 лиц, а также по участкам в городах Варшава и Лодзи» (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1144).

Губернатор К.А. Балясный пишет в городские и земские управы: «Положение о выборах в Государственную думу указом от 11 декабря 1905 г. в некоторых частях изменено и дополнено; подготовительные работы по составлению дополнительных избирательных списков возложены на Земские и Городские Управы... Вследствие изложенного... предлагаю Управе немедленно принять все зависящие от нее меры к надлежащему составлению дополнительных списков. Обращая внимание Управы на особую важность вышеуказанных подготовительных работ, я уверен, что списки избирателей будут составлены Управой с совершенной точностью, дабы впоследствии не было оснований к обжалованию списков, а в особенности к обжалованию самих выборов» (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 6).

В декабрьском номере «Орловских губернских ведомостей» (№ 99 от 24 декабря 1905 г.) указывается количество выборщиков. По Орловской губернии и городу Орлу их было 122, в том числе от съезда уполномоченных от волостей – 59, от съезда землевладельцев – 45 и 18 – от съезда городских избирателей. Более 10 выборщиков давали Ливенский (18), Елецкий (17), Брянский (13) и Малоархангельский (12) уезды. Количество земли, дающее право на участие в съезде уездных землевладельцев варьировалось в губернии от 125 до 250 десятин земли в зависимости от уезда (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 10).

28 декабря 1905 года проходит заседание городской думы по избранию трех комиссий – по количеству полицейских частей г. Орла (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 11) для составления списков выборщиков в Государственную думу. На 30 декабря на 8 часов вечера было уже запланировано заседание комиссий. В этой связи за подписью Орловского городского головы в срочном порядке кандидатам направлялись просьбы явиться в указанное время в здание городской управы для согласия или письменного отказа принять на себя обязанности члена комиссии (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 11).

Орловская городская управа, выполняя поручение губернатора, дает объявление, что, кроме лиц, внесенных в списки избирателей на основании Положения от 6-го августа о выборах в Государственную думу, имеют право участвовать в выборах также лица, которые занимают в г. Орле отдельную квартиру не менее года, не уплачивая квартирного налога, для чего лица эти, если желают принять участие в выборах, должны подавать заявления в Орловскую городскую управу не позже 14-го января 1906 года (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 9).

3 января 1906 г. Орловская городская управа направляет орловскому полицмейстеру прошение составить списки по полицейской части г. Орла и доставить их в городскую управу также не позднее указанной даты (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 36).

В выписке из журнала заседания Орловской губернской по делам о выборах в Государственную думу комиссии даются рекомендации со ссылками на законодательство по устранению неточностей или ошибок в определении личного ценза избирателей и неполноты от невнесения кого-либо из лиц в избирательные списки, по установлению возраста, при определении времени владения лицом недвижимым имуществом, времени обладания квартирой, а также при распределении между избирательными участками лиц, подлежащих внесению в избирательные списки по получаемому ими «содержанию или пенсии по службе государственной, земской, городской и в сословных учреждениях или на железных дорогах» (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 220-220об.).

4 февраля 1906 года проходит заседание данной комиссии по рассмотрению представления Орловской городской управы от 26 января 1906 г. за № 54 о разрешении встретившегося сомнения по ряду вопросов избирательного права (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 231-232).

10 февраля 1906 г. губернатор направляет в Орловскую городскую думу просьбу о предоставлении списков выборщиков по избирательным участкам (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 233).

Списки избирателей для участия в выборах в Госдуму предоставляются от городских учреждений (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 106), Судебной управы (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 39), богадельных заведений (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 29-29об.), Орловского акционерного управления (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 24-25, 42-42об., 44об.-45), Орловского окружного суда (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 31-32), правления семинарий (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 47-48), Орловской казенной палаты (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 57-58, 72-72об.), иных служащих (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 60-67, 69), Брянской управы (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1059. Л. 32).

Составляются также списки рабочих промышленно-торговых заведений г. Орла по выборам уполномоченных для выборов в Государственную думу (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1067) и списки служащих ж/д транспорта (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1056), списки избирателей для выборов в Государственную думу по 1 избирательному участку (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1056) и по 3 избирательному участку (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1057), списки граждан города Орла, имеющих право

участия в городском избирательном собрании по выборам в Государственную думу (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1069; ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1070).

При этом списки уточнялись и корректировались. Так, Орловский окружной суд направил в городскую управу список лиц, состоящих при суде и проживающих в городе Орле. В этот список входил и член суда Н.Д. Кагальников, однако в отпечатанном списке избирателей его не было. В этой связи Орловская городская управа дает объявление, что Николай Павлович Кагальников в печатный избирательный список не вошел по ошибке, но в подлинном списке значится и поэтому имеет право на участие в выборах. Кроме того, признаны имеющими право на участие в выборах в Государственную думу по 1-му избирательному участку гор. Орла священники Троицко-Васильевской церкви г. Орла Алексей Иванович Никольский и Ильинской церкви – о. Николай Азбукин как получающие от казны содержание (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 52-53).

На основании циркуляра МВД от 17 декабря 1906 г. № 607 и телеграммы от 21 февраля № 571 Орловской городской управой назначено избрание выборщиков в Государственную думу по избирательным участкам на 19 марта 1906 г. для избрания по 1 части – 25 выборщиков, по 2 – 36 и по 3 – 19 (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1069. Л. 44).

Подобные объявления размещают в местных газетах и другие уезды.

В объявлении Орловского городского главы Н.Д. Суханова указывается, что 20 марта 1906 г. с 9 утра до 9 вечера будет проходить избрание выборщиков по всем 3 участкам города Орла. Собрания избирателей состоятся: 1-го участка – в помещении городской управы, 2-го – в Доме дворянства напротив отделения Государственного банка и 3-го – в помещении Купеческого собрания на Болховской улице в доме Левакова. При явке хорошо известным председателям собраний избирателям необходимо предъявлять настоящее объявление, а тем, кто лично не известен или малоизвестен, кроме объявления, иметь при себе вид на свое звание или удостоверение своего начальника для подтверждения личности (ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1038. Л. 95).

Отметим, что в губернии развернулась активная предвыборная (в том числе и агитационная) работа. При этом в данном процессе были определенные «трудности»: незнание выборщиков (Брянский уезд), активное административное влияние (на процесс выборов, на количество выборщиков и т.д.), практика разделения предварительных съездов, открытая агитация за «выгодного» кандидата (земские начальники разъезжали по деревням и на сходах приглашали крестьян вступить в партию правового порядка, предупреждая, что, кто запишется в другие союзы, будет строго преследуем), подкуп избирателей (город Болхов). Наблюдатели церковно-приходских школ воспрещали учителям подавать голоса за кандидатов передовых партий.

В результате в Первый созыв Государственной думы вошли крестьяне, примкнувшие в группе трудящихся: «Никифор Демьянович Алехин (29 лет, Ливенский уезд), Иван Степанович Бибиков (33 года, Брянский уезд), Иван Петрович Голиков (54 года, Елецкий уезд), Иван Федотович Степин (32 года, Кромской уезд), Александр Кириллович Стефашин (45 лет, Орловский уезд), Максим Евфимович Куканов (31 год, Малоархангельский уезд). Также среди крестьян в Государственную думу от Орловской губернии вошел Дмитрий Иванович Зайцев (26 лет) (направление не известно. В начале сессии серьезно заболел нервным расстройством и уехал к себе в Карачевский уезд)» (ГД, 1906: 51-53; Гаврилюк, 2010: 261-262).

В числе тех, кто представлял Орловскую губернию в первом отечественном парламенте, были достаточно известные люди. Так, видными представителями Орловской губернии были орловский губернский предводитель дворянства Михаил Александрович Стахович (45 лет) и председатель Орловской губернской земской управы дворянин Федор Васильевич Татаринцов (46 лет), избранный в члены Госдумы от города Орла (ГД, 1906: 51-53; Зотов, 2018: 13-19).

М.А. Стахович был одним из организаторов «Союза 17 октября», а также одним из 394 создателей думской фракции мирного обновления, «участвовал во всех 40 заседаниях, выходил на трибуну 45 раз, выступал с 5-тью речами и докладами, работал в 6 комиссиях, в том числе в комиссии о гражданском и национальном равноправии, в аграрной комиссии, в подкомиссии о равноправии крестьян» (Гуларян, 2016: 42-48; Гуларян, 2012: 184-192; Минаков, 2009: 231-243; Елецкие корни, 1996: 11-12; Орловский мудрец, 2011: 6-26, 51-72).

После роспуска Первой Государственной думы представители Совета объединенного дворянства за подписью товарища председателя Совета А. Нарышкина пишут Государю следующее: «Высочайший указ 8 июля о роспуске Государственной Думы, представляет собою поворотный пункт в ряду политических событий, столь быстро протекающих в переживаемое нами смутное время... Стране дано время одуматься, разобраться, в водовороте крайних мнений и требований, для оценки которых у огромного большинства населения нет критерия, и наметить до начала новых выборов подлинных выразителей народной мысли и действительных народных нужд... Вне сомнения, что русское Дворянство, несмотря на испытываемые потрясения, не останется в столь важную историческую минуту безучастным к общему народному делу... В силу этого Совет обратился к Губернским Предводителям Дворянства с просьбой созвать чрезвычайные дворянские собрания, чтобы созвать общий Съезд уполномоченных объединенного дворянства. Среди прочих вопросов этому съезду предстояло бы обсудить основания избирательной системы, обеспечивающей в

Государственной Думе равномерное представительство всех интересов и политических направлений (ГАОО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 2. Л. 9-90б.).

Верноподданнические чувства Государю по поводу Манифеста 9-го июля о роспуске Государственной думы выражает и Орловская городская дума, в связи с чем Государь благодарит Городскую думу (ГАОО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 2. Л. 28).

Другие считали, что роспуск Думы – это обращение правительства к стране в споре его с народным представительством. Все население должно высказаться, кого оно считает правым в этом споре (Каминка, Набоков, 1907: 20).

С роспуском Думы (в рамках данной статьи мы не останавливаемся на анализе причин ее роспуска – Авт.) одной из первых забот правительства было не допустить бывших членов Думы к общению с пославшим их народом. Немедленно были приняты меры и разосланы соответствующим лицам секретные циркуляры о недопущении устройства митингов с участием бывших членов Государственной думы, а несколько позднее министр внутренних дел предложил губернаторам и градоначальникам принять самые решительные меры к прекращению «революционной» деятельности бывших членов Государственной думы, разъезжающих по селениям для общения с крестьянами (Куприянова, 1907: 25).

Современник тех лет В.В. Брюсянин пишет, что «...не так давно в провинциальной хронике столичной печати было напечатано краткое, но вразумительное сообщение: «В с. Дьяково, Орловской губернии пойман психически больной, при котором найдена карточка, удостоверяющая, что это – бывший член государственной думы от Екатеринославской губернии Лысенко. Больной бегал с криком: «Меня преследуют вооруженные, спасите!»... Два-три месяца тому назад мы встречали И.И. Лысенко в кулуарах Думы и, судя по его спокойному отношению к думской работе, трудно было представить депутата бегущим по улице с таким криком. Вероятно, далек был от такой мысли и сам депутат, считавший себя избранником народа и неприкосновенною личностью» (Брюсянин, 1906: 3).

В родном селе Куракино был арестован представитель Малоархангельского уезда М.Е. Куканов (Брюсянин, 1906: 30; Куприянова, 1907: 29). По прибытии домой, Куканов никаких митингов не устраивал и ничего преступного не делал, и тем не менее со дня его прибытия в дом отца полиция все следила за ним и уже несколько раз собиралась его арестовать, но ему удавалось скрываться, пока, наконец, застигнутый врасплох, он не был арестован местным приставом (Брюсянин, 1906: 30). В тот же день Куканов был заключен в местную, а затем 23 августа под усиленным конвоем отправлен в орловскую тюрьму, откуда был сослан административным порядком «в места, не столь отдаленные». Крестьянское население возмущено отношением властей к народному избраннику и, как говорит местная газета, «не случись ночью, когда все крестьяне спали, без боя не выдали бы своего депутата» (Брюсянин, 1906: 30).

Оставлен на большом подозрении представитель Орловской губернии Д.И. Зайцев, у которого при обыске в его доме, в с. Молодовом, были найдены следующие брошюры: «Как начала работать Государственная Дума?», «Как живут духовные христиане?» и программа под заглавием «Выборщики». Обладая таким «преступным» багажом, Д.И. Зайцев никак не ожидал обыска и думал, что депутатская неприкосновенность еще способна защитить от вторжения поздних гостей и его самого, и его жилище. Как потом оказалось, обыск в доме Д.И. Зайцева был произведен только потому, что бывший депутат сказал в церкви речь, обратившись к молящимся с сообщением о Думе и о злобах дня. Кроме того, местные власти дознались, что к Д.И. Зайцеву иногда заходят какие-то «неизвестные» (Брюсянин, 1906: 38). По другим источникам, обыск у Д.И. Зайцева был безрезультатным (Куприянова, 1907: 32).

12 августа за организацию митинга в родной деревне Осиповка был арестован депутат Брянского уезда И.С. Бибииков и привезен в арестантском вагоне вместе с уголовными в Орел, где и водворен в исправительные арестантские отделения. Крестьяне были так оскорблены и раздражены арестом своего депутата, что его боялись отправить с ближайшей станции и увели под конвоем на следующую станцию верст за 30 (Куприянова, 1907: 30). Однако «брянский уездный исправник Н.С. Буйницкий писал в рапорте губернатору, что арест И.С. Бибиикова произвел на крестьян скорее успокаивающее действие и отнеслись они к нему совершенно равнодушно» (Гаврилюк, 2010: 265).

«На виду» у властей были и другие крестьяне-депутаты (Гаврилюк, 2010: 261-267). Из состава дворянских обществ исключен С. Муромцев (Куприянова, 1907: 35).

Характерно, что «неудачный опыт первой Государственной Думы заметно охладил отношение крестьян к этому учреждению и это сказалось на их дальнейшем представительстве в указанной структуре» (Гаврилюк, 2010: 266).

Во Вторую Государственную думу от Орловской губернии и города Орла вошли уже «3 крестьянина (георгиевский кавалер, кадет Митрофан Азарович Карпов (Ливенский уезд), прогрессист Александр Васильевич Черников (Болховский уезд) и прогрессист Николай Федорович Шведчиков (Севский уезд), 5 дворян и С.Н. Булгаков. Среди избранных вновь были Ф.В. Татаринцов и М.А. Стахович (к этому времени он перешел в Партию мирного обновления). Также были избраны кадет А.А. Стахович (Елецкий предводитель дворянства в 1895–1904), малоархангельский предводитель дворянства князь Александр Борисович Куракин (председатель орловского отдела

октябристов), елецкий предводитель дворянства Виталий Георгиевич Ветчинин (вначале входил во фракцию «Союза 17 октября», затем перешел в группу правых и умеренных) ([Члены ГД, 1907: 218-226](#); [Алымова, 2007: 89-97](#)).

В 1-й и 2-й Государственных думах М.А. Стахович выдвинулся своими речами: по предложению осудить политические убийства, по аграрному движению, по белостокскому погрому и др.

Философ и экономист С.Н. Булгаков был избран в Думу второго созыва от партии конституционных демократов. Вскоре, разочаровавшись в политической деятельности, которую он характеризовал как «духовную нищету» и «смрад», он вышел из партии и стал называть себя «черносотенным кадетом». Впоследствии он отказался от чисто политической деятельности, все более и более уходя в сферу религиозного мировосприятия.

Он участвовал в выборах в созывах в первую и четвертую Государственные думы, но не прошел. «В этот период он полагал, что имел достаточные данные для работы в Думе, а потому считал себя обязанным идти в Думу, чтобы вложить свои силы в общую работу, в строительство новой России» ([Алымова, 2007: 89-97](#)). По его мнению, «Государственная Дума, народное представительство должно возложить на себя нелегкую задачу: создание права вместо бесправия... Несчастье России за последнее время состоит в том, что у нас нет права» ([Полынкин, 2012: 29](#)). С.Н. Булгаков «девять раз выступил на ее заседаниях, вошел в ряд комиссий: бюджетную, о свободе совести, аграрную, Возглавлял думскую комиссию по церковным вопросам» ([Алымова, 2007: 89-97](#)).

Вторая дума была распущена 3 июня 1907 года в виду невозможности найти пути сотрудничества как для правительства, так и для народного представительства.

В Третьей Государственной думе было следующее представительство: в виду угасания интереса орловского крестьянства к данному представительному органу ([Гаврилюк, 2010: 267](#)) заметно активизировались октябристы. К ним себя относили дмитровский предводитель дворянства Васич Николай Васильевич, крупный лесопромышленник из города Карачева Меньшиков Иван Алексеевич, председатель Малоархангельской уездной земской управы Потулов Василий Александрович, брянский уездный предводитель дворянства, князь Тенишев Вячеслав Вячеславович, а также правый октябрист Новицкий Михаил Александрович (непременный член землеустроительной Малоарахангельской комиссии, крупный землевладелец) ([Члены ГД, 1913а: 212-220](#)).

Второй раз проходит в Думу елецкий предводитель дворянства Виталий Георгиевич Ветчинин (в данном созыве позиционировал себя уже как националист). К этой группе относил себя и волостной старшина Кромского уезда Рубцов Филипп Васильевич.

Правые позиции занимал орловский уездный предводитель дворянства Володимеров Святослав Александрович – один из руководителей Союза русского народа (с 1906 г.), член первого состава Главной палаты Союза Михаила Архангела (с 1909 г.).

К прогрессистам себя относил севский уездный предводитель дворянства, отставной лейтенант Федоров Александр Александрович ([Члены ГД, 1913а: 212-220](#)).

В 4-й Государственной думе также меняется политический расклад.

Националисты были представлены членом Госдумы 2-го и 3-го созывов, камер-юнкером высочайшего двора, елецким предводителем дворянства В.Г. Ветчининим, крестьянином Брянского уезда, волостным старшиной Киселевым Дмитрием Васильевичем, помещиком Орловского уезда, гласным уездных и губернских собраний Пушиным Лаврентием Ивановичем, протоиереем Зверевым Петром Михайловичем (Елецкий уезд), трагически погибшим в апреле 1918 г. ([Аронов, 2005: 168-171](#)), а также священником города Ливен Покровским Павлом Алексеевичем. Последние были депутатами епархиального и окружного съездов духовенства ([Члены ГД, 1913б: 212-220](#)).

В рядах октябристов остался Потулов Василий Александрович. Такие же взгляды разделяли крестьянин Трубчевского уезда, член Трубчевской земской управы, гласный Орловского губернского земства Мазохин Иван Кузьмич (после раскола фракции октябристов входил в группу «Союз 17 октября» и Прогрессивный блок) и Ростовцев Николай Александрович, купец города Ельца и директор Елецкого городского общественного банка, гласный Орловского губернского земства.

Позиции правых от Орловской губернии представлял «бывший Тульский вице-губернатор, а затем Вологодский и Нижегородский губернатор, член Главного совета «Союза русского народа», камергер Хвостов Алексей Николаевич», занимавший в Думе пост председателя фракции ([Члены ГД, 1913б: 212-220](#); [Зотов, 2018: 14](#)). Он считался одним из оппозиционно настроенных по отношению к Григорию Распутину царских сановников. Впоследствии стал одной из первых жертв «красного террора». На выборах он проводил политику явного административного вмешательства ([Иванов, 2013: 63](#)). Весьма нелестно о нем отзывались его современники. Так, С.Н. Булгаков писал о нем: «Это был отвратительно толстый и столь же развязный человек, – он внушал мне непримиримое отвращение». С.Ю. Витте отмечал, что «для него никаких законов не существует» ([Иванов, 2013: 215](#)). Его характеризовали как талантливого и образованного, энергичного и предприимчивого, но совершенного безнравственного и беспринципного и называли «Соловьем-разбойником» ([Иванов, 2013: 214-231](#); [Зотов, 2018: 14](#)). Подобного мнения придерживались С.Е. Крыжановский, В.Ф. Джунковский, П.Н. Милуков, В.Н. Коковцев ([Иванов, 2013: 214-231](#); [Зотов, 2018: 14](#)).

Верхней палатой парламента стал реформированный Государственный совет, состоявший из высших чиновников, назначавшихся императором, и выборных представителей различных групп общественной элиты «(от православного духовенства (6), губернских земств (34), губернских дворянских обществ (18), Академии Наук и императорских университетов (6), выборных от предпринимательских кругов (12))» (Кравец, 2015: 44).

В Госсовет от Орловской губернии входили дважды избиравшийся (в 1907 г. и 1912 г.) от орловского земства камергер, действительный статский советник М.А. Стахович, «рыцарь без страха и сомнений», действительный тайный советник, сенатор, награжденный солдатским Георгиевским крестом А.А. Нарышкин, В.Э. Ромер (Брянский уезд), князь А.А. Куракин, тайный советник И.И. Новицкий, тайный советник А.А. Хвостов, действительный тайный советник В.И. Тимирязев.

Важно отметить, что по инициативе М.А. Стаховича состоялось первое совместное совещание некоторых членов обеих палат парламента в одном из расположенных недалеко от Мариинского дворца ресторанов (Воспоминания, 2017: 280).

В своей речи о военно-политическом состоянии России в Государственном совете от губернского земства М.А. Стахович отмечал: «...Я предпочитаю правовой порядок полицейскому, и при самых слабых проявлениях его в законодательном предположении я поддерживаю его в Комиссии и голосовании в Государственном Совете. Я стоял за утверждения, развития незыблемых начал государственных основ, дарованных 17 октября 1905 г., территориальное расширение самоуправления, развитие милостивых учреждений (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 343).

В выписке из журнала Чрезвычайного орловского губернского земского собрания от 1 июля 1909 года указано, что собрание приступило к выборам члена Государственного совета от Орловского губернского земства. Поданными записками намечались следующие кандидаты: М.А. Стахович – 39 записок, В.А. Шеншин – 31, А.А. Нарышкин – 2 и М.К. Полозов – 2. По произведенной закрытой баллотировке действительный статский советник Михаил Александрович Стахович получил 41 избирательный и 27 неизбирательных шаров. Другие от баллотировки отказались, вследствие чего собрание постановило признать выборы законченными (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 343. Л. 68).

Списки лиц, имеющих право быть избранными в Государственный совет от Орловской губернии (также как и в Госдуму), публиковались в «Орловских губернских ведомостях» (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 343).

В этих списках было много известных в губернии лиц. Так, среди них можно назвать И.Ф. Тютчева (по Брянскому уезду), В.А. Галицина, С.А. Володимерова, М.К. Полозова (по Орловскому уезду), по Елецкому уезду – А.А. Стаховича, В.А. Стаховича, Д.Н. Ремера, А.А. Хвостова, В.Г. Ветчинина, по Малоархангельскому уезду – Куракина Б.А. (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 343. Л. 19-190б.).

В члены Государственного совета Александр Александрович Нарышкин избран дворянством в 1906 г. и выбыл по жребию в 1909 г. Он принимал участие в следующих комиссиях Госсовета: законодательных предположений, по закону 9 ноября, о старообрядческих общинах, о землеустройстве, о местном суде, о перемене вероисповедания, о волостном земском управлении и др. Принадлежал к группе правых (Левенсон, 1915: 242).

Владимир Эмилиевич Ромер являлся «директором крупного Орловского коммерческого банка (филиал его находился и в Брянске), более 20 лет избирался гласным Брянского уездного земства» (Зотов, 2018: 16).

Государственный деятель Хвостов Александр Алексеевич был назначен членом Государственного совета 1 января 1912 г. Министр юстиции с 6 июля 1915 г. по 7 июля 1916 г. и министр внутренних дел с 7 июля по 16 сентября 1916 г. После Февральской революции проживал в своем имении в Елецком уезде Орловской губернии. После прихода к власти большевиков был выслан в ссылку в Елец (Левенсон, 1915: 106).

В 1909 г. в Госсовет также был назначен и Анатолий Александрович Куракин – князь, потомственный дворянин Орловской губернии. Он примкнул к группе правых.

1 февраля 1914 г. был назначен членом Государственного совета тайный советник, потомственный дворянин Орловской губернии, сенатор Новицкий Иосиф Иосифович, примкнувший к группе центра.

Василий Иванович Тимирязев выставлял свою кандидатуру в члены Государственного совета на выборах от торговли и промышленности (1906 г.), примыкает к партии центра, стремящейся к скорейшему и коренному обновлению государственного и экономического строя в России (Левенсон, 1915: 231).

С Орловской губернией связаны тайный советник Сергей Федорович Вебер – дворянин Харьковской губернии (в 1892 г. назначен управляющим Орловской казенной палатой), действительный тайный советник Михаил Дмитриевич Дмитриев (в 1868 г. назначен помощником орловского губернского землемера, а затем помощником ревизора Орловской контрольной палаты; с 1870 г. старший ревизор той же палаты), сенатор, тайный советник Сергей Сергеевич Манухин (служил секретарем при прокуроре Орловского окружного суда), Федор Федорович Палицын (русский военный деятель, начальник Главного управления Генерального штаба. Образование получил в Орловской Бахтина военной гимназии), российский государственный и военный деятель,

шталмейстер Трубников Александр Николаевич (с 1894 по 1901 гг. был орловским губернатором), Леонид Дмитриевич Лесевицкий (председатель Харьковской губернской земской управы, в 1890 г. был командирован на общественные работы в Орловскую губернию для заведования постройкой водных сооружений), Владимир Николаевич Охотников (промышленник, сенатор, действительный тайный советник. Потомственный дворянин Московской, Орловской, Пензенской и Оренбургской губерний) (Левенсон, 1915: 9, 37, 66, 75, 111, 202, 220).

4. Заключение

Проведенное исследование позволило констатировать факт того, что многие представители российского парламента того времени имели значительный управленческий опыт в той или иной сфере. Социально-экономическое положение как всего населения, так и представителей депутатского корпуса превращалось в детерминанту их политического мировоззрения. Кроме того, при всей дискуссионности вопроса представительство различных сословий российских губерний в составе парламента влияло на его социально-политическую конфигурацию, направление законодательных мероприятий, а в целом – дальнейшую судьбу государства.

Литература

- Алымова, 2007 – Алымова Н.И. С.Н. Булгаков и думские избирательные кампании в Орловской губернии в 1906–1912 гг. // *Булгаковские чтения*. 2007. № 1. С. 89-97.
- Аронов, 2005 – Аронов Д.В. Депутаты Государственной думы российской империи от Орловской губернии // *Вестник Орловского городского Совета народных депутатов. Власть. Общество. Наука*. Орел, 2005. С. 168-171.
- Бородин, 1906 – Бородин Н.А. Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906. 72 с.
- Бикамерализм, 2003 – Бикамерализм в европейских парламентах: учет интересов и согласование позиций // *Материалы международного семинара*. М., 2003. 145 с.
- Брамсон, 1917 – Брамсон Л.М. К истории Трудовой партии: Трудовая группа Первой Гос. Думы. Петроград, 1917. 96 с.
- Брусянин, 1906 – Брусянин В.В. Судьба первых депутатов. 1906. СПб., 82 с.
- Воспоминания, 2017 – Воспоминания: Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. СПб., 2017. 406 с.
- Выборы, 2008 – Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы). М., 2018. 860 с.
- Гаврилюк, 2010 – Гаврилюк И.В. Отражение деятельности Государственной Думы первых созывов на крестьянском движении в Орловской губернии 1905–1907 гг. // *Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования»*. 2010. № 5 (13). С. 261-267.
- ГАОО – Государственный архив Орловской области.
- ГД, 1906 – Государственная Дума первого призыва: портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М., 1906. 110 с.
- Голубев, 1907 – Голубев В. Первая Государственная Дума // *Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения*. 1907. № 2. С. 1-23.
- ГД, 1995 – Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты / Ред. В.Д. Карпович. Т. II. М., 1995. 285 с.
- Гулярян, 2012 – Гулярян А.Б. М.А. Стахович: политические взгляды и общественная деятельность // *Российская история*. 2012. № 2. С. 184-192.
- Гулярян, 2016 – Гулярян А.Б. М.А. Стахович: опыт политической биографии // *Историческое обозрение*. 2016. № 17. С. 42-48.
- Демин, 2006 – Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. 376 с.
- Елецкие корни, 1996 – Елецкие корни: семья Стаховичей. Очерки истории Елецкого уезда. Вып. 2. Елец, 1996. 266 с.
- Ерыгина, 2018 – Ерыгина В.И. Народное представительство как юридическая фикция в конституционном праве // *Конституционное и муниципальное право*. 2018. № 1. С. 22-27.
- Зотов, 2018 – Зотов В.В. Орловские земские деятели-дворяне в представительных органах власти России (1906–1917 гг.) // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2018. № 2 (79). С. 13-19.
- Иванов, 2013 – Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013. 520 с.
- История..., 2013 – История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. М., 2013. 240 с.
- Каминка, Набоков, 1907 – Каминка А.И., Набоков В.Д. Вторая Государственная Дума. СПб., 1907. 308 с.
- Коновалова, 2020 – Коновалова Л.Г. Государственная дума 1906–1917 гг.: палата парламента без парламентаризма // *История государства и права*. 2020. № 8. С. 69-74.

- Кравец, 2015** – Кравец И.А. Парламентаризм и бикамерализм в теории и российской истории // *Конституционное и муниципальное право*. 2015. № 4. С. 42-46.
- Куприянова, 1907** – Куприянова Л. Депутаты первого призыва после роспуска Государственной Думы // *Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения*. 1907. № 2. С. 24-36.
- Левенсон, 1915** – Левенсон М.Л. Государственный совет: [портреты и биографии]. [2-е изд.]. Петроград, 1915. 268 с.
- Минаков, 2009** – Минаков А.С. Общественно-политическая деятельность М.А. Стаховича // *Научное наследие А.Г. Кузьмина и отечественная история / Материалы Всероссийской научной конференции*. Рязань, 2009. С. 231-243.
- Орловский мудрец, 2011** – Орловский мудрец, опередивший время / *Сборник научных статей*. Орел, 2011. 196 с.
- Осипов, 2006** – Осипов С.В. Первые шаги российского парламентаризма: борьба за народное представительство в 1904–1905 гг. Ульяновск, 2006. 121 с.
- Польинкин, 2012** – Польинкин А. История Орловского края в лицах. Орел, 2012. 247 с.
- Савенкова, 2010** – Савенкова Л.В. История развития народного представительства в дореволюционной России // *Вестник Военного университета*. 2010. № 4 (24). С. 168-175.
- Соловьев, 2011** – Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. 511 с.
- Червинская, 2019** – Червинская А.П. Бикамерализм как принцип устройства парламента: исторический опыт и проблемы современной России // *Государство и право*. 2019. № 10. С. 166-174.
- Чичерин, 1866** – Чичерин Б.Н. О народном представительстве / [соч.] Б. Чичерина. М., 1866. 552 с.
- Члены ГД, 1907** – Члены Государственной думы: (портреты и биографии): Второй созыв, 1907–1912 г. / Сост. М.М. Боиович. М., 1907. 519 с.
- Члены ГД, 1913a** – Члены Государственной думы: (портреты и биографии): Третий созыв, 1907–1912 г. / Сост. М.М. Боиович. М., 1913. 456 с.
- Члены ГД, 1913b** – Члены Государственной думы: (портреты и биографии): Четвертый созыв, 1912–1917 г. / Сост. М.М. Боиович. М., 1913. 454 с.
- Merkulov et al., 2020** – Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V. The theory of patriotism in pre-revolutionary Russia - From the first steps to the practice of implementation // *BylyeGody*. 2020. 55(6): 226-241.
- Merkulov et al., 2017a** – Merkulov P.A., Turin E.A., Savinova E.N. Cultural and historical determinants of the formation of the identity of the Scots: the question of the national self-determination of Scotland // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 764-775.
- Merkulov et al., 2017b** – Merkulov P.A., Sokolov V.V., Melnikov A.V. The interaction of civil society institutions and the state in the sphere of youth policy implementation: The Russian experience of the beginning of XX century // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 257-264.
- Strom, 2000** – Strøm K. Delegation and Accountability in Parliamentary Democracies // *European Journal of Political Research*. 2000. 37: 261-290.

References

- Alymova, 2007** – Alymova, N.I. (2007). S.N. Bulgakov i dumskie izbiratel'nye kampanii v Orlovskoj gubernii v 1906-1912 gg. [S.N. Bulgakov and the Duma election campaigns in the Oryol province in 1906-1912]. *Bulgakovskie chtenija*. 1: 89-97. [in Russian]
- Aronov, 2005** – Aronov, D.V. (2005). Deputaty Gosudarstvennoj dумы rossijskoj imperii ot Orlovskoj gubernii [Deputies of the State Duma of the Russian Empire from the Oryol province]. *Vestnik Orlovskogo gorodskogo Soveta narodnyh deputatov. Vlast'. Obshchestvo. Nauka*. Orel. Pp. 168-171. [in Russian]
- Bikameralizm, 2003** – Bikameralizm v evropejskih parlamentah: uchet interesov i soglasovanie pozicij. Materialy mezhdunarodnogo seminar [Bicameralism in European parliaments: consideration of interests and coordination of positions. Materials of the international seminar]. Moskva, 2003. 145 p. [in Russian]
- Borodin, 1906** – Borodin, N.A. (1906). Gosudarstvennaja Duma v cifrah [State Duma in figures]. SPb. 72 p. [in Russian]
- Bramson, 1917** – Bramson, L.M. (1917). K istorii Trudovoj partii : Trudovaja gruppa Pervoj Gos. Dumy [On the history of the Labor Party: Labor group of the First State. Duma]. Petrograd. 96 p. [in Russian]
- Brusjanin, 1906** – Brusjanin. V.V. (1906). Sud'ba pervyh deputatov [The fate of the first deputies]. SPb. 82 p. [in Russian]
- Chervinskaja, 2019** – Chervinskaja, A.P. (2019). Bikameralizm kak princip ustrojstva parlamenta: istoricheskij opyt i problemy sovremennoj [Bicameralism as a principle of parliamentary structure: historical experience and problems of modern Russia]. *Gosudarstvo i pravo*. 10: 166-174. [in Russian]
- Chicherin, 1866** – Chicherin, B.N. (1866) O narodnom predstavitel'stve [On the people's representation]. [soch.] B. Chicherina. M. 552 p. [in Russian]

- Chleny GD, 1907** – Chleny Gosudarstvennoj dumy: (portrety i biografii) : Vtoroj sozyv, 1907–1912 g. [Members of the State Duma: (portraits and biographies): Second convocation, 1907–1912]. Sost. M.M. Boiovich. M. 1907. 519 p. [in Russian]
- Chleny GD, 1913a** – Chleny Gosudarstvennoj dumy : (portrety i biografii) : Tretij sozyv, 1907–1912 g. [Members of the State Duma: (portraits and biographies): Third convocation, 1907–1912]. Sost. M.M. Boiovich. M. 1913. 456 p. [in Russian]
- Chleny GD, 1913b** – Chleny Gosudarstvennoj dumy : (portrety i biografii) : Chetvertyj sozyv, 1912-1917 g. [Members of the State Duma, 1913b – Members of the State Duma: (portraits and biographies): Fourth convocation, 1912-1917]. sost. M. M. Boiovich. M. 1913. 454 p. [in Russian]
- Demin, 2006** – *Demin, V.A.* (2006). Verhnjaja palata Rossijskoj imperii. 1906–1917 [Upper House of the Russian Empire. 1906–1917]. M. 376 p. [in Russian]
- Eleckie korni, 1996** – Eleckie korni : sem'ja Stahovichej. Oчерki istorii Eleckogo uezda [Yelets roots: the Stakhovich family. Essays on the history of the Elets district]. Vyp.2.Elec. 1996. 266 p. [in Russian]
- Erygina, 2018** – *Erygina, V.I.* (2018). Narodnoe predstavitel'stvo kak juridicheskaja fikcija v konstitucionnom prave [Representation of the people as a legal fiction in constitutional law]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 1: 22-27. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblast [State Archive of the Orel region]. [in Russian]
- Gavriljuk, 2010** – *Gavriljuk, I.V.* (2010). Otrazhenie dejatel'nosti Gosudarstvennoj Dumy pervyh sozyvov na krest'janskom dvizhenii v Orlovskoj gubernii 1905–1907 g.g. [Reflection of the activities of the State Duma of the first convocations on the peasant movement in the Oryol province 1905–1907]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Novye gumanitarnye issledovanija*. 5(13): 261-267. [in Russian]
- GD, 1906** – Gosudarstvennaja Duma pervogo prizyva : portrety, kratkie biografii i harakteristiki deputatov [State Duma of the first draft: portraits, brief biographies and characteristics of deputies]. M. 1906. 110 p. [in Russian]
- GD, 1995** – Gosudarstvennaja Duma. 1906–1917. [State Duma. 1906–1917]. Stenograficheskie otchety. Red. V. D. Karpovich. T. II. M. 1995. 285 p. [in Russian]
- Golubev, 1907** – *Golubev, V.* (1907). Pervaja Gosudarstvennaja Duma [First State Duma]. *Byloe: Zhurnal, posvjashhennyj istorii osvoboditel'nogo dvizhenija*. 2: 1-23. [in Russian]
- Gularjan, 2012** – *Gularjan, A.B.* (2012). M.A. Stahovich: politicheskie vzgljady i obshhestvennaja dejatel'nost' [M.A. Stakhovich: political views and social activities]. *Rossijskaja istorija*. 2: 184-192. [in Russian]
- Gularjan, 2016** – *Gularjan, A.B.* (2016). M.A. Stahovich: opyt politicheskoy biografii [M.A. Stakhovich: the experience of political biography]. *Istoricheskoe obozrenie*. 17: 42-48. [in Russian]
- Istorija..., 2013** – Istorija dejatel'nosti pervyh Gosudarstvennyh dum dorevoljucionnoj Rossii: sravnitel'nyj analiz tradicij pravotvorchestva [The history of the first State Duma in pre-revolutionary Russia: a comparative analysis of the traditions of lawmaking]. M. 2013. 240 p. [in Russian]
- Ivanov, 2013** – *Ivanov, A.A.* (2013). Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krahu (1914–1917). [The Right in the Russian Parliament: From Crisis to Collapse (1914–1917)]. M.-SPb. 520 p. [in Russian]
- Kaminka, Nabokov, 1907** – *Kaminka, A.I., Nabokov, V.D.* (1907). Vtoraja Gosudarstvennaja Duma. [Second State Duma]. SPb. 308 p. [in Russian]
- Konovalova, 2020** – *Konovalova, L.G.* (2020). Gosudarstvennaja duma 1906-1917 gg.: palata parlamenta bez parlamentarizma [State Duma 1906-1917: the chamber of parliament without parliamentarism]. *Istorija gosudarstva i prava*. 8: 69-74. [in Russian]
- Kravec, 2015** – *Kravec, I.A.* (2015). Parlamentarizm i bikameralizm v teorii i rossijskoj istorii [Parliamentarism and bicameralism in theory and Russian history]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 4: 42-46. [in Russian]
- Kuprijanova, 1907** – *Kuprijanova, L.* (1907). Deputaty pervogo prizyva posle rospuska Gosudarstvennoj Dumy [Deputies of the first draft after the dissolution of the State Duma]. *Byloe: Zhurnal, posvjashhennyj istorii osvoboditel'nogo dvizhenija*. 2: 24-36. [in Russian]
- Levenson, 1915** – *Levenson, M.L.* (1915). Gosudarstvennyj sovet: [portrety i biografii]. [Levenson Council of State: [portraits and biographies]. [2-e izd.]. Petrograd. 268 p. [in Russian]
- Merkulov et al., 2017a** – *Merkulov, P.A., Turin, E.A., Savinova, E.N.* (2017). Cultural and historical determinants of the formation of the identity of the Scots: The question of the national self-determination of Scotland. *Bylye Gody*. 45(3): 764-775.
- Merkulov et al., 2017b** – *Merkulov, P.A., Sokolov, V.V., Melnikov, A.V.* (2017). The interaction of civil society institutions and the state in the sphere of youth policy implementation: The Russian experience of the beginning of XX century. *Bylye Gody*. 43(1): 257-264.
- Merkulov et al., 2020** – *Merkulov, P.A., Eliseev, A.L., Aronov, D.V.* (2020). The Theory of Patriotism in Pre-Revolutionary Russia – from the First Steps to the Practice of Implementation. *Bylye Gody*. 55(6): 226-241.
- Minakov, 2009** – *Minakov, A.S.* (2009). Obshhestvenno-politicheskaja dejatel'nost' M. A. Stahovicha [Social and political activity of M.A. Stakhovich]. *Nauchnoe nasledie A. G. Kuz'mina i otechestvennaja istorija. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Rjazan'*. Pp. 231-243. [in Russian]

- Orlovskij mudrec, 2011 – Orlovskij mudrec, operedivshij vremja [Oryol sage, ahead of his time]. *Sbornik nauchnyh statej*. Orel. 2011. 196 p. [in Russian]
- Osipov, 2006 – Osipov, S.V. (2006). Pervye shagi rossijskogo parlamentarizma: bor'ba za narodnoe predstavitel'stvo v 1904-05 gg. [The first steps of Russian parliamentarism: the struggle for popular representation in 1904-05]. Ul'janovsk, 121 p. [in Russian]
- Polynkin, 2012 – Polynkin, A. (2012). Istorija Orlovskogo kraja v licah [The history of the Oryol region in persons]. Orel, 247 p. [in Russian]
- Rossija, 1907 – Rossija. Administrativnoe delenie imperii [Russia. Administrative division of the empire]. Sostavil A.E. Rabchenko. SPb. 1907. 70 p. [in Russian]
- Savenkova, 2010 – Savenkova, L.V. (2010). Istorija razvitija narodnogo predstavitel'stva v dorevoljucionnoj Rossii [The history of the development of national representation in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Voennogo universiteta*. 4(24): 168-175. [in Russian]
- Solov'ev, 2011 – Solov'ev, K.A. (2011). Zakonodatel'naja i ispolnitel'naja vlast' v Rossii: mehanizmy vzaimodejstvija (1906–1914). [Legislative and executive power in Russia: mechanisms of interaction (1906–1914)]. M. 511 p. [in Russian]
- Strom, 2000 – Ström, K. (2000). Delegation and Accountability in Parliamentary Democracies. *European Journal of Political Research*. 37: 261–290.
- Vospominanija, 2017 – Vospominanija: Iz zhizni Gosudarstvennogo soveta 1907–1917 gg. [Memoirs: From the life of the State Council 1907–1917]. Sankt-Peterburg. 2017. 406 p. [in Russian]
- Vybory, 2008 – Vybory v I–IV Gosudarstvennye dumy Rossijskoj imperii. (Vospominanija sovremennikov. Materialy i dokumenty). [Elections to I – IV State Dumas of the Russian Empire. (Memoirs of contemporaries. Materials and documents)]. M. 2018. 860 p. [in Russian]
- Zotov, 2018 – Zotov, V.V. (2018). Orlovskie zemskie dejateli-dvorjane v predstavitel'nyh organah vlasti Rossii (1906–1917gg.) [Oryol zemstvo noblemen in the representative bodies of power in Russia (1906–1917)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(79): 13-19. [in Russian]

Народное представительство Орловской губернии в парламентских структурах начала XX века

Александра Павловна Червинская ^{a, *}, Оксана Вячеславовна Леонова ^a,
Алексей Владимирович Исаев ^a, Алексей Вячеславович Меркулов ^a

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Среднерусский институт управления – филиал, Российская Федерация

Аннотация. Осмысление опыта формирования депутатского корпуса в условиях внутригосударственной политической турбулентности и контексте исторических перепадов вызывает наш исследовательский интерес.

В работе авторы детально изучают сословный статус, политическое мировоззрение и процесс включения представителей Орловской губернии в деятельность парламентских структур начала XX века (Государственные думы 1–4 созывов и Государственный совет).

В рамках намеченных ключевых векторов авторами были проанализированы документы Государственного архива Орловской области, биографические данные членов Государственной думы и Государственного совета (1906–1917), справочно-энциклопедическая и мемуарная литература, периодическая печать, а также материалы «Таврических» и «Муромских» чтений.

В качестве основной методологической базы использованы проблемно-исторический метод, теория делегирования и теория агентских отношений, позволяющие рассматривать участие отдельных граждан в деятельности парламентских структур как представительство интересов народа в контексте конкретно-исторической обстановки.

В заключении авторы приходят к выводу, что при всей дискусионности вопроса представительство различных сословий российских губерний в составе парламента влияло на его социально-политическую конфигурацию, направление законодательных мероприятий, а в целом – дальнейшую судьбу государства.

Ключевые слова: народное представительство, парламент, Государственная дума, Государственный совет, Орловская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sasha.m-87@mail.ru (А.П. Червинская), oks980@rambler.ru (О.В. Леонова), IsaevLasha@yandex.ru (А.В. Исаев), merkulovaleksey@mail.ru (А.В. Меркулов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 536-546
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.536

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Literacy of the Rural Population of the Altai District in the Pre-Revolutionary Period (based on the materials of the All-Russian Agricultural Census of 1917)

Viktor N. Razgon ^{a,*}, Dmitry N. Belyanin ^b, Anton V. Razgon ^c

^aAltai State University, Russian Federation

^bT.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russian Federation

^cFinancial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

Based on the analysis of the materials of the agricultural census of 1917, the literacy of the rural population of the Altai District is studied in the article.

The mass migration movement to Siberia was a factor contributing to the increase of literacy of the rural population of the region. But during the initial adaptation period, the opportunity for migrant children to receive primary education decreased. The gap in the level of literacy between men and women was narrowing in the new generations of the rural population, but on the eve of the revolution of 1917, patriarchal ideas about the social role of women still dominated in the village, especially among old-timers peasants. During the census, the lowest level of literacy was recorded among members of households with a small crop, and the highest level – in wealthy peasant families, actively involved in the process of economic modernization that took place in the Russian Empire at the beginning of the XX century. The population of households without crop area was more literate than members of households with small crop and middle peasants due to the presence in it, in addition to rural proletarians, persons engaged in handicrafts, trade, and intellectual professions. The literacy level of the rural population of the Altai District corresponded to the initial stage of modernization of traditional society.

Keywords: literacy, primary education, rural population, peasantry, database, agricultural census, Altai District, Siberia.

1. Введение

В России к 1917 г. не было введено всеобщее начальное образование, поэтому уровень грамотности является важнейшим показателем характеристики социокультурного облика населения в целом и отдельных социальных групп, сословий и классов, его составляющих. Изменения в уровне грамотности характеризуют интенсивность модернизационных процессов, происходивших в Российской империи в начале XX века, в том числе и на окраинных ее территориях.

В данной статье определяется уровень грамотности сельского населения Алтайского округа – наиболее развитой в сельскохозяйственном отношении части Томской губернии. Алтайский округ являлся одним из основных районов водворения переселенцев, направлявшихся из европейской части в восточные районы империи в конце XIX – начале XX вв., что предоставляет возможность для определения влияния массовых переселений на уровень грамотности населения и развитие начального образования в Сибири.

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

2. Материалы и методы

Источниковую основу для написания статьи составили материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Хотя перепись имела экономический и демографический характер, ее данные могут использоваться также и для изучения социокультурных процессов, происходивших в стране в начале XX столетия. Важное значение для характеристики социокультурного облика крестьянства имеют содержащиеся в анкетах переписи данные об уровне грамотности. При проведении переписи уровень грамотности всех вносимых в подворную анкету членов семьи определялся по четырем критериям: «умеет читать и писать», «умеет читать», «учащийся», «неграмотный». К грамотному населению были отнесены первые три категории, т.е. грамотными считались также и те, кто в действительности являлся полуграмотным (малограмотным), – лица, не умевшие писать, дети с незаконченным начальным образованием.

Для структуризации информации, содержащейся в подворных анкетах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., авторами использовались методы и технологии баз данных. База данных, используемая для написания данной статьи, создана на основе обработки подворных анкет переписи и включает статистическую информацию об экономическом, социокультурном и демографическом состоянии 4 072 старожильческих домохозяйств, 2 714 домохозяйств мигрантов, водворившихся в Алтайский округ в период столыпинских переселений (1907–1917 гг.), и 4 850 хозяйств переселенцев более раннего времени, анкеты которых были отобраны на основе случайной 5-процентной выборки из общего числа сохранившихся анкет переписи ([Крестьянские хозяйства, 2009](#)).

Для определения уровня грамотности различных поселенческих и половозрастных групп сельского населения, зависимости уровня грамотности от экономического благосостояния крестьянских семей авторами использовались методы компьютеризованного статистического анализа иной, помимо сведений о грамотности, содержащейся в базе данных информации о демографическом и экономическом состоянии домохозяйств: поселенческом статусе, половозрастном составе, размерах посевов и др. Для выявления различий в уровне грамотности разных поселенческих, половозрастных и имущественных групп населения алтайской деревни применялся сравнительный метод.

3. Обсуждение

В дореволюционный период оценка политики царского правительства в области просвещения варьировалась от ее идеализации в официальной историографии ([Куломзин, 1898](#); [Линьков, 1912](#)) до критики в работах авторов революционно-демократического и либерального направлений. Авторы, принадлежавшие к либеральному направлению общественной мысли, выступали за развитие агротехнического образования в Сибири, способного стать катализатором модернизации сельскохозяйственного производства в регионе, введение доступного всеобщего начального образования, что связывалось с реализацией проектов введения земства в Сибири ([Шольц, 1903](#); [Малиновский, 1910](#)). В работах публицистов революционного направления политика царского правительства в области образования в Сибири оценивалась как антинародная, предлагалось введение всеобщего начального образования, расширение сети образовательных учреждений других ступеней, ликвидация церковных школ ([Чудновский, 1892](#)).

В советской период, хотя и в рамках идеологизированного подхода, обусловленного господством марксистской идеологии, был введен в научный оборот ценный источниковый материал по истории развития начального образования в Сибирском регионе ([Шамахов, 1957](#); [Панчуков, 1959](#); [Зверева, 1983](#)). Подробная характеристика советской историографии проблемы просвещения сибирского крестьянства представлена в специальной статье К.Е. Зверевой ([Зверева, 1988](#)).

В современной историографии политика в сфере образования рассматривается в контексте модернизационных преобразований, проводившихся царским правительством в начале XX столетия, как составной части вызванных ими социокультурных изменений ([Брукс, 1993](#); [Сапрыкин, 2009](#); [Сысоева, 2010](#); [Войтеховская, 2011](#); [Magsumov, 2014](#)). Возрос интерес исследователей к изучению специфики развития начального образования в различных регионах Российской империи ([Гач, 2011](#); [Цысь, Цысь, 2011](#); [Natolochnaya et al., 2016](#); [Cherkasov et al., 2020](#); [Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#); [Varabash et al., 2021a](#); [Varabash et al., 2021b](#)).

В сибиреведческой исторической литературе оценивается влияние массового переселения крестьян из европейской части страны в Сибирь на повышение грамотности населения региона ([Зверева, Зверев, 1992](#)), исследуются книжная культура сельского населения ([Тимофеева, 2012](#)), роль православной церкви в повышении грамотности и развитии народного образования в регионе ([Гизей, 2004](#); [Харченко, 2005](#)). Появляются монографические исследования, содержащие целостный анализ истории распространения грамотности, развития школьного образования и книжной культуры крестьянского населения Сибири в конце XIX – начале XX вв. ([Зверева, Зверев, 2013](#)).

Вместе с тем исследователями недооценен эвристический потенциал сельскохозяйственной переписи 1917 г. для изучения социокультурных характеристик крестьянского населения, в том числе уровня грамотности и распространения начального образования, влияния на них массовых

миграций, социально-экономических и демографических процессов, происходивших в деревне в начале XX века.

4. Результаты

Анализ представленных в [Таблице 1](#) сравнительных данных переписи 1917 г. о грамотности взрослого сельского населения Алтайского округа, принадлежавшего к разным поселенческим группам, показывает, что наибольшим этот показатель был у недавних переселенцев, прибывших на Алтай в период столыпинских переселений – 33,8 %, у переселенцев более раннего времени составлял 25,6 %, а самый низкий уровень грамотности был зафиксирован у сельчан-старожилов – 19,5 %.

Таблица 1. Уровень грамотности сельского населения Алтайского округа, принадлежавшего к разным поселенческим группам ([Крестьянские хозяйства, 2009](#))

Группа населения	Старожилы		Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.		Переселенцы столыпинского периода (1907–1917 гг.)		Все поселенческие группы	
	Грамотные	Неграмотные	Грамотные	Неграмотные	Грамотные	Неграмотные	Грамотные	Неграмотные
Мужчины старше 18 лет	32,9	67,1	43,1	56,9	54,0	46,0	41,3	58,7
Женщины старше 18 лет	6,4	93,6	7,3	92,7	10,6	89,4	8,0	92,0
Взрослое население в целом	19,5	80,5	25,6	74,4	33,8	66,2	25,0	75,0

Различие в уровне грамотности переселенцев и старожилов отражает более высокий уровень развития начального образования в Европейской России, поскольку значительная часть учтенного при проведении переписи взрослого переселенческого населения прошла обучение грамоте на родине. Имело значение и то, что в переселенческих семьях, как правило, было больше мужчин, чем в старожиловских, а грамотность мужского населения была выше уровня грамотности женщин. В целом это означает, что массовое переселенческое движение способствовало повышению общего уровня грамотности населения региона. Более высокий показатель грамотности столыпинских переселенцев по сравнению с мигрантами более раннего времени ([Таблица 1](#)) отражает ускорение развития начального образования в Европейской России в начале XX века, обусловленное увеличением финансирования и проведением мероприятий, связанных с подготовкой к реализации проекта введения всеобщего начального образования ([Сапрыкин, 2009: 56-57](#)).

Вместе с тем следует отметить, что в связи с медленным формированием сети школьных учреждений в местах массового водворения переселенцев-новоселов, доля учащихся среди детей школьного возраста (от 8 до 14 лет) у мигрантов столыпинского периода была меньше, чем у старожилов и более ранних переселенцев: 11,4 % против соответственно 14,1 и 15,7 %. Более низкими у детей столыпинских переселенцев являются и другие показатели, характеризующие уровень детской грамотности: доля умеющих «читать и писать» и «читать» ([Таблица 2](#)).

Это означает, что для детей мигрантов на этапе первоначальной адаптации переселенческих семей на новых местах жительства переселение в Сибирь означало сокращение возможностей в получении образования не только по сравнению с теми, что они имели на родине, но и сравнительно с общесибирскими условиями.

Уровень грамотности алтайских крестьян к 1917 г. возрос в три раза со времени Первой всеобщей переписи населения в Российской империи, проведенной в 1897 г., когда в Томской губернии, в территорию которой входил Алтайский округ, среди всего сельского населения грамотных было лишь 8,5 %, а среди «лиц сельского состояния» (крестьян и казаков) – 7,8 % ([Зверева, Зверев, 2013: 55](#)). Однако по уровню грамотности сибирские регионы еще значительно уступали Европейской России, где уровень грамотности сельского населения в возрасте 10 лет и

старше в 1917 г. достигал 37,4 % (Миронов, 1991: 81), а охват начальным обучением детей школьного возраста, проживавших в сельской местности, по данным на 1911 г., составлял 28,3 %. Министерство народного просвещения предполагало к 1920 г. в 34 губерниях европейской части Российской империи ввести всеобщее начальное образование (Россия..., 1995: 343-344).

Таблица 2. Доля грамотных и учащихся среди детей школьного возраста (8–14 лет) в разных поселенческих группах сельского населения Алтайского округа (Крестьянские хозяйства, 2009)

Категории грамотности	Старожилы	Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.	Переселенцы столыпинского периода (1907–1917 гг.)	Всего
Учащиеся, в том числе:	14,1	15,7	11,4	14,0
мальчики	18,1	20,4	15,3	18,1
девочки	9,9	11,0	7,4	9,7
Умеют читать и писать, в том числе:	9,2	9,7	8,4	9,1
мальчики	13,3	14,2	10,3	12,7
девочки	4,8	5,3	6,5	5,4
Умеют читать, в том числе:	1,2	1,3	1,1	1,2
мальчики	1,8	1,5	1,6	1,6
девочки	0,5	1,1	0,6	0,8
Неграмотные, в том числе:	75,5	73,3	69,2	75,7
мальчики	66,8	63,9	72,8	67,6
девочки	84,8	82,6	85,5	84,1

Учет гендерного аспекта при определении уровня грамотности алтайского крестьянства показывает, что во взрослом населении всех поселенческих групп доля грамотных женщин была в 5 раз меньше, чем обученных грамоте мужчин (Таблица 1), а у детей в возрасте от 8 до 14 лет удельный вес грамотных среди девочек был в два раза меньше, чем среди мальчиков (Таблица 2).

Таким образом, несмотря на тенденцию к сокращению разрыва между мужской и женской грамотностью в новых поколениях, в целом в крестьянской среде продолжали преобладать патриархальные воззрения на роль женщины как домохозяйки, жены и матери, поэтому образование подавляющего большинства девочек сводилось к передаче им прикладных знаний по ведению домашнего хозяйства (84 % девочек школьного возраста к 1917 г. были неграмотными). Особенную живучесть они сохраняли в старожильской деревне.

Хотя в целом широкое использование труда детей в сельскохозяйственных работах отвлекало их от занятий в школе, анализ материалов базы данных не позволяет судить о значительной зависимости между показателями, характеризующими уровень детской грамотности и занятость детей в полевых работах. Так, 27,2 % мальчиков в возрасте от 10 до 14 лет, которые были учтены при проведении переписи как учащиеся, привлекались в своих семейных хозяйствах к посевным работам, а 34,3 % – к уборке урожая, тогда как среди мальчиков этой же возрастной группы, учтенных как неграмотные (не посещавшие школу и не владевшие азами грамоты), доля участвовавших в сельскохозяйственных работах была лишь немногим выше: по указанным видам работ она составляла соответственно 28,3 и 36,6 %. Ограниченность влияния привлечения детей к сельскохозяйственным работам в качестве фактора, снижавшего их охват школьным образованием, определялась сезонностью сельскохозяйственных работ, проведение которых не совпадало со временем учебного процесса.

Наиболее трудно осознание необходимости обучения детей в школе утверждалось в районах распространения сезонных промыслов, требовавших использования подросткового труда зимой, в учебное время (Зверева, Зверев, 2013: 52). Так, все учтенные в ходе переписи подростки в возрасте от

12 до 17 лет, занятые в охотничьем промысле, были неграмотными. В целом лишь 14,3 % мальчиков и подростков в возрасте от 11 до 17 лет, у которых в анкетах переписи было отмечено их участие в добывающих промыслах (охота, рыболовство, сбор кедровых орехов), были грамотными или обучались в школе. С другой стороны, почти 2/3 мальчиков и подростков в возрасте от 10 до 17 лет (62,8 %), принимавших участие в обрабатывающих промыслах (кузнечном, маслодельном, мукомольном, кожевенном, деревообрабатывающих и др.), были грамотными или учащимися, что в 1,5 раза превышает соответствующий показатель по этой половозрастной группе среди лиц, не занятых в промыслах (40,7 %). Это объясняется как более высоким уровнем зажиточности семей крестьян-ремесленников и мелких товаропроизводителей, так и востребованностью навыков письма и счета во многих обрабатывающих промыслах. В целом вовлеченность в кустарные обрабатывающие промыслы являлась фактором, повышавшим уровень грамотности не только взрослого сельского населения, но и привлекаемого к участию в них подрастающего поколения.

Таблица 3. Уровень грамотности членов домохозяйств разных посевных групп (Крестьянские хозяйства, 2009)

	Группа хозяйств по посеву						Взрослое население			Дети школьного возраста (8–14 лет)								
	От 12 до 25 дес.	От 4 до 12 дес.	До 4 дес.	Без посева	мужчины		женщины		в целом		мальчики	девочки		в целом				
					грамотные	неграмотные	грамотные	неграмотные	грамотные	неграмотные		грамотные	учащиеся		неграмотные	грамотные	учащиеся	неграмотные
46,6	38,8	37,8	39,2	37,8	62,2	6,9	88,0	25,6	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
53,4	61,2	62,2	60,8	62,2	6,9	93,1	25,6	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3	77,7
9,4	6,4	6,9	12,0	6,9	93,1	22,3	88,0	25,6	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
90,6	93,6	93,1	88,0	93,1	22,3	77,7	25,6	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3	77,7
28,6	23,0	22,3	25,6	22,3	77,7	10,2	88,0	25,6	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
71,4	77,0	77,7	74,4	77,7	10,2	14,9	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
18,9	13,8	10,2	11,7	10,2	14,9	74,9	11,7	15,8	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
21,3	17,4	14,9	15,8	14,9	74,9	5,4	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
59,8	68,8	74,9	72,5	74,9	5,4	8,8	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
7,8	5,2	5,4	8,4	5,4	8,8	85,8	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
11,8	7,9	8,8	11,7	8,8	85,8	7,8	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
80,4	86,9	85,8	79,9	85,8	7,8	11,8	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
13,5	9,6	7,8	10,0	7,8	11,8	80,4	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
16,7	12,7	11,8	13,7	11,8	80,4	69,8	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
69,8	77,7	80,4	76,3	80,4	69,8													

Все домо- хозяйства	Более 25 дес.
41,3	54,9
58,7	45,1
8,0	12,9
92,0	87,1
25,0	34,7
75,0	65,3
14,3	20,2
18,1	26,2
67,6	53,6
6,2	9,7
9,7	17,6
84,1	72,7
10,3	15,3
14,0	22,2
75,7	62,5

Как показывают данные [Таблицы 3](#), самый низкий уровень грамотности в ходе переписи был зафиксирован среди взрослого и детского населения группы бедняцких малопосевных хозяйств (с посевом до 4 дес.). Семьи крестьян-бедняков, являвшиеся, как правило, менее людными и имевшие более низкий уровень капиталовооруженности производственных занятий (обеспеченности рабочими лошадьми и усовершенствованным сельхозинвентарем в расчете на одного работника) (см.: [Разгон и др., 2013: 271](#)), чем зажиточные, зачастую не могли обойтись в своем домохозяйстве без систематического использования детского труда, а низкий уровень доходов таких семей часто не позволял обеспечить необходимые для организации обучения детей материальные условия (купить одежду и обувь, снять жилье в селениях, в которых размещались школы). Поэтому доля грамотных и учащихся среди детей в возрасте от 8 до 14 лет в семьях с посевом до 4 дес. (19,6 %) была в 1,5 раза меньше, чем в домохозяйствах с посевом от 12 до 25 дес. (30,2 %) и в 1,9 раза меньше, чем в крупнопосевных дворах с посевом 25 и более дес. (37,5 %) ([Таблица 3](#)).

Наиболее высокий уровень грамотности был зафиксирован у членов домохозяйств (взрослых и детей) высших посевных групп, что свидетельствует не только о наличии у них материальных возможностей для получения образования, но и о большей распространенности в среде зажиточного крестьянства социокультурных ценностных мотивов, обуславливающих появление осознания необходимости обучения детей в школе. Усиление процесса формирования потребностей в образовании в высшем экономическом слое крестьянства определялось ростом вовлеченности зажиточных крестьянских хозяйств в рыночную экономику и товарно-денежные отношения, обусловленной втягиванием Сибирского региона в модернизационные процессы, происходившие в Российской империи в начале XX века.

В отдельном рассмотрении нуждаются представленные в [Таблице 3](#) данные об уровне грамотности членов семей, входящих в группу беспосевных хозяйств. Сравнительный анализ этих данных показывает, что по уровню грамотности взрослого мужского населения, мальчиков и подростков школьного возраста эта группа сельского населения превосходила группы малопосевных (до 4 дес.) и середняцких (от 4 до 12 дес.) хозяйств и уступала только группам многопосевных (от 12 до 25 дес.) и крупнопосевных дворов (засевавших свыше 25 дес. пашни). А грамотность взрослого женского населения и девочек школьного возраста выше, чем в беспосевной группе, была только в самой экономически мощной из выделенных в [Таблице 3](#) групп алтайского крестьянства – с посевом более 25 дес.

Повышенный уровень грамотности взрослого мужского и женского населения группы беспосевных домохозяйств во многом объясняется более выраженным, чем у малопосевной и середняцкой групп, преобладанием в ее составе переселенческих семей (среди хозяйств с посевом до 4 дес. старожильческие составляли 36,4 %, с посевом от 4 до 12 дес. – 32,4 %, а среди беспосевных – 27,9 %), имевших, как было показано выше, в целом более высокий уровень грамотности по сравнению со старожилами. При этом в позднеимперский период, с облегчением условий для переселения, расширился приток из Европейской России в Сибирь крестьян-бедняков, часть из которых имела опыт отходничества, работы по найму на фабриках и заводах, где могла приобрести азы грамотности.

Важным фактором, определявшим более высокий средний уровень грамотности населения беспосевной группы, по сравнению с малопосевной (до 4 дес.) и середняцкой (с посевом от 4 до 12 дес.), было также наличие в ее составе относительно многочисленной прослойки ремесленно-торгового населения: анализ сведений о промысловых занятиях, содержащихся в базе данных, показывает, что 8,4 % взрослого мужского населения в беспосевных семьях занимались кустарными обрабатывающими промыслами, а 1,9 % – были заняты в торговой сфере, тогда как в хозяйствах с посевом до 4 дес. доля взрослых мужчин, занимавшихся обрабатывающими промыслами, не превышала 5,4 %, торговлей – 0,5 %, а в хозяйствах с посевом от 4 до 12 дес. – соответственно 3,2 и 0,3 %. Между тем показатели грамотности этой прослойки мужского населения в составе беспосевных домохозяйств составляли 70,6 % (промысловиков) и 74,3 % (занятых в торговле), что существенно выше средних значений мужской грамотности по беспосевной группе (39,2 %) и сельскому населению Алтайского округа (41,3 %).

Повышенным удельным весом ремесленно-торгового населения характеризовался состав и женского населения беспосевных домохозяйств: в обрабатывающих промыслах было занято 2,2 % всех взрослых женщин, в торговле – 0,7 % (тогда как доля этих групп женского населения в домохозяйствах с посевами составляла соответственно лишь 0,3 и 0,07 %). Показатели грамотности этой группы женского населения (среди промысловиков – 56,4 %, торговцев – 46,2 %) в 4–5 раз превосходили средний показатель грамотности женского населения беспосевной группы (12 %) и в 6–7 – средний показатель грамотности взрослого женского населения в целом по округу (8 %).

Относительно высокой среди населения беспосевных хозяйств была и прослойка населения с практически стопроцентной грамотностью – лиц, занятых в профессиях, связанных с умственным трудом или административным управлением (учитель, писарь, священнослужитель, фельдшер, конторщик, староста, лесничий и др.): среди мужчин – 2,5 %, женщин – 1,1 %, тогда как в хозяйствах, имевших посевы, доля данной категории населения была на порядок меньше: среди мужчин – 0,3 %, женщин – 0,07 %.

Содержащиеся в [Таблице 3](#) данные, показывающие более широкий охват школьным образованием детей, проживавших в беспосевных домохозяйствах, по сравнению с малопосевными и середняцкими семьями, отражают взаимосвязь между уровнем грамотности взрослого и детского населения, вызванную стремлением овладевших грамотой родителей предоставить возможность получения образования своим детям.

Анализ результатов переписи 1917 г. позволяет конкретизировать представление о влиянии процесса пролетаризации деревни на уровень грамотности сельского населения.

Среди сроковых (нанятых на срок более одного месяца) взрослых наемных работников мужского пола, занятых на учтенных в ходе переписи обрабатывающих предприятиях, расположенных в сельской местности, и записанных, согласно программе ее проведения, в составе домохозяйств собственников этих заведений, грамотность достигала 60 %, что 1,5 раза превышает средний показатель грамотности сельского взрослого мужского населения округа (41,3 %). Анализ показателей, полученных в результате обработки данных переписи о промысловых занятиях населения (а наем на промышленные предприятия учитывался как разновидность промыслов), показывает, что в целом среди взрослых сельских жителей мужского пола, нанимавшихся для работы в обрабатывающих производствах, горной промышленности, железнодорожном строительстве, грамотных было 42,9 %, что немногим превышает показатель грамотности всего сельского мужского населения округа (41,3 %).

Однако влияние процесса пролетаризации сельского населения округа как фактора повышения общего уровня грамотности ограничивалось тем обстоятельством, что основная часть пауперизованного сельского населения уходила из своих семей для работы не на промышленные предприятия, а из-за низкого уровня развития промышленности в регионе – в хозяйства других, более зажиточных крестьян. А грамотность данной категории сельских пролетариев находилась на более низком уровне, чем грамотность тех, чье раскрестьянивание было связано с отходом для работы в промышленности. Так, среди лиц в возрасте 18 лет и старше, у которых в ходе переписи был зафиксирован в качестве промыслового занятия наем на сельскохозяйственные работы (сельхозработник, батрак, поденщик, пастух), грамотные составляли 23,3 %, в том числе среди мужчин – 33,9 %, женщин – 6,5 %, что меньше представленных в [Таблице 1](#) соответствующих средних показателей по сельскому населению: 25 %, 41,3 % и 8,0 %. Еще более низким уровень грамотности был у сроковых рабочих мужского пола, учитываемых при проведении переписи в составе домохозяйств крестьян-наимателей и занятых преимущественно в сельскохозяйственных работах в этих домохозяйствах, – 29,4 % (в 1,4 меньше среднего показателя грамотности взрослых мужчин по округу). Лишь у сроковых работников женского пола он оказался выше среднего значения (11,5 против 8 %), из чего можно предположить, что в функции части из них, помимо работы в хозяйстве, возможно, могло входить обучение детей хозяина азам грамоты на дому.

В целом сельскохозяйственные рабочие, представлявшие самую малоимущую группу населения, имели наиболее низкий уровень грамотности среди различных социальных групп сельского населения Алтайского округа.

5. Заключение

Повышенный уровень грамотности взрослого переселенческого населения в сравнении со старожилами Алтайского округа определялся более высоким уровнем развития начального образования в Европейской России и отражал позитивное влияние массового переселенческого движения на уровень грамотности населения региона. Вместе с тем первоначальная адаптация переселенцев на новых местах жительства была сопряжена с уменьшением возможностей для детей мигрантов в получении школьного образования. Из-за нехватки учебных заведений в местах водворения переселенцев, прибывших в Алтайский округ в период столыпинских реформ, доля обучавшихся в начальной школе детей школьного возраста в данной поселенческой группе была меньше, чем у старожилов и переселенцев более раннего времени.

Зафиксированный в ходе переписи разрыв в уровне грамотности между мужским и женским населением – пятикратный среди взрослых и двукратный среди детей школьного возраста – свидетельствует, с одной стороны, о происходившем в позднеимперский период сокращении исторически сложившегося отставания в уровне грамотности женского населения, а с другой – о значительной устойчивости распространенных в крестьянской среде, в особенности среди старожил, патриархальных представлений, сводящих социальную роль женщины к выполнению функций домохозяйки и хранительницы домашнего очага.

Анализ различий в уровне грамотности социальных групп сельского населения, дифференцированных по размеру посева, показывает, что наиболее низкий уровень грамотности был характерен для группы бедняцких малопосевных домохозяйств, а самый высокий – для зажиточных многопосевных крестьянских семей, активно втягивавшихся в рыночные отношения под воздействием модернизационных процессов, происходивших в Российской империи в начале XX века. Беспосевные домохозяйства превосходили по уровню грамотности малопосевные и середняцкие из-за наличия в них относительно более многочисленной прослойки ремесленно-торгового населения и лиц умственного труда. Выше среднего значения был уровень грамотности сельских пролетариев, нанимавшихся для работы на промышленные предприятия, а наиболее низкий уровень грамотности из всех групп сельского населения имели сельскохозяйственные рабочие.

В целом грамотность сельского населения в предреволюционный период в рассматриваемом регионе была ниже, чем в Европейской России, и находилась на уровне, характерном для начального этапа разложения традиционного общества.

Литература

Брукс, 1993 – Брукс Дж. Когда Россия научилась читать: грамотность и народная литература, 1861–1917 / Что мы читаем? Какие мы? СПб.: Рос. нац. б-ка, 1993. С. 151-171.

Войтеховская, 2011 – Войтеховская М.П. Развитие начального образования в Западно-Сибирском учебном округе в связи с планами введения всеобщего обучения // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2011. № 4 (16). С. 134-140.

Гач, 2011 – Гач О.Б. Развитие общего образования в Западно-Сибирском учебном округе в конце XIX – начале XX века // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2011. № 13 (115). С. 29-34.

Гизей, 2004 – Гизей Ю.Ю. Церковно-приходская школа Томской епархии (1884–1917 гг.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 141 с.

Зверева, 1983 – Зверева К.Е. Грамотность крестьянства Западной Сибири в период капитализма // *Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма.* Новосибирск: НГПИ, 1983. С. 116-128.

Зверева, 1988 – Зверева К.Е. Советская историография проблемы просвещения крестьянства Сибири эпохи капитализма // *Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы.* Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. С. 171-190.

Зверева, Зверев, 1992 – Зверева К.Е., Зверев В.А. Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири (1861–1914 гг.) / *Культурный потенциал Сибири в досоветский период: Межвуз. сб. науч. тр.* Новосибирск: НГПИ, 1992. С. 85-104.

Зверева, Зверев, 2013 – Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2013. 237 с.

Крестьянские хозяйства – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / Сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.

Куломзин, 1898 – Куломзин А.Н. Потребности начального образования в Сибири. СПб., 1898. 143 с.

Линьков, 1912 – Линьков А.И. Рост учебного дела в Восточной Сибири // *Сибирский архив.* 1912. № 7. С. 505-543.

Малиновский, 1910 – Малиновский И.А. Сибирь и вопросы культуры // *Сибирские вопросы.* 1910. № 47. С. 13-21.

Миронов, 1991 – Миронов Б.Н. История в цифрах. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. 168 с.

Панчуков, 1959 – Панчуков А.П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. 512 с.

Разгон и др., 2013 – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.

Россия..., 1995 – Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995. 416 с.

- Сапрыкин, 2009 – Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.
- Сысоева, 2010 – Сысоева Е.К. Общеобразовательная школа в России в условиях модернизации начала XX в. // *Вестник Московского университета*. 2010. Серия 8. История. № 2. С. 61-76.
- Тимофеева, 2012 – Тимофеева Ю.В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Сибпринт, 2012. 193 с.
- Харченко, 2005 – Харченко Л.Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. 510 с.
- Чудновский, 1892 – Чудновский С.Л. Школы в Сибири // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1892. № 1. С. 1-45.
- Цысь, Цысь, 2011 – Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. 305 с.
- Шамахов, 1957 – Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск: Изд-во ТГПИ, 1957. 268 с.
- Шольц, 1903 – Шольц Е.Г. Нужды сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губернии в сравнении с губерниями земскими. Красноярск, 1903. 155 с.
- Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428-436.
- Barabash et al., 2021a – Barabash V.V, Bulgarova B.A., Poplavskaya N.V., Terechik L.B. The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 726-737.
- Barabash et al., 2021b – Barabash V.V, Bulgarova B.A., Poplavskaya N.V., Terechik L.B. The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1233-1245.
- Magsumov, 2014 – Magsumov T.A. (2014). Main approaches to the study of historical and educational process // *Bylye Gody*. 2014. 34(4): 720-726.
- Magsumov, Zulfugarzade, 2020 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1113-1123.
- Natolochnaya et al., 2016 – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 222-228.

References

- Barabash et al., 2021a – Barabash, V.V, Bulgarova, B.A., Poplavskaya, N.V., Terechik, L.B. (2021). The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 1. *Bylye Gody*. 16(2): 726-737.
- Barabash et al., 2021b – Barabash, V.V, Bulgarova, B.A., Poplavskaya, N.V., Terechik, L.B. (2021). The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 2. *Bylye Gody*. 16(3): 1233-1245.
- Bruks, 1993 – Bruks, Dzh. (1993). Kogda Rossiya nauchilas' chitat': gramotnost' i narodnaya literatura, 1861–1917 [When Russia Learned to Read: Literacy and Folk Literature, 1861–1917]. Chto my chitaem? Kakie my? SPb.: Ros. nats. b-ka. Pp. 151-171. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.
- Chudnovskii, 1892 – Chudnovskii, S.L. (1892). Shkoly v Sibiri [Schools in Siberia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1: 1-45. [in Russian]
- Gach, 2011 – Gach, O.B. (2011). Razvitie obshchego obrazovaniya v Zapadno-Sibirskom uchebnom okruge v kontse XIX–nachale XX veka [Development of general education in the West Siberian Educational District in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 13(115): 29-34. [in Russian]
- Gizei, 2004 – Gizei, Yu.Yu. (2004). Tserkovnoprikhodskaya shkola Tomskoi eparkhii (1884–1917 gg.) [Parish School of the Tomsk Diocese (1884–1917)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 141 p. [in Russian]
- Kharchenko, 2005 – Kharchenko, L.N. (2005). Pravoslavnaya tserkov' v kul'turnom razvitií Sibiri (vtoraya polovina XIX v. – fevral' 1917 g.): ocherk istorii [The Orthodox Church in the cultural development of Siberia (the second half of the XIX century – February 1917): an essay on history]. SPb.: Izd-vo Politekhn. un-та. 510 p. [in Russian]
- Krest'yanskíe khozyaistva – Krest'yanskíe khozyaistva Altaiskoi gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917] [Electronic resource]: baza dannyykh. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov,

- K.A. Pozharskaya. Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. – 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). № gosregistratsii 2009620044. [in Russian]
- Kulomzin, 1898** – *Kulomzin, A.N.* (1898). Potrebnosti nachal'nogo obrazovaniya v Sibiri [The needs of primary education in Siberia]. SPb. 143 p. [in Russian]
- Lin'kov, 1912** – *Lin'kov, A.I.* (1912). Rost uchebnogo dela v Vostochnoi Sibiri [The growth of education in Eastern Siberia]. *Sibirskii arkhiv*. 7: 505-543. [in Russian]
- Magsumov, 2014** – *Magsumov, T.A.* (2014). Main approaches to the study of historical and educational process. *Bylye Gody*. 34(4): 720-726.
- Magsumov, Zulfugarzade, 2020** – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1. *Bylye Gody*. 57(3): 1113-1123.
- Malinovskii, 1910** – *Malinovskii, I.A.* (1910). Sibir' i voprosy kul'tury [Siberia and cultural issues]. *Sibirskie voprosy*. 47: 13-21. [in Russian]
- Mironov, 1991** – *Mironov, B.N.* (1991). Istoriya v tsifrakh [History in numbers]. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie. 168 p. [in Russian]
- Natolochnaya et al., 2016** – *Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I.* (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222-228.
- Panchukov, 1959** – *Panchukov, A.P.* (1959). Istoriya nachal'noi i srednei shkoly Vostochnoi Sibiri [The history of primary and secondary schools in Eastern Siberia]. Ulan-Ude: Buryatckoe knizhnoe izd-vo. 512 p. [in Russian]
- Razgon i dr., 2013** – *Razgon, V.N., Khramkov, A.A., Pozharskaya, K.A.* (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Azbuka, 348 p. [in Russian]
- Rossiia..., 1995** – *Rossiia*. 1913 god. Statistiko-dokumental'nyi spravocchnik [Russia. 1913. Statistical and documentary reference]. SPb.: Blits, 1995. 416 p. [in Russian]
- Saprykin, 2009** – *Saprykin, D.L.* (2009). Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi Imperii [The educational potential of the Russian Empire]. M.: IIET RAN. 176 p. [in Russian]
- Shamakhov, 1957** – *Shamakhov, F.F.* (1957). Shkola Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.) [The School of Western Siberia in the late XIX – early XX century]. Tomsk, Izd-vo TGPI. 268 p. [in Russian]
- Shol'ts, 1903** – *Shol'ts, E.G.* (1903). Nuzhdy sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti v Eniseiskoi gubernii v sravnenii s guberniyami zemskimi [The needs of the agricultural industry in the Yenisei province in comparison with the Zemstvo provinces]. Krasnoyarsk, 155 p. [in Russian]
- Sysoeva, 2010** – *Sysoeva, E.K.* (2010). Obshcheobrazovatel'naya shkola v Rossii v usloviyakh modernizatsii nachala XX v. [The general school in Russia in the conditions of modernization of the beginning of the XX century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 8. Istoriya. 2: 61-76. [in Russian]
- Timofeeva, 2012** – *Timofeeva, Yu.V.* (2012). Knizhnaya kul'tura sel'skogo naseleniya Zapadnoi Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Book culture of the rural population of Western Siberia (late XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Sibprint. 193 p. [in Russian]
- Tsys', Tsys', 2011** – *Tsys', V.V., Tsys', O.P.* (2011). Obrazovanie i prosveshchenie na Severe Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX vv. [Education and enlightenment in the North of Western Siberia in the XIX – early XX centuries]. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta. 305 p. [in Russian]
- Voitekhovskaya, 2011** – *Voitekhovskaya, M.P.* (2011). Razvitie nachal'nogo obrazovaniya v Zapadno-Sibirskom uchebnom okruge v svyazi s planami vvedeniya vseobshchego obucheniya [Development of primary education in the West Siberian Educational District in connection with plans to introduce universal education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 4(16): 134-140. [in Russian]
- Zvereva, 1983** – *Zvereva, K.E.* (1983). Gramotnost' krest'yanstva Zapadnoi Sibiri v period kapitalizma [Literacy of the peasantry of Western Siberia during the period of capitalism]. Obraz zhizni sibirskogo krest'yanstva perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma. Novosibirsk: NGPI. Pp. 116-128. [in Russian]
- Zvereva, 1988** – *Zvereva, K.E.* (1988). Sovetskaya istoriografiya problemy prosveshcheniya krest'yanstva Sibiri epokhi kapitalizma [Soviet historiography of the Problem of Enlightenment of the Peasantry of Siberia in the Era of capitalism]. Khozyaistvennoe osvoinie Sibiri v period kapitalizma: istoriografiya problemy. Novosibirsk: Nauka. Pp. 171-190. [in Russian]
- Zvereva, 1992** – *Zvereva, K.E.* (1992). Vklad russkogo krest'yanstva v razvitie obrazovatel'nogo potentsiala Sibiri (1861–1914 gg.) [Contribution of the Russian peasantry to the development of the educational potential of Siberia (1861–1914)]. Kul'turnyi potentsial Sibiri v dosovetskii period. Novosibirsk: NGPI. Pp. 85-104. [in Russian]
- Zvereva, Zverev, 2013** – *Zvereva, K.E., Zverev, V.A.* (2013). Kak Sibir' uchilas' chitat': shkola, gramotnost' i kniga v russkoi derevne kontsa XIX – nachala XX veka [How Siberia learned to read: school, literacy and the book in the Russian village of the late XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: NGPU. 237 p. [in Russian]

**Грамотность сельского населения Алтайского округа в предреволюционный период
(на материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.)**

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Белянин ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. определяется уровень грамотности сельского населения Алтайского округа.

Массовое переселенческое движение в Сибирь являлось фактором, способствовавшим повышению уровня грамотности сельского населения региона. Но на этапе первоначальной адаптации на новых местах жительства уменьшалась возможность получения начального образования для детей мигрантов. Разрыв в уровне грамотности между мужчинами и женщинами сокращался в новых поколениях, но в крестьянской среде накануне революции 1917 г. все еще доминировали патриархальные представления о социальной роли женщин, в особенности в старожильческой деревне. Наиболее низкий уровень грамотности был характерен для группы бедняцких малопосевных хозяйств, а наивысший – для зажиточных крестьянских семей, активно втягивавшихся в товарно-денежные отношения под влиянием модернизационных процессов, происходивших в Российской империи в начале XX века. Беспосевные домохозяйства превосходили по уровню грамотности бедняцкие и середняцкие семьи из-за наличия в них относительно более грамотной ремесленно-торговой прослойки населения и лиц умственного труда. В целом грамотность сельского населения Алтайского округа находилась на уровне, характерном для начального этапа разложения традиционного общества.

Ключевые слова: грамотность, начальное образование, сельское население, крестьянство, база данных, сельскохозяйственная перепись, Алтайский округ, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 547-552
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.547

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

In Memory of Vladimir Gavrilovich Ivantsov (1947–2022)

Violetta S. Molchanova ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article attempts to consider the life path of a member of the editorial board of the journal “Bylye Gody”, a prominent historian, candidate of historical sciences Vladimir Gavrilovich Ivantsov (1947–2022).

The documents of Vladimir Gavrilovich Ivantsov were used as materials, namely: an autobiography (prepared by V.G. Ivantsov in 1997), a work book, diplomas and a certificate, a personal record sheet during his work at the USSR Academy of Sciences, lists of scientific papers and other documents. The work uses biographical, descriptive and historical-chronological methods, which are the main ones for conducting such a genre of research. The biographical method made it possible to extract the most important events from the life of V.G. Ivantsov. The descriptive method made it possible to gather disaggregated information from sources into a single text, and the historical-chronological method to construct a work taking into account the chronological sequence.

In conclusion, the author states that Vladimir Gavrilovich Ivantsov has passed a long life and professional path, dedicating almost all his mature years to the service of history. He went all the hard way from a laboratory assistant to the dean of the Faculty of History and Philology and devoted a lot of time to the research work. His research interests included various issues of the pre-revolutionary history of the Caucasus, such as ethnography, military history, social development of tribes and demographic processes. Besides this, he was engaged in public scientific and organizational work, being a member of the editorial board of the journal “Bylye Gody”.

Keywords: Vladimir Gavrilovich Ivantsov, June 24, 1947 – February 19, 2022, biography, candidate of historical sciences.

1. Введение

19 февраля 2022 г. на 74-м году ушел из жизни член редколлегии журнала «Былые годы», кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Владимир Гаврилович Иванцов. Владимир Гаврилович был в составе коллектива журнала с самого начала, с 2006 г. и своими знаниями, и авторитетом сделал много для развития этого периодического издания. В данной работе мы хотели бы сделать попытку рассмотреть жизненный путь этого выдающегося ученого.

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы документы Владимира Гавриловича Иванцова, а именно: автобиография (подготовлена В.Г. Иванцовым в 1997 г.), трудовая книжка, дипломы и аттестат, личный листок по учету кадров периода его работы в Академии наук СССР, списки научных трудов и другие документы.

В работе применены биографический, описательный и историко-хронологический методы, которые являются основными для проведения такого жанра исследований. Биографический метод

* Corresponding author

E-mail addresses: v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

позволил вычленил наиболее важные события из жизни В.Г. Иванцова. Описательный метод позволил связать разрозненную информацию из источников в единый текст, а историко-хронологический – выстроить работу с учетом хронологической последовательности.

3. Результаты

Начнем с кратких автобиографических сведений: Владимир Гаврилович Иванцов родился 24 июня 1947 г. в г. Вологда в семье военнослужащего. В 1954 г. он поступил в 1-й класс в селе Мангут Читинской области. В 1957–1958 гг. продолжал учебу в средней школе г. Москва. С 1958 по 1965 г. учился в средней школе № 2 в г. Ленинокан Армянской ССР, по месту службы отца. В 1966 г. поступил на дневное отделение исторического факультета Дагестанского государственного университета в г. Махачкала. С 1968 г. продолжал учебу в университете заочно и работал на производстве. В 1971–1991 гг. работал лаборантом, младшим научным, научным сотрудником, ученым секретарем института, заведующим отделом института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. В 1981 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Получил аттестат старшего научного сотрудника.

В 1991 г. вместе с семьей переехал на жительство в г. Сочи. С сентября 1991 г. по 2021 г. работал сперва в сочинском филиале Российского государственного педагогического университета (с 1997 г. – педагогический институт Сочинского государственного университета туризма и курортного дела, с 2011 г. – Сочинский государственный университет). С 1968 г. женат. Имеет троих детей.

Эта краткая автобиография скрывает в себе длинный жизненный путь выдающегося исследователя, специализирующегося на истории России и Кавказа, но обо всем по порядку.

Как было отмечено в автобиографии Владимир Гаврилович Иванцов родился 24 июня 1947 г. Его отцом был Гаврил Михайлович Иванцов, а матерью – Валентина Дмитриевна Иванцова. Так как отец был военнослужащим, то семья часто переезжала по разным гарнизонам, в результате Владимир учился и в Читинской области, и в Москве, окончил школу в Армении. Сразу после школы он устроился работать рабочим изолировщиком на предприятие «Энергомонтаж теплоизоляция» (г. Кашира Московской области), но проработав несколько месяцев, он возвращается назад в г. Ленинокан и устраивается в качестве ученика токаря на завод «Электродвигатель». Проработав там несколько месяцев, Владимир поступает на очное отделение Дагестанского госуниверситета. Однако в связи со сложным финансовым положением он переводится на заочное отделение и вновь возвращается в Ленинокан и к трудовой деятельности. В течение 1968 г. он сперва работает рабочим на заводе холодильных компрессоров, потом бетономешалщиком на промкомбинате «Ленстрой», но и там не задерживается надолго.

В мае 1968 г. он переезжает в Махачкалу, там начинается его Махачкалинский период жизни. В 1968 г. в возрасте 19-ти лет Владимир Гаврилович женился на Ларисе Владимировне, а уже в следующем году у них родился первый сын. Также как и в Ленинокане, учеба в университете и трудовая деятельность в Махачкале плохо сочетаются. Владимир Иванцов устраивается слесарем-станочником на бондарный завод, через несколько месяцев переходит монтировщиком в русский государственный театр им. М. Горького, но и там не задерживается надолго. В 1971 г. тогда еще студент В.Г. Иванцов поступает на работу в качестве лаборанта в Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Несмотря на низкую зарплату В.Г. Иванцов решает связать с этой деятельностью свою жизнь. В 1974 г. Иванцов оканчивает обучение в университете и получает высшее образование по специальности «Историк. Преподаватель истории и обществоведения». Ввиду того, что на его специальности не было военной кафедры, то после университета Иванцов оставался военнообязанным в звании рядового. В этом же году у него родился второй сын и наличие двух детей давало ему отсрочку от службы в армии.

Наличие профильного образования позволяет ему двигаться дальше по карьерной лестнице и уже в следующем 1975 году он становится младшим научным сотрудником, а уже в 1976 г. членом партии. В этой позиции он пробыл следующие 10 лет до 1985 г. За это время Владимир Гаврилович при Дагестанском государственном университете им. В.И. Ленина защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук – это произошло 17 февраля 1981 г. Однако отсутствие вакантных должностей старшего научного сотрудника не позволило молодому кандидату наук подняться выше. В результате, когда ему, спустя 4 года, в 1985 г. предложили должность ученого секретаря института Владимир Гаврилович соглашается. В 1985 г. у Владимира Гавриловича Иванцова рождается третий ребенок – дочь.

Несмотря на сложность бюрократической работы ученого секретаря В.Г. Иванцов делает правильный выбор, в результате в марте 1989 г. 41-летний кандидат наук становится заведующим отделом истории КПСС. В этот же период 1988–1989 гг. Владимир Гаврилович в туристических целях посещает несколько стран, тогда еще Варшавского Договора (Венгрия, Чехословакия и Болгария).

13 февраля 1990 г. решением Президиума Академии наук СССР Иванцову Владимиру Гавриловичу было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «История КПСС». 1 апреля 1991 г. в связи с упразднением отдела истории КПСС Иванцов был назначен временноисполняющим обязанности заведующего отдела источниковедения и

историографии, а уже 2 сентября Владимир Гаврилович увольняется по собственному желанию и переезжает в г. Сочи. В это время в Сочи создается Сочинский филиал Российского государственного педагогического университета, в результате той же датой (2 сентября 1991 г.) Владимир Гаврилович был зачислен в качестве доцента на кафедру истории и филологии.

14 апреля 1995 г. Владимир Гаврилович становится деканом историко-филологического факультета, а с 1999 г. заведующим кафедрой истории (совмещая эти должности – Авт.). В 2001 г. в ходе реорганизации В.Г. Иванцов оставляет должность декана, а в 2005 г. и позицию заведующего кафедрой. С этого времени Владимир Гаврилович много внимания уделяет научной работе.

В своей научно-исследовательской деятельности Владимир Гаврилович Иванцов фокусировался на дореволюционной истории Кавказа, сперва в контексте истории города-курорта Сочи, а позднее погружается в северокавказскую и закавказскую историю. По этой теме Владимир Гаврилович неоднократно принимал участие в финансируемых научно-исследовательских работах, выступал на многочисленных конференциях. С 2006 г. Владимир Гаврилович в составе редакционной коллегии журнала «Былые годы», его научные и личностные качества немало способствовали развитию этого журнала.

В 2010-е гг. Владимир Гаврилович отходит от исследования локальной истории (например: [Ivantsov, 2013](#)) и обращается к изучению Черкесии. В результате в ходе реализации государственного задания на тему «Кавказ в диалоге цивилизаций: механизмы глобальных изменений (опыт XVIII–XIX вв.)» (сроки выполнения 2014–2016 гг.) появляются следующие соавторские работы В.Г. Иванцова: о социальном положении в убыхском обществе ([Cherkasov et al., 2014](#); [Cherkasov et al., 2015](#)), о населении черноморского побережья Северо-западного Кавказа ([Cherkasov et al., 2014a](#); [Cherkasov et al., 2016](#)), о Кавказской войне в отражении журнала «Военный сборник» ([Cherkasov et al., 2014b](#)), о дореволюционной историографии Северного Кавказа ([Cherkasov et al., 2014c](#); [Ivantsov et al., 2015](#)), о традициях в черкесском обществе ([Cherkasov et al., 2015a](#); [Cherkasov et al., 2015b](#)), а также о взаимоотношениях между горцами и русской администрацией ([Ivantsov et al., 2014](#); [Ivantsov et al., 2017](#); [Ivantsov et al., 2018](#)).

В 2016 г. эта исследовательская группа все большее внимание начинает уделять и соседям черкесов – абхазам. В результате появляется работа о демографической ситуации на территории Абхазского княжества, эта работа охватывала период с 1800 по 1860-е гг. ([Cherkasov et al., 2016a](#)), обращали внимание авторы и на проблему уничтожения византийского историко-культурного наследия на территории Причерноморья ([Cherkasov et al., 2016b](#)), а также на особенности эволюции христианства на Кавказе в период с IV по XVIII века ([Cherkasov et al., 2016c](#)). Нужно пояснить, что обсуждения, подготовленных в ходе выполнения госзадания работ, носили жаркий дискуссионный характер. В этих обсуждениях Владимир Гаврилович часто старался завуалировать часть полученных группой ярких результатов, а если этого не удавалось сделать, то смягчить их.

В 2017 г. группа приступила к сложному проекту подсчета потерь Русской армии в период Кавказской войны ([Cherkasov et al., 2017](#)). Это исследование навело на мысль, что причина продолжительности Кавказской войны могла крыться в ставших традициями – набеговыми практиками с целью захвата рабов с последующей работорговлей. В результате появляется целый цикл статей о работорговле и истории этого явления на Кавказе. Сперва была резонансная статья с попыткой заглянуть на борт турецкого работоргового судна ([Cherkasov et al., 2017a](#)), затем об эволюции института работорговли на Кавказе ([Cherkasov et al., 2018](#)).

В 2019 г. Владимир Гаврилович тяжело заболел... В последние годы Владимир Гаврилович продолжал развивать увлекшую его тему и уделял внимание, в том числе этнографии кавказских племен ([Ivantsov et al., 2020](#)), затрагивал историю имперской системы народного образования ([Natolochnaya et al., 2020](#)), а также региональные особенности Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. ([Taran et al., 2020](#)).

Последняя работа Владимира Гавриловича была о таможенной службе на Кавказе в дореволюционный период, которая готовилась им и его группой весной-летом 2021 г. ([Ivantsov et al., 2021](#)). Планировались и другие проекты, но их уже довести до конца было не суждено.

4. Заключение

Владимир Гаврилович Иванцов прошел долгий жизненный и профессиональный путь, положив практически все свои зрелые годы на дело служения истории. Он прошел всю тяжелую дорогу от лаборанта до декана историко-филологического факультета и много времени посвятил научно-исследовательской работе. В сферу его научных интересов входили различные вопросы дореволюционной истории Кавказа, это: и этнография, и военная история, и социальное развитие племен, и демографические процессы. Помимо этого он занимался и общественной научно-организационной работой, будучи членом редакционной коллегии журнала «Былые годы».

Литература

- [Cherkasov et al., 2014](#) – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., (...), Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The “nobility” and “commoners” in ubykh society: The reasons behind the social conflict // *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 2014. 8(3): 116-124.
- [Cherkasov et al., 2014a](#) – Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. Hillmen of the Black Sea Province (early XIX century): Geography, demography, antropology // *Bylye Gody*. 2014. 32(2): 150-154.
- [Cherkasov et al., 2014b](#) – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., (...), Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal) // *Bylye Gody*. 2014. 33(3): 417-422.
- [Cherkasov et al., 2014c](#) – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., (...), Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The north Black Sea region (the 18th – 19th centuries): A historiographical survey // *Bylye Gody*. 2014. 34(4): 536-540.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich, E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. The moving of the Ubykhs to the Russian service as a result of the peace initiatives in the first half of the 1840s years // *Bylye Gody*. 2015. 37(3): 541-548.
- [Cherkasov et al., 2015a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The daily life and morals of circassian society: A historical-comparative investigation based on sources from the period between the mid-16th and the first half of the 19th centuries // *Brukenthal. Acta Musei*. 2015. 10(1): 73-88.
- [Cherkasov et al., 2015b](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Molchanova V.S. Russia and circassia: The problems of mutual relations and their features (the late 18th – the early 19th centuries) // *Rusin*. 2015. 42(4): 53-65.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel, M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 382-391.
- [Cherkasov et al., 2016a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53-66.
- [Cherkasov et al., 2016b](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. The destruction of the christian historical-cultural heritage of the Black Sea area: Trends and characteristics (the late 18th and first half of the 19th centuries) // *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia*. 2016. 26(1): 1-12.
- [Cherkasov et al., 2016c](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The evolution of christianity in the caucasus in the IV-XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2016. 41(3): 555-564.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68-85.
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The list of captives from the Turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century // *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia*. 2017. 27(4): 851-864.
- [Cherkasov et al., 2018](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Šmigel' M., Bratanovskii S.N. Evolution of the institution of the slave trade in the caucasus in the IV-XIX centuries // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1334-1346.
- [Ivantsov et al., 2014](#) – Ivantsov V.G., Šmigel' M., Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. Interaction of the Russian State and Terek Cossacks: Mechanisms and results (XVIII-XIX centuries) // *Bylye Gody*. 2014. 31(1): 5-12.
- [Ivantsov et al., 2015](#) – Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Tarakanov V.V., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. Russian and foreign authors of the late 18th - 19th Centuries on the North-West and Central Caucasus (the historiographical and historical aspects): Part 1 // *Bylye Gody*. 2015. 35(1): 70-80.
- [Ivantsov et al., 2017](#) – Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valleau A. The policy of the Caucasian authorities regarding the mountaineers of circassia who fled to the Russian side (1815-1861) // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 871-877.
- [Ivantsov et al., 2018](#) – Ivantsov V.G., Makarov Y.N., Zimovets L.G., Shevchenko N.A. The Policy of the Tsarist Authorities to Involve Mingrelia in the Political and Legal Space of the Russian Empire (1774-1857) // *Bylye Gody*. 2018. 49(3): 1019-1027.
- [Ivantsov et al., 2020](#) – Ivantsov V., Cherkasov, A., Bratanovskii S., Koroleva L. The population of imereti, mingrelia, and guria in the first half of the nineteenth century: Lifestyles and morals // *Muzeologia a Kulturne Dedicstvo*. 2020. 8(1): 67-77.
- [Ivantsov et al., 2021](#) – Ivantsov V.G., Molchanova V.S., Potapova, I.I., Makarov Y.N. Russian customs system and its functioning in Western transcaucasia (early 19th century – 1861) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1132-1140.
- [Ivantsov, 2013](#) – Ivantsov V.G. A.V. Vereshchagin's work «Travel notes on the black sea okrug» as a historical source // *Bylye Gody*. 2013. 27(1): 79-91.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov V.G.* The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804-1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.

[Taran et al., 2020](#) – *Taran K.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G.* Russian-Turkish war of 1877-1878: Combat operations of the sochi detachment in the Sukhum Military Department // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2708-2719.

References

[Cherkasov et al., 2014](#) – *Cherkasov, A.A., Menkovsky, V.I., Ivantsov, V.G., (...), Molchanova, V.S., Natolochnaya, O.V.* (2014). The “nobility” and “commoners” in ubykh society: The reasons behind the social conflict. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 8(3): 116-124.

[Cherkasov et al., 2014a](#) – *Cherkasov, A.A., Šmigel, M., Ivantsov, V.G., Ryabtsev, A.A., Molchanova, V.S.* (2014). Hillmen of the Black Sea Province (early XIX century): Geography, demography, anthropology. *Bylye Gody*. 32(2): 150-154.

[Cherkasov et al., 2014b](#) – *Cherkasov, A.A., Menkovsky, V.I., Ivantsov, V.G., (...), Molchanova, V.S., Natolochnaya, O.V.* (2014). The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal). *Bylye Gody*. 33(3): 417-422.

[Cherkasov et al., 2014c](#) – *Cherkasov, A.A., Menkovsky, V.I., Ivantsov, V.G., (...), Molchanova, V.S., Natolochnaya, O.V.* (2014). The north Black Sea region (the 18th – 19th centuries): A historiographical survey. *Bylye Gody*. 34(4): 536-540.

[Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Ustinovich, E.S., Kryukova, N.I., Molchanova, V.S.* (2015). The moving of the Ubykhs to the Russian service as a result of the peace initiatives in the first half of the 1840s years. *Bylye Gody*. 37(3): 541-548.

[Cherkasov et al., 2015a](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2015). The daily life and morals of circassian society: A historical-comparative investigation based on sources from the period between the mid-16th and the first half of the 19th centuries. *Brukenthal. Acta Musei*. 10(1): 73-88.

[Cherkasov et al., 2015b](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Ustinovich, E.S., Molchanova, V.S.* (2015). Russia and circassia: The problems of mutual relations and their features (the late 18th – the early 19th centuries). *Rusin*. 2015. 42(4): 53-65.

[Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2): 382-391.

[Cherkasov et al., 2016a](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Shmigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66.

[Cherkasov et al., 2016b](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Metreveli, R.V., Molchanova, V.S.* (2016). The destruction of the christian historical-cultural heritage of the Black Sea area: Trends and characteristics (the late 18th and first half of the 19th centuries). *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia*. 26(1): 1-12.

[Cherkasov et al., 2016c](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2016). The evolution of christianity in the caucasus in the IV-XVIII centuries. *Bylye Gody*. 41(3): 555-564.

[Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

[Cherkasov et al., 2017a](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2017). The list of captives from the Turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia*. 27(4): 851-864.

[Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel, M., Bratanovskii, S.N.* (2018). Evolution of the institution of the slave trade in the caucasus in the IV-XIX centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1334-1346.

[Ivantsov et al., 2014](#) – *Ivantsov, V.G., Šmigel, M., Cherkasov, A.A., Ryabtsev, A.A., Molchanova, V.S.* (2014). Interaction of the Russian State and Terek Cossacks: Mechanisms and results (XVIII-XIX centuries). *Bylye Gody*. 31(1): 5-12.

[Ivantsov et al., 2015](#) – *Ivantsov, V.G., Cherkasov, A.A., Tarakanov, V.V., Molchanova, V.S., Natolochnaya, O.V.* (2015). Russian and foreign authors of the late 18th - 19th Centuries on the North-West and Central Caucasus (the historiographical and historical aspects): Part 1. *Bylye Gody*. 35(1): 70-80.

[Ivantsov et al., 2017](#) – *Ivantsov, V.G., Cherkasov, A.A., Smigel, M., Valleau, A.* (2017). The policy of the Caucasian authorities regarding the mountaineers of circassia who fled to the Russian side (1815-1861). *Bylye Gody*. 45(3): 871-877.

[Ivantsov et al., 2018](#) – *Ivantsov, V.G., Makarov, Y.N., Zimovets, L.G., Shevchenko, N.A.* (2018). The Policy of the Tsarist Authorities to Involve Mingrelia in the Political and Legal Space of the Russian Empire (1774-1857). *Bylye Gody*. 49(3): 1019-1027.

Ivantsov et al., 2020 – *Ivantsov, V., Cherkasov, A., Bratanovskii, S., Koroleva, L.* (2020). The population of imereti, mingrelia, and guria in the first half of the nineteenth century: Lifestyles and morals. *Muzeologia a Kulturne Dedicstvo*. 8(1): 67-77.

Ivantsov et al., 2021 – *Ivantsov, V.G., Molchanova, V.S., Potapova, I.I., Makarov, Y.N.* (2021). Russian customs system and its functioning in Western transcaucasia (early 19th century – 1861). *Bylye Gody*. 16(3): 1132-1140.

Ivantsov, 2013 – *Ivantsov, V.G.* (2013). A.V. Vereshchagin's work «Travel notes on the black sea okrug» as a historical source. *Bylye Gody*. 27(1): 79-91.

Natolochnaya et al., 2020 – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804-1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.

Taran et al., 2020 – *Taran, K.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G.* (2020). Russian-Turkish war of 1877-1878: Combat Operations of the Sochi Detachment in the Sukhum Military Department. *Bylye Gody*. 58(4): 2708-2719.

Памяти Владимира Гавриловича Иванцова (1947–2022 гг.)

Виолетта Сергеевна Молчанова ^{a, b, *}

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть жизненный путь члена редакционной коллегии журнала «Былые годы», видного историка, кандидата исторических наук Владимира Гавриловича Иванцова (1947–2022 гг.).

В качестве материалов были использованы документы Владимира Гавриловича Иванцова, а именно: автобиография (подготовлена В.Г. Иванцовым в 1997 г.), трудовая книжка, дипломы и аттестат, личный листок по учету кадров периода его работы в Академии наук СССР, списки научных трудов и другие документы. В работе применены биографический, описательный и историко-хронологический методы, которые являются основными для проведения такого жанра исследований. Биографический метод позволил вычлениить наиболее важные события из жизни В.Г. Иванцова. Описательный метод позволил связать разрозненную информацию из источников в единый текст, а историко-хронологический – выстроить работу с учетом хронологической последовательности.

В заключении автор отмечает, что Владимир Гаврилович Иванцов прошел долгий жизненный и профессиональный путь, посвятив практически все свои зрелые годы на дело служения истории. Он прошел всю тяжелую дорогу от лаборанта до декана историко-филологического факультета и много времени посвятил научно-исследовательской работе. В сферу его научных интересов входили различные вопросы дореволюционной истории Кавказа, это: и этнография, и военная история, и социальное развитие племен, и демографические процессы. Помимо этого он занимался и общественной научно-организационной работой, будучи членом редакционной коллегии журнала «Былые годы».

Ключевые слова: Владимир Гаврилович Иванцов, 24 июня 1947 г. – 19 февраля 2022 г., биография, кандидат исторических наук.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.molchanova_1991@list.ru (В.С. Молчанова)